Даръ 30 окт 1906 (Экземп. № 32)
58 6/29

Pro domo sua.

Стороженки.

Фамильный архивъ.

Томъ вторый.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

КІЕВЪ, 1906.

Pro domo sua.

Стороженки.

Фамильный архивъ.

Томъ второй.

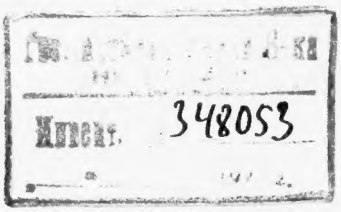
КІЕВЪ, 1906.

Настоящее изданіе выпущено въ количествѣ 200 нумерованныхъ экземпляровъ.

№ 32.

Въ Библіотеку Московскаго Историческаго Музея.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 9 августа 1906 г.



Кіевъ, Типографія Г. Л. Фроицкевича и К°, Анненковская улица, домъ № 3.

Предисловіе.

Въ предисловіи къ I-му тому Фамильнаго Архива мы говорили, что цѣлью предпринятаго изданія является сбереженіе для будущихъ поколѣній нашего рода тѣхъ фамильныхъ бумагъ, которыя случайно собрались теперь въ нашихъ рукахъ. Въ нынѣшнее смутное время сохраненіе дворянскихъ родовыхъ архивовъ путемъ печатнаго изданія ихъ представляется особенно настоятельно-необходимымъ въ виду того погромнаго похода, который, при полномъ параличѣ законной правительственной власти, воздвигнутъ евреями и соціалистами разныхъ оттѣнковъ противъ усадьбъ русскаго помѣстнаго дворянства. Обрекая старыя дворянскія гнѣзда на сожженіе, чтобы при заревѣ этой „иллюминаціи“, по выраженію гг. Герценштейна, Петрункевича и К^0, устроить похороны великой исторической Россіи, „освободители“ вмѣстѣ съ тѣмъ посягаютъ и на тотъ архивный матеріалъ, который помогъ бы впослѣдствіи написать правдивую исторію русской культуры за послѣдніе два вѣка и оградилъ бы будущія русскія поколѣнія отъ вліянія той ужасающей лжи относительно нашего прошлаго, какая въ изобиліи сочиняется и насаждается въ умахъ толстыми журналами и газетами ради созданія среди невѣжественнаго общества извѣстнаго благопріятнаго погромщикамъ настроенія. Для возстановленія въ будущемъ истины весьма важно, чтобы уцѣлѣли памятники и той жизни, которую безпощадно забрасываютъ грязью „освободители“, надѣясь, что эта наглая клевета поможетъ имъ въ осуществленіи ихъ сатанинскихъ плановъ. Читая опи-

саніе погромовъ въ мѣстности по теченію р. Битюга Воронежской губерніи (Москов. Вѣдом. 1906 г. №№ 174 и 175), прямо забываешь, что мы живемъ въ началѣ яко-бы гуманнаго и незлобиваго XX вѣка, мысль переносится въ конецъ XVI и въ первую половину XVII вѣка, и въ памяти встаютъ столь знакомыя намъ по старымъ актамъ картины тѣхъ наѣздовъ и погромовъ, какіе чинили въ Малороссіи, пользуясь отдаленностью и слабостью Варшавскаго правительства, озвѣрѣлыя шайки Чернинскаго, Косинскаго, Наливайка, Лободы, Побочѣя, Тараса и десятковъ другихъ козацкихъ предводителей. При этомъ зачастую истреблялись и домашніе архивы, какъ, напримѣръ, у князя Дмитрія Курцевича-Булыги въ Бѣлой Церкви въ 1591 г., или у Александра Сурина въ Вороньковѣ (Переяславскаго уѣзда) въ 1624 г., вслѣдствіе чего мы лишены теперь возможности изученія многихъ подробностей той эпохи. Что касается состязанія „на злобность", то стародавніе погромщики остались въ немъ значительно позади нынѣшнихъ, ибо ни въ одномъ актѣ нельзя найти указаній, чтобы тѣ мучили ни въ чемъ неповинныхъ домашнихъ животныхъ, тогда какъ эти, къ позору нашего вѣка, перерубывали живымъ лошадямъ ноги и отрѣзывали языки, бросая ихъ въ огонь.

Какъ видно изъ оглавленія, важнѣйшее содержаніе **втораго** тома нашего Архива составляютъ семейныя письма —этотъ надежнѣйшій матеріалъ для характеристики лицъ и эпохъ, такъ какъ въ письмахъ событія и впечатлѣнія закрѣпляются на бумагѣ по горячимъ слѣдамъ, а поэтому не могутъ получать, какъ въ воспоминаніяхъ, иногда невольно,—ложнаго освѣщенія.

Вѣрный слуга Престола и Отечества, строгій исполнитель долга, суровый съ виду, но мягкій сердцемъ, нѣжный и снисходительный въ семьѣ, находчивый въ практической жизни, всѣмъ интересующійся, всегда живой и подвижный Андрей Яковлевичъ,—мечтательный, склонный къ умозрѣнію, малодѣятельный, вѣчно озабоченный нравственнымъ самоусо-

вершенствованіемъ и восполненіемъ своего образованія Владимиръ Андреевичъ,—всесторонне-развитая, религіозно-настроенная, по-женски непостоянная, но наблюдательная и превосходно владѣющая стилемъ Елисавета Андреевна,—рыцарски-благородный и честный, обожающій Россію Николай Ивановичъ Ушаковъ,—вся сотканная изъ нѣжности, доброты и набожности Евва Яковлевна Дараганъ, прививавшая въ Малороссіи нѣмецкую чопорность и благовоспитанность,—выступаютъ съ необыкновенною выпуклостью въ своихъ письмахъ; но въ этихъ наскоро набросанныхъ поблекшихъ строкахъ ярко отражается и достопамятная эпоха императора Николая Павловича, когда русскій геній нашелъ себѣ наиболѣе благородное выраженіе въ цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній и человѣческихъ характеровъ. Кромѣ того, въ письмахъ Елисаветы Андреевны можно найти много интересныхъ мелочей о бытѣ князя Паскевича и окружавшихъ его русскихъ варшавянъ. Отрывокъ изъ воспоминаній Дмитрія Ивановича Дарагана рисуетъ намъ ту среду спокойствія, мира и любви, въ которой только и могли слагаться тѣ уравновѣшенные, стойкіе и правдивые люди, тѣ вѣрные слуги родины, покорно отдававшіе жизнь за ея величіе, какъ братья Дмитрій и Павелъ Невѣровскіе,—которыми вправѣ гордиться Россія временъ Отечественной войны и Николаевскаго царствованія. Обращаясь къ нашимъ ближайшимъ предкамъ, закончимъ словами изъ „Семейной Хроники“ незабвеннаго С. Т. Аксакова: „Вы были люди и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, также любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ любопытны и поучительны для потомковъ. Вы были такія же дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, съ незапамятныхъ временъ представляемаго человѣчествомъ, также добросовѣстно разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди, и также стоите воспоминанія. Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ“.

Восемь приложенныхъ къ книгѣ портретовъ сняты: Андрея Яковлевича въ халатѣ съ трубкою въ рукѣ и Владимира Андреевича въ семеновскомъ мундирѣ—съ акварелей, Анны Михайловны и Владимира Андреевича въ штатскомъ платьѣ—съ миніатюръ на слоновой кости, Якова Александровича и Александра Николаевича Стороженковъ—съ фотографій и, наконецъ, Николая Ивановича и Елисаветы Андреевны Ушаковыхъ—съ оригиналовъ масляными красками.

А. С.

19 іюля 1906 года.

Воспоминаніе объ Андреѣ Яковлевичѣ Стороженкѣ [1]).

Болѣе половины нынѣшняго столѣтія утекло въ вѣчность, и мы чаще и чаще прощаемся съ людьми, начавшими жить и дѣйствовать во времена достопамятныхъ историческихъ событій, въ эпоху славныхъ войнъ Екатерины и Александра Благословеннаго. Менѣе и менѣе встрѣчаемъ мы теперь участниковъ и очевидцевъ этихъ войнъ. Изустныя преданія ихъ, столь любопытныя, столь способныя питать въ новомъ поколѣніи геройскій духъ и высокое самоотверженіе,—почти исчезаютъ, а между тѣмъ еще многое изъ этихъ преданій не вошло въ исторію, съ тою истиною, которой вправѣ ожидать потомство отъ своихъ предшественниковъ. Припомнимъ, что отживающее поколѣніе отстаивало наше Отечество отъ грознаго нашествія на насъ западныхъ народовъ и торжествовало славу нашу на берегахъ Рейна и въ Парижѣ. Много времени прошло съ тѣхъ поръ; явились новые дѣятели, но для нихъ готовится другая, безпристрастная исторія. Въ числѣ замѣчательныхъ людей, недавно окончившихъ громкое поприще, должно, по всей справедливости, вспомнить о тайномъ совѣтникѣ Андреѣ Яковлевичѣ Стороженкѣ, занимавшемъ лѣтъ восемь тому назадъ мѣсто главнаго директора Коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго. Онъ скончался въ Кіевѣ 4 іюля сего (1858) года, прослуживъ Престолу и Отечеству 45 лѣтъ, въ разнообразныхъ должностяхъ, на военномъ и гражданскомъ поприщахъ. Служеніе его началось съ 16-лѣтняго возраста: 6-го октября 1806 года онъ былъ выпущенъ изъ 2-го Кадетскаго

---

[1]) Это воспоминаніе было написано вскорѣ по кончинѣ А. Я. Стороженка (4 іюля 1858 г.) генералъ-лейтенантомъ Николаемъ Ивановичемъ Ушаковымъ, авторомъ „Записокъ очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ“, напечатанныхъ во 2-й книгѣ *Девятнадцатаго Вѣка*, изданнаго въ Москвѣ Петромъ Бартеневымъ.

Корпуса подпоручикомъ въ артиллерію, въ такое время, когда лучшая молодежь наша не довольствовалась обыкновеннымъ повышеніемъ въ чины по вакансіи и заслугами, пріобрѣтаемыми вдали отъ всякой опасности, но смѣло стремилась отличиться тамъ, гдѣ смерть была поближе. Менѣе, нежели черезъ три мѣсяца по выпускѣ изъ корпуса, молодой Стороженко находился уже на Дунаѣ противу турокъ и вскорѣ потомъ въ войскахъ, осаждавшихъ Измаилъ. Тогда войны были безпрерывныя: съ исхода 1806 до 1812 года Россія воевала противу турокъ, съ 1812 по 1814 годъ противу Наполеона. Поприще для отличій было обширное. Къ сожалѣнію, не все сохранилось въ формулярѣ покойнаго Стороженка: по тогдашнему способу составленія послужныхъ списковъ вносились въ нихъ одни важнѣйшія дѣла, а о походахъ и малыхъ стычкахъ никто не думалъ. Такъ въ служебныхъ свѣдѣніяхъ объ Андреѣ Яковлевичѣ Стороженкѣ помѣщено участіе его въ славномъ Базарджикскомъ сраженіи, за которое онъ носилъ золотой крестъ, равно и въ кровопролитныхъ, несчастныхъ штурмахъ Рущука въ 1810 году; но пропущена, напримѣръ, экспедиція въ Сербію, въ отрядѣ генералъ-маіора Исаева, гдѣ малочисленный отрядъ нашъ, состоявшій въ началѣ изъ 1500 человѣкъ, при 4-хъ орудіяхъ, заслужилъ своимъ мужествомъ удивленіе и признательность всего Сербскаго народа. При открытіи войны съ Наполеономъ, Стороженко былъ назначенъ адъютантомъ начальника артиллеріи 2-ой западной арміи. Въ этой должности, а потомъ въ должности старшаго адъютанта начальника артиллеріи 1-й арміи, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ, Малымъ-Ярославцомъ, Краснымъ, Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Подъ Бородинымъ раненъ онъ былъ въ поясницу, а подъ Дрезденомъ въ правую ногу и награжденъ за всю войну тремя повышеніями въ чинахъ, золотою шпагою и орденами Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ и Св. Анны 2-й степени, заслуживъ при томъ у начальниковъ и товарищей репутацію храбраго, расторопнаго и способнаго офицера. Возвратясь въ Россію по заключеніи Парижскаго мира, Андрей Яковлевичъ Стороженко вышелъ въ отставку подполковникомъ и съ мундиромъ; но живой его характеръ, охота къ постояннымъ занятіямъ и продолжительная привычка къ походной жизни не могли сродниться съ тихою, деревенскою жизнью въ благословенномъ климатѣ Малороссіи. Въ исходѣ 1817 года онъ вступилъ въ гражданскую службу и былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій въ особую канцелярію тогдашняго Министерства Полиціи. Въ то время учреждались въ разныхъ мѣстахъ Россіи военныя поселенія, подъ главнымъ управленіемъ графа Аракчеева, который имѣлъ неограниченное уполномочіе отъ Государя принимать всѣ мѣры, какія потребуются, для успѣшнаго достиженія

предназначенной цѣли. Графу Аракчееву болѣе всего нужны были способные и энергичные исполнители его распоряженій. Въ числѣ немногихъ другихъ ему рекомендованъ былъ чиновникъ Министерства Полиціи Стороженко, вовсе не знавшій о томъ. Извѣстно, что сильный Аракчеевъ не затруднялся желаніями и свободою избранныхъ имъ людей: онъ опредѣлялъ и назначалъ въ вѣдомство Военныхъ Поселеній кого хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ по вступленіи въ гражданскую службу, Стороженко былъ зачисленъ въ 1-й Бугскій уланскій полкъ маіоромъ. Протестація съ его стороны не послужила ни къ чему; но въ видѣ вознагражденія за потери выгодъ въ гражданской службѣ, онъ черезъ два года произведенъ въ подполковняки и вскорѣ назначенъ старшимъ военнымъ депутатомъ въ Екатеринославскую Межевую Контору для отграниченія округовъ военнаго поселенія Бугской уланской дивизіи отъ помѣщичьихъ дачъ. Дѣло это было весьма трудное и требовало со стороны Межевой Конторы энергическихъ дѣйствій, большаго вниманія и строгой справедливости. Тогдашнія съемки Новороссійскаго края была чрезвычайно сбивчивы, не полны и не точны. Земли въ Новороссійскомъ краѣ были большею частью жалованныя, при первомъ водвореніи тамъ жителей; многіе документы оказывались не совсѣмъ достаточными и вообще встрѣчались при размежеваніи тысячи вопросовъ и недоразумѣній весьма запутанныхъ, клонившихся наиболѣе къ нарушенію частной собственности. Полковникъ Стороженко былъ, такъ сказать, душою и руководителемъ Межевой Конторы, и его усердными и разумными стараніями удалены всѣ главнѣйшія затрудненія по отмежеванію казенныхъ земель для поселенной дивизіи. Въ два года дѣло это приведено къ концу. Графъ Аракчеевъ, не щедрый на похвалы своимъ подчиненнымъ, былъ очень доволенъ дѣйствіями Стороженка, исходатайствовалъ ему алмазный знакъ ордена Св. Анны 2-й степени и выбралъ его въ званіе дежурнаго штабъ-офицера въ штабъ графа Витта, начальника военнаго поселенія въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, въ которыхъ устраивалось тогда поселеніе двухъ уланскихъ и одной кирасирской дивизій и находилось тогда сверхъ того нѣсколько пѣхотныхъ батальоновъ для строительныхъ работъ. Выборъ подполковника Стороженка доказывалъ особенное къ нему благоволеніе Аракчеева и вмѣстѣ съ тѣмъ предусмотрительность сего послѣдняго. Онъ зналъ, что Виттъ при всемъ своемъ умѣ и многихъ неоспоримыхъ достоинствахъ не только не любилъ письменныхъ дѣлъ и отчетностей, но даже не терпѣлъ ихъ. Придворный и свѣтскій человѣкъ по преимуществу, онъ не могъ существовать безъ женскаго общества и въ особенности былъ кориѳеемъ въ знатнѣйшихъ польскихъ фамиліяхъ Кіевской и Подольской губерній. Пребываніе въ степномъ Елисаветградѣ и служебныя обязанности

надоѣдали ему до крайности и потому онъ очень часто по мѣсяцу и болѣе отлучался изъ предѣловъ ввѣренныхъ ему округовъ военнаго поселенія и спѣшилъ предаваться удовольствіямъ въ богатѣйшихъ домахъ польскихъ магнатовъ, гдѣ жизнь тогда текла чрезвычайно весело и пріятно. До графа Аракчеева доходили всѣ эти отлучки и ему также было извѣстно, что Государь благоволилъ къ графу Витту и давалъ ему отъ себя важныя порученія, не касавшіяся обязанностей по военному поселенію, что вполнѣ могло служить всегдашнимъ оправданіемъ графу Витту въ его отдаленныхъ поѣздкахъ. Поэтому графъ Аракчеевъ возложилъ непосредственно всю отвѣтственность на дежурнаго штабъ-офицера Стороженка и строго требовалъ отъ него полной отчетности въ значительныхъ суммахъ, отпускавшихся тогда отъ казны для устройства штабовъ дивизіонныхъ и полковыхъ въ округахъ военныхъ поселеній и для заведенія въ нихъ хозяйственной части, какъ то: конскихъ заводовъ, хлѣбопашества, запасныхъ расходныхъ магазиновъ и т. п., на что вообще издержанъ въ свое время не одинъ милліонъ. Понятно, что на такомъ скользкомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важномъ мѣстѣ и при столь всемогущемъ и неумолимомъ начальникѣ, каковъ былъ Аракчеевъ, требовались отъ подчиненнаго, не защищеннаго никакимъ высокимъ покровительствомъ, неусыпная дѣятельность, всегдашняя точность и примѣрная расторопность. Часто случалось, что въ такіе дни, когда всякій изъ подчиненныхъ, не стоящихъ только въ караулѣ, въ правѣ разсчитывать на нѣкоторое отдохновеніе отъ своихъ трудныхъ обязанностей, именно въ высокоторжественные годовые праздники, прискакивалъ въ Елисаветградъ фельдъегерь съ строгимъ повелѣніемъ немедленно представить графу Аракчееву изъ штаба военнаго поселенія Херсонской и Екатеринославской губерній самыя подробныя свѣдѣнія о какомъ либо предметѣ, иногда даже несовсѣмъ спѣшномъ, но собственно для того, чтобы утруждать штабъ, на случай отсутствія начальника. Стороженко, имѣя у себя запасъ разнородныхъ бланковъ за подписомъ графа Витта, постоянно отклонялъ всякія сомнѣнія Аракчеева. Такихъ бланковъ, послѣ кончины Стороженка осталась цѣлая кипа, какъ доказательство самаго неограниченнаго къ нему довѣрія начальства; а надобно сказать, что на этотъ счетъ графъ Виттъ былъ однимъ изъ самыхъ проницательныхъ и тонкихъ людей. Съ своей стороны Аракчеевъ удовлетворялся такимъ ходомъ дѣла и былъ доволенъ, что не встрѣчалось постоянной нужды затруднять Витта въ исполненіи особыхъ Высочайшихъ повелѣній, часто весьма секретныхъ, хотя и не оффиціальныхъ. Излишне было бы распространяться объ этомъ; скажемъ только, что расторопность, усердіе и способность Стороженка пріобрѣла ему еще болѣе вниманія отъ графа Аракчеева. Черезъ пять лѣтъ онъ былъ произведенъ за отличіе въ

полковники и удостоился получить нѣсколько другихъ Высочайшихъ милостей, выходившихъ изъ ряду обыкновенныхъ. Графъ Аракчеевъ дѣлалъ ему неоднократно и отъ себя многія важныя порученія, и въ послѣдствіи часто приглашалъ къ себѣ въ Грузино для самыхъ благосклонныхъ бесѣдъ. Стороженко пользовался всѣми этими случаями для собиранія матеріаловъ къ составленію весьма любопытныхъ записокъ о человѣкѣ, игравшемъ столь значительную роль въ царствованіе императора Александра I. Къ сожалѣнію, матеріаловъ этихъ не отыскалось по смерти собирателя; но многіе, лично знакомые съ покойнымъ, вѣроятно припомнятъ, что никто лучше его не умѣлъ разсказывать о тогдашнемъ времени съ увлекательнымъ интересомъ и замѣчательными подробностями, можетъ быть, навсегда утраченными для новѣйшей Исторіи. По кончинѣ Аракчеева, около 6-ти лѣтъ служба Стороженка протекла хотя и съ пользою для тѣхъ должностей, которыя онъ занималъ, но не выходила, какъ прежде, за предѣлы прямыхъ его обязанностей. Между тѣмъ судьба готовила ему новое поприще, исполненное заботъ, подъ начальствомъ другаго, болѣе замѣчательнаго человѣка, въ краю, едва начинавшемъ успокаиваться послѣ кровавой революціи. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1832 г., по рекомендаціи графа Витта, тогдашняго военнаго губернатора г. Варшавы, Стороженко былъ назначенъ состоять при главнокомандовавшемъ бывшею дѣйствующею арміею и намѣстникѣ Царства Польскаго, покойномъ генералъ-фельдмаршалѣ, графѣ И. Ѳ. Паскевичѣ—Эриванскомъ, а вслѣдъ за тѣмъ исправляющимъ должность генералъ-полицеймейстера и генералъ-гевальдигера той же арміи съ переводомъ въ корпусъ жандармовъ. Штурмъ Варшавы, совершенное вытѣсненіе мятежниковъ изъ края, положившихъ оружіе въ предѣлахъ Пруссіи и Австріи, и строгій уголовный судъ надъ виновными, хотя прекратили бунтъ въ Польшѣ, но для окончательнаго возстановленія порядка и спокойствія еще требовались со стороны правительства бдительныя мѣры и неусыпный надзоръ внутренней полиціи: между жителями высшаго и средняго сословія оставалось нѣсколько злоумышленниковъ, въ тайнѣ жалѣвшихъ о неудавшемся мятежѣ. Эти лица постоянно находили возможность сноситься со своими родственниками, сослуживцами и знакомыми, удалившимися во множествѣ заграницу, особенно во Францію. Ихъ переписка продолжала питать надежды эмигрантовъ на возможность возобновить мятежъ въ Польшѣ при помощи французовъ. Образовавшіеся въ Парижѣ революціонные комитеты изъ поляковъ всячески старались тайными путями высылать въ Царство Польское отчаянныхъ эмиссаровъ, для поддержанія мятежнаго духа въ народѣ и для образованія вооруженныхъ шаекъ въ лѣсахъ. Эмиссары эти почти вездѣ находили скрытое пристанище въ домахъ помѣщиковъ, арендаторовъ и шляхты, отчасти по

чувству патріотизма и прежнимъ связямъ, а отчасти по легкомыслію и врожденной полякамъ вѣтренности. Туземные чиновники неохотно и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ доносили о томъ, но военная полиція не дремала. Отъ прозорливости генералъ-полицеймейстера. Стороженка не могло укрыться никакое подобное обстоятельство: самые важнѣйшіе эмиссары и ихъ ближайшіе сообщники были ловимы съ оружіемъ въ рукахъ и предаваемы въ руки правосудія, прежде нежели успѣвали обмануть легковѣріе народное. Показанія ихъ обнаружили, сколь много еще оставалось въ краю мятежныхъ элементовъ и какъ легко было возбудить новыя самыя гибельныя безпокойства въ Польшѣ, при повсемѣстномъ единомысліи и худо понимаемомъ патріотизмѣ туземныхъ мелкихъ властей. Для подробнѣйшаго открытія всѣхъ этихъ злоумышленныхъ дѣйствій и для строгаго отдѣленія виновныхъ отъ легковѣрныхъ и увлеченныхъ ложными понятіями о долгѣ патріота,—фельдмаршалъ учредилъ въ 1832 г. въ Варшавѣ слѣдственную коммиссію, предсѣдателемъ которой назначилъ полковника Стороженка, какъ человѣка, не только хорошо знавшаго польскій языкъ, но знакомаго вполнѣ съ исторіей края, съ правами, обычаями и фамильными отношеніями поляковъ. Эту трудную обязанность исполнялъ Андрей Яковлевичъ слишкомъ 17 лѣтъ, къ совершенному удовольствію начальства, и къ пользѣ края. Дѣйствуя безъ всякаго пристрастія и лицепріятія, онъ строго взвѣшивалъ поступки каждаго изъ обвиненныхъ и не останавливался ходатайствовать за тѣхъ, которые по слабости, заблужденію или молодости лѣтъ вовлечены были въ политическую вину. Не одного изъ этихъ несчастныхъ спасалъ Андрей Яковлевичъ отъ казни или тяжкаго изгнанія въ Сибирь смѣлымъ заступленіемъ своимъ не только предъ военнымъ судомъ, но и предъ самимъ фельдмаршаломъ. Конечно, по порядку и формѣ нашего уголовнаго судопроизводства, все не могло дѣлаться гласнымъ; но благородный человѣкъ находитъ за свои дѣла награду въ собственной совѣсти и чуждается публичной похвалы. Истинное воздаяніе готовится намъ за гробомъ, куда долетятъ сердечныя молитвы нѣкогда облагодѣтельствованныхъ нами. Съ такими же замѣчательными правилами, съ такимъ же знаніемъ дѣла, усердіемъ и дѣятельностью, А. Я. Стороженко, первый изъ русскихъ послѣ усмиренія мятежа въ Польшѣ, исправлялъ въ теченіи почти 10-ти лѣтъ (1833-1843) должность оберъ-полицеймейстера г. Варшавы съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ обязанностей, сначала въ полковничьемъ, а потомъ и въ генеральскомъ чинѣ. Съ этимъ новымъ назначеніемъ значительно умножились его труды и заботы служебныя. Тогдашній штатъ Варшавской полиціи былъ весь составленъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Городъ, большею частью тѣсно отстроенный и заключавшій въ себѣ до 150 т. жителей (при

которыхъ 1/3 ч. евреевъ) имѣлъ самую плохую пожарную службу, устроенную по старинному образцу нѣмецкихъ городовъ; не было калачей и даже ночной стражи. Уличный и вообще наружный порядокъ въ томъ видѣ, какъ понимаютъ его въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, почти не существовалъ. Базарная и другая торговля въ городѣ производилась по смѣшаннымъ мѣрамъ и вѣсамъ, т. е. польскимъ и русскимъ; но между тѣмъ съ первыми изъ нихъ еще не ознакомились ни наши управленія, ни гарнизонъ, а вторые не были введены обязательно для края, что давало безпрерывные поводы къ спорамъ и столкновеніямъ между продавцами и покупателями. Наконецъ по дѣламъ письменнымъ употреблялся исключительно польскій языкъ. Многими улучшеніями по полицейской части Варшава обязана представленіямъ А. Я. Стороженка. Онъ умѣлъ ясно и убѣдительно излагать на бумагѣ нужды города и хорошо понималъ, что вообще на русское управленіе въ Царствѣ Польскомъ и на вводимый послѣ мятежа порядокъ европейскіе наши сосѣди смотрѣли тогда строгимъ и внимательнымъ окомъ. Такая отчетливая и усердная служба А. Я., въ нѣсколькихъ должностяхъ въ одно и тоже время, не оставалась безъ монаршихъ милостей. Въ 1833 году онъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени со звѣздою, произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ единовременно 10 т. руб. ассиг.; въ 1835 г. пожаловано ему имѣніе въ Царствѣ Польскомъ, на правахъ маіората, съ годовымъ доходомъ въ 1500 руб серебромъ; въ 1838 г. орденъ Св. Станислава 1-й степени и въ 1841 году орденъ Св. Анны 1-й степени. Но между тѣмъ умножавшіеся труды по полицейской части начинали до того разстраивать его здоровье, что въ исходѣ 1841 года онъ вынужденъ былъ просить увольненія отъ должности генералъ-полицеймейстера арміи и оберъ-полицеймейстера Варшавы. Согласіе на эту просьбу воспослѣдовало; но фельдмаршалъ князь Варшавскій, не желая терять подчиненнаго столь полезнаго для края своею опытностью и способностями, исходатайствовалъ тогда же назначеніе Андрея Яковлевича сенаторомъ въ Варшавскіе департаменты Правительствующаго Сената, съ производствомъ въ тайные совѣтники и съ оставленіемъ по прежнему предсѣдателемъ Слѣдственной Коммиссіи по политическимъ проступкамъ. Не уменьшалась и въ этомъ званіи полезная дѣятельность А. Я. Независимо отъ обязанностей сенатора и предсѣдателя Слѣдственной Коммиссіи, фельдмаршалъ постоянно возлагалъ на него разныя важныя порученія, требовавшія совершеннаго знанія мѣстныхъ обстоятельствъ и ближайшаго знакомства съ характеромъ и духомъ народнымъ въ Царствѣ Польскомъ, Галиціи и Познани. Хорошее исполненіе всѣхъ этихъ порученій и вообще тогдашнее полезное служеніе А. Я. доказывается тѣмъ, что съ небольшимъ черезъ годъ по поступленіи въ сенаторы, онъ былъ все

милостивѣйше награжденъ единовременно 6-ю т. руб. серебромъ, а черезъ три года (28 февраля 1843 г.) назначенъ исправлять должность главнаго директора, предсѣдательствующаго въ Правительственной Коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго, и члена совѣта таможеннаго управленія съ оставленіемъ и при этомъ предсѣдателемъ Слѣдственной Коммиссіи. На столь почетномъ мѣстѣ А. Я. не утратилъ выгоднаго о себѣ общаго мнѣнія, не смотря на особенно-трудныя обстоятельства для края, какъ то: бунтъ въ Краковѣ въ 1846 году и открытый въ тоже время внутри Царства Польскаго обширный заговоръ, имѣвшій цѣлью вновь ниспровергнуть законный порядокъ вооруженными шайками, появившимися сначала и внезапно на разныхъ пунктахъ губерній Родомской и Люблинской; сильные неурожаи, продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ сряду и въ тоже самое время реквизиціонный сборъ хлѣба отъ жителей для облегченія издержекъ казны на продовольствіе войскъ, квартировавшихъ въ Царствѣ Польскомъ, и на составленіе значительныхъ магазиновъ для арміи, двинутой въ Венгрію на спасеніе погибавшей Австрійской монархіи; наконецъ улучшеніе быта польскихъ поселянъ уничтоженіемъ многихъ сборовъ, которыми пользовались ихъ помѣщики почти произвольно, безъ всякаго указанія въ законахъ. Во всѣхъ этихъ важныхъ обстоятельствахъ А. Я. дѣйствовалъ съ благоразумною энергіею, но безъ торопливости, и тѣмъ заслужилъ полное одобреніе фельдмаршала и новыя милости къ нему въ Бозѣ почивающаго императора Николая 1-го. Наградою ему были: орденъ Св. Владимира 2-й степени, утвержденіе въ званіи главнаго директора, предсѣдательствующаго въ Коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ, орденъ Св. Анны 1-й степени съ короною и орденъ Бѣлаго Орла. Но вмѣстѣ съ расширеніемъ круга дѣйствій А. Я., вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ новыхъ отличій по службѣ, физическія силы его начали замѣтно ослабѣвать и требовали, по совѣту медиковъ, не только продолжительнаго отдыха, но даже совершеннаго удаленія отъ дѣлъ. Высочайшимъ приказомъ 17 іюня 1850 года онъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію съ мундиромъ, присвоеннымъ должности, и признаннымъ ему по Царству Польскому эмеритальнымъ пенсіономъ по 6750 руб. серебр. ежегодно, вообще за слишкомъ 40-лѣтнюю службу. Съ этимъ значительнымъ обезпеченіемъ отъ казны А. Я. поселился въ собственномъ имѣніи Полтавской губ., въ селѣ Чивельчѣ, мечтая быть еще полезнымъ на другомъ поприщѣ гражданской дѣятельности. Можно сказать почти никто изъ его земляковъ не зналъ такъ хорошо исторіи, языка, обычаевъ и фамильныхъ отношеній Малороссіи, немногіе столь чистосердечно и горячо любили этотъ прекрасный край и желали ему благихъ усовершенствованій на томъ новомъ пути, по которому двинулась теперь вся Россія. Къ несчастью, А. Я. мало

нашелъ сочувствія въ Малороссіянахъ. Сосѣди и знакомые восхищались его бесѣдами, исполненными ума, веселости, истиннаго народнаго юмора; но одни стояли ниже и по образованію, и по понятіямъ, другимъ не нравились мѣткія сужденія его о лицахъ, посреди которыхъ они сами жили и дѣйствовали. Въ короткое время образовалось довольно сильное недоброжелательство къ А. Я., воспрепятствовавшее избранію его въ такія дворянскія должности, при исполненіи коихъ онъ могъ бы принести много пользы для края. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было постепенное охлажденіе его къ родинѣ и желаніе какъ можно рѣже жить среди земляковъ. Зиму съ 1856 на 1857 годъ А. Я. провелъ съ семействомъ своимъ въ Одессѣ, гдѣ особенно сблизился съ покойнымъ архіепископомъ Иннокентіемъ, умнымъ, образованнымъ и краснорѣчивымъ пастыремъ. Съ сентября 1857 года до апрѣля текущаго 1858-го года онъ проживалъ въ Кіевѣ, гдѣ уже оказались и начала той тяжкой болѣзни, послѣдствіемъ которой была самая смерть. Тѣло покойнаго перевезено въ село Чевельчу, гдѣ въ присутствіи самыхъ близкихъ родныхъ и сосѣдей предано землѣ при св. храмѣ, имъ самимъ сооруженномъ. Миръ праху его! Въ жизни, какъ и всѣ мы, онъ имѣлъ своихъ друзей и своихъ враговъ; но что значитъ судъ нашъ передъ судомъ загробнымъ? Счастливъ, кто, переходя въ вѣчность, уноситъ съ собою теплую вѣру и чистую совѣсть. Въ молодости А. Я. съ успѣхомъ занимался отечественною литературою и поэзіей, а потому былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ замѣчательными писателями того времени. Впослѣдствіи, служа въ Царствѣ Польскомъ съ 1832 года, онъ много способствовалъ своимъ покровительствомъ польской литературѣ, особенно по историческимъ изысканіямъ, имѣвшимъ связь съ церковными, гражданскими и военными событіями Россіи и преимущественно Малороссіи 16, 17 и 18 столѣтій. Послѣ него осталось множество любопытныхъ бумагъ, которыя наслѣдниками приводятся теперь въ порядокъ и, вѣроятно, часть ихъ будетъ когда нибудь напечатана.

1858 г. Н. Ушаковъ.

Переписка Андрея Яковлевича съ Владимиромъ Андреевичемъ.

1.

Варшава 20 сентября 1832 г.

Не понимаю, отчего ты не пишешь къ намъ, Володя? Лизочка писала, а ты хоть бы строчку. Видно нечѣмъ похвалиться, или, можетъ быть, стыдишься, что не перешелъ изъ класса. Это было досадно мнѣ, но я увѣренъ, что въ первомъ письмѣ ты порадуешь меня. Ты всегда слышалъ отъ меня, что лѣность я почитаю важнѣйшимъ преступленіемъ. Вообрази себѣ, какую радость принесло бы всякое извѣстіе о тебѣ, какъ о прилежномъ, скромномъ и благовоспитанномъ дитяти, и какъ бы огорчило меня противное тому; а, вообразивши, ты, конечно, зная сколько я люблю тебя, не захотѣлъ бы подать повода быть недовольнымъ тобою. Я увѣренъ, что ты всегда будешь достойнымъ любви моей. Пиши тотчасъ по полученіи письма сего и оправдайся въ молчаніи.

Поклонись отъ меня Петру Яковлевичу [1]), Петру Михайловичу съ супругою [2]), и поздравь добраго Дмитрія Ивановича Дарагана съ производствомъ. Вотъ примѣръ тебѣ.

Будь здоровъ и помни наставленіе нѣжно любящаго тебя отца

Андрей Стороженко.

Ты, дружечекъ мой Володичка, вѣрно очень занятъ экзаменомъ, что не имѣлъ времени утѣшить насъ хотя нѣсколькими словами; но

---

[1]) Петръ Яковлевичъ фонъ-Фокъ.

[2]) Петръ Михайловичъ Дараганъ, женатый на Аннѣ Михайловнѣ Балугьянской.

ты вѣрно не воображаешь, какъ это для любящихъ тебя такъ нѣжно, тяжело.

Какъ можно скорѣе увѣдомь насъ обо всемъ подробно, также, гдѣ ты бываешь и кто тебя болѣе всѣхъ ласкаетъ. Но смотри, Володичка, никого не предпочитай достойнѣйшей Наталіи Андреевнѣ [1]), она тебя вѣрно болѣе всѣхъ любитъ, не говоря о томъ, что дѣлаетъ для васъ обоихъ. Бываешь ли ты у Лизочки? Я приготовила вамъ обоимъ гостинецъ, но отсюда очень трудно переслать и я ожидаю оказіи.

Ежели ты былъ на свадьбѣ Петра Михайловича, [2]) напиши мнѣ все аккуратно. Будь здоровъ, мой ангелъ Володя! учись хорошо и веди себя такъ, чтобы всякій, зная тебя, любилъ; это одно утѣшеніе наше въ этой скверной Варшавѣ. Поцѣлуй отъ меня Дмитрія Ивановича и поздравь; я ему хотѣла писать, но, узнавъ, что онъ произведенъ, не знаю навѣрно, гдѣ онъ теперь; напиши мнѣ объ этомъ. Прости, другъ мой, перецѣлуй всѣхъ дѣточекъ почтеннѣйшей Наталіи Андреевны; тебя же, благословляя, цѣлую и остаюсь съ нѣжностію матери твоя Julie.

2.

Г. Варшава 12 октября 1832 г.

Радуюсь, что я ошибся на счетъ твоего перехода въ 4-й классъ, тѣмъ болѣе обрадовалъ меня переходъ сей, хотя ты и не получилъ приза, но по крайней мѣрѣ, не отсталъ отъ другихъ. Въ слѣдующемъ году я увѣренъ, что, переходя въ 3-й классъ, ты обрадуешь меня призомъ непремѣнно. Учись, любезный мой Володя! Это одно состояніе твое. Не диво дорости до офицера, но что за офицеръ безъ наукъ и свѣдѣній?

Ты отгадалъ, что я скажу о музыкѣ, что ты очень малъ еще для того, чтобы отрывать себя отъ необходимѣйшихъ занятій; въ 2 классѣ, если Богъ дастъ, что я буду въ состояніи, съ удовольствіемъ опредѣлю деньги и на музыку. Въ слѣдующемъ году навѣрно пріѣду въ Петербургъ за Лизою, послушаю какъ то ты поешь, а болѣе посмотрю, каково учишься. Время не ждетъ насъ и однажды упущенное не возвращается.

Лиза пишетъ, что ты у нея весьма рѣдко бываешь; не забывай сестры, любите другъ друга, и самъ Богъ Милосерднѣйшій любить васъ будетъ.

---

[1]) Наталія Андреевна фонъ-Фокъ, жена Максима Яковлевича фонъ-Фока.

[2]) Петра Михайловича Дарагана.

Пиши къ намъ, Володя, какъ можно чаще. Наталія Андреевна пишетъ, что и она тебя давно уже не видала. Я не говорю. чтобы ты ни у кого, кромѣ ея, не былъ, но она печется о тебѣ, какъ самая ближайшая, дай Богъ ей здоровья, слѣдовательно надобно чувствовать признательность къ ней, какую мы чувствуемъ. Благодарность есть первѣйшая изъ добродѣтелей.

Засвидѣтельствуй мое почтеніе Петру Яковлевичу и Петру Михайловичу съ супругою, и поблагодари отъ меня за ласки ихъ къ тебѣ.

Письмо сіе я отправляю къ тебѣ съ княземъ Львовымъ; маменька же будетъ писать къ тебѣ по первой почтѣ. Она цѣлуетъ тебя. Будь здоровъ, веселъ и прилеженъ, сего желаетъ нѣжно любящій тебя отецъ. Андрей Стороженко.

3.

Варшава 1 ноября 1832 г.

Я писалъ къ тебѣ, добрый мой Володя, чрезъ князя Львова. Ты истинно обрадовалъ меня переходомъ своимъ въ 4-й классъ; но Наталія Андреевна пишетъ, что ты забылъ ее, это непростительно. Благодарность есть одна изъ первѣйшихъ нашихъ обязанностей. Наталія Андреевна любитъ тебя, ты порученъ ей, слѣдовательно и долженъ преимущественно бывать у нея. Не говорю, чтобы ты не бывалъ у новыхъ родныхъ твоихъ; они люди истинно добрые; я истинно благодаренъ имъ за ласки къ тебѣ; но помню, что Наталія Андреевна всегда любила тебя. Будь здоровъ, учись и пиши къ нѣжно любящему тебя отцу А. Стороженко.

Поклонись отъ меня Александру Михайловичу и Дмитрію Ивановичу, послѣдняго попроси, чтобы онъ увѣдомилъ меня, какъ ему живется.

Поклонись такъ же, если увидишь, Якову Дмитріевичу и Николаю Огроновичу.

Радуюсь, дружекъ мой Володя, что ты перешелъ въ высшій классъ, дай Богъ скорѣе видѣть тебя камеръ-пажомъ, а потомъ офицеромъ.

Здоровъ ли ты, мой Володя? мы давно не получали отъ тебя извѣстій.

Добрѣйшая Наталія Андреевна писала къ намъ, что ты не хочешь у нея бывать; это не хорошо, ибо ты долженъ, милый мой Володя,

цѣнить ласки этой единственной женщины; никто не принимаетъ въ васъ обоихъ такого участія, какъ она.

Посылаю тебѣ, Володичка, гостинецъ, какой могла здѣсь найти; а книгъ рускихъ здѣсь не достанешь.

Къ намъ пріѣхала сестра моя Любочка; у насъ теперь бываютъ музыкальные вечера, и я болѣе имѣю знакомыхъ.

Фельдмаршалова очень къ намъ милостива.

Пиши къ намъ чаще, мой милый Володя! во всѣхъ твоихъ радостяхъ всегда думай объ насъ и не забывай, что ты и Лиза составляете все наше утѣшеніе; также, прошу тебя, бывай чаще у Наталіи Андреевны, и старайся загладить свою ошибку. Мнѣ очень жаль, что я незнакома съ Балугьянскими и съ супругою Петра Михайловича; благодарю ихъ за ихъ къ тебѣ вниманіе.

Пожалуйста, Володя, познакомься хорошо съ пажами Скворцовыми, ихъ дядя Ушаковъ, фельдмаршала адъютантъ, съ нами знакомъ, и очень хорошій человѣкъ.

До свиданія, мой милочка Володя, цѣлую тебя и прошу тебя, люби всегда благословляющую тебя со всею нѣжностію матери Юлію Стороженко.

Поклонись и поздравь отъ меня Митю Дарагана, напиши, гдѣ онъ теперь.

4.

Г. Варшава 16 генваря 1833 г.

Каково кончился твой экзаменъ, любезнѣйшій Володя, о которомъ ты пишешь въ послѣднемъ письмѣ твоемъ къ намъ? Какой подарокъ, не призъ ли ты хотѣлъ прислать? Это было бы славно! Призъ за науки и поведеніе обрадовалъ бы меня еще болѣе, нежели письмо, хотя и оное принесло мнѣ истинное удовольствіе. Пожалуйста не проси никого, чтобы тебѣ сочиняли письма; а пиши самъ, какъ умѣешь, только говори обо всемъ, что касается до тебя, съ чистою откровенностію. Я люблю правду; желаю знать, что ты дѣлаешь отъ тебя самого: за хорошее буду хвалить, а худого, увѣренъ, ты никогда ничего не сдѣлаешь. Помни, что вы составляете всѣ пріятныя надежды, всѣ радости для меня, и что для чувствъ моихъ необходимо утѣшеніе, вами доставляемое. Учись, милый Володя; будь добрымъ, покорнымъ и терпѣливымъ. Старайся снискивать вниманіе и расположеніе къ себѣ старшихъ, исполняй свято всѣ приказанія, будь доволенъ всѣмъ, и Богъ Милосерднѣйшій услышитъ мои и твои молитвы и поможетъ содѣлаться

тебѣ со временемъ достойнымъ человѣкомъ. Это единственное желаніе отца, нѣжно любящаго тебя. Честность, прямодушіе и характеръ, облагороженный поступками, есть качества, возвышающія насъ и въ самой бѣдности. Намъ съ тобою фортуна не дала богатства, слѣдовательно отъ однихъ трудовъ и прилежнаго приготовленія къ онымъ зависѣть будетъ твое значеніе въ ограниченномъ кругу бѣднаго, но честнаго русскаго дворянства.

Да благословитъ тебя на доброе, всеблагій Создатель, и да будетъ и мое родительское благословеніе на сынѣ достойномъ онаго.

А. Стороженко.

Прилагаемую при семъ посылку Наталіи Андреевнѣ отдай въ первое воскресенье, это башмаки Надѣ; тетенька Любовь Ивановна [1]) цѣлуетъ тебя.

Очень рада, дружечекъ мой Володя, что гостинецъ мой тебѣ понравился; хотя мое желаніе было что нибудь лучшее найти, но здѣсь трудно достать, чего хочешь.

Письма твои всегда восхищаютъ насъ, мой добрый Володя! Будь всегда такъ милъ и откровененъ: ты этимъ всегда заслужишь любовь отъ всѣхъ. Только прошу тебя, пожалуйста бывай чаще у Наталіи Андреевны; она единственная женщина, и любитъ тебя болѣе, нежели другія.

Я увѣрена, что ты выдержалъ экзаменъ отлично, и взялъ призъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ о семъ извѣстія.

Я пишу письмо это черезъ генеральшу Гилленшмитъ и когда ты получишь письмо, сейчасъ поѣзжай къ ней, ибо мы съ ней очень хорошо знакомы и она обѣщала видѣть тебя и Лизу. Сними съ себя мѣрочку, я хочу знать, какого ты теперь росту, и пришли мнѣ въ письмѣ. Цѣлую тебя, мой ангелъ, будь здоровъ и веди себя хорошо, какъ можно будь покоренъ къ старшимъ, и тебя не будутъ наказывать и напротивъ всѣ любить будутъ.

Пиши къ намъ какъ можно чаще и подробнѣе.

Ежели увидишь Митю, [2]) кланяйся и скажи, что онъ меня совсѣмъ забылъ. Также поклонись Петру Михайловичу и Катеринѣ Михайловнѣ, [3]) прости, люби благословляющую тебя со всею нѣжностію матери Julie S.

---

[1]) Любовь Ивановна Безакъ.

[2]) Дмитрій Ивановичъ Дараганъ.

[3]) Екатерина Михайловна Искра, урожденная Дараганъ.

5.

Г. Варшава, 20 февраля 1833 г.

Опять ты замолчалъ, Володя! Видно экзаменъ не бойко съ твоей стороны кончился?

Вручитель письма сего г. адъютантъ Князя Варшавскаго, Ушаковъ, обѣщалъ намъ видѣть тебя. Онъ разскажетъ намъ о тебѣ, и я увѣренъ, что отзывъ его насъ истинно порадуетъ.

Каково идутъ учебныя дѣла твои? Здоровъ ли ты? напиши обо всемъ подробно.

Отдай письма Ея Превосходительству Наталіи Андреевнѣ и Лизѣ. Поклонись отъ насъ Петру Михайловичу и почтеннѣйшей супругѣ его; равно Александру Михайловичу, Дмитрію Ивановичу Дарагану, Якову Дмитріевичу Кондзеровскому и Николаю Степановичу Огроновичу.

Посылаются тебѣ гостинцы Варшавскіе.

Учись какъ можно прилежнѣе, веди себя примѣрно, и да радуется нѣжно любящій тебя отецъ. Андрей Стороженко.

Что дѣлаетъ мальчикъ твой у кондитера?

Что, мой милый пажикъ! ты опять замолчалъ и не хочешь утѣшать насъ своими письмами; должно быть очень важна причина твоему молчанію, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю предлиннаго письма за все это время. Каково ты провелъ масляную? съ кѣмъ ты катался и что хорошенькаго видѣлъ? Надѣюсь, что ты обо всемъ подробное сдѣлаешь описаніе въ стихахъ.

Посылаю тебѣ маленькій гостинецъ, а ежели будешь писать. чаще, и узнаю, что экзаменъ твой хорошо кончился, то пришлю получше.

Пожалуйста, будь какъ можно вѣжливъ по прежнему и милъ, чтобы ты понравился адъютанту Ушакову; онъ намъ все о тебѣ разскажетъ. Поклонись отъ меня Петру Михайловичу и Александру Михайловичу; Лизѣ, Д. и ежели Катерина Михайловна тамъ, то ей; цѣлую тебя мой милочка Володя, будь уменъ и люби благословляющую тебя со всею нѣжностію матери Юлію Стороженко.

6.

Г. Варшава 19 марта 1833 г.

Да въ которомъ же ты классѣ, Володя? Скажи мнѣ толкомъ, Письмомъ твоимъ я доволенъ, доволенъ откровенностью въ ономъ и смысломъ вообще; но не понимаю, перешелъ ли ты въ слѣдующій классъ, или сидишь все въ одномъ и томъ же?

Ты говоришь, что прежде не такъ прилежно учились, отъ того будто бы Дмитрій Ивановичъ переходилъ съ призами всякій экзаменъ; охотно соглашаюсь съ симъ; но долженъ сказать тебѣ: славно быть лучшимъ и прилежнѣйшимъ изъ посредственно учащихся, а еще славнѣе отличаться между прилежными. Я увѣренъ, что ты учишься хорошо, чувствуя, что это есть все достояніе твое, и что въ однѣхъ наукахъ и въ истинномъ посвященіи себя для предстоящей службы Государю заключается честный для тебя кусокъ хлѣба; а если Богъ благословитъ, то и почести. Отецъ твой служитъ близъ 30 лѣтъ, въ теченіе всего этого времени ни откуда не получалъ никакихъ пособій, изъ жалованья содержитъ себя и васъ, съ имѣнія, впрочемъ совершенно ничтожнаго, не получается ни гроша: это прошу замѣтить, и приготовлять себя къ трудамъ полезнымъ съ малолѣтства!

Вмѣстѣ съ симъ я посылаю къ добрѣйшей Наталіи Андреевнѣ 300 руб.: для тебя 150 руб. и для сестры столько же. Истинно не могу послать на мундиръ, ибо послѣднимъ дѣлюсь съ вами; но въ ноябрѣ ежели будешь прилежно учиться, вести себя хорошо, и начальники будутъ довольны тобою, то, пріѣхавши за Лизою, сдѣлаю для тебя и мундиръ, и все, что ты попросишь, разумѣется, нужное.

Я люблю васъ нѣжно; все мое счастье, всю радость вы составляете; будь же достойнымъ чувствованій сихъ отъ благословляющаго тебя отца Андрей Стороженко.

Пиши къ намъ, какъ можно чаще и подробнѣе.

При всемъ моемъ стараніи, другъ мой Володя, я не могла выпросить у папеньки для тебя мундира, ибо онъ не получилъ еще жалованія; но я надѣюсь скоро имѣть деньги, тогда сама пришлю тебѣ, мой душка, на новый мундиръ. Пиши къ намъ чаще, ты такъ мало пишешь, что всегда утѣшаешь насъ въ разлукѣ съ тобою и Лизочкою. Лизочкѣ не покупай романовъ, ибо она и такъ мрачнаго характера, а лучше пусть она учитъ все веселое. Жалѣю, что глобусъ испортили въ дорогѣ, онъ очень былъ хорошо сдѣланъ. Тетенька Любовь Ивановна тебя цѣлуетъ, въ другой разъ напишетъ къ тебѣ. Я же тебя

обнимаю и цѣлую крѣпко, остаюсь нѣжно любящая тебя Julie. Если увидишь г. Ушакова, кланяйся отъ всѣхъ насъ, пришли мнѣ чрезъ него что нибудь своего рисованія и сочиненія.

7.

Варшава 5 августа 1833.

Возвратившись изъ лагеря, ты ничего не пишешь ко мнѣ, Володя; а теперь я одинъ въ Варшавѣ, ибо маменька съ Любовь Ивановною еще 7 іюня уѣхали въ Малороссію, и извѣстія отъ васъ приносили бы мнѣ тѣмъ большую радость. Пожалуйста, другъ мой, пиши и чаще и со всѣми подробностями. У васъ скоро экзаменъ, въ этомъ я увѣренъ, ты перейдешь въ высшій классъ, дабы я порадовался, пріѣхавши въ Петербургъ за Лизою. Къ вамъ въ корпусъ поѣхали изъ Варшавы Косаковскіе; они были у меня съ отцемъ ихъ и ты можешь узнать отъ нихъ обо мнѣ.

Маменька часто пишетъ ко мнѣ и вамъ кланяется. Мнѣ такъ много трудовъ тяжелыхъ и хлопотъ, что едва могу написать нѣсколько строкъ. Въ Петербургѣ отдохну; а ты къ тому времени приготовь для меня какой нибудь сюрпризъ учебныхъ твоихъ занятій. Я люблю болѣе всего труды и прилежаніе. Это хлѣбъ нашъ; это одна надежда бѣдному сравниться съ богатымъ.

Петру Михайловичу, Петру Яковлевичу и всѣмъ роднымъ и добрымъ знакомымъ поклонись отъ меня.

До свиданія! любящій и благословляющій тебя на все доброе отецъ

Андрей Стороженко.

8.

Недавно писалъ къ тебѣ, милый Володя, но какъ Глафира Степановна Самбурская, отъѣзжая въ Петербургъ, обѣщала видѣть тебя, то пишу еще нѣсколько строкъ, хотя и для сего едва имѣю время. Ты не пишешь ко мнѣ, не пишешь, какъ видно, и къ маменькѣ; успокой насъ, и обрадуй извѣстіемъ, что ты отличаешься въ наукахъ, и что я увижу тебя молодцомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

До свиданія! нѣжно любящій тебя отецъ. Андрей Стороженко.

9.

Г. С.-Петербургъ 1833 г.

Безцѣнный Папенька! Давно не имѣлъ я счастія Вамъ писать и, по правдѣ сказать, оттого, что дожидалъ отъ Васъ; наконецъ, осчастливили Вы меня Вашимъ письмомъ и я пишу къ Вамъ. Въ лагеряхъ было очень весело, хотя и много было дождей; ученій было мало, впрочемъ, и праздниковъ было не много; но весело было мнѣ то, что я былъ со старыми моими пріятелями Малороссіи; съ Саранчей я подружился, какъ нельзя больше; славный малый, хорошо учится, много разсказываетъ мнѣ о Малороссіи, свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе; онъ бываетъ у Лизы и я тоже, хотя и не очень часто; съ Федей Дараганомъ, идучи въ лагерь; онъ также уменъ, какъ и его братъ, и всѣмъ похожъ на него; съ Немировскимъ, онъ въ Артиллерійскомъ училищѣ, отецъ его былъ у меня въ лагерѣ и кланяется Вамъ. Я остался въ томъ же классѣ, т. е. въ 4-мъ, чему очень радъ (экзаменъ у насъ былъ передъ лагеремъ, о которомъ я Вамъ писалъ); жалко только, что разстался съ моими добрыми товарищами, которые слѣдовали со мной съ 6-го класса; теперь я болѣе всего почти занимаюсь французскимъ языкомъ, перевожу Телемакъ, читаю книги, много стиховъ знаю наизустъ, сочиненіями еще не началъ заниматься—въ послѣдствіи..... A propos—скоро ли я начну учиться музыкѣ? Оба Скворцовы учатся—одинъ на фортепіано, а другой на флейтѣ, и многіе мои товарищи; мнѣ бы самому хотѣлось начать: учитель есть, который берется учить на флейтѣ, чиканѣ, скрипкѣ и еще на чемъ то; за 8 уроковъ 30 р Петръ Михайловичъ произведенъ, впрочемъ я его давно не видалъ. Митя Вамъ кланяется; Косаковскіе опредѣлились уже и много мнѣ говорили о Васъ. Они были съ отцомъ въ лагерѣ у меня и у Пенхержевскаго; я очень радъ, что имѣю случай говорить съ ними по французски; пожелавъ Вамъ всякаго благополучія, остаюсь Вашъ всепокорнѣйшій сынъ В. Стороженко,

P.S. Косаковскіе Вамъ кланяются и Калагеоргій тоже, онъ здѣсь въ Петербургѣ.

10.

Дражайшій дяденька Николай Ивановичъ! Извините, что не написалъ Вамъ съ письмами Вани и celle de George; немного полѣнился, въ чемъ и признаюсь Вамъ; попросите пожалуйста папеньку, чтобы позволилъ мнѣ учиться на скрипкѣ; впрочемъ, какъ Вы мнѣ посовѣтуете? Ваня очень успѣваетъ; онъ уже играетъ „Боже Царя Храни“ и „На

всей деревнѣ Катенька", а только взялъ два урока. У доброй сестрицы Вашей я много читалъ стиховъ, которые напоминаютъ мнѣ Васъ, особенно читая Онѣгина; не разсердитесь Вы на меня, что я списалъ Ваши стихи въ альбомъ къ себѣ; какъ идутъ Ваши сочиненія? Желаю Вамъ успѣха. Ежели вы знаете Родзевича, адъютанта князя, поклонитесь, пожалуйста, отъ его брата. Лиза свидѣтельствуетъ Вамъ свое уваженіе.

11.

Г. Варшава 30 ноября 1833.

Радуюсь, что ты, другъ мой Володя, учишься, какъ самъ пишешь, весьма изрядно. Коль скоро перейдешь въ 3-й классъ, тотчасъ вышлю деньги на скрипку и на уроки на оной.

Учись непремѣнно на скрипкѣ; хотя и трудно хорошо играть на семъ инструментѣ, но чего не достигнешь прилежаніемъ. Славно бы было, если бы ты переходилъ всякій годъ въ высшіе классы, а не оставался въ одномъ и томъ же.

Прилежаніе, другъ мой! и помни, что это одно можетъ восхищать меня.

Лиза выходитъ изъ института, постараюсь пріѣхать за нею. Маменька все еще въ Малороссіи; но я ожидаю ее всякую минуту.

Будь здоровъ тѣломъ, разумомъ и сердцемъ, которое облагораживалось бы поступками; пиши ко мнѣ какъ можно чаще.

До свиданья!

Нѣжно любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

12.

Г. Варшава 6 декабря 1833 г.

Письмо сіе ты получишь отъ Лизы, которая должна быть уже выпущенною изъ института.

Перешелъ ли ты, Володя, въ 3-й классъ? Я обѣщалъ прислать деньги на музыку при твоемъ переходѣ и ожидаю съ терпѣніемъ увѣдомленія отъ тебя по сему предмету.

Пишешь ты ко мнѣ и мало и не аккуратно. Пора радовать меня и слогомъ, и чистотою письма, дабы я могъ судить объ успѣхахъ твоихъ въ ученіи. Науки и свѣдѣнія суть достояніе твое.

Я не теряю надежды пріѣхать въ Петербургъ за Лизою; съ восхищеніемъ увижу васъ, и добрые отзывы о васъ будутъ наградою за тяжкіе труды, кои переношу съ сладкою надеждою быть вамъ полезнымъ.

Я увѣренъ, что ты оправдаешь мое ожиданіе насчетъ тебя. Будь добрымъ, прилежнымъ; будь примѣрнымъ подчиненнымъ и хорошимъ товарищемъ; тогда и самъ Богъ благословитъ тебя; возсылаю теплыя молитвы мои къ Нему о васъ, благословляю тебя съ нѣжностью отца, истинно любящаго тебя. Андрей Стороженко.

13.

Г. Варшава $^{14}/_{25}$ *генваръ 1834.*

И такъ, я думаю, ты уже вмѣстѣ съ Лизою, Володя. Послѣднее письмо твое меня истинно порадовало. Учись, другъ мой! и коль скоро я получу увѣдомленіе отъ тебя, что ты перешелъ въ 3-й классъ, тотчасъ вышлю деньги и на скрипку, и на обученіе на оной. Весною я непремѣнно располагаю побывать въ Петербургѣ, увѣренъ, что ты много успѣешь къ тому времени, и сердце мое возрадуется сыномъ, достойнымъ всѣхъ моихъ попеченій.

Напиши мнѣ, выросла ли Лиза съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали, и не очень ли она маленькая? Она, я думаю, представляетъ серіозную дѣвицу; съ какимъ душевнымъ нетерпѣніемъ я ожидаю свиданія съ нею. Со временемъ и ты пріѣдешь къ намъ славнымъ гвардейскимъ офицеромъ. О! скоро ли будетъ сіе! Все зависитъ отъ твоего прилежанія въ наукахъ. Молю Милосерднѣйшаго Создателя, дабы по Святому Его Промыслу онъ сподобилъ меня видѣть тебя человѣкомъ уже!

Напиши, гдѣ твой мальчикъ, что отдалъ учиться къ кондитеру? У тебя есть контрактъ; прикажи кому нибудь отыскать его, и увѣдомь, каковъ онъ,

Поклонись отъ меня: Петру Михайловичу, Алекс. Михайловичу, Дмитрію Ивановичу Дарагану, Якову Дмитріевичу Кондзеровскому. Поцѣлуй ручки почтеннѣйшей Наталіи Андреевнѣ и сестрицамъ ея.

Къ Петру Яковлевичу я пишу вмѣстѣ съ симъ. Мнѣ такая бездна дѣла, что едва могу удѣлить и минуту на письма къ вамъ.

Будь здоровъ, уменъ, прилеженъ, покоренъ и благороденъ во всѣхъ поступкахъ твоихъ, и Богъ благословитъ тебя!

Нѣжно любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

14.

Г. Варшава $^{10}/_{22}$ *II—34.*

Браво, Володя! спасибо за письмо и за описаніе парада. Всего болѣе меня радуетъ то, что ты, чувствуя всю цѣну познаній, для насъ, въ утѣшеніе наше и въ собственную пользу свою прилежаешь. Я увѣренъ, что ты нигдѣ не будэшь послѣднимъ, и что я буду имѣть право гордиться достойнымъ сыномъ моимъ.

Вручитель сего, пріятель мой, Александръ Павловичъ Безакъ, разскажетъ мнѣ о тебѣ со всею подробностію. Онъ пріятель дома нашего, и человѣкъ достойный.

Лиза, я думаю, скоро уже прибудетъ къ намъ. Какая радость! скоро ли ты обрадуешь насъ подобнымъ образомъ? дай Богъ дожить до сего!

Любящій и благословляющій тебя отецъ Андрей Стороженко.

Почтеннѣйшей Наталіи Андреевнѣ, Петру Яковлевичу и Петру Михайловичу засвидѣтельствуй мое почтеніе. Маменька и Любовь Ивановна тебя цѣлуютъ.

Я люблю какъ съ горъ высокихъ
Лавы катятся снѣговъ,
Какъ орелъ въ странахъ далекихъ
Правитъ путь среди громовъ,
Какъ съ серебрянной главою
Мѣсяцъ смотритъ изъ за тучъ,
Какъ отъ солнца яркій лучъ
Льется теплою струею,
Какъ въ часъ ночи соловей
Пѣснью воздухъ оглашаетъ,
Я люблю..... Но вы милѣй,
Васъ ничто не замѣняетъ.

* * *

Я люблю весенній день,
Ароматъ луговъ душистый,
Тихую дубравы сѣнь,
Звукъ свирѣли голосистой.
Я люблю простого круга
Собесѣдниковъ прямыхъ,
Удовольствія досуга,
Изобилье благъ земныхъ.

Я люблю пиры друзей,
Гдѣ всѣ скорби забываютъ;
Я люблю..... Но вы милѣй,
Васъ они не замѣняютъ.

* * *

Я люблю Москву родную,
Мать Россійскихъ городовъ,
Златоглавую, святую,
Память вѣрности сыновъ.
Я люблю нашъ Питеръ славный,
Съ горделивою Невой,
Гдѣ Великій Петръ державный
Стиснулъ шведовъ подъ пятой.
Я люблю Кавказъ,
Волга, Донъ меня плѣняютъ;
Я люблю..... Но вы милѣй,
Васъ они не замѣняютъ;

* * *

Я люблю наукъ утѣхи,
Пользу, славу, цѣль искусствъ;
Просвѣщенія успѣхи
И плоды высокихъ чувствъ.
Я люблю дѣла героевъ,
Ихъ отважность, пылкій умъ,
Сановитость ратныхъ строевъ,
Хитрость боя, мудрость думъ.
Я люблю, какъ зыбь морей
Смѣлый кормчій разсѣкаетъ;
Я люблю.... Но вы милѣй,
Васъ ничто не замѣняетъ.

15.

Г. Варшава 22 іюня 1834.

Видно, я не дождусь отъ тебя, Володя, ни письма, ни извѣщенія о переходѣ твоемъ въ 3-й классъ. Закабалился ты въ 4-мъ!

Другъ мой сердечный! ты, будучи единственнымъ моимъ сыномъ, составляешь преимущественно всѣ надежды для меня въ будущемъ. Еще лѣтъ нѣсколько, и я, изнемогающій подъ тяжестію трудовъ сверхъ силъ моихъ, принужденъ буду оставить треволненное поприще службы, которую, можно смѣло сказать, тянулъ ремнемъ и безъ протекцій и безъ всякаго состоянія. Принужденъ буду въ бѣдномъ хуторѣ искать тепла и спокойствія. Дай Богъ, чтобы имѣлъ столько, сколько необходимо для борщу и каши, и чтобы могъ выписывать газеты и начитывать съ оныхъ ходъ твой по службѣ, для котораго нужно приготовиться прилежаніемъ къ наукамъ. Учись, Володя, дабы, если Богъ благословитъ меня дожить до твоего совершеннолѣтія, я радовался и гордился тобою. Нѣтъ минуты для меня свободной, рѣдко вижусь съ моимъ семействомъ; но и я нахожу время писать къ тебѣ: ты имѣешь гораздо болѣе времени, а не пишешь.

Къ почтеннѣйшей Наталіи Андреевнѣ вмѣстѣ съ симъ пишу и посылаю деньги для тебя. Коль скоро перейдешь въ 3-й классъ, буду платить за скрипку.

Будь здоровъ; да благословитъ тебя Создатель на все доброе!

Душею любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

16.

Варшава 9 августа 1834.

Посылаю тебѣ, другъ мой Володя, черезъ почтеннѣйшаго Николая Ивановича, мои серебрянные часики; какъ будешь камеръ пажемъ получишь отъ меня часы эмалевые, которые такъ же самъ ношу. Время не ждетъ насъ; взглядывая на часики, расчитывай оное и повѣряй свои занятія. Отъ регулярнаго заведенія часовъ зависитъ вѣрность ихъ: подобно и въ занятіяхъ, необходима регулярность и вѣрный расчетъ времени съ твердою волею и постоянствомъ. Не велико число 24, удободѣлимость его легка; но, дабы въ теченіе сутокъ не оставалось большихъ промежутковъ, надобно подумать съ утра, что когда дѣлать, и чѣмъ пополнить пустоту, соединяя пріятное съ полезнымъ? Учись, читай, пріучай себя къ терпѣнію, къ трудамъ умственнымъ и никогда не будешь раскаяваться. Я бы умеръ безъ занятій. Теперь ты учишь аксіомы и теоремы геометрическія; стереометрія требуетъ размышленія, и хотя начала сіи въ наукахъ не доставляютъ удовольствія, но они ведутъ къ высшимъ математическимъ познаніямъ, въ коихъ увидишь и мудрость человѣка, и правильную цѣпь открытій, сдѣланныхъ мыслящими.

Я думаю, ты славно уже разумѣешь французскій языкъ. Это необходимо для чтенія и для свѣта. Пиши ко мнѣ о твоемъ ученіи такъ, чтобы я имѣлъ понятіе, чему ты учишься.

Маменька и Лиза напишутъ тебѣ особо, я вижу ихъ только за обѣдомъ, въ прочемъ цѣлый день занятъ. Едва могъ въ 2 часа ночи написать тебѣ нѣсколько строкъ. Кого судьба не надѣлила богатствомъ, тотъ долженъ трудами вознаграждать недолю.

Благословляю тебя отъ всего моего сердца отецъ твой

Андрей Стороженко.

Засвидѣтельствуй мое почтеніе Наталіи Андреевнѣ съ семействомъ, Петру Михайловичу съ супругой и братомъ; если увидишь Кондзеровскаго, Огроновича, Д. Дарагана и другихъ любезныхъ мнѣ, поклонись отъ меня.

17.

Г. Варшава 28 сентября 1834 г.

Благодарю тебя, Володя, за два письма ко мнѣ. Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ относился о тебѣ весьма хорошо и сердце мое радовалось. Свѣтлѣйшій Князь вчера сказалъ мнѣ на маневрахъ: „я видѣлъ твоего сына, онъ будетъ офицеръ бойкій“; а я прибавлю: и человѣкъ честный и свѣдущій, какимъ желаю видѣть его. Оправдывай, Володя, сладостныя надежды мои, учись, читай, и Богъ благословитъ тебя.

Вмѣстѣ съ симъ посылаю къ ея превосходительству Наталіи Андреевнѣ 200 руб. на мундиръ и на шинель тебѣ, а на скрипку послалъ прежде 150 руб. Пока въ состояніи, готовъ всѣмъ помагать въ твоихъ полезныхъ занятіяхъ: ежели тебѣ нужно какихъ либо книгъ, пиши ко мнѣ, я пришлю денегъ на покупку оныхъ. Когда начнешь уже играть что нибудь на скрипкѣ, обѣщаю купить тебѣ инструментъ лучшій, нежели у самого Бёма. Можетъ Богъ дастъ зимою побывать мнѣ въ Петербургѣ и обнять тебя, дитя мое; искренно желаю сего.

До свиданья, другъ мой.

Всемъ сердцемъ любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

Надѣюсь, что ты уже прочитаешь мою руку, пишу по обыкновенію не разборчиво. Истинно нѣтъ времени.

Поклонись отъ меня Петру Михайловичу, Якову Дмитріевичу Кондзеровскому, Николаю Огроновичу и Дмитрію Ивановичу Дарагану.

Маменька, Лиза и Любовь Ивановна цѣлуютъ тебя.

18.

Г. Варшава $^{20}\Big|_{4}$ *февраля марта 1835.*

Я полагалъ, что ты не вторымъ сядешь, а во 2-мъ классѣ будешь; но эту радость для меня ты оттягиваешь до слѣдующаго у васъ экзамена; и да не обманутъ меня мои утѣшительнѣйшія надежды!

Другъ мой, Володя! Старайся не идти рядомъ со многимъ множествомъ; употребляй способности, какими наградило тебя небо, на пользу и на отличіе предъ другими; будь добрымъ товарищемъ; но не съ равнодушными къ наукамъ, познаніямъ и похваламъ, достойно заслуженнымъ. Мнѣ сладко было до слезъ умиленія слышать отъ генерала Шебеко о тебѣ много добраго, и да радуется всегда слухъ мой подобнымъ образомъ! Въ васъ заключается будущность захода жизни моей и сердце согрѣвается мыслію, что я увижу тебя достойнымъ всѣхъ попеченій моихъ.

Въ твои лѣта, милый Володя, я зналъ уже много; зналъ болѣе, нежели учатъ у васъ въ корпусѣ; но въ послѣдствіи всегда почти терзался мыслію, что познанія мои все еще недостаточны. Учись по нынѣ, почитая дѣятельность разума лучшимъ нашимъ предназначеніемъ.

Каково идетъ твоя скрипка? Она должна быть только отдохновеніемъ и отнюдь не мѣшать наукамъ. Будь здоровъ, пиши ко мнѣ, и да будетъ надъ тобою благословеніе нѣжно любящаго тебя отца

Андрея Стороженко.

Едва выбралъ время написать тебѣ нѣсколько строкъ, такая бездна хлопотъ; а при томъ я еще и говѣю. Думаю, что и ты тоже дѣлаешь; религія, созерцаніе величія и благости Творца, возвышаетъ чувства добраго: будь таковымъ и благо тебѣ будетъ.

19.

Г. Варшава $^{6}/_{18}$ *марта 1835.*

Вручители сего, банкиры Френкель и Эпштейнъ, разскажутъ тебѣ другъ мой Володя, какъ мы живемъ въ Варшавѣ; а возвратившись сюда, опишутъ тебя; и да порадуется сердце мое!

Прилагаемые 200 руб. въ письмѣ почтеннѣйшей Наталіи Андреевнѣ, отдай ей, засвидѣтельствовавъ наше истинное почтеніе.

Что ни толкуй, а лучше, если бы ты перешелъ было во 2-й классъ. Это ближе къ дѣлу и къ свиданію съ нами. Богъ вѣсть, попаду ли я когда либо въ Петербургъ? Въ отпускъ ѣхать дорого; а у меня только что становится для жизни. По службѣ я здѣсь обреченъ на муку, и едва ли можно вырваться. Оставить службу и пора бы, но у каждаго честнаго человѣка есть много такихъ священныхъ обязанностей, которыя заставляютъ его служить и трудиться до послѣдняго вздоха. Пошли, Господи, здоровья и радости въ васъ, милыя дѣти мои! Маменька и Лиза тебѣ кланяются. Мы недавно получили твои письма; но ты такъ торопишься въ объясненіи идей твоихъ, что и судить трудно о твоихъ успѣхахъ въ письменномъ изложеніи ихъ. Дай себѣ трудъ, познакомь меня съ собою, пиши ко мнѣ, подумавши, старайся привыкать къ составленію періодовъ и къ раздѣленію смысла строчными препинаніями, перечитывай логику и риторику, хотя они и скудны на языкѣ нашемъ. Отъ упражненія въ литературѣ образуется слогъ. Читай съ замѣчаніемъ, размышляй, и будешь писать отчетисто. Я пишу тебѣ теперь, какъ къ 15 лѣтнему юношѣ; да не идутъ дружескіе совѣты отца мимо!

Занятія меня сокрущаютъ. Желалъ бы всякій день бесѣдовать съ тобою; но едва могу набросать и эти строки, среди хаоса лицъ, ожидающихъ отъ меня дѣла въ отвѣтъ на ихъ по большей части бездѣлье. Такова должность моя.

Цѣлую и благословляю тебя! нѣжно любящій тебя отецъ

Андрей Стороженко.

Петру Михайловичу съ семействомъ и Алекс. Михайловичу свидѣтельствую мое душевное расположеніе.

20.

Варшава $^{15}/_{27}$ *іюля 1835.*

Отъ многихъ слышу похвалы о тебѣ, и за эту радость родительскому сердцу возношу молитвы къ Богу, хранящему тебя, и да увижу сына достойнымъ между людьми.

Настоящее твое ученіе, добрый мой другъ Володя, есть начало къ необходимымъ познаніямъ въ грядущемъ. Пріучай себя къ занятіямъ сухимъ, кои, въ послѣдствіи времени будутъ составлять радость ни отъ кого независимую. Чувства собственнаго достоинства должны быть тайною; но эта тайна для другихъ есть завистное утѣшеніе для себя, съ которымъ не страшно никакое дѣло. Начиная смотрѣть на

свѣтъ не дѣтскимъ зрѣніемъ уже, надобно заключить священное условіе съ нимъ, условіе истинной, непоколебимой честности и правоты душевной. Пусть люди будутъ неправы противу тебя; но ты будь правымъ противу нихъ. Ищи утѣшенія дружбы въ достойныхъ. Это умилительное чувство ближе къ твоему возрасту. Убѣгай празднолюбцевъ. Бери примѣры съ отличающихся по достоинствамъ. Добродѣтель неразлучна съ вѣрою и упованіемъ: чувства сіи внушаются Всеблагимъ въ сердца чистыя. Не надѣйся на разумъ, который иногда и блуждаетъ; но совѣтуйся во всемъ съ совѣстію—она есть стражъ поступковъ. Другъ мой сердечный! я увѣренъ, что ты будешь утѣщеніемъ моимъ на старость; и для того самые труды тягчайшіе кажутся мнѣ легчайшими для васъ.

Поздравляю тебя съ днемъ твоего Ангела!

Почтеннѣйшей Наталіи Андреевнѣ свидѣтельствую мою душевную признательность, и посылаю на имя ея Превосходительства 250 р. на твои расходы.

Поклонись отъ меня: Петру Яковлевичу, Петру Михайловичу и прочимъ роднымъ и знакомымъ. Пиши ко мнѣ обо всемъ подробно, чему ты учиться уже началъ во 2-мъ классѣ, дабы я могъ судить о дѣлѣ, ибо я раздѣленія вашихъ классовъ не знаю.

Прощай!

Нѣжно любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

21.

Калишъ $^{8}/_{20}$ *сентября 1835.*

Еслибы я имѣлъ время, я бы описалъ тебѣ, другъ мой Володя, великолѣпный съѣздъ Калишскій; но здѣсь не остается мнѣ отъ службы и одной минуты свободной. Ты прочитать можешь подробности маневровъ, и кто присутствовалъ на оныхъ, въ „Русскомъ Инвалидѣ“ или въ „Сѣверной Пчелѣ“.

Не хочу однако же долго оставлять тебя, сынъ мой, безъ увѣдомленія о себѣ самомъ. Богъ Милосердный поддерживаетъ здоровье мое; но я крѣпко соскучилъ за маменькою и Лизою, которыхъ принужденъ былъ оставить въ Варшавѣ, какъ ты увидишь изъ прилагаемаго при семъ письма къ тебѣ отъ маменьки.

Куплетецъ стиховъ твоихъ на дружбу гладокъ, но о какомъ грѣхопаденіи пишешь ты, истинно не разумѣю: вѣроятно, однако же о моральномъ.

Учись, ибо въ наукахъ все достояніе твое, веди себя скромно и благородно, молись Творцу, и да никакой помыслъ суетный не коснется чистаго сердца.

Обнимаетъ тебя и благословляетъ нѣжно любящій отецъ

А. Стороженко.

22.

Г. Варшава 9/21 *октября 1835.*

Изъ Калиша я писалъ тебѣ, другъ мой Володя; возвратившись въ Варшаву, нашелъ письмо твое и спѣшу сказать нѣсколько словъ на оное.

Предметовъ къ изученію во 2-мъ классѣ довольно, курсъ ихъ ты описалъ дѣльно, теперь предстоитъ исполненіе программы, а затѣмъ т. е. чрезъ 9 мѣсяцевъ камеръ-пажество; затѣмъ же чрезъ годъ офиція, и свиданіе съ нами, чего мы, при благословеніяхъ, ожидаемъ съ радостнымъ нетерпѣніемъ.

Поклонись отъ меня Петру Михайловичу и достойнѣйшей супругѣ его, которой я истинно признателенъ за совѣтъ, данный тебѣ въ разсужденіи музыки. Желаю, чтобы ты выучился наполнять промежутки офицерской жизни не однѣми книгами; но музыка требуетъ терпѣнія, употреби его; а способности, судя по слуху твоему въ пѣсняхъ, ты имѣешь. Лиза не сложитъ одного куплета и простой арійки, намѣшаетъ всего слышаннаго понемногу, а играетъ теперь на фортепьяно изрядно. Какъ я буду восхищаться, слушая васъ вдвоемъ разыгрывающихъ какую нибудь мою любимую штуку! Музыка закрываетъ предо мною все непріятное на сценѣ житейской; а малороссійская мелодія миритъ со всѣми невзгодами. Выучись на скрипкѣ, Володя, хотя столько, чтобы сыграть Горлицу; а я и на старости танцевать пущусь родное.

Углубись во французскій языкъ для дѣла, а болтать на ономъ старайся какъ можно бѣглѣе, для необходимаго приличія.

Цѣлуетъ и благословляетъ тебя нѣжно любящій отецъ

Андрей Стороженко.

23.

Варшава 3/15 *февраля 1836.*

Нѣсколько дней, какъ я возвратился изъ Малороссіи, другъ мой Володя! Тамъ всѣ наши близкіе здоровы, кланяются тебѣ, а садикъ мой и маленькій домикъ ожидаютъ прибытія нашего небольшаго семейства, которое еще не бывало вмѣстѣ даже и на родинѣ. Слѣдующаго года ты будешь камерпажемъ, а тамъ офицеромъ, и мы съѣдемся въ Малороссіи. Эта мысль восхищаетъ меня; и да не разочаруюсь въ ожиданіяхъ сбыточныхъ и скромныхъ по существу своему.

Письмо это отдастъ тебѣ Павелъ Ивановичъ Кованько, который всякій день бываетъ у насъ въ Варшавѣ, и разскажетъ тебѣ о нашемъ житьѣ здѣсь.

Лиза выѣзжаетъ уже въ свѣтъ, и радуетъ меня скромностію, приличіемъ и успѣхами, какіе сдѣлала въ Варшавѣ, послѣ потери времени въ институтѣ. Она дѣвушка, заслуживающая похвалы и среди полекъ; а познанія ея, пріобрѣтенныя подъ моимъ надзоромъ и попеченіемъ нѣжнѣйшей доброй второй матери не заставляютъ краснѣть меня, можетъ быть, иногда и много требующаго отъ 17-лѣтняго возраста. Она любитъ читать; но я указываю ей на предметы необходимые, хотя свѣтъ и не признаетъ ихъ таковыми. Можешь вообразить ея терпѣніе читать съ отчетливостію даже исторію Малороссіи. Познанія украшаютъ каждаго, они есть матеріалъ для составленія идей правильныхъ. Мнѣ некогда говорить о пустякахъ; слѣдовательно всякій разговоръ въ семействѣ долженъ быть занимательнымъ, чтобы я въ ономъ участвовалъ; а потому и Лизѣ надобно было учиться, не останавливаясь на институтскомъ воспитаніи.

До свиданія! Нѣжно любящій и благословляющій тебѣ отецъ

А. Стороженко.

Почтеннѣйшей Наталіи Андреевнѣ и Петру Михайловичу съ достойнѣйшею супругою засвидѣтельствуй мое привѣтствіе искреннее, равно Петру Яковлевичу.

24.

Варшава 11 марта 1836.

Чрезъ нѣсколько дней, другъ мой Володя, тебѣ будетъ 16 лѣтъ. Благодарю Бога Милосерднѣйшаго, сподобляющаго меня видѣть дѣтей моихъ достигающими лѣтъ, въ которыя развиваются уже умственныя способности. Увѣренъ, что ты, другъ мой, въ остающееся для тебя короткое время, собственно для наукъ школьныхъ, усугубишь прилежаніе, дабы положить основаніе познаніямъ, содѣлывающимъ человѣка годнымъ къ предстоящимъ—значенію, службѣ государственной и отличію между людьми. Вступленіе въ свѣтъ со свѣдѣніями, скромная самонадѣянность и дозволенное чувство мыслить, что я нигдѣ нелишній, (ежели убѣжденъ нъ правѣ на то прилежнымъ приготовленіемъ себя къ предстоящему поприщу), даютъ ходъ и противъ вѣтра фортуны, который не для всякаго бываетъ попутнымъ. На самой прямой дорогѣ встрѣчаются преткновенія; но идя по ней, не попадешь въ такую извилину, изъ которой трудно выбираться; съ прямыми познаніями тоже: трудись, и взыщутъ тебя. Свѣтскія отличія мимолетны, а отличающія насъ свѣдѣнія и правость характера вѣрны къ цѣли, хотя и отдаленной обстоятельствами. Родившись знатнымъ, не трудно достигнуть значеній; но дотянуть до нихъ, какъ говорится, ремнемъ, трудно; но за то какъ почтенно! Не думай, чтобы безъ наукъ, безъ трудовъ и размышленій, безъ истиннаго самоотверженія, можно было достигнуть до чего либо; не полагай, что протекція всего болѣе пособляетъ на свѣтѣ, не ищи примѣровъ въ оной; а трудись и заключай ее въ самомъ себѣ, въ достоинствахъ собственныхъ. Чего ты не училъ и не читалъ, то не приснится даже; и самая счастливѣйшая мысль, не поддерживаемая знаніемъ дѣла, есть мечта и только.

Поздравляю тебя съ днемъ твоего рожденія! Цѣлую и благословляю.

Нѣжно любящій тебя отецъ А. Стороженко.

Почтеннѣйшей Наталіи Андреевнѣ съ семействомъ, Петру Яковлевичу и Петру Михайловичу съ достойною супругою засвидѣтельствуй мою преданность.

25.

Варшава 6/18 *апрѣля 1836.*

Чего я не читалъ, другъ мой сердечный, Володя! не только Ансиліона, но во время холеры въ Петербургѣ имѣлъ терпѣніе прочитать всѣхъ новѣйшихъ романтиковъ или романистовъ; и вздохнулъ свободно, прочитавъ въ тогдашнихъ публичныхъ вѣдомостяхъ, что такого-то числа умерло отъ холеры только 37. Думаю, что на все есть мода, какъ на ческу волосъ и на усы. Стернъ породилъ чувствительныхъ путешественниковъ; Вольтеръ—дерзновенныхъ вольнодумцевъ; Шиллеръ и Гете—задумчивыхъ поэтовъ; нашъ почтенный Н. М. Карамзинъ—разсказчиковъ; Пушкинъ и другіе—*завѣтныхъ* и *беззавѣтныхъ*, милыхъ какихъ-то баловней. Результатомъ моего чтенія романовъ было то, что знаменитый Вальтеръ-Скоттъ достоинъ подражанія. Его Антикварій заставлялъ смѣяться и въ холеру, Я люблю историческіе романы, но несравненно болѣе люблю исторію. Въ молодости читались съ удовольствіемъ романы добраго старика Лафонтена. Это однакожъ не мѣшало историческимъ занятіямъ и дѣльнымъ свѣдѣніямъ; но ихъ не сыщешь ни въ Дюма, ни въ Гуго, ни въ Дарленкурѣ. Какъ ни увлекателенъ для всѣхъ поэтовъ лордъ Байронъ; какъ ни восторженъ для фанатиковъ Юнгъ Штиллингъ съ братіею; но пусть размышляющій изъ нихъ возьметъ Юма, Іоанна Мюллера, И. Ш. Робертсона, пусть углубится въ исторіи Рима, Греціи и новѣйшихъ образованныхъ государствъ, то все водянистое, пышное и философически-бѣснующееся, погрузится въ безднѣ соображеній, мыслей и примѣровъ, которые могутъ быть примѣняемы съ пользою во всякомъ вѣкѣ и состояніи. Ничто не ново подъ солнцемъ! пріобщаются только но, выя познанія; пріобрѣтается новый взгладъ, сообразный съ вѣкомъ и просвѣщеніемъ; одни, математика и здоровый смыслъ, постоянны.

Какъ необходима для военнаго въ особенности по всѣмъ предметамъ военная исторія. Какъ необходима для гражданина исторія законовъ, исторія священная; книги: Іова, Эклезіастъ, Іисусъ, сынъ Сираховъ, божественный Новый Завѣтъ, суть науки человѣка и христіянина. О! какъ много надобно учиться и читать! Да не идетъ сіе мимо ушей твоихъ, сынъ мой! учись, смиряйся, и вознесешься.

Письмо твое истинно порадовало меня, но я долженъ тебѣ сказать, другъ мой, что вспыльчивость есть большое преткновеніе на пути жизни. Ее однакоже умѣрить можно, и довлѣетъ, я и самъ иногда увлекаюсь. Сколько было раскаяній въ томъ, теперь же не имѣю прежнихъ причинъ къ раскаяніямъ, ибо власть надъ самимъ собою подавляетъ прежнія увлеченія. Чѣмъ ранѣе начнешь трудиться надъ самимъ

собою, тѣмъ легче успѣешь. Мнѣ некому было совѣтывать, а ты имѣешь отца, нѣжно любящаго тебя, который проситъ тебя быть добрымъ, терпѣливымъ, снисходительнымъ.

Да будетъ надъ тобою мое благословеніе А. Стороженко.

Кто отецъ твоего достойнаго молодаго пріятеля Дубельта? Не Леонтій ли Васильевичъ Дубельтъ? Если такъ, то отцу его 25 лѣтъ я истиннымъ пріятелемъ.

Петру Яковлевичу и Петру Михайловичу съ супругою, которая тебя ласкаетъ и которой я, не имѣя чести лично знать, такъ много обязанъ за то, засвидѣтельствуй мое истинное почтеніе.

26.

1836 г.

Недавно я писалъ къ тебѣ, другъ мой Володя! и третьяго дня получилъ отъ тебя письмо, которымъ очень доволенъ; но ты пишешь о ножкахъ и хорошенькихъ личикахъ, это мнѣ не нравится. Надобно еще предаться ученію, одному ученію, и ни о чемъ болѣе не думать, какъ быть скорѣе камеръ-пажомъ и офицеромъ, достойнымъ моего попеченія. Видно, ты въ самомъ дѣлѣ не бойко начинаешь математическія занятія твои, когда учитель говоритъ: „худо вы начинаете!“ Математика необходима для офицера образованнаго такъ, какъ необходимъ французскій языкъ и литературныя познанія для свѣта. Чтобы научиться порядочно изъяснять свои мысли, нужно чтеніе. Читай, мой другъ, въ свободное время; а поэзія да будетъ твоимъ отдохновеніемъ! Хорошіе стихи сами врѣзываются въ память, если въ оныхъ видны чувства возвышенныя; но проза требуетъ углубленія, и потому пріучай себя размышлять о томъ, что читаешь. Исторія и географическія свѣдѣнія никогда не выходятъ изъ головы, когда предметы сіи запечатлѣваются; упражненія пріучаютъ память удерживать въ оной прочитанное. Читай! повторяю, думай, разговаривай о прочитанномъ съ любящимп также чтеніе товарищами, не стыдись спрашивать о томъ, чего не понимаешь, и Богъ благословитъ тебя быть человѣкомъ. Труды есть наше предназначеніе!

Письмо сіе я отправляю съ почтеннѣйшимъ Николаемъ Ивановичемъ и прилагаю собственно въ твое распоряженіе 25 руб. Напиши мнѣ подробно, что ты съ ними сдѣлаешь, что купишь себѣ?

Лизы, я думаю, Николай Ивановичъ не застанетъ уже въ Петербургѣ, но я пишу къ Наталіи Андреевнѣ. Увѣдомь меня о твоемъ мальчикѣ, что у кондитера.

Будь здоровъ, добръ и благороденъ, и да утѣшится тобою нѣжно любящій тебя отецъ, въ васъ полагающій все счастіе, для васъ трудящійся тяжко, но съ упованіемъ и сладкою надеждою оставить вамъ имя, съ которомъ бы вы вступили въ свѣтъ, не чувствуя разницы въ состояніяхъ. Прямая дорога, истинная честность, истинное честолюбіе, хотя медленно, но равняетъ насъ и съ счастливцами даже слѣпого случая.

Любящій и благословляющій Стороженко.

Мнѣ такая пропасть заботъ, что едва могу написать письма и къ самымъ близкимъ.

— —

27.

1836 г. 26-го апрѣля. Дражайшіе родители! Письмо это пишу я въ канцеляріи Николая Ивановича, пока онъ у фельдмаршала. Кто сильно чувствуетъ, тотъ говоритъ немного, и потому я не могу изъяснить Вамъ той привязанности, которую имѣю я къ Николаю Ивановичу; впрочемъ, онъ такъ любитъ меня, что, дѣйствительно, нельзя не платить ему сторицею; вообразите, что въ первый день пріѣзда онъ уже былъ у меня, не смотря на заботы, которыя поминутно обременяютъ офицера при пріѣздѣ въ столицу. Письмо Ваше получилъ я, разумѣется, съ восхищеніемъ; все меня теперь съ каждымъ днемъ увѣряетъ, что первое достоинство человѣка состоитъ въ образованіи сердца и въ обогащеніи ума; теперь только убѣждаюсь я въ пользѣ и необходимости наукъ. Я и прежде учился, но учился потому только, что мнѣ говорили: надобно учиться; у меня не было этого душевнаго стремленія къ занятіямъ, и, занимаясь даже, я не находилъ въ этомъ глубокаго удовольствія и не видѣлъ большой необходимости; теперь же я нахожу первое, вижу второе. Вчера, напримѣръ, читалъ я исторію поэзіи Шевырева и остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ исторіи. Я прежде думалъ, что познаніе исторіи нужно для того только, чтобы не прослыть необразованнымъ, и чтобы при имени героя древности не сказать: откуда, батюшка, имя такое взялось, у насъ на Руси я не слыхалъ подобнаго,—вотъ была цѣль моего ученья; теперь же я вижу, что для того, чтобы жить, чувствовать и мыслить самостоятельно и не быть „рабскимъ подражателемъ, обезьяною“, нужно знать исторію, ибо знаніе ея есть половина опытности, а безъ нея въ жизни и шагу нельзя сдѣлать. 15-го мая у насъ начинается экзаменъ; разумѣется, я къ нему приготовляюсь, въ пріятномъ ожиданіи быть камеръ-пажемъ. Николай Ивановичъ, по просьбѣ моей, хочетъ

отпросить меня отъ лагеря, чтобы заняться французскимъ языкомъ; не знаю, будетъ ли удачна эта попытка, но, дѣйствительно, я могъ бы съ пользою употребить два мѣсяца лагернаго времени, между тѣмъ какъ тамъ я просто билъ бы баклуши. Я и позабылъ поблагодарить за деньги, которыя Вы мнѣ прислали съ Николаемъ Ивановичемъ, но это такая вещь, которая не можетъ сохраняться въ моихъ рукахъ долго (Николай Ивановичъ, впрочемъ, увѣритъ Васъ лично, что это простительное мотовство, т. е. издержки неизбѣжныя); изъ 50 р., Вами присланныхъ, у меня больше и копѣйки нѣтъ; я такой человѣкъ, что когда денегъ нѣтъ, я и не подумаю о нихъ, а какъ въ карманъ хоть грошъ попалъ, то уже заранѣе и судьба его опредѣлена. Сегодня я былъ у Дубельта, сына того же самаго Л. В. Дубельта, съ которымъ Вы 25 л. пріятели, но къ сожалѣнію не засталъ дома; я весьма часто бываю у него и провожу весьма пріятно время въ дружеской, откровенной бесѣдѣ или въ занятіяхъ классныхъ. Мысленно обнимаю Васъ и остаюсь нѣжно любящимъ сыномъ Вашимъ В. Стороженко.

28.

28 апрѣля 1836 г. С. Петербургъ. Съ послѣднею экстра-почтою я писалъ къ Вамъ, достойнѣйшій и многоуважаемый Андрей Яковлевичъ! но это было такъ сказать на лету, а потому не помню, успѣлъ ли сказать что нибудь дѣльное. Теперь опять не могу похвалиться досугомъ и надѣюсь, что вы извините меня за безсмыслицу. Прежде всего прошу принять письмо отъ Володи; онъ былъ у насъ третьяго дня и, благодаря Бога, здоровъ, юноша истинно милый и живой. Сегодня утромъ Булгаринъ наконецъ имѣлъ аудіенцію у фельдмаршала и Его Свѣтлость предложилъ ему посвятить книгу кому нибудь изъ царской фамиліи. Что касается до ожидаемаго Вами позволенія объявить подписку въ Царствѣ Польскомъ, то фельдмаршалъ вполнѣ Вамъ на это разрѣшаетъ и слова эти пишу именно по приказанію Его Свѣтлости. Булгаринъ, кажется, въ хорошихъ надеждахъ на свою книгу. Онъ самъ хотѣлъ писать къ Вамъ, но не успѣлъ, а обѣщаетъ прислать черезъ меня по экстра-почтѣ предлинное письмо, въ которомъ будетъ помѣщено слѣдствіе разговоровъ съ разными лицами. Шульца до сихъ поръ не могъ представить фельдмаршалу, потому что каждое утро проходитъ у насъ въ большой суетѣ и князь почти не желаетъ видѣть никого изъ желающихъ представиться. Впрочемъ я предварительно докладывалъ объ этомъ дѣлѣ Его Свѣтлости и словесное уже получилъ согласіе. Шульцъ на этомъ основаніи будетъ отправленъ въ Варшаву для поступленія въ канцелярію Вашу; ему выдадутъ отсюда

прогонныя деньги и, полагаю, 500 р. на подъемъ. Не знаю, такъ ли это сдѣлано? Я виноватъ противъ Юліи Ивановны; до сихъ поръ прически мнѣ данныя, еще не передѣланы и цвѣты не куплены; но право нѣтъ вовсе досуга заняться этимъ посерьезнѣе. Отъ передѣлыванія прически, Любовь Ивановны парикмахеръ вовсе отказывается, а Наталья Андреевна также отклоняетъ себя отъ такой заботы. Шарфъ, эполеты и эксельбанты Вамъ куплены прекрасные, но послать не успѣваю, и тысячу разъ прошу за все извиненія, особенно у дамъ, которыя въ такихъ случаяхъ обыкновенно неумолимы. Новаго, кажется, ничего. Гр. Чернышевъ скоро отъѣзжаетъ за границу; П. А. Клейнмихель боленъ и также поѣдетъ въ отпускъ въ Курскъ. Дворъ ежедневно собирается въ Царское Село, но погода мѣшаетъ; погода сто разъ въ день измѣняется. Пріемъ фельдмаршалу и княгинѣ былъ сдѣланъ превосходный. Ея Свѣтлость получила отъ Императрицы браслетъ съ портретомъ Государыни цѣною въ 10 т. р. Объ отъѣздѣ нашемъ еще ничего не рѣшено. Мнѣ къ сожалѣнію не удается выхлопотать себѣ здѣсь небольшой отпускъ; а между тѣмъ дѣла мои и по книгѣ, и по деревнѣ требовали бы также досуга. Посылаю Вамъ приказъ объ утвержденіи Васъ въ должности и душевно желаю, чтобы это письмо нашло всѣхъ въ семействѣ Вашемъ здоровыми. Примите искреннія доказательства совершеннаго почтенія и сердечной преданности, съ которыми всегда остаюсь къ Вамъ. Уважающій и нелицемѣрный слуга Николай Ушаковъ. P.S. У Юліи Ивановны, Елисаветы Андреевны и Любовь Ивановны цѣлую ручки. Мнѣ писали, что Юлія Ивановна была не такъ здорова и это очень меня потревожило.

29.

Варшава $^{2}/_{14}$ *іюля 1836.*

Браво Володя! поздравляю тебя камеръ-пажемъ! Мнѣ это такъ радостно, какъ бы я самъ былъ возвышенъ на самую высочайшую степень въ Государствѣ. Дѣло не въ камерпажествѣ, а въ томъ, что это служитъ доказательствомъ прилежанія, добраго поведенія, и что ты идешь на ряду съ отличными изъ своихъ товарищей. Иди, другъ мой, честнымъ путемъ, не сворачивая съ онаго, и Богъ будетъ твоимъ помощникомъ и покровителемъ!

Спѣшу отправить къ Наталіи Андреевнѣ 1050 руб. для твоей обмундировки. По слѣдующей почтѣ напишу подробнѣе; теперь истинно не имѣю и минуты времени.

Благословляющій тебя отецъ А. Стороженко.

700 руб.—обмундировка, 150 руб.—человѣку за полгода, 165 руб. —на скрипку за треть и 35 руб.—на бездѣлки нужныя.

Александру Максимовичу ф. Фоку, котораго я люблю особенно, поклонись отъ меня.

30.

31 іюля 1836.

Твое камерпажество, другъ мой Володя, приноситъ мнѣ истинное утѣшеніе, поелику оно досталось тебѣ безъ всякой протекціи. Будь готовъ къ тому, что такое точно безпомощное поприще предстоитъ тебѣ и на дѣйствительной службѣ. Много горя, много лишеній повстрѣчаешь ты, не родившись знатнымъ, за то какъ лестна, какъ благородна самостоятельность! Какъ утѣшительна мысль, что честность и труды могутъ сравнять насъ съ тѣми, кои достигаютъ почестей по богатству, или заслугамъ не ихъ собственнымъ. Наши предки были вѣрны своему долгу; были людьми заслуженнымп въ краю, гдѣ не было магнатовъ; впослѣдствіи всегда были вѣрны Царямъ православнымъ, и завѣщали намъ чувствованія истинно монархическія; но ни одинъ изъ Стороженковъ не былъ богатымъ. Когда ты выйдешь въ офицеры и пріѣдешь ко мнѣ, увидишь у меня портретъ прапрадѣда, съ сѣдою бородою, почтенной физіогноміи, который былъ значительнымъ лицомъ въ Малороссіи, находился при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ I-мъ и былъ удостоенъ ихъ довѣренности и благоволенія; умеръ же человѣкомъ бѣднымъ. Пишу къ тебѣ это для того, чтобы ты не думалъ, что мною начинается наша генерація.

Ты, конечно, уже въ мундирѣ камерпажескомъ. Посылаю еще триста рублей Наталіи Андреевнѣ на нужды твои; но будь бережливъ, и помни, что все, удѣляемое мною вамъ, есть заслуживаемое трудами собственными, а не доставшееся по наслѣдству, и что я не могу посылать вдругъ значительной суммы, поелику и самъ получаю жалованье въ установленные термины.

Осенью кончится обученіе твоего мальчика; подумай объ этомъ; напиши мнѣ, дабы я могъ распорядиться одѣяніемъ его, и пока ты не будешь офицеромъ, хорошо бы отдать его на нѣсколько мѣсяцевъ поучиться парихмахерству, нужному для тебя.

До свиданья! да будетъ на тебѣ мое благословеніе. Нѣжно любящій тебя отецъ А. Стороженко.

31.

Варшава 1/19 октября/сентября 1836.

Украинская дичь, которою ты, другъ мой Володя, восхищаешься въ письмѣ къ Лизѣ, хороша въ одномъ піитическомъ воображеніи. Если же разсудишь просто, что скачущій по равнинѣ нашей козакъ, есть или былъ хищникъ, коего трепетали мирные поселяне, то иллюзія исчезаетъ, и каждый благословляетъ вѣкъ нашъ, вѣкъ гражданскаго спокойствія подъ благодѣтельнымъ монархическимъ правленіемъ. Впрочемъ, въ Малороссіи всегда была гражданственность, всегда былъ порядокъ и законы, одни Запорожцы были шайкою разгульныхъ удальцовъ; но они не принадлежали къ собственно малороссійскому козацкому войску, въ коемъ были старшинами предки наши.

Просвѣщеніе истинное, зиждущееся на краеугольномъ камени вѣры, умягчаетъ нравы. Соединеніе народовъ подъ скипетромъ, охраняющимъ ихъ, содѣлываетъ общій бытъ твердымъ, и взаимныя соотношенія между людьми сопровождаются довѣріемъ. Отъ прежняго козака запорожскаго добрые поселяне запирали, какъ можно крѣпче, двери; а нынѣ все село выходитъ лѣтомъ на полевыя работы, остаются одни малыя дѣти, хаты растворены, и никто не боится пропажи. Отъ чего же происходитъ это? Отъ законовъ, отъ вѣры, поселяющей въ простомъ сердцѣ добродѣтель безусловную, и отъ гражданственности.

Пока человѣкъ не станетъ желать невозможнаго, пока онъ не издерживаетъ болѣе того, что имѣетъ; пока онъ не буяетъ воображеніемъ и не заразится завистію къ высшимъ состояніямъ; дотолѣ просвѣщеніе для него есть благо, есть добро вѣрное.

Учись, другъ мой, для того, чтобъ быть полезнымъ; а не для тщеславія. Не завидуй никому; будь доволенъ жребіемъ, какой тебѣ судьба удѣлитъ, и будешь взысканъ.

Нѣжно любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

Прочитай исторію Малороссіи, пока, Бантыша-Каменскаго; она, за неимѣніемъ другой, дастъ тебѣ нѣкоторое понятіе, не о старинѣ, а кой о чемъ нашемъ. Когда же увидимся, я покажу тебѣ многое. Въ мою жизнь я ничего не кончу, ибо мнѣ необходима служба, необходимъ насущный; но оставимъ это до свиданья, и до окончанія тобою наукъ, развивающихъ умственныя способности.

Я также хотѣла тебѣ писать длинное письмо, милый другъ мой Володя, но сегодня цѣлый день такъ больна, что не въ состояніи двухъ словъ написать, и должна принимать лѣкарство.

Попроси извиненія у почтенной Нат. А.; во всякомъ случаѣ, другъ мой, ты, я думаю, увѣренъ, что никто болѣе не можетъ любить тебя, какъ Julie S.

32.

Варшава $^{3}/_{15}$ *ноября 1836.*

Посылаю тебѣ, другъ мой Володя, чрезъ Ивана Андреевича Митковича, занимающагося съ пользою историческими разысканіями, 200 руб. ассиг. къ прежде посланнымъ деньгамъ на твои необходимыя надобности и прошу быть разсчетливымъ, ибо это одно изъ похвальнѣйшихъ качествъ гражданственности, о которой ты пишешь, по лѣтамъ своимъ, дѣльно. Какъ будешь учиться, читать, и созрѣешь, въ то время побесѣдуемъ обширнѣе о подобныхъ предметахъ. Я уповаю, съ самыми пріятнѣйшими для меня чувствованіями, что, увидѣвши тебя офицеромъ, увижу вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣка, по сердцу коего не скользили отеческія наставленія. Если Богъ сподобитъ отца твоего, послѣ тяжкихъ трудовъ, принимать тебя на хуторѣ въ царинѣ, куда онъ намѣревается укрыться на старость отъ треволненій служебныхъ, ты увидишь тамъ не только предковъ нашихъ; но и Исторію родины, или матеріалы для оной, кои привести въ систематическій порядокъ, мнѣ, трудившемуся цѣлую жизнь для того, чтобы существовать съ семействомъ, не было никакой возможности. Дай Богъ, чтобы ты, при способностяхъ, имѣлъ болѣе удобнаго для сего времени. На хуторѣ ты увидишь также собраніе книгъ и картинъ. Послѣднія составляютъ единственное мое удовольствіе; а первыми можно заняться до сыта, лишь бы была охота. Чего не доучишься, дополнишь чтеніемъ; я же и въ этомъ принужденъ былъ отказывать себѣ большую часть жизни.

Да будетъ надъ тобою благословеніе Отца Небеснаго! Къ Нему возсылаю теплыя молитвы мои о тебѣ, и душа моя окрыляется радостію скорѣе увидѣть тебя.

Мальчика, по окончаніи термина кондиторскаго, помѣсти у почтеннаго Петра Михайловича; а научить его необходимой грамотѣ можетъ и солдатъ, какихъ вѣроятно, есть много въ піонерномъ эскадронѣ.

Засвидѣтельствуй мое истинное почтеніе Ея Превосходит. Наталіи Андреевнѣ, Петру Михайловичу, Аннѣ Михайловнѣ и Петру Яковлевичу.

До свиданья! нѣжно любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

Ты, какъ я примѣчаю, затрудняешься заглавіемъ писемъ къ намъ; и потому начинай просто безъ заглавій; не стѣсняйся изыскательностями; пиши, какъ думаешь и говоришь, дабы я могъ судить заочно о тебѣ.

33.

Варшава *26 декабря 1886.* / *7 генваря 1837.*

Ты совершенно пересталъ писать къ намъ, другъ мой Володя, и я скучаю. Почтенный Николай Ивановичъ разскажетъ тебѣ объ насъ болѣе, нежели я имѣю времени написать. Я просилъ его, проси и ты, освѣдомиться, какимъ путемъ со стороны моей можно достигнуть того, чтобы не оставили тебя лишній годъ въ корпусѣ, ибо это было бы, по мнѣнію моему, напрасно потерянное время. Офицеромъ можно болѣе пріобрѣсть свѣдѣній, разумѣется, съ духомъ пытливымъ, любознательнымъ, и прилежаніемъ, нежели старшимъ камеръ-пажемъ. А сверхъ того мы душевно желаемъ скорѣе тебя увидѣть.

Какъ вижу изъ письма твоего, математика тебѣ не дается, ты не любишь ея; но всѣ тѣ, коихъ славныя имена приводишь въ софистическомъ разсужденіи, преимущественно были свѣдущи въ ней. Наполеонъ въ Бріеннской школѣ былъ первымъ ученикомъ въ математикѣ, и проч. Исторія доступна всякому грамотному; многіе поэты прославили себя и ничему не учившись, или учившись весьма мало, какъ, напримѣръ, и первый стиходѣй нашъ; но ни одинъ военный человѣкъ не дошелъ до высшихъ степеней въ Европѣ, не учившись геометріи по крайней мѣрѣ, которая входитъ и въ построенія крѣпостей, и въ построеніе фронта; а геодезія, а гидравлика! о, безъ этого одни турки воюютъ. Я не говорю, чтобы необходимы были для всякаго высшія математическія познанія, равномѣрно какъ не почитаю исторію и поэзію верхомъ совершенства. Надобно все знать, чему тебя учили. Напиши мнѣ, куда бы ты хотѣлъ выйти, поговоривши о семъ съ Николаемъ Ивановичемъ, которому я говорилъ иногда о моемъ намѣреніи.

До свиданья! Будь здоровъ, пиши ко мнѣ обо всемъ откровенно. Нѣжно любящій тебя и благословляющій отецъ А. Стороженко.

34.

Варшава 2/14 апрѣля 1837.

Мнѣ кажется, что моя участь всегда имѣть дѣло, какое бы оно ни было впрочемъ, съ такими, что или они торопятся, или меня торопятъ, или я и самъ долженъ бываю торопиться. И такъ весьма рѣдко случалось на досугѣ поговорить, изложить мысли свои на бумагѣ; а еще рѣже повѣрить ихъ, или поправить написанное. Этому причиною вѣчное многодѣліе, зависимость отъ другихъ, и неопредѣлительность въ занятіяхъ. Что дѣлать? Кому досталось въ удѣлъ пріобрѣтать насущный трудами тяжкими, того время не ждетъ, и онъ располагать имъ не можетъ. Я хотѣлъ было написать тебѣ много, другъ мой Володя; но князь назначилъ выѣздъ свой въ 8-мь часовъ по утру, легъ я въ 3 часа ночи, вставши, началъ торопиться, добрый Николай Ивановичъ пришелъ ко мнѣ рано за письмомъ, оно не готово. Хотя, наконецъ, князь выѣзжаетъ уже и въ 11 часовъ; но я не принадлежу, такъ сказать, себѣ и долженъ ограничиться нѣсколькими строками, оставляя до слѣдующаго курьера. Если тебѣ нужны деньги, Николай Ивановичъ удѣлитъ ихъ, коему я далъ примѣрное число. Онъ передастъ тебѣ мои мысли насчетъ тебя въ будущемъ твоемъ. Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ и счастливъ, и чтобы всякое извѣстіе о тебѣ радовало меня!

Отпускъ мой послѣдовалъ. Буду пить воды и отдохну въ горахъ богемскихъ, воспоминая иное время, когда я былъ тамъ. Осенью располагаю побывать на родномъ хуторѣ, который предпочитаю всѣмъ столицамъ въ мірѣ.

Да будетъ надъ тобою благословеніе нѣжно любящаго тебя отца

А. Стороженко.

Почтеннѣйшей Наталіи Андреевнѣ, и Петру Михайловичу свидѣтельствую мою преданность.

Поклонись отъ меня В. А. Владиславлеву, Д. Дарагану, и поблагодари, если увидишь, почтеннаго Н. И. Греча за подарокъ мнѣ дѣйствительной поѣздки его въ Германію.

Пришли мнѣ мѣрку твоего роста.

Только нѣсколько словъ успѣю написать тебѣ, мой другъ Володя, ибо неожиданный поспѣшный отъѣздъ Князя лишилъ меня удовольствія говорить съ тобой болѣе. Скажу тебѣ только, что я всячески старалась склонить папеньку на твой пріѣздъ; но не знаю, успѣю ли;

Николай Ив. тебѣ скажетъ, какимъ манеромъ. Теперь же цѣлую тебя, мой милый Володя, и благословляю, остаюсь съ нѣжнѣйшею любовію матери

Юлія Стороженко.

35.

Варшава $\frac{28\ маія}{9\ іюня}$ *1837 г.*

Сейчасъ мы ожидаемъ князя, и чрезъ нѣсколько дней отправляемся за границу. Вручитель сего, лучшій пріятель мой здѣсь, директоръ Польскаго Банка Непокойчицкій, разскажетъ тебѣ, другъ мой Володя, объ насъ, а я ограничиваюсь нѣсколькими строками съ благословеніемъ моимъ и желаніемъ тебѣ здоровья и успѣховъ въ экзаменѣ.

Если тебѣ нужны деньги, можешь взять сколько необходимо отъ Непокойчицкаго, коего я просилъ о семъ. Жаль, что тебя не выпустили въ текущемъ году; но и наступающій не за горами; а между тѣмъ ты въ тишинѣ корпусныхъ классовъ, при пособіяхъ учительскихъ, утвердишься въ томъ, что знаешь, и пріобрѣтешь новыя познанія прилежнымъ чтеніемъ; да и въ силахъ укрѣпишься для дѣйствительной службы.

До свиданья, другъ мой, всею душею любящій тебя отецъ

Андрей Стороженко.

36.

Варшава $^{10}/_{22}$ *ноября 1837.*

Всякія повторенія скучны; а потому, не говоря о недосугахъ моихъ, пишу письмо это, какъ бы я располагалъ и временемъ, которое отъ меня нисколько не зависитъ. Сколько удастся, столько и напишу тебѣ, любезный другъ Володя! Тебя же прошу, откинувъ въ сторону неумѣстные счёты въ полученіи отъ меня отвѣтовъ, писать сколь можно чаще и подробнѣе, дабы я могъ выводить заочно отеческія заключенія, и радоваться тому, что покажется сходнымъ съ моимъ образомъ мыслей, или высказать то, въ свободную минуту разумѣется, что можетъ

познакомить тебя съ нимъ. Въ тебѣ олицетворяются всѣ надежды мои, или виды прошедшаго и будущаго: въ первомъ безъ укоризны я вижу мою молодость, и мысль проводитъ линіи, совершенно параллельныя однакожъ твоей, другъ мой! Въ послѣднемъ представляю себѣ съ умиленіемъ сына, достойнаго моихъ попеченій; возсылаю теплыя молитвы къ Творцу Милосердному за вся благая Его, и упованія мои утверждаются вѣрою. Да, съ благоговѣніемъ истинно религіознымъ гляжу я на путь, по которому поведетъ тебя рука невидимая; и да не совратишься со стези правды! Будь человѣкомъ честнымъ, вѣрнымъ твоему долгу, изучай почитать обязанности священныя; приготовляй себя быть полезнымъ, не теряя времени; не мечтай, ибо мечтатели вообще приторны, и не увлекайся суетностію. Мнѣ кажется, что огромные ботфорты, лосиныя исподнія, и огромная, славно выѣзженная лошадь, не ко всякому идутъ; впрочемъ не худо идти, ежели возможно, по направленію врожденныхъ склонностей; но надобно сперва твердо убѣдиться, что онѣ врожденныя.

Ты пишешь о кавалеріи. Одна часть гвардейской расположена въ Петербургѣ, а другая въ окрестностяхъ его. И въ той, и въ другой служить дорого, тѣмъ болѣе въ первой, вторая же удалена отъ столичной жизни, а это весьма важная потеря даже для обмѣна мыслей въ кругу читающихъ. Я думаю, что ты будешь любить чтеніе и занятія, для этого потребно время и подручность предметовъ. Я не въ состояніи дать тебѣ большаго содержанія. Тысячи полторы, много двѣ въ годъ не достаточны для прихотей: и такъ, соображайся съ такими способами, и строй на нихъ не гишпанскіе замки, а теплую, уютную хату, какъ сынъ истиннаго дворянина, не князя, не барона, закладывающаго послѣднее достояніе предковъ для того только, чтобы дѣлать долги въ столицѣ и потомъ просить объ уплатѣ ихъ безъ всякихъ заслугъ и отличій.

Въ другой разъ поговоримъ больше; а теперь благословляю тебя и цѣлую съ отеческою нѣжностію. Андрей Стороженко.

Леонтію Васильевичу Дубельту при свиданіи поклонись отъ меня.

Почтеннѣйшей Наталіи Андреевнѣ свидѣтельствуй мою преданность.

37.

Варшава $\frac{1\ января\ 1838.}{20\ декабря\ 1837.}$

Не пишешь, и не пишешь ко мнѣ, другъ мой Володя! Что у тебя за такое беремя дѣлъ, что, какъ видно, и минуты нѣтъ для нѣсколькихъ строкъ ко мнѣ? Ты, конечно, получилъ уже мое обширное посланіе, въ которомъ я говорилъ и насчетъ предстоящей тебѣ службы; впрочемъ, дай только Богъ, чтобы ты вышелъ въ офицеры, тогда увидимся, поговоримъ обширнѣе всякой переписки, и ты выразумѣешь мое положеніе.

Слыша добрые отзывы о тебѣ, сердце мое радуется. Поменьше только романтизма, да побольше дѣла. Дѣла существеннаго, пользы и приготовительныхъ занятій. Я бы желалъ перелить въ тебя всѣ мои чувства, мою опытность. Мы учимся изъ книгъ и примѣровъ. Если начало жизни и полно идей несовсѣмъ земныхъ, то исторія рода человѣческаго тяготѣетъ надъ пареніями.

Честность, прямодушіе, труды должны сосредоточиваться въ цѣли человѣка. Я люблю тебя всею душею моею. Представляю тебя въ самомъ лучшемъ образѣ юноши; радуй меня, и Всевѣдущій благословитъ тебя всѣми благими Его! О семъ молитъ

отецъ твой Анд. Стороженко.

При семъ посылаю тебѣ еще 200 руб. ассиг.

Засвидѣтельствуй душевное мое почтеніе достойнѣйшей Наталіи Андреевнѣ.

Написавши это, папенька отдалъ мнѣ, чтобы я приписалась. Я пробовала читать, но ничего не разберу, разберешь ли ты? Я бы этого очень желала, но, сказать правду, не надѣюсь. Кажется, папенька упоминаетъ о твоемъ выпускѣ въ офицеры, онъ однакоже ничего положительнаго не говоритъ, пожалуйста хотя ты скажи, въ какой полкъ, изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, желаешь опредѣлиться по выпускѣ изъ корпуса. Особенное обращай вниманіе на общество офицеровъ, съ которыми ты будешь, а не прельщайся блестящимъ мундиромъ; но объ этомъ нечего и говорить, тобою въ выборѣ будетъ вѣрно руководствовать благоразуміе. Пожалуйста, милый братъ, напиши мнѣ подробныя мысли твои о будущемъ, папенька въ этомъ дастъ тебѣ совершенную волю; только пожалуйста не думай о кавалеріи, папенька ея на любитъ, и не въ состояніи бы былъ пристойно содержать

тебя, а жалованья офицерскаго не станетъ и на лошадь. Подумай объ этомъ и ты убѣдишься въ словахъ моихъ. Любящая тебя сестра и другъ Е. Стороженко.

38.

Варшава $\frac{19\ февраля}{3\ марта}$ *1838.*

Прилагаю при семъ счетъ установляемымъ мною издержкамъ твоимъ, другъ мой Володя! Безъ собственнаго моего стѣсненія покуда я не въ состояніи положить болѣе. При благоразумной экономіи, мнѣ кажется, можно этимъ обойтиться; а далѣе посмотримъ: лишь бы попеченія мои служили во благо.

Изъ глубины сердца возсылаю теплыя молитвы мои къ Всевѣдущему за ниспосылаемые имъ способы помогать дѣтямъ моимъ! Я не имѣлъ ничего рѣшительно. Все, что есть у насъ, пріобрѣтено тяжелыми, но честными трудами, и оборотливостію неукоризненною. Отказывая себѣ почти во всемъ, я достигъ теплой хаты для предстоящей старости; но только хаты; не болѣе. 33-й годъ служу офицеромъ, дай Богъ и тебѣ послужить въ свою очередь и не нуждаться такъ, какъ я нуждался. Была одна зима, когда и шинели у меня не было. Вы были уже тогда на свѣтѣ и чистое упованіе на благій Промыслъ утверждало меня въ ожиданіи лучшаго, по крайней мѣрѣ, необходимаго. Обращаясь мыслями къ прошедшему, совѣсть утѣшаетъ ихъ. Ничто не тяготитъ ея, и ежели человѣку честному суждено быть предметомъ зависти, то онъ смотритъ гордымъ окомъ на ничтожныхъ, и изслѣдывая для себя собственно поступки свои прощаетъ клевету, равно какъ не радуется похваламъ; ибо все здѣсь: anitas vanitatum, omnia vanitas! И такъ мы успокоимся, ежели въ теченіе жизни старались быть того достойными. Покорность въ предопредѣленіи, скромность въ желаніяхъ и вѣрность въ обязанностяхъ своихъ суть добродѣтели, украшающія гражданина.

Будь здоровъ и счастливъ! Нѣжно любящій тебя отецъ

Андрей Стороженко.

При семъ посылаю тебѣ 350 руб. ассиг. на мальчика и на расходы.

39.

Варшава 1/13 *маія 1838.*

Почтенный Николай Ивановичъ привезъ отъ тебя письмо намъ, другъ мой Володя, которое порадовало сердце мое. Съ пріѣздомъ князя и въ ожиданіи Государя Императора, мнѣ хлопотъ, пріятныхъ впрочемъ, много. Не имѣю времени побесѣдовать съ тобою столько, сколько желалъ бы и почитаю нужнымъ; но постараюсь однако же на этихъ дняхъ удосужиться. Посылаю тебѣ 250 р. на расходы. Будь бережливъ и аккуратенъ; правда, что это старая пѣсня, но финалъ ея самый прекраснѣйшій.

Деньги къ выпуску твоему я собралъ уже, и ожидаю отъ тебя извѣстія: когда и кому именно послать ихъ передъ твоимъ офицерствомъ, чтобы въ обмундировкѣ не встрѣтилось и малѣйшей проволочки; а тамъ тотчасъ маршъ съ Богомъ и моимъ благословеніемъ на дѣйствительную службу!

Дрожки, говоритъ Николай Ивановичъ, сторгованы хорошенькія; кучера я пришлю прекрасной наружности; но надобно будетъ смотрѣть за нимъ по моему, съ строгостію справедливою, и онъ будетъ хорошъ.

Цѣлую и благословляю тебя.

Нѣжно любящій тебя отецъ Анд. Стороженко.

40.

Варшава 8/20 *іюня 1838.*

Посылаю при семъ, добрый мой Володя, 2000 руб. по предварительно посланной къ тебѣ запискѣ моей, на твое обмундированіе и на первые три мѣсяца. Вручитель сего банкиръ Френкель заплатитъ за дрожки и лошадь 1200 рублей; о послѣдней Н. И. Ушаковъ пишетъ къ своему знакомому въ Петербургѣ и извѣщаетъ тебя, къ кому тебѣ адресоваться по этому предмету.

И такъ въ первыхъ числахъ слѣдующаго августа ты вступишь на поприще службы дѣйствительной; да сопровождаютъ тебя на пути чести мое благословеніе, и теплыя молитвы ко Всевѣдущему о сохраненіи тебя подъ кровомъ своимъ. Жаль, что я не могу увидѣть тебя предъ вступленіемъ твоимъ въ свѣтъ, и что самъ ты не можешь побывать у насъ прежде истеченія года. Богъ вѣсть, гдѣ мы будемъ

тогда? Всего вѣроятнѣе въ Малороссіи, ибо я истинно изслуживаюсь, пора и честь знать, настоящія мои должности требуютъ здоровья желѣзнаго. Духъ бодръ, но плоть немощна! 33 года офицерской службы, большею частью бивуачной, и 14 военныхъ кампаній умыкаютъ. Впрочемъ я желалъ бы еще служить; но не генералъ-полицеймейстеромъ и не вице-президентомъ. Это сверхъ силъ моихъ. Скучно будетъ жить въ деревнѣ, ежели не употребятъ меня иначе; труды содѣлались моею стихіею; они какъ бы препятствовали разрушенію; но я постараюсь изобразить себѣ хлопоты. Дай Богъ, что бы и ты, другъ мой, нѣкогда повторялъ то, что пишетъ нынѣ къ тебѣ отецъ твой!

Какъ жаль, что мнѣ не довелось познакомиться гдѣ либо съ вашимъ почтеннымъ генераломъ Игнатьевымъ. Онъ и по репутаціи, и по моему объ немъ сужденію, по дѣлу, человѣкъ самый достойнѣйшій, рѣдкій въ настоящее время; если ты когда либо говоришь съ нимъ не по службѣ, засвидѣтельствуй отъ меня нелицепріятное уваженіе къ нему.

Пиши къ намъ чаще, и радуй нѣжно любящаго тебя отца

Анд. Стороженко.

41.

Варшава $^{18}/_{30}$ *августа 1838.*

Письмо твое, другъ мой Володя, въ которомъ извѣщаешь о полученіи денегъ отъ Френкеля, доставило намъ истинное удовольствіе; но приказа о производствѣ тебя все нѣтъ еще. Подождемъ до 30 августа; между тѣмъ, дабы и насчетъ экипажа ты распорядился заблаговременно, посылаю при семъ тысячу рублей ассигнаціями на имя почтеннѣйшей Наталіи Андреевны, которой свидѣтельствую мою душевную признательность. Я просилъ Френкеля, чтобы онъ снабдилъ тебя 1000 р. асс. для уплаты за дрожки и лошадь; но взялъ ли ты деньги эти отъ него, или нѣтъ,—ни онъ, ни ты, не пишете. Если деньги тобою взяты, то посылаемыя мною нынѣ оставь у Наталіи Андреевны въ счетъ будущихъ моихъ присылокъ. Аккуратность въ счетахъ и въ предварительномъ размышленіи объ издержкахъ, должны быть первыми условіями съ самимъ собою и съ другими. Кто не сыскиваетъ времени съ утра подумать о дневныхъ расходахъ, къ тому нужда влѣзетъ непримѣтно; нуждающійся же бываетъ всегда зависимъ, а это всего тяжелѣе,—мнѣ всегда казалось несноснѣйшимъ то положеніе, когда обо мнѣ жалѣли, нежели даже то, когда меня оговаривали.

Единственный Крыловъ изобразилъ мысль едва ли не каждаго, начиная отъ временъ Авраамлихъ, въ слѣдующихъ стихахъ своихъ, прекрасныхъ и поучительныхъ:

Коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямь,
Совѣтовъ ихъ не оберешься,
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься
Тутъ лучшій другъ и нѣмъ, и глухъ! [1])

Нуждающійся не можетъ имѣть той благородной гордости, независимости, какія дѣлаютъ насъ самостоятельными въ обществѣ; и такъ лучше ѣсть черствый хлѣбъ, нежели испытывать черствость нравственную.

Я подѣлюсь съ тобою послѣднею рубашкою съ усладительною самоотверженностію друга истиннаго, только будь откровеннымъ, и никогда ни у кого не занимай денегъ. Одолжай, но не одолжайся!

Николай Ивановичъ Ушаковъ взялся отослать къ тебѣ изъ Гомеля наши портреты. Какъ бы я желалъ тебя видѣть.

Нѣжно любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

42.

Варшава 18/30 *сентября 1838.*

Возвращеніе князя въ Варшаву и обыкновенные въ такихъ случаяхъ представленіе и доклады воспрепятствовали мнѣ написать тебѣ, другъ мой Володя; но поздравленіе отъ маменьки и сестры съ чиномъ Гвардіи Прапорщика ты, конечно, получилъ уже. И такъ, ты началъ благородное военное поприще, вступилъ на стезю, по которой идетъ большая часть нашего дворянства; гляди въ даль, не журясь, держись всегда середины, и съ упованіемъ на Бога достигнешь цѣли, открытой для каждаго въ сильной внутри, страшной извнѣ, завоевательницѣ по элементамъ—Россіи. Поздравляю тебя офицеромъ, сугубо радуюсь тому, что ты служишь по пѣхотѣ; желаю, чтобы фронтъ содѣлался твоею стихіею, чтобы никакіе виды не отвлекли тебя отъ прямой фронтовой службы, въ которой терпѣніемъ, полезными занятіями въ свободное время, чистымъ усердіемъ и приличнымъ скромнымъ пове-

[1]) Басня: „Крестьянинъ въ бѣдѣ.“

деніемъ можно многаго дослужиться. Честь и правота да руководятъ тобою! Продолжай читать, и читать безпрерывно, слушай, по возможности, курсы, читаемые извѣстными профессорами, и что не вошло въ твое корпусное воспитаніе, дополни, имѣя случаи въ столицѣ.

Квартира, архалукъ, и тому подобное, суть тоже, что прежде былъ обитый тюленьею кожею офицерскій погребецъ, и халатъ, или тулубъ. Погребецъ обыкновенно на первомъ переходѣ оставлялся; а халатъ у истинно дѣльнаго офицера не имѣлъ износа, поелику надѣвался только поутру. Дѣло не въ квартирѣ, а въ службѣ, и въ исполненіи тѣхъ приличій, которыя дѣлаютъ молодого человѣка извѣстнымъ. Никто не зналъ, какъ я спалъ и ѣлъ дома, но у меня всегда была лошадка и меня видѣли пріѣзжающимъ не на Ванькѣ. Впрочемъ, я не очень то близко знаю бытъ вашъ настоящій; кажется, однако же, что репрезентація была и есть первымъ условіемъ образованнаго юноши. Думаю, что казарменное сосѣдство мѣшаетъ иногда занятіямъ, но увѣренъ однако же, что если посѣтители увидятъ кого надъ учебною книгою, или надъ картою, а не за картами, и увидятъ это нѣсколько разъ, то посѣщенія не охотниковъ къ такимъ занятіямъ содѣлаются рѣже и будутъ приходить на трубку табаку только тѣ, которые съ трубкою читаютъ, бесѣдуютъ о полезномъ и которыхъ она не отвлекаетъ отъ службы и общества.

Я такъ тороплюсь, что врядъ ли ты прочитаешь писанное, безъ труда; но я не хотѣлъ оставить тебя безъ извѣстія о себѣ, а времени мнѣ не случилось совсѣмъ свободнаго. Прилагаемыя при семъ письма раздай по адресамъ и постарайся быть тотчасъ у князя Козловскаго, который скоро возвратится въ Варшаву.

Портреты наши ты получилъ; а по слѣдующей почтѣ, я пошлю тебѣ и предка, списаннаго нарочно для тебя, въ маломъ размѣрѣ.

Будь здоровъ! любящій и благословляющій тебя отецъ

Андрей Стороженко.

Д. И. Дарагану поклонись отъ меня.

Изъ 1000 р. асс., посланныхъ мною тебѣ на имя Наталіи Андреевны, можешь употребить на лошадь и упряжь, если найдешь это нужнымъ.

Пиши ко мнѣ какъ можно чаще; теперь уроки не мѣшаютъ этому, ибо занятія отъ тебя зависятъ.

ВЛАДИМИРЪ АНДРЕЕВИЧЪ

СТОРОЖЕНКО

ПРАПОРЩИКОМЪ Л. ГВ. СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКА ВЪ 1838 Г.

43.

Г. Варшава $^{18}/_{30}$ *октября 1838 г.*

Пріятель нашъ г. л. Яковъ Яковлевичъ Гилленшмитъ обѣщалъ видѣть тебя въ Петербургѣ, и отдать посылаемое при семъ одѣяло. Сколько имѣю времени по утру, столько и пишу тебѣ, другъ мой Володя! Ты знаешь уже, что Богъ благословляетъ меня выдать Лизу за Н. И. Ушакова, котораго я истинно уважаю и люблю. Партія согласная съ моими желаніями и надеждами. Изъ глубины сердца возсылаю мольбы ко Всевышнему о благополучіи дѣтей моихъ и да сподобитъ Его святой Промыслъ видѣть васъ идущими путями правды, и вознаградитъ тѣмъ попеченія мои!

Спасибо тебѣ за письмо; но купи себѣ бумаги не лощеной, ибо у меня глаза не 18-лѣтніе.

Устроился ли ты съ дрожками?

Пиши какъ можно чаще; будь здоровъ и хлопочи о позволеніи пріѣхать къ намъ.

Нѣжно любящій тебя отецъ Анд. Стороженко.

Д. И. Дарагану поклонись отъ меня.

44.

Варшава $\frac{5\ декабря}{23\ ноября}$ *1838 г.*

Я былъ не здоровъ, и поэтому не писалъ тебѣ, другъ мой Володя; маменька же въ Берлинѣ. Она такъ мучилась коклюшемъ, что по совѣту докторовъ должна была оставить насъ на нѣкоторое время для перемѣны воздуха; но она къ 10 декабря, если дастъ Богъ, возвратится. Вообще физическія силы мои не согласуются съ нравственностію. Духъ бодръ; но тѣло немощно. Прошусь въ отпускъ, и располагаю послѣ свадьбы Лизиной поѣхать въ Малороссію; на хуторѣ, кажется, могу только поправиться.

Ты, какъ вижу изъ писемъ твоихъ, службу бойко тянешь; такъ и должно: коль взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ! Твердая воля дѣлаетъ и самаго слабаго сильнымъ. Такъ, другъ мой, служи; это твое предназначеніе!

Гвардія имѣетъ много преимуществъ, незамѣчаемыхъ начинающими служить въ ней. Во-первыхъ, жизнь въ столицѣ, гдѣ есть всѣ пособія образовать себя, доучиться не доученному, читать по выбору

и сдѣлать знакомства по выбору же; во вторыхъ, чисто фронтовая служба ведетъ прямымъ путемъ къ результатамъ для служиваго, упрочивающимъ будущность его; командовать съ умѣньемъ и пользою 4 тысячнымъ полкомъ уже есть нѣчто почтенное; а на полѣ битвы съ 4 тысячами русскихъ солдатъ чего не докажетъ храбрый начальникъ? Солдаты любятъ и почитаютъ командира, знающаго свое дѣло; внимательнаго къ нуждамъ ихъ; ласковаго и не отдѣляющагося отъ нихъ высказываемымъ превосходствомъ рожденія и образованности. За послѣднюю любятъ въ обществѣ; первыя же качества дѣлаютъ репутацію сперва въ ротѣ, въ полку и такъ далѣе. Мнѣ очень понравилось письмо ко мнѣ Д. И. Дарагана, которому поклонись пожалуйста, и скажи, что о друзьяхъ его я забираю справки съ истиннымъ для себя удовольствіемъ. Пожалуйста, Володя, учись, читай и служи! Будь знакомъ со всѣми; но тѣмъ изъ г.г. гвардейскихъ офицеровъ, кои, не выспавшись, идутъ въ караулъ, безъ книжки, а со скукою, кои только что и ждутъ отставки, или смерти старшаго и считаютъ вакансіи, кланяйся изъ далека. Кейфъ также не нравится мнѣ; будетъ для него время. Ежели совершенно нечего уже дѣлать, для отдохновенія читай газеты, журналы; какіе же намѣренъ выписывать, напиши мнѣ, я особо буду присылать на это деньги.

Купилъ ли ты лошадь? Если нѣтъ, то у тебя есть еще деньги; а къ исходу напомни мнѣ объ нихъ.

Отецъ и другъ твой Анд. Стороженко.

45.

Варшава $^{5}/_{17}$ *декабря 1838 г.*

Недавно я писалъ къ тебѣ, другъ мой милый Володя; но другъ мой г. Непокойчицкій, котораго ты знаешь уже, выѣзжаетъ въ Петербургъ, и чтобы онъ видѣлъ тебя тамъ и разсказалъ по возвращеніи о твоемъ житьѣ-бытьѣ офицерскомъ, для этого пишу еще нѣсколько строкъ, ожидаю отъ тебя извѣстій, кои становятся опять какъ-то рѣже.

Здоровье мое, благодарю Бога Милосерднаго, поправляется; но маменька, какъ пишетъ, все еще кашляетъ и не воротится къ намъ ближе $^{18}/_{30}$ декабря. Лиза вчера писала тебѣ. Какъ ты распорядился насчетъ лошади? Какіе будешь выписывать періодическіе листки? Продолжаешь ли учиться на скрипкѣ? Что читаешь преимущественно? Абонированъ ли на чтеніе французскихъ книгъ? Все это я знать же-

лаю. Офицерская жизнь имѣетъ такую пропасть праздnаго времени, что даже наполнить его надобно обдумавши. Въ одни караульные дни можно прочитать въ годъ столько, сколько не прочитаетъ и самый прилежный статскій чиновникъ года въ три. Отправлено ли изъ С. П. опекунскаго совѣта разрѣшеніе на освобожденіе выкупленнаго мною имѣнія?

Да благословитъ тебя Господь, и да услышитъ теплыя молитвы нѣжно любящаго тебя отца о твоемъ благополучіи А. Стороженко.

Я думаю Николаемъ Ивановичемъ прислать тебѣ кучера, если ты не пріѣдешь въ Варшаву. Какъ ты думаешь объ этомъ?

46.

Г. Варшава $^{8}/_{20}$ *марта 1839 г.*

Холода и непроѣздныя, по разсказамъ, дороги отдалили выѣздъ въ Петербургъ Лизы и Николая Ивановича, что было причиною и тому, что я не писалъ къ тебѣ, другъ мой сердечный Володя; но вручитель письма этого, конечно, изгладитъ всякое на тебѣ впечатлѣніе и убѣдитъ тебя чаще писать ко мнѣ. По моему счету деньги у тебя доселѣ были еще изъ 1000 р., посланныхъ мною на имя Наталіи Андреевны; на предстоящую же четверть года посылаю тебѣ при семъ 500 р. Николай Ивановичъ поговоритъ съ тобою насчетъ житья-бытья твоего. Я дамъ 3000 р. въ годъ, т. е. по 250 на мѣсяцъ; но съ тѣмъ, чтобы ты имѣлъ лошадь и дрожки непремѣнно.

Мнѣ вышелъ отпускъ на 6 мѣсяцевъ. Время это мы располагаемъ прожить въ Малороссіи, на хуторѣ. Отдохнуть душою и тѣломъ мнѣ необходимо. Какъ бы ты, другъ мой, послѣ Бородинскихъ маневровъ, пріѣхалъ къ намъ! Родная хата, свободный отъ сумятицы отецъ и нѣжно любящая тебя мать – приголубятъ тебя; ты познакомишься съ нами, а то право я не могу представить тебя взрослымъ уже юношей.

Варшава мнѣ крѣпко надоѣла; душа рвется подъ родное небо. Сегодня мнѣ начался 49-й годъ, [1]) 33-хъ—лѣтняя, тяжелая служба

---

[1]) Андрей Яковлевичъ родился, слѣдовательно, 8 марта 1791 года. Такимъ образомъ дата его рожденія, показанная въ „Родословникѣ“ (см. т. I стр. 509), является ошибочною.

умыкала, жажду успокоенія. Готовъ по истинѣ и впрямь сѣсть въ царинѣ. Ты же, другъ мой, моя надежда и утѣшеніе, служи, пока силы; это твое предназначеніе!

Нѣжно любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

Мнѣ такъ грустно разставаться съ Лизой, что едва могу писать тебѣ, милый мой Володя! Пріѣздъ Лизы и Николая Ивановича тебя обрадуетъ; а ты, другъ мой, можешь отъ нихъ узнать все, что захочешь, о нашей жизни. Мы также собираемся въ Малороссію, но еще не знаемъ, на долго ли.

Посылаю тебѣ шесть платковъ батистовыхъ и одѣяло лѣтнее, ежели еще что надо, пиши. Цѣлую тебя и молю Господа, чтобы ты былъ здоровъ; люби нѣжнѣйшаго твоего друга Julie S.

47.

Г. Варшава $^{10}/_{22}$ *апрѣля 1839 г.*

Спѣшу послать тебѣ, другъ мой Володя, 240 р. ассиг., сколько случилось въ карманѣ, собственно для лагернаго времени. Мы все еще въ Варшавѣ; ожидаемъ возвращенія Лизы и Николая Ивановича. Свѣтлѣйшій со свитою пріѣхалъ уже; меня порадовали доброю вѣстію о тебѣ, сынъ мой; въ особенности же пріятно было слышать мнѣніе, кажется, служиваго человѣка, генер. маіора Марина, который 9 лѣтъ командовалъ у васъ баталіономъ, и поступилъ въ полкъ вашъ изъ арміи, изъ фронта. Онъ хвалитъ тебя, какъ хорошаго, исправнаго офицера, и скромнаго молодого человѣка. Дай Богъ, чтобы такіе отзывы и отъ подобныхъ людей я слышалъ въ утѣшеніе истинное, они понятны мнѣ, они доходятъ прямо до сердца, изъ глубины коего возсылаю мольбы мои къ Всевѣдущему о твоемъ благополучіи.

Я ожидаю тебя въ Богодуховку послѣ лагеря, тогда познакомимся ближе, и ты ближе узнаешь многое, что представляется теперь, можетъ быть, и не такимъ, какъ есть въ самомъ дѣлѣ. Отдай, или отошли прилагаемое при семъ письмо Владиславлеву. Дмит. Иван. Дарагану поклонись отъ меня и скажи, что родные служивыхъ, о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ, живы и здоровы, я лично видѣлъ ихъ; но что они не отвѣчаютъ на письма, собираясь, какъ мнѣ съ простосердечіемъ объявили, съ деньгами, чтобы послать что нибудь, а не пу-

стыя желанія. Это люди самые бѣдные, но, какъ кажется, добрые. Я хотѣлъ было вложить мои деньги въ письмо; но бабы хотѣли именно послать свои; а деньги теперь трудны.

Лиза немножко задержала насъ въ Варшавѣ. Жаль, что я не увижу цвѣту бузковъ въ Малороссіи; но еще осталось 5 мѣсяцевъ для деревенскихъ наслажденій лѣтнихъ, которыя представляются мнѣ очаровательными; ибо въ Варшавѣ я даже рѣдко зелень видѣлъ, не имѣлъ времени выѣзжать за городъ.

Да будетъ надъ тобою благословеніе Господа милосерднѣйшаго!

Всею душою любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

48.

Вильно 4/16 *іюня 1839.*

Человѣкъ отъ колыбели до могилы зависитъ и отъ людей, и отъ непредвидимыхъ обстоятельствъ. Тѣмъ болѣе еще зависитъ тотъ, кто принимаетъ на себя обязанность безусловнаго повиновенія. Мысль эта истерта, какъ турецкая пара; но она заключаетъ въ себѣ одну изъ теоремъ военной службы. Я располагалъ въ продолженіе лѣта обрабатывать мой огородъ на хуторѣ, запасся всѣми орудіями садовыми, отправилъ всѣ мои пожитки въ Малороссію, дожидалъ только возвращенія Лизы, чтобы увидѣвшись съ нею летѣть на родную сторону, отдохнуть отъ тяжкихъ трудовъ и безпрерывныхъ огорченій; но вмѣсто того меня послали въ Вильно, гдѣ намѣсто огорода обрабатываю тѣже бумаги, что и въ Варшавѣ, и съ тѣмъ же усердіемъ. Привыкай, сынъ мой, безропотно нести крестъ житейскій, дабы, отдавая отвѣтъ предъ собственною твоею совѣстію, могъ сказать подъ старость: я трудился, старался быть полезнымъ, впрочемъ не отъ меня зависѣло положеніе, въ которомъ былъ поставленъ людьми и обстоятельствами. Служи и взыщутъ тебя! Эта надежда рѣдкихъ обманываетъ; только служи съ истиннымъ самоотверженіемъ.

Посылаю тебѣ съ адъютантомъ начальника штаба дѣйствующей арміи, г. Бруновымъ, шлафрокъ на мѣху для лагерной жизни, и 500 р. ассиг. въ счетъ годового пособія. Особо для лагеря я послалъ тебѣ 240 р. изъ Варшавы.

Постарайся пріѣхать къ намъ осенью, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, въ Богодуховку, гдѣ я надѣюсь быть въ августѣ.

До свиданія! Благословляющій тебя отецъ Андрей Стороженко.

Поклонись отъ меня Д. И. Дарагану и напиши въ Варшаву о полученіи какъ прежнихъ, такъ и нынѣ посылаемыхъ денегъ.

49.

Г. Варшава, 12 февраля 1840 г.

Радуюсь, какъ дитя, что руки мои наконецъ начали служить мнѣ нѣсколько, и что я могу написать тебѣ, другъ мой Володя.

Отзывы о тебѣ Очкина и прочихъ утѣшаютъ меня; Николай Ивановичъ хвалитъ тебя. Иначе быть не могло и не можетъ, въ этомъ я увѣренъ; но одно не ладно, что ты въ счетахъ своихъ не аккуратенъ. Кто пріобрѣтаетъ, или умѣетъ своимъ умомъ доставать деньги, тотъ можетъ и тратить ихъ, не оглядываясь; но въ положеніи подобномъ твоему благоразуміе указываетъ аккуратность въ расходахъ. Надобно считать и записывать каждую копѣйку и повѣрять мѣсячный расходъ, нѣтъ ли чего лишняго. Я положилъ тебѣ 3000 р. асс. въ годъ, 2000 прежде, а 1000 имѣешь на содержаніе дрожекъ, или саней; этого, по моему мнѣнію, достаточно, чтобы не быть въ крайности и не прибѣгать къ какимъ бы то не было долгамъ; я самъ не получалъ болѣе тебя, живя въ Петербургѣ въ чинѣ уже полковника, и не ходилъ пѣшкомъ. Пришли мнѣ мѣсячный расходъ твой, чтобы я имѣлъ понятіе, что необходимо теперь офицеру. Самое важнѣйшее, я требую отъ тебя откровенности, и уважительныя непредвидѣнные случаи не останутся безъ вниманія. Ты обзаведенъ всѣмъ не изъ положенныхъ тебѣ 3000; слѣдовательно, нужна только одна аккуратность и убѣжденіе себя, что папа поможетъ въ нуждѣ, а не дастъ ни гроша на пустяки, или на уплату долговъ. Это пишу для предварительнаго свѣдѣнія, дабы не было между нами Missverständniss.

Посылаю тебѣ на мартъ и апрѣль 500 р., а 150 на снаряженіе кучера по лѣтнему. Я бы очень желалъ взять тебя съ собою за границу, и это было бы для тебя полезно, но отпустятъ ли? Что дѣлаетъ твой мальчикъ? Если онъ не годенъ, то напиши, и я пришлю свидѣтельство объ отдачѣ его въ Петербургѣ въ зачетъ рекрутовъ; лучше отдать такого, нежели брать человѣка полезнаго изъ семейства. Какъ поступлено съ моею статьею о Хмельницкомъ и будетъ ли свѣдѣніе о грамматикѣ въ Отечест. Запискахъ? Я читаю написанное Гребинкою съ удовольствіемъ, онъ, по моему, пишетъ лучше другихъ, только не надобно бы сбиваться иногда на Гоголя, а идти всякому своимъ путемъ.

Добрѣйшему Владиміру Андреевичу [1]) кланяюсь, и сбираюсь написать; но нѣтъ силы въ рукахъ, насилу напачкалъ и эти строки.

---

[1]) Владиславлеву.

До свиданія, достойный сынъ мой! Радуй своимъ поведеніемъ отца, всѣмъ сердцемъ тебя любящаго; да возгоржусь въ дѣтяхъ моихъ!

А. Стороженко.

50.

Варшава $\frac{18\ февраля}{1\ марта}$ *1840.*

Два письма твои, другъ мой Володя, я получилъ; сверхъ того мы имѣемъ о тебѣ извѣстія и изъ писемъ твоихъ къ Лизѣ. Благодарю Бога милосерднаго, хранившаго тебя въ пути; радуюсь, что ты пріѣхалъ на срокъ, и съ удовольствіемъ представляю себѣ дебюты твои служебные: разводы, парады, караулы и дежурства. Все это, сынъ мой, служитъ за основаніе того поприща, по которому ты долженъ съ терпѣніемъ и самоотверженностію идти впередъ, не прищуриваясь и не оглядываясь на стороны; и да сподобитъ меня Богъ узрѣть достойнымъ моей нѣжнѣйшей привязанности къ тебѣ и любви отцовской. Всѣ надежды мои, вся гордость и самые лучшіе виды въ грядущемъ ограничиваются вами двумя. Въ прочемъ все пусто, мрачно, и безотвѣтно. Однѣ заботы наполняютъ голову и не оставляютъ, можно сказать, ни одной минуты для размышленій, которыя бы конечно не располагали къ удовольствіямъ. Повторяю повторяемое мною: что свѣтъ этотъ есть огромная театральная сцена, на которой разыгрываемъ мы различныя роли; счастливъ тотъ, кого не освистываютъ и не шикаютъ, смотря на игру его, какъ на танцы одной изъ здѣшнихъ балетчицъ, для которой раздаются фрей-балеты, чтобы ей аплодировали; а между тѣмъ публика морщится, не выказывая явно мнѣнія своего. Такъ бываетъ и въ свѣтѣ. Кого судьба протежируетъ, о томъ отзываются хорошо; но искренно ли? Трудно и очень трудно обратить на себя доброе вниманіе; а еще труднѣе сдѣлать свое я неприкосновеннымъ для злыхъ, но за всѣмъ тѣмъ надобно искать расположеніе добрыхъ, и большинство голосовъ заглушитъ шиканья. Жизнь наша такъ скоротечна, что, кажется, и оглянуться назадъ некогда; а между тѣмъ есть желанія, противорѣчащія и самой любви къ ней. Напримѣръ, я бы желалъ скорѣе видѣть тебя всѣмъ, что бы удовлетворяло мое честолюбіе. Я бы желалъ видѣть твое я образовавшимся, забывая, что для этого нужно время, сближающее меня съ другою жизнію, въ которую вѣрую и уповаю, и которая однакоже разлучитъ меня и съ вами, и съ мечтами о васъ.

Хотѣлъ было написать нѣсколько строкъ, а написалъ страницы. Сейчасъ ѣду по службѣ въ кр. Замостье и не возвращусь къ отъѣзду Свѣтлѣйшаго и Н. И. Поэтому спѣшу съ письмомъ симъ, прилагая при ономъ 500 р. Завтра по утру, ежели успѣю, напишу доброму моему Вл. Анд. Владиславлеву; поблагодари его за „Утреннюю Зарю“, которую беру съ собою, чтобы прочитать дорогою. Уплати ему за присланное мнѣ сочиненіе Венелина и попроси, чтобы онъ выслалъ мнѣ еще одинъ экземпляръ „Исторіи о Болгарахъ“; даже два экземпляра.

Леонтію Васил. Дубельту и Н. Ал. Амосову поклонись отъ меня и скажи послѣднему, что дочь его мы стараемся приголубить, какъ родную. Дмит. Дарагану кланяюсь, равно ближайшимъ Дараганамъ и Наталіи Андреевнѣ.

Да будетъ надъ тобою благословеніе отца твоего и друга

А. Стороженко.

Прилагаю особо 25 р. для уплаты Вл. Анд. Владиславлеву за книги.

Маменька будетъ писать тебѣ особо.

51.

Варшава $\frac{23\ марта}{4\ апрѣля}$ *1840.*

Я пишу къ Николаю Ивановичу, чтобы онъ привезъ мнѣ счетъ, сколько нужно денегъ для окончательнаго сформированія тебѣ, другъ мой Володя, экипажа. Деньги эти я тотчасъ вышлю; а къ $^{3}/_{т.}$, положеннымъ тебѣ въ годъ, истинно не могу прибавить ни чего, пока не уплачу долговъ, простирающихся до $^{120}/_{т.}$ зл. польск. Бьюсь, какъ рыба объ ледъ. Кошулько такъ запуталъ счеты, что Блюменфельдъ сидѣлъ у него 2 мѣсяца и едва добился толку; а изъ сего оказалось, что, сверхъ не уплоченныхъ $^{20}/_{т.}$ дуракъ Кошулько сдѣлалъ долговъ болѣе $^{14}/_{т.}$ и даже заложилъ аппаратъ мой винокуренный съ обязательствомъ платить по 40% въ годъ жиду.

Смѣнить его теперь нѣтъ никакой возможности, онъ долженъ кончить безтолковыя свои операціи; но я посылаю однакоже къ нему, по его безграмотности, особаго счетчика. Всетаки будетъ лучше, хотя прибавляется новая издержка. Представь, что и тѣ деньги, которыя ты самъ видѣлъ у него, вмѣсто того, чтобы ихъ прислать мнѣ, онъ издержалъ на покупку хлѣба.

Купленное мною въ долгъ имѣніе въ Малороссіи, для извѣстныхъ тебѣ видовъ, нисколько не увеличитъ нашихъ доходовъ, надобно изыскивать здѣсь средства къ оборотамъ; а они очень трудны для честнаго человѣка, коснуться же моей, можетъ быть, даже излишней, по мнѣнію иныхъ, правоты, я никогда не былъ въ состояніи. Труды, и труды тяжкіе есть мой удѣлъ. Богъ поможетъ намъ! Отъ людей не должно ничего ожидать, дабы не ошибаться.

Прощай, ангелъ мой! Будь здоровъ, бережливъ, разсчетливъ и люби твоего отца, какъ онъ тебя любитъ А. Стороженко.

Отдай прилагаемое при семъ письмо Булгарину; кланяйся Владиславлеву и спроси, понравились ли ему мои 6 стиховъ, написанные на паромѣ, въ письмѣ, писанномъ къ нему въ чужой хатѣ. Мнѣ такая была бездна дѣла во все это время, что не чувствую головы на плечахъ.

Наталіи Андреевнѣ, Дмит. Иван. и другимъ роднымъ твоимъ кланяйся отъ меня.

Маменька тебя цѣлуетъ и благословляетъ. Лиза, какъ говоритъ, писала къ тебѣ весьма часто; а я ей во всемъ вѣрю.

52.

Варшава $^{15}/_{27}$ *апрѣля 1840.*

Николай Ивановичъ выѣзжалъ въ Петербургъ съ Княземъ и воротились; съ нимъ я отправилъ къ тебѣ, другъ мой Володя, 150 р. серебромъ. Деньги эти посланы къ тебѣ съ дороги, поелику же секретарь мой ошибся въ счетѣ на ассигнаціи и я постыдился, что посылаю сверхъ 500 р. ассиг. 15 серебромъ, коихъ въ самомъ дѣлѣ, какъ припоминаю себѣ, не послалъ, посему прилагаю 3 червонца, чтобы и въ семъ, столь незначительномъ счетѣ видѣлъ ты аккуратность. А. П. Безакъ ѣдетъ къ вамъ на временное занятіе мѣста начальника штаба при фельдцейхмейстерѣ. Онъ вручитъ тебѣ эту записку и разскажетъ о насъ.

Жаль, что тебя не уволили за границу; но время впереди: будешь еще и въ Германіи, и въ разныхъ мѣстахъ Европы и Азіи. Свѣтъ сближается между собою бумажными деньгами и желѣзными дорогами. Скоро совсемъ исчезнетъ maximum: „ничто не ново подъ луною“. Пароходы и воздушныя путешествія выше всего баснословнаго; а до чего ты не

доживешь еще? Дай только Богъ здоровья да любознательности, чтобы идти съ вѣкомъ и съ другими.

Располагаю съѣздить, предъ выѣздомъ за границу, въ Малорсссію. Не знаю только, буду ли въ состояніи пуститься съ моими руками и ногами; а ѣхать необходимо.

Да будетъ надъ тобою Божеское и мое благословеніе!

Нѣжно любящій тебя отецъ Андрей Стороженко.

Маменька тебя цѣлуетъ и благословляетъ.

Напиши мнѣ, какъ ты поступилъ съ Леонтіемъ, и скоро ли можно ожидать съ него хлѣбника?

53.

2 мая 1840 г.

Вчера я получилъ письмо Ваше, любезный Рара, посланное съ Александромъ Павловичемъ Безакомъ, и при немъ три червонца. Признаюсь, въ нашъ неаккуратный вѣкъ, аккуратность Ваша удивила меня, тѣмъ болѣе, что я не разсчитывалъ на 15 р. с. и думалъ, что это написано ошибкою. Вѣкъ живи вѣкъ учись! А подобные уроки полезнѣе, я думаю, всѣхъ школьныхъ тетрадокъ. Не люблю я говорить о деньгахъ, но, какъ невольно объ нихъ рѣчь зашла, то скажу, что я неутомимо иду впередъ въ моей экономической системѣ. Увѣренъ, что въ этомъ отношеніи ни Вы, ни я самъ не узнаю себя черезъ годъ. Пока денегъ у меня нѣтъ, но зато есть необходимое, и на будущее время пріобрѣтено нѣсколько свѣдѣній, какъ дѣйствовать, чтобы и деньги водились. На дняхъ еще мнѣ былъ маленькій урокъ. Помните, Вы мнѣ подарили матерію на тулупъ? Я хотѣлъ тогда-же передѣлать мой тулупъ и покрыть его, просили за это тридцать рублей. Денегъ не было, я отложилъ; теперь за то же у меня спрашиваютъ только пятнадцать рублей. Заключеніе частное: мѣховыя вещи нужно подготовлять лѣтомъ, скорняки не такъ заняты. Заключеніе общее: умѣть дѣлать все во время и къ стати весьма выгодно. Къ свѣдѣнію! Чтобы заключить рѣчь о деньгахъ я попрошу Васъ, любезный Рара, если Вамъ можно сдѣлать, ежели Вамъ все равно, прислать слѣдуемое мнѣ жалованье за іюль и августъ мѣсяцъ, мѣсяцемъ раньше, т. е. въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Въ лагеряхъ деньги нужнѣе. Можетъ быть, Вамъ скажутъ объ этомъ Лиза или Николай Ивановичъ, потому что я писалъ имъ съ прошедшею почтою, думая, что письмо не застанетъ уже Васъ въ Варшавѣ. Но, какъ кажется, Вы не торопитесь. Дай только Богъ

Вамъ здоровья! Болѣзнь Ваша сокрушаетъ меня; меня не пускаютъ къ Вамъ и это тѣмъ огорчительнѣе, то хоть въ мелочахъ я могъ бы Вамъ быть полезнымъ. Вы думаете, что на моемъ вѣку мнѣ удастся побывать еще и въ Европѣ, и въ Азіи. Одно средство – путешествіе; войны ожидать трудно, почти невозможно, сраженія теперь на бумагѣ, а войска – перья. Хотя я читаю не такъ много, какъ бы должно было, но не такъ мало опять, какъ Вы полагаете (по всему видно), и успѣлъ вычитать, что образованность преизрядно натягиваетъ шаги свои, а первое условіе и главнѣйшее слѣдствіе образованности, безъ всякаго сомнѣнія, миръ. Прежде дрались человѣкъ съ человѣкомъ отдѣльно, но дрались всѣ; нашли это неудобнымъ, выдумали войска; войска тоже дрались, можетъ подерутся немного, наконецъ перестанутъ; такъ необходимо должно быть, если просвѣщеніе не воротится вспять. Одинъ профессоръ (г. Читти) предлагаетъ уже ввести во всемъ образованномъ свѣтѣ одну монетную систему. Если бы идея эта осуществилась, то не было бы ли это залогомъ неразрывнаго соединенія? Но я зафилософствовался. Это не такъ трудно—дѣйствительность гораздо труднѣе, я испытываю это ежедневно. Леонтія беретъ одинъ хорошій булочникъ выучить своему мастерству въ теченіе года, но проситъ по 50 р. въ мѣсяцъ, слѣдовательно 600 р. въ годъ. При контрактѣ можетъ уступить рублей сто, но все дорого. Право, не знаю, какъ рѣшиться? Прошу Вашего рѣшенія. Поцѣлуйте отъ меня тетю и бабушку, если будете въ Малороссіи. Поклонитесь Чивельчѣ и хутору. Жалѣю, что не удастся мнѣ побывать тамъ. Прошу Вашего благословенія, цѣлую ручки и остаюсь преданнымъ сыномъ В. Стороженко.

54.

Варшава $\frac{22\ апрѣля}{4\ мая}$ *1840 г.*

Не имѣю времени писать къ тебѣ, другъ мой Володя, я просилъ Николая Ивановича отправить съ первымъ курьеромъ 1100 руб. ассиг. къ тебѣ: 500 рублей на два мѣсяца, а 600 руб. для заведенія еще нѣкоторыхъ вещей къ дрожкамъ, 500 руб. ты долженъ считать по 100 руб. въ мѣсяцъ на содержаніе лошадей и кучера, а по 150 руб. на твои расходы. Старайся обходиться этимъ, пока я не буду въ лучшемъ положеніи противу настоящаго. Долговъ пропасть, слѣдуемое мнѣ осталось забытымъ, просить не въ состояніи. Ежели и далѣе будетъ такъ, то принужденъ буду оставить службу, хотя и могъ бы служить еще и

быть полезнымъ, безъ всякихъ видовъ на отличія, кои никогда не входятъ въ разсчетъ; ибо общее мнѣніе, убѣжденіе собственное и зависть, суть данныя, на которыхъ основывается дозволенная гордость человѣка, честно трудящагося. Изъ Малороссіи я получилъ самыя непріятныя извѣстія. Зима продолжается, кормовъ нѣтъ; хлѣба ни у меня, ни у крестьянъ также нѣтъ, и я посылаю, что могу; но это недостаточно. Въ Хенцинахъ Кошулько надѣлалъ долговъ, счастье, что я пріѣхалъ въ Варшаву, а не то, все бы пропало; теперь же кое-какъ изворачиваюсь. Не хотѣлось бы писать къ тебѣ о подобномъ; но я разсудилъ, что ты долженъ знать мои обстоятельства, и да послужатъ они для соображенія и науки. Мы всѣ, слава Богу, здоровы, по вечерамъ часто бываемъ вмѣстѣ. А. П. Безакъ, послѣ ожидаемаго у насъ Высочайшаго смотра, ѣдетъ въ Петербургъ, для исправленія должности начальника штаба Артиллеріи на время отсутствія князя Долгорукаго.

Если и понынѣ въ Петербургѣ Григ. Степан. Тарновскій, побывай у него; да попроси Владиславлева, чтобы онъ увѣдомилъ меня на письмо мое, можно-ли прислать къ нему для передачи г. Гребенкѣ документы о Хмельницкомъ, которые я уже перевелъ и приспособилъ къ напечатанію, гдѣ ему заблагоразсудится? Вѣроятно, ты видишь у развода Пармена Ивановича Стаховича, засвидѣтельствуй ему мое дружеское расположеніе, и поклонъ добрѣйшей Наталіи Андреевнѣ, Петру Михайловичу съ супругою, Александру и Дмитрію Дараганамъ и почтеннѣйшему семейству Скворцовыхъ. Наконецъ, у насъ началась уже весна, а въ Малороссіи и по сію пору снѣга не таютъ. Будь здоровъ; служи бойко; и да будетъ надъ тобою, любезнѣйшій сынъ мой, Господнее благословеніе! Помни дружеское наставленіе нѣжно любящаго тебя отца Анд. Стороженко.

55.

Варшава $\frac{21\ іюня}{3\ іюля}$ *1840 г.*

Вы теперь, вѣроятно, уже въ лагеряхъ, другъ мой Володя, и готовитесь къ тому, что войска наши отбыли въ половину: ибо въ августѣ Государь Императоръ еще будетъ у насъ. Моими частями Его Императорское Величество былъ доволенъ, о чемъ конечно ты читалъ въ приказѣ. Лиза, какъ говоритъ, пишетъ къ тебѣ и часто, и подробно обо всемъ, я бы дѣлалъ тоже, еслибы былъ хоть немного посвободнѣе; но горе мнѣ, обреченному обстоятельствами, обязанностями, на

безпрерывное бѣснованіе не подъ лѣта и весьма часто даже не подъ силу. Я писалъ тебѣ, что Савичи купили хуторъ у Значка—Яворскаго. Это обошлось около 55 тысячъ руб. 20 т. я кое какъ нашелъ, но какъ уплачу остальныя 35 т. руб. Богъ вѣсть. Съ деньгами въ Малороссію послалъ С. С. Огроновича, отъ котораго ожидаю извѣстія, что то тамъ дѣлается. Ежели и этотъ годъ будетъ такой голодный, какъ прошлый, то истинно люди пойдутъ съ торбами. Болѣе всего тревожитъ меня долгъ Варшавскій; Кошулько не собралъ ни гроша съ маіората, я воспретилъ ему всякую постройку: посмотримъ, сколько дохода будетъ въ настоящемъ году. Что за времена, въ кои намъ суждено нести крестъ житейскій. Бьешься, какъ рыба объ ледъ, и не видишь пріюта, которымъ предшественники наши наслаждались, не употребляя для того ни нашихъ трудовъ, ни нашихъ усилій. Влад. Андр. Владиславлевъ писалъ ко мнѣ, чтобы я прислалъ къ вамъ грамматику, напечатанную во Львовѣ въ XVI столѣтіи, о которой никто и не слышалъ. Посылаю ее тебѣ съ тѣмъ, чтобы ты, по минованіи въ ней надобности, хранилъ оную у себя и прислалъ бы ко мнѣ въ Малороссію. Присемъ прилагаю также статью, заключающую въ себѣ двѣ рукописи о Хмельницкомъ, съ моими замѣчаніями. Отдай ее или Владиславлеву или Гребенкѣ, или кому признаешь за полезнѣйшее, но только, чтобы статья эта была напечатана въ одномъ изъ дѣльныхъ журналовъ. Изъ нея можно выкинуть, что не согласнымъ покажется съ направленіемъ настоящихъ писемъ. Въ прочемъ, въ Познани и Краковѣ на польскомъ языкѣ я напечатаю все отъ слова до слова. Если означенная статья понравится, то я пришлю еще выписку изъ недавно отысканной мною росписи Рыцарству Малой Россіи; тутъ увидятъ, кто былъ Хмельницкій и по духу, и по связямъ, и по самому происхожденію. Роспись урядовая хранилась въ дѣлахъ Министерства Финансовъ. Напиши, гдѣ именно будетъ напечатана статья; ибо Владиславлева и Гребенки нѣтъ въ Петербургѣ, какъ писалъ ты. Я недавно получилъ письмо отъ Ѳ. В. Булгарина. Бываешь ли ты у него? Посылаю тебѣ 150 руб. серебр. 500 рублей ассигнаціями, положенныхъ на два мѣсяца; на остальные же пришли мнѣ Венелина. Владиславлевъ обѣщалъ прислать и я тщетно ожидаю этого; а Мацѣевскій безпрестанно проситъ меня выслать ему означенное сочиненіе Карпато-Росса. Маменька цѣлуетъ тебя; а я, благословляя отъ всего сердца, вмѣстѣ съ нею желаю тебѣ здоровья. Сердечно любящій тебя отецъ

Анд. Стороженко.

56.

Варшава 11/23 *августа 1840 г.*

Я бы никакъ не хотѣлъ, другъ мой Володя, чтобы статья моя была напечатана не съ подписью Цариннаго; въ прочемъ это бы еще не велика бѣда; но этотъ журналъ Мин. Нар. Просв. и скрупулы въ псевдонимахъ, по нелитературной формальности своей, крѣпко мнѣ не показались. Лучше если бы ты поговорилъ о напечатаніи статьи съ Владиславлевымъ или Булгаринымъ. Они были далѣе нежели за рогатками Петербургскими, хлопочутъ о Европеизмѣ, знаютъ Украину, имъ любопытна славянщина, слѣдовательно, могутъ оцѣнить мысль и прозрѣть въ цѣль бездѣлки, которая однакоже напечатана вмѣстѣ съ другими статьями въ подобномъ духѣ въ двухъ цѣнныхъ польскихъ и въ одномъ нѣмецкомъ журналахъ. Издатель Журнала Министер. Народн. Просвѣщ. можетъ быть человѣкъ весьма ученый, но вѣроятно онъ не знаетъ, что св. св. Ефросинія и Парасковья, изъ коихъ одна преставилась въ Римѣ, принадлежали Полоцкому Базильянскому монастырю и поименованы такъ, какъ написано, но ежели сладко звучнѣе: Ефросенія и Параскевѣя, то я объ этомъ хлопотать не стану. Статья послана мною преимущественно для тебя и Гребенки, а какъ послѣдняго нѣтъ въ Петербургѣ (какъ писалъ ты), поэтому я предоставляю тебѣ помѣстить ее гдѣ нибудь, и не досадовалъ бы вовсе, если бы ея вовсе не напечатали. Чрезъ нѣсколько дней мы опять ожидаемъ Государя Императора, а Васъ поздравляю съ окончаніемъ маневровъ. Принимайся, другъ мой, опять за чтеніе. Время не ждетъ насъ. Мы были въ Хенцинахъ двѣ недѣли, маменька съ Екат. Мих. ѣздили въ Краковъ, а мы съ Лизой оставались хозяйничать, и гулять по саду и по горамъ.

По отбытіи Государя напишу тебѣ тотчасъ, и съ большою обо всемъ подробностію. Цѣлую тебя и благословляю!

Кошулько лжецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дуралей безсмысленный. Онъ въ полтора года убилъ мнѣ 80 тыс. злотыхъ, задолжалъ 18 тыс. злот. и выстроилъ всего на всего двѣ мельницы. Я хотѣлъ было прогнать его къ черту; но принужденъ былъ согласиться на просьбу его остаться еще на годъ, дабы онъ могъ хотя нѣсколько поправить разстроенное и упущенное; придавъ ему однако же кассира, который обязанъ собирать и хранить деньги, и не давать безтолковому ни гроша. Что дѣлать? Кто не ошибается? Но я слишкомъ уже дорого плачу за ошибку въ выборѣ, не моемъ впрочемъ, этого болвана. Впрочемъ имѣніе

прелестное, и видно, что въ оное положены значительныя суммы. Я утѣшаюсь грядущимъ; утѣшаюсь постояннымъ благосостояніемъ пасѣкъ моихъ, и нисколько не завидую (теряя даже) тѣмъ, которыя отдали въ аренды данныя имъ имѣнія. Будь здоровъ и благополученъ.

А. Стороженко.

57.

17 августа 1840 г.

Сейчасъ, другъ мой Рара, пріѣхалъ я отъ Сербиновича, и пишу Вамъ подъ вліяніемъ всей досады, которую желалъ бы излить на него, но по скромности воздержался. Надобно вамъ сказать, что наименованный господинъ пользуется репутаціею человѣка знающаго и любящаго русскую исторію и былъ членомъ археографической комиссіи. Представьте себѣ, пріѣзжаю я къ нему, чтобы поговорить съ нимъ насчетъ статьи. Онъ меня посадилъ и началъ съ того, что перебралъ всѣ грамматическія ошибки и ошибки противу слога; напр. говоритъ онъ, нельзя написать: „Рукописи съ половины XVII вѣка“, а рукописи половины XVII в.: не „права утвержденныя Pacta conventa“, а права, которыми утверждались и т. п. Я отвѣчалъ, что это не важно и что нельзя ли мнѣ узнать его мнѣнія насчетъ внутренняго достоинства статьи? „Статья эта написана“, началъ онъ, „съ тою цѣлью, чтобы доказать, что Хмельницкій не былъ бунтовщикомъ. Мысль не новая: въ нашемъ журналѣ уже нѣсколько разъ были помѣщены статьи въ этомъ родѣ. Здѣсь приведены только два новыя письма, доселѣ неизвѣстныя. Не знаю, почему Вашъ родственникъ не говоритъ ничего о рукописяхъ, о ихъ направленіи, о времени, къ которому онѣ принадлежатъ и т. п.“ При этомъ я чуть не одурѣлъ, какое пустословіе! Или онъ не читалъ статьи? Но на ней есть отмѣтки, его рукою сдѣланныя. Или, что гораздо вѣрнѣе, онъ не понялъ ея содержанія? Какихъ рукописей онъ еще желаетъ? Онъ вѣрно думаетъ, что рукопись должна непремѣнно быть написана на ста листахъ и еще іероглифами! и что два небольшія письма не могутъ носить названія рукописей!? Непонятно! Признаюсь, не имѣлъ духу остановить его въ самомъ патетическомъ мѣстѣ пустословія. Потомъ онъ еще прибавилъ, что гипотеза Ваша, которую я въ краткости выражу словами Пушкина: „Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?“ должна быть выпущена и заключилъ тѣмъ, что статья требуетъ переправокъ и потому не такъ

скоро можетъ быть напечатана. Я раскланялся и ушелъ. Совѣщанія наши описываю я Вамъ въ подробности, чтобы Вы могли по этимъ даннымъ дѣлать свои заключенія.

24-го августа. Сейчасъ получилъ я письмо Ваше, любезный Рара; оно успокоило меня. Хотѣлъ сдѣлать лучше—сдѣлалъ хуже. Статью, присланную Вами, можно бы было очень легко помѣстить во всякомъ литературномъ журналѣ; но я думалъ, что въ Сынѣ Отечества, Отечественныхъ Запискахъ, Библіотекѣ для чтенія и др. она проскользнетъ незамѣченною. Сунулся въ министерскій журналъ, вышло хуже. Впрочемъ, все легко поправить; Булгаринъ и Владиславлевъ пріѣхали, и я обращусь къ нимъ. Право я никакъ не воображалъ, чтобы у нашихъ г.г. ученыхъ было такъ мало любопытства! Но довольно объ этомъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь дать Вамъ положительный отвѣтъ, гдѣ и когда статья будетъ напечатана. Радуюсь душевно, добрый Рара, что несмотря на безтолковое управленіе Кошулька Вы всетаки остались довольны Хенцинами. Боюсь и подумать, чтобы Ваши труды и хлопоты остались безъ вознагражденія! Благосостояніе поселянъ Вашихъ выше мелочныхъ разсчетовъ корысти. C'est une idée humanitaire, идея человѣчества, которая воздастъ Вамъ за все! Я теперь живу въ казармахъ съ товарищемъ моимъ по корпусу Коваленкомъ, племянникомъ извѣстнаго Вамъ Кованька. Квартира небольшая, но хорошенькая, чистенькая. Иванъ Ивановичъ Ушаковъ разскажетъ Вамъ, какъ мы устроились. Выгоды большія въ сравненіи съ наемной квартирой: дрова, конюшни, сарай даромъ, для службы тоже пріятно. Баталіонный адъютантъ нашъ ѣдетъ на четыре мѣсяца въ отпускъ. Я буду занимать его мѣсто; адъютантовъ баталіонныхъ два и они понедѣльно дежурятъ; въ теченіе моей недѣли я долженъ буду ѣздить каждый день къ Великому Князю.

58.

Варшава $\frac{29\ августа}{10\ сентября}$ *1840 года.*

Третьяго дня наши Высокіе гости выѣхали въ С.-Петербургъ. Государь Императоръ пробылъ у насъ двѣ недѣли. Можешь себѣ вообразить, какъ я затрудненъ былъ все это время; но, благодаря Бога, всѣ части мои вообще были во всегдашнемъ порядкѣ, со всѣхъ сторонъ благодарили, многіе удивлялись устройству и наметанности подчиненныхъ моихъ; а я просилъ только Бога, чтобы столь трудные

дни протекли благополучно. Тяжело управлять такою разнообразностію: полугодовое отсутствіе мое свернуло было съ оси скачущую по кочкамъ и оврагамъ колымагу, и строгость, съ которою исправлена ломка, стоитъ много здоровья. Для меня отбытіе въ порядкѣ такихъ парадовъ такъ важно, какъ для счастливаго вождя разноплеменныхъ войскъ выигранное сраженіе. Право, не помышляю ни о какихъ наградахъ, хотя мнѣ о сю пору ничего еще не дали; но просыпаюсь и ночью, когда подумаю съ вечера, что, быть можетъ, прійдется отбыть подобный настоящему смотръ. Мое начальство обо мнѣ вовсе не думаетъ, оставляя плыть по волнамъ въ утломъ челнокѣ козацкомъ. Все-бы это ничего, но лѣта. чувствуемое къ себѣ невниманіе и скороговорчивыя обѣщанія требуютъ много характера для новыхъ трудовъ. Въ прочемъ какъ подумаю, что мнѣ есть для кого трудиться, и что обстоятельства обрекаютъ на это, то скрѣпя сердце, и забывая эгоизмъ и глупость, кидаюсь въ воду, не спрашивая броду. Самоотверженіе есть высшая добродѣтель! Лиза напишетъ тебѣ болѣе подробностей о смотрѣ и парадахъ. Она едва могла представиться, ибо сбирается подарить меня внукомъ. Если справлюсь хотя нѣсколько съ долгами, повлекусь въ Малороссію, дабы на старости изгладить изъ самой памяти мою тяжкую долговременную службу. Служи и ты, другъ мой Володя; служи долго и честно: это долгъ самый священнѣйшій для гражданина. Пожалуйста, напиши мнѣ подробно, какъ ты устроилъ свой экипажъ? Какъ ты живешь и что дѣлаешь? Тебѣ купили полотна въ Краковѣ и маменька хлопочетъ о бѣльѣ твоемъ. Книгъ я никакихъ не получалъ. Похлопочи объ нихъ; да напиши также насчетъ статьи моей. Скажи Владиславлеву, что билеты на альманахъ его я разослалъ, и ему прямо вышлются деньги отъ пренумерантовъ. Поцѣлуй его за меня. Молю Всевышняго о здоровьѣ твоемъ и остаюсь нѣжно любящій тебя отецъ Анд. Стороженко.

Маменька тебя цѣлуетъ и благословляетъ. Посылаю при семъ 500 рублей.

59.

Варшава $^{14}/_{26}$ *октября 1840.*

Посылаю тебѣ, другъ мой Володя, черезъ флигель-адъютанта князя Радзивила 500 р. на слѣдующіе, отъ 1-го ноября, два мѣсяца; дюжину рубахъ, матеріи на покрытіе тулупа, которая прислана мнѣ изъ Персіи; она моется, крѣпка, и къ ней присоединяется пріятная для меня мысль, что ты просилъ о старомъ платьѣ, и что такая эко-

номія растрогала меня; да будетъ она съ тобою не разлучна. Сверхъ того посылаю два тома Исторіи Іана Казиміра на польскомъ языкѣ, для Ѳ. В. Булгарина, которые отвези тотчасъ ему, и 7 экземпляровъ эстамповъ, снятыхъ съ большой картины моей, писанной масляными красками, подъ моимъ руководствомъ. Она изображаетъ моментъ изъ той статьи, которую я послалъ къ тебѣ для земляка Гребенки. Историческая важность этого момента для насъ заслуживаетъ того, чтобы сохранить изображеніе Хмельницкаго въ простотѣ чувствъ легитимиста, не такого, какъ нынѣшніе спекулянты. Какъ онъ великъ съ козаками (а ихъ было $^{200}/_{т.}$ подъ Замостьемъ), когда, сбросивши булаву, говоритъ Смяровскому, что онъ первый вѣрноподданный законнаго Государя; и если бы сейчасъ не выбрали его королемъ т. е. Казиміра, то онъ въ Краковѣ отдалъ бы корону тому, кого разумѣлъ достойнымъ оной. Разумная статья заключаетъ въ себѣ два предмета: что возстаніе козаковъ не есть бунтъ, и что присоединеніе Руси, или Малороссіи, къ малому тогда Государству Московскому, есть начало простирающагося величества Великой Россіи на западъ. Предметы сіи развиты и напечатаны въ журналѣ Познанскомъ и, вѣроятно, перепечатаются и въ другихъ польскихъ—съ виньеткою изъ посылаемаго къ тебѣ эстампа. Назначеніе 7 экземпляровъ слѣдующее:

1. Раскрашенный вели отправить для себя.
2. Черный вручи Булгарину.
3. Владиславлеву.
4. Гребенкѣ.
5. Д. Дарагану, а остальные два отдай малороссіянамъ, которые будутъ цѣнить это; у меня есть еще экземпляровъ 20, и ежели тебя будутъ просить объ нихъ,—напиши, я охотно пришлю.

Когда то ты устроишь для себя дрожки? Медленность въ этомъ мнѣ не нравится и я буду недоволенъ, если ты истратишь деньги, именно для сего назначенныя. Откажи себѣ во всемъ; но ѣзди на своихъ, какъ объ этомъ говорено было со всѣми подробностями.

Въ Хенцинахъ, когда я въ Царствѣ Польскомъ, все идетъ хорошо. Въ Малороссіи хлѣба у меня теперь довольно. Надобно только расплатиться съ долгами, которые меня мучатъ и удерживаютъ на службѣ. Богъ милостивъ! Онъ поможетъ правому сердцемъ и трудящемуся не изъ эгоизма.

Желаю тебѣ быть здоровымъ; благословляю и ожидаю чащщихъ извѣщеній.

Нѣжно любящій тебя отецъ Анд. Стороженко.

60.

28 октября 1840 года.

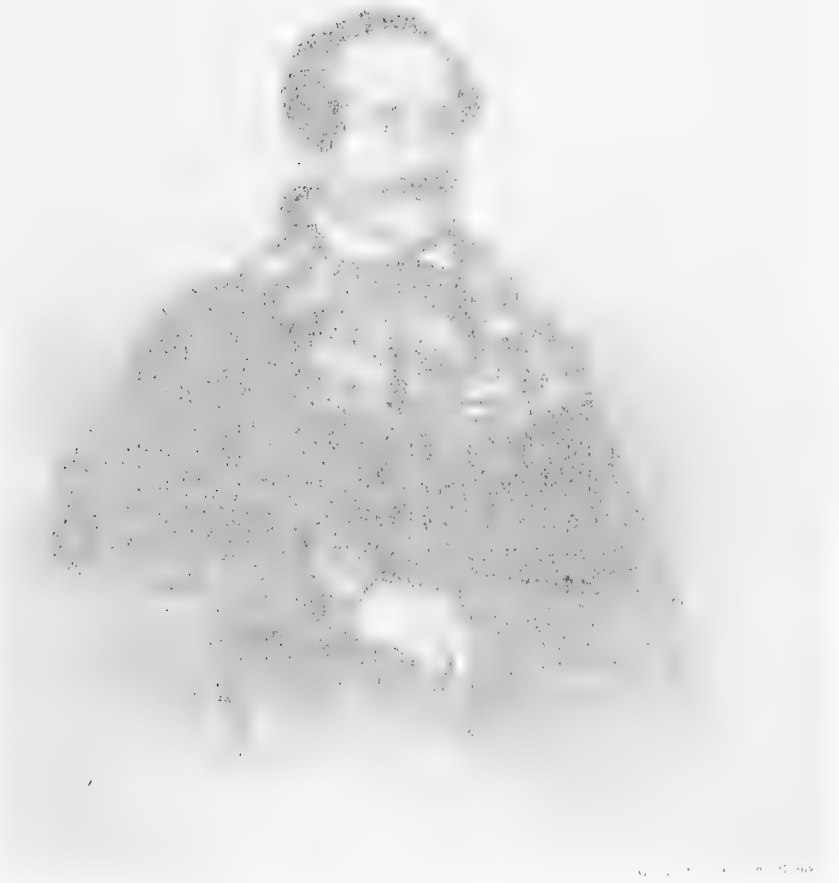
Князь Радзивилъ былъ такъ добръ, что на другой день по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ доставилъ мнѣ въ совершенной исправности все посылаемое Вами, именно: деньги, дюжину рубахъ, матерію на тулупъ, книги и картины. Благодарю Васъ, добрый Рара, за заботы объ удобствахъ моихъ и удовольствіяхъ. Вы уже знаете, я думаю, что лошади мои приведены и что я разъѣзжаю теперь уже въ своемъ экипажѣ. До сихъ поръ это занимаетъ меня, какъ удовольствіе, какъ игрушка, и потому въ мысли только пощеголять; со временемъ игрушка обратится въ удобство, поэзія замѣнится прозою; таже вещь будетъ имѣть въ глазахъ моихъ другую цѣну, а доселѣ я моихъ лошадей берегу, лелѣю, мало выѣзжаю на нихъ, а выѣду такъ, чтобы прокатиться! Какъ бы ни было, но въ этомъ отношеніи Вы покойны, а спокойствіе Ваше дороже мнѣ всего на свѣтѣ. Я было писалъ Вамъ, что деньги, присланныя Вами на обзаведеніе, мало по мало истрачиваются, но это я писалъ въ досадѣ, да и лошадей привели какъ разъ кстати. На все достало. Къ зимѣ однакожъ, папочка, Вы мнѣ вѣрно пришлете что нибудь на сани. У насъ здѣсь право все такъ дорого, что легче гораздо истратить лишнихъ десять рублей, чѣмъ сберечь десять копѣекъ. Сегодня утромъ я былъ у Булгарина и передалъ ему отъ Васъ книги и картину. Когда мы были ребятами, то смотрѣли съ какимъ то подобострастіемъ на литераторовъ и писателей. Я помню, что въ корпусѣ мнѣ очень завидовали, что я былъ вхожъ къ Булгарину, Гречу и др. Очень натурально: въ этихъ идеяхъ насъ воспитывали, къ этому вели насъ громкія воззванія учителя словесности; теперь же, когда я сталъ судить своимъ разумомъ, то и нахожу, что люди все тѣже: писатель и простой человѣкъ, литераторъ и нашъ братъ офицеръ, бываютъ одинаково пріятны, а иногда и очень скучны. Это зависитъ.... зависитъ отъ многаго. Возьмите Булгарина: Вы знаете его веселымъ, умнымъ, забавнымъ разсказщикомъ, а я... я..., да посудите сами: пріѣхалъ я къ нему сегодня въ одинадцать часовъ, засталъ его я съ позволенія Вашего въ рубашкѣ и исподнемъ; онъ брился, мылся и т. п.; нимало не церемонясь, я вошелъ въ комнату, отдалъ книги, съ той и другой стороны послѣдовало нѣсколько безсвязныхъ рѣчей (довольно забавныхъ, впрочемъ), а, между тѣмъ, колокольчикъ подъ дверью поминутно звонитъ, то одинъ входитъ, то другой. Ѳад. Венед. въ страшныхъ хлопотахъ, бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, и очень былъ доволенъ, думаю, когда я убрался. Онъ торопился уѣхать. Это еще большая удача. Пріѣхалъ бы я раньше, засталъ бы его за перомъ и, мо-

жетъ быть, о ужасъ! въ ту самую минуту, когда пламенное перо его начертываетъ торжественный въѣздъ, иллюминацію или фейерверкъ Согласитесь, что это чистая бѣда! Вы скажете, что можно помочь горю, пріѣхать къ нему обѣдать; объ этомъ проситъ меня и Ѳаддей Венед. Осталось доложить, что женскій полъ тутъ не очень интересенъ, и потому знакомство мое съ Булгаринымъ должно ограничиться, по правдѣ, одними визитами. Другъ мой Рара, согласитесь, что это правда. Недавно читалъ я въ Отечест. Запис. разборъ сочиненій Венелина („Древніе и нынѣшніе Болгары. Скандинавоманія. Объ источникѣ народной поэзіи вообще и Южно-Русской въ особенности. О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ Задунайскихъ"). Авторъ статьи г. Морошкинъ совершенно соглашается съ Венелинымъ въ основныхъ его идеяхъ, которыми Вы такъ восхищаетесь, и говоритъ, что теперешніе Болгарскіе писатели взялись и докажутъ несомнѣнное славянское происхожденіе соотчичей ихъ. Васъ это должно истинно радовать. Участіе столь пламенное, столь живое, какъ Ваше, въ мнѣніи отвлеченномъ, ученомъ, историческомъ—очень рѣдко, и я часто этому удивляюсь. Въ нашъ вѣкъ положительный, матеріальный, все, что выходитъ изъ границъ вещественности, достойно право удивленія! „Пофилософствуешь, такъ умъ вскружится" и потому я предоставляю дополнить Вашему воображенію то, что происходитъ въ головѣ моей. Обнимаю Васъ нѣжно-нѣжно и остаюсь преданнымъ сыномъ В. Стороженко. Картину, присланную Вами, велю обдѣлать непремѣнно и повѣшу рядомъ съ изображеніемъ предка моего. Это будетъ прекраснымъ украшеніемъ моей комнаты.

61.

6 марта 1841 г.

Благодарю Васъ, любезный другъ Рара, за письмо и деньги. Получены они какъ разъ въ срокъ. 25-ти р. с., присланнымъ сверхъ моего содержанія, прилагаю при семъ счетъ. У Николая Иван. брать нѣтъ нужды. Былъ на дняхъ у Ниценковыхъ и говорилъ о дѣлѣ. У нихъ въ Лубенскомъ уѣздѣ два имѣнія—одно около Вашего, въ 120 душъ и 750 д. земли, приблизительно; другое въ 10-ти верстахъ отъ Лубенъ—Новаки, около 80 душъ и 500 дес. и овцы; во второмъ положеніе болѣе гористое, почва земли хуже, но есть небольшой лѣсъ и винокуренный заводъ. Одно имѣніе безъ другого, по ихъ словамъ, существовать не можетъ, а потому и отдѣльной продажи сдѣлать не выгодно. На предложеніе ихъ купить оба имѣнія вмѣстѣ я отвѣчалъ, что



Свѣтопечать С. В. Кульженко, Кіевъ.

Андрей Яковлевичъ

Стороженко.

Портретъ 1841 г.

врядъ ли Вы согласитесь; во 1-хъ, потому что потребуется слишкомъ большой капиталъ (болѣе 100/т. по ихъ же счету) разомъ, и, во 2-хъ, потому что Вы не имѣли ввиду раздробляться и особенно въ ту сторону. Этимъ убѣжденіемъ они не склонились и продать отдѣльно Чивельчу не желаютъ. Я не только не забываю, но каждую недѣлю по нѣсколько разъ напоминаю кому слѣдуетъ объ отправленіи изъ гражданской палаты бумагъ въ Малороссію. Обѣщаютъ на дняхъ; я только этого и жду; просьба моя готова и въ слѣдъ за сообщеніемъ о совершенной купчей я пошлю и самую купчую. Вы, я думаю, получили уже книги, купленныя мною: „О новой Сѣчи“ и брошюрка о Запорожьи, Скальковскаго. Николай Иванов. обѣщалъ выслать при первой возможности и сочиненіе Венелина. Знаете ли Вы его: „Скандинавоманію и пѣсни Западныхъ Славянъ“? Въ послѣднемъ № Отечественныхъ Записокъ есть описаніе памятника, который Одесскіе Болгары созидаютъ на могилѣ Венелина съ надписью: „Напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ, могущественномъ племени Болгаръ и пламенно желалъ видѣть его возрожденіе“. Признаюсь, я былъ пораженъ такимъ сочувствіемъ людей ему чуждыхъ. Время все провожу я въ кругу нашихъ и на службѣ, другихъ знакомыхъ рѣшительно позабылъ. Иногда въ трактирѣ являются люди истинно забавные, напр. третьяго дня былъ у Романа Сергѣевича какой то г. Лобачевскій, который въ теченіе десяти лѣтъ силится опредѣлить квадратуру круга. Увѣряетъ, что дошелъ наконецъ, но говоритъ, что на слово никому не вѣрятъ, а Богъ знаетъ, какія будутъ доказательства. Вчера приходилъ другой какой то господинъ, открывшій новый совершенно законъ природы, противный теперь существующимъ поколѣніямъ; этотъ, кажется, немного дѣльнѣе. Но, вообще, не такими воображаю я себѣ представителей науки въ ихъ стремленію къ истинному: слабо, жалко, неокончено, болѣе тщеславія, чѣмъ дѣла! Прощайте, любезный Рара, обнимаю Васъ и maman и остаюсь преданнымъ сыномъ.

В. Стороженко.

Изъ 87-ми р. асс., присланныхъ Вами, уплатилъ:

Булгарину впередъ—50 р. асс., Леонтію за халатъ и туфли—8 р. за сочиненія Венелина 19 р.

Остались у меня 10 р., на которыя куплю еще книгъ.

62.

Варшава 6/18 *апрѣля 1841 г.*

Два письма твои, другъ мой Володя, доставили мнѣ удовольствіе, а особенно первое изъ нихъ, въ которомъ ты сознаешь аккуратность прямою необходимостью. Въ этомъ каждый, помыкавшійся по свѣту, убѣждается, и чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше; самая честь наша, доброе имя и спокойствіе совѣсти весьма часто терпятъ отъ нерасчетливости, или небреженія въ такомъ предметѣ, который не заключаетъ въ себѣ никакой трудности. Человѣкъ разумный не можетъ быть ни неблагороднымъ, ни трусомъ, ибо самъ разумъ опредѣляетъ характеръ и усвоиваетъ самоотверженіе.

Вчерашній день я окрестплъ съ отсутствующею маменькою Николая Ивановича маленькаго внука нашего Андрея. Поздравь ее отъ меня и испроси благословенія для Ани!

Премиленькій мальчикъ, при погруженіи его въ святую купель я, признаюсь, потревожился; а онъ немного заплакалъ, и ничего. Николай Ивановичъ въ концѣ сего апрѣля вручитъ тебѣ 500 р. на май и іюнь. Онъ дастъ 150 р. серебромъ; слѣдовательно 15 р. серебромъ ты можешь обратить къ экипажу; ты, конечно, не ожидалъ видѣть его такъ скоро.

Здоровье мое исправляется медленно, а въ особенности руки. Вся надежда на карльсбадскія и тепличскія воды. Отпустятъ ли тебя съ нами?

Леонтія отдай хлѣбнику, чтобы онъ выучился печь хлѣбы, сухари и все прочее; и по окончаніи курса, пришли его ко мнѣ при первой оказіи. Оброкъ совершенный вздоръ. Если онъ, т. е. Леонтій, не окажется быть полезнымъ въ домѣ, отдамъ въ солдаты, такъ, какъ Степку и другихъ. О семъ предвари его. Ежели тебѣ нуженъ мальчикъ, пріѣхавши когда нибудь въ Чевельчу, самъ выбери любого. Во всякомъ случаѣ необходимо сформировать для себя собственнаго человѣка. Правда, это очень трудно; но пробовать надобно съ настойчивостію.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ Ан. Стороженко.

Маменька тебя цѣлуетъ и благословляетъ. Поклонись отъ меня: Петру Яковлевичу, [1]) Владиміру Андреевичу, [2]) Ѳаддею Венедиктовичу [3]) и Петру Михайловичу [4]).

---

[1]) Фонъ-Фоку, [2]) Владиславлеву, [3]) Булгарину, [4]) Дарагану.

63.

Варшава $\frac{22\ маія}{3\ іюня}$ *1841.*

Тебѣ то знать, милый другъ мой Володя, лучше ли взять впередъ деньги за мѣсяцъ, издержать ихъ во время лагеря и потомъ три мѣсяца умѣть прожить двухмѣсячнымъ содержаніемъ; или же распорядиться такъ, чтобы всякіе два мѣсяца была новая аккуратная подмога, а для меня все равно. Посылаю тебѣ 150 р. серебромъ на іюль и августъ и думаю, что это будетъ также наукою для грядущаго. Опытъ самый лучшій учитель въ простомъ и домашнемъ быту нашемъ. Наука, свѣдѣнія и все, выражающее цивилизацію, кажется, не всегда помогаютъ распорядительности, черпаемой изъ опытовъ; по большей части самые умнѣйшіе, но не родившіеся богатыми и не занимающіеся хозяйствомъ, терпятъ недостатки, и крехтятъ подъ философическими вычурами, и изгибаются подъ ношею необходимостей. Познанія и наука жить есть двѣ каѳедры; надобно стараться быть профессоромъ обѣихъ.

Чрезъ нѣсколько дней мы выѣзжаемъ на воды; поѣдемъ черезъ Вѣну. Я хочу еще разъ видѣть славянскія поселенія, хочу повидаться съ моими пріятелями въ Прагѣ, а потомъ пріймусь пить шпрудель.

Внукъ мой премиленькій мальчикъ. Онъ какъ будто уже что-то смыслитъ; по крайней мѣрѣ, улыбается ко мнѣ и какъ бы говоритъ: „Дѣдъ! я буду человѣкомъ мыслящимъ“.

Пожалуйста, другъ мой Володя, возьми къ себѣ обратно отъ того, кому далъ, грамматику мою, напечатанную во Львовѣ; боюсь, какъ бы она не пропала въ рукахъ нашихъ мнимо-ученыхъ. Сдѣлать изъ нея полезное употребленіе они не будутъ имѣть терпѣнія, да и статья объ ней была бы слишкомъ серіозною для временнаго изданія.

Объ Леонтіи твоемъ подумай хорошенько: 500 р. заплатить за то, чтобы онъ выучился печь хлѣбы,—много. За 500 р. можно купить, по крайней мѣрѣ, 5 булочниковъ; а при томъ же будетъ ли онъ хорошимъ человѣкомъ? и не прійдется ли отдать его въ солдаты? Тогда значило бы дать двухъ рекрутъ вмѣсто одного. Впрочемъ я не стою о 500 р. лишь бы имѣть человѣка, а не негодяя; что ты по этому ни сдѣлаешь, буду благодаренъ, а о деньгахъ напиши къ Лизѣ, у которой я оставлю нѣсколько сотъ руб. на всякій случай.

Молю Бога о сохраненіи твоего здоровья, обнимаю, цѣлую и благословляю тебя, единственнаго моего друга, и да будешь достоинъ

достоинъ сего священнаго имени въ устахъ и сердцѣ нѣжно любящаго тебя отца Анд. Стороженко.

Маменька цѣлуетъ тебя и благословляетъ.

24 Маія. Папа еще не уѣхалъ, милый Володя; но, кажется, выѣзжаетъ 27-го или 29-го числа навѣрно, а послѣзавтра будетъ обѣдать у насъ на прощаньи. Мнѣ очень досадно, что я упустилъ случай послать тебѣ сегодня деньги съ фельдъегеремъ. Былъ дежурнымъ и совсѣмъ изъ ума вышло порученіе папы. Теперь отправляю по экстрапочтѣ, чрезъ Лобанова, т. е. путемъ, которымъ посылалъ нѣсколько разъ прежде. Поспѣши пожалуйста отвѣчать о полученіи. Мы всѣ здоровы и обнимаемъ тебя. На дняхъ Лиза писала сама довольно много, такъ что теперь нечего прибавить. Скажи нашимъ, что мы ихъ также извѣстимъ. Въ среду была свадьба кн. Волконскаго на дочери фельдмаршала, молодые еще остались здѣсь. Пиши пожалуйста къ намъ: это будетъ большая для насъ отрада по отъѣздѣ папы.

Твой искренній другъ Н. Ушаковъ.

64.

Варшава $^{16}/_{28}$ *января 1842.*

Письмо твое дѣловое отъ 10 января, другъ мой сердечный Володя, я получилъ 16-го; слѣдовательно оно ползло къ намъ 6 дней. Г-жа Ниценкова продала мнѣ, какъ письма ея доказываютъ, всю землю, купленную на ея имя у Родзянкиной за 21 т. руб. Теперь хочетъ, чтобы за могущій оказаться излишекъ сверхъ 350 десятинъ ты уплатилъ ей по 50 рублей. Это не совсѣмъ гладко; но за бездѣлицей я не постою; скорѣе только кончайте дѣло, да не забудь сдѣлать съ нею условіе: что если по обмѣрѣ земли окажется болѣе 350 десятинъ, то за излишекъ я плачу тогда, если же менѣе, то она возвратитъ могущее причесться количество денегъ. Посему до обмѣра и денегъ ей, кромѣ 21 т. руб. никакихъ не слѣдуетъ; въ прочемъ, получа отъ тебя рапортъ, сколько нужно будетъ къ 300 руб. серебромъ, тотчасъ вышлю. Леонтія отдай и на два года, если не возможно уже отдать на одинъ годъ. Не понимаю только, чему кондитеръ будетъ учиться такъ долго у хлѣбника? Послѣ завтра Николай Ивановичъ выѣзжаетъ въ С.-Петербургъ съ Княземъ, а поэтому и письмо сіе я разсудилъ отправить къ тебѣ съ нимъ и оно дойдетъ прежде 7-ми дней, какъ твое дошло ко мнѣ на почтѣ. Книги присылай съ Н. И. котораго я

просилъ уплатить и деньги за нихъ. Къ В. А. Владиславлеву я писалъ чрезъ скрипача Сивори; увѣдомь, дошло-ли до него письмо мое, и какъ Сивори принятъ Петербургскою публикою? Какъ я радъ, что Влад. Андр. назначенъ исп. долж. дежур. шт. офиц. Это можетъ положить начало его столичной службѣ. Дай Господи! человѣкъ онъ, какъ все мнѣ доказываетъ, прекрасный. Я обѣщалъ написать ему предлинное посланіе; но выѣздъ нашихъ и разные хлопоты, надѣланные мнѣ пріятелями, о чемъ Н. И. тебѣ разскажетъ, пріостановили всякія порядочныя помышленія. Тьфу! какъ тяжко, какъ мнѣ надоѣло мыкаться въ суетѣ полицейской! Противу такихъ характеровъ, какъ мой, противу людей, подобно мнѣ, занятыхъ истиннымъ дѣломъ, по крайнему разумѣнію, всякій дуралей интриговать ладно можетъ. Я всегда послѣдній узнаю о глупости, потому что для глупостей не имѣю никакого времени. Хотѣлъ-бы выбрать его для письма къ Влад. Андр., но и въ этомъ мнѣ встрѣчается затрудненіе. Лиза наша часто повергаетъ меня въ думы нерадостныя. Она теперь здоровѣе; но все еще живетъ въ теремѣ, какъ-бы готовящаяся къ схимѣ. Не постигаю причины этому. Въ Варшавѣ балъ, маскарадъ, катанье на саняхъ, такъ что всякую минуту можно получить насморкъ. Я несовсѣмъ здоровъ, и ничто не вылѣчитъ; ожидаю весны, чтобы отправиться на воды, а осенью, если Господь Богъ поможетъ, думаю крѣпко оставить треволненное полицейское поприще для способнѣйшихъ къ мелкимъ интригамъ и располагаю побывать въ Петербургѣ. Будь здоровъ, другъ мой; и да хранитъ тебя рука Всевышняго и мое сердечное благословеніе. Нѣжно любящій тебя отецъ А. Стороженко.

65.

23 января 1842 г.

Купчая совершена въ среду, 21-го января, и находится у меня. Деньги выплачены, счетъ издержекъ при семъ прилагаю. У Штиглица процентовъ не даютъ и потому я взялъ 20-го тѣже 6000 р., какъ и отданы они были. 300 р. с. въ обрѣзъ стало для покрытія издержекъ по дѣлу, какъ Вы увидите въ счетѣ. Новая купчая написана на всю сумму съ обозначеніемъ во всей подробности границъ земли. Всей земли по старой купчей 355 десятинъ, слѣдов. пятью десятинами больше, чѣмъ Вы предполагали. Эти пять десятинъ Ниценковы уступаютъ за 80 р. с., слѣдовательно четырьмя мѣдными рублями дешевле на каждую противъ другихъ. Торговался, хотѣлъ, чтобы онѣ пошли въ общей массѣ, но не хотѣли уступить. Деньгами Вы распорядитесь, какъ Вамъ угодно, съ меня и росписки не взяли. Планъ

земли находится въ Малороссіи; спрашиваютъ: переслать ли Вамъ его въ Варшаву или оставить въ Малороссіи и передать приказчику Вашему? Копіи со стараго вводнаго листа еще нѣтъ, но будетъ. Здѣшняя гражданская палата сообщитъ въ Полтавское губернское правленіе о вводѣ Васъ во владѣніе, но говорятъ, что сверхъ того, я съ своей стороны долженъ подать просьбу. Чиновникъ палаты обѣщалъ увѣдомить меня объ этомъ и потому купчую я сохраню нѣкоторое время у себя, на случай понадобится копія; такъ какъ старая купчая слово въ слово внесена въ новую, то въ копіи нѣтъ нужды. Остальныя бумаги перешлю при удобномъ случаѣ, такъ какъ онѣ Вамъ не крайне необходимы. Это офиціальныя свѣдѣнія, любезный Рара, неофиціальныя слѣдующія: Ниценко мнѣ показывалъ счеты, что у него земля продана была подъ сгонщика по 5 р. за десятину. Предполагая это и у Васъ, капиталъ принесетъ слишкомъ 8%. Въ послѣдній день я обѣдалъ у Ниценковыхъ; они угостили меня прекраснымъ малороссійскимъ обѣдомъ. Я сблизился съ Антономъ Андреевичемъ; онъ хорошій, кажется, человѣкъ, но по роду его службы, въ канцеляріи Клейнмихеля, врядъ ли удастся ему побывать когда въ Малороссіи. Они просили меня успокоить Васъ насчетъ того, что все сдѣлано правильно и что никакихъ препятствій къ вводу Васъ во владѣніе не будетъ. Съ Леонтіемъ едва кончилъ и то не знаю, на долго ли. Его увѣрили, что ему тридцать лѣтъ и что онъ булочному мастерству выучиться не можетъ; я велѣлъ его наказать и объявилъ, что онъ будетъ или булочникомъ, или солдатомъ; нѣмецъ держитъ его у себя, но контракта не несетъ, говоря, что не желаетъ взять человѣка, который не имѣетъ доброй воли. Условіе было такое: что онъ беретъ Леонтія на два года съ тѣмъ, чтобы я одѣвалъ его и платилъ по пятидесяти рублей впередъ за каждые полгода, кромѣ послѣдняго, за который деньги внесу въ концѣ. Два года хоть и много, да когда никто иначе не беретъ. Впрочемъ, булочное мастерство, какъ я убѣдился теперь, не совсѣмъ легко. Я возбудилъ въ себѣ дѣятельность: занимаюсь, тружусь – можетъ быть, и достигну чего-нибудь. Полагаю, впрочемъ, въ нравственныхъ достоинствахъ, въ моральномъ превосходствѣ человѣка, болѣе важности, болѣе условій къ счастью, чѣмъ въ блескѣ наружномъ. Всѣ здѣсь живутъ по старому и я живу, какъ и другіе. Новостей много, особенно по военному вѣдомству, но все это Вы знаете по приказамъ. Объ интереснымъ буду писать, когда случится. Прошу Вашего благословенія, любезный Рара, остаюсь преданнымъ сыномъ В. Стороженко.

66.

Варшава 3/15 *февраля 1842.*

Третьяго дня я получилъ увѣдомленіе отъ тебя, другъ мой Володя, о совершеніи купчей на землю, пріобрѣтенную нами отъ г-жи Ниценковой. Все это сдѣлано такъ, что дѣлаетъ честь производителю; а меня радуетъ. Копію съ купчей надо непремѣнно послать при прошеніи (поданномъ отъ тебя) въ Полтав. Губ. Правл. и дабы по старому вводному листу приказано было ввести меня во владѣніе землею; планъ на оную проси, чтобы приказали вручить приказчику моему въ Чевельчѣ: ибо я договорилъ землемѣра составить по мѣрѣ и нарѣзку; слѣдовательно планъ при этомъ будетъ необходимъ таки. По обмѣрѣ земли, причитающіеся 80 руб. серебромъ я приказалъ Гришкѣ отдать въ экономію г-жи Ниценковой. Мнѣ кажется, она продастъ и остальную землю съ крестьянами въ Чевельчѣ, принадлежащую дочери ея, что будетъ для нея гораздо выгоднѣе, ибо въ настоящемъ положеніи имѣньице это не можетъ приносить проценты, какіе будутъ съ капитала. Поводомъ къ продажѣ могутъ быть: казенный заемъ, трудная уплата процентовъ, и партикулярные долги покойнаго Кулябки, ежели есть таковые. Опека можетъ сдѣлать все своимъ порядкомъ; а я купилъ бы землю и съ людьми, хотя послѣдніе никуда негодятся. Поговори о семъ, и увѣдоми, дабы въ случаѣ намѣренія къ продажѣ, я могъ заблаговременно занять гдѣ нибудь нужную сумму. Теперь я говорю съ тобою, какъ съ человѣкомъ дѣловымъ, начавшимъ помогать мнѣ, благодарю Господа! Не могу себѣ вообразить, какъ ты отыграешь роль бойкаго французскаго Лафлера; мнѣ кажется, что ты ближе къ дѣлу, чѣмъ къ свѣтскимъ угожденіямъ. Впрочемъ, по моему, и то и другое чуть ли не одинаково нужно на навозной кучѣ, именуемой свѣтомъ.

Я не такъ-то здоровъ. Мама хвораетъ серьезно. Лиза ожидаетъ письма отъ Николая Ивановича, и мы видимся съ нею только за обѣдомъ. Катюша читаетъ книги, все въ одномъ и томъ же переплетѣ или оберткѣ.

Да будетъ надъ тобою Божіе благословеніе, и нѣжно любящаго тебя отца

А. Стороженко.

67.

Варшава 28/16 *февраля 1842.*

Не вижу изъ послѣдняго письма твоего, другъ мой Володя, посланы ли сообщеніе и копія съ купчей въ Полтаву, и дабы учинено было распоряженіе о вводѣ меня во владѣніе землею; пожалуйста поспѣши этимъ, чтобы съ весны можно было распорядиться купленнымъ кускомъ и не потерять процентовъ.

Благодарю за купленные экземпляры Венелина; а еще болѣе за заботливость сдѣлать мнѣ угодное покупкою другихъ книгъ, относящихся къ предмету, который преимущественно занимаетъ меня съ давняго времени, въ родѣ пріятнаго отдыха послѣ трудовъ и тяжкихъ, и, какъ вижу, безполезныхъ; и который, если Богъ поможетъ, будетъ наполненіемъ свободнѣйшаго времени. Съ мыслями написать замѣчанія на послѣднее безуміе поляковъ, обработать записки объ гр. Аракчеевѣ, и привести въ порядокъ историческія разысканія о полуденной Руси я съ радостію удалюсь на берега Днѣпра; быть можетъ, на досугѣ въ часы веселые напишу и о 10 лѣтнемъ пребываніи моемъ въ Варшавѣ; при моихъ занятіяхъ скука не будетъ имѣть промежутковъ, въ которые она обыкновенно закрадывается; а хозяйство, а сосѣди? Впрочемъ все это крайности, пока старость не заглушила еще и желанія быть полезнымъ, и готовности дѣйствовать, гдѣ бы то ни было. Петербурга я не боюсь; равномѣрно, какъ трудовъ и дѣла. Ежели не буду служить, пріѣду къ тебѣ повидаться и со старыми друзьями. Хуже какъ въ Варшавѣ мнѣ нигдѣ не будетъ; это я ближе всѣхъ знаю. Утѣшаюсь одною лишь увѣренностію, что ни одинъ изъ полицейскихъ старшихъ не оставлялъ своего мѣста съ такою чистотою въ совѣсти, съ такимъ свѣтлымъ взоромъ при прощаніи, и съ такими надеждами, что не только настоящая, но и слѣдующія генераціи не будутъ нарекать на несправедливость, или притязательность въ дѣлахъ, мною обработанныхъ въ эпоху самую трудную.

Посылаю тебѣ 150 руб. серебр. на 2 мѣсяца и 25 руб. серебр. на книги; итакъ брать у Ник. Иван. можетъ быть и не нужно. Благословляющій тебя отецъ А. Стороженко. Мама нездорова; сбирается писать тебѣ много; а теперь цѣлуетъ и благословляетъ.

68.

Г. Варшава 6/18 *марта 1842.*

Изъ письма твоего, другъ мой Володя, 28 февраля, не вижу, чтобы ты получилъ посланные мною тебѣ 175 руб. серебромъ 20 дней тому назадъ, т. е. 18 февраля. Впрочемъ это могло произойти отъ повѣстки съ почтамта, искавшей тебя по казармамъ, какъ нѣкогда бывало. Пожалуйста постарайся, чтобы въ Гражданской Палатѣ скорѣе дали ходъ дѣлу о землѣ; если вводъ во владѣніе промедлится, то я потеряю весну. Купчую крѣпость пусть пошлютъ себѣ и въ оригиналѣ; но чтобы ее возвратили тебѣ; а между тѣмъ ты возьми справочную копію съ оной изъ С. П. Гражд. Палаты, на что имѣетъ право каждый, и пришли по первой почтѣ ко мнѣ. Настой, чтобы Ниценковы написали приказъ въ Чевельчанское свое имѣніе, дабы тамъ отдали планъ на землю, и снесши постройки на оной, по условію, теперь же отвели бы землю въ мое владѣніе; все это я поручилъ Гришкѣ. Приказъ Ниценкова должна написать слѣдующій: „отдать во владѣніе проданную мною такую то землю, въ столько то десятинъ, такому то, и планъ на оную писарю покупщика Григорію Бондаренку“. Тогда, если бы распоряженіе о вводѣ во владѣніе и опоздало, не была бы потеряна весна, чего Ниценкова конечно не захочетъ, взявши у меня деньги, на которыхъ я и такъ уже потерялъ: и за пересылку, и проценты и проч.

Насчетъ покупки имѣньица ея говори, не торопясь: ибо это для нихъ выгоднѣе, нежели для меня. Съ имѣнія они не получатъ гроша въ годъ; а съ капитала всегда есть проценты. Тутъ одно только важно: испросить имъ позволеніе продать имѣніе малолѣтней. Для этого нужны законные мотивы, долги и проч. За землю я плачу по 50 р. за десятину, какъ платилъ Закревской и Яворскому, но люди ихъ не стоятъ и по 100 руб., однакоже для округленія я далъ бы по 200 руб. и даже нѣсколько болѣе. Людей такихъ, полагаю, надобно перевести. Бѣдны и воры. Подобныхъ людей я продалъ съ Богодуховскаго хутора 50 душъ по 75 руб. ассигн. въ 1826 году. Цѣлую тебя и благословляю. Никол. Иван., если онъ еще въ Петербургѣ, скажи все доброе, и попроси его, чтобы письмо князя Яблоновскаго представилъ скорѣе князю. [1])

А. Стороженко.

---

[1]) Паскевичу.

69.

19/31 *марта 1842 г.*

Прочиталъ я присланную тобою, другъ мой Володя, Исторію Новой Сѣчи, или послѣдняго коша Запорожскаго. Въ ней нѣтъ рѣшительно ничего новаго, равномѣрно какъ нѣтъ и старины, ибо что разсказывалъ козакъ Коржъ, умершій въ 1837 году, то разскажетъ тебѣ каждый старикъ Новороссійскаго края. Я самъ лично зналъ многихъ Запорожцевъ и даже грамотныхъ, какъ, напримѣръ, содержавшаго въ 1830 году въ Елисаветградѣ винный откупъ – Петра Васильевича Самохвала. Ихъ повѣствованія о Сѣчи еще любопытнѣе, нежели Коржовы, но со времени побѣдъ надъ Турками Задунайскаго Запорожская Сѣчь не была уже Сѣчью, а негодными остатками прежнихъ рыцарей восточнаго исповѣданія. Зналъ я также недавно умершаго Елисаветградскаго помѣщика Патрина, великаго грамотѣя, ведшаго нѣсколько дюжинъ процессовъ, который ѣзжалъ, будучи уже слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду, въ Петербургъ на перекладныхъ и который былъ поручикомъ въ крѣпости св. Елисаветы еще во времена, когда полчища крымскихъ татаръ въ послѣдній разъ обходили оную и грабили села между Ингуломъ и Днѣпромъ. Послушалъ бы, что онъ говоритъ объ остаткахъ Запорожцевъ, съ коими онъ жилъ, ибо имѣлъ хутора свои между ихъ хуторами, такъ что твой Коржъ.

Документы, собранные составителемъ Исторіи Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго, хотя не заключаютъ въ себѣ ничего цѣлаго, ничего стараго, но любопытны нѣкоторымъ образомъ для небывавшихъ въ Новороссійскомъ краѣ. А что онъ говоритъ о козакахъ запорожскихъ, современныхъ будто бы польскому королю Стефану Баторію (род. 1533, кор. 1576, ум. 1586), такъ это чистая небылица: стоитъ только прочесть какую нибудь польскую хронику о времени самозванцевъ въ Россіи, или сказанія русскія объ освобожденіи Москвы Мининымъ и Пожарскимъ, что случилось болѣе нежели четверть вѣка позже Баторія, дабы убѣдиться, что тогдашній гетманъ малороссійскій князь Ружинскій, поддерживавшій самозванца Тушинскаго, не назывался гетманомъ войскъ запорожскихъ, да сихъ послѣднихъ въ то время и въ поминѣ не было.

Были козаки малороссійскіе и донскіе, грабившіе царство Московское съ своевольными польскими ватагами наѣздниковъ, привлеченными первымъ самозванцемъ и безпрестанно оживляемыми новою вооруженною сволочью изъ Польши, искавшею добычи и службы на жалованьи. Надъ козаками донскими былъ старшиною Заруцкій, родомъ изъ Червонной Руси (Галиціи), а малороссійскими козаками предводительствовалъ Ружинскій, какъ выше сказано, который отнюдь не назывался гетманомъ войскъ запорожскихъ, какъ именовались впослѣдствіи преемники

его. Видно, что г. Скальковскій писалъ о Запорожьѣ какъ охотникъ, а не какъ знатокъ въ рукописяхъ и преданіяхъ о полуденной Руси. Онъ выводитъ козаковъ малороссійскихъ изъ Запорожья, что было совсѣмъ напротивъ.

Козаки въ Руси наддиѣпрской существовали еще за временъ литовскаго владычества землями, лежащими на правомъ берегу Днѣпра. Когда Литва соединилась съ Польшею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Русь, люди бранные въ послѣдней назывались козаками. Въ концѣ XV вѣка число ихъ было уже значительно, ибо въ 1506 году былъ у нихъ уже и гетманъ, Пренцлавъ Ланцкоронскій, вельможа польскій.

Весьма вѣроятно, что въ послѣдствіи времени удалыя шайки бездомныхъ козаковъ съ атаманами, выбираемыми между собою, кочевали на островахъ днѣпровскихъ и надъ порогами, защищавшими ихъ отъ внезапныхъ набѣговъ татарскихъ. Такимъ образомъ уплыло болѣе ста лѣтъ. Но когда король польскій Сигизмундъ III попустилъ гоненіе на православныя церкви въ Руси, и польскіе паны, водворявшіеся тамъ насильно и водворявшіе вмѣстѣ съ собою жидовъ, начали угнетать совокупно съ послѣдними коренныхъ жителей, то изъ рыцарства или козачества, не имѣвшіе значительныхъ осѣдлостей, избѣгая порабощенія и гоненія, уходили къ прежде удалившимся *для промысловъ* товарищамъ своимъ на низъ Днѣпра, изъ чего составилось низовое запорожское войско и Сѣчь Запорожская.

Шляхтичъ польскій Конашевичъ, ушедшій въ Запорожье и прозванный тамъ Сагайдачнымъ, въ послѣдствіи былъ избранъ въ 1606 году гетманомъ малороссійскимъ, кажется, первый назывался также гетманомъ войскъ запорожскихъ, хотя оставилъ навсегда Запорожье, жилъ въ управляемомъ имъ краю и основалъ братскую обитель въ Кіевѣ, въ которой, принявши схиму, скончался.

Въ 1648 году Богданъ Хмельницкій, ушедши также на Запорожье, и найдя тамъ нѣсколько сотъ вольныхъ козаковъ, поднялъ съ ними оружіе противъ утѣснителей родины, а поелику первоначальными своими успѣхами обязанъ былъ запорожцамъ, то и именовалъ себя гетманомъ ихъ, подписываясь на всѣхъ универсалахъ и договорахъ: „Богданъ Хмельницкій, гетманъ войскъ Его Королевскаго Величества или потомъ Его Царскаго Величества запорожскихъ“.

При заключеніи имъ въ Переяславѣ договора о присоединеніи Малой Россіи къ Великой, уполномоченный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ спросилъ Хмельницкаго, почему въ общемъ собраніи нѣтъ старшинъ запорожскихъ, который и отвѣчалъ, что они люди малые и въ такомъ важномъ дѣлѣ участіе ихъ не нужно. Это обстоятельство достаточно уже объясняетъ, какъ считали запорожцевъ гетманы старинныхъ козаковъ малороссійскихъ и что такое были первые.

Итакъ, только со времени Хмельницкаго можно положить истинное начало Сѣчи, распространявшейся на счетъ земель, отнимаемыхъ ею у Татаръ, и увеличивающейся числомъ разгульныхъ добрыхъ молодцевъ, уходившихъ изъ Малороссіи и изъ Украины, гдѣ польская Рѣчь Посполитая всѣми образами старалась истребить козачество, раздавая козачьи села въ подданство вельможамъ своимъ. Правительство русское этого не дѣлало, козаки и понынѣ пользуются всѣми древними правами своими; но вводило гражданскій порядокъ, не могшій нравиться возросшимъ въ необузданной волѣ, отъ котораго бѣжали бурлаки бездомные на Сѣчь, принимавшую всякаго рода преступниковъ, кои, перемѣняя тамъ самыя прозванія, обрекши себя безженству, вели жизнь разгульную, справедливо описываемую г. Скальковскимъ.

Что Запорожцы происходятъ отъ козаковъ малороссійскихъ, а не сіи послѣдніе отъ первыхъ, какъ написалъ онъ, нисколько не углубляясь въ предметъ свой, объясняетъ это и старинная малороссійская пѣсня, въ которой изображается несчастная любовь малороссійскаго козака и между прочимъ говорится:

Пишовъ козакъ въ Запорожье
Дивчинонька у черныченьки.

Далѣе поется разговоръ козака съ дивчиною:

Не по воли иду на Сичь,
Не по воли постригаюся,
Абы зъ иншимъ, якъ зъ тобою,
Мое серденько не зналося.

Эти строки рисуютъ нравы и обычаи старины малороссійскихъ козаковъ.

Имѣя свободную минуту, я надиктовалъ мысли мои, тотчасъ по прочтеніи книжки Скальковскаго, для тебя, дабы ты могъ сказать что нибудь объ ней, если между вами говорятъ о подобныхъ предметахъ.

Совѣтую тебѣ аккуратно записывать впечатлѣнія, читавши, изъ этого впослѣдствіи составятся вспомогательныя свѣдѣнія для памяти.

Отецъ твой и другъ А. Стороженко.

70.

Г. Варшава $^{17}/_{29}$ *марта 1842.*

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ тебѣ, другъ мой Володя, я писалъ, чтобы ты мнѣ прислалъ справочную копію съ купчей на землю; а дабы отвратить всякое въ томъ промедленіе, посылаю при семъ 50 руб. ассигнац. (которые идутъ по тяжелой почтѣ) для подобныхъ продѣлокъ. Присланный тобою счетъ деньгамъ и книги говорятъ въ пользу начинающейся аккуратности; что самое для насъ необходимое.

Прилагаю у сего приказъ Гришкѣ моему на счетъ принятія имъ купленной земли и вводнаго листа съ копіи, и предположенія мои о покупкѣ имѣнія у Ниценковыхъ. Самое важнѣйшее, чтобы они выхлопотали позволеніе на продажу. Въ Петербургѣ это можно сдѣлать, при особомъ покровительствѣ мощнаго. Для малолѣтней наслѣдницы чистыя деньги истинно выгоднѣе бездоходнаго имѣнія, которое, присоединенное къ моему, одному мнѣ составитъ нѣчто; а всякому другому не вынесетъ процентовъ, какъ и всѣ малороссійскія имѣнія. Сколько лѣтъ я устраиваю мои куски? Но говорю истинно, что доселѣ не получилъ еще для себя дохода и двухъ рублей. Любовь къ родинѣ, въ остальные годы жизни, воображаемая безмятежность ея по трудахъ и лишеніяхъ себя часто самого необходимаго; нѣсколько посаженныхъ деревьевъ въ хуторѣ собственными руками, переставшими дрожать тамъ отъ негодованія, что ими другіе жаръ загребаютъ; воспоминаніе объ отдыхѣ въ тяжкія для меня времена Аракчеевскія—все это располагаетъ меня къ безприхотной жизни предковъ. Впрочемъ надобно быть извѣстнымъ философомъ нашимъ Сковородою, или корнетомъ Дикуномъ, чтобы предпочесть кочевье комфорту настоящаго вѣка. Кстати о корнетѣ Дикунѣ. Лѣтъ 30 тому назадъ я покупалъ ремонтъ; сближеніе 1812 года давало всему движеніе; я скакалъ за лошадьми, какъ шальной; но въ г. Лохвицѣ имѣлъ квартиру у корн. Дикуна, отдыхалъ и успокоивался самодовольствіемъ хозяина, который разсказывалъ мнѣ, что за 40 лѣтъ, когда онъ вышелъ въ отставку и купилъ хату, не было около нея ничего, „а теперь, подывиться, якіе сады и вертограды!“ въ самомъ же дѣлѣ было только въ огородѣ нѣсколько вербъ и вишенъ. Такъ всякій долженъ быть доволенъ собственностію; счастье заключается въ умѣренныхъ желаніяхъ и въ чистой совѣсти.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ А. Стороженко.

71.

Г. Варшава $^{17}/_{29}$ *марта 1842 г.*

Посылая копію съ приказа Гришкѣ,—я нахожу нужнымъ сказать, *между нами*, для руководства тебѣ,—что я думаю насчетъ покупки имѣнія у Ниценковой:

1. Они должны сперва выхлопотать соизволеніе Правительства на продажу имѣнія, принадлежащаго малолѣтней наслѣдницѣ Кулябкиной. Законные поводы къ этому суть: долги по займамъ казеннымъ, долги партикулярные по процессамъ покойнаго Кулябки, разстройство имѣнія вообще, скудные и совершенно не достаточные доходы на уплату процентовъ и на содержаніе и воспитаніе малолѣтней, и проч.; доколѣ же не выхлопочутъ подобнаго соизволенія, то и толковать не объ чемъ; а если успѣютъ въ томъ, что весьма выгодно бы было и для наслѣдницы, ибо проценты съ капитала и вѣрнѣе, и, мнѣ кажется, выше, нежели доходы съ имѣнія, то чтобъ они сообщили тебѣ объ этомъ, и объявили бы рѣшительную цѣну за имѣніе.
2. Предположенія мои насчетъ покупки имѣнія—слѣдующія: если оно не заложено, то я заложилъ бы его, что составитъ р. 30 т. заложилъ бы притомъ и свое, а остальныя деньги какъ нибудь бы старался собрать, чтобы выплатить вдругъ всю сумму, если бы они не захотѣли какую нибудь часть оной отсрочить.
3. Для этого оборота нужно время.
4. Я бы далъ за ревизскую душу со всею землею вообще по 450 р. асс., ибо крестьяне очень бѣдны, земли недостаточно, и въ Новакахъ земля черезполосная. Или: далъ бы за землю, не взирая и на то, что есть черезполосная, по 50 руб. за десятину; а за людей: въ Новакахъ по 200 руб. за ревизскую душу, а въ Чевельчѣ —по 150 р.; и тутъ же бы Чевельчанскихъ людей продалъ по 100 руб. кому угодно.
5. Души по Полтавской губерніи принимаются въ залогъ казною по 150 руб.; я даю за душу съ землею три раза столько; если есть у нихъ 200 душъ, то они возьмутъ за имѣніе 90 т. и моя купчая крѣпость.
6. Словомъ сказать, я рѣшился бы купить имѣніе ихъ, если бы оно обошлось даже около 100 т. руб., но никакъ не болѣе.

Поговори обо всемъ этомъ обстоятельно, и что отвѣчать тебѣ будутъ, напиши аккуратно.

Хотя нѣтъ никакой особенной выгоды въ такомъ пріобрѣтеніи; но по нашимъ видамъ, и для цѣлостности Чевельчанской—рисковать слѣдуетъ. Другой никто у нихъ имѣнія не купитъ; и сами они, живя въ Петербургѣ, пользы отъ него никакой имѣть не будутъ; если же отдадутъ капиталъ въ ростъ, то наслѣдница будетъ со временемъ богатая невѣста.

Довѣренность писарю Григорію Абрамому сыну Бондаренку, въ имѣніи моемъ, Полтавской губерніи Лубенскаго уѣзда въ селеніи Чевельчѣ состоящемъ. Г. Варшава $^{17}/_{29}$ марта 1842 г.

Извѣстная тебѣ земля, въ трехъ кускахъ, лежащая между моими землями при селеніи Чевельчѣ, составляющая мѣрою вообще 356 десятинъ, доставшаяся по куплѣ отъ г-жи помѣщицы Марьи Семеновны Родзянкиной—г-жѣ помѣщицѣ Лубенскаго же уѣзда Марьѣ Львовнѣ Кулябкиной (что нынѣ, по второму браку, г-жа Ниценкова) куплена нынѣ мною у послѣдней. За каковую землю деньги уплочены сполна, и купчая крѣпость совершена сего 1842 г. 21 генваря въ С.-Петербурской Гражданской Палатѣ.

Поэтому я поручаю тебѣ войти съ прошеніемъ въ Лубенскій Уѣздный Судъ (въ которомъ вѣроятно получено уже распоряженіе о вводѣ меня во владѣніе купленною землею), дабы онъ благоволилъ предписать кому слѣдуетъ, привести означенное распоряженіе въ надлежащее исполненіе, вызвавъ тебя для принятія какъ вышепрописанныхъ 356 десятинъ земли, такъ и вводчаго листа, и для данія росписки въ томъ; въ чемъ я тебя со стороны моей уполномочиваю симъ моимъ довѣряющимъ приказомъ.

Планъ на землю ты обязываешься вытребовать изъ экономіи г-жи Ниценковой, о чемъ оная имѣетъ уже приказъ отъ владѣлицы своей, и по плану тому принять землю въ границахъ ея.

При удобномъ времени, земля должна быть перемѣрена; и чтобы оказалось сверхъ 356 десятинъ, напиши мнѣ.

По всему тому, что будетъ относиться къ вышеизложенному предмету,—поручаю тебѣ гдѣ слѣдутъ прошенія подавать, рѣшенія по онымъ доходить, и рукоприкладство чинить. Въ чемъ дана мною сія довѣренность за моимъ подписомъ съ приложеніемъ герба моего печати.

А. Стороженко.

72.

Варшава $\frac{29\ марта}{9\ апрѣля}$ *1842.*

Сенаторство, милый другъ мой Володя, есть для меня истиннымъ благомъ. Не могу опомниться отъ радости, что избавляюсь отъ всѣхъ бѣдъ полицейскихъ. 10 лѣтъ! ужасно вспомнить. Юлія Ивановна огорчилась однакоже моимъ назначеніемъ; ибо, какъ говоритъ, должна будетъ стѣснять себя въ жизни; но если поразмыслить, чего мнѣ стоило ея спокойствіе, то, по добротѣ души, будетъ радоваться со мною. Правда, что трудненько будетъ намъ перемѣнять въ томъ самомъ городѣ, гдѣ жили, образъ хозяйства; но человѣкъ ко всему привыкаетъ. Правда, что я не скопилъ себѣ ничего; но на первый случай найдутся средства. И если бы предложили мнѣ жить и офицерскимъ жалованьемъ, охотно бы принялъ предложеніе, избавясь столькихъ тяжкихъ зависимостей. Одного почтеннѣйшаго Александра Александровича довольно, для грустнаго убѣжденія, кому иногда судьба поручаетъ такія трудныя, многосложныя и отвѣтственныя на совѣсти обязанности. Онъ, говорятъ, добрый человѣкъ; вѣрю, хотя мало знаю его; но свѣтъ движется, люди, а особенно здѣсь, имѣютъ другія требованія, и быть междометіями, какъ я былъ, между давно и очень давно прошедшимъ и настоящимъ невыносимо. Если бы меня не сдѣлали сенаторомъ, вышелъ бы въ отставку; а теперь могу еще быть полезнымъ. Въ мысли этой всегда заключается все воображаемое мною счастіе. И такъ могу ли не восхищаться!

По слѣдующей почтѣ напишу кое что посвязнѣе, а теперь благословляя и цѣлуя тебя есьмь нѣжно любящимъ тебя отцемъ

Андрей Стороженко

73.

3-е апрѣля 1842 г. Послѣднее письмо Ваше, любезный Рара, было для меня истиннымъ счастьемъ; я искренне радовался Вашей радости и небольшія лишенія, неизбѣжныя при новомъ назначеніи, не должны мнѣ кажется, отравлять пріятнаго чувства независимости. Право, это единственное благо. Я привелъ уже во исполненіе совѣтъ Вашъ: завелся тетрадью и записываю мысли о прочитанномъ; войдя въ привычку, это можетъ принесть дѣйствительную пользу; достаточно уже, если

заставитъ меня болѣе вникать въ предметъ и обдумывать его. Прилагаю при семъ листокъ сенатскихъ вѣдомостей, который самъ добылъ въ сенатѣ у корректора (иначе нужно было подписаться на полъ года по крайности), и въ которомъ помѣщено о купленной Вами землѣ. Ниценковы, какъ я Вамъ писалъ уже, послали должныя приказанія прикащику ихъ, а о вводѣ безпокоиться нечего. По совершеніи ввода, объявленіе о немъ прибито будетъ въ уѣздномъ Лубенскомъ судѣ и, спустя нѣкоторое время (кажется два года), нужно будетъ позаботиться объ отказѣ, ново-учрежденномъ актѣ, послѣ котораго никакія уже претензіи о незаконности продажи приняты быть не могутъ. Говорилъ съ Ниценками на счетъ продажи:

1 Они хотятъ сами писать къ Вамъ и предложить свои условія.

2. Марьѣ Львовнѣ очень хочется, чтобы продажа состоялась; мужъ останавливаетъ порывы ея восторговъ, говоря, что въ собственную ихъ невыгоду продать нельзя. Убѣждалъ ихъ, что такое дѣло выгоднѣе для нихъ, чѣмъ для Васъ.

3. На Новаки у нихъ плана нѣтъ (если бы условія продажи состоялись, то можно велѣть сдѣлать), такъ что они только приблизительно знаютъ о числѣ душъ и количествѣ земли: 80 и 500, предполагаемыя ими цифры. Въ Чевельчѣ такая же часть, какую Вы купили у Закревской, т. е. 750 д. земли и 120 душъ.

4. Ниценковы хотятъ считать отдѣльно при продажѣ: овецъ, лошадей, дома и другія устройства. Я объявилъ, что это рѣшительно не можетъ Вамъ идти въ цѣнѣ, что Вы покупаете у нихъ имѣніе, какъ сподручное Вамъ, что, впрочемъ, нѣтъ въ этомъ никакой крайности, что другого покупщика такого, какъ Вы, имъ никогда не найти.

Если Ниценковы будутъ писать къ Вамъ, то пожалуйста, любезный Папа, напишите мнѣ, какъ дѣйствовать, и не сдѣлаете ли Вы нѣкоторыхъ перемѣнъ въ данной Вами инструкціи. Обнимаю Васъ и maman и, испрашивая Вашего благословенія, остаюсь, нѣжно любящій Васъ сынъ

В. Стороженко.

74.

Варшава $^{6}/_{18}$ *апрѣля 1842.*

Изъ послѣдняго письма твоего, другъ мой Володя, вижу, что ты продалъ наконецъ и лошадей. Хорошо, если сани и дрожки, не требующія корма, уцѣлѣли. Прочитай письма мои, ежели хранишь ихъ (писанное въ февралѣ с. г. можетъ быть цѣло еще), насчетъ лошадей, и подумай о послѣднемъ своемъ распоряженіи.

Оно, можетъ быть, и хорошо; но и мое, какъ увидишь въ концѣ письма, будетъ не такъ-то дурно. Предварительно же отдаю на собственный твой судъ и заключеніе:

a). 1838 г. Ты произведенъ въ офицеры. Тебя обмундировали и обшили, какъ говорится съ ногъ до головы; и я положилъ постоянно на содержаніе тебѣ по 2 т. руб. въ годъ, оставляя за собою нѣкоторыя пособія, не въ счетъ положеннаго.

b). 1839 г. Ты пріѣхалъ ко мнѣ въ Малороссію съ долгами, которые мною уплочены; а какъ я всегда полагалъ необходимымъ, для порядочнаго офицера, экипажъ; а какъ дрожки для тебя были уже прежде куплены Николаемъ Ивановичемъ, то и дано тебѣ на покупку лошадей и на прочее къ экипажу, сколько казалось нужнымъ, а 1000 руб. въ годъ опредѣлено исключительно на содержаніе этого; не говоря о другихъ пособіяхъ, о коихъ я думалъ, какъ отецъ, забывая мои собственныя нужды.

c). 1840 года, отправляясь изъ Варшавы въ Петербургъ, ты получилъ отъ меня условные предметы порядочнаго молодого человѣка: шубу, заплоченную мною до 7 т. з. поль.; часы съ большою цѣпочкою, кои носилъ я много лѣтъ; перстень, нѣкогда купленный мною на первыя появившіяся у меня деньги, который я снялъ съ пальца и вручилъ тебѣ на память; пистолеты, шкатулку; а сверхъ того и другія бездѣлки. Снабдилъ тебя на дорогу и наставленіемъ, хотя, прожившн со мною 4 мѣсяца, ты долженъ бы узнать и мои правила, и мой образъ мыслей.

d). Вскорѣ Николай Ивановичъ прибылъ въ Петербургъ, заплатилъ опять долги, хотя, неважные; пополнилъ за лошадей истраченныя тобою деньги, купилъ сани и проч.

e). 1841 г. Ты прибылъ самъ по себѣ въ Варшаву; тутъ было все для тебя и для людей сшито опять; ты получилъ пособіе сверхъ положеннаго тебѣ, посылаемаго мною съ аккуратностію всякіе 2 мѣсяца: хотя шубу ты продалъ, колецъ у тебя не было, равно и цѣпочки; о прочихъ вещахъ не знаю. Послѣ Варшавы, казалось, что ты не долженъ уже былъ нуждаться; но возвратившись въ Петербургъ, пишешь вдругъ, что продалъ лошадей. Продавши однѣхъ, надобно купить другихъ: ибо деньги за первыхъ не подлежатъ твоему распоряженію. А если ты употребишь ихъ на концерты, какъ пишешь, то я въ этомъ не вижу ничего полезнаго, ибо музыка не далась тебѣ; да и самую скрипку, купленную мною, какъ ты желалъ, у А. М. и за науку на которой платилъ я лѣтъ нѣсколько, ты, вѣроятно, сбылъ по ненадобности.

f). Въ теченіе съ небольшимъ 3 лѣтъ я издержалъ для тебя тысячъ до 20-ти. А я во всю жизнь мою не получилъ и 3-хъ т. отъ

моего отца, который на свадьбу съ твоею покойною матерью далъ мнѣ 25 руб. ассиг., хотя имѣлъ состояніе наслѣдственное болѣе моего. Поразсмотрись и поразсуди, какъ другіе живутъ однимъ жалованьемъ, яко же жилъ и отецъ твой. Подумай обо всемъ вышеприведенномъ мною, хотя думать и лѣнивъ ты, сколько я примѣтилъ. Припомни всѣ разговоры наши. Убѣдись въ истинной моей любви къ тебѣ и въ желаніи, чтобы ты былъ примѣромъ; и поступай впредь основательнѣе.

Да не идутъ совѣты отца и друга мимо! Надобно служить и быть занятымъ дѣломъ, чтобы сдѣлаться человѣкомъ. Кейфъ не для насъ, долженствующихъ въ потѣ лица снѣдать хлѣбъ свой. Мнѣ труднѣе теперь, нежели было; но это моя тайна; и ты всегда получишь то, что я назначилъ тебѣ. Нисколько не сержусь на тебя; но досадно немножко, что обязываюсь писать къ тебѣ подобное, хотя и для прямаго добра твоего. Готовъ подѣлиться съ дѣтьми послѣднею рубахою; готовъ отказать себѣ во многомъ, не будучи избалованъ счастьемъ, и достигши всего, что имѣю, трудами честными, но тяжкими. Готовъ бесѣдовать съ тобою обо всемъ; но не объ концертахъ.

Благословляющій тебя отецъ Анд. Стороженко.

75.

8-е апрѣля 1842 г. Прилагаю при семъ, любезный папа, свѣдѣніе изъ гражданской палаты о высылкѣ надлежащихъ бумагъ въ Полтавское правленіе. Немного поздно, но это только по неопытности, потому что не зналъ, куда обратиться. Усердіе и желаніе угодить Вамъ было и всегда будетъ. На дняхъ получилъ письмо отъ Форрегера изъ Малороссіи; я его просилъ, когда будетъ въ Богодуховкѣ, зайти на хуторъ, что онъ и сдѣлалъ, и прислалъ самое подробное описаніе: слюньки текутъ, такъ хорошо, не смотря даже на вѣтеръ и холодъ, которые его сопровождали въ этой прогулкѣ. На дняхъ получилъ же по тяжелой почтѣ слѣдовавшія отъ Васъ деньги—пятьдесятъ рублей. По прежнему счету оставалось у меня десять, а потому всѣхъ Вашихъ денегъ теперь шестьдесятъ рублей. Счетъ имъ пришлю по передержанію.

Вышла новая поэма Шевченка „Гайдамаки“, на малороссійскомъ нарѣчіи. Я читалъ отрывки, которые мнѣ очень понравились, много чувства! Куплю Вамъ и пришлю по первой возможности, также, какъ и книгу Ковалевскаго, о которой писалъ уже.

Съ началомъ весны, уже начались у меня разныя забавы, хотя и не совсѣмъ забавныя. Справлялся объ Вашемъ отпускѣ въ Инспекторскомъ Департаментѣ, но тамъ ничего нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ воз-

вратили бумаги. На мѣсто гр. Клейнмихеля никто не назначенъ; вмѣсто дежурнаго генерала должности остались за вице-директорами двухъ департаментовъ: инспекторскаго и военныхъ поселеній. Теперь нужно уже, чтобы Гришка хлопоталъ въ Лубнахъ, потому что здѣсь все кончено. Обнимаю Васъ и maman, и испрашиваю Вашего благословенія, остаюсь преданнымъ сыномъ В. Стороженко.

76.

1-е мая 1842 г. Сознаю совершенно вину мою, любезный Рара, и прошу прощенія. Мнѣ совѣстно, что я своею неаккуратностью доставляю Вамъ болѣе неудовольствія, чѣмъ радости; но рѣшительно намѣренъ исправиться иначинаю тѣмъ, что изъ полученныхъ мною отъ Васъ 525 р., за которые очень благодаренъ, отдаю 175 р. въ банкъ и билетъ на нихъ посылаю къ Вамъ; Вы будете увѣрены, по крайней мѣрѣ, что я ихъ не трачу и когда на берется, отлагая каждые два мѣсяца столько же, сумма свыше тысячи рублей, то Вамъ благоугодно будетъ распоряжаться ею по Вашему усмотрѣнію. Изъ вещей, Вами мнѣ данныхъ, продалъ шубу и цѣпочку, подарилъ трубку. Впрочемъ, шкатулка, пистолеты, часы, перстни—въ цѣлости у меня. Дрожки, сани и скрипка—также не проданы.

Содержаніе пары лошадей стоитъ мнѣ въ годъ кругомъ: кормъ 600 р., ковка 96 р., содержаніе кучера—деньщика 240 р., одежа, подчинка экипажей и коновалъ 120 р. Всего 1050 р.

Насчетъ продажи имѣнія Вы вѣрно получили уже письмо отъ Ниценковыхъ. Они воображаютъ, что у Васъ денегъ куры не клюютъ, а потому просятъ втридорога. Слыханное ли дѣло, чтобы разстроенное имѣніе Полтавской губ. въ 200 душъ имѣло стоимость десять тысячъ? Я объявилъ имъ, что на такія условія Вы рѣшительно не согласитесь. Весенняя пора для насъ тяжелое время: сегодня, напримѣръ, всталъ въ 5 часовъ утра, отправился на ученье, пришедши, сталъ писать, и тороплюсь, потому что время одѣваться въ караулъ. Обнимаю Васъ и maman и остаюсь преданнымъ сыномъ

В. Стороженко.

77.

Варшава $\frac{29\ маія}{10\ іюня}$ *1842.*

Изъ письма твоего отъ 1-го мая съ удовольствіемъ вижу моего благороднаго сына, и со слезами умиленія привѣтствую моего Володю.

Сознаніе въ ошибкахъ предъ отцомъ олицетворяетъ характеръ молодого человѣка въ грядущемъ: ибо прилагательное „молодой“ исчезнетъ для другого, гораздо высшаго и существеннѣйшаго. Я написалъ тебѣ много непріятныхъ истинъ, для твоего же добра. Конечно, лѣнь и неразсчетливость не пороки; но все таки ихъ можно причесть къ недостаткамъ характера, или твердости, ведущимъ за собою раскаяніе. Самое непріятное положеніе человѣка оправдываться, въ какомъ бы то ни было случаѣ. Увѣренъ, что тебѣ не прійдется быть въ этомъ положеніи ни въ чемъ, если захочешь установить для себя правила и насчетъ расходовъ, или издержекъ. Въ молодости намъ ничего не нужно, когда все покрывается здоровьемъ, но есть періодъ, требующій успокоенія, теплой хаты, денегъ въ нужду, хлѣба съ душу: для этого то періода нашего эфемернаго существованія, не надобно быть бабочкой. Басня Крылова „Муравей и Стрекоза“ изображаетъ не только неразсчетливость; но и эгоизмъ людской. Я хлопочу, сколько умѣю и могу, отклонить отъ васъ то положеніе, въ которомъ я былъ, ожидая уже зимнихъ дней безъ крова и пріюта; но полно, ты славный малый послѣ письма отъ 1-го маія, которое получилъ я 28 маія; писанное же отъ 18 числа получено мною 26 маія. Это произошло отъ посланнаго тобою билета. Не присылай мнѣ впередъ подобныхъ; а храни у себя подъ завѣтомъ; а скопишь столько, что будешь въ состояніи опять завестись лошадьми, я буду радоваться отъ души.

Николай Ивановичъ [1]) скоро увидитъ тебя; а я ѣду послѣзавтра въ Карлсбадъ. Здоровье мое не молодецкое; maman же хвораетъ серіозно. Мы живемъ весною за городомъ; но это по моему ни къ черту не годится, и похоже на петербургскія мнимыя дачи на Чорной рѣчкѣ, или на Карповкѣ, гдѣ чиновники, выслужившіе пряжки,—для женъ, или для дочерей мерзнутъ на старости, и согрѣваются не майскимъ зефиромъ, а Ерофеичемъ.

Ниценковымъ я отписалъ, что на Кіевскихъ контрактахъ продавались ревизскія души при 9 десятинахъ земли не выше 500 руб. и что людей ихъ, купивши, отдамъ обратно имъ по 150 руб. Это истинно. Благословляющій тебя отецъ

А. Стороженко.

Съ Ниценковою держись того, что я писалъ тебѣ насчетъ цѣны имѣнію. Да можетъ ли она продать его? Болѣе 100 т. ассиг. оно истинно не стоитъ; и то мнѣ только оно и нужно; а современемъ не дадутъ и 70 т. Такихъ людей, какъ ихъ, я продалъ, купивши хуторъ Богодуховскій, по 75 руб.

---

[1]) Ушаковъ.

78.

Варшава 5 августа 1842.

Нѣсколько дней какъ я возвратился изъ заграницы. Воды, кажется, принесли мнѣ много пользы; но при употребленіи ихъ заболѣлъ было артретизмомъ такъ, что нѣсколько дней не могъ ступить шагу, а ѣздилъ въ колясочкѣ и не выходилъ обѣдать. Говорятъ, что это было самое лучшее дѣйствіе водъ; радъ вѣрить; но боль была не выносима. Немощь и страданія для меня страшнѣе смерти; а облегченіе отъ нихъ можно уподобить воскресенію. Здѣсь я нашелъ maman не совсѣмъ здоровою; Лиза же оправилась; Н. Иван. возвратился, и они завтра выѣзжаютъ къ южному морю. Дай Господи, чтобы купанія, а особливо вояжъ, возстановили силы доброй благородной Лизы нашей. Благодарю Бога и за твое выздоровленіе, другъ мой Володя; береги здоровье, какъ самое высшее сокровище, ибо безъ него жизнь тягостна. Я слыхалъ отъ Н. И., что тебя предполагали было сдѣлать покамѣстъ полковымъ адъютантомъ: это истинно меня порадовало бы.

Посылаю тебѣ 150 руб. серебромъ; а купленныя мною за границею дюжину чулокъ, дюжину рубахъ сшитыхъ русскимъ кроемъ, но не умѣющею рукою, привезетъ тебѣ Алек. Галпертъ, фуфайки же теплыя отошлетъ Н. И. Рубахи ты вели передѣлать и обшить вороты хорошенькою каймою. Сколько надобно заплатить за науку Леонтія, и что можетъ стоить пересылка его въ Варшаву, напиши. Я тотчасъ вышлю деньги; а потомъ распорядись и самымъ отправленіемъ его.

Въ Малороссію хотѣлось бы поѣхать; но на слѣдующей почтѣ напишу о рѣшительномъ выѣздѣ. Тамъ, намъ пишетъ Степ. Степ. Огроновичъ, не совсѣмъ худо этого года; а въ Хенцинахъ прекрасно для администратора, который платитъ исправно.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя А. Стороженко.

79.

Варшава $\frac{\textit{1 сентября}}{\textit{20 августа}}$ *1842.*

Лиза и Николай Ивановичъ уѣхали на Вѣну, отъ куда располагаютъ ѣхать въ Тріестъ для купанья Лизы въ морѣ; но ежели вѣнскіе доктора скажутъ, то поѣдутъ и южнѣе въ Италію. Дай Боже, чтобы это принесло пользу. Воды южнаго моря укрѣпляютъ нервы; а Лиза

разстроила ихъ и воображеніемъ, и способомъ жизни. Отчужденность въ лѣта ея отъ свѣта, безвременный кейфъ, или безпрерывное сидѣніе въ глубинѣ мягкаго пате надобно бы отложить на старость, которая приведетъ и къ самому уединенію; но въ ваши лѣта необходимы развлеченія, разумѣется облагороженныя. Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ если послѣ работы умственной случится потанцовать, повеселиться, побесѣдовать, или хоть походить. Послѣднее мнѣ не приносило никогда никакого удовольствія; я почти не прогуливался; но этому виною, полагаю, родъ занятій, содѣлавшихся привычкою; однако же при употребленіи водъ—хожу, отбывая эту процессію, какъ лѣкарство.

Хотѣлъ было пожить нѣсколько въ Чевельчѣ, гдѣ садъ и хозяйство двигаютъ меня, какъ и служба; но открытіе Сената и ожидаемое прибытіе въ Варшаву Государя пріостановили поѣздку.

Всякой день благодарю Бога, изведшаго меня изъ дому работы здѣшней полицейской; не долженъ признаться однако же, что и долгое отдохновеніе меня утомило бы. Если не будутъ умѣть сдѣлать изъ меня какого нибудь употребленія, уйду на хуторъ хлопотать по хозяйству. Жить здѣсь дорого; одного жалованья и въ половину не достаточно; проживать же свое, носящее на себѣ отпечатокъ кроваваго пота, безъ видовъ и безъ пользы общей, не подъ лѣта.

Да будетъ тебѣ служба, сынъ мой, благодарнѣе, нежели мнѣ; да споспѣшествуетъ Господь во всѣхъ добрыхъ твоихъ начинаніяхъ, и да сопутствуетъ тебѣ сердечная любовь и благословеніе отца и друга

А. Стороженко.

Мамаша цѣлуетъ тебя. Она все еще не здорова. Живетъ съ Катюшей на дачѣ, подобной вашимъ Чернорѣцкимъ, а я сижу себѣ въ городѣ, и ожидаю, когда дожди прогонятъ ихъ съ мнимой прохлады.

80.

Варшава $^{7}/_{19}$ *октября 1842.*

Безъ положительныхъ занятій убѣгаетъ время почти такъ же, какъ и въ безпрерывной кутерьмѣ, смѣшеніе непріятнаго съ пріятнымъ не равномѣрное; ожиданіе перваго, непрерываемое никакими трудами, имѣющими цѣль, и лѣнь распорядиться временемъ уносятъ послѣднее непримѣтно. Такъ прошло нѣсколько недѣль отъ написанныхъ мною тебѣ, другъ мой Володя, двухъ писемъ; сблизился терминъ посылки

денегъ, и вмѣстѣ съ симъ ты получишь 150 руб. серебромъ не въ самомъ концѣ мѣсяца.

Болѣзнь доброй нашей maman тревожила меня невыразимо; но Творецъ Милосердный, пекущійся о вѣрующихъ въ Его святое предопредѣленіе, разрѣшилъ всѣ недоумѣнія докторовъ и наши опасенія: 26 сентября она родила мнѣ дочь, а вамъ сестру—Дарію [1]). Мать и дитя здоровы и цѣлуютъ тебя. Я даю имя малюткѣ Дарія, въ память моей матери, которую припоминаю какъ сквозь сонъ. Да возрадуется тѣнь ея сыновнимъ чувствомъ, и да хранитъ Господь близкихъ мнѣ, въ утѣшеніе на старость!

Лиза и Н. Иван. пишутъ изъ Флоренціи. Вояжъ для первой дѣлаетъ много добраго; а Н. Иван. не восхищается развалинами стараго міра; я самъ, и въ юношескихъ лѣтахъ, видѣлъ въ Италіи какую-то грязную, грустную цыганщину, гдѣ подъ прекраснымъ небомъ, среди найблагодѣтельнѣйшей природы, люди пресмыкаются или въ нищетѣ, или въ надутой и вмѣстѣ съ тѣмъ подлой искательности въ иностранцахъ однѣхъ только прибылей! Будь здоровъ другъ мой.

Благословляющій тебя отецъ А. Стороженко.

81.

Варшава $\frac{22\ ноября}{3\ декабря}$ *1842.*

Я сбираюсь въ Петербургъ непремѣнно; 8 генваря располагаю выѣхать; но за 20 дней передъ отъѣздомъ извѣщу тебя, другъ мой Володя, дабы ты мнѣ приготовилъ хату. Александръ Павловичъ [2]) пишетъ, что онъ имѣетъ квартиру прекрасную на Невскомъ, этакая хороша была бы и для меня. Онъ еще не возвратился. Чужую бѣду на бобахъ разведу, а къ своей ума не приложу, говоритъ старинная русская пословица. Со мною часто тоже случается. Напримѣръ теперь я занятъ самымъ запутаннымъ дѣломъ; отгадываю все, какъ бы вѣщимъ духомъ, запутанность проясняется; мною, конечно, будутъ довольны, какъ и всегда, противу воли, на короткое время; но зависть

---

[1]) Дарія Андреевна была впослѣдствіи замужемъ за А. Н. Цыловымъ. Жизнь ея сложилась крайне неудачно и она умерла въ Петербургѣ лѣтъ 45-ти въ большой нуждѣ.

[2]) Безакъ.

возвышаетъ подлый лобъ свой, и все забыто, какъ всегда; я же и придумаю, какъ нынѣ быть, на что рѣшиться. Служить за 3/т. злотыхъ въ годъ и невозможно, и стыдно; правда у меня есть хата, борщъ и каша и я теперь, благодаря Милосерднаго Создателя, не хвораю, скучая опостылшею мнѣ Варшавою; но могъ бы еще и послужить. Посмотримъ... Лиза понынѣ не возвратилась изъ своего сентиментальнаго путешествія; а срокъ имъ вышелъ; дай Господи, чтобы вояжъ принесъ ей пользу, тогда бы я былъ истинно покоенъ и радостенъ.

Наша малая такое прелестное дитя, какого я истинно не видывалъ; никогда не плачетъ, какъ будто бы знаетъ, что я этого не люблю, и какъ бы готовилась къ строгости.

Желаю тебѣ здоровья и благополучія Стороженко.

Я никакъ не сомнѣваюсь въ твоей ко мнѣ привязанности, а моя малая будетъ умѣть цѣнить твои ласки. Она очень хорошенькая. Папа скоро тебя увидитъ, а мнѣ еще надо обождать, чтобы лично обнять тебя, до того надо довольствоваться заочнымъ желаніемъ тебѣ всѣхъ благъ міра и съ симъ чувствомъ остаюсь навсегда другъ твой Julie.

Посылаю тебѣ поцѣлуй нѣжнаго друга, доброй мой Володя, и благодарю за милое твое письмо.

82.

8 декабря 1842 г. Изъ молчанія Вашего насчетъ плановъ моихъ о Кавказѣ я заключаю, любезный Рара, что Вы ихъ не оправдываете, и Вы правы, тысячу разъ правы. Я такъ бы точно поступилъ на Вашемъ мѣстѣ. Но между тѣмъ мое положеніе осталось тоже: въ настоящемъ дежурства, караулы, одиночныя ученья, разводы, маневры; впереди на четвертомъ десяткѣ жизни баталіонное командирство со всѣмъ его ничтожествомъ, наконецъ, бригадное... Что можетъ быть безцвѣтнѣе этого! Да притомъ фронтовая служба и еще гвардейская не по мнѣ: физическая дѣятельность умерщвляетъ энергію умственную; безпрестанная тревога, ежедневныя, мелочныя безпокойства, частые щелчки самолюбію—уничтожаютъ возвышенность характера, не даютъ пищи благороднымъ потребностямъ души. Я созналъ, что успокоеніе мое въ наукѣ и наукѣ серьезной. Занимаясь, я былъ покоенъ, всякій перерывъ повергалъ меня въ тревожное, невыносимое состояніе. А сколько помѣшательствъ при нашей службѣ: недѣльки двѣ иногда выдадутся такія, что невозможно взять книги въ руки. Вотъ планъ мой. Въ главныхъ чертахъ онъ совершенно сходенъ съ надеждами

Вашими о моей будущности: познанія и служба; подробности только не тѣ; но когда отъ исполненія ихъ зависитъ мое спокойствіе, а слѣдовательно и счастіе, неужели Вы воспротивитесь этому? Меня произвели въ поручики. Чинъ этотъ даетъ мнѣ 9-й классъ. Мнѣ въ мартѣ будетъ 23 года. Если я теперь оставлю службу военную, вступлю въ университетъ, пробуду три даже четыре года, выйду съ ученою степенью и начну гражданскую службу 27-ми лѣтъ,—сколько впереди для моей карьеры! Наука административная съ каждымъ днемъ становится сложнѣе; для разрѣшенія вопросовъ общественнаго благосостоянія, становится недостаточно одной опытности, необходимо изученіе серьезное. Вмѣстѣ съ тѣмъ познанія составляютъ для меня капиталъ, который всегда принесетъ хорошіе проценты. Сколько наслажденій понятныхъ только истинно образованному человѣку! Исполненіе моего плана не требуетъ многаго: Вашего согласія, 2000 р. ас. въ годъ и позволеніе вступить въ одинъ изъ Германскихъ университетовъ; наши еще похожи на школы; я имѣлъ недавно случай убѣдиться въ этомъ. Я понимаю науку для науки, но въ моихъ глазахъ значеніе ея еще выше въ приложеніи, а потому, проходя курсы юридическаго факультета, никогда не буду терять изъ виду, что запасъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній я долженъ принесть въ Россію, долженъ служить. Сводъ Законовъ будетъ всегда лежать передо мною и напоминать мнѣ о предпринятой цѣли. Годъ потери для моихъ предположеній весьма важенъ. Просьбы объ отставкѣ принимаются только до 1-го генваря, къ тому времени участь моя должна быть рѣшена, а потому, любезный Рара, ради Бога, не замедлите отвѣтомъ на это письмо мое. Вы человѣкъ образованный и въ состояніи понять меня: не разрушайте моихъ задушевныхъ мечтаній. Обнимаю Васъ нѣжно и остаюсь преданнымъ сыномъ В. Стороженко. Около 25-го этого мѣсяца я могу получить отвѣтъ; съ трепетомъ ожидаю его.

83.

Г. Варшава $^{9}/_{21}$ *декабря 1842 г.*

Сію минуту получилъ пріятное для меня письмо твое отъ 6 сего декабря, любезный сынъ мой, и какъ министръ статсъ-секретарь Туркулъ завтрашній день выѣзжаетъ въ Петербургъ, то спѣшу сказать тебѣ нѣсколько словъ, и послать 150 р. серебромъ, чтобы они дошли до тебя къ празднику. Наши Ушаковы возвратились изъ вояжа, и Лиза, благодаря Бога, видимо поправилась; они писали уже къ тебѣ. Даша улыбается; полненькая ея физіогномія и большія, выразительныя, свѣтлосинія глазки обѣщаютъ разумъ; она по прежнему никогда еще не плакала, и смотритъ на меня, какъ говорится, въ оба.

Самое интересное извѣстіе, что 6 декабря ты будешь поручикомъ; обниму тебя въ этомъ рангѣ въ генварѣ; но предъ выѣздомъ извѣщу о терминѣ fixe; а тогда похлопочи о квартирѣ. Думаю, что духъ, витающій надъ колыбелью извлеченнаго на свѣтъ сей, если можно назвать тьму свѣтомъ, произрекъ надо мною, чтобы мнѣ мучиться всю жизнь за другихъ, и чтобы я никогда не испытывалъ даже и мечтаемаго спокойствія. Опять въ продолженіе нѣкотораго времени такая навлеклась куча дѣла непріятнаго, что и вздохнуть было некогда; но въ Петербургѣ и Москвѣ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отдохну, и возобновлю соотношенія съ прежними моими пріятелями по любознательности. Мысль эта утѣшаетъ меня.

Никол. Иван. писалъ къ Липранди о тебѣ и о племянникѣ своемъ; не хочешь ли, чтобы и я написалъ къ нему?

Истинный другъ твой и отецъ А. Стороженко

Д. И. Дарагану кланяюсь. Распроси его, что видѣлъ, или слышалъ насчетъ моего пепелища, и увѣдомь меня.

Maman тебя цѣлуетъ.

84.

Варшава 16/28 *декабря 1842 г.*

Насчетъ Кавказа, сынъ мой, я не сказалъ тебѣ ни слова, думая, что подобная рѣшительность есть собственное убѣжденіе въ духѣ, въ призваніи и въ благородной цѣли самоотверженія. Я могъ только радоваться твоему предпріятію, но обнаруженіе этого могло бы обратиться со временемъ въ упрекъ, если бы, чего Боже сохрани, или былъ изувѣченъ, или потерялъ бы здоровье въ климатѣ, вліяніе коего не всякій выноситъ.

О Кавказѣ я получилъ письмо твое въ ноябрѣ [1]). 6-го числа сего декабря ты произведенъ въ поручики. Такое скорое повышеніе меня истинно обрадовало, но письмо твое отъ 8 декабря, въ которомъ ты внезапно говорилъ объ отставкѣ, объ университетѣ, объ ученой степени, заставило побесѣдовать съ подушкой. Что за крайность! За мѣсяцъ—Кавказъ, военныя отличія, и вдругъ теперь—ученость, спокойствіе и статская служба.

Какая причина такой поспѣшности подавать въ отставку, не думавши объ этомъ до декабря, по крайней мѣрѣ, я никогда не слыхивалъ отъ тебя ничего подобнаго; но поелику ты разсчитываешь дни,

---

[1]) Письмо это не сохранилось.

видишь потерю времени, и просишь поспѣшить отвѣтомъ, то я, прочитавши письмо твое, тотчасъ берусь за перо, чтобы ты получилъ отвѣтъ мой вовремя.

Боже сохрани, если все это происходитъ просто отъ легкомыслія и непостоянства въ характерѣ; если же тутъ есть твердое убѣжденіе въ призваніи и обдуманное рѣшительное намѣреніе предаться всею силою души учености и потомъ посвятить себя статской службѣ, противу сего мнѣ и говорить нечего, лишь бы ты служилъ, былъ человѣкомъ честнымъ и помнилъ, что отецъ твой все пріобрѣлъ службою, что онъ отказывалъ себѣ во многомъ, трудясь тяжко столько лѣтъ, имѣетъ весьма немного, и что одни люди богатые могутъ перемѣнять службу и по обманчивымъ видамъ, а въ нашемъ недостаточномъ состояніи необходимо думать и о способахъ содержать себя. Вотъ что я думаю, перечитывая письмо твое.

Я говорилъ тебѣ, что мое предположеніе, чтобы ты послужилъ въ гвардіи до капитана, вышелъ въ армію подполковникомъ, и такимъ образомъ проложилъ бы себѣ дорогу на военномъ поприщѣ, пріобрѣтая между тѣмъ необходимыя для того свѣдѣнія и опытность; если же по силамъ и здоровью фронтовая служба для тебя совершенно уже невыносима, то чтобы вступилъ въ военную академію и пошелъ потомъ по части квартирмейстерское, хотя послѣдняя и несовсѣмъ согласна съ моими мыслями. Въ ней мало военной дѣятельности: служащему въ оной и не имѣвшему никогда подчиненныхъ, исключая казеннаго деньщика, трудно потомъ въ высшихъ чинахъ изучить военную администрацію, командованіе частями, фронтовую службу и практическія военныя эволюціи. Впрочемъ это одни только мои мысли о квартирмейстерской части, служить же въ ней всетаки лучше, нежели быть адъютантомъ, не полковымъ и не старшимъ, гдѣ люди по неволѣ дѣлаютъ дѣло, или статскимъ чиновникомъ на 1000 руб. жалованья.

Россія есть держава, можно сказать, военная. У насъ достигаютъ до всего по большей части военною службой. Пересчитай высшихъ государственныхъ сановниковъ, и увидишь, что едва ли не всѣ они доходили до генеральскихъ ранговъ въ военномъ званіи. Служа въ гвардіи, въ 30 лѣтъ отъ роду всѣ почти дослуживаютъ до полковника, въ 40 лѣтъ—генералъ, и приличное мѣсто для него найдется, да и служеніе усердное, разумѣется, никогда не остается безъ возмездія, будутъ помагать, получишь аренду и, оставляя службу съ необходимыми средствами къ жизни, почувствуешь, что ты стяжалъ почтеніе къ себѣ другихъ и право на успокоеніе. Въ статской же службѣ и по твоему разсчету, начавъ оную въ 27 лѣтъ, въ 30 лѣтъ будешь только коллежскимъ ассесоромъ, а когда же попадешь въ 4-й классъ? А въ этотъ

промежутокъ времени прилежное хожденіе въ департаментъ или въ канцелярію едва ли сноснѣе фронта. При томъ же безъ ученой степени нѣтъ производства въ чинахъ штабъ-офицерскихъ. Правда, истинная правда, что познанія ученыя всегда нужны, вездѣ пригодятся, но для пріобрѣтенія ихъ необходимы твердая воля, прилежаніе, постоянство, подавленіе честолюбія и внутреннее самодовольствіе въ трудахъ и въ пріобрѣтаемыхъ свѣдѣніяхъ.

Въ статской службѣ надобно искать мѣста и всегда ли сыщешь его. Взгляни на близкихъ тебѣ, напримѣръ: Форрегеръ знаетъ много языковъ, пишетъ на нихъ прекрасно, а, мыкаясь по свѣту съ мѣста на мѣсто, нуждается въ дневномъ пропитаніи; Н. М. Дараганъ вышелъ въ отставку поручикомъ, прожилъ дома три года, принужденъ былъ отъ скуки опять вступить въ военную службу, и теперь только жалѣетъ о потерянномъ времени и пересчитываетъ на досугѣ прежнихъ сверстниковъ своихъ въ чинахъ полковничьихъ.

На то, чтобы оставить военную службу, нужны весьма важныя причины: нездоровье, убѣжденіе, что не имѣешь духа потребнаго для человѣка военнаго, и неодолимое уже влеченіе къ наукамъ и гражданской службѣ; иначе надобно служить. Нѣтъ ничего презрѣннѣе въ моихъ глазахъ, какъ отставной молодой и хворый офицеръ, можетъ быть, это потому, что я безъ всякихъ подпоръ, безъ всякой помощи несу служебный крестъ близко 40 лѣтъ и горжусь наконецъ тѣмъ, что успѣлъ вырвать изъ челюстей враждебной мнѣ судьбы кусокъ черстваго хлѣба, дабы не умереть голодною смертію на старость. Этимъ кускомъ дѣлюсь еще и съ ближайшими мнѣ, конечно не совсѣмъ удовлетворительно для нихъ, но радушно.

Ты располагаешь, да иначе и быть не можетъ, служить въ гражданской службѣ, разумѣется, въ Россіи, а хочешь образовать себя для этого въ заграничныхъ университетахъ. Что за блажь такая? Правда, что тамъ можно многому научиться, сдѣлаться даже истинно ученымъ, но пріуготовить себя тамъ къ нашей гражданской службѣ есть безтолковая иллюзія. Теорія правъ во Франціи, Англіи и даже въ Германіи, образъ исполненія дѣлъ, понятія и духъ администраціи такъ разнствуютъ съ нашими, что нельзя сдѣлать никакого употребленія самыхъ глубочайшихъ свѣдѣній юридическихъ заграничныхъ въ нашихъ монархическихъ формахъ законовѣдѣнія. Курсъ юридическаго факультета одинаковъ въ университетахъ, что въ Геттингенскомъ и Боннскомъ, что и въ Московскомъ, Петербургскомъ, Казанскомъ и Дерптскомъ, приложенія же вовсе не одинаковы. При томъ же, утверждаясь быть дѣятелемъ въ Россіи, надобно учиться этому на русскомъ языкѣ, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ апликаціею пріобрѣсть умѣнье и навыкъ въ правильномъ изложеніи на ономъ дѣла и мыслей своихъ.

Ученый по нѣмецки, по французски и даже по польски будетъ совершенно безполезнымъ въ нашей гражданской службѣ, доколѣ не переведетъ въ мысляхъ и воображеніи на русскій языкъ и ладъ всего того, чему онъ выучился. Итакъ, когда ты хочешь учиться правовѣдѣнію, то учись въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, достигни ученой степени, безъ каковой у насъ нѣтъ хода, и служи себѣ съ Богомъ, если высказанное мною выше не поколебало тебя въ твоемъ внезапномъ вознамѣреніи.

Окончивши курсъ дома, можешь тогда уже объѣхать и иноземные университеты. Съ запасомъ потребныхъ свѣдѣній ничто не будетъ для тебя ново и недоступно, въ противномъ же случаѣ надобно бы сперва выучиться основательно иностраннымъ языкамъ, чтобы учиться потомъ правамъ универсальнымъ, преподаваемымъ въ Германіи, или во Франціи, въ коихъ правахъ надобности существенной, можетъ быть, и во всю жизнь не встрѣтится, какъ въ дифференціальныхъ и интегральныхъ вычисленіяхъ не преподающему математики.

Наконецъ, я обязываюсь повторить, что на всякой службѣ Государю и отечеству будетъ сопровождать тебя благословеніе отца и друга А. Стороженко.

P.S. Теперь ты имѣешь казенную квартиру, жалованье и болѣе трехъ тысячъ въ годъ отъ меня въ пособіе, а жить этимъ какъ-то не умѣешь. Какъ же ты проживешь 2 т.?

Оставивши военную службу, надобно подумать тебѣ и объ экипировкѣ.

Пусть я буду продолжать давать тебѣ и по 3 т. р. въ надеждѣ, что ты, кончивши курсъ, будешь служить, но это я и дѣлалъ и буду дѣлать для того именно, чтобы ты непремѣнно служилъ и дослужился, по крайней мѣрѣ, до моего настоящаго званія, безъ этой же надежды жалѣлъ бы о всякомъ пожертвованіи, исключая необходимаго для безцвѣтной, какъ ты выражаешься, жизни мелкопомѣстнаго отставного офицера, лѣнивца баловня, хотя бы и милого по нынѣшнему, ибо человѣкъ мыслящій, порядочный, долженъ служить и трудиться до смерти, и по моему нѣтъ допущеній, нѣтъ извиненій, кромѣ законныхъ причинъ, или недостатка духа въ военной, а тупоумія въ статской службѣ, для того, чтобы прозябать съ трубкой въ зубахъ и романа въ рукахъ, хотя бы Бальзака, Сю, или русскаго историческаго оригинальнаго.

85.

29 декабря 1842 г. Не нахожу словъ, мой добрый Рара, чтобы выразить мою безпредѣльную благодарность за вниманіе Ваше къ моей просьбѣ. Отвѣтъ пришелъ вовремя, ранѣе даже, чѣмъ я ожидалъ. Такое сочувствіе наилучшимъ помысламъ, доступнымъ человѣку, внушаетъ довѣріе, а за довѣріемъ слѣдуетъ откровенность. Теперь Вы вправѣ требовать ее отъ меня, а мнѣ нѣтъ причины таиться. Весьма справедливо было съ Вашей стороны сдѣлать заключеніе о моемъ легкомысліи по двумъ предположеніямъ совершенно противоположнымъ и въ столь короткое время сдѣланнымъ. Вотъ мое объясненіе: въ теченіе четырехъ лѣтъ моей службы я изучалъ себя, старался передѣлать, напрасно, не было ни минуты такой, въ которую могъ бы я сказать себѣ, что я человѣкъ военный. Безпокойство мучило меня. Я хотѣлъ ѣхать на Кавказъ, чтобы испытать себя; это было моимъ послѣднимъ средствомъ. Къ счастью, мнѣ не удалось привести его въ дѣйствіе. Тутъ подоспѣлъ поручичій чинъ и нѣкоторыя другія, мелочныя обстоятельства, и я рѣшился избрать родъ службы, болѣе согласный съ моими наклонностями. Сознавъ въ себѣ однажды значеніе образованности, потребность знаній, убѣжденъ, что послѣдняя должна быть удовлетворена. До тѣхъ поръ нѣтъ спокойствія. Я не умаляю предстоящихъ мнѣ трудностей; ни нѣмецкій, ни латинскій языки, ни четыре года науки, безъ наградъ и почестей, меня не устрашаютъ. Изъ всѣхъ мечтаній юноши ни одно не представлялось мнѣ такъ чисто, свѣтло, роскошно, какъ то, которымъ занятъ теперь. Съ трудами и съ терпѣніемъ я пріобрѣту многое и это многое принесу въ сокровищницу общаго блага и утѣшу старость Вашу. И неужели, любезный другъ Рара, дорога познаній, путь, проложенный умомъ человѣческимъ, не привлекательнѣе честолюбія чиновъ, жалкой крестоманіи, отвратительныхъ безгрѣшныхъ доходовъ, которыми многіе тщеславятся? Я увѣренъ совершенно, что ни я, ни убѣжденія мои не будутъ достойны презрѣнія, даже и въ томъ случаѣ, когда бы у меня не достало характеру совершенно исполнить предпринятое. Будьте увѣрены, что никогда не буду „ни полуученымъ лѣнивцемъ, ни милымъ баловнемъ“, напротивъ того, я убѣжденъ, что Вы сдѣлали доброе дѣло, предоставивъ моему рѣшенію выборъ службы: тѣмъ самымъ изъ безполезнаго офицера образуется честный, полезный гражданинъ. Итакъ, ни мало не медля, я пользуюсь Вашимъ позволеніемъ, беру отставку и ѣду въ Дерптъ. Не могу остаться въ Петербургѣ, потому что отношенія моей теперешней жизни были бы мнѣ помѣхою для твердаго слѣдованія къ предпринятой цѣли. Матеріальныя условія не могутъ удержать меня ни одной минуты: съ радостью отказываюсь отъ квартиры, деньщиковъ и жалованья. Всему

этому найду вознагражденіе въ наукѣ, и если Вы мнѣ дадите 3 т. даже 2 т. въ годъ, то это совершенно будетъ достаточно для Дерптскаго отшельника. Для экипировки у меня будутъ деньги, если Вы позволите мнѣ употребить на это тѣ, которыя скопилъ на лошадей. Еще нѣсколько словъ, другъ мой Рара, о цѣли моей и намѣреніяхъ, чтобы между нами не было недоразумѣній. Прежде всего я хочу образовать себя, но не для кафедры, а для службы; поэтому, вступая въ Университетъ, я не хотѣлъ бы ограничить себя науками одного какого нибудь факультета. Изучая юриспруденцію во всѣхъ ея тонкостяхъ на степень доктора, я долженъ буду оставить философію, политическія науки и финансовыя, которыя ближе къ моей цѣли. Итакъ прошу Васъ, другъ мой, положиться на мое благоразуміе и мою любознательность и не связывать меня ученою степенью, которая въ сущности не будетъ мнѣ очень полезна на службѣ, потому что, какъ выпущенный изъ камеръ-пажей, я принадлежу уже къ 1-му рязряду гражданской іерархіи. Правда, степень доктора даетъ 8-ой классъ, но на службѣ я могу получить этотъ классъ за отличіе въ два года. Что я буду хорошо образованнымъ человѣкомъ, въ томъ я Вамъ ручаюсь, но по какой дорогѣ пойду потомъ, опредѣлить не могу. Можетъ быть, по мѣрѣ изученія разовьется во мнѣ желаніе быть чисто ученымъ человѣкомъ, историкомъ, философомъ?... Но все это впереди. Ближайшая цѣль моя: образованіе и служба, и я надѣюсь съ помощью Божіей и Вашимъ благословеніемъ успѣть въ томъ и другомъ. Сегодня подалъ мое прошеніе. Г-лъ Липранди не хотѣлъ было принять его отъ меня на томъ основаніи, что, какъ пріятель Вашъ, онъ не можетъ дать согласія на мою отставку безъ позволенія Вашего. Письмо разрѣшило сомнѣніе и тогда онъ прибавилъ: „Жалѣю, что мы не будемъ служить вмѣстѣ, но Вы предприняли благое и съ Богомъ. Учиться никогда не поздно!“

Вѣроятно свыше затрудненій дѣлать не будутъ и въ началѣ генваря отставка моя выйдетъ. Если это случится до Вашего пріѣзда, то позвольте мнѣ подождать Васъ, любезный другъ Рара, чтобы провести вмѣстѣ хоть нѣсколько дней. Прошу этого совсѣмъ не для того, чтобы бравировать моей свободой, но чтобы, увидѣвшись съ Вами, успокоить Васъ на мой счетъ. Впрочемъ жду приказаній Вашихъ и съ глубочайшею благодарностью въ сердцѣ за свободу, за единственное благо человѣка, остаюсь преданный и нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко.

86.

14 генваря 1843 г. Пользуюсь отъѣздомъ Александра Павловича, чтобы переслать Леонтія, который жилъ у меня мѣсяца полтора и велъ себя очень порядочно, по крайней мѣрѣ, я не могъ замѣтить никакихъ важныхъ пороковъ. Прилагаю здѣсь счетъ издержанныхъ на него денегъ и контрактъ съ булочникомъ. Не удалось мнѣ испытать его искуства, но разъ онъ мнѣ принесъ куличъ, будто бы его произведенія, весьма вкусный. Чѣмъ болѣе обдумываю я мое грядущее положеніе, любезный другъ Рара, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что оно совершенно согласно съ моимъ характеромъ и наклонностями. Мнѣ кажется, что все дѣло въ томъ, что прожить, чѣмъ пріятнѣе, тѣмъ лучше. Большое общество съ его разсѣянностями меня никогда очень не привлекало, знатность и почести тоже; одного мнѣ всегда хотѣлось —быть полезнымъ. Въ мирной жизни гражданина, въ области наукъ я могу найти удовлетвореніе моему желанію добра и моимъ скромнымъ, незаносчивымъ вкусамъ.

Вотъ два сужденія людей, которыхъ Вы знаете, но которыхъ я не нахожу нужнымъ называть,—сужденія, доказывающія, что можно разно смотрѣть на вещи.

Встрѣчаюсь на дняхъ съ однимъ и говорю, что ѣду въ Дерптъ. —„А батюшка что?“—„Предоставляетъ моей волѣ“.—„Прекрасно. Вы въ такихъ лѣтахъ, что можете понимать себя и вещи. Любите науки? Учитесь, это Вамъ на цѣлую жизнь. Но только не разбрасывайтесь; изберите одинъ предметъ и упорно изучайте его, чтобы составить себѣ спеціальность.“

Тоже самое говорю другому.—„Что Вы это?“—„Хочу учиться правамъ“.—„Помилуйте на что Вамъ права, къ чему онѣ поведутъ? Ученость хороша нѣмцу, у котораго кровь съ крахмаломъ, а не славянину. Увидите, что изъ этого ничего не выйдетъ и что, убоясь бездны премудрости, Вы возвратитесь вспять. Не теряйте молодости, живите и веселитесь.“ И то и другое сужденіе, можетъ быть, справедливо; но не знаю, почему бы отдать преимущество второму и, слѣдуя ему, отвергнуть первое.

Поджидаю отставки и изучаю нѣмецкую грамматику. Никитенко обѣщаетъ дать мнѣ рекомендательныя письма къ лучшимъ профессорамъ Дерпта. Булгаринъ позаботится о квартирѣ. Жизнь въ Дерптѣ весьма дешевая. Профессоръ ходитъ на домъ давать уроки за два съ полтиною; студентъ за полтора рубля. При этихъ пособіяхъ надѣюсь успѣть, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ столько, что съ будущимъ курсомъ въ состояніи буду слѣдовать за преподаваніемъ университетскимъ. Другъ моій Рара, обнимаю Васъ и еще разъ отъ искренняго сердца благодарю Васъ за дарованное мнѣ позволеніе. Будущее такъ мнѣ улыбается, я

такъ счастливъ, что не нахожу словъ выразить мое блаженство. Цѣлую ручки у maman, обнимаю Дашеньку и остаюсь преданнымъ сыномъ

В. Стороженко.

87.

Варшава 15 января 1843 г.

Ты доволенъ моимъ согласіемъ, а я доволенъ тѣмъ, что высказалъ тебѣ все то, что думаю, и на чемъ основывалъ это согласіе. Иначе я поступить и не могъ бы, при всемъ желаніи, чтобы ты былъ и въ чинахъ, и въ значеніи, и чтобы шелъ тѣмъ путемъ, какимъ я достигъ насущнаго хлѣба, т. е. маіората и эмеритуры. Это все мое состояніе; оно куплено трудами тяжкими; оно едва достаточно для необходимаго содержанія себя съ семействомъ; но удѣлять тебѣ изъ него я не отказываюсь, пока буду въ состояніи это дѣлать. Кто прослужилъ около 40-а лѣтъ, тотъ видитъ иначе, нежели тотъ, кому и въ 4-е года служба сдѣлалась невыносимою.

Обращаясь назадъ, и пробѣгая мыслію всѣ пожертвованія, всѣ лишенія себя иногда самаго необходимаго, для того, чтобы видѣть дѣтей не худшими другихъ, я могъ пожалѣть о потерянномъ тобою напрасно времени; но ты избираешь родъ жизни и въ послѣдствіи службу по твоимъ силамъ, способностямъ и разумѣнію; слѣдовательно мнѣ остается только съ терпѣніемъ ожидать вступленія твоего на поприще гражданской службы, какъ ожидалъ выпуска изъ Пажескаго корпуса, и радоваться потомъ успѣхамъ на дорогѣ, самимъ тобою избранной. Письмо съ согласіемъ моимъ на отставку заключаетъ въ себѣ все, что только я сказать могъ: оно должно быть для тебя катехизисомъ; и да не будетъ мнѣ никогда надобности писать что либо подобное. Учись, а потомъ служи. Возлѣ камеръ-пажеской ученой степени надобно положить азбуку и деревянную указку. Для высшей гражданской службы необходима прямая ученая степень; она посвидѣтельствуетъ и передо мною, и передъ всѣми тѣми, у кого ты будешь искать службы, въ томъ, что ты приготовился къ оной; а философія, а статистика—доступны и прапорщику какого нибудь пѣхотнаго полка, умѣющему грамотѣ и имѣющему какую либу охоту къ чтенію. И въ жизни, и въ познаніяхъ необходима положительность.

Видно я очень слѣпъ, что не примѣтилъ, признаюсь тебѣ, и въ пребываніи твоемъ въ Малороссіи, и въ Варшавѣ, чтобы ты имѣлъ видимое влеченіе къ любознательности. Напротивъ, не знаю почему,

думалъ, что far niente должно тебѣ изгонять всѣми мѣрами, чтобы не предаться турецкому кейфу. Впрочемъ и то правда, что люди съ характеромъ, обдумавши положеніе свое, принимаются за дѣло съ рвеніемъ и, вознаграждая потерянное, достигаютъ того вскорѣ, что имъ прежде и въ голову не входило; но этакіе люди должны уже имѣть характеръ во всемъ значеніи этого. Знать всего по немножку есть сущая дрянь. Вышедши въ отставку для того, чтобы учиться, и предстать потомъ съ просьбою о поступленіи на службу безъ удостовѣренія въ томъ, что ты дѣйствительно выучился всему тому, что даетъ право на ученую степень, значитъ выказать себя человѣкомъ легкомысленнымъ. Самое важнѣйшее: выкинь изъ головы, что ты имѣешь состояніе,—что будетъ истинная правда, и приспособляй себя къ тому, чтобы имѣть право на хорошее содержаніе, безъ какового существовать тебѣ будетъ трудно.

Кто не имѣетъ крестовъ, тотъ смѣется съ крестоманіи, а посмотримъ, какъ радуется и Станиславу 3-ей степ.! Гвардейскій офицеръ и черезъ 7-мь лѣтъ полковникъ есть предметъ зависти едвали не всякаго ученаго, а быть коллеж. ассесоромъ можно было бы и въ Полиціи; ибо всѣ мальчики, которыхъ я набралъ, дожили при мнѣ до титулярн. совѣтн. и весьма многому научились, не далѣе, какъ въ передней. Итакъ одна истинная ученость, ученая степень и преимущества, сопряженныя съ оною, есть прямое отличіе и, можетъ быть, не менѣе гвардейскаго полковника; а познанія, пріобрѣтаемыя ученіемъ, темная вода въ облацѣхъ воздушныхъ.

Я боленъ и въ Петербургъ не располагаю уже ѣхать ранѣе весны. Если ты выйдешь въ отставку, то съ Божіимъ и моимъ благословеніемъ поѣзжай въ Дерптъ, если университетъ тамъ не закроютъ; или въ Москву, гдѣ университетскій курсъ такой же, какъ и вездѣ, а сверхъ того тамъ преподаютъ и Польское право. Дай Господи, чтобы я увидѣлъ и обнялъ тебя состоящимъ уже опять на дѣйствительной службѣ.

Пиши ко мнѣ, куда я долженъ присылать тебѣ пособіе; ибо въ февралѣ не полагаю, чтобы ты оставался въ Петербургѣ. Да сопутствуетъ тебѣ помощь Всевышняго и благословеніе отца и друга

Андр. Стороженко.

P.S. Статская служба требуетъ даже почерка хорошаго.

Если хранишь мои письма, перечитай ихъ, хотя за 1842 годъ, и увидишь себя.

88.

Варшава $\frac{22\ генваря}{3\ февраля}$ *1843.*

Въ письмѣ отъ 14 генваря ты пишешь, что одинъ, одобряя твое предпріятіе, совѣтуетъ „только не разбрасываться, а составить себѣ изъ учености спеціальность“, а другой баетъ: „не теряйте молодости, веселитесь.“

И то, и другое сужденіе, какъ выражаешься ты, можетъ быть, справедливо. А я рѣшительно думаю, что первому надобно слѣдовать, и какъ можно скорѣе достигнуть магистра правъ, избрать потомъ родъ службы, и служить, пока силы. Человѣкъ безъ честолюбія есть дрянь сущая; честолюбіе же и въ статской службѣ, и въ военной должно быть предметомъ благороднаго стремленія. Второе сужденіе самое глупое. Что эта скотина разумѣетъ подъ словомъ веселиться? Ничего не дѣлать, и бродить, высунувши языкъ, по улицамъ, что ли? Кто же будетъ и обязанъ заботиться о средствахъ къ такому веселію? Нѣтъ, этому дуралею надобно бы было прочитать басню Крылова: Стрекоза и Муравей, и раскланявшись съ нимъ навсегда, повторить себѣ глаголъ предназначенія человѣка: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой.

Нѣтъ, любезный Володя, я и не воображаю тебя иначе видѣть, какъ съ ученою степенью, по крайней мѣрѣ магистра правъ, служащимъ, по твоему уже выбору службы. Объ этомъ молюсь, и на это благословляю тебя.

Въ предыдущихъ двухъ письмахъ я все написалъ; да будутъ они для тебя прямыми наставителями; перечитывай ихъ, и вкорени въ разумѣ и въ сердцѣ мысль, что отецъ твой и лучшій другъ, соглашаясь на избираемую тобою дорогу, желалъ и желаетъ видѣть тебя человѣкомъ; а при томъ и въ доступномъ значеніи.

Магистерской степени достигаютъ люди и безъ высшихъ особенныхъ способностей прилежаніемъ, въ два, а много въ три года.

Получилъ ли ты чрезъ министра Туркула деньги? Въ Дерптъ, или въ Москву высылать тебѣ подобныя на мартъ и апрѣль мѣсяцы?

Сейчасъ отходитъ почта и я спѣшу, какъ угорѣлый, отвѣчать тебѣ на послѣднее письмо твое.

Благословляющій тебя отецъ А. Стороженко.

89.

27 генваря 1843 г. Послѣднее письмо Ваше, другъ мой Рара, разстроило меня до слезъ. Безъ упрековъ и выговоровъ Вы дали мнѣ почувствовать, что я огорчилъ Васъ. Простите великодушно. Я не желалъ этого и никакъ не думалъ, чтобы предпринятая мною перемѣна въ жизни и службѣ произвела такое дѣйствіе. Въ письмѣ Вашемъ, которое храню, которое знаю наизусть и въ которомъ я, съ такою радостью, прочелъ согласіе Ваше, не было ничего такого, чтобы дало мнѣ поводъ заключить, что я огорчалъ Васъ моею рѣшительностью. Тамъ между прочимъ сказано: „Боже сохрани, если все это происходитъ отъ легкомыслія и непостоянства въ характерѣ; если же тутъ есть убѣжденіе въ призваніи и твердая рѣшительность предаться всею силою души учености и потомъ посвятить себя гражданской службѣ, то мнѣ противу этого и сказать нечего, лишь бы ты былъ честнымъ человѣкомъ, служилъ и помнилъ, что отецъ твой все пріобрѣлъ службою“ и т. д. Въ другомъ мѣстѣ: „Если ты хочешь учиться правовѣдѣнію, то учись въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, достигни ученой степени и служи съ Богомъ, если все сказанное выше не поколебало тебя въ твоемъ внезапномъ вознамѣреніи. Окончивши курсъ дома, можешь тогда уже объѣхать и иностранные университеты“. Въ концѣ: „Я обязываюсь повторить тебѣ, что на всякой службѣ Государю и отечеству будутъ сопровождать тебя благословенія отца и друга!“ Кромѣ общихъ разсужденій о выгодахъ и невыгодахъ гражданской и военной службѣ, вотъ все, что заключается въ письмѣ Вашемъ, лично относящееся до меня, все, изъ чего могъ бы я сдѣлать выводъ о Вашемъ образѣ мыслей, примѣняя ихъ прямо ко мнѣ. Увлеченный желаніемъ, я дѣйствовалъ, можетъ быть, слишкомъ скоро; но ради Бога, мой добрый Рара, будьте снисходительны и скажите, могъ ли я вывести изъ приведеннаго выше, что огорчаю Васъ, поступая, какъ поступилъ? Не скрою, что Николай Ивановичъ писалъ ко мнѣ о Вашемъ неудовольствіи, но я приписалъ это внезапности моего намѣренія и опасенію, чтобы я не сдѣлался полуученымъ лѣнивцемъ и баловнемъ. Я думалъ, что Вы успокоитесь, увидя мое предпріятіе, къ которому никогда не примѣшивались ни мысль о богатствѣ, ни мечты о странствующей жизни безъ цѣли и трудовъ. Напротивъ того мною руководило желаніе быть болѣе полезнымъ, чѣмъ я былъ въ военной службѣ. Скажу Вамъ по истинѣ, что, оставляя службу, я надѣялся на пособіе, которое и до сихъ поръ получалъ отъ Васъ; что безъ этой надежды я не могъ бы оставить службы; но и не въ правѣ ли я былъ разсчитывать на то, чѣмъ Вы со мною такъ великодушно дѣлились? Впрочемъ, мнѣ никогда и въ умъ не приходило жить въ удовольствіи

насчетъ Вашихъ трудовъ и расточать въ праздности нажитое Вами. Не могу ручаться за мою каррьеру, но впередъ обѣщаю Вамъ, что не оставлю университета, не получивши ученой степени. Я говорилъ съ Булгаринымъ, Никитенко и другими и всѣ оправдали выборъ Дерпта, по тому, 1) что тамъ лучшія кафедры юридическихъ наукъ, 2) что я легко выучусь нѣмецкому языку, необходимому для ученаго, и 3) что жизнь въ Дерптѣ самая неразсѣянная, что тамъ, какъ выражался Булгаринъ, воздухъ напитанъ ученостью. Я буду имѣть письма къ тамошнимъ профессорамъ и, по полученіи отставки, тотчасъ оставлю Петербургъ. Изъ Дерпта напишу Вамъ, любезный Рара, подробно о моихъ занятіяхъ. Приложу все стараніе, чтобы исправить мой почеркъ и сдѣлать его болѣе четкимъ. Желаю, чтобы это письмо хоть сколько нибудь успокоило Васъ на мой счетъ, какъ постоянство мое и успѣхи не изгладятъ ли слѣдовъ неудовольствія. Въ сладкой надеждѣ на непоколебимость любви Вашей ко мнѣ обнимаю Васъ нѣжно и прошу благословить преданнаго Вамъ сына на поприще трудное, но и достойное трудовъ. В. Стороженко.

90.

Варшава *31 генваря* / *12 февраля* *1843 года.*

Письмо твое, другъ мой Володя, отъ 27 генваря есть началомъ успокаиванія меня насчетъ твоего неожиданнаго предпріятія. Ты пишешь, „что не оставишь университета, не получивши ученой степени;“ этого на первый разъ для меня довольно; каррьера же по службѣ не во всемъ отъ насъ зависитъ. Впрочемъ труды и знаніе своего дѣла всегда поведутъ битою дорогою къ доступному и для скромныхъ достиженію. Твоя рѣшительность, скажу, даже въ нѣкоторомъ отношеніи пріятна мнѣ; но дуралей, встрѣтившійся съ тобою послѣ разумнаго, и разглагольствовавшій, что ты, убоясь бездны премудрости, можешь возвратиться вспять, произвелъ на меня самое грустное впечатлѣніе, разсѣявшееся послѣ послѣдняго письма твоего. Что онъ почитаетъ бездною премудрости? Неужели 9 тетрадей юрисдикціи? Да цѣлое правовѣдѣніе, начиная съ пандектовъ, выучили въ годъ мои чиновники, требующіе насущнаго.

Служи, повторяю, это наша сфера, и благословеніе и помощь отца и друга будутъ сопровождать тебя въ университетѣ, въ канцеляріи, въ департаментѣ, лишь бы скорѣе на службу. 15 февраля я

пошлю тебѣ деньги, напиши, куда? Извѣстія отъ тебя теперь сдѣлаются для меня интересны и потому не оставляй насъ безъ нихъ болѣе 2 недѣль, дабы не произвесть безпокойства. Будь здоровъ и откровененъ предъ любящимъ тебя отцемъ.

А. Стороженко.

Maman тебѣ кланяется.

91.

2 февраля 1843. Письмо Ваше отъ 22-го генваря истинно утѣшило меня. Вы начинаете мириться съ моимъ новымъ положеніемъ, любезный другъ Рара, а я всѣми силами буду стараться оправдать Ваши надежды на мой счетъ. Честолюбіе мнѣ доступно, но честолюбіе дѣла, а не чиновъ. Общій недостатокъ нашей молодежи въ томъ именно, что она помѣшана на каррьерѣ. Сойдутся ли нѣсколько прапорщиковъ, третье слово: кто выходитъ? нѣтъ ли вакансій? которымъ кто по списку и т. п. Рѣдкому приходитъ на мысль спросить себя: будетъ ли онъ въ состояніи исполнить обязанности, возложенныя на него чиномъ или мѣстомъ. На дняхъ одинъ пожилой человѣкъ говоритъ мнѣ: „Вы возвратитесь изъ Дерпта съ новыми свѣдѣніями, съ свѣжими запасами знаній для поприща гражданскаго, съ правами на честолюбіе, а я все буду статскимъ совѣтникомъ и начальникомъ отдѣленія съ 6 т. жалованья; да и виды мои не могутъ простираться очень далеко, потому что ничего нѣтъ досаднѣе, какъ чувствовать себя не на своемъ мѣстѣ“. Слова эти простительны пожилому человѣку; въ молодомъ же человѣкѣ, чѣмъ стремленіе выше, тѣмъ лучше, но нужно, чтобы онъ оправдывалъ это благородною цѣлью и достоинствами собственными. Со дня на день ожидаю моей отставки и, устроивши дѣла свои, тотчасъ отправлюсь въ Дерптъ, такъ что къ 1-му марта я надѣюсь уже быть тамъ; а потому, любезный другъ Рара, покорнѣйше прошу Васъ адресовать письмо и деньги, которыя Вамъ угодно было назначить мнѣ въ пособіе, въ Дерптъ, впредь до моего востребованія (poste restante). Деньги присланныя съ министромъ Туркуломъ я получилъ, но въ хлопотахъ позабылъ поблагодарить Васъ за нихъ. Булгаринъ обѣщалъ мнѣ дать со мною четыре письма въ Дерптъ: къ Тууку - негоціанту, который устроитъ мою хозяйственную часть, позаботится о квартирѣ, прислугѣ и пр., къ Фробену—медику, чтобы въ случаѣ болѣзни я зналъ бы къ кому обратиться за помощію, къ Шеппингу – помощнику куратора, который устроитъ мою ученую часть, познакомитъ съ профессорами, укажетъ учителей для нѣмецкаго, латинскаго языковъ и т. п., и, наконецъ, къ

попечителю генералу Крафштрему. На первое время мнѣ ничего болѣе не нужно, а потомъ я ужъ самъ отыщу себѣ людей для меня необходимыхъ. Но вообще я намѣренъ ограничиться весьма малымъ кругомъ знакомыхъ, полезныхъ для моего долга. Обнимаю Васъ, другъ мой Рара, цѣлую ручки у Maman и остаюсь преданнымъ и благодарнымъ сыномъ В. Стороженко.

92.

16 февраля 1843 г. Письмо Ваше, мой добрый Рара, отъ 31-го прошедшаго мѣсяца, очень обрадовало меня. Мнѣ отрадно видѣть, что Вы привыкаете къ моему новому положенію, даже одабриваете его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Повторяю: я оставилъ службу не для того, чтобы жить безъ труда и дѣла, надѣясь на богатство, котораго не имѣю, а чтобы предаться занятіямъ болѣе согласнымъ съ моими склонностями. Повторяю: рѣшительное мое намѣреніе не оставлять университета, пока не достигну какой нибудь ученой степени. Въ этомъ поставляю мое самолюбіе и думаю, что степень будетъ мнѣ доступна со временемъ и прилежаніемъ. Для усовершенствованія себя въ изложеніи мыслей на русскомъ языкѣ я, по совѣту Никитенка, буду изучать классиковъ нашихъ: Карамзина, Пушкина, Жуковскаго и Батюшкова, сочиненія которыхъ беру съ собою. Сверхъ того, подвигаясь въ изученіи наукъ, я буду дѣлать имъ письменно систематическій обзоръ. Это потребуетъ точности въ изложеніи и подобныя сочиненія моего пера буду отправлять къ Никитенкѣ, который обѣщалъ исправлять ихъ и возвращать мнѣ съ своими замѣчаніями. Вотъ третій день уже, что я исключенъ изъ списковъ полка. Къ первой недѣли поста надѣюсь устроить окончательно дѣла мои и нимало не медля отправлюсь въ Дерптъ. Грамматику Вашу взялъ у Гребенки и оставляю Наталіи Андреевнѣ. Если Вы пріѣдете въ Петербургъ весною, то пересылать ее не будетъ надобности. Въ противномъ случаѣ тетушка сдѣлаетъ это весьма аккуратно. Я не отдалъ грамматики переплетчику, потому что, думаю, лучше оставить ее съ античною физіономіею, тѣмъ болѣе, что корешокъ крѣпокъ, и только два листика въ цѣлой книгѣ оторваны. Оставляю Петербургъ вѣроятно надолго; впрочемъ, я далъ слово Натальѣ Андреевнѣ пріѣхать по первому востребованію ея, если присутствіе мое можетъ быть въ какомъ либо отношеніи полезно ей или ея семейству. Это долгъ благодарности, потому что женщина эта слишкомъ много дѣлала для меня и дѣлаетъ. Я не хочу быть ни у кого въ долгу, и рано или поздно постараюсь расплатиться съ ка-

ждымъ. По чувству или по разуму человѣкъ поступаетъ, лишь бы онъ поступилъ хорошо. У насъ стала зима и я надѣюсь сдѣлать мое непродолжительное путешествіе еще на саняхъ. Это было бы очень хорошо, потому что въ такомъ случаѣ мнѣ можно будетъ взять съ собою больше вещей, чтобы потомъ не заводиться вновь. Изъ Дерпта буду къ Вамъ писать, другъ мой Рара, весьма подробно и часто. Цѣлую Ваши ручки и прошу благословенія на преданнаго Вамъ сына

В. Стороженко.

93.

Варшава $^{16}/_{28}$ *февраля 1843 г.*

По предварительному твоему разсчету времени посылаю при семъ въ Дерптъ уже 150 руб. серебромъ, которые ты будешь получать, любезный сынъ мой, и впредь по прежнему.

Нѣтъ ли у тебя въ Петербургѣ такого знакомаго, который купилъ бы для тебя тамъ русскаго мальчика; у меня для этого отложено 150 руб. сереб., кои тотчасъ вышлю, кому скажешь. Мальчикъ могъ бы быть отданъ, по твоему распоряженію, въ парикмахеры; и года черезъ два ты бы имѣлъ слугу удачнѣе, нежели Леонтій. Наши земляки не молодцы для камердинеровъ.

Взялъ ли ты мою грамматику? Чтобы не пропала!

Спѣшу на почту, и ограничиваюсь нѣсколькими строками.

Будь здоровъ, напиши мнѣ изъ Дерпта о началахъ въ твоихъ планахъ и постанови себѣ писать каждаго 1-го числа. Обнимаю и благословляю тебя отъ души.

Отецъ твой и другъ А. Стороженко.

Maman цѣлуетъ тебя.

94.

Дерптъ 16 марта 1843 г.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я въ Дерптѣ. Мнѣ дорого теперь время, я считаю даже часы, поглядываю и на минутную стрѣлку, потому что каждое движеніе подвигаетъ меня къ избранной цѣли. Въ рѣдкія минуты отдыха, погружаясь въ думу о жизни, я не нахожу прекраснѣе той, которая доступна человѣку мыслящему и свѣдущему.

Созерцать міръ во всей его огромности, вопрошать прошедшее и находить въ себѣ самомъ ясные отвѣты; разгадывать грядущее и дѣйствовать въ настоящемъ съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ—это необъятно, другъ мой Рара; но самая необъятность эта подстрекаетъ меня къ труду, поддерживаетъ усердіе. Всякое начало и тяжело, и сухо. Для изученія латинскаго языка нужно вооружиться большимъ терпѣніемъ; но въ каждомъ трудѣ есть и вознагражденіе. Я успѣлъ взять только четыре урока, но вчера, когда мнѣ встрѣтилась въ посторонней книгѣ латинская фраза, когда я прочелъ ее и съ помощью лексикона въ состояніи былъ перевести, мнѣ было такъ весело, какъ при встрѣчѣ съ старою знакомою. Нѣмецкій языкъ идетъ и легче, и пріятнѣе. Учитель мой, филологъ въ душѣ, знаетъ около пятнадцати языковъ и охотно посвящаетъ меня въ таинство нарѣчій, которыми выражается цѣлое человѣчество; я всегда съ нетерпѣніемъ ожидаю его лекцій. Собственно для нѣмецкаго языка онъ избралъ прекрасную методу; мы читаемъ вмѣстѣ одно изъ сочиненій Гёте: Wahrheitund Dichtung Гёте описываетъ свою жизнь и современныя ему происшествія историческія. Новое лицо, новое обстоятельство останавливаютъ наше вниманіе.

Г. Мюльбергъ (мой учитель), какъ человѣкъ весьма образованный, объясняетъ нѣкоторыя черты исторіи, останавливаетъ меня на новомъ выраженіи, на оборотѣ, свойственномъ языку, даетъ правила, которыя я записываю и заучиваю дома. Т. о. мы намѣрены прочесть, хотя не вполнѣ, всѣхъ нѣмецкихъ классиковъ. Языкъ и литература придутъ разомъ. Въ Университетѣ на лекціяхъ былъ раза четыре и буду продолжать изрѣдка посѣщать ихъ, чтобы исподоволь прислушаться къ языку и привыкнуть записывать со словъ профессора. Науки каждаго факультета здѣсь распредѣлены по семестрамъ. Въ теченіе семестра прочитывается одна отрасль каждой науки, въ восемь семестровъ проходятъ весь курсъ для кандидатскаго экзамена, но такъ какъ многое повторяется, то можно кончить и скорѣе. Я пріѣхалъ къ серединѣ полугодія, а потому и не посѣщаю лекцій аккуратно, тѣмъ болѣе, что языки требуютъ много времени. До сихъ поръ не было дня, когда бы я занимался одними языками менѣе восьми, десяти часовъ. Долго я не могъ разсчитать хорошенько своего времени; теперь однакоже остановился на томъ, что встаю въ пятомъ часу утра, со свѣжею головою занимаюсь до двухъ часовъ; въ два иду обѣдать къ хозяину моему, доктору Фробену, и остаюсь тамъ до половины четвертаго; пришедши домой, читаю по нѣмецки; отъ 7 до 8 часовъ пью чай и потомъ до половины одинадцатаго занимаюсь русскимъ языкомъ. Я началъ исторію Карамзина и намѣренъ каждый день читать понемножку, чтобы извлечь двойную пользу. Наслажденій пока у меня не много, потому

что для этого нужно по крайней мѣрѣ порядочно изъясняться на языкѣ, которымъ всѣ говорятъ. Но этого рода пріобрѣтеніе поставитъ меня тотчасъ въ пріятныя отношенія съ здѣшними учеными, въ которыхъ, вообще, я нашелъ большую готовность дѣлиться познаніями. Близость разстояній дѣлаетъ знакомства удобными, а обоюдная цѣль хозяина и гостя не тратить времени по пустому придаетъ разговору живость и поучительность, и бесѣды бываютъ непродолжительны. Докторъ Фробенъ, отецъ прекраснаго семейства, добрый образованный человѣкъ. Я съ нимъ сошелся, потому что съ его стороны онъ дѣлаетъ все, чтобы мнѣ угодить и иначе не называетъ меня какъ: mein älteste Sohn или mein jüngste Bruder. Снисходительность къ моему болтанью дѣлаетъ меня развязнымъ и я весьма охотно съ нимъ бесѣдую. Разлука съ людьми, съ которыми я такъ долго и такъ дружно жилъ, наводитъ иногда грусть. Живешь головою, сердцу остаются однѣ воспоминанія. Въ такія минуты я берусь за Батюшкова, или за перо, и съ ними переживаю прошедшее. Хотѣлось бы приняться опять за скрипку, которая у меня съ собою, да боюсь, чтобы не вышло по пословицѣ: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Обнимаю Васъ, безцѣнный Рара, цѣлую ручки у maman и ручонки у моей маленькой сестрички.

Прошу Вашего благословенія В. Стороженко.

95.

Варшава 1/13 *апрѣля 1843 г.*

Съ удовольствіемъ представляю описываемый тобою, другъ мой Вальдемаръ, elisium настоящей твоей жизни; и, глядя въ даль, задумываюсь пріятно о предстоящемъ для тебя въ будущности. Усладительно отдохновеніе послѣ всякаго труда на пользу; легокъ отчетъ во времени при жизни дѣятельной; но это ощущенія мимолетныя; существенное же олицетворится въ свѣдущемъ гражданинѣ, дѣльцѣ и человѣкѣ честномъ, пріуготовившемъ себя для избираемаго имъ поприща. Разнообразность, пестрота свѣдѣній не составляютъ дѣла, если нѣтъ между ними отдѣляющагося, самостоятельнаго, особаго предмета, въ которомъ заключается цѣль въ пути избранномъ. Докторъ медицины, докторъ правъ, званія опредѣлительныя; но какъ тотъ, такъ и другой могутъ быть сверхъ того и антикваріями, и математиками, и историками, и даже поэтами по названію (ибо истинныхъ поэтовъ, я думаю, едва ли была и дюжина во всемъ мірѣ отъ сотворенія его); но

докторъ философіи, профессоръ статистики и даже политической экономіи и дипломатіи—лицо университетское, и, мнѣ кажется, не совсѣмъ опредѣлительное. Объ этомъ мы потолкуемъ со временемъ, когда ты рѣшишься уже избрать себѣ факультетъ и пріймешься за дѣло настоящее. Теперь мнѣ некогда, завтрашній день приготовляюсь принять Святыя Тайны; а на третій день нашего Свѣтлаго Воскресенія Христова пускаюсь, если Богъ благословитъ, въ Петербургъ. Князь [1]) и Никол. Иванов. [2]) выѣхали уже туда. Пиши ко мнѣ на имя послѣдняго, чтобы я нашелъ уже письмо твое, и расположеніе предстоящее.

Будь здоровъ и терпѣливъ съ благословеніемъ отца твоего и друга А. Стороженко.

Мамаша цѣлуетъ тебя.

96.

С.-Петербургъ 20 апрѣля 1843.

Посылаю тебѣ, другъ мой Вальдемаръ, 150 руб. серебр. на слѣдующія два мѣсяца и 50 руб. серебр. для пріѣзда въ Петербургъ ко мнѣ на три дня, если это не нарушитъ курса твоимъ занятіямъ. Сердечно хочется видѣть тебя. Отлучка твоя изъ Дерпта будетъ только на одну недѣлю, т. е: 2 дня оттуда, 2 на возвратный путь и 3 дня здѣсь. Самъ я тутъ пробуду только двѣ недѣли, и отправлюсь въ Малороссію на двѣ же недѣли; а оттуда обратно въ Варшаву. Остановился я въ домѣ Энгельгарда на Нев. Просп. подъ № 3-мъ.

Въ ожиданіи обнять тебя, благословляя, остаюсь всегда любящимъ тебя отцемъ и другомъ Анд. Стороженко.

97.

21 іюня 1843.

Какъ то Вы кончили, другъ мой Рара, первую большую часть Вашего вояжа? Довольны ли остались Чевельчанскими постройками и вообще тамошнимъ положеніемъ дѣлъ? Получили ли письмо мое объ уступкѣ, Ниценками сдѣланной, пяти тысячъ рублей, противъ суммы, назначенной ими въ Петербургѣ за имѣніе? Вопросами начинаю пись-

[1]) Паскевичъ, [2]) Ушаковъ.

мо, любезный Рара, потому что ими только могу выразить мое участіе и безпокойство. Мнѣ приходило въ голову, что Вы могли не получить моего письма и слѣдовательно быть въ неизвѣстности насчетъ затѣяннаго дѣла. Послѣднее извѣстіе объ Васъ имѣлъ я черезъ Александра [1]), которому невѣста [2]) писала о пребываніи Вашемъ въ Нѣжинѣ. Слава Богу, тогда Вы были здоровы. Разстоянія на Руси, которыя считаютъ тысячами верстъ, могутъ навести страхъ на самаго храбраго, и еще болѣе заставляютъ безпокоиться о другихъ. Вторичный пріѣздъ мой въ Дерптъ не былъ такъ грустенъ, потому что я нашелъ уже знакомыхъ людей, которые даже и обрадовались мнѣ. Успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ дѣлаютъ съ каждымъ днемъ пребываніе мое здѣсь болѣе пріятнымъ.

Лекцій нѣтъ, но занятій много. Прочтя Неволина, я составилъ себѣ идею болѣе ясную и полную объ изученіи законовъ. Продолжая заниматься языками, я принялся за повтореніе исторіи, которую немного перезабылъ и въ которой мнѣ ближайшая необходимость для изученія философіи; въ университетѣ ея не стоитъ слушать по многимъ причинамъ, а потому я намѣренъ въ теченіе зимы, найдя себѣ одного или двухъ товарищей, прослушать цѣлый курсъ логики, психологіи и философіи приватно.

27 іюня. Вы вѣрно не найдете этого предосудительнымъ, любезный Рара, что между занятіями, я не упускаю случаевъ пользоваться прекрасными днями лѣта. Кто лѣтъ десять сряду проводилъ это время года въ лагеряхъ, тому не понятны его удовольствія. Деревня лѣтомъ имѣетъ особенную прелесть и я всегда счастливъ, когда мнѣ можно провести день за городомъ. 24-го былъ день рожденія Булгарина и онъ пригласилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и меня, къ себѣ къ деревню въ верстахъ 12-ти отъ Дерпта. Мы провели время очень пріятно, потому что Булгаринъ веселый и радушный хозяинъ. Вообще, чѣмъ болѣе съ нимъ знакомишься, тѣмъ болѣе находишь въ немъ хорошихъ сторонъ, не говоря о его умѣ; онъ человѣкъ добрый, готовый къ услугамъ, постоянный въ дружбѣ и благородный. Ровности характера трудно требовать отъ людей, загнанныхъ обстоятельствами. Для этого, мнѣ кажется, необходимо уже воспитаніе въ строгихъ правилахъ нравственности; а такое воспитаніе рѣдко; корпусъ дать его не можетъ. Университетская дорога есть, по моему мнѣнію, лучшая, какую только можно избрать для молодого человѣка. Здѣсь соединены хорошія условія публичнаго и домашняго воспитанія. Молодой человѣкъ живетъ свободно, какъ онъ хочетъ по своимъ средствамъ, но

[1]) Александра Михайловича Дарагана. [2]) Анна Евгеніевна Кромида.

вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ преступить правилъ, данныхъ университетомъ, правилъ писанныхъ, измѣненіе которыхъ не зависитъ отъ каприза какого нибудь одного лица. Не есть ли это прекрасная школа къ будущей гражданской жизни? – Вечеръ. Заключаю день мой бесѣдою съ Вами, любезный другъ Рара? Передъ этимъ занимался латинскимъ языкомъ. Подъ конецъ Фробенъ пришелъ помогать мнѣ въ переводѣ. Я очень полюбилъ моего доктора, кажется, и взаимно; онъ старается всѣми средствами угодить мнѣ, я охотно дѣлаю ему угодное. Пока мои комнаты красятъ; я живу съ нимъ вмѣстѣ. Это пріятно, потому что въ свободныя минуты есть съ кѣмъ потолковать. Сегодня я подписался на новое изданіе Real Encyclopedie или Conversation's Lexikon и получилъ уже нѣсколько тетрадей. Такой книги нельзя не имѣть для справокъ. Вообще у меня лексиконная часть въ большомъ порядкѣ.

31 іюня. Сегодня я отправляю это письмо. Такимъ образомъ и впредь къ первому числу мѣсяца буду собирать матеріалы, которые дадутъ Вамъ, любезный Рара, возможность судить о моей жизни въ теченіе мѣсяца. По 15-мъ числамъ буду писать къ сестрѣ. Сегодня я былъ у одного профессора правъ, котораго лекціи намѣренъ послушать въ слѣдующемъ полугодіи. Очень радъ, что мнѣ удалось попасть на начало т. е. на философію права и на исторію Римскаго законодательства. Въ продолженіе іюля до возобновленія курса приватно приготовлюсь, по руководствамъ, по которымъ учатся въ университетѣ. Обнимаю Васъ, любезный другъ Рара, цѣлую maman и Дашеньку. Благословите искренне преданнаго Вамъ сына В. Стороженко.

98.

Варшава $\frac{23\ іюня}{5\ іюля}$ *1843.*

Возвратившись въ Варшаву, завтрашній день чуть заря выѣзжаю въ Карлсбадъ, откуда напишу тебѣ, сердечный другъ мой Володя! Въ Чевельчѣ и въ Богодуховкѣ – мило; все зеленѣетъ, цвѣтетъ и устраивается.

Посылаю тебѣ 150 руб. серебромъ.

До пространнѣйшей бесѣды! Будь здоровъ, счастливъ, какъ желаетъ этого другъ твой и отецъ

А. Стороженко.

99.

24 іюля 1843 г.

Феріи приходятъ къ концу; Дерптъ оживляется; молодежь, охая, берется за книги. Черезъ нѣсколько дней я тоже съ шпикеромъ (чернильницею) въ карманѣ, съ маппою подъ мышкою отправляюсь въ университетъ. Въ теченіе лѣта успѣлъ кое что приготовить, но настоящія занятія начнутся теперь. На это полугодіе я избралъ себѣ три предмета юридическаго факультета: философію права, исторію римскаго права и Европейское положительное право (positivisches Staatsrecht). Основательное изученіе этихъ трехъ предметовъ достаточно для полугода, если не много, потому что для исторіи Римскаго права нужно пройти довольно подробно политическую исторію Рима; многія ссылки на древнихъ, на Ливія, Цицерона и др. нужно самому повѣрить и т. п. Внѣ моего факультета я хочу слушать Русскую или Всеобщую исторію, смотря по раздѣленію времени. Раздѣленіе времени очень важно, потому что лучше имѣть три часа съ ряду лекціи, чѣмъ въ розь, особенно, если между одной и другой лекціей часъ промежутка—этотъ часъ навѣрное пропавшій. На дняхъ я купилъ себѣ прекрасный атласъ древній, съ планомъ древняго Рима; съ этимъ атласомъ и съ хорошимъ руководствомъ, которое я имѣю, исторія римская чрезвычайно какъ любопытна. Къ счастію, что нѣмецкія книги не такъ дороги, какъ наши, а то можно было бы разориться. Я буду имѣть позволеніе брать книги изъ Университетской Библіотеки и потому много покупать нѣтъ нужды, но руководства, которыхъ придерживаются профессора, необходимо имѣть свои. Благодарю Васъ, душечка Рара, за то, что Вы не оставили меня безъ извѣстія о себѣ передъ отъѣздомъ за границу; благодарю также за деньги. Меня крайне радуетъ, что Вы остались довольны своею поѣздкою, и остается только желать, чтобы Вы здоровымъ воротились въ Варшаву. Съ Булгаринымъ я вижусь довольно часто. Въ Карловѣ у него большія перестройки. Домъ отдѣлывается почти вновь, съ большими готическими окнами и зубчатыми стѣнками; это его забавляетъ, какъ игрушка. Онъ часто мечтаетъ, какъ бы хорошо было, когда бы Вы пріѣхали погостить къ нему. Правда, что это довольно трудно, но я вѣрю всякой возможной случайности, съ тѣхъ поръ, какъ судьба привела меня жить въ Дерптѣ, когда мнѣ это прежде и не снилось. Онъ просилъ меня напомнить Вамъ о венгерскомъ, которое Вы хотѣли ему выслать. Вотъ новости Дерптскія.

По письмамъ знаю я нѣкоторыя другія, которыя Васъ могутъ интересовать. Свадьба Александра [1]) была, пишутъ, 4-го этого мѣсяца;

[1]) Александра Михайловича Дарагана.

онъ собирался въ Богодуховку и потомъ черезъ Варшаву за границу. Наталья Андреевна здорова и часто мнѣ пишетъ. Дмитрій Дараганъ тоже. Гвардія въ нынѣшнемъ году будетъ, кажется, 16-ть дней маневрировать. Неправда ли это великое счастіе, когда можно избѣгнуть такой бѣды и слушать вмѣсто того, хотя бы и не римское право? Сколько благодаренъ я Вамъ, любезный Рара, такъ сказать не могу. Объ Владиславлевыхъ не имѣлъ извѣстій. Переписываться со всѣми нѣтъ возможности. Софья Ив. хотѣла лѣто проводить въ Ревелѣ, приглашала и меня къ себѣ въ гости, отъ Дерпта 18-ть верстъ всего, но я отказался, чтобы не развлекаться. Обнимаю Васъ, любезный Рара, цѣлую ручки mamaп и сестрички. Говорятъ, Дашенька удивительная! Какъ я буду радъ ее увидѣть. Искренне любящій Васъ сынъ

В. Стороженко.

100.

Варшава $^{11}/_{23}$ *августа 1843.*

Два письма твои, другъ мой Володя, первое отъ 21 іюня въ Карльсбадѣ, а второе отъ 24 іюля въ Варшавѣ, по возвращеніи моемъ изъ за границы, я получилъ. Пунктуальность есть одна изъ добродѣтелей въ гражданскомъ быту нашемъ. Содержаніе писемъ твоихъ доставляетъ мнѣ удовольствіе, и округляетъ пріятную мысль объ офицерѣ – студентѣ. Прежде говаривалъ я всегда: служи, и дослужишься; а теперь повторяю: учись, и будешь человѣкомъ, а со временемъ и сановникомъ; что необходимо въ твоемъ, или въ нашемъ состояніи, ибо мы по положенію нашему въ свѣтѣ, по понятіямъ нашимъ, и по степени современнаго въ Россіи просвѣщенія, должны ожидать лучшаго-возможнаго въ одной только службѣ.

Подчиняясь средствамъ, я долженъ былъ ограничить лѣченіе мое въ одномъ Карльсбадѣ, ибо средства эти не дозволили мнѣ брать ванны и въ Теплицѣ; впрочемъ, пивши 28 дней по 7 стакановъ Мильбруна, и не чувствуя въ продолженіе всего этого времени никакихъ припадковъ подагрическихъ, кажется, съ меня будетъ довольно и этой предосторожности.

Въ Карльсбадѣ былъ и Свѣтлѣйшій [1]), съ которымъ проводилъ я время весьма пріятно, и съ нимъ же вмѣстѣ, черезъ Дрезденъ, возвратился въ Варшаву. Здѣсь засталъ всѣхъ нашихъ здоровыми. Лиза

---

[1]) Князь И. Ѳ. Паскевичъ.

пишетъ къ тебѣ; Maman цѣлуетъ тебя и благословляетъ; а утѣшающая меня Доня тотчасъ бы познакомилась съ тобою и привѣтствовала бы лепетаніемъ, съ серіозной миной, какъ брата далеко отъ нея старшаго. Этотъ прекрасный ребенокъ, кажется, все уже понимаетъ и знаетъ всѣхъ окружающихъ его.

Александръ Дараганъ съ женою живетъ съ нами третій день, и завтра уѣзжаетъ путешествовать. Въ Дрезденѣ онъ увидитъ добрѣйшую, но грустную сестру свою Елисавету Михайловну [1]); ей, кажется, не суждены радости ни супруги, ни матери; сынъ ея Матвѣй помѣшался въ разумѣ отъ ревности невѣстки, и Богъ вѣсть, будетъ ли онъ къ чему нибудь пригоденъ. Это семейство сперва дурачилось, а теперь начало, со старшаго, сходить съ ума.

Вотъ примѣръ безотчетнаго заграничнаго воспитанія и ѣзды, не имѣющей цѣли, по чужимъ землямъ. Нѣтъ, необходимо имѣть отечество, необходимо знать его, необходимо пламенно любить родину. Я малороссіянинъ въ душѣ; и хижины, покрытыя соломою, плетни, черезъ которые висятъ разноцвѣтныя тыквы, люди въ бѣлыхъ крестьянскихъ рубашкахъ съ простотою и привѣтствіемъ – милѣе для меня гораздо, нежели каменныя строенія крестьянскія въ Саксоніи, высокіе заборы дворовъ, въ коихъ разными средствами накопляется нечистота, для удобренія ею клочковъ земли безплодной; и нѣмцы безобразные отъ тяжкихъ трудовъ съ глупыми ихъ физіономіями. Въ Германіи жизнь вычерпана. Источники ея принужденны, какъ ручейки, стремящіеся съ горъ и запруживаемые въ каждомъ дворѣ такими каменьями, которые, кажется, съ жалостью глядятъ на тружениковъ, взгромоздившихъихъ для нѣсколькихъ ведеръ воды, чтобы бродило по ней нѣсколько гусей и утокъ, приготовляемыхъ для продажи, а отнюдь не для питанія изсохшаго тѣла, обшитаго въ куцое кожаное платье. Нѣтъ, зеленыя равнины нашей милой Малороссіи, синее небо, бальзамическія испаренія цвѣтистыхъ луговъ, привѣтливость народа, нѣкогда самому себѣ принадлежавшаго, не знавшаго пановъ и всегда чтившаго свято законы Гражданскіе и Божественные, погружая меня въ пріятную задумчивость, манятъ опочить на старость на мягкой муравѣ подъ рясною грушею. Не хочу я дожить до западного образованія въ Россіи. Намъ нужно другое счастіе; наша самобытность, нашъ образъ правленія заключаютъ въ себѣ и наше непонятное для иностранцевъ благо. Посмотри на Вислу и на Днѣпръ: одна мутится и бурлитъ такъ, что, не давши отстояться сутки водѣ, невозможно пить оную; а другой протекаетъ плавно, и во всякое время утоляетъ нынѣ жажду земле-

---

[1]) Княгиню Кантакузенъ, урожденную Дараганъ.

дѣльца, какъ прежде поилъ рыцаря креста, безъ формъ и католицизма стремившагося на утломъ челнокѣ ратоборствовать съ варварами.

Завѣщаю тебѣ, любезный сынъ мой, любовь къ родинѣ, ко всему русскому православному, и къ добродѣтелямъ чисто нашимъ, безъ всякой примѣси.

Возвратившись сюда, на меня тотчасъ навалили такую пропасть дѣлъ, что тяжело рукѣ было бы то написать, что надиктовалъ въ минуты свободныя. Мы ожидаемъ Государя; и ежели содержаніе мое не увеличится, то по невозможности жить тремя тысячами злотыхъ въ годъ, я принужденъ буду съ семьею поселиться въ Чевельчѣ, которую нужно бы еще устроить, чтобы беззаботно пользоваться земными благами надъ роднымъ намъ Днѣпромъ.

Нѣжно любящій тебя и благословляющій отецъ

Андрей Стороженко.

При семъ посылаю тебѣ 150 рублей серебромъ на сентябрь и октябрь, о полученіи коихъ тотчасъ меня увѣдомь.

Поклонись доброму другу моему Ѳаддею Венедиктовичу.

101.

Варшава 7/19 *октября 1843 г.*

Къ 1-му сентября, своимъ порядкомъ, я послалъ тебѣ, любезный другъ Володя, въ одномъ конвертѣ деньги, а въ другомъ письмо длиннѣе обыкновеннаго. Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ ты не пишешь ни о полученіи денегъ, ни о полученіи письма моего. Насчетъ первыхъ Лиза меня успокоила; но получилъ ли ты второе, т. е. письмо, пожалуйста увѣдомь. Оно писано было тою самою рукою, какъ и настоящее, ибо собственноручность дѣлается для меня работою трудною, послѣ хирагры.

Радуюсь, что ты здоровъ, и что свыкаешься съ университетскими занятіями; истинная польза зависѣть будетъ отъ постоянства въ трудахъ, на кои ты самъ посвятилъ себя съ благородною рѣшительностію. Вотъ уже истекаетъ годъ твоей студенческой жизни; надобно пробѣжать его въ мысляхъ, повѣрить дни и часы упражненій; и да порадуешься успѣхами.

Ниценковы со времени отъѣзда моего изъ С.-Петербурга не отзываются ко мнѣ; спроси ихъ: что они предприняли насчетъ продажи имѣнія наслѣдницы, и какъ идетъ дѣло это? Поспѣши увѣдомить меня объ отвѣтѣ, и скажи, какъ имя и отчество Ниценка.

Доброму Ѳаддею Венедиктовичу поклонись; и скажи, что вино для него мною куплено; но отправить его до Дерпта—трудно. Нельзя ли ему указать домъ мнѣ въ Ригѣ, на который я могъ бы адресовать извощика съ виномъ; а оттуда Ѳ. В. можетъ взять бочку и своими лошадьми: это будетъ и дешевле и вѣрнѣе. Ученый вашъ Дерптъ въ такомъ захолустьи, что ни одна борода русская не хочетъ тащиться туда на одной лошади; но за то иностранныхъ бородъ и буршескихъ, я чай, и тамъ есть нѣсколько, для выказыванія Европейской глупости. Въ Германіи ими стращаютъ ученые и лакеи; поэтому и польскіе евреи тамъ въ почетѣ.

Хвала тебѣ за участіе въ огорченіи Миши Краснокутскаго; если онъ возвратится въ Дерптъ, сблизься съ нимъ въ незабвенную память его матери, которая была истиннымъ моимъ другомъ [1]). Теперь они мнѣ не чужіе, а особенно Миша, обѣщавшій въ ребячествѣ весьма много добраго.

Старикъ Иванъ Петр. Дараганъ умеръ; хотѣлъ бы я знать, какъ поступятъ Митя и братья его съ разстроеннымъ ихъ имѣньицемъ?

Maman, Лиза, Николай Ивановичъ и Катерина Михайловна—здоровы и тебѣ кланяются; а наша Дорхенъ, при красотѣ своей, такой вьюнъ, что и двѣ няни съ нею не справятся.

Мнѣ Государь пожаловать изволилъ $^{36}/_{т}$. злотыхъ; этимъ покупка необходимаго для насъ имѣнія еще нѣкоторымъ образомъ облегчилась. Менѣе будетъ долга.

Дивлюсь и воздыхаю тяжко, видя, что и въ безмятежномъ казалось бы сенаторствѣ мнѣ такая пропасть дѣлъ и хлопотъ, какъ Константиноградскому стряпчему, заваленному процессами тяжущихся между собою обывателей Малороссійскихъ; по крайней мѣрѣ онъ наживаетъ состояніе, а я тружусь почти gratis.

Будь здоровъ, милый другъ, и да сопутствуетъ тебѣ сердечное благословеніе.

Нѣжно любящій тебя отецъ

Андрей Стороженко.

---

[1]) Мать Михаила Николаевича Краснокутскаго—Елена Михайловна, урожденная Дараганъ.

102.

Варшава 17/29 *октября 1843.*

Недавно я писалъ къ тебѣ, другъ мой сердечный Володя; а теперь посылаю при семъ 150 руб. серебромъ, и ограничиваюсь нѣсколькими строками, за недосугомъ. Напиши мнѣ тотчасъ, получивши деньги. Да увѣдомь, по письму моему, о продажѣ Ниценковыми имѣнія и на счетъ Дараганова.

Сейчасъ я возвратился съ охоты, которая была устроена для Князя въ 20 миляхъ отъ Варшавы, и на которой я принужденъ былъ скакать верхомъ въ продолженіе 5 дней по 40 верстъ въ день. Это меня, хотя и утѣшало, но и измучило.

Мы всѣ здоровы, чего желаемъ единодушно и тебѣ.

Напиши мнѣ, какъ идутъ твои науки и проч.

Отецъ и другъ твой

Анд. Стороженко.

103.

28 октября 1843 г. Благодарю Васъ, другъ мой Рара, за письмо отъ 7-го октября. Оно заставило меня внимательнѣе разобрать то, что я сдѣлалъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ моего здѣсь пребыванія. Могу похвастать прилежаніемъ, потому что, право, времени я не терялъ, успѣхамъ же положено только начало. Весьма естественно, что мнѣ труднѣе было приниматься за дѣло, чѣмъ студенту, только что окончившему курсъ гимназіи, сохранившему еще свѣжо и пріуготовленныя познанія и привычку изучать. Теперь только я увидѣлъ огромную разницу между чтеніемъ и изученіемъ, гдѣ каждое слово должно быть ясно, во всемъ нужно дать себѣ отчетъ. Сверхъ того изученіе на языкѣ, которымъ не совершенно владѣешь,—новая трудность, потому что то, что мнѣ по русски достаточно было бы прочесть разъ, долженъ я по нѣмецки перечитывать нѣсколько. Впрочемъ, надѣюсь, что мало-по-малу трудности уменьшатся и въ ожиданіи успѣховъ я не отчаяваюсь. Къ слову объ успѣхахъ. Вы вѣрно не откажетесь поощрить ихъ. Подарите мнѣ рублей сто серебромъ: 50 изъ нихъ на книги, а 50 на приватные уроки. Книги пожираютъ деньги, особенно въ началѣ, когда нужно завестись и атласомъ, и лексиконами и т. п. Увѣряю Васъ, что до сихъ поръ я не купилъ еще ни одной книги, которая бы праздно стояла у меня на полкѣ. Что касается же до уроковъ, то мнѣ страхъ какъ бы хотѣлось прослушать приватно курсъ философіи. Впрочемъ, любезный

Рара, я только придираюсь къ случаю, что Вы получили деньги, и если моя просьба можетъ хоть малѣйше разстроить назначеніе ихъ, то я легко могу и остаться при этой просьбѣ. Изъ перваго письма, которое я писалъ по отъѣздѣ Вашемъ изъ Петербурга, Вы знаете, любезный Рара, что Ниценковы, не смотря на мои убѣжденія, уступили только пять тысячъ изъ требуемой ими за имѣніе суммы. Но и при этомъ сумма эта превышала предлагаемую Вами пятью тысячами. Если о рѣшеніи Вашемъ Вы ничего къ нимъ не писали, то, вѣроятно, они и не хлопотали о позволеніи продать имѣніе ихъ. Ниценка зовутъ Андрей Антоновичъ. Если угодно, я къ нему напишу, но мнѣ должно знать сначала Ваше рѣшеніе. Дмитрій Дараганъ писалъ ко мнѣ о смерти отца его. Насчетъ ихъ имѣнія я разспрошу и тотчасъ сообщу Вамъ. Ѳ. В. Булгарина мы ждемъ сюда на дняхъ. Онъ хочетъ посмотрѣть на свои башни, которыя онъ оставилъ недостроенными. Вино можно переслать къ нему черезъ Ригу, адресуя туда на имя купца Вермана, который доставитъ его въ Дерптъ. Это дѣйствительно правда, что тутъ пропасть всякихъ бородъ, кромѣ русскихъ. На оборотѣ прилагаю два образчика писемъ для сдѣлки съ Верманомъ. Нельзя ли черезъ него пересылать мнѣ и деньги, потому что портовыхъ за 150 р. сер. я, обыкновенно, плачу до 9-ти руб. ассиг., въ годъ это составитъ болѣе 50-ти руб., не считая тѣхъ денегъ, которыя Вы платите при посылкѣ. Переводъ отъ Френкеля, напримѣръ, на Вермана въ Ригу и на Туна въ Дерптъ, вѣрно, и половины не будетъ стоить. Кромѣ моихъ занятій по преимуществу, мнѣ хочется слѣдить хотя понемногу за ходомъ чисто славянскаго развитія, чтобы гармонировать съ Вами и въ ученой Вашей дѣятельности. Ziemewid Шафарика для Васъ, вѣроятно, не новость, Вы, кажется, видѣли его даже въ исполненіи. Любопытнѣе я ничего не знаю, но и какой трудъ! Копенгагенское общество сѣверныхъ древностей, въ которомъ есть отдѣленіе русское, я думаю, довольно важно для нашей исторіи, а потому мнѣ бы хотѣлось записаться въ члены его; для этого нужно внести червонецъ въ годъ и за эту ничтожную сумму будешь получать все собранное этимъ обществомъ безплатно. Вѣроятно, въ Варшавѣ есть коммиссіонеръ этого общества, у котораго, вѣроятно, можно видѣть и первый опытъ ихъ труда. Съ прошедшаго года выходитъ въ Лейпцигѣ подъ редакціею г-на Іордана, преподавателя славянскихъ языковъ при тамошнемъ университетѣ, журналъ подъ заглавіемъ: „Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft“. Въ мартовской книжкѣ этого журнала есть между прочимъ статья: „Beitrag zur Geschichte des Kosakenaufstandes“ 1648 г., переведенная съ еврейскаго, гдѣ также поименованы нѣкоторыя сочиненія на еврейскомъ языкѣ по этому предмету. Это можетъ быть Вамъ интересно.

1 ноября. Сегодня, любезный другъ Рара, получилъ я письмо Ваше отъ 17-го октября и деньги. Тысячу разъ цѣлую Ваши ручки. Душевно желаю, чтобы охота не повредила Вашему здоровью. Бываютъ иногда удивительно окрѣпшие люди; между прочимъ здѣсь два профессора пожилыхъ человѣка—не знаютъ, что такое теплая шинель, и до большихъ морозовъ ходятъ и совсѣмъ безъ оной. Вашему здоровью подобное что нибудь можетъ быть вредно. Что касается до моихъ наукъ, то Вы знаете, что я на этотъ семестръ избралъ себѣ четыре предмета. Философія права должна быть наукою цѣлой жизни, предметомъ постояннаго размышленія. Читаемое профессоромъ—это только рамки, система. Пополнить ихъ, дойти до убѣжденія, которое могло бы руководить въ практической жизни, не есть дѣло одного семестра. Гораздо положительнѣе исторія Римскаго права. Нужно удивляться, что сдѣлано нѣмцами по этому предмету! Послѣ Нибура одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Рубино изъ Марбурга. Вчера кончилъ я первую часть его разысканій о постановленіяхъ древняго Рима до Сервія Туллія. Рубино доказываетъ самымъ убѣжденнымъ образомъ, что демократія во времена первыхъ королей Римскихъ не была на той степени развитія, на которую ставятъ ее другіе, судя по позднѣйшимъ временамъ республики Римской. Это мнѣніе гораздо согласнѣе съ тою степенью образованности, какую можно предположить въ первыхъ римлянахъ, когда еще образованность греческая не могла имѣть на нихъ вліянія прямого и сильнаго. Положительное право Европейскихъ государствъ—предметъ обширный и любопытный, но читается слабо. Безъ развитія историческаго нѣтъ никакой возможности понять настоящаго состоянія государства. Взглядъ на всеобщую исторію по Гегелю, лекціи, читаемыя г-мъ Ганзеномъ по этому предмету, весьма любопытны. Я познакомился съ Ганзеномъ и постараюсь съ нимъ сблизиться. Онъ хватъ. Въ теченіе 6-ти лѣтъ, что онъ въ Россіи, онъ не только выучился русскому языку, но и большей части славянскихъ нарѣчій, большой почитатель Шафарика и Добровскаго. Отъ учености къ вину. Не трудно ли будетъ по причинѣ холодовъ пересылать Ѳ. В. Булгарину вино? По крайней мѣрѣ, его нужно очень хорошо обшить. Миша Краснокутскій еще не пріѣхалъ, но въ декабрѣ мѣсяцѣ я его жду. Обнимаю Васъ, любезный Рара, цѣлую ручки Maman. Меня радуетъ, что Дарикъ доставляетъ Вамъ такую радость, поцѣлуйте и маленькую сестричку отъ меня. Нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко.

H-rrn Wehrmann et Sohn in Riga.

Warschau 13—Now—

Hiemit ersuch ich Sie ergebenst beifolgende Piecen mit Ungarn Wein, signirt P. M. T. sobald als möglich an der H-rn P. M. Thun in Dorpat

befördern zu wollen, der Ihn ihre Frachtauslage und anderweitige Kosten ersetzen wird. Mit der Voraussetzung, dass Sie mir diese Gefälligkeit erwiesen werden, empfehle ich mich Ihnen mit Allenhochachtung ganz ergebenst.

Открытое письмо къ извощику.

H-rrn Wehrmann et Sohn in Riga.

Mit den Fuhrmann N. sendige ich Ihnen so viel Piecen Ungarn Wein, signirt P. M. T., wofur der Fracht mit 10 viel 12 bedungen ist, der Sie wohl nach guter Ablieferung gefälligst auszahlen werden. Warschau. Datum.

104.

Варшава $\frac{29\ октября}{10\ ноября}$ *1843 г.*

Отъ 28 сентября я получилъ письмо твое, другъ мой Вольдемаръ, въ которомъ не было ничего ни о длинномъ письмѣ моемъ къ тебѣ, ни о полученіи тобою денегъ. Другое письмо твое отъ 12 октября успокоило меня по этимъ предметамъ. Но, чтобы съ 1-го сентября по 3-е октября шла почта отъ насъ въ Дерптъ, это дѣло сказочное въ вѣкъ настоящій. Не диво, что иностранцы описываютъ движеніе по Россіи, какъ походъ Аргонавтовъ, или путешествіе къ Гипербореямъ во времена Птоломеевъ. Никогда я не желалъ столько шоссе въ Россіи, какъ нынѣ, имѣя корреспонденцію въ Дерптъ и въ Золотоношу; до послѣдней даже нѣтъ почты; и всякій разъ, когда я доберусь туда обывательскими клячами, то сижу дня два, пока городничій собьетъ для меня нѣсколько шкапъ жидовскихъ, чтобы они дотащили экипажъ до Богодуховки.

Я торгую имѣніе у Щербака, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пирятина; когда куплю его, тогда мы будемъ уже на почтовой дорогѣ. Для этого располагаю опять ѣхать въ Малороссію по первому зимнему пути. Осень страшна у насъ для проѣзжающихъ. Дай Господи дождать дорогъ; а съ ними все двинется, все проснется отъ сна богатырскаго, и выростутъ среди болотъ и топей всѣ удобства для проѣзжающихъ; не будетъ въ Малороссіи по 5 коп. пудъ ржи, и самое просвѣщеніе разовьется внезапно, чего надо ожидать отъ попечительства дѣятельнаго правительства.

Воображаю современную цивилизацію, воображаю и тебя, защищающимъ вдову, или сироту, ищущихъ справедливости въ законѣ; во-

ображаю адвокатомъ, профессоромъ права и философіи, и восхищаюсь отъ души такими образами!

Учись, сынъ мой, не для одной учености; но для пользы общей и государственной! Истинное знаніе дѣла, по призванію къ нему, осмѣливаетъ и самаго робкаго; а смѣлымъ Богъ владѣетъ, какъ говоритъ старинная русская пословица.

Вчера я просидѣлъ цѣлый вечеръ у Лизы и Н. И. Они здоровы равно и Maman, и Доня. Послѣдняя—совершенный огонь; глазенки у нея сверкаютъ и при радости, и при досадѣ; а память и любовь къ картинамъ такъ велика, что я часто задумываюсь, смотря на продѣлки ея.

Ожидаю отъ тебя отвѣтовъ на разные мои вопросы; молю Бога о здоровьи твоемъ и благословляю тебя съ отеческою нѣжностью.

Анд. Стороженко.

105.

Варшава $\frac{29\ ноября}{10\ декабря}$ *1843 г.*

Радъ, другъ мой Вольдемаръ, помогать тебѣ во всемъ; и да будетъ это прямая для тебя польза. По полученному отъ тебя письму сегодня посылаю 100 руб. серебромъ на книги; а 10 декабря отправлю 150 руб. на расходы, изъ коихъ ты можешь также удѣлять на заведеніе студентской библіотеки, живя по студентски.

У меня родился сынъ, а у тебя братъ Николай [1]). При радостномъ Wilkommen, коимъ привѣтствовалъ я здороваго, хорошенькаго малютку, невольно проскользнула мысль о его будущности. Правда, я теперь не тотъ совершенно бѣдный офицеръ, какимъ былъ при вашемъ рожденіи съ Лизою; не грущу съ подушкою, чѣмъ бы заплатить кормилицѣ, какъ это было; Милосердный Создатель благословилъ меня насущнымъ хлѣбомъ; но въ лѣтахъ великая разница. Доживу ли до того, чтобы помогать и ему въ студентскихъ нуждахъ? Мысль не утѣшительная; и одна надежда, что ты, другъ мой, заступишь меня и въ попеченіи объ немъ и въ направленіи его на пути жизни. Учись и для себя и для благороднаго призванія быть старшимъ въ семействѣ!

---

[1]) Николай Андреевичъ былъ неудачникомъ въ жизни, быстро промоталъ отцовское наслѣдство и умеръ, не имѣя еще тридцати лѣтъ, въ г. Вѣрномъ сотникомъ Семирѣченскаго казачьяго войска.

Вино Ѳ. Венед. я пошлю въ концѣ апрѣля, ибо въ морозы сдѣлать этого невозможно.

Напиши мнѣ о рѣшеніи Ниценковыхъ.

Благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

106.

Варшава $^{10}/_{23}$ *декабря 1843.*

Посылаю тебѣ, другъ мой Вольдемаръ, 150 руб. сереб.; они прійдутъ какъ разъ къ праздникамъ, которые я люблю по моимъ воспоминаніямъ. Мнѣ случилось праздновать ихъ среди различныхъ народовъ и различныхъ обычаевъ: въ Россіи, въ Малороссіи, въ Молдавіи, въ Сербіи и въ Германіи. Нѣмецкій Weihnacht, подарки, родственные визиты и ужинъ, исключая застольнаго при ономъ пѣнія, презанимательны. Все это продѣлывается, я думаю, и въ Дерптѣ; но вечеря наша, малороссійская, для меня еще пріятнѣе; она напоминаетъ патріархальныя времена, коихъ не осталось и признаковъ въ Польшѣ, гдѣ мнѣ наступающее Рождество Христово 12-й уже разъ проводить приходится. Жаль, что славянская старина подавлялась здѣсь нашествіями двенадесяти иноплеменниковъ!

Мы прёмся въ Европу безусловнымъ подражаніемъ; въ послѣднихъ номерахъ „Пчелы“ друга моего Ѳаддея Венедиктовича я читалъ мысли о Малороссіи и радовался. Читалъ также разборъ, или похвалу оперѣ Норма, и восхищеніе отъ аріи: Casta diva; все это написано поевропейски; но, признаюсь, мнѣ всякій народный мотивъ гораздо понятнѣе и ближе къ сердцу, нежели искусственность италіянской музыки, или ревъ нѣмецкаго баритона по школьнымъ правиламъ, усвоеннымъ нѣмцами, не имѣющими народной мелодіи. При этомъ излилось на бумагу нѣсколько виршей, которыя тебѣ посылаю, для прочтенія Ѳ. В.—Увѣренъ, что онъ, погрузясь думою въ прошедшее, будетъ на минуту одного мнѣнія со мною. Давно я не пишу и даже не читаю никакихъ стиховъ; но съ удовольствіемъ прочитываю имъ написанное, хотя бы и о театрахъ Петербургскихъ.

Вино ему я пошлю весною; а къ Ниценковымъ прошу тебя написать и извѣстить о послѣдующемъ.

Будь здоровъ!

Любящій и благословляющій тебя отецъ

А. Стороженко.

114.

31 декабря 1843 г.

Два письма Ваши, любезный другъ Рара, получилъ я, одно почти вслѣдъ за другимъ и оба съ деньгами. Сердечно благодарю Васъ особенно за вниманіе, которое тронуло меня до слезъ. Часто тяготитъ меня мысль, что въ мои лѣта я все еще живу Вашими трудами, но тягость эта облегчается, когда подумаю, что Вы помогаете мнѣ охотно и что съ своей стороны я прилагаю все стараніе, чтобы Вы впослѣдствіи не раскаялись въ данной помощи. Пріѣздъ новаго профессора былъ благополучнымъ событіемъ для хода моихъ занятій. Г-нъ Озенбрюгенъ [1]) человѣкъ молодой, съ любовью къ своему предмету, съ познаніями многосторонними и, самое главное, безъ нѣмецкаго педантизма, который руководитъ ученыхъ нѣкоторыхъ въ разысканіяхъ ихъ о томъ, кто чистилъ Буцефала, котораго числа былъ Веронскій Конгрессъ, 12-го или 13-го и т. п. Онъ пріѣхалъ въ страну для него новую безъ предразсудковъ, безъ вѣры въ иностранную ложь о Россіи, съ желаніемъ самому узнать, въ чемъ дѣло, и быть по возможности полезнымъ въ новомъ кругу своей дѣятельности. Мы сблизились; я почти каждый день бываю у него, помогаю ему въ изученіи русскаго языка, за который онъ горячо принялся и успѣваю подъ его руководствомъ въ Римскомъ правѣ. Важность этихъ обстоятельствъ можетъ быть оцѣнена вполнѣ только мною, на котораго она дѣйствуетъ непосредственно. Человѣкъ знающій, съ которымъ можно поговорить о прочитанномъ, полезнѣе большой кипы книгъ. Я утвердился въ прежней моей мысли серьезно заняться изученіемъ Римскаго права, прежде чѣмъ приниматься за другое. Это право такъ искусно обработано и такъ неразрывно связано съ правами почти всѣхъ образованныхъ народовъ, что изученіе его также необходимо, какъ изученіе грамматики для языка. Знакомству съ Озенбрюгеномъ обязанъ я, что праздничное время проходитъ для меня полезно и пріятно, впрочемъ и не безъ другихъ разсѣянностей. Какъ жареный гусь въ день имянинъ Лютера, такъ Weihnachtsbaum необходимая вещь каждаго нѣмецкаго дома въ сочельникъ. У Фробена, какъ старшаго въ семействѣ, было по этому случаю особенное торжество. До тридцати человѣкъ разнаго пола и возраста собрались къ нему, каждый со своими надеждами и желаніями. Большая часть изъ нихъ была удовлетворена; всѣ были веселы и танцовали до

---

[1]) Эдуардъ Озенбрюгенъ профессорствовалъ въ Дерптѣ до 1851 г., когда перешелъ въ Цюрихскій университетъ. Онъ занималъ каѳедру уголовнаго права. Впослѣдствіи прославился сочиненіями о Швейцаріи и ея порядкахъ.

поздней ночи. За то русскаго тутъ тоже не ищи. Постничанье до звѣзды, домашняя служба, узваръ и т. п. живутъ со мной только въ воспоминаніи о дѣдушкиномъ домѣ, о томъ времени, когда все казалось такъ чудно-таинственно. Жаль, что лѣта и образованность съ ея гуманитарными идеями подавляютъ прелесть обычаевъ, а космополитизмъ уравниваетъ родное съ иностраннымъ, дѣлая человѣка равнодушнымъ къ тому и другому. Шагъ къ истинному стоитъ многаго обманчиво-пріятнаго. Вы выразились удивительно: „Мы премся въ Европу безусловнымъ подражаніемъ“, и когда это кончится, неизвѣстно. Недавно мнѣ случилось пробѣжать каталогъ русскихъ книгъ. Грустная пустота! рѣдко, рѣдко попадется книжонка, которую хотѣлось бы пріобрѣсть. Гдѣ же наши таланты? Нельзя же допустить, чтобы ихъ не было между 60-тью мил. людей. Переводовъ же пропасть, да не очень заманчивыхъ. Пишу Вамъ, любезный другъ Рара, за нѣсколько часовъ до окончанія нынѣшняго годы, замѣчательнаго въ моей жизни. Въ раздѣленіи времени на года, мѣсяцы и проч. есть величайшая мудрость. Дѣла какъ то сами собой укладываются въ рамки одного года, невольно какъ то торопишься кончить недоконченное, исправить испорченное, вымыть грязное и т. д., чтобы новый годъ засталъ все въ новомъ видѣ. Грань между новымъ и старымъ годами есть какой то моментъ отдохновенія, ein Ruhepunkt, въ нравственномъ бытіи. Я всегда надъ этимъ задумываюсь и въ смиренномъ упованіи желаю Вамъ всего благополучнаго для Васъ и семейства Вашего. Обнимаю Васъ, maman, сестру и брата и прошу Вашего благословенія на все хорошее и полезное. Нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко.

Порученія Ваши исполню въ возможной скорости.

108.

Варшава $\frac{\textit{23 января}}{\textit{4 февраля}}$ *1844 г.*

Что насъ ждетъ, что мы увидимъ въ наступившемъ году,—всякія предположенія объ этомъ болѣе нежели загадочны. Въ самомъ мирномъ быту, въ самомъ глубокомъ уединеніи—человѣкъ встрѣчаетъ утро, думаетъ дѣлать то, что вчера дѣлалъ, но стихійныя перемѣны, тѣлесный недугъ, самомалѣйшее неожиданное происшествіе, какъ бы издѣваясь надъ ничтожностію воли нашей, становятъ преграды во всѣхъ намѣреніяхъ. Надобно имѣть много характера, чтобы, убѣждаясь въ такой немощи, идти твердымъ шагомъ къ предполагаемой цѣли, не колеблясь натисками неудачъ и лишеній. Вѣра и упованіе на помощь

Всевѣдущаго въ начинаніяхъ добрыхъ—возвышаютъ душу, и проясняютъ надежды въ темнотѣ грядущаго.

Какъ пріятна бесѣда съ совѣстью, не укоряющею насъ ни въ чемъ, что отъ насъ зависѣло. Предъ судомъ ея, различно толкуемые миѳы: судьба, счастье, случай, удача—превращаются въ математическую разность, и человѣкъ съ духомъ содѣлывается почти независимымъ отъ нихъ, сосредоточиваясь въ самомъ себѣ, и ограничивая желанія свои возможностію. Трудолюбіе, честность, безпрерывная мысль о добрѣ общемъ, наполненіе времени занятіями полезными—уже не миѳы, а предназначеніе.

Мысли эти излились на бумагу въ минуту, когда я перебиралъ въ умѣ моемъ свое прошедшее и убѣждался, что судьба, или счастье мнѣ никогда ни въ чемъ не помогали, что въ людяхъ кромѣ зависти не встрѣчалъ ничего пріязненнаго. За всѣмъ тѣмъ тернистая тропа этого прошедшаго не устрашала твердой воли, не останавливала въ дѣятельности; и ближній мой всегда находилъ во мнѣ человѣка.

Вотъ наставленіе тебѣ, еще одно, любезнѣйшій сынъ мой! Въ новыхъ философическихъ выводахъ ты, конечно, найдешь болѣе разума, но не сердца. Фонъ-Визинъ сказалъ: „можно имѣть недостатки ума; но качества сердца не должны имѣть ихъ, т. е. недостатковъ“.

Я не перестаю думать о сельской жизни, которой еще не испыталъ, хотя другіе думаютъ за меня о моемъ назначеніи, какого я совсѣмъ не желаю; впрочемъ, если бы это случилось, кинулся бы, зажмуря глаза, въ омутъ случая, и старался бы подчинить его моей волѣ. При неудачѣ ничего не теряю: ибо прошедшее научило меня считать все невѣрнымъ, кромѣ своихъ правилъ. Увеличившееся семейство усугубляетъ обязанности, но не измѣняетъ образа мыслей.

Щербаки понынѣ не раздѣлились; до весны нельзя ничего предпринять въ отношеніи къ Малороссіи. Въ этотъ промежутокъ времени можетъ встрѣтится что нибудь и непредвидимое; между тѣмъ спишись съ Ниценками, и увѣдомь меня: продаютъ ли они имѣніе, или нѣтъ? что предприняли въ дѣлѣ семъ? и убѣдились ли наконецъ, что недвижимое имѣніе въ Малороссіи, безъ особенныхъ устройствъ, не приноситъ и 4-хъ процентовъ на капиталъ его цѣнности?

Maman и дѣтки—здоровы; краснощекая, чернобривая малороссіяночка Допя—дитя истинно необыкновенное; а Коля еще очень малъ, и утѣхи отъ него немного; Лиза и Ник. Иван. сегодня обѣдаютъ у насъ; Катюша по дружбѣ своей къ намъ хлопочетъ; и всѣ тебя привѣтствуютъ.

Нѣжно любящій и благословляющій отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

109.

25 генваря 1844 г. Болѣе недѣли уже, другъ мой Рара, что я опять посѣщаю университетъ и дѣлаю это съ величайшимъ удовольствіемъ, потому что выбранные мною предметы весьма любопытны и хорошо преподаются. Юридическую лекцію имѣю я только одну, но эта одна весьма важная: Институты Юстиніана. Основательное изученіе ихъ важнѣе для Римскаго права, чѣмъ грамматика для языка, а потому мнѣ не хотѣлось въ теченіе этого полугодія посторонними дисциплинами отвлекать себя отъ главнаго. Я въ самомъ счастливомъ положеніи для основательнаго изученія, потому что могу совершенно независимо опредѣлять, по моимъ понятіямъ, необходимое и слушать избранное въ порядкѣ, въ какомъ я хочу. Здѣсь иногда случается, что молодые люди съ перваго ихъ семестра начинаютъ слушать уголовное право, не имѣя никакого понятія о правѣ вообще. Отъ этого многихъ оно весьма мало занимаетъ, а хорошимъ юристомъ почти невозможно сдѣлаться. Систематическая жизнь скучна и не необходима; важности системы въ наукѣ отвергать нельзя. Я имѣю разные планы заняться какимъ нибудь переводомъ, чтобы на первое время хотя этимъ расширить кругъ нашей юридической литературы, которая весьма, незначительна. Тутъ большое затрудненіе въ языкѣ; рѣшительно не знаешь, какъ передать смыслъ техническихъ выраженій нѣмецкихъ. Занимаясь съ Озенбрюгеномъ нѣсколько разъ въ недѣлю по-русски, мнѣ самому пришлось повторять нашу грамматику, что особенно хорошо для другихъ славянскихъ языковъ, съ которыми я предположилъ познакомиться. Дѣло въ томъ, что г. Ганзенъ, о которомъ я уже писалъ къ Вамъ, читаетъ исторію славянъ; начавъ тѣми извѣстіями, которыя передалъ намъ Геродотъ, онъ доведетъ ее до принятія славянами христіанской вѣры и до поселенія ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы ихъ теперь находимъ. Ганзенъ руководствуется двумя сочиненіями Шафарика, съ которымъ. однакожъ, онъ не всегда согласенъ, особенно въ толкованіи Геродота, Это меня очень занимаетъ; я выписалъ себѣ: Slowanski Narodopis и хочу положить хотя основаніе для будущаго болѣе основательнаго изученія славянщины. Кромѣ общей пользы, я думаю, что немного короткое знакомство съ славянскими древностями должно мнѣ быть необходимо впослѣдствіи для исторіи русскаго права. Не раздѣляя вполнѣ мнѣнія исторической школы, я увѣренъ однако же, что для знанія и усовершенствованія какого либо права необходимо знать, какъ оно развилось, какъ оно перерабатывалось въ умахъ людей, какія обстоятельства имѣли на него вліяніе, чтобы судить о его настоящемъ положеніи, и томъ, что изъ него можно сдѣлать. Третья лекція, посѣщаемая

мною, исторія послѣдняго столѣтія Римской Республики отъ Гракховъ до Цезаря Октавіана, важна мнѣ для исторіи Римскаго права. Творенія Цицерона всего болѣе знакомятъ съ Римскою жизнью и только знаніе послѣдней можетъ разрѣшить вопросъ, какимъ образомъ случилось, что Римское гражданское право дошло до такой степени образованности? Вотъ три лекціи, которыя я посѣщаю. Если порядочно обрабатывать ихъ, то достаточно занятія на полгода; а я беру еще сверхъ того латинскіе уроки. Желаю очень, другъ мой Рара, чтобы этотъ обзоръ моимъ занятіямъ заслужилъ Ваше одобреніе и убѣдилъ Васъ въ томъ, что я, по возможности, стараюсь не терять моего времени. Лекціи философіи отложилъ до пріѣзда Миши [1]), который скоро долженъ быть въ Дерптѣ. Онъ мнѣ недавно писалъ, что кончилъ, наконецъ, дѣла свои въ Кіевѣ, что намѣренъ отправиться въ Симбирское имѣніе, пробыть тамъ нѣкоторое время, а оттуда и къ намъ. Уговариваю его, сколько могу, чтобы торопился. Недавно уѣхалъ отсюда Ѳ. В. Булгаринъ, пробывъ здѣсь съ недѣлю для дѣлъ о постройкахъ въ Карловѣ. Онъ освѣжилъ насъ немного Петербургскими новостями. Признаться, я теперь гораздо болѣе хлопочу о томъ, что дѣлали Гракхи, чѣмъ о современностяхъ. Ѳаддей Венедиктовичъ благодаритъ Васъ очень за обѣщанное вино и хотѣлъ самъ писать къ Вамъ. Хотѣлъ между прочимъ жаловаться, что я много занимаюсь, что это можетъ повредить моему здоровью. So arg ist es nicht. О здоровьѣ своемъ я хлопочу весьма достаточно, столько, по крайней мѣрѣ, чтобы не быть больнымъ. Что же касается до занятій, то я не понимаю, какъ многіе, въ томъ числѣ и онъ, могутъ много дѣлать, ведя при томъ самую разгульную жизнь. Это великое преимущество веселаго и живаго характера. При моемъ прилежаніи другой могъ бы сдѣлать втрое болѣе. 2-го генваря кончилась здѣсь ярмарка, продолжавшаяся болѣе двухъ недѣль. Въ это время нельзя было узнать мирнаго Дерпта. Со всѣхъ сторонъ съѣхались купцы, а за ними и помѣщики. Жизнь неимовѣрная! Вы можете судить, что купцы вѣрно въ порядочныхъ барышахъ, когда одинъ изъ нихъ, который нанимаетъ обыкновенно двѣ комнатки въ домѣ у Фробена, платитъ ему около 800 руб. за три недѣли. Лучи солнца играютъ на моихъ замерзлыхъ окошкахъ и, хотя сегодня около 18-ти градусовъ морозу, но солнце радостно возвѣщаетъ, что мы приближаемся къ теплому лучшему времени года. Будьте здоровы, другъ Рара, и благословите преданнаго Вамъ сына. Обнимаю Васъ, maman и дѣтокъ. Еще нѣсколько словъ. На дняхъ я сошелся съ офицеромъ однимъ, который здѣсь въ отпуску. Вся внутренность моя смѣялась, когда онъ мнѣ съ важностью разсказывалъ, что въ службѣ произошли

[1]) Михаила Николаевича Краснокутскаго.

большія перемѣны: разсчетъ карауловъ другой и ординарецъ подходитъ при отдачѣ пароля. Я такъ скоро отвыкъ отъ всего этого, что и слышать странно. Нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко.

110.

Варшава 9/21 *февраля 1844.*

Недавно я писалъ къ тебѣ, другъ мой Вольдемаръ; поэтому ограничиваюсь теперь нѣсколькими словами, спѣша послать тебѣ на мартъ и апрѣль 525 рублей россійскими ассигнаціями.

Карнавальное бѣснованіе здѣсь, въ которомъ принужденъ былъ и я болѣе или менѣе участвовать, — кончилось. Сколько оно мнѣ надоѣло, столько радуюсь, что здоровье позволяетъ мнѣ ѣсть постную пищу. Выполненіе всякихъ учрежденій, церковныхъ и гражданскихъ, какъ выплата долговъ, облегчаетъ ношу обязанностей житейскихъ и ставитъ человѣка въ порядкѣ, необходимомъ для обыкновеннаго спокойствія. Я всегда и во всемъ любилъ возможную точность; но, будучи моложе, отступалъ иногда отъ предписываемыхъ себѣ правилъ: ѣлъ блины и вареники, терпѣлъ отъ этого, протанцовывалъ ночи, ужиналъ, и забывалъ иногда, если судьба улыбалась ко мнѣ (что впрочемъ было весьма рѣдко), о днѣ завтрашнемъ. Но теперь, сохраняя еще большую любовь къ порядку, чувствую необходимость въ немъ, а не волю, въ которой прежде находилъ самодовольствіе. Теперь съѣденный блинъ, протянувшійся вечеръ въ ярко освѣщенномъ бальномъ салонѣ, даже слишкомъ занимательная книжка, читаемая вечеромъ, производятъ боязнь: не повредитъ ли это глазамъ, которые хотѣлось бы сохранить подолѣе, не разстроится ли желудокъ, и т. п. Какъ мало времени дано въ удѣлъ намъ пользоваться стяжаемымъ трудными испытаніями.

Любознательность—похвальна; но и безъ правилъ, безъ положительной науки и безъ порядка и постоянства въ образѣ мыслей—приложить ея ни къ чему не возможно. Любознательный живетъ, чтобы учиться всю жизнь; но если онъ не изберетъ никакой цѣли, никакой степени достиженія въ трудахъ своихъ, то уподобится на старость обветшалому фрегату, который употреблялся для обученія на немъ кадетъ Морского Корпуса. Званіе просто ученаго, если онъ не писатель, по моему самое безполезное и для себя, и для другихъ. И такъ, другъ мой, надобно учиться, чтобы служить потомъ съ пользою, и чтобы въ лучшія лѣта жизни наслаждаться выгодами и званія, и общаго о тебѣ мнѣнія.

Быстро пролетятъ 4 года для тебя въ Дерптскомъ Университетѣ, одно магистерское званіе вознаградитъ ихъ; а потомъ надобно еще годъ мыкаться по Европѣ, чтобы съ пріобрѣтенными свѣдѣніями начать гражданскую службу, и въ 40 лѣтъ что нибудь да значить. Затѣмъ останется лѣтъ 13 (по сравненію лѣтъ съ моими настоящими) пожить, если Богъ благословитъ, не совершенно дряхлымъ. Повторяю, любезный сынъ мой, избери преимущественно юриспруденцію и философію экзерциціями твоими въ университетѣ; а всѣ прочіе предметы да будутъ отдохновеніемъ, ибо они изучаются и не по семестрамъ. Всякій, кто умѣетъ читать, можетъ изучить и исторію и географію и языки; но признанное науками положительными—недоступно умѣющему только грамотѣ.

Да благословитъ тебя Господь Богъ на все доброе и полезное, о чемъ молитъ Его нѣжно любящій и благословляющій отецъ и другъ твой.

Анд. Стороженко.

111.

Дерптъ 29 февраля 1844.

Благодарю Васъ, любезный другъ Рара, за Ваши истинно мудрые совѣты. Они служатъ мнѣ точками опоры, какъ маяки, указываютъ путь по треволненному морю жизни. Часто въ минуты безпокойства, когда умъ, какъ неподкованная лошадь, скользитъ по льдистой почвѣ сомнѣній, когда въ бреду скептицизма задаешь себѣ вопросы, на которые нѣтъ отвѣтовъ,—въ болѣзненномъ состояніи души, данномъ въ удѣлъ несовершенному человѣку, припоминаешь себѣ совѣтъ опытнаго, добраго друга, и почерпнешь въ немъ утѣшеніе, мысли потянутся другою вереницею, предметы вокругъ просвѣтлѣютъ, будущее начнетъ манить къ себѣ прекрасными видѣніями, станешь благословлять жизнь и провидѣніе. Величайшаго вниманія и обдуманности надо, чтобы опредѣлить положеніе свое, потребности свои духовныя и тѣлесныя, величайшаго характера, чтобы исполнить предположенное. Какъ подумаешь, какъ иногда наши лучшія начинанія, доставляющія намъ удовольствіе, остаются безъ исполненія отъ двухдневнаго, трехдневнаго невниманія къ нимъ, такъ, право, не можешь достаточно надивиться странной природѣ человѣка, присутствію въ немъ двухъ враждебныхъ началъ, вѣчно борящихся между собою; нѣтъ такого мгновенія, которымъ не воспользовалось бы злое начало, чтобы поймать и скрутить

доброе (начало). Въ этомъ смыслѣ весьма понятно, когда говорятъ: человѣкъ самъ себѣ врагъ. *Сегодня ровно годъ, что я въ Дерптѣ.* Разное пришлось мнѣ испытать, и дурное и хорошее, но всетаки я не перестану благодарить и благословлять Васъ, любезный Рара, за мое теперешнее положеніе. Если я и не такъ много сдѣлалъ, какъ предполагалъ, то имѣю еще впереди достаточно времени и мѣста для моихъ стремленій, да притомъ съ годовою опытностью. Первый годъ былъ самый трудный. Теперь и латинскій и нѣмецкій языки для меня не тарабарская грамота. Недавно я познакомился съ молодымъ студентомъ, который въ прошломъ году получилъ золотую медаль за юридическую статью на заданную тему. Мы условились съ нимъ заниматься и сходимся почти каждодневно. Я радуюсь, что мнѣ мало по малу становится знакомъ пресловутый Corpus Juris Civilis Romanorum. Это удивительная книга, но нужно пропасть времени и труда, чтобы изучить ее основательно. Это есть и будетъ главнымъ предметомъ моего изученія — славянщина между прочимъ. Мы выбрались уже изъ тьмы, окружающей первобытныхъ славянъ; съ 5-го вѣка все идетъ довольно гладко, у Византійцевъ находятся уже весьма положительныя извѣстія о Славянахъ; но до этого времени въ хаосѣ славянскаго бытія едва можно разобрать что нибудь, руководясь Геродотомъ, Страбономъ, Плиніемъ и др. Трудъ Шафарика въ этомъ отношеніи неоцѣнимъ, хотя Ганзенъ въ нѣкоторыхъ данныхъ съ нимъ не согласенъ, особенно, что касается до извѣстій, сохранившихся у Геродота. Я оживилъ мои юридическія занятія, подписавшись на журналъ, издаваемый по этой части въ Лейпцигѣ. Въ Германіи такъ много пишутъ, что нѣтъ другой возможности и знакомиться съ литературою, какъ черезъ журналы. Къ Ниценковымъ я писалъ, но не получилъ еще отвѣта; впрочемъ, можетъ быть, они прямо къ Вамъ напишутъ. Отъ Миши Краснокутскаго на дняхъ получилъ письмо; много ему хлопотъ, бѣдному. Собирается ѣхать въ Симбирскъ, а потому вѣрно не скоро удастся ему пріѣхать въ Дерптъ. Аристидъ Кантакузенъ, не смотря на свой блестящій экзаменъ, долженъ былъ по какимъ то обстоятельствамъ оставить службу и хочетъ навремя ѣхать въ Дрезденъ на свадьбу сестры.

Наталья Андреевна пишетъ мнѣ довольно часто, такъ что я не отчуждаюсь отъ моихъ Петербургскихъ друзей. Это грустное положеніе, что здѣсь мнѣ даже поговорить не съ кѣмъ о своихъ! Отъ Анны Михайловны Дараганъ тоже недавно имѣлъ извѣстіе. Они, кажется, не совсѣмъ довольны ихъ положеніемъ. Дѣтки подростаютъ и премиленькія, а способовъ воспитанія не очень то много въ Ржевѣ. Можетъ быть, Вамъ случилось уже прочесть фельетонъ С. Пчелы, гдѣ Ѳаддей Венедиктовичъ описываетъ Дерптъ. Тутъ много правды и это пре-

красно было бы, если бы нѣкоторыя изъ русскихъ семействъ вняли приглашенію Булгарина воспитывать дѣтей своихъ въ Дерптѣ. Желаю Вамъ быть здоровыми, любезный другъ Рара, обнимаю Васъ, maman и дѣтокъ, и прошу благословить нѣжно любящаго Васъ сына и друга

В. Стороженко.

112.

Г. Варшава, $^{18}/_{30}$ *марта 1844 г.*

Правда, любезный другъ мой Володя, что при началѣ гражданской жизни нашей нужна опытность друга. Кто же можетъ быть лучшимъ другомъ, какъ не отецъ, желающій по природѣ, и по вѣрѣ, и по видамъ, всего лучшаго самому ближайшему къ его сердцу. Если-бы Аристидъ [1]) и все его семейство имѣли въ отцѣ своемъ человѣка съ постоянными правилами, то не мыкались бы по свѣту; а то отецъ пустился въ Грецію чуть-чуть не по такой же причинѣ, какъ Аристидъ нынѣ ѣдетъ въ Дрезденъ, гдѣ по крайней мѣрѣ перваго есть на выставкѣ портретъ, какъ героя подъ стѣнами Мальвазіи; но успѣетъ ли Аристидъ помѣстить тамъ и свой, въ этомъ еще вопросъ; вѣрно только то, что онъ потеряетъ время, службу и преимущества выдержаннаго экзамена, что сопряжено было съ похвальными предварительными трудами. Впрочемъ, и греческое мѣстечко Мальвазія, и ровъ около него, вѣроятно, не глубшій Богодуховскаго, что около сада, и самое предводительство нѣсколькими десятками, хотя бы и паликаровъ, двухвершковаго гиганта — вовсе не историческіе. Пусть всѣ идутъ замужъ, женятся и родятся, участіе въ этомъ близкихъ есть чувство прекрасное, но сворачивать для какой бы то ни было свадьбы, или родинъ, съ пути, предпринятаго къ достиженію имени и значенія въ свѣтѣ,—безразсудно, хотя бы любопытство влекло тебя посмотрѣть не только на испанскаго гранда, но на самого Наполеона.

„Славянскій народопись“ Шафарика, какъ и вся его славянщина, есть трудъ нѣмецкаго ученаго, въ коемъ множество фактовъ и ни одной геніальной идеи, ни одного важнаго открытія. Я думаю, что никто изъ людей мыслящихъ не будетъ спорить о томъ, что Европу и прилегающую къ ней часть Азіи населяютъ три коренные народа— славяне, нѣмцы и латины; первые именуютъ вторыхъ, какъ вторые первыхъ нѣмыми, т. е. говорящими языкомъ взаимно непонятнымъ.

---

[1]) Князь Кантакузенъ.

Славяне и нѣмцы слыли у Римлянъ и Грековъ подъ названіемъ варваровъ. Нѣсть число названіямъ, какія даваемы были племенамъ ихъ дѣписателями Рима и Византіи, но до Атиллы они не были ни страшны, ни интересны, который, какъ метеоръ, поразилъ блестящими своими побѣдами очи писателей Запада и Востока. Дѣянія его внесены въ хроники опомнившимися отъ испуга школярами. Духовные ветшавшаго Рима назвали его бичемъ Божіимъ, безобразнымъ Гунномъ, тогда какъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ славянскій герой, водившій совокупныя силы Славянъ громить трюхлѣющее дерево всемірной имперіи. Нѣмцы, или ихъ историческіе труженики, прицѣпясь къ сказаніямъ римскимъ объ Аттилѣ и его воинствѣ, и понынѣ утверждаютъ, что это были народы, какъ и самъ онъ, монгольскаго происхожденія, и, наконецъ, Венелинъ первый осмѣлился написать противное. Вотъ что я называю геніальнымъ помысломъ.

Бросивши взоръ на положеніе Европы, въ которомъ оставилъ ее Карлъ Великій, встрѣтишься тотчасъ съ Моравіею Святополка и углубишься въ Славянщинѣ отъ горъ Карпатскихъ до Бѣлаго моря. Молдава, Лаба, Одра, Висла, Дунай, Днѣпръ, Волга, Волховъ и Сѣверная Двина—представятъ тебѣ и осѣдлости, и пути, коими сносились между собою народы одного племени и одного по корню нарѣчія. Монархія Владимира Великаго и подвиги Святослава въ Болгаріи не прояснятся предъ поверхностнымъ взглядомъ компиляторовъ. Мы славяне едва только начинаемъ рыться въ могильныхъ хроникахъ нашихъ, и Шафарикъ сдѣлалъ великую прислугу, соединивъ раздробленное извѣстное въ массу, не имѣющую однакоже еще никакой формы. Нибуръ написалъ исторію Рима, имѣя предъ собою Тацита и Тита Ливія, а у насъ только и есть Несторъ да Дитмаръ, писавшіе по понятіямъ блеснувшаго въ ихъ время Славянизма, который и для тебя, другъ мой Володя, и для меня можетъ быть только предметомъ любознательности, но не исключительныхъ занятій.

Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ о Шафарикѣ, а чуть было не заговорился такъ, что не оставалось бы мѣста и для одной строчки чтобы сказать о ближайшемъ намъ дѣлѣ.

Ниценковы ничего не пишутъ ко мнѣ. Попробуй еще написать къ нимъ, ибо съ пьянымъ Щербаковъ у меня дѣло не уладилось.

Читалъ я статью Булгарина о Дерптѣ; она занимательна, но сомнѣваюсь, чтобы русскія достаточныя семейства нашли привлекательнымъ ученый Дерптъ, или Юрьевъ Ливонскій, гдѣ природа весьма далека отъ полуденной, хотя бы и нашей. Въ Дерптѣ надобно учиться и учиться скорѣе, чтобы жить и вкушать плоды науки въ другомъ мѣстѣ и на обширнѣйшемъ полѣ дѣятельности и сношеній.

Мы всѣ слава Богу здоровы. Весною я располагаю ѣхать въ Малороссію и желалъ бы предъ тѣмъ получить отъ тебя увѣдомленіе насчетъ имѣнія Ниценковыхъ.

Опять ты не пишешь, получилъ ли 525 р. ассигн. на мартъ и апрѣль.

Отецъ твой и другъ А. Стороженко.

113.

Дерптъ 4 апрѣля 1844 г.

Письмо сестры, въ которомъ она описываетъ планы Ваши, любезный Рара, о моей будущности, приводитъ меня въ восторгъ. Всѣми силами буду стараться оправдать Ваши надежды. Будьте увѣрены, добрый другъ, что я не трачу попусту времени, но опредѣлить окончательный срокъ моему здѣсь пребыванію числомъ годовъ, вѣрно ограничить курсъ моихъ занятій, сказать, что тогда то я буду готовъ держать магистерскій экзаменъ,—пока не могу. Меньшій срокъ, я думаю, года три еще. Пользуюсь всѣмъ возможнымъ, чтобы ускорить успѣхи; въ теченіе двухнедѣльныхъ праздниковъ, когда университетъ былъ запертъ, каждый день два раза я занимался съ другимъ молодымъ человѣкомъ; мы сдѣлали довольно много, но въ массѣ знаній юридическихъ, которыя мнѣ нужно пріобрѣсть,—это капля въ морѣ. Не опасайтесь, любезный Рара, чтобы посторонніе предметы не отвлекли меня отъ изученія правъ. Всю глубокость филологическихъ свѣдѣній, недоступную высь математическихъ исчисленій—охотно уступлю за порядочное знаніе правъ. Они не разлучны съ жизнью, во всякомъ бытѣ—имъ первое мѣсто, изученіе ихъ соединяетъ прелесть умозрѣній метафизическихъ съ положительностью и вѣрностью математическою. Славянщиною занимаюсь досугами; не упускаю изъ виду польскаго языка, который можетъ мнѣ быть практически полезенъ, хотя бы для того, чтобы разсуждать съ г. Мацеіовскимъ, который извѣстенъ и въ юридической литературѣ. Я думаю, по крайней мѣрѣ, что это Варшавскій. Здѣсь было разнесся слухъ о Вашемъ назначеніи, но пока я еще напрасно роюсь въ газетахъ, хотя бы и хотѣлось отыскать поскорѣе Ваше имя. Деревенская жизнь имѣетъ для меня много заманчиваго; мнѣ кажется, что и для благоденствія Россіи было бы не безполезно, если бы помѣщики болѣе жили въ своихъ деревняхъ; но для Вашей дѣятельности, для Вашихъ способностей, любезный другъ Рара, деревенское поприще недостаточно. Позвольте мнѣ быть этого мнѣнія и желать, чтобы Вы получили достойное Васъ назначеніе. Ни-

ценко мнѣ до сихъ поръ не отвѣчалъ. Не имѣли ли Вы отъ него прямыхъ извѣстій? Аристидъ Каптакузенъ, какъ говорятъ нѣмцы, hatt umgesattelt, вышелъ въ отставку и намѣренъ пріѣхать сюда изучать юриспруденцію или камералію. Я не дождусь отвѣта на послѣднее мое письмо, въ которомъ преподробно описалъ университетъ вообще и наши (т. е. отставныхъ офицеровъ) отношенія къ нему въ особенности. Праздники здѣсь тихіе, церковь русская одна, приходъ небольшой, поэтому нѣтъ той торжественности, какъ въ Петербургѣ. Нѣмцы больше празднуютъ Рождество Христово. Отъ Миши Краснокутскаго получилъ я письмо изъ Симбирской деревни. Онъ здоровъ и вѣрно скоро будетъ сюда. Если я найду удобную квартиру, такъ мы, можетъ быть, устроимся такъ, чтобы жить вмѣстѣ. Это во многихъ отношеніяхъ будетъ хорошо, можно держать нѣкоторые журналы вмѣстѣ, удобно заниматься съ частнымъ, исключительнымъ преподавателемъ. Я узналъ о смерти Карла Шведскаго, когда всѣ перестали уже говорить объ этомъ [1]). Если мало выходишь, да газетъ не прочтешь, такъ рѣшительно не знаешь, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Недавно по особому обстоятельству я получилъ письмо отъ Ѳаддея Венедиктовича, весьма дружеское, въ которомъ онъ проситъ меня, между прочимъ, на слушать говора людскаго и „молча узнавать людей“. Я убѣжденъ, что онъ выше своей репутаціи, но, не зная человѣка, не естественно ли держаться общаго мнѣнія? Здѣсь много говорятъ о новомъ указѣ насчетъ заграничныхъ поѣздокъ. Мнѣ кажется, онъ чувствительнѣе для этихъ провинцій, потому что тутъ въ модѣ отправлять молодыхъ людей, которые не могутъ или не хотятъ кончить курса въ здѣшнемъ университетѣ, за границу,—какъ будто бы разъѣзжая тамъ съ мѣста на мѣсто можно чему нибудь научиться! Многимъ изъ возвращающихся чужды даже простыя правила общежитія. Погода прекрасная. Кругомъ Дерпта снѣгъ; въ городѣ сухохонько отъ гористаго положенія; я такъ радъ, что могу погрѣться на солнышкѣ. Обнимаю Васъ, любезный другъ Papa, цѣлую maman и дѣтокъ. Николинька часто приходитъ мнѣ въ голову и я мечтаю о его воспитаніи. Дай Богъ всѣмъ Вамъ быть здоровыми. Нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко.

114.

Варшава $^{8}/_{20}$ *апрѣля 1844 г.*

Недавно я писалъ къ тебѣ, другъ мой Вольдемаръ, и наговорилъ цѣлую кучу о славянщинѣ; теперь читаю: „Les Slaves de Turquie, par

[1]) Карлъ XIV, первый Бернадоттъ на шведскомъ тронѣ, умеръ 8 марта н. ст. 1844 г.

M-r Cyprien Robert"—описаніе презанимательное. Если ты и твой профессоръ славянскихъ языковъ не читали Роберта, то совѣтую вамъ выписать это сочиненіе. Первый французъ пишетъ о чуждомъ для Франціи народѣ съ отчетливостію; а то всѣ эти Кольсоны, Кюстины и проч., какъ говорится по-польски,—pędziwiatry, легкохваты, по нашему.

Посылаю тебѣ деньги на май и іюнь, и повторяю многократныя мои просьбы, чтобы ты, получа деньги, тотчасъ увѣдомлялъ о томъ; а то о послѣднѣ мною посланныхъ въ февралѣ на мартъ и апрѣль ты опять ничего не писалъ мнѣ. Это непріятно и для отсылающаго ихъ.

Князь, а съ нимъ и Николай Ивановичъ черезъ 10 дней выѣзжаютъ въ Петербургъ. Мы всѣ, слава Богу, здоровы. Пожелавъ тебѣ того же, и успѣха въ твоихъ занятіяхъ, съ нетерпѣніемъ буду ожидать истеченія этого года, чтобы поздравить тебя по крайней мѣрѣ кандидатомъ, если не магистромъ.

Нѣжно любящій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

О Ниценковыхъ.

115.

Варшава 12/24 *маія 1844 г.*

Письмо твое изъ Петербурга[1]), а другое предъ тѣмъ изъ Дерпта я получилъ, любезный другъ мой Вольдемаръ! Мнѣ понятно, что все военно-служебное не можетъ интересовать углубляющагося въ иныя цѣли, занятаго инымъ образомъ; но истинно служивые и въ самыхъ мелочахъ видятъ дѣло, хлопочутъ для будущаго высшаго, достиженіе коего и ближе и вѣрнѣе, нежели во всякомъ другомъ состояніи. Педантизмъ едва ли не есть добродѣтель въ дѣлѣ. Поэзія воспламеняетъ наше воображеніе; а отчетливая проза и въ жизни, и въ изложеніи мыслей по какому бы то ни было особому предмету наполняетъ благодѣтельною теплотою пустоту, въ которой иначе поселилась бы лѣнь, ржавчина для ума, имѣющаго и всѣ качества къ полезной дѣятельности.

Мнѣ пріятно было читать, что столица нисколько не развлекла учащагося; много предстоитъ еще времени и послѣ окончанія наукъ

---

[1]) Не сохранилось.

мѣрять шагами мыслящаго чиновника, или Петербургскій булыжникъ, или широкія, не вымощенныя улицы какого нибудь другого большого русскаго города. Только не пугай меня долгимъ твоимъ приготовленіемъ къ существенности.

Ты вѣрно забылъ, что при послѣднемъ твоемъ свиданіи съ Ниценкомъ въ прошломъ году онъ уступалъ уже имѣніе за 135 т., о чемъ ты тогда же и написалъ ко мнѣ. Я никогда не давалъ болѣе 130 т. То, чего ожидать было должно,—случилось, т. е. имѣніе взято въ опеку, и Ниценковы отстранены въ оной; доходовъ они получать теперь уже совсѣмъ не будутъ; хозяйство упадетъ, какъ во всѣхъ опекахъ; слѣдовательно понизится и самая цѣнность имѣнія; ежели Богъ пошлетъ дождать совершеннолѣтія наслѣдницы, то разоренное между тѣмъ имѣніе пойдетъ за гораздо низшую цѣну; поэтому, для добра Кулябковой и для доходовъ съ капитала, кои могли бы составить нѣчто, Ниценковы должны бы хлопотать о продажѣ; а ежели для этого нужно мое удостовѣреніе въ непремѣнной куплѣ имѣнія, я готовъ дать, какое имъ будетъ угодно; издержки на купчую крѣпость принимаю также на себя; плачу за наличность, какая окажется сверхъ вошедшей въ регестръ продающагося, но болѣе 130 т. по всей справедливости дать за имѣніе невозможно, развѣ, накинувши по 5 руб. на 130 десятинъ принадлежащихъ матери, додать около 1000 руб., принявъ въ соображеніе цѣлостность ея участка. Напиши обо всемъ этомъ Ниценковымъ, а ежели они захотятъ, то пусть пришлютъ условіе, которое, подписавъ, тотчасъ отправлю къ нимъ обратно.

Ципріянъ Робертъ, о Славянахъ коего я писалъ тебѣ, великій непріятель Россіи; впрочемъ свѣдѣнія его о сербахъ, болгарахъ, босняхъ, далматахъ и черногорцахъ—любопытны. Для меня отвратительны невѣжественныя нападки на насъ иностранцевъ. Россія—велика во всѣхъ отношеніяхъ; предстоящее для нея необъятно; средства матеріальныя кажутся быть еще непочатыми; народъ русскій, его религія, его патріархальная сельская администрація—совершенно отдѣльны отъ формъ запада. Намъ нуженъ свѣтъ; но лучи его должны происходить изъ нашей собственной самобытности; усвоеніе у насъ наукъ не должно смѣшивать съ мнимымъ просвѣщеніемъ; нужны дѣятели, а просторъ для дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ—необозримый.

Меня теперь болѣе всего интересуетъ желѣзная дорога на перешейкѣ между Волгою и Дономъ, уничтоженіе пороговъ на Днѣпрѣ, и пути: отъ Москвы въ Кіевъ, а изъ Кіева въ Варшаву и въ Одессу. Объ этихъ сообщеніяхъ начало говорить все—vox populi vox Dei!

По возвращеніи князя изъ Петербурга, поѣду въ Малороссію вдыхать родной воздухъ; Юлія Ивановна съ дѣтками остается въ Варшавѣ,

ибо Коля еще полъ-года будетъ у кормилицы. Доня—дитя прелестное, только совершенная ртуть.

Maman и Лиза обнимаютъ тебя, равно и нѣжно любящій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

116.

Варшава 14/26 *іюня 1844 г.*

Изъ Дерпта, по возвращеніи твоемъ изъ С.-Петербурга, другъ мой Вольдемаръ, я не получалъ отъ тебя извѣстія; но Ѳ. В. Булгаринъ писалъ мнѣ о тебѣ весьма много лестнаго, принятаго мною къ сердцу и наполнившаго мысль самымъ пріятнымъ для отца—грядущимъ.

Еще три года въ Дерптѣ; противу этого ни слова; скрѣплюсь душею съ твердымъ упованіемъ видѣть тебя по прошествіи трехъ этихъ долгихъ лѣтъ такимъ, какъ воображаю. О! еслибы силы душевныя были всегда въ ровной степени съ физическими; но духъ бодръ, а плоть немощна—по глаголу Священнаго Писанія.

Когда я думаю о тебѣ и о Лизѣ, то мысли мои текутъ плавно. Глядя же на малютокъ, сердце движется съ такимъ безпокойствомъ, какъ магнитная стрѣлка у сѣвернаго полюса. Впрочемъ всѣ мы въ рукѣ Божіей, и въ благомъ Промыслѣ нѣтъ сиротъ. Такъ думалъ я и въ то время, когда остался вдовцемъ съ двумя почти грудными дѣтьми, безъ средствъ къ удовлетворенію самыхъ необходимѣйшихъ потребностей жизни, безъ помощи и безъ надеждъ, утѣшающихъ одинокаго; но Сердцевѣдецъ внялъ молитвамъ скромныхъ желаній моихъ; честные труды и самоотверженіе извели меня изъ нуждъ крайнихъ, дали насущный кусокъ хлѣба,—благодарю Господа!

Посылаю тебѣ 150 рублей серебромъ на іюль и августъ; а 25 рублей серебромъ же на книги. Выпиши себѣ изъ Москвы что-то написанное кандидатомъ юриспруденціи Кавелинымъ о русскомъ законодательствѣ, съ диспутами другихъ университетскихъ учениковъ по этому предмету [1]).

---

[1]) Дѣло идетъ о диссертаціи подъ заглавіемъ: „Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ“, защищенной К. Д. Кавелинымъ въ Московскомъ университетѣ 24 февраля 1844 года.

Въ маломъ кругу нашемъ нѣтъ никакихъ перемѣнъ, исключая того, что Катерина Михайловна уѣхала въ Кіевъ получить наслѣдство послѣ мужа, отшедшаго въ вѣчность [1]). Она обѣщаетъ возвратиться къ намъ тотчасъ по окончаніи тамъ дѣлъ своихъ.

Вино для Булгарина давно уже куплено мною; но нѣтъ оказіи отправить его даже въ Ригу,—такъ трудны у насъ сношенія.

Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

117.

Варшава $\frac{22\ іюня}{4\ іюля}$ *1844 года.*

Чрезъ нѣсколько дней, другъ мой Володя, я положилъ выѣхать въ Малороссію; пиши ко мнѣ въ Лубны, гдѣ располагаю пробыть до 15 августа.

Все еще нѣтъ оказіи отправить вино, купленное мною для Ѳ. В. Булгарина; но тутъ нѣтъ ничего худого: ибо вино венгерское чѣмъ старѣе, тѣмъ лучше; а стоять ему въ Варшавѣ ли, или въ Карловѣ,—все равно: ибо пить его, по сладости, можно только года чрезъ три, или четыре, хотя оно и съ 1836 года.

Въ первомъ письмѣ моемъ къ тебѣ насчетъ поступленія твоего въ Дерптскій университетъ я замѣтилъ, что для нашей гражданской службы необходимо правильное и ясное изложеніе мыслей своихъ на русскомъ языкѣ, чему въ иностранныхъ университетахъ не выучишься. Мнѣніе мое объ этомъ, откровенно скажу тебѣ, было не въ пользу Дерпта. Но читая твои письма, съ удовольствіемъ отдаю справедливость твоему прилежанію, утверждаясь въ томъ, что ты будешь умѣть владѣть и языкомъ и грамотностію.

Прежде истеченія четырехъ лѣтъ я не скажу тебѣ ни слова о необходимости служить, а не учиться; но прошу тебя имѣть въ виду этотъ терминъ: ибо, двигаясь къ старости, я желалъ бы увидѣть тебя

[1]) Екатерина Михайловна Искра, урожденная Дараганъ. Мужемъ ея былъ Василій Яковлевичъ Искра. Дѣтей у этой четы не было. По сдѣлкѣ съ наслѣдниками мужа Искрина получила въ собственность маленькое имѣньице при д. Городищѣ Переяславскаго уѣзда Полт. губ. За надѣломъ крестьянъ въ немъ осталось земли 76 дес.

на пути уже къ значенію въ свѣтѣ. Правда, что самый путь отъ насъ не зависитъ; но нѣтъ ничего безъ начала; время не ждетъ насъ, и всякое предпріятіе должно осуществляться въ прогрессіи его, иначе оно было бы воздушнымъ замкомъ.

Я полагаю, что ты получилъ уже посланныя мною тебѣ деньги и, ожидая увѣдомленія объ этомъ, благословляю тебя отъ сердца.

Нѣжно любящій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

Если Ѳ. В. въ Дерптѣ еще, поклонись ему отъ меня.

Послѣ того, что сказалъ въ отвѣтъ тебѣ Ниценко, и говорить съ нимъ нечего. Пьянственный Щербакъ ввелъ меня въ убытки тысячи на четыре; но графъ Завадовскій писалъ ко мнѣ изъ Парижа, что онъ съ своей стороны уступаетъ мнѣ одну изъ продаваемыхъ имъ деревеньку: для этого ѣду въ Малороссію, и дабы посмотрѣть аккуратнѣе на мои заведенія, стоящія много, а приносящія мало.

Maman тебя цѣлуетъ, равно Лиза, Никол. Иван. и малютки наши, становящіяся день ото дня занимательнѣе.

118.

Варшава $\frac{29\ августа}{10\ сентября}$ *1844.*

Сейчасъ только возвратился изъ Малороссіи, и узнавши, что денегъ на сентябрь и октябрь не отправлено къ тебѣ, спѣшу, милый другъ мой Володя, послать ихъ съ первою отходящею почтою.

Писать много—некогда; но не могу не сказать тебѣ нѣсколько словъ о куплепной мною, наконецъ, Щербаковкѣ [1]). Она 5 верстъ отъ Пирятина; по положенію своему имѣньице весьма выгодное; только то бѣда, что у меня было весьма мало денегъ, и что около 80 т. руб. асс. я остаюсь долженъ. 50 т. казеннаго долгу не страшны, они выплатятся временемъ; но 30 т. сушатъ голову. Впрочемъ и все наше имущество пріобрѣтаемо было мною въ долгъ, который, съ помощью Вседателя, трудами, хотя тяжкими, но честными—выплачивался.

Два письма твои, другъ мой, я получилъ въ Кіевѣ отъ Катерины Михайловны на обратномъ уже пути въ Варшаву, куда взялъ съ собою

---

[1]) Нынѣ это имѣніе принадлежитъ внучкѣ автора письма Маріи Владиміровнѣ Савицкой.

Кат. Мих., ибо наслѣдство ея все еще въ надеждѣ, хотя впрочемъ и весьма вѣрной. Насчетъ твоего плана чрезъ 3 года перенестись въ Москву—я совершенно согласенъ: ибо и въ первомъ моемъ письмѣ къ тебѣ, когда ты собирался учиться для гражданской службы, я замѣтилъ необходимость языка русскаго; но мнѣ кажется, что лучше, и гораздо лучше, получивши ученую степень въ Дерптѣ, явиться съ оною въ Московскій университетъ, нежели держать тамъ экзаменъ на оную. Кто разъ показалъ себя знающимъ, тотъ легко повторитъ это и двадцать разъ; слѣдовательно, одинъ экзаменъ, или и нѣсколько послѣдующихъ, не должны ставить основательно учившагося въ какое либо затрудненіе. Репетиція и для самаго военнаго парада — необходима. Вспомни Семеновскій полкъ, и держи испытаніе сперва въ Дерптѣ, а потомъ въ Москвѣ, гдѣ предполагаешь кончить курсъ для ученаго посѣщенія заграничныхъ университетовъ, а еще болѣе для службы.

Поцѣлуй за меня Мишу Краснокутскаго въ воспоминаніе матери его, которая была лучшимъ другомъ моимъ въ жизни; скажи, что я видѣлъ сестру его [1]) въ Кіевѣ, и что г-жа Нилова ею довольна.

Дм. Ив. Дараганъ былъ у меня въ Чевельчѣ и въ Богодуховкѣ; если увидишься съ нимъ, то онъ разскажетъ тебѣ, до чего можно дойти трудами. Старички, бабушка и дѣдушка [2]), тебѣ кланяются, равно Maman съ семействомъ нашимъ.

Какъ бы я хотѣлъ, чтобы ты скорѣе кончилъ университетское поприще, и пріѣхалъ изъ Москвы въ Малороссію, куда стремлюсь я для мирнаго обиталища.

Нѣжно любящій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

119.

15 сентября 1844 г. Послѣднее письмо Ваше, безцѣнный другъ Рара было отъ 22 іюня; съ тѣхъ поръ я не имѣлъ отъ Васъ прямыхъ извѣстій [3]), но черезъ Николая Дарагана и Дмитрія зналъ, когда Вы были въ Чевельчѣ, когда въ Кіевѣ, зналъ также, что во время свиданія ихъ съ Вами Вы были здоровы и веселы. Это самое главное. Не измучила ли Васъ дорога? Когда мы сойдемся съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ и

[1]) Софья Николаевна Краснокутская была потомъ замужемъ за Георгіемъ Матвѣевичемъ Крупенскимъ.

[2]) Михаилъ Петровичъ и Ева Яковлевна Дараганы.

[3]) Письмо, помѣщенное выше подъ № 118, не было еще получено Влад. Андр.

говоримъ о Васъ, то всегда удивляемся дѣятельности и подвижности Вашей. Да увѣнчаются труды Ваши желаннымъ успѣхомъ; это безпрестанное желаніе нѣжно любящаго Васъ сына. Два письма, которыя я адресовалъ въ Варшаву, Лиза отправила къ Вамъ черезъ Беклемишева, третье письмо адресовалъ я на Лубны. Получили ли Вы ихъ, не безпокоились ли на мой счетъ? Въ мои лѣта и при моемъ сложеніи нельзя не быть здоровымъ, если предположить, что природа не дѣлаетъ несообразностей, а человѣкъ не вдается въ крайности; обвинять природу было бы несправедливо, а я живу такою однообразною нѣмецкою жизнью, что, будучи больнымъ, могъ бы выздоровѣть. Послѣ немного разсѣяннаго іюля и августа, по случаю свадьбы старшей дочери Фробена, водворилась въ домѣ у насъ тишина непрерывнѣе обыкновенной. Чудное время для занятій! Я боюсь даже избаловаться; современемъ тишина можетъ сдѣлаться необходимостію, единственнымъ условіемъ при занятіяхъ, а это для службы не очень хорошо. Сужу по канцеляріи. Хотя между пандектами и служебными бумагами есть маленькая разница. Пандекты въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ теперь преподаютъ, удивительно интересны. Сводъ Юстиніана служитъ имъ только основаніемъ, но туда входятъ сверхъ того всѣ измѣненія и добавленія, какими обогатилось правовѣдѣніе опытомъ столѣтій и трудами ученыхъ, особенно германскихъ. Всѣ вопросы гражданскаго быта человѣка обсуживаются въ пандектахъ систематически; отъ этого изученія пандектовъ представляютъ большія трудности. Когда я доканчивалъ послѣднія строки, пришелъ почтальонъ и объявилъ, что на мое имя пришло письмо съ деньгами. Я увѣренъ былъ, что это отъ Васъ, добрый Рара, потому что до сихъ поръ мнѣ не удавалось ни отъ кого другого получать деньги, и побѣжалъ на почту, жаждая узнать поскорѣе, что Вы пишете. Радуюсь благополучному пріѣзду Вашему въ Варшаву. Покупкою имѣнія осуществляются давнишніе планы Ваши насчетъ распространенія владѣній Вашихъ въ Малороссіи. Можетъ быть обстоятельства помогутъ Вамъ расплатиться съ частнымъ долгомъ, а новымъ имѣніемъ *близъ города* устраняются въ нѣкоторой степени неудобства жизни деревенской, не говоря уже о другихъ выгодахъ, о которыхъ я судить не могу. Имѣть недвижимую собственность, имѣть полный домъ съ хорошею библіотекою и картинною галлереею, садъ, по собственному вкусу разбитый,—въ этомъ, кромѣ выгодъ матеріальныхъ, есть поэзія. Это есть рядъ мыслей, отпечатавшихся въ вещественной формѣ, въ нихъ выражается духовная сторона человѣка, переходящая въ потомство не на словахъ и въ разсказахъ, а въ болѣе или менѣе неисчезающихъ памятникахъ. Недавно мнѣ случилось говорить о выгодахъ капиталовъ и имѣній. По моему мнѣнію, нельзя не отдать преимущества послѣднимъ. Радуюсь очень, что мой московскій

проэктъ заслужилъ Ваше одобреніе, но при тѣхъ условіяхъ, при какихъ Вы его допускаете, онъ теряетъ для меня половину своей важности; желая въ Москву, я имѣлъ въ виду: 1) избѣжать здѣшняго экзамена, потому что тутъ въ юридическій курсъ входитъ много особеннаго, мнѣ ненужнаго, именно: каноническое право или церковное, нѣмецкое право и право остъ-зейскихъ провинцій—это для русскаго юриста излишне; 2) избѣжать слушанія русскаго права на нѣмецкомъ или исковерканномъ русскомъ языкѣ. Здѣсь одинъ профессоръ русскаго права и тотъ самъ не такъ давно кончилъ курсъ въ здѣшнемъ университетѣ, тогда какъ въ русскихъ университетахъ на каждую отдѣльную (уголовную, гражданскую, судопроизводную и т. п.) часть права есть особенный профессоръ. Экзаменъ держать, когда что нибудь знаешь основательно, не трудно, и совершенно все равно, гдѣ его ни держать; главное дѣло выучиться чему нибудь, а для этого выбирать лучшія средства. Предоставляю это совершенно на Ваше разсмотрѣніе и, желая пунктуально исполнить Вашу волю, я готовъ, любезный Рара, держать экзаменъ здѣсь, но рѣшительно не могу сказать когда. Мнѣ нельзя, какъ студенту, явиться на экзаменъ на авось. Студентъ находитъ въ глазахъ своихъ и въ глазахъ другихъ извиненіе, если *не пройдетъ*, въ крайней необходимости держать экзаменъ; съ моей стороны это произволъ и мнѣ иначе нельзя идти на экзаменъ, какъ въ полной самоувѣренности выдержать его хорошо. Впрочемъ, все это ничего, но успокойте меня, любезный другъ Рара, по крайней мѣрѣ на тотъ счетъ, что требованія экзамена съ Вашей стороны не происходятъ отъ недовѣрчивости ко мнѣ. Скажу откровенно, но со слезами на глазахъ, мнѣ кажется, что Вы объясняете до сихъ поръ мою отставку желаніемъ бѣжать отъ трудовъ и дѣла, можетъ быть, видите въ моемъ проэктѣ ѣхать въ Москву намѣреніе оставить одно мѣсто, чтобы посноваться въ другихъ и ни тамъ ни здѣсь ничего не сдѣлать. Недовѣрчивость тяжела, и если Вы мнѣ не довѣряете, то это мнѣ вдвойнѣ грустно: грустно въ отношеніи къ себѣ, еще грустнѣе въ отношеніи къ Вамъ. Что ожидать хорошаго въ жизни, когда не довѣряешь родному сыну? Со всею откровенностью я высказалъ, милый Рара, что было у меня на душѣ. Прошу извиненія, если я не такъ изложилъ мысли Ваши; но если въ этомъ есть хотя искорка правды, то напрасно, другъ Рара. Вы не найдете во мнѣ генія, можетъ быть, я не удовлетворю видамъ честолюбія, столь естественнымъ въ каждомъ отцѣ, но Вы можете быть увѣрены, что найдете во мнѣ честнаго, трудолюбиваго человѣка, который никогда и ничѣмъ не запятнаетъ имени Вашего. Еще разъ прошу извиненія, если я не правъ. Цѣлую Ваши ручки. Цѣлую maman и дѣтокъ и остаюсь преданнымъ сыномъ В. Стороженко.

Благодарю очень за сто пятьдесятъ рублей серебромъ, которые получилъ съ сегоднешнею почтою.

120.

Варшава 2/14 *октября 1844 г.*

Облекаясь въ мундиръ военный надобно искать опасностей, чтобы имѣть случаи отличаться и достигать военныхъ почестей и славы; облекаясь въ тогу ученаго надобно искать свѣдѣній, трудиться и не считать ничего излишнимъ, что обогащаетъ разумъ, слѣдовательно, ведетъ къ истинной цѣли званія, избираемаго по убѣжденію, или по призванію.

Въ самоотверженномъ прилежаніи твоемъ, милый другъ Володя, я никогда не сомнѣвался; но желалъ бы, чтобы ты былъ увѣреннѣе въ твоихъ силахъ и способностяхъ, ибо и самая скромность должна имѣть границы, за которыми она дѣлается уже застѣнчивостію, не всегда умѣстною. По мнѣ, держи ты экзаменъ, гдѣ хочешь; дѣло не въ томъ, а въ званіи магистра, безъ котораго гражданская служба встрѣтитъ тебя какъ поступающаго въ оную изъ отставныхъ офицеровъ.

Разбери, что я писалъ тебѣ объ университетахъ, когда ты принялъ намѣреніе учиться и потомъ служить, что представлялъ необходимымъ для дѣловаго человѣка въ своемъ отечествѣ, и что, наконецъ, говорилъ объ иностранныхъ университетахъ и о самомъ Дерптскомъ? Послѣ, въ Петербургѣ, видѣлъ у тебя листъ семестровъ, испещренный множествомъ предметовъ, отъ которыхъ голова не нѣмецкая закружится, ежели начинающій курсъ ученія не приготовился къ разсмотрѣнію, что ему дѣйствительно нужно, а вошедшій въ колею студентскую не сольетъ этой многосложной номенклатуры въ нѣсколько необходимыхъ ему кладезей, изъ коихъ прійдется черпать живую воду. Повторяю и теперь сказанное два года тому назадъ; повторяю и то, что я бы желалъ скорѣе обнять тебя, кончившаго ученіе и поступающаго на поприще трудовъ полезныхъ. Ты самъ лучше знаешь и обсудить можешь, нежели я, какой университетъ и какой экзаменъ ближе къ дѣлу настоящему, прямому. Мнѣ остается только радоваться твоему прилежанію, думать съ удовольствіемъ о будущности твоей, купленной цѣною трудовъ не легкихъ, и ожидать съ терпѣніемъ и надеждою, что я наслажусь еще бесѣдою съ сыномъ, который будетъ всегда человѣкомъ честнымъ, богатымъ свѣдѣніями и скромнымъ не до излишествъ.

Maman и малютки наши обнимаютъ и цѣлуютъ тебя: Лиза ожидаетъ разрѣшенія отъ утомительнаго бремени; я бьюсь, какъ рыба объ

ледъ, но главнѣйшій предметъ тревожной дѣятельности есть долги, коихъ уплата для меня весьма затруднительна; при томъ Опекунскій Совѣтъ С.П.Б., по обыкновенію, дѣлаетъ по купленному мною имѣнію различнаго рода затрудненія; а переписка по этому, идущая чрезъ Пирятинъ,—невыносимо долга. Скорѣе получишь извѣстіе, что дѣлается въ Аѳинахъ, въ Египтѣ и даже на берегахъ Инда, нежели, что написали довѣренные мои изъ Пирятина въ С. П. Бургъ. Самому же мнѣ быть тамъ—нѣтъ никакой возможности. Надобно еще до весны прослужить, дабы убѣдившись, что всѣ усилія не ведутъ ни къ чему, бѣжать и отъ надеждъ, и отъ самыхъ желаній въ укромную хату. Къ веснѣ и Коля начнетъ ходить; его бѣдняжку теперь отлучаютъ отъ кормилицы; но онъ это перенесетъ легко, ибо мальчикъ здоровенькій и воспитывается, какъ мужичекъ.

Поклонись Ѳаддею Венедиктовичу и скажи, что вино его „trawi się“, и будетъ превосходное; только какъ доставить его до Риги? Впрочемъ я не пропущу въ этомъ никакого случая.

Теперь, если ты пріѣдешь къ намъ въ Малороссію, то не надобно будетъ нанимать лошадей изъ Пирятина до Чевельчи, ибо въ Щербаковкѣ найдешь и отдыхъ и кони. Боже! когда я буду такъ счастливъ, что все семейство мое будетъ раздѣлять со мною, хотя временно, малороссійское деревенское изобиліе? Ты бы не узналъ теперь Чевельчи. У меня тамъ былъ Гребенка, ловилъ со мною рыбу, мы отдыхали на травникахъ, смотрѣли на рдѣющіяся яблоки, морели и другіе фрукты, читали и наслаждались кейфомъ въ картинной галлереи, уставленной мягкими эластическими мебелями. Все это въ маломъ видѣ правда; но много ли козаку нужно?

Цѣлую тебя и благословляю изъ глубины моего сердца.

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

121.

Варшава 15/27 *октября 1844 г.*

Написавши тебѣ, милый другъ мой Володя, нѣсколько дней тому назадъ, довольно длинную рацею, ограничиваюсь теперь только посылкою денегъ на ноябрь и декабрь мѣсяцы, желая здоровья и успѣха въ твоихъ предначертаніяхъ; и да будутъ они положительными. Умственный взглядъ на предметы, мысли о вещахъ, людяхъ и даже наукахъ (исключая математики) могутъ измѣняться; но цѣль предначертан-

наго достиженія, конечныя точки дуги, стягиваемой хордою, изъ коихъ первая должна представлять путь жизни дѣйствительной, а вторая, какъ кратчайшая,—жизни умственной, или вообще планъ существованія нашего,—не должны подлежать ни малѣйшему измѣненію. Можно блуждать по сегменту означенныхъ дуги и хорды, можно идти тѣмъ или инымъ путемъ, но отнюдь не отклоняться отъ единыжды избранной цѣли; въ противномъ случаѣ всѣ наши труды, всѣ усилія будутъ суетными. Твердая воля есть лучшій путеводитель въ темнотѣ для насъ непроницаемой. Укрѣпись духомъ, утвердись въ возможности быть тѣмъ, чѣмъ предполагаешь, имѣть то, что призналъ необходимымъ, и увидишь успѣхъ, если не во всѣхъ частностяхъ, то въ общей цѣли.

Лиза наша, благодареніе Милосерднѣйшему Создателю, на дняхъ родила дочь Марью [1]). Первые два дня послѣ родовъ мать была въ нѣкоторой опасности; но теперь, какъ мнѣ говорятъ, она слава Богу пришла въ обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ положеніе, а дѣвочка совершенно здорова. Я не видалъ еще ни дочери, ни внучки; доктора усадили меня дома, пока глаза не поправятся, коими страдалъ дней десять жестоко. Вѣчныя казенныя бумаги и охота, привычка къ собственнымъ занятіямъ видимо притупляютъ зрѣніе и иногда причиняютъ глазную болѣзнь, но не читать не могу. Завтра ѣду къ Лизѣ и поблагословлю ея малютку.

Года съ два я пишу, другъ мой, къ тебѣ, диктуя; писемъ начерно никакихъ у себя не оставляю, а желалъ бы когда нибудь прочесть хотя къ тебѣ писанныя; сбереги ихъ, пожалуйста, чтобы послѣ разсмотрѣть вмѣстѣ мысли, излившіяся въ разныя времена, и подъ разными вліяніями, относительно къ тебѣ. Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

Поцѣлуй за меня Мишу Краснокутскаго.

122.

14 ноября 1844 г.

Благодарю Васъ, безцѣнный другъ Рара, за деньги и письмо. Могли ли Вы сомнѣваться въ томъ, что письма Ваши сбережены мною до единаго? Отъ первой записочки, которую Вы написали мнѣ въ 30-мъ

---

[1]) Марья Николаевна Ушакова была замужемъ за княземъ Агафономъ Гарсевановичемъ Вахваховымъ, умерла 23 апрѣля 1897 г. отъ паралича сердца.

году, въ которой Вы говорите, чтобы я испросилъ позволенія у Натальи Андреевны пріѣхать къ Вамъ, когда и Maman еще не была въ Петербургѣ,—отъ этой записочки ни одна строчка Вашей руки не была потеряна. Каждый разъ, когда случайное обстоятельство разбудитъ во мнѣ воспоминаніе о моемъ дѣтствѣ, мнѣ становится грустно. Это грусть разлуки съ лучшими мечтаніями. Какъ пробужденіе разсѣеваетъ неясные образы сновидѣнія, такъ дѣйствительность повергла въ прахъ моихъ идоловъ. Часто задумываюсь я о жизни, часто дѣлаю себѣ вопросы о собственной участи; но многое остается безъ отвѣта. Продолжая прекрасное сравненіе Ваше умственной и дѣйствительной дорогъ жизни съ хордою и пересѣкающей ее дугою—невольно задумываешься надъ точками пересѣченія. Если бы даже силою ума удалось водрузить двѣ грани на хордѣ, то въ состояніи ли онѣ опредѣлить вогнутость дуги, а слѣдов. протяженіе ея и поверхность сегмента? Какая это цѣль, стремленіе къ которой не будетъ суетно? Прежде всего, мнѣ кажется, является человѣкъ съ его духовными потребностями. Удовлетворить этимъ потребностямъ—это условіе его счастья, иначе онъ достоинъ сожалѣнія, бѣдняга на землѣ,—ибо ни генеральскій чинъ, ни магистерское званіе его не утѣшатъ. Если человѣкъ не въ разладѣ съ самимъ собою, если его Я вылилось въ какую нибудь,—но опредѣленную, ясную форму, то положеніе его къ внѣшнему міру само собою опредѣлится. Преподавая ли дѣтямъ, или предписывая ходъ дѣламъ цѣлаго департамента, разрѣшая споръ между Ванькою и Петрушкою или между Тышкевичемъ и Радзивилами—вездѣ есть смыслъ, вездѣ можетъ быть трудъ, и чуть ли часто перваго рода дѣла не важнѣе вторыхъ. Испрашивая у Васъ въ послѣднемъ письмѣ позволенія пріѣхать къ Вамъ въ Варшаву, я имѣлъ и то въ виду, чтобы поговорить съ Вами насчетъ моей будущности Сдѣлавши уже нѣсколько шаговъ на поприщѣ науки, я вижу, что мнѣ многаго недостаетъ, а именно хорошихъ школьныхъ познаній, безъ которыхъ университетскій курсъ—домъ безъ фундамента. Въ рамкахъ наукъ юридическихъ безпрестанно натыкаешься на такіе предметы, знаніе которыхъ необходимо и которыхъ мнѣ недостаетъ. Почти совершенное знаніе латинскаго языка, весьма порядочное знаніе исторіи, предметы философическіе—безъ этого невозможно изучать съ толкомъ юриспруденцію. Доказательствомъ этому служатъ знаменитые юристы Германіи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасные филологи и историки. Пріобрѣтеніе недостающаго возможно и не пугаетъ меня, потому что я привыкъ теперь къ занятіямъ и полюбилъ ихъ; но время, время, это жестоко—оно летитъ и я предвижу конецъ Вашему терпѣнію. Нетерпѣливое ожиданіе Ваше часто заставляетъ меня задумываться, любезный другъ Рара, но сравниваю себя съ больнымъ, который истощенъ дурнымъ лѣченіемъ—

время и спокойствіе въ состояніи воскресить увядающія силы. Обо всемъ этомъ, in concreto, хотѣлось бы мнѣ поговорить съ Вами, чтобы узнать Ваше послѣднее слово и согласно съ этимъ и по силамъ моимъ поступать. Здоровье мое хорошо. Ожиданіе Вашего отвѣта на письмо мое рождаетъ безпокойство; впрочемъ я живу попрежнему, занимаюсь усердно. Миша Краснокутскій собирается на праздники въ Богодуховку, чтобы повидаться съ Елисаветою Михайловною [1]), которая хочетъ взять къ себѣ маленькую Соню. Сёму [2]) Миша привезетъ съ собою. Передъ отъѣздомъ Миша хочетъ сложить часть экзамена и потому крѣпко занятъ. Обнимаю Васъ нѣжно, цѣлую Maman и дѣтокъ. Поздравляю со внучкою. Преданный сынъ В. Стороженко.

123.

Варшава 28 ноября 1844.

Я такъ много писалъ уже тебѣ по всѣмъ предметамъ, отвѣчая на одни и тѣ же вопросы, что, право, не нахожу словъ, что бы могъ еще написать въ толикократное повтореніе высказаннаго; но дабы не оставить безъ удовлетворенія желаніе твое: „узнать (какъ ты выражаешься) послѣднее мое слово“, и дабы, согласно съ тѣмъ, ты могъ поступать по силамъ твоимъ, говорю съ откровенностію отца и друга.

Въ Варшаву пріѣхать тебѣ безъ всякаго значенія, сообразнаго съ лѣтами и происхожденіемъ, безъ начала въ исполненіи твоихъ предположеній и моихъ надеждъ — ни съ чѣмъ не сообразно; разсудивши объ этомъ хорошенько, самъ согласишься.

Я былъ бѣднѣе нищаго; но службою и трудами тяжкими достигъ до того, что имѣю на старость уголъ и кусокъ насущнаго хлѣба.

Много лѣтъ отказывалъ себѣ въ вопіющихъ потребностяхъ, чтобы дѣти не думали, что они безпомощныя сироты.

Выразумѣй два эти пункта и увидишь за густыми туманами мечтательности прямую битую дорогу, которою идутъ происходящіе у насъ изъ дворянъ; достигаютъ, по мѣрѣ способностей каждаго, до возможности къ существованію; а нерѣдко до извѣстности, и значенія.

---

[1]) Княгиней Кантакузенъ, [2]) Семенъ Николаевичъ Краснокутскій умеръ юношею.

Вовсе не нужно искать примѣровъ тому въ исторіи, а просто оглядѣться вокругъ себя и пересчитать самыхъ ближайшихъ тебѣ, напримѣръ, Дарагановъ, чтобы убѣдиться въ истинѣ сказаннаго мною. Около дюжины ихъ служитъ; никто изъ нихъ не высшаго отъ тебя образованія; между тѣмъ каждый, покоряясь необходимости, идетъ вышеозначенною прямою дорогою. Отчего же она тебѣ кажется такою трудною? Какимъ же образомъ сыновья бѣдныхъ докторовъ, пасторовъ, мѣщанъ — въ одномъ университетѣ съ тобою оканчиваютъ курсы наукъ, а ты преждевременно страшишься неуспѣха.

Не думай о моемъ нетерпѣніи. Учись, чтобы служить; но если паче всякаго чаянія, убоясь бездны премудрости, возвратишься вспять, то все таки долженъ служить, сколько Господь продлитъ дни мои. Безъ службы, безъ личнаго значенія, наше Я есть буква изъ тарабарской азбуки.

Ты былъ моею службою поставленъ на пути, коими идутъ дѣти самаго высшаго сословія; оставилъ его съ цѣлію образовать себя для гражданской службы; просилъ моего позволенія и 2000 руб. въ годъ, дабы учиться въ иностранныхъ университетахъ; я даю тебѣ въ годъ болѣе 3000 (третью часть моего жалованья); Дерптъ не совсѣмъ еще чужеземщина; но ты, почувствовавъ теперь истину словъ моихъ, что для гражданской службы въ своемъ отечествѣ надобно и учиться на своемъ языкѣ, хочешь перейти въ Московскій университетъ; согласенъ— учись себѣ, гдѣ хочешь, служи потомъ, гдѣ признаешь за лучшее для себя: всѣмъ я буду доволенъ, всегда прійму съ отеческою нѣжностію; но не отставнымъ офицеромъ, недорослемъ изъ дворянъ. Чтобы этого не случилось, готовъ терпѣть и два раза по 4 года.

Спроси у кого, кто не получаетъ въ университетѣ регулярно 150 руб. сер. каждые два мѣсяца, мечтаетъ ли онъ о чемъ либо другомъ, кромѣ скорѣйшаго окончанія курса и честнаго впослѣдствіи куска хлѣба? Нужды опредѣляютъ направленіе, утверждаютъ въ необходимости держаться разъ принятаго; но ежели судьба избавила отъ нихъ, тѣмъ свободнѣе можно предаться наукамъ, тѣмъ вѣрнѣе можно предполагать родъ службы; надобно только не допускать никакого колебанія въ самой мысли о томъ, что должно быть положительнымъ: бо собьешься съ толку, какъ занятыммъ у кого то этимъ *бо* и ему подобными возгласами сбиваешься съ чистаго русскаго изложенія мыслей.

Учись и служи, повторяю, и на этомъ пути будетъ сопровождать тебя мое сердечное благословеніе, мои молитвы о тебѣ.

Ежели вздумается помечтать о планахъ, несогласныхъ съ опредѣляемыми здѣсь мною, пиши къ сестрѣ и къ Николаю Ивановичу, кото-

рый, испытавши нужды и уразумѣвши необходимость труда, возвратитъ тебя изъ поднебесья къ опытной существенности.

Для разумнаго—довольно.

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

124.

Варшава 5/17 декабря 1844 г.

Послѣ обширнаго посланія къ тебѣ, другъ мой Вольдемаръ, или отвѣта на вопросъ, который ты, подумавши, и самъ бы легко рѣшить могъ, ограничиваюсь теперь отправленіемъ тебѣ на генварь и февраль денегъ.

Дай Богъ, чтобы наступающій 1845-й годъ былъ положительнѣе для тебя, нежели настоящій. Да будетъ надъ тобою мое благословеніе. Да сопутствуютъ тебѣ мои молитвы и желанія здоровья, твердости воли и успѣховъ въ познаніяхъ, съ коими служба откроетъ виды, какихъ ты и не предполагаешь.

Служба, одна служба, говорю, должна быть твоею цѣлію, твоимъ будущимъ.

Пиши ко мнѣ о ходѣ твоего ученія, объ успѣхахъ въ оном; дѣлись со мною мыслями о способахъ къ достиженію предпринятаго, и обо всемъ, что тебя касается; но не отдаляйся ни въ какую сторону съ пути, на который мы поставлены предназначеніемъ, необходимостію.

Желаю сердечно обнять тебя съ удовлетворенною надеждою, которая весьма ограничена. А девизомъ ея есть служба и доступное приготовленіе къ оной.

Отецъ твой и другъ

Анд. Стороженко.

125.

15 декабря 1844 г. Мнѣ больно, любезный Рара, что необдуманность моя надѣлала Вамъ безпокойствъ и неудовольствій. Прошу извиненія. Принимаю съ благодарностью Ваши практическіе совѣты и буду стараться слѣдовать имъ, сколько это будетъ въ моей волѣ.

Послѣдовавшее вчера закрытіе университета предоставило моему распоряженію почти мѣсяцъ времени, который я намѣренъ посвятить

дальнѣйшему изученію латинскаго языка и ознакомленію со Сводомъ Законовъ, по крайней мѣрѣ съ главными частями его. Принуждаю себя читать Светонія. Страшная пустота и скука! и если бы меня не занималъ Corpus juris, такъ право я не сталъ бы терять времени въ изученіи латинскаго языка. Наши законы меня занимаютъ, они и ближе къ цѣли. Изъ плановъ, предлагаемыхъ Вами въ послѣднемъ письмѣ, избираю лучшій: собственными и честными трудами наживать себѣ кусокъ хлѣба. Онъ одинъ въ состояніи доставить успокоеніе и независимость духа; къ этому направлены всѣ мои стремленія. Будьте здоровы, благополучны и благословите нѣжно любящаго Васъ сына В. Стороженко.

126.

26-е декабря 1844 г. Благодарю Васъ, милый другъ Рара, за письмо и деньги, которыя въ этотъ разъ получилъ я ранѣе обыкновеннаго. Это дѣйствительно правда, что немногіе изъ здѣшнихъ молодыхъ людей получаютъ такъ много и такъ аккуратно отъ родительскаго пособія. Приношу Вамъ мою сердечную благодарность и прошу Васъ быть увѣреннымъ, что изъ денегъ, присланныхъ Вами, я не дѣлаю дурного употребленія. Вы меня избаловали въ этомъ отношеніи и я увѣренъ, что для моей индивидуальности было бы лучше, если бы обстоятельства заставили меня пройти школу нужды. Съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда я собственными трудами буду выслуживать мою долю. Теперь я налегъ преимущественно на русское право. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ для изученія его никакихъ учебныхъ пособій. Заниматься по Своду немного затруднительно, потому что путаешься въ подробностяхъ, повтореніяхъ и часто неясностяхъ. Но для практической цѣли можетъ быть это и лучше. Проходя государственныя учрежденія наши, я не упускалъ изъ виду выбрать для себя родъ службы. Въ началѣ мнѣ всего болѣе хотѣлось бы получить мѣсто въ Сенатѣ. Министерскій механизмъ пугаетъ меня. Только въ Сенатѣ можно, мнѣ кажется, достигнуть знанія законовъ, изучая ихъ въ примѣненіи къ дѣйствительнымъ случаямъ. Желаю Вамъ въ теченіе новаго года быть здоровымъ и благополучнымъ. Обнимаю maman, дѣтокъ и остаюсь преданнымъ и нѣжно любящимъ Васъ сыномъ В. Стороженко.

127.

Варшава 16/28 *генваря 1845 г.*

Любезный другъ мой Володя! Если Сводъ законовъ, которымъ ты, какъ пишешь мнѣ отъ 26 декабря, особенно занимаешься, есть главнѣйшій предметъ къ достиженію ученой степени и служенію потомъ въ Сенатѣ, или гдѣ ты признаешь для себя за лучшее, то мнѣ остается только желать отъ души успѣха, и утѣшать себя мыслію, что мы скорѣе можемъ бесѣдовать съ тобою подъ кровомъ скромной хаты на родной землѣ влекущей меня къ себѣ милой Малороссіи. Но, повторяю опять, что и въ Сенатѣ и по Министерствамъ и даже по Губернскимъ палатамъ безъ ученой степени въ настоящій вѣкъ служить какъ-то не гладко.

Въ бытность мою лѣтомъ въ Пирятинѣ, мнѣ случилось обѣдать у Селецкаго, и изъ 20-ти сидѣвшихъ за столомъ девять было кончившихъ курсы въ Московскомъ, С.-Петербургскомъ, или Харьковскомъ университетахъ. Обучавшіеся въ Москвѣ имѣли, помоему, болѣе видимыхъ свѣдѣній; да и вообще Московскій университетъ считается нашею Сорбонною, нашимъ Оксфордомъ; поэтому не излишнимъ было бы, кажется, держась мысли твоей, посѣтить оный въ слѣдующемъ году, пробыть тамъ годикъ, и пуститься, съ большею уже увѣренностію въ самомъ себѣ, въ море гражданской дѣятельности.

Съ чувствомъ истиннаго удовольствія я дѣлюсь, и не престану дѣлиться съ вами тѣмъ, чѣмъ только могу; правда, ты не роскошествуешь, но съ разсчетливостію и нуждаться бы не долженъ. Не надобно искать опытности въ нуждѣ; посредственность также не балуетъ насъ; не подвергаясь крайностямъ, легче слѣдовать своему призванію и оправдывать на дѣлѣ предпринятое по убѣжденію.

Мы, слава Богу, здоровы; любимъ тебя, вспоминаемъ часто и желаемъ, чтобы ты, окончивъ курсы ученія своего, съ самодовольствіемъ отдохнулъ въ семействѣ благословляющаго тебя отца и друга

Анд. Стороженко.

Не безпокойся о томъ, что я утверждаю тебя въ необходимости служить. Это совсѣмъ не то, чтобы мнѣ было тяжело помогать тебѣ; напротивъ, хотя бы ты, окончивъ науки, и служилъ уже, то я всегда бы дѣлился, какъ это было и во время службы твоей въ Семеновскомъ полку, чѣмъ только возможно, не стѣсняя себя; но, прочитавши первое письмо мое, писанное въ отвѣтъ твоего намѣренія оставить военное

поприще по призванію къ наукамъ и къ гражданской, потомъ, службѣ, самъ согласишься, что я говорю какъ отецъ, желающій, чтобы дѣти его были самыми лучшими людьми.

128.

6 февраля 1845 г. Любезный другъ Рара! Когда я оставилъ военную службу и отправился въ Дерптъ учиться, Вы обязали меня сдѣлать экзаменъ на магистерскую степень. Я искренне обѣщалъ Вамъ это, и вотъ причины, которыя заставили меня просить Васъ уволить меня отъ выполненія обѣщанія. По законному порядку я долженъ до полученія магистра выдержать три экзамена на студента во всѣхъ предметахъ, преподаваемыхъ въ гимназіи, на кандидата, и, наконецъ, на магистра. Это потребуетъ нѣсколькихъ лѣтъ скучнаго занятія, потому что, сколько пріятно свободное изученіе нѣсколькихъ любимыхъ предметовъ, столько же тягостно приготовленіе къ экзамену. Въ теченіе двухъ лѣтъ моего здѣсь пребыванія, выучившись многому, чего прежде не зналъ, собственно къ экзамену подвинулся я весьма мало, въ чемъ на дняхъ еще имѣлъ случай удостовѣриться. Не фоліанты меня пугаютъ, а тонкія профессорскія тетради, не всегда хорошо составленныя и не четко написанныя. Въ теченіе этихъ лѣтъ я долженъ жить на Вашъ счетъ, не пріобрѣтая самъ себѣ ничего. Хотя я совершенно увѣренъ, что Вы охотно помогаете мнѣ, но въ двадцать пять лѣтъ пора мнѣ и о томъ подумать, какъ бы жить своими трудами. Единственное средство къ этому для меня служба. Взвѣшивая при томъ преимущества, доставляемыя степенью, они въ моемъ положеніи представляются мнѣ не столь важными. Даже магистерская степень не даетъ мнѣ чина выше того, который я теперь имѣю, а какъ камеръ-пажъ я, кажется, принадлежу къ чиновникамъ 1-го разряда. Остается волшебная сила диплома, которой я отдаю полную справедливость, но нельзя ли замѣнить ее чѣмъ нибудь другимъ, именно, написавъ что нибудь и напечатавъ. За такую работу я принялся бы съ жаромъ, а долбленіе тетрадей убиваетъ энергію. За симъ позвольте мнѣ представить Вамъ, любезный другъ Рара, предположенія мои на будущее время. Этотъ семестръ и будущій мнѣ бы хотѣлось пробыть въ Дерптѣ, чтобы прослушать предполагаемый мною юридическій курсъ, а потомъ или вступить прямо въ службу, или пробыть нѣсколько времени въ Московскомъ университетѣ, чтобы заняться историческою частію нашего права. Не осуждайте меня, безцѣнный другъ, въ шаткости или лѣности. Время, проведенное мною въ Дерптѣ, не есть время потерянное, я прилежалъ и

черезъ годъ готовъ буду предстать на судъ Вашъ и на судъ свѣта, но только бы не на судъ профессорскій. Я почиталъ бы существованіе мое счастливѣйшимъ, если бы не тревожила меня часто мысль о томъ, какъ бы согласить желаніе мое дѣлать Вамъ угодное съ моими убѣжденіями. Будьте однако же увѣрены, что никогда не услышите обо мнѣ чего либо недостойнаго Васъ и попеченій Вашихъ обо мнѣ. Испрашиваю Вашего благословенія, цѣлую ручки maman, обнимаю дѣтокъ и остаюсь поолушнымъ и нѣжно любящимъ Васъ сыномъ

В. Стороженко.

129.

Варшава 9/21 *февраля 1845 г.*

Болѣе самонадѣянности, болѣе увѣренности въ способностяхъ своихъ; и при дѣятельномъ прилежаніи твоемъ, любезный другъ Володя, ты, конечно, оправдаешь твое призваніе.

Если бы я не видѣлъ изъ пиеемъ ко мнѣ и чистаго ровнаго слога, и мыслей, съ благородствомъ и откровенностію тобою излагаемыхъ, то и тогда сказалъ бы: не святые горшки лѣпятъ. Но видя въ тебѣ человѣка съ даромъ и душею, совершенно увѣренъ, что ты только страшаешь меня разными затрудненіями въ ходѣ наукъ, между тѣмъ какъ нисколько не отстаешь отъ самыхъ прилежныхъ университетскихъ тружениковъ.

Кончи только курсъ; а потомъ самъ увидишь, что служба съ ученымъ званіемъ вознаградитъ весьма скоро 4-хъ-лѣтній терминъ студенческаго самоотверженія. Первымъ условіемъ во всѣхъ начинаніяхъ есть твердая воля: volenti nihil difficile!

Посылаю тебѣ при семъ 150 руб. сер. на мартъ и апрѣль мѣсяцы. Благословляю тебя отъ сердца; желаю здоровья и постояннаго стремленія къ избранной самимъ тобою цѣли.

Поцѣлуй Мишу Краснокутскаго; скажи ему, что все доброе объ немъ радуетъ не умершую для воспоминаній, достойнѣйшую мать его, которая была единственнымъ другомъ моимъ.

Лиза говоритъ, что она пишетъ къ тебѣ; Maman и маленькіе братъ и сеетра цѣлуютъ тебя; а я обнимаю съ чувствомъ отца и друга.

Анд. Стороженко.

130.

Варшава 21 февраля / 5 марта 1845.

Что я могу сказать тебѣ, любезный другъ мой Володя, противу чувствуемой тобою недоступности къ степенямъ ученымъ? Дѣлай себѣ какъ лучше. Дѣлать что либо сверхъ силъ есть физическая невозможность; тоже самое и въ нравственномъ мірѣ.

Для результатовъ, выведенныхъ въ послѣднемъ письмѣ твоемъ ко мнѣ, не стоило выѣзжать и за Нарвскую заставу; а стоять бы, да стоять тамъ въ караулѣ до штабъ-офицерства, достигаемаго весьма скоро въ гвардіи; и поступить въ статскую службу, когда военная казалась слишкомъ тягостною.

Ежели ты не будешь въ состояніи выдержать хотя студентскій экзаменъ, то возьми по крайней мѣрѣ свидѣтельство, что, живя въ Дерптѣ, ты ходилъ въ тамошній университетъ. Одно только слѣдующее обстоятельство ставитъ меня въ затрудненіе. Что мы будемъ отвѣчать, когда спросятъ насъ, чѣмъ кончилось призваніе твое къ наукамъ, по которому ты оставилъ гвардію? Что представимъ въ доказательство (если не студентскій патентъ), что ты учился? Просто отставной офицеръ долженъ искать мѣста въ службѣ гражданской, а представитель диплома на ученую степень съ неукоризненною гордостію предлагаетъ свои услуги на пользу оной. Два положенія совершенно разныя; послѣднее стоитъ того, чтобы потрудиться, и, безъ глубокаго убѣжденія въ непреодолимой уже недоступности къ нему, не оставлять избранной самимъ собою дороги.

Ты лучше меня и всѣхъ насъ знаешь и способности свои, и силу воли. Дерптъ есть твоимъ Probirstein. Что не по силамъ, за то и браться напрасно; но я не вижу въ тебѣ неспособнаго. Правда, что не все такъ легко, какъ представляется въ минуты кейфа и мечтаній. Правда, что для меня было бы гораздо пріятнѣе видѣть тебя магистромъ, нежели даже оберъ-прокуроромъ; но, какъ отецъ по сердцу, не досадую нисколько на тебя за несамостоятельность; быть можетъ, ты и въ самомъ дѣлѣ встрѣтишь такую невозможность въ себѣ выучить то, что другіе легко выучиваютъ, какой я и вообразить не умѣю. Какъ бы то ни было, но если послѣ 4-хъ лѣтъ ученаго испытанія ты будешь служить неутомимо и усердно, то благословеніе мое будетъ сопровождать тебя всегда и вездѣ.

Помощь моя тебѣ не уменьшится, пока ты будешь или учиться, или служить; и ты весьма напрасно относишь рѣшимость свою скорѣе

начать службу къ тому, чтобы жить своими трудами. Это еще такъ далеко, что мнѣ едва ли дожить до того; а ученою степенью твоею я думалъ радоваться, и могъ бы уже видѣть начало объявленнаго тобою призванія. Впрочемъ l'homme propose et Dieu dispose.

Перестанемъ и говорить даже объ этомъ, жаль только, очень жаль, что безъ личнаго значенія тебѣ невозможно, неприлично пріѣхать въ Варшаву; но время впереди; предположенія твои часто измѣняются; можетъ быть, исчезнетъ и страхъ къ опредѣленной правилами учености; или ты такъ скоро войдешь въ чины, что мы будемъ въ восхищеніи ожидать твоего пріѣзда.

Прошли тѣ времена беззаботной лѣни, когда можно было прожить и безъ ученія, и безъ значенія. Еще я помню двухъ братьевъ стариковъ Якубовичей, кои весьма серьезно отвѣчали на вопросы, какіе на нихъ чины: одинъ, что онъ крестникъ вѣчнодостойной памяти Императрицы Елисаветы Петровны; другой, что онъ камеръ-пажъ Двора Ея Император. Велич. Государыни Екатерины Алексѣевны. Подобные титулы нынѣ остались только между провинціальною шляхтою польскою; они величаютъ безчиновныхъ по отцамъ, напримѣръ, панъ сенаторовичъ, панъ маршалковичъ и проч. У насъ же теперь все дворянство служитъ, чтобы дослужиться до званія высшаго, нежели въ какомъ были покойные Якубовичи, помѣщики заштатнаго мѣстечка Журавки.

Да, въ настоящее время надобно служить; а для этого необходимо пріуготовленіе.

Для военной службы ты приготовлялся въ Пажескомъ Корпусѣ, гдѣ былъ камеръ-пажемъ, для гражданской приготовляешься въ университетѣ; что же изъ этого слѣдуетъ? Отвѣчать только можно съ патентомъ въ рукахъ. Впрочемъ, повторяю, дѣлай себѣ какъ лучше, дѣлай, что можешь, время еще не ушло; но камеръ-пажество не даетъ никакого разряда, какъ кадетское унтеръ-офицерство; а еще страшнѣе будетъ экзаменъ изъ титулярныхъ совѣтниковъ, въ каковомъ званіи люди самые начитанные остаются въ долготу дней своихъ. Нѣтъ, мнѣ все не вѣрится, чтобы ты не могъ выдержать экзамена, если не теперь, то еще черезъ два года. Этотъ терминъ былъ назначенъ тобою исключительно для науки; ничто не перемѣнилось, равномѣрно какъ и въ моей любви къ тебѣ, и желаніи для тебя самаго лучшаго.

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

131.

3 марта 1845 года. Благодарю Васъ, любезный другъ Рара, за деньги и за письмо. Нѣжныя строки немного отогрѣли меня. Въ послѣднемъ письмѣ я изложилъ подробно мнѣніе мое объ экзаменѣ. Вы хвалите мою откровенность—позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Учиться я не боюсь; напротивъ, желалъ бы какъ можно долѣе учиться, чтобы болѣе знать. За успѣхи я тоже не страшусь, потому что природа не совершенно обидѣла меня, а любопытство и убѣжденіе въ необходимости—поддерживаютъ прилежаніе. Мнѣ недостаетъ только спокойствія духа, необходимаго для преуспѣванія въ отвлеченностяхъ науки. Благодаря Вашей помощи, я съ матеріальной стороны обезпеченъ, но этого недостаточно, а внутренняго спокойствія въ моемъ положеніи быть не можетъ. Не входя въ подробности, я прошу Васъ только представить себѣ человѣка нѣжнаго, безкорыстно и искренне желающаго образовать себя, не ребенка уже, который не знаетъ, что творитъ;—ему для образованія назначаютъ срокъ, опредѣленный годами, и говорятъ, что ему до сего срока не должно знать родственныхъ ласкъ, что онъ, наконецъ, недостоинъ быть представленнымъ въ обществѣ порядочныхъ людей. Каково этому человѣку съ самолюбіемъ и съ нѣкоторымъ чувствомъ собственнаго достоинства? Не естественно ли, что онъ всѣми средствами старается выйти изъ этого положенія и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Это объяснитъ Вамъ, любезный другъ Рара, почему я, будучи того мнѣнія, что лучше позже начать службу, но толковымъ, дѣльнымъ человѣкомъ,—тороплюсь завалить себя сенатскими бумагами, тогда какъ роскошное поле наукъ тянется предо мною не пожатое. Извините моей откровенности, добрый Рара, но положеніе мое для меня невыносимо. Скоро двадцать пять лѣтъ, что мы живемъ вмѣстѣ на землѣ, но разстояніе, отдѣляющее насъ, сближалось на самые короткіе сроки, только урывками, и во время разлуки сношенія поддерживались преимущественно – съ Вашей стороны аккуратной присылкой денегъ, съ моей стороны благодареніемъ за нихъ. Оставляю эту грустную тему. Дни для меня летятъ скоро, чудные, полные дни! Я почти никуда не выхожу, какъ въ университетъ, да внизъ къ моему доктору. Послѣднее время занимался я исторіею русскаго права, которая меня очень занимаетъ. При этомъ случаѣ принялся я за Карамзина. Что за изобиліе источниковъ! Право мнѣ кажется, что нашего почтеннаго исторіографа мало знаютъ и мало цѣнятъ. Можетъ быть, рѣдко кто давалъ себѣ трудъ заглядывать въ примѣчанія. Гражданское право прошелъ по Своду. Какое это обширное и любопытное поле для ученаго! Но изучить Сводъ и въ томъ видѣ, какъ онъ есть,—уже большой шагъ

впередъ. Я здоровъ, доволенъ, обнимаю Васъ со всею сыновнею горячностью, равно maman и дѣтокъ, и остаюсь преданнымъ сыномъ В. Стороженко. Миша благодаритъ Васъ за память и свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе.

132.

8 марта 1845 г. Если Вы замѣтили, любезный другъ Рара, что переписка наша объ экзаменахъ началась съ тѣхъ поръ, какъ Вы отказали мнѣ въ позволеніи пріѣхать въ Варшаву, то Вамъ понятно будетъ, почему я, имѣя постоянно въ виду дѣлать экзаменъ, перемѣнилъ намѣренія и сталъ въ оппозицію противъ Вашихъ желаній. Задѣтое самолюбіе находило только въ этомъ средство выказать себя. Не говоря уже о томъ, что запрещеніе мнѣ до окончанія наукъ видѣться съ Вами кажется мнѣ слишкомъ строгимъ,—это Ваше убѣжденіе, которому я могу только покоряться, но отказъ на мою просьбу, казавшуюся мнѣ весьма естественною, отказъ въ самыхъ колкихъ выраженіяхъ—не могъ быть мнѣ пріятнымъ. Это мнѣ казалось насмѣшкою надъ моими чувствами и стѣсненіемъ моей личной свободы. Но забудьте, пожалуйста, все прошлое; Ваше послѣднее письмо растопило ледяную кору, устроенную задѣтымъ самолюбіемъ; я опять доступенъ убѣжденіямъ разума, а особенно вліянію нѣжныхъ чувствъ родительскихъ. Экзаменъ и все что Вамъ угодно, я готовъ дѣлать, любезный другъ Рара, но не дѣйствуйте на меня насмѣшками; примѣры Горчаковыхъ и Окуневыхъ могутъ привести въ отчаяніе вмѣсто ожидаемаго дѣйствія. Если бы, противу Вашего желанія, я вступилъ въ службу, не окончивши курса, то естественно, что мнѣ слѣдовало бы тоже отказаться отъ даваемаго Вами мнѣ содержанія; но если Вы оставляете мнѣ его и готовы ожидать моего экзамена, то мнѣ остается только благодарить Васъ и учиться, отъ чего я никакъ не прочь. Благодаря Провидѣнію, вѣкъ, въ которомъ спрашивали только о чинахъ, позади насъ. Теперь требуютъ чиновъ и познаній; но вѣкъ, въ которомъ будутъ требовать однихъ познаній, впереди. Во всякомъ случаѣ идти съ вѣкомъ умно, опережать его дозволяется только геніямъ. Прошу Васъ, любезный другъ, простить мнѣ безпокойства, которыя я Вамъ доставляю, всегда безъ намѣренія, но иногда убѣжденіями, не совсѣмъ согласными съ Вашими; прошу Васъ о снисхожденіи и о сохраненіи чистой, отеческой любви къ своеобычному, но не дурному по сердцу и любящему Васъ сыну В. Стороженко. Цѣлую maman и дѣтокъ.

133.

Варшава 19/31 *марта 1845.*

Въ письмѣ твоемъ, любезный сынъ мой Вольдемаръ, отъ 3 марта ты просишь меня, „чтобы я представилъ себѣ человѣка нѣжнаго, безкорыстно и искренне желающаго образовать себя, не ребенка уже, который не знаетъ, что творитъ; ему для образованія назначаютъ срокъ, опредѣленный годами, и говорятъ, что ему до сего срока не должно знать родственныхъ ласкъ, что онъ, наконецъ, недостоинъ быть представленнымъ въ общество порядочныхъ людей".

Представляю, и не вижу тутъ совершенно ничего даже подобнаго.

Срокъ ученія ему не назначаютъ.

Родственныхъ ласкъ, любви къ нему не умаляютъ.

И въ обществѣ людей отличныхъ быть желаютъ.

Засимъ представляю себѣ гораздо близшаго, нежели человѣка; представляю сына, съ нѣжнѣйшею любовію и дружбою къ нему отца, и поясняю сказанное не въ огорченіи, а въ чистомъ совѣтѣ искренняго:

Человѣку вдругъ вздумалось оставить гвардію, поелику служба эта показалась ему невыносимою; онъ написалъ въ декабрѣ, что хочетъ непремѣнно подать въ отставку, дабы къ 1-му генваря быть свободнымъ, и посвятить себя наукамъ, по призванію и любви къ нимъ: Ему отвѣчали тотчасъ же благословеніемъ на предпринимаемое имъ. вступить въ университетъ, обогатиться свѣдѣніями, получить доступную каждому университетскую степень, и потомъ служить по статской службѣ, ежели воинская, къ которой былъ приготовляемъ съ дѣтства, кажется ему не по его характеру; слѣдовательно входили съ истиннымъ участіемъ въ самыя нравственныя силы и отнюдь не стѣсняли свободы въ дѣйствіяхъ его, хотя военная служба по гвардіи для молодого, здороваго человѣка со способностями есть самая лучшая, ближайшая дорога къ достиженіямъ.

Выходя въ отставку, онъ хотѣлъ сперва, съ двумя тысячами въ годъ, учиться въ заграничныхъ университетахъ. Ему отвѣчали дружески, что для гражданской службы въ отечествѣ, кажется, лучше бы кончить и науки въ университетѣ русскомъ; и что не двѣ тысячи въ годъ, а то самое пособіе, какое дѣлалось поручику гвардіи, онъ будетъ получать и во все продолженіе времени ученія своего.

Послѣ этого онъ избралъ себѣ университетъ Дерптскій; восхищался впослѣдствіи тамошнею тихою, ученою жизнью; благодарилъ за позволеніе идти путемъ, имъ самимъ избраннымъ по убѣжденію и призванію. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, при свиданіи съ отцемъ, двѣ

недѣли бесѣда ихъ наполнялась самыми утѣшительными надеждами; срокъ ученія самъ учащійся предполагалъ 4 года; отцу это казалось слишкомъ долгимъ даже, ибо для кончившаго въ лучшемъ заведеніи науки университетскій курсъ будетъ уже не началомъ, а только продолженіемъ и окончаніемъ твердо преднамѣреннаго образованія себя; но постановившій учиться и потомъ служить, по сдѣланному имъ уже въ университетѣ соображенію о ходѣ наукъ, полагалъ необходимымъ не менѣе 2-хъ лѣтъ для полученія первой ученой степени, выразумѣвши, казалось, достаточно и желаніе отца, и собственное свое положеніе, и непремѣнную потребность въ ученомъ аттестатѣ для статской службы.

Съ тѣхъ поръ прошло не болѣе полутора года, ничто не измѣнилось, лѣта не ушли, расположеніе къ нему то самое. О чемъ же бы тутъ грустить? и въ чемъ нужно еще больше—личное поясненіе?

Болѣе года шла переписка для отца самая интересная. Свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя сыномъ, добрыя и согласныя съ планомъ намѣренія его—восхищали отца, который съ радостнымъ нетерпѣніемъ ждалъ предполагаемаго времени, чтобы обнять сына и представить его тѣмъ, коимъ представляемъ онъ былъ какъ поручикъ гвардіи, уже человѣкомъ, который, рѣшившись съ самоотверженіемъ приготовить себя науками на пользу службы гражданской, успѣлъ въ этомъ; служитъ, и ничего не потерялъ, оставивши гвардію.

Здѣсь надобно замѣтить, что когда сынъ вышелъ въ отставку, всѣ знавшіе его, пріятели отца и родные, спрашивали съ удивленіемъ о причинѣ тому, и сей послѣдній, получая отъ сына и отъ стариннаго своего друга, извѣстнаго литератора, самыя удовлетворительныя увѣдомленія о прилежаніи и успѣхахъ въ наукахъ перваго, отвѣчалъ каждому, что сынъ его скоро получитъ ученую степень, чего по письмамъ и дѣйствительно ожидалъ съ полною увѣренностію.

Вдругъ человѣкъ, о которомъ идетъ дѣло, пишетъ, „что въ Дерптѣ онъ не можетъ выдержать никакого экзамена по нетвердости въ нѣмецкомъ языкѣ, и что, пробывши тамъ три года, четвертый годъ положилъ посѣщать Московскій университетъ, гдѣ намѣренъ сдать и экзаменъ“. Ему отвѣчали, что и это намѣреніе его—прекрасное.

Потомъ пишетъ опять, что 4 года—мало для окончанія наукъ. Ему отвѣчали, что онъ можетъ располагать собою въ университетахъ и два раза по 4 года, лишь бы пріобрѣлъ необходимую для статской службы ученую степень.

Потомъ, что ему совѣстно жить однимъ пособіемъ, и что онъ хочетъ скорѣе служить, дабы пріобрѣтать что нибудь своими собственными трудами. На это отвѣчали, что онъ напрасно безпокоитъ себя

подобными мыслями, что ни пособіе, ни любовь къ нему не измѣняются, ибо въ немъ видятъ человѣка благородно-откровеннаго, добраго; надобно только, чтобы онъ былъ тверже въ характерѣ и нѣсколько самонадѣяннѣе на способности свои.

Потомъ проситъ о присылкѣ на дорогу денегъ, чтобы пріѣхать въ Варшаву, посовѣтоваться о дальнѣйшемъ, предстоящемъ для него. Ему отвѣчали, что до окончанія наукъ и до вступленія на службу—представлять его здѣсь просто отставнымъ офицеромъ будетъ крайне неловко; съ чѣмъ и самъ онъ согласится, подумавши; и что два года въ занятіяхъ и въ стремленіи къ достиженію предположенной имъ цѣли пролетятъ весьма скоро; а тогда увидятъ его съ большою радостію.

Наконецъ, онъ пишетъ уже рѣшительно, что его страшатъ не фоліанты, а тоненькія профессорскія тетрадки, что онъ чувствуетъ совершенную невозможность выдержать какой бы то ни было экзаменъ предъ профессорами, и что, поучившись еще нѣсколько, положилъ себѣ начать служить. На это отвѣчали ему также безъ укоризны, съ желаніемъ истиннаго добра, что всякій дѣлаетъ, что въ его силахъ; что труды сверхъ силъ—неподъемлемы; что ежели онъ въ самомъ дѣлѣ убѣдился въ недоступности для него экзамена, можетъ и безъ того служить подобно большей части другихъ; что ему предоставляется поступить какъ онъ признаетъ для себя за лучшее; но что не мѣшало бы получить по крайней мѣрѣ студентскій патентъ, какъ доказательство пребыванія своего въ университетѣ, ибо камеръ-пажество, на которое онъ сослался, не даетъ права въ разрядахъ на дорогѣ юридической, въ Сенатѣ ли это, или въ какомъ нибудь другомъ судебномъ мѣстѣ.

Разсуди самъ теперь, кѣмъ этотъ человѣкъ можетъ быть недоволенъ?

Но оставимъ третье лицо съ желаніями неопредѣленными, а побесѣдуемъ проще.

Ты говоришь далѣе въ письмѣ твоемъ, что тебѣ 25 лѣтъ, что ты уже не ребенокъ. Радуюсь истинно, и повторяю предоставленіе мое тебѣ и свободу располагать собою по собственному твоему усмотрѣнію, какъ въ жизни университетской, такъ и на службѣ; и да сопровождаетъ тебя на пути семъ мое сердечное благословеніе!

Я люблю тебя родительскимъ сердцемъ; совѣты мои проистекаютъ изъ него и изъ долговременныхъ опытовъ. Люблю думать, что ты оправдаешь мои надежды, и что я представлю тебя и Свѣтлѣйшему и всѣмъ здѣшнимъ, какъ молодого человѣка съ правами на личное къ нему уваженіе. Время отъ тебя зависитъ.

Подобнымъ счастіемъ, подобною свободою въ дѣйствіяхъ я не пользовался въ моей жизни. Обязанности въ отношеніи къ семейству и по службѣ, нужды и положеніе въ свѣтѣ - подчиняли меня всегда зависимости отъ другихъ; но это, какъ теперь удостовѣряюсь, научило благодѣтельному долготерпѣнію: и да укрѣпитъ его Сердцевѣдецъ!

Мои служебныя занятія на старость увеличиваются. Не всегда будетъ мнѣ время писать къ тебѣ такія длинныя письма, какія писалъ доселѣ; но, оставаясь въ расположеніи къ тебѣ одинаковымъ, съ удовольствіемъ стану читать твои увѣдомленія обо всемъ, пишущіяся тобою съ откровенностію добраго сына.

Отецъ твой и другъ

Андрей Стороженко

134.

Варшава $\frac{25\ марта}{6\ апрѣля}$ *1845 г.*

Послѣднее письмо твое отъ 8 марта, любезный сынъ мой, принесло мнѣ успокоеніе и большое удовольствіе. Радуюсь истинно, что ты рѣшился опять продолжать науки, выдержать экзаменъ и потомъ служить. При этой утѣшительной мысли, при этой радости, не позволяю себѣ дѣлать замѣчаній даже насчетъ досадъ твоихъ на меня. Иди твердо путемъ, тобою избраннымъ, и не будетъ на кого досадовать.

Съ самаго твоего дѣтства судьба лишила меня возможности, чтобы ты росъ подъ моими наставленіями; я самъ не имѣлъ ни пріюта, ни постоянныхъ средствъ къ существованію; а заглазное попеченіе, хотя бы оно было самое внимательнѣйшее, не можетъ производить такихъ впечатлѣній, какія остаются на всю жизнь нашу въ памяти вмѣстѣ съ родительскимъ кровомъ и со всѣми ничего не значащими происшествіями, ласками, или строгостію, казавшеюся намъ таковою, которая впослѣдствіи воспоминается какъ любовь, и входитъ въ правила и въ образъ мыслей нашихъ.

Не моя вина въ томъ. Мнѣ до всего надобно было добиваться трудами тяжкими. Но вы не нуждались, благодаря Бога; и я увѣренъ, что, обдумавши твое и мое положеніе, тебѣ не покажутся со временемъ совѣты мои огорчительными, ибо они проистекаютъ изъ сердца, полнаго любви отцовской и желанія видѣть тебя, какъ добраго сына, че-

ловѣка съ достоинствами, не мечтателя, а дѣлового и полезнаго службою для отечества и семейства.

Не могу однако же не высказать еще нѣсколькихъ словъ по содержанію письма твоего.

Тебѣ не нравятся шутки, не нравятся совѣты, не нравятся ученыя степени Г. и О., не нравятся, наконецъ, требованія вѣка. Мало ли что, другъ мой, не по нашему норову, какъ говорятъ простые люди; но объ томъ думается про себя.

Велика обязанность родительская; великъ и долгъ дѣтей къ родителямъ, познающійся сердцемъ изъ вѣчныхъ законовъ божественныхъ. Сіи священныя истины не измѣнятся и въ томъ вѣкѣ, когда будутъ требовать, какъ ты пишешь, однихъ познаній.

Многія кончины видѣхъ; но заповѣдь Твоя зѣло широка, Господи! (Лис. с. Сир.).

Можетъ быть, и я виноватъ нѣсколько, что ты откровенно гнѣваешься; но человѣкъ думаетъ дѣлать какъ лучше; привязанность—неразлучна съ снисхожденіемъ: это современемъ восчувствуется, отзовется въ признательномъ сердцѣ добраго и послужитъ ему наукою.

Да ниспошлетъ тебѣ Господь Богъ здоровья и поможетъ достигнуть желаемаго.

Благословляющій тебя отецъ

Андрей Стороженко.

Ты пишешь, что переписка наша объ экзаменѣ началась съ письма, въ которомъ я представилъ обстоятельства, препятствующія тебѣ пріѣхать въ Варшаву. Справься въ письмахъ моихъ, и увидишь, что задолго предъ тѣмъ ты писалъ о невозможности экзамена въ Дерптѣ, для чего хотѣлъ ѣхать въ Москву.

135.

Варшава $^{7}/_{19}$ *апрѣля 1845 г.*

Вступивши, по Высочайшему назначенію, въ управленіе Коммиссіею Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ Царства, я такъ занятъ на первое время, и такъ обремененъ дѣлами прежней моей Коммиссіи, что истинно не имѣю свободной минуты писать къ тебѣ, любезный другъ Володя, болѣе нѣсколькихъ строкъ.

Молюсь о здоровьи твоемъ, посылаю деньги на май и іюнь мѣсяцы, и ожидаю отъ тебя пріятныхъ для меня извѣстій.

Ѳ. В. Булгарину поклонись отъ меня и скажи, что вино его постараюсь отправить этою весною; доселѣ, право, не было никакой возможности послать въ Ригу вино, развѣ только моремъ, и за это должно было бы заплатить двойныя пошлины.

Семья моя—въ добромъ здоровьи; но я принужденъ жить особо, въ домѣ Коммиссіи; а Maman съ дѣтками на прежней нашей квартирѣ, пока не устрою для нихъ помѣщенія съ собою. Впрочемъ для дѣтей и лучше ближе быть къ Аллеѣ. Они теперь или на балконѣ, или бродятъ въ саду, который однако еще не распустился, хотя погода у насъ началась теплая.

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

Лизина Маша премиленькій ребенокъ, смѣется и даетъ ручонки.

136.

13-е апрѣля 1845 г. Любезный другъ Рара! Изображеніе человѣка съ „желаніями неопредѣленными“, сдѣланное Вами въ послѣднемъ письмѣ, весьма похоже на меня. Взваливъ частичку вины, какъ это часто дѣлается въ свѣтѣ, на обстоятельства, на неудобство постоянныхъ исключительно-письменныхъ объясненій, которыя даютъ иногда поводъ къ недоразумѣніямъ, я остальное все беру на себя и прошу извиненія за неумышленно причиненныя Вамъ безпокойства. За любовь и благословеніе могу воздать Вамъ только тѣмъ же, за даваемое содержаніе въ теченіе времени ученія могу только отъ души благодарить, за свободу распоряжаться моими поступками постараюсь воздать исполненіемъ желанія Вашего, пріобрѣтеніемъ диплома, обѣщая, вмѣстѣ съ тѣмъ, не употреблять во зло данной свободы Всѣмъ я доволенъ. Благодарю судьбу и Васъ. Желаю и стараюсь быть достойнымъ того, что имѣю. Ваше новое назначеніе весьма обрадовало меня. Дай Богъ Вамъ крѣпость силъ на совершеніе трудовъ, предпринимаемыхъ къ общему благу. Малѣйшій урывокъ времени, посвященный мнѣ, будетъ для меня тѣмъ дороже. Мои занятія идутъ прежнимъ порядкомъ и съ каждымъ днемъ нахожу я въ нихъ болѣе удовольствія, потому что языки не представляютъ уже мнѣ такихъ трудностей, какъ прежде. Оставивъ однажды Дерптъ, мнѣ, можетъ быть, и не удастся бывать въ этихъ странахъ, а потому я думаю лѣтомъ сдѣлать

маленькую поѣздку въ Ревель и Гельсинфорсъ. По возможности здѣсь сообщенія облегчены. Дерптскіе умы заняты теперь двумя важными обстоятельствами: назначеніемъ новаго Генералъ-Губернатора здѣшнихъ провинцій, что весьма важно для разрѣшенія разнаго рода административныхъ вопросовъ, и ожидаемымъ прибытіемъ Министра Народн. Просвѣщенія. Ѳ. В. Булгаринъ намѣренъ забраться въ Карлово уже въ началѣ мая. Обнимаю Васъ, добрый другъ Рара, цѣлую maman и дѣтокъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ

В. Стороженко.

137.

Варшава $^{8}/_{20}$ *іюня 1845 г.*

Сію минуту я получилъ отъ тебя, любезный другъ мой Вольдемаръ, извѣстіе, что ты отправляешься въ Петербургъ отдохнуть въ кругу родныхъ и друзей отъ ученыхъ твоихъ занятій, и дабы я послалъ тебѣ деньги чрезъ Николая Ивановича на имя его племянника. Охотно исполняю твое желаніе; Николай Ивановичъ сегодня же отправляетъ тебѣ въ Петербургъ 150 р. сереб.

Правда, что я истинно обремененъ трудами не по лѣтамъ; но будущность, не ограничивающаяся однимъ мною, представляется мнѣ въ такомъ видѣ, что всѣ лишенія кажутся какъ бы необходимыми.

Со дня новаго моего назначенія я живу одинъ въ Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ; а maman съ дѣтками остается на прежней нашей квартирѣ на Новомъ Свѣтѣ; я бываю у нихъ только на обѣдѣ и почти каждый день въ разное время, ибо никакъ не удается ѣсть регулярно въ 2 часа, какъ это бывало прежде; часто случается, что прежде 5-ти часовъ я не могу отдѣлаться или въ Коммиссіи, или въ Правительственномъ Совѣтѣ. Не знаю, выдержитъ ли здоровье такое напряженіе силъ и моральныхъ, и физическихъ; впрочемъ я никогда не думалъ о себѣ, гдѣ касалось до общей пользы. Если бы была справедливость между людьми, то они, конечно, отдали бы ее труженику, желающему имъ добра истиннаго.

Тѣ, кои имѣютъ со мною теперь сношенія, еще меня не знаютъ; быть можетъ, имъ кажется и тяжело трудиться такъ, какъ я привыкъ; но современемъ они, убѣдясь въ правотѣ моего характера и въ постоянной пѣли къ справедливости, увидятъ, что все дѣлаемое мною основано на 40-лѣтней служебной опытности. Я не оставлялъ еще никакой части, которая не почтила бы меня добрымъ воспоминаніемъ. Правда,

тутъ есть нѣкоторое утѣшеніе; но работа сверхъ силъ невыносима, тѣмъ болѣе когда она никѣмъ еще и не замѣняется. Мнѣ такъ много дѣла, что описаніе и одного дня было бы невѣроятнымъ. Я думаю, что это только пока не приведу все въ возможное устройство и теряюсь между тѣмъ въ безднѣ предметовъ, предстоящихъ въ администраціи и огромной, и многосложной.

Нѣтъ никакой возможности съѣздить въ милую Малороссію. Какъ-то Богъ дастъ на слѣдующее лѣто? Всѣ мои мысли устремлены къ уединенію въ свободныя минуты отъ скуки, или дѣла. Неужели не суждено мнѣ пожить хотя на старость, не тревожась ежеминутно о томъ, на что другіе смотрятъ весьма равнодушно? Перешагнувъ за полвѣка,—простительно подумать о спокойствіи.

Поклонись отъ меня добрѣйшей Наталіи Андреевнѣ съ семействомъ ея, Петру Яковлевичу, матушкѣ Николая Ивановича и сестрицѣ его съ семействомъ же, Ивану Николаевичу [1]) съ братомъ и всѣмъ Петербургскимъ знакомымъ, кого случится встрѣтить. Гдѣ теперь В. А. Владиславлевъ? Онъ совсѣмъ пересталъ писать мнѣ. Кланяюсь Дм. Ив. Дарагану; а тебѣ, другъ мой, желаю здоровья.

Благословляющій тебя отъ сердца отецъ твой и другъ

Андрей Стороженко.

138.

6 іюля 1845 г.

Вотъ уже два дня, что я опять въ Дерптѣ, любезный другъ Рара. Четырехнедѣльное отсутствіе освѣжило меня, тѣмъ съ большею охотою примусь я опять за занятія. Петербургъ удовлетворилъ потребностямъ сердца. Тамъ наслаждался я родственными ласками и дружескими бесѣдами съ людьми, съ которыми съ дѣтства я жилъ по братски, съ которыми привыкъ дѣлиться самыми сокровенными помышленіями. Изъ Петербурга отправился я на пароходѣ въ Ревель и пробылъ тамъ три дня. Это удовлетворило потребностямъ новизны. Морское путешествіе, столь продолжительное, было для меня уже новостью. До двухъ сотъ человѣкъ людей, ввѣрившихъ себя пароходу, который гордо рѣзалъ волны, набѣгавшія на него со всею силою гнавшаго ихъ вѣтра, безбрежное море однообразно шумное, полу-голыя скалы Гохланда, подъ

[1]) Скворцову.

которымъ легкой струйкой тянулся дымъ рыбачьей хижинки—все это меня очень, очень занимало. Ревель занималъ меня прекраснымъ, высокимъ положеніемъ своимъ на берегу моря и съ одной стороны безобразіемъ и неудобствомъ, съ другой красивою мрачностью старинной Германской архитектуры. Всего болѣе забавлялся я въ Катериненталѣ, прекраснѣйшемъ садѣ, гдѣ выстроенъ т. н. salon, куда собираются ежедневно всѣ празднующіе и отдыхающіе, полубольные и здоровые, мужчины и женщины, гдѣ сталкиваешься съ людьми различныхъ странъ и состояній, сближаешься съ ними, съ улыбкою удовольствія пожимаешь имъ руки и расходишься съ искренними увѣреніями въ удовольствіи, доставленномъ нечаяннымъ ихъ знакомствомъ. Со многими изъ этихъ людей никогда не встрѣтишься, съ другими и не желаешь встрѣчаться въ другомъ мѣстѣ, чтобы не зѣвать отъ скуки. Растворяясь въ морскихъ соляхъ, при ежедневныхъ купаньяхъ, Петербургскій житель оставляетъ дѣловую серьезность, становится болѣе чувствительнымъ къ наслажденіямъ, доставляемымъ природою, музыкою, веселою бесѣдою и т. д. Между прочими встрѣчами упомяну о двухъ, съ людьми, которые Васъ очень хорошо знаютъ и которые тѣмъ пріятнѣе были для меня, что я могъ поговорить съ ними о старинѣ. За общимъ столомъ, по 50 к. съ рыла, какъ выражались въ 12-мъ году, случилось мнѣ сидѣть подлѣ пожилого человѣка съ маленькими усами и большими морщинами, который, узнавъ мою фамилію, тотчасъ спросилъ, не сынъ ли я Андрея Яковлевича, и на мой утвердительный отвѣтъ отозвался самыми восторженными восклицаніями на Вашъ счетъ. Это нѣкто отставной полковникъ Добровольскій, выпущенный въ одинъ день съ Вами изъ Корпуса. Черезъ часъ мы были уже короткими знакомыми. Въ тотъ же день вечеромъ, онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ, что въ залѣ находится старинный знакомый Вашъ, который очень желаетъ со мною познакомиться Вслѣдъ за тѣмъ подходитъ ко мнѣ свѣжій мужчина, съ большими усами. Это былъ баронъ Врангель, служившій съ Вами у графа Витта. Онъ мнѣ говорилъ, что зналъ покойницу маменьку, носилъ меня на рукахъ и былъ съ Вами въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Просилъ очень, чтобы я пріѣхалъ къ нему въ деревню, неподалеку отъ Ревеля, но такъ какъ дни мои были разсчитаны и мнѣ не хотѣлось очень много гулять, торопясь въ Дерптъ, то я на этотъ разъ отказался, давъ обѣщаніе при первомъ удобномъ случаѣ посѣтить его въ деревнѣ. Графиня Виттъ съ дочерью кн. Гагариной живутъ теперь въ Ревелѣ; баронъ Врангель ежедневно посѣщаетъ ихъ и собирался разсказать ей о нашей встрѣчѣ. Три дня, проведенныя въ Ревелѣ, пролетѣли для для меня мигомъ. Въ понедѣльникъ 2-го іюля, ввечеру, сѣли мы съ товарищемъ въ телѣжку и во вторникъ я былъ уже въ моихъ чистенькихъ комнатахъ, осматривалъ мои книги, не измѣнили ли онѣ, и ра-

довался предстоящимъ мнѣ пріятнымъ занятіямъ. Вотъ Вамъ, любезный другъ Рара, маленькій отчетъ о моей поѣздкѣ; многое не пишется; вообще я ею чрезвычайно доволенъ и не умѣю найти словъ, чтобы благодарить Васъ за средства, которыя Вы мнѣ дали, средства, позволяющія мнѣ иногда и покутить, хотя скромнымъ и непредосудительнымъ образомъ. Будьте здоровы и благополучны. Обнимаю Maman, цѣлую дѣтокъ и прошу Вашего отцовскаго благословенія. Нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко.

139.

Варшава $\frac{26\ іюля}{7\ августа}$ *1845 г.*

Два письма твои, любезный другъ Вольдемаръ, одно изъ Петербурга [1]), а другое изъ Дерпта, по прибытіи твоемъ туда, доставили мнѣ истинно пріятныя минуты въ тяжкихъ трудахъ моихъ и заботахъ.

Если понравились тебѣ Ревель, море и купальни на берегахъ Балтика, въ печальной и скалистой Эстляндіи, то что ты скажешь, увидѣвши Одессу и синее море Юга? Въ моемъ воображеніи оно воскрешаетъ старину нашу, погружаетъ меня въ думы, и я бывало просиживаю на Одесскомъ бульварѣ нѣсколько часовъ, забывая, что живу въ меркантильномъ 19-мъ столѣтіи; а итальянская опера, а огромные артишоки и всякая зелень, привозимая туда изъ Константинополя, а Черноморскія рыбы? Но можно ли сравнивать роскошный Югъ съ нѣмецкимъ Сѣверомъ? Туда т. е. на Югъ, и въ благословенную нашу Малороссію летитъ духъ мой въ то время, какъ физическія потребности въ жизни препятствуютъ освободиться отъ цѣпей, скованныхъ нуждою и обстоятельствами. Я не желаю многаго; не страшусь, можетъ быть и напрасно, отказывать себѣ на старость въ привычкахъ и въ нѣкоторомъ довольствіи; и потому обдумываю со всѣхъ сторонъ ожидающее меня положеніе внѣ службы, черезъ которую достигъ до настоящаго. Послужу еще нѣсколько, а между тѣмъ въ Малороссіи все устроится для неприхотливаго.

Недавно я посылалъ туда Блюменфельда; привезенныя имъ свѣдѣнія о Чевельчѣ, Богодуховкѣ и Щербаковкѣ—удовлетворительны; но послѣдняя требуетъ еще многаго въ предположенномъ мною устройствѣ ея.

---

[1]) Не сохранилось.

Съ восхищеніемъ думаю, какъ мы соберемся всѣ на родину; какъ мнѣ весело хлопотать о своемъ и о своихъ.

Съ удовольствіемъ читалъ письма твои ко мнѣ съ извѣстіями, что Петербургскіе друзья твои нашли въ тебѣ большую перемѣну относительно свѣдѣній; въ этомъ и я увѣренъ. За всѣмъ тѣмъ однако же нужны общія условія; нужны степени, свидѣтельствующія объ успѣхахъ.

Пожелавъ тебѣ всего этого, молю Вога о сохраненіи твоего здоровья.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ
Андрей Стороженко.

140.

Варшава $^{8}/_{20}$ *августа 1845 г.*

Нѣсколько дней тому назадъ я писалъ къ тебѣ, любезный другъ мой Вольдемаръ, а потому посылаю при семъ только 150 *(сто пятьдесятъ) рублей серебромъ*, на сентябрь и октябрь мѣсяцы.

Мы всѣ, благодаря Бога, здоровы. Маman все еще живетъ на Новомъ Свѣтѣ; два раза въ недѣлю я обѣдаю у Лизы и Ник. Ив., утѣшаюсь ихъ Манею, которая начинаетъ понимать нѣчто и даетъ ручонки дѣду; сестра твоя, Даша, совершенная француженка; картавитъ, какъ парижанка; а бойка, умна и мила до удивленія; Коля начинаетъ говорить, но уже по-нѣмецки: ибо у первой бонна изъ Парижа, а у послѣдняго няня—чистая нѣмка. Дѣти, кажется, не совсѣмъ понимаютъ другъ друга; объясненіе ихъ между собою—презабавное, и Доля думаетъ, что на нѣмецкомъ языкѣ только дразнятъ кого либо, такъ онъ ей не нравится.

Мои занятія—утомительны, многосложны, и трудясь цѣлый день, мнѣ кажется ночью, что я ничего не сдѣлалъ.

Недавно я писалъ къ Ѳ. В. Булгарину; осенью же пошлю ему вино—непремѣнно.

Желаю тебѣ здоровья и успѣховъ въ трудѣ на пользу предстоящей службы.

Всѣмъ сердцемъ любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ
Андрей Стороженко.

141.

27-е августа 1845 г. Благодарю Васъ покорно, любезный Рара за деньги, которыя на дняхъ получилъ, и за сообщенныя извѣстія о себѣ и дѣткахъ. Весьма понимаю, что Вы теперь чрезвычайно заняты и желаете только, чтобы въ утѣшеніе Вамъ труды Ваши увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ. Въ извѣстныя лѣта и въ извѣстномъ положеніи человѣкъ становится выше похвалъ и одобреній людскихъ; есть вещи и дѣйствія, похвала которымъ кажется насмѣшкою. Такъ, безкорыстное желаніе добра можетъ найти похвалу только въ томъ, что это добро принимается и другими, какъ добро. Ошибиться можно только въ средствахъ, оправданіе этой ошибки—въ намѣреніи, въ готовности исправить ее. Все, что касается до Дашеньки и Коли, меня очень занимаетъ. Маленькія дѣти для меня истинное наслажденіе, я въ состояніи забавляться ими цѣлыми часами. Не знаю, но воображаю, что это наслажденіе должно быть еще выше въ обращеніи съ такими близкими существами, какъ братъ и сестра. Для маленькаго Сени [1]) придумываемъ всевозможныя средства, чтобы развить его бойкій умокъ. Мы имѣемъ здѣсь въ этомъ отношеніи прекраснаго руководителя, въ профессорѣ философіи Штрюмпелѣ, который въ особенности прекрасный педагогъ. Если бы со временемъ можно было для Коли достать такого, это было бы истинное счастье. Почитая воспитаніе хорошее—высочайшимъ благодѣяніемъ, какое можно сдѣлать дѣтямъ, я думаю, что для доставленія его должно употребить всѣ средства. Способы преподаванія съ каждымъ годомъ улучшаются; не слѣдя за этимъ и довольствуясь тѣмъ, какъ насъ учили, учитель выражаетъ свой приговоръ, что онъ никуда негоденъ. Замѣчая, какъ теперь учатъ, напримѣръ: географію, исторію, математику, удивляешься только, какъ прежде люди не догадывались, что прежній способъ преподаванія мало къ чему служитъ. Живу по прежнему—тихо, но пріятно. Думаю съ удовольствіемъ о томъ времени, когда мнѣ удастся обнять Васъ и объ условіяхъ sine qua non—доставленія себѣ этого удовольствія. Обнимаю Васъ съ нѣжностью нѣжно любящаго сына. Цѣлую maman и дѣтокъ.

В. Стороженко.

---

[1]) Краспокутскаго.

142.

Варшава $\frac{30\,сентября}{12\,октября}$ *1845 г.*

Полученное мною сегодня письмо отъ Ѳ. В. Булгарина наполнило отцовское сердце истинною радостію. Онъ описалъ мнѣ тебя, любезнѣйшій другъ мой Володя, во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлающихъ тебѣ честь, а мнѣ приносящихъ утѣшеніе и надежды. Онъ говоритъ, что ты рѣшительно можешь выдержать самый строгій экзаменъ на ученую степень, и что прилежаніе твое и успѣхи на поприщѣ наукъ могутъ служить примѣромъ всѣмъ учащимся въ Дерптѣ.

Далѣе онъ говоритъ между прочимъ однако же, что сколько онъ примѣтить могъ изъ разговоровъ съ тобою, то ты думаешь, „что я желаю видѣть тебя блистательныхъ свѣтскимъ человѣкомъ, паркетнымъ героемъ и звѣздою на служебномъ поприщѣ“. Это вовсе не мои мысли. Какъ любящій порядокъ во всемъ, желаю одного только отъ тебя—ученой степени, какъ отъ человѣка, поступившаго для этого по собственному желанію на поприще ученое при университетѣ. Далѣе же и положеніе твое въ свѣтѣ, и ходъ по службѣ представляютъ мнѣ въ тебѣ человѣка съ достоинствами, правилами и полезными свѣдѣніями, что не имѣетъ никакой связи съ паркетомъ и мишурною блистательностію.

Прилагаю при семъ страничку собственнаго моего о себѣ образа мыслей, въ которой ты прочитаешь, что надобно трудиться, служить, быть добрымъ гражданиномъ, все же прочее отъ насъ вовсе не зависитъ.

Одинъ достигаетъ значенія дѣломъ, другой ловкостію, или лучше, вертлявостію, угожденіями, а иногда и просто подлостію. Обстоятельства и случаи—многоразличны, равномѣрно, какъ пути въ жизни человѣческой; прямой путь хотя тяжелъ, труденъ, дологъ, но приведетъ къ цѣли постоянно идущаго по немъ. Выскочкамъ же необходимо безпрерывное счастіе, удачи и протекція, безъ чего они спотыкаются и падаютъ, если не поддерживаются скромными тружениками.

Надежда прижать тебя, любезный сынъ, къ сердцу моему, по крайней мѣрѣ въ концѣ слѣдующаго года, такъ сладостна, что при этой мысли я забываю настоящее невыносимое мое положеніе, и весна 1847 года кажется мнѣ самою прекраснѣйшею въ жизни.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

Въ продолженіе 40-лѣтней службы положеніе мое, кругъ дѣйствій, образъ жизни, соотношенія, виды представляющихся возможными достиженій—измѣнились, или случаями, или по разсчетамъ, образующимся въ умѣ, занятомъ дѣломъ, выполненіе коего утверждало въ самонадѣянности, безъ увлекательнаго однако же самолюбія; но мысль о бытѣ гражданскомъ, о степени скромной независимости—всегда между тѣмъ опредѣляла границы самыхъ мечтаній.

Я никогда не отдѣлялся отъ коренной идеи жить нѣкогда не въ свѣтѣ, а у себя, и довольствоваться тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ и что доступно нечестолюбивому.

Правила эти сопровождали меня на извилистой тропинкѣ, то сближавшей къ этой цѣли, то отдалявшей отъ оной, и наполняли минуты, когда я могъ думать не о занятіяхъ, окружающихъ меня, а о себѣ собственно.

Не знаю, какъ бы я думалъ о цѣли трудовъ, если бы родился и воспитывался въ высшемъ обществѣ; но, почитая себя всегда простымъ гражданиномъ,—никогда не только не завидовалъ вельможамъ по преимуществу рода, или счастливцамъ, выведеннымъ судьбою на степень вельможъ; напротивъ того жалѣлъ о большей части отуманенныхъ возвышеніемъ и неспособныхъ потому къ полезной дѣятельности и къ ясному видѣнію вещей и дѣла, которое исполнялось за нихъ другими.

Считая себя не болѣе, какъ актеромъ въ драмахъ разнаго содержанія, разыгрывающихся въ разныхъ мѣстахъ на обширной государственной сценѣ, я радовался всего болѣе признанію мнѣ заслуженной эмеритуры, которая предоставляла уже выборъ: или оставаться въ труппѣ лицедѣевъ, или быть зрителемъ представленій, кои производятъ то смѣхъ, то слезы, и судятся едва ли когда либо съ безпристрастіемъ.

Что нужно на старость?—Теплый кровъ, успокоеніе, семейство и попеченіе близкихъ къ сердцу, обязанныхъ признательностію. Слѣдовательно, человѣкъ мыслящій долженъ, наконецъ, свести всѣ идеи къ этому избранному здравымъ разсудкомъ пріюту и ограничиться одними воспоминаніями о пользѣ, принесенной имъ на поприщѣ самоотверженій.

Вотъ краткій результатъ долговременной опытности, которая и смѣшна, и жалка въ устахъ, или подъ перомъ молодого философа-поэта настоящаго времени, начинающаго жить сѣтованіями на судьбу и вздыхающаго, не трудившись, о спокойствіи и вредной для него независимости.

143.

Варшава 9/21 *октября 1845.*

Будучи почти всегда подъ вліяніемъ обязанности писать: или поясненія, или доводы, или распоряженія, я пишу много тогда только, когда думаю какъ бы по службѣ; въ избыткѣ же пріятныхъ чувствованій мнѣ трудно высказывать впечатлѣнія. Это происходитъ, я думаю, отъ заботъ и многодѣлія: ибо въ свободное время люблю и побесѣдовать.

Нѣсколько дней тому назадъ я писалъ къ тебѣ, любезный другъ мой Володя; теперь же только посылаю деньги и съ умиленіемъ повторяю, что отзывъ о тебѣ Ѳ. В. Булгарина и близость твоего экзамена такъ меня порадовали, какъ устающаго путешественника, завидѣвшаго родной кровъ и жаждущаго отдохнуть душею и тѣломъ среди милыхъ ему домашнихъ пенатовъ.

Да, милый другъ, осуществленіе надеждъ отца едва ли выразимо, но при свиданіи поговоримъ объ этомъ пространно; не забудь только напомнить мнѣ тогда строки сіи.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

Третьяго дня я отправилъ, наконецъ, Ѳ. В. купленное для него еще въ 1841 году вино въ Ригу, на имя тамошняго бургомистра Тима, какъ желалъ самъ Булгаринъ; о чемъ извѣсти его, и дабы по полученіи вина меня о томъ увѣдомилъ.

Maman цѣлуетъ тебя, равно Лиза, бывшая сегодня у меня, и дѣтки.

144.

5 ноября 1845 года.

Два письма Ваши, любезный другъ Рара, получилъ я въ скоромъ времени одно за другимъ, при послѣднемъ и деньги. За все усердно благодарю Васъ. Утѣшаюсь, что отзывы Ѳаддея Венедиктовича обо мнѣ порадовали Васъ, но не стою за преувеличенное, потому что Ѳ. В. одинъ изъ тѣхъ людей, которые ни въ похвальбѣ, ни въ брани не знаютъ мѣры; я же большой врагъ того и другого. Есть вещи, кото-

рыя такъ сами по себѣ разумѣются, какъ напр., что я прилеженъ, что дѣлаю кое какіе успѣхи, что и хвалить очень ихъ не стоитъ. Съ другой стороны мы часто осуждаемъ людей за дѣйствія, которыя такъ сродны натурѣ человѣческой, что, браня и осуждая ихъ въ другихъ, мы скоро подражаемъ имъ. Результатъ этого, что я равно избѣгаю восторженныхъ похвалъ и рѣзкихъ осужденій. Всего пріятнѣе мнѣ, что Вы представляете меня себѣ человѣкомъ съ „достоинствами, правилами и полезными свѣдѣніями“. По крайней мѣрѣ я стремлюсь къ этому всѣми силами и если этимъ удовлетворяются требованія Ваши отъ меня, то могу почитать себя счастливымъ. Паркетъ, блистательность, жизнь большого свѣта—не мои кумиры, и въ мечтахъ о будущемъ представляются мнѣ совершенно иныя наслажденія. Жизнь и служба въ одномъ изъ городовъ нашихъ южныхъ провинцій; поболѣе дѣла съ людьми, поменѣе съ бумагами; свободное отъ службы время, посвящаемое наукамъ и людямъ близкимъ, которымъ можешь быть полезнымъ—вотъ, что бы всего болѣе удовлетворяло мои потребности духовныя, что всего сообразнѣе съ моимъ характеромъ. Въ шумѣ и тревогахъ, сопровождавшихъ Васъ на поприщѣ житейскомъ, я бы погибъ безъ слѣда и пользы. Природа надѣлила Васъ необыкновенною живостью, обстоятельства питали ее, мой же характеръ—и природа, и обстоятельства оттѣнили совершенно иначе. Вы часто не могли, часто не хотѣли выбирать въ жизни; у меня нѣтъ страстей, слѣдовательно, нѣтъ особенныхъ нуждъ и я свободенъ въ выборѣ. Тяжело было бы мнѣ переносить крайность, но за то немного нужно для удовлетворенія моихъ потребностей. Дерптская жизнь имѣла на меня благодѣтельное вліяніе, способствовавъ разрѣшенію для меня важнаго вопроса: чего мнѣ нужно въ жизни? Послѣ этихъ разсужденій Вамъ покажется странною просьба, которою намѣренъ обезпокоить Васъ, именно просьба о деньгахъ. Не почтите этого противорѣчіемъ моимъ убѣжденіямъ, это дѣло случайное. Предупреждаю Васъ, добрый Рара, что то, что Вы мнѣ даете, совершенно достаточно къ покрытію издержекъ на мои необходимости и даже на прихоти, каковы напр.: поѣздка въ Ревель прошедшимъ лѣтомъ и т. п. Отнюдь не желаю получать больше, но я бы просилъ Васъ принять на слѣдующій полугодъ другое раздѣленіе въ присылкѣ обыкновенно даваемыхъ Вами мнѣ денегъ. Именно, такъ какъ конецъ декабря и начало генваря самое трудное для меня время въ году, потому что въ это время разсчитываешься съ книгопродавцемъ, и платишь за лекціи, и такъ какъ въ теченіе генварьской ярмарки мнѣ бы хотѣлось подновить мой гардеробъ, то мнѣ бы пріятно было имѣть къ этому времени поболѣе денегъ. Если можно, триста рублей серебромъ, съ тѣмъ, что въ мартѣ и маѣ мнѣ бы осталось получить только по семидесяти пяти. Такъ или иначе, но я Васъ прошу

еще выслать мнѣ деньги немного пораньше, если можно къ праздникамъ, чтобы передъ оными заплатить Фробену за пансіонъ. Это домашнія дѣла. Въ обстоятельствахъ моихъ ничего новаго. Недавно познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который мнѣ очень нравится. Онъ начинаетъ свое студенческое поприще и я помогаю ему въ изученіи русскаго языка. При прекрасныхъ началахъ полученнаго имъ воспитанія, если все пойдетъ и далѣе хорошо, то онъ могъ бы быть со временемъ гувернеромъ для Коли. Эта мысль очень занимаетъ меня и я не выпущу его изъ вида. Такъ между дѣломъ и мечтами текутъ благополучные дни. Благословляю судьбу, благодарю Васъ, любезный другъ Рара; обнимаю Васъ, Maman и дѣтокъ и остаюсь покорнымъ и нѣжно любящимъ Васъ сыномъ В. Стороженко.

145.

Варшава 1/13 *декабря 1845 г.*

По письму твоему, любезный другъ мой Вольдемаръ, съ удовольствіемъ посылаю тебѣ *триста рублей серебромъ*; но долженъ сказать при этомъ, что для меня всегда была пріятна заботливость о томъ, какъ бы составить себѣ самому и бюджетъ, и періодическія удовлетворенія расходамъ. Это пріучаетъ къ разсчетливости, къ необходимымъ запасамъ на черный день; а въ послѣдствіи и къ составленію посильнаго имущества. Наука жизни такъ обширна, такъ разнообразна, что, углубляясь во всѣ подробности ея, пріучаешься къ умственной дѣятельности, не спеціальной, съ которою человѣкъ трудится, какъ бѣлка въ колесѣ. Впрочемъ, сколько я доволенъ письмомъ твоимъ, столько и увѣренъ, судя по оному, что свѣдѣнія практической жизни прійдутъ къ тебѣ сами собою послѣ тихаго и безмятежнаго Дерпта и безпрерывной теоріи. Измѣнится со временемъ и самый образъ мыслей; теперь ты пишешь, что желалъ бы въ свѣтѣ имѣть поболѣе дѣла съ людьми, поменѣе съ бумагами; потолкавшись же съ первыми, въ бумагахъ будешь укрываться отъ нихъ.

Многое, говорю, измѣнится опытностію, лишь бы сердце осталось то же, и образъ мыслей получилъ бы твердую самостоятельность.

Съ благословеніемъ прочиталъ строки твои насчетъ заботливости о воспитаніи Коли; онъ, равно какъ и маленькая сестра его, такія прекрасныя, здоровыя и свѣжія дѣти, что ученіе для нихъ не будетъ страшнымъ.

Maman, Лиза, Николай Ивановичъ и Маня—слава Богу, здоровы. По воскресеніямъ всѣ родные у насъ обыкновенно обѣдаютъ; въ томъ числѣ Дараганы и Кондзеровскій. Петръ Михайловичъ для меня человѣкъ весьма хорошій.

Желаю тебѣ здоровья и успѣховъ во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

Напиши мнѣ, получилъ ли Ѳ. В. Булгаринъ вино изъ Риги?

146.

Варшава $^{10}/_{22}$ *февраля 1846 г.*

Въ безпрестанныхъ хлопотахъ и усиленной дѣятельности время идетъ тяжело, но поелику некогда и оглянуться, то въ общемъ итогѣ дней рѣдко и весьма рѣдко удаются свободныя минуты для написанія нѣсколькихъ строкъ не формальнаго содержанія. Вѣчныя бумаги, вѣчная экзерциція въ служебныхъ оборотахъ не позволяютъ мнѣ говорить часто съ тобою, любезный другъ мой Вольдемаръ; но свободнѣйшее время для меня и общественная жизнь для тебя сближаются; тогда при радостномъ свиданіи наговоримся въ волю.

Нѣсколько мѣсяцевъ тебѣ осталось посѣщать Дерптскій университетъ и приготовляться между тѣмъ къ экзамену; я же весною располагаю непремѣнно ѣхать въ Малороссію. Слѣдующій 1847 годъ будетъ началомъ поприща гражданской твоей службы, чего я ожидаю съ восхищеніемъ и положительными надеждами. Черезъ два дня кончится 40 лѣтъ моей службы; не могу жалѣть о томъ, ибо если испытывалъ горести, лишенія, самыя нужды, то на старость есть гдѣ укрыться отъ бурь, и житейскихъ, и атмосферическихъ; дай Богъ и тебѣ пожить, послужить и пріобрѣсти способы и права на успокоеніе.

Посылаю тебѣ при семъ 150 руб. сер., изъ коихъ половину употреби, какъ располагалъ, а половину спрячь про черный день, равно какъ и въ слѣдующіе два мѣсяца. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ имѣть хотя маленькій запасъ на непредвидимый случай. Я самъ, не надѣясь на себя, при деньгахъ вкладываю ихъ понемногу въ разныя мѣста; не разъ забывалъ книжку, или тетрадь, гдѣ хранилось нѣсколько бумажекъ, и однажды въ Богодуховкѣ, когда встрѣтилась крайняя необходимость заплатить за крестьянъ подати, нашелъ въ портфелѣ, зашитомъ

лѣтъ десять тому назадъ, 400 руб.; чему обрадовался такъ, какъ бы отыскалъ кладъ.

Maman и дѣтки, слава Богу, здоровы и цѣлуютъ тебя; равно Лиза, Николай Ивановичъ и ихъ Маня, начинающая что-то говорить и пѣть какую-то пѣсню.

Желаю тебѣ здоровья и успѣховъ во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ, въ кои, послѣ Дерпта, я нисколько не мѣшаюсь.

Любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

147.

5-го марта 1846 г. Благодарю Васъ, мой дорогой Рара, за письмо отъ 10-го февраля и за денежный сюрпризъ. Какъ ни философствуй, но деньги хорошая вещь, пожалуй, хоть не сами по себѣ, а какъ средство. Полученіе присланныхъ Вами было мнѣ также пріятно, какъ Вамъ находка 400 р. въ Малороссіи, съ тою только разницею, что Вы нашли деньги, самими Вами сбереженныя и спрятанныя, а мнѣ мои какъ съ неба упали. Сознаюсь, что до сихъ поръ не постигъ я искусства сбереженія; недѣлями иногда сижу безъ копѣйки, желанія притупятся, нужды нѣтъ; но заведусь хоть сколько нибудь лишними деньгами, то онѣ у меня навѣрное не залежатся долго; откуда да взялись самыя убѣдительныя надобности, и даже лакомства, безъ которыхъ весьма легко бы обошелся въ другое время, дѣлаются, иногда, необходимою прихотью. Успѣхамъ моимъ въ разсчетливости вредило всегда то, что деньги доставались мнѣ слишкомъ легко; крайности въ нихъ я не зналъ и не знаю; нѣтъ своихъ денегъ, чужія тотчасъ къ услугамъ. Но время беззаботной молодости проходитъ для меня. Заплативъ ей должную, хотя съ моей стороны и небольшую дань, потому что слишкомъ великихъ глупостей мнѣ дѣлать не удавалось, я становлюсь осмотрительнѣе и не отчаяваюсь быть однажды весьма разсчетливымъ. Въ этомъ утѣшительномъ ожиданіи Вы мнѣ простите, любезный другъ Рара, если присланныхъ Вами лишнихъ денегъ я въ этотъ разъ не употреблю еще на составленіе экономической суммы, а постараюсь прикрыть ими прошлые грѣхи. Упоминаю объ этомъ, потому что желаю, чтобы близкіе люди знали меня, каковъ я есть, чтобы я не представлялся имъ ни чрезвычайно благоразумнымъ, ни черезчуръ безразсуднымъ. Надѣюсь ни заслужить этимъ Вашего неудовольствія. Все короче и короче становится время разлуки съ Вами и предстоя-

щая общественная жизнь начертывается въ моемъ воображеніи все съ большими и большими подробностями. Что скажетъ дѣйствительность, не знаю, но надеждъ пропасть, самыхъ утѣшительныхъ и скромныхъ. Такъ, какъ для письменнаго произведенія, необходимо составить и держаться основныхъ идей, не заботясь сначала о подробностяхъ, которыя, какъ говорится, набѣгутъ сами собою, такъ я думаю и въ жизни человѣка, извѣстныхъ лѣтъ, не юноши, главные пункты на пути, пункты, избранные желаніями, склонностями, привычками, должны быть впредь обезпечены и ихъ должно держаться, подъ опасеніемъ безпутнаго странствованія, подробности же и тутъ опредѣлятъ обстоятельства. Означеніемъ этихъ пунктовъ занимается частенько думка моя. Знаніе самого себя всего лучше можетъ руководить въ выборѣ, но увы! и ошибиться не трудно. Третьяго дня проѣхалъ черезъ Дерптъ Петръ Яковлевичъ Фокъ, посланный въ Лондонъ по какимъ то финансовымъ дѣламъ. Мнѣ удалось побесѣдовать съ нимъ съ полчаса и я уговаривалъ его, чтобы на возвратномъ пути онъ посѣтилъ Васъ. Порученіемъ своимъ Петръ Яковл., кажется, совершенно доволенъ; чего же больше? въ его лѣта катаетъ себѣ на перекладныхъ и по ужаснѣйшимъ дорогамъ и ничего—здоровъ и веселъ. Привезъ онъ мнѣ изъ Петербурга воспоминанія Ѳ. В. Булгарина. Прочелъ я нѣсколько главъ и сознаюсь, что они меня очень занимали; что ни толкуй, а ума и наблюдательности у Булгарина нельзя оспаривать. Обнимаю Васъ, любезный другъ Рара, цѣлую maman и дѣтокъ. Желаю Вамъ быть здоровымъ и прошу благословить нѣжно любящаго Васъ сына В. Стороженко.

148.

9 апрѣля 1846 года. Давно не имѣю никакихъ новостей о Васъ, любезный другъ Рара, я чаю, Вы очень заняты и краковскія дѣла съ ихъ послѣдствіями доставили Вамъ немало хлопотъ. Читалъ кое что обо всемъ въ газетахъ и недоумѣвалъ и жалѣлъ, какъ только можно пожалѣть о слабостяхъ и заблужденіяхъ человѣческихъ. Воображенія и чувства у насъ въ вѣчной борьбѣ съ благоразуміемъ, - какъ удержать ихъ въ равновѣсіи? да и всегда ли благоразуміе лучше и прекраснѣе увлеченій воображенія и чувствъ? Послѣднія сильнѣе, безкорыстнѣе, но и неистовѣе, и ведутъ часто къ погибели. Холодный разсчетъ разсудка вѣрнѣе опредѣлитъ цѣль, настоятельнѣе будетъ преслѣдовать ее. Злые недостойны пощады, заблуждающіеся заслуживаютъ сожалѣнія. Мнѣ кажется, что заблужденія религіозныя и политическія требуютъ большей снисходительности, чѣмъ всякія другія, хотя въ мнѣніяхъ рели-

гіозныхъ и политическихъ всего труднѣе быть безпристрастнымъ. Странно однако же, что въ 19-мъ вѣкѣ на нашихъ глазахъ производятся такія дѣла, какъ безпорядки въ Вашемъ сосѣдствѣ и безтолковщины въ моемъ. И тѣ и другія становятся какимъ то дѣтствомъ, несовмѣстнымъ съ сѣдовласымъ вѣкомъ нашимъ. Періодъ мечтаній для меня не кончился еще, хотя я и переступилъ уже за четверть столѣтія. Тихая, уединенная жизнь и бесѣда съ книгами и съ самимъ собою распаляютъ воображеніе, но что скажетъ существенность, служба и т. д.? Неужели я обманусь въ томъ, чего такъ безкорыстно желаю? Боюсь очень, чтобы съ окончаніемъ созерцательной жизни дерптской не рушились мои идеалы. Зародилась мысль, начнешь обрабатывать ее и чѣмъ она чище, чѣмъ она прекраснѣе, тѣмъ легче, кажется, ея осуществленіе. Въ области умственной нѣтъ препятствій, нѣтъ сопротивленій; все кажется такъ ровно, гладко, что едва распустившаяся мысль въ самое короткое время стоитъ уже вся въ цвѣту и предвкушеніе созрѣвающаго плода доставляетъ уже наслажденіе и весь этотъ переходъ отъ сѣмени къ плоду совершается въ нѣсколько минутъ. Такъ въ мірѣ мечтаній—иное представляетъ дѣйствительность и увы! у кого станетъ силы на борьбу вѣчную? Я разумѣю между занятіями моими два рода: занятія для себя, и это самое интересное, самое важное, и занятія для экзамена. И тѣ и другія идутъ порядочно. Лѣто наступающее, можетъ быть, послѣднее для меня въ Дерптѣ, думаю провести здѣсь безвыѣздно. Нанялъ себѣ комнатку за городомъ за 25 р. асс. на цѣлое лѣто и радуюсь, что, между книжными занятіями, буду имѣть возможность ходить по полямъ и заниматься садоводствомъ, до котораго Фробенъ мой такой страшный охотникъ. Миша Краснокутскій въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ будущаго ѣдетъ въ Симбирскую деревню, беретъ съ собою молодого агронома и намѣренъ заняться съ нимъ серьезно хозяйствомъ. Миша пребойкій малый и имѣетъ много практическаго ума. Увѣренъ, что онъ устроитъ хорошо свои дѣла и принесетъ братьямъ и сестрамъ истинную пользу. Сеня тоже славный мальчикъ, развивается прекрасно и я много ожидаю отъ воспитанія, которое ему досталось на долю. Съ нетерпѣніемъ, любезный другъ Рара, жду времени свиданія нашего. Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Дерптѣ, многое передумалось, много переработалось во мнѣ и хоть внѣшняя жизнь моя и не была полна происшествіями замѣчательными, но внутренняго пережилъ я много и это внутреннее такъ хотѣлось бы мнѣ передать Вамъ. Когда я возьмусь за перо, чтобы писать къ Вамъ, голова моя полна идей; и то бы хотѣлось сказать и другое; но подумаешь, подумаешь и рѣшаешь: лучше не писать, а отложить до свиданія. Живымъ словомъ, при помощи глазъ, выраженій лица и наконецъ рукъ—трудно иногда выразить задушевное, тѣмъ труднѣе

это на бумагѣ. Какъ Вы примете то, какъ поймете другое—это вѣчная моя забота. Говорятъ: каждый судитъ по себѣ—къ несчастью, это такъ, хотя и должно было бы быть иначе. Такъ, какъ отъ судьи въ техническомъ значеніи слова, требуютъ, чтобы онъ являлся въ судъ не съ готовыми уже убѣжденіями и мнѣніями о судимомъ предметѣ, а судилъ бы объективно (простите за выраженіе), по тому, что представляется его сужденію, такъ бы мнѣ, кажется, слѣдовало и во всемъ, и это, я думаю, единственное ручательство въ безпристрастіи. Едва написалъ я предыдущія строки, а меня ужъ и начинаетъ мучить: что подумаетъ Рара, не приметъ ли онъ написаннаго за намекъ на то, что меня не понимаютъ, за упрекъ въ томъ, что онъ судитъ меня слишкомъ строго и т. п. Странное дѣло: сколь много я допускаю простоты въ людяхъ и довѣряю имъ, столько, кажется мнѣ, другіе подозрѣваютъ во мнѣ непростоты и хитрости. Можетъ быть, это и не такъ, но я подозрѣваю, что другіе подозрѣваютъ во мнѣ. Необъяснимое и для меня противорѣчіе! Въ здоровьѣ и весельѣ нѣтъ недостатка. Обнимаю Васъ, maman, дѣтокъ, Лизу и Николая Ивановича. Прошу благословенія Вашего и остаюсь преданнымъ сыномъ

В. Стороженко.

149.

Варшава 27 апрѣля 1846 г.

Отъ безпрерывныхъ треволненныхъ обязанностей служебныхъ все свое лежитъ на днѣ чистаго источника, подернутаго рябью бушующихъ надъ нимъ вѣтровъ.

Утро мое тотчасъ наполняется хлопотливымъ многодѣліемъ, въ которомъ проходитъ день, а вечернее изнеможеніе не даетъ минуты свободной. Поэтому я всякій день думалъ писать къ тебѣ, любезный другъ мой Вольдемаръ, и дошло до времени посылки денегъ, кои при семъ отправляю.

Если ты заглядываешь иногда въ публичныя вѣдомости, то читалъ о происшествіяхъ у насъ; зная же мое положеніе, можешь судить, каково мнѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Спѣшу, по тщетному быть можетъ стремленію къ добру общему, кончить и успокоить вопіющее, дабы безъ малѣйшаго упрека совѣсти, свѣтлымъ взоромъ глядѣть на мирную нашу родину, куда собираюсь ѣхать въ первыхъ числахъ мая. И близкіе мнѣ говорятъ, что я соскучусь въ бездѣйствіи. Какая хула

на мыслящаго и убѣдившагося 40-лѣтнимъ самоотверженіемъ, что кто умѣлъ трудиться не для себя, найдетъ для себя занятіе и въ уединеніи.

Лиза и Николай Ивановичъ сбираются также весною ѣхать въ С.-Петербургъ, откуда располагаютъ посѣтить и меня въ Чевельчѣ. Если бы не помѣшало экзамену твоему отсутствіе твое на каникулярное время, то пріѣзжай съ ними обнять нѣжно любящаго тебя отца и друга

Андрея Стороженко.

150.

Варшава 15/27 *мая 1846 г.*

Еще въ апрѣлѣ я подалъ въ отпускъ на 4 мѣсяца и 1-го мая располагалъ непремѣнно выѣхать въ Малороссію, какъ и писалъ къ тебѣ, любезнѣйшій другъ мой Вольдемаръ; но прибытіе въ Варшаву Государя Императора остановило выѣздъ мой, а отпускъ до сихъ поръ остается безъ движенія. Для суетнаго это было бы тщеславіемъ; мнѣ же кажется, что судьба перечитъ даже и въ томъ, чтобы я, сбросивъ хотя на время бремя заботъ, подышалъ чистымъ ровнымъ воздухомъ.

Государь, говорятъ, пробыть здѣсь изволитъ до 5-го іюня; послѣ того, пока се да то, я не попаду въ Чевельчу ранѣе іюля. Это предосадно: ибо тамъ идетъ все какъ то неладно; а здѣсь душусь безконечными разысканіями жалкаго безумья и подлости. Издали все это кажется не такимъ пошлымъ, какъ вблизи; но, вникая по неволѣ въ дрязги интригъ, обмана, и безсмысленныя жертвы возбуждаютъ одно лишь презрѣніе. Право, я жалѣю иногда, что Богъ далъ мнѣ сердце не Аракчеевское; а додавши къ этому совѣстливую отчетливость въ каждомъ поступкѣ, добрый въ постыдную эпоху ложныхъ умствованій и дерзновенныхъ предпріятій, совсѣмъ не происходящихъ отъ убѣжденій, терзается въ изысканіяхъ, кои хотя нѣсколько бы облегчали справедливость, несовмѣстную съ снисхожденіемъ.

Въ рѣдкія минуты отдохновенія въ воображеніи моемъ тѣснятся деревья, мною посаженныя въ Богодуховкѣ и въ Чевельчѣ, алѣетъ клубника въ Щербаковкѣ, благоухаютъ бѣлыя акаціи и выбрасываются изъ чистыхъ прудовъ золотистые караси, изъ коихъ борщъ слаще для меня всей французской кухни. Чтобы наслаждаться всѣмъ этимъ, я провелъ жизнь мученическую; вообрази же теперь, какъ грустно сидѣть въ каменныхъ стѣнахъ прикованнымъ дѣлами и окруженнымъ

непонятною для меня завистью, когда я завидую только живущимъ въ деревнѣ, разумѣется на старость.

Въ день выѣзда моего изъ Варшавы я напишу къ тебѣ; а ты, если это не отдалитъ тебя отъ экзамена, могъ бы прискакать ко мнѣ въ Пирятинъ. Лиза и Николай Ивановичъ, какъ тебѣ уже извѣстно, сбираются въ Петербургъ, и, если время позволитъ, то и въ Малороссію; но кажется, что это будетъ для нихъ весьма затруднительно, ибо они берутъ съ собою Маню, а дороги у насъ въ большомъ экипажѣ все еще дикія.

Обнимаю тебя отъ сердца и благословляю на грядущее.

Нѣжно любящій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

Ѳ. В. Булгарину пожелай отъ меня всѣхъ радостей въ его карьерѣ.

Получилъ ли ты деньги отъ меня въ маѣ? Maman и дѣтки цѣлуютъ тебя.

151.

21 мая 1846 г. Во мнѣ было всегда много нѣмецкаго элемента, а здѣсь я сдѣлался совершеннымъ нѣмцемъ, т. е. систематикомъ, методикомъ; всякая неожиданность ставитъ меня въ тупикъ; потому не удивляйтесь, любезный другъ Рара, если Вамъ скажу, что неожиданное приглашеніе Ваше пріѣхать обнять Васъ въ Малороссію, до того озадачило меня, что я право хорошенько не знаю, какъ мнѣ отвѣчать, что дѣлать. Прежде всего искренно благодарю Васъ и прошу быть увѣреннымъ, что мысль видѣть Васъ и всѣхъ близкихъ доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе; исполненіе же этой мысли предоставляю обстоятельствамъ. Позволятъ ли Вамъ дѣла отлучиться изъ Варшавы и когда? пріѣдетъ ли Лиза въ Петербургъ и поѣдетъ ли оттуда въ Малороссію? Что касается меня, то я уже сдѣлалъ часть экзамена, другую часть сдамъ черезъ недѣлю, но совершенно готовымъ не могу быть раньше конца этого года. Правда, что лекцій никакихъ мнѣ не остается болѣе слушать, такъ что для меня теперь каникулы и не каникулы все равно, но мнѣ нужно еще заняться русскими предметами и сдѣлать письменную работу, что потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Очень хотѣлось бы мнѣ въ Малороссію, но на короткое время стоитъ ли? Издержки большія, дорога продолжительная по пространству и по времени. Если бы Вы разсудили оставаться тамъ мѣсяца четыре и я

бы, запасшись книгами и всѣмъ нужнымъ, могъ бы провесть такое же время, не оставляя при томъ моихъ занятій, такъ, чтобы пришлось пріѣхать въ Дерптъ на короткое время только для сдачи экзамена,—это было бы другое дѣло. До полученія рѣшительныхъ отвѣтовъ я не двигаюсь съ мѣста и продолжаю мои занятія по прежнему. Съ недѣлю уже, какъ перебрался на мой чердачекъ. Видъ изъ окошка удивительный, а спустишься съ лѣстницы и нѣсколько шаговъ сдѣлаешь, такъ въ прекрасномъ саду—препріятно! Для занятій нельзя выдумать лучшаго мѣста. Задумываясь о своей будущности, ничего не могу найти сообразнѣе съ моими видами и желаніями, какъ начать мое гражданское поприще въ губерніи; это. по моему мнѣнію, ближе къ дѣлу, въ маленькомъ кругу, кажется, можно болѣе принести пользы и самъ болѣе пріобрѣтешь опытности. Для теоретическихъ занятій пріятно было бы имѣть вблизи подъ рукою университетъ; поэтому всего проще, мнѣ кажется, искать себѣ мѣста въ Кіевѣ или Харьковѣ. Не знаю я тамошнихъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, но если они люди съ умомъ, съ желаніемъ общаго добра, то, право, не дурно было бы поискать у нихъ занятій по способностямъ и наклонностямъ себѣ. Это обстоятельство можно тоже было бы присоединить къ числу цѣлей поѣздки моей въ Малороссію. Какъ Вы объ этомъ думаете, любезный другъ Рара? Съ моимъ тиходумствомъ и какимъ то равнодушіемъ я въ Петербургѣ дороги не сдѣлаю. Рано или поздно Вы тоже, можетъ быть, поселитесь въ деревнѣ, поближе будетъ къ Вамъ, а умному вездѣ найдется кругъ полезной дѣятельности. Судя по многому, Петербургъ двигается впередъ и, чтобы провинція не отставала, нужно и тамъ людей. Не беру на себя быть преобразователемъ, но буду радъ, если удастся мнѣ, хоть нѣсколькими идеями обогатить мыслехранилище собраній. Въ ожиданіи Вашихъ рѣшеній остаюсь нѣжно любящимъ Васъ сыномъ В. Стороженко. Обнимаю maman и дѣтокъ. Очень, очень благодарю за деньги, которыя 19-го получилъ.

152.

Варшава 7/19 *іюня 1846 г.*

Поѣздка моя въ Малороссію останавливалась, то откладываніями со стороны князя, то пребываніемъ здѣсь Государя Императора; а теперь запрудилась развитіями разныхъ предположеній и нѣкоторыми дѣлами моими собственными. Чрезъ нѣсколько дней однако же рѣшительно буду проситься, и ежели встрѣчу отлагательства, готовъ хоть въ отставку.

Если бы я не подалъ въ апрѣлѣ еще просьбы, то могли бы думать, что награжденіе короною на звѣзду Анненскую разгнѣвало меня. Люди судятъ по себѣ, а если бы они знали безкорыстное мое стремленіе къ пользѣ общей и равнодушіе къ блесткамъ свѣта, то, можетъ быть, даже завидовать бы перестали. Чортъ знаетъ, чѣмъ я возбуждаю зависть, преслѣдующую меня отъ лѣтъ юности. Видно, что и самоотверженіе колетъ глаза невѣжеству. Не менѣе несносно для меня и сожалѣніе; но отвѣтъ на нихъ, что я прошлаго года получилъ Владиміра, замыкаетъ уста доброжелательныхъ.

Изъ Малороссіи только могу написать тебѣ, какъ долго тамъ останусь; лишь бы уѣхать. По этому и ты расположишь твое отсутствіе изъ Дерпта; но ежели въ декабрѣ кончится твое университетское житье, то дѣйствительно не стоитъ мучиться по прескверныхъ дорогамъ. Лизу же и Николая Ивановича увидишь въ С.-Петербургѣ, куда они вскорѣ располагаютъ ѣхать.

Отъ тебя собственно зависитъ выборъ службы. Въ Кіевѣ я поговорю съ Бибиковымъ о твоемъ желаніи и напишу тебѣ обстоятельно объ этомъ. Во всякомъ случаѣ зимою мы должны непремѣнно видѣться; а это всего лучше было бы на мѣстѣ твоей службы, куда я пріѣду, хотя бы это было и за тридесять земель.

Maman и дѣтки цѣлуютъ тебя. Послѣдніе—слишкомъ малы для меня по времени; но премиленькіе и преумные; жаль только, что не знаютъ ни по русски, ни по польски; а я хочу сдѣлать Колю чистымъ малороссіяниномъ, къ чему онъ имѣетъ всѣ квалификаціи: тяжелъ, всегда что то думаетъ, и наивенъ юмористически; любитъ кушать, и за столомъ не сводитъ глазъ съ тарелки; значитъ, что онъ занятъ тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, по характеру земляковъ его.

Лизину Маню ты увидишь—дѣвочка премиленькая.

Посылаю тебѣ деньги на іюль и августъ.

Булгарина обними за меня дружески, и скажи, что Петербургская Галлерея Эрмитажныхъ картинъ въ литографіи не пойдетъ здѣсь; а особенно въ настоящее время треволненія послѣ безпутныхъ продѣлокъ въ краѣ.

Желаю тебѣ здоровья и успѣховъ во всѣхъ твоихъ предположеніяхъ.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ

Андрей Стороженко.

Сейчасъ получилъ я письмо твое отъ 21 мая. Правда, что самое величайшее счастіе въ предназначеніи быть полезнымъ человѣче-

ству; а увѣренность въ чистотѣ дѣйствій и въ отчетѣ совѣсти становитъ насъ выше толпы и выше зависти. Легокъ крестъ житейскій для чуждаго самой благодарности.

153.

2-е іюля 1846 г. Въ двадцатыхъ числахъ прошедшаго мѣсяца получилъ я Ваше письмо съ деньгами, любезный другъ Рара. Благодарю очень за извѣстіе о себѣ и за деньги. Надѣюсь, что эти строки застанутъ уже Васъ въ Чевельчѣ и что Вы послѣ многосторонних и утомительныхъ трудовъ служебныхъ отдыхаете уже между хлопотъ деревенскихъ. Что одному трудъ, то другому отдохновеніе. Механическаго спокойствія т. е. недѣятельности не существуетъ для умнаго человѣка, измѣняется только поприще. Жалѣю очень, что мнѣ не удастся раздѣлить Вашего отдохновенія, но полъ-года не Богъ знаетъ сколько времени, перетерплю и обниму Васъ зимою по окончаніи всего предположеннаго. Благодарю за обѣщаніе напутствовать меня при началѣ моей служебной дороги изустными наставленіями. Въ предыдущихъ письмахъ высказалъ мое желаніе начать службу въ Малороссіи, но предоставляю это Вамъ. Я слишкомъ мало знаю провинцію и если тамъ вмѣсто служенія мнѣ придется любезничать передъ какою нибудь подругою начальника, то я впередъ отказываюсь отъ такого удовольствія и готовъ хоть въ палату. Говорятъ, что полтавскій гражданскій губернаторъ, г. Ознобишинъ, прекрасный человѣкъ; но Полтава сама то малороссійскій хуторъ, и хотя подполковникъ Щербачевъ, бывшій тамъ губернскимъ жандармомъ, и разсказывалъ мнѣ много хорошаго о тамошнемъ кругѣ общества, но я какъ то сталъ недовѣрчивъ къ росказнямъ и, признаюсь не желалъ бы жить въ городѣ, гдѣ ни музыкальнаго, ни танцовальнаго учителей не состоитъ на лицо. Впрочемъ, куда бы ни было, лишь бы попасть въ омутъ нашей русской жизни съ ея недостатками, можетъ быть, но съ надеждами на лучшее грядущее. Николаю Ивановичу въ отпускѣ отказали, а потому надежда увидѣть сестру въ Петербургѣ тоже рушилась. За этою неудачею я отказался отъ всѣхъ предположенныхъ этимъ лѣтомъ поѣздокъ. Остаюсь здѣсь, занимаюсь, чтобы скорѣе закончить; можетъ быть, это и къ лучшему, по крайней мѣрѣ утѣшаю себя этимъ; лѣто при этомъ довольно дурное и нѣтъ охоты двигаться съ мѣста. Радуюсь, что дѣтки наши такія миленькія и что Коля обѣщаетъ быть малороссіяниномъ. Поменѣе мечтательности, поболѣе здраваго смысла и доброе сердце. Это условіе счастья. Кто вполнѣ занятъ настоящимъ, тому мало остается времени

забываться въ прошедшемъ и мечтать о будущемъ—это и лучше. Тѣмъ понятнѣе значеніе дѣйствительнаго, тѣмъ лучше выборъ средствъ, тѣмъ вѣрнѣе достиженіе цѣли. Противное этому испытывалъ и испытываю на себѣ, а потому тѣмъ менѣе желаю этого маленькому братишкѣ, который едва началъ только поприще житейское. Обнимаю Васъ, любезный Рара, maman и дѣтокъ. Цѣлую ручки добрымъ старикамъ нашимъ; авось-либо и мнѣ доведется еще увидѣть ихъ. Цѣлую всѣхъ родныхъ и остаюсь преданнымъ другомъ и сыномъ

В. Стороженко.

Ѳаддей Венедиктовичъ кланяется очень, здоровъ, пишетъ. Венгерскаго еще не пробовалъ.

154.

Варшава $^{14}/_{26}$ *августа 1846 г.*

Письмо твое, любезнѣйшій сынъ мой и другъ Вольдемаръ, я получилъ въ Щербаковкѣ, отстоящей отъ города Пирятина пять верстъ. Это новая наша деревня; она совершенно уже устроена: домикъ лѣтній для пріѣзда, и красивый, и прекрасный внутри, въ немъ, говорятъ, безпрестанный сквозной вѣтеръ, ибо нѣтъ сѣней, а двери прямо въ залу изъ двора, и изъ залы въ садъ; но на родинѣ и сквозные вѣтры мнѣ не страшны; я просиживалъ легко одѣтый по нѣскольку часовъ въ залѣ, читалъ, думалъ, а въ несравненную украинскую ночь восхищался темнымъ небосклономъ, какъ бы не дѣлящимся съ слоями атмосферы. Садъ въ Щербаковкѣ обширный, разбитый мною въ новомъ вкусѣ; но старые фрукты, а въ особенности наши вишни, вкуснѣе всякихъ оранжерейныхъ,—деревьевъ фруктовыхъ пропасть и даже есть много орѣховъ, называемыхъ фундуками; сюда я перегналъ изъ Богодуховки конскій заводъ, который въ привольѣ на просторныхъ пастбищахъ и въ тѣлахъ и вообще въ порядкѣ; завелъ простыхъ овецъ, устроилъ пивоварню, въ коей выписанный мною мастеръ изъ Баваріи варитъ такое пиво, какого нѣтъ и въ Варшавѣ.

Чевельчи ты бы совершенно не узналъ; къ прежнему дому пристроена мною картинная галлерея каменная. Не только садъ, разбитый совершенно по новому плану, но даже дворы заросли въ клумбахъ деревьями и кустарниками, а выстроенная вновь колокольня, каменная же, украсила площадь. Здѣсь заведены гишпанскія уже овцы, есть также пивоварня и кончены всѣ хозяйственныя постройки.

Въ Богодуховкѣ все по старому; бабушка и дѣдушка, слава Богу, еще живутъ и благословляютъ тебя; садикъ нашъ и усадьба заросли деревьями и сдѣлалось, правду сказать, мрачно; тутъ содержатся только 40 коровъ и своимъ порядкомъ идетъ хлѣбопашество. Я пробылъ въ Богодуховкѣ нѣсколько часовъ, объѣхалъ поля, красующіяся урожаемъ; въ Чевельчѣ жилъ только семь дней, а въ Щербаковкѣ четыре дня; былъ въ Ромнѣ на ярмаркѣ два дня и съ грустнымъ чувствомъ долженъ былъ разстаться съ родными полями и скакать въ жары невыносимыя опять на службу.

Въ Варшавѣ Maman, дѣтокъ, дѣтей и внучку нашелъ, слава Богу, здоровыми; измученный скакнею, принимаюсь снова за дѣло; но милая Малороссія все еще снуется въ воображеніи; какъ мнѣ пролетѣли 28 дней! Въ Кіевѣ однако жъ я пріостанавливался, говорилъ о тебѣ съ военнымъ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ, который обѣщалъ мнѣ, пока онъ будетъ на этомъ мѣстѣ, покровительствовать тебѣ у себя на службѣ.

Кіевскій университетъ мнѣ нравится и по духу, и по любви въ немъ къ наукамъ; это звѣзда, просвѣщающая полуденную Россію, имѣющую свой собственный типъ любознательности. Но о томъ, какъ быть тебѣ, рѣшимъ зимою, когда ты, кончивъ всѣ экзамены, пріѣдешь къ намъ въ Варшаву съ ученою степенью и съ правомъ избрать себѣ родъ службы.

Посылаю тебѣ на сентябрь и октябрь деньги и благословляю отъ полноты моего сердца.

Нѣжно любящій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

Ѳ. В кланяюсь, и обнимаю его съ истинно дружескимъ привѣтствіемъ.

155.

Варшава $\frac{22\ сентября}{4\ октября}$ *1846 г.*

Много писать къ тебѣ, милый другъ моіі Владимиръ, не имѣю времени, ибо выѣзжаю осматривать губерніи; а въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно стекаются и люди, и дѣла, какъ будто бы необходимо сдѣлать въ одинъ день, что можетъ длиться и мѣсяцъ.

Спѣшу отправкою тебѣ положенныхъ денегъ на ноябрь и декабрь, дѣлая къ нимъ нѣкоторую прибавку, по соображенію, что ты долженъ будешь употребить нѣчто и для почты.

Съ радостнымъ нетерпѣніемъ будемъ ожидать отъ тебя извѣстія, когда ты съ честію по степени и трудамъ прикатишь къ намъ въ Варшаву; а мы здѣсь уже положимъ, гдѣ начать тебѣ службу. Съ патентомъ вездѣ хорошо; но въ Варшавѣ, или въ Царствѣ Польскомъ вообще я не совѣтовалъ бы покудова; надобно сначала узнать свое, чтобъ трудиться на чужомъ съ пользою.

Радъ я, что Ѳаддею Венедиктовичу вино понравилось, хотя онъ мнѣ еще и не писалъ объ этомъ.

Языкъ моей несравненной милой родины хорошъ только для насъ; но чтобы затѣвать на немъ литературныя продѣлки, это все равно, что украшать залу запоздалыми цвѣтами, которые осываются при всей заботливости о нихъ.

До радостнаго свиданія!

Нѣжно любящій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

При семъ прилагаю 225 руб. сер.

156.

30 октября 1846 г. Выжидалъ окончанія моего экзамена, любезный другъ Рара, чтобы увѣдомить Васъ объ этомъ и поблагодарить за полученныя мною въ началѣ октября письмо и деньги. Экзаменъ мой сдалъ я весьма хорошо и надѣюсь съ слѣдующею почтою представить Вамъ письменныя тому доказательства. Я простился съ Дерптомъ, оставивъ тамъ по себѣ хорошую память, оставивъ тамъ дорогихъ мнѣ людей, съ боязненнымъ чувствомъ ожиданія неизвѣстной будущности, съ живымъ воспоминаніемъ о четырехъ годахъ, о чудномъ времени, посвященномъ духовному развитію. Невыразимо благодаренъ Вамъ, добрый Рара, за эти годы, но ожидаю отъ Васъ еще одного маленькаго пожертвованія въ пользу науки и моего образованія; объ этомъ поговоримъ однако же при свиданіи, котораго ожидаю съ нетерпѣніемъ и которое осуществится въ генварѣ, вѣроятно, потому что до полученія кандидатскаго диплома мнѣ нужно еще представить въ университетъ письменную работу, которою займусь здѣсь въ Петербургѣ. Остановился я у Натальи Андреевны, которая отвела мнѣ у

себя комнатку, гдѣ я могу спокойно заниматься. Три дня уже обращаюсь въ кругу моихъ Петербургскихъ знакомыхъ. Не смотря на удовольствіе свиданія, мнѣ почти тягостны здѣшній шумъ и суета. Но нужно привыкать, хоть душа еще долго и долго будетъ жаждать созерцательной жизни Дерптской. Ограничиваясь, другъ Рара, на этотъ разъ этими строками, потому что дня черезъ три надѣюсь получить изъ Дерпта мои бумаги, которыя тотчасъ же доставлю къ Вамъ. Прошу Вашего благословенія на все хорошее, цѣлую maman и дѣтокъ. Нѣжно любящій сынъ Вашъ В. Стороженко, поручикъ и кандидатъ правъ.

157.

5 ноября 1846 г. Посылаю Вамъ, любезный другъ Рара, съ этимъ письмомъ бумагу, полученную мною отъ Дерптскаго юридическаго факультета, изъ которой Вы увидите, что для полученія кандидатскаго диплома мнѣ нужно только представить письменную работу, которою и занимаюсь теперь въ Петербургѣ. Темою избралъ я себѣ: Совѣстные суды въ Россіи. Я досталъ себѣ доступъ въ здѣшній совѣстный судъ и предсѣдатель его д. с. с. Шамшевъ открылъ мнѣ всѣ источники для узнанія этой части. Предметы русскаго права невыгодны для подобныхъ работъ, потому что у насъ нѣтъ юридической литературы. Посмотрю, что удастся мнѣ сдѣлать. Здѣсь пропасть пищи моему тщеславію; похвалы и удивленія слышу я со всѣхъ сторонъ. Многіе предлагали уже мнѣ мѣсто. Но странно, что я какъ то упалъ духомъ; вѣрно перемѣна образа жизни и маленькое нездоровье (malaise) этому причиною. Добрѣйшая Наталья Андреевна ласкаетъ и холитъ меня, какъ сына. Выѣзжаю я немного. Видѣлся съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ. Онъ весьма ласковъ ко мнѣ и помогаетъ, гдѣ можетъ. Вижусь часто съ Петромъ Яковлевичемъ [1]); онъ сдѣлался совершеннымъ англичаниномъ послѣ своего путешествія. Владиславлева до сихъ поръ не могъ отыскать. Буду торопиться съ окончаніемъ моей работы, чтобы поскорѣе обнять Васъ. Обнимаю Васъ нѣжно, обнимаю также maman и дѣтокъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко.

---

[1]) Фонъ-Фокомъ.

158.

Варшава $\frac{29\ ноября}{11\ декабря}$ *1846 года.*

Два письма твои, любезнѣйшій сынъ мой и другъ Владиміръ, потѣшили отцовское сердце. Присланное при первомъ письмѣ увѣдомленіе тебя Дерптскимъ университетомъ о признаніи тебя кандидатомъ юриспруденціи при семъ возвращаю. Работа твоя для полученія патента, вѣроятно, будетъ въ декабрѣ кончена и отправлена. и ты поспѣшишь въ распростертыя объятія наши. Посылаю тебѣ 150 рублей серебромъ, адресуя ихъ по жительству твоему въ домѣ Таля, у добрѣйшей Наталіи Андреевны, которой цѣлую ручки.

Въ надеждѣ скоро обнять тебя и съ удовольствіемъ наговориться обо всемъ ограничиваюсь въ письмѣ моемъ.

Да ниспошлетъ тебѣ Господь Богъ здоровье.

Засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе матушкѣ Николая Ивановича и сестрицѣ его.

Ивана Николаевича поцѣлуй отъ меня, и пожелай всему ихъ доброму семейству счастья.

Поцѣлуй также Дмитрія Ивановича Дарагана, и подтверди истинное дружеское мое расположеніе Ѳаддею Венедикт вичу.

Купи мнѣ въ англійскомъ магазинѣ дюжину коробочекъ „Magnesia Lozenges“ въ бѣлыхъ пастелькахъ, отъ изжоги. Коробочка оной стоитъ 3 руб. ас., на что прилагаю 10 руб. сер. Это привези съ собою.

Maman и дѣтки цѣлуютъ тебя и ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, какъ и благословляющій тебя отъ сердца

отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

159.

13 декабря 1846 г. Весьма благодаренъ Вамъ, любезный другъ Рара, за письмо и деньги; послѣднія пришлись мнѣ очень кстати, потому что, какъ вы знаете, въ Петербургѣ жизнь не дешевая Получивъ деньги, я рѣшился экипировать себя здѣсь, и хоть это и очень дорого, но нужно быть порядочно одѣтымъ. Работу мою я давно кончилъ и

отправилъ въ Дерптъ, гдѣ уже хлопочутъ о томъ, чтобы факультетъ какъ можно скорѣе пересмотрѣлъ ее и сдѣлалъ опредѣленіе. Этого только я и поджидаю. Когда мнѣ вышлютъ дипломъ, то тотчасъ же возьму мѣсто въ почтовой каретѣ, чтобы ѣхать въ Варшаву. Если бы работу нашли неудовлетворительною, то останусь недѣльку лишнюю здѣсь, чтобы ее исправить. Дождавшись такъ долго, нужно уже выждать диплома. Живу я здѣсь у Натальи Андреевны, какъ у Христа за пазухой. Она меня балуетъ. По утрамъ читаю, потомъ посѣщаю знакомыхъ. Думалъ сдѣлать нѣсколько оффиціальныхъ визитовъ, но до сихъ поръ порядочнаго фрака не было. Когда портной принесетъ, то съѣзжу къ Туркулу, Игнатьеву и др. Недавно отыскалъ Владиславлева. Онъ въ отставкѣ, живетъ артистомъ; литература, живопись, музыка—вотъ его сфера. Благую часть избралъ. Ѳаддея Венедиктовича тоже вижу изрѣдка. Онъ занятъ „Пчелою“ и здѣсь совершенно другой человѣкъ, какъ въ Карловѣ. Для его спокойствія желаю, чтобы онъ продалъ „Пчелу“, какъ онъ и намѣревается; тогда бы у него достало и времени и спокойствія для порядочной обработки множества матеріаловъ, какіе у него находятся. О моихъ будущихъ планахъ поговоримъ при свиданіи. Обнимаю Васъ нѣжно, цѣлую Maman и дѣтокъ. Всѣ родные и знакомые вспоминаютъ Васъ и поручаютъ мнѣ усердно кланяться Вамъ. Нѣжно преданный Вамъ сынъ В. Стороженко.

160.

28 декабря 1846 г. На этотъ разъ, любезный другъ Рара, не могу сообщить Вамъ самыхъ удовлетворительныхъ извѣстій. Работу мою, которую я выслалъ въ Дерптъ въ концѣ ноября, возвратили мнѣ съ нѣкоторыми замѣчаніями, которыя долженъ имѣть въ виду при исправленіи и пополненіи написаннаго уже. Это займетъ нѣсколько недѣль времени, такъ что отъѣздъ мой въ Варшаву не могу назначить раньше конца генваря или начала февраля. Пожалуйста не безпокойтесь. Согласитесь, что, сдѣлавши столько, нужно собраться съ терпѣніемъ и до конца, и не пугаться маленькою неудачею. Этотъ неожиданный щелчокъ моему самолюбію нужно перенести и заставить себя вновь приняться за дѣло, которое почиталъ оконченнымъ. На дняхъ отправляюсь я въ Царское село къ одному товарищу, чтобы въ уединеніи успѣшнѣе и скорѣе сдѣлать требуемыя исправленія. Нѣмцамъ необходима ученая форма, необходимы цитаты – нужно удовлетворить и этому требованію. Послѣднее время жилъ я здѣсь довольно праздно; это начинало уже тяготить меня, какъ тутъ и опять работа. Пожалуйста будь-

те покойны и не представляйте себѣ моей неудачи больше, чѣмъ она есть. Одно мнѣ досадно только, что такимъ образомъ отдаляется нѣсколько наше свиданіе, котораго мы оба такъ жаждемъ. За деньги, полученныя мною въ началѣ декабря, благодарилъ я уже Васъ въ предыдущемъ письмѣ. На нихъ я экипировалъ себя здѣсь у лучшаго портного. Такимъ образомъ изъ нихъ осталось уже немного и я принужденъ просить Васъ выслать мнѣ на генварь и февраль еще въ Петербургъ. Не переслать ли Вамъ, другъ Рара, купленныхъ мною лепешекъ (Magnesia Lozenges) съ почтою? Можетъ быть, у Васъ не станетъ до моего пріѣзда. Уложенныя книги вновь разбираю и съ покойнымъ духомъ принимаюсь за работу, въ надеждѣ, что и Вы не станете принимать очень къ сердцу маленькое промедленіе въ дѣлѣ моемъ. Обнимаю Васъ горячо и желаю на новый, 1847-й годъ всякаго благополучія Вамъ и всему семейству Вашему. Обнимаю maman и дѣтокъ, сестру, Николая Ивановича и Машеньку. На дняхъ видѣлся я съ Sophie Koniar, которая недавно и благополучно прибыла сюда, но хорошенько разговориться съ нею еще не успѣлъ. Самое пріятное извѣстіе было то, что Вы всѣ здоровы. Наталья Андреевна, Владиміръ Андреевичъ, Дмитрій, Ваничка, Марія Ивановна—всѣ свидѣтельствуютъ Вамъ ихъ почтеніе. Еще разъ прошу Васъ не безпокоиться и не отказать въ отцовскомъ благословеніи сыну Вашему и другу В. Стороженко.

161.

Варшава $^{12}/_{24}$ *генваря 1847 г.*

Конечно, любезнѣйшій другъ мой Владиміръ, лучше высидѣть патентъ въ Петербургѣ, нежели бросить плодъ 4-лѣтнихъ трудовъ. А еще лучше было бы, еслибъ ты все это сдѣлалъ въ Дерптѣ, какъ всѣ дѣлаютъ, кончивши тамъ экзаменъ; впрочемъ я нисколько не безпокоюсь о формальностяхъ нѣмецкихъ; только, какъ бы то ни было, но патентъ тебѣ необходимъ.

Мы всѣ ожидали тебя къ Рождеству Христову; подождемъ и до февраля, лишь бы ты былъ здоровъ и поспѣшилъ бы обрадовать своимъ прибытіемъ.

Сто пятьдесятъ рублей серебромъ при семъ посылаю.

Поблагодари отъ меня Наталію Андреевну, Марію Ивановну [1]) и пр. за добрыя ихъ желанія мнѣ; и если увидишься съ Ѳаддеемъ Вене-

[1]) Ушакову.

диктовичемъ, то изъяви ему дружеское мое привѣтствіе; а Владиславлеву скажи, что онъ, вышедши въ отставку, какъ въ воду канулъ; ни привѣта, ни отвѣта, какъ будто мы раззнакомились съ нимъ. Я ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни не перемѣнялся противъ моихъ пріятелей.

До свиданья! жаждетъ обнять тебя другъ твой и благословляющій тебя отецъ

А. Стороженко.

Свиданье наше еще отдалено, другъ мой Володя, ко всеобщему нашему сожалѣнію; я съ нетерпѣніемъ ожидала праздника въ надеждѣ обнять тебя, но еще надо имѣть терпѣніе. Мы всѣ благодаря Бога здоровы и дѣточки мои цѣлуютъ Тебя. Въ Варшавѣ начались балы и веселятся необыкновенно; хотя я не люблю всего, что нарушаетъ мою покойную жизнь, но издали смотрю на людей суетящихся.

Пріѣзжай къ намъ скорѣе, милый Володя, квартира для тебя готова, и я увѣрена, что ты теперь болѣе найдешь пріятнаго въ Варшавской жизни, чѣмъ прежде. Съ нетерпѣніемъ ожидаетъ сей минуты любящая тебя со всею нѣжностію друга Julie S.

Нат. А. мое почтеніе.

162.

23 января 1847 года.

Желая успокоить Васъ, любезный другъ Рара, на мой счетъ, даю Вамъ здѣсь подробный отчетъ о причинахъ, задерживающихъ меня въ Петербургѣ. Передъ послѣднимъ отъѣздомъ моимъ изъ Дерпта находился я тамъ безвыѣздно болѣе одного года. Будучи почти безпрестанно занятъ приготовленіемъ къ экзамену, я утомился и маленькое разсѣяніе сдѣлалось для меня потребностію; поэтому и еще по нѣкоторымъ другимъ причинамъ рѣшился я по сдачѣ словеснаго экзамена оставить Дерптъ и заняться необходимыми работами въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что, по увѣренію декана нашего факультета, дальнѣйшее пребываніе мое въ Дерптѣ не было нужнымъ и что онъ далъ мнѣ обѣщаніе сдѣлать съ своей стороны все, чтобы ускорить высылку мнѣ диплома, по полученіи отъ меня письменной работы. Тотчасъ почти по пріѣздѣ въ Петербургъ, т. е. въ концѣ октября, занялся дѣломъ и въ концѣ ноября уже послалъ работу въ Дерптъ. Предметомъ ея были

„Совѣстные суды въ Россіи“; форму далъ я ей философическую и отъ этого самаго произошло, что, ограничиваясь общими взглядами и избѣгая подробностей, я впалъ въ неточность и не исчерпалъ вполнѣ положительнаго источника о моемъ предметѣ, именно Свода Законовъ. Статья моя нашла строгаго критика въ одномъ профессорѣ, съ которымъ по разнымъ обстоятельствамъ я не въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ; онъ далъ себѣ трудъ на 40 страницъ моей работы написать четыре страницы замѣчаній. Вслѣдствіе этого факультетъ при всемъ желаніи угодить мнѣ нашелся въ необходимости возвратить мнѣ работу для исправленія Самолюбіе мое было немного задѣто и я нѣсколько дней былъ въ нерѣшительности, отказаться ли мнѣ совершенно отъ исправленія, а слѣдовательно и отъ диплома, или подчиниться требованіямъ факультета. Послѣ разныхъ соображеній и толковъ рѣшился на послѣднее. Собравши здѣсь всѣ нужныя для моей работы матеріалы, я въ первый день новаго года отправился въ Царское Село и оставался тамъ три недѣли, не выходя тамъ изъ комнаты и позволяя себѣ только по воскресеньямъ съѣздить по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. О ходѣ моей работы скажу слѣдующее: замѣчанія моего критика можно подраздѣлить на справедливыя, несправедливыя и смѣшныя; къ первымъ относятся всѣ тѣ которыя указываютъ на неполноту въ пользованіи Сводомъ Зак.; ко вторымъ принадлежатъ замѣчанія историческія. Критикъ говоритъ, что приписывать учрежденіе Совѣстныхъ судовъ Императрицѣ Екатеринѣ значитъ разорвать связь ихъ съ прошедшимъ и что въ судахъ 12-ти мужей по Русской Правдѣ, въ цѣловальникахъ 15-го и далѣе вѣковъ, и, наконецъ, въ добросовѣстныхъ по Уложенію нужно искать уже предвѣстниковъ учрежденію Сов. Судовъ. Къ третьимъ можно причислить всѣ замѣчанія о формѣ и о мелочахъ, на которыя и обращать вниманіе совѣстно. Изъ этихъ трехъ родовъ замѣчаній я воспользовался первыми, стараюсь опровергнуть вторыя и оставить безъ выполненія третьи. Работу мою сдѣлалъ я сперва по русски, потомъ перевелъ, а частію и передѣлалъ ее по нѣмецки, и, наконецъ, долженъ былъ переписать. Такъ какъ она увеличилась всѣмъ историческимъ отдѣломъ, то объемъ ея сдѣлался гораздо больше, и потому переводъ и переписка потребовали довольно много времени. Только вчера удалось мнѣ послать ее въ Дерптъ и теперь я жду въ Петербургѣ рѣшенія, объявивъ въ Дерптѣ всѣмъ, кому нужно, что они себѣ тамъ какъ знаютъ, а дипломъ долженъ я имѣть, и если они будутъ дѣлать проволочки, то я буду просить позволенія представить работу мою на сужденіе въ здѣшній юридическій факультетъ. Можетъ быть, мнѣ придется пробыть здѣсь и весь февраль, но что же дѣлать? Войдя въ мое положеніе, Вы вѣрно оправдаете меня, а что все вышесказанное совершенно согласно съ истиною, въ томъ представлю Вамъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, пись-

менныя доказательства, а именно: мою прежнюю работу, замѣчанія профессора, мою вторую работу и всѣ письма, относящіяся до этого предмета. Живу я здѣсь очень тихо. У дѣтей Натальи Андреевны — Надиньки и Катиньки [1]) скарлатина, а потому и для меня заперты всѣ знакомые дома, гдѣ только есть дѣти. Вижусь только съ товарищами. Читаю кое что, но скучаю безъ опредѣленныхъ, постоянныхъ занятій, къ которымъ привыкъ въ Дерптѣ. Недавно по одному дѣлу ѣздилъ я къ Полтавскому архіерею Гедеону, съ которымъ говорилъ между прочимъ о Малороссіи. Онъ бывалъ въ Чевельчѣ и очень радовался, что тамъ хорошая церковь, жалѣетъ, что не имѣлъ случая познакомиться до сихъ поръ съ Вами.—24 генваря. Вчера обѣдалъ я у Ивана Николаевича Скворцова. Онъ очень мило живетъ, не роскошно, но въ довольствѣ, и доволенъ своимъ положеніемъ. Жена его не избалована, безъ прихотей; желанія обоихъ не превышаютъ средствъ. Очень пріятно видѣть людей довольныхъ и счастливыхъ! Но значеніе счастья иное для одного, иное для другого, и судить другихъ по себѣ также невѣрно, какъ судить по другимъ себя. Всѣ родные вспоминаютъ Васъ, а я обнимаю сердечно Васъ, maman и дѣтокъ, и въ ожиданіи близкаго, пріятнаго свиданія остаюсь преданнымъ сыномъ и другомъ

В. Стороженко.

163.

Варшава $^{15}/_{27}$ *февраля 1847 г.*

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, милый другъ мой Вольдемаръ, ты откладываешь выѣздъ твой изъ С.-Петербурга до окончанія текущаго февраля. Какъ я ни желаю скорѣе обнять тебя, но для патента ты долженъ кончить полемику съ нѣмцемъ.

Послѣ того, что ты, внимая совѣтамъ моимъ, выдержалъ экзаменъ въ Дерптѣ, я увѣренъ вполнѣ, что и во всѣхъ дѣлахъ твоей жизни ты съ совѣстливою отчетностію всегда выполнишь обязанность человѣка честнаго и благороднаго. Эта утѣшительная увѣренность наполняетъ мысли мои о тебѣ.

Намъ надобно видѣться и поговорить обстоятельно, гдѣ и какъ начать тебѣ гражданскую службу. Передумалъ я много объ этомъ, и мнѣ кажется по видамъ и обстоятельствамъ, что и въ управленіи ми-

---

[1]) Надежда и Екатерина Максимовны фонъ-Фокъ.

нистра статсъ-секретаря Туркула послужить тебѣ было бы не безполезно. Побывай у него, разввѣдай все съ аккуратностію, чтобы, пріѣхавши къ намъ, ты могъ сказать по сему предмету твое мнѣніе; и если мысль моя согласуется съ твоими видами, въ такомъ случаѣ ты долженъ объяснить предварительно кому слѣдуетъ, что ты хочешь на нѣсколько мѣсяцевъ поѣхать въ Германію, посмотрѣть тамошніе университеты, суды и пр., и возвратясь, вступить уже въ службу.

Все это однако же только мои идеи, впрочемъ все отъ тебя собственно зависитъ; и въ Кіевѣ не дурно.

Письмо это я посылаю чрезъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Еліашевича, прилагая при ономъ *сто рублей серебромъ* на дорогу тебѣ отъ Петербурга до Варшавы.

Будь здоровъ!

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

164.

Прага 9-го іюля н. ст., пятница, 1847 года.

Вчера въ четыре часа по полудни пріѣхали мы благополучно въ Прагу, остановились zum schwarzen Ross, и сегодня, вставши поранѣе, я пользуюсь утреннею тишиною, чтобы написать Вамъ нѣсколько строкъ, любезный другъ Рара. Еще въ Варшавѣ говорилъ я Вамъ, что въ этотъ отъѣздъ мой оттуда мнѣ казалось, что мы не разстались. Продолжаю еще быть подъ вліяніемъ этого ощущенія, потому что съ одной стороны необыкновенная скорость, съ которою перелетаешь съ мѣста на мѣсто, сближаетъ въ мысли мѣста эти, съ другой стороны разнообразіе и многочисленность внѣшнихъ совершенно новыхъ впечатлѣній не даетъ мѣста грустному чувству разлуки. О томъ, какъ мы доѣхали до Ченстохова, знаете Вы. Здѣсь въ 8 часовъ вечера выхватили меня мои спутники совершенно внезапно изъ общества родныхъ. Наскоро простился я съ доброю maman, съ прекрасною сестрою, съ Любинькою [1]) и въ сопровожденіи Бли отправился на почту. Спустя часъ, я сидѣлъ уже въ ветхой бричкѣ, которую тащили четыре тощихъ

---

[1]) Любовь Николаевна Скворцова была потомъ замужемъ за Николаемъ Ѳедоровичемъ Романовичемъ.

лошади по отвратительной дорогѣ въ Люблинецъ—первое мѣстечко Пруссіи, куда мы прибыли только въ 3 часа утра. Черезъ границу перебрались мы безъ всякихъ приключеній и удивлялись только медленности и нерасторопности нѣмцевъ, которые по нѣскольку разъ перечитывали, записывая наши паспорты, и коверкали наши славянскія прозвища. Изъ Люблинца поѣхали мы экстра-почтою въ Оппельнъ. По песчаной дорогѣ двигались мы почти шагомъ, такъ что, вставая изъ почтоваго экипажа и идя пѣшкомъ, мы оставляли далеко назади неумолимаго нѣмца съ его тройкою хорошихъ лошадей. Въ Оппельнъ прибыли мы въ 2 часа пополудни и въ три часа сидѣли уже въ прекрасномъ вагонѣ и неслись по желѣзной дорогѣ въ Козель, Ратиборъ, Одербергъ, лежащій на границѣ между Пруссіею и Австріею. Медленность, съ которою мы ѣхали до Оппельна, сдѣлала намъ еще болѣе ощутительною пріятность ѣзды по желѣзной дорогѣ. Правда путевыя впечатлѣнія тутъ очень мимолетны, но общій характеръ страны подмѣтить можно. Много удовольствія доставляетъ мнѣ возможность разговаривать съ нѣмцами. Хотя до сихъ поръ намъ не попался ни одинъ занимательный человѣкъ, не смотря на то, что спутники безпрестанно мѣнялись, но и отъ простыхъ людей всегда кое что узнать можно, нужно только умѣть отыскать предметъ, въ которомъ они сильнѣе. Меня удивляло, напримѣръ, что на небольшомъ пространствѣ отъ Оппельна до границы Австрійской желѣзная дорога имѣетъ различныя названія и служители одѣты въ различныя формы и что въ Оппельнѣ нельзя разомъ заплатить за мѣсто до границы. Это объяснилъ мнѣ одинъ нѣмецъ тѣмъ, что дороги въ Пруссіи устроены большею частью частными обществами на акціяхъ и что, не смотря на общую связь, участокъ каждаго общества отличается отъ другого. Въ Одербергѣ на Австр. таможнѣ освидѣтельствовали наши паспорты и осмотрѣли вещи довольно скоро и очень вѣжливо. Тутъ къ большому удовольствію нашему узнали мы, что до самой Праги идетъ желѣзная дорога безъ всякихъ перерывовъ; поэтому мы взяли мѣста до Праги, заплативъ весьма недорого, около 40 злотыхъ съ человѣка, и въ 9 часовъ вечера двинулись съ почтовымъ транспортомъ на Лейпникъ и Прерау по Вѣнскому тракту. Въ Прерау пріѣхали мы въ часъ по полудни. Вѣнскій транспортъ поѣхалъ далѣе, и мы остались здѣсь выжидать транспорта изъ Вѣны. Онъ прибылъ сюда въ три часа по полуночи, взялъ насъ, и отсюда ѣхали мы уже безостановочно черезъ Силезію, Моравію и часть Богеміи до самой Праги, куда прибыли мы въ четыре часа по полудни. Не пускаюсь въ подробное описаніе путешествія—это заняло бы слишкомъ много времени и бумаги, но не могу не сказать, что въ въ общемъ результатѣ ѣзда по желѣзной дорогѣ представляетъ большія удобства. Незамѣтно перелетаешь съ мѣста на мѣсто и, пріѣхавши куда

нибудь, не желаешь даже отдохновенія — этой потребности каждаго, сдѣлавшаго нѣсколько десятковъ миль по обыкновенной дорогѣ. Такъ, прибывши въ Прагу, мы взяли прекрасныя ванны и вечеръ провели въ Sophien-Insel, ужиная подъ музыку въ саду при свѣтѣ множества огоньковъ, разсѣянныхъ по цѣлому саду на безчисленныхъ столикахъ, занятыхъ нѣмцами, безпечно курящими сигары и запивающими дымъ прекраснымъ пивомъ. Все это очень пріятно и я внутренно благодарилъ Васъ, любезный другъ Рара, за доставленную Вами мнѣ возможность пользоваться этими удовольствіями. Нѣсколько разъ удавалось уже мнѣ говорить съ Чехами. Мы понимаемъ другъ друга и нельзя не сознаться въ какомъ то обоюдномъ влеченіи. Охотнѣе вынимаешь кошелекъ, чтобы купить что нибудь у одноплеменнаго, а тотъ усерднѣе услуживаетъ. Съ деньгами какъ то не умѣю еще дойти до ладу. Münz и Kröne, гульденъ и крейцеръ — все это такъ переплетено, что на каждомъ шагу переплачиваешь по немногу. Сейчасъ отправляюсь къ банкиру, чтобы размѣнять золото, потому что въ лавкахъ и трактирахъ теряешь слишкомъ злотый на каждомъ червонцѣ; потомъ пойду на почту, чтобы отправить это письмо, а тамъ къ Ганкѣ. Обнимаю Васъ, любезный другъ Рара, цѣлую Maman и дѣтокъ, Лизу, Николая Ивановича, кланяюсь Любинькѣ, Блюменфельду и всѣмъ знакомымъ. Передъ отъѣздомъ изъ Праги напишу Лизѣ, а это письмо прошу показать ей. Еще разъ обнимаю Васъ и остаюсь преданнымъ сыномъ и другомъ

В. Стороженко.

165.

Прага 14 іюля н. ст. 1847 г.

Любезный другъ Рара! Завтра утромъ чуть свѣтъ оставляю я Прагу. Это можно сказать первый заграничный городъ, который я видѣлъ, и воспоминаніе, которое я сохраню о немъ, будетъ мнѣ всегда пріятно. Не живыми увеселеніями новѣйшей Европейской жизни, не высокими произведеніями искусствъ богатъ онъ — онъ богатъ древностями и могъ бы раскрыть многое тому, кто желалъ бы углубиться въ таинства среднихъ вѣковъ, проникнуть въ смыслъ войнъ религіозныхъ, извѣдать заблужденія католицизма. Но и поэту тутъ много пищи: рыцарство, замки, башни — какой просторъ для его воображенія! Съ понятіемъ о славянизмѣ невольно приходитъ въ голову и православіе; но слѣдовъ послѣдняго здѣсь мало, хотя изображенія Кирилла и Меѳодія, высѣченныя изъ бѣлаго мрамора и поставленныя въ послѣдніе

годы въ соборной церкви,— могли бы быть перенесенными пожалуй и въ Москву или Кіевъ, не нарушая гармоніи общаго, православнаго. Одноплеменность наша съ чехами проявляется всего болѣе въ языкѣ, который во многихъ отношеніяхъ, не смотря на далекую западность, ближе къ русскому, нежели къ польскому. Каждый день я ходилъ на овощный рынокъ и, купивъ на 7 крейцеровъ вишенъ, съѣдалъ ихъ, забавляясь вмѣстѣ съ тѣмъ разговоромъ съ продавщицами-чешками, которыхъ я понималъ лучше, чѣмъ они меня. Часто на улицѣ доходятъ до уха звуки такого русскаго произношенія, что невольно остановишься и ищешь русскаго лица или костюма. За то между людьми одѣтыми въ нѣмецкое платье мало говорятъ по чешски. Впрочемъ съ каждымъ годомъ число приверженцевъ славянскаго увеличивается. Недавно учреждены здѣсь чешскія бесѣды. Молодежь каждыя двѣ недѣли собирается вмѣстѣ и тутъ уже ни слова не услышишь иностраннаго. Вчера должна была имѣть мѣсто подобная бесѣда и г. Ганка досталъ мнѣ билетъ для входа, но къ сожалѣнію она была отложена, потому что большая часть молодежи занята теперь экзаменами въ университетѣ и мнѣ не удалось побывать въ ея обществѣ. Ганка хлопочетъ обо мнѣ какъ только можетъ, показывалъ мнѣ рѣдкія достопримѣчательности славянскія и подарилъ пропасть книжечекъ и между прочимъ два снимка съ рукописей Жишки и Іог. Гуса. Національнаго музеума не могъ онъ мнѣ показать, потому что для музеума купленъ теперь новый домъ, по сосѣдству съ гостинницею „подъ чернымъ конемъ“, и вещи уложены для переноски. Черезъ недѣлю г. Ганка будетъ уже въ новомъ помѣщеніи. На дняхъ ходили мы съ нимъ смотрѣть бронзовое изображеніе Оттокара II, знаменитаго въ лѣтописяхъ Богеміи 13-го вѣка. Какой то помѣщикъ Файтъ [1]), богатый человѣкъ и бездѣтный, устраиваетъ въ своемъ помѣстьи близь Теплицъ храмъ Славы, Slawin, куда будутъ поставлены изображенія всѣхъ знаменитостей славянскихъ. Статуя Оттокара предназначена туда и такихъ заказано уже Шванталеру въ Мюнхенѣ тридцать. Храмъ Славы будетъ въ византійскомъ вкусѣ и г. Ганка далъ архитектору для образца собраніе московскихъ древностей Снѣгирева Идея мнѣ очень нравится и я отъ души желаю успѣха ея осуществленію [2]). Недавно прочелъ я въ Аугсбургской Газетѣ маленькую статью по поводу арестованія Кулиша. Въ ней сказано, будто бы Австрійское правительство давно замѣчало о близкомъ сношеніи нашихъ ученыхъ съ славянами здѣшними и само обратило вниманіе нашего правительства на этотъ предметъ и что вслѣдствіе то подобнаго вмѣша-

---

[1]) Antonin Veith. [2]) Затѣя эта не осуществилась. Статуи, изготовленныя Шванталеромъ, достались Чешскому Музею въ Прагѣ.

тельства Австрійскаго правительства послѣдовало задержаніе Кулиша и другихъ. Не понимаю я хорошенько ни смысла, ни цѣли этой статьи, ни того, какъ ее здѣсь позволили. Черезъ нѣсколько дней напишу Вамъ, любезный другъ Рара, изъ Дрездена. Въ послѣдній день моего здѣсь пребыванія набралось довольно хлопотъ. Каченовскій со дня пріѣзда нашего сюда заболѣлъ и до сихъ поръ сильно страдаетъ. Наружные гемороиды не позволяютъ ему пошевелиться и докторъ не знаетъ какъ и помочь, совѣтуетъ терпѣть и ожидать облегченія отъ времени. Обнимаю Васъ отъ души, цѣлую maman и дѣтокъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ и другъ В. Стороженко. Привѣтствую дружески Блюменфельда.

166.

Варшава 10/22 *іюля 1847 г.*

Отчетливыя прекрасныя два письма твои я прочиталъ и съ умиленіемъ отца и съ любопытствомъ мыслящаго.

Жаль, что ты не засталъ въ Прагѣ Мацѣевскаго, который пишетъ ко мнѣ въ полученномъ мною сегодня письмѣ отъ него, что онъ отыскалъ переписку съ Польскимъ правительствомъ временъ Сигизмунда III-го старшаго полковника войскъ Запорожскихъ Андрея Стороженка [1].

Не говорилъ ли тебѣ Ганка о присланныхъ ему чрезъ Мацѣевскаго книгахъ и брошюркѣ?

Сегодня ввечеру я выѣзжаю въ Малороссію. Когда ворочусь оттуда, не знаю. Maman и Лиза напишутъ тебѣ по этому предмету въ Лейпцигъ.

Пиши ко мнѣ, какъ можно чаще, чрезъ Варшаву. Я же обѣщаю написать тебѣ изъ Чевельчи много, чего теперь сдѣлать не могу за хлопотливою укладкою въ дорогу.

Обнимаю тебя, цѣлую и благословляю.

Нѣжно любящій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

---

[1] Письмо В. А. Мацѣевскаго напечатано въ т. I Фамильнаго Архива на стр. 499.

167.

Дрезденъ 19 іюля н. ст. 1847 г.

Любезный другъ Рара! 14-го этого мѣсяца писалъ я къ Вамъ и извѣщалъ о выѣздѣ моемъ изъ Праги. 15-го простился я съ Ганкою, который въ этотъ день со мною обѣдалъ и въ альбомъ котораго подъ Вашими строками вписалъ и я нѣсколько словъ. Около пяти часовъ по полудни сѣлъ я въ 10 ти-мѣстный длинный экипажъ. Его наполняло самое разнообразное общество: венгерскій помѣщикъ съ длинною бородою и безконечными усами, которые онъ съ самодовольствомъ покручивалъ, когда говорилъ о Венгріи и могъ въ чемъ либо отдать преимущество ей противу нѣмецкихъ провинцій; затрагивая безпрестанно его слабую струну, я довелъ его до того, что онъ не довольствовался уже словами, а началъ приводить болѣе существенныя доказательства; сначала предложилъ онъ мнѣ венгерскую сигару, которая пришлась мнѣ очень по вкусу послѣ отвратительнаго австрійскаго табаку; потомъ даже вынулъ завѣтную бутылочку шипучаго венгерскаго вина, которую онъ уже мѣсяцъ возитъ съ собою въ дорожномъ мѣшкѣ и которую мы осушили въ первомъ мѣстечкѣ. Кромѣ этого венгерца нашелъ я въ экипажѣ трехъ саксонскихъ земледѣльцевъ, возвращавшихся домой послѣ небольшого путешествія по Богеміи и везшихъ съ собой цѣлый запасъ наблюденій о земледѣліи, которыми однако же они дѣлились и въ дорогѣ. Въ обществѣ этихъ лицъ и нѣсколькихъ другихъ, съ которыми не удалось однако же мнѣ хорошенько разговориться, отправился я въ м. Обжистве, у котораго Молдава впадаетъ въ Эльбу. Тутъ ожидалъ насъ пароходъ, который по мелководью Молдавы не можетъ идти до самой Праги. 16-го утромъ, чуть свѣтъ, плыли мы уже между чудными берегами Эльбы. Не стану описывать ихъ, потому что картины природы въ описаніи обыкновенно неудовлетворительны и скучны. На пароходѣ столкнулся я съ вѣнскимъ адвокатомъ и славяниномъ, Дворачекъ, кажется, имя его, которое я едва схватилъ. Онъ разсказывалъ мнѣ между прочимъ, что на славянскія дѣла, панславизмъ, славянизмъ—не знаю, какъ и выразиться,—въ Вѣнѣ обращено сильное вниманіе, цензурныя правила сдѣланы строже и говорено уже объ удаленіи Шафарика отъ цензуры. Въ какой все это связи съ новѣйшими происшествіями у насъ, подмѣтить трудно. Въ Аусигѣ, Устьѣ, вышелъ я на берегъ и съ маленькою сумкою за плечомъ пошелъ пѣшкомъ. Три дня бродилъ я по Богемской и Саксонской Швейцаріямъ до Гернскречена безъ проводника, а здѣсь, взявъ проводника, пошелъ на Prebisch—Thor, Gr. Winterberg, Kl. Winterberg, Kuhstall,

Schandau, а отсюда по горамъ въ деревушку Wählen, которая лежитъ на Эльбѣ. Здѣсь сѣлъ я на пароходъ и 18-го вечеромъ прибылъ благополучно въ Дрезденъ. Это путешествіе пѣшкомъ меня чрезвычайно занимало. Независимый ни отъ кого, я останавливался когда и гдѣ хотѣлъ, заходилъ въ деревенскія дома, на мельницы, заводы, разговаривалъ съ народомъ по дорогамъ и на поляхъ во время работы, а въ горахъ, вдали отъ жилищъ людскихъ, восхищался красотами дикой природы, поражающими непривычный глазъ и ровное воображеніе жителя равнинъ. Удовольствію этого путешествія способствовало знаніе нѣмецкаго языка, которымъ говорятъ исключительно даже въ Сѣв. Богеміи, начиная отъ Аусига, не смотря на славянское происхожденіе этого названія, также какъ и многихъ другихъ, свидѣтельствующихъ о жительствѣ здѣсь Славянъ. Кромѣ знанія языка, благопріятная погода и роскошныя поля, подающія надежду на обильнѣйшую жатву, и радость, написанная на лицахъ земледѣльцевъ,—все это растворяло душу для принятія самыхъ пріятныхъ ощущеній. На память сорвалъ я себѣ нѣсколько колосьевъ пшеницы и жита—въ каждомъ болѣе 50-ти зеренъ наливныхъ. Отъ природы перехожу къ искусствамъ. Отнеся это письмо на почту, думаю еще отправиться въ картинную галлерею. Остановился я здѣсь въ Hôtel de France. Такъ какъ я пришелъ къ воротамъ Hôtel'я пѣшкомъ съ сумкою за плечомъ, то меня помѣстили гдѣ то подъ небесами. Радуюсь, что нѣмецъ обманулся; сегодня еще хотѣлъ поправиться, предложивъ мнѣ перейти въ другой номеръ на улицу, но я отказался для сбереженія расходовъ. Обнимаю Васъ, другъ Рара, цѣлую maman, дѣтокъ, Лизу и Николая Ивановича. На дняхъ буду писать къ нимъ. Не повѣрите, съ какимъ нетерпѣніемъ жду я писемъ отъ Васъ. Двѣ недѣли уже, какъ не знаю, что у насъ дѣлается. Преданный Вамъ сынъ и другъ В. Стороженко.

168.

Лейпцигъ 2 августа н. ст. 1847 г.

Любезный другъ Рара! Послѣ третьяго письма моего къ Вамъ изъ Дрездена прошло почти двѣ недѣли и сегодня ровно недѣля, что я уже въ Лейпцигѣ. Жаждалъ вѣстей изъ Варшавы и здѣсь нашелъ два письма отъ сестры, одно отъ Васъ и записочку отъ Блюменфельда. Представляю себѣ живо сцену прощанія и радость Вашу, когда Вы садились въ экипажъ, чтобы ѣхать на родину, на отдохновеніе. Желаю

отъ души, чтобы въ Малороссіи и въ Вашемъ уголкѣ Вы нашли бы все въ такомъ положеніи и порядкѣ, чтобы могло порадоваться сердце малороссіянина и хозяина. Если въ Малороссіи урожай на половину такой, какъ здѣсь, такъ можно благословлять небо. Въ газетахъ только и читаешь теперь, что удивленія и благодаренія за роскошную жатву и предостереженія, чтобы ею умѣли воспользоваться. Газеты и журналы, этотъ могущественный органъ западнаго просвѣщенія, имѣютъ ту хорошую сторону, что съ помощью ихъ ни одна хорошая идея, какъ бы мелочна она ни была по предмету, къ которому относится, никогда не пропадетъ и тамъ или здѣсь можетъ быть источникомъ добра. Здѣсь всѣ читаютъ газеты, потому что нѣтъ такого состоянія, такого класса людей, который бы не имѣлъ своего журнальнаго источника мудрости. Здѣсь въ Лейпцигѣ записался я въ журнальное общество и имѣю возможность за талеръ въ мѣсяцъ читать 80-ть различныхъ газетъ и журналовъ. Изъ нихъ, можетъ быть, 15 французскихъ и англійскихъ, а всѣ прочіе нѣмецкіе. Говорятъ, что въ Берлинѣ можно найти даже русскіе. Здѣсь нѣтъ, да и вообще въ Германіи мало очень симпатій къ Россіи—выражаясь смягчительно. Говорилъ я объ этомъ со многими благоразумными людьми. Громадность наша страшна имъ, а я понимаю, что страхъ можетъ быть источникомъ самаго непріязненнаго чувства, которое между тѣмъ питается разговорами и анекдотами, частію справедливыми, частію нелѣпыми, всего чаще преувеличенными. Въ Дрезденѣ обратилъ я преимущественно вниманіе на картины; два дня посвятилъ на поѣздку въ Фрейбергъ, чтобы посмотрѣть копи и разработку серебра; нашелъ здѣсь генерала Медема съ семействомъ, это мнѣ было очень пріятно, и $^{14}/_{26}$ іюля отправился по желѣзной дорогѣ въ Лейпцигъ. Тотчасъ по пріѣздѣ занялся я пріисканіемъ удобнаго помѣщенія, которое и нашелъ въ тотъ же день; абонировался въ библіотекѣ для чтенія, въ журнальномъ обществѣ—однимъ словомъ распорядился такъ, какъ человѣкъ, располагающійся на долговременное пребываніе. Но къ счастью, что всѣ эти распоряженія сдѣланы были мною предварительно на мѣсяцъ, къ счастью потому, что я измѣнилъ мой планъ и думаю сначала ѣхать на Рейнъ и въ Парижъ, а, возвращаясь уже оттуда, пожить въ Лейпцигѣ. Дѣлаю я это не безъ достаточныхъ причинъ и посовѣтовавшись съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ г.г. профессоровъ. Распредѣленіе университетскаго курса здѣсь иное: въ теченіе лѣта здѣсь читаютъ и каникулы начинаются только въ августѣ и продолжаются до половины октября; слѣдовательно я пріѣхалъ почти подъ конецъ полугодичнаго курса и долженъ былъ жить здѣсь два мѣсяца, не посѣщая лекцій. Это бы еще ничего, но самое главное, что профессоръ, которому я рекомендованъ изъ Дерпта, и отъ котораго надѣялся я всего болѣе воспользоваться, оставляетъ на

нѣсколько мѣсяцевъ Лейпцигъ, чтобы сдѣлать путешествіе въ Швейцарію. Поговоривши съ нимъ, я рѣшился, поживши здѣсь недѣльки двѣ, три, отправиться черезъ Франкфуртъ на Рейнъ, спуститься по Рейну отъ Майнца до Кельна, а оттуда черезъ Брюссель ѣхать въ Парижъ, гдѣ думаю пробыть такимъ образомъ половину сентября, октябрь, ноябрь, декабрь, и въ концѣ января буду опять въ Лейпцигѣ. Прошу поэтому, любезный другъ Рара, письма Ваши, которыхъ съ нетерпѣніемъ ожидаю, адресовать въ Парижъ poste-restante. Я же буду Вамъ писать и съ дороги, смотря потому, гдѣ останусь болѣе времени. Жизнь въ Лейпцигѣ не представляетъ много разнообразія, много увеселеній. Это по преимуществу городъ торговый и ученый, весьма удобный для занятій; въ книгахъ огромный выборъ, все близко, жить не дорого. Я имѣю, напримѣръ, одну порядочную комнату, хорошо меблированную, на улицу въ лучшей части города, спальню и прихожую за 7 талеровъ въ мѣсяцъ; столъ мнѣ обходится полъ-талера въ день, прислуга, можетъ быть, талера 2 въ мѣсяцъ, а такъ какъ мнѣ приходится на прожитье въ мѣсяцъ около 80-ти талеровъ—300 фр., то за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ мнѣ еще много остается на удовольствія и экстра-ординарныя издержки. Одно, что тяжело за границею,—это одиночество. Въ короткое время близкое знакомство сдѣлать трудно, потому что между чужими дѣлаешься поневолѣ весьма осторожнымъ и всѣ сношенія ограничиваются незначительнымъ разговоромъ за общимъ столомъ или въ другомъ публичномъ мѣстѣ. За то какъ пріятно встрѣтиться съ знакомымъ! На дняхъ заѣзжалъ ко мнѣ, проѣздомъ въ Франкфуртъ, Мещерскій. Я ему обрадовался, какъ самому близкому, и мы очень пріятно провели вмѣстѣ вечеръ. Большую часть времени провожу такимъ образомъ въ чтеніи и писаніи. При удобномъ случаѣ люблю заводить разговоръ съ простыми людьми. Такъ приходитъ ко мнѣ ежедневно человѣкъ чистить платье; съ нимъ толкую по часамъ, такъ забавна и поразительна для насъ самостоятельность его сужденій о какомъ хотите предметѣ. Онъ живетъ трудомъ, честно зарабатываетъ себѣ хлѣбъ и самоувѣренно говоритъ обо всемъ, относящемся до него, безъ боязни какой нибудь несправедливости. Цырульникъ, который меня брѣетъ, занимателенъ, потому что, по его увѣренію, съ искусствомъ брадобрея здѣсь теперь нельзя ничего сдѣлать и потому онъ хочетъ auswandern nach Amerika. Все это кажется такъ дико для человѣка незнакомаго еще съ явленіями жизни германской. Въ воскресенье ѣздилъ за городъ въ деревушку Галисъ, гдѣ, заплативъ $1^1/_2$ гроша за входъ, каждый могъ слушать музыку и даже танцовать, если охота возьметъ. Толпа людей, шумъ, хохотъ, танцы и при всемъ томъ какой то порядокъ, какой то Anstand — ни пьяныхъ, ни драки. Все это очень забавно. До сихъ поръ почти каждый день получаю я

письма изъ Петербурга, Москвы и Варшавы. Переписка большая. Скоро опять буду писать къ Вамъ другъ Рара, а теперь въ заключеніе обнимаю Васъ горячо и остаюсь нѣжно любящимъ Васъ другомъ и сыномъ В. Стороженко.

Мое привѣтствіе Малороссіи и еще живѣйшее привѣтствіе всѣмъ роднымъ.

169.

Крейцнахъ 18 августа н. ст. 1847 г.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ изъ Лейпцига я увѣдомлялъ Васъ, любезный другъ Рара, о предположеніи ѣхать въ Парижъ. 15-го этого мѣсяца, проживши болѣе трехъ недѣль въ Лейпцигѣ, оставилъ я этотъ городъ, не представляющій много любопытнаго для меня, и поѣхалъ по желѣзной дорогѣ черезъ Галле въ Эйзенахъ. Въ вагонѣ свелъ я знакомство съ тремя курляндскими дворянами, весьма порядочными людьми, и присталъ къ ихъ обществу. Пріятно было мнѣ встрѣтить въ нихъ людей не пристрастныхъ, отдающихъ справедливость хорошему иностранному и не осуждающихъ подрядъ все свое. И дѣйствительно, осмотрѣвшись здѣсь хорошенько, нельзя не убѣдиться, что Россія представляетъ гораздо болѣе данныхъ для лучшаго еще порядка вещей, уже потому, что у насъ многое нужно устраивать вновь, тогда какъ въ Германіи необходимо исправлять старое, а послѣднее гораздо труднѣе. Пусть только почувствуется надобность, такъ у насъ въ одинъ мигъ устроятся и желѣзныя дороги и делижансы и отели, и все это лучше еще, чѣмъ здѣсь. Трудно повѣрить, что въ Лейпцигѣ во многихъ магазинахъ есть вещи, которыя только и держатся для русскихъ и англичанъ, которыя безъ того пролежали бы вѣчно въ магазинахъ, и такъ же охотно, какъ журналисты и необразованные нападаютъ на насъ, такъ же усердно нападаютъ промышленные люди на наши карманы. Часто, часто приходится радоваться, думая о счастливѣйшемъ положеніи Россіи въ сравненіи съ Германіей. Въ Саксоніи напр. приходится 7000 душъ на квадр. милю; сколько ухищреній разума необходимо здѣсь, чтобы прокормиться этой массѣ. Бѣдность и тутъ встрѣчаешь, и весьма нагую, и что всего хуже съ плохими надеждами на поправленіе и улучшеніе быта, тогда какъ у насъ исправленіе дурного положенія зависитъ большею частію отъ насъ самихъ. Это большое уже преимущество! Въ Эйзенахѣ остановились мы, съѣздили на Вартбургъ, осмотрѣли комнату, гдѣ Лютеръ переводилъ Библію и гдѣ онъ бросилъ чернильницею въ представившагося ему Чорта, погуляли въ

прекрасныхъ окрестностяхъ города и вечеромъ пустились по экстра-почтѣ въ Франкфуртъ. Дорогая и скверная Турнъ-Таксиская почта бѣсила и мы съ удовольствіемъ вспоминали прекрасную ѣзду въ нашихъ почтовыхъ экипажахъ (Mallepost). Нужно взять однако же въ соображеніе, сколько здѣсь проѣзжающихъ и сколько у насъ! Новое для меня доказательство, что монополіи никуда не годятся, и чѣмъ болѣе думаешь, тѣмъ охотнѣе становишься подъ знамена Пиля и дѣлаешься партизаномъ свободной торговли. Въ Франкфуртѣ оставался я только два часа, простился съ моими сопутниками и поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Майнцъ. Прибылъ сюда часовъ въ десять вечера, остановился въ отелѣ на самомъ берегу Рейна и долго восхищался чудною, теплою мѣсячною ночью. Чуть свѣтъ былъ уже я на ногахъ, чтобы видѣть восхожденіе солнца надъ Рейномъ и покупаться въ немъ. Сказать Вамъ не могу, какое это наслажденіе! Думалъ найти въ Майнцѣ Мишу Дарагана, но не нашелъ; поэтому спустился на пароходѣ по Рейну до Бингена и отсюда поѣхалъ въ Крейцнахъ. Думаю пробыть здѣсь денька два, полюбуюсь прекрасными окрестностями, а 20-го вмѣстѣ съ Мишею поѣдемъ на пароходѣ въ Кёльнъ. Передъ отъѣздомъ изъ Лейпцига писалъ въ Варшаву и просилъ, чтобы всѣ письма адресовали ко мнѣ въ Парижъ. Только тамъ узнаю что нибудь о своихъ. Скучно быть безъ извѣстій! Лизочка скучала безъ Николая Ивановича, но я надѣюсь, что онъ недолго пробудетъ въ Петербургѣ. Когда то я получу вѣсточку отъ Васъ о томъ, что Вы дѣлаете въ Малороссіи и нашли ли тамъ все благополучно. Въ Лейпцигѣ видѣлся я съ Петромъ Михайловичемъ, который проѣздомъ изъ Берлина въ Дрезденъ остановился здѣсь и пробылъ болѣе сутокъ. Здоровье его послѣ мѣсячнаго лѣченія въ Берлинѣ такъ поправилось, что онъ даже и совершенно вѣритъ своему выздоровленію. Мы вмѣстѣ осматривали поле Лейпцигскаго сраженія и отступленія французовъ до того мѣста, гдѣ погибъ Понятовскій. Когда посмотришь на узкій въ этомъ мѣстѣ Эльстеръ, то невѣроятною кажется возможность погибели, а между тѣмъ для сколькихъ тысячъ людей былъ онъ мѣстомъ погибели. Петръ Михайловичъ думаетъ пробыть нѣсколько времени въ Дрезденѣ и возвратиться въ Россію. Въ послѣднее время счастье повезло ему. Онъ получилъ вспоможеніе отъ Государя въ три тысячи рублей серебр. Анна Михайловна получила прекрасный подарокъ за свою азбуку, которая вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо расходится, такъ что Пьеръ начинаетъ подыматься духомъ. Онъ Вамъ очень, очень кланяется. Въ ожиданіи писемъ отъ Васъ, любезный другъ Рара, обнимаю Васъ тысячу разъ и остаюсь нѣжно любящимъ Васъ сыномъ В. Стороженко. Кланяюсь Малороссіи, обнимаю родныхъ, особенно бабушку.

170.

Парижъ 5/17 сентября 1847 г.

Любезный другъ Рара! Мнѣ хотѣлось написать Вамъ изъ Парижа что нибудь очень умное, очень толковое. Я дѣлалъ наблюденія и ожидалъ вдохновенія, а между тѣмъ одинъ день проходилъ за другимъ, и такимъ образомъ минули и три недѣли, а вдохновеніе не явилось, и я не писалъ къ Вамъ. Поэтому разскажу Вамъ по просту, что случилось со мною съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Вамъ въ послѣдній разъ изъ Крейцнаха. Начиная съ того, что я видѣлъ берега Рейна, видѣлъ и восхищался, видѣлъ разъ и никогда не забуду ихъ мрачнаго величія, ихъ говорящаго безмолвія въ одномъ мѣстѣ и ихъ легкой, веселой живописности въ другомъ. Послѣ 12-ти часовъ самаго пріятнаго путешествія прибыли мы въ Кёльнъ. Здѣсь имѣлъ я только нѣсколько часовъ времени, чтобы объѣхать городъ, подивиться чудному собору и отдохнуть, потому что въ 4 часа нужно было уже встать, чтобы не опоздать къ транспорту желѣзной дороги, который отправлялся прямо въ Парижъ. Въ 6 ч. я уже сидѣлъ въ каретѣ, въ обществѣ очень любезнаго испанскаго семейства, которое отправляется черезъ Парижъ въ Мадридъ. Въ теченіе 24-хъ часовъ мы пролетѣли огромное пространство отъ Кёльна до Парижа и остановились только на часъ въ Брюсселѣ. Быстрота ѣзды не мѣшаетъ схватить общій характеръ страны, которую проѣзжаешь, но тысяча подробностей, доступныхъ при менѣе скорой перемѣнѣ мѣстъ, натурально ускользаетъ. Любопытство влекло меня всего сильнѣе въ Парижъ и вотъ я, наконецъ, сдѣлался жильцемъ этого пресловутаго города. Нисколько не сожалѣю, что мнѣ удастся провесть здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ; охотно можно пожертвовать Парижу и временемъ, и деньгами, потому что все здѣсь любопытно, а все любопытное доступно. Здѣсь нѣтъ улицы, которая не имѣла бы своей замѣчательной исторіи, нѣтъ почти дома, который не вмѣщалъ бы въ стѣнахъ своихъ какого нибудь историческаго лица. И эти происшествія такъ еще новы, возбуждаютъ еще такое живое участіе! Читаю теперь послѣднее замѣчательнѣйшее сочиненіе г. Ламартина: „Histoire des Girondins“. Съ помощью знакомой мѣстности, кровавыя картины 92 и 93-го годовъ, выходящія изъ подъ прекраснаго пера историка, оживаютъ; кажется, видишь волненія массъ народа, кажется, слышишь ихъ неистовые крики, негодуешь, жалѣешь и научаешься. А отъ исторіи переходя къ настоящему, какъ пріятно броситься на короткое время въ этотъ омутъ Парижской жизни, съ ея суетностью, съ ея забавами, съ ея уличнымъ остроуміемъ, съ вѣчною красотою ея формъ, и притомъ слѣдить, какъ

подъ шумокъ этихъ веселостей рѣшаются вопросы политическіе, государственные, какъ движется искусственный механизмъ конституціоннаго государства, какъ выражаются въ приложеніи къ жизни идеи права. Пріятно и прикоснуться къ полной чашѣ, хотя и не въ состояніи испить ее! Безъ сомнѣнія въ этой жизни есть много недостаточнаго, фальшиваго—но гдѣ же этого нѣтъ? Непреложность есть только могущественная идея, не допускающая человѣка останавливаться въ его стремленіи и довольствоваться доступнымъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю открытія Collège de France и Сорбоны, этихъ разсадниковъ просвѣщенія. Это важное событіе совершится только въ будущемъ мѣсяцѣ, въ концѣ. До сихъ поръ ограничиваюсь въ моихъ занятіяхъ книгами, журналами и наблюденіемъ того, что представляетъ жизнь. Сдѣлалъ кое-какія знакомства съ французами, но не съ весьма замѣчательными личностями. Забавно, что за столомъ, dans une maison bourgeoise, гдѣ я обѣдаю, насъ собирается ежедневно пять человѣкъ, изъ которыхъ одинъ молодой человѣкъ изъ Перу—экономъ, другой изъ Ріо-Жанейро—медикъ, третій—пожилой человѣкъ, служившій прежде въ императорской гвардіи и сохранившій до сихъ поръ самую живую привязанность къ императору, который, однажды, лично пожаловалъ ему орденъ Legion d'honneur, наконецъ, четвертый, принадлежащій къ генераціи іюльскихъ дней, и я. Пока было здѣсь нѣсколько русскихъ, между прочимъ генералъ Медемъ, секретарь его Пикабель и Александръ Гальпертъ, съ которыми очень пріятно проводилъ я время, но они всѣ скоро уѣзжаютъ, т. е. на дняхъ. Френкель тоже здѣсь съ женою, но я узналъ объ этомъ только вчера, и до сихъ поръ не удалось мнѣ быть у него. Объ Васъ, любезный другъ Рара, и о дѣлахъ Вашихъ давно ничего не слышалъ. Съ нетерпѣніемъ жду строкъ отъ Васъ, которыя бы вывели меня изъ совершенной неизвѣстности. Прошу Вашего благословенія и, пожелавъ Вамъ здоровья и всякаго успѣха, остаюсь нѣжно любящимъ Васъ сыномъ и другомъ В. Стороженко.

171.

Варшава $\frac{20\ сентября}{2\ октября}$ *1847 г.*

Два мѣсяца, любезный другъ Вольдемаръ, я провелъ въ благословенной землѣ отцевъ нашихъ. Прекрасная погода, обильные урожаи хлѣбовъ, неописанное множество всякаго рода фруктовъ, торжественное спокойствіе поэтому добрыхъ поселянъ, наводили на меня пріятныя

созерцанія. Занятія по хозяйству, верховая ѣзда, работа въ саду—не утомляли; а отдаленіе отъ ничтожной зависти низкихъ интригъ и безсмысленныхъ подозрѣній дѣлало отдохновеніе мое такъ пріятнымъ, что дни летѣли какъ мысль, воскрыляемая тихими впечатлѣніями. Сосѣди посѣщали; я самъ объѣхалъ почти всѣхъ и вездѣ находилъ радушный пріемъ, искреннее участіе; здоровье, аппетитъ, сонъ и веселость возвратились, и изнуренный труженикъ забывалъ тернистый путь жизни не служебной, но зависимой отъ шопота злыхъ и бездарныхъ.

3-го числа сего сентября (с. ст.) я долженъ былъ пріѣхать въ Кіевъ, и, увидѣвшись съ Княземъ, 12-го числа возвратился въ Варшаву. Здѣсь опять принялся по прежнему за дѣло; снова одушевился тѣмъже стремленіемъ быть полезнымъ, какое всегда причиняло мнѣ множество неудовольствій; впрочемъ, это удѣлъ человѣка истинно честнаго. Я всегда желалъ быть такимъ, что кажется гораздо примѣтнѣе бы было на родинѣ, куда обращаю всѣ мысли мои, всѣ желанія.

Послѣднее письмо твое изъ Парижа прочиталъ съ удовольствіемъ; располагай временемъ твоимъ, какъ хочешь; но не забывай, что оно насъ не ждетъ, и на дѣйствительной службѣ будутъ сочтены не только годы, мѣсяцы, но дни къ достиженіямъ цѣли трудовъ и самоотверженія.

Maman, дѣти, Лиза, Маша, и Николай Ивановичъ, слава Богу, здоровы. Лиза, какъ говоритъ, часто пишетъ къ тебѣ; что буду дѣлать и я съ удовольствіемъ, сидя въ Варшавѣ; а тебя прошу описывать все, что съ тобою дѣлается, по крайней мѣрѣ всякія двѣ недѣли.

Блюмъ по вечерамъ продолжаетъ разсказывать мнѣ о томъ, что меня интересуетъ; но онъ почти уже исчерпался; я положилъ рѣшительно нигдѣ не бывать, пока не прочитаю все, что составляетъ мою обязанность и любопытство.

Мацѣевскій возвратился и привезъ мнѣ письма отъ почтеннаго Ганки и копіи съ писемъ старшаго запорожскаго полковника Андрея Стороженка 1610 г., въ честь коего я названъ также Андреемъ [1]).

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

---

[1]) Письма эти напечатаны въ т. I Фамильнаго Архива на стр. 1—3.

172.

Парижъ, $^{15}/_{27}$ *октября 1847 г.*

Только вчера, любезный другъ Рара, получилъ я Ваше письмо отъ 20 сентября (2 октября), за которое тысячу разъ благодарю Васъ. Радуюсь отъ души, что пребываніе въ Малороссіи имѣло такое благодатное вліяніе на Ваши физическія и нравственныя силы. Съ возвращеніемъ въ Варшаву началась для Васъ вновь прежняя жизнь, исполненная заботъ, часто и досадъ служебныхъ, и да не ослабѣваетъ мужество въ стремленіи къ общему благу! Я продолжаю жить въ Парижѣ, гдѣ пребываніе становится для меня съ каждымъ днемъ пріятнѣе. Кругъ знакомыхъ раздвигается, а углубленіе въ здѣшній порядокъ дѣлъ даетъ пищу для размышленій, сравненій и разговоровъ. Революція 1789 г. поставила Францію въ счастливое положеніе, прервавъ, хотя, правда, и насильственнымъ образомъ, нить исторіи и основавъ новое общество на началахъ болѣе раціональныхъ. Время и исторія освящаютъ и предразсудки, а ихъ во Франціи всего менѣе, менѣе даже, чѣмъ въ Англіи. Можетъ быть, переходъ этотъ отъ стараго порядка вещей къ новому произошелъ слишкомъ быстро и несвоевременно по положенію тогдашняго французскаго общества; можетъ быть, Мишеле и правъ, говоря, что революція 1789 г. должна была совершиться столѣтіемъ позднѣе, но не менѣе того, совершившагося нельзя сдѣлать не совершившимся, и весьма понятно, что классъ людей, стоящій во Франціи во главѣ просвѣщенія силится предохранить отъ крушенія результаты побѣды философическаго начала надъ историческимъ. Масса, частію по безпечности, частію изъ корыстолюбивыхъ интересовъ, наконецъ, по недальновидности, готова бы впасть въ хаосъ старинныхъ привычекъ и предразсудковъ. Избранные стараются удержать массу; отсюда колебаніе, борьба,—дающія французскому обществу характеръ вѣчнаго безпокойства, утомляющаго и часто досадующаго сторонняго зрителя. Натурально есть и злоупотребленія, но гдѣ же ихъ нѣтъ! Человѣкъ вездѣ тотъ же, но формы и условія общества могутъ болѣе или менѣе, давъ ходъ его добрымъ началамъ, ослабить порывы его ко злу. Переходя къ подробностямъ ежедневной жизни, скажу, что въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго. По утру приносятъ мнѣ обыкновенно Gazette des Tribunaux, которую я внимательно прочитываю, чтобы слѣдить здѣсь за ходомъ судопроизводства. Иногда хожу въ Cours d'Assises или уголовный судъ, чтобы послушать адвокатовъ и вникнуть въ учрежденіе присяжныхъ. Не смотря на нѣкоторую театральность, учрежденіе это для иныхъ дѣлъ почти необходимо, къ которымъ я причисляю,

противу мнѣнія многихъ, дѣла политическія и проступки о злоупотребленіи свободы писанія. Даже и въ сомнительныхъ уголовныхъ дѣлахъ оно полезно, хотя въ другихъ благоразумный и свѣдущій судья можетъ быть полезнѣе. Затѣмъ утро провожу дома, занимаясь теперь административнымъ правомъ. Въ 5 ч. обѣдаю въ обществѣ многихъ молодыхъ людей. Съ однимъ изъ нихъ я очень сблизился и обыкновенно послѣ обѣда или я иду къ нему, или онъ ко мнѣ, или мы вмѣстѣ отправляемся въ одно изъ мѣстъ увеселеній и сборищъ молодежи латинскаго квартала. Лекціи начинаются только 8-го ноября. Вчера я былъ у декана юридическаго факультета, чтобы узнать отъ него, не нужно ли выполненіе какихъ нибудь формальностей для посѣщенія лекцій. Никакихъ рѣшительно. Но курсы здѣсь ужасно упрощены въ сравненіи съ нѣмецкими. Изученія и знанія имѣютъ здѣсь чисто практическую цѣль и французъ не любитъ отвлеченностей. Избытокъ учености его не прельщаетъ и онъ считаетъ все лишнимъ, что не ведетъ его прямо къ практическому примѣненію. Не впадая въ эту крайность, не восхищаясь съ другой стороны излишнею роскошью нѣмецкой учености, я желалъ бы держаться середины, т. е. имѣть основательныя теоретическія свѣдѣнія для практической цѣли. Довольно часто видаюсь съ однимъ офицеромъ л.-г. Егерскаго полка—Живковичемъ, сербомъ по происхожденію, у котораго познакомился я съ нѣкоторыми сербами, прелюбезными молодыми людьми. Забавно, что, не выходя изъ славянскихъ діалектовъ, мы понимаемъ другъ друга. Они всѣ посѣщаютъ иногда Кипріана Робера, который живетъ по близости отъ меня въ весьма маломъ достаткѣ. Бесѣды его, говорятъ, очень интересны. Можетъ быть, и мнѣ случится его видѣть, но, вообще, я нахожу, что для знакомства съ представителями какого нибудь умственнаго направленія въ ученомъ мірѣ нужно имѣть на это какое нибудь право; наименьше, нужно быть ознакомленнымъ съ его идеями и сочиненіями, а я знаю К. Р. больше по наслышкѣ и по нѣкоторымъ отрывкамъ въ періодическихъ журналахъ. Въ занятіяхъ и увеселеніяхъ время проходитъ. Еще мѣсяца два, три въ Парижѣ, можетъ быть, столько же въ Лейпцигѣ, а тамъ я опять буду у Васъ, любезный Рара, а тамъ и служба. Черезъ двѣ недѣли буду опять къ Вамъ писать, а теперь напишу еще нѣсколько строкъ къ Лизѣ. Обнимаю Васъ, maman и дѣтокъ и остаюсь преданнымъ сыномъ

В. Стороженко.

173.

Варшава 11/23 *ноября 1847 г.*

Твои Парижскія письма ко мнѣ, любезнѣйшій другъ мой Вольдемаръ, и занимательны, и истинно пріятны. Не отвѣчаю на каждое изъ нихъ потому только, чтобы не вводить тебя въ издержки; но за то при свиданіи поговоримъ обо всемъ по моему, т. е. входя во всѣ подробности замѣченнаго тобою за границею. Какъ бы ни желалъ скорѣе обнять тебя, какъ бы ни желалъ видѣть тебя на службѣ, но, постановивъ ожидать этого годъ, молю Бога о сохраненіи твоего здоровья и радуюсь, что ты, удовлетворяя свое любопытство, вмѣстѣ съ тѣмъ и изучаешь предметы, кои въ послѣдствіи признаешь для себя быть полезными. Напиши мнѣ немножко пространнѣе о Ципріянѣ Робертѣ и о молодыхъ любознательныхъ сербахъ. Я люблю народъ этотъ; а судя по давно прошедшему, думаю, что каждый изъ нихъ и изъ Парижа возвратится на родину тѣмъ же сербомъ; чего не вижу ни въ волохѣ, ни въ молдаванѣ. Быть можетъ, это потому, что они изъ латинской семьи; *сербли* же чистые словене, родные намъ и по нравамъ, и по ихъ духовной жизни.

Возвратившись въ Варшаву, чтобы еще послужить до эмеритуры, я принялся за дѣло по прежнему; но коммиссіи слѣдственной у меня уже нѣтъ. Въ свободныя минуты перелетаю живымъ духомъ въ нашу Заднѣпровщину и убѣждаюсь, что тамъ только я буду доволенъ и собою, и другими. Грустно на чужбинѣ; холодъ нравственный дуетъ съ Запада и морозитъ пуще Сѣвера. Извѣстно, что надъ Леной и Иртышемъ, въ холодъ выше 40 градусовъ, солнце свѣтитъ ярко; пусть оно и не грѣетъ, но я всегда предпочитаю его туманамъ западнымъ.

Когда ты перекочуешь въ Лейпцигъ? Maman и дѣтки цѣлуютъ тебя; равно Катерина Михайловна, пріѣхавшая, какъ говоритъ, навсегда. Лиза, конечно, описываетъ тебѣ все у насъ интересное; а потому я только обнимаю и съ избыткомъ чувствъ благословляю тебя отъ всего моего сердца.

Отецъ твой и другъ

Анд. Стороженко.

174.

Парижъ 11 ноября н. ст. 1847 г.

Ровно двѣ недѣли тому назадъ писалъ къ Вамъ, любезный другъ Рара. Сегодня опять берусь за перо, чтобы, по Вашему желанію, извѣстить Васъ о томъ, что дѣлаю, но дѣлать при моемъ теперешнемъ образѣ жизни значитъ не болѣе, какъ читать, посѣщать лекціи, обдумывать прочитанное и слышанное. Съ тѣхъ поръ, какъ, по примѣру всѣхъ путешественниковъ, я осмотрѣлъ такъ называемыя достопримѣчательности, изъ которыхъ нѣкоторыя пользуются незаслуженною славою, съ тѣхъ поръ я весьма часто дома, за книгою, и нахожу, что чуть ли это не самое полезное. Послѣ этого можно сказать: зачѣмъ же путешествовать, когда у себя дома, сидя на мѣстѣ, можно еще болѣе, съ большими удобствами удовлетворять желанію чтенія и изученія. Подобное мнѣніе отчасти и справедливо; поэтому весьма часто случается видѣть людей, которые, не трогаясь съ мѣста, знаютъ гораздо болѣе, чѣмъ тѣ, которые безпрестанно бродятъ по чужимъ землямъ. Но кромѣ удовлетворенія безпокойному желанію видѣть что-нибудь новое съ слѣдующимъ за симъ успокоеніемъ, не допускающимъ за симъ никакого тревожнаго чувства удивленія,—путешествіе представляетъ двѣ большія выгоды. Во-первыхъ, есть идеи, которыя дѣлаются совершенно доступными только на мѣстѣ ихъ зарожденія, тамъ, гдѣ онѣ примѣняются, гдѣ ими напитанъ такъ сказать воздухъ. Многое непріятно напр. французу, что насъ не поражаетъ, многое останавливаетъ наше вниманіе во Франціи, что для француза разумѣется само по себѣ. Укажу на одну только идею, которая въ своемъ примѣненіи и развитіи въ состояніи озадачить всякаго, кому она не всосалась съ дѣтства. Первый § хартіи говоритъ: Всѣ французы равны передъ закономъ. Вторая выгода путешествія, по моему мнѣнію, въ томъ, что никогда съ такою любовью не обращаешься къ родинѣ, какъ вдали отъ нея, никогда мысль не обхватываетъ въ такой полности, такъ размашисто родную жизнь, какъ когда жизнь эта не тяготитъ и не утомляетъ своимъ ежедневнымъ обиходомъ. Эти минуты паренія въ высь надъ настоящимъ и въ даль грядущаго, о которомъ мы бывало говорили съ Вами, любезный другъ Рара, здѣсь гораздо чаще и гораздо чище. Какъ ни маловажны кажутся подобныя выгоды съ перваго взгляда, онѣ драгоцѣнны для того, кто дорожитъ убѣжденіями. По моему мнѣнію, всякое убѣжденіе, какъ убѣжденіе само по себѣ, достойно уже уваженія. Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ, что имѣю случай познакомиться съ Кипріаномъ Роберомъ. Случай этотъ представился гораздо ранѣе, чѣмъ я ожидалъ. Лю-

бопытенъ я насчетъ его мнѣній о славянахъ, но не удалось еще хорошенько разговориться. Что однако же легко примѣтить сразу, что его взглядъ болѣе политическій, чѣмъ учено-филологическій. Не менѣе того онъ знаетъ довольно хорошо, кажется, языки сербскій и иллирійскій. Я спрашивалъ у нѣкоторыхъ сербовъ, прекрасныхъ молодыхъ людей, съ которыми познакомился здѣсь, ихъ мнѣніи на его счетъ; всѣ однако же того мнѣнія, что у него нѣтъ еще совершенно установленныхъ понятій и что онъ часто мѣняетъ мнѣнія свои. Меня обрадовало только то, что онъ смотритъ на панславизмъ съ точки зрѣнія народности, одноплеменности, а не однодержавія. Онъ написалъ объ этомъ маленькое сочиненіе: „Les deux Panslavismes“, но я не читалъ его. Объ этомъ интересномъ предметѣ поговоримъ подробнѣе при свиданіи. Посѣщеніе здѣшнихъ юридическихъ лекцій меня очень занимаетъ. Если въ преподаваніи я и ощущаю недостатокъ въ той систематичности, философической обработанности, къ которой пріучили меня нѣмцы, но здѣсь за то болѣе жизни, болѣе увлеченія, что даетъ лекціи видъ увлекательной бесѣды, а не сухого преподаванія. По воскресеньямъ, когда входъ въ галлерею Лувра открытъ для всѣхъ, хожу иногда смотрѣть картины. Дрезденская галлерея, по моему мнѣнію, выше достопримѣчательностями итальянской школы. Здѣсь главное мѣсто занимаетъ французская школа, много картинъ Рубенса, особенно аллегорическихъ, а я до нихъ не большой охотникъ; напудренныя королевы какъ то дисгармонируютъ съ богами; освѣщеніе галлереи, несовершенно сверху, тоже мнѣ кажется неудобнымъ. До слѣдующей почты, любезный другъ Рара, обнимаю Васъ, maman и дѣтокъ. Развивается ли Коля? Усердно кланяюсь Блюменфельду. Нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко.

175.

Парижъ 25 ноября н. ст. 1847 г.

Любезный другъ Рара! Вотъ опять двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ писалъ къ Вамъ. Ожидалъ въ теченіе этого времени получить отъ Васъ нѣсколько строчекъ, но ни на почтѣ, ни у Ротшильда не нашелъ писемъ. Видно Вы опять завалены работою. Я здѣсь мало знаю о томъ, что у Васъ дѣлается. Въ Пале-Роялѣ можно найти „Сѣверную Пчелу“, но это довольно далеко отъ меня, чтобы ходить туда часто; извѣстія же во французскихъ газетахъ не надежны. Вообще французы заботятся исключительно о себѣ и о своихъ интересахъ, и эта, отчасти благоразумная односторонность видна во всемъ,

въ политикѣ, въ наукахъ, въ общественной жизни. Это впрочемъ очень хорошо объясняется богатствомъ собственныхъ матеріаловъ для жизни широкой и разнообразной. Извѣстія о холерѣ только приводятся изъ оффиціальныхъ газетъ русскихъ, потому что всякій крѣпко побаивается, чтобы она нечаянно не очутилась вдругъ въ Парижѣ. Между тѣмъ индустрія парижская пользуется этимъ движеніемъ испуганныхъ умовъ и повсюду видишь или брошюрку о холерѣ, или полосканье, или мазь. Нигдѣ не умѣютъ такъ пользоваться слабостями человѣческими, какъ здѣсь! Это безпокойство не мѣшаетъ заниматься дѣлами Швейцарскими, бранить политику Гизо, который поддерживаетъ отдѣльный союзъ (Sonderbund), восхищаться успѣхами Италіи и при этомъ случаѣ нападать все таки на Гизо, который слишкомъ мало способствуетъ этимъ успѣхамъ; наконецъ ничто это не мѣшаетъ оппозиціоннымъ обидамъ (Banquets reformistes), послѣ которыхъ обыкновенно провозглашаются тосты и говорятся рѣчи. Это мирное движеніе (agitation pacifique) оппозиціи меня очень интересуетъ и я съ нетерпѣніемъ жду открытія законодательныхъ камеръ въ декабрѣ, чтобы видѣть, какое вліяніе имѣли всѣ эти обѣды и эти прекрасныя рѣчи на большинство (majorité). Если на этотъ разъ министерство и удержится, то вѣрно г. Гизо придется не поспать нѣсколько ночей, чтобы обдумать и приготовить объясненія. Рядомъ съ этимъ движеніемъ идетъ наука своимъ величественнымъ шествіемъ. Вѣрно я не ошибусь, если скажу, что пятьдесятъ человѣкъ извѣстныхъ ученыхъ собираютъ около себя ежедневно множество людей всѣхъ половъ и лѣтъ, чтобы преподавать имъ результаты открытій въ области наукъ. Къ сожалѣнію время не позволяетъ мнѣ слушать всѣхъ и нужно было ограничиться только нѣкоторыми отраслями преподаванія, но и въ немногомъ избранномъ мною нахожу источникъ истиннаго наслажденія. Видите ли, любезный другъ Рара, если я могу чему нибудь завидовать, такъ это уму и знаніямъ. Заставлять людей преклоняться предъ авторитетомъ моихъ свѣдѣній и дорогою трудовъ умственныхъ добыть себѣ право на уваженіе и признательность современниковъ—это цѣль достойная истиннаго и благороднаго самолюбія. Если я и опоздалъ во многомъ, если въ моемъ прошедшемъ много потеряннаго времени, тщетно утраченныхъ силъ, то по крайней мѣрѣ, задумываясь о Колѣ, я готовлю въ себѣ опытнаго для него руководителя, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ науки. Лишь бы онъ только былъ здоровъ и развивался физически хорошо. Обнимаю его и Долю. Обнимаю отъ всей души Васъ, любезный Рара, и maman. Сейчасъ ѣду на лекціи химіи г. Дюма. Обыкновенно нужно отправляться туда по крайней мѣрѣ за полчаса, чтобы достать порядочное мѣсто. Кланяюсь усердно Блюменфельду. Сестрѣ буду писать на дняхъ. Прошу адресовать письма ко мнѣ Rue de Vaugirard, 15. Нѣжно любящій сынъ Вашъ В. Стороженко.

176.

Парижъ $\frac{26\ ноября}{8\ декабря}$ *1847 г.*

Любезный другъ Рара! Отъ души благодарю Васъ за дружескія строки отъ $^{11}/_{23}$ ноября, которыя успокоили насчетъ довольно продолжительнаго молчанія Вашего. Радуюсь очень, что дѣла устроились такимъ образомъ, что, сложивъ съ себя обязанности по слѣдственной коммиссіи, Вы можете сосредоточить всю свою дѣятельность на внутреннемъ устройствѣ Края, предоставивъ другимъ механизмъ слѣдствія. Дѣла важныя не минуютъ, вѣроятно, и теперь Вашего вліянія, а дрязгамъ и непріятнымъ столкновеніямъ положенъ конецъ. Не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, чтобы не растянуть слишкомъ письма, отвѣчу впередъ категорически на три сдѣланные Вами вопроса. О Кипріанѣ Робертѣ не могу Вамъ разсказать много интереснаго. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ занятъ приготовленіями къ брачной жизни и поэтому видимся довольно рѣдко; скажу только, что онъ замѣстилъ Мицкевича на кафедрѣ славянскихъ языковъ и потому обязанъ объявлять ежегодно о предметѣ предполагаемыхъ чтеній. Но такъ какъ слушателей почти нѣтъ, то и чтенія довольно безполезны. Въ программѣ нынѣшняго года сказано, что онъ займется исторіею древней славянской литературы до Іоанна Гуса и объясненіемъ какой то сербской поэмы, названія которой никакъ не могу вспомнить. Глубокихъ познаній славянизма я въ немъ не подозрѣваю и, кажется, не безъ основанія, потому что до сихъ поръ онъ занимался только сербскимъ или иллирійскимъ языкомъ. Теперь онъ принялся за польскій и русскій, но это не можетъ идти очень скоро. Впрочемъ его направленіе не столько историко-филологическое, сколько политическое, что и весьма натурально, потому что французовъ можетъ занимать только политическая сторона славянскаго вопроса. Въ этомъ отношеніи Кипріанъ Робертъ поборникъ конфедераціи нѣсколькихъ славянскихъ государствъ, а не политическаго единства славянъ,—мнѣніе, которое я совершенно раздѣляю, по многимъ причинамъ, развитіе которыхъ оставляю до свиданія. Какъ ни сжато сдѣланное мною описаніе, оно удовлетворитъ, надѣюсь, на время Ваше любопытство, а въ словесномъ разговорѣ я, можетъ быть, буду въ состояніи передать болѣе подробностей. Это же самое относится и до сербовъ Здѣсь ихъ, кажется, 7 человѣкъ, молодыхъ людей моихъ лѣтъ, изъ которыхъ большая часть воспитывается на счетъ правительства, для помѣщенія ихъ по возвращеніи въ отечество въ іерархіи административную и судебную. Всѣ почти изучаютъ права, потому что

сербское законодательство заняло многое отъ французскаго и что демократическое начало, служащее основаніемъ общественной жизни сербовъ, всего ближе къ основанію французскаго общества. Но вся эта молодежь, дѣйствительно, какъ Вы предполагаете, обращается безпрестанно мыслями къ родинѣ и, гордясь своею одноплеменностью съ другими отраслями славянъ, желаетъ однако-жъ сохраненія сербской народности. Опасаясь чуждаго имъ вліянія турецкаго и австрійскаго, сербы такъ охотно считали бы себя въ правѣ надѣяться на великую ихъ соплеменницу, но до сихъ поръ они не имѣютъ этого права и будущее только покажетъ, въ какой мѣрѣ могутъ они на него разсчитывать. Одинъ изъ находящихся здѣсь сербовъ, Станиславлевичъ, занимается филологическими изысканіями и восхищается, когда отыщетъ въ санскритскомъ языкѣ корень славянскихъ словъ. Уважая всякій трудъ, я раздѣляю его радость, хотя и не вижу хорошенько къ чему ведутъ подобнаго рода находки. Если бы даже и удалось кому нибудь доказать, что славянскій языкъ есть только полуизмѣнившійся санскритскій и что славяне есть прямые потомки древнихъ обитателей Индіи,—что выиграно черезъ это? Развѣ идея братства народовъ и благодѣтельныя слѣдствія такого родства—въ такомъ случаѣ я преклоняюсь передъ подобнымъ открытіемъ, хотя для этого и не нужно было идти такъ далеко и гораздо проще доказать это a priori. Что касается до 3-го вопроса т. е. скоро ли я перекочую въ Лейпцигъ, то я не думаю оставить Парижъ ранѣе начала марта н. ст. и вотъ по какимъ причинамъ. Избравъ нѣсколько предметовъ для изученія и посѣщая постоянно лекціи по этимъ предметамъ, я желалъ бы дослушать ихъ до нѣкоторой полноты. Оставаясь здѣсь до марта, я прослѣжу весь зимній семестръ или почти весь, потому что лѣтній начинается въ апрѣлѣ. Путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ въ самую зиму должно быть не весьма удобно, особенно для того, кто не запасся теплою одеждою, какъ Вашъ покорнѣйшій слуга. Наконецъ, именно въ мартѣ открывается университетъ въ Лейпцигѣ послѣ зимнихъ вакансій и ярмарочныхъ тревогъ, и если моихъ фондовъ станетъ, чтобы не ускорить отъѣздъ мой домой, то по сроку моего паспорта мнѣ можно будетъ оставаться въ Лейпцигѣ почти 4 мѣсяца. что достаточно для моей цѣли. Не правда ли, любезный другъ Рара, что этихъ дѣльныхъ причинъ достаточно уже, чтобы оправдать мой планъ, не говоря уже объ удовольствіи провести карнавалъ въ Парижѣ? Да, время летитъ, еще съ небольшимъ шесть мѣсяцевъ и я буду съ Вами, любезный другъ Рара, а тамъ и на службу. Только настоящее принадлежитъ намъ, будущее задернуто завѣсою, и что откроется передъ нами, когда время сдеретъ эту завѣсу,—неизвѣстно. Не легко представляю я себя чиновникомъ въ вицъ-мундирѣ и за бумагами. Мнѣ кажется, что у меня на-

шлось бы и усердіе и прилежаніе, лишь бы удалось мнѣ найти людей, которые могли бы употребить меня съ пользою. До слѣдующаго письма черезъ двѣ недѣли. Обнимаю Васъ, любезный другъ Рара, обнимаю maman, дѣтокъ и Катерину Михайловну. Нѣжно любящій Васъ сынъ и другъ В. Стороженко.

Благодарю Александра Михайловича [1]) за его милыя строки. Ограничиваюсь на этотъ разъ усерднымъ поклономъ, потому что опоздалъ написать, что непремѣнно сдѣлаю въ слѣдующій разъ.

177.

Парижъ 6/18 *генваря 1848 г.*

Поджидая извѣстій о Васъ, любезный другъ Рара, я пропустилъ одну почту, и хоть ожиданія мои до сихъ поръ остались тщетными, но я не откладываю далѣе бесѣды съ Вами, тѣмъ болѣе, что на дняхъ получилъ письмо отъ Лизы, въ которомъ она увѣдомляетъ меня, что письма мои къ Вамъ доходятъ исправно и что они доставляютъ Вамъ сколько нибудь удовольствія. Вотъ все, чего я желаю. Послѣ праздниковъ, въ которые люди здѣсь, какъ и вездѣ, считаютъ необходимымъ ничего не дѣлать, наступили опять мирные дни занятій, праздныя и праздничныя лица приняли опять обыкновенный, заботливый видъ; учащаяся молодежь по прежнему наполняетъ день свой хожденіями на лекціи, чтеніемъ журналовъ, повтореніями дома. Этого довольно, чтобы намекнуть Вамъ, что такъ проходятъ и мои дни. Я такъ уже успѣлъ свыкнуться съ Парижемъ, что мнѣ кажется невѣроятнымъ, что черезъ нѣсколько дней мнѣ должно будетъ его оставить. Впрочемъ я съ удовольствіемъ думаю о томъ, что срокъ свиданія со всѣми моими приближается, и съ участливымъ любопытствомъ возвращаюсь я на родину. Недавно одинъ господинъ изъ нашихъ увѣрялъ и доказывалъ мнѣ со всею силою убѣжденія, что я ужасно говорю по русски; его слова подтвердили впрочемъ то, что я давно уже и самъ замѣтилъ. Всѣ дѣлаютъ русскимъ комплименты насчетъ ихъ способности къ иностраннымъ языкамъ, но способность эта, какъ она ни хороша, препятствуетъ хорошему знанію своего собственнаго. Все, чему я учился, придется мнѣ переводить на свой языкъ, но, не смотря на это маленькое затрудненіе, испытываю я теперь особенную жажду жить между своими соотечественниками. Даже и въ службу влечетъ меня любопытство, чтобы убѣдиться, поколику справедливы возраженія практиковъ противъ всѣхъ

---

[1]) Блюменфельда.

разсужденій теоретиковъ. Этотъ вѣчный споръ, это вѣчное противорѣчіе между теоріею и практикою—неужели оно неразрѣшимо? Въ такомъ случаѣ можно было бы сомнѣваться въ пользѣ тееоріи, а слѣдовательно и науки Но кто же въ этомъ сомнѣвается? Никто, кромѣ безграмотныхъ. Такимъ образомъ разрѣшенія противорѣчія нужно искать въ искусствѣ примѣненія; это то и любопытно, хотя и весьма трудно. О политическихъ новостяхъ не стану распространяться, потому что Вамъ все извѣстно изъ газетъ; скажу только, что общество французское сильно взволновано: анти-либеральная политика кабинета въ дѣлахъ швейцарскихъ и итальянскихъ, рѣчь короля при открытіи палатъ, взятіе Абд-ель-кадера, смерть Аделаиды и болѣзнь короля—все это даетъ пищу волненіямъ; между тѣмъ палата перовъ, въ противность своему оберегательному назначенію, аттакуетъ министерство; что же скажетъ палата депутатовъ, по своему положенію принадлежащая оппозиціи? Министерство находится въ шаткомъ положеніи, дни его сосчитаны и все затрудненіе въ составленіи новаго; говорятъ даже, что герцогъ Немурскій дѣлалъ уже предложеніе на этотъ счетъ г. Моле, который однако же отказался, въ настоящихъ обстоятельствахъ, принять на себя бремя образованія министерства. Любопытно, чѣмъ это все развяжется; можетъ быть, мнѣ удастся еще выждать здѣсь кризисъ! Но въ чью бы пользу онъ ни совершился, я считаю, что Франція еще не созрѣла для республики, хотя республиканская партія и довольно сильна. Такое правленіе требуетъ, по моему мнѣнію, такого политическаго равенства, такого равновѣсія въ образованіи всѣхъ, такого развитія нравственности народной, которыхъ Франція еще долго не достигнетъ. Французамъ и теперь уже дѣлаютъ упрекъ, что начало ихъ политической жизни далеко опередило ихъ нравы, и, судя строго, нужно, можетъ быть, сознаться въ справедливости этого упрека, хотя французъ и считаетъ подобный упрекъ для себя обиднымъ. Подобныя разсужденія ведутъ къ тому заключенію, что народное просвѣщеніе должно быть предметомъ ревностнѣйшихъ заботъ каждаго правительства, а до сихъ поръ и вездѣ смотрятъ на эту часть, какъ на одну изъ незначительныхъ отраслей государственной дѣятельности. Министры просвѣщенія играютъ всѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, Германіи, второстепенную роль и, обращаясь къ себѣ, я часто сознаю въ себѣ желаніе служить по этой части. Въ этой службѣ мало виднаго, блестящаго, но она можетъ вести къ большимъ результатамъ, потому что, какъ ни говори, идеи управляютъ міромъ, а къ развитію идей ведетъ воспитаніе. Обо всемъ этомъ можно было бы очень распространиться, но я оставляю это до нашего скораго свиданія. Обнимаю Васъ, любезный другъ Рара, со всею нѣжностію сына; обнимаю торячо Maman и дѣтокъ, оста-

юсь преданнымъ Вамъ другомъ и сыномъ В. Стороженко. Александру Михайловичу усердно кланяюсь, равно всѣмъ нашимъ.

178.

Варшава $^{13}/_{25}$ *генваря 1848 г.*

Причина рѣдкихъ къ тебѣ писемъ, другъ мой Володя, тебѣ извѣстна. Я привыкъ стѣснять мои чувствованія, но они болѣе нежели теплыя. Прекрасное послѣднее письмо твое прочиталъ нѣсколько разъ и съ радостію, и съ тѣмъ вниманіемъ, которое оно возбуждало. Ты, навѣрное, уже убѣдился, что французы, по своему образованію, по своимъ эгоистическимъ потребностямъ, знаютъ только свое, а о чужомъ пишутъ единственно для того, чтобы писать и извлекать изъ того или житейскія выгоды, или извѣстность между поверхностными читателями. Кипріянъ Робертъ славянинъ французскій, но всетаки онъ болѣе знаетъ славянъ, нежели всѣ члены палаты перовъ и депутатовъ, что даже въ географическомъ отношеніи часто говорятъ такъ о земляхъ и народахъ, что, какъ говорится, уши вянутъ. Тутъ можно привести старинную нашу пословицу: „на словахъ, какъ на гусляхъ, а на дѣлѣ, какъ на балалайкѣ“; впрочемъ послѣднія рѣчи Шуазеля, Ноеля и кидающагося во всѣ стороны Монталамберта заключаютъ въ себѣ много интереснаго. На этомъ я получилъ отъ тебя послѣднее письмо отъ $^{6}/_{18}$ генваря; оно также заняло и утѣшило меня, какъ и предыдущее. Французы, бѣгущіе въ запуски, какъ бы желали опередить самое время; ихъ республиканская партія, утопическіе виды, при общей безнравственности,— не стоятъ того, чтобы человѣкъ мысляшій углублялся въ калейдоскопъ мнѣній и останавливался на эфемерныхъ людяхъ, бѣснующихся часто изъ ничего. Свобода порицать правительство, бранить министровъ и, взявъ за образецъ „les mysteres de Paris“, выставлять на всеобщее презрѣніе часто самыхъ заслуженныхъ чиновниковъ—гадкая черта народная. Чтобы имѣть на это право, нужно возбудить совѣсть, господство самоотверженія, частныя гражданскія добродѣтели и пламенную любовь къ родинѣ; въ противномъ же случаѣ все это ничто иное, какъ борьба, по просту, плутовства и эгоизма. Поэтому то съ душевною любовью къ славянскому міру, красующемуся еще патріархальностью, я не люблю видѣть сербовъ и болгаръ воспитывающимися въ Парижѣ, который не представляетъ, но составляетъ народъ французскій. Давно я написалъ въ одной изъ моихъ записокъ, что духъ англичанъ заключается въ Лондонѣ, французовъ—въ Парижѣ, духъ же

славянъ—въ сельскихъ хатахъ и на разгульныхъ поляхъ, призывающихъ къ себѣ трудолюбивыхъ дѣятелей. Воспитаніе, ученіе и, наконецъ, образованіе—такъ неопредѣленны, такъ неудобно прилагаемы къ мысли о грядущемъ, что объ этомъ благѣ рода человѣческаго надобно говорить и думать съ вѣрою религіозною. Кто можетъ вполнѣ предаться благородному призванію на поприщѣ слѣдящаго и участвующаго въ дѣлѣ развитія умственныхъ способностей въ людяхъ своей генераціи, тотъ по истинѣ заслуживаетъ уваженія. „Могій вмѣстити, да вмѣститъ!“ Служить по министерству просвѣщенія—мысль прекрасная. Будемъ говорить съ тобою объ этомъ съ удовольствіемъ.

Нѣжно любящій тебя и благословляющій отецъ и другъ

А. Стороженко.

179.

Кіевъ 11-го мая, вторникъ, 1848 г.

Послѣ шестидневнаго странствованія по одному клочку только великой земли русской, сглаживая тяжестью экипажа, а частію и собственной тяжестью неровности гребель волынскихъ и подольскихъ и потомъ убаюкиваясь медленнымъ движеніемъ тарантаса по сыпучимъ пескамъ этихъ странъ,—я добрался наконецъ до Кіева. Въѣзжая въ ночь съ воскресенія на понедѣльникъ въ дремлющій городъ, я льстилъ себя мечтою пріятнаго отдохновенія. Представляющійся моему воображенію хорошій номеръ, ванна, мягкая кровать заставляли меня забывать о минувшихъ испытаніяхъ путешествія. Грязныя станціи, ломка и починка, споры за лошадей уступили мѣсто самымъ льстительнымъ надеждамъ. Но увы! любезный Рара, онѣ не сбылись. Въ Кіевѣ выборы, трактиры наполнены; мнѣ удалось найти подозрительную комнату въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ подъ зеленою крышею, и сплюснутый подъ бременемъ безчисленнаго множества проѣзжающихъ тюфякъ успокаиваетъ мои члены. Но всѣ эти неудобства вознаградились любезнымъ пріемомъ, сдѣланнымъ мнѣ всѣми лицами, у которыхъ Вы поручили мнѣ быть, любезный другъ Рара. Прежде всѣхъ поѣхалъ я къ Ризничу, который въ тотъ же день пригласилъ меня къ обѣду; потомъ былъ у Фундуклея, Юзефовича, Писарева, наконецъ у генералъ-губернатора. Послѣднему рѣшился я представиться по предложенію г. Писарева, который завѣрялъ мнѣ самый ласковый пріемъ. Дѣйствительно, Дмитрій Гавриловичъ обошелся со мною, какъ только можно было желать

и ожидать, при разницѣ лѣтъ, званій и положеній, разспрашивалъ объ Васъ и поручилъ мнѣ передать Вамъ дружескій поклонъ. Всѣ разговоры здѣсь, какъ и въ Варшавѣ, вертятся на событіяхъ въ Европѣ, поэтому и за мной остановки не было. Каждому удалось мнѣ передать что нибудь новенькое, а извѣстіе о славянскомъ сеймѣ въ Прагѣ произвело всеобщую радость и дало поводъ къ разнаго рода предположеніямъ и толкамъ. Обѣдалъ я у Ивана Степановича, который познакомилъ меня съ цѣлымъ семействомъ своимъ. Привѣтливость хозяевъ, общій и образованный разговоръ, наконецъ, славянское радушіе Ивана Степановича оставили во мнѣ самыя пріятныя впечатлѣнія. Вечеръ провелъ я у Михаила Владиміровича, гдѣ познакомился съ весьма интересными и любезными людьми: Грабовскимъ, помѣщикомъ Кіевской губ., человѣкомъ европейскаго образованія и извѣстнымъ писателемъ, Бороздинымъ, Чижовымъ, Селинымъ, Ригельманомъ. Словомъ, первый день, проведенный въ Кіевѣ, оставилъ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія, и я сожалѣю очень, что не могу посвятить болѣе времени для большаго знакомства съ людьми, въ часовой бесѣдѣ съ которыми я могъ видѣть ручательство самыхъ пріятныхъ отношеній на будущее время. Продолженіе изъ Чевельчи. Не хочу пропустить сегоднешней почты, чтобы не сказать нѣсколько словъ Лизѣ. Обнимаю Васъ, maman и остаюсь нѣжно любящимъ Васъ сыномъ В. Стороженко.

180.

С.-Петербургъ 8 іюля 1848 г.

По выѣздѣ моемъ изъ прекрасной Щербаковки Вашей, любезный другъ Рара, и до пріѣзда моего въ Петербургъ, я велъ такую подвижную, неровную, безпокойную жизнь, что никакъ не могъ собраться написать къ Вамъ. Теперь, сидя уже на мѣстѣ, желалъ бы вознаградить упущенное, но другое затрудненіе. Въ теченіе мѣсяца набралось столько матеріала для бесѣдъ нашихъ, что рѣшительно не могу дать ладу этому множеству фактовъ и идей, которые желалось бы передать Вамъ. Начну съ того, гдѣ я былъ и кого видѣлъ. 9-го іюня утромъ, простившись торжественно съ Григоріемъ, Черницкимъ, Зимою и другими добрыми обитателями Щербаковки, сѣлъ я преважно въ карету и пустился отыскивать мѣстопребываніе Ильи Яковлевича—Мармызовку, о которой до пирятинскихъ жителей не дошло никакого свѣдѣнія. Трактуя объ этомъ важномъ предметѣ со всѣми и каждымъ, выслушивая предлинные разсказы словоохотливыхъ малороссіянъ о предлежащихъ

мнѣ шляхахъ, степныхъ дорогахъ, ярахъ, гребляхъ, и еще подробнѣйшіе вставочные разсказы о томъ, что остается у меня въ сторонѣ, о чемъ, слѣдовательно, весьма можно было бы и умолчать,—я рѣшилъ ѣхать на Бѣлоцерковку, Остаповку; тутъ взялъ проводника и черезъ Озеряны добрался часовъ въ шесть вечера до Мармызовки. Илья Яковлевичъ былъ въ Брагинцахъ, семейство его въ Ржавцахъ, такъ что я никого не засталъ и, отправивъ человѣка увѣдомить И. Я. о моемъ пріѣздѣ, сталъ осматривать хозяйство. Онъ, какъ говорятъ, строится; большой, прекрасный домъ подведенъ уже подъ крышу, нѣсколько хозяйственныхъ зданій частію выстроены, частію еще строятся. Самъ И. Я. живетъ очень скромно въ маленькомъ флигелькѣ и хлопочетъ о томъ, чтобы скопить копѣйку. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ онъ изъ Брагинецъ и почти трое сутокъ мы съ нимъ не разлучались, раза два были у Алекс. Яков., обѣдали у него. Какъ Вы себѣ представить можете, принятъ я былъ самымъ ласковымъ, предупредительнымъ образомъ. Такого оригинала, каковъ мой любезный дядюшка Илья, мнѣ рѣшительно не случалось видѣть. Въ продолженіе трехъ сутокъ я не переставалъ хохотать отъ его разсказовъ. Главная забота его въ это время была холера. Онъ разспрашиваетъ непремѣнно каждаго о ея ходѣ, предупредительныхъ и лѣчебныхъ средствахъ, все тщательно записываетъ, собираетъ медикаменты и не разстается съ ними, почти ничего не кушаетъ и рѣшительно пересталъ пить. Докторъ—его знакомый, зная его нетароватость, пресерьезно увѣряетъ, что онъ долженъ выпивать бутылку лафиту рублей въ десять ежедневно и Илья Яков., скрѣпя сердце, выписываетъ дюжину. Понравился ему Вашъ портшезъ; я говорю, что, кажется, Вы позволили продать его за тысячу рублей и что приказчикъ объ этомъ знаетъ, но онъ желаетъ помѣняться съ Вами на сто ульевъ пчелъ; я обѣщалъ увѣдомить Васъ объ этомъ. Разсчетливость его, иногда даже забавная, оправдывается частію результатами, ибо онъ составилъ себѣ препорядочное имѣніе, не имѣетъ ни гроша долгу, напротивъ того, даже небольшой капиталъ, частію же хлопотами о дѣтяхъ, которыхъ у него шестеро: онъ хочетъ, чтобы мальчики были непремѣнно учеными [1]), а дѣвочки имѣли по крайней мѣрѣ тысячъ по 20 приданнаго. Желалъ бы онъ очень, чтобы Вы увидѣли его семейство и хозяйство и просилъ передать Вамъ, что если Вы обѣщаете навѣстить его въ будущемъ году, то онъ къ тому времени окончитъ домъ и приметъ Васъ на новосельѣ съ музыкой и танцами. Хочетъ непремѣнно дать балъ для Вашего пріѣзда. Александръ

[1]) Желаніе это отчасти исполнилось, такъ какъ старшій сынъ Ильи Яковлевича Николай Ильичъ былъ потомъ ордин. профессоромъ Московскаго университета по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы.

Яковл. далеко не въ такомъ положеніи, какъ братъ его; хозяйство у него небольшое, домикъ приходитъ въ ветхость, дѣтямъ воспитанія не можетъ онъ дать порядочнаго. Если бы возможно было какъ нибудь помочь ему, это было бы истиннымъ благодѣяніемъ; сто рублей издержалъ онъ, чтобы съѣздить въ Полтаву и выхлопотать себѣ какое нибудь мѣстечко, но хлопоты остались безъ результата и деньги издержаны всѣ. Нельзя ли Вамъ, любезный Рара, сдѣлать для него что нибудь черезъ г. Кокошкина?—12-го отправился я въ Карпиловку. Старичокъ Елисей Якимовичъ Троцына принялъ меня весьма ласково, разспрашивалъ о Васъ и радовался, что Вы его помните; домъ его мнѣ не очень понравился: видно, что хозяинъ дома старъ, порядка большого нѣтъ. Отобѣдавши въ Карпиловкѣ, я поѣхалъ въ Харитоновку къ Милорадовичу. Я остался у него ночевать и обѣдалъ на слѣдующій день. Домъ, садъ, столъ, вина, порядокъ—все тутъ образцовое; при этомъ полная предупредительность Андрея Степановича и Ольги Юрьевны, и Вы легко себѣ представите, какъ пріятно провелъ я тамъ время. Андрея Степановича, не смотря на его шестой десятокъ нельзя даже назвать старикомъ; это человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, опрятный, франтъ, если Вы хотите, интересующійся всѣмъ, слѣдящій за политикою внѣшнею и внутреннею, вызывающій, при случаѣ, даже грековъ и римлянъ на очную ставку съ героями или дѣйствователями нашего времени. 13-го вечеромъ пріѣхалъ я въ Качеповку и оставался тамъ 14-е. Григорій Степановичъ щеголялъ передо мною всѣмъ, что имѣлъ хорошаго: образцовый пчельникъ, загонъ породистыхъ овецъ, садъ, музыка, пѣвчіе—все было на сценѣ. Все хорошо, но было бы также недурно, если бы онъ менѣе часто говорилъ о себѣ, не выступалъ такъ чванно со своимъ я. Онъ просилъ передать Вамъ, что если будете въ Малороссіи, то дали бы ему знать и онъ бы явился къ Вамъ въ Чевельчу. 15-го отправился я въ Рубанку, сопровождаемый Гр. Ст., который желалъ показать мнѣ вновь продѣлываемую имъ дорогу. До 19-го пробылъ у Анны Евгеньевны, отъ которой я въ восхищеніи. По дорогѣ оттуда въ Монастырище заѣхалъ я въ Ржавцы, чтобы познакомиться съ семействомъ Ильи Як. Дѣти у него прехорошенькія, особенно двѣ старшія дочки. Тутъ же заѣхалъ я къ Федору Васильевичу [1]), а 20-го вечеромъ прибылъ къ Романовичамъ. 23-го поѣхалъ я съ ними въ Нѣжинъ; тамъ взялъ подорожную и уже прямо отправился въ Москву. Къ Гербелю не заѣзжалъ, потому что чувствовалъ себя не совершенно здоровымъ и опасался, чтобы въ чужомъ домѣ не напала на меня холера. Въ Москвѣ пробылъ 5 дней самымъ пріятнымъ образомъ; позна-

[1]) Хильчевскому.

комился тамъ съ разными учеными молодыми людьми, но для этого долженъ былъ посѣтить всѣ окрестности города, потому что всѣ живутъ на дачахъ. 3-го я выѣхалъ изъ Москвы и 6-го былъ уже въ Петербургѣ. На этомъ останавливаюсь, любезный другъ Рара, на дняхъ буду Вамъ писать еще, а это письмо спѣшу отправить, чтобы Вы не находились въ неизвѣстности на мой счетъ. Обнимаю Васъ отъ горячаго сердца, равно maman, дѣтокъ, и всѣхъ нашихъ. Преданный Вамъ сынъ и другъ В. Стороженко. Усердно кланяюсь Блюменфельду и Хойнацкому.

181.

Варшава 18/30 *іюля 1848 г.*

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочиталъ я, любезный другъ Вольдемаръ, отчетливыя твои замѣчанія насчетъ хозяйственныхъ распоряженій въ имѣніяхъ. Видно, что ты хлопоталъ обо всемъ. Скажи теперь, не удостовѣряешься ли ты въ разительной противуположности между деревенскимъ бытомъ Украины и Польши? Въ первой простота, патріархальность, во второй деморализація оффиціалистовъ и жизнь подъ вліяніемъ ихъ обмановъ безсмысленныхъ поселянъ, кои существуютъ лишь бы день до вечера, во всемъ видишь *„coś tymczasowe“*; будущность ни въ чемъ не выказывается, ибо едва ли кто посадилъ здѣсь и одно деревцо для потомства. Напрасно правительство помогаетъ имъ во всемъ безвозвратнымъ иждивеніемъ: побилъ градъ хлѣбъ, тотчасъ аллевяція, или прощеніе податей; неурожило,—правительство кормитъ лѣнивыхъ и тунеядцевъ; показываются толпы нищихъ—оно заботится объ ихъ помѣщеніи и продовольствіи. Что, если бъ у насъ входили, хотя въ половину, въ положеніе жителей? Вся тяжесть при невзгодахъ падаетъ на помѣщиковъ, когда здѣшнему владѣльцу недвижимыхъ имѣній ни до чего нѣтъ дѣла, и они же еще недовольны.

Не можешь вообразить себѣ, что сдѣлалъ со мною Романъ. Онъ, въ одну прекрасную ночь, забралъ влосцянскую кассу, подаренную мною мужикамъ, и ушелъ со всѣмъ своимъ инвентаремъ, не заплативши мнѣ ни гроша; едва его поймали, и онъ же началъ процессы самые ябедническіе, такъ-что бѣдный Блюменфельдъ сидѣлъ въ Хенцинахъ мѣсяцъ, пока въ трибуналахъ рѣшались эти кляузы, и еще долженъ туда ѣхать для выслушиванія приговоровъ. Вотъ, что надѣлали мнѣ Лейхте, Зѣлинскій и пр. Ежели со мною подобное совершается, что же дѣлается съ другими. Вотъ слѣдствіе мнимыхъ цивилизацій.

Итакъ, капиталы, вложенные мною въ Подзамче, исчезли; я долженъ былъ опять подчинять строенія и радъ, что, спасибо Блюмен-

фельду, отдалъ Подзамче въ администрацію Ротенбергу за 30500 зл. въ годъ, изъ чего придется мнѣ, или, лучше сказать, Юліи Ивановнѣ, только 24500 зл., остальные же идутъ на подати. И то слава Богу; по крайней мѣрѣ теперь мы заключили уже формальный контрактъ съ администраторомъ, который Лейхте почиталъ не нужнымъ.

Но обратимся къ доброй моей Малороссіи. Я хотѣлъ, чтобы ты видѣлъ коренное ея заселеніе, и ты видѣлъ это. Мармизовка, Брагинцы, Карпиловка, Харитоновка, Парафіевка, Ржавцы дали тебѣ понятіе о житьѣ бытьѣ земляковъ, кои за Пирятиномъ почитаютъ все краемъ новымъ. Дѣйствительно, тутъ есть большая разница и въ людяхъ, и въ образѣ жизни помѣщиковъ, и въ самомъ мѣстоположеніи. Впрочемъ, не правда ли, что Малороссія прекрасна?

Анна Евгеніевна писала ко мнѣ [1]). Сегодня я буду ей отвѣчать. Поблагодарю за добрый пріемъ тебя и пр. Ожидаю отъ тебя подробнѣйшихъ замѣчаній насчетъ родины и посылаю при семъ 150 р. с. посредствомъ Лизы, ибо не знаю, куда адресовать. Обнимаю и благословляю тебя отъ всего моего сердца.

А. Стороженко.

Тороплюсь отправить деньги.

182.

Петербургъ 30 іюля 1848 г.

Вчера, любезный другъ Рара, получилъ я письмо Ваше отъ 18-го с. м. и деньги. Приношу благодареніе за то и другое. Пріятно мнѣ было узнать, что Вы удовлетворены отчетами моими по хозяйству, хотя заслуга моя тутъ только въ формѣ, заслугу важнѣйшую, по справедливости, нужно отнести Григорію Абрамовичу, Семену, Зимѣ и даже молодому Гришкѣ въ Тѣни. Вашимъ распоряженіямъ и неослабнымъ требованіямъ съ одной стороны и усердному исполненію этихъ людей съ другой—должно приписать существующій порядокъ въ Вашихъ имѣніяхъ и приближеніе ихъ къ такому состоянію благоденствія, которое соотвѣтствовало бы очищеннымъ гуманнымъ понятіямъ нашего времени. „Мнимая цивилизація“ хуже варварства, но жизнь грязная и скучная въ ежедневномъ ея теченіи потеряла бы и послѣднее значеніе, если бы не дано было человѣку иногда возноситься мысленно въ вѣрованіяхъ къ болѣе стройному, болѣе раціональному порядку вещей,—образчикъ котораго можно подмѣтить въ гармоніи внѣшней природы. Что

[1]) Письмо это напечатано въ томѣ I Фамильнаго Архива на стр. 450—451.

бы то ни было, но Чевельча представляетъ уже утѣшительное зрѣлище; Щербаковка съ ея безпечнымъ хуторкомъ—близка къ тому же. Не знаю, какъ подвизается въ послѣдней Черницкій, котораго договорилъ я помѣсячно въ управители, до Вашего утвержденія. Условія не выходятъ изъ предѣловъ тѣхъ, которыми Вы ограничили письменно произволъ Григорія: 100 р. с. жалованья въ годъ, кое-какіе припасы натурою и нѣкоторая зависимость отъ Григорія. Черницкій при мнѣ вошелъ въ управленіе, я передалъ ему Ваши требованія и уѣхалъ. Изъ двухмѣсячныхъ отчетовъ Григогія и писемъ Антона Степановича Вы будете имѣть болѣе положительныя извѣстія. Отъ пріятнаго къ непріятному въ жизни одинъ шагъ, а на бумагѣ отдѣляетъ только нѣсколько словъ. Такъ вотъ чѣмъ разразился Хенцинскій хаосъ: бѣгствомъ Романа похищеніемъ влоцянской кассы, процессомъ и необходимостью доброму Александру Михайловичу выступить на поприщѣ юриспруденціи! Чудный эпизодъ изъ быта ..... страны (лучше безъ прилагательныхъ)! Самое главное, что и конца такому порядку дѣлъ не предвидится. Уничтожьте этотъ оттѣнокъ временности, временнаго, tymczasowego въ мѣрахъ, когда не въ силахъ устранить его !въ убѣжденіи! Чѣмъ сильнѣе убѣжденія, тѣмъ рѣшительнѣе поступки. Полусознаніе, полувѣрованіе готовитъ такую же тяжелую будущность вообще странѣ и въ частности Хенцинамъ. Иначе и винокуренный, и пивоваренный заводы, и садъ, и домъ представляли бы другой видъ. Впрочемъ и 24 т. ничего; maman не прійдется пріостановить воскресныхъ обѣдовъ, а милымъ дѣтямъ Колѣ и Долѣ достанется еще получить нѣсколько лишнихъ игрушекъ и лакомствъ. Хотѣлъ бы опять обратиться къ любезному предмету, предмету самыхъ пріятныхъ помысловъ, самыхъ лучшихъ желаній—къ Малороссіи, но, взглянувъ на часы, вижу, что почтовый терминъ близокъ, и боюсь начать разсужденіе, которое можетъ быть заставило бы меня отложить отправленіе письма до слѣдующей почты Лучше отложу разсужденіе и закончу это письмо нѣсколькими словами о себѣ. Поселился здѣсь пока въ „Hôtel garni“, гдѣ имѣю комнату, мебель, столъ, прислугу. Мѣсто служенія опредѣлитъ и постоянное мѣсто жительства. Ищу въ Петербургѣ, не теряю изъ виду и Кіева. Писаревъ обѣщалъ по пріѣздѣ сюда черезъ мѣсяцъ сообщить мнѣ нѣсколько положительныхъ извѣстій. Здѣшніе знакомые помогаютъ отыскать здѣсь что нибудь. Петербургъ для гражданина, человѣка во фракѣ, сносенъ; людьми и способами разнообразнѣе провинцій, гдѣ у насъ нѣтъ еше мѣстной, локальной жизни. Въ слѣдующемъ письмѣ мнѣ, можетъ быть, удастся дать Вамъ, любезный Рара, нѣсколько удовлетворительнѣйшихъ свѣдѣній. Вижусь до сихъ поръ преимущественно съ родными, знакомыми, пріятелями. Для дѣловыхъ людей и разговоровъ еще продолжаются каникулы. Болѣзнь

почитаютъ здѣсь почти прекратившеюся. При осторожности надѣюсь избѣжать ея. Безпокойство возрастаетъ насчетъ Васъ и всѣхъ нашихъ, потому что эпидемія тянется къ юго-западу. Не оставляйте меня безъ вѣсточекъ. Адресъ мой: на углу Большой Морской и Вознесенской, домъ Калгина у г. Феде. Видѣлъ брата Александра Михайловича: узнавши объ немъ болѣе, напишу къ брату. Цѣлую maman, дѣтокъ, Катюшу и всѣхъ нашихъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ

В. Стороженко.

183.

18-го августа 1848 г.

Хотя въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ сестрѣ я и упомянулъ о результатѣ моихъ служебныхъ исканій, но не хотѣлъ писать объ этомъ къ Вамъ, любезный другъ Рара, пока не соберу нѣсколькихъ данныхъ довольно положительныхъ, на которыхъ могли бы Вы опереться въ Вашихъ размышленіяхъ.

Вступая въ службу я имѣлъ въ виду:

1) Мѣсто штатное съ жалованьемъ.

2) Занятія, входящія въ кругъ пріуготовительно-собранныхъ свѣдѣній.

3) Возможность научиться служебному дѣлу, чтобы знаніемъ этого дѣла обезпечить свою будущность; наконецъ,

4) Вѣроятность пріятныхъ отношеній съ сослуживцами.

Предложенное мнѣ мѣсто помощника секретаря въ 1-мъ Депар. Сената соотвѣтствовало моимъ видамъ и я согласился принять его. Прошеніе мое уже у министра, вѣроятно, скоро выйдетъ и назначеніе, а между тѣмъ я ежедневно хожу въ должность, чтобы привыкать къ предлежащимъ моимъ обязанностямъ. Въ какой степени предположенія мои осуществлятся, покажетъ дальнѣйшее; несомнѣнно пока еще то, что я буду имѣть 1200 р. асс. жалованья, что занятія мои регулярныя, общія всѣмъ служебнымъ вѣдомствамъ по формѣ,— по существу болѣе или менѣе юридическія, что у меня впереди далекій рядъ судебной іерархіи, что, наконецъ, товарищи мои все порядочные молодые люди, воспитанники школы правовѣдѣнія и университетовъ. Принявъ это мѣсто, я избавился отъ скучной и неопредѣленной роли искателя, что весьма важно. Отношенія мои къ старшимъ еще не опредѣлились, но надѣюсь, что они будутъ учтивыя и внимательныя. Пока пусть все идетъ само собою, а когда положеніе мое обозначится лучше, тогда можно будетъ подумать о томъ, какія предпринять мѣры для хода впередъ. Съ опре-

дѣленіемъ на службу, жизнь моя получила регулярное теченіе, но нужно очень внимательно распредѣлить свое время, чтобы, успѣвая въ служебныхъ занятіяхъ, не отставать и отъ наукъ. Теперь уже не то, что было, когда 24 часа сутокъ принадлежали неразрывно мнѣ. Послѣ сената отправляюсь, обыкновенно, обѣдать въ трактиръ, гдѣ за скромную плату имѣю порядочный обѣдъ, а самое главное—французскіе, нѣмецкіе и русскіе журналы. Вечеромъ, обычно, сижу дома и занимаюсь своими дѣлами. Стараюсь свести знакомство съ молодыми людьми, съ которыми со временемъ можно будетъ предпринять что нибудь литературное. Имѣю это постоянно въ виду. Ограничиваюсь на сегодня этими строками, чтобы не опоздать на почту. Насчетъ Малороссіи я у Васъ въ долгу. Здоровъ и веселъ. Обнимаю Васъ, maman и дѣтокъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ и другъ

В. Стороженко.

184.

Варшава $\frac{20\,сентября}{2\,октября}$ *1848 г.*

Цѣлыхъ 20 дней я опоздалъ послать тебѣ денегъ, любезнѣйшій другъ мой Вольдемаръ. Причиною этому не я, ибо во всю жизнь мою никогда ничего не забывалъ, что долженъ былъ выполнить, а Блюменфельдъ, который носилъ въ карманѣ твою записку о терминахъ высылки денегъ и на вопросы мои всегда отвѣчалъ, что намъ надобно послать 500 зл. 1 октября. Сегодня однако же, прочитавши со вниманіемъ означенную твою записку, увидѣлъ, что не октября 1-го, а 1-го сентября въ оной написано.

Вообразивъ себѣ аккуратность здѣшнихъ, а особенно когда начнутъ играть въ карты и gawędzić съ кобитами, ты конечно извинишь такую неаккуратность.

Итакъ спѣшу тотчасъ же послать тебѣ по 1-е генваря 200 р. сер. Писать болѣе некогда.

Радуюсь отъ души, что ты уже пристроилъ себя къ мѣсту. Благо начать; а тамъ обстоятельства сами укажутъ, гдѣ лучше и выгоднѣе служить. Надобно только пріучить себя къ дѣлу.

Меня лихорадка измучила; Лиза также недавно было захворала; но теперь слава Богу здорова, равно какъ всѣ наши.

По слѣдующей почтѣ напишу болѣе.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

185.

24 сентября 1848 года.

Любезный другъ Рара! Поджидая писемъ отъ Васъ, поджидая съ другой стороны Высочайшаго приказа съ утвержденіемъ меня въ должности, чѣмъ бы хотѣлось потѣшить Васъ,—долго не писалъ къ Вамъ. Между тѣмъ узнаю отъ Лизы, что Вы были нездоровы, что объясняетъ Ваше молчаніе, узнаю отъ оберъ-секретаря моего, что Высочайшему приказу предшествуютъ продолжительныя работы въ гражданскомъ инспекторскомъ департаментѣ, что поэтому придется еще нѣсколько недѣль выжидать утвержденія моего. Ждать такъ ждать, но наука терпѣнія дается мнѣ тяжело. Дни идутъ, петербургская жизнь прибираетъ меня мало по малу къ своимъ рукамъ и я поддаюсь этому охотно, хотя безстрастно, безъ энтузіазма, безъ мечтаній. Ищу полноты, чтобы не оставить ни малѣйшаго мѣстечка для скуки, для праздности. Въ хожденіи въ сенатъ, въ занятіяхъ дѣлами, въ чтеніи, въ пріятельскихъ сношеніяхъ—нахожу себѣ достаточную пищу и доволенъ, очень доволенъ; мнѣ начинаетъ даже казаться, что нигдѣ не могъ бы я такъ пріятно жить, какъ въ Петербургѣ. Человѣкъ тутъ исчезаетъ, исчезаетъ однако же для другихъ, въ себѣ же хранитъ жизнь, болѣе или менѣе полную. Впрочемъ, какъ не исчезнуть, не уничтожиться человѣку въ этомъ хаосѣ событій? Что можетъ онъ противу силы вещей? Болѣзнь похищаетъ одного въ самомъ разгарѣ его надеждъ и желаній, буйная чернь убиваетъ другихъ, когда уже слава кончила свивать имъ лавровые вѣнки, пожаръ уничтожаетъ достояніе третьяго, когда онъ располагалъ уже зажить привольно, и т. д., а между тѣмъ міръ стоитъ, старое смѣняется новымъ, люди подчиняются идеямъ. Новенькаго, внѣшняго, чтобы Васъ интересовало,—ничего не знаю, газеты уничтожили частную корреспонденцію въ этомъ смыслѣ. Обо мнѣ кое-что разскажетъ Вамъ кн. Голицынъ, съ которымъ мы довольно часто видѣлись. Обнимаю Васъ, добрый другъ Рара, и испрашиваю Вашего благословенія. Цѣлую Maman и дѣтокъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ

В. Стороженко.

186.

Варшава $\frac{25\ сентября}{7\ октября}$ *1848 г.*

По нездоровью, я сижу дома, и выѣзжаю только на засѣданія въ Совѣтъ управленія. Вѣсти изъ Малороссіи—печальны. Холера уморила и у меня въ имѣніи число весьма значительное. И Семенъ мой умеръ отъ нея; а въ Щербаковкѣ вдругъ заболѣло и умерло 16 дѣтей.

Сборъ хлѣба, и безъ того уже плохого отъ жаровъ и бездождья, производимъ кое-какъ по общей болѣзни на людяхъ.

Въ грустную эпоху намъ жить пришлось. Въ Варшавѣ также 8 недѣль, какъ холера почти въ одномъ и томъ же положеніи; но это ты можешь прочитать и въ газетахъ. О бѣсованіи же заграничныхъ демократовъ, а особенно мечтающихъ нѣмецкихъ шульмейстеровъ, студентовъ и неистовыхъ адвокатовъ лучше не читать вовсе.

Мнѣ необходимо весною ѣхать въ Карлсбадъ. Раздражительность нервовъ вопіетъ на безуміе заграничное, воспрепятствовавшее лѣченію водами въ текущемъ году; но кто можетъ сказать навѣрно, что предстоитъ въ слѣдующемъ, такъ какъ никто не вѣдаетъ, когда и гдѣ кончится холера?

По извѣстному тебѣ, другъ мой, обыкновенію моему, я читаю между дѣломъ, всѣ получаемыя мною газеты. „Journal de Débats“ скученъ; „Газета Познанская“, изобильная новостями и враньемъ, подъ редакціею какого-то безграмотнаго; „Чешскія Новины“ перемѣняются всякую недѣлю и въ духѣ, и въ направленіи; „Словацкій Журналъ“,—весьма занимательный; но всѣхъ любопытнѣе для меня и ближе по сочувствію „*Дневникъ Русскій*“, издаваемый въ Лембергѣ. Не только языкъ его, но и юморъ отзывается нашею Малороссіею. Недавно въ одномъ изъ листовъ его былъ помѣщенъ разсказъ старика, какъ онъ служилъ въ австрійскомъ войскѣ. „Меня“, говоритъ онъ, „однажды поставили на часы у длинныхъ турецкихъ чугунныхъ пушекъ, лежащихъ недалеко отъ корчмы съ незапамятныхъ временъ. Я стоялъ; но вдругъ полился проливной дождь; схопылась буря; измокши и продрогши, я началъ разсуждать, продолжаетъ старикъ, что за дурни эти нѣмцы? какой чортъ украдетъ никуды негодныя пушки? да это просто на смѣхъ меня тутъ поставили; попробую, можно ли утащить хотя одну пушку? пытаюсь силы, гдѣ тамъ, и во сто человѣкъ не подымешь; призываю людей изъ корчмы, покупаю имъ водки и цѣлою громадою пробуемъ тяжесть негоднаго чугуна; когда удостовѣрился я, что пушки будутъ себѣ лежать благополучно, какъ лежали, пошелъ въ корчму, чтобы обо-

грѣться; вдругъ бѣжитъ гефрейторъ, и закричалъ: гдѣ часовой? Прошу его до корчмы, объясняю дѣло; но меня не слушаютъ, ведутъ къ командиру, и тамъ влѣпили въ спину столько палокъ, что и доселѣ болитъ". Неправда ли, что это разсказъ нашъ?

Мнѣ вздумалось выписать одну статью изъ „Русскаго Дневника", которую и посылаю тебѣ для напечатанія или въ „Сѣверной Пчелѣ", или въ какомъ нибудь другомъ Журналѣ, а если она понравится, то можно присылать и другія подобныя, чтобы познакомить русскихъ съ родичами.

Поклонись Ѳаддею Венедиктовичу и скажи, что статья не займетъ и одной четвертушки его Пчелы; а она будетъ, кажется, весьма любопытною.

Обнимаю тебя съ нѣжностію отца и друга

А. Стороженко.

Всего бы лучше напечатать статью въ Пчелѣ, которую многіе выписываютъ. Но всѣ ли такъ хлопочутъ о распространеніи свѣдѣній о древней Руси, чтобы предпочесть это какому нибудь объявленію? Ѳ. В. думаю, моего мнѣнія.

187.

Варшава 1/13 *октября 1848 г.*

Посылая тебѣ, любезный другъ Владиміръ, червонорусскую статью, я думалъ, что продолженія ея или вовсе не будетъ, или помѣстится весьма поздно, но на другой день читаю и окончаніе ея, которое для полности также посылаю тебѣ.

У насъ слякоть, дождь. Между тѣмъ жиды празднуютъ свои кучки и отъ того между ними преимущественно свирѣпствуетъ холера. Фанатизмъ этого упорнаго въ мнѣніяхъ своихъ народа ничѣмъ не разжижается. Секта хусетовъ, слѣпо держащаяся Талмуда, есть враждебною всякому просвѣщенію. Я вѣчно хлопоталъ и хлопочу, поколику это отъ меня зависитъ, дать направленіе благоразумнѣйшимъ изъ евреевъ Варшавскихъ, которое отдѣляло бы ихъ отъ сектизма. Недавно воспослѣдовалъ Высочайшій указъ, дозволяющій преобразившимся жидамъ имѣть дома и жить на 48 улицахъ такихъ, кои для нихъ были недоступны. Казалось бы это быть найвысшимъ благодѣяніемъ; но многіе

приходили уже ко мнѣ съ просьбами завести въ новыхъ обиталищахъ шинки; слѣдовательно шинковать, или поить и обманывать простой народъ, вошло у нихъ въ натуру, и правительство весьма хорошо дѣлаетъ, возбранивъ имъ шинковать по деревнямъ.

Я все еще ожидаю отъ тебя и пространнѣйшаго взгляда на Малороссію и подробнаго разсказа о твоей службѣ, занятіяхъ и пр. Правовѣдѣніе, производство дѣлъ, а не переписка (которую также называютъ дѣлопроизводствомъ)—такое обширное поле для разума и дѣятельности, что человѣкъ, приготовившійся къ этому и вступившій на поприще столь трудное и полезное, долженъ радоваться, когда сухость предмета не отвращаетъ его отъ цѣли истинной. У насъ этотъ родъ службы, облагораживаясь посредствомъ людей съ чувствами самоотверженія, имѣетъ много видовъ; тогда какъ на Западѣ юстиція содѣлалась адвокатурою, пустымъ многоглаголаніемъ и по просту мошенничествомъ; а въ Польшѣ простымъ талмудомъ жидовскимъ. Юристъ здѣшній, сжатый въ дѣйствіяхъ и гаданинѣ властью, дѣлаетъ почти то же, что и раббинъ. Такой же знатокъ въ своемъ дѣлѣ, какъ и послѣдній, т. е. помнитъ твердо кодексъ, „sądowe postępowanie“, и поелику не отвѣчаетъ за мнѣніе, то подбираетъ просто артикулы и вершитъ дѣло, какъ лучше кажется адвокату, которому повѣрено оно истцемъ.

Но объ этомъ не переговоришь. Дай Богъ тебѣ быть прокуроромъ и показать, какъ нуженъ въ этомъ званіи человѣкъ честный.

Въ ожиданіи письма цѣлую и благословляю тебя.

Отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

188.

2-е октября 1848 г.

Вчера, любезный другъ Рара, получилъ я письмо Ваше и деньги, о чемъ и спѣшу увѣдомить Васъ, присовокупляя мое искреннее благодареніе. Деньги, дѣйствительно, опоздали немного, но какъ въ вознагражденіе за то количество ихъ значительно возросло противъ слѣдуемаго, то я охотно соглашусь и на будущее время получать позже, но болѣе. Какъ бы то ни было за прибавку пятидесяти рублей благодарю Васъ—затрудняюсь въ выборѣ нарѣчія—необыкновенно, чрезвычайно. Въ большомъ городѣ деньгамъ легко найти употребленіе, излишекъ ихъ не обременителенъ, особенно въ Петербургѣ, въ которомъ разно-

образіе удовольствій возростаетъ не по годамъ, а по часамъ, и именно удовольствій комнатныхъ, дорогихъ. Это легко и объяснить себѣ: за недостаткомъ политической и литературной дѣятельности общій интересъ сосредоточенъ на удовольствіяхъ. За исключеніемъ дружескихъ бесѣдъ лица съ лицомъ, весь разговоръ вертится на театрѣ во всѣхъ его видахъ: оперѣ, балетѣ, драмѣ и т. п., циркѣ, скачкахъ, цыганахъ и т. п. Объ этомъ только думаютъ, въ этомъ проявляется жизнь; за чертою удовольствій—пустота, скука, безжизненность. Удовольствія, такимъ образомъ, составляютъ цѣль; внѣшнія обстоятельства, климатъ опредѣляютъ форму. Подъ чистымъ небомъ, при благорастворенномъ воздухѣ, удовольствія опредѣлились бы, можетъ быть, и иначе, а тутъ по неволѣ веселятся въ комнатахъ, а комнатныя удовольствія всѣ дороги. Не знаю, понравится ли Вамъ мой выводъ, но фактъ все таки остался неоспоримымъ, что деньги въ Петербургѣ никогда не лишни, потому что одинъ веселый петербургскій день въ состояніи вогнать въ чахотку карманъ, а, можетъ быть, и человѣка. Я распоряжаюсь такимъ образомъ, чтобы все необходимое обезпечить себѣ заплатою за него впередъ, такъ что въ теплой комнатѣ, въ прислугѣ, въ обѣдѣ, въ одеждѣ - не терплю никакого недостатка. За симъ, если остальное истрачу и въ короткое время, то не нуждаюсь, но дѣлаюсь до благопріятныхъ обстоятельствъ затворникомъ. Уже всѣ пріятели это знаютъ, что если я не показываюсь, прилежно сижу дома и занимаюсь—значитъ, у меня нѣтъ денегъ. Книги спасительная вещь при безденежьи, это я знаю по опыту, и потому не могу еще разрѣшить себѣ положительно вопроса: потому ли нѣмцы такіе ученые, что у нихъ всегда мало денегъ, или наоборотъ, не потому ли у нѣмцевъ было всегда мало денегъ, что они посвящали много времени учености? Первое кажется мнѣ правдоподобнѣе, потому что на меня нѣмецкая ученость производитъ самое успокоительное вліяніе; взявши Шлоссера, Пухту, даже Ж. П. Рихтера, я забываю, что четверть часа тому назадъ мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть Фанни Эльслеръ и что я этого не могъ сдѣлать по причинѣ нѣкоторой пустоты не въ головѣ, а въ карманѣ, а, можетъ быть, и въ головѣ даже. Не хочу обременять Васъ однако же, любезный другъ Рара, болѣе продолжительными разсужденіями, обнимаю Васъ, всѣхъ нашихъ и остаюсь преданнымъ сыномъ и другомъ

В. Стороженко.

189.

С.-Петербургъ, 21 октября 1848 г.

Два письма, одно почти вслѣдъ за другимъ, и въ сопровожденіи статьи: „Языкъ юго-западной Руси" - получилъ я, любезный другъ Рара. Статью передалъ по принадлежности Ѳаддею Венедиктовичу, который и помѣстилъ ее уже въ „Сѣверной Пчелѣ" отъ 19-го с. м. подъ заглавіемъ, приведеннымъ выше. Но такъ какъ я мало посвященъ въ литературу славянъ, то меня менѣе заняла статья, чѣмъ анекдотъ, разсказанный Вами въ письмѣ, о сторожевомъ при пушкахъ. Это чистый малороссіянинъ съ его философскимъ взглядомъ на вещи, непоколебимымъ спокойствіемъ и важностью, плавностью его разсужденій. Въ малороссіянинѣ пропасть благодушія, которымъ однако же онъ весьма легко можетъ вывесть изъ терпѣнія. Нужно привыкнуть къ его складу, чтобы полюбить его и имѣть веревочные нервы смѣха, чтобы при одномъ воспоминаніи случившагося, или при одномъ воображеніи малороссіянина—первообраза, нервы эти не пришли въ сотрясеніе, по просту чтобы человѣкъ не расхохотался. Еще на дняхъ разсказывали мнѣ происшествіе: темною ночью, по большой дорогѣ ѣдетъ карета съ двумя зажженными фонарями; ямщикъ задремалъ—что ли, и наѣхалъ на мужицкій возъ, медленно подвигавшійся и на которомъ лѣниво потягивался нашъ землякъ; при столкновеніи начался натурально крикъ: „не видишь развѣ, что экипажъ ѣдетъ?"—„Бачивъ, що каганци горятъ, та й думавъ, що то трахтыръ, та й ихавъ прямо на свитло". Изволь тутъ сердиться! Когда я былъ въ Чевельчѣ, нарочно прочелъ малороссійскія повѣсти Основьяненка и нахожу, что онъ мастерски списалъ земляковъ нашихъ. Когда было время, я читалъ кое-что изъ нихъ Григорію вслухъ. Онъ хохоталъ, какъ сумасшедшій, и я позволилъ ему и безъ меня взять эту книгу и читать въ зимніе вечера. „Маруся", напримѣръ, по моему мнѣнію, самый назидательный разсказъ для простого человѣка, лучше Библіи. Къ сожалѣнію, однако же, мнѣ кажется, что типическое малороссіянъ съ каждымъ днемъ стирается и этому есть множество причинъ.—24 октября. -Представьте, любезный другъ Рара, до сегодня не удалось мнѣ улучить досуга, чтобы кончить письмо мое къ Вамъ и какъ бы Вы думали почему? Занятія по службѣ, приготовленія къ докладу, который на этотъ разъ случился весьма значителенъ, причиною тому. Мнѣ самому смѣшно и совѣстно почти приводить такого рода оправданіе, но не менѣе того оно справедливо. Каждая эпоха общественной жизни, принося съ собою новыя начала, иныя условія, отличающія ее отъ предыдущей и послѣдующей эпохи, даетъ этимъ

самымъ поводъ къ обнаруживанію какой либо странности человѣческой. Такъ холера сдѣлалась модною болѣзнью, каждый порядочный человѣкъ долженъ былъ непремѣнно подвергнуться ей, чтобы имѣть право на какое то общественное участіе и т. п.; такъ въ Петербургѣ есть своя мѣстная странность—приличность казаться занятымъ человѣкомъ, имѣть дѣловую, озабоченную физіономію. Но я еще не подчинился этой странности, радуюсь очень, когда мнѣ нечего дѣлать, и поэтому, если приношу въ оправданіе занятія по службѣ, то дѣйствительно потому, что случайно ихъ накопилось довольно много. Нѣсколько словъ о родѣ моихъ занятій. 1-й департаментъ сената есть, какъ Вы знаете, по преимуществу административное присутственное мѣсто; въ одномъ только случаѣ онъ имѣетъ судебную власть, именно въ спорахъ т. наз. интересныхъ между частными лицами и казною при искахъ послѣдней на первыхъ. Пятой экспедиціи второму столу, состоящему подъ моимъ вѣдѣніемъ, подлежатъ всѣ дѣла по управленіямъ путей сообщенія, почтъ, народнаго просвѣщенія и строительной части Минист. Вн. Дѣлъ. Мое дѣло собственно въ томъ, чтобы приготовлять поступающія дѣла къ докладу, составлять изъ нихъ записки, вести журналы и т. д.; резолюціи пишутъ секретари и оберъ-секретари. Трудъ мой т. обр. преимущественно механическій, но т. к. я не довольствуюсь простымъ приготовленіемъ къ докладу, но стараюсь дѣлать для себя приличные выводы, то занятія такого рода меня интересуютъ и приносятъ мнѣ существенную пользу, знакомя съ ходомъ, порядкомъ или безпорядкомъ нашей обширной администраціи. Прямыя сношенія съ министрами, генералъ-губернаторами, губернаторами и всѣми присутственными мѣстами имперіи—даютъ поводъ къ разнымъ размышленіямъ. Т. о. нашелъ я въ службѣ то, чего преимущественно добивался,—занимательность, остальное прійдетъ само собою. Старшіе ко мнѣ внимательны и имѣютъ меня въ виду при возможныхъ повышеніяхъ; больше я ничего не желаю. Капля за каплей просасываетъ камень, постоянное усердіе пробуравливаетъ отверстіе къ цѣли. Обращаюсь опять къ Малороссіи Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лучшее населеніе Малороссіи составляютъ козаки. Довольно въѣхать въ козачье селеніе, чтобы порадоваться ихъ приволью, чтобы убѣдиться въ ихъ самобытной, гражданской жизни, и если бы этотъ бытъ людей не искажался различными мѣрами управленія, если бы не старались потрясти его въ основаніи, козаки представляли бы, можетъ быть, самый цвѣтущій классъ хлѣбопашцевъ Россіи. Nur in der Freiheit gedeiht der Mensch. Помѣщичьи крестьяне въ худшемъ положеніи, бѣдность ихъ по сравненію съ козаками поразительна. Здѣсь все зависитъ отъ помѣщика, но это было бы уже черезъ чуръ много требовать отъ владѣльцевъ, чтобы они смотрѣли на крестьянъ, какъ на людей, которыми сохраняются нравы и обычаи

старины, чтобы они старались о сохраненіи тѣхъ изъ нихъ, т. е. обычаевъ, которые, допуская общій человѣческій прогрессъ, обусловливаютъ его извѣстными мѣстными формами. Объ этомъ можно было бы пространно побесѣдовать, но и мѣста нѣтъ, и голова моя устала отъ слѣдственнаго дѣла, которое только что выпустилъ изъ рукъ, а откладывать письмо не хочется, чтобы не оставить Васъ, любезный Рара, долго безъ извѣстій. Обнимаю Васъ, Maman и дѣтокъ. Остаюсь преданнымъ другомъ и сыномъ В. Стороженко. Кланяюсь Блюменфельду, Хойнацкому и прочимъ, кто меня помнитъ.

190.

11 декабря 1848 г.

Давно не писалъ къ Вамъ, любезный другъ Рара; такое удалось времячко шумное, суетливое; ни одна серьезная мысль не приходила въ голову: театры, концерты, празднества по случаю имянинъ, рожденій, словомъ всевозможныя выдумки людей, ищущихъ, какъ бы убить время,—все это наполнило и мои дни. Непонятно, почему человѣкъ въ концѣ года какъ то торопится, неизвѣстно зачѣмъ, мимовольно; забавно это въ дѣлахъ службы особенно. Нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ дѣло за справками, къ концу года стараются сбыть его, во что бы то ни стало. Смотришь со стороны, видишь всю сустность подобныхъ заботъ, и въ ту же минуту, забывая философствованіе, хлопочешь о томъ, какъ бы въ реестрѣ новаго года было у тебя поменѣе дѣлъ не рѣшенныхъ. Смѣхъ!—18 декабря. Въ человѣкѣ есть врожденная склонность приводить рядъ частныхъ понятій къ одному общему и этимъ общимъ выражать самыя разнообразныя подробности. Такъ отмѣчаются эпохи въ исторіи, такъ опредѣляются направленія въ искусствахъ; такъ же можно выразить, однимъ словомъ, состояніе духовной жизни человѣка въ разные періоды его существованія. Кто ни испыталъ на себѣ, что бываютъ для людей періоды восторговъ, сомнѣній, разочарованій и т. п. Это предисловіе къ тому, чтобы обратиться къ самому себѣ, двумя словами передать состояніе моего духа въ настоящую эпоху. Изъ этихъ двухъ словъ одно унылое—равнодушіе, другое великое - смѣхъ. Какъ повидимому ни противуположны эти два слова, но никакія не сочетаются такъ гармонически. Никогда человѣкъ такъ много не смѣется, какъ когда онъ равнодушенъ, и наоборотъ. Это состояніе духа, какъ и все въ мірѣ, имѣетъ свое прошедшее, свою исторію, свои психологическія, физіологическія и нравственныя причины, но объ нихъ въ сторону. Сила въ томъ, что сквозь призму равнодушія и смѣха жизнь и окру-

жающее кажутся довольно забавными. На продолжительное время этотъ равнодушный и смѣющійся взглядъ на вещи окажется неудовлетворительнымъ, въ этомъ я убѣжденъ, но какъ переходное состояніе или къ жизни болѣе полной, сильной, или къ смерти, оно довольно сообразно... Но вы хмурите брови, любезный другъ Рара, и начинаете скучать моими разсужденіями, но право не знаю, чѣмъ потѣшить Васъ? Разскажу, какъ провожу обыкновенно дни мои. Встаю со звонкомъ колокольчика, который возвѣщаетъ, что почтальонъ съ ношею сырыхъ печатныхъ листовъ добрался и до моей двери. Раскрываю мою газету: первый листъ испещренъ именами большею частію мнѣ незнакомыми съ примѣсью курсивомъ титуловъ и орденовъ; внизу хроника, водянистая, сырая, которую никто не даетъ себѣ труда прочесть; на другой страницѣ нѣсколько объявленій о пожарахъ и извѣстія о холерѣ; на третьей и четвертой безцвѣтная реляція о происшествіяхъ за границею. Поневолѣ обращаюсь ко второму листу, чтобы узнать, что даютъ въ театрѣ, что такой-то выѣхалъ въ Ростовъ, что вышла въ свѣтъ новая книга, которую торгаши развезутъ по ярмаркамъ. Остаешься равнодушенъ и хохочешь. Въ 10 часовъ беру портфель и двигаюсь медленно въ сенатъ. Знакомый сторожъ снимаетъ пальто и беретъ шляпу. Подхожу къ шкапу, съ усиліемъ перетаскиваю къ моему столу кипу бумагъ и двѣ книги. Въ послѣднихъ заключается исторія бумагъ, въ бумагахъ результатъ исторіи. Бремя результатовъ не отяготительное, вздыхаешь свободнѣе: нѣсколько справочныхъ опредѣленій, съ помощью которыхъ дѣло перебрасывается изъ однихъ рукъ въ другія, и никто не хочетъ ловить; нѣсколько подтвердительныхъ указовъ, на которыхъ никто не останавливается; нѣсколько представленій о сложеніи недоимокъ, по безнадежности ихъ ко взысканію, которыя поэтому и весьма охотно слагаются, и еще, и еще... остаешься равнодушенъ и хохочешь. Возвращаешься домой и дѣлаешься уже не совсѣмъ равнодушнымъ, потому что хочется покушать и заботишься о томъ, какъ бы это сдѣлать получше. Тутъ представляются разные виды. Тамъ обѣдъ хорошъ—люди скучны; тамъ люди повеселѣе, попріятнѣе – обѣдъ плоховатъ; подумаешь и останешься дома, продолжая хохотать, къ чему даютъ поводъ презабавные сосѣди; вечеромъ почитаешь или отправишься куда нибудь, чтобы поскучать, или въ театръ, чтобы позабавиться, и засыпаешь съ равнодушіемъ въ сердцѣ, съ улыбкою на устахъ. Имѣлъ въ началѣ нѣсколько предположеній учебныхъ, но въ складкахъ, въ какія свернулась моя жизнь здѣшняя, трудно что нибудь предпринять. Въ новомъ году постараюсь устроить собственное жилище, авось мнѣ будетъ попокойнѣе. Недавно былъ у епископовъ [1]), которые присылали мнѣ чиновника съ увѣдомленіемъ объ ихъ

[1]) Католическихъ,—изъ Царства Польскаго.

прибытіи. Длинный столъ, прекрасно накрытый и уставленный рядомъ темныхъ бутылокъ, изобличалъ мнѣ людей, которые собираются хорошенько покушать и выпить во здравіе Папы, пожелавъ ему благополучнаго возвращенія въ Ватиканъ. Странное время! и какъ сказать, что все это сдѣлалось случайно, что это есть результатъ безпорядковъ минутныхъ, произведенныхъ нѣсколькими запальчивыми головами! О знакомыхъ Вашихъ не могу ничего Вамъ передать, потому что въ послѣднее время никого изъ нихъ не видалъ. Обнимаю Maman и дѣтокъ, и заключу искреннимъ желаніемъ Вамъ всякаго благополучія въ предстоящемъ новомъ году. Нѣжно любящій Васъ сынъ и другъ

В. Стороженко.

191.

Варшава $^{11}/_{23}$ *декабря 1848 г.*

Духъ бодръ, плоть немощна. Текстъ этотъ приходится къ большей части пожилыхъ людей, а въ томъ числѣ и ко мнѣ. Истекающій високосный годъ вообще останется всегда памятнымъ. Пусть бы безумные бѣсновались себѣ, на это есть картечи; но за что терпятъ тѣ, коимъ самое уже описаніе безумныхъ происшествій отвратительно и коихъ здоровье нужно и для себя, и для другихъ. Продѣлки въ Чехахъ не позволили мнѣ пользоваться Карлсбадскими минеральными водами, и отъ того день здоровъ, другой — плохъ. То лихорадка, то простуда, то ломъ во всѣхъ членахъ, словомъ сказать, свѣтлые дни закатились за какое то мрачное облако, ничто не веселитъ; если бы не пріятныя мечты о Малороссіи, о предположенной тамъ жизни, и не надежда, что весною отправлюсь себѣ въ Карлсбадъ, то все кажется бы оледенѣло. Нѣтъ ничего выше здоровья; съ нимъ и Петербургскій вашъ климатъ сносенъ.

Давно я не получалъ отъ тебя писемъ; но отъ Лизы знаю, что ты, благодаря Бога, здоровъ, служишь, знакомишься съ дѣломъ, чтобъ быть чѣмъ либо въ свѣтѣ. Дай Господи скорѣе, дабы я нарадовался настоящимъ и украсилъ мысль доступнымъ грядущимъ.

Поблагодари отъ меня друга Ѳаддея Венедиктовича за напечатаніе для всеобщаго свѣдѣнія червоно-русской статьи. Мнѣ всегда было досадно, что у насъ не знаютъ даже, какъ пишутъ Русины. Хотѣлъ было послать тебѣ просьбу ихъ въ австрійское министерство в. д., но переводъ ея надо было исправить, а между тѣмъ спѣшу послать тебѣ 100 р. сер. къ Рождеству, просьбу же, если хочешь, пришлю послѣ.

Я думаю, издатели „Сѣверной Пчелы“ и сами выписываютъ газеты Познанскія, Чешскія и Галиційскія, которыя въ настоящую эпоху

самыя любопытнѣйшія, ибо Journal de Débats наполняется только голосами въ пользу Людовика Наполеона и, держась постоянно своей умѣренности, осторожничаетъ во всякомъ мнѣніи. Берлинская Газета радуется реакціи и общему преслѣдованію неистоваго народнаго собранія; а Вѣнскія, наконецъ, благодаря кн. Виндишгрецу, пишутъ по прежнему. Кажется, что Австрія и Пруссія входятъ въ давнія свои формы. Нѣмцы вообще перестаютъ дурѣть и до весны все успокоится; можно будетъ ѣздить по большимъ дорогамъ безъ опасенія быть ограбленнымъ, и я лечу на воды по желѣзной дорогѣ, прежде однако же хотѣлось бы побывать въ Малороссіи, о которой ты обѣщалъ мнѣ написать много и не написалъ ничего.

Maman и дѣтки цѣлуютъ.

Любящій и благословляющій тебя отецъ

Андрей Стороженко.

192.

1-го января 1849 г.

На дворѣ двадцать пять градусовъ морозу, въ комнатѣ дыханіе идетъ паромъ, но, не смотря на послѣднее неудобство, предпочитаю сидѣть дома, чѣмъ, подчиняясь обычаю, вѣроятно, не славянскаго происхожденія, дѣланія визитовъ,—рыскать изъ дома въ домъ, чтобы напоминать о своемъ существованіи людямъ, которые объ этомъ весьма мало заботятся. Сижу дома, пишу къ Вамъ, любезный другъ Рара, и ищу, какъ бы выразить словами тѣ желанія, которыхъ осуществленіе въ текущемъ 49-мъ году могло бы доставить Вамъ удовольствіе, спокойствіе, утѣху. Кромѣ благоденствія вообще, желаю, чтобы удалось Вамъ съѣздить въ Малороссію и въ Карлсбадъ, какъ Вы предполагаете въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ, чтобы первая порадовала Васъ, а воды второго укрѣпили Ваши физическія силы. Любопытно будетъ Вамъ находиться неподалеку отъ центра славянскихъ движеній. 48-й годъ породилъ только вопросы, для разрѣшенія которыхъ понадобится, можетъ быть, двадцать лѣтъ. Странно смотрѣть на броженіе западной Европы, какъ на безпорядки, производимые нѣсколькими безумными. Не во всякое время и не каждый, кто захочетъ, въ состояніи произвесть продолжительный безпорядокъ. Чтобы вывести людей изъ ихъ обычнаго состоянія, недостаточно одного крика. Увѣренъ, что когда 48-й годъ съ его событіями войдетъ въ періодъ безпристрастной исторіи, значеніе его будетъ гораздо важнѣе, тѣмъ кажется теперь подъ вліяніемъ журнальныхъ статей. Личность нѣкоторыхъ уступитъ тогда мѣсто бо-

лѣе глубокимъ соображеніямъ философическимъ. Для меня 48-й годъ былъ однимъ изъ самыхъ разнообразныхъ, какіе, можетъ быть, мнѣ еще удастся прожить. Встрѣтилъ я его въ обществѣ французской молодежи, въ пресловутомъ латинскомъ кварталѣ, подъ шумокъ суетливыхъ парижскихъ обитателей,—кончилъ въ одной изъ пустыхъ улицъ Петербурга, подъ скрипъ мороза, въ молчаливомъ обществѣ любезныхъ родныхъ. А въ теченіе его гдѣ былъ, что видѣлъ! Пріятнымъ подаркомъ для меня къ праздникамъ былъ пріѣздъ Сени Краснокутскаго изъ Дерпта. Нарочно выписалъ его, чтобы видѣть результаты нѣмецкаго воспитанія, подъ руководствомъ человѣка, котораго привыкъ я любить и уважать за его правила и цѣнить за его свѣдѣнія. Сеня живетъ со мною въ одной комнатѣ; хлопочу о томъ, чтобы его позабавить и вывести изъ состоянія нѣмецкаго спокойствія. По Сенѣ вижу я, что Дерптъ очень хорошъ для пріобрѣтенія свѣдѣній, для систематическаго изученія, но блестящаго мало въ воспитаніи нѣмецкомъ. Отъ этого здѣшніе однолѣтки Сени побѣждаютъ его въ обществѣ, но въ тихой бесѣдѣ онъ имѣетъ преимущество и, не смотря на его 15 лѣтъ, съ нимъ можно провести пріятно нѣсколько часовъ времени. Какъ все соединить вмѣстѣ?

3-е января 1849 г. Новый годъ встрѣченъ. Дни опять пойдутъ обычной чередой, опять иду въ Сенатъ. Вчера былъ у меня Николай Степановичъ Огрaновичъ и поручилъ Вамъ очень кланяться. Весь увѣшанъ крестами, не сегодня—завтра будетъ генераломъ. Думаетъ забраться въ Малороссію, но я ему совѣтую прежде жениться. Трудно и скучно жить въ деревнѣ не женатымъ. Антонъ дѣлается мистикомъ, читаетъ духовныя книги, посылаетъ деньги для бѣдныхъ и иногда по недѣлямъ засиживается безвыходно у себя дома. Онъ тоже такъ осторожничаетъ съ женитьбою, что наконецъ пройдетъ и время. Если у Васъ будетъ что нибудь интересное относительно славянизма, то пришлите. Ѳаддей Венедиктовичъ будетъ, вѣроятно, весьма радъ помѣстить въ свой журналъ. Давно съ нимъ не видался. Благодарю Васъ, любезный другъ Рара, за присланныя къ праздникамъ деньги. Обнимаю Васъ, Maman и дѣтокъ, и, испрашивая Вашего благословенія, остаюсь преданнымъ сыномъ и другомъ В. Стороженко. Не знаю, получили ли Вы всѣ мои письма; раза два отправлялъ къ Вамъ довольно длинныя, въ одномъ журналъ о Малороссіи, хотя объ ней могъ бы больше разсказать, чѣмъ написать что нибудь связное. Мое пребываніе въ Малороссіи, къ сожалѣнію довольно короткое, познакомило меня болѣе съ нѣкоторыми лицами, нежели съ краемъ.

193.

Варшава $\frac{19\ февраля}{1\ марта}$ *1849 г.*

Есть въ мірѣ безпріютныя положенія, физическія и моральныя, первымъ подлежатъ бродяги, вторымъ мыслящіе труженики. Лѣнивецъ, нарекая на долю, впадаетъ въ преступленія, въ отчаяніе, трудящійся безвозмездно—въ меланхолію. Такое положеніе тягостно, невыносимо; я это испытываю уже нѣсколько лѣтъ; ничто меня не интересуетъ, исключая близкихъ по сердцу, ничего не ожидаю, не надѣюсь, и самая будущность, украшавшая иногда мечты въ минуты отдыха, почти не приходитъ въ голову, напрасно силюсь обхватить хотя нѣчто изъ нея воображеніемъ, тщетно направляю думы на предметы, по сущности занимательные, все скользитъ, исчезаетъ мимолетно и остается пустота, какъ бы безвоздушная, въ которой даже нѣтъ эха.

Нѣкогда я старался извлекать изъ всего свѣдѣнія, изучая окружающее меня, одушевляясь мыслью о пользахъ въ грядущемъ, теперь настоящее такъ незанимательно, такъ равнодушно, что не стоитъ и мысли. Происходитъ ли это отъ лѣтъ, или отъ временнаго непрочнаго состоянія въ видимомъ, не хочу разбирать, дабы не усиливать тѣмъ испытываемаго равнодушія, сопряженнаго съ тоскою. Въ здоровомъ состояніи хотѣлъ бы дѣйствовать, трудиться, но малѣйшее ни то, ни се, повергаетъ въ уныніе. Еще годъ остался мыкать горе въ противной мнѣ Варшавѣ. Теряюсь въ мысляхъ, какъ бы прожить его. Весною думаю поѣхать въ Малороссію, потомъ въ Карлсбадъ, ежели Европа *утихомирится*. Уволившись, пріѣду въ Петербургъ и надѣюсь найти тебя, милый другъ мой Вольдемаръ, уже секретаремъ сената; при этомъ будущее оживаетъ; да осѣнятъ тебя мои молитвы и благословеніе.

Отецъ твой и другъ

Анд. Стороженко.

Посылаю тебѣ сто рублей серебр. Бли хвораетъ, поэтому пишу самъ. Maman и дѣти цѣлуютъ тебя. Лиза и Данзасъ бываютъ у меня по вечерамъ въ среду; впрочемъ я никого не вижу,—такъ лучше, ни съ кѣмъ не говорю, бывая же въ замкѣ, играю въ молчаніе и спѣшу домой, чтобы измучиться читаніями и наклонить себя ко сну.

При оказіи я пришлю духовный журналъ, издающійся при моей комиссіи, который, прочитавши, подари Ѳад. Вен., желающему знать, что тутъ дѣлается. Кланяйся ему дружески.

194.

С.-Петербургъ, 6-е марта 1849 г.

Благодарю Васъ, любезный другъ Рара, за письмо и деньги. Опечалило меня, высказанное въ письмѣ, настоящее расположеніе духа Вашего, хотя и понимаю такое состояніе, и въ отношеніи къ Вамъ не затрудняюсь въ отысканіи причинъ. Невниманіе къ заслугамъ, безпріязненность окружающихъ, невозможность опредѣлить съ вѣрностью что ожидаетъ Васъ по ту сторону настоящей минуты—это все и подобное повергаютъ въ уныніе; не впервые Вамъ бороться съ обстоятельствами и я увѣренъ, что съ свойственною Вамъ настойчивостью Вы и тутъ выйдете побѣдителемъ. Только годъ, 12 мѣсяцевъ, 365 дней выдержки и отъ Васъ будетъ зависѣть предписывать условія, какія заблагоразсудите. Званію Вашему и независимому состоянію откроетъ и Петербургъ двери свои съ удовольствіемъ. Служебное ли поприще откроется—видовъ больше, болѣе пищи и удовлетворенія для честолюбія; предпочитаете ли жизнь достаточнаго rentier, и тогда уразнообразить ее легко, частію старыми элементами, частію новыми. Климатъ, согласенъ—климатъ гнусный, но хорошая квартира и карета ослабятъ вліяніе и климата. Къ тому времени я буду секретаремъ, станемъ вмѣстѣ хлопотать о благѣ общемъ. А между тѣмъ подростутъ маленькія дѣти: средства воспитанія здѣсь лучше; Лиза съ Николаемъ Ивановичемъ тоже переѣдутъ сюда и жизнь еще улыбается намъ. Не знаю, такъ ли, но мнѣ кажется, что для людей съ характерами живыми и безпокойными перемѣна жанра дѣятельности иногда необходима для возбужденія энергіи, для полноты. Не манятъ Васъ виды сѣверные? Одесса, Крымъ, Черное море, Константинополь въ состояніи доставить пищу ненасытной умственной дѣятельности Вашей. А годъ пройдетъ, какъ ничто, особенно если въ теченіе его удастся Вамъ насладиться, хотя кратковременно, созерцаніемъ родного неба и подкрѣпить физическія силы животворными водами Карлсбада. Скажу нѣсколько словъ о себѣ. Хотя еще и не совсѣмъ устроился, какъ бы хотѣлъ, но все идетъ къ лучшему. Въ службу втянулся и какъ она ни мелочна теперь еще, но не промѣняю ея на званіе ротнаго командира, которымъ бы могъ быть уже, если бы оставался въ полку. Скоро перемѣстятъ меня на старшій окладъ, лѣтомъ удастся, можетъ быть, уже докладывать, а тамъ и въ секретари недалеко. А самое главное, что до сихъ поръ не слыхалъ ни одного непріятнаго слова и не могу нахвалиться обстановкою. Дѣло идетъ къ веснѣ, а съ весною у меня, какъ у птицъ, раждается желаніе летѣть куда нибудь. Не знаю, что еще выдумаю, а дней на десять

улечу, хотя въ Финляндію. Финансовый годъ кончился, нельзя ли возобновить и на будущій прежнюю операцію. Къ празднику хотѣлось бы возобновить поизносившуюся одежду. Поэтому, любезный Рара, если можно, пришлите мнѣ къ праздникамъ триста рублей въ счетъ будущаго года, а тамъ къ 1-му мая, 1-му іюля, 1-му сентября, 1-му ноября, 1-му января и 1-му марта будете посылать по сту рублей, только не болѣе, потому что мнѣ совѣстно дѣлать какія либо предложенія, при испытываемыхъ Вами неудачахъ.—Новости: знаете ли Вы, что Антонъ Ограновичъ женился на дочери Льва Григорьевича Невѣровскаго? Умно сдѣлалъ, потому что рехнулся бы отъ скуки въ своей Писарщинѣ. Съ Николаемъ [1]) мы здѣсь часто видимся. Онъ живетъ прекрасно, назначается на дняхъ бригаднымъ командиромъ. Уговариваю, чтобы и онъ женился, да онъ увѣряетъ, что поздно уже, хотя и не знаю, почему? По наружности совсѣмъ молодой человѣкъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что недѣли двѣ тому назадъ пріѣхала сюда Софья Алексѣевна Закревская съ сестрою, съ намѣреніемъ поселиться здѣсь. Бранитъ Селецкаго, хотя я почитаю это несправедливостью съ ея стороны. Происшествіе, случившееся съ братьями ея въ Москвѣ, прошло благополучно и кончилось путешествіемъ на перекладныхъ въ Петербургъ. Селецкій тоже будетъ на дняхъ сюда, чтобы хлопотать по дѣлу съ гр. де-Бальменъ. Еще новость, которая будетъ интересовать Васъ: Ея Высочество Великая Княгиня Елена Павловна купила у графини Разумовской Карловку, что около Константинограда, 7000 душъ и 90000 десятинъ. Это, сколько я знаю, первый случай въ Малороссіи. Стараются уговорить управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ Арендаренка взять на себя управленіе купленнымъ имѣніемъ. Съ Александромъ Павловичемъ Безакомъ видѣлся въ послѣднее время довольно часто. Любопытенъ онъ мнѣ, особенно, по кругу, въ которомъ онъ вращается и о которомъ любитъ говорить. Знакомишься т. о. съ разными личностями, о которыхъ, иначе, не удалось бы ничего узнать. Ѳаддея Венедиктовича давно не видѣлъ. Въ большомъ городѣ знакомство болѣе или менѣе зависитъ отъ мѣстности. Проходятъ иногда мѣсяцы, нигдѣ не случится встрѣтиться съ кѣмъ нибудь. Нужно ѣхать къ кому нибудь нарочно, чтобы видѣться. Винклеръ является ко мнѣ изрѣдка, чтобы разсказать о похожденіяхъ своихъ для полученія извѣстныхъ денегъ. Теперь, когда старикъ умеръ, весьма вѣроятно, что дѣло сладится, но потребуетъ отъ Винклера продолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ. Онъ хлопочетъ о томъ, чтобы пріискать Вамъ хорошихъ пѣгихъ лошадей. Заканчиваю письмо, искренно обнявъ Васъ и отъ души пожелавъ Вамъ

---

[1]) Ограновичемъ.

всѣхъ благъ мірскихъ. Обнимаю maman и дѣтокъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ и другъ В. Стороженко. Всѣмъ нашимъ усердно кланяюсь.

195.

Варшава $\frac{23\ марта}{4\ апрѣля}$ *1849 г.*

Жалѣю очень, любезный другъ Вольдемаръ, что въ настоящую минуту не могу удовлетворить желанія твоего. За день предъ полученіемъ письма отъ тебя я отправилъ Блюменфельда съ деньгами въ Малороссію для уплаты, если сойдется, за часть имѣнія Ниценковыхъ; у меня не осталось рѣшительно ни гроша, половина жалованья за апрѣль недостаточна, занимать мнѣ не приходится. Впрочемъ до 30 апрѣля н. с. недолго, потерпи; къ 1-му мая получишь положенное, и войдешь въ порядокъ по терминамъ, что и для тебя самого лучше, и мнѣ, привыкшему къ аккуратности въ самыхъ малыхъ счетахъ, сручнѣе. При томъ же, кажется, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ составить запасъ изъ зависящихъ отъ собственнаго распоряженія денегъ. Испытай это, и убѣдишься въ истинѣ моего замѣчанія.

Ты получаешь отъ меня каждаго 1-го числа, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, по 1000 зл. пол. или по 150 руб. сереб., откладывай по 50 руб. самъ; а я прибавлю еще нѣчто по возможности; тогда навѣрно скопишь копѣйку на черный день, и будешь въ счетахъ своихъ самостоятельнымъ.

Въ 1828 году, будучи полковникомъ и дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ Петербургѣ, я получалъ 1600 руб. асс. жалованья и 2000 руб. столовыхъ, жилъ этимъ и удѣлялъ на необходимости дѣтямъ. Правда, было немного тѣсновато; но ни крайностей, ни долговъ не было. Отказывая себѣ во многомъ, я учился бережливости, и поэтому имѣю теперь, благодаря Бога, нѣкоторое состояніе. Нужда самый лучшій учитель.

Опиши мнѣ, сколько припомнишь, Новаки. Эта послѣдняя покупка, а при томъ еще большею частію въ долгъ, обрекаетъ не только меня, но и maman, на многія лишенія; но если она удастся, то я буду совершенно уже спокойнымъ и въ настоящемъ, и въ грядущемъ по мнѣ. Что можетъ быть выше сего для отца семейства и гражданина, не выходящаго ни воображеніемъ, ни дѣйствіями изъ сферы просто мыслящихъ?

30 апрѣля н. с. напишу тебѣ больше пріятнаго; увѣренъ, что и нынѣ написанное ты, поразсудивши, пріймешь за благо.

Желаетъ тебѣ здоровья истинный другъ твой и нѣжно любящій тебя отецъ

А. Стороженко.

196.

30-е марта 1849 г. Вчера, любезный другъ Рара, получилъ я письмо Ваше съ объясненіемъ невозможности въ настоящую минуту удовлетворить моему желанію. На нѣтъ и суда нѣтъ—говоритъ пословица. Прибавлю только, что если бы я зналъ о предположеніяхъ Вашихъ насчетъ покупки имѣнія и о предстоящихъ по сему случаю издержкахъ, то остерегся бы безпокоить Васъ моею просьбою. Попросивши же, я ожидалъ, и въ ожиданіи дѣлалъ разныя соображенія о томъ, какъ устроить свой уголокъ, въ какой части города нанять себѣ квартиру, какъ ее меблировать и такъ далѣе. Ожиданіе не сбылось, предположенія рушились; но и въ этомъ есть своя, если не пріятная, то полезная сторона. Хорошо иногда остановить разомъ разскакавшуюся лошадь; на минуту озадаченная, она пойдетъ ровнѣе, иначе она, можетъ быть, занесла бы куда нибудь беззаботнаго всадника. Это дѣло конченное, однимъ удовольствіемъ у меня больше въ грядущемъ. Желаю очень, чтобы Вамъ удалась предполагаемая покупка. Часть Ниценковыхъ необходима для округленія Чевельчи; Новаки тоже пригодятся. Въ короткое время, проведенное въ Новакахъ, не много успѣлъ замѣтить. Вотъ что могу припомнить: Новаки – верстахъ въ восьми отъ Лубенъ, версты полторы въ сторону отъ большой дороги, ведущей изъ Лубенъ въ Пирятинъ. Ниценко владѣетъ одною частью. По сосѣдству съ нимъ много помѣщиковъ, между прочимъ Томара. Усадьба Ниценковыхъ большая; домъ помѣстительный, обложенный кирпичемъ, въ довольно порядочномъ состояніи; видно, что въ немъ давно никто не жилъ, но что онъ выстроенъ для постояннаго мѣстопребыванія зажиточнаго помѣщика; двери встрѣчаютъ входящаго въ нихъ музыкою, которая продолжается довольно долго, даже въ теченіе первыхъ привѣтствій съ хозяиномъ, который съ своей стороны считаетъ долгомъ, до выхода къ пріѣзжему, выбриться, причесаться и возложить на себя нѣчто не въ родѣ халата. Входишь изъ передней въ довольно большую залу, направо въ гостинную, третья комната, кажется, спальня, дальнѣйшія мнѣ неизвѣстны. Изъ залы выходъ въ садъ. Предварительно можно полюбоваться имъ съ большого крытаго балкона, а полюбоваться есть

чѣмъ; расположеніе прекрасное, мѣстность неровная, внизу лощина, можетъ быть и ручей, но я его не замѣтилъ; подалѣе возвышается отлогость этой же лощины съ какими то долинками; все вмѣстѣ дѣлаетъ пріятное впечатлѣніе; самъ же садъ – преимущественно дикій, только не большая частичка его передъ домомъ расчищена. Хозяинъ видно охотникъ до бесѣдокъ, ибо не только сохраняетъ старыя, но настроилъ и новыхъ... Далѣе рѣшительно не знаю, что бы Вамъ сказать, развѣ выдумать. Первоначально устройство Новаковъ будетъ стоить хлопотъ, потому что *мое* и *твое* тамъ еще, какъ и во многихъ другихъ частяхъ Малороссіи, не опредѣлено съ точностью и черезполосность большая. Прочелъ опять Ваше письмо, любезный другъ Рара, и задумался на томъ мѣстѣ, гдѣ Вы мнѣ совѣтуете бережливость и предлагаете откладывать изъ получаемаго на черный день Странно было бы не сознавать всей справедливости Вашихъ словъ и не повторять себѣ ихъ со всѣмъ убѣжденіемъ, со всею искренностью желанія слѣдовать имъ, но позвольте Вамъ представить для соображенія слѣдующее:

1848—1849 г. съ 1-го мая по 1-е мая приходъ: 1-го мая 600 р. сер. = 4000 зл. 1-го августа 150 р. = 1000 зл. 1-го сентября 100 р., 1-го ноября 100 р., 1-го января 100 р., 1-го марта 100 р. = 2666 зл. Жалованья съ 5-го октября за 7 мѣсяцевъ 196 р. = 1306 зл. всего 1346 р. = 8972 зл. Такимъ образомъ круглымъ числомъ получилъ я въ теченіе прошлаго года 9000 зл. или 1350 р. На эти деньги почти вновь экипировался въ Варшавѣ, долженъ былъ прибавить здѣсь еще зимнее платье и форменное; съѣздилъ въ Малороссію, оттуда въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ и здѣсь долженъ былъ поселиться не на своемъ хозяйствѣ, а почти въ отелѣ. Могъ ли при этомъ сберечь хоть копѣйку? Весьма справедливо можно было бы мнѣ возразить: зачѣмъ же ты ѣздилъ, зачѣмъ поселился въ отелѣ, зачѣмъ не отказывалъ себѣ въ удовольствіяхъ? и прибавить: по одежкѣ протягивай ножки. Согласенъ, противу такихъ категорическихъ вопросовъ не могу найти оправданій! Есть люди гораздо менѣе меня проживающіе, имѣющіе при этомъ свои радости и удовольствія; нѣсколько пріятелей моихъ, даже женатыхъ, издерживаютъ менѣе, чѣмъ я. Какъ не жить, имѣя болѣе 4000 р. асс. въ годъ? Совершенно справедливо, и если бы условіями пріятной жизни были единственно условія: быть одѣтымъ, сытымъ, имѣть теплую комнату, порядочную кровать,—тогда бы можно было даже усомниться, что есть люди, которымъ недостаетъ означенныхъ потребностей, и слово бѣдность потеряло бы свое значеніе. Но къ сожалѣнію, къ потребностямъ крайней необходимости, примѣшиваются другія, вымышленныя если угодно, но почти столько же повелительныя. Положеніе, связи, привычки ставятъ часто въ затруднительное положеніе. Со мною это случается на каждомъ шагу и тѣмъ легче, что люди почитаютъ меня

человѣкомъ весьма достаточнымъ и довольно основательно, припомнивъ, что я служилъ въ гвардіи и держалъ лошадей, что пять лѣтъ жилъ безъ службы, почти годъ провелъ за границею и т. п. Извольте, чѣмъ объяснишь, что мнѣ невозможно бросить 10 р. с. на пикникъ, невозможно часто обѣдать у Дюссо и регалировать себя лафитомъ. Два раза отклонишь предложеніе, а въ третій понесешь свою лепту, которая достаточна была бы для недѣли или двухъ спокойной жизни. Иной разъ и болѣе сдѣлаешь, чтобы только не входить въ объясненія. Впрочемъ, обзаведясь разъ своимъ хозяйствомъ, т. е. устроивши себѣ квартиру, меблировавъ ее порядочно и запасшись всѣмъ, чтобы въ крайности можно было имѣть свой кусокъ дома,—при регулярной жизни, съ моими средствами можно жить порядочно. Этимъ кончаю въ пріятной надеждѣ сдѣлаться когда нибудь порядочнымъ человѣкомъ и порадовать Васъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ

В. Стороженко.

197.

Варшава $^{18}/_{30}$ *апрѣля 1849 г.*

Отъ Блюменфельда еще ничего не получилъ насчетъ дѣла; изъ Щербаковки онъ писалъ мнѣ только, что они съ Катериной Михайловной странствовали изъ Варшавы до Пирятина болѣе 10 дней,—такая дорога. Здѣсь также что то похожее болѣе на осень, нежели на весну; по крайней мѣрѣ холера не свирѣпствуетъ; а у васъ недавно умеръ отъ оной поѣхавшій хлопотать по долгамъ, надѣланнымъ здѣсь Гурьевымъ, Винклеръ. Ты знаешь, что онъ продалъ Юліи Ивановнѣ экипажъ и вмѣсто денегъ взялъ вексель. Ахенскій фабрикантъ, пріѣхавши за нимъ въ Варшаву, подалъ прошеніе. Дабы извлечь Maman изъ хлопотъ, я принужденъ былъ дать и моихъ 5 т. зл., тогда-какъ они дѣлаютъ для меня большую проруху въ счетахъ. Винклеръ долженъ былъ получить деньги отъ Гурьева непремѣнно, какъ писалъ, черезъ нѣсколько дней; быть можетъ, онъ и получилъ ихъ, но внезапная смерть его запутала дѣло. Maman писала по этому и къ Безакамъ, и къ Шульгину, я къ Туркулу; если можешь, узнай, получилъ ли онъ деньги, или нѣтъ.

Богъ знаетъ, можно ли мнѣ будетъ ѣхать въ Карлсбадъ. Вся Австрія въ глупомъ замѣшательствѣ. Маджары съ непонятною цѣлію бьются до упаду; если наша интерцизія не разсѣчетъ гордіева узла,—онъ затянется надолго. Ляшскія пулгловки и паскудная аристократія финскаго племени совсѣмъ застращали методическихъ австріяковъ; безъ

насъ они не одушевятся и не съумѣютъ управиться съ 5 милл. пришельцевъ, думающихъ образовать какое то отдѣльное государство. Для меня всегда были гадкими и мордовскій феодализмъ, и безумная рѣчь посполитая.

Хотя бы удалось поѣхать отдохнуть немного на милой родинѣ! Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія отъ Блюменфельда.

Мы всѣ, слава Богу, здоровы; Maman и дѣти цѣлуютъ тебя.

Посылаю при семъ *двѣсти рублей серебромъ*, болѣе положеннаго 50-ю руб.; итакъ ты входишь въ порядокъ назначеннаго; распоряжайся, какъ знаешь, и припоминай себѣ совѣтъ мой дѣлать маленькіе запасы про черный день, безъ этого всегда будешь въ нѣкоторой зависимости, т. е.: будешь вынужденнымъ занимать, а тутъ то и есть крайняя зависимость.

Желаетъ тебѣ здоровья нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

198.

10 мая 1849 г.

Благодарю Васъ, любезный другъ Рара, за письмо и деньги. Лишніе пятьдесятъ рублей всегда кстати, а теперь пришлись мнѣ особенно удачно, по тому, какъ Вы знаете уже черезъ гр. Остермана, что я вступилъ въ исправленіе должности секретаря, а потому нужно было обзавестись шитымъ мундиромъ и всѣми принадлежностями. Положеніе мое становится во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ, но всего болѣе доволенъ я новымъ назначеніемъ по тому, что избавляюсь отъ механическихъ занятій помощника: смотрѣнія за шкапомъ и храненія дѣлъ, подшиванія бумагъ и т. п. Теперь приготовленную записку изъ дѣла я прочитываю, соображаю обстоятельства съ законами и разъ въ недѣлю докладываю сенаторамъ. Для шестимѣсячной службы переходъ значительный; перескочилъ даже черезъ старшаго помощника, но поэтому не могу быть утвержденнымъ въ новой должности ранѣе, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ. Впрочемъ, если, какъ Вы выражаетесь и что весьма вѣроятно, узелъ на западѣ затянется надолго, то крѣпко бы хотѣлось быть поближе къ событіямъ, которымъ суждено измѣнить положеніе дѣлъ Европы. Такія эпохи, какъ настоящая, бываютъ рѣдко въ исторіи; отъ одной эпохи и до другой поколѣнія живутъ только въ воспоминаніяхъ и ожиданіяхъ. Повѣрьте, что, не смотря на отдаленность совер-

шающагося, живешь въ какомъ то безпокойствѣ, котораго не въ силахъ уничтожить. Каждый день, каждый нумеръ журнала приноситъ что нибудь новое, непредвидѣнное, съ неисчислимыми послѣдствіями. Дѣла Ваши въ Малороссіи пойдутъ, вѣроятно, хорошо. Если Блюменфельдъ медлитъ съ извѣстіемъ, такъ по тому, что у насъ все дѣлается довольно медленно; такъ и Гурьевъ медлитъ съ уплатою, но, какъ Любовь Ивановна мнѣ говорила, дѣло это взяло хорошее направленіе, векселя поданы ко взысканію и деньги отправлены будутъ изъ Управы Благочинія прямо къ Вамъ; впрочемъ г. Туркулъ уже въ Варшавѣ и увѣдомитъ Васъ о предпринятыхъ имъ мѣрахъ по этому дѣлу. Здѣсь все въ движеніи. Военные готовятся къ походу, мирные граждане разъѣзжаются по деревнямъ и дачамъ. Петербургъ хорошъ, какъ онъ всегда бываетъ въ первые весенніе дни, но пустота скоро будетъ становиться чувствительною. Досадно, что въ нашемъ департаментѣ нѣтъ вакансій! Все лѣто прійдется мнѣ провести въ городѣ. Что дѣлаетъ Лиза? Давно уже не имѣю отъ нея извѣстій и это меня безпокоитъ. Какія предположенія Ваши о всѣхъ нашихъ на будущее время? Дмитрій Дараганъ отправился въ Смоленскъ для пріема рекрутъ. Рылѣева прикомандировали къ Московскому полку на полковничью вакансію. Въ воскресеніе видѣлся я послѣ долгаго времени съ Владиславлевымъ; онъ хлопочетъ, пишетъ, собираетъ матеріалы для составленія книги подъ заглавіемъ: „Руководство для военныхъ людей“. Недавно обѣдалъ я у Александра Павловича [1]) съ Арендаренкомъ; онъ помнитъ Васъ и свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе. Великая Княгиня отъ него въ восхищеніи и поручаетъ ему управленіе Карловкою. Она разспрашивала уже о томъ, чѣмъ можетъ она быть полезною краю. На первый случай остановились на улучшеніи породы лошадей; Вел. Кн. поручила уже выписать арабскихъ жеребцовъ чистой крови. Она имѣетъ твердое намѣреніе побывать въ Малороссіи и для нея отдѣлываютъ уже въ Карловкѣ помѣщеніе. Въ ожиданіи извѣстіи отъ Васъ, обнимаю Васъ съ нѣжностью сына, цѣлую maman и дѣтокъ. Многоуважающій Васъ сынъ и другъ

В. Стороженко.

---

[1]) Безака.

199.

Варшава 16/28 *іюня 1849 г.*

Между полученіемъ отъ тебя, любезный другъ Вольдемаръ, увѣдомленія, самаго пріятнѣйшаго для меня, о твоемъ секретарствѣ и послѣдними числами іюня новаго стиля, когда приходилось посылать тебѣ деньги, что и исполняю, былъ небольшой промежутокъ времени, а потому я и не писалъ; при томъ же, отправивши въ Малороссію Александра Михайловича [1]) для совершенія купчей на имѣніе Ниценковыхъ, ожидалъ или увѣдомленія отъ него, или возвращенія въ Варшаву. Молчаніе Алек. Мих. было немного тяжеленько, за то можешь себѣ представить, какъ я обрадовался, когда онъ наконецъ пріѣхалъ самъ, кончивши дѣло прекрасно. Кто не имѣлъ дѣлъ въ нашихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, тотъ не пойметъ слова *проволочка*, какая обыкновенно встрѣчается со всякимъ у насъ истцемъ. Блюменфельдъ говоритъ, что члены Полтавской гражданской палаты шесть недѣль кормили его завтраками и что онъ желалъ бы накормить ихъ грязью; если бы не губернскій прокуроръ, то я бы не видѣлъ Блюменфельда до зимы, а онъ, вѣря судейскимъ обѣщаніямъ, молчалъ бы, ожидая всякій день рѣшенія, будучи, такъ сказать, на мази, также до Покрова дня. Вся суть, какъ объяснилъ Б., въ прокурорѣ, который, рѣшившись надѣть мундиръ и разбранить членовъ палаты, подвинулъ дѣло такъ, что оно кончено было въ два дня. Старайся скорѣе быть прокуроромъ. Имѣніе Ниценковыхъ, а особенно Чевельча, было для меня необходимымъ; денегъ у меня не было, и, хотя я остался долженъ до 140 т. зл., но радуюсь пріобрѣтеніемъ, и долгъ выплачу понемногу. Теперь же отдамъ Лизѣ Новаки, если она и Николай Ивановичъ найдутъ это выгоднѣе для себя, нежели 100 т. зл., которые я могъ бы имъ отдать не ближе какъ года черезъ два-три, если бы не встрѣтился покупщикъ на Новаки. Покупка эта довольно смѣлая; платить такой огромный долгъ стѣснительно, но я и все мое имущество пріобрѣталъ безъ денегъ, а платилъ ихъ послѣ. Audacem fortuna juvat. Свѣтлѣйшій и все съ нимъ выѣхали на войну. Дай Господи, чтобы это глупое чухонское племя, называющееся маджарами, скорѣе низринуто было въ Джегенемъ и чтобы завидующіе Россійскимъ силамъ поѣли хорошенько грязи, смраднѣйшей, какою Блюменфельдъ желалъ накормить гражданскую палату. Государь Императоръ все еще въ Варшавѣ и, говорятъ,

[1]) Блюменфельда.

долго пробудетъ у насъ. Мнѣ крайне нужно было бы побывать въ Малороссіи, но какъ теперь проситься въ отпускъ? Въ Карлсбадъ также ѣхать не возможно, а я чувствую себя весьма нездоровымъ Бѣснующіеся нѣмцы такъ меня злятъ, что не хотѣлъ бы ни видѣть, ни слышать ихъ; какъ можно такъ оглупѣть народу порядочному? Право нельзя сказать, война ли это, или чертъ знаетъ что такое. Конечно, тому, кто служитъ въ военной службѣ, надобно драться съ дурнями; но искать отличія въ такомъ хаосѣ человѣку, имѣющему мѣсто и дѣло, не знаю, нужно ли и полезно? Будь здоровъ и да вспомоществуетъ тебѣ Всевѣдущій на избранномъ тобою пути гражданина мирнаго.

Отецъ твой и другъ

Анд. Стороженко.

P.S. По полученіи 150 руб. сер., при семъ посылаемыхъ, напиши скорѣе. Maman и дѣтки тебя цѣлуютъ. Не знаю, какъ у васъ въ Петербургѣ, а у насъ холера мѣшаетъ всякой ѣдѣ и всякому удовольствію. Поклонись Ѳ. В. и поцѣлуй ручку Любовь Ивановнѣ.

200.

С.-Петербургъ 4 іюля 1849 года.

Спѣшу сообщить Вамъ, любезный другъ Рара, объ удовольствіи, доставленномъ мнѣ послѣднимъ письмомъ Вашимъ, полученнымъ 2 с. м. Веселое расположеніе духа, выражающееся въ каждой строкѣ, доказываетъ и спокойствіе внутреннее, и здоровье физическое, по крайней мѣрѣ въ минуты, когда Вы были заняты письмомъ ко мнѣ. Желаю, чтобы то и другое продолжалось. Успѣшное окончаніе Александромъ Михайловичемъ дѣлъ Вашихъ въ Малороссіи и меня крайне потѣшило. Кончивши труды Ваши и обезпечивая Вашу старость, послѣдняя покупка имѣнія въ Малороссіи даетъ Вамъ возможность устроить положеніе прекрасной Лизы и добраго Николая Ивановича. На мѣстѣ сестры я бы ни минуты не затруднялся въ выборѣ, который Вы желаете предоставить имъ. Свой уголокъ на родинѣ, въ хорошемъ климатѣ, вблизи родныхъ – это большое условіе спокойствія и счастья. Если Лиза, какъ умная женщина, возьмется за хозяйство, какъ и подобаетъ, то это дастъ пищу ея дѣятельности и заботливости, установитъ её въ дальнѣйшихъ видахъ въ будущемъ и, упрочивая благосостояніе, будетъ успокаивать ея духъ; Николай Ивановичъ тоже, опираясь на собственность

незыблемую, будетъ поступать рѣшительнѣе и дѣйствовать сообразнѣе съ своими склонностями; а Вамъ что можетъ быть пріятнѣе, какъ мысль быть виновникомъ благоустройства положенія людей Вамъ близкихъ? Не откладывайте же, любезный другъ Рара, приведеніемъ въ исполненіе Вашего предположенія, руководя на первое время совѣтами новыхъ хозяевъ. На будущее лѣто, если служебныя дѣла мои будутъ въ такомъ же цвѣтущемъ положеніи, какъ теперь, можетъ быть, удастся хоть на короткое время посѣтить шато Новаки, который предстанетъ мнѣ въ великолѣпнѣйшемъ видѣ, какъ въ первое мое посѣщеніе. Для жизни это удобное и пріятное мѣсто. Служба моя, повторяю, идетъ удачно. Мною, кажется, довольны и я доволенъ. Съ каждымъ днемъ выигрываю въ самостоятельности. Дѣла довольно, хотя сдѣлать можно немного, но въ этомъ виною общій ходъ вещей, который измѣняется временемъ и обстоятельствами. Самое пріятное, что всѣ окружающіе меня —люди порядочные, образованные, учтивые, что нѣтъ ежедневныхъ мелочныхъ требованій и сопровождающихъ эти требованія непріятностей, дѣлающихъ ежедневную жизнь невыносимою. Напротивъ того, отъ середы до середы, отъ доклада до доклада, живется недурно. Избраннымъ мною поприщемъ мирнаго гражданина не только не тяготясь, но съ каждымъ днемъ научаюсь болѣе цѣнить его. Иногда, увлекаясь мыслью о новизнѣ ощущеній, воображеніе рисуетъ разныя перемѣны, которыя манятъ незнакомою прелестью, но и въ перемѣнахъ этихъ преобладаетъ элементъ мирный, человѣческій, улыбающійся, а не насильственный, кровавый, плачущій. Трудно изложить это, впрочемъ, коротко. Въ сенатѣ подошелъ разъ ко мнѣ д. т. с. Лубяновскій, спрашивалъ о Васъ и поручилъ засвидѣтельствовать Вамъ его особенное уваженіе, по поводу разсказовъ о Васъ нѣкоторыхъ Пулавскихъ воспитанницъ и ихъ родныхъ. Мнѣ пріятно было слышать объ этомъ, но не ловко было войти въ распросы, такъ что имена Вашихъ почитательницъ остались для меня сокрытыми. Тамъ же видѣлъ г. Карпенка, который поручилъ Вамъ и maman усердно кланяться. Любовь Ивановна въ Гельсингфорсѣ. Александръ Павловичъ тоже былъ тамъ нѣкоторое время; вчера или третьяго дня долженъ былъ вернуться, но я не видѣлъ его еще. 1-го прибылъ сюда Государь Императоръ, но, говорятъ, 8-го или 9-го ѣдетъ обратно. Холера здѣсь есть, но не такая сильная. Осторожность однакоже никогда не вредитъ. Одно жаль, что лѣта нѣтъ; холодъ такой, какъ осенью. Изъ Малороссіи имѣю изрѣдка извѣстія. Недавно писала Анна Евг. послѣ поѣздки въ Богодуховку. Старики очень огорчены потерею доброй Александрины [1]); да и кто

[1]) Александры Михайловны Максимовичъ.

объ ней не пожалѣетъ? Сынъ ея Василій [1]) произведенъ въ Измайловскій полкъ, отправляется въ армію. На дняхъ получилъ отъ него письмецо изъ Москвы. Всѣ знакомые и родные мои разъѣхались. Занимаюсь и пользуюсь публичными увеселеніями, которыя здѣсь не уменьшились. Прошу сказать Александру Михайловичу, что письмо его и деньги переданы брату. Обнимаю Васъ, maman и дѣтокъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко. Благодарю за деньги, которыя получилъ вмѣстѣ съ письмомъ.

201.

8 сентября 1849 года.

Двѣ чистенькія комнаты, со вкусомъ меблированныя, удобный письменный столъ, покойный стулъ—вотъ новая моя обстановка. Праздникъ—нечего торопиться на должность, свѣтлый день, открытый видъ въ даль, все располагаетъ къ удовольствію. Подъ этими впечатлѣніями берусь за перо, чтобы сказать Вамъ, любезный другъ Рара, нѣсколько словъ. Предполагаю Васъ въ Варшавѣ, а, можетъ быть, Васъ и нѣтъ въ ней въ настоящую минуту, можетъ быть, Вы уже дышите роднымъ воздухомъ, любуетесь плодами Вашихъ трудовъ въ Чевельчѣ и Щербаковкѣ, придумываете устройство Новаковъ. Хорошее дѣло собственность,—одна мысль быть владѣльцемъ чего нибудь, кажется, дѣлаетъ человѣка и умнѣе, и благоразумнѣе. Чѣмъ больше развивается въ головѣ мысль Ваша объ отдачѣ Новаковъ Николаю Ивановичу и Лизѣ, тѣмъ болѣе восхищаюсь ею. Какъ мало, кажется, человѣку нужно, чтобы быть довольнымъ и между тѣмъ, какъ мало довольныхъ. Преслѣдуя отдаленную цѣль, мы не обращаемъ вниманія на окружающее, а въ немъ то всего чаще и можно найти счастье. Часто приходятъ на память мнѣ нѣсколько строкъ Ж. П. Рихтера: „Mache deine Gegenwart zu keinem Mittel der Zukunft, denn diese ist ja nichts als eine kommende Gegenwart, und jede verachtete Gegenwart war ja eine begehrte Zukunft!“ Принужденъ былъ пріостановиться, потому что пришли ко мнѣ пріятели. Умная бесѣда лучше книги; не столько послѣдовательности, за то болѣе жизни,—параллелью весьма хорошо можетъ служить мертвый и обращающійся капиталъ. Служба моя идетъ порядочно. Къ сожалѣнію бывшій оберъ-секретарь у меня, князь Багратіонъ, оставилъ Сенатъ, чтобы

[1]) Василій Николаевичъ Максимовичъ.

занять мѣсто предсѣдателя губернскаго суда въ Эривани. Отличный человѣкъ по душѣ и знающій дѣло; грустно разставаться съ такимъ прекраснымъ начальникомъ и сослуживцемъ. Я такъ скоро сближаюсь съ людьми и такъ привыкаю къ отношеніямъ, которыя однажды составились, что, кажется, охотнѣе поѣхалъ бы въ Эривань, чѣмъ вживаться въ новыя отношенія; такъ мнѣ трудно ромпировать совершенно съ г-жею Феде, у которой прожилъ 14 мѣс. и которой передавалъ кучу денегъ. Желаю, чтобы поѣздка Maman въ Эмсъ укрѣпила ея здоровье. Обнимаю Долю и Колю. Развиваются ли дѣти и забавляютъ ли по прежнему Васъ своими оригинальностями? Дѣйствительно, кромѣ повара, здѣсь есть нѣсколько дѣвушекъ на оброкѣ. Будутъ ко мнѣ приходить за паспортами, то я буду имъ выдавать ихъ на полугодовой срокъ. Оброка не беру. Пусть наслаждаются жизнью, пока не сдѣлаете распоряженій относительно ихъ судьбы. Съ повара, правда, и взять нечего; я самъ долженъ былъ отдать ему старое мое платье. Будьте здоровы и благополучны. Всѣ здѣшніе свидѣтельствуютъ Вамъ почтеніе. Я обнимаю отъ души и остаюсь преданнымъ сыномъ В. Стороженко.—Благодарю за деньги, которыя получилъ, какъ и всегда, исправно.

202.

Варшава $^{17}/_{29}$ *сентября 1849 г.*

Представляю себѣ и чистую маленькую квартиру твою, другъ мой сердечный Вольдемаръ, и маленькія – необходимыя выгоды въ ней, и сравниваю нашу жизнь доселѣ все еще домовитую съ Европейскою трактирною,—уличною. Въ Парижѣ въ пансіонѣ, а въ Петербургѣ у г-жи Феде мнѣ казалось бы какъ-то тѣсно: наши нравы требуютъ простора, разгула по степямъ широкимъ, а не разгулья по узкимъ тротуарамъ; мы все еще, слава Богу, мыслимъ и печемся объ утрѣ, и не съумѣли бы жить дико, такъ, какъ птицы небесныя...

Привѣтствую тебя дружески на новосельи! Со временемъ понадобятся тебѣ человѣкъ свой и мальчикъ—и ты найдешь имъ у себя дѣло. Со временемъ сдѣлается необходимымъ домоводство, которое однакоже тогда только будетъ занимательнымъ и даже пріятнымъ, когда изъ опытовъ составятся необходимыя для того свѣдѣнія; мы, повторяю, долго еще не научимся быть уличными жителями, хотя въ нѣкоторыхъ и оказываются начала тому или подражанія. Прежде произведенный въ арміи офицеры или получившій первый статскій чинъ тотчасъ покупали чайникъ и погребецъ, обитый тюленьею кожею, прикрѣпленною узористо же-

стяными полосками; а теперь входящій въ свѣтъ считаетъ крайнею необходимостью имѣть лорнетъ и перчатки; иныя времена, иныя надобности.

Совершенно согласенъ съ тобою, что всего лучше имѣть свой уголъ,—пріютъ; а еще пріятнѣе устраивать его для близкихъ сердцу. Я право только и пишу теперь къ Григорію о Новакахъ, чтобы пошла тамъ винокурня и проч. Что если бы я въ молодости моей имѣлъ Новаки? Я бы сдѣлалъ изъ нихъ нѣчто прекрасное, выгодное; но у меня до 37 лѣтъ не было даже Богодуховскаго хутора, даже серебряной ложки.

Лиза и Николай Ивановичъ сегодня у меня обѣдаютъ; дѣти цѣлуютъ тебя; Коля ѣздитъ уже верхомъ на такой лошадкѣ, какъ собачка, и дѣлается при его врожденной смѣтливости проворнымъ мальчикомъ; начали по немножку учиться и крѣпко спорить съ боною, что 3 и 5 одно и тоже, ибо очень похожи одно на другое. Maman 6-я недѣля, какъ въ Эмсѣ, и, можетъ быть, уже и выѣхала оттуда; здоровье ея лучше, котораго желаю тебѣ отъ души.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

Наконецъ ты началъ писать крупно, съ чѣмъ поздравляю; хотѣлъ было и я похвастаться передъ тобою разборчивостью почерка, но недостало времени.

203.

1-е октября 1849 г.

Вчера получилъ я, любезный другъ Рара, первое привѣтствіе Ваше на новосельи. Благодарю. Какъ ни тяжело мнѣ вступленіе въ новыйбытъ, но не сожалѣю объ оставленной трактирной жизни. Эта послѣдняя не оставляетъ по себѣ другихъ слѣдовъ, кромѣ длинныхъ счетовъ, обыкновенно прескверно написанныхъ, доставляющихъ удовольствіе только въ минуту ихъ уничтоженія, тогда какъ при собственномъ хозяйствѣ всякая бездѣлица имѣетъ свою исторію, а изъ частныхъ исторій сихъ сплетается общая исторія жизни человѣческой, съ ея радостями и печалями, со смѣшнымъ и серьезнымъ, пошлымъ и значительнымъ. Сочетаніе духовнаго съ вещественнымъ, мысли съ вещью, чувства съ предметами внѣшней обстановки – вотъ что составляетъ существованіе, и чѣмъ сочетанія сіи разнообразнѣе и пріятнѣе, тѣмъ полнѣе существованіе. Вы замѣчаете, что я начинаю уже заботиться о слѣдахъ моего бытія; это при-

знакъ поворота, перехода изъ мечтательной среды въ положительную; это успѣхъ нравственный, вліяніе котораго окажется въ послѣдствіяхъ. Между тѣмъ, задумываясь о характеристикѣ нашего семейства, мнѣ приходитъ на мысль, что Коля и я, мы будемъ представителями двухъ различныхъ эпохъ въ Вашей жизни. Я буду представителемъ эпохи достиженія, съ элементами демократическими; Коля—эпохи сохраненія, съ элементами консервативными, аристократическими. Такъ оно и въ порядкѣ вещей, а искусство съ нашей стороны будетъ состоять въ томъ, чтобы не сбиваться съ дорогъ, указанныхъ однажды обстоятельствами. Эти направленія, хотя и противоположныя, не препятствуютъ ни узамъ родства, ни узамъ дружбы; напротивъ того, въ разнородномъ болѣе стремленія къ соединенію, чѣмъ въ однородномъ. Дикою можетъ показаться Вамъ эта мысль, но она будетъ Вамъ понятною во мнѣ, который любитъ отвлеченности, любитъ усиліе ума, стягивающее частности въ общее. Да впрочемъ, если бы не размышленія, иногда, можетъ быть, и во вкусѣ гососо, да не чтеніе, то не знаю, какъ бы проходило время. Служебныя занятія до сихъ поръ весьма вѣрно можно уподобить переливанію жидкости изъ полнаго сосуда въ пустой подъ строжайшею отвѣтственностью не пролить ни одной капли. Сидѣть и переливать не трудно, но чтобы это было очень весело, не могу сказать. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, старыхъ служивыхъ, въ тридцатый разъ и съ тѣмъ же умиленіемъ и важностью диктуютъ писцу: „а такому то Губерн. Правл. подтвердить о немедленномъ исполненіи указа Сената за № такимъ то, о чемъ ему и послать указъ“. Я до этого еще не дошелъ; хотѣлъ было по этому поводу разсказать случившійся вчера со мною анекдотъ, но какъ дѣйствующимъ лицомъ не я одинъ, то лучше умолчу. Единственная отрада—чтеніе. Окруженъ самыми разнообразными книгами; отъ правъ залогодателей, отъ системъ лучшаго собиранія податей, до горькихъ насмѣшекъ Гёте въ Фаустѣ, до очаровательныхъ образовъ Клары въ Эгмонтѣ и Граціеллы въ исповѣди Ламартина—все бродитъ въ головѣ, одно смѣняясь другимъ и выбирая себѣ теплое мѣстечко въ памяти, чтобы привѣтливо взглянуть при первомъ призывѣ;—за то случится, что сегодня не на что пообѣдать, и горя мало, придешь домой, закуришь отличнаго табаку, которымъ меня снабдилъ одинъ пріятель изъ Одессы,—и воображеніе начинаетъ знакомую игру тѣней. Мало ли что и кто приходятъ и проходятъ тогда въ мечтательной вереницѣ, но на одномъ образѣ останавливаюсь я долѣе, потому что онъ влечетъ къ весьма положительному—къ женитьбѣ, хотя объ этомъ думать пока и не время. Обнимаю Васъ, другъ любезный Рара, цѣлую Maman и дѣтокъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко.

204.

Варшава 18/30 *октября 1849 г.*

Посылаю тебѣ, любезнѣйшій другъ Владиміръ, двѣсти руб. сер.

Maman возвратилась изъ-за границы; но то, для чего пила воды въ Эмсѣ и лѣчилась виноградомъ, кажется, не прошло. Ей совѣтовали сдѣлать операцію, на что рано или поздно надобно будетъ рѣшиться. Дѣти здоровы и всѣ тебя цѣлуютъ.

Денежныя обстоятельства мои сжимательны; весною ѣду въ Малороссію на борщъ и кашу, и съ помощію Божіею чрезъ годъ надѣюсь пользоваться просторомъ и забыть стѣсненія непріятныхъ соотношеній съ людьми и, неизвѣстно почему, всегда преслѣдующую меня зависть, когда я рѣшительно никому и ни въ чемъ не завидую.

Сужденія твои, другъ мой, о положеніи въ жизни прекрасны, но всякій человѣкъ подлежитъ частности несравненно болѣе, нежели чему то общему. Напримѣръ, ты, какъ я разсуждаю, наслѣдуешь по мнѣ маіоратъ, составляющій твое имущество. Я положилъ въ него много денегъ; но поелику самъ имъ не управляю, то и Кошулько, и Лейхте, и прочіе администраторы съ Романомъ включительно, и настоящій жидъ съ ожидаемою мною помощію со стороны Зѣлинскаго, годъ отъ году уменьшаютъ доходы; строенія ветшаютъ и безъ хозяина все идетъ весьма плохо. Въ краѣ, гдѣ частные оффиціалисты въ грунтѣ деморализованы, необходимъ собственный надзоръ за всѣмъ имѣніемъ. По этимъ соображеніямъ тебѣ надобно бы скорѣе дослужиться штабъ-офицерскихъ чиновъ и, если въ Петербургѣ не будетъ особенныхъ какихъ либо видовъ, перейти на службу въ Царство, или пріѣзжать сюда по крайней мѣрѣ раза два въ годъ для устройства способовъ къ жизни, чего я дѣлать не буду уже въ состояніи.

Ты намекнулъ также и о женитьбѣ. Я почитаю ее однимъ изъ золъ, но золъ необходимыхъ, основанныхъ на началахъ добрыхъ. Благоразуміе указываетъ выбирать меньшее Жениться ранѣе 30 лѣтъ и позже 40 несообразно съ дѣломъ; страсть и мягкосердечіе портятъ его въ основаніи; десятилѣтній промежутокъ времени достаточенъ для мыслящаго и узнать себя, и обсудить пользы и пріятности жизни семейной. Законы гражданскіе и духовные установили бракъ съ тѣхъ поръ, какъ люди начали соединяться въ общества. Священное писаніе учитъ: „не добро быть человѣку единому, необходимо найти себѣ помощницу“. Истина эта принята за непреложную въ то время, когда помощь разумѣлась въ увеличеніи рукъ для снисканія въ потѣ лица хлѣба насущнаго, но ее слѣдуетъ приложить и къ настоящему, т. е.

въ женитьбѣ должны быть первыми условіями вспомоществованіе матеріальное и нравственно-умственное. Я не говорю о богатствѣ, объ избыточномъ просвѣщеніи женщины, едва ли нужномъ для жены и матери; но, думая о женитьбѣ, слѣдуетъ поставить въ этомъ правилами, чтобы невѣста не была совершенно бѣдная, чтобы она была изъ семейства того самаго класса, въ какомъ состоишь ты, чтобы имѣла образованіе такое, съ которымъ не стыдно быть въ кругу, или обществѣ, въ какихъ ты поставленъ судьбою; жениться же, хотя бы и по неукротимой страсти, на совершенно бѣдной, на дѣвушкѣ не твоей касты, если бы она показалась и найблагороднѣйшею по душѣ, какою кажутся всѣ тѣ, въ коихъ влюбляются, повело бы впослѣдствіи къ неминуемому раскаянію. Не говоря уже о томъ, что всѣ дѣвушки, а особенно невѣсты, обыкновенно смиренны, кротки, милы, но, сдѣлавшись женами, часто оказываются совсѣмъ другими, нужно еще, по приличію, познакомить тестя, тещу и весь ихъ хламъ съ своимъ отцомъ, или матерью; нужно часто отвѣчать на вопросы: „на комъ вы женаты?“ и тутъ-то, при несообразномъ бракѣ, встрѣтятся въ скучной прозѣ тамъ точки и двоеточія, гдѣ довольно было бы и запятыхъ.

Это, какъ я выше сказалъ, только мои разсужденія, бесѣда искренне дружеская съ сыномъ; но не конклюзія, зависящая болѣе отъ тебя самого. При этомъ нужно еще повторить, что ты имѣешь достояніе свое въ Царствѣ Польскомъ, что устройство его потребуетъ издивеній, что здѣсь есть также много дѣвицъ съ нѣкоторымъ состояніемъ, что жить двумъ чужеземцамъ посреди чуждыхъ имъ лицъ, конечно, непріятно. Поэтому первые виды должны быть на здѣшнихъ; а ежели прійдется избрать себѣ подругу въ С.-Петербургѣ или въ Малороссіи, то надобно, чтобы она имѣла и состояніе, и образованность, ибо прибыть въ Хенцины только съ добрыми сердцами, значитъ отдать имѣніе въ администрацію и никогда не составить дома.

Впрочемъ сколь легокъ совѣтъ, столько подраздѣлительны примѣры; иногда сила обстоятельствъ (die Verhältnissen) выше самаго разума. Это уже несчастіе, отъ котораго да охранитъ Всевидящій!

Вотъ сколько я наговорилъ тебѣ, милый другъ мой, на одно слово твое; но забота отца—безгранична, какъ безгранична и любовь къ тебѣ.

А. Стороженко.

205.

4-е ноября 1849 г. Благодарю Васъ, любезный другъ Рара, за деньги, положенныя и прибавленныя. Послѣднія принимаю охотно, потому что всякое пособіе въ настоящую минуту мнѣ нужнѣе, чѣмъ когда-либо, да и сверхъ того утѣшаю себя мыслью, что оно, даже и при теперешнемъ положеніи Вашихъ дѣлъ, не можетъ быть для Васъ отяготительнымъ. Содержаніе, получаемое мною отъ Васъ, съ тѣмъ, что пріобрѣтаю службою, составляетъ около 6 т. въ годъ, что весьма достаточно не только для жизни одинокаго человѣка, но есть уже хорошее основаніе и для брачной жизни. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ надѣюсь устроиться совершенно, и тогда могу обѣщать Вамъ никогда впредь не безпокоить Васъ никакими просьбами о добавочныхъ пособіяхъ. А будущность?—будетъ, что Богъ дастъ... Каждому свой удѣлъ, каждому своя доля, изъ которой безнаказанно выходить нельзя. На мою долю достается легчайшее: сохранить пріобрѣтенное Вами. Пусть это будетъ и маіоратъ—прекрасно; хотя онъ на землѣ чужой мнѣ по сердцу, по воспоминаніямъ, по нравамъ обитателей и по языку ихъ, но было бы неблагоразумно оставить его въ забытьи и позволить изсякнуть источнику богатства. Понимаю это, какъ понимаю, что можно заботиться о пріискахъ въ Сибири, пожалуй даже хлопотать о пріобрѣтеніи куска земли въ Калифорніи;—но для жизни недостаточно денегъ—этого условнаго знака богатства; нельзя же отвергать духовныхъ потребностей человѣка, а въ этомъ отношеніи вездѣ охотнѣе, какъ въ Польшѣ, желалъ бы я разбить мой жизненный шатеръ. Къ счастью безкрѣпостность тамошнихъ крестьянъ, не соединяя ихъ съ помѣщиками отношеніями патріархальными, не дѣлаетъ пребыванія послѣднихъ въ кругу крестьянъ необходимымъ; поэтому, когда бы не досталось мнѣ владѣть маіоратомъ, все таки буду смотрѣть на него, какъ на средство къ жизни въ другомъ мѣстѣ, хотя бы въ Петербургѣ—моей второй родинѣ. Пускай доходы съ маіората, послѣ оставленія Вами Польши, уменьшатся въ управленіи моемъ, или порядочного арендатора, и до 20 т. зл., даже до 15 т.; это составитъ еще порядочное пособіе для содержанія себя съ семействомъ. А между тѣмъ я служу, надѣюсь и подвигаться въ службѣ. Далеко не пойду, не изъ той я глины слѣпленъ, но въ кругу извѣстной дѣятельности дюжиннымъ не буду. Вотъ вкратцѣ мои виды на будущее въ отношеніи къ средствамъ къ жизни. Нужно ли мнѣ за симъ искать поддержки въ женитьбѣ? Надобности нѣтъ. Невѣста съ состояніемъ имѣетъ обыкновенно претензіи, равныя состоянію; исключивъ одно другимъ, въ результатѣ останется нуль. Нужно ли въ женитьбѣ искать связей? Тоже не вижу надобности. Для того, чтобы идти

своимъ порядкомъ по стезѣ служебной, есть у меня голова, а такихъ связей, которыя бы помогли мнѣ добраться по головамъ другихъ въ самый передъ, я не хочу, да хотя бы и хотѣлъ, не найду. Остается искать въ бракѣ удовлетворенія инстинктивныхъ потребностей, вложенныхъ въ человѣка природою, облагороженныхъ чувствомъ, очищенныхъ разумною волею, съ сознаніемъ принимаемыхъ на себя обязанностей, съ нравственнымъ убѣжденіемъ въ необходимости ихъ выполненія. Съ такими убѣжденіями, а въ 30 лѣтъ можно и должно уже имѣть убѣжденія, - выборъ мой мало будетъ обусловливаться внѣшностями, обстоятельства сдѣлаютъ остальное. Послѣ этого, что скажете Вы, любезный другъ Рара, если я повѣрю Вамъ то, что у меня давно лежитъ на сердцѣ? Здѣсь можно было бы весьма кстати включить небольшой романическій эпизодъ моей жизни; но такъ какъ Вы сами были въ свое время героемъ не одного романа, то избавляю Васъ отъ описанія, могущаго наскучить. Вы догадываетесь однако же, что дѣло идетъ о Дерптѣ, о какой нибудь нѣмочкѣ, о воспоминаніяхъ моей студенческой жизни. Дѣйствительно. Изъ этой жизни вынесъ я неизгладимый образъ прекраснаго дитяти, которое росло и развивалось въ моихъ глазахъ, вынесъ убѣжденіе въ нѣжной его привязанности ко мнѣ, вынесъ, наконецъ, неотступную мысль о возможности нашего соединенія въ свою пору, и о взаимномъ нашемъ отъ сего благополучіи. Дитя это теперь прекрасная дѣвушка; мнѣ случилось видѣть ее только разъ въ Петербургѣ и то мелькомъ, но убѣжденія остались тѣ же; мнѣ не представляется даже возможность иного для меня брака, какъ съ ней. Лиза доскажетъ Вамъ остальное, я же, любезный другъ Рара, прошу только объ одномъ: не уничтожать безусловно моихъ надеждъ, впрочемъ положиться на время и мое благоразуміе.

9-го ноября. – Если я затѣялъ бесѣду о бракѣ, любезный другъ Рара, такъ это не потому, чтобы располагалъ теперь же жениться. Мнѣ хотѣлось разъяснить Вамъ мои понятія объ этомъ предметѣ и, заслуживъ ими Ваше одобреніе или Ваше порицаніе, дѣйствовать сообразно съ этимъ. Относительно внѣшнихъ условій полагаю необходимымъ выждать, во 1-хъ, утвержденія меня въ должности секретаря, такъ, чтобы имѣть виды и на оберсекретарство; во 2-хъ, обстановки въ домашнемъ моемъ быту такой, чтобы, безъ дальнѣйшихъ издержекъ, оставалось только ввести жену въ домъ свой; въ 3-хъ, чтобы Ваше положеніе устроилось окончательно такъ, чтобы, не лишая ни себя, ни Maman, ни дѣтокъ, ничего необходимаго, Вамъ бы легко было помогать и мнѣ для моего существованія, скромнаго, потому что не хочу иного и потому что дѣвушка, о которой я думаю, будетъ довольна весьма малымъ. Наше еще впереди: скромно начать и таровато кончить,—это вѣрнѣе и лучше. Впрочемъ зачѣмъ долѣе таить ту особу, о которой говорю и

думаю? Имя ей К. Ф.—красивая, умная, талантливая дѣвушка. Она будетъ вездѣ у мѣста, родители ея прекрасные люди, а что касается до дальнѣйшей родни, то хотя я объ этомъ мало забочусь, но слыхалъ обо всѣхъ ихъ, какъ о порядочныхъ людяхъ. Къ нѣмецкому быту я имѣю врожденную наклонность, видно всосалъ его съ молокомъ матери, а обстоятельства развили эту наклонность. Поклонникъ разума, я понимаю лютеранство и люблю его болѣе, чѣмъ католицизмъ. Словомъ, съ которой стороны ни разсматриваю я предмета рѣчи, основательныхъ препятствій не встрѣчаю. Жду Вашего сужденія на этотъ счетъ, а между тѣмъ обнимаю Васъ, Maman и дѣтокъ, и остаюсь преданнымъ, покорнымъ, нѣжно любящимъ Васъ сыномъ и другомъ

В. Стороженко.

206.

$^{16}/_{28}$ *ноября 1849 г.*

Отвѣчая на письмо твое, любезный сынъ мой, отъ 4 ноября, я обязанъ высказать тебѣ голую истину и мои неизмѣняемыя мысли и правила, утвердившіяся опытами.

Сначала приведу два обстоятельства, чтобы говорить далѣе. Во 1-хъ, я имѣю едва ли половину того въ Малороссіи за отдѣленіемъ Лизѣ), какъ тебѣ кажется; при этомъ нужно выплатить долги, о чемъ и предъ симъ писалъ тебѣ, чтобы пожить, если Богъ благословитъ, безъ тяжкихъ трудовъ и лишеній. Заслуженный мною маіоратъ и мнѣ долженъ быть пособіемъ. Ежели опустить его до 15 т. зл., разумѣется, оставя хозяйство на произволъ случая, то, раздѣливъ это пополамъ, смекни, что останется тебѣ въ помощь. Теперь она удѣляется чисто изъ моего жалованья, ибо доходы съ маіората и половину заслуживаемаго отдаю Юліи Ив. на столъ и на содержаніе дома; съ малороссійскихъ же имѣній не получаю ни гроша, пока не выплатятся долги. Ты говоришь, что 6-тью т. можешь жить въ Петербургѣ даже и съ семействомъ; изъ этого слѣдуетъ вопросъ, почему же нынѣ нуждаешься, будучи одинокимъ. Тебѣ долженъ быть извѣстенъ мой характеръ, мое видѣніе вещей: я и чиновникамъ не позволяю жениться безъ того, чтобы они не имѣли обезпечивающаго ихъ бытъ состоянія. Терпѣть нужду одному еще выносимо; но видѣть ее вокругъ себя, женившись, это уже страшно. Тутъ и самыя пламенныя чувства оледенѣютъ, а раскаяніе загрызетъ.

Во 2-хъ, ты коснулся женитьбы моей на покойницѣ твоей матери. На это, если ты, какъ видно, не знаешь всего, скажу тебѣ, что въ день

свадьбы моей я совсѣмъ не былъ такъ бѣденъ, какъ ты думаешь; иначе бы и не женился; да и не выдали бы дѣвушки хорошаго дому за бѣдняка. Отецъ мой, враждуя противу неровныхъ браковъ и представляя мнѣ недостатокъ во всѣхъ его видахъ, далъ на свадьбу только 25 р. асс. и благословеніе—терпѣть по заслугамъ. 25-тью рублями не обойдется свадьба и между ремесленниками; а мнѣ надобно было имѣть экипажъ, прислугу и пр. и пр., слѣдовательно, надобно было имѣть для этого средства, кои и были. Отцу моему не были извѣстны обстоятельства, понуждавшія меня предпринять такой важный шагъ, о которыхъ я и теперь не размышляю даже съ самимъ собою. Впрочемъ, какъ выше сказалъ, поелику я имѣлъ нѣкоторое собственное состояніе, представлявшееся достаточнымъ на содержаніе себя съ женою, то, рѣшившись жениться, рѣшился вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ всякой отцовской помощи; да и надѣяться на нее было не можно, ибо покойный отецъ, пока жила Анна Михайловна, не видѣлся со мною, не велъ переписки и не хотѣлъ знать, какъ мы существуемъ. Между тѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака, капиталъ, который я имѣлъ въ Одессѣ, лопнулъ; остальныя 17 т., розданныя мною въ займы въ Малороссіи, выплачивались малыми частями, что тотчасъ же и проживалось, и я, видя угрожающую намъ крайность, поѣхалъ съ женою въ Петербургъ, куда прибылъ, имѣя въ карманѣ ни болѣе ни менѣе какъ 270 р. асс. Сколько ночей проведено было въ слезахъ! Наконецъ, сдѣлавшись ходатаемъ по дѣламъ, писавши цѣлыя ночи служебныя бумаги и кое-что другое, ибо я тотчасъ началъ служить въ разныхъ мѣстахъ, дошелъ до возможности имѣть насущный хлѣбъ; но все не имѣлъ столько, чтобы купить покойницѣ матери твоей что нибудь мѣховое на зиму. Къ веснѣ обстоятельства мнѣ улыбнулись; мы могли бы уже жить; но холода разстроили здоровье покойницы, и къ довершенію всего, судьба бросила меня изъ одного конца Россіи въ другой, т. е. въ Вознесенскъ. Тамъ возвратились прежнія нужды; родилась Лиза, а потомъ ты; покойница жена моя, видя крайность, созерцая мое самоотверженіе, сносила это великодушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ таяла, и прекрасная, благородная душа ея въ цвѣтѣ лѣтъ, въ отдаленіи отъ меня, оставила земное, чтобы водвориться въ сѣни для добродѣтельныхъ, идеже нѣтъ ни скорбей, ни печалей. Миръ праху ея! (Письмо твое, другъ мой, привело мнѣ на память все то, что я стараюсь предать вѣчному забвенію). Послѣ горестной этой потери судьба усугубила на мнѣ свои преслѣдованія. Все, что я имѣлъ, гибло, обстоятельства гнали, меня назначили состоять по кавалеріи безъ всякаго содержанія, я доведенъ былъ до отчаянной крайности; но съ твердою вѣрою въ благій Промыслъ, съ любовью къ оставшимся на моихъ рукахъ сиротамъ, съ убѣжденіемъ въ невинности, въ способностяхъ и въ готовности къ трудамъ, не унывалъ духомъ,

превозмогъ всѣ противности и сталъ выше обстоятельствъ. Ты опредѣленъ пажемъ за отличную мою службу въ чинѣ подполковничьемъ. Добиваясь этого, какъ самой высокой награды, я не могъ и не могу, какъ самъ видишь, отказываться отъ привиллегій наслѣдственныхъ. И въ Римѣ, и въ Греціи, и въ нынѣшней Франціи существовали и существуютъ классификаціи кастъ; въ монархическомъ же правленіи они составляютъ первое условіе.

Обращаюсь опять къ тебѣ. Ты началъ только служить; не знаю, какъ далеко тебѣ до штабъ офицерскаго чина; но прежде того даже и на богатой дѣвушкѣ жениться было бы какъ-то не кстати. И такъ время впереди. Что-же касается твоего романа, какихъ будетъ множество, то я отношусь къ доброму, благородному твоему сердцу: могъ ли бы ты, нуждаясь самъ и не имѣя въ виду никакихъ значительныхъ пріобрѣтеній, обречь невинное существо на горькій кусокъ хлѣба, лишить ее сообразной состоянію будущности, и въ то время, когда она можетъ быть счастливою за лѣкаремъ, за академикомъ и т. п., поставить ее въ какое-то странное положеніе въ отношеніи твоего родства? Я думаю, что и Констанція, и честный отецъ ея, коихъ я не могу иначе почитать, какъ людьми добрыми, разсматривая разность между тобою и ими, конечно, не рѣшатся, по нѣмецкому благоразумію и умѣренности въ желаніяхъ, выходить изъ своего круга; иначе я бы почелъ ихъ безразсудными. Первое условіе—способы къ жизни; второе—равенство въ бракахъ. То и другое ты самъ видишь ясно; а ежели и туманится это идеями привязанности, ослѣпить не можетъ мыслящаго.

Гречъ, описывая мѣщанскіе нравы Васильевскаго острова, Ляфонтенъ—Бланку и Мину, пріятно разсказали домашній бытъ добрыхъ нѣмцевъ; но не помѣшали тамъ ни одного не мѣщанина, а то весь разсказъ бы испортили. Хорошо быть близко природы въ маленькихъ городкахъ, какъ Дерптъ, или Гадебушъ въ Мекленбургіи, гдѣ Лёта и Адольфъ кушали себѣ картофель, приправляя его поцѣлуями; но не въ Петербургѣ, и не на поприщѣ начатой обширной службы. Женится оберъ-секретарь, прокуроръ, хотя бы и въ губерніи, хотя бы и на бѣдной дѣвушкѣ, и ихъ будутъ поздравлять; женится небольшой чиновникъ на неимѣющей достаточнаго состоянія, объ немъ добрые будутъ жалѣть, злые смѣяться надъ нимъ, и онъ преградитъ себѣ путь ко всему, какъ вѣчно нуждающійся.

Нѣтъ, Боже сохрани отъ неравнаго брака и избави отъ бѣдности!

Полагаясь на твое благоразуміе и благородство, успокоиваюсь; думаю, что романическій эпизодъ въ жизни твоей есть также мимолетенъ, какъ было множество моихъ. Не будемъ болѣе писать другъ къ другу подобнаго; это для меня немножко нудно, какъ тяжело писать такъ много собственноручно; но чего бы я не сдѣлалъ для моихъ дѣтей!

P. S. Прочитай первое письмо мое о женитьбѣ, обдумай все хорошенько и не воображай, чтобы я имѣлъ какіе либо проекты. Мнѣ все равно, какой націи и какого вѣроисповѣданія будетъ моя невѣстка, лишь бы она имѣла состояніе, равняющееся нѣсколько твоему, а родители принадлежали бы къ классу нашему; а если нѣтъ, то за этимъ идетъ уже богатство. Перваго разряду, т. е. невѣстъ съ нѣкоторымъ состояніемъ такая пропасть, что выборъ весьма легокъ, какъ легко полюбить всякую хорошенькую дѣвушку.

А. Стороженко.

207.

1 декабря 1849 г. Есть поговорки, неизвѣстно, кѣмъ и когда выдуманныя, но передающіяся изъ поколѣній въ поколѣнія для утѣшенія и успокоенія слабыхъ рода человѣческаго; такъ нѣмцы говорятъ: Die Ehen werden im Himmel geschlossen. Эта поговорка выражаетъ какъ то, что человѣку и въ этомъ случаѣ не избѣжать судьбы, такъ и то, что въ радостяхъ брачныхъ само небо должно принимать участіе. Привожу эту поговорку, любезный другъ Папа, часто себѣ на память и разсуждаю такъ, что если бы возможно было превозмочь и всѣ вещественныя препятствія къ предполагаемому мною браку, но если онъ не будетъ служить ко всеобщей радости, то лучше перестать объ немъ думать. Влеченія къ брачной жизни *во что бы то ни стало* у меня нѣтъ. Милый, давно знакомый образъ манилъ меня къ тому. Небо не улыбнулось—и кончено. Пойду и одинокимъ во срѣтеніе тому, что ожидаетъ меня въ будущемъ. По даннымъ характера можно, говорятъ, опредѣлить будущее. Но когда и характеръ измѣняется отъ обстоятельствъ? Можетъ быть, изъ мечтательнаго нѣмецкаго студента сдѣлаюсь когда нибудь положительнымъ, честолюбивымъ русакомъ? Не ручаюсь въ невозможности. Желалъ бы только, чтобы Вы не почитали меня расточительнымъ, какимъ я казался и кажусь Вамъ до сихъ поръ. Если я бывало говорилъ о 2 т. и 3 т., а теперь говорю о 6 т.,—что этого достаточно мнѣ для жизни, и если вслѣдъ за тѣмъ старакъсь дать замѣтить, что, имѣя это, все нуждаюсь, то тутъ нѣтъ противорѣчія, какъ кажется съ перваго раза. Въ настоящее время вотъ въ какомъ положеніи мои дѣла: обзаведеніе стоило мнѣ 600 р. сер; выплачивая изъ 150 руб., которые Вы мнѣ присылаете каждые два мѣсяца, по 100 р., мнѣ остается для прожитья не 500 р. въ мѣсяцъ, а только 300 р. Это не бѣдность, но на прихоти немного придется. Впрочемъ, какъ бы то ни было, все, что Вы имѣете, пріобрѣтено трудами Вашими, правъ на пріобрѣтенное Вами

никакихъ не имѣю, за все, что Вы мнѣ даете, благодарю, обязанъ былъ бы благодарностію, даже если бы Вы мнѣ давали и вдвое менѣе противъ того, что Вы мнѣ даете. Благодарю за прекрасное дружеское письмо Ваше, добрый Рара. Цѣню доводы разума выше всякихъ авторитетовъ; поэтому радуюсь, что Вы прибѣгли къ первымъ въ этомъ письмѣ Вашемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить мнѣ доказательствомъ, что Вы почитаете уже меня человѣкомъ. Будьте здоровы и благополучны, чего равно желаю Maman и дѣткамъ. Нѣжно любящій Васъ сынъ и другъ В. Стороженко.

208.

Варшава $^{12}/_{24}$ *декабря 1849 г.*

Фламандская картина народная, или семейная, хороша только на полотнѣ, оживленномъ творческою кистью Давида Теньера, а въ натурѣ совсѣмъ непривлекательна. Онъ, кажется, не написалъ ни одной сцены изъ студенческой жизни, ибо въ его время и учились по-просту, для собственной, или общественной пользы, и одѣвались по приличію. Но если бы Теньеръ изобразилъ дикаго въ полувоинственномъ нарядѣ бурша, на деревянной скамейкѣ, съ бездоннымъ стаканомъ чернаго пива, быть можетъ, это показалось бы также живописно; но въ натурѣ человѣка искать доступнаго комфорта: на голой скамейкѣ сидѣть твердо, черное пиво невкусно; итакъ само образованіе указываетъ намъ нужды въ лучшемъ, въ выгоднѣйшемъ.

На мѣстѣ, говорятъ, камень обростаетъ. Мнѣ весьма пріятно, что ты, другъ мой, заводишься понемногу мебелями; это еще пріятнѣе тебѣ, отдыхающему въ мягкихъ креслахъ, купленныхъ въ прокъ, отказывая себѣ въ минутныхъ прихотяхъ. Пріѣхавши въ Петербургъ, съ восхищеніемъ усядусь въ хорошо обставленной квартирѣ порядочнаго молодого человѣка и буду бесѣдовать съ нимъ не какъ съ студентомъ, а какъ съ человѣкомъ, мыслящимъ о дѣлѣ и о будущности прочной — положительной. Это будетъ для меня найлучшею наградою.

Между расточительностію и небрежливостію, или непривычкою запасаться, есть большая разница; первой я тебѣ никогда не приписывалъ; вторая же, надѣюсь, выгладится лѣтами.

Посылаю тебѣ при семъ опять 200 руб. сер. т. е. 50 р. с. именно на праздникъ, который я лѣтъ 30 тому назадъ, будучи въ Петербургѣ, встрѣтилъ съ двумя цѣлковыми; но купилъ однакоже на нихъ бутылку вина и тортъ, чтобъ отличить день этотъ отъ другихъ крайне грустныхъ.

Говорятъ, что многіе живутъ воспоминаніемъ; по крайней мѣрѣ, не я. Мое прошедшее хуже Петербургской погоды. Дай Богъ пожить настоящимъ и подышать роднымъ воздухомъ.

Недавно мнѣ случилось говорить съ одною крайне некрасивою дамою; она увѣряла меня, что въ Петербургѣ бываютъ также дни прелестные, располагающіе къ нѣгѣ, и что у нея было много тамъ обожателей; вѣрю—на безрыбьи и ракъ рыба. Въ Варшавѣ, напротивъ, гдѣ столько прекрасныхъ женщинъ, онѣ никакъ не могутъ забыть лейбъ—казачьяго и атаманскаго полковъ, въ которыхъ молодежь поздоровѣе и покрасивѣе здѣшней; да, я думаю, и казаки вздыхаютъ по Варшавѣ, видя передъ собою бѣлобрысыхъ чухонокъ въ Стрѣльнѣ, или въ Парголовѣ, и промокая отъ холоднаго дождика до костей. Воспоминанія съ обѣихъ сторонъ понятны, сравненіе же не выдержало бы критики. Для многихъ Варшава – Капуа, Петербургъ—веселѣе Парижа; но я предпочитаю всему милую нашу Малороссію. Человѣкъ по природѣ любитъ родину. Хотя моя и не блеститъ нововведеніями, хотя все тамъ постарому, хотя весьма немного любопытнаго, но нѣтъ и пролетаріевъ, мало нищихъ и много довольныхъ, чѣмъ не можетъ похвалиться теперь и счастливая нѣкогда Германія.

Впрочемъ одинъ изъ Петербургскихъ поэтовъ сказалъ: „Гдѣ я теперь живу, тамъ мой и рай земной!“ Въ молодости—такъ дѣйствительно; на старость же необходима теплота, которую надобно себѣ приготовить трудами на дорогѣ, ведущей на полдень.

Желаю тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ, здоровья, счастья по службѣ и самодовольствія.

Всѣмъ сердцемъ любящій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

209.

Варшава $\frac{25\ генваря}{6\ февраля}$ *1850 г.*

Ты, любезный другъ Володя, нагналъ было на насъ различныя думы твоимъ молчаніемъ; но письмо твое ко мнѣ отъ 10 генваря [1]) успокоило меня. Благодарю Бога хранящаго здоровье твое!

Человѣкъ едва ли не самъ ищетъ хлопотъ; но это уменьшается съ лѣтами; обязанности дѣлаются серьезнѣе, а желаніе спокойствія необходимѣе. Да, я располагаю непремѣнно весною выѣхать въ Малороссію; мнѣ все такъ надоѣло, зависть, злость и глупость людей такъ наскучили, что въ размышленіи объ этомъ я написалъ басню 1 генваря

[1]) Не сохранилось.

Новаго Года, ночью, которую при семъ тебѣ посылаю. Покажи ее пишущимъ твоимъ пріятелямъ, преимущественно тѣмъ, кои любятъ простоту въ слогѣ; покажи, ежели здравствуетъ, доброму другу моему Ѳаддею Венедиктовичу, который какъ бы совсѣмъ забылъ меня, и если признается басня подлежащею тисненію, хотя бы и съ поправками, что для меня все равно, то нельзя ли помѣстить ее въ Сѣверной Пчелѣ, или въ Отеч. Запискахъ, или въ какомъ нибудь читаемомъ журналѣ или газетѣ, какъ напр. Очкина.

Акцизъ на горячее вино въ Малороссіи, которое составляло едва ли не единственный вѣрный доходъ помѣщика, — дѣло мудреное. Одинъ изъ земляковъ нашихъ написалъ нѣкогда о причинѣ недоимокъ въ Малороссіи, что онѣ по самому ходу кругообращенія денегъ въ краѣ неизбѣжны и неоплатны, ибо вывозъ изъ онаго простирается, за исключеніемъ внутренней консумаціи, на 6 милліоновъ р. а., а подати въ 7 мил.; тутъ цифры выставлены только для соображенія и сравненія; но акцизъ - разительнѣе. Итакъ, милліонъ платившихъ въ Полтавской губерніи по 2 р. съ души за право винокуренія давалъ 2 мил.; вина горячаго выкуривалось и потреблялось 6 мил. ведеръ; положимъ, что по дороговизнѣ его будетъ выкуриваться и распиваться 3 мил. ведеръ, т. е. половина только; а какъ акцизъ съ ведра 2 р. 50 к. а., то подать вмѣсто 2 мил. будетъ простираться выше 7 мил.; или, взявши за примѣръ мои 500 душъ: я платилъ 1000 р. а., нынѣ же, уменьшивши на половину винокуреніе, буду платить 2250 р. сер., или 7,800 р. ас.; какъ это будетъ въ исполненіи, посмотримъ. На первый взглядъ видно только, что мы лишаемся почти половины дохода. Правда, что пьянство уменьшится; что это добро народное, для чего я готовъ принести большія жертвы; но въ самой монополіи откупа, въ надзорѣ со стороны откупщиковъ за продажею вина и пр.—не минуемы такія продѣлки, что мораль тутъ врядъ ли выиграетъ. Тутъ возникнутъ доносы, обманы, простое корчемство и т. д. Впрочемъ просвѣщеніе, а съ нимъ и деморализація, идутъ, не останавливаясь. Когда зло можно уподобить молоту, выколачивающему нравственное добро, то всякая общая мѣра окажетъ свои плоды только впослѣдствіи. Трезвость въ простомъ человѣкѣ есть уже самое высшее достоинство его. Вотъ я надиктовалъ тебѣ, другъ мой, много и наскоро; некогда было привести это въ порядокъ;—розумному досыть!

Обнимая, цѣлую и благословляю тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

210.

Варшава $\frac{31\ января}{12\ февраля}$ *1850 г.*

Нѣсколько дней тому назадъ я писалъ къ тебѣ, добрый другъ мой Володя. Теперь ѣдетъ въ Петербургъ отлично видимый мною Илья Степановичъ Фроловъ. Онъ обѣщаетъ тамъ видѣть тебя и привезетъ отъ тебя извѣстіе. Пожалуйста, купи мнѣ фунта два хорошаго чернаго чаю и пришли съ нимъ. Деньги вышлю при первомъ двумѣсячьи.

О поварѣ и дѣвкахъ прошу тебя позаботиться; въ маѣ онѣ должны возвратиться на родину, поэтому должны разсчитать и службу свою въ Петербургѣ. Я бы желалъ, чтобы повара ты подержалъ у себя до мая, и чтобы потомъ написалъ, что онъ за человѣкъ. У меня, ты знаешь, есть довольно искусниковъ, въ томъ числѣ и твой Леонтій; но они, обезумѣвъ отъ хмѣльного, обработываютъ теперь хмель, и я право не знаю, что съ ними дѣлать; слѣдовательно поваръ, хотя бы только порядочный, но не пьяница, былъ бы намъ кладомъ.

На дняхъ я видѣлъ Алексѣя Греча, дышащаго на ладанъ и спѣшащаго на островъ Мадеру. Дай Богъ, чтобы онъ поправился; бѣдняга крѣпко плохъ. Жаль человѣка, какимъ онъ мнѣ показался. Ежели увидишь отца его, скажи, что я готовъ былъ хлопотать объ немъ, какъ о родномъ сынѣ.

Будь здоровъ и счастливъ; душею любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

211.

Варшава $^{6}/_{18}$ *февраля 1850 г.*

Я послалъ тебѣ, другъ мой Володя, басню. Спустя нѣсколько дней послѣ того прочиталъ басни Крылова, кои болѣе 20 лѣтъ въ рукахъ у меня не были, и нашелъ въ нихъ подобную моей. Хотя нѣтъ ничего новаго подъ луною и по большей части повторяется старое, но я не хотѣлъ бы, чтобы кто нибудь подумалъ, что вышедшая изъ подъ моего пера басня есть похищеніе или даже подражаніе, чего я такъ избѣгалъ и въ самыхъ бездѣлицахъ. Дабы успокоить себя, спѣшу со-

общить мою досаду. Прошу изорвать изліяніе ея безъ всякой претензіи на авторство.

Чрезъ 8 дней, посылая тебѣ деньги, напишу болѣе; теперь же только повторяю о чаѣ и желаю здоровья.

Нѣжно любящій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

212.

Варшава $\frac{17\ февраля}{1\ марта}$ *1850 г.*

Спѣшу отправить тебѣ 1 февраля н. с., любезнѣйшій другъ Владимиръ, опять 200 руб. сер.; но на этотъ разъ изъ 50-ти р. ты купишь мнѣ фунта два славнаго чернаго чаю, который и пришли по первой оказіи, ибо я, какъ тебѣ вѣдомо, самъ себѣ дѣлаю чай и нахожу въ этомъ, особливо зимою, нѣкоторое наслажденіе. Говорятъ, что лѣта притупляютъ вкусъ; правда, но не во всемъ; а что они сжимаютъ человѣка въ самомъ себѣ и облекаютъ все какою-то черствостью, это всякій старѣющійся испытываетъ. Счастливы могущіе мечтать! Лишь бы мечты оставались не болѣе, какъ мечтами.

Ожидаю отъ тебя писемъ; желаю тебѣ здоровья и обнимаю тебя дружески.

Сердцемъ любящій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

Maman, Доля и Коля тебя цѣлуютъ, и послѣдніе двое скоро вступятъ съ тобою въ корреспонденцію, ибо маракотъ даже по нѣсколько листовъ въ день бумаги.

213.

12 марта 1850 г. Вчера, любезный другъ Рара, получилъ письмо и деньги—благодарю; за посылку добавочныхъ благодарю въ особенности. Подобное добавленіе, повторенное уже три раза сряду, значительно поправило мои дѣла. Скоро устройство мое, которымъ пользуюсь уже шесть мѣсяцевъ, будетъ и совершенно уплочено; тогда съ обыкновеннымъ пособіемъ отъ Васъ я заживу припѣваючи. Почти все въ мірѣ имѣетъ относительное достоинство: такъ долгъ, сдѣланный во время, кстати и аккуратно выплаченный,—можетъ представлять большія выгоды. Не удивляйтесь, что я заговорилъ о долгахъ, которыхъ Вы не жалуете. Дѣло въ томъ, что нахожусь подъ вліяніемъ прекрасной статьи, помѣщенной въ Отечественныхъ Запискахъ: О системѣ государственныхъ займовъ въ Европѣ—г-на Арапетова; я не читалъ объ этомъ сложномъ предметѣ ничего, такъ ясно и отчетливо изложеннаго. Сочинителя встрѣчалъ я нѣсколько разъ въ обществѣ моихъ пріятелей, зналъ его за умнаго и образованнаго человѣка, но не подозрѣвалъ въ немъ такой любопытной спеціальности. Съ нынѣшняго года сталъ постоянно читать журналы наши, потому что самъ выписываю ихъ. Этого мнѣ давно хотѣлось, но заплатить 30 р. разомъ за Современникъ и Отеч. Зап. было не такъ то удобно. Теперь черезъ посредство одного изъ пріятелей устроилъ такъ, что получаю оба эти журнала, съ обязанностью внесть слѣдуемыя за нихъ деньги, когда захочу въ теченіе года, только до 1-го января 1851 года. Кромѣ этихъ русскихъ журналовъ, мнѣ присылаютъ для прочтенія La Presse, такъ что современное европейское и наше русское мнѣ знакомо. Присоедините къ этому занятія теоретическія моимъ предметомъ и занятія служебныя—увидите, что въ умственномъ отношеніи веду жизнь полную. Но и она съ каждымъ днемъ будетъ округляться: есть, напримѣръ, необходимость въ нѣкоторыхъ книгахъ, которыя должны быть постоянно подъ рукой и со временемъ пріобрѣтутся. За то, когда совершенно устрою свою жизнь, то меня, какъ говорится, и палками не выживешь изъ Петербурга. Разныя ужъ дѣлали мнѣ предложенія въ губерніяхъ, но я отказываюсь. Ни въ какомъ отношеніи нельзя сравнить провинціи съ Петербургомъ. Въ послѣднемъ письмѣ извѣщалъ Васъ, что меня представили къ утвержденію въ должности секретаря. Вчера оберъ-прокуроръ объявилъ мнѣ, что представленіе утверждено. Послѣ полутора-годовой службы это не дурно! Чтобы Вамъ похлопотать о томъ, чтобы по окончаніи пятилѣтія въ занимаемой Вами должности быть назначеннымъ въ Государственный Совѣтъ?—Съ Ив. Ст. Фроловымъ Вы получили уже, вѣроятно, чай; послалъ чернаго, по Вашему желанію, но не

хотите ли еще желтаго немного? Желтый послѣ обѣда, вмѣсто кофе, чрезвычайно пріятенъ, да и примѣшанный къ черному, даетъ послѣднему прекрасный запахъ и вкусъ. Увѣдомите; вѣроятно, будетъ случай переслать. На дняхъ посылалъ я за проживающими здѣсь вашими людьми. Стоитъ ли того, чтобы ихъ отправлять въ Малороссію. Игнатій, бродяга, безъ мѣста, то тамъ, то здѣсь ищетъ какъ бы зашибить копѣйку, и что наживетъ, то и пропьетъ, ходитъ безъ сапогъ, такъ что мнѣ совѣстно было-бы имѣть его у себя и въ передней. Этого или здѣсь отдать въ солдаты, или отправить по этапамъ въ деревню, съ тѣмъ, чтобы тамъ отдали,—единственное средство. Изъ двухъ женщинъ, Марья—здоровая, порядочная, кажется, по крайней мѣрѣ хороша одѣта и живетъ въ хорошемъ модномъ магазинѣ, получая до 6 р. сер. жалованья въ мѣсяцъ, но она, не имѣя родныхъ въ Малороссіи, проситъ оставить ее здѣсь или на оброкѣ, или съ обязанностью уплатить за себя, если ей дадутъ вольную. Марѳа, наконецъ, больная женщина, для полевыхъ работъ не годится, да и для дома не очень; здѣсь сниски-ваетъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что содержитъ у себя жильцовъ; эта тоже проситъ оставить ее здѣсь. Такъ что по неволѣ дѣлаешь себѣ вопросъ, стоитъ ли ихъ отправлять въ деревню? Жду на этотъ счетъ Вашихъ приказаній. Заключаю это письмо, пожелавъ Вамъ всего лучшаго въ мірѣ. Обнимаю Maman и дѣтокъ. Охотно вступлю въ корреспонденцію съ послѣдними и желаю, чтобы это было возможно скорѣе. Доля уже большая дѣвочка, а Коля, особенно если еще до сихъ поръ такой слабенькій, какъ былъ, требуетъ большой заботливости и снисхожденія.

Нѣжно любящій Васъ сынъ В. Стороженко.

214.

С.-Петербургъ, 7-го мая 1850 г. Поздравляю Васъ, любезный другъ Рара, съ выслуженною эмеритурою и есть съ чѣмъ поздравить, тѣмъ болѣе, что ни одного часа не подарено Вамъ изъ опредѣленнаго для выслуги ея времени. Упреки, часто слышимые, объ истощеніи эмеритурнаго капитала преждевременно назначаемыми пенсіями до Васъ не относятся, а между тѣмъ выслуженная пенсія есть большой залогъ Вашего успокоенія на будущее время. Затѣмъ улыбается ли Вамъ или нѣтъ непостоянная, своенравная, часто пристрастная раздавательница земныхъ величій, выпрашивать у нея улыбки Вамъ не прійдется. На первыхъ порахъ Вамъ представляются пріятные виды: въ Малороссіи взглянете на плоды Вашихъ трудовъ и поможете Лизѣ и Николаю Ивановичу въ устройствѣ ихъ новоселья, въ Карлсбадѣ подкрѣпите свои

силы и на досугѣ побесѣдуете съ единоплеменниками. Взглянуть на западъ послѣ двухъ лѣтъ треволненнаго и загадочнаго—историческаго его существованія, чрезвычайно любопытно. Поетъ ли Ганка прежнія пѣсни или замѣнилъ лирическое содержаніе своихъ пѣсенъ политическимъ? Благодарю Васъ за присылку денегъ. Не могу однакоже не замѣтить, что Вы начали ужъ очень баловать меня, любезный другъ Рара. Прежде Вы искали повода, чтобы прислать мнѣ лишнюю сумму, то на праздники, то по случаю покупки чая, теперь же и за чай возвратили и сверхъ того подарили 50 р. с. безъ всякаго повода. Благодарю еще разъ, но такъ какъ Вамъ предстоятъ большіе расходы, а 50 р. это больше чѣмъ нужно, чтобы по желѣзной дорогѣ съѣздить изъ Варшавы въ Карлсбадъ, а съ другой стороны мои дѣла пришли уже въ цвѣтущее положеніе, то ограничтесь, любезный Рара, на будущее время присылкою по обыкновенному положенію, а не по усиленному. Незамѣтно принимаю форменный слогъ—привычка заниматься служебными бумагами. Магнезныя пастилки купилъ и просилъ Любовь Ивановну отправить ихъ Вамъ съ первымъ случаемъ. Вѣроятно, получите черезъ Ольхина, который намѣревался на дняхъ ѣхать въ Варшаву. Радуюсь, что дѣти развиваются и забавляютъ Васъ. Совершенно раздѣляю Ваше мнѣніе, что дѣтей возраста Коли и Доли не нужно принуждать къ ученію. Жизнь для ребенка ихъ лѣтъ должна быть рядомъ веселій и радостей. По общепринятымъ правиламъ воспитанія, книжная мудрость достанется имъ и безъ того слишкомъ рано; пусть же начало будетъ сдѣлано безъ принужденія. Когда Доля и Коля будутъ разбирать писанное, охотно буду бесѣдовать съ ними на бумагѣ, употребляя для этого самыя большія буквы. Обнимаю ихъ между тѣмъ отъ всей души. Николай Огрaновичъ говорилъ мнѣ, что такъ какъ Савинскія мельницы [1]) неудободѣлимы между братьями, то, вѣроятно всѣ трое согласятся продать ихъ. Это къ свѣдѣнію, для соображеній въ Малороссіи. Надѣюсь получить отъ Васъ пару словъ, которыми извѣстите о времени отъѣзда въ Малороссію и о дальнѣйшемъ. Обнимаю Васъ и Maman.

Преданный другъ и сынъ

В. Стороженко.

О дипломѣ справлюсь и сообщу Вамъ.

---

[1]) С. Савинцы въ Лубенскомъ уѣздѣ; мельницы—на р. Оржицѣ.

215.

С.-Петербургъ, 10-е іюня 1850 г. Съ безпокойствомъ, любезный другъ Рара, ожидалъ я извѣстій отъ Васъ. Лиза, передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, успѣла сообщить мнѣ кое-что о событіяхъ, предшествовавшихъ разставанію съ мѣстомъ, гдѣ въ продолженіе 20-ти почти лѣтъ Вы трудились для блага общаго и для пользы собственной и семейства Вашего. Печальное разставанье! И я успокоился нѣсколько только теперь, когда получилъ письмо Ваше, [1]) проникнутое гордостью человѣка, чувствующаго свое достоинство, и спокойствіемъ характера, который пошатнуть и замарать тщетно усиливаются грязныя житейскія волны. Поживите нѣкоторое время на родинѣ, дайте утихнуть бореніямъ внутреннимъ, пусть уляжется поднятая шествіемъ Вашимъ пыль и откроетъ передъ Вами свѣтлый горизонтъ, чудную даль родной степи, раскинувшійся надъ нею бирюзовый шатеръ, пробитый насквозь трепещущими лучами свѣтилъ небесныхъ,—и, въ созерцаніи красотъ природы, забудьте прошлыя невзгоды. Каково Лиза и Николай Ивановичъ принялись за хозяйство? Нравится ли имъ новый ихъ бытъ? Жаль, что жаркое и сухое лѣто не предвѣщаетъ обильной осени; вмѣсто того, чтобы собирать, придется пожалуй покупать, а между тѣмъ приводится въ исполненіе новая мѣра объ аккуратномъ сборѣ съ вина. Въ сенатѣ производятся въ настоящее время торги; откупъ на акцизный сборъ Кіевской губ. остался за бар. Фитингофомъ въ милліонѣ слишкомъ р. с. Жидки такъ и рвутся, чтобы прибрать откупа въ свои руки; какъ то отразится эта мѣра на частномъ хозяйствѣ? Для доходовъ успокоительно то, что помѣщикъ и откупщикъ имѣютъ равный интересъ, чтобы продано было какъ можно болѣе вина. На Полтавскую губ. не было еще торговъ, ходъ ихъ мнѣ извѣстенъ, потому что оберъ-прокуроръ съ тѣмъ, по его выраженію, чтобы имѣть поводъ сдѣлать мнѣ что нибудь пріятное, назначилъ меня, сверхъ исправленія моей должности, въ канцелярію временнаго присутствія по откупамъ. Это было мнѣ очень пріятно, какъ потому, что имѣю ввиду получить награду, такъ и потому, что поневолѣ познакомлюсь съ такою важною отраслью нашихъ государственныхъ доходовъ. Поэтому же, любезный другъ Рара, Вы можете судить, что мнѣ, какъ говорится, везетъ по службѣ. Дальнѣйшихъ плановъ еще не дѣлаю, но могу впередъ сказать, что пока сохранятся пріятныя личныя отношенія, въ какихъ нахожусь теперь, до тѣхъ поръ буду служить съ удовольствіемъ. Это лѣто проходитъ для меня въ усиленныхъ занятіяхъ, за то на будущее, мо-

[1]) Не сохранилось.

жетъ быть, удастся погулять и съѣздить въ Малороссію или за границу, къ чему, признаюсь, имѣю сильную охоту. Я окончательно устраиваю свое жилище и къ будущему лѣту надѣюсь скопить себѣ собственный небольшой капиталецъ. Повторяю, мнѣ идетъ хорошо, и я желаю только, чтобы въ нашей небольшой семьѣ все бы устроилось ко благу, чтобы Maman въ сознаніи тревогъ и заботъ, причиненныхъ ею близкимъ, воскресла къ новой, разсчетливой, разумной жизни, чтобы дѣти развивались подъ благотворнымъ южнымъ солнцемъ, чтобы Ваше здоровье, добрый Рара, поправилось и духъ бодрости не покидалъ бы Васъ. Закончу этимъ, прижавъ Васъ горячо къ сердцу. Благодарю за деньги. Къ Лизѣ пишу съ этою же почтою. Ей буду адресовать въ Лубны, Вамъ въ Пирятинъ. Не такъ ли? Черезъ сенатъ я также вѣрно получаю письма, какъ и по собственному моему адресу.

Нѣжно любящій Васъ сынъ

В. Стороженко.

216.

Щербаковка — 24 іюня / 6 іюля 1850 г.

За хлопотами не могъ отправить тебѣ, любезнѣйшій другъ мой Вольдемаръ, въ обыкновенный терминъ деньги; теперь же посылаю при семъ 200 руб. серебромъ, для чего нарочно пріѣхалъ въ Щербаковку; но и тутъ встрѣтилось маленькое промедленіе: адресъ къ тебѣ остался у Блюменфельда; Лиза и Н. И. гостили у насъ въ Чевельчѣ, я забылъ у нихъ спросить объ адресѣ, а теперь ѣду къ нимъ завтра въ Новаки, и уже изъ Лубенъ ты получишь деньги. Извини, ежели немного потерпишь.

Я далъ Лизѣ 100 душъ и 680 слишкомъ десятинъ земли въ Новакахъ; ежели будутъ хозяйничать и вложатъ на нѣкоторыя обзаведенія, жить можно. Строенія требуютъ починки; но въ Щербаковкѣ, въ Богодуховкѣ и въ самой Чевельчѣ я выорывалъ мѣста, гдѣ были строенія, а особливо въ первыхъ двухъ, и выстроилъ совсѣмъ новыя; а скота не было у меня ни одной штуки, исключая 4 кобылъ; трудами всего достигаешь.

У насъ въ Малороссіи такая засуха, что ни хлѣба, ни сѣна, ни цвѣточка, ни ягодочки; но я такъ люблю ее, что и засохшія деревья кажутся вертоградомъ. Боже! когда бы мнѣ дали уже покой; на 60-мъ году нѣтъ той энергіи, здоровья и служебнаго терпѣнія, съ коими я добивался эмеритуры, способовъ къ жизни, и съ самоотверженіемъ

стремился между тѣмъ быть полезнымъ. Если бы меня уволили съ выслуженнымъ содержаніемъ и просто дворянином, былъ бы истинно благодарнымъ; но интриги, желаніе князя дать другому мѣсто, которое я охотно уступилъ бы и безъ продѣлокъ со мною, нѣсколько разорили меня; внезапность выѣзда была неразлучна съ уплатою долговъ вдвое болѣе того, что бы я заплатилъ, оставляя Варшаву по полученіи отставки.

Не думалъ я кончить такъ 44-лѣтнюю службу; впрочемъ ожидать въ Царствѣ чего либо лучшаго никогда не предвидѣлъ, отъ того послѣдніе 4 года былъ какъ на мази, терпѣлъ много, охъ! много, хотѣлъ бы забыть все, похозяйничать годокъ въ Малороссіи и побывать потомъ въ Петербургѣ. Во всякомъ однако же случаѣ весною необходимо мнѣ съѣздить въ Карлсбадъ, что хотѣлъ сдѣлать въ настоящее время, и чего не дозволили мнѣ непріятности и внезапность выѣзда изъ Варшавы. Итакъ меня стремились уничтожить, разорили и воспрепятствовали лѣчиться водами. Спрашиваю: за что? и не могу дать самому себѣ отвѣта. Да избавитъ тебя Богъ, сынъ мой, отъ подобнаго; за всѣмъ тѣмъ совѣтую служить; вѣрю, что труды честные не остаются безъ возмездія. Подлость—не повсемѣстна. Въ великой, доброй Россіи есть и люди, есть и справедливость къ заслугамъ; случившееся со мною не примѣръ.

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

217.

Чевельча, 12 іюля 1850 г.

Въ послѣднихъ числахъ іюня я послалъ тебѣ, милый другъ мой Владиміръ, деньги, и писалъ кое-что о продѣлкахъ со мною въ Варшавѣ; теперь мнѣ кажется, какъ бы ничего не было. Предавшись занятіямъ по хозяйству, забылъ и людей, и служебные хлопоты; не знаю даже, что послѣдовало насчетъ моей просьбы, т. е. въ отношеніи эмеритуры; объ увольненіи же меня отъ должности Глав. Дирек. съ мундиромъ читали въ Сѣверной Пчелѣ Ева Яковлевна и Maman.

Не знаю хорошенько, что значитъ, что я увольняюсь отъ должности, а не отъ службы; но видно такое выраженіе принято въ приказахъ, ибо слово: *съ мундиромъ*—объясняетъ, что это отставка, о которой я просилъ, и увѣдомленія о которой ожидаю изъ Варшавы съ мучитель-

нымъ нетерпѣніемъ. Надобно годъ и болѣе посидѣть въ деревнѣ, заплатить долги, а потомъ уже въ Петербургъ. Впрочемъ, еслибы обстоятельства потребовали, поѣхалъ бы и тотчасъ по полученіи указа объ увольненіи.

Всѣ періодическія изданія и газеты, какія выписывалъ я въ Варшаву, тамъ и получаются; мнѣ ихъ пересылать не возможно, да и некому; поэтому прошу тебя, поклонившись отъ меня другу Ѳад. Венед., устрой такъ, чтобы Сѣверную Пчелу и еще какое нибудь періодическое маранье присылали ко мнѣ въ Пирятинъ; заплати за второе полугодіе, а сколько, тотчасъ по полученіи отъ тебя увѣдомленія, деньги вышлю. Въ деревнѣ газеты нужны.

Если хочешь, я пришлю тебѣ послѣднюю мою записку, изъ которой узнаешь, въ чемъ дѣло было, или, лучше сказать, въ чемъ состояла придирка; но скажу, какъ сыну, что какъ бы то ни было, а я такъ буду счастливъ увольненіемъ, какъ другіе побѣдами. Викинскому нужно было дать мое мѣсто, я давно хотѣлъ его оставить, тѣмъ болѣе выслуживши полную эмеритуру; на что же было изобрѣтать причины ускоренія, когда оно само собою пришло бы со стороны моей по утвержденіи эмеритуры?

Будь здоровъ; нѣжно любящій тебя и благословляющій отецъ и другъ

Анд. Стороженко.

Мнѣ секретарствовать крѣпко тяжело; попались два листа; я и написалъ, воображая, что пишу какъ слѣдуетъ. Да ежели чего и не разберешь, не погнѣвайся; послѣ артретизма рука какъ то не ходитъ, а диктовать некому.

218.

Щербаковка, 18 сентября 1850 г.

Посылаю тебѣ, милый другъ мой Вольдемаръ, и доказательство, что я писалъ къ тебѣ обширно; но повторяю, что по непривычкѣ къ секретарству два раза засыпалъ письма, вмѣсто песку, чернилами. Поэтому скажу здѣсь изъ письма нужнѣйшее, если ты его не сможешь прочитать, а именно: что я желалъ бы, дабы ты лѣтомъ поѣхалъ въ Варшаву, а оттуда съ Лизою къ намъ въ Малороссію; что деньги ты получишь недѣли черезъ двѣ; что я, или мы съ Юл. Ив. скакали и въ Кременчугъ, и въ Пирятинъ, чтобы видѣться съ Алек. Павл. Беза-

комъ, но видно онъ, заболѣвши въ Черниговѣ, возвратился въ Петербургъ. Кланяйся ему отъ меня и поцѣлуй ручку Любовь Ивановны.

Кланяйся также Коденцу. Посылаю и залитое письмо, и эту записочку, чтобы не пропустить почты; завтра ѣду обратно въ Чевельчу.

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

Давно приготовленное письмо къ тебѣ, другъ мой Владиміръ, по случаю выѣзда къ вамъ Александра Павловича, посылаю съ нимъ; но мнѣ будетъ досадно, ежели деньги и одинъ день не прійдутъ на терминъ; впрочемъ еще 16 дней.

Я намѣренъ рѣшительно въ генварѣ быть въ Петербургѣ. Пожалуйста собери свѣдѣнія, гдѣ кто живетъ изъ моихъ знакомыхъ; да гдѣ мнѣ будетъ лучше остановиться, и имѣть двѣ теплыя хаты?

Цѣлую и обнимаю тебя.

219.

Чевельча 12 октября 1850 г.

Посылая Григорія на ярмарку въ Пирятинъ, чтобы продалъ тамъ по чемъ только можно жито, я приказалъ ему отправить тебѣ, милый другъ Вольдемаръ, 200 руб. серебр. Вслѣдъ за симъ напишу, а теперь, спѣша отправленіемъ, желаю тебѣ, другъ мой, здоровья и всего, что только можетъ желать отецъ нѣжно, дружески любящій сына

А. Стороженко.

220.

Чевельча 20 октября 1850 г.

Деревенская жизнь имѣетъ много выгодъ, много пріятностей; мнѣ не скучно, даже хорошо. Еслибы я жилъ въ деревнѣ по выбору, было бы еще лучше; но поелику это произошло для уплаты долговъ, нѣтъ простора мыслямъ; онѣ стѣсняются обстоятельствами, устремлены на изыскательность средствъ скорѣе расквитаться, и воображеніе туманится, какъ настоящая Петербургская погода. Впрочемъ наружное довольство во всемъ: домъ меблированъ роскошно, садъ въ порядкѣ; церковь

Божія въ совершенномъ приличіи, иконостасъ сіяетъ позолотою и пѣніе препзрядное; село принимаетъ совсѣмъ иной видъ; въ саду, въ левадахъ и гдѣ только можно посажено мною болѣе 4 т. деревьевъ; вѣчно съ садовыми инструментами, и отъ работы руки такъ дрожатъ, что едва могу писать, за то аппетитъ, нѣтъ изжоги; сплю лучше прежняго; радуюсь Колей и Долей, первый истинно необыкновенный мальчикъ,—увидишь. Они продолжаютъ учиться по французски и по нѣмецки; гувернантка—чистая парижанка, такъ же граціозна, но капризна, какъ большая часть ихъ; а гувернеръ, онъ же учитель музыки и нѣмецкаго языка—истый нѣмецъ, музыкантъ въ душѣ, лѣнивъ, любопытенъ по дѣтски, глуповатъ, какъ многіе сыны Германіи, и, незная по французски, говоритъ съ женой по польски, т. е. kalieczą polszczyznę. Какъ ихъ Богъ снесъ, не понимаю, или столько же понимаю, сколько они другъ друга. Впрочемъ дѣтей скоро надобно учить русской грамотѣ: для этого похлопочи, милый другъ мой Вольдемаръ, отыскать институтку со свѣдѣніями и прилежаніемъ, и что она возьметъ въ годъ, напиши поскорѣе; время насъ не ждетъ. Купи мнѣ садовыя ножницы, пилу, ножницы на шестѣ, для обрѣзыванія высокихъ верхушекъ, а другія для сучьевъ; равно сѣмянъ цвѣточныхъ и огородныхъ у извѣстнаго садовника; чаю фунта два; а деньги тотчасъ вышлю; съ послѣдними опоздали; но со временемъ все устроится. Нельзя ли изъ Петербурга, прислать мнѣ бочку портвейна краснаго, а другую бѣлаго, или бѣлаго францвейна? Освѣдомься, что это будетъ стоить съ пересылкою, и увѣдоми.

Вообрази, мнѣ не выслали и до сего времени ни указа объ отставкѣ, ни эмеритуры, отъ того и неаккуратность въ денежныхъ потребностяхъ; не я виноватъ, ежели ты немножко и понуждаешься, разсчитывай, какъ лучше; впрочемъ за мною не пропадетъ ни гроша.

Лиза и Н. И. не писали еще мнѣ изъ Варшавы; а прочихъ писемъ отъ туда я не читаю, исключая отъ Блюменфельда по имѣнію, которое весною ты посмотришь и разскажешь мнѣ, что видѣлъ и сдѣлалъ

Обнимаю тебя сердцемъ, отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

Если не отыщется гувернантка институтка, то поищи русскаго учителя, который любилъ бы мирную выгодную жизнь роскошной Малороссіи. О первой поговори, поклонившись отъ меня, съ другомъ моимъ, Софіею Алексѣевною.

Пріѣзжай лѣтомъ, если можно.

Препровождаю тебѣ, милый другъ мой Вольдемаръ, отзывъ на мое имя сѣверныхъ изыскателей древности, пребывающихъ въ Копенгагенѣ; я — членъ этого общества, уплатилъ за 10 лѣтъ слѣдуемыя

съ меня деньги, хотѣлъ бы, чтобъ высылали мнѣ экземпляры трудовъ его; но какъ это дѣлается чрезъ С.-П. б., устрой пожалуйста это, и напиши мнѣ о послѣдующемъ,

Припоминаю тебѣ о грамотѣ нашей и гербѣ по герольдіи. Ты служишь въ Сенатѣ, поэтому, полагаю, не трудно тебѣ навести справку по этимъ предметамъ и наставить, какъ мнѣ тутъ дѣйствовать, дабы дошло до герольдіи, и ты бы выхлопоталъ тамъ потомъ дипломъ.

Нѣжно—истинно любящій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

221.

13-е ноября 1850 г. На прошедшей недѣлѣ во вторникъ получилъ я послѣднее письмо Ваше, любезный другъ Рара. Отвѣчаю не вслѣдъ за полученіемъ, потому что хотѣлъ прежде исполнить порученія Ваши, для чего воспользовался свободнымъ утромъ въ субботу. Вотъ результаты: 1) Два фунта чаю отправилъ по почтѣ въ субботу же. 2) Экземпляръ Русскихъ Древностей полученъ по присланному Вами купону и отправленъ сегодня также по почтѣ. Купонъ, на которомъ я расписался въ полученіи одного экземпляра и означилъ новый Вашъ адресъ, оставленъ мною въ конторѣ, такъ что при выходѣ въ свѣтъ новаго выпуска означеннаго сочиненія Вамъ пришлютъ новый купонъ, по которому мнѣ опять можно будетъ получить экземпляръ. 3) Садовый инструментъ купленъ въ лучшемъ магазинѣ англійскихъ произведеній этого рода, но какъ пересылка его, по тяжести, будетъ довольно дорого стоить, то отложилъ отправленіе недѣльки на двѣ, когда у меня будетъ побольше денегъ. 4) Сѣмянъ не купилъ, но посылаю прейсъ-курантъ, на которомъ прошу сдѣлать отмѣтки, какого рода сѣмянъ цвѣточныхъ и огородныхъ желалось бы Вамъ имѣть и въ какомъ, приблизительно, количествѣ и возвратить прейсъ-курантъ, чтобы я тотчасъ могъ переслать Вамъ желаемое. 5) Посылаю также прейсъ-курантъ винамъ изъ погреба англійскаго магазина. Красный портвейнъ можно переслать въ бочкѣ, бѣлый же только въ бутылкахъ. Лучшее время для перевозки — февраль и мартъ мѣсяцы. Опредѣлите количество желаемаго вина числомъ бутылокъ. Оба прейсъ-куранта заложены въ отправленной книгѣ. 6) Софья Алексѣевна Закревская, у которой я былъ вчера, обѣщала поискать институтку, которая согласилась бы ѣхать въ Малороссію. Это порученіе, затруднительнѣйшее изъ всѣхъ, потому что, кромѣ отысканія желающей и приличной не знаешь, какъ ее отправить. Въ этомъ

отношеніи, мнѣ кажется, удобнѣе обратиться въ Кіевъ, Харьковъ или Полтаву — разсадники южныхъ дѣвъ, вѣроятно столько же воспитанныхъ и милыхъ, какъ и наши сѣверныя. 7) Насчетъ грамоты я справлялся въ Герольдіи по первому письму Вашему и не писалъ только за происшедшими между тѣмъ Варшавскими событіями; дѣло въ томъ, что въ Герольдіи нѣтъ еще дѣла о родѣ Стороженковъ; оно, вѣроятно, въ депутатскомъ собраніи Полтавскомъ или Черниговскомъ, гдѣ дополняется справками. Если Вамъ есть возможность списаться по этому предмету съ означенными депутатскими собраніями и ускорить представленіе дѣла въ Сенатъ, то въ Герольдіи я уже похлопочу. Не то, если лѣтомъ мнѣ удастся самому побывать въ Малороссіи, то самъ справлюсь. Изъ приложеній Вы, другъ Рара, увидите издержанное мною. Возвращаю литографированное письмо и другой листокъ для тѣхъ, кто хочетъ увѣковѣчить себя, вписавъ имя свое въ историческій, всеобщій словарь des hommes vivants et des hommes morts. Для насъ русскихъ особенно трудно будетъ наполнить послѣдніе пробѣлы въ этомъ листѣ, а что касается до первыхъ, то таковые не довольно интересны. Давно не было мнѣ такъ пріятно читать письмо Ваше, какъ послѣднее: Вы здоровы, веселы, въ домѣ тоже идетъ все благополучно. Остается только желать, чтобы все въ такомъ видѣ и продолжалось, чего отъ души желаетъ преданный сынъ и другъ

В. Стороженко.

Maman, дѣтокъ и всѣхъ родныхъ обнимаю.

222.

Чевельча 6 декабря 1850 г.

Не получаю и по нынѣ заслуженной и признанной мнѣ эмеритуры; рапортъ мой по сему предмету Свѣтлѣйшему, который я вынужденъ былъ послать въ сентябрѣ, какъ пишутъ, наконецъ, теперь изъ Варшавы, былъ полученъ, положенъ на письменномъ столѣ княжемъ вмѣстѣ съ другими бумагами и потомъ гдѣ то затерялся; я же между тѣмъ нуждаюсь, писалъ другой рапортъ и просто въ коммиссію финансовъ прошеніе; но эти бумаги, можетъ быть, также затеряны; итакъ, какъ говорится, хоть плачь!

Едва могъ собрать 150 руб. с., кои и спѣшу отправить къ тебѣ, другъ мой сердечный Владиміръ, покудова; недѣли чрезъ двѣ-три опять пошлю, что соберу. Ей Богу у меня остается не болѣе трехъ

рублей; такъ я не нуждался и трехъ разъ въ продолженіе всей жизни моей.

Книгъ и прейсъ-курантовъ о винѣ, и о сѣменахъ не получилъ еще.

Мы всѣ, слава Богу, здоровы; сегодня ловили рыбу въ новозаведенномъ мною морѣ; поймали пропасть щукъ, и одна вѣсомъ 20 фунтовъ; дѣти восхищались, катаясь по гладкому льду и вытаскивая рыбу изъ невода; но снѣгу у насъ опять нѣтъ вовсе; страшно, чтобы не было и на слѣдующій годъ подобнаго настоящему неурожая.

Желаю тебѣ, другъ мой, здоровья и счастья по службѣ; дай Богъ весною увидѣться. Блюменфельдъ пишетъ, что на администрацію маіората являются охотники; Лиза и Никол. Иван. также пишутъ о здоровьи, и о Варшавскихъ праздникахъ но, свидѣвшись, можно будетъ поговорить о многомъ, чего съ нетерпѣніемъ ожидаю.

До свиданья! въ слѣдующемъ письмѣ напишу болѣе.

Всѣмъ сердцемъ любящій тебя отецъ и другъ

Анд. Стороженко.

223.

1-е января 1851 г. Естественно очень желаніе лучшаго для себя и для близкихъ, и для выраженія этого желанія нѣтъ благопріятнѣйшей минуты, какъ первое число начавшагося года. Поэтому и привѣтствую Васъ, любезный другъ Рара, подъ новымъ знаменателемъ, подъ цифрою 1851. Будетъ ли благополучнѣе для насъ эта новая единица времени,—окажется въ послѣдствіи, лишь бы небыло хуже, а многое могло быть хуже. Ваше описаніе зимняго деревенскаго развлеченія потѣшило меня: морозное утро, гладкая поверхность пруда, дѣти, скользящія по льду и слѣдящія съ рѣзвымъ любопытствомъ за ловлею рыбы, это картина въ моемъ вкусѣ; дополнивъ ее въ воображеніи красными щеками, веселымъ смѣхомъ, непрерывнымъ движеніемъ, радостными восклицаніями—всѣми свидѣтельствами здоровья и беззаботнаго существованія, нельзя не радоваться. Жаль только, что на свѣтломъ фонѣ этой картины есть темное пятнышко—стѣснительность денежныхъ обстоятельствъ. Не смотря на усердные хлопоты Лизы и Николая Ивановича, заслуженной Вами пенсіи не высылаютъ. Сестра пишетъ мнѣ, что по этому поводу собираются свѣдѣнія, завели переписку съ контролемъ. Вѣроятно, выжидаютъ окончательной повѣрки отчетовъ по управленію; дѣло можетъ еще затянуться на нѣсколько мѣсяцевъ. Досадно,

что помочь этому трудно. Неизвѣстность эта и меня смущаетъ. Отказывая себѣ во всемъ, что составляло до сихъ поръ мои прихоти, переставъ брать англійскіе уроки, выписывать журналы, приглашать того или другого изъ пріятелей къ обѣду, мнѣ всетаки трудно своими средствами покрывать издержки моего образа жизни. Самая обстановка моего быта довольно широкая. При этомъ и не сомнѣваясь нисколько, любезный другъ Рара, въ готовности Вашей помогать мнѣ, не знаю, можно ли мнѣ разсчитывать впредь на такое пособіе, какое я до сихъ поръ отъ Васъ получалъ? Вотъ, по просту, въ чемъ дѣло: при прежнемъ порядкѣ вещей я получалъ отъ Васъ за два мѣсяца впередъ двѣсти рублей, а въ концѣ каждаго мѣсяца выдается мнѣ жалованья по 60 р. с. Изъ присылаемыхъ Вами денегъ уплачивалъ я значительнѣйшіе изъ моихъ расходовъ: выдавалъ по частямъ мебельщику, портному, хозяину дома и т. п. Оставшимся и жалованьемъ покрывалъ мелкія издержки. Послѣ этого ограничиться жалованьемъ и не совсѣмъ регулярнымъ пособіемъ отъ Васъ - трудненько. Поэтому, и не претендуя на то, чтобы Вы, любезный другъ Рара, съ семействомъ стѣсняли себя для меня, желалъ бы однакоже знать положительно, чего мнѣ ждать, а чего не ждать, чтобы сообразно съ этимъ устроить впредь мою жизнь. Благодарю между тѣмъ за присланные полтораста рублей, которые получилъ въ первый день Рождества. Вѣроятно, и Вы уже получили въ настоящую минуту все посланное мною. Инструменты отправилъ 25-го ноября и они должны уже быть теперь на мѣстѣ. Если бы Вы чего не получили во время, увѣдомьте, я наведу справку въ почтамтѣ. Петръ Михайловичъ [1]) отправился на дняхъ къ мѣсту своего назначенія, въ Тулу. Посчастливится ли ему губернаторство? Это одно изъ самыхъ шаткихъ мѣстъ. Государь рекомендовалъ ему Тульскую губернію за добрую. Дмитрію Дарагану Богъ далъ дочку. Природа довольно долго испытывала терпѣніе Дмитрія, за то и счастіе его невыразимо. Вѣроятно, въ скоромъ времени навѣстятъ Васъ въ Чевельчѣ Николай Форрегéръ и Вася Максимовичъ. На дняхъ они отправились отсюда въ Малороссію для свиданія съ родными. Въ Петербургѣ мы видѣлись часто; поэтому они разскажутъ Вамъ обо мнѣ. Изъ знакомыхъ Вашихъ вижусь всего чаще съ Ник. Ограновичемъ, знакомствомъ котораго дорожу, потому что онъ преобязательный человѣкъ. У Безаковъ изрѣдка бываю; Александръ Павловичъ и Любовь Ивановна вспоминаютъ объ Васъ всегда съ удовольствіемъ. Сенаторъ Ситниковъ, который часто видитъ меня въ сенатѣ, всегда распрашиваетъ объ Васъ и поручилъ приглашать Васъ въ Петербургъ, при чемъ выразился однажды такъ:

[1]) Дараганъ.

„здѣсь шутовъ довольно“; но такъ какъ разговоръ происходилъ въ большой залѣ Сената, то отъ двусмысленности послѣдне-сказанныхъ словъ вышелъ пресмѣшной анекдотъ въ лицахъ. Заканчиваю, любезный другъ Рара, пожелавъ Вамъ всего лучшаго. Обнимаю дѣтокъ.

Преданный Вамъ сынъ и другъ

В. Стороженко.

224.

Чевельча 12 генваря 1851 г.

Сейчасъ получилъ поздравленіе твое, милый другъ мой, съ дюжиною наступившихъ мѣсяцевъ; канутъ и они въ вѣчность, а свѣтъ не перестанетъ вращаться тѣмъ же порядкомъ; быть можетъ, фортуна поворотится и ко мнѣ лицевою стороною; истекшій 12-ти-мѣсячный періодъ она стояла ко мнѣ упорно задомъ; но все переходчиво, женщины также образумливаются, – правда не всѣ, однакоже есть примѣры.

Перенесъ я много не въ первый разъ; бывало гораздо хуже: теперь нѣтъ денегъ, за то есть куры, и гуси, и даже запасы, для принятія добрыхъ сосѣдей.

Лиза пишетъ тебѣ о моей эмеритурѣ то, что слышитъ отъ окружающихъ ихъ лицъ воинственныхъ, яко же и самъ, занявшій мое мѣсто; администрація края намъ не подъ нужду; а если бы спросила хотя самаго плохого чиновника цивильнаго, онъ бы растолковалъ, что по самой организаціи дикастерій отчетность нисколько не касается Главныхъ Директоровъ, ибо въ Коммиссіяхъ Правительственныхъ въ Царствѣ нѣтъ ни одного гроша, ни даже казначея; а все вливается въ Банкъ (да будетъ онъ благополученъ) и выдается изъ оного по ассигновкамъ общихъ присутствій. Объ этомъ Викинскій еще не знаетъ и отъ невѣдѣнія произошла остановка.

Что же тутъ могло отнесться ко мнѣ, и за что я терплю нужду, не получая заслуженнаго?

Ты спрашиваешь, другъ мой, какой нормы держаться тебѣ въ твоей финансовой системѣ. Не повторяя о разсчетливой умѣренности, отвѣчаю рѣшительно, что ты будешь получать отъ меня, какъ и получалъ, отъ 7 т. до 8 т. злот. поль. въ годъ, или отъ 1000 до 1200 руб. серебромъ; такъ и располагай свои издержки. Коль скоро начнется моя эмеритура, задержанная недоумѣніемъ, тотчасъ возобновляю прежнюю регулярность въ высылкѣ тебѣ двухмѣсячнаго; въ хозяйствѣ же деревенскомъ это невозможно. Тутъ есть періоды: Роменская ярмарка,

1-го октября уплата отъ сгонщика, еще можетъ быть одинъ терминъ доходовъ непредвидѣнныхъ; всего три термина въ году; въ прочее же будничное время счетъ приходовъ грошовый, — часто въ рублѣ нуждаешься; по этому то соображенію и опытности я служилъ 24 года, да мучился 20 лѣтъ, какъ писалъ однажды Лизѣ, итого, 44 года служебнаго терпѣнія. Результатъ? Но оставимъ глупость и подлость. Правый сердцемъ и поступками останется всегда чистымъ и передъ свѣтомъ, и передъ Богомъ, и той изведетъ изъ тьмы на свѣтъ. Первыя деньги,— скачу въ С.-Петербургъ по бездорожью; не могъ быть и на выборахъ въ Полтавѣ, не могъ высказать правды вступившему акцизному, разсѣявшему по всей Малороссіи жидовъ для улучшенія нравственности народной.

Истинно у меня нѣтъ ни копейки. Писалъ къ Ушаковымъ, чтобы послали тебѣ, дружочекъ, 200 руб. сер. изъ моего жалованья прямо изъ Варшавы. Потерпи, ангелъ мой.

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко

Весною мы тебя ожидаемъ черезъ Варшаву въ Чевельчу.

225.

Чевельча 8 февраля 1851 г.

Не можешь себѣ вообразить только, другъ мой Вольдемаръ, съ какимъ упоительнымъ, успокоивающимъ меня чувствомъ посылаю тебѣ собравшіеся у меня 200 р. сереб. Самъ привыкъ я стерпѣть многое, но мнѣ всегда было больно, если другой нуждается, — и я не въ состояніи помочь. Сколько вредна неразсчетливость, столь необходимы средства для свѣтской жизни, которой обстановка должна быть тщательно обдумана и соображена съ этими немечтательными средствами. Изъ сего слѣдуетъ выводъ и о женитьбѣ. Жду пріѣзда твоего въ Малороссію, которую еще болѣе люблю теперь. Мы вообще, и въ особенности я и Коля, живемъ здѣсь самою пріятною деревенскою жизнью: санная дорога была недѣли три превосходная, накатались вдоволь; а по вечерамъ пожилые играютъ въ вистъ—преферансъ, дѣти же играютъ и поютъ,—къ новому году они выучили для меня двѣ малороссійскія пѣсни вмѣсто всѣхъ музыкальныхъ піесъ, и Коля, не зная все еще достаточно по русски, поетъ отъ души и всегда спрашиваетъ: а Вольдемаръ умѣетъ? Его привязанность къ тебѣ, чисто идеальная, часто

трогаетъ меня до слезъ; когда онъ начнетъ немножко лѣниться, или разсѣяньничать, стоитъ только сказать, что братъ Володя зналъ уже въ его лѣта много, тотчасъ пріймется читать, писать и играть такъ, что не хочетъ уже лежать, или бѣгать. Славный мальчикъ, энергіи пропасть, самолюбія еще болѣе, смѣтливости и любознанія не по лѣтамъ, за то и характера много,—увидишь!

Я просилъ Юлію Ив. послать тебѣ, если, можно изъ моего жалованья, рублей 200 сереб., когда самъ встрѣчалъ невозможность исполнить это;—не знаю, послала-ли она, или нѣтъ? Если-же послала, тѣмъ лучше, ибо до 1-го мая я не буду хлопотать и безпокоиться.

Грошевые деревенскіе доходы—утомительны; но, слава Богу, предписано наконецъ, какъ пишутъ мнѣ Лиза и Блюменфельдъ, отнестись въ Петербургъ въ министерство финансовъ, чтобы оно распорядилось выплатою моей эмеритуры, по жительству моему, изъ Пирятинскаго уѣзднаго казначейства. Теперь ни ты, ни я нуждаться въ необходимомъ не будемъ; надобно только во всякомъ случаѣ беречь денежку на черный день. На свѣтѣ встрѣчаются такія затрудненія, какихъ никакой разумъ не предвидитъ, ибо сила глупости и недоумѣній иногда бываетъ выше всякаго смысла, какъ это и я испытываю; но объ этомъ потолкуемъ при свиданіи.

Всѣмъ сердцемъ любящій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

Мамаша и дѣти цѣлуютъ тебя.

226.

Чевельча 16 марта 1851 г.

Весьма радъ, что сыскалъ средства успокоить тебя, милый другъ мой Вольдемаръ; ты не нуждался и мѣсяцъ; а не правда ли, что тяжело? Да, приводитъ это на мысль цѣлую жизнь мою и русскую правду-„береги денежку на черный день“, которую повторяю при всякомъ подобномъ случаѣ. Вѣрнаго ничего нѣтъ. Какъ бы, кажется, пришлось мнѣ нуждаться, прослужа до эмеритуры 45 лѣтъ? Но встрѣтились недоразумѣнія въ недоброжелательныхъ глупцахъ, и останавливаютъ заслуженное кровью и потомъ за какую то мебель, которой я вовсе не покупалъ; да и свою поручилъ Блюменфельду оставить имъ, если понравится. Эти придѣпки и придирки за то, что я давно не хотѣлъ служить среди интригъ, подлости, страховъ и между тѣмъ лѣни и невѣдѣнія, поселили во мнѣ такое пренебреженіе къ лицамъ, что гадаю, пуститься ли въ дорогу, а съѣздить къ вамъ надобно.

Ты прислалъ мнѣ прейсъ-курантъ сѣменамъ цвѣточнымъ и огороднымъ; въ февралѣ я послалъ выписку, что мнѣ нужно, и 20 руб. серебромъ, по адресу, при семъ прилагаемому, въ чемъ прилагаю также и квитанцію съ почты; но ничего не выслано и по нынѣ; справься пожалуйста, что это за оказія, и, если нужно, подай прошеніе въ полицію, чтобъ деньги мои не пропали.

У насъ идетъ по хозяйственнымъ доходамъ все крѣпко плохо. Съ 1-го генваря у меня продано водки всего 62 ведра, когда прежде продавалось 1000. Причиною акцизъ. Не знаю, какъ казнѣ выручить свое, и чѣмъ кончатъ откупщики акцизные; я думаю, какъ та, такъ и другіе—запишутъ недоборъ въ долговую книгу. Мнѣ съ перваго взгляда казалось что-то очень мудрено, чтобы вмѣсто 500 т. руб. сер., платимыхъ Полтав. губерн. за право винокуренія, можно было откупщикамъ, хотя бы это былъ и Позенъ, вытянуть одной казенной откупкой сумму въ 1,260,000 руб. серебр. А администрація откупа, а издержки? Да это пропасть неизмѣримая! Говорятъ, въ обезпеченіе казны есть залоги, да въ какомъ же откушѣ, или поставкѣ нѣтъ ихъ? Но сколько и коммиссіонеровъ подъ судомъ, а антрепренеровъ въ тюрьмахъ за долги, или банкротовъ. Система виннаго откупа издавна не оправдывается самимъ правительствомъ; всякая монополія неразлучна съ продѣлками; разлитіе сѣмени іудейскаго по краю православному, исключая польскихъ губерній и Царства, доселѣ ограничивалось разными мѣрами; въ этомъ духѣ Императрица Елисавета воспретила рѣшительно жидамъ селиться въ Малороссіи, что повторяла и Императрица Екатерина; эти трутни, не пріобрѣтая трудами рукъ ничего, живутъ трудами другихъ, т. е. обманомъ. Монархи всегда знали это и въ благомъ попеченіи о крестьянахъ ограничивали евреевъ мѣстностями для нихъ. Теперь Позенъ, взявши на откупъ акцизъ, передалъ его жидамъ, разсѣявъ по Малороссіи племя это; и такъ, нѣтъ сельца, гдѣ бы не было жидковъ акцизныхъ надзирателями, надсмотрщиками винокуренъ и подваловъ, и растлителями народной нравственности. Я истый малороссіянинъ, люблю всѣмъ сердцемъ родину; не хочу припоминать при этомъ ея исторіи; благоговѣю къ намѣренію Правительства уменьшить пьянство; нахожу нужнымъ для этого возвышеніе, сдѣланное на содержаніи шинковъ, ибо вмѣсто 10 руб. сер. въ годъ мы платимъ нынѣ отъ 25 до 35 руб. за шинокъ, отъ чего число ихъ дѣйствительно умалилось на $^3/_5$: козачьи села, гдѣ было шинковъ по 30, теперь довольствуются однимъ, а много двумя,—это хорошо и въ ограниченіи праздности; но жиды по деревнямъ для меня удушье; неужели для того, что Позенъ купилъ имѣніе въ Малороссіи и тѣмъ пріобрѣлъ здѣшнее гражданство, нужно было позволить и жидамъ разсѣяться по деревнямъ? Пусть бы они жили себѣ по городамъ.

Собственно я отъ акциза ничего не теряю; какъ продавалась у меня водка по шинкамъ 1 р. 50 к. сер. ведро, такъ и теперь продается, хотя сосѣди и нарекаютъ на низкую цѣну; скота на бардѣ я прибавилъ; пиво идетъ вчетверо лучше, и только бездорожье общее производитъ застой во всемъ. Извини, заговорился. Дай Богъ, чтобъ ты былъ здоровъ; цѣлую и обнимаю тебя.

Истинный другъ твой и отецъ

Анд. Стороженко.

Maman и дѣти обнимаютъ тебя. Блюменфельдъ третьяго дня уѣхалъ отъ насъ, пробывши около мѣсяца. Онъ добрый, благодарный и вездѣ приличный.

227.

6 апрѣля 1851 года. Письмо Ваше, любезный другъ Рара, отъ 16-го марта, получилъ только 4-го апрѣля. Медленность почты объясняется временемъ и дорогами. При этомъ невольно вспомнишь о маленькой статейкѣ, написанной Вами о дорогахъ въ Россіи. Дѣйствительно, учрежденіе и облегченіе *путей сообщенія* должно быть нашею главною заботою, важнѣйшею, чѣмъ улучшеніе *публичныхъ зданій*. Изъ двухъ эпитетовъ главнаго управленія можно было бы охотно пожертвовать послѣднимъ въ пользу перваго. Впрочемъ говорятъ объ открытіи московской желѣзной дороги въ августѣ мѣсяцѣ, и между тѣмъ приступаютъ уже къ работѣ для устроенія такой же дороги между Петербургомъ и Варшавою. Въ проектѣ опредѣленъ пятилѣтній срокъ для ея окончанія. Это было бы большою заслугою г. Герсфельда, которому поручено сооруженіе. Хотя обѣ дороги минуютъ Малороссію, но не можетъ быть, чтобы такія огромныя работы не имѣли вліянія и на удаленныя отъ нихъ мѣста. Въ промышленный умъ человѣческій и русскій въ особенности нельзя не имѣть вѣры послѣ всего того, что сдѣлано уже въ послѣднее десятилѣтіе. Какъ скоро начали уже обнаруживаться результаты новой акцизной системы въ Малороссіи! Можетъ быть, она будетъ имѣть и благодѣтельное вліяніе на мѣстное хозяйство, принудивъ его къ отысканію новыхъ исключительныхъ доходовъ. Въ мірѣ экономическомъ, какъ и во всемъ, своя неумолимая логика! Все на свѣтѣ имѣетъ свое время,—наступилъ чередъ выставокъ. Въ теченіе поста устроена была въ Петербургѣ выставка художественныхъ произведеній и рѣдкостей, находящихся въ частныхъ рукахъ. Какое богатство! особенно, если принять въ соображеніе, что выставлена мо-

жетъ быть только сотая доля того, чѣмъ владѣютъ частныя лица. Жаль, что Васъ, любезный Рара, не было здѣсь; увѣренъ, что Вы бы пріобрѣли многое кое-что для пополненія Вашей картинной галлереи. Продавалось много хорошихъ вещей, въ особенности новѣйшихъ школъ живописи и скульптуры. По этому поводу, т. е. по поводу возбужденныхъ художественныхъ идей и желаній, мнѣ очень хотѣлось имѣть какое нибудь хорошее сочиненіе о живописи и къ моему великому удовольствію я нашелъ: „Histoire des Peintres“. Эта книга, напечатанная на прекраснѣйшей веленевой бумагѣ, въ 8-ю долю листа, содержитъ въ себѣ біографіи живописцевъ съ прекрасными литографіями лучшихъ картинъ этихъ живописцевъ. Литографіи такъ хороши, что даютъ возможность судить о подлинникѣ. Сочиненіе это будетъ весьма большое; въ настоящее время вышло листовъ сорокъ. На выставкѣ случился со мною слѣдующій анекдотъ: подходитъ ко мнѣ толстенькій господинъ, съ черными бакенбардами и Владиміромъ на шеѣ—явленіе не столь рѣдкое въ Петербургѣ, и проситъ позволенія обнять меня; сначала я оторопѣлъ отъ такого страннаго желанія, но полосатая лента меня успокоила. Мы обнялись, а затѣмъ онъ объяснилъ мнѣ, что онъ секретарь академіи Григоровичъ, и любитъ Васъ уважаетъ и проситъ передать Вамъ выраженіе его глубокой преданности. Вы мнѣ писали однажды, любезный Рара, о томъ, что Вамъ хотѣлось бы имѣть гувернантку русскую. Съ тѣхъ поръ случилось вотъ что: Анна Мих. Дараганъ сдѣлана начальницею института гувернантокъ при воспитательномъ домѣ. Лѣтомъ будетъ въ этомъ институтѣ выпускъ изъ 60-ти дѣвицъ; можно выбрать лучшую. Если намѣренія Ваши не измѣнились въ этомъ отношеніи, то увѣдомьте. Я у источника, часто бываю у Анны Мих., которую съ каждымъ днемъ болѣе уважаю. Какія у нея дѣти, такъ это просто чудо! Что касается до коммиссіи о сѣменахъ, то въ настоящую минуту они вѣроятно получены, а можетъ быть нѣкоторые уже и въ землѣ, гдѣ совершаютъ свою чудную метаморфозу. Пакетъ съ нѣсколькими въ 6 фун. вѣсу отправленъ на Ваше имя въ Пирятинъ 3-го марта. Г. Симъ кажется честнымъ человѣкомъ; онъ имѣлъ однако же несчастіе потерять въ одинъ день жену и ребенка—несчастіе, которое не могло не отразиться на дѣлахъ его. Желаю Вамъ пріятно провести праздники, обнимаю Васъ, цѣлую дѣтокъ и Maman. Преданный сынъ Вашъ В. Стороженко.

228.

Чевельча 12 апрѣля 1851 г.

Давно не получалъ ни изъ Варшавы, ни отъ тебя, другъ мой Владиміръ, писемъ; а въ деревнѣ въ этомъ отношеніи человѣкъ разсчитываетъ время аккуратнѣе, нежели въ городѣ, гдѣ разнообразіе въ жизни часто суетитъ до забвенія.

Весна у насъ началась рано и погода самая благопріятная, зазеленѣло уже; я почти не выхожу изъ саду; на моемъ морѣ (прудѣ) утокъ разнаго рода бездна; Коля и Доля цѣлуютъ тебя, занимаясь полоніемъ своихъ грядокъ, и собираніемъ цикорія и разныхъ салатъ; здоровье Maman также теперь, благодаря милосерднаго Создателя, пошло какъ-то лучше; объ эмеритурѣ получена уже бумага въ Пирятинскомъ казначействѣ, но до 1-го мая денегъ не получу; впрочемъ доходы есть кое-какіе. Одна бѣда, это гувернеры: француженка презлая, а нѣмецъ такая скотина, какихъ я не встрѣчалъ даже и между грубыми нѣмцами; какой же тутъ примѣръ и наука дѣтямъ? 1-го іюня кончается срокъ контракту; я и одного дня не оставлю ихъ при дѣтяхъ; но гдѣ найду другихъ, или по крайней мѣрѣ одну, или одного преподавателя? Это меня мучитъ.

Мой бородатый Handwerker, колотя изъ всѣхъ силъ по клавишамъ фортепьяновъ въ подражаніе Листу и другимъ нѣмецкимъ барабаннымъ старостамъ этого инструмента (или молотильни), который для меня оглушителенъ и несносенъ, порвалъ почти всѣ струны на обоихъ моихъ роялях. Поспѣши пожалуйста, другъ мой, выслать мнѣ полный аккордъ струнъ на одинъ фортепьянъ, чтобы нѣмецъ, предъ отправленіемъ его mit Flöten und Trompeten, навязалъ мнѣ ихъ; онъ оселъ прелѣнивый, слѣдовательно, ему нужно время направить намъ испорченное, а потому и прошу, какъ можно поспѣшить высылкою аккорда.

Что будетъ это все стоить, разочтусь 1-го мая.

Цѣлую, обнимаю и благословляю тебя.

Отецъ и другъ твой

А. Стороженко.

229.

Щербаковка 26 апрѣля 1851 г.

Недавно я писалъ къ тебѣ, милый другъ мой Владиміръ,—и ожидалъ струнъ; а какъ время пришло,—посылаю тебѣ на май 200 р. серебромъ. Я пріѣхалъ въ Щербаковку, чтобы получить изъ Пирятинскаго казначейства причитающуюся мнѣ эмеритуру; послѣзавтра получу ее наконецъ, послѣ всѣхъ продѣлокъ со стороны Варшавскихъ благопріятелей Между тѣмъ былъ на имянинахъ Гр. Ст. Тарновскаго; жаль, что не было тамъ стараго друга моего Андрея Степ. Милорадовича, а была только супруга его; впрочемъ земляковъ и родственниковъ стеклось множество; Романовичи тебѣ кланяются, равно какъ всѣ, кто тебя знаетъ. Похвалы тебѣ меня восхищали; домъ Тарновскаго, въ томъ числѣ и Юлія Васильевна [1]), сказывали, что ты былъ у нихъ въ Петербургѣ,—это хорошо. Для меня изъ дѣвицъ были самыя интересныя: дочь почтеннаго, вѣчная ему память, истиннаго друга Елисея Акимовича Троцыны, и молоденькая Скоропадская, дочь покойнаго Якова. Танцуютъ здѣсь до упаду. Угощеніе до сыта. Я видѣлъ и нѣкоторыя хозяйственныя статьи богатаго господина: и у насъ есть чѣмъ похвалиться кромѣ деньги. Спѣшу отправить деньги; въ слѣдующемъ письмѣ напишу болѣе. Будь здоровъ, - чего и успѣховъ по службѣ желаетъ тебѣ благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко

230.

Чевельча 28 мая 1851 г.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочиталъ извѣстіе отъ тебя, любезнѣйшій сынъ мой, что ты можешь побывать скоро въ Малороссіи. До половины іюля я сижу у себя въ Чевельчѣ, а потомъ полтора мѣсяца, т. е. до конца августа, располагаю купаться въ Одессѣ, въ морѣ, куда вся моя семья ѣдетъ съ восхищеніемъ, хотя и дома мы не скучаемъ. Гувернеры мои, помучивши насъ годъ, выбрались въ Полтаву; а мы договорили къ дѣткамъ одну замѣчательно образованную дѣвицу, и особо для присмотра за Колею молоденькаго парижанина, коими доселѣ я очень доволенъ. Хозяйство мое, сколько занимаетъ меня, столько и двигается успѣшно. Лошадиный заводъ, надѣюсь, скоро

[1]) Тарновская, впослѣдствіи по мужу Смирнова.

сдѣлается однимъ изъ первыхъ въ краѣ, овцы прекрасныя,—и урожаи этого года удовлетворительные; - запасы устрою такіе, чтобы никогда уже не нуждаться въ продовольствіи живого инвентаря. Труды все превозмогаютъ; а я хлопочу съ утра до вечера. Если Господь поможетъ расплатиться съ долгами,—проживу припѣваючи.

До свиданья! цѣлую и благословляю тебя отецъ твой и другъ

Андрей Стороженко.

Струны получили; пожалуйста купи мнѣ нѣсколько банокъ микстуры: Skuda-moora. Здѣсь ея достать нельзя; въ артритизмѣ она необходима: я такъ боюсь припадковъ, что готовъ глотать все. Я думаю, что скуда-мора есть у васъ и въ аптекахъ, и въ англійскомъ магазинѣ; но лучше сдѣлай это посредствомъ медика. Да не сыщешь ли, по сношеніямъ твоимъ съ Дерптскими, какого нибудь садовника, не то и въ Петербургѣ, только, чтобы онъ былъ и огородникъ. Въ деревнѣ такой человѣкъ необходимъ, и ты могъ бы привезти его съ собою; за всѣ твои издержки—посчитаюсь съ признательностью. Еще разъ обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ.

231.

Чевельча 16 іюня 1851 г.

Жду и не могу дождаться извѣстія отъ тебя, милый другъ мой Вольдемаръ; каково ты былъ встрѣченъ, и какъ начались дѣла твои? Завтра выѣзжаю въ Ромны, куда приглашаютъ меня, дабы объясниться и приготовиться насчетъ гнетущаго край акциза, за который и откупщики врядъ ли не останутся въ долговой книгѣ. Въ сентябрѣ предполагаю побывать въ Одессѣ.

Вручитель сего Владиміръ Яковлевичъ Нечай, родной братъ свояка моего, гостилъ у насъ съ недѣлю; онъ разскажетъ тебѣ о насъ; а потому и не пишу много, оставляя многое для отвѣта на письмо твое, коего ожидаю съ нетерпѣніемъ, а еще болѣе желалъ бы видѣть тебя.

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

232.

Щербаковка 12 августа 1851 г.

Глаза плохи,—руки не повинуются; становится труднѣе и труднѣе писать мнѣ своеручно. Вчера я получилъ отъ тебя письмо, милый другъ мой Вольдемаръ; деньги портному въ С. П. Б. отправлю въ 1-хъ числахъ сентября, получивши уплату за степь отъ сгонщика, и вышлю тебѣ долгъ мой. Въ Ромнахъ шерсть продана дешево; ѣдучи туда, былъ на именинахъ у брата Иліи; у него домъ новый на славу, и угощалъ онъ насъ со всѣмъ радушіемъ. Въ Ромны приглашали меня извѣстнѣйшіе изъ согражданъ моихъ для совѣщаній по многимъ хозяйственнымъ въ краѣ предметамъ; но единодушія я не нашелъ; равнодушіе къ пользамъ общимъ и эгоизмъ и у насъ проявляются, какъ и вездѣ въ настоящую эпоху; въ Ромнахъ былъ также и генералъ-губернаторъ Кокошкинъ; со мною обошелся онъ пріятельски, но обѣдывало у него не болѣе 6 человѣкъ насъ; жаль,что онъ настаиваетъ перевести Роменскую ярмарку въ Полтаву; по этому я говорилъ съ нимъ много; но какъ по сему есть уже Высочайшій указъ, то всѣ разсужденія запоздалыя, развѣ торговцы встрѣтятъ тутъ затрудненія, чего ожидать можно, какъ и невозможности акцизнымъ откупщикамъ платить 1,260.000 р. сер. въ годъ и содержать на столько же пьявокъ, что составляетъ до 5 милліоновъ. Столько денегъ рѣшительно въ краѣ нѣтъ. Мнѣ надобно заложить Щербаковку, чтобы заплатить долгъ Николаю Ивановичу; дѣло это, весьма ясное, длится въ Пирятинскихъ присутственныхъ мѣстахъ болѣе года; объ этомъ я также говорилъ (не жалуясь отнюдь) генер. Кокошкину и объяснилъ, что недвижимыя небольшія имѣнія всѣ въ опекахъ, что нѣтъ столько опекуновъ, сколько требуется, и что Пирятинъ, напримѣръ, и двухъ домовъ порядочныхъ не имѣетъ, а присутственныхъ мѣстъ въ немъ до 20-ти. Пока не сотворится у насъ гипотека и не составятся кредитныя земскія товарищества, въ чемъ нѣтъ никакихъ затрудненій, потуда не будетъ денежныхъ оборотовъ въ краѣ; и залоги имѣній будутъ всегда дѣлаться безвременно.

Цѣлую, обнимаю и благословляю тебя. Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

Трудно писать, но къ тебѣ, другъ мой, лишь бы начать, пишется и пишется.

233.

Чевельча 20 августа 1851 г.

Получа письмо твое, милый другъ мой Вольдемаръ, я тотчасъ же отправилъ 200 руб. серебр. въ С. П. Б. твоему портному, въ чемъ и росписку съ Пирятинской почты при семъ прилагаю. Въ уплатѣ долговъ необходима строгая точность; тогда будетъ и кредитъ на случай крайности.

Анна Евгеньевна недавно была у насъ; я собираюсь съѣздить къ ней, ибо она въ наступающемъ сентябрѣ выѣзжаетъ опять въ Москву. Не могу сказать положительно, когда мы можемъ поѣхать въ Одессу. Все зависитъ отъ денегъ, а у меня ихъ нѣтъ. Въ сентябрѣ получу отъ сгонщика за степы, и тотчасъ же долженъ буду отправить 250 руб. сер. Романовичу, и 600 руб процентовъ Лизѣ и Ник. Ив. Право, бьюсь, какъ рыба объ ледъ.

Мы всѣ, слава Богу, здоровы, чего и тебѣ желаемъ. Трудись, другъ мой, и Богъ благословитъ труды твои.

Всѣмъ сердцемъ любящій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

На дняхъ получилъ я самое дружеское письмо отъ Терезы. Она пишетъ, что старшая дочь ея Марія выросла съ нее; а Блюменфельдъ говоритъ, что Марія красавица.

Тереза привѣтствуетъ тебя дружески.

Виктору Яковлевичу Рашевскому, если увидишь, поклонись отъ меня.

234.

Щербаковка 18 сентября 1851 г.

Долгъ платежомъ красенъ. Посылаю тебѣ, милый другъ мой Вольдемаръ, недоданные 50 руб. серебромъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить отъ тебя два письма; на одно, кажется, я отвѣчалъ, а на послѣднее пишу нѣсколько строкъ только, ибо спѣшу въ Пирятинъ на почту.

Отъ Николая Ивановича получилъ вчера извѣстіе, что милой Лизѣ нашей лучше. Дай Господи! Юлія Ивановна начала крѣпко страдать грудью; впрочемъ всѣ, слава Богу, здоровы, только добрѣйшая бабушка таетъ,— правда и лѣта такія; а мнѣ это наводитъ грусть.

Въ Одессу, какъ я писалъ тебѣ, намъ ѣхать невозможно: нѣтъ столько денегъ; а ежели бы ты прискакалъ къ намъ, пока дорога, хоть на нѣсколько дней, чрезвычайно обрадовалъ бы благословляющаго тебя отца и друга А. Стороженко.

235.

Чевельча 30 октября 1851 года.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю, милый другъ мой Вольдемаръ, заѣзда твоего къ намъ, по пути въ Петербургъ, [1]) куда и я въ половинѣ декабря располагаю выѣхать непремѣнно.

Посылаю тебѣ при семъ 200 руб. сер. Недавно было здѣсь и у насъ Михай. Михай. Дараганъ; при выѣздѣ его изъ Варшавы Лиза еще не возвращалась изъ Парижа; но ее ожидалъ каждый день Николай Иванов. У насъ все благополучно; Ева Яковлевна встала съ постели, и поправляется, какъ можно въ исходѣ 8-го десятка. Иванъ Петровичъ возвратился изъ Одессы и былъ у насъ съ Коденцами; младшій т. е. Дмитрій Ѳедоров.— плохъ, жаль мнѣ его бѣдняжку.

До пріятнѣйшаго свиданья! Всею душею любящій тебя и благословляющій отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

Его Пр-ву Сенатору [2]) засвидѣтельствуй мое особенное почтеніе.

236.

Чевельча 24 генваря 1852 г.

Сейчасъ, милый другъ мой Вольдемаръ, сажусь въ экипажъ, и пускаюсь чрезъ Полтаву, Харьковъ и Москву въ С.-Петербургъ, гдѣ остановлюсь у А. П. Безака. Они просятъ меня.

Въ Петерб. пробуду до твоего возвращенія; [3]) заѣзжай въ Чевельчу. Пиши ко мнѣ.

Всѣмъ сердцемъ любящій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

---

[1]) Изъ Херсона. [2]) Фонъ-Брадке. [3]) Изъ Херсона.

237.

7-е апрѣля 1852 г. Надѣюсь, любезный другъ Рара, что Вы благополучно прибыли домой и отдыхаете теперь послѣ трудной дороги. Чичаговъ привезъ намъ извѣстіе о томъ, что, пробывъ три дня въ Москвѣ, Вы отправились въ дальнѣйшій путь. Каковъ то былъ этотъ путь? Черезъ нѣсколько лѣтъ путешествіе и по Россіи не будетъ, вѣроятно, представлять большихъ трудностей. Къ свѣдѣніямъ, которыя Вы получили о Ѳеодосійской дорогѣ отъ сенатора Ковалевскаго могу присовокупить, что послѣ того проэктъ былъ въ разсмотрѣніи особаго. комитета подъ предсѣдательствомъ Его Высочества Наслѣдника и прошелъ въ ономъ благополучно, такъ что, вѣроятно, на дняхъ послѣдуетъ утвержденіе, а между тѣмъ составилось уже, говорятъ, общество для сооруженія дороги между Москвою и Харьковомъ. Генералъ губернаторъ Кокошкинъ еще здѣсь. Въ среду на страстной недѣли, т. е. на четвертый день послѣ Вашего отъѣзда пріѣхалъ Князь,[1]) но врядъ ли это можетъ заставить Васъ сожалѣть о поспѣшномъ выѣздѣ. Короткое время пребыванія его здѣсь—до вторника на Ѳоминой, и праздничное время, врядъ ли были-бы благопріятны для свиданія и дѣлового разговора. Отъ Петра Николаевича [2]) старался я разузнать что либо объ указѣ Вашемъ и онъ мнѣ сказалъ, что за нѣсколько дней до выѣзда Князя изъ Варшавы дѣла по этому предмету уже не было на столѣ у Князя, изъ чего П. Н. заключаетъ, что указъ, можетъ быть, и подписанъ Княземъ. Напомнить Князю объ этомъ было бы очень трудно, такъ какъ онъ избѣгалъ всякаго разговора о томъ, что касается Вашей отставки. Вчера умеръ Вронченко; поговариваютъ о товарищѣ его Брокѣ, какъ о новомъ М-рѣ ф-въ, но это еще разговоры. На мѣсто Гилленшмита назначили Корфа, Д-ра Д-та В-хъ П-ій, а Александру Павловичу послѣ разныхъ сердобольныхъ увѣреній дали синюю ленту. Гр. Клейнмихель не выѣзжаетъ. Государь Императоръ былъ у графини на праздникахъ; на этотъ разъ она его вывезетъ. Мое дѣло идетъ довольно удачно; сенаторъ былъ у М-ра, который обѣщалъ, тотчасъ по полученію мною коллежскаго ассесора, ходатайствовать о назначеніѣ меня въ К. Ю. Въ такомъ смыслѣ сдѣлано и представленіе отъ сенатора. Такимъ образомъ къ осени я могу быть и назначеннымъ, что весьма кстати, ибо къ этому времени, еели не будетъ новыхъ препятствій, я могу прилично устроиться. Сегодня начинаю мою сенатскую службу, а въ четвергъ, 10-го, переѣзжаю на прежнюю квартиру на В. О., 8 лин. въ д. Гедике, куда прошу впредь адресовать письма. Цѣлую Maman и дѣтокъ. Благодарю Maman за родственный и дружескій пріемъ, мнѣ сдѣланный. На первое время дѣтямъ будетъ что

[1]) Паскевичъ. [2]) Очкина.

читать, а съ Ограновичемъ вышлю еще книгъ. Френкеля встрѣчалъ разъ на улицѣ и передалъ ему Вашъ поклонъ, потомъ былъ у него, но не засталъ дома, на дняхъ опять попытаюсь.

Обнимаю Васъ, любезный другъ Рара, и прошу любить преданнаго Вамъ сына и друга

В. Стороженко.

238.

28 апрѣля 1852 г.

Сколько письмо твое, милый другъ мой Вольдемаръ, утѣшило меня, столько было досадно, что не могъ тотчасъ отвѣчать тебѣ. Страшная дорога, ужасная погода и невыносимые тарантасы задурили меня; а на мѣстѣ глаза такъ разболѣлись, что принужденъ былъ носить повязку. Благодарю Милосерднѣйшаго Создателя, споспѣшествовавшаго добраться до дому. Много разъ я приходилъ въ отчаяніе: къ чему нужны у насъ зимою шоссе? Дома нашелъ всѣхъ здоровыми; дѣтки заиграли мнѣ украинскую пѣсню, я забылъ бы всѣ невзгоды пути, если бы встрѣтилъ солнышко; но у насъ до сихъ поръ проливные дожди, бури, холода; ѣхалъ же я отъ Прилукъ санями.

До полученія письма твоего Никол. Иван. извѣстилъ меня, что указъ подписанъ былъ Княземъ на страстной (коего я однакоже не получаю) и переданъ въ коммиссію для отправленія, и что онъ, т. е. Н. И. поручилъ хлопотать по этому Блюменфельду (который такъ же не написалъ еще мнѣ ни строчки). А Очкинъ сказалъ тебѣ только, что проекта указа онъ не видѣлъ уже болѣе у Князя на столѣ передъ его отъѣздомъ. Неужели онъ не могъ спросить по этому кого нибудь въ Совѣтѣ? Тутъ Булгаринъ правъ. Я готовъ былъ всегда хлопотать и не о друзьяхъ, и не о родственникахъ; а обо мнѣ никто слова не промолвилъ. Но объ этомъ дрянномъ свѣтѣ и говорить не стоитъ. Люди не измѣнятъ правилъ человѣка прямо честнаго и не сдѣлаютъ злымъ добраго, — могутъ только произвести въ немъ горькое сожалѣніе; что такъ же старо, какъ свѣтъ.

Поклонись отъ меня: Н. С. Ограновичу, Ѳ. Ѳ. Киселеву и В. А. Владиславлеву, и скажи, что я каждаго изъ нихъ ожидаю съ дружескими объятіями.

Увѣдомь меня о гр. Петрѣ Андреев.: бываешь ли ты у него и какъ кончилось дѣло о желѣзной дорогѣ? Видѣлъ ли ты Френкеля?

Лиза обѣщаетъ пріѣхать къ намъ къ 1 іюня; какъ ты думаешь!

Засвидѣтельствуй мое истинное почтеніе: Аннѣ Михайловнѣ, [1]) Капгерамъ и Медемамъ, а Лизу [2]) и фаворита моего Ваню [3]) поцѣлуй, первую въ ручку, а послѣдняго въ быстрые его глазенки. Поклонись Петру Яковлевичу, [4]) Михай. Никол., [5]) Дмитрію Ивановичу [6]) и всѣмъ близкимъ нашимъ.

Благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

239.

Щербаковка 20 іюня 1852 г.

Милый, сердечный другъ мой Вольдемаръ! Душею хотѣлъ бы побесѣдовать съ тобою; но нѣтъ достаточно для того времени; а предъ этимъ было его еще менѣе. Насъ посѣтили въ Чевельчѣ Александръ Павловичъ, Никол. Степан, и Степ. Степ. Ограновичи, Селецкій, князь Кантакузенъ, М. А. Бѣлуха и проч. Цѣлая недѣля прошла въ деревенскомъ обществѣ. Послѣ обрадовали меня пріѣздомъ Лиза и Маня, — опять женскіе визиты; едва едва могъ я выбраться въ Щербаковку; и тутъ хлопоты: косовица, хозяйство вообще и опять посѣщенія; на силу собрался написать тебѣ. Лиза худа тѣломъ, но здорова умомъ и душею; въ деревнѣ, въ беззаботной жизни она отдохнетъ и поправится; Маня—рѣзвая, разумная дѣвочка; дѣти летаютъ по травнику и ожидаютъ съ нетерпѣніемъ фруктовъ, которые подаютъ надежду: и въ Чевельчѣ, и въ Щербаковкѣ ихъ бездна,—равно баштаны.

Юлія Ивановна на дняхъ получаетъ паспортъ за границу; ежели рѣшится поѣхать, провожаю ее до Варшавской желѣзной дороги, о чемъ извѣщу тебя. Отъ Никол. Иван. вчера получилъ письмо; онъ сбирается въ Малороссію въ концѣ іюля; Лиза же, быть можетъ, останется съ нами и на зиму по видамъ переселенія нашего на это время, т. е. до весны, въ Одессу. Во всякомъ случаѣ, ежели выхватитъ финансовъ, я хотѣлъ бы и въ этомъ году побывать въ С. П. Б.; надобно высмотрѣть, не встрѣтится ли чего сообразнаго съ дѣломъ и готовностію къ нему. Хлопотать мнѣ теперь не о чемъ: какъ пріймутъ меня въ Варшавѣ, все равно. Спасибо за извѣстіе о гр. Петрѣ Андреевичѣ; хотѣлось бы знать что либо подробнѣе; хорошо бы, если бы ты могъ побывать у

---

[1]) Дараганъ; [2]) Елисавету Петровну Дараганъ, бывшую потомъ замужемъ за генераломъ Веревкинымъ; [3]) Ивана Петровича Дарагана; [4]) фонъ-Фоку; [5]) Краснокутскому; [6]) Дарагану.

него; но подобныхъ порученій я не даю тебѣ, пока не убѣдишься въ необходимости ихъ, *состоя на службѣ*. Не повторяю также и о Евграфѣ Петровичѣ; поступай, какъ знаешь; держись только нашихъ съ тобою общихъ постановленій. Увѣдомь тотчасъ о полученіи 1-го іюля денегъ отъ Блюменфельда, и о противномъ тому, если бы, паче всякаго чаянія, что случилось.

Любовь Ивановнѣ засвидѣтельствуй мою преданность. Она не отвѣчаетъ мнѣ на два письма, здорова ли она?

Пожелавъ тебѣ, другу моему, всѣхъ благъ, цѣлую и благословляю тебя. Отецъ и другъ А. Стороженко.

Былъ ли ты у Павла Яковл. Куприянова, и что онъ говорилъ тебѣ, особенно насчетъ откупа нашего акцизнаго?

Пришли мнѣ адресъ свой по новому переселенію съ Васильевскаго.

240.

Варшава $^{15}/_{27}$ *іюля 1852 г.*

Сегодня, сердечный другъ мой Вольдемаръ, отправляю тебѣ 800 руб. сереб. и сегодня же въ вечеру выѣзжаемъ въ Малороссію. Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ! Пиши ко мнѣ, а въ августѣ ожидаю результатовъ твоей командировки. Да обрадуетъ меня Господь помощію тебѣ въ твоемъ повышеніи.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя. Отецъ твой и другъ

Андрей Стороженко.

P. S. Maman отправилась въ Эмсъ.

Отправляю къ Вамъ деньги, добрѣйшій Владиміръ Андреевичъ, спѣшу объяснить Вамъ разсчетъ, по которому Рара посылаетъ 800 р. с.— Итакъ:

За январь, февраль, мартъ и апрѣль, какъ говоритъ А. Я., Вы получили уже 400 р. с. Добавивши къ тому нынѣ посылаемые 800 р., будетъ 1,200 р. с. Поелику же Рара положилъ Вамъ по 1500 р. с. въ годъ, то остальные 300 р. за 1852-й годъ пошлетъ Вамъ уже изъ Чевельчи, какъ самъ мнѣ сказалъ.

Обнимаю Васъ отъ всего сердца, преданный Вамъ

А. Блюменфельдъ.

241.

Чевельча 30 іюля 1852 г.

Изъ Варшавы, посылая деньги, я писалъ къ тебѣ, милый другъ мой Владиміръ, нѣсколько словъ, и отдалъ Никол. Иван. записку для отправленія тебѣ. Послѣ того Maman сѣла на желѣзную дорогу въ Эмсъ; а я оставался съ недѣлю въ Варшавѣ, гдѣ принимали меня всѣ безъ изъятія, какъ прослужившаго тамъ близъ 20 лѣтъ съ цѣлію и готовностію быть полезнымъ по крайней возможности. Всѣ извѣстія, получаемыя мною оттуда, и дѣлавшія мнѣ столько огорченій, были преувеличиваемы близорукостію, а, можетъ быть, и завистію, что подтвердилось общимъ, можно сказать, радушіемъ. Еще пробылъ бы съ пріятелями, но въ городѣ холера; между тѣмъ нужно спѣшить домой къ уборкѣ хлѣбовъ. Итакъ мы пустились съ Никол. Иван. и М. М. Дараганомъ въ нашу Малороссію; хотѣлъ было ѣхать въ Полтаву на ярмарку; но истинно изнемогъ отъ скачки 2000 верстъ и зноя нестерпимаго.

Въ Чевельчѣ я не засталъ дѣтокъ: они недѣли 3 проживали въ Новакахъ и только на 3-ій день моего пріѣзда возвратились здоровыми и веселенькими; вслѣдъ за ними пріѣхалъ Николай Иван., а Лизу я увижу 6-го августа. Въ Лубнахъ ярмарка на Спаса; изъ Новаковъ я буду ѣздить въ Лубны и сдѣлаю тамъ необходимыя въ хозяйствѣ заготовленія.

Вчера я получилъ послѣднее письмо твое. Ни Александръ Павловичъ, ни Любовь Ивановна не писали еще мнѣ ни строчки.

У насъ славно: плодовъ древесныхъ бездна, а земные посредственны. Не успѣлъ еще всего осмотрѣть, двинулъ однакоже, что было нужно; безъ хозяина все идетъ какъ то неловко; въ хозяйствѣ дѣятельность почти нужнѣе, нежели въ службѣ. Даромъ ничто не приходится.

Наступаетъ августъ; жду результатовъ твоей службы; дай Господи, чтобы они были наградою за труды и посвященіе себя дѣлу.

Пиши ко мнѣ, какъ можно чаще. Это для меня истинное удовольствіе. Доля и Коля цѣлуютъ тебя.

Всѣмъ сердцемъ любящій тебя и благословляющій отецъ и другъ

А. Стороженко.

242.

1-е августа 1852 г. Признаюсь, любезный другъ Рара, подвижность Ваша даже превзошла мои предположенія. Я воображалъ Васъ въ Чевельчанскомъ саду, гдѣ нибудь надъ озеромъ, въ бесѣдѣ съ Лизою объ устройствахъ въ новомъ ея хозяйствѣ, а, между тѣмъ, въ то самое время Вы, можетъ быть, гуляли и совсѣмъ въ другомъ обществѣ въ Лазенковскихъ аллеяхъ. Браво! Поѣздки разнообразятъ жизнь и умножаютъ запасъ впечатлѣній. Что касается до результатовъ, то я никакихъ и не ожидалъ, но мнѣ чрезвычайно пріятно было узнать, что Вы нашли въ Варшавѣ много людей преданныхъ, которые посѣщали Васъ по просту, изъ желанія Васъ видѣть. Maman, я думаю, была въ восторгѣ, что вырвалась на бѣлый свѣтъ. Привычка къ городской жизни сильнѣе у нея всѣхъ другихъ желаній и разсчетовъ. Посмотримъ, какъ то выдержитъ Лиза однообразіе деревни? До сихъ поръ, къ моему великому удовольствію, она храбрится. Желалъ бы очень, чтобы новая дѣятельность, хотя временно, наполнила ея существованіе и чтобы въ мирныхъ занятіяхъ она утратила ту тревожность духа, которая преждевременно сдѣлаетъ ее старухою. Анна Михайловна пробыла только мѣсяцъ въ деревнѣ и возвратилась окрѣпнувшею и безъ головныхъ болей, которыми въ послѣднее время сильно страдала. Благодарю за присылку денегъ. Сумма довольно значительная; не безъ того, чтобы и я не вообразилъ себя въ настоящую минуту Крезомъ, и чтобы не убѣдился въ скорости, что всему на свѣтѣ есть конецъ, но при ежемѣсячномъ полученіи жалованья нуждаться я не буду, а между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ возможно теперь покрыть значительные и необходимые расходы, какъ напр. на бѣлье, котораго не дѣлалъ себѣ съ послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ. Пришлось издержать нѣсколько и на устройство новаго моего помѣщенія, которое вышло препаршивое, такъ что смѣло можно оставаться въ такомъ положеніи нѣсколько лѣтъ, даже если сдѣлаютъ и камеръ-юнкеромъ. Адресъ мой на Офицерской улицѣ, что у большаго театра, въ д. г-жи Багъ. Квартира, которую я было пріискалъ себѣ, оказалась совершенно неудобною, едва нашелъ другую, хотя и нѣсколько отдаленнѣе отъ центра города, и съ недѣлю уже живу въ ней. Полагаю, что если бы Вы пріѣхали въ Петербургъ, то и сами нашли бы удобнымъ помѣститься у меня, что мнѣ было бы, какъ Вы себѣ легко представить можете, чрезвычайно пріятно. Новостей изъ внѣшней жизни никакихъ сообщить Вамъ не имѣю; придворныя извѣстія, пріемъ иностранныхъ гостей, которыхъ встрѣчаешь по улицамъ толпами, военныя упражненія и увеселенія— обо всемъ этомъ и тому подобномъ доходятъ до меня только темные

слухи. Относительно должнаго пособія, полученнаго мною отъ Васъ, не правда ли, любезный Рара, Вы хотѣли распорядиться такъ: годъ считать отъ іюля до іюля, количество не менѣе 1200 р., получать изъ маіоратныхъ доходовъ, а въ случаѣ другого имъ назначенія отъ Васъ? Это ради положительной извѣстности. Обнимаю Васъ, любезный другъ Рара, цѣлую дѣтокъ и поручаю себя памяти всѣхъ родныхъ.

Преданный Вашъ сынъ и другъ

В. Стороженко.

243.

Чевельча 30 августа 1852 г.

Съ Лизой мы разстались, милый другъ мой Владиміръ, передъ отъѣздомъ моимъ въ Варшаву: я поѣхалъ провожать Maman, а Лиза, забравши дѣтокъ (которыя возвратились по моемъ пріѣздѣ), на другой день отправилась къ себѣ въ Новаки, и съ тѣхъ поръ въ Чевельчѣ не была; они крѣпко принялись устраивать пепелище, но имѣнія у Томары все еще не покупаютъ,—жаль будетъ, если упустятъ такую смежность; подобные случаи рѣдки; лучше переплатить, нежели упустить. Николай Иванов. говоритъ, что у него нѣтъ денегъ. На нѣтъ и суда нѣтъ. 6 августа, во время Лубенской ярмарки, я гостилъ у нихъ нѣсколько дней; домъ отдѣланъ и меблированъ славно, балконъ огромный, садъ по мѣстоположенію рѣдкій; но нужно имѣть больше крестьянъ, чтобы его содержать въ порядкѣ; по всему Томарино имѣніе необходимо.

У насъ все благополучно; сборъ хлѣбовъ однакоже въ половину противу прошлогодняго, за то фруктовъ бездна. Возъ арбузовъ, или дынь, 30 к. сер., вишенъ, или сливъ, ведро 4 коп. сереб.

Въ Варшавѣ меня принимали всѣ безъ изъятія такъ, что много разъ слезы признательности текли изъ глазъ, притупленныхъ 20-лѣтнимъ трудомъ тамъ, для мечтаемой, такъ сладко, пользы общей; на отъѣздномъ прощаньи видѣлся я и съ Княземъ; онъ, кажись, убѣждается въ низкихъ интригахъ противу меня; но сознательность, возвышенность въ характерѣ и правота въ сердцѣ, даже добромъ отъ природы, заглушаются счастіемъ; а шопотъ и вліяніе нѣсколькихъ окружающихъ, несчастнаго выбора, вяжутъ добрую волю. Бываютъ эпохи, необъяснимыя и въ послѣдствіи. Народы ихъ переживаютъ; жизнь же человѣка кратка, какъ мигъ въ вѣчности.

Въ Варшавѣ холера ужасная; при мнѣ заболѣвало человѣкъ по 100 въ сутки, а теперь, какъ вижу изъ Куріерка, по 500 и болѣе. Да

охранитъ Творецъ Милосерднѣйшій насъ отъ зла, загнѣздившагося въ Европѣ; 20 лѣтъ уже страшной эпохи.

Письмо твое, добрый другъ мой, я получилъ вчера; ждалъ его немного долгенько. Назначенныя деньги ты будешь получать, или изъ маіората, или отъ меня (не ровенъ случай) аккуратно. Ты долженъ бы убѣдиться, что я рабъ порядка. Августъ прошелъ, не вижу производства твоего и камеръ-юнкерства; они прійдутъ, но мнѣ жаль, что я положилъ съ тобою давать тебѣ по 10 т. злот. поль. въ годъ, а дослалъ только 800 руб. сереб., по производствѣ же тотчасъ получишь остальные положенные 300 руб. Да не покажется странность эта смѣшною; и въ бездѣлкахъ должны быть правила.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

Александру Павловичу и Любовь Ивановнѣ засвидѣтельствуй мое дружеское къ нимъ расположеніе. Только, что они не пишутъ ко мнѣ.

Побывай у Павла Яковл. Купріянова и напиши, что онъ скажетъ, о выданномъ мнѣ, послѣ всѣхъ толковъ, самомъ лестномъ свидѣтельствѣ, и о бытности моей въ Варшавѣ.

244.

Чевельча 11 сентября 1852 г.

Сегодня Лиза, Никол. Ив. и Маня послѣ обѣда, на которомъ были сверхъ домашнихъ моихъ Николай Степановичъ съ братомъ, выѣхали въ Новаки, прогостивъ у меня дней нѣсколько, чтобы 16 с. м. отправиться къ Любинькѣ [1]), а оттуда уже прямо пуститься въ Варшаву, гдѣ, какъ имъ пишутъ, эпидемія оканчивается; я читаю въ Куріеркѣ, что все однако же умираетъ тамъ въ сутки не менѣе 50 человѣкъ. Это крѣпко меня тревожитъ; видя нервные страхи Лизы, не знаю, какъ она поѣдетъ въ Варшаву; но совѣтовать противное рѣшительно удержался, ибо Н. И. этого хочетъ. Да сохранитъ ихъ Творецъ Милосерднѣйшій! Послѣ обѣда я тотчасъ съ ними распрощался, пошелъ спать, а между тѣмъ они выѣхали. Заснуть я не могъ, сердце было не на мѣстѣ. Сколько безпокойныхъ дней пройдетъ, пока получу отъ нихъ успокоительное извѣстіе. Нѣтъ, любовь родителей къ дѣтямъ чувство неизобразимое; объ немъ не писали столько, сколько о любви романтической, а если и писали, то слишкомъ поверхностно, безъ унесеній за предѣлы, идеже буяетъ несытое воображеніе влюбленнаго, готоваго съѣсть мыла кусокъ вмѣсто сахару.

[1]) Романовичъ, въ с. Монастырищѣ Нѣжинскаго уѣзда.

Теперь я остался совершенно одинъ съ дѣтками, кои учатся у Албена и у Каролины музыкѣ и по нѣмецки. Maman изъ Эмса, по приговору медиковъ, поѣхала въ Парижъ, рѣшаясь на операцію, ибо на груди начали оказываться и наружные признаки страшной болѣзни. Ничего не пожалѣю, лишь бы Богъ далъ ей освободиться отъ вѣчно грозящей опасности, чему быть свидѣтелемъ съ дѣтьми болѣе, нежели тягостно. Катер. Михайл. (Искра) послѣ 13-лѣтняго у насъ пребыванія, повѣтрилась, наконецъ, не взирая ни на исходную слабость 80-лѣтней матери, ни на просьбы Юл. Иван. не оставлять безъ необходимаго будто бы женскаго попеченія дѣтей, въ Атаки, гдѣ, по увѣренію чувствительной нѣмки, гувернантки у Елисаветы Михайловны, очень geselig и весело; радуюсь, что ее сманило отъ меня elisium бессарабское; Maman оставила на мѣсто ея при дѣтяхъ m-lle Клейгильсъ; но и эта отправилась, какъ говоритъ, дней на десять, по роднымъ; итакъ я заступаю и няньку, что истинно меня занимаетъ и сосредоточиваетъ. У меня есть докторъ, знающій, но такой мрачный, что тоску наводитъ. Нельзя ли тебѣ, по дерптскимъ связямъ, договорить тамъ какого нибудь юнаго сына Эскулапова? Напиши, мой милый другъ, по этому ко мнѣ скорѣе; побывай у Алекс. Павл. и Люб. Иван. [1]), поклонись имъ отъ меня; и ознаменовывай откровенно чувства къ нѣжно любящему тебя отцу и другу А. Стороженко.

245.

Чевельча 12 октября 1852 г.

Знаю, милый другъ мой Вольдемаръ, что никакой умъ не въ силахъ обратить теченія, катящагося хотя бы и въ болота, изъ коихъ впослѣдствіи образовываются чистые источники, и даже рѣки. Но, обращаясь иногда лицомъ къ протекшему, грустно разстаешься съ нимъ, между тѣмъ, какъ оглядывающіеся туда же безсознательно—встрѣчаются съ своимъ тыломъ и думаютъ: темно, у насъ впереди свѣтлѣе. Да было бы еще свѣтлѣе, если бы черпали и присоединяли свѣтъ прежнихъ опытовъ къ блестящему только настоящему.

Судьбы смертныхъ—неисповѣдимы; сказано кѣмъ то, что физическое зло есть молотъ, ударяющій по массѣ, чтобы выколотить изъ нея добро умственное. Cogito ergo sum! Погружаясь въ думы, я рѣдко обращаюсь къ себѣ собственно—такъ мало цѣню мое существованіе; за всѣмъ тѣмъ однако же иногда приходитъ въ голову, что пригото-

[1]) Безаковъ.

вленіе къ дѣлу, опытность и умѣніе трудиться съ прямымъ видѣніемъ пользы—сгодились бы и для нынѣшнихъ дѣлателей.

Если хлопотать съ забвеніемъ себя, то лучше уже для общественнаго, хотя бы и мнимаго, нежели для частностей. Послѣ заслуженнаго аттестата, послѣ пріема въ Варшавѣ, я думаю, когда бываю здоровъ, о службѣ; но и безъ этого обойдется. Впрочемъ какое мѣсто? Но судьба опредѣлила мнѣ не такъ. Самоотверженіе (resignation), высказанное Шиллеромъ, теперь еще болѣе меня восхищаетъ, навѣвая грусть и былое невозвратное.

Тяжко я работалъ до старости, мечтая, что приготовляю себѣ покойный уголъ, неприхотливый достатокъ и свободу селянина; но судьба и тутъ кидаетъ подъ ноги и въ изголовье столько каменьевъ, что ходить трудно, а спать жестко. Болѣзнь Maman, заботы о всякой мелочи въ домѣ, необходимая бдительность по хозяйству не успокаиваютъ; воспитаніе дѣтей требуетъ многаго; да и учить ихъ въ деревнѣ становится весьма неудовлетворительнымъ; выѣхать же въ городъ пока нѣтъ средствъ, ибо надобно быть готовымъ на издержки, а не издерживать. Итакъ, міръ полонъ благъ и добра, міръ полонъ красоты, но человѣкъ есть рабъ житейской суеты. Не думай однако же, мыслящій сынъ мой и другъ, чтобы ропотъ, или сѣтованіе вкрались и на минуту въ вѣрующее сердце мое. Всевѣдущій, испытуяй, укрѣпляетъ волю твердую.

Если я не нуженъ, тѣмъ менѣе нужны мнѣ равнодушные къ заслугамъ. Повторяю, мнѣ нужно бы жить въ городѣ для дѣтокъ, и для этого я готовъ бы трудиться по прежнему, дабы имѣть болѣе средствъ.

О докторѣ, надобно, чтобы онъ объявилъ сколько и что хочетъ, а не мнѣ предлагать это. Я платилъ разнымъ и 1000, и 1500 руб. въ годъ, сверхъ того пара коней для ближайшихъ практическихъ поѣздокъ, прислуга, выгодное помѣщеніе съ свѣтломъ и отапливаніемъ, столъ и пр. Напиши скорѣе подробно по этому предмету.

Цѣлую, обнимаю и благословляю тебя отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

Поцѣлуй ручку Любовь Ивановны за обѣщаніе написать мнѣ и засвидѣтельствуй родственное мое расположеніе почтеннѣйшему Александру Павловичу, засвидѣтельствуй мое почтеніе Аннѣ Михайловнѣ, и достойнѣйшимъ Капгерамъ, и Петру Яковлевичу, равно Дмитрію Ивановичу и Каролинѣ Карловнѣ.

246.

Чевельча 4 ноября 1852 г.

Ты никогда, другъ мой Вольдемаръ, не слыхалъ отъ меня и не читалъ въ письмахъ моихъ, чтобы я думалъ о тебѣ иначе, какъ можетъ думать отецъ, достойно любящій сына. Желанія мои лучшаго для тебя и совѣты проистекаютъ изъ того же источника, или прямо изъ любящаго тебя сердца. Человѣкъ обязанъ искать пріобрѣтеній (способовъ жизни) на старость, съ которою неразлучны и привычки,—ихъ необходимо удалять отъ себя на пути достиженій. Долговременныя осады турецкихъ крѣпостей и умственная при этомъ бездѣйственность усвоили мнѣ привычку курить безпрестанно трубку; сколько я терпѣлъ отъ нея! Бывая въ обществахъ, гдѣ могъ извлечь для себя многое, видѣлъ, что все расположилось въ пользу мою; но захотѣлось трубки, и я оставлялъ для нея всѣ впечатлѣнія, произведенныя усиліями разума и искательности. Пока молодъ, пока служишь, или разыгрываешь разныя роли на сценѣ свѣта въ различныхъ слояхъ его, необходимо искать людей, обществъ ихъ; чѣмъ они обширнѣе, тѣмъ лучше; изъ впечатлѣній въ нихъ составляется наука жизни; а малый кружекъ, хотя бы онъ былъ и по сердцу, замыкаетъ передъ тобою просторъ и дѣлаетъ одностороннимъ, не любопытнымъ, и для самого себя безполезнымъ. Привычки, повторяю, свойственны старости; но и въ ней надобно съ ними сидѣть дома. Скажешь: чтобы бывать въ обществахъ, надобно имѣть средства. Отвѣтомъ на это мое я—голое до 45 лѣтъ отъ роду. Подъ обществомъ я не разумѣю высшаго круга, гдѣ ни о чемъ болѣе не говорятъ, какъ о Дворѣ и о новыхъ возвышеніяхъ мнимыхъ аристократовъ; но круги ученыхъ, средніе пріятельскіе, литературные съ артистами, дѣловыхъ людей и любезныхъ женщинъ, не влюбляющихся, сколько поучительны, столько и пріятны.

Набросавши при свѣчахъ этотъ отвѣтъ на письмо твое, милый другъ, сегодня получилъ коротенькое, въ которомъ увѣдомляешь о желѣзной дорогѣ, и заключаешь его съ участіемъ, чтобы я отгонялъ отъ себя скуку. Мнѣ скучно только то, что по вечерамъ ни читать, ни писать не могу; впрочемъ я всегда умѣлъ покориться предопредѣленію. Переѣхалъ бы въ Одессу; но отъ Maman нѣтъ никакихъ извѣстій, можетъ быть, она, не взирая на необходимость лѣчиться, уже на пути къ намъ. Если утвердится желѣзн. дор., необходимо ѣхать къ вамъ, иначе ничего не будетъ; но для этого нужны деньги и здоровье.

Скоро ли тебя произведутъ? Это болѣе всего меня занимаетъ. Пиши тотчасъ по производствѣ; я твой должникъ, и всею душею любящій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

Напиши, что разскажетъ Н. С. Ограновичъ объ Алексѣѣ Петровичѣ, и что послѣдній говорилъ обо мнѣ. Искреннее мое привѣтствіе достойнѣйшему Евграфу Петровичу, Аннѣ Михайловнѣ, уважаемымъ мною Капгерамъ, и всѣмъ близкимъ намъ. Видѣлъ ли ты генер. Павла Яковлевича Куприянова?

247.

Щербаковка 20 декабря 1852 г.

Тяжело, другъ мой Владиміръ, на старость быть спутаннымъ обстоятельствами. Во всякомъ письмѣ я писалъ Maman, чтобы она, пріѣхавши въ Парижъ для серіознаго лѣченія, оставалась тамъ до результата болѣзни, а особенно, если опоздаетъ, чтобы осенью не пускалась въ дорогу; деньги же я присылать буду. Самъ располагалъ ѣхать съ дѣтками въ Одессу. Жду писемъ, проходитъ октябрь, дороги сдѣлались непроѣздными, якоже и до нынѣ; наконецъ, получаю увѣдомленіе, что Maman въ Варшавѣ, больна крѣпко, и чтобы я пріѣхалъ туда на зиму съ дѣтьми. Просто подурѣли! Теперь и до Пирятина доѣхать не легко; на какомъ же экипажѣ не по шоссе, а по топямъ и болотамъ можно въ эту пору ѣхать? Да я не довезъ бы слабенькаго Колю и до Кіева. А въ Варшавѣ чему и у кого дѣти бы учились? Родина ихъ и наша Малороссія; Польша хороша для поляковъ, кончающихъ вѣчное бѣсованье Сибирью. Или въ Одессѣ, или въ Москвѣ, или Петербургѣ дѣти мои должны приготовляться къ грядущей жизни; иначе меня угрызала бы совѣсть, что не умѣлъ поставить ихъ на путь, по которому какъ пойдутъ потомъ, это уже отъ нихъ самихъ зависѣть будетъ. При томъ же гдѣ у меня средства на подобныя перекочевыванія? Едва свожу концы съ концами. Но дѣлать нечего, самъ съѣзжу въ Варшаву. Сегодня получаю за четверть года мою эмеритуру; слѣдовательно денегъ для дороги будетъ достаточно. До сего и тебѣ, другъ мой, я никакъ не могъ послать ничего; теперь же съ радостію удовлетворяю твою просьбу, а разсчетъ: сего 852 г. марта 20 д. ты получилъ отъ меня 400 руб. сереб , изъ Варшавы 20 іюля 800 руб. сер., итого 1200 руб., а 300 оставляю, какъ сказалъ, до твоего производства, Поэтому съ марта по іюль ты получаешь теперь 400 руб., съ іюля же, хотя бы и не произвели, будешь получать съ маіората 10 т. злот. въ годъ или 1500 руб. сереб. Если бы случилась какая нибудь въ этомъ остановка, повторяю, получишь ихъ отъ меня. Доселѣ изъ маіората платились долги, которые, благодаря Бога, наконецъ, всѣ тамъ уплочены.

На камеръ-юнкерскій мундиръ тотчасъ вышлю особо. Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя.

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

Пожалуйста хлопочи найдѣятельнѣйше о докторѣ; хотя я бы поѣхалъ и въ Одессу, онъ нуженъ въ имѣніи.

248.

Варшава $\frac{10}{22}$ *февраля 1853 г.*

Прибывши сюда недѣли три тому назадъ, я нашелъ Maman едва двигающеюся. Послѣ того были перемѣны съ нею и худшія; но теперь, благодаря Бога, она ходитъ, выѣхать однакоже и по болѣзни ея, и по пути, который самъ я едва вынесъ, прежде марта не можемъ. Не знаю, какъ бы лучше: ѣхать ли ей на Вѣну и Дунаемъ и моремъ въ Одессу, или чрезъ Чевельчу въ Одессу, чтобы взять туда и дѣтокъ, за которыми, при страданіи, она крѣпко скучаетъ; а я привезти ихъ живыми не могъ бы и не могу раньше мая. Мы живемъ здѣсь надъ Лизою у добраго Блюменфельда; долго такъ жить трудно, какъ на бивуакахъ въ степяхъ Азійскихъ. Что дѣлать. Долженъ поселиться въ Одессѣ, разстаться съ устроенною мною на старость Чевельчею. Это никогда не входило мнѣ въ голову.

На письмо твое, милый другъ мой Владиміръ, ко мнѣ и къ Лизѣ, скажу: дѣлай себѣ какъ лучше, только старайся оставить за собою какъ можно болѣе времени для Малороссіи. Поѣздка за границу какъ то суха; впрочемъ всякій смотритъ на предметы съ своей точки зрѣнія, и то, что мнѣ кажется скучнымъ, какъ Варшава, тебѣ можетъ доставить удовольствіе, чего я во всякомъ случаѣ сердечно желаю. Теперь всего серіознѣе тебѣ надобно думать о повышеніяхъ, чтобы не брать паспорта за границу тѣмъ же титулярнымъ совѣтникомъ; по моему, ты чинъ уже выслужилъ. Дай только Богъ, чтобъ былъ здоровъ, чего желаетъ, благословляя и обнимая тебя отецъ твой и другъ

Анд. Стороженко.

О докторѣ отъ тебя ни слуху, ни духу, а какъ крайне онъ нуженъ! Пожалуйста напиши въ Варшаву мнѣ, на чемъ стало дѣло.

249.

Варшава 25 марта 1853 г.

Не отвѣчалъ тебѣ тотчасъ, милый другъ мой Вольдемаръ, по слѣдующей причинѣ: писавши къ тебѣ много разъ о договорѣ для насъ доктора, не получилъ удовлетворительнаго отвѣта; поэтому, прибывши въ Варшаву, началъ искать Эскулапа; одного было и нашелъ, но, увидѣвши ближе вѣчное затрудненіе его, какъ быть съ собственными руками, не рѣшился повѣрить имъ тѣлеса наши. Разговоры и искательства продолжались, и бывающій у Лизы и у Н. И. курляндецъ баронъ Беръ вызвался написать о докторѣ къ своимъ, а я рѣшился ожидать результата его корреспонденціи. Между тѣмъ получаю отъ тебя увѣдомленіе, что искомый представляется, къ Беру же пишутъ, что и въ Курляндіи есть охотники; подобный оборотъ въ дѣлѣ для меня затруднителенъ. За всѣмъ тѣмъ однакоже держусь твоей находки. Спишись, сколько я долженъ выслать денегъ на дорогу, что исполню тотчасъ, возвратившись въ Малороссію. Когда нѣмецъ располагаетъ пуститься въ Чевельчу? Вѣроятно изъ С. П. Б., условившись тамъ съ тобою окончательно? При этомъ не надобно упускать ничего изъ виду и порѣшить: ежели онъ будетъ имѣть практику (въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія), то какъ онъ будетъ считать жалованье отъ меня? Во всякомъ случаѣ безъ практики я буду платить 500 руб. сер., а если онъ ее пріобрѣтетъ, то всегда 400 руб. сер., что предоставляю его деликатности и аккуратности нѣмецкой.

Здѣшніе медики рѣшили, что Maman должна ѣхать на лѣто заграницу, а я къ дѣтямъ; только Богъ вѣсть, когда выберусь изъ сугробовъ снѣгу, которыми мартъ завалилъ Варшаву, а слѣдовательно и путь въ Малороссію. Хоть плачь, такъ соскучился здѣсь. Краснокутскіе также сидятъ тутъ и ждутъ тепла. Миша малый дѣльный и добрый, дай Богъ ему оправиться. Теперь насчетъ твоего отпуска: поелику на дняхъ должно выйти твое производство, то къ 1-му мая нужно тебѣ выхлопотать отпускъ и ѣхать раннею весною, или чрезъ Москву, Харьковъ и Полтаву ко мнѣ (тогда можешь взять съ собою и доктора), или же въ Варшаву. Въ первомъ случаѣ, ты бы мѣсяца два погостилъ въ Малороссіи, а августъ и сентябрь (и даже раньше) могъ бы быть и за границей; во второмъ, нужно бы быть въ концѣ іюня у меня, ибо осенью ѣздить по Россіи—плохо. Впрочемъ, какъ разсудишь. Одно желаніе отца и друга обнять тебя и наговориться.

А. Стороженко.

Повторяю: во всякомъ случаѣ на первый разъ я даю 500 руб.

P. S. Пусть на твое молчаніе и говорятъ, что писали къ тебѣ нѣсколько разъ. Паспортъ я получилъ и передалъ имъ тотчасъ. Изъ деревни мнѣ пишутъ, что крестьянинъ Игнатій прибылъ туда изъ Петербурга. На отпускную для женщинъ я еще не рѣшаюсь, а прошу тебя написать мнѣ предварительно, какую нужно соблюсти при этомъ формальность. Прощай, мой милый другъ, обнимаю тебя сердечно. Роднымъ передай нашъ поклонъ и скажи, что мы писали къ нимъ недавно. Преданный тебѣ Н. Ушаковъ.

250.

Чевельча 19 апрѣля 1853 г.

Христосъ воскресъ! милый другъ мой Вольдемаръ. Наканунѣ праздника приплылъ я къ дѣткамъ. Они, слава Богу, здоровы! А Maman ѣдетъ опять за границу; болѣзнь ея, а пуще Варшава—истомили меня; дорога ужасная; но здѣсь подъ распускающимися деревьями отдохну. Поѣздка Maman за границу въ другой разъ, жизнь варшавская и дорога много стоятъ; такъ что принужденъ былъ въ Варшавѣ занять. Отсюда же первое спѣшу послать тебѣ при семъ триста рублей серебромъ. О докторѣ, и еще о докторѣ, коего ожидаю съ нетерпѣніемъ, и до прибытія его не отказываю безнравственному италіянцу. Я привезъ гувернантку и дюка; съ ними ѣхать было не совсѣмъ ловко.

Ты обѣщаешь пріѣхать, увижусь съ восхищеніемъ; между тѣмъ напишу по полученіи отъ тебя извѣстія. До свиданья! Писать болѣе некогда. Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя.

Отецъ и другъ твой

Андрей Стороженко.

251.

Чевельча 10 мая 1853 г.

Сколько радости, милый другъ мой Вольдемаръ, что ты вступилъ на дорогу, ведущую къ выгоднѣйшему слѣдующему, что сталъ на ряду съ товарищами юношества твоего, и что все это пріобрѣтено собственными достоинствами безъ всякой протекціи, столько печалюсь, что не могу послать вдругъ всей тысячи рубл. сереб. Зима безпутная воспрепятствовала купившимъ у меня разные продукты забрать ихъ, а потому и получены мною одни задатки; но черезъ недѣлю надѣюсь полу-

чить всѣ деньги и тотчасъ вышлю обѣщанныя тебѣ. 1-го іюля ты получишь изъ маіората отъ Блюменфельда 1500 руб. сереб., 300 же руб. сер. вѣрно уже получилъ ты. Повѣришь ли, другъ мой, что я остаюсь съ 35 руб ,—такъ исчерпались источники поѣздкою въ Варшаву, трехъмѣсячнымъ тамъ житьемъ и отправленіемъ бѣдной Maman за границу. Она хотѣла возвратиться въ Чевельчу; но доктора рѣшили, что она не въ состояніи проѣхать и одной почтовой станціи. Вотъ неожиданное мнѣ горе и лишенія на старость!

Ежели вздумаешь сперва ѣхать въ Варшаву, пожалуйста вышли мнѣ доктора тотчасъ, онъ необходимъ; что же далъ ему, разсчитаемся по прибытіи твоемъ ко мнѣ. Мнѣ кажется, что лучше было бы тебѣ начать Малороссіей, на Москву и Харьковъ, а отсюда уже ѣхать въ Варшаву, и шоссе, удобнымъ во всякое время возвратиться въ С. П. Б.; впрочемъ какъ знаешь. Лиза сбирается за границу; но поѣдетъ ли? Разцѣлуй отъ меня ручки достойнѣйшей Анны Михайловны; она первая обрадовала меня извѣщеніемъ о твоемъ камеръ-юнкерствѣ. Это болѣе, нежели обязательно, болѣе, нежели родственно.

Ты писалъ мнѣ, чтобы я посредствомъ Френкеля устроилъ высылку тебѣ денегъ. Банкиры хороши въ обоюдныхъ интересахъ, а въ нуждѣ не дай Богъ имѣть съ ними дѣла. Я люблю Френкеля, имѣю къ нему вѣру; но, выѣзжая изъ Варшавы, еслибъ не Бауергерцъ, предложившій мнѣ съ радушіемъ 1200 руб. сереб., я бы былъ въ величайшемъ затрудненіи, и вѣрно ни у кого бы не взялъ безъ большихъ процентовъ. Не надѣйся ни на кого, кромѣ себя!

Повторяю просьбу мою о скорѣйшей присылкѣ, или привозѣ съ собою доктора. Да купи мнѣ въ русскомъ магазинѣ, въ Гостинномъ ряду, помады и одеколона, заѣзжай въ контору редакціи Сѣверной Пчелы, въ домѣ Греча, и спроси, отчего не высылается мнѣ журналъ *Москвитянинъ*, когда я послалъ на это въ редакцію деньги? До пріятнѣйшаго свиданія! При семъ 500 руб. сереб. Черезъ нѣсколько дней еще столько же. Устрой отъѣздъ доктора. Обнимающій и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

Я поручилъ Григорію, везущему это на почту, дабы онъ, если окажутся въ шинкахъ деньги, и сколько бы ни собралось, отослалъ тебѣ на доктора.

252.

Чевельча 12 мая 1853 г.

Ожидаю Лизы съ Маней; хозяйничаю и работаю въ саду цѣлое утро и вечеръ. Рай наша Украина! Сдѣлалось тепло, пошли дождики, и все зазеленѣло; деревья покрылись бѣлыми душистыми цвѣтами; воздухъ благоухаетъ; ночь тихая, теплая; темно-синее небо подъ кровомъ своимъ все покоитъ, только соловьи фантастическимъ свистомъ перекликаются. Я всегда любилъ сельскую жизнь, а подъстарость благоговѣйно восхищаюсь природою. Надо, милый другъ Вольдемаръ, побывать тебѣ здѣсь въ концѣ мая, пожить нѣсколько, и югъ будетъ манить тебя къ себѣ. Впрочемъ человѣкъ истинно отъ себя не зависитъ. Мнѣ также приходится по крайней мѣрѣ каждые полгода проживать въ Одессѣ, иначе не выучу дѣтей, хотя мы теперь имѣемъ при нихъ и дѣльнаго гувернера, и музыкантшу нѣмку; сверхъ того есть у насъ докторъ италіянецъ съ 15-лѣтнею прехорошенькою дочкою; она гуляетъ съ дѣтьми, рѣзвится, какъ они, и говоритъ иностранными языками прекрасно.

Паспортъ для Maman еще не присланъ; а мой аттестатъ о службѣ я получилъ по гражданскимъ инстанціямъ съ засвидѣтельствованіемъ князя-намѣстника самымъ удовлетворительнѣйшимъ образомъ для меня; теперь можно уже провожать Maman до варшавской желѣзной дороги. Всѣ глупые толки и двусмысленность кончились. Великая наука умѣть ждать. Крѣпко тяжело мнѣ было въ Петербургѣ, куда опять осенью думаю поѣхать; но сперва надобно побывать въ Варшавѣ, и увидѣть тамъ, что предпринять далѣе.

Не хлопочи, другъ мой, о камеръ-юнкерскомъ мундирѣ; лишь бы произвели и сдѣлали придворнымъ. Деньги буду копить, чтобъ не поставить тебя и въ малѣйшее затрудненіе. Ты лучше знаешь, нужно ли тебѣ лошадей, или нѣтъ; но я готовъ всегда осенью прислать ихъ.

Здѣсь княгиня Елисавета Михайловна съ внучкою, дочерью несчастнаго Mathieu.

Сколько природа восхитительна въ Малороссіи, столько соотчичи мои, сограждане, полтавскою продѣлкою разочаровали меня; да и сосѣдства близкаго нѣтъ около насъ. Одинъ Степа [1]) и тотъ вѣчно недуженъ и неподвиженъ. Въ Одессѣ, надѣюсь, зимою будетъ веселѣе; лѣтомъ же сосѣди не нужны. Жаль, если Ѳеодосійская желѣзная дорога не состоится; а это дѣло было бы европейское. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Его П-ву Евграфу Петровичу Ковалевскому, Аннѣ Михайловнѣ, Капгерамъ, Петр. Яков. и всѣмъ близкимъ намъ.

[1]) Степанъ Степановичъ Ограновичъ; жилъ въ с. Филиповичахъ.

Александръ Павлов. и, быть можетъ, Любовь Иванов. намѣрены быть въ Малороссіи и у насъ. Это было бы мнѣ весьма пріятно; я писалъ къ нимъ.

Напиши, что узнаешь о гр. Петр. Андр.; они меня такъ обласкали, что не умѣю достаточно быть признательнымъ; равно о Френкелѣ; да заѣзжай къ Его Высокопревосх. Пав. Як. Куприянову, онъ живетъ на Васильев. остр. по сосѣдству, засвидѣтельствуй ему мое дружество.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя, отецъ и другъ

А. Стороженко.

Ѳад. Венед., кажется, разлюбилъ меня. Въ Петербургѣ не былъ у меня ни разу. Обними В. А. Владиславлева и Мишу.

253.

Чевельча 22 мая 1853 г.

Сію минуту я получилъ письмо отъ тебя, милый другъ мой Владиміръ, и тотчасъ же отправляю тебѣ еще 500 руб. серебр., чтобъ прислалъ ко мнѣ, какъ можно скорѣе, доктора, или привезъ бы его съ собою, ибо, какъ выходитъ, ты начнешь вояжъ свой съ Чевельчи; Лиза 20 сего мая выѣзжаетъ за границу; слѣдовательно ты не засталъ бы ея въ Варшавѣ.

Тебя занимаютъ „представленія себя“, это меня восхищаетъ. Въ концѣ мая или въ началѣ іюня надѣюсь обнять тебя, когда ты подалъ уже прошеніе объ отпускѣ; да не забудь доставить мнѣ портретъ твой въ камеръ-юнкерскомъ облаченіи; 150 руб. сереб. въ годъ — пустяки; а затѣмъ наши, какъ ты называешь твои, назначенія оправдаются послѣдствіями; въ чемъ я увѣренъ, помыкавшись въ пестромъ свѣтѣ близко полу-столѣтія. Всякій, выходящій изъ буднишняго круга, пріобрѣтаетъ самостоятельность, и буква Я, о чемъ я столько разъ писалъ тебѣ, станетъ въ строкѣ жизни a capito.

Для жалкихъ философовъ настоящей эпохи, говорящихъ о ничтожествѣ значеній и вздыхающихъ между тѣмъ за ленточкою въ петлицу, все нипочемъ, даже состояніе; а какъ поразберешь, да поразсудишь, такъ и убѣдишься, что деньги, меркантильныя средства для пріі-

обрѣтенія ихъ, чтобъ жить, суть двигатели и самихъ этихъ философовъ, и наши, и повыше насъ.

Въ Чевельчѣ наговоримся; до радостнаго свиданія!

Благословляющій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

P. S. Пробѣжавши съ торопливостію письмо твое, чтобы скорѣе отвѣчать, я не разобралъ, что ты, другъ мой, въ раздумьи, проситься ли тебѣ въ отпускъ, или нѣтъ; изъ этого видно, что прошеніе еще не подано. Хотя истинно желалъ бы видѣться съ тобою, но располагай по своимъ разсчетамъ; я готовъ съ стѣсненнымъ сердцемъ отказать себѣ въ радости обнять тебя, ежели бы поѣздка въ Малороссію тебя разстроила.

Цѣлую тебя отъ всей души моей съ дѣтками.

254.

Чевельча 22 іюля 1853 г.

Портретъ твой, милый другъ мой Владиміръ, я получилъ 3 сего іюля; а 4-го ко мнѣ пріѣхало на мои имянины много добрыхъ земляковъ нашихъ съ семействами, пріѣхалъ также и Вл. Андр. Владиславлевъ. Портретъ твой, за который истинно благодарю тебя, былъ помѣщенъ въ столовой, гдѣ портреты двухъ предковъ нашихъ и мой. Одни изображаютъ давно прошедшее,—козатчину, когда всѣ служили, другіе служившаго и служащаго нынѣ, и да благословитъ его и управитъ Господь и Вседержитель на пути чести, трудовъ полезныхъ, и укрѣпитъ въ мысли, что все достигается службою! Всѣ мы пили твое здоровье, и мнѣ оставалось только жалѣть, что свидѣтель этому былъ портретъ, а не ты самъ; грустно мнѣ, что ты не пріѣхалъ; но обязанности должны быть выше всѣхъ удовольствій. Дастъ Богъ увидимся.

А. М. Блюменфельдъ пишетъ мнѣ, что послалъ тебѣ 10 т. зл. пол., поэтому я не прилагаю теперь 160 руб. сер., ибо ты не нуждаешься, а прошу тебя выслать мнѣ фунтовъ 10 горчицы сарептской; расквитаюсь съ тобою 20 сентября, получивши эмеритуру. Право я теперь нуждаюсь въ 100 руб. Мыканья въ теченіе года два раза въ Варшаву, житье тамъ, отправленіе и на это лѣто Маша за границу, расплата съ гувернерами и гувернантками—все это истощило мои доходы. Добро бы, еслибъ купилъ себѣ спокойствіе, а то со всѣхъ сторонъ бѣды. Француза отправилъ, поелику онъ слишкомъ молодъ для воспитанія растущей дочери, который, побывавши въ Кіевѣ, возвратился опять ко

мнѣ, чтобъ получить отъ полтавскаго губернатора паспортъ обратно во Францію, и въ ожиданіи живетъ у меня 3-й мѣсяцъ. Отысканную Ю. И. въ Варшавѣ француженку привезъ сюда, и оказалось, что она на словахъ какъ на гусляхъ, а на дѣлѣ, какъ на балалайкѣ,—говоритъ безъ умолку, дѣти смѣются и не слушаютъ; а нѣмка смотритъ на Альбена, плачетъ; ссорится за него съ француженкой и нѣтъ успѣховъ ни въ ученіи, ни въ музыкѣ. Слава Богу, что дѣти со смысломъ; они вознаградятъ легко упущенное. Только-что соберусь съ деньгами, тотчасъ съ Одессу, гдѣ, не взирая ни на что, помѣщу ихъ въ пансіонахъ. Ужъ изъ за этого одного, что прійдется въ деревнѣ въ домѣ имѣть гувернера и гувернантокъ женитьба есть зло; но зло необходимое. Важнѣе всего состояніе, ибо если терпѣть, то лучше при богатствѣ, нежели въ бѣдности. Доктора съ дочерью, выпивши горькую чашу сплетенъ, давно отправилъ, а присланный тобою, кажется, человѣкъ хорошій, жаль, что онъ ни на какомъ языкѣ разговориться не гораздъ.

Завтра на обѣдъ я приглашенъ въ Богодуховку, гдѣ будутъ молодые Марковскіе, т. е. бывшая Лиза Максимовичева съ мужемъ; партія для нея очень выгодная, Марковскій молодой человѣкъ съ состояніемъ и съ сердцемъ; тихій, покорный,—настоящій мужъ. Я обоихъ ихъ люблю, и для того ѣду ѣсть не свой супъ; впрочемъ никуда не выѣзжаю, боюсь оставлять дѣтей на рукахъ наемниковъ. Вотъ судьба! На старость быть нянькою, нуждаться иногда въ грошѣ и думать объ неурожаяхъ. Представь, что у меня гдѣ накашивалось 50 скирдъ сѣна, въ этомъ году 14. Чѣмъ тутъ кормить скотъ?

Еще въ первыхъ числахъ мая мнѣ прислали изъ Варшавы письмо ко мнѣ Ан. Мих. Дараганъ, которое посылаю тебѣ, другъ мой, для прочтенія. Оно ужъ дѣйствительно необыкновенное! Хотя и могъ бы отгадать, для чего оно написано, могъ бы и отвѣчать; но о подобнаго рода дѣлахъ поболтать еще можно, а переписываться не довлѣетъ. Въ общихъ житейскихъ соотношеніяхъ я человѣкъ самый обыкновенный, бабушекъ у меня и по лѣтамъ ужъ нѣтъ, приготовлять, или искать сыну моему невѣстъ, объяснившись съ нимъ разъ навсегда по этому предмету, не приходится; онъ и самъ сыщетъ себѣ по мыслямъ суженную. Дѣло не въ протекціи, а въ способахъ къ жизни, если можно, и роскошной, но отнюдь ужъ не горемычной. Любить одно, а жениться другое. Но объ этомъ, какъ и о письмѣ, и говорить скучно.

Жаль, что ты не пріѣхалъ ко мнѣ. Ник. Иван. пишетъ, что Лиза съ Манси живутъ въ Саксонской Швейцаріи, а онъ приготовляется быть дивизіоннымъ.

Когда бы ты зналъ, какъ мнѣ писать трудно: глаза отъ малѣйшаго напряженія тотчасъ разболятся; еслибъ можно было сыскать чело-

вѣчка, который могъ бы писать подъ диктовку и прочитать мнѣ хотя газеты и журналы; я бы платилъ ему, какъ титулярному совѣтнику.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя, отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

26 іюля я давалъ обѣдъ для молодой пары; было много сосѣдей. Марковскій еще болѣе мнѣ понравился; онъ не хотѣлъ брать отъ Максимовичей никакого приданнаго; и все у него такое богатое, такое прекрасное. Съ старшимъ Марковскимъ я нѣкогда служилъ въ артиллеріи; сынъ его посватался у меня въ домѣ.

255.

Щербаковка 28 сентября 1853 г.

Третьяго дня я возвратился съ полтавскихъ губернскихъ выборовъ нашихъ, любезнѣйшій другъ мой Вольдемаръ, получилъ въ Пирятинѣ мою эмеритуру, взялъ подорожную въ Одессу, куда ѣду разсмотрѣть, въ какомъ бы пансіонѣ помѣстить Долю и Колю, коихъ потомъ тотчасъ же отвезу туда. Ю. И. за границею, гувернеры и гувернантки такъ задурили меня, что нѣтъ никакой возможности учить дѣтокъ дома; итакъ долженъ разстаться съ ними, какъ бы разставался съ жизнію, и въ совершенномъ одиночествѣ мыкать остальные годы трудной жизни моей. Не подъ лѣта скакать мнѣ на почтовыхъ, не думалъ я на старость быть нянькою и экономомъ, не воображалъ заглохнуть, какъ крапива въ огородѣ, поросшемъ бурьяномъ на безлюдьи; но судьба—въ притчу—обрекла на всѣ лишенія, и вмѣсто блестящихъ видовъ, поставила въ положеніе хлѣбопашца, собирающаго съ трудомъ крохи для удовлетворенія нуждамъ. Нисколько не тягощусь такимъ положеніемъ, и если бы были глаза прежніе, почиталъ бы себя счастливымъ въ моемъ уединеніи.

Мнѣ очень трудно писать, а диктовать некому, отъ того и не могу такъ часто, какъ бы желалъ, бесѣдовать съ тобою, сынъ мой, и съ близкими мнѣ по сердцу и разуму. Это опять горькое лишеніе. Посылаю тебѣ при семъ 200 руб. сереб., 160 руб.—долги, а на остальные купи мнѣ въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова книги:

1) Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, 1-й и 2 томы съ таблицами.

2) Путешествіе графа Адлерберга въ Іерусалимъ.

3) Мирза Хаджи-Баба, перев. Брамбеуса.

4) Замогильныя записки, Шатобріана.

5) Православіе и русская народность въ Литвѣ, Барщевскаго.

6) О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками, Никол. Лавровскаго.

7) Таблицы Гражданскаго Судопроизводства И. Владиславлева.

8) Атласъ Роберта Меллина въ трехъ картахъ: 1) Европейская Турція, Греція, Молдавія и Валахія, 2) проливъ Константинопольскій 3) планъ Константинополя.

9) Домашняя аптека, или ручная книга, штабъ-лѣкаря Краснопольскаго.

10) Альманахъ гастрономовъ, составленный Радецкимъ, бывшимъ метръ-дотелемъ Его Высочества Герцога Лейхтенбергскаго, по русски

Долгъ по прежней выпискѣ газетъ — 3 р. 10 к. Попроси г. Исакова, чтобы онъ далъ адресъ съ именемъ своимъ и отчествомъ, для выписыванія изъ магазина его книгъ и журналовъ; сколько останется денегъ, пусть будутъ у тебя для грядущаго.

О выборахъ, на которыхъ я хотѣлъ познакомиться съ дворянствомъ нашимъ, послѣ напишу подробно; теперь спѣшу отправить деньги.

Любящій истинно и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

Пиши ко мнѣ, какъ можно чаще: это одно утѣшеніе мое, и не считайся отвѣтами.

256.

18 октября 1853 г.

Прокурорство — дѣло дѣльное. Оно весьма бы меня порадовало, тѣмъ болѣе, что мы съ тобою, сынъ мой, пожили бы вмѣстѣ въ Малороссіи и уложился бы тебѣ путь обратно въ С. П. съ запасомъ провинціальныхъ свѣдѣній для трудовъ грядущихъ въ столицѣ.

Петербургскій бюрократическій труженикъ, выѣхавши и за Нарвскую заставу, освѣжится.

Мнѣ нужно было быть въ Полтавѣ на выборахъ чтобы познакомиться съ дворянствомъ и съ властями края. Выборы — привиллегія важная; но для насъ еще непонятная. Я только и узналъ изъ чтенія именъ въ общемъ присутствіи, что въ Полтавской губерніи около 500 дворянъ подъ судомъ и слѣдствіемъ за разныя преступленія (есть забавныя и пасквильныя), о которыхъ громко раздаются возгласы: допу-

стить, или не допустить! Впрочемъ и бѣлые, и черные шары, и посужденія, образцы мишуры. Не знаю, кто ввелъ слово *посужденіе* въ употребленіе формальное, когда вмѣсто его можно было бы употребить съ большимъ смысломъ *совѣщаніе*. Но это все равно, какъ все равно для меня, кого выбрали въ Предводители. Всѣмъ я клалъ шары бѣлые, ибо мало кого зналъ, теперь же знаю почти всѣхъ.

Возвратившись изъ Полтавы, поѣхалъ я въ Одессу, гдѣ пристроилъ въ частныхъ пансіонахъ и Долю, и Колю. Послѣдній будетъ учиться среди едва ли не всѣхъ западныхъ и восточныхъ языковъ; сверхъ того я договорилъ къ нему русскаго и турецкаго профессоровъ; и такимъ образомъ онъ приготовится къ лицею и университету, а тамъ займешься имъ ты, другъ мой!

Чрезъ нѣсколько дней отвезу дѣтокъ; поживу нѣсколько съ ними въ Одессѣ и, обреченный трудамъ сельскимъ, возвращусь во свояси, дондеже прійдетъ охота повѣтриться въ С. П. Б.

На іюнь и іюль буду брать дѣтей въ деревню, какъ условился съ содержателями пансіоновъ. Видно ты не получилъ еще письма моего и денегъ, должныхъ, и на книги. На это ожидаю отвѣта, благословляя тебя, милаго друга моего,

А. Стороженко.

Николая Ивановича ожидаю, онъ пишетъ ко мнѣ иногда; а Лиза отвѣчала на письмо мое такою дипломатическою нотою, что въ сердцѣ похолодѣло. Это было однимъ одно письмо отъ нея. Впрочемъ, благодаря Бога, она, какъ пишетъ, поправляется. Весною, Господь поможетъ, увидимся, Мнѣ грустно такъ долго не быть съ вами; да сопутствуютъ вамъ мои молитвы, любовь, и благословенія!

257.

Одесса 20 ноября 1853 г.

Вотъ уже почти мѣсяцъ, какъ мы въ Одессѣ. Доля помѣщается въ пансіонѣ m-me Larché; а Коля въ пансіонѣ M. Cnezi; это самыя лучшія здѣсь партикулярныя учебныя заведенія, и не такъ дорогія. Мнѣ совѣтывали помѣстить Колю у Кордонье, гдѣ учатся только 6 мальчиковъ; но домашнее воспитаніе готовящагося жить въ вѣчномъ столкновеніи съ разными людьми не въ моемъ планѣ; при томъ же Кордонье учитъ языкамъ французскому, нѣмецкому и англійскому; а Коля говоритъ на первыхъ двухъ хорошо, такъ что французскіе учителя считаютъ его парижаниномъ. Ему нуженъ русскій языкъ подъ руко-

водствомъ профессора, даже педанта, и я желаю, чтобы онъ зналъ языки восточные, для этого договорю приватныхъ наставниковъ; черезъ годъ онъ начнетъ учиться у нихъ; а между тѣмъ по общему ходу наукъ въ пансіонѣ умнаго и дѣятельнаго швейцарца приготовится къ поступленію прямо въ лицей; такое условіе. Одесса сама по себѣ пестра народомъ и нарѣчіями; товарищи Коли: и греки, и сербы, и италіянцы, и турки и проч. Съ греками онъ имѣлъ уже стычки и подружился съ французами. Дня два скучалъ, а теперь—хватъ; способности необыкновенныя. Доля также сначала плакала; но убѣдилось въ необходимости учиться и становится на ряду первыхъ. Они бываютъ у меня въ субботу и воскресенье; я дѣлалъ все для поощренія ихъ, ѣздилъ въ италіянскую оперу, по гостямъ и въ кондитерскія. Послѣдніе два года въ Чевельчѣ я приходилъ въ отчаяніе отъ наемниковъ, невѣждъ—гувернантокъ и гувернеровъ. Дѣти были только подъ моимъ надзоромъ, безъ присмотра женскаго, а чужеземная челядь сварилась между собою, ѣла, пила и каталась по степямъ нашимъ.

Предъ выѣздомъ нашимъ, во время поѣздки моей предварительно въ Одессу, пріѣхала въ Чевельчу Катер. Михай. Возвратившись, обрадовался ей. Какая бы женская фигура ни случилась, я благодарилъ бы Провидѣніе, ибо нужно было бабу въ дорогу съ дѣтьми. Теперь я распорядился въ Одессѣ такъ: нанялъ для Катер. Мих. квартиру, сдѣлалъ запасы, оставляю карету и пару лошадей, чтобъ по субботамъ дѣтки пріѣзжали отдохнуть дома; издержки значительныя; самъ ѣду въ деревню, обрекая себя одиночеству и трудамъ по хозяйству. Жизнь въ Одессѣ славная, по мнѣ: дѣти, которымъ посвящены дни грустной жизни; Англійскій клубъ, въ которомъ я членомъ; журналовъ и газетъ хоть не читай; ѣда превкусная; опера; ни тебя никто, ни ты никого не знаешь; но жить мнѣ домомъ, пока средствъ не хватаетъ. Покоряюсь судьбѣ безропотно! Видно спокойствіе не суждено мнѣ. Буду пріѣзжать въ Одессу; а на вакаціи буду брать дѣтокъ, т. е. мѣсяца на два, въ Чевельчу, чтобъ они любили уголокъ родимый; ѣздить съ нами договорилъ учителя. Для меня это будетъ праздникъ. Боюсь мизантропіи въ отчужденіи. Дай Богъ, чтобъ тебя назначили въ Полтаву; впрочемъ пріѣзжай лѣтомъ хоть въ отпускъ. Увѣренъ, что вырваться изъ С. П. Б., отъ необыкновенныхъ, будетъ для тебя добромъ. Зайди къ Люб. Иван. и Алек. Павл. и поклонись имъ отъ меня.

Любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

258.

Чевельча 18 декабря 1853 г.

Сколь лестно и по вниманію, и по чувствамъ, и по самолюбію, предложеніе Павла Николаевича [1]), выражающее прямого сановника, человѣка, желающаго общей пользы, столь неопредѣлительно, если даже не пошло, званіе чиновника особыхъ порученій безъ жалованья. Не для этого же ты учился съ самоотверженіемъ и пріобрѣталъ имя человѣка дѣльнаго? Нѣтъ, по мнѣ лучше уже настоящее твое секретарство, тѣмъ болѣе прокурорство, нежели безсознательное ожиданіе, что поручатъ. Другое дѣло, если бы тебѣ предлагали управленіе канцеляріею, или товарищество предсѣдателей палатъ. Провинціальныя декастеріи дѣйствительно знакомятъ съ дѣломъ, и весьма полезно было бы послужить въ губерніи. Надобно стряхать съ себя паутину, чтобы не засновывала свѣта, какъ въ пустомъ зданіи. Впрочемъ дѣлай, какъ лучше для твоей службы, удаляйся привычекъ, и вѣрь, что я цѣню твои достоинства и благоразуміе столько же, какъ люблю тебя и желаю добра.

14 генваря 1854 г.

Когда хотѣлъ кончить и отправить письмо къ тебѣ, пріѣхала Юлія Иван., а съ нею другъ ея г-жа Хржановская и Блюменфельдъ. Они изъ Варшавы ѣхали чрезъ Одессу, видѣли тамъ дѣтокъ и, не извѣстивши меня, пустились въ Чевельчу. Безпримѣрное, можно сказать, самоотверженіе романтической польки хорошаго круга рѣшиться зимою провожать русскую въ холодную Россію! Гости мои, коихъ угощалъ я чисто по-украински, уѣхали; а Ю. И. сегодня отправляется въ Одессу къ дѣткамъ, куда и самъ я летѣлъ бы, но пока не вбился въ крылья. Итакъ, остаюсь собирать деньги одинъ—одинешенекъ. Доктора, хотя онъ смирный нѣмецъ, нельзя считать человѣкомъ. Я заплачу ему впередъ при первыхъ деньгахъ; а теперь онъ видитъ самъ, что расходы мои превышаютъ всѣ стягиваемыя копѣйки; и глухонѣмымъ удѣлено зрѣніе.

Пожалуйста, другъ мой, вышли мнѣ мѣсяцесловъ на текущій 1854 годъ и карту Европейской Турціи; выписанные мною лоскутки—мелочная спекуляція, расхваленная въ меркантильныхъ газетахъ. Скука, одурь возьметъ въ деревенскомъ захолустьѣ безъ газетъ и безъ чтенія: что ни возьмешь въ руки, все это бездарное, или запоздалое, какъ наши будяки на запущенной нивѣ зимою. Горестная эпоха и въ литературѣ; а тутъ еще глаза не хотятъ служить. Бѣдный я человѣкъ на старость!

---

[1]) Игнатьева.

Поздравь Н. С. Ограновича съ лентою, привѣтствуй В. А. Владиславлева.

Истинно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

259.

4-е января 1854 г. И самъ иногда не знаешь, гдѣ что найдешь а гдѣ потеряешь; такъ я никакъ не ожидалъ, отправляясь на дняхъ, на вечеръ къ Безаку, найти тамъ человѣка, который мнѣ разскажетъ, что Вы, любезный другъ Рара, оставили Одессу и отправились въ Чевельчу, и поэтому, вѣроятно, разъѣхались съ Юліей Ивановной, которая изъ Варшавы направила путь въ Одессу. Если это справедливо, то всего болѣе жалѣю я о томъ, что Вамъ, можетъ быть, не случится увидѣться съ Алекс. Блюменфельдомъ, который былъ бы для Васъ вѣроятно весьма пріятнымъ гостемъ. Надѣюсь, что Вы не долго пробудете въ деревнѣ. Одесса теперь, можно сказать, въ центрѣ событій, любопытно быть тамъ, хотя, пожалуй, и нужно будетъ готовиться во всякое время оставить ее. Какъ то развяжется запутанный узелъ? что начнетъ соединенный флотъ? Ему, я думаю, уже по новости положенія неловко въ Черномъ морѣ. На Дунаѣ пока тихо. Николай Ивановичъ пишетъ мнѣ довольно часто; онъ бодръ и веселъ, какъ всѣ войска наши; больныхъ, къ счастью весьма мало. Пріятно мнѣ было слышать отъ того же господина, о которомъ упомянулъ выше, кажется, отъ генерала Лазарева, о Вашей свѣжести и бодрости, хотя при этомъ случаѣ онъ и сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, пожаловавъ меня къ Вамъ въ братья. Впрочемъ нельзя не сознаться, что наша генерація слабѣе Вашей и причинъ этому можно было бы найти довольно много. А что то новый годъ намъ принесетъ? Желаю для Васъ всего лучшаго, для себя не желаю только худшаго. Для людей моего склада внѣшняя жизнь не составляетъ существеннаго, а потому очень желать чего нибудь въ этомъ отношеніи я не могу, лишь бы не утратилось спокойствіе духа и возможность удовлетворять любопытство въ созерцаніи окружающаго. Желалъ бы повидаться съ Вами въ нынѣшнемъ году; можетъ и удастся, хотя опасаюсь дѣлать предположенія на будущее,—такъ я мало избалованъ успѣхами. Отъ Лизы недавно получилъ извѣстіе. Лѣченіе ея идетъ успѣшно; съ укрѣпленіемъ нервовъ она повеселѣла и письма ея не такъ мрачны, какъ въ послѣднее время. Что то дѣлаютъ дѣти? Дай Богъ Колѣ успѣвать; будущность его можетъ устроиться весьма хорошо. Въ Военной Академіи учреждена каѳедра турецкаго языка, знаніе котораго

обязательно. Вася Максимовичъ кряхтитъ надъ азбукою, которая для насъ, привыкшихъ къ европейскимъ письменамъ, дѣйствительно представляетъ много трудностей. Если бы видѣлъ цѣль и имѣлъ болѣе времени, охотно поучился бы. Жаль, что мнѣ такъ много служебнаго дѣла и, главное, черной работы, но нужно и черезъ это пройти. Читаю я довольно, но предпринять серьезное занятіе рѣшительно не въ состояніи. Это еще одно изъ желаній для моего будущаго. Въ пріятныхъ мечтахъ объ этомъ, любезный другъ Рара, обнимаю Васъ отъ души и остаюсь преданнымъ сыномъ В. Стороженко.

260.

23 января 1854 г. Наконецъ прибылъ къ намъ давно ожидаемый Степанъ Степановичъ. Появленіе его на моемъ горизонтѣ въ особенности пріятно мнѣ потому, что онъ могъ передать нѣсколько подробностей о Васъ, любезный другъ Рара. Самая удовлетворительная вѣсть та, что Вы бодры духомъ и тѣломъ. При этомъ условіи внѣшнія обстоятельства, въ моихъ глазахъ по крайней мѣрѣ, имѣютъ второстепенное значеніе До общихъ вопросовъ Ст. Ст. не возвышается, поэтому въ этомъ отношеніи бесѣда его скучна, за то тѣмъ обильнѣе она подробностями о личностяхъ. Качеповская катастрофа [1]), чреватая, какъ выражаются нынѣшніе журналы, многосложными послѣдствіями, сцены изъ выборовъ, разсказы о Вашихъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ, о новой мельницѣ и т. п., все это меня очень занимало, и странно, когда подумаешь, что немногаго недоставало, чтобы мнѣ самому пришлось жить посреди людей и обстоятельствъ, о которыхъ теперь знаю только издали, въ качествѣ любопытнаго наблюдателя. Нѣтъ, видно не такъ слѣдуетъ устроиться моей судьбѣ! И суженыя мои меня не подождали: одна вышла замужъ, другая осталась съ прекрасною душой, но только съ собственной своей, а придаточныя, можетъ быть, перейдутъ къ другой, не столь прекрасной. Вотъ и разсчитывай на состоянье! Нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ отсюда Алекс. Логин. Данзасъ, который, командуя въ гренадерскомъ корпусѣ полкомъ, провелъ здѣсь недѣлю, останавливался у меня. Очень пріятно прошло для меня это время. Неразвязанные пакеты дѣлъ лежали по столамъ, за то мы вдоволь наговорились и наѣздились. Какъ ни говори, а связи съ дѣтства самыя ненарушимыя: не видишься долго, а при встрѣчѣ какъ будто бы не разставались. Военные въ ожиданіи весны приготовляются; энтузіазмъ проникаетъ и въ гражданскоее общество: вмѣсто карточныхъ столиковъ разставляются простые, съ кусочками холста, хозяева и гости щипаютъ

[1]) Скоропостижная смерть супруговъ Тарновскихъ.

корпію; въ театрѣ играютъ: Праздникъ въ Севастополѣ, гдѣ представляется Синопскій бой [1]) и возвращеніе Нахимова въ Севастополь, многочисленная публика восторгается. Между тѣмъ по рукамъ ходятъ въ рукописяхъ стихотворенія, которыя не печатаются только потому, что еще не время; вотъ нѣсколько строкъ изъ довольно остроумнаго: сначала говорится о Франціи, а потомъ

Альбіонъ — статья иная,
Онъ еще не раскусилъ,
Что за машина такая
Наша Русь и въ сколько силъ.
То-то будетъ удивленье
Для практическихъ головъ,
Какъ высокое давленье
Имъ покажутъ безъ паровъ.

У меня эти стихи не выходятъ изъ головы. Что-то дѣлается въ Одессѣ, правда ли, что многія семейства выбираются оттуда? Уже это не черезъ-чуръ ли поспѣшно? При всемъ томъ, я человѣкъ мирный и желаю мира, обстоятельствъ спокойныхъ, чтобы съ весною воспользоваться отпускомъ и ѣхать на свиданіе съ Вами и Лизой. Между тѣмъ обнимаю Васъ и дѣтей. Жду скорыхъ извѣстій отъ Васъ, любезный другъ Рара, и остаюсь преданнымъ Вамъ сыномъ и другомъ

В. Стороженко.

261.

28-го января 1854 г. Бывало, когда я еще танцовалъ, если въ вальсѣ не попадешь подъ музыку въ тактъ въ самаго начала, то потомъ уже всѣ усилія тщетны, чтобы достигнуть этого. Подобно этому и въ другихъ обстоятельствахъ жизни, если возьмешь однажды фальшивое направленіе, то долго уже не попадешь на битую дорогу. Это пришло мнѣ въ голову по поводу замѣчаній Вашихъ на сдѣланное мнѣ П. Ник. предложеніе. Съ дѣтства всѣ на меня смотрѣли, какъ на достаточнаго человѣка, и я самъ пріучился къ этой мысли, отъ этого, можетъ быть, дѣйствовалъ и теперь продолжаю дѣйствовать не такъ, какъ бы слѣдовало на основаніи данныхъ дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ. Впрочемъ, воображеніе было и еще долго будетъ большимъ врагомъ моимъ и въ этомъ отношеніи могу пенять только на себя.

---

[1]) Синопскій бой происходилъ 16 ноября 1853 года.

Это прискорбно и утѣшительно, смотря по расположенію духа: въ минуты гордости все берешь на себя, а иногда чувствуешь себя слабымъ и такъ охотно взвалилъ бы вину на другого. Но не объ этомъ хотѣлъ было я писать къ Вамъ, любезный другъ Рара, а о томъ, что не понимаю, зачѣмъ Вы остаетесь въ деревнѣ, когда желали бы ѣхать въ Одессу и тяготитесь одиночествомъ? Неужели Вашихъ средствъ для этого не достаточно? Впрочемъ, въ чужомъ карманѣ считать трудно, зная это по собственному опыту. Я разсчитывалъ, что П. Ник. будетъ мнѣ отвѣчать, но нѣтъ,—что утвердило меня въ той мысли, что, приглашая на службу къ себѣ, онъ имѣлъ болѣе въ виду себя, а не меня. Какъ бы то ни было, въ губернію поѣду только при хорошихъ условіяхъ, въ противномъ случаѣ предпочитаю столичную жизнь; здѣсь человѣкъ независимѣе. Недавно къ Вамъ писалъ, поэтому ограничиваюсь на этотъ разъ этими строками. Посылаю календарь почтою. Карты отправилъ съ Степ. Степ.; хотя онѣ и не очень хороши, но отпечатаны довольно крупными буквами; это лучше для Вашихъ глазъ, чѣмъ отчетливыя, но неразборчивыя нѣмецкія произведенія этого рода. Недавно имѣлъ извѣстіе отъ Лизы: здоровье ея поправляется; Ник. Ив. отправился въ Калафатъ; не могу слышать равнодушно этого имени, становится страшно. Прощайте, любезный другъ Рара, обнимаю Васъ и остаюсь преданнымъ сыномъ

В. Стороженко.

Будьте снисходительны къ доктору, которому кланяюсь. Въ здоровомъ состояніи дѣйствительно пріятнѣе было бы имѣть веселаго собесѣдника, но что же дѣлать, когда нельзя соединить хорошаго врача съ интереснымъ человѣкомъ.

262.

Чевельча 28 генваря 1854 г.

За границей жалуются на необыкновенные снѣга, поглядѣли бы, что у насъ, подъ одною линіею съ Парижемъ, совершается (выраженіе мѣстное)! Снѣга въ ростъ человѣка; въ окно выглянуть непріятно; мететъ, крутитъ, и ни дороги, ни слѣду. За то, Богъ дастъ, будетъ вода въ высохшихъ ставкахъ нашихъ, и трава на степяхъ, трескавшихся отъ засухи. Настоящій годъ, или лучше истекшій, былъ чисто неурожайный; а послѣ того падежъ скота отъ чумной заразы; теперь же требованіе воловъ въ армію. Трудно; но я готовъ отдать все до крайности, лишь бы этотъ Гордіевъ узелъ восточный былъ разсѣченъ

оружіемъ, а не посредничествомъ распутанъ; да чтобы пиднесли пидъ самый нисъ по дули всѣмъ западнымъ державамъ; а особливо нейтральнымъ. Что если бы мы ждали равнодушно результатовъ во время войны венгерской? Да эту старую, церемонную бабу Австрію венгерцы оборотили бы вверхъ ногами, и тогда бы увидѣли, что подъ роброномъ у нея сухія ноги, какъ спички, на которыхъ она едва держится. 20 лѣтъ съ болѣзненнымъ чувствомъ и прилежаніемъ я слѣдилъ за треволненіями въ Европѣ (теперь, думаю, никто и не читаетъ такъ объ этомъ), видѣлъ враждебный духъ къ намъ народа, если можно такъ назвать, прусскаго, видѣлъ зависть Австріи, и общую пестроту запада; теперь родился у меня въ конномъ заводѣ жеребенокъ солово-пѣгій съ оловянными глазами, который ничего не видитъ противъ солнца, и если бы я былъ восточный мудрецъ, то сравнилъ бы его съ *Европа* и накормилъ бы ея грязью, припоминая Гаджи-бабу, котораго похожденія мы читали съ тобою. Но пусть чортъ возьметъ и оттащитъ въ Джегонемъ всѣхъ, нарушающихъ благодѣтельный миръ, имъ же земля красуется и умы пользуются, чиня благая; могій вмѣстити да вмѣститъ!

Николай Иван. писалъ ко мнѣ изъ Букарешта (какъ бы я желалъ быть тамъ), а Лиза ни слова; видно я ей теперь не нуженъ; радуюсь и тому, любя всѣмъ сердцемъ дѣтей моихъ, и желая имъ добра, какъ отецъ, гражданинъ и христіянинъ.

Летѣлъ бы въ Одессу къ малымъ, чтобы наблюдать за ихъ ученіемъ; но нѣтъ и 10 руб. въ карманѣ. 20 марта получу эмеритуру, и тотчасъ уѣду туда, чтобъ въ іюлѣ привезти въ Чевельчу дѣтокъ, на каникулы. Грустно вообразить одиночество въ деревнѣ зимою на старость, когда и читать трудно; а вѣтеръ воетъ! Еще грустнѣе жить такъ; но да будетъ предопредѣленіе Всевѣдущаго! Онъ зиждетъ чистоту сердца и обновляетъ духъ правый!

У книгопрод. Крашенинникова на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Греффа, продается Душенька Богдановича по 5 р. сер. съ 6 картинками, выгравированными гр. Ѳ. П. Толстымъ. Пришли мнѣ экземпляръ, если есть деньги. Да скажи, какъ живется Ѳ. В.—все же онъ старый другъ мой, хотя и не сказывалъ того въ послѣд. пріѣздъ мой въ Петербургъ; въ наши лѣта людямъ измѣняться не довлѣетъ.

Цѣлую и благословляю тебя, истинный другъ тебѣ и отецъ

А. Стороженко.

263.

11 февраля 1854 г. Это письмо отдастъ Вамъ, любезный другъ Рара, Степанъ Степановичъ, который сообщитъ Вамъ кое какія свѣдѣнія и изустно; поэтому распространяться не буду. Не пеняйте на меня, если письма мои вообще вялы, безжизненны. Досуговъ у меня рѣшительно нѣтъ, которые могъ бы посвятить перепискѣ, давъ при томъ волю воображенію. Вся умственная дѣятельность принадлежитъ сенатскимъ занятіямъ, а съ утомленною головою и глазами не до литературы. Въ замѣнъ прилагаю статью Погодина, которая, можетъ быть, Вамъ будетъ интересна; подобную же записку написалъ нѣкто Поповъ. И та и другая читаны Государемъ Императоромъ и ходятъ по рукамъ, хотя и не напечатаны. Смутное настоящее, какіе то плоды принесетъ оно въ будущемъ? Такія эпохи не проходятъ безъ существенныхъ послѣдствій. Вотъ еще современные стихи:

Народъ, смѣявшійся надъ всѣмъ безъ исключенья,
Какъ ты въ нашъ вѣкъ смѣшно упалъ!
Къ чему вели тебя всѣ бунты и волненья?
Ты въ воду изъ огня попалъ.
Гдѣ-жъ эта спорная, несчастная свобода?
Гдѣ ваша къ вольности любовь?
Гдѣ братство, равенство, права народа?
Изъ за чего свою вы проливали кровь?
Теперь вы вашему владѣтелю такъ рады,
Вы голову предъ нимъ рѣшили преклонить.
Зачѣмъ же строили вы ваши баррикады?
Зачѣмъ же огородъ вамъ было городить?
Нѣтъ, видно, не бывать утопіи на свѣтѣ,
И правду – матку говоря,
Вы не сыны отечества, а дѣти,—
Лягушки вы, просящія Царя.
Давно ли президентъ казался вамъ чурбаномъ,
Давно ль, какъ надъ шутомъ, смѣялись вы надъ нимъ?
И чтожъ? Облекшись царскимъ саномъ,
Онъ цаплей сдѣлался насмѣшникамъ своимъ.
А вы всѣ съежились, свои хвосты поджали,
Склеили для него опять разбитый тронъ
И раболѣпно закричали:
Да здравствуетъ Наполеонъ!
Кричите громче – бѣсноваться.
Не въ первый разъ французамъ безъ пути,

Наполеона вамъ второго не дождаться,
А съ третьимъ вамъ далеко не уйти.

Послѣ стиховъ къ прозѣ. Хотѣлъ бы очень лѣтомъ повидаться съ Вами, что можетъ и случиться, если не придется по старинѣ стоять на часахъ или воевать въ рядахъ народнаго ополченія. Энтузіазмъ здѣсь большой. Обнимаю Васъ въ надеждѣ на свиданье, остаюсь преданнымъ сыномъ и другомъ В. Стороженко.

264.

Чевельча 22 февраля 1854 г.

Вопросъ твой, достойный сынъ мой и другъ, почему я, горюя въ одиночествѣ, не ѣду въ Одессу, разрѣшается приведенною тобою же истиною: что деньги въ чужомъ карманѣ считать трудно. Съ января никто бы не досчитался не только въ моемъ карманѣ, но во всѣхъ ящикахъ, шкатулкахъ и во всей экономіи, болѣе 28 р. сереб. Такъ исчерпались мои запасы; приходы же едва покрываютъ текущіе обыкновенные расходы по дому и по имѣнію, какъ записывается это въ двухъ особыхъ книгахъ экономическихъ. Поэтому не могу покудова жить въ Одессѣ; посылаю туда по 100 р. сер. Ю. И. и принужденъ жить одинъ одинешенекъ въ Чевельчѣ. Читаю и пишу много, но только до свѣчей; а тамъ лежу, погруженный въ думы, на мягкомъ пате до ужина, къ которому приходитъ докторъ, и мы съ нимъ бесѣдуемъ, или молчимъ до сна. Глаза все плошаютъ.

Теперь, по прочтеніи, сколько терпѣнія достало, нѣмецкаго балласту, какой былъ въ запыленной библіотекѣ, еще глубже созерцаю разницу между нѣмцемъ и человѣкомъ. Первый имѣетъ всѣ добрыя качества: скромность, ужиточность, и проч., но не имѣетъ знаменующихъ вполнѣ второго. Спеціальность нѣмецкая однимъ имъ присвоена природою. Они знаютъ, чему ихъ выучили; имъ трудно убѣждаться и очевидностію въ противномъ тому, что натвердили имъ учителя, а послѣдніе тѣже нѣмцы въ остзейскихъ губерніяхъ, думающіе о разноплеменной, обширной Россіи не по нашимъ настоящимъ свѣдѣніямъ, а по давнишнимъ нѣмецкимъ. Особый романтизмъ заключаетъ ихъ въ самихъ себя, и они, мечтая, не скучаютъ. Если ученый изъ нихъ заберетъ себѣ въ голову какую-либо мысль отвлеченную, то держится ея упорно, пишетъ объ ней много, пока она войдетъ въ извѣстность; имѣющіе у насъ притязательность на мышленіе начнутъ хвастать сочувствіемъ педанту, начнутъ прославлять имя его, что будетъ повторяться и не читавшими этого творенія. Такимъ образомъ сдѣлались авторитетами идей мисти-

ческихъ и Юнгъ-Штиллингъ, и Экартсгаузенъ и проч. Ты писалъ мнѣ нѣкогда изъ Парижа, что французы примѣняютъ все къ жизни практической, разумѣется своей, нѣмцы ничего, кромѣ ограниченія въ расходахъ. Супъ изъ черники дешевъ; кушай, хоть плачь! – что испыталъ ты въ Дерптѣ. Обращаюсь еще разъ къ доктору: по мнѣ онъ, лучше всѣхъ, какіе были у меня, и я никакъ бы не хотѣлъ разстаться съ нимъ, какъ съ письменнымъ столикомъ моимъ и мягкимъ при немъ кресломъ. Однородность предметовъ относительная лучше разнообразности неизящной.

Мельница, о которой говорилъ тебѣ Ст. Ст., необходимое пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ черезполосностей. Двѣ поѣздки мои въ Варшаву, двѣ въ Одессу, чтобы помѣстить тамъ дѣтокъ, полугодичное пребываніе Ю. И. за границею и т. п., перетянули hausse sur baisse; а стращающій Одессу Альбіонъ – мытарь остановилъ южную торговлю такъ, что ни ленъ, ни крупа, вырабатываемая на новой моей машинѣ, не покупаются; деньги же на гречиху выданы впередъ для этой спекуляціи. Мытари на торгахъ, вѣроятно, хотятъ взять отступного; но до переторжки еще далеко!

Я не знаю скуки: нѣкогда завидывалъ достаточному козаку малороссійскому, живущему въ своей теплой хатѣ и въ довольствѣ. Теперь самъ живу не хуже его. Денегъ нѣтъ, но довольство есть. А въ Одессѣ нуждался бы крайне. На старость это страшно, какъ долги.

Когда завязывался восточный Гордіевъ узелъ, я повторялъ землякамъ, сосѣдямъ моимъ, сказанное нѣкогда славнымъ гусариномъ Текеліемъ: политика политикой, а рубаться треба! Держалъ бы пари на все мое имущество, что безъ войны не обойдется, воображая западъ и направленіе умовъ новой Европы. Говорилъ объ этомъ одному вельможѣ, который, слушая, что думалъ?—не знаю. Вспоминаетъ ли онъ разговоръ нашъ? Не думаю, ибо теперь нѣтъ вѣры въ умъ человѣка частнаго; kleine Herren, какъ выражается пивоваръ мой Шафъ о тѣхъ помѣщикахъ, кои не покупаютъ у него пива. Вышло на мое.

Не хвались, идучи на рать и т. д.,—старинныя поговорки. Поэтому приведенные тобою въ письмѣ твоемъ стишки, и другіе имъ подобные, мнѣ кажутся преждевременными. Военныя пѣсни пискливыхъ поэтовъ новой школы нашей—не то, что слагаемыя въ полкахъ запѣвалами изъ фабричныхъ, наприм. Долго ли снѣжочкамъ на сырой землѣ лежать и т. д. У насъ духъ народный въ курныхъ избахъ, въ мазанкахъ, свѣтелкахъ; а не въ палатахъ, гдѣ есть патріотизмъ (чувство общее), любовь къ Россіи, но пахнетъ какъ то западомъ, не просто русскимъ духомъ, какъ говорятъ сказочники объ Иванѣ и Ильѣ, богатыряхъ русскихъ.

Россія начала жить жизнью славною, для нея все впереди; а другіе народы или перестарѣлись, или старѣются. Мрачна, - безмолвствующая ея физіогномія!—крѣпка ея натура! Страшна сила ея и едва початыя средства! Невообразимо для демократовъ православное единодержавіе! Итакъ одно только грозное молчаніе въ ней можетъ пугать Европу, или Западъ, а газетныя перемолвки не остановятъ заграничныхъ газетчиковъ спекуляторовъ возбуждать умы противу насъ небылицами. Плевать на нихъ!

Нѣтъ! по мнѣ не нужно еще ни стиховъ, ни статей политическихъ. Когда же услышится гимнъ на тонъ: Громъ побѣды раздавайся! и проч., онъ оглушитъ, ошеломитъ всѣхъ, и враговъ, и посредниковъ. Дай, Господи, скорѣе дождаться, этого!

Англія и Франція кормятъ политическую вагабонду, какъ охотники стаи собакъ, чтобъ пустить на страшнаго звѣря. Пустили теперь европейскихъ обрѣзанцевъ въ толпы турецкія; а это вмѣсто успѣховъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, управляемыхъ ренегатами, ослабитъ духъ исламизма. О! если бы воспламенились сердца 11 милліоновъ, угнетенныхъ имъ; если бы возстало на врага единодушно православіе востока, мы вошли бы въ Стамбулъ, дымящійся въ развалинахъ уже; а какъ бы прошли обратно чрезъ Босфоръ соединенные флоты? – это загадка, Дунквартовская экспедиція 807 г.

Какъ бы мнѣ желалось хотя на отдаленномъ планѣ участвовать въ дѣлахъ. Но на моемъ пути прохожденія чистаго, прямого, неукоризненнаго, возстала дыбомъ высокая льдина, чрезъ которую перешагнуть не придумаю способовъ.

Теперь Князь Варшавскій въ Петербургѣ. Узнай, если можешь, отъ окружающихъ его, или посредствомъ А. П. Безака, чтобы онъ, т. е. Князь, отвѣчалъ, если бы я попросился на службу, разумѣется, черезъ него? Онъ, какъ мнѣ сообщаютъ, говоритъ теперь обо мнѣ не только безъ досады, но отдавая справедливость заслугамъ. Прошло около четырехъ лѣтъ, и никакой доносъ, никакая претензія не коснулись меня. Былъ я два раза въ Варшавѣ, и встрѣчалъ только благодарныхъ.

Поцѣлуй отъ меня ручку Любовь Ивановны.

Въ Петербургъ ѣхать не съ чѣмъ, какъ и въ Одессу; но на Дунай полетѣлъ бы, хоть въ долги по уши. Во мнѣ кровь еще бурлитъ; да течетъ она въ жилахъ твоихъ плавно, тогда не будетъ ни скачковъ, ни уничиженія гордости.

Цѣлую и благословляю тебя. Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

Не поскучай этимъ длиннымъ писаніемъ. Такой форматъ бумаги попался подъ руку. Мысли опережали одна другую; да и бесѣдовать съ тобою мнѣ всегда пріятно, равно какъ получать отъ тебя письма, только не такія коротенькія, какъ будто по одной только обязанности.

265.

16 марта 1854 г.

Опытъ удостовѣрилъ меня, что женщина только тогда внимаетъ резону, когда любитъ. Впрочемъ всѣ онѣ, исключая влюбленныхъ, подходятъ подъ пѣсню, скомпонованную нашими предками:

Не мовъ мени ни словечка,
Не хай буде гречка!

Поэтому я не напишу Лизѣ, чтобы она избрала мѣсто пребыванія по совѣту, а не по своей фантазіи. Недавно я получилъ отъ нея нѣсколько строкъ, посланныхъ еще въ декабрѣ пр. г. въ Одессу чрезъ какого-то комми-вояжера; а отъ Николая Иван. прислали мнѣ письмо вчера изъ Кіева отъ 6 февраля. Онъ почти ничего не пишетъ, говоритъ, что крѣпко занятъ, какъ всегда, канцелярскими дѣлами; но слава Богу здоровъ. Хотѣлъ бы я знать, когда измѣнится ихъ кордонная стража на 600-верстномъ разстояніи. Война недалеко и храбрыя наши войска, сосредоточась въ Москвѣ, попотчуютъ дулями пидъ самый нисъ и Омеръ-пашу, и отурчившихся искателей приключеній на востокѣ. Лѣтъ 20 тому назадъ, а можетъ быть и болѣе, я написалъ взглядъ на войну противу турокъ не для современниковъ; читая это при настоящемъ случаѣ, съ упованіемъ созерцаю думы опыта и наполняю пустоту моего уединенія. Если христіане возстанутъ, западъ дрянь относительно вмѣшательства для сохраненія равновѣсія, или лучше, для меркантильныхъ продѣлокъ.

Благодарю много за присылку записки Погодина, что ли? Много правды; но есть и семинарское глаголаніе. Ежели онъ и предсказывалъ, какъ баетъ, за 10 лѣтъ о направленіи славянскаго міра, это было *байдуже;* а, можетъ быть, и не зналъ никто о предсказаніи, какъ никто не читаетъ его аѳоризмовъ.

Великъ россійскій Богъ! вотъ и все. Чрезъ нѣсколько дней я надѣюсь съ помощію Божіею быть въ Одессѣ, ближе къ военнымъ свѣдѣніямъ, которыхъ жажду, какъ желаю побѣдъ нашему православному воинству.

Изъ Одессы тотчасъ напишу тебѣ, другъ мой, а теперь рука какъ-то не ходитъ —записался.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя отъ всей души моей.

Отецъ и другъ А. Стороженко.

Послѣднее письмо твое отъ 26 февраля Николай Михайл.[1]) еще не возвратилъ.

266.

Одесса 11 апрѣля 1854 г.

Христосъ воскресе! любезнѣйшій сынъ мой! Ты проводишь день сей спокойно; дай Богъ, чтобы и всѣ дни твои текли безмятежно; а я, на старость, съ дѣтками, женою и со всѣми домашними разговляюсь базарною пасхою, подъ выстрѣлами. Вчера съ утра до вечера не прерывался огонь съ 9 пароходовъ англійскихъ и французскихъ, стоявшихъ ближе къ городу; за ними огромный флотъ непріятельскій занималъ необъятный полуциркуль и грозилъ городу разрушеніемъ: бомбы и гранаты сыпались, прибрежныя строенія пылали; но въ городѣ, благодаря Всевышнему, пожаровъ не было. Батарейки наши отстрѣливались спокойно и храбро; но что значатъ нѣсколько десятковъ орудій, разставленныхъ на всемъ пространствѣ прибрежномъ, противу сконцентрированныхъ залповъ изъ 400 орудій большихъ калибровъ. Десанта наши не только не боялись, но желаютъ; тогда вражескіе корабли отплыли бы съ одними матросами. Все дышетъ местью и самоотверженіемъ. Одна наша батарейка, стрѣляя только изъ двухъ орудій, ибо другія шесть, взятыя во флангъ, не могли стрѣлять по пароходамъ, отстрѣливалась 6 часовъ, пока непріятель не взорвалъ пороховаго погреба. Я былъ на ней по прекращеніи канонады, и видѣлъ обгорѣвшіе лафеты, которые еще дымились. Честь и слава артиллеристамъ нашимъ! И я нѣкогда стрѣлялъ и по французамъ, и по туркамъ; но въ такомъ огнѣ быть не случилось. При Бородинѣ былъ на батареѣ противъ 120-ти орудій; это было близко, ибо въ вечеру былъ раненъ пулею на вылетъ и получилъ за одинъ день три награды; участвовалъ въ сотнѣ полевыхъ сраженій; все это однако же не то, что 30 кораблей съ пароходами. Тутъ бомбы, ядра и ракеты летѣли перекрестно въ разныхъ направленіяхъ, земля дрожитъ и за дымомъ совершенно ничего не видно, а вѣтеръ дулъ. Довелось видѣть и такія разрушительныя акціи!

Пріѣхалъ я въ Одессу по письму Maman, что онѣ умираютъ отъ страха. Спѣша изъ дому, успѣлъ собрать только 1300 р. серебр. При первомъ появленіи непріятельскихъ пароходовъ могъ бы выѣхать об-

[1]) Дараганъ.

ратно во свояси; но Ю. И. такъ была больна, что тронуться съ мѣста было невозможно. Теперь хотѣлъ бы выслать семейство, ибо самому не остаться, избѣгая опасности, совѣстно; но до Вознесенія (20 мая) просятъ 500 руб. серебромъ, у меня нѣтъ ихъ и достать въ настоящее время не у кого здѣсь. Сегодня продамъ и заложу все, чтобъ обезпечить дѣтокъ, не трусящихъ, ибо они не знаютъ еще, что такое опасность.

Сердце ноетъ при мысли, что я обреченъ глядѣть, а не участвовать въ дѣлахъ, кои всегда были поэзіею для меня и въ военное, и въ мирное время. Вчера пробовалъ сближаться съ мѣстами, гдѣ смерть летала; потомъ смотрѣлъ на флоты съ колокольни соборной, и чувствовалъ что-то возвышенное. Молодость и воспоминанія наполняли душу, предъ тѣмъ грустно настроенную; если не посылалъ ядеръ антихристамъ, то проклятіе летѣло къ нимъ изъ глубины чувствъ моихъ. Мнѣ гадокъ теперь коварный англичанинъ и пренебрежителенъ безцвѣтный французъ, подбитый вѣтромъ. Подлость, мерзость, и безвѣріе! Что за время настало? Война дѣлается для насъ отечественною; а раззореніе бѣдной Одессы извлекаетъ слезы.

Благословляю тебя, отецъ и другъ

А. Стороженко.

267.

Щербаковка 6 мая 1854 г.

Объ удаленіи нашемъ изъ Одессы и о причинѣ внезапнаго отъѣзда я писалъ къ тебѣ, другъ мой Владиміръ; письмо отправилъ изъ г. Вознесенска, ибо въ Одессѣ ни почты, ни подорожной по причинѣ выѣзда всѣхъ, кто могъ, найти было невозможно. Теперь флотъ вражескій, какъ пишутъ ко мнѣ, отошелъ. Куда? зачѣмъ приходилъ и жегъ неукрѣпленный торговый городъ?—никто не знаетъ. Завязалась неразгаданная кутерьма!

Мы, благодаря Бога, хотя съ великими издержками, но доѣхали благополучно домой, взявши съ собою и профессора русскаго, и француженку для дѣтокъ. Они учатся и гуляютъ, вдыхая воздухъ родины, но она смутна теперь, жары необычайные, ничто не растетъ. Богъ знаетъ, что будетъ. Судьба мнѣ вездѣ бросаетъ камни претыканія. Хотѣлъ было основать пребываніе наше въ Одессѣ, чтобы воспитывать тамъ дѣтокъ, и это не удалось.

Отъѣзжая въ Одессу, я приказалъ Григорію послать тебѣ 150 р. сер., но ничто не продавалось, пожертвованія и расходы по хозяйству остановили высылку; на дняхъ надѣюсь продать шерсть, и тотчасъ самъ вышлю тебѣ означенныя деньги.

Прилагаю при семъ записку дѣтей покойнаго доктора Флоріана. Справься по ихъ дѣлу и напиши, въ какомъ оно положеніи и какимъ образомъ они должны хлопотать по оному. Да пришли мнѣ, по полученіи денегъ, ручныя садовыя ножнички для обрѣзки сучьевъ, и ножей пары двѣ, или три, изъ англійскаго магазина; какъ я ни взбѣшенъ на подлый Альбіонъ, а вещишки ихъ хороши.

Любовь Ивановна хочетъ пріѣхать къ намъ: проси ее, да отдохнетъ въ цвѣтущей и въ засуху Украинѣ.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя, отецъ твой и другъ

Андрей Стороженко.

268.

Чевельча 29 мая 1854 г.

Сейчасъ получилъ письмо твое, милый другъ мой Вольдемаръ, и отвѣчаю искреннимъ привѣтствіемъ прямодушной, доброй нѣкогда Германіи: Willkommen! Willkommen! И поля наши оживляются и зазеленѣли въ ожиданіи тебя.

Посылаю при семъ 150 руб. сер. Увидѣвшись, поговоримъ и о задунайской мысли. Но впередъ скажу, что другъ твой эгоистъ, и ты адресоваться къ нему напрасно будешь, развѣ чрезъ madame, въ командѣ коей онъ состоитъ изъ страха.

До свиданья! Благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

269.

30-е сентября 1854. На дняхъ извѣщалъ Васъ, любезный другъ Рара, о прибытіи моемъ въ Петербургъ; теперь мнѣ кажется уже, что я и въ отпуску не былъ: петербургская жизнь сжала меня въ своихъ объятіяхъ, на столѣ и на стульяхъ лежатъ бумаги, а между тѣмъ ежедневно съ разныхъ сторонъ получаются письма и записки съ разными просьбами, объ исполненіи которыхъ хлопочу въ свободныя отъ занятій служебныхъ минуты. Хорошо, что Малороссія облила меня жиромъ въ нѣкоторой степени, такъ что есть изъ чего похудѣть. Къ своимъ работамъ присоединяется еще общее уныніе отъ неизвѣстности о положеніи *крымскихъ дѣлъ*; бюллетень послѣдній гласитъ, что до 21-го этого мѣсяца ничего новаго не происходило, но съ того времени и до настоящей минуты много что могло произойти. Дерутся, говорятъ, славно, въ особенности восхищаются храбростью моряковъ, которые въ пѣхотномъ строю сражаются на абордажныхъ ножахъ съ зуавами, вооруженными кинжалами. Разсказываютъ при томъ множество анекдотовъ, и забавныхъ: французскій офицеръ генеральнаго штаба графъ Коради снималъ мѣстность съ лорнеткою въ одномъ глазѣ; подскакали гусары въ кителяхъ, онъ принялъ ихъ за французовъ, не думая о бѣгствѣ; его схватили, привели къ кн. Меншикову, которому онъ рекомендовался весьма любезно, при чемъ подалъ свою визитную карточку. Взяли въ плѣнъ повара и когда спросили, желаетъ ли онъ возвратиться, то онъ отвѣчалъ, что какъ война производится въ личныхъ интересахъ Людовика Наполеона, то поэтому il aime aussi bien faire lacuisine chez les russes. Отъ анекдотовъ къ дѣлу: Николку помѣстилъ къ одному изъ лучшихъ кондиторовъ на пять лѣтъ, съ платою по 40 р. с. въ годъ, такъ какъ безплатно въ настоящее время ни одинъ изъ порядочныхъ кондитеровъ не беретъ; сверхъ того за контрактъ заплатилъ 5 р., и 5 р. далъ на покупку кровати и постели. Еще одно замѣчаніе о войнѣ; говорятъ, что кн. Меншиковъ обѣщалъ за плѣннаго англичанина 50 р., но казаки ни одного годдема (?) поймать не могутъ. Что то Вы предполагаете на зиму? врядъ ли можно думать объ Одессѣ. Она, бѣдная, тоже горюетъ по сосѣдству. На дняхъ получилъ письмо отъ Лизы; она подтверждаетъ все разсказанное мнѣ Краснокутскими объ улучшеніи ея здоровья и о пріятной жизни ея въ Шандау. Счастливый случай сблизилъ ее съ семействомъ Виртембергскаго посланника въ Берлинѣ гр. Менгдена. Это семейство такъ полюбило Лизу, что день ея именинъ праздновали, какъ въ собственномъ семействѣ, съ подарками, сюрпризами и т. п. Е. Ф. фонъ-Брадке назначенъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа. О Варшавѣ ничего не знаю. Имѣете ли Вы какія нибудь извѣстія?

Войска, говорятъ, расположились на зимнія квартиры. Дмитрій и Данзасъ въ Плоцкой губерніи. Обнимаю Васъ, Маman и дѣтокъ. Кланяюсь всѣмъ домашнимъ до слѣдующаго письма въ непродолжительномъ времени. Устройте какъ нибудь денежное дѣльце, о которомъ просилъ Васъ, это очень меня устроитъ, а въ аккуратной уплатѣ порукою мое слово. Преданный Вамъ сынъ и другъ

В. Стороженко.

270.

Чевельча 4 ноября 1854 г.

Я не писалъ тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ, пока не собралъ деньги за крупу. Теперь посылаю при семъ 1160 руб. серебромъ: 150 руб. на дрожки, 25 руб. на перевозку ихъ, 25 руб. на мальчика, 10 руб. на 10 фунтовъ сарептской горчицы, 50 руб. на случающіеся для меня расходы и 900 руб. на уплату долга. Эти 900 руб. поквитаются въ 6 лѣтъ тѣми ежегодно опредѣленными тебѣ 150 руб., которые я посылалъ особенно; слѣдов. ты будешь получать полную сумму изъ маіората; да и я помогу по возможности, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ. Теперь крѣпко тѣсно; наклу скопилось у меня тысячъ до двухъ: ничто не продается, а требованія усиливаются. Когда чортъ вынесетъ отъ насъ эти флоты?

Расплатившись безъ малаго, надобно устранить отъ себя причины долговъ, ибо они отымаютъ руки, стѣсняютъ волю и дѣйствуютъ на самый характеръ. Я желалъ бы, чтобы ты началъ другую жизнь, похожую на дѣло; но ты крѣпко держишься тропинки подъ густою тѣнью мечты, которая не ведетъ ни къ чему. Не говорю тебѣ ни о Варочкѣ, и ни о комъ, а скажу только о привязанности къ дому родительскому и въ отдаленіи, чего желаю, узнавши ближе твое прекрасное сердце. Будь сыномъ и въ Петербургѣ, какъ въ Чевельчѣ, и Богъ благословитъ тебя во всѣхъ дѣлахъ твоихъ. Необыкновенность не замѣнитъ чувствъ натуральныхъ, искреннихъ. Радуюсь во глубинѣ души, что я, а никто другой, помогаю тебѣ по возможности. Подобныя обстоятельства приводятъ на память басню Крылова: „коль въ нужду попадешься, отвѣдай сунуться къ друзьямъ“ и проч. Это главнѣйшая отрасль науки въ дѣйствительномъ быту нашемъ. По выѣздѣ твоемъ Ст. Ст. тотчасъ пріѣхалъ къ намъ; но я никогда не вымолвилъ ему и слова о его хвастливой глупости.

Катер. Михайл. недавно была больна отчаянно, принуждены были посылать за Панцыремъ и онъ спасъ ее. А какъ истый нѣмецъ всѣмъ

опротивѣлъ своею апатіею! Началъ вставать отъ сна только къ обѣду, да еще и сердится какъ на Россію!

Коденецъ прислалъ мнѣ обратно Бурбона, о которомъ самъ просилъ меня. Что за люди?

2-го ноября выпалъ у насъ снѣгъ съ такою бурею, что если бы такая же была и на Черномъ морѣ, то я воскликнулъ бы въ тылъ армадѣ: Великъ россійскій Богъ!

Пожалуйста скорѣе вышли сареп. горчицу. Напиши о дрожкахъ и не переставай увѣдомлять меня о себѣ; а то что-то пріостановился; я же не хотѣлъ писать, пока не сберусь съ деньгами. Дѣти, кажется, писали тебѣ. Они ожидали письма изъ Москвы. Цѣлуютъ тебя, равно Maman и я сердечно.

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

271.

Чевельча 25 ноября 1854 г.

Враги упорно держатся въ Крыму; флоты ихъ покрываютъ русское море; давно нѣтъ оттуда никакихъ извѣстій; предъ Одессою стоятъ пять непріятельскихъ пароходовъ; у насъ вѣтры страшные, то дождь, то снѣгъ, и за 3 версты поѣхать почти невозможно. Что-бы тамъ забушевать такимъ же бурямъ. Не знаю, какъ эти голодранцы переносятъ нашу южную осень; она хуже сѣверной. А болѣзни, а трудность въ продовольствіи! Дай Богъ, чтобы мнѣніе Алексѣя Петровича[1]) оправдалось. Не правда ли, что онъ мужъ разума? Я радъ, что ты видѣлъ его, и эта славная физіогномія останется въ твоей памяти. 25-лѣтнее бездѣйствіе не усыпило въ немъ духа пытливости, наблюденій и не перемѣнило его къ преданнымъ ему. Ты писалъ объ немъ мало.

Проклятое наплытіе сумасбродовъ, выправленныхъ на гибель эгоистическими разсчетами желающихъ властвовать, остановило у насъ всякій сбытъ продуктовъ; до того, хотя не было дорогъ, но по Днѣпру, горько судоходному, кое-что отправлялось на югъ, а теперь ничего. Закупатели безъ денегъ, оборотовъ нѣтъ. Этотъ годъ истинно былъ неурожайный; все же сыскалось бы нѣкоторое количество хлѣба, а особенно льну, для продажи; но никто и не спрашиваетъ. Итакъ кури горилку, ежели есть запасная солома, и можешь прокормить скотскіе остовы, питавшіеся изсохшею травою, плати тяготѣющій надъ нами акцизъ, и состязайся съ жидами, забравшими винокурни за брагу у нуждающихся въ деньгахъ помѣщиковъ.

---

[1]) Ермолова.

Южная армія сближается къ намъ; но поставокъ въ оную хлѣбныхъ у насъ не производятъ. Подлая Австрія заняла уступленныя нами княжества наддунайскія. Почему ей можно, чего намъ нельзя? Все противу насъ и явно, и тайно; но если бы уничтожился дерзкій дэссантъ Крымскій, заговорили бы иначе и выжидающіе кабинеты. Съ вѣрою въ сердцахъ, съ твердою грудью, мы дадимъ славный отпоръ треволненному западу; страшно только, чтобы не растлили нашихъ единовѣрцевъ востока; а мусульманъ пусть обращаютъ не только на европейцевъ, хоть на служителей Джегонема.

Пришли мнѣ, другъ мой Вольдемаръ, два нужные тома изъ Свода законовъ.

Мы, благодаря Всеустрояющему, всѣ здоровы. Я опять пишу много; когда подадутъ свѣчи, играемъ въ преферансъ: я, Maman, Кат. Мих. и Колотенко. Никуда не ѣздимъ, у насъ однакоже гости бываютъ по прежнему. Доля иногда поэзируетъ, а Коля говоритъ, что онъ предпочитаетъ стихамъ грамматику, исторію, географію и ариѳметику.

Обнимаю и благословляю тебя, отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

272.

Чевельча 15 декабря 1854 г.

Съ чувствомъ отца и друга я читаю письмо твое, полученное вчера, любезнѣйшій сынъ мой,—увѣренъ, что ты не сдѣлаешь шагу, который могъ бы огорчить меня, или заключалъ бы для тебя предвидимое раскаяніе; за всѣмъ тѣмъ, мнѣ кажется, лучше было бы послужить тебѣ нѣкоторое время въ провинціи, отвыкнуть немного отъ обаяній и возвратиться къ дѣлу на прежній путь, на которомъ ты дѣлаешься человѣкомъ. Особое порученіе при Игнатьевѣ и адъютантство, какъ пишутъ изъ Петербурга, не образуютъ самостоятельно *я*, чего добиваться надобно. Ты сказалъ мнѣ, что въ Полтавѣ нужно было бы побольше денегъ; да тамъ и высшіе губернскіе чины получаютъ не болѣе тебя; а близость отъ дому и отъ средствъ вспомогательныхъ,—дѣло очевидное. Иное поприще,—иные виды. Смѣло могу сказать, что меня никакая женщина не сбивала съ дороги ни по службѣ, ни по стремленію къ возможной независимости; а любившихъ меня было много; и я наполнялъ пустоту во вседневной жизни; но всегда оставался господиномъ моей воли;—поступай и ты такимъ же образомъ, что войдетъ въ характеръ. Можно ошибаться въ разсчетахъ, обманы-

ваться въ видахъ, указываемыхъ воображеніемъ; но всегда слѣдуетъ помнить, что собственныя силы крѣпче всѣхъ надеждъ на связи. Хорошо бы имѣть друзей; но они въ нашъ вѣкъ эгоистическій больно разочаровываютъ. Ты добрый, славный малый, будешь и человѣкомъ славнымъ; это моя гордость и самыя прекраснѣйшія надежды. На слѣдующій годъ думаю пріѣхать съ Колей въ Петербургъ, но чтобы это не останавливало тебя, если случится сообразное мѣсто въ губерніяхъ.

Я забылъ написать тебѣ, что къ дрожкамъ нужна пара хомутовъ со всѣмъ приборомъ; напиши въ Москву, а что будетъ стоить, тотчасъ вышлю тебѣ.

Прилагаю при семъ записку о сѣменахъ; купи ихъ у Сима; да чтобы онъ помѣстилъ еще разныхъ сѣмянъ цвѣточныхъ, остающихся и зимою въ грунтѣ, да пришли пожалуйста помады, какую присылалъ прежде.

Всею душою любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

273.

19 декабря 1854 г. Два раза заходилъ въ книжную лавку II отдѣленія Канцел. Государя, чтобы купить для Васъ десятый томъ, но ни одного экземпляра въ лавкѣ не было. Приписывать ли это случайности или возродившемуся усердію къ изученію законовъ, право не знаю, хотя, признаюсь, желалъ бы вѣрить послѣдней причинѣ: въ такомъ случаѣ и порядка бы было болѣе, и чиновный людъ менѣе бы страдалъ отъ геморроя, да не было бы и надобности въ такомъ множествѣ чиновниковъ. Почитаю всего болѣе для Васъ нужнымъ уставъ законовъ гражданскихъ, а поэтому намѣреваюсь выслать X томъ съ 18-ю продолженіями къ нему. Обѣщаютъ къ 1856 году новое изданіе законовъ; это будетъ большое благодѣяніе, потому что разыскиваніе, не измѣнена ли одна изъ статей законовъ въ одномъ изъ 18-ти продолженій,—представляетъ скучный трудъ, мѣшающій внимательному соображенію самой сущности постановленія. Къ слову о законахъ, скажите пожалуйста, любезный другъ Рара, сдѣлано ли просимое Вами въ письмѣ къ губернатору, посланному мною передъ отъѣздомъ, о засвидѣтельствованіи довѣренности Блюменфельду. Вспомнилъ объ этомъ потому, что по поводу одного дѣла мнѣ нужно было сообразить постановленія объ актахъ, совершенныхъ въ Имперіи и приводимыхъ въ дѣйствіе въ Царствѣ. Если бы я имѣлъ ввиду эти постановленія (но

вѣйшія, 1852 года) въ Малороссіи, то поступилъ бы нѣсколько иначе. Впрочемъ, если дѣло сдѣлано, то и говорить нечего. Ваше послѣднее письмо подкрѣпило меня еще въ томъ убѣжденіи, что война есть большое бѣдствіе, потому что и самый выгодный миръ врядъ ли въ состояніи вознаградить всѣ понесенныя черезъ войну потери. Между тѣмъ дѣла теперь находятся въ такомъ положеніи, что трудно и предвидѣть конецъ войнѣ. Многіе ожидаютъ хорошаго результата отъ положенія, въ которое поставлена Пруссія относительно заключеннаго Вѣнскимъ кабинетомъ трактата съ соперниками, ибо Пруссія и другія Германскія державы почитаютъ себя нѣсколько обиженными этими дѣйствіями Австріи. Затѣмъ твердость нашего манифеста [1]) не заставитъ ли соперниковъ задуматься? На этомъ основаны надежды; дай то Богъ, чтобы онѣ оправдались, чтобы намъ можно было обратиться къ устройству внутреннему; къ желѣзнымъ дорогамъ, находящимся въ проэктахъ. Говорятъ, что Правительство намѣрено дозволить устройство желѣзныхъ дорогъ частнымъ лицамъ: кто будетъ жить,—увидитъ, какъ говоритъ пословица. А между тѣмъ скажите, любезный другъ Рара, кажется, Вы намѣрены всю зиму провести безвыѣздно въ деревнѣ? Я полагалъ, что по крайней мѣрѣ Вы съѣздите въ Кіевъ. Вася Максимовичъ писалъ мнѣ, что въ Варшавѣ распространился слухъ, будто бы Вы будете туда въ генварѣ или февралѣ. А я бы думалъ, что хорошо бы Вамъ было поселиться въ Москвѣ. Она начинаетъ становиться для меня роднымъ городомъ: Дараганы, Фроловы, Краснокутскіе, Капнистъ, и еще кое-кто изъ близкихъ мнѣ людей, надолго будутъ тамошними обывателями, а переѣздъ туда по желѣзной дорогѣ—шутка. Не знаю даже, не рѣшусь ли съѣздить туда на праздники, чтобы повидаться съ Краснокутскими, которые очень просятъ меня объ этомъ. Въ три дня дѣло это можетъ быть сдѣлано. Какъ бы славно было, если бы Вы тамъ жили! Краснокутскіе платятъ за цѣлый домъ, прекрасно меблированный, со всѣми удобствами, 1300 р. с. въ годъ. Для дѣтей это было бы тоже полезно, даже полезнѣе, чѣмъ въ Одессѣ. Здѣсь носятся слухи, будто бы въ настоящее время многіе оставляютъ Одессу, въ предвидѣніи того, что можетъ случиться весною. Я уже благодарилъ Васъ, мой добрый Папаша, за присылку денегъ, еще разъ благодарю, даже не нахожу выраженій, какъ благодарить Васъ, потому что не помню давно такого покойнаго и пріятнаго состоянія духа, какъ то, въ какомъ нахожусь въ настоящее время: занимаюсь усердно службою, много читаю, и читаю съ полнымъ вниманіемъ, котораго невозможно требовать отъ человѣка, озабоченнаго внѣшними обстоятельствами;

[1]) Отъ 14 декабря 1854 г. изъ Гатчины. Напечатанъ въ XIII кн. труда Н. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“, стр. 196-198.

затѣмъ, право, даже лишній разъ въ театръ не поѣхалъ, такъ мало это для меня нужно и такъ много я дорожу спокойствіемъ внутреннимъ. Въ городѣ ходятъ слухи, что Фельдмаршалъ приглашается въ Петербургъ для совѣщаній, гр. Орловъ назначается на его мѣсто намѣстникомъ, III-е отдѣленіе присоединяется къ гр. Адлербергу, отъ котораго отойдетъ почтовая часть подъ вѣдѣніе Прянишникова; но это слухи, которые не подтверждаются. Обнимаю Васъ, цѣлую Maman и дѣтокъ, желаю Вамъ провести пріятно праздникъ. Душевно преданный Вамъ сынъ и другъ

В. Стороженко.

274.

15 января 1855 г. Да не покажутся Вамъ странными, любезный другъ Рара, повторительныя изъявленія благодарности моей за оказанное мнѣ пособіе къ устройству дѣлъ. Право они искреннія и вырываются невольно, когда намѣреваюсь писать къ Вамъ, потому что давно не помню такого пріятнаго для меня времени, какъ это послѣднее. Миновало состояніе разныхъ озабоченностей, пришло спокойствіе, легкій трудъ, свѣтлая голова, отрѣшеніе отъ личныхъ интересовъ, участіе къ внѣшнимъ и т. д.—словомъ я чрезвычайно доволенъ моей судьбою, чѣмъ самымъ, если Вы любите меня, могу доставить удовольствіе и Вамъ. Отсюда самъ собою вытекаетъ вопросъ: есть ли для меня какой поводъ желать перемѣны? Для меня этого повода рѣшительно не существуетъ. Даже въ служебномъ отношеніи мои надежды оживились: прежній оберъ-прокуроръ нашъ, человѣкъ добрый, но больной и равнодушный къ дѣлу,—сдѣланъ сенаторомъ. Многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, это пріятно и для него, и для насъ. Мѣсто его получилъ молодой, энергичный человѣкъ, по отношеніямъ котораго ко мнѣ я имѣю нѣкоторое основаніе надѣяться, что онъ въ скоромъ времени очиститъ и для меня мѣсто, которое мнѣ подобаетъ. Я увѣренъ даже, что не прійдется долго ждать, а въ губернію забираться, право, не имѣю никакой охоты. Понимаю жизнь въ губерніи или губернаторомъ, или богатымъ помѣщикомъ, а не чиновникомъ, или мелкопомѣстнымъ; понюхалъ я немного и полтавскаго воздуха, но не нашелъ, чтобы онъ былъ упоительнымъ. Когда то мнѣ дѣйствительно представлялось весьма привлекательнымъ служеніе въ Малороссіи для Малороссіи, но и эта мечта разбилась о дѣйствительность. Въ нашихъ стѣнахъ гоститъ съ нѣкотораго времени Фельдмаршалъ, но на этотъ разъ я не разсудилъ даже побывать у его приближенныхъ. Если П. Ник. захочетъ меня увидѣть, то легко отыщетъ. И въ эти отношенія, къ большому моему прискорбію, вкрались временемъ

и обстоятельствами какія то шероховатости. Сегодня опять заходилъ въ книжную лавку: обѣщаютъ X-й томъ черезъ двѣ недѣли. Помаду посылаю; сѣмена не были, по крайней мѣрѣ всѣ, въ полученіи у Сима, когда же все по реестру Вашему соберется, то онъ пришлетъ ко мнѣ, а я перешлю къ Вамъ. Къ веснѣ еще поспѣютъ. 17-го января. Еще нѣсколько словъ передъ отправленіемъ моимъ въ сенатъ, куда по понедѣльникамъ хожу весьма рано, потому что въ этотъ день мой доклалъ, а докладъ есть нѣкотораго рода экзаменъ, передъ которымъ, сколько ни будь увѣреннымъ, одолѣваетъ человѣка маленькое безпокойство. Что значитъ самолюбіе! Но не объ этомъ я намѣревался говорить, а о томъ, что я въ восторгѣ отъ Вашего намѣренія пріѣхать въ этомъ году въ Петербургъ и привезти Колю. Если это будетъ въ концѣ лѣта и Вы меня предупредите, то я перемѣню квартиру и устроюсь такъ, чтобы принять Васъ у себя, а тамъ Коля останется у меня совсѣмъ, будетъ ходить въ гимназію, а дома будетъ заниматься музыкою и предметами, въ которыхъ онъ послабѣе. Я теперь уже думаю объ учителяхъ и о методахъ, и заранѣе радуюсь успѣхамъ Коли. Но нужно и для Доли что нибудь сдѣлать; теперь требованія и къ дѣвушкамъ весьма велики: Лиза Безакъ говоритъ на трехъ языкахъ, хорошо играетъ и рисуетъ; 13-ти лѣтняя дочь И. Хр. Капгера давала на дняхъ концертъ въ домашнемъ кругу и привела всѣхъ въ восхищеніе. Обнимаю моихъ добрыхъ дѣтей. Здѣсь продолжаютъ еще говорить о мирѣ и надѣяться на окончаніе войны, но думаютъ, что драма въ Крыму должна предварительно разыграться тамъ до конца. Это то и страшно. Обнимаю, Васъ, любезный другъ Рара, цѣлую Maman и Кат. Мих. кланяюсь всѣмъ.

Преданный сынъ и другъ

В. Стороженко.

275.

7-го февраля 1855 г. Посылаю Вамъ. любезный другъ Рара, сѣмена. Впередъ радуюсь Вашему удовольствію, если видъ и запахъ будущихъ цвѣтовъ и вкусъ будущихъ плодовъ вознаградитъ Васъ за заботливость при сѣяніи. Не долго уже ждать осталось оживленія природы, но тѣмъ грустнѣе думать, что съ тѣмъ вмѣстѣ начнутся между людьми кровавыя событія. Здѣсь мало кто вѣритъ въ возможность мира, тогда какъ громадныя со всѣхъ сторонъ приготовленія предвѣщаютъ борьбу упорную. Еще масляничныя, веселыя физіономіи не успѣли принять постнаго вида, какъ уже общественный говоръ перешелъ отъ увеселеній къ грустному дѣлу. 13-го собирается здѣшнее дворянство для

принятія мѣръ къ составленію ополченія; всякій старается предугадать результаты, невольно приходятъ на память 1812 годъ и Кутузовъ. Князь уже недѣли двѣ тому назадъ собирался оставить С. П. Б., но задержанъ нездоровьемъ. У него только и думы, только и разговору, что объ Австріи, поэтому не берутся поговорить съ нимъ о Васъ. По крайней мѣрѣ, такимъ образомъ былъ отклоненъ мой намекъ, котораго я не нашелъ нужнымъ повторять, а тѣмъ менѣе еще говорить о себѣ; припоминая себѣ отношенія, въ которыхъ я находился къ Петру Николаевичу, понимаю, что онъ бы могъ вспомнить обо мнѣ и пожелать сдѣлать мнѣ что нибудь доброе, но самому мнѣ наводить его на эту мысль не приходится, да я бы и съумѣлъ этого. Впрочемъ, мы съ нимъ видѣлись короткое время на улицѣ: онъ хотѣлъ быть у меня, но не былъ. Можетъ быть, мое самолюбіе и не совсѣмъ умѣстно, но не менѣе того оно препятствуетъ мнѣ поступать иначе; всѣ мнѣ говорятъ: „поѣзжай къ Игнатьеву“, но врядъ ли на это рѣшусь безъ какого нибудь съ его стороны предупрежденія. Какія связи, впрочемъ, не подчинены вліянію времени и обстоятельствамъ! Припоминаю при этомъ, что тридцатилѣтніе сотоварищи въ изданіи Сѣверной Пчелы, Гречъ и Булгаринъ, нынѣ не видятся другъ съ другомъ. Поводомъ къ этому было то, что на недавно бывшемъ обѣдѣ, данномъ по подпискѣ Гречу по случаю пятидесятилѣтія его литературнаго поприща, Гречъ, въ сказанной имъ рѣчи, не упомянулъ о Булгаринѣ, такъ что торжество юбилейнаго праздника не коснулось Ѳад. Венед. Онъ обидѣлся, а между тѣмъ говорятъ, что Гречъ дѣйствовалъ такъ, будучи предваренъ, и чтобы не дать повода къ какой нибудь неумѣстной сценѣ. Недавно получилъ я письмо отъ Ник. Ив., который, между прочимъ, увѣдомляетъ меня, что вызываетъ Лизу въ Малороссію, и приглашаетъ меня провесть съ нею нѣкоторое время въ деревнѣ. До исполненія еще далеко, но все таки мнѣ пріятно думать, что, можетъ быть, намъ придется и въ нынѣшнемъ году повидаться въ Малороссіи. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, если не тамъ, то въ Петербургѣ. Жду Колю съ нетерпѣніемъ подъ мой кровъ, а между тѣмъ цѣлую его и благодарю за миленькое письмо. Что дѣлаетъ Доля? Какъ то ея здоровье? Слыхали ли Вы, что бѣдная Анна Евг. опять осталась вдовою? Какая судьба! Какъ провели Вы время въ Кіевѣ?

Обнимаю Васъ, любезный другъ Papa, цѣлую Maman и усердно кланяюсь всѣмъ нашимъ. Преданный Вамъ сынъ и другъ

В. Стороженко.

276.

Чевельча 14 февраля 1855 г.

Мы и въ домахъ нашихъ цѣпенѣемъ отъ постоянно жестокихъ морозовъ; сколько же терпятъ на высотахъ Балаклавскихъ нашедшіе на Крымъ? Пока трактуютъ о мирѣ, пусть снѣга и вьюги располагаютъ непріятелей къ нему, чтобы изъ глубины сердца воскликнуть опять: Великъ россійскій Богъ!

Нѣсколько дней тому я возвратился съ Ю. И. и Колею изъ Кіева, куда ѣздилъ для необходимыхъ покупокъ (въ особенности для предпамѣренной мною перестройки дома), и гдѣ я было опять заболѣлъ по прежнему. Кіевъ укрѣпленъ, оборонительныя казармы высятся въ небо; истинную пользу ихъ оправдаютъ время и опыты; за Броварами съ нашей стороны по дорогѣ такъ же укрѣпленія; а что за мостъ, что за въѣздъ въ городъ? — диво! и самый городъ строеніями поправился; но нѣтъ жизни даже и въ контракты, омелѣвшія торговлею. Все дѣло въ удобныхъ путяхъ. Транспорты въ Крымъ трудные. Непонятно, какіе дерзкіе генералы непріятельскіе не заняли прямо Перекопа, гдѣ татары и моихъ было съ солью атаковали съ нагайками; но мои отбились, привезли соль благополучно, только одинъ былъ раненъ.

О дрожкахъ писалъ мнѣ Дараганъ, что онѣ отправлены имъ изъ Москвы, и чтобы я 15 генваря послалъ за ними въ Лубны. Посылали туда раза три; но видно дрожки идутъ съ артиллерійскими припасами для арміи; а потому и понынѣ не дошли до Лубенъ; а ихъ надобно бы мнѣ передѣлать, ибо въ оглобляхъ лѣтъ сорокъ я не ѣздилъ; но лишь бы только онѣ совсѣмъ не сгибли. Пару хомутовъ я купилъ уже въ Кіевѣ.

Вообрази, что въ галереѣ у насъ обвалился потолокъ, т. е. штукатурка. Благодаря Бога, что дѣти только что перестали играть тамъ. Въ домѣ течь; итакъ надобно покрыть его желѣзомъ. Поэтому, чтобы имѣть деньги, я рѣшился варить въ Щербаковкѣ селитру, о которой Правительство теперь крѣпко хлопочетъ. До сего назначалось только по предварительной раскладкѣ, кто выкуривалъ 1000 пуд., тому 250 пуд., а теперь всѣхъ приглашаютъ. Прежде была общая конкурренція, отъ того и въ порохѣ не нуждались. Подобная распорядительная экономія всегда послѣ бываетъ начетиста.

Ты пишешь, другъ мой, что мой Богодуховскій хуторъ, т. е. люди и земля, цѣнится 11 т., прибавь къ твоему свѣдѣнію 15 душъ и 6 т. руб. за строенія, и выйдетъ 18 т. руб., а за Дараганов 18 т. руб. Но у людей его и пары воловъ нѣтъ; а пусть попробуетъ строиться,

увидитъ, что 6 т. руб.—мало. Словомъ сказать, что я мое имѣніе ниже 18 т. руб. уступить никакъ бы не могъ; за его же далъ бы, т. е. за землю и людей, 15 т. руб. и третью часть людей готовъ отдать, какъ отдалъ изъ хутора Богодуховскаго, по 40 руб., даже и менѣе.

Помаду я получилъ, а сѣмянъ ожидаю; да включи пожалуйста сѣмена кровнокрасныхъ, самыхъ темныхъ бураковъ, которые у насъ совсѣмъ перевелись.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя.

Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

Maman и дѣти также цѣлуютъ тебя.

277.

Чевельча, 4 марта 1855 г.

Вчера мы присягали Государю нашему Александру Николаевичу; съ молитвою вѣрнаго я желалъ Ему благоденственнаго царствованія; да поживемъ подъ кроткимъ его скипетромъ. Коля, подписываясь на присяжномъ листѣ, какъ бы вступилъ въ гражданство, и въ глазахъ его сіяли радость и прекрасныя надежды!

Мнѣ кажется, что теперь западные враги умѣрятъ злость свою; а плохіе результаты особливо дерзкаго предпріятія на Севастополь, не завладѣвши Крымомъ, заставятъ ихъ призадуматься: не лучше ли при семъ удобномъ случаѣ возвратиться съ мнимою славою во свояси, чтобы описывать геройски умиравшихъ отъ поносовъ и лишеній. Впрочемъ Европа совершенно успокоиться не можетъ; ей необходимы потрясенія.

Сѣмена и, наконецъ, дрожки получилъ; послѣднія съ изломанными крыльями, что засвидѣтельствовалъ и почтмейстеръ письменно, дабы не пала вина на посыланнаго за ними. Теперь хлопочу, какъ бы придѣлать крылья къ нимъ (а это въ Малороссіи не бездѣлица) и передѣлать ихъ на пару въ дышло. Одна лошадь и по шоссе ихъ не потянетъ, хотя онѣ вальяжностію подобны продаваемымъ перекупщиками у васъ подъ Невскимъ. Экономія изъ 5 руб. будетъ мнѣ стоить вдесятеро. Это тѣже проценты.

Внезапная перемѣна не перемѣнила постановленія моего вступить въ службу не иначе, какъ чрезъ свѣтъ. Если не удастся, буду жить въ Чевельчѣ, и благодарить Господа за уголъ и хлѣбъ насущный. Колю

осенью привезу къ тебѣ; а ежели отхлынетъ гроза отъ нашихъ береговъ Черноморскихъ, помѣщу семейство на зимовлю въ Одессѣ, гдѣ и самъ проживать намѣреваюсь. Пока еще темнота кромѣшная, особливо для насъ селянъ, и внѣ, и внутри. Политическій горизонтъ не проясняется; а напротивъ собираются тучи надъ западомъ. Нѣмцы продолжаютъ хитрить; но мы скорѣе ихъ выиграемъ, ежели будемъ стоять твердо за свое. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя вѣсточки; даже газеты къ намъ не дошли еще съ описаніемъ кончины Императора. Дай Богъ ему царствіе небесное!

Императора Александра II я любилъ всею душею съ юношескихъ лѣтъ его; хотѣлъ бы послужить ему; но самолюбіе вопіетъ противу всякой мысли, ежели проскользнетъ какая и не остановится на Князѣ Варшавскомъ. Онъ ближе всѣхъ знаетъ, какъ я служилъ, или мучился, послѣднія 20 лѣтъ; ему одному извѣстны причины, понудившія меня засѣсть въ Малороссіи: слѣдовательно онъ, ежели есть на свѣтѣ справедливость, долженъ и отдаться человѣку, невинно оклеветанному.

Все ли старое останется по мѣстамъ? кѣмъ начнется военная кампанія? на какой точкѣ границъ сѣверныхъ и южныхъ раздастся первый выстрѣлъ? или же покроетъ насъ духъ благодѣтельнаго мира и раскатятся громы на земляхъ Германіи? Неисповѣдимо-любопытная эпоха. Да ниспошлетъ Государю и Россіи Всемогущій Господь начать весну не битвами, а необходимымъ устроеніемъ внутренняго образованія ко благу общему. Съ колѣнопреклоненіемъ будемъ молиться о семъ!

Самостоятельность твою, любезный сынъ и другъ мой, похваляю; надобно цѣнить себя; но не должно пренебрегать случаевъ, когда можно перейти и съ хорошей дорожки на лучшую. Почему не представиться тебѣ Игнатьеву?

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя, отецъ и другъ твой

Анд. Стороженко.

Maman и дѣтки цѣлуютъ тебя.

278.

Чевельча 12 марта 1855 г.

Прочитавъ въ Сѣверной Пчелѣ назначенія воеводами большаго полка Алексѣя Петровича Ермолова и рати надбалтійской князя Шаховского, я сотворилъ молитву за Царя возлюбленнаго, уважающаго мысли народныя. Два эти доблестные мужа браней еще Суворовскіе

богатыри, были съ нимъ на штурмѣ Пражскомъ; съ девяностыхъ годовъ (что болѣе полустолѣтія), стояли грудью въ бояхъ противу разныхъ враговъ Россіи и стяжали имена храбрыхъ въ общемъ мнѣніи земляковъ, любящихъ родное. Если, по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, попытки вражескія продолжатся, Маститые Старцы тряхнутъ сѣдинами, и молодцы граждане съ крѣпкими мышцами, съ кипящею за отечество кровію пойдутъ на ударъ на тысячи и тьмы западной сволочи. Если меня самого выберутъ на родинѣ, хотя въ простые козаки, съ восторгомъ понесу голову и съ готовностію положу ее за престолъ Монаршій и отечество.

Начала трехъ столѣтій въ бытописаніи русскомъ ознаменовались истребленіемъ находившихъ на Русь православную: въ 1612 году погибли поляки, въ 1709 шведы, въ 1812 полчища вождя стяговъ почти всей Европы; Богъ правыхъ поможетъ и намъ поразить союзниковъ угнетающаго христіанъ исламизма, дерзающихъ вторгаться въ черту земли нашей!

Эти чувства, любезнѣйшій сынъ и другъ мой, воодушевляютъ томящагося въ бездѣйствіи, благословляющаго тебя отца твоего, и да сохранятся они въ памяти твоей для грядущаго, которое для тебя впереди, какъ мое для меня было нѣкогда.

Недавно писалъ тебѣ; теперь же ограничиваюсь сими нѣсколькими строками, излившимися изъ умиленной души, полной общими происшествіями, подавляющими въ мыслях неинтересныя дѣла наши деревенскія.

Maman и дѣтки со мною цѣлуютъ тебя.

А. Стороженко.

279.

24-го марта 1855 г. Недавно писалъ къ Вамъ, любезный другъ Рара, затѣмъ получилъ письмо Ваше отъ 14-го февраля, вслѣдствіе котораго отправилъ къ Вамъ сѣмена отъ самыхъ темныхъ бураковъ; вскорѣ послѣ послалъ Вамъ *портретъ покойнаго Государя*, лучшій, какой есть въ этомъ родѣ, и маленькій планъ Севастополя съ окрестностями, тоже лучшій изъ продающихся. Мнѣ случилось видѣть планъ, сдѣланный въ нашемъ генеральномъ штабѣ, подробный и прекрасный, но, неизвѣстно почему, онъ составляетъ секретъ и поэтому купить его нельзя. Къ сожалѣнію тоже не могу Вамъ послать небольшой брошюры, написанной, какъ говорятъ, принцемъ Наполеономъ о крымской экспе-

диціи, въ которой онъ самъ участвовалъ; она тоже не продается, хотя говорятъ, что подробныя извлеченія изъ нея будутъ переведены и напечатаны въ русскихъ газетахъ. Право слѣдовало бы, потому что сообщенныя въ ней свѣдѣнія о высадкѣ, объ Альмскомъ дѣлѣ, о движеніяхъ нашихъ къ Бахчисараю и союзниковъ на южную сторону Севастополя, наконецъ, о бомбардированіи и объ Инкерманскомъ дѣлѣ,—если могутъ быть непріятны нѣкоторымъ личностямъ, но нисколько не тягостны для самолюбія русскихъ. Меншиковъ же представляется достойнымъ главнокомандующимъ. Натурально для живыхъ поколѣній главное успѣхъ, а исторія только въ состояніи оцѣнить мысль и намѣреніе. Любопытно было бы испробовать кое-кого подъ Севастополемъ! Со страхомъ думаю, что Никол. Иван. теперь уже тамъ, потому что 12 марта, какъ писалъ мнѣ, долженъ былъ выѣхать изъ Кишинева. Дай Богъ ему счастья! Вѣдь есть же счастливцы въ полномъ смыслѣ этого слова. Третьяго дня пріѣхалъ сюда въ депешами о послѣднемъ дѣлѣ лейтенантъ Бирюлевъ, крымская знаменитость, командовавшій охотниками, кажется, въ двѣнадцати вылазкахъ, взявшій наконецъ непріятельскую батарею и даже не оцарапанный; ему 24 года, Государь пожаловалъ его въ капитанъ-лейтенанты и сдѣлалъ фл.-адъютантомъ. Гости Петербургскіе разъѣхались по домамъ, въ томъ числѣ и Алексѣй Петровичъ, который занималъ нѣсколько дней весь городъ; еще и теперь тамъ и здѣсь отзываются или умная черта, или острое слово, будто бы имъ сказанное, но все это уступаетъ мѣсто надеждамъ новаго благополучнаго царствованія. Объ этомъ и тому подобномъ можно было бы писать многое, но лучше отложить это до изустной бесѣды. Не правда ли, мы увидимся въ этомъ году? Я уже пріискиваю себѣ другую квартиру, чтобы принять Васъ и помѣстить Колю.

Обнимаю Васъ отъ души, преданный сынъ и другъ

В. Стороженко.

280.

28 марта 1855 г. Едва успѣлъ отправить къ Вамъ, любезный другъ Рара, мое послѣднее письмо, какъ получилъ два Вашихъ отъ 4-го и 12-го марта. Благодарю, что не скучаете дѣлиться со мною Вашими впечатлѣніями. Новое царствованіе началось спокойно; кратковременное продолженіе его ознаменовалось уже нѣкоторыми полезными нововведеніями и добромъ: войскамъ дали сообразнѣйшую одежду, а въ Свѣтлый праздникъ объявленъ манифестъ о льготахъ и облегченіяхъ;

въ Крыму идетъ какъ то успѣшнѣе; въ Вѣнѣ, судя по газетамъ. расположены къ миру; все это вмѣстѣ не предсказываетъ ли благополучнаго, расположеннаго къ общему благу царствованія? Желалъ бы очень, чтобы Вамъ удалось вступить на служебное поприще, гдѣ бы Вы могли въ обширнѣйшемъ размѣрѣ приложить Ваше умѣнье и энергію, но признаюсь, не имѣю въ томъ отношеніи большой надежды: вся администрація въ рукахъ новаго поколѣнія, людей прежнихъ встрѣчаешь только въ совѣтахъ; самое утвержденіе Ермолова и Шаховского не доказываетъ противнаго, выражая только почетъ именамъ. Захочетъ ли Князь что нибудь сдѣлать? а если и захочетъ, то что въ состояніи будетъ сдѣлать? Въ особенности, если дѣла примутъ мирный оборотъ, требованіе на людей будетъ еще меньше; Алексѣй Петровичъ 30 лѣтъ бездѣйствовалъ. Во всякомъ случаѣ изъ деревни трудно попасть на мѣсто: нужно было бы, мнѣ кажется, потолкаться для этого между служащими людьми. Вчера во Дворцѣ видѣлъ Бирюлева: хорошенькій юноша, у котораго едва пробиваются усы; не хочется вѣрить, чтобы онъ участвовалъ въ двѣнадцати вылазкахъ, изъ коихъ шестью самъ предводительствовалъ. Благодарю Колю за письмо: меня радуетъ, что онъ начинаетъ заниматься политикою, говоритъ о Крымѣ и главнокомандующихъ; съ удовольствіемъ думаю о томъ времени, когда мы будемъ вмѣстѣ. Досадно, что дрожки прибыли изломанными; что касается работы, то дрожки не отъ первокласснаго мастера, потому что такому нужно было бы заплатить 350 р. с., за Ваши же заплочено 150 р. да тарантасъ пошелъ въ 25 р. Я самъ былъ при этомъ. Цѣлую Maman и дѣтокъ. Обнимаю Васъ отъ души и желаю пріятной весны.

Сынъ и другъ Вашъ

В. Стороженко.

281.

Чевельча 8 апрѣля 1855 г.

Письма твои, лучшій другъ мой Владиміръ, пріятно наполняютъ нѣкоторыя минуты безцвѣтной жизни моей. Послѣднее отъ 14 марта вылилось у тебя въ такомъ направленіи, что я прочиталъ его нѣсколько разъ. Безспорно Алек. Петров. умомъ, остротою и военною манерою въ обхожденіи ровномъ пріобрѣлъ популярность, и надежды, если онъ будетъ дѣлателемъ на какомъ нибудь посту, оправдаются. За всѣмъ тѣмъ дай Господи, скорѣе миръ не уничижительный, чего и я и всѣ надѣются съ твердымъ упованіемъ на характеръ и правительства, и народа.

Военныя извѣстія, хотя упрочиваютъ нашу добрую славу, но не воспламенительны. Быть можетъ, теперь начнутъ писать бойче и живѣе, и начнутъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Войскъ нашихъ въ Крыму сила; однѣ вылазки и нападенія, какъ, напримѣръ, на Евпаторію, малыми отрядами, не могутъ имѣть результатовъ въ большихъ размѣрахъ; надобно дать сраженіе, какого во всю эту войну еще не было, не съ 35 т., какъ при Альмѣ, и миръ тогда сбудется навѣрное. Рыть землю и по самымъ утонченнѣйшимъ правиламъ фортификаціи, имѣя подъ ружьемъ 150 т. готовыхъ на жизнь и на смерть, наскучитъ боевому воинству. Мнѣ случалось бывать при осадахъ крѣпостей и помню, какъ это было скучно и съ какимъ восторгомъ мы слушали о казачьемъ форпостномъ наѣздѣ.

Жаль, что у меня теперь нѣтъ денегъ: все, что собирается, идетъ на селитренный заводъ; а хотѣлъ бы выписать хорошій портретъ обожаемаго мною Александра II. При первыхъ деньгахъ я попрошу тебя объ этомъ.

Изъ Варшавы получаю все ту же gadaninę. Хотѣлъ было съѣздить туда, но не знаю, кто, что и какъ. Графъ Ридигеръ облеченъ въ санъ главнокомандующаго, войска его въ Царствѣ Польскомъ—тутъ возьметъ раздумье; итакъ подождемъ свѣта, ибо я не иначе хочу вступить на службу, какъ чрезъ намѣстника, даже и въ отношеніи эмеритуры.

Весна у насъ и ранняя, и прекрасная, бываютъ однако же иногда и морозцы, но надежды на урожаи травы и хлѣба пріятныя, воды вездѣ много, все улыбается яркою зеленью, авось либо отдохнемъ послѣ того, что я издержалъ на одно сѣно для лошадей болѣе 1500 руб. сер. Надобно уменьшить заводъ, ибо и ремонтовъ никто не покупаетъ.

Мнѣ представляется общее грядущее у насъ въ самыхъ лучшихъ видахъ; а то чума, холера, неурожаи, падежъ скота, безденежье и прочія катастрофы—оледеняли. Неужели не прекратится у васъ эта вѣчная холера? или она аклиматизируется въ болотахъ финскихъ? Этого въ грядущемъ не представляю, а только молюсь, какъ молился, объ избавленіи.

Николай Ивановичъ теперь подъ выстрѣлами бомбическихъ орудій и штуцеровъ съ коническими пулями; да хранитъ его Господь силъ! Всѣ эти смертоносныя изобрѣтенія теряютъ преимущества противу единодушнаго ура и штыковъ доблестныхъ сыновъ сѣвера. Поведи ихъ дѣльно, и они сломятъ всю крѣпость вражескую. Какъ бы я хотѣлъ видѣться съ тобою! Неужели Лиза останется въ Нѣметчинѣ?

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя, отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

282.

11 апрѣля 1855 г. Съ этою же почтою посылаю Вамъ, любезный другъ Рара, три экземпляра „*Послѣднихъ часовъ жизни императора Николая*“. Я не могъ читать этого описанія безъ слезъ, полагаю, что и на каждаго оно будетъ имѣть благотворное вліяніе. Въ одинъ изъ экземпляровъ входитъ и списокъ съ протокола Государ. Совѣта, состоявшагося 19-го февраля, на другой день послѣ кончины покойнаго Государя. Этотъ документъ интересенъ, какъ источникъ тѣхъ слуховъ, которые ходятъ о главнѣйшихъ личностяхъ нашей администраціи. Впрочемъ минуты душевныхъ волненій не походятъ на минуты трезваго размышленія. Ждутъ многихъ перемѣнъ къ 17-му апрѣля, дню рожденія Государя, но въ какой степени ожиданія осуществятся, увидимъ въ скоромъ времени. Въ отношеніи себя опасаюсь нѣсколько осуществленія слуховъ, что придворнымъ чинамъ даютъ русскіе кафтаны, зеленые бархатные, шитые золотомъ и опушенные соболемъ. Какъ бы это ни было красиво и хорошо, но для кармановъ накладно. Сегодня распубликованы извѣстія изъ Севастополя до 3-го апрѣля: рѣшительнаго ничего, потеря людей значительная отъ непрерывнаго 8-мидневнаго бомбардированія. Отъ 20-го марта имѣю письмецо отъ Николая Ивановича. До сихъ поръ Господь хранитъ его. Взятію Севастополя союзниками здѣсь никто не вѣритъ: наши войска будутъ драться страшно. Мнѣ сегодня говорили, что Позена приглашаютъ въ Петербургъ для присутствованія въ комитетѣ по предмету винной откупной системы; поговариваютъ тоже о томъ, что Брокъ получитъ другое назначеніе; но, право, нѣтъ охоты повторять всѣхъ слуховъ,—такъ часто уже приходилось брать сказанное назадъ. Получили ли сѣмена отъ бураковъ, карту и книги для дѣтей? Обнимаю ихъ, Maman и Васъ, мой добрый Рара.

Покорный Вашъ сынъ и другъ

В. Стороженко.

283.

Чевельча 31 мая 1855 г.

У насъ предварительно было уже обвѣщено о формированіи 6-ти козацкихъ конныхъ полковъ, и мнѣ назначено поставить для нихъ 13 лошадей со сбруею; хлопотъ поэтому и издержекъ много; но я съ

восхищеніемъ увижу готовыхъ, какъ самъ готовъ, стать за родину и Царя. На 6-е, 7-е слѣдующаго іюня насъ дворянъ приглашаютъ въ Полтаву, для выбора полковыхъ командировъ и офицеровъ; ѣду съ удовольствіемъ.

Дай Господи, въ сентябрѣ обнять тебя, милый другъ мой, и вручить тебѣ Колю, хватскаго мальчика.

Авось либо къ тому времени соберусь съ деньгами. Теперь у насъ все та же стагнація въ сбытѣ продуктовъ—покупщики безъ денегъ, а издержекъ много.

Селитренный заводъ мой пошелъ уже на удивленіе всѣхъ, и я только что не сплю подъ котлами—надѣюсь, что доходы будутъ, безъ труда и дѣятельности ни до чего не достигнешь.

Видно, ты не получалъ еще письма моего, когда написалъ ко мнѣ. Я просилъ прислать мнѣ записку французскаго генерала, или Наполеона наслѣдника, повторяю эту просьбу.

Ежели твой Мишка балуется, отдай его въ садовники, или въ повара, или..., но не въ переплетчики; а выростетъ и не будетъ ни къ чему годенъ, пойдетъ на царскую службу. Мнѣ и теперь опять надобно къ 10-му іюня 8 рекрутъ. Это тяжело и начетисто.

У насъ озимые хлѣба и травы гораздо лучше прошлогодняго, начали уже косить; а яровые сомнительны, ибо опять началась засуха.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя, отецъ твой и другъ

Анд. Стороженко.

284.

Чевельча 16 іюня 1855 г.

О двухъ предыдущихъ письмахъ моихъ къ тебѣ, милый другъ Вольдемаръ, ты не говоришь ни слова; въ послѣднемъ я писалъ и объ мальчикѣ, и о брошюрѣ Наполеона. Видно ты не получилъ ихъ.

Недавно я возвратился съ Полтавскаго дворянскаго собранія, замученный долгайшими засѣданіями. За то и козаки, и кони для нихъ, и продовольствіе—все обсужено и постановлено. О значительности пожертвованій никто и не поморщился, все двинулось къ устройству козацства. Неужѣли эта война безъисходна? Дерутся наши славно; но секурсы непріятелямъ, кажется, неистощимы. Дождемся ли, наконецъ, генеральнаго сраженія, безъ коего ни одна на землѣ война не кончалась. И наше притаманское Азовское море начало колыхаться подъ враже-

скими ладьями; приморскія беззащитныя мѣста берутся безъ выстрѣловъ; видно отдѣлять нечего на защиту ихъ изъ подъ Севастополя; а хлѣбныхъ запасовъ было тамъ много. Грустно! Но все это дрянь, лишь бы не сдѣлано было настойчивыхъ попытокъ на помѣху нашимъ подвозамъ въ Крымъ. Непонятно, какъ союзники, высадившись въ Эвпаторіи, не ударили тогда же на Перекопъ. Самый важнѣйшій моментъ этотъ пропущенъ ими; да и намъ бы легче было побить зимою полумертвыхъ, нежели теперь ожившихъ и усилившихся. На это одинъ князь Меньшиковъ можетъ отвѣтить.

Служилъ я долго, видѣлъ много; знаю и людей многихъ, пошли имъ Господи царствіе!

Николай Ивановичъ совсѣмъ не пишетъ ко мнѣ; но Богъ хранитъ его.

Я и не думалъ перемѣнять намѣренія моего отвезти Колю въ сентябрѣ подъ дальнѣйшее твое руководство. Сбираю для этого деньги, летящія изъ рукъ и на свои необходимыя въ домѣ издержки, и на пожертвованія.

У насъ урожай вообще лучше прошлаго года, по крайней мѣрѣ, я не буду принужденъ покупать сѣна; да и лошадей, и овецъ уменьшилъ отъ страха прошлогднихъ издержекъ.

Чортъ побери этихъ западныхъ прогрессистовъ; какъ не затуманитъ ихъ умственное волненіе и не охрипнутъ крикуны pro et contra! Должно было думать, что революціонисты такъ и сыпнутъ за арміями; а ихъ, какъ оказывается, въ Крыму весьма немного. Многіе попались намъ въ плѣнъ; гадки отвратительно, и умереть то не умѣютъ, какъ англичане не умѣютъ стоять противу натисковъ.

Съ умиленіемъ слышу, что поляки не волнуются; да утвердятся они въ благомысліи и славянствѣ!

Желаю тебѣ здоровья! Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя.

Отецъ твой и другъ А. Стороженко.

Maman и дѣтки также цѣлуютъ тебя. Пріими и мой поцѣлуй, другъ мой Володичка, и вѣрь чувствамъ никогда неизмѣняемой дружбы и желанія тебѣ всѣхъ благъ. Ежели я тебѣ не пишу, то это отъ того, чтобы не обременять своими письмами, кои не могутъ быть интересны изъ Малороссіи, гдѣ все одно и то же. Война, война, да и только одни бѣдствія. Люби твою всегда Julie. Доля и Коля тебя обнимаютъ. Какъ ни грустна мнѣ мысль разстаться съ Колей, но онъ будетъ подъ твоимъ покровительствомъ и, надѣюсь, во всемъ будетъ тебѣ подражать, а болѣе я ничего не желаю.

285.

17-е іюня 1855 г. Завтра переѣзжаю на новую квартиру, на углу Вознесенской и Мѣщанской, въ домѣ Шредера. Если бы Вы, любезный другъ Рара, пожелали помѣститься у меня, то весьма покойно могли бы расположиться въ кабинетѣ или спальнѣ. Потѣснившись, всѣмъ тремъ намъ будетъ мѣсто. Но видно обстоятельства заблагоразсудили, чтобы я съ перемѣною квартиры перемѣнилъ и мѣсто служенія, и мундиръ, и многое кое-что. На дняхъ будетъ въ приказѣ о переводѣ меня начальникомъ отдѣленія въ морское министерство. Вы удивляетесь, а мнѣ такъ, право, самому смѣшно, какъ это случилось. Я не искалъ, мнѣ сдѣлали предложеніе, да еще съ разными обѣщаніями на будущее время. Е. И. В. генералъ-адмиралъ ищетъ хорошихъ чиновниковъ, не стѣсняясь при выборѣ чинами и разрядами. Полезнымъ вездѣ можно быть, въ матеріальномъ отношеніи положеніе выгоднѣйшее, виды есть, а главное меня приглашаютъ, а не приходится мнѣ самому искать. Я согласился и написалъ уже небольшое соображеніе о призовыхъ деньгахъ, о которыхъ недѣлю тому назадъ мнѣ и въ голову не приходило. Я доволенъ, вѣроятно, и Вы, любезный другъ Рара, порадуетесь вмѣстѣ со мною. Послѣднее письмо Ваше отъ 31-го мая я получилъ и нашелъ въ немъ объясненіе Вашего продолжительнаго молчанія; дѣло въ томъ, что одно письмо Ваше, вѣроятно, затерялось, потому что порученія Вашего о высылкѣ брошюры французскаго генерала я не имѣлъ ввиду до послѣдняго письма; съ нимъ вмѣстѣ исполняю это порученіе. Хозяйственная дѣятельность Ваша меня порадовала. Можетъ быть, что нибудь прійдется отъ нея и на мою долю; нынѣшній годъ вышелъ тяжелый для нашего брата, чиновниковъ, вообще и для меня въ особенности; портной мой радуется, а я кряхчу; въ придворномъ и сенатскомъ костюмахъ передѣлокъ рублей на триста, да теперь приходится дѣлать морскую форму, тоже рублей на полтораста. Вчера ѣздилъ въ Ораніенбаумъ высматривать непріятельскій флотъ: съ устроеннаго для этого возвышенія, при хорошемъ телескопѣ, злодѣйскій флотъ видѣнъ хорошо. Врядъ ли, однако же, удастся ему что нибудь сдѣлать; здѣсь всѣ этой вѣры, при предосторожностяхъ, принятыхъ по берегамъ. Лишь бы въ Крыму дѣла шли хорошо! Вчера еще долго говорилъ я съ однимъ врачомъ, который возвратился оттуда съ Пироговымъ; духъ войскъ чудесный, продовольствія довольно, два раза въ день по чаркѣ, ѣда хорошая, больше солдату нашему ничего не нужно. Пріятно мнѣ было слышать отъ этого врача объ Николаѣ Ивановичѣ, котораго онъ видѣлъ передъ отъѣздомъ: говоритъ, что здоровъ и бодръ, живетъ на Сѣверной въ укрѣпленіи, не въ безопасности,

потому что подъ Севастополемъ объ этомъ совсѣмъ не знаютъ, но Богъ милостивъ. Не пойдетъ ли Степа въ казаки? Воображаю, что за каша была при выборахъ. Человѣкъ у меня хорошій; для Коли не нужно брать прислуги, гимназія черезъ улицу, такъ что онъ можетъ ходить туда и одинъ. Мишку я отдалъ къ переплетчику по тому, чтобы потомъ взять его въ лакеи, да и у переплетчика за нимъ болѣе присмотра, такъ какъ онъ одинъ мальчикъ и цѣлый день занятъ. Впрочемъ, если Вы желаете, то могу уничтожить контрактъ, потому что хозяинъ мнѣ давно знакомый человѣкъ. Цѣлую Maman и дѣтокъ, кланяюсь всѣмъ, кто меня помнитъ. Затѣмъ, обнимаю Васъ искренно и въ надеждѣ скораго свиданія остаюсь преданнымъ сыномъ и другомъ

В. Стороженко.

286.

Чевельча 28 іюня 1855 г.

Вчера получилъ письмо твое, другъ мой Вольдемаръ, и съ умиленіемъ думаю о времени, когда мы съ тобою увидимся. Всякое новое дѣло располагаетъ дѣльнаго усилить трудъ и все пойдетъ сперва удовлетворительно, а потомъ славно, при снисходительности главнаго начальника, самое большое достоинство коего умѣть оцѣнить посильные труды и воодушевить подчиненнаго вниманіемъ.

Пятая недѣля, какъ сбиваетъ насъ съ толку холера. По ходу безтолковаго лѣта весь хлѣбъ поспѣлъ вдругъ, нѣкоторый высохъ отъ жаровъ африканскихъ; а внезапные проливные дожди мѣшаютъ иногда уборкѣ, не знаешь, за что хвататься. Народъ унылъ, страхъ, или тревога изображаются на загорѣлыхъ лицахъ. Я учредилъ лазаретъ временный, кормлю горячею пищею, приготовляемою на нивахъ, полъ популяціи, ибо другая половина ея работаетъ для себя; за всѣмъ тѣмъ у насъ умерло эпидеміею въ теченіе мѣсяца до 10 душъ; по другимъ же окрестнымъ мѣстамъ умираетъ болѣе. Вижу, какъ необходимъ въ деревнѣ не эгоистъ и не сонный докторъ, и повторяю тебѣ просьбу мою пріискать мнѣ такого; нашъ просился въ службу и ожидаетъ опредѣленія, чтобъ получать по 100 руб. въ мѣсяцъ; онъ получалъ и у меня по счету немало; но деньги для нѣмца выше и самой мечтательности. Однѣ онѣ выводятъ его изъ апатіи и лѣни.

Когда эта Крымская бойня прекратится? Aventurier Napoléon le petit старается всѣми средствами продлить войну, чтобъ царствовать. Я думалъ сперва, что, сбираясь въ Крымъ, взявши для этого, сколько

можно, отъ продажныхъ своихъ министровъ, милліоновъ, онъ изъ Константинополя изберетъ путь, какимъ бы могъ ускользнуть отъ выбравшаго его народа; но обманулся покуда. Франція повинуется ему, войскс удалено изъ нея; а что думаютъ мошенники англичане, не всегда угадаешь. Читая же пренія въ парламентахъ, крики Робуновъ, Леярдовъ, митинги и прочія продѣлки, жалѣешь, что объ нихъ у насъ печатаютъ. Безцвѣтная, устарѣлая Сѣверная Пчела отвращаетъ отъ газетъ. Въ нашихъ пасѣкахъ старыя пчелы убиваются. Извѣстія съ Кавказа пробуждаютъ нѣсколько любопытство. Еще въ 1828 или 29 году, когда наши проникли въ Азіатскую Турцію, я писалъ къ издателямъ Сына Отечества, что самая грозная диверсія – движеніе войскъ нашихъ восточнымъ берегомъ Чернаго моря на Константинополь, какъ это дѣлалось при Баторіи, равно прежде и послѣ, нашими предками козаками; тогда турки были въ силѣ. Статья эта была напечатана съ историческими замѣтками. Что думаю и теперь, если Муравьевъ слышалъ, или читалъ объ этомъ, и воспламенится идеею прежнихъ козацкихъ подвиговъ. Но у него такъ мало войска, Севастополь приковалъ насъ! До свиданья, любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

Николай Ивановичъ не отвѣчаетъ мнѣ на нѣсколько писемъ. Это меня безпокоитъ. Лиза совсѣмъ не пишетъ. Прислалъ ли тебѣ деньги Блюменфельдъ?

287.

Чевельча 5 іюля 1855 г.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ мой Вольдемаръ, съ новымъ мѣстомъ, съ новою службою! Это меня истинно обрадовало. Теперь ты съ тропинки тернистой вышелъ на распутья большихъ дорогъ. Пойдешь прямо, какъ сказывается въ русской старинной сказкѣ, самъ будешь сытъ; на право конь сытъ, а самъ поголодаешь; на лѣво же и самъ будешь голоденъ, и конь безъ корма. Тутъ обыкновенно встрѣчаешься съ провожатою на помелѣ, которая заведетъ человѣка Богъ вѣсть куда, и броситъ съ судорожнымъ хохотомъ. Иди, другъ мой, прямо и не сомнѣвайся въ моей помощи. Въ настоящее время у тебя денегъ болѣе, нежели у меня; но, поставивши въ Шостку селитру, разбогатѣю и возвращу тебѣ что ты издержишь на обмундировку, по твоему предположенію, изъ полученныхъ тобою денегъ изъ Варшавы. Въ сентябрѣ

непремѣнно располагаю съ Колей пріѣхать къ тебѣ. Квартира твоя помѣстительна для насъ троихъ; Коля разсматривалъ планъ оной съ большимъ любопытствомъ, разсуждалъ хлопотливо, гдѣ поставить фортепіано. У нихъ теперь учителемъ славный фортепіанистъ, такой, что и я слушаю его съ удовольствіемъ; это не тамбуръ-мажоръ новой нѣмецкой школы, хотя и нѣмецъ. Нашъ нѣмецъ д-ръ отправляется въ военные госпитали ибо ихъ приглашаютъ съ платою по 100 р. с. въ мѣсяцъ, ищемъ другого; займись и ты этимъ – въ Петербургѣ легче сыскать, нежели въ Малороссіи; пусть будетъ опять хоть нѣмецъ, только бы менѣе спалъ. Не знаю, долго ли нашъ выдержитъ вставать и ходить въ палаты съ 5 часовъ утра; у насъ ему было славно: въ 9 часовъ пилъ горячее, приготовляемое Катер. Мих., которая дѣлаетъ это съ хвастовствомъ, хотя и не всегда удачно.

Вчера у насъ праздновали 4-е; гостей было много [1]). Былъ даже осетръ, привезенный живьемъ изъ Черкасъ; Maman ногъ не слышала, но угостила всѣхъ на славу. Вспоминали о тебѣ, и мы жалѣли, что ты не участвовалъ въ домашнемъ праздникѣ, а писалъ, можетъ быть, въ то время о китовой ловлѣ. Запасись морскими терминами, чтобъ побесѣдовать съ морякомъ прошлаго столѣтія, любезнѣйшимъ Ив. Петр. Степа чуть ли не изъ этого лексикона черпаетъ отборныя выраженія, и начинаетъ ими разговоръ, называя и конюшню и кухню реформою.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя. Отецъ твой и другъ

А. Стороженко.

288.

10 августа 1855 г. Очень желаю, любезный другъ Рара, чтобы это письмо мое застало Васъ уже на выѣздѣ. Лишь бы въ деревнѣ все было благополучно, а путешествіе, я увѣренъ, будетъ для Васъ во многихъ отношеніяхъ весьма пріятнымъ. Если Вы располагаете побывать и въ Варшавѣ, и попасть на свадьбу Блюменфельда, то всего лучше, мнѣ кажется, взять съ собою экипажъ до Петербурга, чтобы отсюда удобнѣе было ѣхать въ Варшаву, а въ случаѣ надобности и въ обратный путь. Очень бы желалъ, чтобы Вы побывали въ Варшавѣ. Разсказываютъ, что Польшѣ готовятъ реорганизацію въ обратномъ направленіи къ тому, что дѣлалось въ прошедшее царствованіе. Управленіе получитъ болѣе самостоятельности, главные директора получатъ званіе ми-

---

[1]) 4-го іюля—память Андрея Критскаго, день именинъ Андрея Яковлевича.

нистровъ, русскій языкъ сохранится только въ сношеніяхъ статсъ-секретаріата, учрежденъ будетъ университетъ въ Варшавѣ, медицинскій факультетъ коего откроется будто бы въ весьма скоромъ времени. Вотъ что говорятъ. Князь видно хлопочетъ, чтобы объ немъ не забыли, такъ какъ обстоятельства вывели на первый планъ другія мѣста и новыхъ лицъ. Формированіе ополченія причинитъ Вамъ новыя заботы; столько жертвъ и увы! до сихъ поръ безъ всякихъ результатовъ. Меня давитъ грусть, отъ которой освободиться не въ силахъ. Вчера получилъ письмо отъ Ник. Ив., писанное наканунѣ несчастнаго дѣла 4-го августа. Онъ говоритъ о близости и неизбѣжности развязки и приготовляется на все. Лиза здорова. Обнимаю Васъ, Maman и дѣтокъ; до скораго свиданія. О докторѣ похлопочу.

Преданный сынъ и другъ

В. Стороженко.

Въ дѣла начинаю входить. До сихъ поръ промаховъ не было.

289.

Щербаковка 12 августа 1855 г.

Очень меня безпокоитъ, любезный другъ Вольдемаръ, неприсылка денегъ тебѣ Блюменфельдомъ. Когда слабый смертный обуяется страстью къ дѣвѣ, и желаніемъ обладать ею, чтобъ послѣ, какъ по большей части водится, наѣсться порядочно мыла, то перестаетъ хлопотать о чужихъ дѣлахъ и даже о своихъ собственныхъ. Хорошо, что это обаяніе непродолжительно; а то, какъ говаривалъ покойный батюшка мой: „если бы люди долго любились такъ, какъ побравшись, тобъ подурѣли.“

Въ концѣ сентября, или въ началѣ октября, я непремѣнно увижу тебя, и тогда устроимся, между тѣмъ ты долженъ же получить деньги изъ Варшавы. Пиши,—это обстоятельство, повторяю, крѣпко меня безпокоитъ, тѣмъ болѣе, что теперь у меня до 20 сентября почти гроша нѣтъ. Мы принуждены покрывать и нѣсколько перестроить къ защитѣ отъ сквознаго вѣтра и течи домикъ нашъ. Издержки выше предположенныхъ. Юлія Ивановна съ дѣтьми и всѣмъ причтомъ недѣли три, какъ поѣхала на Лубенскую ярмарку и расположилась въ Новакахъ, съ разрѣшенія Романовича; я самъ такъ же былъ на этой ярмаркѣ, и пробылъ съ ними нѣсколько дней. Долго жить тамъ, хотя у насъ нѣтъ уголка покойнаго, мнѣ не приходится, ибо Николай Ивановичъ совсѣмъ пересталъ писать ко мнѣ.

Спасибо за брошюрку; но жаль, что ты прислалъ ее въ переводѣ, оттого она кажется какъ будто у насъ написанною, на ладъ фельетоновъ Сѣверной Пчелы, гдѣ однакожъ въ № 169 изъ Аугсбургской газеты я сегодня, наконецъ, прочиталъ нѣчто и дѣльное, разумѣется, не въ фельетонѣ.

Далась намъ эта оборона Севастополя. Съ такими твердыми сухопутными силами, съ такою огромною массою конницы, съ такимъ духомъ, развернуться въ чистомъ полѣ, какъ ты выражаешься, было бы чудесно. Какъ бы летучіе отряды сметливыхъ казаковъ начали шнырять между вражескими колоннами! Какъ бы партизаны наши, въ воспоминаніе 1812 года, забирали и уничтожали всѣ подвозы! Какъ бы дружина (хотя не на тройкахъ, какъ было) съ топорами и пѣснями истребляла *капутничковъ!* Духъ воскрыляется при такихъ размышленіяхъ. Судьба усадила меня, невѣжественный эгоизмъ отринулъ порывъ; но воображеніе бодрствуетъ, поэзія грѣетъ. Благодарю Милосерднѣйшаго Создателя за сохраненіе силъ душевныхъ и молюсь Ему о тебѣ и о всѣхъ близкихъ; обнимаю и благословляю тебя, друга моего и достойнаго сына.

Андрей Стороженко.

290.

Москва 5 декабря 1855 г.

Разставшись съ вами, милые друзья мои, ко мнѣ пришелъ уже въ вагонъ Александръ Павловичъ проститься, которому засвидѣтельствуй мою дружескую, родственную признательность!

Меня помѣстили въ семейномъ, гдѣ было нѣсколько душъ, въ томъ числѣ 3 купца и одна молоденькая, прехорошенькая дама, жена флигель-адъютанта Мердера. Она ѣдетъ въ Тамбовъ къ мужу, присутствующему тамъ при пріемѣ рекрутъ. Спала она 14 часовъ битыхъ, слѣдовательно, только и могъ узнать изъ коротенькаго разговора, что зовутъ ее Евдокіею Гавриловною; съ купцами же бесѣдовалъ много и радовался развивающемуся въ этомъ сословіи доступному у насъ просвѣщенію. Говорили они свѣдуще, дѣльно: и о займѣ, и о застоѣ въ финансовомъ направленіи, и о торговлѣ въ Россіи, и даже о морскихъ вашихъ предпріятіяхъ.

Ѣхать по желѣзной дорогѣ зимою почти такъ же холодно, какъ и въ закрытомъ экипажѣ; да и обогрѣться, или поѣсть, некогда.

Къ свѣдѣнію для тебя, другъ мой Вольдемаръ, съ Колюшею. Береги его, поблагослови за меня и внушай прилежаніе къ наукамъ.

Нѣмецъ мой глупъ изъ рукъ вонъ, близкая копія съ Арона, онъ ничего не помнитъ, перезабылъ все, о чемъ не напоминали, и даже отдалъ Колѣ баночку со спиртомъ, которымъ чернятъ усы; отбери ее отъ дитяти, чтобы онъ иногда не хватилъ яду.

Москва послѣ Петербурга кажется Азіатскимъ городомъ, какою то трущобою. Помѣстился я здѣсь въ Лондонѣ очень удобно; бываю съ утра до обѣда у достойнаго Алексѣя Петровича; былъ у Капнистовой (онъ еще въ Малороссіи); у Ольги Ивановны; а вчера провелъ у Краснокутскихъ, куда пригласили они и Дарагановъ. Въ середу, т. е. 7, обѣдаю у послѣднихъ, а въ четвергъ у первыхъ. 6-го числа, изволишь видѣть, у всѣхъ у нихъ есть необходимость поздравлять имянинниковъ; поэтому я почитаю долгомъ остаться лишній день въ Москвѣ, чтобы пообѣдать, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ. 8-го полагаю выѣхать непремѣнно. Объ имѣніи Дараганъ не сказалъ мнѣ ни словечка. Сегодня хотѣлъ быть у меня Краснокутскій, поговорю съ нимъ объ этомъ.

Цѣлую и благословляю васъ, милые дѣти мои; пошли Господи здоровья вамъ.

А. Стороженко.

Нѣмецъ три дня искалъ квартиры Краснокутскихъ; ты мнѣ не записалъ ея, а я забылъ переулокъ, отъ того и попалъ къ нимъ не вдругъ по пріѣздѣ.

Сегодня по утру я видѣлся съ М. Н. и объясняю ему данныя для сдѣлки съ М. М.

291.

8-го января 1856 г. Писалъ Вамъ изъ Москвы, любезный другъ Рара, но припоминаю себѣ, что чернила были такія бѣлыя, перо желѣзное, какимъ никогда не пишу, и къ тому же я такъ торопился, что по всякому вѣроятію письмо мало удовлетворило Васъ. Столько же однако Вы узнали изъ него, что я былъ въ Москвѣ, а Коля на это время оставался у Капгеровъ. Въ Москвѣ мнѣ одна была неудача, именно въ томъ, что не случилось повидаться съ Анною Евгеньевной, у которой былъ два раза, но не заставалъ ея дома. До сихъ поръ я приписываю это случайности, хотя есть нѣкоторый поводъ думать, что Ан. Ев. не очень и желала со мною видѣться. Дѣло продажи Мих. Мих. Богодуховки, кажется, можетъ, по данному ему направленію, придвинуться къ концу. Остальная сумма установлена въ 15 руб. р. с.; уплата этой суммы должна послѣдовать черезъ шесть лѣтъ и обезпечиваться закладною на

Чевельчѣ съ ежегоднымъ взносомъ шести процентовъ; два лишнихъ процента противу платимыхъ въ Опек. Совѣтъ, но за то нѣтъ надобности сейчасъ же закладывать Богодуховку, что дастъ полную свободу устроить ее по усмотрѣнію, соразмѣривъ число людей съ землею. Желаю успѣшнаго конца. Не удастся ли совершить купчую одно временно съ заключеніемъ Европейскаго мира, который, судя по вышедшей сегодня въ свѣтъ декларації нашего кабинета, съ нѣкоторыми пожертвованіями не невозможенъ. Это было бы хорошимъ предзнаменованіемъ. Возвратясь изъ Москвы, я тотчасъ же послалъ за Колей, изъ опасенія, чтобы продолжительное пребываніе его у Капгеровъ [1]) не сдѣлалось имъ, наконецъ, въ тягость, но человѣкъ возвратился съ письмомъ отъ Анны Мих., которая просила оставить Колю у нихъ еще на два послѣднихъ дня праздниковъ. Вообще имъ тамъ очень довольны и желаютъ, чтобы онъ чаще бывалъ у нихъ, такъ что въ видахъ регулярности его занятій я долженъ иногда отказывать Колѣ въ удовольствіи отправиться къ Капгеровымъ. Съ новаго года при Колѣ находится гувернеръ, французъ; онъ приходитъ къ намъ утромъ, проводитъ цѣлый день и уходитъ, когда Коля ложится спать. Изъ одной недѣли нельзя сдѣлать правильнаго заключенія, но несомнѣнно, что въ ходѣ занятій установится болѣе правильности, раздѣленіе времени будетъ лучше. Кромѣ г. Дюливье, къ Колѣ приходятъ, извѣстные Вамъ учитель музыки—два раза въ недѣлю и Бѣловъ—три раза; послѣднимъ я не совершенно доволенъ: вялъ, бредетъ по принятой рутинѣ, не примѣняется къ мальчику, не смотря на всѣ мои старанія направить его на надлежащій путь. Опасаюсь очень, чтобы Бѣловъ со своею пространною грамматикой не дожилъ до катастрофы. Впрочемъ, Коля здоровъ и веселъ; плотничество его прекратилось, но за то разъ въ недѣлю онъ будетъ ходить съ гувернеромъ въ частный пансіонъ для танцовальныхъ уроковъ. Заключу этотъ отчетъ о Колѣ благодарностью за то, что Вы мнѣ его поручили. Его пребываніе у меня наполнило самымъ пріятнымъ образомъ мою жизнь. Князь умираетъ, но не умеръ; Горчаковъ будетъ на его мѣстѣ. Не будетъ ли это имѣть вліянія на служебное положеніе Ник. Иван.? Впрочемъ, если Богъ дастъ миръ, то многое что измѣнится. Жду отъ Васъ благополучныхъ извѣстій и въ ожиданіи, что въ скоромъ времени мы будемъ разговаривать, а не переписываться,

остаюсь преданнымъ сыномъ и другомъ

В. Стороженко.

Письмо Maman къ Безаку передалъ сегодня. Сегодня воскресенье, Коля у Капгеровъ.

---

[1]) Александра Михайловна Капгеръ, урожденная Балугьянская, была родной сестрой Анны Михайловны Дараганъ.

292.

Чевельча 29 генваря 1856 г.

Коля пишетъ, что князь Варшавскій умеръ, [1]) и на его мѣсто назначенъ князь Горчаковъ; въ газетахъ, получаемыхъ нами черезъ двѣ недѣли послѣ выхода ихъ, этого еще нѣтъ. Скучно зимою въ захолустьи; послѣ Петербурга и даже Москвы, - не могу отвыкнуть отъ любопытства; не успѣлъ еще остѣнѣть и наѣсться такъ плотно, чтобы всякая мысль осѣдала въ тяжелой головѣ, не дѣйствующей отъ переполненнаго желудка.

Хотѣлось бы знать, какъ князь Горчаковъ начнетъ, если не пойдетъ стопами покойника, управленіе свое въ Царствѣ? Трудно думать, чтобы предводительствовавшій арміями и флотомъ, взысканный защитить отечество отъ нашествія иноплеменныхъ варваровъ по дѣйствіямъ британскимъ, обрадовался отдыху въ эпоху, подобную Кутузовской; да и отдыхать онъ не съумѣетъ такъ, какъ просвѣщавшійся на лаврахъ, по своему, вступившій покорителемъ Варшавы въ эту Капую. Тамъ предстоитъ ему дѣло не початое, трудное. Что то будетъ съ Николаемъ Ивановичемъ, который вовсе не пишетъ ко мнѣ? Онъ старшій въ чинѣ начальника штаба Непокойчицкаго.

Радуюсь, что ты, другъ мой Вольдемаръ, съѣздилъ на праздникъ въ Москву; а то было, по письму твоему, я думалъ, что ты не поѣдешь. Теперь ты конечно подвинулъ дѣла съ Мих. Мих. Дараганомъ. Онъ хотѣлъ было, чтобы я заложилъ ему же продаваемое имъ имѣніе. Какъ зло было бы это? Поэтому я не могъ бы заложить его въ казну, а чистыхъ денегъ у меня нѣтъ. Готовъ лучше заложить Чевельчу и уплатить ему, нежели связать себя по рукамъ и по ногамъ, какъ говорится. На этомъ дѣло начато; онъ обѣщалъ писать Николаю Михайловичу на счетъ оцѣнки движимости, которая, какъ говоритъ Дараганша, немного стоитъ, заплачу и забуду; но чтобы взять свидѣтельство на залогъ Чевельчи, потребуется время, между тѣмъ какъ ничего еще не предпринято, повидимому, со стороны продавца.

Чортъ знаетъ, что это за почтовыя пересылки у насъ? Вообрази, что и понынѣ я не получаю 1000 р. моихъ обратно; видно, въ Петербургскомъ почтамтѣ засѣли. Похлопочи объ этомъ; да напиши, когда именно я долженъ выслать еще 500 р. на ученіе и содержаніе Коли? Каково онъ дѣйствуетъ и доволенъ ли ты имъ?

---

[1]) Князь Паскевичъ скончался 20 января 1856 г.

Дай Господи, чтобы вы были здоровы. Обнимаю и благословляю тебя, отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

293.

Чевельча 31 генваря 1856 г.

При сдѣлкѣ предварительной о продажѣ М. М. имѣнія его не было и въ поминѣ о шестилѣтнемъ терминѣ. Кончивши на 15 т. руб., онъ настаивалъ, чтобы я далъ ему закладную на купленное мною у него имѣніе, я убѣдилъ его, что заложенное не могъ бы я заложить уже въ казну, а потому мнѣ лучше заложить Чевельчу, дать деньги, и заложивши потомъ Богодуховку, Чевельчу выкупить; но шестилѣтній терминъ обращаетъ дѣло къ прежнему основанію, т. е. я дамъ закладную на купленное имѣніе, буду платить проценты, владѣя имъ, а чрезъ шесть лѣтъ уплачу всѣ деньги; слѣдовательно буду въ продолженіе этого времени экономомъ, поручившимся за доходы. Пусть и такъ, соглашаюсь и на это, лишь бы еще чего не пришло въ голову новаго да чтобы скорѣе кончили оцѣнку движимости. Вступивши въ сентябрѣ текущаго года во владѣніе совокупленнымъ моимъ Богодуховскимъ хуторомъ, въ 6 лѣтъ надѣюсь, если Богъ дастъ жить, устроить тамъ хозяйство, хотя проценты и тяжеловаты. Напиши М. М. и попроси его, чтобы онъ, кончивши разъ, не перемѣнялъ слова, какъ далъ его въ присутствіи Мих. Никол.

Признаюсь, трудно имѣть съ нимъ всякое дѣло; но чего бы не сдѣлалъ я для дѣтей моихъ.

Не вѣдаю, гдѣ теперь Никол. Иван., а потому не писалъ ему; если узнаешь, увѣдомь. 25 лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ ничего не начиналось; жили мы, исключая весьма немногихъ, сами по себѣ, а поляки сами по себѣ; что творилось за сценою, зналъ покойный; [1]) дѣловые же люди работали, какъ бѣлка въ колесѣ. Какъ то начнетъ князь М. Д.? что станется съ Очкиными и со всею камарильею? Въ краѣ способныхъ много, есть основаніе въ администраціи, и если съумѣютъ созидать на старыхъ фундаментахъ новое, сообразное съ настоящими требованіями, да благо имъ имъ будетъ!

Худой миръ, говорится, лучше доброй ссоры; но онъ былъ бы слишкомъ худой, если уступки не обоюдны. Правда, что: il faut recu-

---

[1]) Князь Паскевичъ.

ler pour sauter; но для всякихъ скачковъ нужна и великая сила. Есть деньги, будетъ войско; есть войско, будутъ и деньги. Справедливо. Справедливо и то, что легче пріобрѣсть и собрать, нежели удержать. Итакъ, сберегать людей и деньги есть дѣло высшей экономіи политической и общихъ распорядковъ. Желѣзныя дороги необходимы; но еще необходимѣе деньги и войско: pour sauter.

Какъ вижу, сидя въ деревнѣ, привозное намъ не крайне нужно. Вчера былъ у меня разносчикъ и имѣлъ все. Конфекты съ надписью, укладки французской, убѣждаютъ, что у насъ на все мастера; своимъ обойдемся.

Какъ дѣйствуетъ мой Коля? здоровъ ли онъ? цѣлую обнимаю и благословляю васъ! отецъ и другъ

А. Стороженко.

При семъ слѣдуетъ тетрадка; я обѣщалъ ее Министру Просвѣщенія; представь ему оную, или отдай въ передней Его Высокопрев.

294.

Чевельча 6 февраля 1856 г.

Вчера я писалъ тебѣ, милый другъ Вольдемаръ, послалъ и тетрадку, подъ заглавіемъ: *Убѣжденіе*, для отдачи Министру Просвѣщенія по моему обѣщанію. Отдай ее, какъ признаешь для себя удобнѣйшимъ, и напиши мнѣ, какъ это исполнилъ и проч. Вчера же ночью получилъ письма и отъ тебя, и отъ Коли, коему отвѣчаю такъ же по оказіи. Завтра выѣзжаетъ въ С. П. Б. Ограновичъ, сосѣдъ и родственникъ Степы; онъ то и вручитъ вамъ письма.

У насъ все здорово и благополучно, слава Богу!

И здѣсь всѣ толкуютъ о мирѣ. Я читалъ вчера въ „Брюссельской Независимости“ кондиціи, предлагаемыя намъ западомъ. Дѣло по видамъ, повторяю, всетаки кажется безысходнымъ. Ты говоришь, что благоразумные въ столицѣ радуются мирнымъ настройствомъ; дай Господи, чтобъ былъ конецъ благъ и неунизителенъ! Мнѣ что-то все не вѣрится, чтобы переговоры привели къ результату общихъ, взаимныхъ выгодъ. Продѣлки слишкомъ сложны, а Гордіевъ узелъ и не распутанъ, и не разсѣченъ.

Ты заговорилъ о Варшавѣ, аппробую; но желалъ бы, чтобы ты получилъ какую нибудь награду за писаніе, какого не будетъ уже цѣлую жизнь твою. Это работа египетская.

Я писалъ тебѣ, что по куплѣ имѣнія соглашаюсь съ Мих. Михайл. на все и даже на то, чтобы проданное было ему же и заложено, какъ онъ настаивалъ; этимъ избавляюсь отъ залога Чевельчи, когда онъ хочетъ имѣть закладную на шесть лѣтъ. По послѣднему его предложенію я плачу ему уже 17 т. руб. сер., когда сторговался за 15 т.; но чтожъ дѣлать – согласенъ. 1-го сентября кончимъ, какъ постановили. Спишись хорошенько съ Михайломъ Николаевичемъ; онъ бѣдняга, какъ слышу, опять боленъ – жаль человѣка.

Новостей у насъ нѣтъ; но изъ Бессарабіи увѣдомляютъ бывшіе на великолѣпной свадьбѣ Михайла Кантакузена, сына Елисаветы Михайловны, что Дунька..... будетъ премилая дама.

Цѣлую, обнимаю и благословляю тебя. Отецъ и другъ

А. Стороженко.

295.

Чевельча 12 марта 1856 г.

Молчаніе твое, другъ мой Вольдемаръ, начинаетъ меня тревожить. Здоровъ ли ты, здоровъ ли Коля?

Я послалъ тебѣ давно уже и 500 руб. серебр., и брошюру для отданія Норову; но отвѣта нѣтъ.

Первую недѣлю поста провелъ у насъ Николай Ивановичъ съ Романовичемъ и говѣлъ съ нами. Первый теперь, конечно, уже въ Варшавѣ; желалъ бы я, чтобы онъ попалъ тамъ на мое мѣсто, о чемъ князь Горчаковъ, думаю, самъ хлопотать бы долженъ, ибо настоящій Директоръ – полковой писарь, и только. Какъ онъ, такъ и все друзья покойнаго, могли занимать мѣста только при немъ. Необходимо все преобразовать въ краѣ застоя и невѣжества дѣлателей, возвысить значеніе общаго мнѣнія, которымъ преимущественно держалось управленіе, не взирая на пословицу народную, что: Polska nierządem stała.

Наконецъ, ненужныя инстанціи военныхъ губернаторовъ въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи уничтожились. Я всегда былъ истиннымъ пріятелемъ С. А. Кокошкина, но не переставалъ любить родину, исключая помѣщиковъ, которымъ желаю спеціальнѣйшаго образованія; тогда и выборы, благодѣтельное право, воспріимутъ существенное значеніе; а теперь хотя учатъ дѣтей по французски, танцамъ и музыкѣ, отдаютъ въ гимназіи и университеты, но большая часть ихъ, не кончивши наукъ, водворяется въ холодныхъ, неокупоренныхъ домахъ, женятся и выби-

раются смотрителями магазиновъ, рѣдко гдѣ существующихъ, депутатами и т. п. Университетъ—основаніе общей цивилизаціи, какъ желѣзныя дороги—силы государства. Если послѣднія будутъ у насъ, не страшна намъ вся Европа; а теперь пока войска дойдутъ до необходимаго пункта, половина ихъ останется по жалкимъ гошпиталямъ.

Должность Попечителя Московскаго Учебнаго Округа еще не замѣщена. Вотъ мѣсто для меня бы; но кандидатовъ съ протекціями полъ Москвы и четверть Петербурга въ лицахъ мнимой аристократіи. Впрочемъ, если бы я былъ въ С. П. Б., хлототалъ бы объ этомъ всѣми мѣрами. Напиши мнѣ однакожъ, кого туда назначаютъ. Да поговори съ Александромъ Павловичемъ, не назначили ли бы Николая Ивановича начальникомъ артиллеріи въ Царствѣ Польскомъ, какъ былъ Гилленшмитъ? Это стоитъ Директорства. Скажи такъ же Алекс. Павл., что я искренне уважаю его и хотѣлъ бы видѣться съ нимъ въ проѣздѣ его чрезъ Малороссію непремѣнно.

На дняхъ былъ здѣсь Н. М. Дараганъ: онъ продаетъ имѣніе свое Ив. Як. Лукашевичу; о продажѣ же Мих. Мих. мнѣ своей части послѣдній писалъ къ нему; приказчики наши подъ наблюденіемъ Никол. Мих. осмотрѣли овцы, скотъ и строенія, сдѣлали оцѣнку съ небольшимъ въ 2 т. руб. сереб.—плачу; но не лучше ли было бы Мих. Мих. приказать продать овцы, коихъ 900 головъ, по стрижкѣ, на салогоны, чтобы не пасти ихъ по степи, ибо онѣ вѣчно въ лѣпѣ, по этой причинѣ и Никол. Михайловичъ продалъ своихъ; я же доплачу на строеніяхъ и скотѣ, чего будетъ недоставать до 2 т. руб., за продажею овецъ, хотя строенія (между нами) тотчасъ всѣ поламаю и выстрою у мѣста новыя. Напиши ему, чтобы онъ все приготовилъ къ 1-му сентября для совершенія купчей крѣпости и залога ему имѣнія. Между нами все кончено, я не откажусь и переплатить на инвентарѣ, не буду хлопотать и о томъ, что земли у него не 500 десятинъ, а 471 только; но чтобы онъ кончилъ такъ же и съ Ник. Михайл., который мнѣ говорилъ, что между ними есть счеты, именно: кто изъ нихъ возьметъ лѣски, а кто земли 58 десятинъ.

Цѣлую, обнимаю и благословляю васъ, милыя дѣти мои.

Отецъ и другъ твой

А. Стороженко.

NB. о селитромѣрѣ, или градусникѣ для пробы земли. Это стоитъ немного.

Кланяюсь г. Терещенку, спроси его о Московскомъ кандидатствѣ. Поклонись: Николаю Карловичу, и при встрѣчѣ Михаилу Николаевичу, сыну его, Кавелину и Ѳ. В. Булгарину.

296.

Чевельча 16 марта 1856 г.

Письмо твое, другъ мой Вольдемаръ, успокоило насъ, а то было весь домъ погрузился въ тревожное ожиданіе, тщетно посылали на почту, судимъ такъ и такъ, а Maman начала уже и плакать. На дворѣ морозъ, снѣгъ, такого марта никто не помнитъ, ни саньми, ни на колесахъ. Я думаю, французамъ въ Крыму зима въ бездѣйствіи надоѣстъ пуще прошлогодняго. Переговоры тянутся, неизвѣстность пропзведетъ, наконецъ, нѣмое равнодушіе, и самый миръ не будетъ такъ торжественъ, какимъ представлялся французамъ; да и военныя дѣйствія начнутся не съ такою энергіею, какъ вопили французскіе и англійскіе газетчики: Partant pour la Syrie! Въ моей головѣ миръ что-то не укладывается, развѣ съ большими пожертвованіями, которыя не по сердцу русскому. Впрочемъ миръ необходимъ, чтобы устроились у насъ желѣзныя дороги и чтобы мы дали себя знать гнилому Западу. Пошли, Господи, только людей, или хоть человѣка!

На дняхъ у васъ собирается, какъ читаю въ Сѣв. Пчелѣ, комитетъ или общество о навигаціи по Днѣпру. Жаль, что я не въ Петербургѣ и что некому напомнить этому собранію, что самое главное въ дѣлѣ этомъ учредить на лѣвомъ берегу Днѣпра нѣсколько пристаней, и насыпать отъ возвышенностей до берега шоссе; это составитъ не болѣе 5 верстъ разстоянія каждаго такого шоссе,—тогда подвозъ изъ Малороссіи истинно оживится. А теперь какъ до Днѣпра добраться? И самые отчаянные спекулянты жиды, покупая у насъ продукты, ждутъ, или зимняго пути, или мнимо-сухой дороги, и пятиверстная перевозка стоитъ имъ болѣе, нежели стоверстная. Вотъ бы ты передалъ эту мысль какому нибудь члену вышеупомянутаго общества. Это было бы благодѣяніемъ для нашей родины.

Напрасно ты, другъ мой, думаешь, что я могу радоваться чужой бѣдѣ; напротивъ я желаю, чтобъ Ан. М. отдали всѣ воспитательныя домы для лучшаго быта ея семейства; относительно же этихъ заведеній, для нихъ все равно, она ли будетъ начальницей, или другая безсознательная хлопотунья въ наружномъ устройствѣ; она даже дѣятельнѣе другихъ и безъинтереснѣе. Что до тебя, я увѣренъ, что съ лѣтами ты прозришь умомъ свѣтъ обширнѣе сферы случайныхъ мечтаній, и всякое отдаленіе измѣнитъ привычки, не заключающія въ себѣ ровно ничего въ грядущемъ. Нельзя жить долго ни воображеніемъ, ни даже однимъ сердцемъ; разумъ возьметъ свое, а тебя Богъ надѣлилъ имъ. Повторяю, что я душевно жалѣю семейства, привыкшаго жить безъ

нужды, и соболѣзную о порывѣ, или вспышкѣ необдуманной. Умъ и разумъ имѣютъ такую разницу, о какой выразился старый бомбардиръ; что пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ!

Цѣлую, обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ и благословляю,

отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

Вчера я сдѣлалъ приписку въ письмѣ Maman къ Любовь Ивановнѣ, поклонись ей и подтверди увѣреніе въ дружествѣ къ нимъ, да напиши, когда и куда они выѣзжаютъ.

Maman говоритъ, что очень бы желала, чтобы А. М. назначили въ Полтавскій институтъ; авось либо она протретъ глаза расположеннымъ только толстѣть будущимъ матерямъ лѣнивыхъ толстуновъ и толстухъ немыслящихъ.

297.

1-го апрѣля 1856 г. Между тѣмъ, какъ изъ мирнаго уголка Вашего, любезный другъ папа, доходятъ до меня предположенія Ваши о разныхъ вещахъ и личностяхъ, обстоятельства, въ которыхъ эти предположенія дѣлались, принимаютъ совершенно другой видъ. Да и не удивительно: двѣ недѣли времени раздѣляетъ насъ, а правительственныя мѣры исполняются теперь по телеграфамъ съ быстротою секундъ. Съ постановленіемъ войскъ на мирную ногу сохраняютъ двѣ арміи, подъ командою Горчакова и Лидерса; у обѣихъ штабы сформированы. Я тоже разсчитывалъ на мѣстечко для Николая Ивановича въ Варшавѣ, но и начальникъ арміи, и дежурный генералъ назначены, какъ это Вы увидите изъ, одновременно съ этимъ письмомъ, дойдущихъ до Васъ газетъ. Въ этихъ распоряженіяхъ для Алекс. Павл. выпала хорошая доля: онъ назначенъ командиромъ 5-го корпуса и будетъ жить въ Одессѣ. Объ отъѣздѣ его еще ничего положительнаго сказать не могу. Въ вторникъ послѣзавтра онъ будетъ представляться военному м—ру и тогда окончательно рѣшится вопросъ объ его отъѣздѣ. По всей вѣроятности въ 20-хъ числахъ апрѣля А. П. будетъ въ Натальинскомъ. Впрочемъ объ этомъ напишу Вамъ послѣ вторника. Любовь Ивановна, между тѣмъ, остается здѣсь до совершеннаго устройства мужа въ Одессѣ. О мѣстѣ попечителя Московскаго учебнаго округа ничего не слыхалъ и Алекс. Павл. не могъ мнѣ ничего сказать на этотъ счетъ. Вообще только нужно замѣтить, что мѣстъ становится менѣе, а охотниковъ множество. Самое устройство двухъ армій имѣло

главнѣйшею причиною размѣщеніе разныхъ личностей. Пока Вы думали о замѣнѣ полковаго писаря, уже онъ уволенъ, а на мѣсто его назначенъ Мухановъ. Если можно было бы только пристроиться Ник. Ив. сенаторомъ въ Москвѣ! Записки Вашей до сихъ поръ не отправилъ Норову; затрудняюсь въ выборѣ формы; жаль, что Вы не приложили письма къ нему; впрочемъ онъ могъ бы и самъ подумать о Васъ, безъ такого рода напоминаній. Отставка Анны Мих. подписана; Петербургъ для меня пустѣетъ, и если Вы не переселитесь сюда, то рѣшительно буду думать о перемѣнѣ мѣста. Съ помощью Алекс. Павл. нельзя ли будетъ помѣститься въ Одессѣ, хоть въ члены таможеннаго правленія или въ чиновники къ генералу-губернатору. Но годъ еще нужно остаться здѣсь и для моей службы, и для Коли, который при перемѣнѣ учителей началъ дѣлать успѣхи. Учителю географіи плачу по 3 руб. с. за урокъ, но за то, что это за урокъ! Одинъ стоитъ 5-ти уроковъ Бѣлова. Коля самъ это чувствуетъ. Я самъ присутствую каждый разъ на урокѣ съ особеннымъ наслажденіемъ; о книгѣ и помину нѣтъ: листъ бумаги, карандашъ и живой разговоръ, который безпрестанно заставляетъ мальчика задумываться и дѣлать собственные выводы. Остается мнѣ еще найти такого учителя математики, который, кажется, находится, и тогда ручаюсь, что въ годъ Коля вознаградитъ и потерянное до сего время и издержки. Затѣмъ, куда бы онъ ни поступилъ, въ здѣшнюю-ли гимназію, или въ Одесскую, вездѣ онъ будетъ на своихъ ногахъ. О дѣлахъ по покупкѣ имѣнія вмѣстѣ съ симъ пишу Мишѣ. Жаль мнѣ Богодуховки, жаль, что домъ, гдѣ протекло мое дѣтство, переходитъ въ постороннія руки. Сегодня обѣдаю съ пріятелемъ моимъ Данзасомъ у двоюроднаго брата его сенатора. Если услышу что нибудь интересное, сообщу. Между тѣмъ анекдотъ о Петрѣ Андреев. Говорятъ, что онъ на дняхъ получилъ посылку, полученную будто бы съ заграничною почтою; раскрываетъ и находитъ старую подвязку съ рескриптомъ королевы Викторіи, которая благодаритъ его за услуги, оказанныя ей неустройствомъ дорогъ. Зло—нечего сказать.

Обнимаю Васъ, любезный другъ Рара, цѣлую Maman и Долю. Душевно преданный сынъ и другъ

В. Стороженко.

298.

Чевельча 3 апрѣля 1856 г.

Одна или двѣ синицы, или ласточки, не дѣлаютъ весны. Дарагань проѣзжалъ мимо меня, но не заѣхалъ. Правда, другъ мой Вольдемаръ, что безславныя лишенія воиновъ нашихъ въ Крыму заставляли желать благодѣтельнаго мира. Какова война, таковъ и миръ; пошли только, Господи, дѣйствовать теперь свободнѣе ко благу. Я прочелъ манифестъ и взмолился за добрымъ Государемъ о любезномъ отечествѣ и преуспѣяніи въ судахъ и въ наукахъ; нужно направленіе, твердая воля и во всемъ предначертанныя мѣры снисхожденія съ одной стороны, съ другой, строгость отеческая и выборъ дѣлателей. Такъ я думаю и въ отношеніи нашего Коли.

Темны были намѣренія Запада въ предпринятой противу насъ войнѣ; непонятно дѣйствіе огромныхъ силъ вражескихъ, не отходившихъ и на одинъ переходъ отъ береговъ Чернаго моря (скажутъ, что для этого нужны были перевозочныя средства; да въ полтора года они могли бы перевезти все, что нужно, не имѣя никакихъ препятствій), не объяснилось еще веденіе переговоровъ, неизвѣстны уступки; но вѣрно, что монархи Запада въ руцѣхъ народовъ своихъ и что скорѣе все бы соединилось противу насъ, нежели выказало бы даже сочувствіе къ намъ, стоящимъ грудью за Царя и Царей, за вѣру, и за землю русскую, расширенную пріобрѣтеніями; поэтому за миръ надобно благодарить Бога въ уничиженіи сердца.

Правда, что у насъ нужно преобразованіе во всѣхъ администраціяхъ; но еще нужнѣе пути сообщенія. Какъ бы мы хлынули весною въ Одессу съ продуктами; но я 30 марта и отъ Невѣровскаго едва дотащился до дому; а до Днѣпра никто не доѣдетъ. У насъ однакожъ на Благовѣщеніе засвѣтило солнце, и нѣсколько дней сряду грѣетъ изъ подлобья.

Дай Боже, чтобъ ты съ Колею были здоровы. Во всякомъ случаѣ я твердо полагаю въ сентябрѣ обнять васъ, и тогда постановимъ, соображаясь и съ твоими видами по службѣ, прійдется ли Колѣ продолжать науки въ С. П. Б. или переселиться намъ семьею въ Одессу.

Цѣлую, обнимаю и благословляю васъ, отецъ и другъ

А. Стороженко.

299.

Чевельча, 22 апрѣля 1856 г.

Вчера полученное отъ тебя письмо, добрый другъ мой Владиміръ, обрадовало и растрогало меня, я заплакалъ отъ умиленія и подумалъ притомъ, какъ мало знаютъ меня и самые близкіе. Смѣхъ или шутка несовмѣстны съ чувствами серьезными. Намѣреніе твое свято, да сопровождается оно моимъ благословеніемъ! Молюсь о твоемъ счастіи и да осуществятся твоя благоразумная мысль и намѣреніе, какъ въ выборѣ, такъ и въ предстоящемъ теченіи скромной, неприхотливой жизни. Мнѣ всегда смѣшонъ утлый романъ, не вѣрю въ прочность связей, не скрѣпляемыхъ закономъ. Супружество—ясно, оно бываетъ иногда и истиннымъ счастіемъ, а романическія соотношенія—безъ результатовъ, наскучаютъ и забудутся.

Возвратившись изъ Петербурга я разъ побывалъ у Корсуновой она потомъ о масляной была у насъ съ Варенькой, и съ тѣхъ поръ мы не видѣлись. Твое равнодушіе ко всему не петербургскому отдалило меня отъ идеи о Варочкѣ, теперь же поѣду къ нимъ, ибо сообразнѣе здѣсь партіи не вижу; впрочемъ ищите сами и обрящите! Пріѣзжай въ Малороссію, кинь грусть несообразную съ дѣломъ, а я буду радоваться, сколько печалила меня безъисходная зависимость навожденія. Ты знаешь мои мысли насчетъ твоей женитьбы, поступай по нимъ, не будешь раскаиваться, да и нужды не охладятъ жара, потухающаго, какъ соломенный. Я все думаю въ сентябрѣ побывать у васъ. Зиму располагаю жить въ Одессѣ и тамъ воспитывать дѣтей; Богъ дастъ, и ты будешь съ нами. Въ этомъ заключается все мое утѣшеніе. Пришли мнѣ нужные томы Св. Законовъ, да вышедшую вновь русскую книгу о Людовикѣ Наполеонѣ.

Возьми у Винтеръ-Гальтера часы и напиши, сколько я долженъ прислать денегъ, чтобы не нуждаться вамъ до іюня, когда вышлетъ Блюменфельдъ маіоратскія. Напиши ему объ этомъ.

Селитра опять, по видамъ артиллерійскаго вѣдомства, подпала подъ монопольныя продѣлки, опять въ Шосткѣ стали требовать контрактовъ и дѣлать затрудненія въ пріемѣ ея. Видно, не нужно намъ пороху. Надо будетъ бросить эту операцію.

Сдѣлался ли камердинеромъ Николка и какъ ведутъ себя и учатся другіе наши мальчики?

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя отъ всего сердца,
отецъ и другъ

А. Стороженко.

300.

Чевельча 15 мая 1856 г.

Жду васъ къ себѣ, милыя дѣти мои, на каникулы, съ распростертыми объятіями. Тутъ и вопроса быть не можетъ, куда ѣхать? Родной кровъ, родное небо и воздухъ; имъ надобно дышать, чтобъ укрѣпить легкія для неопредѣленной погоды (если будетъ предстоять), и характеровъ Сѣвера. Хотя думаю о Петербургѣ, но, кажется, Колю надобно будетъ умѣстить въ Одессѣ. Объ этомъ однакожъ постановимъ въ Малороссіи.

Дня два тому назадъ мы были у Корсуновой; пріязнь ихъ къ намъ и интересъ въ тебѣ, другъ мой Вольдемаръ, нисколько не измѣнились. Пріѣзжай, взвѣсь все на вѣсы разума, познакомься ближе; ежели Сердцевѣдцу угодно, чтобы ты нашелъ, чего ищешь, я буду въ восхищеніи; поживемъ близко другъ отъ друга. Впрочемъ все сообразное съ дѣломъ представляю собственному твоему рѣшенію.

Покупая имѣніе у М. М., я предвидѣлъ всѣ продѣлки и измѣненія. Долго живу, слѣдя за людьми, знаю ихъ слишкомъ, и давно пересталъ вѣрить въ равновѣсіе между добромъ и зломъ. Теперь онъ хочетъ уже купить Богодуховку у Ник. Мих.; наврядъ ли они сойдутся, не вѣря другъ другу; хочетъ въ такомъ случаѣ купить и у меня хуторъ—для чего бы это? Казалось, что мы все уже покончили, при посредствѣ Мих. Никол., я не отказываюсь и не откажусь отъ постановленнаго; но не писалъ иначе, какъ чрезъ тебя, чтобы отстранить отъ себя досады. М. М. знаетъ, для чего я покупаю его часть; это дѣло твое, не переставай съ нимъ переписываться по этому предмету; но не почитай ничего вѣрнымъ, по моимъ опытамъ; а тебѣ еще, при добротѣ и благородствѣ, будетъ долго изучивать безхарактерность и подъ доброю корою.

Съ 6 мая у насъ дожди; все развеселилось, благодареніе Богу! а то мы было крѣпко пріуныли.

Въ воскресенье я былъ на плачевной церемоніи, хотѣлъ раздѣлить горе съ старымъ другомъ Иваномъ Петровичемъ—его Магіе умерла; онъ плачетъ по ней горько и неутѣшно, оставаясь на землѣ одинъ душею, которая свыклась, слилась съ душею покойницы, какъ онъ повторяетъ. Заплакалъ съ нимъ и я; но у меня есть дѣтки. Благодарю моего Создателя за все содѣянное мнѣ, вѣря и уповая!

Посылаю на всякій случай 200 руб. сер. для вашей поѣздки до Малороссіи; думаю, что Блюменфельдъ вышлетъ тебѣ деньги; иначе пиши, тотчасъ вышлю, чтобъ не встрѣтилось затрудненія.

Повторяю, что готовъ бы еще послужить, для этого готовъ съѣздить въ С. П. Б. Пожалуйста, собери по этому всѣ свѣдѣнія, повидайся съ М. Н. и прочее.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя, отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

301.

Чевельча 20 мая 1856 г.

Предположенія твои, или планы, и насчетъ службы, и насчетъ жизни, добрый другъ мой Вольдемаръ, неуловимы; да будетъ конецъ благъ!—какъ говаривала прабабушка твоя по матери, чего я желаю съ увлеченіемъ, благословляя добрыя намѣренія. Предъ полученіемъ письма твоего отъ 11 мая я послалъ тебѣ 200 руб. с. на дорогу къ намъ, посылаю еще 100 руб. сер. на случай, если бы пришлось въ Москвѣ нанять тарантасъ, оттуда и обратно; объ оставленномъ у себя Дарагаиомъ и не думаю, равно какъ перестаю думать о проданномъ имъ намъ имѣніи; своего же ему ниже сказаннаго уступить не могу, – это было бы убыточно; да ему, какъ писалъ, и покупать не для чего, когда будетъ готовый домъ и усадьба Никол. Михайл. Впрочемъ тутъ пойдетъ коса на камень; Варварѣ Михайл. при мнѣ давали болѣе 40 т. руб. сер., но она и слышать не хотѣла ниже 50 т. Братъ брату же предлагалъ только 36 т. Никол. Михайл. называлъ это жмикрутствомъ; да и воли его нѣтъ. Онъ живетъ самъ по себѣ; жена вполнѣ хозяйничаетъ до продажи неминуемой. Во всякомъ случаѣ Колю привезешь къ намъ на каникулы, а самъ пріѣдешь на *розглядины*, хотя на 28 дней, чтобъ виды твои по службѣ не затуманились. Вишь дѣло какое: ты въ трехъ предъидущихъ письмахъ писалъ, что пріѣдешь ко мнѣ съ намѣреніемъ благимъ, потомъ ничего не упоминалъ объ этомъ; теперь пишешь, что хотѣли было командировать тебя въ Крымъ, и что по прежнему надѣешься имѣть мѣсто не въ Петербургѣ. Ни Коля, ни я не должны быть препятствіемъ въ твоихъ видахъ; о первомъ постановимъ здѣсь. Была война, я хотѣлъ переселиться со всѣмъ семействомъ въ Петербургъ, чтобъ учить тамъ Колю основательно; теперь—миръ, можетъ быть, лѣтъ и на нѣсколько, въ Одессѣ теплѣе, есть тамъ и гимназіи и лицей и профессора; службы мнѣ въ Петербургѣ пока не предвидится; поселимся въ Одессѣ; хотѣлъ бы я всего болѣе, чтобы и ты, какъ писалъ, умѣстился на югѣ.

Обнимаю, цѣлую и благословляю тебя и Колю.Отецъ и другъ

А. Стороженко.

302.

3-го іюня 1856 г. Послѣднее письмо Ваше, любезный другъ Рара, утвердило меня въ моемъ намѣреніи побывать въ Малороссіи и позаботиться объ устройствѣ моей будущности. Дѣло серьезное, а потому и приступать къ нему не слѣдуетъ шутя. Прежде всего мнѣ нужно покончить здѣсь все, что по обязанностямъ служебнымъ возложено на меня. Это займетъ весь текущій мѣсяцъ и начало будущаго. Въ половинѣ іюля получу отпускъ, о чемъ говорилъ уже и съ Н. К. Краббе. Между тѣмъ Блюменфельдъ вышлетъ мнѣ, какъ надѣюсь, деньги изъ маіората, и рѣшится вопросъ, пріѣдетъ ли Ник. Иван. въ Петербургъ, какъ располагалъ. Тогда только я отправлюсь въ Малороссію съ твердою рѣшимостью или уѣхать оттуда женихомъ, для полученія отставки и обратнаго возвращенія на родину къ новой жизни, или безвозвратно закончить это искательство, какъ несообразное. Тарантасъ въ Москвѣ меня ожидаетъ; Колю возьму съ собою съ тѣмъ, чтобы оставить его, если судьба рѣшитъ, чтобы я сдѣлался малороссійскимъ помѣщикомъ, или взять его обратно съ собою, если все останется по старому. Пребываніе его у меня не будетъ ему вредно, въ этомъ я убѣжденъ, и хотя бы пришлось еще годъ истратить поболѣе на его воспитаніе, то это вознаградится въ будущемъ. Въ послѣднее время онъ сдѣлалъ видимые успѣхи. При свиданіи поговоримъ подробнѣе и о Вашихъ служебныхъ видахъ. Теперь скажу только, что было бы противно моему искреннему убѣжденію поддерживать въ Васъ намѣреніе вступить въ службу: для чего? куда? какимъ путемъ? Какъ средство къ жизни, служба для Васъ ненужна, она не дастъ болѣе, чѣмъ имѣете, а положительно вовлечетъ въ лишніе расходы (нашъ управл. министерствомъ всего на всего получаетъ ввидѣ особой милости 8 т. р. с.). Для удовлетворенія честолюбія нужно было бы что нибудь очень значительное; на это и здѣсь охотниковъ много, да и при связяхъ ждутъ—не дождутся. Хотя бы и Жемчужниковъ, неужели бы онъ не взялъ, если бы ему предложили что нибудь удовлетворительное? Между тѣмъ онъ здѣшній человѣкъ, родственникъ Перовскимъ, Толстымъ, пользовался особою милостью покойнаго государя, а Вы здѣсь человѣкъ чужой. Неужели быть д-ромъ д-та наравнѣ съ Гвоздевыми, Краббе, Оболенскими-едва, едва не моими товарищами. Какъ пища для дѣятельности, какъ средство отъ деревенскаго однообразія служба не есть единственный исходъ. А можетъ быть мы всѣ будемъ жить по деревнямъ, Вашими сосѣдями, а зимой городъ; къ этому можно многое кое что прибавить еще. Вчера получено здѣсь извѣстіе о смерти Туркула, который скончался на пути въ Варшаву, кажется, въ Августовѣ, послѣ сильныхъ стра-

даній отъ нарыва на шеѣ. Преемникомъ ему общій голосъ назначаетъ Губе. Говорятъ, Государь былъ чрезвычайно милостивъ въ Варшавѣ; молва влагаетъ ему въ уста слѣдующія слова: „Я пріѣхалъ къ вамъ съ миромъ и забвеніемъ всего прошлаго; но чтобы между нами не было недоразумѣній, знайте, что Россія безъ Польши и Польша безъ Россіи существовать не могутъ. Оставьте мечты о независимости; я сдѣлаю все, что могу, чтобы даровать вамъ благоденствіе". Дай Богъ; тогда можно будетъ жить и въ Польшѣ. Любовь Иванов. на дачѣ въ Павловскѣ; случайно узналъ объ этомъ черезъ Колю, котораго отпустилъ туда на день къ Фоковымъ и онъ тамъ встрѣтился съ Безаковыми въ саду. Она поѣдетъ въ Москву *на коронацію* и тогда только отправится къ мужу. Maman, кажется, полагаетъ, что здѣсь въ обществѣ носятъ русскіе костюмы; ни отъ кого объ этомъ не слышалъ и самъ не видѣлъ. Нужно ли за тѣмъ привезть Долѣ сарафанъ? Развѣ для шутки.

Цѣлую Maman, Долю, и обнимаю Васъ съ искренностью преданнаго сына и друга

А. Стороженко.

303.

9-го іюня 1856 г. Не стану оправдываться, любезный другъ Рара, что послѣднія письма мои дали Вамъ основательный поводъ предполагать во мнѣ какое то колебаніе; въ дѣйствительности этого колебанія нѣтъ и Вы успокоились уже, вѣроятно, если получили письмо мое, посланное нѣсколько дней тому назадъ. Чувства туманятъ разумъ, — это справедливо въ отношеніи меня столько же, какъ и въ отношеніи къ прочимъ смертнымъ; да и хвала провидѣнію за это: иначе, вѣроятно, было бы прескучно жить на свѣтѣ между одними благоразумными. Впрочемъ, не смотря на эту слабость, общую всѣмъ людямъ, на меня находятъ и такія минуты, когда я легко дохожу до разумнаго сознанія вещей и тогда вижу людей и дѣла довольно свѣтло. Въ одной изъ подобныхъ эпохъ нахожусь нынѣ, а потому полагаю, что только серьезныя, основательныя причины въ состояніи будутъ отклонить меня отъ моихъ намѣреній. Присланные Вами сто рублей употреблены на покрытіе расходовъ по Вашимъ порученіямъ: одному Винтергальтеру заплатилъ за двое часовъ 35 р. с. Какъ часы, такъ и другія вещи, привезу съ собою. Вчера писалъ Блюменфельду и просилъ его о скорѣйшей высылкѣ денегъ, даже, если нужно, съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ съ моей стороны. Вчера одинъ молодой человѣкъ привезъ мнѣ живыя извѣстія отъ Лизы и Ник. Иван. изъ Киссенгена. Лиза, по его словамъ,

имѣетъ несовсѣмъ здоровый видъ, но весела, разговорчива, воспріимчива, думаетъ о Малороссіи; Ник. Иван. объ отставкѣ; Маша головой выше Коли. Авось-либо соберемся скоро всѣ въ Малороссіи. Одесса выгоднѣе Петербурга. Жаль бы мнѣ было потерять изъ виду Колю, къ которому привыкъ и который самъ находитъ, что если учиться, такъ у Володи скорѣе выучишься. Впрочемъ объ немъ до свиданія.

Обнимаю Васъ, Maman и Долю. Преданный сынъ

В. Стороженко.

304.

Чевельча 14 августа 1856 г.

Да благословитъ васъ Сердцевѣдецъ! Я же благословляю въ молитвахъ моихъ къ Его благости и милосердію. Ты, другъ мой Вольдемаръ, женишься отнюдь не на состояніи, а на дѣвицѣ умненькой, милой, достойной, которую, узнавши, я полюбилъ, какъ родную дочь [1]), и желалъ всегда одной дружбы достойнѣйшей матери ея. Мысль о женитьбѣ твоей подалъ мнѣ въ бесѣдахъ нашихъ истинно уважаемый мною добрѣйшій покойный второй отецъ Вареньки [2]). Я однажды издали намекнулъ тебѣ объ этомъ; но предоставилъ полной волѣ, времени. благоразумію твоему и сердцу осуществить темныя, пріятныя мечты мои.

Теперь же предстоитъ вамъ однимъ, съ согласія Маріи Давидовны, обсудить и необходимыя взаимныя средства къ скромной независимой жизни, и предстоящее положеніе ваше.

Женитьба безъ знанія коротко другъ друга, безъ нѣжныхъ ощущеній, есть хаосъ, не разсѣеваемый никакимъ состояніемъ!

Какъ поступить вамъ въ настоящихъ обстоятельствахъ? Вотъ мысли мои:

Ты долженъ, объяснясь съ чистою откровенностію во всемъ съ Варенькою и Маріею Давидовною, написать тотчасъ по соглашеніи твоему начальству о твоемъ намѣреніи, испросить нѣкоторую отсрочку отпуска и послать формальное прошеніе о позволеніи жениться. Потомъ, если трудно будетъ выхлопотать чрезъ другихъ, по перепискѣ, отпускъ и паспортъ въ сентябрѣ (ибо иначе зима наступитъ, а въ холо-

---

[1]) Невѣстой Владиміра Андреевича была Варвара Ананіевна Александровичъ.
[2]) Александръ Михайловичъ Корсунъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего круга, магистръ Харьковскаго университета.

да и за границею не совсѣмъ пріятно), прійдется тебѣ съѣздить на сколь можно кратчайшее время въ С.-Петербургъ, чтобъ взять отпускъ мѣсяца на 4 и нѣсколько болѣе, равно паспортъ за границу съ супругою уже. Отсюда поѣдете во Францію на Варшаву, гдѣ ты пріймешь маіоратъ мой въ вѣчное и потомственное твое владѣніе. Тамъ можете и пожить нѣсколько, чтобы Варенька увидѣла твой домъ и проч. Изъ за границы славно было бы проѣхать вамъ на пароходѣ изъ Вѣны въ Одессу, гдѣ погостивши у насъ, и поживши потомъ у маменьки, отправиться въ Петербургъ на житье и службу. Тутъ такъ-же ваша воля. На поѣздку за паспортомъ и на необходимые расходы для приготовленія къ вояжу я сыщу денегъ, съ готовностію всѣмъ дѣлиться съ тобою, по мѣрѣ средствъ моихъ, что конечно сдѣлаетъ и другъ нашъ Марія Давидовна, которой цѣлую руки, благословляю Вареньку!

Нѣжно любящій и благословляющій тебя отецъ и другъ

А. Стороженко.

305.

Чевельча 24 сентября 1856 г.

Еще благословляю васъ [1]), милыя дѣти мои, на путь и на счастье о чемъ буду молиться Вседержителю!

Посылаю при семъ, другъ мой Вольдемаръ, письмо къ Алексѣю Петровичу; вручи его доблестному старцу и скажи, что, если захочетъ удостоить меня отвѣтомъ, чтобы писалъ въ Одессу.

Пришли мнѣ изъ С.-Петербурга изданіе Усова о X т. Свода Законовъ. Да напиши, что ты сдѣлаешь съ Давидомъ; какъ и когда думаешь прислать его къ намъ?

Ушаковы сегодня уѣхали; Лиза была и мила, и здоровенькая, благодаря Бога!

Мы сами на мази.

Цѣлую васъ еще, и прошу поцѣловать отъ меня руку Маріи Давидовны и засвидѣтельствовать мое дружеско-родственное привѣтствіе.

Отецъ вашъ и другъ

А. Стороженко.

---

[1]) Свадьба Влад. Андр. и Варв. Анан. состоялась 16 сентября 1856 г. въ с. Великой Кручѣ въ присутствіи Андрея Яковлевича, который благословлялъ брачущихся.

306.

16-е октября 1856 г. Давно ли, кажется, мы разстались съ Вами въ Чевельчѣ, любезный другъ Рара, а между тѣмъ Вы, вѣроятно, почти устроились въ Одессѣ, а я почти устроился въ Петербургѣ. 27-го сентября мы оставили Кручу, 28-е провели въ Заѣздѣ, гдѣ, не смотря на музыку и прекрасное угощеніе, страшно бѣдовали отъ холода; 29-го обѣдали въ Петровкѣ у князя Баратова, а 30-го, послѣ прекраснаго обѣда у Романовича, отправились въ дальній путь. Совершили мы его благополучно, погода благопріятствовала, задержекъ большихъ не было; въ Орлѣ переночевали, въ Тулѣ пробыли нѣсколько часовъ, чтобы повидаться съ Петромъ Михайловичемъ [1]), а 6-го вечеромъ прибыли въ Москву. Три дня оставались въ Бѣлокаменной. Родные ухаживали за Варей самымъ внимательнымъ образомъ. У Дарагана и у Краснокутскаго были готовы для насъ квартиры, но я не воспользовался ими, а поселился въ трактирѣ, чтобы быть посвободнѣе и дать отдохнуть моей Варѣ, которая отъ дороги утомилась до изнеможенія. Не смотря на это, я показывалъ ей дворецъ и рѣдкости оружейной палаты, а однимъ утромъ, въ теченіе котораго Краснокутскіе были у насъ, воспользовался, чтобы отвезть Ваши письма Алексѣю Петровичу [2]) и Ольгѣ Михайловнѣ. Послѣднюю не засталъ дома, а потому и не видался; первый принялъ меня съ всегдашнею своею благосклонностью, разспрашивалъ о Васъ, интересовался, много ли Вы сокрушаетесь кончиною фельдмаршала, вспоминалъ о томъ, что познакомился съ Вами слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ. Я ему говорилъ о запискахъ Чичагова, онъ читалъ ихъ, оправдываетъ адмирала и по этому поводу входитъ въ интересныя подробности о 12-мъ годѣ. Въ торжествахъ коронаціи онъ не участвовалъ, изъ опасенія изнемочь подъ бременемъ какой-нибудь ноши, какъ кн. Горчаковъ отъ усилій поддержать государственный мечъ. При этомъ Алекс. Петр. разсказалъ забавный анекдотъ о разсѣянности князя, который однажды сидѣлъ и чертилъ пальцемъ на воздухѣ какіе то знаки. Проведя въ этомъ занятіи нѣкоторое время, онъ замѣтилъ стоявшаго передъ нимъ начальника штаба Коцебу и попросилъ приказать переписать написанную имъ бумагу; оказалось, что никакой бумаги написано не было и что князь просилъ о перепискѣ воображаемой, разошедшейся въ воздушномъ пространствѣ. Ал. Петр. благодарилъ Васъ за рукопись, на которой узналъ подпись Потемкина, но говорилъ, что почеркъ слишкомъ хорошъ и вѣрно стоилъ большихъ

---

[1]) Дараганомъ, тогдашнимъ тульскимъ губернаторомъ. [2]) Ермолову.

усилій свѣтлѣйшему. 11-го я прибылъ въ Петербургъ, на свою старую квартиру. Всѣ и все встрѣчаютъ меня и Варю привѣтливо. Я нашелъ премиленькую квартиру на Вас. остр. Она вполнѣ соотвѣтствуетъ желанію и вкусамъ Вари. Передъ окнами ея миленькій садъ, лѣстница ступеней десять, нѣсколько разъ въ день ей легко взойти и сойти; въ десяти шагахъ Андреевскій соборъ, а Варя любитъ молиться; въ весьма близкомъ разстояніи Андреевскій рынокъ съ лавками разныхъ мелочей, за которыми Варя можетъ пойти и одна съ горничной. Небольшія, свѣтлыя комнаты съ паркетными полами ласкаютъ ея воображеніе; теперь мы хлопочемъ объ отдѣлкѣ и въ концѣ мѣсяца надѣемся перебраться. Воеводскій будетъ отъ меня черезъ пять домовъ, а Краббе въ весьма недальнемъ разстояніи. Послѣдній былъ ужъ у меня, но къ сожалѣнію не засталъ дома. Пока успѣлъ познакомить Варю только съ Скворцовыми и Фоковыми. Она слишкомъ устала для церемонныхъ визитовъ. Пишемъ съ Варей въ одно время, за однимъ столомъ; она къ своей Maman, я къ Вамъ, скоро мы передадимъ другъ другу наши письма для дополненія. Я счастливъ и желаю только продолженія этого состоянія. Благодарю Васъ, любезный другъ Рара, за все сдѣланное Вами къ устройству моего положенія, лучше котораго не желаю. Обнимаю Васъ, Maman, Колю, Долю и всѣхъ нашихъ. Посылаю экземпляръ сборника Усова. Желаю, чтобы одесская жизнь Вамъ понравилась и вознаградила за деревенскую монотонію. Завтра вступаю на службу. Душевно преданный Вамъ сынъ и другъ

В. Стороженко.

— Не хочу пропускать этой почты, любезнѣйшій Рара, чтобы не сказать отъ себя нѣсколько словъ. Мы пріѣхали благополучно въ Петербургъ и Володя уже нашелъ хорошенькую квартиру, которая мнѣ очень нравится; теперь все хлопочемъ, чтобы скорѣе переѣхать въ новую квартиру; желаю и Вамъ также хорошо устроиться и пріятно проводить время въ Одессѣ. Я не скучаю, Володя меня любитъ и я совершенно счастлива и довольна своей судьбой. Цѣлую Ваши и Maman ручки. Любящая и преданная Вамъ дочь

Варвара Стороженко.

Милую Долиньку и Колю цѣлую отъ души и Корнели цѣлую.

307.

Одесса 28 октября 1856 г.

Сейчасъ получилъ отъ тебя милое письмо, другъ мой Вольдемаръ; благодарю Милосерднѣйшаго Бога, помогшаго вамъ благополучно доѣхать до Петербурга. Ожидалъ отъ тебя письма изъ Москвы, но вы тамъ пробыли только три дня, поэтому и писать было некогда. Спасибо, что отдалъ письма мои достойнѣйшему старику Алексѣю Петровичу и Ольгѣ Ивановнѣ. Первый обѣщалъ мнѣ прислать портретъ свой; но ты не пишешь даже, чтобы онъ хотѣлъ написать ко мнѣ, а, вѣроятно, сказалъ ему, что я зиму проживу въ Одессѣ; дополни свѣдѣнія по этимъ даннымъ.

Счастье, другъ мой, зависитъ нѣкоторымъ образомъ и отъ насъ самихъ: вы любите другъ друга, вы живете у себя, не ищете разсѣянностей, и взаимная откровенность, наполняя время неприхотливыхъ семейныхъ соотношеній, дѣлаетъ насъ счастливыми, довольными и независимыми.

Я въ восхищеніи, что добрая моя Варета ничѣмъ не скучаетъ, хочетъ хозяйничать, хочетъ даже сама ходить иногда на рынокъ, который, какъ ты пишешь, такъ близко отъ церкви св. Андрея и отъ квартиры, куда вы хотите переселиться. Подлѣ св. Андрея живетъ П. Я. Куприяновъ, не сходишь ли ты къ нему? Опиши подробнѣе о вашемъ житьѣ, о твоихъ служебныхъ занятіяхъ и отношеніяхъ, о квартирѣ и проч.

Мы въ послѣднихъ числахъ сентября прибыли въ Одессу, наняли квартиру *на Херсонской улицѣ въ д. генерала Кандыбы*, запаслись фуражемъ и всѣмъ хозяйственнымъ, отыскали учителей—русскаго и музыкальнаго, не дешевле однако жъ Петербургскаго за музыку. Здѣсь все вообще подорожало во время войны; а какъ счетъ не на ассигнаціи по прежнему, а на серебро, и купцы привыкли къ большимъ барышамъ, то цѣлковый равняется съ рублемъ ассигнаціоннымъ. Уменьшатъ ли то у насъ единицу, которая соотвѣтствовала бы злотому, франку, гульдену?

Я писалъ въ Чевельчу и приказалъ Григорію съѣздить къ Марьѣ Давидовнѣ. Она ко мнѣ не пишетъ. Здорова ли? Хотѣлъ бы я знать чрезъ Мих. Никол. Жемчужникова, говорилъ ли обо мнѣ Норовъ, или ожидаетъ обѣщанной брошюрки? Здѣсь Алекс. Павл. и Любовь Иван. [1]).

---

[1]) Безаки.

Мы часто бываемъ другъ у друга, много еще интересныхъ знакомствъ, а вечеромъ клубъ. Одесса не похожа на прежнюю, нѣтъ тѣхъ роскошей доступныхъ. Дороговизна, и привозовъ мало.

Благодарю тебя, Варета, милая, добрая дочь моя, за приписку мнѣ. Самая подпись твоя съ крючкомъ (походитъ на мой) была утѣшеніемъ; а чувства—надеждою на счастіе моего Вольдемара.

Моля Господа о благословеніи васъ, добрыя дѣти мои, цѣлую, обнимаю и благословляю васъ изъ глубины души.

Отецъ и другъ

А. Стороженко.

Maman цѣлуетъ васъ также, равно Доля и Коля.

308.

Одесса 15 ноября 1856 г.

Я не получилъ еще отвѣта отъ васъ, милыя дѣти мои, между тѣмъ Блюменфельдъ пишетъ мнѣ, и говоритъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ и къ тебѣ, другъ мой Вольдемаръ, что довольно и довѣренности тебѣ отъ меня на безотчетное управленіе маіоратомъ, полученіе съ него доходовъ и передачу управленія имъ, кому ты заблагоразсудишь. Нужна ли тебѣ эта довѣренность теперь же или я могу прислать ее тебѣ, возвратившись въ Малороссію? Въ Пирятинскомъ уѣздномъ судѣ будетъ удобнѣе для меня это сдѣлать. Здѣсь, по безтолочи, не знаешь, гдѣ и совершить довѣренность; впрочемъ, если нужно, тотчасъ сдѣлаю.

Вижу, что мнѣ необходимъ мундиръ. Въ Одессѣ никто не знаетъ формъ; Блюменфельдъ пишетъ, что въ Петербургѣ и шитье лучше вышьютъ, и форма извѣстна портнымъ, и справиться обо всемъ удобнѣе. Въ приказѣ было сказано обо мнѣ: „увольняется по прошенію отъ должности главнаго директора комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго, членъ совѣта, сенаторъ Стороженко съ присвоеннымъ *оной* мундиромъ“. Слѣдовательно сенаторскій—не моя форма. Наведи справку въ польскомъ департаментѣ у управляющаго канцеляріею онаго дѣйств. статс. совѣтника Старынкевича, какой именно мундиръ мнѣ носить слѣдуетъ? Мнѣ кажется, министерства внутреннихъ дѣлъ третьяго класса: шитье по черному бархату, пуговицы герба Царства. А по справкѣ, закажи шитье, купи сколько нужно и какое

носятъ сукно, равно на панталоны бѣлаго, галуны, шляпу съ позументомъ, портупею и еще что нужно, чтобы совершенно меня обмундировать; да пришли эстампъ формы.

Заказавши все, напиши, что будетъ стоить, я тотчасъ вышлю деньги; а ты пришлешь мнѣ обмундированіе. Жаль, что нельзя прислать все сшитое: въ Петербургѣ я не могъ этого сдѣлать по разсчету, да и не думалъ, чтобы понадобилось; а теперь похороны князя Воронцова и другія оказіи указываютъ надобность.

Перешли ли вы на новую квартиру? Какъ вамъ живется, добрѣйшіе мои? Обо всемъ этомъ жду подробнаго описанія въ отвѣтѣ.

Мы устроились весьма выгодно, дѣтки учатся, и еслибъ не для нихъ, я не остался бы долго въ Одессѣ,– дороговизна страшная.

Я думаю, что пока представителемъ будетъ единица въ курсѣ цѣлковый, когда въ другихъ мѣстахъ франкъ, гульденъ, злотый, дотолѣ торгаши не образумятся.

Обнимаю, цѣлую и благословляю васъ, Вольдемаръ и Вареточка!

Отецъ и другъ вашъ

Андрей Стороженко.

309.

Одесса 30 ноября 1856 г.

Вообрази мое горе, милый другъ мой Вольдемаръ, на дняхъ получаю эстафету отъ Николая Ивановича, что Григорій мой умеръ скоропостижно отъ апоплексическаго удара. Николай Ивановичъ, спасибо ему, былъ въ Чевельчѣ, велѣлъ запечатать, что слѣдовало; но хозяйство стало въ пень. Ѣду самъ туда, чтобъ дать движеніе; а посмотрѣлъ бы ты, что здѣсь за погода!—грязь шоколадно-рыжаго цвѣта въ аршинъ; ухабы подъ брюхо лощадямъ; какъ тутъ ѣхать; при томъ же къ припадкамъ моимъ прибавился еще новый, никогда неожиданный мною, и самый тяжкій.

Бѣда, да и только!

18 декабря, когда Богъ поможетъ благополучно дотащиться до дому, напишу къ тебѣ изъ Пирятина.

Отдай прилагаемую при семъ записку въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа и напиши мнѣ о цѣнѣ обмундированія моего. Прежде послѣднихъ чиселъ января слѣдующаго 1857 года не думаю возвратиться въ Одессу къ семейству, которое, благодаря Господа, здорово, цѣлуетъ

васъ; дѣтки учатся съ успѣхомъ, и жизнь наша, хотя очень дорогая, но устроилась славно.

Цѣлую, обнимаю и благословляю тебя и милую, добрѣйшую Варету!

Отецъ и другъ вашъ

А. Стороженко.

Я получилъ пріятнѣйшее письмо твое. Итакъ ты получишь отъ меня довѣренность на Хенцины еще въ этомъ году.

310.

30-е декабря 1856 г. Извѣстіе о смерти Григорія очень огорчило меня, любезный другъ Рара, оно вызвало Васъ изъ Одессы и долго еще, я увѣренъ, Вы не привыкнете къ тому, что Григорія нѣтъ. Какъ то Вамъ удастся устроиться? Гдѣ Вы найдете человѣка, который бы Вамъ замѣнилъ его? Между тѣмъ и пріятное существованіе въ Одессѣ нарушено, опять деревенскія заботы и хлопоты. Желаю, чтобы не надолго. Мы съ Варей живемъ здѣсь хорошо; ничто не нарушаетъ нашихъ взаимныхъ, откровенныхъ и дружескихъ отношеній; внѣшнимъ положеніемъ нашимъ мы тоже весьма довольны, а если подумываемъ о томъ, какъ бы устроиться въ Малороссіи, такъ не потому, чтобы здѣсь было худо, а потому, что тамъ будетъ лучше. Въ столичной атмосферѣ Варѣ бываетъ душно, потому что она привыкла къ приволью малороссійскому. Службы не брошу, но если бы представился случай перейти на службу въ Харьковъ или Кіевъ, то не задумавшись рѣшился бы на это. Можетъ быть, обстоятельства и помогутъ. Марью Давидовну ждемъ не дождемся по бездорожью, бѣдствію, которое и Вы испытали вѣроятно; а между тѣмъ ея присутствіе было бы для меня большимъ успокоеніемъ, потому что начинаютъ обозначаться признаки, позволяющіе надѣяться, что Варя въ интересномъ положеніи. На счастье мое Краббе задалъ множество личныхъ работъ, которыя онъ поручаетъ мнѣ, и на этомъ основаніи освобождаетъ отъ хожденія въ Д-тъ, почему я мало разстаюсь съ Варей. Но боюсь, что этому пріятному положенію скоро будетъ конецъ, а между тѣмъ М. Д. нѣтъ какъ нѣтъ. О мундирѣ я Вамъ писалъ подробно въ Одессу. Въ общественной жизни интереснаго много, но пока еще все на словахъ; впрочемъ, нужно слѣдить за многимъ въ газетахъ, но для этого пора бы Вамъ измѣнить старой привычкѣ читать Сѣверную Пчелу, а держаться С.-Петерб. Вѣдомостей. Васъ, вѣроятно, будетъ интересовать,

что гр. Морни женился на нашей кн. Трубецкой. Этотъ бракъ можно считать почти политическимъ событіемъ, потому что Морни двоюродный братъ императора Наполеона III съ лѣвой стороны; говорятъ также, что испанскій посолъ герцогъ д'Оссуна ухаживаетъ за дѣвицею Штрандманъ, дочерью русскаго генерала. Желаю счастливаго года. Ожидаемъ извѣстій отъ Васъ, а между тѣмъ мысленно обнимаю со всею искренностью сына и друга.

В. Стороженко.

Отъ всего сердца поздравляю Васъ, безцѣнный и добрый Рара, съ праздникомъ и новымъ годомъ и отъ души желаю всѣхъ радостей; жалѣю очень, что не могла вмѣстѣ съ Вами провесть эти праздники; все это время ожидала къ себѣ Maman, но и она по такой дурной дорогѣ не могла пріѣхать. Цѣлую Ваши ручки.

Много Васъ любящая и преданная дочь

В. Стороженко.

311.

Чевельча 15 января 1857 г.

Сегодня получилъ письмо твое, милый другъ мой Вольдемаръ, и сегодня же отвѣчаю, поздравляя васъ съ добрѣйшею Варетою съ утѣшительною, какъ для васъ, не менѣе и для меня надеждою. Самое необходимое въ этомъ положеніи—спокойствіе и удаленіе самомалѣйшаго огорченія, но ваша жизнь, ваша взаимная привязанность, ваши характеры суть данныя для скромныхъ благъ мирной неприхотливой жизни. И въ Петербургѣ, и въ любезной мнѣ Малороссіи, вамъ будетъ хорошо. Высшій классъ людей здѣсь, довольствующихся первымъ чиномъ, праздныхъ, и подавившихъ сквернымъ виномъ, сквернымъ столомъ и апатіей въ самомъ устройствѣ пепелищъ своихъ научность, хотя бы и университетскую,—плохъ, за то средства и довольствіе, климатъ и родное небо безподобны. Меня не гнететъ и грустное одиночество. Дѣтки, благодаря Бога, учатся. Зима въ Одессѣ, особенно въ отношеніи людей, —истинно по мнѣ, но Одесса слишкомъ отдалена отъ Чевельчи, отъ средствъ моихъ, а дорога и почты, на коихъ ни ямщиковъ, ни лошадей нѣтъ, а случай подобный настоящему, а письменныя сообщенія? Напримѣръ, я не получалъ еще и понынѣ ни строчки отъ Юліи Ивановны. Какія это варварскія неудобства. Не дождусь я желѣзной до-

роги. Кажется, скорѣе соединятъ ею Египетъ съ Парижемъ и прорюютъ Суэцскій каналъ, нежели, хотя бы и пароходная компанія, облегчатъ транспорты отъ насъ къ южнымъ портамъ. Благія преднамѣренія правительства видны, но гдѣ люди съ энергіею, съ знаніемъ дѣла, съ предпріимчивостью, съ вѣрою и самоотверженіемъ? Въ Одессѣ не было чего грузить на иностранныя суда, а у насъ хлѣбъ гніетъ, если не продашь его жиду за безцѣнокъ.

Прибывши на родину, отправилъ тотчасъ эмеритуру Юл. Иван., 21 декабря былъ у почтеннѣйшей Марьи Давидовны съ Н. Ив., ночевалъ у нихъ и пріѣхалъ въ Чевельчу. Здѣсь приступилъ, не теряя времени, къ разсмотрѣнію хозяйства моего. Опасаюсь, что по смерти Григорія (вдова его объявила, спустя недѣли четыре) бумажникъ, который онъ носилъ съ векселями, росписками и деньгами, пропалъ. Денегъ, долженствовавшихъ храниться въ сундукѣ, какъ-то: громадскихъ, мною присланныхъ изъ Варшавы, еще на пособіе волами хозяевамъ, сиротскихъ, магазинныхъ—ни копѣйки; а у покойнаго осталось всего только 3 рубля сер. и нѣсколько штукъ скота, который обратится на пополненіе проданнаго сиротскаго. Долговъ покойный нахваталъ много, въ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ ни зерна. Вдова неграмотная была неразлучна съ попомъ и попадьею, я не взялъ на себя разысканій, сообщилъ это предержащей власти, т. е. становому, а самъ плачу долги по мѣрѣ способовъ,—это моя участь; заступаю мѣсто Григорія и никуда не выѣзжаю, да и у меня были разъ только Гинцы, Иванъ Петр.[1]), и Иванъ Яков. Лукашевичъ и другіе. Были также Крупенскіе, Жоржъ и Соня, дочь достойнѣйшей въ родѣ Аленушки[2]),—милые молодые люди. Заплатилъ я всѣ визиты въ одни сутки на подставныхъ, ночевалъ у Ив. Як. Скрипучая музыка, а особливо раздутыя трубы и вольторны не давали спать; видѣлъ панночекъ, пляшущихъ съ офицерами пѣхотными, студентами и канцеляристами 14 кл., и усталъ до нельзя. Опять сижу одинъ одинешенекъ, расплачиваюсь съ представляющими росписки и сбираюсь ѣхать въ Пирятинъ, чтобы расплачиваться и тамъ, но снѣгъ опять сошелъ—грязь невылазная. Не знаю, поѣхала ли за снѣга въ Петербургъ Марья Давидовна, слышалъ, что она ѣздила въ Полтаву, желалъ бы видѣться съ нею, но по этому пути невозможно добраться до Щербаковки. Мнѣ теперь не до мундира; расплачусь, возобновлю мою просьбу, только, чтобъ счетъ былъ всему, а не одному шитью. Держусь я „Сѣверной Пчелы“ потому, что въ фельетонѣ ея бранятъ новую грязную школу и проповѣдующихъ свободную торговлю. Если бы дряхлѣющій другъ мой Ѳ. В. наплевалъ хотя одному изъ

---

[1]) Невѣровскій. [2]) Елены Михайловны Краснокутской.

первой, выписалъ бы портретъ его во весь ростъ. Проникаетъ эта отвратительная школа и въ Русскій Вѣстникъ. Недавно прочиталъ я въ немъ „Губернскіе очерки“. Что за дрянь! Въ самомъ гоголевскомъ „Ревизорѣ“ чиновники все таки имѣютъ нѣкоторые типы нѣсколько вѣроятные,—покупатель мертвыхъ душъ, чего и въ Россіи существовать не можетъ, для толпы можетъ быть даже забавенъ, но „Губернскіе очерки“ — пошлы. Свободная же торговля—утопія: отдавать четверть хлѣба за перочинный ножикъ и не стараться, чтобы ножики дѣлались у себя,—пошлость.

Въ одиночествѣ или хлопочу по хозяйству, или читаю, и въ мѣсяцъ можно прочесть много, а какъ перецѣдишь для памяти, останется мало. Все политическое въ Одессѣ пріѣлось до оскомины. Нападки на насъ нашихъ—слишкомъ поверхностны, а чужихъ - пристрастны.

Вчера уѣхалъ отъ меня въ Кіевъ Ник. Иван. Лиза, слава Богу, здорова. Коль скоро дорога хотя нѣсколько поправится, поѣду въ Щербаковку, въ Кручу и къ нимъ.

Цѣлую и благословляю васъ, дорогіе дѣти мои, отецъ и другъ вашъ

А. Стороженко.

312.

17-го января 1857 г. Хотя послѣднее письмо и адресовано въ Чевельчу, но, признаюсь, я не думалъ, чтобы Вы прибыли туда такъ точно, какъ предполагали. Къ большому удовольствію нашему Николай Ивановичъ увѣдомилъ насъ на дняхъ, что Вы, любезный другъ Рара, благополучно пріѣхали въ Щербаковку съ 18-го на 19-е дек. Такимъ образомъ разстроился Вашъ зимній сезонъ и изъ пріятнаго Одесскаго общества Вамъ пришлось вдругъ очутиться въ Чевельчанскомъ уединеніи, да и тутъ еще, какъ пишетъ Ник. Иван., Васъ ожидали хозяйственныя непріятности. Желаю, чтобы Вамъ удалось поскорѣе найти порядочнаго управляющаго, а, можетъ быть, Вы устроитесь такъ, какъ Марія Давидовна, передавшая Кручу по довѣренности Романовичу въ управленіе, за извѣстный процентъ съ доходовъ. Мы съ Варей живемъ благополучно, положеніе ея обозначается съ каждымъ днемъ явственнѣе; не могу дождаться Марьи Давидовны, хотя и не теряю еще надежды видѣть ее здѣсь эту зиму; для Вари это было бы большимъ утѣшеніемъ. А между тѣмъ она только и думаетъ, какъ бы поскорѣе въ Малороссію. Начинаю и я убѣждаться, что перебраться на службу въ одну изъ нашихъ губерній было бы не дурно во многихъ отношеніяхъ.

Вслѣдствіе этого былъ между прочимъ у Мих. Ник. Жемчужникова, который указалъ мнѣ на вице-губернаторство, какъ на мѣсто, на которое я имѣю всѣ права „и по чину, и по моей служебной репутаціи, и по личной извѣстности С. С. Ланскому“. Оставлю это про запасъ, на случай, если мнѣ не удастся перейти на службу по Харьковскому учебному округу, о чемъ я уже просилъ кое-кого. Во всякомъ случаѣ придется лѣтомъ побывать въ Малороссіи, потому что Варя очень желаетъ послѣдніе мѣсяцы беременности провести въ деревнѣ. Будетъ, что Богъ дастъ. Подъ опасеніемъ сдѣлать Вамъ неудовольствіе, я долженъ сказать, что и на Мих. Ник. подтвердилась пословица: „съ глазъ, и изъ памяти долой“. Въ бесѣдѣ нашей онъ даже и не упомянулъ о планахъ Вашихъ. Вчера по желанію Maman отправилъ Давидку въ Одессу съ отправлявшимся отъ насъ курьеромъ; заплатилъ: прогоны за одну лошадь отъ Москвы—32 р. 25 к., за мѣсто на чугункѣ—7 р. и за харчи—2 р. 75 к., всего 41 р. сер.; за то человѣкъ будетъ скоро доставленъ и не избалуется въ продолжительномъ слѣдованіи съ транспортомъ, что, можетъ быть, было бы и дешевле. Сами мы какъ нибудь перебьемся до весны съ извѣстною Вамъ Аннушкою. Къ этому счету нужно еще прибавить 40 р. сер. за Николку кондитору. Благодаря благоразумію Вари, концы съ концами сводимъ, впрочемъ этотъ годъ самый тяжелый, а если случится въ Харьковъ, то тамъ заживемъ. Въ общественной жизни самое интересное—всеобщее ожиданіе распубликованія положенія о желѣзныхъ дорогахъ. Французскіе инженеры изучаютъ мѣстность, многіе уже воротились въ Петербургъ съ оконченными по этому предмету работами. Вчера объявленъ Высочайшій указъ о дозволеніи нашимъ инженерамъ поступать на службу общества желѣзныхъ дорогъ, съ сохраненіемъ правъ службы правительственной и половиною жалованья. Остается теперь только объяснить правила и приступить къ работамъ. Дождемся ли мы этого благополучія? Обнимаю Васъ, любезный другъ Рара, за себя и за Варю, и въ ожиданіи пріятныхъ извѣстій отъ Васъ остаюсь преданнымъ сыномъ и другомъ

В. Стороженко.

313.

Щербаковка, 24 января 1857 г.

Спѣшу отправить тебѣ, милый другъ Вольдемаръ, довѣренность на Хенцины. Самъ я хлопочу, какъ никогда почти не приходилось, устраиваю опущенное Григоріемъ имѣніе мое по всѣмъ предметамъ, плачу долги, надѣланные имъ передъ смертью, покупаю кормъ для

лошадей или завода, заплатилъ уже недоимочныя подати, по Щербаковкѣ, напримѣръ, за три года за дворовыхъ людей. Писарь Щербаковскій также замотался, но всѣ теперь сваливаютъ на покойника и говорятъ, что по отъѣздѣ моемъ въ Одессу онъ пилъ и ѣздилъ по охотамъ, гдѣ и простудился. Входя во всѣ подробности по экономіямъ, взявши роль Григорія—дѣятельнаго, если бы онъ былъ такимъ!--близко разбираю и крестьянина и едвали не всю челядь дворовую, еще болѣе убѣждаюсь, какъ была бы вредна глупая вольность для дикаго, обезнравленнаго мужика нашего. Да онъ бы не работалъ и не заплатилъ бы никогда податей. Ты говорилъ, что со временемъ это бы пошло! Не знаю. Если бы въ Малороссіи не было установлено крѣпостнаго состоянія въ концѣ прошлаго вѣка, а оставили бы народъ, какъ былъ онъ за гетманщины, она бы цвѣла, какъ ея прекрасная природа, теперь же безъ полиціи помѣщичьей становые (они одни управляютъ или управляются, поколику достаетъ у нихъ разума) допустили бы такое бродяжничество, что и проѣхать бы по большимъ дорогамъ было опасно.

Кстати о дорогахъ. Пишутъ и пишутъ о желѣзныхъ, а пока и до Одессы не доберешься, ни лошадей, ни ямщиковъ на жидовскихъ станціяхъ, гдѣ, кажется, замерзаютъ даже бумажныя постановленія и приказы, коими обиты всѣ стѣны нетопленной избы.

Сижу одинъ, мучусь съ пьяницами, читаю, скучаю крѣпко, но все лучше одиночество, нежели наѣзды людей, съ коими не обмѣняешься мыслями и о хозяйствѣ. Не спѣшите, милыя дѣти мои, въ деревню, все лучше послужить въ какомъ нибудь городѣ. Мнѣ было славно въ Одессѣ, хотѣлъ бы какъ можно скорѣе ѣхать туда, но собираніе средствъ связало по рукамъ и по ногамъ.

Послѣзавтра ѣду къ Лизѣ и Николаю Ивановичу. Услышу тамъ рѣчи человѣческія. Какъ бы я былъ радъ, если бы ты перебрался, служа, на югъ.

Молю Господа о здоровьи вашемъ, отецъ и другъ вашъ

А. Стороженко.

Я послалъ деньги изъ Одессы въ книжный магазинъ Вольфа на газеты и на календарь, но мнѣ и по-нынѣ послѣдняго, такъ необходимаго въ захолустьи, не прислали.

314.

Чевельча 6 февраля 1857 г.

Какъ вспомнить обо мнѣ Жемчужникову, когда ты, бесѣдуя съ нимъ у себя, также не вспоминаешь, имѣя порученіе отъ меня спро-

сить его, что говорилъ съ нимъ по отъѣздѣ моемъ Норовъ, который чрезъ Жемчужникова письменно просилъ меня быть у него, и тогда Жемчужниковъ лично привозилъ мнѣ это приглашеніе. Мнѣ и въ голову не приходило искать чего нибудь у Норова; они хлопотали имѣть въ предметѣ кандидатовъ. Дѣло шло о Польшѣ; Норовъ просилъ меня сказать мое мнѣніе по этому и я послалъ ему брошюру, написанную мною въ 1846 г. Теперь записка эта у него; онъ благодарилъ списавшаго ее у покойнаго графа С. С. Уварова.

Впрочемъ, милый другъ мой Вольдемаръ, теперь мнѣ не до нихъ. Дѣла по моему хозяйству такъ запутались, что я плачу невѣсть за какую вѣру, ибо я сосчиталъ умершаго Григорія при отъѣздѣ, далъ на уплату всего, а оказалось, что, бравши отъ меня диньги, онъ не платилъ купцамъ, хотя записывалъ въ расходъ по книгѣ. Подобные счеты такъ мнѣ опротивѣли, что, договоривши управителя (каковъ будетъ, не знаю), завтрашній день рано уѣду въ Одессу, гдѣ пробуду съ дѣтками въ семействѣ до 15 апрѣля.

Сколько бъ я не заплатилъ этихъ мелкихъ счетовъ, какихъ бы ни нанималъ управителей (сообразно съ доходами по имѣнію), все не то, что оказывается послѣ отдачи управленія за условленные проценты съ доходовъ. Какъ хозяинъ, я стараюсь, улучшаю всѣ статьи въ хозяйствѣ, увеличиваю ежегодно цѣнность имѣнія, засаживаю сады и проч.; взявшійся же управлять за проценты преимущественно будетъ стараться возвысить ихъ, что по самой натурѣ человѣка и истинно честнаго простительно. Конечно, женское хозяйство—плохо, а мужчина хозяинъ можетъ за всѣмъ присмотрѣть и изъ всего извлечь пользу. Непредвидѣнный случай со мною убѣждаетъ только не отлучаться впередъ далеко и надолго изъ имѣнія, въ которомъ заключаются средства наши—съ отдаленіемъ они чувствительно уменьшаются. Богъ дастъ, все опять пойдетъ своимъ порядкомъ, къ маю расплачусь до іоты.

Рѣдко я чему радовался такъ, какъ тому, что милая моя Вареточка восхититъ меня внукомъ, или внучкою, и что она здоровенькая, слава Богу!

Переселиться вамъ на югъ—мысль прекрасная, какъ я писалъ уже и хотя трудно сказать, чтобы ты, другъ мой, въ самостоятельности служебной нашелъ то, что находишь въ Никол. Карл.[1]), но мнѣ кажется, что попробовать должно. Герулы и вандалы жили дикою свободою на степяхъ; а полуобразованность и сама скучаетъ, и другимъ надоѣстъ, прозябая въ домахъ по сосѣдству.

Обнимаю васъ и молю Бога о здоровьи вашемъ. Благословляющій Васъ отецъ и другъ А. Стороженко.

---

[1]) Краббе.

315.

12-го апрѣля 1857 г. Вчера получилъ я, любезный другъ Рара, письмо отъ Maman, изъ котораго вижу, что Вы не получили одного изъ писемъ моихъ, отправленныхъ въ Чевельчу. Въ этомъ письмѣ я благодарилъ Васъ за присланную довѣренность на управленіе маіоратомъ, по полученіи которой я тотчасъ писалъ къ Александру Михайловичу, прося разъясненія на нѣкоторые сомнительные въ семъ дѣлѣ для меня пункты. Изъ прилагаемаго отвѣта его Вы увидите, что все остается на прежнемъ основаніи и что пока не предвидится никакихъ особенныхъ съ моей стороны распоряженій. Далѣе изъ письма Maman я убѣждаюсь, что въ чужомъ карманѣ считать деньги весьма трудно: она полагаетъ, что Марья Давидовна скупится, между тѣмъ она даетъ мнѣ ежемѣсячно просматривать Кручанскіе счеты, изъ коихъ оказывается, что въ очистку, по крайней мѣрѣ за зимніе мѣсяцы получаются крохи, которыхъ и посылать сюда не стоитъ. Насколько было у М. Д. средствъ, привозимыхъ съ собою, настолько она участвуетъ въ нашихъ домашнихъ расходахъ и вниманіемъ ея ко мнѣ не могу нахвалиться. Пособіемъ съ ея стороны я воспользовался, чтобы не нуждаться въ текущемъ апрѣлѣ, такъ какъ моихъ средствъ, за неполученіемъ 1200 р. маіоратныхъ, станетъ, по сдѣланной раскладкѣ, до 1-го апрѣля. Она же мнѣ поможетъ при предстоящему мнѣ по всякому вѣроятію весною переѣзду въ Харьковъ на службу и жительство. Мнѣ предложили мѣсто инспектора студентовъ при Харьковскомъ университетѣ, на что я охотно согласился, и Норовъ, требовавшій меня для личныхъ объясненій по сему дѣлу закончилъ наше свиданіе тѣмъ, что пожалъ мнѣ руку и сказалъ: je crois que l'affaire pourra s'arranger. Основываясь на этомъ и на желаніи попечителя Харьков. Унив., чтобы я служилъ у него, считаю уже мѣсто за мною и обращаюсь уже всѣми помыслами моими къ предстоящему мнѣ грядущему, отъ котораго, съ непритязательностью благорасположеннаго и благоразумнаго человѣка, ожидаю для себя выгодъ во многихъ отношеніяхъ. Это должно расширить и способъ существованія, къ чему доступнымъ для меня образомъ стремлюсь, какъ и всѣ другіе. Ник. Карл. грустно разставаться со мною и мнѣ съ нимъ, но и онъ убѣждается моими доводами, что харьковскіе виды благоразумнѣе. Очень радъ, что послужилъ по морскому вѣдомству, но Богъ знаетъ, что предстоитъ ему еще въ будущемъ: не возьмутъ ли сухопутныя пути верхъ надъ водными; а просвѣщеніе всегда будетъ сѣнью, подъ которую будутъ прибѣгать съ жадностью и тѣ и другіе. Обнимаю Васъ, другъ Рара, и въ ожиданіи скорыхъ извѣстій отъ Васъ остаюсь преданнымъ сыномъ и другомъ

В. Стороженко.

Пользуюсь оставшимся мѣстечкомъ, чтобы поцѣловать Ваши дорогія ручки, безцѣнный Рара, и поздравляю Васъ съ праздникомъ. Maman свидѣтельствуетъ Вамъ свое искреннее почтеніе.

Душевно любящая Васъ дочь

В. Стороженко.

316.

11 мая 1857 г. Черезъ три дня, 14-го мая, оставляю Петербургъ, вѣроятно, чтобы не скоро возвратиться въ этотъ городъ, гдѣ провелъ почти тридцать лѣтъ жизни. Мнѣ признаюсь, кажется страннымъ не считать себя жителемъ Петербурга, но благоразуміе этого требуетъ. Ѣду прямо въ Харьковъ, хотя назначеніе мое еще не послѣдовало; но, какъ ради положенія Вари ожидать намъ здѣсь нельзя, то я беру отпускъ; въ Харьковѣ поживу нѣкоторое время частнымъ человѣкомъ, пока не послѣдуетъ распоряженія М-ра народ. просв. о моемъ зачисленіи. Новый попечитель тамошняго университета, г. Зиновьевъ, [1]) молодой и премилый человѣкъ; я уже познакомился съ нимъ здѣсь и получилъ отъ него увѣреніе, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ приметъ меня подъ свое начальство, не смотря на то, что я выбранъ былъ прежнимъ попечителемъ. Кажется, любезный другъ Рара, что все соображено не дурно и многое въ этомъ отношеніи совершается для меня довольно удачно, грядущее же поможетъ не ошибиться и въ разсчетахъ. Въ дѣлахъ моихъ, даже и неудачныхъ, утѣшаю себя всегда тою мыслью, что побужденія были чистыя и благородныя. Краббе разстался со мною съ грустью и я съ нимъ лично также; что же касается Морскаго М-ва вообще и инсп. Д-та въ особенности, то я доволенъ, покидая вѣдомство, въ которомъ неопредѣлено даже еще и то, чего отъ него желаютъ, какая его цѣль. Надѣюсь, любезный другъ Рара, что въ Харьковѣ мы будемъ часто видаться; Петербургъ далеко, а Харьковъ можетъ быть въ числѣ ежегодно посѣщаемыхъ мѣстъ, какъ Полтава и Кіевъ. Здоровье Вари самое удовлетворительное; надѣюсь совершить путешествіе наше благополучно, потому что торопиться не буду. Марья Давидовна заѣдетъ въ Кручу, а потомъ поспѣшитъ въ Харьковъ къ родамъ Вари. Разсчитывалъ получить здѣсь еще письмо отъ Васъ, но какъ этого, можетъ быть, не случится, то прошу впредь писать въ Харьковъ на первый случай съ оставленіемъ на почтѣ до востребованія, а по

---

[1]) Павелъ Васильевичъ.

пріѣздѣ въ Харьковъ я тотчасъ увѣдомлю о моемъ квартированіи. Цѣлую Васъ, дѣтей и Maman. Когда Вы думаете съ ними соединиться? Еще разъ обнимаю Васъ, любезный другъ Рара.

Преданный сынъ и другъ

В. Стороженко.

317.

Чевельча 15 іюля 1857 г.

Жаль, добрый другъ мой Вольдемаръ, что ты, получа отъ меня довѣренность на безъотчетное управленіе твое маіоратомъ, которая составлена по прилагаемому при семъ письму Блюменфельда, не съѣздилъ въ Царство Польское, чтобы тамъ на мѣстѣ устроить управленіе по маіорату. Надобно тебѣ знать, что назадъ тому болѣе года Радомское Губернское Правленіе писало мнѣ, чтобы я, или самъ лично, или кто другой по моей довѣренности, кончилъ въ маіоратѣ отмежеваніе нѣкоторыхъ участковъ земли. На это я тотчасъ же отвѣчалъ Губернскому Правленію, что довѣренность на завѣдываніе маіоратомъ давно имѣетъ отъ меня г. референтъ Комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Александръ Блюменфельдъ, какъ это извѣстно и Губернскому Правленію; и дабы оно обратилось къ нему. Отвѣтъ этотъ, не запечатанный, вложенъ въ письмо мое къ Блюменфельду, который и отослалъ его по принадлежности; теперь же, по прошествіи болѣе года, пишетъ, какъ увидишь изъ прилагаемаго при семъ письма его, что довѣренность моя ему не достаточна, что маіоратъ могутъ взять въ казенную администрацію, и что онъ вслѣдъ за тѣмъ пришлетъ мнѣ къ подписи такую довѣренность, какая слѣдуетъ; что повторяетъ и въ другомъ письмѣ, но проекта опять не присылаетъ. Не знаю, почему онъ не прислалъ мнѣ проекта довѣренности въ теченіе года? и почему теперь медлитъ высылкою оного?

Прочитай всѣ эти три письма, и возврати мнѣ ихъ. Я тотчасъ по полученіи бумаги все сдѣлаю; но Блюменфельдъ дѣйствуетъ тутъ медленно. Онъ строится; не нажился еще съ молодою женою; хочетъ ѣхать за границу. Пріими все это во вниманіе, напиши къ нему, и расположи твои дѣйствія сообразно обстоятельствамъ. Знаю, что тутъ нѣтъ ничего важнаго; но, признаюсь, меня это безпокоитъ. Поэтому счелъ нужнымъ сообщить тебѣ письмо Блюменфельда.

Каково моей добрѣйшей, насравненной Варетѣ? Цѣлую и благословляю ее. Дайте мнѣ знать тотчасъ, когда послѣдуетъ разрѣшеніе,—

прилечу къ вамъ, чтобы вмѣстѣ привѣтствовать новорожденнаго. Почтеннѣйшей Маріи Давидовнѣ свидѣтельствую мою родственно-дружескую преданность.

Отецъ и другъ твой

Андрей Стороженко.

Я написалъ Блюменфельду, чтобы онъ скорѣе выслалъ мнѣ проектъ и чтобы похлопоталъ въ Комиссіи финансовъ объ отвращеніи угрозъ. Я чѣмъ тутъ виноватъ?

Докторъ говоритъ, что положили пріѣздъ его къ вамъ послѣзавтра, т. е. 17 числа.

318.

19-го іюля 1857 г. Вновь благодарю Васъ, любезный другъ Рара, за дозволеніе доктору пріѣхать къ намъ. Варя приближается къ разрѣшенію, но, можетъ быть, протянетъ еще нѣсколько дней. Бабушка постоянно находится у насъ и мы вооружены всѣми снадобьями. Будемъ надѣяться на счастливую развязку. Жаль, что Вы такъ далеко отъ насъ; если бы проживали въ Щербаковкѣ, я могъ бы часто бывать у Васъ, но для поѣздки въ Чевельчу нужно много времени, на которое не рѣшаюсь оставлять мою Варю. 15-го былъ у насъ Ник. Иван. и Романовичи, которые проживаютъ въ настоящее время въ Новакахъ, а Никол. Ѳедор. частенько бываетъ у насъ, чтобы похозяйничать. Что касается маіоратныхъ дѣлъ, то такъ какъ нельзя передать маіората по закону въ полную мою собственность, то я, управляя имъ по довѣренности, представляю лишнюю инстанцію. Будьте такъ добры, и продолжайте снабжать Блюменфельда тѣми уполномочіями, какія ему необходимы для устройства тамошнихъ дѣлъ. Для меня достаточно, какъ пишетъ и Алекс. Мих., частнаго распоряженія Вашего, чтобы доходы съ маіората доставлялись мнѣ. Ѣхать туда ранѣе будущаго лѣта, вѣроятно, не прійдется мнѣ, да и незачѣмъ, какъ писалъ ко мнѣ Алекс. Мих. До 1860 года никакихъ измѣненій въ управленіи маіоратомъ сдѣлать нельзя, а поѣздка туда для ознакомленія повела бы къ расходамъ, которыхъ въ настоящее время я сдѣлать рѣшительно не въ состояніи. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ при свиданіи. Варя цѣлуетъ ручки и благодаритъ за дыню. Сама не пишетъ потому, что чувствуетъ себя тяжело. Марья Давидовна свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе.

Преданный сынъ и другъ В. Стороженко.

Письмо Блюменфельда возвращу при свиданіи.

319.

26 іюля 1857 г. Чевельча. Докторъ сказывалъ мнѣ, милый другъ мой Вольдемаръ, о желаніи Вашемъ видѣть меня; благодарю отъ души, пріѣду тотчасъ, получа увѣдомленіе о разрѣшеніи любимицы моей Вареньки, да и во всякомъ случаѣ 27 на ночь буду въ Щербаковкѣ, чтобы погостить у васъ, у Лизы и Николая Иван. и купить кое-что въ Лубнахъ на ярмаркѣ. Не могу отрываться, тѣмъ болѣе въ настоящихъ невзгодахъ нашихъ, отъ хозяйства. Оно вообще для многихъ занимательно, для меня же *обовязательно*. У меня нѣтъ души мыслящей, надобно все и всякаго двигать, иначе и усадьба, и поля заростутъ бурьяномъ, хлѣбъ не будетъ собранъ, не будетъ во время посѣянъ, кормовъ для овецъ не приготовятъ, топливо для винокурни, тѣмъ болѣе для селитреннаго завода, не приспособится, ничто не продастся и не купится своевременно. Вѣчная экзерсиція! Такъ я учился, такъ служилъ, такъ хлопочу по хозяйству. Мнѣ ничто не доставалось безъ трудовъ тяжкихъ, никогда не случалось купить не только тарантаса, но и телѣги за 30 р. Зависть однакожъ не касалась моего сердца. Желаю, чтобы всякій нажился много, и менѣе, нежели въ два года, да только, чтобы игралъ въ ералашъ; однимъ тѣмъ завидую, кто можетъ читать и писать при свѣчахъ; здѣсь такихъ немного—давайте жъ въ ералашъ, или въ другую игру: карты согласуютъ умнаго съ глупцомъ, богатаго съ тароватымъ и проч. Для меня всего невыноснмѣе, когда невѣжда, не читающій ничего печатаемаго, вздумаетъ угождать мнѣ безсознательными разсужденіями въ духѣ новыхъ взглядовъ, новой школы—по наслышкѣ. Не лучше ли ералашъ? Днемъ и безъ него можно обойтись, а вечера длинные осенніе или зимніе, тоска, да и только!

Не помню, чтобы я ходилъ когда безъ цѣли, такъ, прогуляться или для моціона, но ходить люблю. Обрѣзывая деревья, или вырывая сорныя травы, сколько мыслей проснуетъ въ головѣ и какъ скоро пролетитъ время, а если родится при этомъ, какъ говорятъ, и аппетитъ, это полезнѣе жизненной эссенціи. Давно-ли она, гарлемскія капли, потомъ Лероа, замѣняли у стариковъ всѣ аптечные препараты и самихъ докторовъ? Теперь чуть голова заболитъ—за границу на воды. Такъ вздумали было и мои, увѣряя, что и мнѣ Карльсбадъ необходимъ. Правда, когда я былъ безъ ногъ и безъ рукъ, Карльсбадъ освѣжилъ исчерпанныя мои силы, но при этомъ были средства; рыскать же въ долгъ по желѣзнымъ дорогамъ Запада—глупо. Если бы у нѣмцевъ была Одесса, гдѣ есть и лиманы, и грязи, и роскошныя морскія купанья, Baden-Kur не вмѣстился бы ни на многихъ огромныхъ платахъ газетныхъ англійскихъ, или даже американскихъ, а теперь изъ Карльс-

бада тащись въ Остендэ, гдѣ на песчаномъ берегу морскомъ солнце жжетъ тебя, какъ тюленя, выброшеннаго прибоемъ волнъ. Мнѣ отвратительно читать въ пустыхъ газетахъ нашихъ встрѣчи незванныхъ, скакню безъ цѣли и т. п.,—результатомъ всего этого будутъ займы. Чѣмъ же двигаться дома? Вотъ что говорилъ я и пишу моимъ. Дѣти еще не въ томъ возрастѣ, чтобы цивилизація отупѣлыхъ нѣмцевъ послужила имъ наукою въ грядущемъ. Что Европа много давнѣе насъ, что устройства тамъ несравненно болѣе, способовъ для спеціальныхъ наукъ еще болѣе, такъ, но умнѣе ли насъ въ частности дряхлые, апатическіе люди. Просторъ дѣлаетъ человѣка самостоятельнымъ,. Серба, зырянина, сибирскаго казака нельзя ровнять съ мужикомъ нашимъ, за коего думаетъ панъ, если что нибудь и сей послѣдній думаетъ. Долго еще надобно намъ ждать необходимаго свѣта. Напрасно такъ много пишутъ о гайдамачинѣ (я читаю теперь Кулиша), одинъ почеркъ пера можетъ произвесть неукротимое бродяжничество—и только. Для оглашенной перемѣны нужно многое: оцѣнка недвижимыхъ имѣній, размежеваніе земель, ипотека, кредитъ мѣстный, реорганизація не состоящихъ въ связи между собою урядовъ, какихъ и въ Пирятинѣ есть до 20, приготовленіе низшихъ земскихъ чиновниковъ, учрежденіе адвокатуры, измѣненіе способовъ взиманія податей, или новый кадастръ, приведеніе къ одному знаменателю класса хлѣбопашцевъ и проч.—мудрено!

Блюменфельдъ и понынѣ не присылаетъ проекта довѣренности. Я употребилъ въ 1855 и 1856 г. болѣе 20 т. зл. польск. на необходимыя постройки въ маіоратѣ, надобно было бы ихъ осмотрѣть, повѣрить управленіе и установить ходъ сношеній. Скакать мнѣ 2000 верстъ въ мои лѣта силъ не хватитъ. Ты говоришь, другъ мой, что ты лишняя инстанція, лишь бы Блюменфельдъ высылалъ тебѣ деньги; а ежели имѣнія возьмутъ, какъ онъ пишетъ, въ казенную администрацію? Ты имѣешь отъ меня полную пленипотенцію съ правомъ передачи ея и другому лицу. Блюменфельдъ не имѣетъ подобной, а завѣдываетъ маіоратомъ по простой довѣренности. Что же еще нужно къ твоей? Собрать свѣдѣнія по этому вопросу гораздо удобнѣе на мѣстѣ, нежели посредствомъ переписки. Впрочемъ, быть можетъ, я безпокоюсь и напрасно: такова у меня натура, для себя я бы и не безпокоился. Пиши къ Блюменфельду. Обнимаю и благословляю тебя съ добрѣйшей Вареточкой. Отецъ и другъ

А. Стороженко.

Почтеннѣйшей Маріи Давидовнѣ свидѣтельствую родственное дружеское мое къ ней чувство.

320.

Чевельча 12 августа 1857 г.

Посылаю тебѣ, другъ мой Вольдемаръ, полученное наконецъ письмо ко мнѣ Блюменфельда и проэктъ довѣренности; разсмотрѣвши его, убѣдишься, что лучше было бы уладить все это въ Варшавѣ, нежели подвергаться шиканамъ тамошнихъ второстепенностей, не имѣющихъ надъ собою никакой власти,—разгулъ и запустѣніе! Не знаю, на какого достоинства гербовой бумагѣ написать довѣренность, да и переписать ее здѣсь некому. Прикажи это приготовить и напиши отъ меня письмо къ Полтавскому Губернатору, какъ прежде писалъ, чтобы онъ, посвидѣтельствовавъ довѣренность, возвратилъ ее мнѣ, и увѣдомилъ бы объ этомъ прямо отъ себя Комиссію Юстиціи Царства Польскаго. Мнѣ всѣ бумаги въ Пирятинѣ пишетъ служащій въ земскомъ тамошнемъ судѣ г. Критскій; спроси объ немъ Ивана Чепурного, ежели нѣтъ у тебя другого.

Мнѣ надобно лично подать довѣренность въ Пирятинскій уѣздный судъ, и отправить потомъ при письмѣ въ Полтаву, гдѣ проѣздомъ не забудь посвидѣтельствовать свою.

Ежели Блюменфельдъ можетъ дѣйствовать съ передачами вѣрющихъ, то тѣмъ болѣе ты, какъ прямой наслѣдникъ; въ этомъ году нужно тебѣ съѣздить въ Варшаву.

Прежде 19 сего мѣсяца мнѣ никакъ не возможно быть въ Щербаковкѣ, ибо 18 я отправлю карету и лошадей въ Одессу; молодыхъ жеребчиковъ приведутъ изъ Щербаковки, и надобно все приготовить. 20 августа прійму деньги изъ казначейства и потомъ погощу у васъ.

До свиданья! Поцѣлуй Вареточку и засвидѣтельствуй мое родственно-дружеское расположеніе почтеннѣйшей Маріи Давидовнѣ.

Обнимаю тебя, отецъ и другъ

А. Стороженко.

321.

С. В. Круча 13-го августа 1857 г. Вчера въ 6 часовъ вечера по полудни, послѣ продолжительныхъ страданій матери, родильная комната огласилась бодрымъ крикомъ Вашего внука, любезный другъ Рара. Спѣшу увѣдомить Васъ объ этой общей для насъ радости. Ребенокъ, говорятъ,

молодецъ. Варя чувствуетъ себя хорошо. Вчера же вечеромъ ребенку дали молитву и нарекли его въ Вашу честь Андреемъ. Если онъ будетъ здоровъ, то предполагаемъ окрестить его 22-го августа, въ четвергъ на будущей недѣлѣ. Варя и я просимъ Васъ быть воспреемнымъ отцомъ и пожаловать къ намъ 22-го. Впрочемъ, когда бы Вы ни пріѣхали и ранѣе этого срока, намъ будетъ очень пріятно. Марья Давидовна свидѣтельствуетъ Вамъ искреннее почтеніе, а я цѣлую за себя и за Варю и за внука.

Преданный душевно сынъ

В. Стороженко.

322.

Чевельча 14 августа 1857 г.

Изъ глубины сердца поздравляю тебя, милый другъ мой Вольдемаръ, и добрѣйшую Варету съ новорожденнымъ! Благодарю Господа Милосерднѣйшаго, сподобившаго меня имѣть внука. Радуюсь, благословляю его и съ глубокимъ чувствомъ вѣры и упованія молю Сердцевѣдца, да осѣнитъ всемогущая благая десница Его новаго пришельца въ міръ и да идетъ онъ путемъ правды и чести по предназначенію!

19 на ночь я буду въ Щербаковкѣ.

Отецъ вашъ и другъ

А. Стороженко.

P.S. Достойнѣйшей Маріи Давидовнѣ кланяюсь и поздравляю ее съ нашимъ внучкомъ!

323.

Харьковъ, 10-го сентября 1857 г. Болѣе недѣли, что я здѣсь, любезный другъ Рара. Въ должность еще не вступилъ, присматриваюсь, знакомлюсь съ обстоятельствами и людьми, и устраиваюсь для помѣщенія скоро и нетерпѣливо ожидаемой семьи. Послѣднее идетъ довольно туго, все очень дорого, а тутъ на бѣду нѣтъ какъ нѣтъ денегъ изъ маіората. Опасаюсь быть поставленнымъ въ самое затруднительное положеніе; поэтому, если случится Вамъ какая нибудь хорошая продажа, не откажите прислать сотню—другую мнѣ въ секурсъ. Принимаютъ

меня здѣсь отлично и надѣюсь, что устроится жизнь весьма пріятно, но нужно время. Попечитель уже теперь поговариваетъ о мѣстѣ для меня инспектора каз. училищъ. Частью поэтому, а частью по крайнему неудобству казенной для инспек. студентовъ квартиры, я ,съ разрѣшенія попечителя, помѣстился на вольной. Это рублей на тысячу, считая, послѣ квартиры, дрова, воду, удорожаетъ жизнь, но что же дѣлать? Не возможно же забраться едва не подъ небеса и при томъ еще на помѣщеніе съ однимъ ходомъ! Получили ли Вы довѣренность изъ Полтавы? Къ самому губернатору мнѣ не удалось зайти, потому что время было неудобное, 4-е часа пополудни, а былъ у Федора Федоровича и оставилъ ему записку съ просьбою похлопотать въ канцеляріи насчетъ скорѣйшей высылки. Въ семействахъ губернатора, вицегубернатора, ректора и др. нашелъ я премилыхъ людей. Жена вицегубернатора Жданова еще землячка, Варвара Елисѣевна, урожденная Троцына. Приняли меня очень ласково, вспоминали Васъ. Сегодня располагаю переѣхать на квартиру и затѣмъ вступить въ должность; тогда напишу Вамъ подробности моего служебнаго положенія. Между тѣмъ обнимаю Васъ, любезный другъ Рара, и прошу не оставлять безъ извѣстій о себѣ, адресуя въ Харьковъ инспектору студентовъ. Когда ждете Maman и дѣтей? Каковъ Вашъ внучекъ? Говорятъ, полнѣетъ и растетъ. Не дождусь моихъ.

Душевно преданный сынъ и другъ

В. Стороженко.

324.

4-го октября 1857 г. Вотъ и октябрь, а отъ Блюменфельда никакихъ извѣстій, любезный другъ Рара. Преобидно, что начало моего, хотя и номинальнаго, управленія маіоратомъ знаменуется такими неисправностями; еще обиднѣе, что это совпадаетъ съ перемѣной службы моей, съ устройствомъ на новомъ мѣстѣ жительства, съ увеличеніемъ семьи, а поэтому и издержекъ. Совѣстно, но необходимо прибѣгнуть къ Вашей помощи; впрочемъ я имѣю на это нѣкоторое право, потому что прошу, можетъ быть, и несвоевременно, и не въ пору для Васъ, того, что Вы мнѣ обѣщали, любезный Рара. Не правда ли, когда я располагалъ жениться и просилъ у Васъ способовъ для брачной жизни, Вы мнѣ обѣщали обезпечить маіоратскій доходъ, т. е. 3 т. р., даже и въ томъ случаѣ, если бы эта сумма не была выслана изъ маіората? Въ этомъ, впрочемъ, и заключаются главнѣйшія мои средства; безъ этихъ средствъ мнѣ и не слѣдовало бы жениться, мѣнять довольство

на бѣдность. Поэтому, если Вы не желаете, любезный другъ Рара, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, поставить меня въ самое затруднительное положеніе, которое можетъ заставить меня даже оставить Харьковъ и хорошо начатую службу, то прошу Васъ выслать мнѣ въ счетъ маіоратнаго дохода, хотя половину на первый разъ, потому что въ противномъ случаѣ, повторяю, я буду въ самомъ смѣшномъ положеніи и притомъ еще совершенно незаслуженномъ. По совѣсти, не могу же я взять на себя вину въ неисправностяхъ по маіорату? Начинаю и я понимать отцовскія чувства, и когда смотрю на моего миленькаго Андрюшу, который съ каждымъ днемъ крѣпнетъ и развивается и такъ привѣтливо улыбается, когда пощекочешь пальцемъ по его щечкѣ, то думаю, что въ основаніи любви отца, какъ и всякой другой любви, готовность къ жертвамъ. Безъ жертвъ нѣтъ и наслажденій. Пока мы притаились въ Харьковѣ, ссылаясь на неустройство квартиры и неимѣніе экипажа; службу я исполняю, но не дѣлаю знакомствъ; увѣренъ, впрочемъ, что современемъ, когда все придетъ въ порядокъ, можно будетъ составить себѣ весьма пріятный кругъ и безъ большихъ издержекъ вести приличную жизнь. Квартиру занимаю дорогую въ 750 р. с. въ годъ, потому что долженъ былъ, пріискивая ее ограничиться пространствомъ вблизи университета, т. е. въ самомъ центрѣ города. Подалѣе можно было бы найти квартиру и лучше и дешевле. Двоюродный братъ мой, Яковъ Александровичъ Стороженко, женившійся на богатой невѣстѣ и предполагающій выйти въ отставку, чтобы заняться имѣніемъ, предоставленнымъ въ его управленіе, намѣренъ зиму провести въ Харьковѣ и нанялъ себѣ квартиру гораздо болѣе моей за 600 р., но очень далеко отъ университета. Собственно, продовольствіе здѣсь не очень дорого, даже многое дешевле, чѣмъ въ нашихъ мѣстахъ; дороги опять дрова, 20 р. с. за сажень кубич. Какъ же Вы устроились въ Кіевѣ? Желаю, чтобы поуспѣшнѣе, чѣмъ я. Обнимаю Васъ, Maman и дѣтокъ.

Преданный сынъ и другъ.

А. Стороженко.

325.

Кіевъ 14 октября 1857 г.

Радъ бы всею душою пособить тебѣ, другъ мой Вольдемаръ, но у меня самого нѣтъ болѣе 500 р. и до 20 декабря не добавится нисколько. Благодарю Бога, что имѣлъ средства заплатить впередъ за

квартиру, запастись дровами, опредѣлить Колю въ гимназію, куда онъ ходитъ аккуратно, снабженный всѣмъ, при нанятомъ коррепетиторѣ; затѣмъ проживемъ кое-какъ до полученія эмеритуры, изъ коей за прошлую треть я далъ 1000 р. Николаю Ивановичу (изъ нихъ ты взялъ 300 р.), а 1000 р. оставилъ себѣ. Продавать нечего—вся надежда на селитру, которой пудовъ 300 только въ ноябрѣ отправится въ Шостку. Неурожай и градобитія сокрушили. Если ты не получишь денегъ маіоратскихъ сегодня, то получишь завтра. Это не номинальность, а вѣрный доходъ, и ты, имѣя полную довѣренность на безотчетное распоряженіе имѣніемъ, не лишняя инстанція, а прямая въ переппскѣ съ Блюменфельдомъ, которому я долженъ былъ давать довѣренность, что зависѣло отъ тебя, по моему уполномочію. Съѣздить бы изъ Петербурга въ Варшаву и все пошло бы порядкомъ; безъ хлопотъ ничто не дѣлается. Я готовъ все сдѣлать, какъ ты по справкамъ въ Царствѣ скажешь, чтобы дѣло не называлось номинальностью. Истинно правда, что если бы отобрали совсѣмъ маіоратъ, я давалъ бы тебѣ равно съ другими дѣтьми моими, ибо вы всѣ равны въ глубинѣ чувствъ моихъ.

Мнѣ на третій день послѣ свадьбы пришлось ѣхать съ ничтожными деньгами Юліи Ивановны въ Петербургъ, чтобы устроить тамъ бѣдное помѣщеніе, а она оставалась въ Богодуховской хатѣ одна одинешенька полъ года. Самоотверженіе все исправило.

Передъ твоей женитьбой Марья Давидовна объявляла мнѣ, и Юліи Ивановнѣ, что у нея много денегъ въ банкѣ, займи покуда у нея а какъ получишь маіоратскія, отдашь.

О женитьбѣ твоей на замѣчаніе твое молчу. Я предвидѣлъ и это, но вспомни, какъ ты просилъ насъ, чтобы мы въ эти счетныя формальности не мѣшались. Впрочемъ все по милости Божіей уладится, потерпи хоть сотую долю, какъ я терпѣлъ полъ жизни.

Вмѣстѣ съ симъ пишу къ Николаю Ивановичу, чтобы онъ послалъ тебѣ, сколько можетъ денегъ, занятыхъ у меня, а если какимъ-нибудь образомъ разживусь, тотчасъ поспѣшу тебѣ на помощь. Не знаю твоихъ видовъ служебныхъ, не знаю домашнихъ обстоятельствъ, но во всякомъ случаѣ прійму васъ съ родительскимъ чувствомъ, ежели пріѣдете и пожить въ Чевельчѣ. Милую Варету цѣлую, равно цѣлую и благословляю нашего Аню.

Отецъ и другъ

Андрей Стороженко.

326.

Кіевъ, 6 ноября 1857 г.

Сейчасъ получилъ я, другъ мой Вольдемаръ, 1400 р. серебромъ отъ Блюменфельда, и сейчасъ отправляю ихъ тебѣ; не мѣшало немножко понуждаться, чтобы излишняя деликатность не преобладала, и чтобы разсчетъ и бережливость водворились въ житейскомъ быту нашемъ.

Блюменфельдъ, какъ видно, самъ не зналъ, по какой причинѣ остановили маіоратскія деньги; писалъ о поповской ругѣ, о которой говоритъ теперь, что это сущій вздоръ. Онъ не видится никогда съ Лейхте, не разсматривалъ никогда дѣлъ маіората. Поэтому и не видалъ, что котляра Совинскаго наслѣдники черезъ 15 лѣтъ возобновили давно конченный процессъ объ винокуренномъ аппаратѣ и, кажется, отдалъ процессъ тому самому адвокату Калинкѣ, который выигралъ его лѣтъ 15 тому назадъ. Всякій адвокатъ живетъ процессами, – и ему нѣтъ дѣла рыться въ давно забытыхъ шпаргалахъ, лишь бы платили за настоящее. Неужели бы я не заплатилъ 200 или 300 р. серебромъ, получая ежегоднаго дохода, до выѣзда изъ Царства, 8000 р. серебромъ многіе годы, и дозволилъ бы насчитывать на себя процентовъ до 800 р. ? Впрочемъ и это вздоръ сущій; надобно только съѣздить въ Варшаву. Блюменфельдъ пишетъ также, что, получа довѣренность мою, которая подъ твоимъ вѣдѣніемъ переписывалась, онъ тотчасъ кончилъ дѣло, тотчасъ послалъ деньги, а остальныя пришлетъ, на кои проценты не теряются, ибо онъ промѣнялъ и сложилъ въ банкѣ 1700 р. листами заставными. Онъ не перестаетъ оказывать преданность свою, надобно быть признательными; но ты имѣлъ пленипотенцію съ правомъ передачи оной, кому заблагоразсудишь; слѣдовательно, я нуженъ только при отдачѣ маіората другому въ администрацію. Богъ свидѣтель, что я и по здоровью, и по лѣтамъ, и по хозяйству не могу скакать 1000 верстъ; оттого перевезъ дѣтей въ скучный Кіевъ изъ Одессы; да и Варшава мнѣ противнѣе самаго чорта.

Ежели признаешь нужнымъ, чтобы я просилъ Государя о дозволеніи передать тебѣ маіоратъ за жизни моей, составь только прошеніе,— подпишу его съ радушіемъ. Теперь нѣтъ тому никакого препятствія: ты женатъ и имѣешь сына, котораго благословляю; напиши мнѣ, смѣется ли онъ, и началъ ли понимать что нибудь? Поцѣлуй отъ меня Варенькy и поклонись Маріи Давидовнѣ.

Николай Ивановичъ взялъ у меня 1000 р., чтобы отдать въ концѣ этого года, я просилъ его, чтобы онъ послалъ тебѣ 300 р. теперь же; но онъ отвѣчаетъ, что получилъ отъ тебя увѣдомленіе, что тебѣ не нужны деньги. Дай Богъ, чтобы ты съ семействмъ были здоровы.

Отецъ твой и другъ А. Стороженко.

327.

29-го ноября 1857 г. Весьма благодаренъ Вамъ, любезный другъ Рара, за присылку 1400 р. изъ маіоратныхъ денегъ. Помучился порядкомъ, но къ счастью, по характеру моему, скоро забываю горе, которое уже за плечами. Сознаю, что нужда имѣла для насъ съ Варею ту пользу, что помогла опредѣлить мѣру крайне необходимаго: въ октябрѣ и ноябрѣ мы не издерживали въ день на содержаніе дома болѣе рубля с. но, признаюсь, весьма бы не желалъ, чтобы это повторялось. Изъ 1400 р. остается у меня для жизни, за сдѣланными расплатами, 400 р. с., которые, полагаю, будутъ мнѣ достаточны до марта будущаго года. Поэтому весьма желательно было бы освободить остальной маіоратный доходъ къ тому времени. Блюменфельдъ подробно писалъ мнѣ о причинѣ заарестованія денегъ и такъ какъ я увѣренъ совершенно въ добромъ его къ намъ расположеніи, то намѣренъ просить покончить дѣло съ Совинскими, хотя бы для этого нужно было и заплатить требуемые ими 800 р. с. Вѣрнѣе имѣть сколько нибудь денегъ въ карманѣ, чѣмъ, капиталы въ процессѣ. Въ будущемъ году жить намъ будетъ уже гораздо легче, домашнее хозяйство устроено, Марья Давидовна купила здѣсь домъ съ садомъ, куда мы весною переѣдемъ на жительство, слѣдовательно платить за квартиру не будемъ, останется завестись экипажемъ и лошадьми, но это не составляетъ крайней необходимости, можно и повременить. Въ семействѣ у меня, благодаря Бога, все благополучно; Андрюшка только одинъ разъ и одинъ день чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, а постоянно бодренькій и веселенькій мальчикъ, улыбается, протягиваетъ ручки, любитъ очень, чтобы ему пѣли; у меня на рукахъ сидѣлъ бы цѣлый день, потому что удобно его держу; но всего забавнѣе онъ, когда положить его на брюшко: тогда онъ карабкается ножками и ручками, чтобы подвинуться впередъ, хотя это ему и не удается безъ посторонней помощи. Служба идетъ удачно, безъ особыхъ непріятностей; и начальство, и студенты начинаютъ уважать меня. На дняхъ, при моемъ содѣйствіи, студенты дали концертъ въ пользу бѣдныхъ своихъ товарищей, что намъ принесло 700 р. для вспомоществованія бѣднякамъ. Можетъ быть, въ скоромъ времени получу другое назначеніе, а между тѣмъ увѣренъ, что и въ настоящей моей должности оставлю хорошую по себѣ память. Благодарю Maman за нѣсколько теплыхъ, дружескихъ словъ. Обнимаю Колю и Долю. Варя моя усердно кормитъ ребенка, нисколько ни тяготясь этимъ. Она цѣлуетъ Ваши ручки, а Марья Давидовна свидѣтельствуетъ свое уваженіе.

Преданный сынъ и другъ В. Стороженко.

328.

15-го декабря 1857 г. Г. Краузе располагаетъ ѣхать отсюда прямо въ Чевельчу. Не могу не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы не написать Вамъ, любезный другъ Рара, нѣсколько словъ. Краузе разскажетъ Вамъ о нашей внѣшней обстановкѣ, въ своей стороны прибавляю, что я весьма доволенъ моимъ положеніемъ и ни разу еще не жалѣлъ объ оставленіи мною Петербурга. Имѣть дѣло съ молодежью мнѣ пріятно и если между нею есть дурная, которая дѣлаетъ досады, то есть тоже и прекрасная, отъ которой ничего не знаешь, кромѣ удовольствія. Жизнь начинаетъ и здѣсь пробуждаться: долго-ли подвинуть на какое нибудь предпріятіе? И П. В. Зиновьевъ энергично поддерживаетъ всякое доброе начинаніе. Предположено издавать сборникъ трудовъ студентовъ здѣшняго университета, а между тѣмъ даются концерты, спектакли въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Прекрасно было бы, любезный другъ Рара, если бы Вы доставили для нашего сборника какіе нибудь манускрипты или автографы, относящіеся къ южно-русской исторіи. Мы бы напечатали ихъ и подлинники Вамъ бы возвратили. Къ Блюменфельду писалъ и просилъ его покончить дѣло съ Совинскими и прислать мнѣ остальныя, сколько придется, деньги. Въ Яковѣ Александровичѣ нашелъ я премилаго и предобраго родного, съ которымъ мы часто видимся. Онъ хорошо женился и располагаетъ порядочными средствами, а хозяинъ неутомимый. Варя располагаетъ написать Вамъ нѣсколько строкъ, а я съ своей стороны, пожелавъ Вамъ пріятно провести праздники, остаюсь преданнымъ сыномъ и другомъ

В. Стороженко.

Отъ души поздравляю Васъ, безцѣнный другъ Рара, съ наступающими праздниками и новымъ годомъ; очень жалѣю, что не вмѣстѣ съ Вами мы ихъ проведемъ. Жизнь наша въ Харьковѣ теперь устроилась и проводимъ время довольно пріятно; Володя познакомился здѣсь со всѣми и пользуется общимъ расположеніемъ и уваженіемъ. Я болѣе сижу дома для Андрюши, который цѣлуетъ Ваши ручки; онъ растетъ, хорошѣетъ, начинаетъ ползать и сидѣть; къ лѣту Вы найдете въ немъ большую перемѣну, а я теперь нахожу въ немъ большое сходство съ Вами. Къ маю мы переѣдемъ въ свой домъ, чего я съ нетерпѣніемъ ожидаю; у насъ довольно большой садъ, что весьма пріятно въ городѣ. На дняхъ попечитель хочетъ ѣхать въ Петербургъ и вѣрно привезетъ Володѣ утвержденіе въ другой должности. Ожидаемъ къ празднику Никол. Иван., обѣщалъ пріѣхать на ярмарку въ Харьковъ. Цѣлую Ваши дорогія ручки. Много любящая Васъ дочь В. Стороженко.

Maman свидѣтельствуетъ Вамъ свое искреннее почтеніе и поздравляетъ съ праздникомъ.

прямо
не напи
жетъ Е
что я
объ ос
ятно и
тоже и
Жизнь
нибудь
кое до
дентов
такли
другъ
манус
бы нап
писалъ
осталь
я прем
Онъ х
зяинъ
а я съ
остаю

С
пающи
съ Ва
лась
со всѣ
сижу
хорош
больш
Вами.
ожида
На дн
Волод
Нико
дорог

вляет

ЯКОВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

СТОРОЖЕНКО.

РОДИЛСЯ ВЪ 1829 Г., СКОНЧАЛСЯ ВЪ 1875 Г.

329.

Чевельча 22 декабря 1857 г.

Давно я не имѣлъ отъ тебя, другъ мой Вольдемаръ, такого милаго пріятнаго письма, какъ вчера полученное. Никакая дума не сморщила чела, на которомъ труды, заботы, обманы и непризнательность легли бороздами, и мнѣ блеснули пріятныя отношенія ближайшихъ подъ старость. Вся прошедшая родня не имѣетъ мѣста въ моей памяти; а друзей и близкихъ пріятелей помню. Все здѣшнее уподоблено криво растущимъ соснамъ, не дающимъ тѣни, которой я всегда желалъ. Есть люди, коимъ нравится однако жъ и хвойникъ.

Видѣлъ и вижу, что университеты производятъ студентовъ, а не людей. Пироговъ писалъ о спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ; посмотримъ, какіе то изъ лицея выпорхнутъ птицы. Новые взгляды туманны, какъ даль между скалами богемскими, на которыхъ растутъ также кривыя сосны. Ты говоришь, что тебя любятъ—прекрасно, радуюсь; но при этомъ скажу нѣсколько словъ изъ моихъ опытовъ и убѣжденій: ежели изъ сотенъ сползшихся для обученія юношей одна четвертая часть любитъ, двѣ боятся, а четвертая, какъ сычи ночные, прячутся, пока не заблеститъ имъ въ глаза твоя благонамѣренность и самоотверженіе,—это безподобно; но если всѣ любятъ—плохо. Какъ бы то ни было, но я молю Бога объ избавленіи тебя отъ настоящей обязанности.

Милая Варенька такъ умилительно написала мнѣ, что расцѣловалъ бы ее, что поручаю тебѣ, другъ мой, выполнить. Изъ самаго слога вижу, что она идетъ впередъ, хотя и не выѣзжаетъ. Браво! да процвѣтаетъ университетъ и идутъ съ вѣкомъ бывающіе у васъ изъ онаго. Въ Кіевѣ спеціальность преобладаетъ. Коля мой учится, какъ видно, у серьезныхъ преподавателей, боится опоздать въ классъ, боится не знать урока; а гдѣ страхъ, какъ говаривали въ старину, тамъ и Богъ!

Краузе разсказывалъ мнѣ объ Анѣ, что онъ имѣетъ большое сходство со мною (что пишетъ и Варенька); силится съ улыбкою дѣйствовать, это означаетъ здоровье. Дай Господи, чтобы онъ росъ, а если дѣйствительно будетъ походить на меня наружностію, проворствомъ молодости и сердцемъ, которое впрочемъ много выстрадало,—будетъ не худо.

Поздравляю васъ, мои дорогіе, съ праздникомъ Рождества Христова! Желаю всѣмъ вамъ здоровья, прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Марьѣ Давидовнѣ.

Ал. Павл. Безакъ проѣхалъ чрезъ Харьковъ въ Петербургъ, предъ отъѣздомъ писалъ мнѣ, кланялся Ник. Ив. Я тотчасъ отвѣчалъ ему. Пробуду въ Малороссіи, пока не вышлютъ деньги за селитру, чтобы

не съ пустыми руками ѣхать въ Кіевъ; а тебѣ, Вольдемаръ, особенно желаю, чтобы твой попечитель привезъ для тебя новое назначеніе. Настоящее ни къ чему не поведетъ, кромѣ студентскихъ спектаклей. Воображаю, какъ Косюра разыгрывалъ роль франта.

Слово эмансипація, выученное послѣ университетскаго уже курса, у всѣхъ здѣсь въ головѣ, въ сердцѣ и во всей персонѣ, какъ говоритъ ворожейка картами. Степа говорилъ мнѣ вчера, что онъ двинулъ это дѣло. Темна вода во облацѣхъ воздушныхъ!

330.

Кіевъ 28 марта 1858 г.

Наконецъ, другъ мой Вольдемаръ, удѣлилъ ты и для меня нѣсколько минутъ. Письмецо твое [1]) прочиталъ я съ отцовскимъ сердцемъ, любящимъ дѣтокъ своихъ, о чемъ ты можешь судить теперь, глядя на улыбающагося Аню. Дай Господи, чтобы онъ росъ, развивался, чтобы добрѣйшая Варета была здорова, и чтобы вы въ іюнѣ пріѣхали къ намъ въ захолустье, по которому я такъ соскучился, что, не взирая на ужасную дорогу, на плохое здоровье, завтра, или послѣзавтра пускаюсь во свояси. Кіевъ, говоришь ты, красуется храмами во славу Строителя міровъ. Вѣра, святыя предпріятія почившихъ въ православіи предковъ нашихъ умилительны; тѣмъ разительнѣе равнодушіе ко всему этому универсальныхъ, поверхностныхъ недоучекъ,—и причта во святыняхъ, расталкивающаго молящійся людъ, не взирая на шляпки и кринолины.

Никол. Иван. прислалъ мнѣ, какъ послалъ и тебѣ, записку свою о возгласахъ застольныхъ витій Московскаго университета относительно крѣпостнаго состоянія крестьянъ у насъ, освобождаемыхъ, наконецъ, отъ рабства неключимаго. Замѣчанія его на рѣчи при полныхъ бокалахъ шипучаго справедливы. Университеты наши не то, что въ Англіи: тамъ они составляютъ уже политическія корпораціи, а у насъ пока просто школы, приготовительныя впрочемъ къ грядущему. Кокорева записка—дѣло, о которомъ и судить трудно неопытнымъ въ ономъ бакалаврамъ; но похвалы Н. И. дворянству, помѣщикамъ—несвоевременны. Вотъ если бы университетскіе геніи указали путь къ достиженію хотя первыхъ степеней общественнаго мнѣнія между дворянами, посредствомъ ли журналовъ, или газетъ, или особыми дѣльными сочиненіями исключительно по этому предмету, то соорудили бы себѣ вѣч-

---

[1]) Не сохранилось.

ный памятникъ и въ народѣ, и въ высшемъ его сословіи. Пока не объявится этотъ страхъ взаимный въ соотношеніяхъ и въ администраціи, и слово апостольское будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ я пишу противу укрѣпленія крестьянъ въ доброй моей родинѣ за помѣщиками. 1841 года представилъ записку объ управленіи въ Малороссіи, по 1783 годъ патріархальномъ. Не знаю хозяйствъ въ Великороссійскихъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, слѣдовательно, и болтать нечего; въ Царствѣ же Польскомъ, по моему представленію, въ 1848 и 49 г. уничтожено 127 статей, выдуманныхъ землевладѣльцами, и крестьяне не поправляются, кромѣ маіоратскихъ. Мы будемъ получать едва половину доходовъ, жертвы огромныя; но этого требуетъ человѣчество. Только съ умомъ съ разумомъ.

Записка была прочитана, препровождена для соображенія; въ ней объяснялось, что отцы наши, не старѣе 70 лѣтъ, были чисто землевладѣльцы; на земляхъ ихъ селились вольные хлѣбопашцы по контрактамъ, и переходовъ и бродяжничества не было, какъ нѣтъ его и въ твоемъ маіоратѣ, который у насъ болѣе 20 лѣтъ. Какъ было тамъ 400 хатъ, или gospodarzy, такъ есть и нынѣ.

A propos: надобно повѣрить положенный мною желѣзный капиталъ для займовъ крестьянскихъ, онъ долженъ много увеличиться 4%-мъ сборомъ въ ихъ же пособіе. Положилъ я подобный капиталъ и въ Чевельчѣ, засыпалъ общественные хлѣбные магазины, по каждому предмету были книги и при нихъ деньги; но послѣ смерти Григорія книги есть, да денегъ то не оказалось! Пополню.

Не взирая на разногласія объ эмансипаціи, я принуждаю крестьянъ брать землю, принуждаю покупать рабочихъ воловъ изъ капитала, мною положеннаго безъ процентовъ; но и 10 хозяевъ нѣтъ въ имѣніи, чтобы воспользовались пособіемъ,—такъ унижена нравственность въ людяхъ въ 70 лѣтъ времени. А мелкопомѣстные дворяне??

Никто болѣе меня не убѣжденъ въ благодѣтельной мѣрѣ уничтоженія вопіющаго, болѣе 70 лѣтъ, крѣпостнаго состоянія крестьянъ у насъ въ Малороссіи; но для этого, какъ я всегда говорилъ и писалъ, необходимъ предварительно обдуманный ходъ дѣлу, нужно обмѣрить земли, уничтожить черезполосность, опредѣлить норму самаго меньшаго участка землевладѣльцевъ, которые бы имѣли право селить вольныхъ хлѣбопашцевъ съ обезпеченіемъ, что сіи послѣдніе могутъ прокормиться и оплачивать всѣ подати и отбывать всѣ повинности, не обременяя себя работами сверхъ силъ человѣческихъ. Мелкопомѣстныхъ панковъ въ Полтавской губерніи болѣе 4000; ихъ размножила институція, что каждый офицеръ или чиновникъ, дѣлаются дворянами. Какъ удовлетворить ихъ за отходящихъ отъ нихъ крестьянъ?

Надобно установить инстанціи административную и судебную, собственно для разбора и суда между землевладѣльцами и крестьянами. Вотъ гдѣ нужно общественное мнѣніе; да и въ первоначальныхъ сужденія дворянства по столь важному предмету оно еще необходимѣе; безъ него не будетъ толку. Надобно опредѣлить, сколько землевладѣлецъ обязанъ дать земли на хозяина, потомъ произвесть оцѣнку имѣній по новому ихъ положенію, ввести ипотечныя книги, учредить мѣстныя кредитныя установленія, хоть при приказахъ общественнаго призрѣнія, чтобы землевладѣлецъ могъ доставать деньги для веденія хозяйства не въ Москвѣ и Петербургѣ. Много, много нужно, а всего нужнѣе люди, свѣдущіе въ практической администраціи, опытные, и знающіе край не изъ журнальныхъ статей бездомныхъ болтуновъ.

Давно кто-то напечаталъ: „что за диковина, – въ странѣ моей родной журналовъ множество, а книжки ни одной!“ Выпишу журналъ Желтухина, быть можетъ, онъ будетъ и полезенъ. По крайней мѣрѣ въ немъ не будетъ гоголевщины, какая отзывается тухлыми яйцами въ Рус. Вѣст. въ статьяхъ, напримѣръ, „Заговѣнье“, „Кончина Пазухина“, или чортъ знаетъ что?

Прости мнѣ, милая Варета, что не пишу тебѣ много по недостатку здѣсь мѣста; напишу изъ Чевельчи. Поцѣлуй за меня Аню. Обнимаю и благословляю тебя и Вольдемара, обнимаю душею и сердцемъ.

Отецъ вашъ и другъ

А. Стороженко.

Прошу засвидѣтельствовать мой поклонъ почтеннѣйшей Маріи Давидовнѣ.

ЕЛИСАВЕТА АНДРЕЕВНА УШАКОВА,

УРОЖДЕННАЯ СТОРОЖЕНКО.

РОДИЛАСЬ ВЪ 1818 Г., СКОНЧАЛАСЬ ВЪ 1897 Г.

ВНЫ

еда.

бу, и не
емъ по-
ѣ; впро-
ь на те-
довольно.
письма.
хала въ
здорова;
мню, по-
я въ па-
ю; а тѣ
о словъ,
бѣ пред-

овала; ты
ва, но я
ать такъ
ать тебѣ,
другого
меня по-
ая очень
anie, ко-
зыки.
тамъ, я
зеленѣ-

Письма къ брату Елисаветы Андреевны Стороженко, по мужу Ушаковой.

(1834—1858).

1.

4 апрѣля 1834 г. Среда.

Милый Володя! Надѣюсь, что ты исполнилъ мою просьбу, и не показывалъ никому перваго моего письма; пишу тебѣ обо всемъ подробно; кажется, въ томъ письмѣ я уже писала о нашей дорогѣ; впрочемъ, если и не писала, то это отъ того, что я боялась навесть на тебя скуку, которой я думаю у тебя за ученьемъ и безъ того довольно.

Но довольно вступленія, надо начать настоящій сюжетъ письма.

По пріѣздѣ моемъ въ Варшаву, я въ тотъ же день поѣхала въ театръ съ маменькой одной, потому что Любочка была нездорова; тогда давали: *Дневка*, *Ревнивый мужъ*, и еще что то, право не помню, потому что такъ часто бываемъ въ театрѣ, и всѣ пьесы у меня въ памяти вверхъ дномъ, да къ тому же я по-польски не понимаю; а тѣ слова, которыя я знаю, да еще маменька переведетъ нѣсколько словъ, — составляютъ у меня въ головѣ цѣлое, только ты можешь себѣ представить какое это цѣлое каррикатурное.

Въ четвергъ у насъ былъ вечеръ, я опять довольно танцовала; ты просишь меня, чтобы я описала тебѣ кругъ нашего знакомства, но я не въ состояніи этого сдѣлать, потому что не могу еще ихъ знать такъ коротко, да къ тому жъ на этотъ разъ мнѣ такъ много писать тебѣ, что не знаю, станетъ ли бумаги; позволь уже оставить это до другого раза, когда мало будетъ о чемъ писать. Въ воскресенье меня повезли представлять княгинѣ (какъ это всегда водится), которая очень благосклонно меня приняла и рекомендовала мнѣ m-me Stephanie, которая учитъ ея дѣтей музыкѣ; я у ней теперь беру уроки музыки.

У насъ въ Варшавѣ совсѣмъ не то, что въ Петербургѣ; тамъ, я думаю, еще всѣ крыши домовъ бѣлые отъ снѣгу, а тутъ уже зеленѣ-

ютъ маленькіе луга, и даже деревья; въ доказательство этого я могу даже приложить тебѣ вѣточку сирени или нынѣшнюю розу. Мы всякій день катаемся въ аллеяхъ, которыя тянутся очень далеко, даже за городъ, къ Лазенкамъ, потомъ къ Бельведеру и кругомъ; тамъ то надо видѣть лѣтомъ эту толпу экипажей, которая тянется прямой линіей во всемъ нарядѣ; все, что только есть знатнаго во всемъ городѣ, стекается для прогулки туда; одна хочетъ показать новую шляпку, другая салопъ, третья экипажъ нарядный, однимъ словомъ, всѣхъ можно раздѣлить на двѣ партіи: одни идутъ туда, чтобы показать себя и свое щегольство, другіе, чтобы посмотрѣть на гуляющихъ и увидѣть всю знать Варшавы. Въ Петербургѣ это не такъ примѣтно, потому что тамъ очень много мѣстъ для гулянья даже по улицамъ; и въ магазинахъ можно находить удовольствіе гуляя; но тутъ только одно мѣсто для гулянья, потому что городочекъ малъ и нѣтъ ничего хорошаго въ магазинахъ; здѣсь можно сравнить первый магазинъ съ послѣднею Петербургскою лавочкой; ничего нѣтъ хорошаго, кромѣ мелочей,—онѣ только хороши здѣсь.

Я думаю, ты знаешь, что у поляковъ 12-ю числами прежде, чѣмъ у насъ; потому то у насъ вторая недѣля поста, а у нихъ страстная. На ихъ страстной недѣлѣ можно даже русскимъ ходить во всѣ костелы осматривать ихъ убранство Плащаницы. Ужъ есть что посмотрѣть,—нельзя не смѣяться. Одинъ костелъ щеголеватѣе другого, все мѣсто уставлено цвѣтами, у иныхъ даже сдѣлана этакая вода, а въ водѣ плаваетъ лебедь, у другихъ сдѣланы разныя декораціи, какъ падаютъ стражи при воскресеніи Спасителя. Надо тебѣ сказать, что во всякой церкви сидятъ двѣ какія-нибудь важныя дамы и собираютъ деньги для бѣдныхъ. Пожалуйста, Воля, пришли мнѣ твои стихи, которые ты мнѣ посвятилъ, засвидѣтельствуй нижайшее почтеніе Натальѣ Андреевнѣ и ея дѣтямъ, также Петру Михайловичу и Аннѣ Михайл., Michel'ю Дар. и проч.

Прощай, ангелъ мой, не забывай меня, пиши чаще и будь увѣренъ, что я буду на всѣ твои письма отвѣчать со всею спѣшностью любящей тебя сестры.

Е. Стороженко.

P.S. Время провожу я очень весело въ кругу нѣжнаго отца и любящей матери. Они своими ласками дѣлаютъ меня совершенно блаженною; но я не буду прельщать тебя всѣмъ моимъ счастьемъ, ибо не хочу, чтобы ты мнѣ въ чемъ нибудь завидовалъ. Надѣйся только на Бога и молись ему, то все будетъ къ лучшему и мы въ скоромъ времени будемъ обнимать тебя, мой ангелъ.

Да напиши тоже, какія это три вещи, которыя ты надѣешься получить, вступя въ 3-й классъ. Кажется скрипка 1-я, а другихъ двухъ я не знаю.

Александръ Павловичъ Безакъ цѣлуетъ тебя.

Милый Володя, я сейчасъ получила твое письмо съ Ушаковымъ.

Ты упрекаешь меня, что я не позволила показать ему мое письмо. Пріятели могутъ быть пріятелями, но всетаки не могутъ входить въ мою съ тобой переписку.

Цѣлую тебя, дружочекъ мой Володя, и ожидаю письма, въ которомъ ты насъ обрадуешь переходомъ въ высшій классъ. Тогда я пошлю тебѣ часы, если ты только надѣешься на себя, что они долго у тебя останутся. Мы съ Лизой ожидаемъ твоихъ стиховъ. Тебя благословляющая

Julie S.

2.

Варшава 19 іюня 1834 г.

Милый Володя! Давно, уже очень давно, какъ я тебѣ не писала; но ты самъ тому причиной, ибо не писалъ къ намъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сегодня Глафира Степановна ѣдетъ въ Петербургъ, и потому берется доставить тебѣ это письмо. Я думаю, ты теперь очень занятъ, приготовляешься къ экзамену; надѣюсь, ты непремѣнно перейдешь въ 3-й классъ. Папенька не хочетъ тебѣ писать до тѣхъ поръ; а тогда пошлетъ тебѣ деньги на скрипку, часы, а я сдѣлаю сама тебѣ шнурочекъ къ часамъ. Ахъ! милый Володя, ты не можешь себѣ представить, какъ я желаю, чтобы ты скорѣе вышелъ въ офицеры, и пріѣхалъ къ намъ насладиться всѣмъ счастьемъ, которымъ наслаждаюсь я, имѣя такихъ добрыхъ родителей! Мы такъ весело проводимъ время: три или четыре раза въ недѣлю въ театрѣ, всякій день гуляемъ, ѣздимъ очень часто, pour faire une partie de plaisir за городъ; утромъ я также занимаюсь науками, а большею частью играю на фортепіано, вѣдь ты знаешь, какъ папенька любитъ музыку! A propos: 4 іюля имянины папенькины и я учу варіяціи русскихъ пѣсенъ и вышиваю, маменька также вышиваетъ подушку, надѣюсь, ты его обрадуешь объявленіемъ о переходѣ твоемъ въ 3 классъ. Прощай, меня дожидаются.

P.S. Засвидѣтельствуй нижайшее почтеніе Наталіи Андреевнѣ и расцѣлуй все ея семейство милліонъ разъ. Папенька и маменька тебя цѣлуютъ и благословляютъ. Еще разъ прощай! Не забывай нѣжно любящую тебя сестру Лизу.

3.

Варшава, октябрь 1834 г.

Милый Володя! Не смотря на то, что ты насъ совершенно забылъ и уже на два письма не отвѣчалъ мнѣ, я пишу тебѣ и надѣюсь обрадовать тебя хорошею новостью. Я недавно начала учиться рисованью (peinture orientalc) и уже рисую на деревѣ разныя вещи. Если хочешь, чтобы я тебѣ что-нибудь нарисовала, то напиши мнѣ, что ты хочешь (porte feuille или т. п. вещи), то я тебѣ нарисую и черезъ оказію пришлю. Теперь я кончаю давно начатую подушку, гарусомъ шитую, также очень много читаю; ибо маменька абонирована въ библіотекѣ, да еще Александръ Павловичъ Безакъ приноситъ мнѣ лучшихъ сочинителей; большею частью я читаю все старыхъ, потому что новые экзальтируютъ и непристойны для дѣвицы, какъ напр. Paul de Kock или Hugo, и многіе другіе, которыхъ мнѣ не позволено читать. Недавно читала чудесный аглицкій романъ Hélène сочиненіе Маріи Еденевортъ. Онъ такъ натурально и просто написалъ, такъ хорошо всѣ характеры выдержалъ, что нельзя не восхищаться, читая его. Теперь читаю очень хорошенькій: *Ethélgede ou le cinquième siècle m-me Detly*, но по заглавію уже видно, что онъ не можетъ такъ нравиться, какъ современный, ибо времена язычества не такъ привлекательны.

Недавно архіерей пріѣхалъ въ Варшаву [1]), ты можешь себѣ представить, какъ мы всѣ этому рады! Говорятъ, здѣсь будетъ свой соборъ, котораго прежде не было. Вчера мы познакомились съ архіереемъ; онъ пріѣзжалъ къ намъ пить чай и довольно долго оставался. Извини пожалуйста, что такъ гадко пишу; право маменька уже 4-й разъ приходитъ за письмомъ.

Цѣлую тебя и остаюсь

Élise.

---

[1]) Преосвященный Антоній прибылъ въ Варшаву 8 октября 1834 г.

4.

Варшава 12 апрѣля 1835 г.

Милый Володя! Посреди какого безпорядка я тебѣ пишу! у насъ весь домъ вверхъ дномъ, все красятъ, чистятъ, моютъ! и всѣ эти приготовленія знаешь-ли къ чему? Въ Воскресенье Любочкина свадьба [1]) Самъ Свѣтлѣйшій будетъ у ней посаженнымъ отцемъ, а княгиня Варшавская—посаженная мать у жениха. Они будутъ у насъ со всѣми знатнѣйшими варшавскими фамиліями. Ты легко можешь себѣ представить, какъ меня это занимаетъ; я никогда еще не была такъ близко съ ними, потому что не выѣзжаю въ большой свѣтъ, и теперь буду глазъ на глазъ, буду съ ними говорить!... Я никакъ не могу повѣрить, чтобы князь былъ (такъ всѣ объ немъ говорятъ) безъ всякихъ претензій, чтобы онъ былъ со всѣми запросто, ласковъ и не гордъ; и что никто не боится съ нимъ говорить (особенно изъ дамъ) въ собраніи: мнѣ все кажется, что онъ, какъ *князь Варшавскій*, долженъ быть ужасно взыскателенъ въ разговорѣ, и потому я уже впередъ заготовляю отвѣты на его предполагаемые вопросы. А княгиня!... Я не знаю, что со мною будетъ, когда она заговоритъ со мною, особливо въ присутствіи всѣхъ дамъ, которыя у насъ будутъ (ибо я ни одной изъ нихъ хорошо не знаю). Но я такъ заговорилась, что чуть не забыла поздравить тебя съ прошедшими праздниками; однакожъ я надѣюсь на Николая Ивановича, чрезъ котораго ты получишь это письмо, и который обѣщалъ поздравить самъ тебя и похристосоваться portefeuille—чикомъ, который я тебѣ, въ мѣсто яичка, посылаю, и надѣюсь, что онъ у тебя останется на долго и не такъ, какъ другія вещи, которыя ты всѣ раздарилъ,—это моя работа! A propos, я и забыла тебѣ сказать, что Николай Ивановичъ будетъ шаферомъ у Любовь Ивановны, все тебѣ очень подробно разскажетъ, потому что онъ больше всѣхъ съ маменькой распоряжаются.

Прощай, милый братъ, папенька и маменька тебя цѣлуютъ, имъ право нельзя писать въ этихъ хлопотахъ, я же постараюсь, какъ можно скорѣе тебѣ писать и извѣстить тебя о моемъ новомъ житьѣ—бытьѣ, ибо я тогда буду одна въ моей комнаткѣ, а Любовь Ивановна съ мужемъ поѣдетъ въ Малороссію. Еще разъ прощай, цѣлую тебя два милліона разъ, прошу писать почаще, и сказать, на комъ Николай Михай. [1]) женился. Adieu, ta toute devouée soeur et amie Lise.

P. S. Я теперь читаю Исторію нашей милой Малороссіи.

---

[1]) Любовь Ивановна Миркалова-Бобровская выходила замужъ за Александра Павловича Безака. [2]) Дараганъ.

5.

Милый Володя! Сегодня фельдъ-егерь отправляется въ Петербургъ, и я спѣшу писать къ тебѣ и благодарить за твое хотя маленькое письмо, но которое принесло мнѣ много удовольствія, ибо ты такъ давно уже къ намъ не писалъ. Вчера начала я рисовать на девевѣ portefeuille папенькѣ, довольно большой, и надѣюсь скоро кончить. Да, ты мнѣ и не написалъ, что хочешь, чтобы я тебѣ нарисовала, и спроси также тетеньку Наталью Андреевну, что она желаетъ, чтобы я ей нарисовала? Я съ большимъ удовольствіемъ все ей сдѣлаю. Прошу тебя, перешли письмо: *Софьѣ Александровнѣ Татариновой* въ Патріотическій Институтъ на Васильевскомъ острову въ десятой линіи. Я ей переписала стихи, которые Н. И. У. написалъ мнѣ въ альбомъ. Что дѣлаютъ твои стихи, которые ты посвятилъ мнѣ? Пожалуйста пришли, я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю ихъ. Недавно получила я письмо отъ бабушки; она очень скучаетъ тамъ одна; пожалуйста напиши ей; она насъ ужасно любитъ и ожидаетъ въ Малороссію; я также ужасно ожидала этого времени. Ты не можешь себѣ представить, какъ я люблю Малороссію, да, я думаю, и ты тоже. Неправда-ли такъ много пріятныхъ воспоминаній порождаютъ эти звуки *Малороссія*? Мнѣ кажется, если мы поѣдемъ въ Малороссію, то я буду совершенно блаженна. Я бы желала навсегда тамъ остаться и даже умереть тамъ, гдѣ мы такъ весело провели первые дни нашего дѣтства. Но не стану больше говорить объ этомъ, это моя живая струна, и если коснусь этого предмета, то вѣрно никогда не кончу. И прощай, милый братъ, засвидѣтельствуй мое нижайшее почтеніе всѣмъ роднымъ и не забывай любящую тебя сестру

Елис. Стороженко.

6.

22 іюня 1835 г.

Милый братъ! Я право не могу найти причины, отчего ты такъ давно къ намъ не писалъ! Не смотря на увѣренія Натальи Андреевны, что ты намъ очень часто пишешь, я получила одно только письмо съ Н. И. Ушаковымъ, а на мои разсужденія, о нѣмецкой литературѣ и о твоемъ непостоянствѣ, никакого отвѣта... вѣрно не понравилось. Впрочемъ, вѣдь ты самъ меня просилъ быть откровенной, и больше разсуждать. Но теперь мнѣ не до разсужденій, милый другъ, вся Варшава

только и бредитъ 25 іюня, когда здѣсь будетъ великолѣпный балъ въ Лазенковскомъ дворцѣ; а такъ какъ очень много новыхъ войскъ пришло сюда для смотра въ Калишѣ, то, говорятъ, всѣ они будутъ на балѣ; потому то здѣсь только и слышишь: quelle robe aurez-vous le 25, каждая хочетъ казаться лучше. Я еще не выѣзжаю и потому не думаю ни объ чемъ, а право по неволѣ захочешь выѣхать на балъ, когда всѣ кричатъ о немъ.

Другой разъ буду больше писать тебѣ, mon cher, а этотъ разъ простишь, что я не приготовила письма съ вечера.

Та soeur Lise.

Р. Р. Я выиграла въ здѣшней лотереѣ 2000 злот.

Папенька далъ мнѣ 50, а остальные употребилъ мнѣ на приданое и еще незнаю куда.

7.

Варшава 12 іюля 1835 г.

Ну, милый Володя, ужъ какъ ты насъ насмѣшилъ твоимъ послѣднимъ письмомъ къ г. Ушакову! Вздумалъ меня выдавать замужъ: нѣтъ, mon chèr, дай еще подышать свободой! Вѣдь я еще не выѣзжала въ свѣтъ, ни на одномъ балѣ не была. Желала бы я очень знать, кто тебѣ внушилъ эту смѣшную мысль? Впрочемъ папенька не отдалъ твоего письма г. Ушакову (онъ всегда самъ прежде прочитаетъ), а то всѣ бы смѣялись. Надѣюсь, что ты впредь не будешь писать все, что ты слышалъ, Ушакову, а прежде мнѣ напишешь. Ты, я думаю, знаешь, что въ августѣ будетъ смотръ въ Калишѣ; папенька долженъ ѣхать туда, а мы останемся въ Варшавѣ однѣ. Какъ я ни желаю, чтобы папенька туда ѣхалъ, а право предчувствую, какъ мнѣ будетъ скучно безъ него. Теперь онъ очень занятъ, и мы его рѣдко видимъ а послѣ совсѣмъ не будемъ видѣть! Маменька говоритъ, что мы будемъ пить воды здѣшнія; можетъ быть, это насъ немного разсѣетъ, это также очень хорошо для здоровья, потому что маменька очень слабаго здоровья. Я также все хвораю. Ты намъ ничего не пишешь о Фоковыхъ. Наталья Андреевна очень давно уже намъ не писала, дочери также; не выходятъ ли онѣ замужъ? бываешь ли ты у Балугьянскихъ? у Петра Михайловича? Ты ни объ чемъ этомъ намъ не пишешь! Пожалуйста пиши чаще, особливо, если папенька уѣдетъ, то это будетъ намъ очень пріятное развлеченіе; а между тѣмъ прощай, милый Володя, и не забывай

любящую тебя сестру.

Цѣлую тебя, мой другъ Володя, и поздравляю съ днемъ твоего ангела; благословляю тебя со всею нѣжностью, и желаю тебѣ успѣха во всѣхъ дѣлахъ твоихъ; и чтобы ты всегда былъ такъ милъ и добръ, какъ до сихъ поръ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидаю видѣть тебя офицеромъ; тогда увѣрена, что мы будемъ вмѣстѣ, хотя на короткое время. Мы посылаемъ тебѣ 200 рублей, для твоихъ надобностей. Будь здоровъ, мой милый Володя, и помни любящую тебя нѣжно

Ю. Стороженко.

8.

11-го октября 1835 г.

Любезный другъ Володя, съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ писала, очень много новаго у насъ въ Варшавѣ. Кажется, я говорила тебѣ, что послѣ Калишскаго смотра Государь пожаловалъ папенькѣ аренду; я этому очень радъ, скажешь ты, какъ говорятъ всѣ, которые знаютъ, что такое генералъ-маіорская простая аренда, и цѣнятъ труды папенькины; но вѣрно другимъ голосомъ скажешь: ахъ какъ я радъ! если узнаешь, что Государь подарилъ папенькѣ на вѣки имѣніе: въ Краковскомъ воеводствѣ Хенцины, да еще какое; представь себѣ швейцарское мѣстоположеніе: все горы, развалины древняго замка, мраморныя каменоломни, лѣсъ, рѣка... Ахъ, это восхитительно! Сколько планъ роится, уже теперь, въ головѣ моей, но ты всегда, какъ и въ сердцѣ, занимаешь первое въ нихъ мѣсто. Надѣюсь, что и твоему характеру это мѣстоположеніе романтическое также соотвѣтствуетъ, какъ и моему. Я желаю, чтобы мы ни въ чемъ не разнствовали—даже въ мысляхъ и потому все больше и чаще буду излагать тебѣ мои мысли, ибо теперь, какъ я стану выѣзжать въ свѣтъ (какъ говорятъ), это будетъ очень интересно и будетъ съ нѣкоторыми подробностями служить вмѣсто журнала, котораго ты большой партизанъ. Я всякую субботу буду описывать тебѣ происшествія цѣлой недѣли; ты съ твоей стороны будешь тоже дѣлать. Въ концѣ года, или когда ты будешь офицеромъ (я всегда на этомъ словѣ останавливаюсь), мы сочтемся. Это будетъ очень занимательно. Однако же я такъ завлеклась, что едва ли будетъ мѣсто для всего, что я хочу тебѣ писать. Твой любимецъ Ушаковъ уѣхалъ съ Свѣтлѣйшимъ въ Кіевъ, онъ мнѣ подарилъ премиленькую бѣлку. Любишь ли ты этихъ звѣрьковъ? Они очень занимательны. Теперь я уже начинаю заниматься хозяйствомъ и всякій день разливаю

чай; утромъ встаю въ $7^1/_2$, чтобы налить папенькѣ чай, потому что маменька встаетъ гораздо позже и пьетъ кофе. Еще многое желала бы написать; но пройду все, чтобы напомнить тебѣ о стихахъ, которые ты посвятилъ нѣжно любящей тебя сестрѣ.

Lise.

P. S. Пожалуйста на будущихъ письмахъ регулярно каждый разъ надписуй числа.

9.

Милый братъ! Наконецъ я вступила въ свѣтъ, какъ говорятъ. Первый мой выѣздъ былъ къ княгинѣ Варшавской. Ты легко можешь себѣ представить, какъ я этого страшилась и желала; всѣ эти сужденія, критика и вниманіе, которое обыкновенно обращается на дѣвушку, которая въ первый разъ показывается на балъ, ужасали меня; и потому я съ трепетомъ проходила длинный рядъ комнатъ, которыя ведутъ въ залу, назначенную для танцевъ. Тамъ было уже множество гостей, когда мы вошли. Маменька представила меня Княгинѣ и другимъ знатнымъ дамамъ, которыя были въ залѣ. Вскорѣ послѣ того начались танцы, а съ ними и страхъ мой мало по малу уступалъ мѣсто удовольствію, которое продолжалось до конца бала. Не стану тебѣ описывать общество Варшавское, я еще слишкомъ мало его знаю, чтобы хорошо судить объ немъ. Буду только говорить о балахъ, на которыхъ я была. У министра финансовъ Фурмана была я послѣ княгининаго. Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ убранства его комнатъ. Занавѣси были изъ пунсоваго и бѣлаго газа съ золотыми бахрамами, и вообще вся мебель блестѣла золотомъ и чудесными шелковыми матеріями, галлерея, которая вела къ танцевальной залѣ, уставлена была прекрасными душистыми цвѣтами и деревьями, она освѣщена была разноцвѣтными огнями и выбита ковромъ, потолки вездѣ были разрисованы и чудесная музыка гремѣла на антресоляхъ. Я не могу описать всего великолѣпія, которое такъ хорошо отражалось въ большихъ зеркалахъ, развѣшенныхъ со вкусомъ на стѣнахъ, угощеніе было прекрасное. Мы тамъ пробыли до четырехъ часовъ, я очень много танцевала. Потомъ я была у Лонгинова, у Погодина, у графа Замойскаго, но всѣ эти балы ничего не значатъ въ сравненіи съ баломъ Фурмана. У Замойскихъ мнѣ было весело, не смотря на то, что комнаты немного малы, но это теперь въ модѣ тѣсниться такъ, какъ на англійскихъ раутахъ. Прощай, любезный другъ, сегодня я буду на балѣ, который даетъ здѣшняя молодежь для князя Варшавскаго; въ четвергъ буду у Погодина.

Въ будущемъ письмѣ я опишу тебѣ всѣ эти балы, теперь же еще разъ прощай, пиши, если можешь чаще, нѣжно любящей тебя сестрѣ

Е. Стороженко.

Мое нижайшее почтеніе Н. Андр. и ея семейству. Попроси ихъ, чтобы мнѣ писали, и не сердились на меня.

10.

Варшава 1 декабря 1835 г.

Любезный другъ! Сегодня Егоръ Ивановичъ Рербергъ ѣдетъ въ Петербургъ,—я не хочу пропустить случая писать тебѣ, хотя совершенно нечего; но я увѣрена, что тебя обрадуетъ извѣстіе, что я получила вчера письмо отъ Бабушки. [1]) Она, слава Богу, совершенно здорова и кажется, что Н. Михайл. и Миша собираются въ походъ въ Варшаву. Меня это очень радуетъ; я ихъ такъ люблю! Надѣюсь также получить подробныя извѣстія объ моей доброй Бабушкѣ. Недавно мнѣ папенька подарилъ прекрасное ожерелье, но я его еще не такъ скоро надѣну, потому что не прилично такъ рано носить богатыя вещи. Признаться однакожь тебѣ, мнѣ очень хочется его поносить. Я думаю, что я тебѣ уже писала о бѣлкѣ, которую Ник. Ив. мнѣ подарилъ, она уже привыкаетъ ко мнѣ и не боится изъ рукъ ѣсть. Пожалуйста, mon cher, попроси Нат. Андреевну купить мнѣ хорошенькихъ нотъ, и прислать сюда, если можно, то въ *a mol*, и хорошенькихъ варіацій на русскія темы; здѣсь ни одной русской темы нѣтъ, кромѣ: *Былъ я на почтовомъ дворѣ;* ты отмѣтишь въ нотахъ, которыя тебѣ болѣе нравятся.

Прощай, милый Володя, засвидѣтельствуй мое нижайшее почтеніе Н. А. и ея семейству, Петру Мих. и Аннѣ Мих. и дяденькѣ Алекс. Мих. Любящая тебя сестра и другъ

Lise.

---

[1]) Евы Яковлевны Дараганъ.

11.

Варшава 3 марта 1836 г.

Милый другъ! Вотъ уже масляница кончилась. Вихрь баловъ исчезъ, остались одни воспоминанія, болѣе или менѣе пріятныя. Мнѣ они очень пріятны; весело припоминать всѣ эти бальные разговоры, которые съ начала до конца зимы не перемѣняются, и которые танцоръ считаетъ долгомъ сказать своей дамѣ. Изрѣдка умный кавалеръ, который новой какой нибудь мыслью разсѣетъ однообразность разговора. Не думай однако же, чтобы это былъ недостатокъ ума; нѣтъ, незнакомый посредствомъ этихъ lieux communs завязываетъ знакомство, знакомый также прибѣгаетъ къ нимъ, чтобы остановить на нѣсколько минутъ отъѣздъ знакомки; нехотя танцующій находитъ въ нихъ средство отказаться; такъ что эти фразы, кажется обыкновенныя, дѣлаются необходимыми на балѣ. На балѣ дѣлаются всѣ знакомства, поддерживаемыя часто, всѣ ссоры, мщенія; ласкательства, насмѣшки, все это происходитъ на балѣ; вотъ причины которыя оставляютъ пріятныя и непріятныя воспоминанія послѣ баловъ.

Теперь, я думаю, ты долго не будешь слышать отъ меня что нибудь о веселостяхъ. У княгини Варшавской бываютъ по вечерамъ довольно большія собранія; но не танцуютъ; сидятъ въ кружокъ, разсматриваютъ журналы, играютъ въ вистъ, скучаютъ и разъѣзжаются. Иногда бываютъ музыкальныя вечера. A propos, напиши мнѣ пожалуйста, что ты теперь играешь? Я постараюсь выбрать туже пьесу для фортепіано. Мнѣ пріятно будетъ играть одно съ тобою, думать, что ты мнѣ аккомпанируешь, отгадывать каждую мысль твою при хорошенькомъ пассажѣ. Но за то какъ трудно будетъ, послѣ столь сладкихъ минутъ, разочароваться? скажешь ты. Да, я это знаю, мой другъ, а потому болѣе и болѣе предаюсь этимъ сладкимъ мечтамъ. Ты вѣрно поймешь меня. Думая о пріятныхъ часахъ, проведенныхъ съ тобою, я могу чувствовать всю горесть разлуки съ любезнымъ мнѣ братомъ, а, предаваясь этой грусти, мнѣ весело, ибо я знаю, сколь дорогъ ты мнѣ и какъ я люблю тебя; по этой любви, я, ставя привязанность твою ко мнѣ въ половину, могу знать, сколько ты меня любишь; узнавъ это, я совершенно счастлива... и вознаграждена за грусть мою. Прощай, мой ангелъ, думай чаще о нѣжно любящей тебя сестрѣ и другѣ

Е. Стороженко.

12.

Варшава 5 апрѣля 1836 г. воскресенье.

Милый другъ! Какъ могъ ты подумать, что я въ состояніи забыть, хотя на нѣсколько минутъ, тебя, котораго я люблю больше всего на свѣтѣ, которымъ я тщеславлюсь, съ которымъ соединены всѣ мечты мои о будущемъ. И это послѣ моего послѣдняго письма, въ которомъ я говорю о моей любви къ тебѣ, что я получаю упреки, правда украшенные легкостью слога, пріятностью выраженій, но все упреки; впрочемъ я и за нихъ благодарна, потому что они доставили тебѣ случай и надобность писать ко мнѣ. Я не оправдываюсь, сознаюсь въ моей неаккуратности и молю о великодушномъ прощеніи, обѣщая всякую недѣлю писать постоянно къ тебѣ; но за то уже я буду очень взыскательна и ты долженъ мнѣ строгую реваншъ, потому что самъ вызвался. Но зачѣмъ ты прежде не сказалъ мнѣ, что тебѣ надобно дать случай подумать. Съ удовольствіемъ; я всякій разъ буду задавать вопросы, разсуждать, смѣяться, дѣлать цѣлыя ученыя диссертаціи, даже говорить по нѣмецки, чтобы тебѣ понравиться и заслужить одну любовь твою и одобреніе. Не сердишься? Итакъ по рукамъ; цѣлую тебя въ знакъ мира, только одно условіе: всякое воскресенье одно письмо, иначе опять война. Я на всякомъ письмѣ, чтобы легче было найти ошибку или пропускъ, пишу: число и воскресенье; ты также. Какъ это будетъ весело! не правда ли? Я тебѣ очень благодарна за твой дружескій совѣтъ записывать всегда сужденія свои о прочитанной книгѣ. У меня есть маленькая тетрадка, гдѣ я дѣлаю нѣкоторыя выписки изъ книгъ, которыя мнѣ нравятся, или поражаютъ новостью мысли, пріятностью выраженія; но къ стыду должна я признаться, что тамъ нѣтъ ни одного собственнаго сужденія, или ученой и исторической выписки. Сдѣлай одолженіе, mon cher, пришли мнѣ хотя одну выписку во всякомъ письмѣ изъ твоей тетрадки, чтобы я имѣла понятіе объ этомъ родѣ сужденія, можетъ быть, и я послѣдую твоему примѣру. Это будетъ дѣлать много разнообразія въ нашихъ письмахъ, и принесетъ большую пользу. Но я заболталась и забыла тебѣ сказать, что я была на двухъ вечерахъ у Княгини и на свадьбѣ. Н. И., съ которымъ я отсылала это письмо, разскажетъ тебѣ о свадьбѣ, а объ вечерахъ я беру на себя.

Прощай до воскресенья.

Е. Стороженко.

13.

Воскресенье 23 мая 1836 г.

Милый братъ! Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ ты говоришь, что привязанность или удивленіе къ какому нибудь отдаленному народу ничто иное, какъ мечта. Можетъ быть! Но позволь сказать тебѣ, что то предпочтеніе, которое я имѣю къ грекамъ, есть слѣдствіемъ ихъ прекрасныхъ поступковъ, этого самоотверженія, когда дѣло касается отечества, свободы, этой чистой привязанности къ родной землѣ безъ всякой примѣси эгоизма, этого единства, которое даже самые холодные наблюдатели ихъ поступковъ удостаиваютъ одобренія. Можетъ быть, это благоговѣніе къ грекамъ породила во мнѣ древняя исторія; разныя описанія ихъ геройскихъ подвиговъ, нѣкоторые романы, сюжетъ коихъ изъ греческой исторіи, и больше всего поэзія, которую я страстно люблю, и которая имѣетъ чудесный даръ воспламенять воображеніе, также не способствовали разсѣять эти мечты (какъ ты называешь). Признаться, я съ большимъ удовольствіемъ читала: Хіосскій сирота; я думаю, ты знаешь это стихотвореніе. Недавно папенька имѣлъ жестокій споръ о малодушіи и подлости поляковъ; онъ ихъ сравнивалъ съ энтузіазмомъ и самозабвеніемъ грековъ, и въ доказательство приводилъ много поступковъ съ той и другой стороны. Я думаю, что всѣ должны были убѣдиться. Ты знаешь, какъ папенька живо и увлекательно разсказываетъ. Право, когда онъ говорилъ объ одномъ поступкѣ грека, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, то видно было, какъ мало стоило бы ему самому это сдѣлать; quant à moi j'étais aux anges. Ты видишь, что это не мечта, но оставимъ эти диссертаціи и убѣжденія! Недавно маменька получила письмо твое съ г. Кованько. Ты, кажется, упрекаешь ее въ томъ, что мало пишетъ или забыла; нѣтъ, милый другъ, маменька такъ тебя любитъ, съ такимъ удовольствіемъ говоритъ о тебѣ, что мнѣ право завидно; завидно—о нѣтъ! Я съ слезами на глазахъ слушаю ея разсказы о тебѣ и почитаю себя счастливою имѣть такого брата, какъ ты, и тѣмъ пріобрѣтаю еще одно право на маменькину привязанность ко мнѣ, а нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ увѣренность въ привязанности любимыхъ нами особъ. La certitude d'être constamment adorée peut suffire à la felicité d'une femme sensible. Adieu, mon cher frère, j'espére avoir la certitude de ton amour pour moi, non seulement par lettres, mais bientôt de vive voie et par actions. Souviens toi de ta soeur

Lise S.

14.

Варшава 20 мая 1836 года.

Павелъ Ивановичъ Кованько не хочетъ ѣхать изъ Варшавы, не взявъ письма къ тебѣ, милый братъ, и я постараюсь удовлетворить его желаніе; но не надѣйся на большое посланіе: я такъ часто теперь пишу тебѣ, что нельзя взыскивать за нѣсколько строкъ. Надобно прибѣгнуть къ этимъ пошлымъ зальнымъ разговорамъ, чтобы начать письмо. Какова погода? Я такъ рѣдко объ ней говорю, что не мѣшаетъ упомянуть. У насъ погода что-то все на variable; было однакоже 22 градуса тепла; но въ день три или четыре раза перемѣняется прекрасная погода на вѣтеръ и дождь, а они въ свою очередь смѣняются пылью или бурей. Это самое скучное время; нельзя никуда выйти, не опасаясь быть смоченной дождемъ. Знаешь ли, что ничто меня такъ не смѣшитъ и даже не радуетъ, какъ видѣть какую нибудь щеголиху, разряженную въ пухъ, настигнутую дождемъ; ея новая шляпка, въ которой она хотѣла показаться на гуляньe, испещрена теперь крупными дождевыми каплями; смѣшно видѣть эту жалкую гримасу, которую она дѣлаетъ, видя свое платье, усѣянное брызгами грязи, летящими на нее изъ подъ колесъ быстро проѣзжающихъ экипажей; но еще смѣшнѣе этого, франтъ городской,—франтъ первой руки, какъ говоритъ Брамбеусъ, съ козлиной бородой, съ желтыми перчатками,—который, закинувъ назадъ голову, дерзко наводитъ на всѣхъ проходящихъ свой лорнетъ, и, любуясь самимъ собою, смотритъ на всѣхъ du haut de sa grandeur, и не видитъ передъ собой огромной лужи, спотыкается—и падаетъ, или весь забрызганный грязью со стыдомъ и проклятіями удаляется домой при смѣхѣ всѣхъ случившихся тамъ ребятишекъ. А иногда бываетъ еще смѣшнѣе, напримѣръ, когда вѣтеръ уноситъ его шляпу и онъ принужденъ гнаться за ней съ четверть часа. Но прощай, мой другъ, я думала написать не больше странички, а исписала четыре и какими пустяками! Право, если бы не сейчасъ отъѣзжалъ г. Кованько, стоило бы переписать. Будь пожалуйста снисходительнѣе! Не все философствовать, надо и посмѣяться! Еще разъ прощай, цѣлую тебя крѣпко, очень очень крѣпко.

Любящая тебя сестра

Е. Стороженко.

15.

Варшава 22 іюня 1836 года.

Любезный братъ! Неужели ваши экзамены до сихъ поръ еще не кончились? Или ты уже въ лагеряхъ, и письма не могутъ скоро доходить къ намъ? Потому что уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ мы не получали никакого извѣстія. Кажется, ты не можешь жаловаться, что рѣдко получаешь отъ меня письма; даже сегодня, я совершенно больна, а съ удовольствіемъ пишу тебѣ въ надеждѣ, что ты уважишь мой трудъ (ибо въ болѣзни это совершенный трудъ), и хотя изъ сожалѣнія напишешь мнѣ нѣсколько строчекъ. Пожалуйста увѣдомь насъ, чѣмъ кончился экзаменъ? не камеръ-пажествомъ ли? Папенька этого очень желаетъ, еще вчера говорилъ со мной объ этомъ. Прощай, мой другъ, право не могу больше писать, да и нечего. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Н. А. и ея семейству, а также родственникамъ, которыхъ ты увидишь, кланяйся Гришѣ Саранчѣ, если онъ съ тобой въ лагеряхъ. Еще разъ прощай! Папенька и маменька нѣжно тебя цѣлуютъ.

Не забывай любящую тебя сестру

Е. Стороженко.

16.

Варшава 11 іюля 1836 г.

Мы очень поздно получили письмо твое, мой другъ, и отъ Н. И. узнали, что ты камеръ-пажемъ. Поздравляю! Папенька не нарадуется этому и, кажется, уже давно послалъ деньги, которыя ты просилъ. 4 іюля были его имянины, я подарила ему большую корзинку для бумагъ, вышитую гарусомъ. Извини, что я тебѣ прежде этого не написала, но у меня, послѣ лихорадки,о которой я тебѣ писала, разболѣлись ужасно глаза и мнѣ запретили читать и писать; теперь я, слава Богу, здорова, папенька и маменька тоже. Нашъ кругъ родства очень умножился съ нѣкотораго времени; Ник. Михайловичъ пріѣхалъ къ намъ съ женой своей Варварой Мих., премиленькой женщиной. Вчера еще пріѣхали братъ Ник. Степ. Ограновича, и Кондзеровскій, а скоро ожидаемъ Мих. Михайловича. Бабушка мнѣ писала, цѣлуетъ тебя; дай Богъ, чтобы мы когда нибудь съ ней увидѣлись! Я думаю, ты этого также желаешь, какъ и я. Она все ждетъ Ан. М.; Александръ уже дав-

но у нихъ, только все хвораетъ, однакоже надѣются, что климатъ Малороссіи его поправитъ. Не знаю, если тамъ такая погода, какъ здѣсь, то лучше ѣхать въ другое мѣсто. Однакоже дурная погода очень способствуетъ занятіямъ; я теперь мало выѣзжаю и потому имѣю время читать, писать и вообще заниматься. Я читаю Voyage du jeune Anacharsis en Grèce; онъ меня очень занимаетъ, не смотря на то, что онъ описываетъ прошедшее блестящее состояніе Греціи; въ послѣднихъ частяхъ будетъ ея упадокъ, кажется, пространно описанъ. A propos de la Grèce. Елисавета Михайловна Кантакузенъ пріѣхала въ Молдавію съ семействомъ и скоро будутъ въ Малороссіи. Дочь ея Наденька вышла замужъ за князя Сутцо, адъютанта короля греч. Оттона, а Аристидъ уѣхалъ оканчивать науки въ Мюнхенъ; прочіе также разъѣхались; одинъ въ Швейцарію, другой при греческомъ посольствѣ въ Парижъ; но ты ихъ совсѣмъ не знаешь и потому и говорить нечего. Если ты увидишь Рылѣевыхъ, кланяйся имъ отъ меня, Скворцовымъ также. Прощай, милый Володя (я думаю это имя уменьшительное скоро должно будетъ замѣнить Владиміромъ), цѣлую тебя. Пожалуйста, какъ ты уже будешь ходить во дворецъ, описуй мнѣ побольше его и театръ, также все, что до тебя касается. Еще разъ прощай, не забывай нѣжно любящую тебя сестру и друга

Е. Стороженко.

P. S. 16-го іюля маменькины имянины и я ей приготовляю ящикъ для колецъ (pour les bijouteries), вышитый бисеромъ. Твои имянины также очень скоро, я тебя искренно поздравляю, и желала бы что нибудь приготовить, да не знаю что, пожалуйста напиши, что тебѣ можетъ пригодиться: portefeuille, кошелекъ, щетка, шнурочекъ... Я тебѣ немедленно пришлю все, что ты скажешь.

17.

Варшава 9 августа 1836 г.

Кажется сегодня, маменька посылаетъ тебѣ, милый Володя, батистовые платки, которыхъ еще не доставало къ дополненію камеръ-пажескаго мундира, и печатку съ папенькинымъ гербомъ: поле все еще чисто, надѣюсь, что скоро пополнится крестами и звѣздами. Я въ такомъ восхищеніи отъ твоего камеръ-пажества, что только объ этомъ и говорю, воображаю, съ какимъ ты нетерпѣніемъ ожидаешь представленія Государю. Пожалуйста опиши подробно твою новую службу; вѣдь вамъ теперь очень много привиллегій! Какъ весело, напримѣръ, когда

ты дежуришь и Е. В. будетъ съ тобой говорить, и тебѣ будетъ открытъ входъ во дворецъ. Не пропусти ни слова, когда будешь писать мнѣ объ твоемъ представленіи; что Государь тебѣ скажетъ, великій князь и проч.

Папенька теперь все занимается постройкой домика въ нашемъ хуторѣ, онъ послалъ планъ туда. Не знаю только, хорошо ли будетъ все окончено, потому что заочно. Папенька поручилъ это Савичу и часто получаетъ оттуда извѣстія. Папенька съ большимъ удовольствіемъ говоритъ объ деревенской жизни, и съ восхищеніемъ вспоминаетъ садикъ, гдѣ всѣ деревья почти имъ самимъ посажены; недавно еще послалъ туда сѣмена для цвѣтовъ и все спрашиваетъ Огановича, Степ. Степановича, который недавно пріѣхалъ, взошли ли? Бабушка тебя цѣлуетъ, она совершенно здорова, слава Богу! Ей теперь очень весело, потому что много родныхъ пріѣхало въ Богодуховку. Надѣется, что и мы когда нибудь навѣстимъ ее; я бы очень этого желала!

Недавно посѣтилъ насъ (т. е. Варшаву) графъ Чернышевъ, я его видѣла у княгини Варшавской на вечерѣ, который былъ данъ въ честь его пріѣзда Jl a daigné nous envoyer une carte. Прощай, любезный братъ, если я успѣю написать письмо къ одной моей подругѣ, то пожалуйста отошли по адресу, потому что положу въ твое письмо, а если нѣтъ, то пришлю въ другомъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Н. А. и ея семейству. Еще разъ прощай, цѣлую тебя, вѣчно любящая тебя

сестра и другъ Е. Стороженко.

P. S. И я тебя цѣлую, мой милый Володя, и поздравляю съ камеръ-пажескимъ мундиромъ. Посылаю тебѣ шесть платковъ и печатку съ фамильнымъ гербомъ. Тебя благословляющая мать Julie.

18.

Варшава 19 сентября 1836 г.

Тысячу разъ благодарю тебя, милый другъ, за память обо мнѣ и за любовь, въ которой ты такъ мило увѣряешь меня. Право, никакой подарокъ не былъ бы пріятнѣе твоего послѣдняго письма.

Сколько чувства! сколько нѣжности! Я должна гордиться, внушая ихъ, ибо что можетъ быть лучше, возвышеннѣе привязанности брата? Ужъ вѣрно не любовь, которую такъ превозносятъ романисты; впрочемъ, не испытавъ ея, я не могу, какъ другія, судить о ней! Что касается до дружбы, то я испытала, поняла ее, и могу сказать, что са-

мыми лучшими днями моей жизни я обязана ей! Я такъ счастлива въ кругу моихъ родителей! Одного тебя не достаетъ для моего совершеннаго блаженства. Папенька и маменька слишкомъ добры ко мнѣ, за то и я отдаю имъ всю любовь, всю привязанность мою,—даже жизнь, собственное счастье пожертвовала-бы я съ радостью для нихъ; они такъ много жертвуютъ для меня. Ибо не думай, милый братъ, чтобы папенька былъ всегда въ такомъ положеніи, какъ теперь, что онъ въ состояніи посылать такъ много денегъ тебѣ въ корпусъ, а мнѣ здѣсь давать. Нѣтъ, иногда бывало такъ, что думаетъ, какъ бы завтра не остаться голоднымъ, а намъ развѣ въ чемъ либо отказывалъ? Послѣдній сюртукъ продастъ, чтобы удовлетворить насъ, и все насъ, бѣдныхъ дѣтей, которыя не понимали, откуда берутся деньги, и не понимали ихъ цѣны. Иногда вечеркомъ папенька разсказываетъ намъ про свою прежнюю жизнь. Сколько переворотовъ, а все онъ не унывалъ. Сколько періодовъ въ его жизни—отъ богатства къ бѣдности. Право, въ одномъ изъ нихъ, больше философіи, нежели у всѣхъ Кантовъ, Шеллинговъ и Вейсовъ. Иногда папенька даже говоритъ о томъ, что онъ для насъ сдѣлалъ, но только мимоходомъ, какъ будто это ему ничего не стоило. Добрый папенька! Онъ насъ такъ любитъ, что забываетъ все, если насъ видитъ счастливыми и добрыми. Всегда, когда онъ вспоминаетъ объ этомъ, я такъ растрогана, что плачу, и благодарю Всевышняго, что намъ далъ такого добраго родителя, и молю его, дабы сдѣлалъ меня достойною всѣхъ ласкъ и попеченій его, и чтобы далъ случай доказать на дѣлѣ мою безпредѣльную любовь и уваженіе къ нему. Маменька, которую я такъ хорошо узнала, всякій день болѣе и болѣе привязываетъ меня къ себѣ; она такъ добра ко мнѣ! и сколько я ей обязана! Все, что во мнѣ нравится, привлекаетъ, все это ея дѣло, ибо, пріѣхавъ изъ Института, я была еще совершенное дитя! Чувствуя это вполнѣ, ты можешь себѣ представить, какъ я должна ее любить! И не совершенное ли это счастье: любить и быть любимой. Итакъ правда, милый братъ,—одного тебя не достаетъ для моего блаженства.

19.

Варшава 7 октября 1836 г.

Спѣшу написать тебѣ нѣсколько строчекъ, милый Володя; Пав. Ив. Кованько завтра рано утромъ ѣдетъ въ Петербургъ. Онъ такъ добръ, что обѣщалъ навѣстить тебя и самъ отвезть мое письмо въ корпусъ. Недавно сюда пріѣхалъ de Saint-Laurent, онъ нѣсколько разъ приходилъ къ намъ и всегда много разсказывалъ о тебѣ, mon ange;

между прочимъ говорилъ, какъ ты пускаешься въ разные ученые споры съ его братомъ; въ этомъ случаѣ онъ держитъ нейтралитетъ, а послѣ примиряетъ Васъ. Онъ описываетъ тебя, какъ милаго молодого человѣка. Я (которая знала тебя мальчикомъ) никакъ не могу безъ маленькой гордости говорить о тебѣ, c'est mon faible. Но я думаю, что всѣ сестры такъ думаютъ о своихъ братьяхъ. Дай Богъ, чтобы они, какъ ты, оправдывали вполнѣ ихъ любовь. Но прощай, мой другъ, маменька хочетъ также нѣсколько словъ написать тебѣ, уступаю ей мое мѣсто. Еще разъ прощай, вспоминай почаще любящую тебя нѣжно сестру

Е. Стороженко.

P. S. Папенька посылаетъ тебѣ свое благословеніе, маменька цѣлуетъ; она сама хотѣла писать, но не такъ здорова, обѣщала однако же писать непремѣнно въ будущую почту.

Кланяйся всѣмъ моимъ роднымъ, особенно Фоковымъ.

20.

Варшава 6 декабря 1836 г.

Съ какимъ удовольствіемъ узнала я, милый братъ, о твоемъ повышеніи въ должность старшаго камеръ-пажа! Жаль только, что не отъ тебя получила я это пріятное извѣстіе; де Сенъ-Лоранъ такъ добръ, что часто сообщаетъ мнѣ разныя новости о тебѣ, мой ангелъ. Самъ ты уже такъ давно намъ не писалъ! Насъ утѣшаютъ, говоря, что ты очень занятъ,—я даже боюсь просить тебя написать мнѣ нѣсколько строкъ, боюсь хотя на секунду оторвать тебя отъ занятій, которыя ты такъ любишь, боюсь, чтобы тебѣ это не было непріятно: писать по должности—какъ это скучно! А я бы желала, чтобы при воспоминаніи обо мнѣ никакая скучная, непріятная мысль не пробѣгала ума твоего. Лучше рѣже пиши, но часто вспоминай меня, съ любовью думай о той, которая такъ нѣжно тебя любитъ. Сегодня—большой праздникъ, приготовленія къ вечернему пышному балу. Говорятъ, что ничто не можетъ такъ занять дѣвушку, какъ балъ, и даже мысль о немъ,—ты видишь, любезный другъ, что мысль о тебѣ гораздо мнѣ ближе, когда и въ этотъ день нашла я минуту писать тебѣ.

Надобно что нибудь сказать и о себѣ. Право, нѣтъ ничего довольно примѣчательнаго, развѣ, что я была вчера на опытахъ физико-химическихъ и гальваническихъ, которые были сдѣланы въ здѣшнемъ уни-

верситетѣ, кажется, на иждивеніе Свѣтлѣйшаго. Зала была наполнена дамами, и генералами, и разными военными, которые необходимы всегда и вездѣ. Я думаю, никто не спасся отъ головной боли. Что до меня, то я пріѣхала оттуда съ довольно пріобрѣтенными познаніями, но и съ ужасной головной болью отъ разныхъ газовъ, а особенно отъ фосфора. Вечеромъ я была въ театрѣ, но и тамъ голова моя наполнена была затверженными фразами заикающагося профессора, который мучилъ насъ съ 12 до 4 часовъ.

Прощай, милый братъ, цѣлую тебя. Папенька и Maman нѣжно тебя обнимаютъ; просятъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Н. А. Фоковой и ея семейству. Люби и не забывай меня.

Е. Стороженко.

21.

10 февраля 1837 г.

Какъ много могу я сказать тебѣ, милый братъ, о нашихъ карнавальныхъ удовольствіяхъ, если только захочешь выслушать, и не будешь упрекать меня въ вѣтренности. Полагаюсь на твою снисходительность... Хотя ты и выдаешь себя за философа, однакоже вѣрно безъ неудовольствія услышишь о веселостяхъ. Притомъ доставишь мнѣ случай пріятно провести нѣсколько минутъ и, можетъ быть, занять тебя, что также довольно, и эта маленькая побѣда (если можно выразиться такъ) будетъ мнѣ очень пріятна. Au fait—ты, я думаю, знаешь, что польская масляница кончилась; а наша будетъ гораздо дальше, по крайней мѣрѣ 4-мя недѣлями, я считаю, какъ всѣ здѣсь, отъ Рождества до Вел. поста. Итакъ польки, кромѣ нѣсколькихъ, не хотятъ танцевать; это однакоже не мѣшаетъ имъ очень наряженными пріѣзжать на балъ, pour faire tapisserie. За то русскія отличаются. У Свѣтлѣйшаго бываютъ каждое воскресенье вечера, какъ и прежде; сверхъ того по середамъ бываютъ родъ концертовъ, или soirées intimes, гдѣ очень мало бываютъ (мы однакожъ дежуримъ),—занимаются музыкой, пѣніемъ и пр. Они всегда бываютъ въ кабинетѣ фельдъ-маршала, который чудесно убранъ,—и эта музыка, пѣніе такъ противоположны военному убранству кабинета, гдѣ цѣлый военный арсеналъ оружій, чепраковъ, лошадиныхъ сбруй, вообще всего, что напоминаетъ военную жизнь; даже бивачная палатка не забыта, и красуется одинокая въ заднемъ углу комнаты, освѣщенная clair-obscur-омъ. И все это смѣшеніе разряженныхъ женщинъ съ орудіями смерти; ландкартъ, глобусовъ, ученыхъ книгъ, съ хорошенькимъ тріо Кильбреннера или Qui bramo Crescini—

производитъ эффектъ чудесный. Но, заговоривъ однажды о Crescini, нельзя не продолжать. Это одна изъ новопріѣзжихъ пѣвицъ; здѣсь почти всѣ съ ума сходятъ отъ ея пѣнія,—такъ оно трогаетъ душу. Я поддалась очарованію, которое она разливаетъ на все, окружающее ее. Даже папенька, который такъ строго судитъ о пѣніи, въ восхищеніи отъ контральто Кресчиніи. Я думаю, она скоро поѣдетъ въ Петербургъ. Если будешь слышать ее, напиши, какое дѣйствіе произведетъ она на тебя, особливо, когда будетъ пѣть Qui bramo, и сама себѣ аккомпанировать. Недавно она давала концертъ; и чтобы отличить ее отъ другихъ пѣвицъ, предложили ей пѣть зъ залѣ, которая надъ нашей квартирой, а не въ театрѣ. Послѣ концерта, маменька предложила княгинѣ Варш. и Свѣтлѣйшему зайти откушать чашку чаю къ намъ. Они были такъ добры, что согласились; это дало поводъ пригласить и другихъ нашихъ знакомыхъ, pour faire compagnie à la Princesse; она была такъ снисходительна, что почти сама вызвалась составить партію виста, чтобы продлить вечеръ. Князь также сѣлъ за игру; потомъ еще составили нѣсколько партій пожилыя дамы и кавалеры, а мы болтали; между тѣмъ подносили des raffraichissements, вечеръ продолжался до часу. Князь и княгиня такъ ласковы и предупредительны въ обращеніи, что это изгоняетъ всякую gêne и робость. Мы были вчера у нихъ на вечерѣ, который дѣлали для новопріѣзжей маркизы *Лондондери*. Она была очень хороша въ пунсовомъ бархатномъ платьи; это типъ англійскихъ лицъ. Представь себѣ, что для ея увеселенія вздумали сдѣсать déjeuner dansant въ Лазенкахъ, куда мы должны ѣхать разодѣтыя почти пять верстъ для сомнительнаго удовольствія; потому что это что то совершенно новое, а не совершенно привлекательное, когда вспомнишь, что сейчасъ послѣ обѣда, когда гораздо пріятнѣе отдыхать, мы должны танцевать, еслибъ еще au clair de lune, а то просто au rayons de soleil de Janvier и въ холодномъ дворцѣ (потому что онъ стоитъ на водѣ). Прощай.

Лиза Стороженко.

22.

Варшава, 2 апрѣля 1837 г.

Постараюсь написать тебѣ, милый Володя, нѣсколько словъ, покуда фельдмаршалъ не уѣхалъ; но первымъ условіемъ поставляю, чтобы они не были читаны никѣмъ, кромѣ тебя, мой ангелъ; по тому переписка между братомъ и сестрой и имѣетъ ту занимательность, откровенность, которыя теряются во всякомъ другомъ письмѣ (кромѣ къ

подругѣ) отъ принужденія, ограничивающаго непринужденныя изліянія сердецъ, то предѣлами почтенія, то неровности лѣтъ, или строгостью сужденія о насъ по этому представительному лоскутку бумаги. И то, что въ иныхъ письмахъ называютъ обдуманностью, вѣжливостью, точностью, можно въ искреннихъ назвать холодностью, которой я бы очень не желала между нами, а потому еще разъ прошу тебя, мой другъ, не показывать писемъ моихъ никому. Я слышала, что ты ихъ читаешь Ушакову; мнѣ это очень не нравится; но я увѣрена, что ты это дѣлалъ по незнанію, а, услышавъ просьбу любящей сестры, исполнишь съ точностью.

Я недавно видѣла князя Мещерскаго и не пропустила случая говорить о тебѣ; онъ тебя очень хвалитъ; ты можешь себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ я его слушала, когда онъ мнѣ описывалъ тебя подробно; но на это имѣетъ право каждый, говорящій мнѣ о моемъ миломъ братѣ. По его словамъ, ты очень выросъ, но мнѣ совсѣмъ не лестно слышать, что ты теряешь прежнее сходство твое со мной, которымъ я такъ гордилась. Я бы очень желала тебя увидѣть... но это невозможно!... На что было подавать надежду, которую я такъ долго лелѣяла и съ которой такъ трудно разставаться!...

Папенька сейчасъ ѣдетъ къ Свѣтлѣйшему. Прощай, mon cher, я ужасно тороплюсь.

Не забывай обожающей тебя сестры

Е. Стороженко.

Не знаю, припишется ли маменька; она этого хотѣла, но, кажется, не успѣетъ. Adieu.

Ахъ! я и забыла сказать тебѣ, что я еще не видѣла Гагемейстера; онъ былъ съ визитомъ разъ у маменьки, но меня тогда не было дома. Съ тѣхъ поръ не былъ. Онъ, кажется, уѣхалъ въ Ново-георгіевскъ.

23.

Варшава 15 мая 1837 г.

Завтра послѣ обѣда генералъ Сулима съ дочерью [1]) выѣзжаютъ въ Петербургъ; пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы вѣрнѣе доставить тебѣ письмо мое, милый братъ Володя, и скорѣе имѣть случай поговорить съ тобой послѣ столь долгаго молчанія. Полагаюсь совершенно на твою скромность и съ довѣренностью передамъ тебѣ мысли мои насчетъ предполагаемой нами поѣздки за границу. Это мое первое путешествіе и ты не повѣришь, какъ оно меня занимаетъ. Я достала почти всѣ

[1]) Николай Семеновичъ Сулима. Свѣдѣнія о немъ въ Рус. Стар. 1874 г., № 5, стр. 195—198.

книги и ландкарты, къ нему относящіяся; но онѣ мало удовлетворяютъ моему любопытству своею холодностью. Я бы желала прочитать подробное описаніе этой поѣздки (отъ Варшавы до Карлсбада и назадъ исключительно), которое отвѣчало бы хотя немного моему понятію о запискахъ путешественника съ его воспоминаніями, впечатлѣніями,— способнаго слогомъ яркимъ, живымъ описать плѣнительное мѣстоположеніе гористаго Карлсбада или великолѣпной Вѣны. Что нибудь въ родѣ Марлинскаго, увлекающаго читателя блестящимъ описаніемъ Кавказа, или Базили, плѣняющаго насъ легкостію слога и мысли въ роскошныхъ циркахъ Константинополя и романическаго Босфора. Можетъ быть, я еще не всѣ описанія Германіи читала; постараюсь еще порыться въ библіотекахъ, не найду ли чего лучше мною читанныхъ. Сомнѣваюсь; всѣ – всѣ отталкиваютъ своею сухостью, точнымъ перечисленіемъ учебныхъ, богоугодныхъ заведеній, фабрикъ, мануфактуръ и проч.; хотя бъ для смѣха, для развлеченія повѣствователь ошибся съ своихъ повѣркахъ; но и то нѣтъ; все также холодно продолжаетъ, какъ и началъ... Скучно даже говорить. И потому перемѣнимъ разговоръ. Ты такъ мало говоришь о себѣ, милый другъ, въ твоихъ письмахъ, что я принуждена просить тебя описывать подробнѣе твою теперешнюю жизнь, которая такъ полна новыми для тебя ощущеніями; раздѣли ихъ со мною, любезный Володя, и они будутъ для тебя вдвое пріятнѣе; сообщай откровенно мнѣ твои замѣтки и какъ можно болѣе говори о себѣ. Если бы ты зналъ, сколько каждая шалость, касающаяся тебя, меня интересуетъ! Меня очень обрадовало твое знакомство въ П. Н. Плетневымъ (другихъ литераторовъ, тобою названныхъ, я лично не знаю), пожалуйста, если его увидишь, еще напомни ему обо мнѣ, отдай ему мой нижайшій поклонъ и скажи, что наше институтское обожаніе во мнѣ осталось тоже, хотя и перемѣнило названіе, и что моя искренняя любовь, почтеніе и благодарность пребудутъ ему неизмѣнными. Прощай, мой добрый другъ и братъ, вспоминай иногда... только иногда... объ обожающей тебя сестрѣ

Lise Storojenko.

Маменька и папенька цѣлуютъ тебя, и благодарятъ за поклонъ Свѣтлѣйшаго.

24.

Варшава 28 мая 1837 г.

Я думаю, это послѣднее письмо, которое ты получишь изъ Варшавы, милый братъ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось бы, чтобы ты познакомился съ г. Непокойчицкимъ, однимъ изъ большихъ пріятелей па-

пеньки (а это ужъ большая рекомендація). Сверхъ того скажу тебѣ, mon cher, que c'est un homme très aimable, не смотря на то, что слыветъ ученымъ, которые обыкновенно очень незанимательны въ обществѣ. Постараюсь слѣдовать твоему совѣту писать журналъ, боюсь только, что не достанетъ ни времени, ни терпѣнья довесть его до конца, притомъ такъ много уже этихъ записокъ, что все, что я ни скажу, будетъ мнѣ казаться подражаніемъ, котораго я ненавижу или... Но вѣдь я буду писать собственно для себя и потому, надѣюсь, никто меня не осудитъ за недостатокъ оригинальности! Я, кажется, никогда не рѣшусь! Но постараюсь въ письмахъ моихъ къ тебѣ, какъ можно подробнѣе описывать нашу тамошнюю жизнь и вообще все, что можетъ тебя занимать. Надѣюсь, что и ты съ одинаковой откровенностью станешь мнѣ описывать твои петербургскія похожденія, тамошнія общества и проч.

Прощай, мой другъ, иду разливать чай, чтобы папенька успѣлъ напиться прежде пріѣзда фельдмаршала. Его съ минуты на минуту ожидаютъ. Папенька во всей формѣ спѣшитъ на встрѣчу. Adieu.

Е. Стороженко.

Маменька и папенька цѣлуютъ тебя. Миша Дар. кланяется. Яковъ Дмитричь Кондзеровскій [1]) тоже тебѣ кланяется, сейчасъ пріѣхалъ.

25.

О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Наконецъ мы въ Малороссіи, въ той счастливой, благословенной Малороссіи, гдѣ мирно протекли дни дѣтства нашего, куда давно стремились всѣ мои желанія! Съ восхищеніемъ повторяю я нѣсколько разъ сама себѣ: я въ Малороссіи, я въ Богодуховкѣ!—какъ бы не вѣря своему счастью. Постараюсь дать тебѣ хоть малѣйшее понятіе о той минутѣ, когда мы въѣхали въ Богодуховку. Это было вечеромъ. Мы отобѣдали у Ограновича, который живетъ въ 25-ти верстахъ отъ Богодуховки и послѣ обѣда онъ далъ намъ своихъ лошадей, чтобы доѣхать къ бабушкѣ. Съ радостью сѣла я въ коляску, углубленная въ пріятныя воспоминанія, я была съ тобою, милый, безцѣнный другъ, когда привѣтный лай собакъ вывелъ меня изъ пріятныхъ грезъ, чтобы насладиться еще пріятнѣе – существенностью: это Богодуховка! Смерклось;

---

[1]) Родомъ изъ с. Свѣтличнаго Лохвицкаго уѣзда.

свѣтленькія окна, гдѣ мелькалъ огонекъ, освѣщали намъ дорогу; мы проѣхали греблю; силуэтъ деревенской церкви издали виднѣлся на темноголубомъ небѣ, рѣчка, осѣненная тѣнистыми липами, журча, привѣтствовала насъ. Мы проѣхали еще греблю. Я чувствовала, что мы приближаемся къ дому, но слезы умиленія, наполнявшія мои глаза, падали съ глазъ моихъ и не позволяли ничего различать. Я плакала отъ радости и крайней грусти, но это чувство было такъ сладостно, такъ сладостно..., что я не могу выразить. Я бы желала, чтобы ты когда нибудь ощутилъ это, но въ молодости, только въ молодости... и ты поймешь меня. Но мы ужъ у калитки, она скрипнула и я была въ объятіяхъ доброй моей бабушки. Не стану описывать тебѣ, что я чувствовала, переходя съ рукъ на руки добрыхъ родныхъ моихъ. Папенька, мой ангельскій папенька, былъ въ восторгѣ, видя, какъ рады его Лизѣ. Ахъ, какъ онъ насъ любитъ! Вечеръ цѣлый мы пробыли съ бабушкой и дѣдушкой, вспоминали прошедшее, говорили о настоящемъ, время летѣло,—уже одинадцать. Ахъ, какъ поздно для деревенскихъ жителей! Мы сѣли на эти безконечно длинныя дрожки, которыя ты вѣрно помнишь, и уѣхали въ папенькинъ хуторъ. Ты бы не узналъ его—такъ онъ обстроился; прежде было всего три комнатки, меблированныхъ на холостой манеръ; теперь прелестный домикъ, восемь прелестныхъ комнатокъ, у подъѣзда ты уже прельщенъ башенками, которыя съ обѣихъ сторонъ домика даютъ ему видъ крѣпости. Входишь въ башню съ круглыми готическими стеклами, оттуда идешь въ переднюю, потомъ въ залу, гдѣ фортепіано и бюсты Солона и Аристида показываютъ тебѣ, что хозяинъ образованный человѣкъ и не чуждъ талантамъ, направо кабинетъ и прекрасная библіотека, на стѣнахъ развѣшены оружія, картины, въ углу большой письменный столикъ, гдѣ папенька всегда занимается, у стѣны диванъ, гдѣ онъ отдыхаетъ послѣ обѣда, далѣе туалетъ, а въ противуположномъ углу милліонъ трубокъ всѣхъ сортовъ и размѣровъ, начиная отъ саженной турецкой трубки до самой маленькой богемской. Все это не показываетъ ли, что хозяинъ долженъ быть военный. Изъ столовой налѣво гостинная--совершенная игрушка, стѣнъ не видишь подъ множествомъ картинъ въ богатыхъ рамкахъ лучшихъ живописцевъ. Съ дивана, передъ которымъ большой столъ, видно изъ стеклянныхъ дверей почти весь садикъ. Длинная аллея прямо съ крыльца ведетъ покатисто къ рѣчкѣ, тамъ миленькая бесѣдка, откуда я всякое утро бросаю кормъ рыбкамъ. Хотя садикъ и малъ, но прелестно обработанъ; отъ главной аллеи множество тропинокъ разбросаны во всѣ стороны. Тамъ деревья, сплетаясь, приглашаютъ тебя подъ ихъ таинственный сводъ, а тамъ молоденькія вишни открываютъ миленькій куртинъ изъ цвѣтовъ, гдѣ солнце безпрепятственно бросаетъ длинные лучи свои. Но, кажется, ты усталъ, пойдемъ назадъ,

я поведу тебя въ мою комнатку. Но полюбуйся прежде, какъ мило въ зеркалѣ въ гостиной черезъ стекляную дверь отражаются весь садикъ, бесѣдка и даже противоположный берегъ, гдѣ заходящее солнце даетъ прелестный розовый отливъ всѣмъ предметамъ. Не правда ли, какъ мило? Теперь пойдемъ дальше. Перейдя маменькину спальню, ты войдешь въ блѣдно-голубую комнатку, чистенькую, свѣтленькую, на окнахъ стоятъ цвѣты — это моя. Вотъ диванъ, гдѣ я сплю, тотъ самый, помнишь, что папенька подарилъ намъ, когда мы еще спали у тетеньки Катерины Михайловны; подлѣ него стоитъ письменный столикъ, гдѣ я занимаюсь, тамъ туалетъ и проч. Изъ моей комнаты ты идешь въ дѣвичью, тамъ въ другую башенку и ужъ на крыльцѣ. Дрожки готовы, поѣдемъ на вечеръ къ бабушкѣ. Тамъ папа съ дѣдушкой составятъ себѣ партію въ вистъ, а мы го оримъ и работаемъ или пойдемъ гулять въ садъ.

Такъ сначала проходили всѣ наши дни. Послѣ пріѣхала сестра маменькина, премилая женщина, сестра папенькина Елена Яковлевна съ дочерью и еще многіе изъ знакомыхъ и родственниковъ, которые желали видѣть папеньку. Къ бабушкѣ также многіе съѣхались: тетенька Александра Мих. съ мужемъ, Катерина Мих. Вотъ ужъ сдѣлалось гораздо шумнѣе въ Богодуховкѣ. Но когда по возвращеніи своемъ изъ Вознесенска пріѣхала Бартоломѣева съ мужемъ и дѣтьми, то Богодуховка сдѣлалась совершенно столичнымъ городкомъ. Всѣ генералы, адъютанты и полковники считали обязанностью, проходя черезъ деревню, явиться къ Бартоломею. Бабушка оставляла ихъ обѣдать, потомъ вистъ, а къ вечеру насъ всегда собиралось до тридцати душъ. Мадамъ Бартоломей говоритъ, что часто видѣла тебя у Анны Михайловны. Что ты объ ней думаешь? И вообще о Балугьянскихъ ты очень мало говоришь. Я бы желала знать каждую изъ нихъ въ особенности; говорятъ, Лиза очень хорошенькая. Елена Михайловна также очень хороша собой, но она, entre nous soit dit, ужасная кокетка... Но я думаю мое безконечно длинное посланіе тебя утомило; но это я писала для того, чтобы ты зналъ, какъ часто я объ тебѣ думала и какъ каждая вещь напоминала мнѣ моего обожаемаго брата, особливо та бесѣдка въ саду у бабушки, которую мы сами состроили и гдѣ такъ часто вдвоемъ играли. Но полно! слезы умиленія навертываются на глаза при воспоминаніи о томъ счастливомъ времени, когда мы были всегда вмѣстѣ. Теперь мы разлучены и, можетъ быть, надолго. Я въ мысляхъ всегда съ тобою, но ты?.. Ахъ, когда дождусь я счастливаго времени, когда, будучи офицеромъ, ты пріѣдешь поцѣловать любящую тебя сестру Елизу. Покамѣстъ моимъ девизомъ будетъ: надѣйся и люби. Прощай, mon cher, кланяйся отъ меня Натальѣ Андреевнѣ и извини меня передъ нею; съ будущей почтой постараюсь приготовить письмо къ нимъ Я слышала, что Катенька выходитъ за-

мужъ, правда ли? Но ты всегда такъ мало ко мнѣ пишешь и такъ торопишься, что я не надѣюсь узнать что нибудь подробное отъ тебя. Конечно гораздо пріятнѣе для тебя писать Ушакову..., но не надо бы для чужихъ забывать сестру свою, mais ces choses ne se commendent pas... au reste séparons nous bons amis Adieu. Папенька и Maman тебя цѣлуютъ. Я думала, что папенька уже забылъ о томъ письмѣ, которое ты писалъ Ушакову, гдѣ ты говорилъ, что тебя забыли, но онъ еще вчера говорилъ мнѣ объ немъ и, кажется, очень недоволенъ тѣмъ, что ты занималъ у Н. И. деньги, и онъ правъ; не лучше ли написать прямо къ папенькѣ—онъ сейчасъ бы выслалъ тебѣ ихъ, или написать ко мнѣ, что тебѣ нужны деньги, и я сказала бы папенькѣ – онъ ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ, тѣмъ болѣе въ чемъ нибудь нужномъ. Притомъ твоя неоткровенность съ нимъ печалитъ его. Писать къ чужому, что родные забыли тебя, тогда какъ... хотя бы онъ былъ твой другъ, это не идетъ. Извини, что я говорю тебѣ это, но мнѣ хочется, чтобы папенька забылъ это несчастное письмо. Я бы совѣтовала тебѣ какъ нибудь оправдаться передъ папенькой или чѣмъ нибудь заставить его забыть этотъ несчастный долгъ. Дѣлай, какъ ты думаешь лучше, только скорѣе пиши,да напиши мнѣ, сколько ты долженъ Н. И.

26.

Варшава, 8 октября 1837 г.

Мы вчера только пріѣхали въ Варшаву, милый другъ, и получили самыя непріятныя извѣстія о тебѣ; ты нуждаешься въ деньгахъ, боленъ, и такъ долго не писалъ намъ объ этомъ. Я никакъ не прощу себѣ этого, потому что я всему причиною—зачѣмъ не отослала въ Петербургъ старыхъ писемъ моихъ изъ Малороссіи; но я боялась, чтобы они не залежались на почтѣ, и думала отослать ихъ изъ Варшавы, что непремѣнно и сдѣлаю, зная, какъ много интересуютъ тебя всѣ подробности нашей деревенской жизни. Путешествіе наше за границу также не останется потеряно для тебя; у меня есть много замѣтокъ, которыя я соберу и немного позже отошлю тебѣ. Изъ этого ты видишь, что я, если не писала, то всегда думала о тебѣ, всѣ мои удовольствія мысленно раздѣляла съ тобою, а ты, зная мою безпредѣльную привязанность къ тебѣ, могъ сказать: мои родные забыли меня (потому что ты вѣрно этого не думалъ). За себя я прощаю тебѣ эту мысль, сказанную въ досадѣ, но можно ли было огорчить папеньку, нашего добраго папеньку,

который безпрестанно думаетъ о тебѣ. Озабоченный дѣлами, болѣзнью, онъ еще имѣетъ время думать обо всемъ, для тебя нужномъ, и даже прихоти твои его занимаютъ. Онъ въ Карлсбадѣ купилъ тебѣ премиленькій ящичекъ для сахару и чаю, и стаканъ цвѣтнаго стекла, которымъ славится Богемія, и ты его получишь при выпускѣ, чтобы обзавестись новымъ офицерскимъ хозяйствомъ. Воды Карлсбадскія не сдѣлали большой пользы папенькѣ теперь; говорятъ, что это можно увидѣть впослѣдствіи. Дай Богъ! Онъ очень похудѣлъ послѣ Теплицкихъ ваннъ, но въ Малороссіи немного оправился. У насъ премиленькій домикъ и садикъ; папа цѣлый день съ ножемъ въ рукахъ самъ обрѣзывалъ каждое дерево и пололъ цвѣты; я по утрамъ ходила кормить рыбку, чтобы заманить карасей. Но всѣ наши занятія деревенскія, даже подробное описаніе домика, сада Богодуховскаго, ты найдешь въ сентябрьскомъ письмѣ моемъ, которое я отослала въ четвергъ. А это письмо я тороплюсь писать, потому что папенька не хочетъ заставить ждать тебя до будущаго четверга и посылаетъ письмо и деньги съ Коссецкимъ, который сейчасъ ѣдетъ. Скажу еще нѣсколько словъ о бабушкѣ. Съ какимъ удовольствіемъ она меня увидѣла, со слезами вспоминала о дѣтствѣ нашемъ и говоритъ, увидя меня, что ей остается только одно желаніе—увидѣть тебя и послѣ спокойно умереть. Она очень постарѣла, но еще довольно бодра, такая же добрая, ласковая, ангельская женщина, какою прежде была. Дѣдушку ты бы не узналъ—такъ онъ перемѣнился; думаю, что ты и не хорошо помнишь ихъ. Это было такъ давно. Домъ же совершенно на той ногѣ, что былъ, ничего въ немъ не переставляли. Мнѣ очень пріятно и вмѣстѣ грустно было видѣть ихъ бытъ. Но я все это описую въ другомъ письмѣ, въ этомъ же нѣтъ мѣста болѣе. Прощай, милый другъ и братъ, люби меня такъ нѣжно, какъ я тебя люблю, и ты сдѣлаешь мое счастіе.

Е. Стороженко.

Маменька цѣлуетъ тебя. Она пишетъ, кажется, сама къ четвергу теперь ей совершенно нѣтъ времени—такъ она занята устройствомъ дома, который въ наше отсутствіе немного измѣнилъ свой порядокъ Adieu.

Другъ мой Володя! Къ сожалѣнію долженъ сказать тебѣ, что я то боленъ, то поправлюсь нѣсколько, а служить неладно. На слѣдующей почтѣ напишу тебѣ болѣе; нынѣ же посылаю пятьсотъ рублей тебѣ чрезъ г. камеръ-юнкера Коссецкаго, изъ коихъ заплати что слѣдуетъ почтеннѣйшей Наталіи Андреевнѣ. Нѣжно любящій тебя отецъ

Андр. Стороженко.

27.

Варшава 10 ноября 1837 г.

Мы только что пріѣхали изъ театра, любезный братъ, гдѣ слышали небесную скрипку Арто. Не знаю, слышалъ ли ты его въ Петербургѣ. Если слышалъ, то ты поймешь сладостное чувство, которымъ наполняется душа при чудныхъ звукахъ, выливающихся изъ подъ смычка его. Нѣтъ, невозможно описать того, что чувствуешь въ эту минуту! Еще теперь раздается въ ушахъ моихъ прелестная каватина Беллини, которую такъ онъ неподражаемо играетъ Въ театрѣ все превратилось въ слухъ, когда онъ игралъ; и можно ли думать о чемъ другомъ, когда его слышишь? Нѣтъ, я не стану болѣе говорить объ немъ, потому что въ восторгѣ своемъ могу сдѣлаться смѣшною; ты знаешь, что du sublime au ridicule il n'y a qu' un pas. Такъ лучше бросить! Скажу только тебѣ, что онъ осуществляетъ для меня идеалъ всего прекраснаго, эстетическаго въ музыкѣ! Я слышала Липинскаго, Ейхгорновъ, Лафока, но никто еще такъ не трогалъ души, какъ онъ! Вообще я нахожу, что всѣ эти музыканты стараются побѣдить всѣ трудности игры, а немногіе изъ нихъ находятъ истинно прекрасную сторону музыки; это дать душу музыкѣ. Онъ нашелъ ее,—и никто другой не сравнится съ нимъ въ мелодіи томныхъ пассажей. Я бы совѣтовала тебѣ, когда ты будешь играть, выбирать или русскія пѣсни, или каватины Россини, Беллини и проч. Они всегда пріятнѣе для уха. Трудность игры можно побѣдить упражненіемъ—это каждый можетъ; но надо имѣть самому прекрасную, поэтическую душу, чтобы съ чувствомъ играть. Пожалуйста, любезный Володя, купи мнѣ нѣсколько варіацій на русскія пѣсни; выбери на свой вкусъ или попроси Александра Михайл. Говорятъ, онъ очень хорошо играетъ. Деньги я тебѣ пришлю, напиши, сколько надо.

Прощай, любезный другъ, пиши скорѣе и не забывай нѣжно любящую тебя сестру и друга

Е. Стороженко.

28.

Варшава 20 января 1838 г.

Папенька очень доволенъ твоимъ послѣднимъ письмомъ. Насъ утѣшаютъ твои планы въ будущемъ. Семеновскій полкъ очень хорошъ, если найдешь хорошее общество офицеровъ; но, говорятъ, Преображен-

скій еще лучше, если можно попасть въ первый баталіонъ, потому что офицеры получаютъ, сверхъ обыкновеннаго жалованья, 2000 р. столовыхъ денегъ. Разсмотри хорошенько, не лучше ли туда перейти. Впрочемъ все это я говорю отъ себя; надо подождать, что скажетъ на это папенька. Твои распоряженія въ офицерской жизни очень мнѣ нравятся; но мнѣ кажется, что тебѣ все это будетъ меньше стоить, чѣмъ ты воображаешь; потому что папенька будетъ содержать для тебя экипажъ и пару лошадей; да еще сдѣлаетъ много другихъ выгодныхъ распоряженій, которыя онъ самъ сообщитъ тебѣ, или чрезъ г. Ушакова, когда онъ поѣдетъ съ княземъ Варшавскимъ въ Петербургъ. До тѣхъ поръ patience, mon cher. Теперь, какъ я уже довольно говорила о серьезномъ, позволь сказать тебѣ что нибудь о нашихъ карнавальныхъ веселостяхъ,—онѣ тебя разсѣятъ. Новый годъ встрѣчали мы у князя Яблоновскаго, а на другой день былъ у князя Варшавскаго bal costumé. Званныхъ было около 2000-чь, богатство костюмовъ неимовѣрное. Можетъ быть, тебя займетъ описаніе нѣкоторыхъ; а такъ какъ ты, можетъ быть, скоро самъ будешь въ нашемъ обществѣ, то не мѣшаетъ знать нѣкоторыхъ членовъ онаго en fait des dames. Княжна Alexandrine Paskievitche была одѣта сициліанкой: голубой съ серебромъ костюмъ, на головѣ ленты и вуаль. Княжну Радзивилъ чуть видно было изъ кучи золота и дорогихъ каменьевъ. Крейцова была швейцаркой. Теперь, кажется, можно упомянуть и о моемъ костюмѣ. Я была одѣта гречанкой Синій бархатный шпензеръ въ видѣ кушака застегивался серебряными аграфами, онъ весь шитъ былъ серебромъ и окруженъ серебряными кисточками; бѣлая легкая тюника, шитая также серебромъ, надѣта была на розовой атласной юпочкѣ; длинный серебряный поясъ схватывалъ талію; синіе съ серебромъ сапожки; а на головѣ синяя бархатная шапочка, надѣтая на бекрень, съ огромной кистью, довершала мой костюмъ. Кажется, довольно подробно описала. Я бы желала, чтобы ты мнѣ также подробно описывалъ все, что до тебя касается. Ты знаешь, какъ это занимаетъ любящую тебя сестру

Elise.

Папенька и Maman тебя цѣлуютъ.

29.

Варшава 19 февраля 1838 г.

Ты знаешь, милый братъ, какъ не люблю я писать черезъ кого нибудь; но на этотъ разъ я такъ обрадовалась твоему милому письму отъ 8 февраля, что не могла долго лишать себя удовольствія какъ

можно скорѣе поблагодарить тебя, а потому пишу съ Н. И. Ушаковымъ. Онъ также привезетъ тебѣ разныя посылки, по которымъ ты, можетъ быть, утвердишься во мнѣніи, что папенька богатъ. Берегись предаваться этой мысли, l'illusion est belle, mais il est affreux d'être desillusionné. Правда папенькина нѣжность къ намъ можетъ дать поводъ къ такимъ мыслямъ. Онъ такъ добръ, что во всемъ себѣ откажетъ для насъ и въ состояніи продать послѣднее, чтобы удовлетворить одну изъ прихотей, доставляющихъ тебѣ минутное удовольствіе, а, можетъ быть, и такую, которую ты и совсѣмъ не цѣнишь. Знаешь ли, что весьма часто у папеньки и 100 злотыхъ въ домѣ нѣтъ, а онъ займетъ и пошлетъ тебѣ. Но, я надѣюсь, ты скоро самъ пріѣдешь сюда и ближе узнаешь папеньку. Ахъ, какъ ты тогда его будешь любить! Теперь у насъ только и разговору, что о тебѣ—скажи, правда ли, что послѣ выпуска, ты еще два года долженъ прослужить, прежде чѣмъ тебя отпустятъ къ намъ; это ужасно! Я право плачу, когда подумаю объ этомъ. Впрочемъ, можетъ быть, это къ лучшему; потому что, если ты къ намъ не пріѣдешь, то, можетъ быть, мы рѣшимся и, какъ снѣгъ на голову, прилетимъ въ Петербургъ. Какъ бы я желала, чтобы вещи приняли этотъ оборотъ! Mais j'ai toujours quelques nouveaux chateaux en Espagne en tête, а между тѣмъ наступилъ и постъ. Послѣ глупой, разсѣянной карнавальной жизни, очень пріятно опять обратиться къ прежнимъ своимъ занятіямъ. Я опять начала брать уроки музыки; также намѣреваюсь рисовать. А знаешь, что теперь меня особенно занимаетъ? Не угадаешь, — италіанскій языкъ. Я нахожу въ немъ столько музыки, что онъ можетъ замѣнить даже пѣніе. А потомъ ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе читать Торквато и Метастазія въ оригиналахъ. Сердце скачетъ отъ радости! Мнѣ еще такъ много хотѣлось тебѣ сказать! До будущей почты, теперь прощай. P. S. Мишель Дараганъ тебѣ кланяется, онъ недавно сюда пріѣхалъ въ адъютантскомъ мундирѣ, а ты пожалуйста поклонись отъ меня всѣмъ... и Дмитрію Д., если меня помнитъ.

Je t'en conjure, mon ami, ne laisse voir mon griffonnage à personne.

30.

Варшава 2 мая 1838 г.

Я только что изъ театра, милый Володя, гдѣ наслаждалась очаровательной музыкой Artôt; онъ такъ разнѣживаетъ душу, такъ много говоритъ ей! Все, что я имѣю драгоцѣннѣйшаго на свѣтѣ, все представляется мнѣ въ эту минуту въ самыхъ милыхъ образахъ; я бы желала на дольше остановить ихъ, излить предъ ними всю душу

мою; всю любовь, которую питаю къ милымъ сердцу моему, кажется, въ это время я бы могла выразить словами. Въ обыкновенное время я, можетъ быть, кажусь холодною изъ застѣнчивости, а, можетъ быть, и изъ гордости, потому что боюсь попасть подъ общую черту; теперь излишняя вѣжливость, лесть, такъ хорошо поддѣлываются подъ языкъ сердца, что трудно различить ихъ. Но въ минуту, когда скрыпка Artôt затрогиваетъ самыя нѣжныя струны сердца, оно вдохновляется и получаетъ новый языкъ. Ахъ! ангелъ Воля, какъ въ подобныя минуты я бы желала видѣть тебя. Представь, какъ странно, ты всегда первый являешься мнѣ, когда я очень весела или очень печальна (что рѣдко бываетъ); мнѣ какъ-то пріятнѣе думать, что ты все раздѣляешь со мною. Какъ я завидовала Очкину и Ушакову, что они тебя такъ часто видѣли, могли говорить съ тобой; П. Н. очень много намъ разсказывалъ про тебя, но онъ такой вѣтренный, что начатый разговоръ всегда перебиваетъ, вдругъ уходитъ и обѣщаетъ докончить въ другой разъ—такъ я никогда досыта не наговорюсь о тебѣ! А самъ ты всегда такъ мало пишешь,—это право грѣшно; вѣдь ты знаешь, какъ малѣйшая подробность твоей жизни занимаетъ меня, съ какимъ бы я восторгомъ переносилась мыслью туда, гдѣ ты бываешь. Розовое кисейное платье, присланное изъ Петербурга, сдѣлалось мнѣ вдвойнѣ милѣе съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что оно тебѣ нравится. Представляй меня всегда въ немъ; впрочемъ теперь ты скоро будешь имѣть наши портреты (пожалуйста между нами, это для тебя долженъ быть сюрпризъ) и, можетъ быть, совершенно не узнаешь; душечка Машап очень пополнѣла и поздоровѣла, я также очень перемѣнилась. Добрый Рара одинъ, кажется, остался по прежнему. Прощай, mio carino fratello, вспоминай иногда обо мнѣ, и пиши побольше.

31.

Варшава 7-го іюня 1838 г.

Френкель вчера приходилъ прощаться съ нами. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ черезъ день и очень просилъ меня писать къ тебѣ. Я извинилась недостаткомъ времени, а между тѣмъ по почтѣ пишу тебѣ, чтобы предупредить его пріѣздъ пріятнымъ извѣстіемъ: папа посылаетъ тебѣ съ нимъ письмо и деньги, я думаю ты уже давно чувствуешь легкость кошелька своего. Сейчасъ Френкель прислалъ намъ портретъ своей невѣсты посмотрѣть: она очень хороша, особенно глаза, полные пріятности и огня. Пожалуйста, нарочно замѣть M-elle Von-Essen

и опиши мнѣ ее. Ф-ль просилъ позволенія пригласить тебя на свадьбу: пожалуйста, постарайся быть тамъ и подробнѣе опиши; ты знаешь, я не чужда любопытства. Если хочешь, и я скажу тебѣ слова два объ здѣшнихъ свадьбахъ: Крузенштернъ женился на дочери В. министра финансовъ Фурмана, ты вѣрно ихъ не знаешь. Потомъ княжна Варшавская Александра Ивановна Паскевичъ выходила замужъ за поручика Балашова, адъютанта Его Свѣтлости. Я была à sa toilette, elle était magnifique! Жаль только, что, кромѣ насъ трехъ (filles de noces), и четырехъ свидѣтелей, изъ постороннихъ никто ея не видѣлъ. Ей очень идетъ быть дамой; но она нисколько не перемѣнилась и также дружна со мною, какъ была дѣвушкой. Ты вѣрно скоро увидишь ее въ Петербургѣ; она такая милочка, что вѣрно всѣмъ тамъ понравится. У насъ,— т. е. въ Ратушѣ на верху, выставка des arts et industries. Князь недавно осматривалъ залъ и заходилъ къ намъ; il était de très bonne humeur et nous a tous mis en train и очень долго сидѣлъ у насъ. Прощай, mon bon ange, больше право нечего писать; поздній пріѣздъ Государя, кажется, разстроитъ всѣ наши планы; а я право буду плакать, если намъ не удастся побывать нынѣшнимъ лѣтомъ въ Хенцинахъ (maioratъ папы) и въ Краковѣ, до котораго отъ Хенцинъ только семь миль. Прощай, carino, не забывай меня и люби хотя въ половину моего Addio. Кланяйся отъ меня П. М. и А. М. Дараганъ, да если увидишь Ставицкихъ, также засвидѣтельствуй имъ мое почтеніе. Бабушка тебя цѣлуетъ, я вчера получила отъ нихъ письмо, она, слава Богу, здорова.

Élise Storogenko.

32.

Варшава 20 ноября 1838 г.

Пожалѣй меня, милый другъ! Я осталась совершенно одна. Maman уѣхала съ Безаками въ Берлинъ и пробудетъ тамъ, я думаю, три недѣли, потомъ будутъ они возвращаться черезъ Лейпцигъ, Дрезденъ, Бреславль и Калишъ, что составитъ съ дорогою въ Берлинъ, чрезъ Познань и Франкфуртъ, около шести недѣль. Итакъ шесть недѣль буду я одна распоряжаться хозяйствомъ цѣлаго дома, а что еще труднѣе, сама принуждена буду обуздывать порывы моего несноснаго воображенія, которое сквозь призму скуки еще мрачнѣе показываетъ всѣ предметы; c'est une malheureuse disposition d'esprit, que je ne puis vaincre, et qui me coûte souvent fort cher. Au reste n'en parlons plus; je sens, que ma tête commence à monter, halte là! changeons de sujet.

Итакъ я говорила тебѣ, mio carino, что Maman уѣхала; не прошла недѣля, и Н. И. Ушаковъ уѣхалъ въ Краковъ на 8 дней. Еще три дня, и папа послѣ ночного пожара, гдѣ по его должности онъ долженъ былъ присутствовать, нашъ добрый Рара ужасно простудился, и вотъ уже недѣля, какъ его сильный ревматизмъ не проходитъ. Теперь папенькѣ гораздо лучше, я ни на шагъ не отхожу отъ столика, гдѣ онъ занимается, а иногда вечеркомъ сама ему читаю французскія газеты, или слушаю, какъ его секретарь Кименовскій читаетъ въ слухъ по-польски. Иногда, сидя у окна въ нашихъ покойныхъ креслахъ, когда Рара ходитъ вдоль по залѣ, и только изрѣдка что нибудь скажетъ, я имѣю довольно времени разсуждать и нахожу, что изъ самыхъ скучныхъ, пустыхъ обстоятельствъ можно извлечь пользу. Напримѣръ, ничего не можетъ быть хуже моего теперешняго положенія, и я, чтобы разогнать скуку, начала заниматься польскимъ языкомъ, потому что имѣю случай говорить часто по-польски. Я уже сдѣлала большіе успѣхи и начала читать Мицкевича и Красинскаго. Итальянскій мой языкъ идетъ не хуже; я читаю теперь Метастазія, Alfieri, Manzoni, comedie del signore Goldoni и даже новый романъ M. d'Azeglio „La disfida di Barletto“, за то въ разговорѣ я отстала, почти не говорю, а этотъ языкъ такъ нѣженъ, что надо говорить съ итальянцемъ, если хочешь узнать всѣ оттѣнки въ произношеніи. Такъ какъ я не теряю надежды видѣть тебя въ Варшавѣ, гдѣ французскій языкъ необходимъ, то, я думаю, не худо было бы начать нашу переписку на французскомъ языкѣ, это дѣлаетъ не малую пользу въ знаніи слога и что называютъ французы tournure de frases, безъ руссицизмовъ. Maman еще не пріѣхала изъ Берлина, пишетъ, что ей тамъ очень весело, и имъ король предлагалъ даже представиться ко двору, но онѣ отказались. Папа тебя цѣлуетъ и присылаетъ письмо одного изъ твоихъ товарищей, которое онъ нечаянно распечаталъ, но не могъ разобрать. A rivederci, carissimo amico.

P.S. Окончаніе письма я пишу тебѣ уже около 30 ноября. Папа уже выздоровѣлъ. Michel Д. цѣлуетъ тебя.

33.

Варшава 17 іюля 1839 г.

Такъ, какъ я очень рѣдко прежде писала тебѣ, мой другъ Воля, такъ теперь боюсь надоѣдать моими длинными посланіями (не говоря уже о тѣхъ, которыя недописанныя летятъ въ каминъ), но не повѣришь, какъ мнѣ пріятно говорить съ тобой, дѣлиться мыслями, чувствами!

И всякое удовольствіе я посчитала бы неполнымъ, если бы мысль о тебѣ не пришла развеселить меня, или даже заставить погрустить. Ton portrait est de beaucoup dans tous mes plaisirs. Qu'elles sont agréables, ces longues causeries de chaque soir, que nous faisons ensemble! Elles me rappellent si bien les heures que j'ai passées avec toi, mon bon ange, que je crois être encore avec toi, et mon imagination vagabonde, va lui prêter ta voix, l'expression de ton regard et toute la mobilité de phisiognomie expressive, et il me semble quelquefois voir refléter dans ses yeux, le sentiment de plaisir, de mécontentement, de bonheur et de tristesse, que je ressent moi-même. Mais je divague a ce qu'il parait. Que cela te fasse rire au moins. Но я уже отсюда вижу, какъ ты холоднымъ взглядомъ разсудка хочешь разогнать толпу этихъ милыхъ болтуновъ, которые такъ часто, не смотря на твои запрещенія, сбѣгаются развеселить меня, что какъ ты знаешь, никогда не лишнее. Н. И. пріѣхалъ уже изъ-за границы, онъ самъ тебѣ пишетъ. Папеньку мы со дня на день ожидаемъ. Князь Горчаковъ мнѣ говорилъ, что онъ черезъ три дня послѣ него пріѣдетъ. Папа бѣдненькій такъ соскучился тамъ, что отъ нечего дѣлать вздумалъ писать стихи (которыхъ посылаю тебѣ одинъ экземпляръ). Не знаю, какъ рѣшить avec ma personne, остаться ли здѣсь или ѣхать въ Малороссію. Н. И. стоитъ за первое, а папа клонится къ другому. Во всякомъ случаѣ, если даже я и поѣду въ деревню, то тебя тамъ не застану, потому что Н. И., возвращаясь изъ Бородина, возьметъ меня раньше, чѣмъ ты туда пріѣдешь. А безъ всякой цѣли тащиться на долгихъ туда, признаюсь непривлекательно. Оставаться одной также скучно въ Варшавѣ. Я такъ тороплюсь, что сама не понимаю, что тебѣ пишу. Прощай, mon chéri, не забывай нѣжно любящей тебя сестры

Élise.

Кланяйся отъ меня Фоковымъ и другимъ знакомымъ, если кого увидишь. Maman тебя цѣлуетъ. M-me Jakubowska кланяется.

Н. И. такъ перепугался, когда узналъ, что я посылаю тебѣ стихи, что разорвалъ конвертъ и не хочетъ посылать.

34.

Варшава 18 іюля 1839 г.

Я такъ обрадовалась твоему письму, милый Володя, что какъ сумасшедшая бѣгала, скакала, и плакала, какъ дитя. Да и въ самомъ дѣлѣ было чему радоваться! Я такъ долго не получала извѣстій о тебѣ,

такъ много передумала, перечувствовала!.. Ахъ знаешь, une fois que mon imagination travaille, il n'y a pas moyen de la retenir. И потому самыя черныя мысли смѣняли одна другую. Особенно теперь, когда я знаю твою жажду новыхъ ощущеній, твою пылкость и твою неопытность, мнѣ все чудится пожаръ со своими ужасами. И ты по должности или, еще хуже, по охотѣ стремишься навстрѣчу опасности, что я говорю?—ищешь ее и среди пламени, дыма, горящихъ обломковъ зданій—ужасно! Если ты меня немного любишь, милый братъ, немного цѣнишь спокойствіе обожающей тебя сестры, ты будешь беречь себя,—не правда ли, мой ангелъ? Да, ты это сдѣлаешь. Ah! je suis bien folle! Все это я прежде думала, и еще ужаснѣе были минуты, но теперь я совершенно спокойна; ты мнѣ писалъ, и когда взгляну на твое милое письмо, которое лежитъ подлѣ портрета, и всегда со мной, мрачныя мысли мои, какъ тучка, расходятся, я смѣюсь надъ собой и повторяю, que je suis une bien folle visionnaire. Впрочемъ я теперь не такъ здорова; но это маленькая indisposition, объ которой я даже не писала Н. И. Посылаю тебѣ отъ него письмо. Н. И., я думаю, скоро будетъ назадъ, рѣшительно ничего онъ мнѣ не пишетъ о своемъ отъѣздѣ; но надѣюсь, что Князь не будетъ его долго держать. Сумасшедшій Очкинъ опять перемѣнилъ прожектъ и отправился въ Дрезденъ навстрѣчу m-me X... (это, кажется, для тебя секретъ), потомъ ѣдетъ въ Маріенбадъ лѣчиться. Кажется, онъ не такъ свободенъ, какъ ты думаешь (но ни слова объ этомъ). Сейчасъ былъ у меня Мишель Дараганъ, мы все время проговорили объ Анетѣ и Ал. Я поневолѣ соглашаюсь съ нимъ, хотя и увѣрена, что онъ очень предубѣжденъ противъ Анеты. Michel тебя цѣлуетъ. Кланяйся отъ меня всѣмъ нашимъ и почаще пиши ко мнѣ. Папа послалъ тебѣ тулупъ и 500 рублей. Пожалуйста, если будешь въ чемъ нуждаться, напиши ко мнѣ, я все устрою. Вотъ мой адресъ: Ея Высокоблагородію Е. А. Ушаковой въ Варшаву. Я уже получу письмо. Прощай, пиши ко мнѣ и люби меня.

Élise.

35.

Варшава 13 августа 1839 г.

Вотъ уже четвертое письмо мое безъ отвѣта! Не знаю право, что и думать. Но я не отчаиваюсь, и хочу тебя, мой другъ, увѣрить, что мы, женщины, имѣя менѣе развлеченія, можемъ долѣе держать данное нами слово, чѣмъ вы господа гордецы, такъ много надѣющіеся на твердость вашего характера, на непреложность обѣщаній... et toutes ces belles

frases. A vrai dire, теперь меня очень занимаетъ, въ какомъ расположеніи духа получилъ ты мое послѣднее письмо. Получилъ! Я хочу сказать прочиталъ, потому что у васъ, такъ занятыхъ, между тѣмъ и другимъ проходитъ не только нѣсколько дней, но нѣсколько недѣль. Подозрѣваю, не это ли причина, по которой письма твои такъ рѣдки? Естественно, что, принимая залежавшееся письмо за новое, отвѣчая, ты все разсчитываешь, что я очень скоро получу отвѣтъ, между тѣмъ какъ я нѣсколько недѣль мучусь напрасно. Mais revenons au sujet. Ты или смѣялся, читая мое посланіе, или испугался. Въ обоихъ случаяхъ ты не правъ. Jl ne faut jamais entrer dans les excès: ni trop ni trop doit être la règle de notre conduite. J'en ai dévié et j'ai eu tort. C'est que vraiment j'étais sous l'influence des plus tristes pensées et des impressions les plus chagrines Je t'ai mandé déjà le départ de Papa, qui m'affligait tant. Eh bien il fallait quelque chose de plus pour le rendre plus penible encore. Ты вѣдь знаешь, что папа, не смотря на всѣ предложенія Князя, не хотѣлъ остаться вице-президентомъ (не стану объяснять тебѣ причины, побудившія его поступить такъ, а не иначе; это такъ долго и запутанно, что когда нибудь надѣюсь на словахъ сказать подробно обо всемъ). Послѣ долгихъ проволочекъ и разныхъ условій ему дали отпускъ. На его мѣсто назначенъ генералъ Соболевъ, ce n'est pas la peine d'en parler... Вообрази же мое удивленіе, когда всѣ эти господа (служащіе у Papa), говоря ихъ словами, столь облагодѣтельствованные, такъ облагороженные папенькой, и хотѣвшіе, изъ отчаянія, бросить службу, чтобы не быть при другомъ начальникѣ, теперь, чтобы оправдать пословицу: le chien lèche la main, qui le châtie, ползаютъ у ногъ Соболева, ужасно подличаютъ, и, чтобы поддобриться, выдумываютъ Богъ знаетъ что, на прежде боготворимаго ими начальника. Jl y a des âmes charitables, qui me rapportent tout cela. Можешь вообразить, какъ это меня печалитъ, меня, еще не привыкшую ко всѣмъ этимъ мелочнымъ интригамъ, обоюднымъ обманамъ, видѣвшей свѣтъ только съ его хорошай стороны, причесанный и раздушенный, на балѣ. Non, pour le connaitre, il faut entrer dans des subtilités si dégoûtantes, que ma plume se refuse de tracer et que d'ailleures ton âme noble et pure ne comprendra jamais. Mais il vaut mieux abréger ma lettre, encore trop longue pour ta patience; sous l'influence de ces poupées, le mieux est de se taire. D'autant plus que dans notre siècle le mépris des hommes est une fièvre maligne et je ne voudrai pas que tu l'attrappes – elle est inguérissable. Pour faire diversion à mes ennuis, écrits moi quelque chose d'agréable, et surtout garde moi ton amitié, qui est d'une grande consolation à ta toute devouée soeur Élise.

36.

Варшава 21 октября 1839 г.

Милый другъ! Сижу передъ моимъ бюро съ твоимъ портретомъ и думаю: писать или не писать тебѣ? Голосъ сердца шепчетъ мнѣ писать, а остатокъ негодованія за твое молчаніе съ оскорбленнымъ самолюбіемъ клонятъ на свою сторону и кричатъ не писать. Послѣднее чуть не взяло перевѣса, какъ явилось любопытство, а ты знаешь, женщины рѣдко противустоятъ ему, тѣмъ болѣе, если оно соединяется съ ихъ личнымъ желаніемъ. Итакъ писать. Но что скажу тебѣ, мой милый Володя? Вопросы съ такою быстротою смѣняются одни другими, что скоро засыплютъ всю бумагу. Я думаю у тебя самого голова идетъ кругомъ, и потому трудно и почти невозможно ждать отъ тебя отчетливыхъ отвѣтовъ и подробныхъ разсказовъ. А потому лучше дать пройти этой бурѣ различныхъ чувствъ, а потомъ во время тиши слушать твои милые разсказы. Слушать! развѣ читать. Зачѣмъ я теперь не съ тобой, мой милый братъ, какъ бы намъ было весело, рука объ руку гуляя по саду, припоминать былое, дни беззаботнаго дѣтства, когда такъ мало надо было, чтобы заставить радоваться или плакать. Теперь все перемѣнилось въ саду Богодуховскомъ. Нѣтъ той бесѣдки, что мы сами сплели себѣ подъ огромною липою, нѣтъ нашихъ грядокъ съ цвѣтами, арбузами и дынями. Annette помогла времени и стерла послѣдніе слѣды этихъ пріятно-грустныхъ воспоминаній. Калитка и прямая дорожка, усаженная вишнями, по которой нашъ добрый Христіанъ Ивановичъ такъ важно ходилъ, потирая руки, и гдѣ ты всегда сдиралъ клей съ деревьевъ для папы, уже не существуютъ... Извилистая дорожка, вымощенная кирпичемъ, покрыла и слѣды прежнихъ грядокъ ландышей и кустиковъ розъ, такъ береженныхъ бабушкой. А помнишь, подлѣ забора тотъ спускъ къ водѣ, гдѣ ты съ Гришей учились плавать въ ящикѣ отъ угольевъ. Тамъ теперь такъ глухо, такъ голодно, камышъ высоко поросъ на этомъ болотѣ, мохъ склизкій покрылъ плетень,— нѣтъ и щелки, въ которой виденъ былъ домъ экономa. Остался одинъ только красненькій мостикъ, черезъ заборъ котораго мы изподтишка удили...; но и тотъ не противустоялъ усиліямъ времени—глиной сѣренькой, того и жди, что распадется. Припоминая все это, я еще болѣе жалѣю, что меня нѣтъ теперь съ тобой. Какъ бы мнѣ пріятно было вмѣстѣ говорить объ этомъ, слѣдить за твоими впечатлѣніями, примѣняться къ твоимъ мыслямъ, откровенно разсуждать обо всемъ, обо всемъ, сравнивать прошлое съ настоящимъ. Особенно мысли твои теперешнія мнѣ бы очень хотѣлось знать. Но, пожалуйста, избавь меня отъ натянутыхъ описаній пріятностей зимней деревенской жизни. Эти

безконечныя переселенія къ вамъ на домъ сосѣдей, хлопоты съ обѣдомъ, ночлегомъ..., а безвыходное сидѣніе въ гостинной и эти удушливо-сладкіе разговоры барышенъ, гдѣ надо плакать надъ смертью Пушкина или смѣяться перебитой лапкѣ зайчика. Ну ужъ не говори мнѣ объ этихъ пріятностяхъ—все равно не повѣрю. Скажи лучше что нибудь объ нашемъ добромъ папа, который въ восторгѣ отъ своего сына. А, чай, маменьку ты и не узналъ,—такъ пополнѣла. Что вы тамъ дѣлаете? Что ты дѣлаешь... думаешь? Я думаю, въ кругу семьи, осыпанный ласками Maman, слушая разговоры папеньки, сердце такъ наполняется, что и мѣста нѣтъ для меня. Если это правда, то, пожалуйста, не пиши мнѣ этого, не прибавляй грусти къ теперешней тоскѣ. Пускай мысли эти, не высказанныя, бродятъ въ умѣ моемъ. Я буду вѣрить, что ты всегда обо мнѣ думаешь—это такъ пріятно быть необходимой для чьего нибудь счастья. Прощай, mon cher, люби и не забывай твою

Лизу.

Николай Ивановичъ тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Мы, кажется, поѣдемъ въ Малороссію (хотя я этого очень хочу, но...), надо будетъ, чтобы ты къ намъ какъ нибудь пріѣхалъ. Я объ этомъ пишу папѣ. Кланяйся бабушкѣ и всѣмъ Богодуховскимъ. Да еще,... но это скажу при свиданіи.

37.

Варшава 4 ноября 1839 г.

Сейчасъ перечитывала я письмо твое, милый Володя, перебирала въ мысляхъ мое первое посланіе къ тебѣ, и право сожалѣла, что въ первую минуту такъ неразсудительно сказала тебѣ, въ письмѣ Maman, нѣсколько глупыхъ выраженій. Должно сознаться, что если письмо твое немного сухо, то мое непозволительно смѣшно. И подлинно, пора отвыкнуть мнѣ отъ этихъ странныхъ въ нашемъ вѣкѣ мечтаній. Ce fatras romanesque de souvenirs patriarcals est, on ne peut plus, ridicule; je le sens, mon ami, mais... qu'y faire? Plus on avance dans la vie, plus on étudie les hommes et plus en a de mécomptes. Il n'est donc pas étonnant, qu'on aime quelquefois à fouiller dans cette foule de souvenirs longtemps perdus et s'appesantir sur quelques détails de notre confiante et rieuse enfance. Conviens, mon cher, qu'elle prend souvent un reflet si touchant, qu'on est tenté de pleurer. Mais il faut réellement couper court à tout ce bavardage, pour ne pas mettre à une trop forte épreuve mon naissant bon vouloir d'être raisonnable. Mais avant d'en finir avec mon nébuleux

jargon il faut te demander: as tu été prier sur la tombe de notre mère, qui est une bonne et palpable réalité? Elle était assez delabrée le jour où je l'ai vu. Comme je serais aise de causer de tout cela avec toi! Après avoir lu la lettre de mon mari, papa ne retardera certainement plus son retour à Varsovie et tu viendras avec lui. Quelle fête je me fais de vous revoir, mes bons parents. mon frère adoré! Les distractions ne te manqueront pas, et les fêtes de Varsovie te paraîtront plus agréables après les jours pluvieux de la campagne. Je ne regrette que nos promenades à cheval aux environs de Varsovie. Mais peut être aurons nous encore qnelques beaux jours et tu pourra juger quelle fière amazonne je suis. Tu trouveras aussi quelques connaissances de Petersbourg ici: Ozarovski, Pogodine etc. Очкинъ, Четыркинъ et Comp. очень тобою интересуются. Первый предлагаетъ даже свою квартиру. То то мы будемъ смѣяться! У меня тысяча плановъ въ головѣ, чтобы тебя повеселить, пріѣзжай хотя, чтобы они осуществились. До свиданья, мой другъ. Цѣлую ручки Maman и папеньки да кланяйся всѣмъ Богодуховскимъ. Я теперь такъ счастлива, такъ весела, что всѣхъ бы тамъ расцѣловала.

Élise Ouch.

38.

Варшава. 21 декабря.

Хотѣла дождаться бала въ Рессурсѣ, чтобы написать тебѣ, милый Володя, кое какія новости, потому что все время послѣ твоего отъѣзда были ужасные холода, а я не такъ здорова и боялась шагъ сдѣлать изъ дому, а въ домѣ такая пустота! Не знаешь рѣшительно, чѣмъ наполнить. Впрочемъ я не на шутку занялась музыкой, не знаю, долго ли это продлится, но теперь уже выучилась Ständchen Листа и меня очень заохотило. Да, я совсѣмъ отдалилась отъ принятыхъ нами условій писать каждый день что нибудь,—но какъ нарочно не было ничего замѣчательнаго всѣ эти дни, кромѣ того развѣ, что на другой и третій день послѣ твоего отъѣзда я сидѣла у папы въ 6 часовъ au petit lueur и мы все толковали о тебѣ. Потомъ присутствовала при туалетѣ Maman (на балъ). Изъ этого ты видишь, что я не принимала у себя вечеромъ, кромѣ разъ только была у меня Sophie ..... Elle est toute malheureuse, le pauvre enfant, de ne t'avoir pas dite adieu. Mais cela ne dependait pas d'elle, son mari, étant à la campagne, désirait, qu'elle resta, ce q'elle fit aussi bien à contre coeur. Jamais elle n'était serrée de si près! Aussi ce qu'elle a de mieux à faire c'est de prendre son courage à deux mains et—se resigner. Je crois qu'on désire pour preuve première, qu'elle se montre en société

avec le mari et qu'elle cesse ses visites... où tu sais. A la dernière proposition elle ne veut pas consentir et pour remplir la première ils vont demain au concert le matin et puis au théâtre. Si tu m'ai juré d'avance que toutes mes lettres seront brulées tout de suite après avoir étés parcourues, j'aurais peut-être beaucoup de choses à te dire mais de bouche à oreille et si toutes fois je ne l'oublie pas.

22. Je t'envoye ci-joints deux *Kurier Warszawsky*, le premier, après avoir lu, tu enverra à M-me Boulgarine de la part de papa; je crois, que c'est une revue de tout ce qui a été fait et construit à Varsovie dans l'espace de l'année passée (nouveau style). Dans le second tu trouvera la description du bal de la Ressource, qui fait grand bruit, et aussi un billet d'invitation, que messieurs les négociants ont envoyés pour toi. Il y avait encore deux soirées chez le Prince, au quelles, comme au bal nommé déjà, M-me Prochak à manquée et les mauvaises langues s'accordent à dire des choses trop flatteuses pour monsieur mon frère. Hier Gerasimoff et Романъ Сергѣевичъ sont venus me voir, on attend avec impatience tes lettres de Kovno avec un rapport en règle pour Golitzine.

J'ai eu du monde aujourd'hui soir. M-me Tcherevine est venue me voir, puis vient M-me Jakoubovska, le Prince Golitzine, Otchkine etc. et nous avons veillés jusqu'à minuit, ça se voit au reste d' après mon ecriture. Adieu, mon cher et bien cher ami. Je vais dormir en te souhaitant un bien doux sommeil et de jolis rêves.

J'étais tellement fatiguée hier, qu' à peine ai je pu tenir ma plume, et comme sans cela l'écriture n'est pas par ce que je brille, je doute fort que tu parviennes à la déchiffrer; fais ce que dois, avienne ce que pourra, dit le proverbe, et tu me pardonnera d'y tenir de deux côtés, fut-ce même avec des pertes pour toi. Dans la vie de Ратуша rien ne change excepté les visites de Michel, qui se cramponne à son amour-propre blessé et ne veut pas faire des avances. Moi, je le vois chaque jour, et tous les après-diner, quand je fais de la musique, Миша, mon mari et Ник. Иван. играютъ въ преферансъ. Марія Сергѣевна уже три раза была у меня. Мы къ ней сегодня собираемся всѣ вечеромъ, всѣ, т. е. Голицынъ, Очкинъ, Четыркинъ и т. п. Maman же послѣ концерта скрипача Сиворн ѣдетъ на вечеръ къ Лохтиной. Андреевъ очень простудился и боленъ, что мнѣ весьма досадно, ибо хотѣла пригласить Ноха давать мнѣ уроки. Впрочемъ, можетъ быть, это къ лучшему, потому что рѣшусь принять Шифа, чтобы хотя послушать, какъ онъ играетъ Листа. Мнѣ кажется, что мы уже Богъ вѣсть какъ давно не видѣлись. Хочется такъ много сказать, даже въ пустякахъ посовѣтоваться, а посмотришь, — самое главное забудешь. Прощай, mon cher, ты знаешь, что значитъ, когда Н. И. торопитъ. Онъ тебя цѣлуетъ, также какъ и всѣ наши, и спрашиваютъ, не

забылъ ли ты всѣхъ поклоновъ и порученій отъ нихъ въ Петербургъ. Бери примѣръ съ меня въ аккуратности, пиши подробно и не забывай нѣжно любящей тебя сестры

Élise Ouchakoff.

39.

Варшава 5 февраля 1840 г.

Не стану тебѣ описывать пустоту и скуку, какую здѣсь оставилъ твой отъѣздъ, — также радость нашу при полученіи перваго твоего письма трудно высказать. Папа былъ въ восторгѣ, а мы всѣ и говорить нечего. Я думаю, ты уже перебрался на новую квартиру; какова она? Вообрази, я въ ужасныхъ хлопотахъ: Княгиня пріѣхала и Свѣтлѣйшій ускорилъ свой отъѣздъ въ Петербургъ. Они ѣдутъ черезъ пять дней, — а твой сюртукъ еще въ работѣ. Онъ будетъ изъ темно-оливковаго Kaisertuch.

Папенька уже перешелъ на свою старую квартиру. Она теперь очень выгодно расположена, прекрасно наново отдѣлана и до сихъ поръ въ большомъ порядкѣ. Катерина Михайловна почти всѣмъ занимается. Maman въ восхищеніи, что имѣетъ ложу въ театрѣ. Папа еще не вошелъ въ прежній образъ своей жизни; очень серьезно занимается службой: ѣздитъ аккуратно каждый день въ театръ, когда Князь тамъ, не пропускаетъ ни одного торчанія на маневрахъ и балахъ, совсѣмъ не играетъ въ карты. Впрочемъ веселый юморъ еще поддерживается воспоминаніями о Малороссіи и о твоемъ пребываніи здѣсь. Да, не повѣришь: папа сдѣлался ужаснымъ романтикомъ; все говоритъ о чувствахъ? Мой добрый папа! Я вполнѣ чувствую его, и понимаю его прекрасную душу. Онъ самъ себѣ боится сознаться, сколько груститъ по тебѣ. Но, я вижу, ты насмѣшливо улыбаешься; чтобы совсѣмъ не разсмѣшить тебя, прерву этотъ чувствительный разговоръ. А право жаль, что въ твои лѣта ты такъ прозаически положителенъ. Что будетъ позже. Будешь подводить подъ градусы теплоту душевную, а подъ цифры количество чувствъ? Воспоминаніе о Варшавѣ вѣрно развеселитъ тебя (если ты скучаешь). Начну съ баловъ. Недавно были имянины M-me François Potocki и по этому случаю было много увеселеній въ польскихъ домахъ. Былъ балъ у Бадени, а у Любовидзской театръ de société. Посылаю тебѣ стихи, пѣтые въ честь ея (Caroline); это тебя забавитъ. Потомъ балы: у князя въ четвергъ, у Шипова, у Млокосевиче-

выхъ и т. п. Недавно папа обѣдалъ у Четыркиной съ мужемъ. A propos: Р. С. проситъ тебя нанять *имъ* квартиру не надъ воротами, какъ прошлый разъ, потому что стукъ подъѣзжающихъ экипажей мѣшаетъ ему предаваться пріятнымъ впечатлѣніямъ.

Папенька, маменька, Катер. Мих. и Миша тебѣ кланяются.

40.

Варшава $\frac{18\ февраля}{1\ марта}$ *1840 г.*

Благодарю тебя, милый другъ, за послѣднее письмо. Оно такое миленькое, что я съ удовольствіемъ отвѣчаю, да постараюсь какъ можно подробнѣе. Чтобы потѣшить, начну съ Sophie. У нихъ недавно былъ танцовальный вечеръ, пышность отвѣчала ихъ богатству, ужинъ такой, какъ нигдѣ. Николай Иван. разскажетъ тебѣ разныя подробности объ этомъ вечерѣ и его послѣдствіяхъ. Все это довольно глупо. О другихъ балахъ и говорить трудно—ихъ было девять, а еще приготовляются четыре; всѣ дни разобраны до самаго поста. Княгиня, кажется, дастъ послѣдній балъ и тѣмъ закроетъ польскій карнавалъ. Княжны начали выѣзжать; онѣ очень поправились въ Парижѣ, особенно Настинька очень похорошѣла. Княгиня меня такъ приняла, что я и не ожидала. Цѣловала меня, хвалила мое умѣнье держать себя въ обществѣ и т. п., а въ заключеніе подарила pour souvenir для вытиранья перьевъ фигурку. Папа болѣе чѣмъ когда восхищается Лейхте и бранитъ Кошульку. Этотъ человѣкъ его совершенно очаровалъ. Блюменфельдъ недавно ѣздилъ въ Хенцины за счетами и вообрази... шнуровая книга пропала и счеты не записаны. Это папу ужасно бѣситъ. Окончательно не рѣшено, кто правъ, кто виноватъ. Кажется, все упадетъ на бѣднаго Ковальскаго. Папа теперь почти каждый вечеръ играетъ въ карты съ Княземъ часовъ до десяти, а потомъ ѣдетъ на балъ или куда случится. Обѣды почти каждый день и такъ ему допекли, что онъ проклинаетъ всю эту кутерьму. Да, право, онъ не одинъ обрадуется окончанію карнавала. Это такъ утомляетъ! Погодинъ вѣрно разсказалъ всю chronique scandaleuse de Varsovie,—а свадьбы вѣрно тебя не интересуютъ. Впрочемъ наши скоро будутъ въ Петербургѣ и все тебѣ разскажутъ. Меня ужасно интригуютъ эти разныя и разныя перемѣны, съ тобой случившіяся. Неужели?... но нѣтъ. Подожду возвращенія изъ Петербурга Н. И. и Очкина и уже заранѣе смѣюсь ихъ разсказамъ. Прощай, mon cher, я ужасно тороплюсь и только имѣю время сказать тебѣ: прости.

Всѣ тебѣ кланяются и цѣлуютъ. Папа проситъ писать понѣжнѣе, а не приказнымъ слогомъ доклады; онъ, кажется, завидуетъ, что ты такъ мило и просто пишешь ко мнѣ. Вольно-жь было толковать все: пиши о дѣлѣ, а глупостей не пиши. Я съ папой все объ этомъ спорю; онъ увѣряетъ, что ты его не понялъ, а я говорю, что ты исполняешь пунктуально его волю. Дѣлай, какъ знаешь, чтобы согласились обѣ стороны.

41.

3-го марта 1840 г.

Вѣрно Н. И. уже въ Петербургѣ и ты уже съ нимъ, мой милый Володя. Опять возобновлены ваши прежніе разговоры... а сколько новаго прибавилось къ нимъ!... Съ какимъ нетерпѣніемъ буду ждать Н. И., чтобы узнать подробнѣе эти разныя и разныя перемѣны, случившіяся съ тобой, которыя только подозрѣваю изъ маленькихъ нескромностей твоего письма. A propos, папа очень доволенъ твоими теперешними посланіями. И въ самомъ дѣлѣ они премиленькія! Надо было эту болѣзнь, это всегдашнее одиночество, располагающее къ мечтательности, и, если хочешь, разслабленіе физическихъ силъ, дѣйствующее сильно на мораль и умягчающее нервы,—органы, производящіе нѣжность,—все это, говорю, необходимо было, чтобы возвратить тебя къ прежнимъ теплымъ, юнымъ чувствамъ, которымъ идеи о матерьяльности, необходимой для истиннаго благополучія, угрожали нанести сильный ударъ своею холодною, прозаическою существенностью. Ахъ, Боже мой! ея и такъ уже довольно. Чтобы мириться съ жизнью, надо ее какъ можно болѣе поэтизировать, и какъ можно дольше держаться за мечты молодости, которыя и такъ черезъ чуръ скоро пройдутъ и разсѣятся опытностью. Laisses toi devenir vieux petit à petit avec l'age et l'expérience. Mais non, que dis-je, il vaut mieux rompre tout d'un coup avec tout cela et vivre par le ouï-dire, modelant sa vie sur celle d'autruis, que d'éprouver sur soi-mème la pesanteur du désenchantement. Réellement je crois, que l'expérience est une bonne chose, quand on l'emprunte, mais elle coûte horriblement cher quand on l'achète. Eh bien, vois tu pour ces choses là le matérialisme est très bon, je crois. Il vous fait prendre moins au serieux tous ces petits désillusionnements, car, matérialiste, on ne vit que pour soi, on n'accorde que ce que l'on peut sans se nuire, et jugeant les autres par soi-même, on ne se fait pas d'illusions sur la noblesse de leurs procédés, on n'attend d' eux, que ce que réellement ils peuvent donner, et l'on n'a pas de mécomptes. Mais mes pensées tournent aujourd'hui comme une girouette;

j'étais tentée de dire qu'une illusion... voilà notre bonheur. Mais, pour éviter cette scabreuse idée, je passerai de la morale à la narration, pour te dire un peu le train de vie que je mène. La première semaine du carême n'est pas très bien vue après les plaisirs du carnaval ordinairement. Quant à moi, elle me fait plaisir, cette vie tranquille me délasse et j'aime assez ce monotone tintement des cloches, appellant les croyants aux églises, et qui, en vous rendant triste, vous fait du bien. Il n'y a rien de plus contrastant dans les jours du carême qu'une ville catholique. Cette excessive dévotion, qui va jusqu'au bigotisme, et cette naturelle frivolité du caractère polonais, font une lutte curieuse à voir. Pour l'arrivée du Grand Duc Héritier on prépare touts les amusements possibles, entre autre il y a des tableaux vivants, qu'on tâche d'arranger. C'est un grand triomphe pour la vanité —mais c'est carême. Eh bien imagine-toi, qu'il y a des dames, qui, pour les jours maigres, s'habillent en noir, ne font pas de toilette, n'osent même pas porter des bagues et qui pourtant se décident à poser dans un tableau; n'étant pas des acteurs je m'amuse fort à la comédie. Si cela t'amuse, je te dirais ce qui est décidé quant à présent. Il y a d'abord le grand tableau, restauré: La Peneloppe, où posent: le comte François Potocki, M-elle Beklémicheff et six autres. De deux côtés du tableau principal il y a deux portraits. L'un, représenté par la jeune princesse Настенька, et l'autre: *La châtelaine* par... devine?... pour ne pas te tourmenter, je te dirai, que c'est M-me Bezak. Aucun sourire n'est permis. La Princesse l'a forcée malgré elle, pour être avec sa fille. Puis vient *Le Diamant*: M-me Isabelle Starzyńska, M-elle comt. Grabowska et Constance Gourska; puis je crois M-me Steinkeller et le reste n'est pas decidé. Je t'écris tout cela, car je n'aurais pas le temps de le dire à mon mari, tu t'en chargeras. Après le concert il y a un raout. J'ai réfusé net et ce serait vraiment mentir à mon caractère, que de participer à des bêtises pareilles, on en fait déjà trop comme çà. M-me Ripus est, venu me voir. Je n'est pas encore été chez elle—c'est une corvée pour moi que ces visites, et je suis toute contente, que le départ de mon mari est un pretexte suffisant pour mes rares sorties. La grande question de la peinture est decidée! J'ai commencé ma petite table, elle m'amuse fort, et avec un peu de musique me remplit toute la matinée. Je me lève à 7 heures, je prends mon thé, puis je m' habille, je marche en buvant de l'eau, je brode et voilà ma matinée trop courte pour tout ce que je dois faire. A deux heures je dine chez Papa, ce qui entre nous me dérange très fort; l'après-dînée chacun passe de son côté. Papa fait la sieste ordinaire, Maman et Катюша se couchent pour lire, et moi, je m'installe très carrément dans le grand Voltaire du salon pour étudier Lesage ou Boiste, ou bien, ce que je préfére, Vénéroni et Alberti de deux côtés, je m'amuse avec Alfieri ou je pleure avec Métastase. A 6 heures et demi on vient très prosaïquement me rappeler à la réalité et d' une voix discordante on me file: Васъ просятъ кушать чай. N'en déplaise aux chers

poëts, qui me tenaient compagnie—le thé substantiel me parait bien appétissant. La soirée nous passons *tous ensemble* à faire la causerie, à jouer etc. puis vient le souper, on parle encore et quand tout le monde se retire, je reste encore pour faire compagnie à Papa, qui aime à veiller, comme tu sais. J'aime beaucoup la conversation de mon angelique père. Puis il me compte à présent plutôt en amie qu'en enfant, qui l'amuse, comme autre fois. Il me dit sa vie passée, si remplie d' épisodes interessants, puis ses plans, ses espérances dans l'avenir. Nous parlons souvent de toi. Ah! Comme il t'aime, ce bon père! S'il est possible d'aimer plus, que je l'aime déjà, assurement mon amour pour papa s'est triplé, depuis que je connais plus à ond ce noble et loyal caractère et pardessus tout son inépuisable tendresse pour toi, mon idole. Papa dit, qu'il rajeunit avec moi; eh bien, sais tu, moi, e vieillis. Ne ris pas, mon bon frère, ou bien que ce soit pour te réjouir. Mes raisonnements m'étonnent moi même quelquefois par leur justesse. Et, ce qui annonce surtout la maturité de l'âge, c'est cette incompréhensible indulgence (que tu me prêchais toujours) pour la déloyauté et défauts en général des autres: moi, qui, étant sévère pour moi meme, m'effarouchai au moindre signe de basesse, j'ai seulement un peu de pitié. Je regarde surtout avec beaucoup de sangfroid, et c'est le meilleur moyen d'être tranquille. Comme mon bon mari sera content de mes dispositions pacifiques pour le genre humain. En verité toute cette espèce pensante et parlante ne vaut pas la peine de se tant tourmenter. Et quelle idée aussi de se prendre à elle de ce, que nous sommes trompés dans nos attentes et nos illusions, comme si réellement elle nous avait donné la promesse de remplir nos utopies extravagantes. D'ailleurs elle n'est pas si mauvaise comme on la dit. Помнишь твою мысль, что есть добрыя души, изъ-за которыхъ миришься съ людьми. Quant à moi, je suis si heureuse, quand je suis au coin de mon petit feu, dans ma chaude douillette, que j'oubli la nature entière. Мы иногда пьемъ чай втроемъ съ Мишей и Катер. Михайл. и проговоримъ до часу ночи. Бѣдная Катюша! Когда нибудь мы вмѣстѣ погорюемъ объ ней. Недавно разсказывала она намъ подробности ея ужасной жизни и право меня такъ разстроила, что я совсѣмъ больна. Право, меня, кажется, избрали въ Ange Consolateur. Я опять слышала жалкую повѣсть. Я смѣюсь, мой милый Володя, чтобы. остановить слезы, вертящіяся въ рѣсницахъ при одномъ воспоминаніи En envisageant tant de malheurs réels, mon Dieu, comment ne pas Te remercier pour la moindre joie, que tu nous donnes! Pauvre enfant, elle dit que mon coeur me récompensera tout le bien, que je lui fais. Je lui crois, car je suis contente de moi et c'est déjà du bonheur.

42.

7 мая 1840.

Hippolite Coniar part demain pour Pétersbourg avec sa mère et ses deux frères et me prie instamment de lui donner un petit mot d'interduction auprès de toi, mon bon frère, oubliant, que son titre de frère de Sophie Zass est déjà une recommendation très valable près de toi. N'importe, et quoique encore malade, je te dirais quelques mots. En premier lien je t'adjure de mériter les bonnes grâces de M-me Coniar et puis tu feras de ton mieux pour gagner l'amitié d'Hippolite, qui est un charmant garçon. La dessus je couperai court en te priant de dire à Anette, que j'ai reçu sa lettre avec la personne recommendée, notamment le Général Zass, qui a été deux fois chez moi.

Pour l'arrivée de l'Empereur nous avons foule de monde, qui nous arrive de Pétersbourg. On fait assez de frais pour leur rendre le séjour de Varsovie agréable. Demain encore il y a au Château grand bal et théâtre d'amateurs pour la fête du Maréchal; je suis malade depuis quelque temps et ne partirai pas à ces réunions. Maman a aussi une forte toux et un peu de fièvre. Papa va bien, est assez gai. Mon mari te baise les deux joues et moi te salue.

Adieu, mon cher.

Élise.

43.

2 іюня 1840.

Право ты поставилъ меня въ довольно смѣшное положеніе! Что я теперь напишу Любинькѣ, требующей отъ меня объясненія вины, чтобы оправдаться! Если скажу правду, то—adieu vos longues causeries, si interessantes sous leur voile mysterieux etc. etc. Je suis au bout de mon latin! C'est que réellement je suis d'une disposition d'esprit insoutenable pendant tout ce temps-ci. Tous mes efforts pour secouer cette détestable lourdeur d'imagination viennent se briser contre... C'est que je radote tout de bon, je crois. Ne t'en formalise point, mon ami, fais, comme si rien n'était dit, et pour ne pas pleurer, ris avec moi de ma *paresse*, car, vois tu, nous sommes

au premier du mois de Juin et la lettre est commencé le 18 Mai. Pourtant, les choses de la plus haute importance ont eu lieu. L'arrivée et le départ de S. M. L'Empereur, par exemple. Puis la mort de Roi de Prusse, qui a renversée tant et tant de châteaux en Espagne. Tout cela tu le sais par les journeaux, mais ce que tu ne sais pas, c'est que demain nous sommes à souper chez Nepokoitchicky avec la Pr-esse Jablonovska et M-me Chodkievitch. *On se gorge d'ennui,* doit servir d'étiquette à tous ces reunions disparates. De peur de te faire voir toute ma mauvaise humeur, en tonnant contre tous les piqueniques du monde et de Varsovie en particulier, j'en resterai là avec une plume, qui refuse de se mouvoir dans cette pesante atmosphère d'ennui. Adieu, mon bon ami, ne te moques pas trop de moi, en pensant que toujours, et à travers les prismes de toute couleur de notre imagination, qui varie tant notre manière de voir, mes sentiments pour toi resteront seuls invariables.

Élise Ouchakoff.

Отошли письмо К. М. къ Натальѣ Андреевнѣ. Pour faire passer la mauvaise impression, que ma rêverie te laissera, je prierais mon mari de t'ecrire quelques mots avec sa bonté et sa justesse ordinaires, qui vraiment me reconcilient avec le monde.

Въ половинѣ второго ночи Лиза кончила свое маранье и я сажусь въ свою очередь, полусонный, какъ и она, сказать тебѣ нѣсколько словъ, милый дружокъ мой Володя. Если я начну съ того, что мы здоровы и живемъ по прежнему, то ты въ правѣ замѣтить, что это старая пѣсня. Правда, во всемъ, что ты здѣсь видѣлъ, перемѣны никакой, исключая погоды; но и та не отличается въ нынѣшнемъ году: дожди почти ежедневные. Да, вотъ что новое: Лизѣ поручилъ папа переводить съ старой французской рукописи статью о малороссійскихъ казакахъ и она очень серьезно занимается этимъ дѣломъ [1]).

Пріѣздъ Государя въ Варшаву въ нынѣшній разъ былъ несчастливъ. Смотръ кончился для насъ безъ царскихъ милостей: все отложено до другаго посѣщенія, т. е. до сентября. Тяжкая болѣзнь прусскаго короля была причиною, что Государь изволилъ уѣхать отсюда совершенно неожиданно. Добрый и постоянный союзникъ Россіи скончался,

[1]) Рукопись, о которой идетъ здѣсь рѣчь, озаглавлена: Mémoires historiques sur les Cosaques de la Petite Russie et sur les Cosaques Saporoviens. Она представляетъ краткій очеркъ исторіи Запорожскаго и Малороссійскаго козачества, составленный исключительно по нѣмецкимъ историческимъ сочиненіямъ, какъ-то: по Стрыйковскому, Гейденштейну, Пясецкому, Коховскому и др. На рукописи штемпель: Ex Bibl. Joach. Com. Chreptowicz. Можно думать, что она составлена въ концѣ XVIII вѣка.

и мы теперь здѣсь въ траурѣ. Театры закрыты. Не взирая на краткость пребыванія въ Варшавѣ, Государь успѣлъ по-царски наградить фельдмаршала: ему пожаловано имѣніе близъ крѣп. Иванъ-Города. Имѣніе это называется Денблинъ и принадлежало нѣкогда Маринѣ Мнишекъ; оно стоитъ 2 мил. злот.

Фельдмаршалъ съ семьею своею, Козловскимъ, Беклемишевымъ и еще нѣкоторыми поѣхалъ туда по Вислѣ на пароходѣ, принадлежащемъ Штейнкеллеру, и недавно доставленномъ сюда изъ Англіи. Видишь-ли, сколько у насъ интереснаго; но погоди, это еще не все. Катенинъ по болѣзни уѣзжаетъ на 6 мѣсяцевъ за границу и на его мѣсто нач. шт. 1-го корп. назначенъ нашъ адъют. князь Голицынъ. Можешь представить, въ какихъ онъ хлопотахъ. Очкинъ тебѣ кланяется и принялся нарочно для тебя перечитывать вновь profession de foi. Онъ ужъ написалъ пятую строку отвѣта къ тебѣ. Четыркинъ все возится съ Туркуломъ, который здѣсь. Осталось сказать самое важное: папа продалъ почту, т. е. одни строенія почтов. въ Хенцинахъ за 25 т. зл. въ казну и деньги отправляетъ завтра съ Степой [1]) въ Малороссію на уплату долга. Едва дотянулъ до конца. Прощай, мой дружочекъ! Пиши къ намъ такъ же часто, не смотря на неаккуратность Лизы, и вѣрь, что мы часто, очень часто вспоминаемъ о тебѣ. Цѣлую тебя 1000 разъ.

P.S. Поклонись отъ меня роднымъ и скажи, что я ихъ всѣхъ обнимаю и буду непремѣнно писать въ слѣдующую почту. Впрочемъ послѣднее письмо я отправилъ къ нимъ недавно, а именно ровно за недѣлю предъ симъ.

44.

Varsovie 18 décembre 1840.

Dis-moi de grâce, mon ami, que fait-on pour faire pousser des idées, former des phrases, les mettre sur papier et le tout dans des bornes connues, dans des formes exigées pour ce, que dans le genre épistolaire on désigne sous le nom de lettre? Ha? Moi décidément je m'y perds. Hier j'ai mis toute une soirée à ecrire une interminable Jérémiade à mon mari et aujourd' hui me voilà toute triste de l'auto—da—fé, que j'ai faite de ma belle epître larmoyante. Je tisonne mon feu depuis des heures entières, espérant,

[1]) Ограновичемъ.

que quelques flammes roses ou bleues, que je ranime, m'inspireront de riantes images à t'envoyer. Vaine attente! Mon imagination commença à tirer de l'aile, le bel édifice de mes rêves et de mes convictions poétiques vacille dans sa base et ma plume boite terriblement. C'est que les cordes de la Harpe divine, qui m'inspirait, se sont détendues et ne donnent que des sons faux sous mes doigts étonnés. Oh! triste, bien triste! Carino, que veux-tu, il y a de ces langueurs, qui résistent à toutes les forces morales et physiques. Laissons cela, mon petit, prends, que je n'ai rien dit, et causons. Parlons de toi d'abord. Mon bon mari m'a fait une joie infinie, en me parlant tellement au long de tout ce, qui te concerne. Il a poussé la complaisance jusqu'à m'envoyer un plan très détaillé de ta chambrette de garçon avec tous ses attributs indispensables. C'est comme un cadre avec une toile toute prête pour recevoir les vives couleurs, que mon imagination donnera à ta vie interieure. Avec l'aide de mon mari je ferais de charmantes équipées dans le pays des chimères. A présent il me manque terriblement! Dans mes heures de tristesse j'aimais tant à rencontrer son regard toujours invariablement affectueux; sa parole toujours douce, indulgente, consolante, apaisait mes caprices, et sa main amie répondait toujours à la pression de ma main timide et reconnaissante. Décidément il est trop bon pour moi, et je ne vaux guère le soin, qu'il prends de ma petite et maussade personne. Il y a trois jours, j'ai fait à Papa la lecture de Венелинъ sur la langue et littérature Serbe et des Slavons du midi en général. Признаться, одолжилъ особенно, когда пришлось коверкать Сербскія пѣсни. Слогъ вообще очень тяжелъ; но папа отъ него въ восхищеніи за якобы-то новую мысль объ Аттилѣ, ты знаешь! Это, кажется, конекъ, на которомъ Венелинъ всегда выѣзжаетъ, какъ только имѣетъ случай или даже совсѣмъ безъ случая по книгѣ (en marge). Теперъ я папѣ читала проповѣдь Іосифа Симашка, Архіепископа Виленскаго, бывшаго уніатскаго священника. Насчетъ денегъ я говорила папѣ и онъ обѣщалъ дать; хотя никакъ не можетъ убѣдиться, что теперь офицеръ можетъ издерживать нѣсколько тысячъ, тогда какъ онъ едва ли имѣлъ нѣсколько десятковъ рублей въ годъ. Скажи Н. И., что его ужасно тяготитъ, почему нѣтъ извѣстія объ наградахъ и отчего онъ какъ бы въ наказаніе попалъ въ представленіе вмѣстѣ съ тѣми, которые худо учились. Насчетъ Фурмана и разныхъ другихъ перемѣнъ мы давно знали. Поздравляю тебя съ повышеніемъ [1]), теперь не стыдно будетъ пріѣхать къ папѣ, если онъ самъ не попадетъ въ Петербургъ. Засимъ прощай, мой миленькій, я ужасно устала!

Цѣлую тебя, а скоро прибавлю: и благословляю.

Élise Ouchakoff.

---

[1]) 6 декабря 1840 г. Влад. Андр. былъ произведенъ въ подпоручики.

45.

Varsovie 19 juillet 1841 r.

Tu ne saurais croire, mon bon Voldémar, combien le ton fatigué de tes dernières lettres me tourmente Y aurait il réellement quelque chagrin serieux au fond de tout cela, ou n'est ce que la fermentation de la jeunesse, des tristesses sans cause, de vagues rêveries, où l'esprit accablé de pensées indécises et flottantes, à l' unisson du coeur, le complait presque dans la souffrance. Peut-être n'est ce rien de tout cela. Une nuée fugitive, l'impression du moment ou bien seulement des fantômes de tristesse, que ma tendresse effrayée redoute pour toi? Je n'en sais rien, mais cela m'attriste et je donnerai beaucoup pour être auprès de toi en ce moment, écouter tes confidences, te consoler, s'il le faut, ou rire ensemble de mes sottes frayeurs. Tu devrais être au tant soit peu plus expansif dans tes missions pour moi, mon ami, cela t'ôterait la moitié de tes peines, si petites qu'elles soient, et tu rendrais le bonheur doublement précieux, car tu le saura partagé et senti. Et puis vois tu, je crois que c'est déjà du bonheur, que de pouvoir avec confiance épancher toutes ses pensées sottes, gaies ou tristes sans crainte de blâme ou de censure. Du bonheur, si je continuais sur ce ton là, ce serai à n'en plus finir et j'ai besoin du papier pour te dire quelque chose de plus substantiel, surtout beaucoup plus interessant, que ces divagations nébuleuses, que tu exécre. Il te suffit de connaitre, que tout ce, que tu me dis, est compris de l'âme et senti par le coeur. Et si tu veux véritablement me faire plaisir, tu changera le contenu contraire et tourmenté de tes lettres. Et par un langage naturel, tu leur fera perdre ce ton de rapport militaire à l'officier superieur, qu'ils sentent d'une lice. Pour en revenir donc à nos chers voyageurs, je te dirai, qu'ils sont depuis quelques semaines à Carlsbad. Papa va très bien à ce qu'il paraît, prend le schprudel, les bains chauds, marche beaucoup, pense à sa toilette, aux réjouissances, et se trouve parfaitement gai et dispos. Maman m'écrit, qu'elle regrette un peu la vie de Varsovie; naturellement elle n'a pas ses aises en Allemagne comme elle les avait ici et puis le déplacement est toujours un grand embarras. Je ne dis point pourtant, que cette vie d'oiseaux de passage me déplairait, tout le contraire peut-être. N'importe; bientôt ils quitteront Carlsbad pour aller à Töpliz faire une cure de trois semaines et de la à Berlin et Dresde pour ne revenir à Varsovie, que vers le fin de septembre. Koko aura alors déjà sept mois et aura justement l'humeur d'amuser Papa par ses gentillesses. Tu ne saura imaginer, comme il devient gentil, ce petit bonhomme! [1]) A croquer rien qu'à le voir, je t'assure. Bah! J'oublie l'essentiel: Ию-

[1]). Сынъ Елис. Андр.—Андрей, умершій младенцемъ.

бовь Ивановна compte partir mercredi pour St. Pétersbourg.... Прощай, carissimo fratellino, цѣлую тебя, кланяйся нашимъ, если увидишь. Н. И. тебя обнимаетъ, Очкинъ также просилъ кланяться и Р. Сер.

Что мнѣ добавить здѣсь, любезный дружокъ Володя? Лиза сказала уже, что я тебя цѣлую; повторю еще разъ тоже самое и тутъ хоть въ пень становись: ничего не выдумаешь, развѣ въ другой разъ побранить за хандру, причины которой право не разгадаемъ, пріѣзжай-ка скорѣе къ намъ, авось мы тебя обогрѣемъ послѣ Петербургскихъ льдовъ. Лагерь вашъ на дняхъ, кажется, оканчивается, а тутъ всякій порядочный человѣкъ ѣдетъ въ отпускъ. Надобно тебѣ познакомиться съ нашимъ малюткой, который восхищаетъ насъ ежедневно. Вотъ тебѣ случай поинтриговать Любочку, т. е. не Любовь Иван., а нашу близкую. Она написала намъ два маленькихъ письмеца; скажи, что я обѣщалъ дать тебѣ прочитать, когда будешь въ Варшавѣ. Я пишу теперь же къ роднымъ; но какъ Ваню ты вѣроятно увидишь прежде, то обними его за меня и кланяйся Дараганамъ и прочимъ знакомымъ.

46.

29 décembre 1841 г.

Penses tu bien souvent à moi, cher petit frère? Tu vois, que je persévère dans mes résolutions et t'écris à peu prés, chaque jour; tant je suis heureuse de te faire quelque plaisir en charmant les ennui sde l'absence par de minutieux détails sur le genre de vie, que nous menons sans toi. Aujourd' hui par exemple, j'avais du monde à dîner; mon mari et ces messieurs on fait une partie de whist, ce qui nous a menés jusqu'à l'heure, quand Maman et tant d'autres sont allés au concert de Servais; le concert ayant fini très tôt, elles ont recruté Papa, Sophie, Op. Евецкій et sont venus finir la soirée chez moi, en prenant une tasse du thé. Papa s'emparant de la conversation l'a mené on ne peut plus agréablement jusqu' à minuit. Jamais je ne l'ai vu si tendre et si prévenant pour moi, il ne parle que de moi et de l'amour qu'il me voue. Ce bon Papa, oh! je le lui rends bien.

Nous avons reçus tes lettres de Ковно et de Pétersbourg; tu n'a pas d'idée comme Papa a été heureux de te voir si exact, d'autant plus, que hier encore il me taquinait sur mon trop de confiance dans tes promesses.

30 Décembre.—Aujourd'hui Papa est venu de nouveau me voir; le matin j'ai pris ma bain et ne pouvais pas sortir. Le soir il y avait bal pour les pauvres à l' Hôtel de ville, et Maman, ne voulant pas manquer le théâtre, m'a priée de tenir compagnie à Papa, qui restait seul. Otchkin aussi

s'exécuta de bonne grâce, mais il n'a tenu que jusqu'à 9 h. où, prétextant quelques affaires, il partit, cédant place a Романъ Серг., le quel, tout effaré de son emploie de Président de Comité des pauvres, et par là régisseur du bal, arriva le premier pour assister à l'éclairage des chambres. Plus tard, le salon de Papa ne désemplit pas, or visiteurs fatigués du bal venaient s'y reposer et jouer une partie. Dans le brouhaha d'équipages à peine pût on trouver le mien, et en partant, je l'ai réellement échappé bel, car du train, dont allait la mazourka là haut, il était à craindre qu'on ne depouça le plafond. C'aurait été une soirée digne de la plume de Brambeus.

2 Janvier 1842. La veille du jour de l'an, nous l'avons passé en famille. Papa et H. Иван. après avoir pris le thé allèrent au bal du Comte Zamoyski et revinrent vers minuit, en nous racontant maintes et maintes anecdotes. Nous l'avons passé gaiement, remémorant le passé pour avoir le bonheur de l'oublier où bien y puiser de douces impressions pour affronter courageusement le temps à venir. Sophie nous a manquée, elle était retenue par la maladie de M. Ostrosabline. Au reste je ne suis plus si inquiète pour elle; quoique pour le bonheur sa position n'a pas changée, au moins, en comptant courageusement sa position vis à vis son mari et son père, est-elle plus tranquille. Tu conçois bien, que la réconciliation n'est que simulée. Elle l'a bien fait entendre à son mari, qui consent à tout pour l'avoir seulement près de lui. Si je suis pour quelque chose dans tout cela, j'en suis bien aise vraiment, car le vieux C. .. est aux anges. Avec des larmes aux yeux il remercia Sophie, en disant que c'était le plus beau jour de sa vie. Essuyer les larmes d'un vieux Père? Mon Dieu, quels sacrifices ne ferait on pas pour cela! Que le bon Dieu la soutient et lui donne la force de poursuivre la rude tâche qu'elle entreprend. J'aime à me persuader que c'est une noble action, pour ne pas être saisie d'épouvante en songeant, qu'elle n'a que vingt ans. Mon Dieu, Mon Dieu! quelle récompense assignez Vous pour toute existence brisée, toute une vie de tourments?

3 Janvier.

Je t'écris de grand matin aujourd'hui, afin d'être prête pour la poste, et je crains de relire ma lettre d'hier, tant elle m'a donnée du noir. Tant de pensées affligeantes m'obsédaient, que je ne pouvais plus dormir. Mais il faut me dépêcher, le temps presse et j'ai encore beaucoup à te dire. D'abord, tu sais que Michel n'était pas trop bien avec M., il n'a pas montré de nez à Ратуша, mais la veille de l'an j'ai arrangé l'affaire et nous dînâmes ensemble le 1-ier Janvier chez Papa. Je t'envoye, ici incluse, la lettre de Papa, que j'ai écrit sous sa dictée. Il dit qu'il soupçonne que tu as déjà vendus tes chevaux et que ce n'est que par acquit de conscience

que tu lui demande son conseil; j'ai eu toutes les peines du monde pour lui faire changer d'idée, mais je te préviens, mon cher, que si tu lui mandes jamais, que tu n'as qu'un seul cheval, il se fachera tout de bon, et ne t'enverra de l'argent que pour l'entretien d'un seul cheval. J'ai crus finir la soirée à Paryma, en assistant à la toilette de Maman pour le grand bal costumé du Maréchal, mais Boutourline avec M. Cep. et le Prince Galizine, se sont installés chez moi et m'ont envoyé leur traîneau, à la grande désolation de Maman. J'ai dû partir, pour faire les honneurs de chez moi et nous passâmes la soirée ensemble. Mon mari a eu le temps de reconduire Maman au bal et plus tard est revenu nous raconter toutes les belles toilettes, qu'il a remarquées pendant sa courte apparition dans les salons de Prince. Maman veut t'envoyer le Courrier de Varsovie avec les descriptions des costumes les plus marquants, en y assignant les noms des personnes, qui les portaient. En attendant je te dirais, que m-me Prouchak était en Esmeralda de V. Hugo J'attends avec impatience tes futures lettres, tant je voudrais savoir quelque chose de Lubinka, de Forrheger, de Dansass et de tout ce monde, que tu m'as appris à aimer. Avec toute la bonne volonté possible je ne puis plus écrire, tu le vois d'ailleurs par les pattes de mouche indéchiffrables, que je t'envoye. Je suis horriblement fatiguée. Nous étions hier soir chez Boutourline; il bel Biardo nous a trahi, comme d'ordinaire; l'esprit et les allures de marquis lui font ombrage, à ce qu'il parait. Je l'ai vu hier chez Papa, il t'embrasse un million de fois, je crois, qu'il est un peu rassuré sur ton amitié, mais je n'ai pas encore abordé ce sujet avec lui. Tu lui dirais une lettre pénétrants de sentiments. H. H. t'embrasse, Sophie te salue. Mais je n'en finirai pas, si j'allais te répéter tous les compliments et baisers, dont on me charge. Dors bien, mon coeur, et adieu.

47.

Varsovie 8 Janvier 1842.

Bien le bonjour! mon cher Woldemar. Comment ça va-t-il? Es tu déjà parvenu à perdre le pli de tes habitudes oisives et dolentes de notre vie Varsovienne! Et comment fais tu pour remémorer tes anciennes affections et suffire aux exigences de ton service militaire? Sans trop de mauvaise grâce, j'espère. D'ailleurs je compte beaucoup sur Lubinka pour te réconcilier avec Petersbourg. Tu ne m'écris rien de ton entrevue avec elle, de vos premières conversations; je dis premières, mon cher, car je les crois les plus franches, comme les premiers mouvements du coeur, les meilleurs, quoique pas toujours parfaitement raisonnables. Mais n'importe, carissimo,

j'étais déçue dans mes attentes et je t'en veux au dernier point. Que c'est-t-il passé? Pourquoi a-t-elle tellement changée? Tu me promettais des réponses, bien circonstanciés sur toutes ces demandes, et je n'en ai point. Quoique tu as dû bien approfondir les choses et sonder, jusqu'à quel point les suppositions de notre charmant philosophe humanitaire étaient vraies. Et lui-même que fait-il maintenant? A-t-il quelque service ou vit-il à la grâce de Dieu, se souciant de la journée de demain autant que de la veille. Je serais toute heureuse, si l'on pouvait lui procurer une place convenable chez nous, tant je suis curieuse de le connaître. Il faudra, que vous arrangiez cela pendant le séjour de mon mari à Petersbourg. Le Prince a fixé son départ pour Gomel le 17 Janvier. Chetyrkin, Elliachevitch, Otchkin et Николай Ивановичъ le suivent, outre quelques autres aides de camp, qui vont droit à Petersbourg. J'étais justement à t'écrire, quand Петръ Николаевичъ est venu me taquiner avec une lettre, qu'il a reçu de toi. Heureusement j'en ai reçu une ce matin, sans qui il ne se serait pas tiré si vite d'affaire pour quelques phrases, qui m'ont parus renier la trahison, tant l'amitié échappée y jouait beau rôle. Quelle idée aussi d'écrire les mêmes mots! Naturellement qu'il était bien facile à suivre la piste et reconnaître d'où partait le coup. Bah! dès que j'ai vue qu'on était sur les traces et que partant on avait la charitable intention de me gourmander, j'ai bien vite pris l'initiative. Mais le moyen—de paraître fachée, quand on est toute heureuse d'avoir reçu un gros paquet de lettres de vous, mon charmant petit trouble-fête. La controverse finit très pacifiquement, avec quelques concessions d'usage, pour ne pas te dire tout à fait battue, et nous poursuivîmes à relire tes lettres, en avalant quelques gorgées d'excellent café, que Катюша nous versait, et fumant voluptueusement les délicieux pachitos, que tu m'envoya; H. Ив. et Sophie vinrent aussi partager notre déjeuner et se chauffer un peu au coin de ma cheminée. C'est que tu ne sais pas encore, quelle charmante cheminée mon mari m'a fait faire, comme cadeau, pour le jour de l'an! Elle fait mes délices à présent. On l'a placé tout au milieu du mur, où était autre fois le divan et le miroir. A présent il est transporté dans l'angle des deux fenêtres; et près du feu pétillant, nous avons tout un emplacement: d'abord le pâté, puis la chaiselongue et encore foule de fauteuils, interceptés par de petites tables et des coussins aux pieds. Charmant, te dis-je. Hier encore Golizine s'extasiait sur l'arrangement de ma chambre. Boutourline voulait venir prendre une tasse de thé chez nous, mais il est derechef souffrant. Mon mari était au théâtre et comme le Prince est encore en deuil et ne fréquente ni bals ni théâtre, il m'a sacrifié quelques heures de suite. Puis Ник. Иванов. est venu et nous conta des merveilles du spectacle français. Une troupe d'acteurs ambulants français séjourna ici depuis quelque temps et l'on promet plusieurs représentations au public. Imagine toi, mon ami, quelle escapade j'ai

fait l'autre jour! Я была на оазисѣ добродѣтельныхъ людей. Застала тамъ comme de raison: Sophie, Якубовскихъ, Primo Amoroso.

Была тамъ не долго; но, кажется, очень въ духѣ, потому что Sophie меня послѣ очень благодарила за мою любезность, говоря, что я всѣхъ тамъ обворожила, и что они этого не ожидали отъ такой grande dame. Къ несчастію за всѣ эти похвалы я должна была ей сознаться, что Primo Amoroso мнѣ очень и очень не понравился. A vrai dire il n'est bon qu'à coller du papier mâché et pas du tout à inspirer des passions. Peut-être est-ce l'effet de la première impression, comme elle dit, même de la prévention. Je ne dis pas non, mais je doute fort, que cela change; au reste je pourrai bientôt faire des expériences, car Sophie (comme je te l'ai déjà dis) aura des jours de réceptions, je crois les mardis, où je le rencontrerai assurément, si j'y vais. Elle regrette infiniment, que tu n'es plus ici. Comme Володя serait content de voir, que tout se remet sur le même pied chez nous; elle te salue, ainsi que tous ceux, qui te connaissent. Adieu, mon bien cher ami. Mon mari se refuse à ecrire, tant j'ai déjà barbouillé du papier aujourd'hui.

Ты очень радуешь насъ, милый другъ Володя, своею любезною аккуратностію. Мы уже получили отъ тебя три или четыре письма и Лиза въ восхищеніи, особенно отъ послѣднихъ строкъ твоихъ. Не могу представить тебя на театрѣ: попасть на сцену послѣ путешествія еще труднѣе, чѣмъ съ корабля на балъ. Впрочемъ въ твои лѣта молодецъ долженъ быть на все гораздъ. Хорошо, если ты удержишься въ намѣреніи посѣщать свѣтъ; по началу можно надѣяться, что это не остынетъ. Ласковый пріемъ начальниковъ долженъ ободрить тебя; неужели для такого юноши, какъ ты, страшны гостиныя съ ихъ этикетомъ и проч.? Пускайся съ Богомъ, а между тѣмъ среди твоихъ размышленій или дѣйствій не забудь поблагодарить отъ меня генер. Ушакова за все, что ты знаешь и сочтешь приличнымъ. Мы и сами скоро будемъ въ Петербургѣ, потому что выѣздъ назначенъ 18 го января. Ѣдутъ тѣ же самыя лица, а изъ адъютантовъ Браницкій и Беклемишевъ. Потрудись пожалуйста узнать, гдѣ назначается помѣщеніе для фельдмаршала и найми для насъ квартиру въ ближайшемъ отелѣ понедѣльно; только не ранѣе, какъ съ 1-го февраля, потому что князь прежде заѣдетъ еще въ Гомель. Намъ нужно два номера, т. е. 4 чистыхъ и *не маленькихъ* комнаты съ переднею и людскою. Впрочемъ ты самъ хорошо знаешь, чего мы желаемъ отъ квартиры. Ваня и Жоржъ тебѣ помогутъ, а я не пишу къ нимъ только потому, что право теперь цѣлая куча дѣлъ, о чемъ передай къ свѣдѣнію всѣхъ родныхъ, и скажи, что мы здоровы и ихъ обнимаемъ.

На послѣднемъ балѣ у фельдмаршала 6 генваря я объявилъ m-me Прушакъ, что ты въ каждомъ письмѣ просишь насъ представить ей

твое воспоминаніе; она очень была довольна и поручила тебѣ кланяться.

Лиза столько тебѣ написала, что мнѣ читать совершенно некогда, и я боюсь повторить уже сказанное. Рара немного хворалъ отъ простуды; но хорошо, что остерегся и никуда не выходилъ, особенно въ крещенскій парадъ. Герасимовъ очень благодаритъ тебя за перчатки. Бутурлину отошли записку завтра. У насъ все по прежнему; играемъ въ преферансъ и вообрази у брата 60 ремизовъ. Сумочку одну я тебѣ привезу, а другихъ выписать не успѣемъ. Прощай; право некогда и притомъ за полночь. Всѣ тебѣ кланяются.

Твой искренній другъ

Н. Ушаковъ.

48.

29 Janvier 1842.

J'étais malade, mon cher ami, ce que n'a pas empeché de poursuivre ma régulière correspondance avec toi. Un mal de tête atroce me tourmentait et une petite fièvre venait très charitablement charmer mes loisirs. On m'a appliqué une dizaine de sangsues et quelques bains de pieds m'ont un peu remis. Je tâcherai de regagner le temps perdu en te mettant au courant de toutes nos allées et venus pendant ce laps de temps, si toutefois la mémoire ne me fait pas faute. Какая тоска! безпрестанно мѣшаютъ. Н. Ивановичъ завтра ѣдетъ и я вѣрно не успѣю послать съ нимъ тебѣ письмо. Впрочемъ, даже лучше отослать по почтѣ, ибо они ѣдутъ на Гомель и, Богъ знаетъ, когда доберутся до Петербурга; а между тѣмъ у насъ страшные хлопоты. Суетятся, выбираютъ платья и разные подарки для Петербургскихъ, люди укладываются, а Н. Ив., бѣдный, съ тремя писарями торопится кончить Уставъ. Забрали мои чернильницы и перья; всѣ столы завалены бумагой—а между тѣмъ письма, пакетцы и посылки мелкимъ дождемъ сыпятся со всѣхъ сторонъ съ усерднѣйшею просьбою взять „хотя эту одну“ съ собой. Не считаю уже визитовъ, прошеній, приказаній, прощальныхъ поклоновъ и par-dessus le marché безпрестанныхъ требованій князя явиться немедленно къ нему. Утромъ мы совсѣмъ почти не видимся; обѣдаемъ у папы, за то вечера проводимъ *всѣ* вмѣстѣ. По случаю моей болѣзни, Maman иногда жертвуетъ театромъ et comme compromis deverse sa mauvaise humeur sur Петръ

Николаевичъ, si elle le trouve chez moi; Papa est de nouveau dans ses jours d'engouement pour lui et dans son langage, un tant soit peu hyperbolique, il dit, que c'est le seul homme d'esprit qu'il connaît. L'autre soir il l'a retenu jusqu'à une heure passée et aujourd'hui encore il m'a demandé, s'il le verra chez moi pour lui parler. Романъ Сергѣевичъ часто навѣдывается ко мнѣ. Онъ принимаетъ совершенно военно-походную физіономію. Начинаетъ ужасно зѣвать, нудиться, говорить о венгерскомъ, O'Porto, и с ать. Недавно, по дружбѣ, надѣлалъ онъ какихъ то бѣдъ папѣ (Николай Ивановичъ тебѣ разскажетъ). Они разстались друзьями, но брошенный камень имѣлъ свое дѣйствіе. Вода зашумѣла; не на шутку поговариваютъ объ отставкѣ, Малороссіи, прелестяхъ деревенской жизни и пр. и пр. къ великому и ежедневному неудовольствію Maman. Да, вообрази, mon cher, у насъ недавно былъ пожаръ: какіе то балки, между поломъ и потолкомъ нижняго этажа, загорѣлись, такъ что огонь вспыхнулъ на лѣстницѣ и ужасный дымъ показался въ моей темной комнаткѣ. Вскрыли полъ и очень скоро потушили огонь. Au grand déplaisir de tous les sauveurs empressés, je n'avais pas même le temps de faire la victime. Егоръ Семеновичъ подаетъ проэктъ о какомъ то парашютѣ, чтобы спуститься на землю въ случаѣ *другого* пожара, а Marquis предлагаетъ итальянскую шелковую лѣстницу—видно въ случаѣ *третьяго*. Надѣюсь, что это не случится.

4-го февраля.

Посылаю тебѣ, милый Володя, старое письмо и при немъ нѣсколько листиковъ, которые ты пожалуйста читай обыкновенно *вечеромъ*, читай» сказала я, потому что намѣрена продолжать этотъ quasi—журналъ. Только пожалуйста не очень насмѣхайся, puisque j'ai eu un terrible combat à soutenir contre ma défiance à t'envoyer cette lettre. Il faut bien, que tu couronnes par ton approbation le vainqueur courageux qui t' immole son orgueil et sa timidité.

Je t'envois encore ci-jointes une lettre pour Марья Ивановна et pour mon mari en cas qu'il soit déjà a Pétersbourg. Tu peux la lire. Mais de grâce, mon cheri, conserve les feuilles, aux numéros par ordre, autant que je serais seule ici et que mon ideé d'ecrire me durera où me distraira. Plus tard tu rendras tous ces papiers à H. И. pour me les rapporter (c'est la seule condition que je mets), je serais curieuse de relire toutes les plattes sottises que je pouvais avoir écrit dans mon délire. Tu peux bien aussi ne point les lire; mais garde les toujours, et fais-en ce que je te dis. Tous les nôtres te font mille amitiés. Papa est tout heureux que son affaire marche bien, il est tout aussi impatient que moi des lettres de H. И. Depuis huit jours nous n'avons pas de ses nouvelles. Bon jour,

mon cher. Michel est malade, Madame Boutourline aussi alitée, Сер. Петр. souffrant. Tu vois donc que je suis parfaitement seule, ce qui ne peut que m'influencer en mal, aussi suis-je stupide depuis quelques jours. Maman va assez souvent au bal, ce qui est un thème inépuisable de conversation pour les après-dînées; les soirées font mon martyre, car je ne puis dormir et me couche rarement plus tôt que 2 ou 4 heures. Je ne puis encore me remettre dans mon assiette ordinaire et cette irritabilité nerveuse me fatigue beaucoup. Je continue de prendre des pilules, on dit que ça me calmera, au reste je souffre plus du coeur et de la tête que physiquement, tranquilise de grâce mon mari, à qui j'ai écrit une lettre désesperée à Hommel. Il est si bon pour moi, que vraiment je ne le vaux pas, tant je lui donne quelquefois du chagrin!.. Avoue, qu'il n'y a pas de créature plus fantasque et plus insupportable, que ta soeur; envoye la promener et tout sera dit.

49.

Le 26 Février 1842 Varsovie.

Je n'ai pas pu saisir le sens de ta dernière lettre; mais j'ai toujours été bien heureuse de pouvoir lire les caractères cheris que tu avais tracé, comme preuve vivante du souvenir que tu me garde, bon petit frère, au milieu des plaisirs qui te réclament et des distractions *amicales* qui te préoccupent. C'est pourtant dommage, que tu ne puisses me dire ta précise découverte sur la possibilité de dévoiler les pensées d'autrui et les replis les plus secrets des coeurs féminins. J'espere, te voilà fier et heureux comme Archimède ou Newton! Grand bien t'en passe, si la première expérience ne vient dérouter tes calculs et changer tes prévisions. Les nouvelles récentes de l'arrivée prochaine de m-lle Maron mettent tout notre petit monde en mouvement. Et je vois, avec plaisir, se justifier le viel usage, qui dit: qui se ressemblent, s'assemblent. C'est très malheureux et insultant peut-être pour ton cher ami, eh! le mien aussi; mais le fait est, qu'il n'y a que la moderne Omphale qui garde intacte son amitié (au reste, en matière de constance, elle a fait ses preuves) pour m-lle Maron et se réjouisse sincèrement de son retour. Chez *nous* les coeurs sont bien autrement en emoi! Quoique Elle a eu le bon esprit de se ménager les voies. Ses lettres ne sont remplies que des ennuis de l'absence et du bonheur de se revoir, rien ne l'appelle à Varsovie que son amour pour sa soeur et les joies immenses que lui promettent les conversations édifiantes d' A. Gr., dont elle etait sevrée si longtemps, et qu'elle sait tellement apprécier etc. etc. c'est très beau, même comme morceau de prose, et je serais désolée de ne pas te le faire gouter.

Cela vous étonnera peut-être que j'envoye un paquet et une lettre à mon mari par M-lle Z., mais elle est venue elle même informer Maman de cette occasion, avec fortes prières de me la faire savoir. Quitte à égratigner plus tard, elle continue à faire les pattes de velours. Pendant ses longues causeries avec Maman et Катюша, elle se plaît quelque fois à *dévoiler* son cœur et raconter les pleurs de sa vie. Je m'extasie de sa rare franchise, de son originalité; et à ne la voir que sous les couleurs dont elle se peint, c'est vraiment une créature adorable. Ce serait ici le cas de te raconter maintes et maintes choses. Mais, vois-tu, à la longue cela m'ennui, comme toute autre chose, et comme je m'attends à tout, il est difficile de m'étonner de quoique ce soit. Et où finit la curiosité, les autres sensations s'émoussent naturellement. Cela me fait du plaisir que tu continues à t'occuper du Français; Michel aussi a fait bien des progrès; nous nous occupons ordinairement de 4 à 6, 7 heures et nous procédons à la manière de Chapsal, la moins aride et la plus facile des méthodes pour apprendre les langues. Mon cours de Botanique va toujours son train.

M-me Petroff et Choubert ont de grands projets pour le printemps, si je ne leurs ferai pas faute, ce qui est très probable. Pour la douce Mathilde, elle ne donne signe de vie, et si tu te rappelles toutes les qualités de cette charmante création d'Eugène Sue, probablement tu en trouvera la raison. Sophie est toujours bonne comme par le passé, mais je la vois moins souvent, à cause du carême peut-être. Un soir que j'ai passée chez elle, j'y ai trouvé Чистилинъ qui me parait avoir de l'esprit et dépasse beaucoup le héros de son roman, qui est vraiment stupide. Au reste „chacun a son mauvais goût“, comme dirait certaine personne de notre connaissance. Je ne sais si le sommeil fatigue jamais; mais c'est le cas avec moi à présent. Avant hier, chose inouïe, j'ai dormi après diner; cette nuit j'ai passé quinze heures au lit et mes pensées comme mon ecriture se ressent bien de ma somnolence, Adieu, mon cher, dans tes nouvelles amitiés garde toujours une petite place pour ta vielle et dévouée amie

É. Ouchakoff.

50.

Varsovie 12 Avril 1842.

Michel vient de m'apporter une lettre pour toi, mon cher frère. Comme elle n'est pas cachetée, je tiens à te l'envoyer au plus vite, pour n'avoir pas la tentation de la parcourir et répondre très mal à la confiance qu'il

témoigne. Le temps de t'écrire quelques mots—et tu l'aura à l'instant-même. Je n'ai pas trop bien saisi le sens véritable de ta dernière lettre, assez énigmatique toutefois! Est-ce de Lubinka ou de m-me Nikonoff qu'il est question? J'espère, pour ton bonheur, que ce n'est pas la première. Pour l'autre, tu n'as qu'à reconstruire ton roman aussi souvent que cela te sera possible, sans ennui; quitte plus tard à faire la brèche et décamper au plus vite si l'ennemi arrive. Il serait bien de ne pas trop t'engager; mais l'essentiel, que le coeur n'y soit pas en jeu, autrement la retraite serait coupée—la sortie impraticable. S'il est possible, tiens moi au courant de ce qui arrive—ce sera une feuille de roman detachée peut-être, mais palpitante d'intérêt. La semaine sainte approche à grand pas. Mon mari et tous les nôtres comptent faire leurs dévotions, on n'entend qu'église et carême, et la pauvre Mathilde est toute en désarroi. Sur le qui-vive de la conscience elle inscrit scrupuleusement ses péchés pour la confession..... j'ai vraiment honte de t'avoir dit cela, car outre ces petits ridicules elle est d'une bonté d'ange et c'est presque un crime de remarquer ces travers. Mon mari se fâcherait sérieusement s'il soupçonnait que j'ai de ces idées pendant la semaine sainte primo, et puis d'une personne qu'il affectionne particulièrement. Je lui en demande bien pardon! peut-être réellement est elle moins sotte qu'elle en a l'air. Sa douceur au moins l'absout.

S. continue toujours son voyage dans le pays de tendre, n'ayant pour guide qu'un faible espoir de divorce et une foi inébranlable dans la noblesse de son conducteur. Je ne partage pas tout à fait sa securité, mais je n'ose plus l'en blâmer. Si tu pouvais t'imaginer de quoi peut être capable un caractère comme le sien, sorti de ses plis de calme ordinaire, – tu ne m'en gourmanderais pas. Car ma tolérance, si toutefois elle l'est, prévient quelques actes de désespoir inévitable. Ce qu'il y a d'horrible, mon cher, c'est que tout ce monde perd la tête et nous n'avons aucun esprit juste et impartial pour guider. Personne à qui se confier! Tu conçois aisément que je ne puis le dire à mon mari – ce serait trahir S. Je ne vois plus son amie et même alors, que je la verrais, nous ne pourrions en parler dans la malheureuse position où nous nous trouvons de ne pas savoir, si nous connaissons l'une autant que l'autre. On n'ose lutter contre les vents; je donne tout à la garde de Dieu en me disant tout bas: fais ce que tu dois, avienne que pourra. En pleine incertitude. Brûle mes lettres et je t'écrirais une plus longue prochainement. Maman veut louer une petite maison de campagne, pour s'y transporter de l'Hôtel de Ville et attendre le retour de Papa des pays étrangers, quoique son départ même n'est pas encore fixé. Ils sont tous pleins de projets, mais je ne te le dirais, que quand on se décidera pour un seul et dernier. Autrement ce serait à recopier mes lettres trois fois dans la journée c. à d. autant de fois, que nous nous voyons.

Rappelle toi les vers de Boileau: Polissez les vingt fois et les rapolissez, avant d'écrire une lettre à Papa. Je crois qu'il t'envoye une forte tâche de faire ta paix avec lui. Je suis si distraite aujourd'hui que j'écorche les mots et gribouille horriblement. J'aime autant remettre à une autre fois toutes les choses, que j'avais à te dire. Mon mari et tous les nôtres te saluent.

Bonjour, toute à toi

É. Ouchakoff.

51.

27 Avril 1842.

Est-ce ainsi, que tu tiens tes promesses, mon cher frère? Plus de trois, semaines et par une ligne de ta part. C'est désespérant! Que deviens-tu mon ami? As-tu entendu l'admirable et unique pianiste? As-tu longtemps rêvé en pleurant à tous les bonheurs insaisissables et que l'on comprend seulement sous l'influence de l'harmonie vibrante, échappée à l'âme melodieuse de Liszt. S'il m'était possible de t'envier quelque chose, ce serait assurément les sensations ineffables que son jeu a dû te procurer. Pour moi entendre raconter qu'on l'a vu et entendu c'est le suplice de Tantale. Je voudrais tout le voir!

J'ai de nouveau été souffrante pendant quelques jours et les médecins s'accordent à dire qu'il n'y a que l'air de la campagne ou un voyage pourrait me rendre la santé. Il faudra essayer de contenter les autres; car pour moi je t'assure que ne me crois pas du tout malade de corps à moins que ce ne soit quelque indisposition de l'organisme interieur qui éclatera plus tard. Nous allons donc à une campagne distante douze verstes de Varsovie—passée la barrière de Wola—chez Skvortzoff. Le laitage, les légumes pour nos repas, et chevaux infatiguables, une rivière pour baignoir, beaucoup de livres, un piano avec des meubles tout à fait emportables, nous suffiront pour une charmante vie de château. Cela n'empêchera pas mon mari de faire le service de temps à autre. A présent le Prince est parti pour Breste avec quelques généraux, sans aides de camps. Nous avons prit le thé aujourd'hui chez Романъ Сергѣевичъ, après la promenade.

On attend de minute en minute le retour de S. Maron avec une forte cargaison d'aqua-Tophana. M-me Coniar est arrivée avant-hier au grand plaide Sophie, ce qui au reste a complétement changé les idées, précédemment émises de Monsieur son mari, qui se refuse à...

Peut-être que cette affaire exigera la présence de M-me Coniar et de Sophie à Pétersbourg, alors tu les verras bientôt.

Bonjour, mon bien cher ami. J'étais debout en t'écrivant. Tous les nôtres t'envoiyent des baisers et des saluts sans nombre.

52.

Varsovie le 1 Juin 1842.

Ce matin j'ai reçu encore une lettre de toi, mon bon Woldemar! Trois missions dans quelques jours, ça me fait vraiment rougir pour les reproches imméritées que je te faisais l'autre jour, moi, qui devrais plutôt te demander pardon pour ma paresse et mon inexactitude. Mais tu vas être bien récompensé (si toute fois c'en est une, qu'un morceau de papier avec les détestables pattes de mouches que j'y griffonne). Madame Coniar part jeudi à Pétersbourg, pour mener son fils Modeste à l'université, qui me prie en grâce une lettre pour toi. Puis—pourras-tu jamais le croire? Sophie accompagne sa mère et naturellement exige un petit billet. Tu sais que la place est déjà prise, tâche donc, mon cher, de soutenir avec elle le pied d'amitié, qui est presque indispensable, si tu veux lui aider à quelque chose. Les conseils, vois tu, ne serons jamais de trop avec elle. Sophie désire beaucoup te voir et compte sur toi pour être so cicerone dans la grande ville, de cet emploi là tu pourra bien passer à celui de guide.

Jeudi Papa veut décidément partir pour l'étranger; c'est pourquoi nous sommes revenus de la campagne, et comme le Prince part bientôt lui-même, il nous sera impossible de retourner là, quoique je m'y plaît fort. On dirait que l'air de Varsovie est imprégné de l'aqua-Tophana, tant il est malsain pour respirer... Aujourd'hui A. П. Безакъ a été me voir et je t'avoue que sa manière d'être m'a tout à fait ensorcelée. Comment reconnaître cet homme égoïste et froid sous la plus tendre enveloppe d'ami, avec des larmes dans les yeux et de douces paroles. C'est comme il était avant son mariage. Demain nous dinons chez eux, ou à Огрудекъ; mais ce qui te paraîtra aussi étrange qu'à moi, c'est que m-lle Maron vient d'engager m-me Omphale. Тебѣ всѣ подробности разскажетъ Н. Ивановичъ, все изъ здѣшнихъ трибуляцій. Здоровье Maman совершенно разстроилось и меня это приводитъ въ отчаянье. Ив. Ив. также былъ очень боленъ. Изъ нашихъ....

Сейчасъ пріѣхала Софи и прервала бесѣду Лизы; онѣ занялись толкованіями, а между тѣмъ пора кончать письмо; я оставилъ было

мѣсто на другой сторонѣ, но онѣ такъ разговорились, что нѣтъ надежды, чтобы Лиза успѣла прибавить хотя нѣсколько строкъ.

Теперь я могу прибавить тебѣ, любезный Вольдемаръ, лишь нѣсколько строкъ. Писать право не о чемъ, тѣмъ болѣе, что на дняхъ я отправилъ къ тебѣ большое письмо изъ деревни и при томъ мы скоро увидимся. Отъѣздъ нашъ замедляется нѣсколькими днями, по случаю ожидаемаго прибытія сюда принца Прусскаго; но 10-го или 12-го фельдмаршалъ непремѣнно выѣдетъ; слѣдовательно около 16-го мы можемъ увидѣться. Похлопочи пожалуйста о квартирѣ, какъ я уже писалъ тебѣ, и найми ее съ 10-го или по крайней мѣрѣ хотя съ 12-го; пусть лучше простоитъ пустая, но будетъ считаться за нами; да не забудь выслать записочку на заставу, а то мы будемъ тебя ждать. Papa сегодня откланивался и рано въ четвергъ выѣдетъ. Мы съ Лизой очень жалѣемъ о деревнѣ; но теперь уже некогда туда возвращаться. До свиданья, обнимаю и цѣлую тебя.

P.S. Къ роднымъ я писалъ также на дняхъ; если увидишь ихъ, то скажи, что братъ уже на ногахъ, и что всѣ ихъ обнимаемъ. Дмитрію Дар. напомни о писарѣ: пусть приготовитъ къ нашему пріѣзду.

53.

Le $^{15}/_{27}$ *Août 1842.*

Pendant les prépatifs de notre départ je n'ai pas pu trouver un moment pour t'écrire, mon bon Woldemar; c'est un remue-ménage infernal dans notre maison! on ne voit que malles et paquets. Et les continuelles allées et venues des gens donnent encore plus de désordre à l'aspect déjà si désolant de mes chambres. Ajoute à cela la pénible incertitude sur notre voyage supposé, car on nous forge des difficultés sans nombre pour le visa de ma cousine. Je ne sais pas, si le Prince décidera la question, toutefois notre partie est fixée pour aujourd'hui l'après dînée. Si réellement nous partons aujourd'hui, cette lettre te parviendra par l'entremise de Иванъ Ивановичъ. Michel t'écrira lui-même concernant l'affaire de Jacques Forregher—moi j'ai aussi pensé à lui, et voilà ce que je veux te proposer: Романъ Серг. m'a promis de lui donner une place de traducteur chez lui avec 2500 fl. d'appointement ce qui, avec les gratifications de l'année, fera plus de 6000 fls., si toutefois M-r Jacques For. connaît assez le polonais pour s'occuper des traductions russes. Dans le cas contraire il lui propose la place de secrétaire à la commission des affaires intérieures, où la con-

naissance de la langue polonaise n'est pas indispensable. Toutes les deux places sont promises,—mais Четыркинъ promit de les garder pour moi, c'est à dire d'attendre une réponse de toi ou de Jacques. Or donc, je te conseille de consulter M-r Forregher même par écrit, pour lui éviter les dépenses d'un voyage à Pétersbourg (si une de ces places lui conviendra) et de lui dire qu'il s'adresse droit à Четыркинъ, qui est prévenu, et le recevra avec bonté. En tout cas je croirais bon d'accepter une de ces places même provisoirement, car une fois à Varsovie et casé on a les coudées franches pour agir et s'élever. Peut-être est-ce une pensée égoïste qui me fait parler ainsi; mais mon bon Woldemar m'excusera, car tu es fautif de ce que j'ai la tête tellement montée sur le compte de Forregher. Tu m'en as tant parlé, que je brûle de désir de lui être utile et surtout d'être à même de le connaître.

Н. Ивановичъ сейчасъ возвратился отъ князя съ позволеніемъ на паспортъ Любиньки.

Итакъ мы ѣдемъ, mon cher, ѣдемъ въ Италію! Я думаю тебѣ еще писать изъ Вѣны или изъ Тріеста черезъ Мишу или Ив. Ив., хотя не надѣюсь получить отъ тебя извѣстій. Прощай, мой другъ, мой добрый Володя, прощай—можетъ быть, надолго. Теперь такой хаосъ въ головѣ моей, что я не въ состояніи окончить другого письма моего. Но, можетъ быть, изъ Венгріи ты получишь его, какъ послѣдній памятникъ самой ужасной эпохи моей жизни. Je m'arrête,—pour t'embrasser encore une fois, mon frère cheri, et puis partir.

Élise Ouchakoff.

Н. И. совѣтуетъ, чтобы ты или Форрегеръ написали къ Четыркину: что вы слышали отъ меня о... и посему благодаря, спрашиваете, правда ли это, и когда можно будетъ Жаку явиться въ Варшаву, чтобы даромъ не ѣздить, если бы они не сошлись, въ противномъ же разѣ пріѣхать уже не просителемъ, а на мѣсто.

54.

Le 8 Février 1843.

Avant de commençer, ma lettre, cher Woldemar, je devrais te souhaiter une bonne année; mais tu sais, que les phrases de félicitations et de condoléances ne sont pas mon fort—je les rejette donc bien loin pour t'embrasser et te remercier à mains jointes des beaux moments de croyance que je retrouve toujours, en songeant à ton inaltérable et sainte amitié pour moi.

Si l'amour que je te porte n'était pas inné en moi et n'avait pas grandi avec les années, je te remercierais presque d'avoir su me l'inspirer. Ta jeunesse, ta bonté, ton noble coeur ne sauraient me tromper et c'est une source de bien des consolations que cette foi aveugle dans un être chéri! et tu le sera toujours, car tu le mérites; tu le sera même, si tu ne le mérites pas, car c'est une nécessité de mon existance.

Il faudrait des volumes pour te dire ce que je voudrais taire à moi-même. Pourquoi t'affliger, toi, ma jeune tête, pour qui j'aurai voulu conquérir le bonheur au prix de ma vie et de mon repos. Oui, mon ami, l'espoir de ton bonheur fait l'avenir de toute mon existance—c'est assez te dire que tout ce que tu entreprends pour y parvenir ne peut que me convenir. A vrai dire le changement subit de ta vocation m'épouvantait; Papa en était mécontent et je prévoyais mille déboires dans ta brouille avec lui, ce que nécessairement devait arriver sans ta dernière lettre, qui heureusement aplanissait les obstacles. Papa en est ravi; partant tous ceux qui l'entourent. On s'accoutume à l'idée de te voir un jour magistrat et l'amourpropre ne permet pas de douter que tu ne sortes vainqueur de la lutte. Donc après trois années d'études consciencieuses on pourra te féliciter ex-docteur en droits! Je crains encore de bâtir des châteaux en Espagne, mais, mon cher, n'oublie pas de me dire où t'adresser mes lettres et fais mois parvenir quelquefois le sommaire de tes études et de tes progrès. Cette vie morale, contemplative et studieuse convient parfaitement à ton caractère doux et tendre. Tâches d'acquérir quelque individualité, avec de l'instruction c'est facile; ne fais jamais des utopies—elles trompent. Quant à la fermeté de caractère et à la force d'âme, tu en a juste ce qu'il faut. Le mieux est l'ennemi du bien. Seule peut-être je sais ce que je vaux, eh bien, mon cher, je maudis mon caractère. Penser est folie,—vivre n'est pas la raison. Pour revenir à ce qu'on nomme vivre, je te dirais que jamais je n'ai pas mené plus folle vie; bals, concerts, fêtes ne discontinuent pas; le carnaval pour moi n'a jamais été plus insipidement brillant. La dernière semaine on dansa tous les soirs; cela étourdit et cela embête; c'est déjà beaucoup de gagné. Outre les bals du Prince, Simonitch a donné une soirée, puis Lazareff, puis Coniar et pour clore dignement la semaine Bézak nous régala d'une grande soirée, au grand complet de grosses épaulettes et de gros bonnets. Je suis très bien avec Sophie et Vèra que tu connais. L'autre jour j'ai dinée là, avec un pianiste célèbre Litolff, anglais dans toute la force du terme, très bon musicien du reste; il exécuta un beau duo avec le violon Sélié; puis le prodige Rubenstein, enfant de 13 ans, joua le galop chromatique et la Lucia de Liszt. C'était une rude épreuve pour ma pauvre carcasse brisée. Outre les personnes que tu connais, je vois souvent M-me Ouchakoff née P-sse Castriot; demain est le jour qu'elle passe ordinairement chez moi avec son mari, Melnikoff, Ermoloff etc. pour jouer à la préférence. Go-

lizine est resté aujourd'hui toute la soirée chez nous; il doit être deux heures après minuit. Mon mari est allé se coucher; il se porte bien et te fait mille amitiés. Lubinka aussi. Elle doit soutenir une correspondance énorme; je ne sais comment peut elle suffire à tous. Cela me rappelle une chose très intéressante d'elle et de certain personnage qui te fera rire au larmes ou pleurer à rire; c'est selon que tu acceptera les choses. Je te conterais tout cela tantôt. Bonjour, chéri, s'il y a un peu d'aigreur dans mes paroles, pardonnes la à ta toute devouée soeur. Nous avons une semaine entière encore de ce martyre qu'on appelle ordinairement plaisir!

Élise Ouchakoff.

55.

Варшава 22 февраля 1843 г.

Усталая, полусонная, берусь я за перо, чтобы сказать тебѣ нѣсколько словъ, добрый другъ Володя! Масляная кончилась; но всѣ еще ходятъ хмельные, не отрезвившись по карнавальномъ шумѣ, и въ нерѣшеніи, на что болѣе жаловаться: на прошедшую ли радость-муку, или на предстоящій голодъ и головную боль отъ нестерпимаго духа постнаго кушанья? И въ самомъ дѣлѣ наши дома становятся похожими на Тріэстинскую гавань; такой удушающій запахъ рыбы и friture жженаго провансkаго масла! Папа уже съ понедѣльника начинаетъ сердиться за обѣдомъ и считаетъ, сколько дней остается до воскресенья. Н. Ив. думаетъ начать говѣть; и уже положилъ начало самое христіанское, потому что сегодня дежурилъ у князя и остался безъ обѣда. Надѣюсь, это случится въ послѣдній разъ, ибо отставка Яновича отправлена въ Петербургъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ просьба о назначеніи Н. И. на его мѣсто. Каждую почту ждемъ рѣшенія, и въ правду давно пора сбросить эту благородную ливрею и надѣть костюмъ человѣческій. Жаль, что ты теперь не въ Петербургѣ, а то можно было бы какъ нибудь похлопотать объ мѣстѣ бѣдному Жаку Форрегеру. Говорятъ, его мать очень больна. Что то онъ начнетъ? Мнѣ бы очень хотѣлось перетащить его въ Варшаву. Мы часто съ Любинькой его вспоминаемъ. Любинька тебѣ кланяется, она здѣсь обжилась и многимъ очень нравится. Миша былъ въ томъ числѣ; но я старалась всѣми силами его образумить, не смотря на эпитеты, которыми онъ меня крестилъ: „femme sans coeur, разсчетливая“ и т. п. Пожалуйста не вспоминай ему объ этомъ—ты знаешь, какъ онъ самолюбивъ! Теперь

онъ принялъ видъ холоднаго, разочарованнаго, и все твердитъ, что ничто его не занимаетъ. Мнѣ право жаль, когда я его вижу грустнымъ; но согласись же самъ—вѣдь нечѣмъ помочь, развѣ съ горемъ пополамъ все обращать въ смѣшное. Слава Богу ему дали мѣсто старшаго адъютанта въ арт. упр. и онъ крѣпко занятъ. Я его довольно рѣдко вижу. На послѣдніе балы даже не являлся. За то тамъ роль игралъ длиннѣйшій лейбъ-уланскій полковникъ Зволянскій, съ которымъ мы еще познакомились во Флоренціи. Онъ не отставалъ отъ Любиньки; и разъ, какъ у насъ были гости, онъ включительно, то m-lle Maron всѣмъ по секрету разсказывала, что онъ безъ ума отъ Zingarello, и что любя ее, и желая ей всевозможнаго счастья, она бы очень желала, чтобы онъ на Любинькѣ женился. Даже спрашивала меня, соглашусь ли я отдать ее за З. Чтобы заинтриговать ее, я отвѣчала, что у меня въ виду гораздо лучше. La pauvre Maron a passée deux nuits blanches entre les doutes et les probabilités sans rien decouvrir. Enfin se hasarda à me demander, si ce n'était pas par hasard le moribond (Четыркинъ)? Je suis tombée des nues à cette question saugrenue, mais avec un sourir capable j'ai répondu que ce n'était pas lui, laissant le champ libre à faire de suppositions. A vrai dire, j'ai grandement peur qu'elle ne me mette au pied du mur.

La très charitable Madame L. ne se deshabitue point de persécuter tout ce qui m'approche, et tu ne peux te faire une idée des méchancetés qu'elle se permet de débiter sur le compte de la pauvre Emaro. Je ne parle plus de moi—c'est une chose, à laquelle je suis trop accoutumée; quoique à parler franchement, il n'y a plus de raisons pour motiver cette haine. Des coups de langue en coups d'épingles, cela aurait dû finir par des coups de poignard—mais heureusement ou malheureusement j'ai rompu avec mon passé! „Fais ce que tu dois, avienne ce que pourra". J'ai pris mon courage à deux mains et..... j'ai brulé mes vaisseaux.

Puissé-je ainsi réduire en cendres ma mémoire et mon!... Tu seras étonné peut être de ma franchise; mais, mon cher, il y a huit siècles que je n'ai pas parlé...à moins que l'on ne prenne les lieux communs que nous débitons chaque jour pour la traduction complète de nos pensées intimes. Je divague! Adieu, mon cher, garde saintement le souvenir de ton amie,

Élise Ouchakoff.

Que deviens tu à Dorpatte, cher Woldemar? Supposant que tu t'ennuis, je viens te distraire avec mon babillage. Un jour, non, un soir, que j'étais au bal fort mortifiée de voir toutes ces marionettes s'amuser là, où je ne trouvai qu'un pénible devoir, un jeune galant s'approche de moi, pour me distraire (voyez la présomption) en me contant fleurette. Après force com-

pliments à la rose, un peu rustaudes la conversation se prolongeait plus que cela ne me convenait. Ayant débouclé toutes les saillies courantes que j'avais sur moi et voyant que cela ne faisait qu'irriter la verve spirituelle du Monsieur, pour couper court à tout verbiage inutile, je tombe en plein russe, en lui disant: Я все это по дружбѣ говорила. Тотъ только что разсыпался: „смѣю ли я надѣяться, что я заслужилъ“ и пр.... que je lui coupe la parole avec: „да, по дружбѣ это значитъ по глупости“. Нѣтъ, mon cher, ты вѣрно никогда такъ не смѣялся, какъ я въ эту минуту! Вспомнить не могу этого длиннаго лица и безсмысленно удивленныхъ глазъ, которыми меня подарила эта фигура, вся обращенная въ вопросительный знакъ! Et voilà par quoi on se gagne un amoureux, peut-être une haine, et le surnom de femme inconcevable. Vive le jeu-de-mots! cela profite. Un seigneur de haute volée n'était pas moins étonné, quand voulant me gratifier d'une attention non meritée, il vint fort sentimentalement me filer son admiration et me demander très mystérieusement: „pourquoi ce soupir?“ „Ah, mon Dieu“, lui ai-je répondu, „je suis si lourde après souper, j'ai tant mangé!“ A peine m'a-t-il permis de finir ma phrase, tant ses fines oreilles ont été désagréablement chatouillées par cette expression vulgaire et le souvenir d'une nécessité aussi terrestre. Il parait que Monsieur vit de contemplation et son amourpropre se nourrit de belles phrases. Or ce dernier a manqué mourir d'indigestion pour le mauvais plat qu'on osa lui offrir. C'est contre son habitude. Comme tu te fais savant, il est permis, n'est-ce pas?—de te rayer de la liste de ces Lovelaces en petit pied et de ces Don Juans en herbe qui sont mes bêtes noires. Ce ça, mon cher, mais j'oubliais de te dire que récemment nous fîmes la connaissance d'un jeune homme charmant (pas à la Paul de Kock) le Prince *Woldemar* Castriot. Son nom parle déjà en sa faveur, puis il est bien sous tous les rapports. Musicien achevé, agréable chanteur, artiste dans l'âme, joli, très joli garçon, 23 ans, riche, mais plus que tout cela bon, noble, dévoué à sa mère. Il a servi aux gardes; son père étant mort, il prit sa démission pour courir a Moguilew consoler la veuve et lui aider à régir son bien. Il vit un peu trop en grand seigneur, mais cela ne me déplaît pas. Une voiture, un groom, un chien, une violoncelle et des pachitos—c'est très gentil pour le voyage. Ah! j'ai oublié le maître-de-chapelle, que je ne connais pas encore, et qu'il veut nous faire voir quand il reviendra de la Russie. Car il est parti... pour revenir ici au mois de juillet, voir sa coeur, avant de partir pour l'étranger se perfectionner en musique et voir le monde pendant un an ou deux. Encore un de ses charmes —il est très nerveux et excessivement petit-maître, de prime-abord. C'est l'épouvantail de Michel. Il a fait ma conquète etc. etc. etc. je t'en dirais des nouvelles au mois de juillet. Motus! J'espère que c'est assez, de parler, je te rend bien la pareille pour ta longue lettre du 1 Février. Encore une nou-

velle agréable: j'ai renvoyé ma femme de chambre qui me gouvernait trop; c'est un remue ménage complet. J'entre dans les moindres détails du ménage, je garde les clés avec Emma, qui m'aide beaucoup dans tous ces comptes de linge, des hardes, etc.

Que je suis heureuse de posséder cette charmante Zingarella, le boute-en-train de notre дѣятельность, de nos plaisir et qui n'est pas de trop dans nos peines—c'est beaucoup dire! Mardi en huit se fera le baptême de ma petite soeur. Je ne veux pas m'appesantir sur cette pensée! cela me donne des idées si tristes, si tristes que j'en pleure. Adieu, mon ami, je suis si fatiguée d'émotions que je ne puis rien sentir, douleur ou joie—tout me répugne, je veux devenir egoïste. Non! non! adieu.

P.S. Теперь 6 часовъ утра и я отправляюсь къ заутренѣ, ибо началъ говѣть. Прими мой искренній поцѣлуй и радушное напутствованіе тебя къ новой цѣли. Приказъ объ отставкѣ твоей мы уже читали. Дай Богъ, чтобы будущность не обманула. Очень желалъ бы увидѣть тебя; но свиданіе теперь во мракѣ.

56.

Varsovie, le 5 avril 1843.

Ayant lu ta longue lettre, cher Voldemar, j'ai eu comme un remord de t'avoir envoyé un si court billet par Otchkine; plus encore de t'y avoir fait un reproche indirect de ton voeu de silence. Que veux tu, mon ami? J'ai beau faire—il m'est encore impossible de réprimer les premiers mouvements impétueux de mon coeur. Ça viendra avec la vieillesse et l'indulgence qui me gagnent de plus en plus. Pour le moment, la jalousie d'affection a beaucoup de prise sur mon amour propre. Je n'ai plus, ou je n'ai pas encore l'abnégation, qui donne et ne reçoit jamais. Un moment j'ai cru être entrée dans ce cercle de perfectibilité; mais par le sentiment désagréable que me cause ordinairement le manque de retour, j'ai reconnu bien vite mon erreur. Il est vrai, qu'instinctivement je donne avant sans désir d'être recompensée. Mais je désire acquérir cette bonté consciensieuse, qui sait qu'elle donne sans retour et ne discontinue pas de donner avec bonheur.

Je suis allée diner chez Sophie; et cela t'a sauvé d'une très longue dissertation sur l'éducation morale du coeur. L'odeur noséabonde d'une friture à l'huile est le meilleur antidote pour les dissertations religieuses, comme un estomac plein l'est pour le sentimentalisme. Preuve que le carême est bon (ce que les français nomment très spirituellement „gagner le ciel par la famine"). M-r et Madame Koniar sont partis pour Dresde avec les petits en-

fants. Sophie et Vèra sont donc restées maitresses absolues de la maison paternelle. La veille du Dimanche des Rameaux, après les vêpres nous sommes allées finir la soirée chez elles. Qu'elle était heureuse pour Sophie! Mon Dieu que de joies et de triomphes! Elle a reçu une lettre de son adoré B.; mais si bien écrite, je te dis, que j'en devenais stupide d'étonnement, tant logiquement il renversait mes doutes et les suppositions malveillantes que je me permettais sur sa loyauté et la sincérité de son affection pour Sophie. Онъ прислалъ огромный журналъ, гдѣ превосходно изложилъ свою жизнь съ самаго юнаго возраста, всѣ измѣненія характера, любящаго, восторженнаго, вѣрующаго, но самолюбиваго, недовѣрчиваго и гордаго—наконецъ, обновленнаго любовью. Онъ не старается себя выказать лучше и очень откровенно говоритъ, что въ раздѣлѣ чувствъ, сравнительно, Софи хотя ему даетъ очень много, но какъ бы жалѣя о томъ; онъ даетъ мало, но все, что имѣетъ, и желалъ бы имѣть еще болѣе, чтобы и то отдать. Слѣдуетъ исповѣдь сердца и выводъ, что если она думаетъ, любя его, приносить себя въ жертву его счастью, то онъ ничего не желаетъ, потому что надѣется и самъ ее осчастливить. Самолюбіе же его это нисколько не трогаетъ, ибо женщины такъ часто любятъ недостойныхъ, что тщеславиться нечѣмъ. Очень благородно, логически отчетливо, но черезъ чуръ обдуманно и хладнокровно. Все-таки я желала бы его найти такимъ, какъ онъ себя описываетъ. Нѣтъ страсти, но Софи могла бы быть счастлива. А она этого стоитъ—право, ангелъ доброты и снисходительности. Она тебѣ кланяется, и сама было хотѣла писать, да некогда теперь. Вѣра также кланяется, хотя мало тебя знаетъ; но она меня такъ любитъ, что разливаетъ свою любовь и ненависть на всѣхъ, кто меня любитъ или бранитъ. Вѣра умна, какъ чертенокъ, избалована до безконечности и прекрасно говоритъ. Намъ всегда весело, когда мы вмѣстѣ; спорамъ нѣтъ конца. Говорятъ, что я теперь рѣдко смѣюсь и часто молчу. Для Вѣры самое большое торжество заставить меня улыбаться ея прошедшимъ шалостямъ и спорить до головной боли. Даже Романъ Серг. забываетъ свои ванны и болѣзнь, чтобы кричать вмѣстѣ съ нами. Вчера такъ разнѣжился, что вздумалъ читать вслухъ стихи Лермонтова, мы внимательно и постоянно слушали глазами и столь же постоянно подъ столомъ переписывались. Maman очень рада, что завладѣла ложей Князя и каждый вечеръ отправляется въ театръ. Папа толкуетъ о дѣлахъ, объ Очкинѣ, или объ твоемъ университетѣ и юриспруденціи. Я мало понимаю финансовые обороты и политическую экономію, а боюсь спросить объясненія, очень умно слушаю, и убираю чепчички для Даши. Катюша шьетъ, Любинька вяжетъ, а Maman играетъ съ Мишей въ вистъ. Всѣ здоровы и тебя цѣлуютъ. Я не была, слава Богу, въ третьемъ концертѣ Листа, говорятъ, дамы ужасно осрамились. Вообрази, струна лопнула, онъ ее

съ досадой бросилъ наземь; ее подняли и, какъ святыню, раздѣлили между собою. Гилленшмидъ разсказывалъ мнѣ это съ большими впрочемъ прикрасами. Большое улучшеніе: я уже не спрашиваю, къ чему мы живемъ? Можетъ быть, отъ того, что забыла отвѣтъ, а, можетъ быть, и отъ того, что Вѣра такъ допекла этимъ вседневнымъ вопросомъ, что мочи нѣтъ. Продолженіе впредь, а между тѣмъ прощай, милый другъ Воля, цѣлую тебя.

Élise Ouchakoff.

57.

Варшава $^{3}/_{15}$ *августа 1843 г.*

Не можешь вообразить, другъ мой, въ какое суетливое время пришло письмо твое. Надо было, чтобы оно сдѣлало мнѣ много удовольствія и необыкновенно растрогало меня, чтобы заставить такъ скоро отвѣчать, и благодарить тебя, Вольдемаръ. У насъ на квартирѣ Содомъ и Гоморра; мы переносимся на другую, въ томъ же самомъ домѣ, но въ другомъ павильонѣ; и потому не сердись, если письмо мое будетъ нести оттѣнокъ всей кутерьмы, меня окружающей. Ты самъ разъ присутствовалъ при установкѣ мебели и знаешь, сколько тутъ хлопотъ, нерѣшительности и разнородныхъ приказаній. Теперь еще хуже, ибо мебели вдвое прибавилось, а устанавливающихъ ее настолько же уменьшилось. Н. И. не оставляетъ своей канцеляріи, Миша тоже, Четыркина нѣтъ здѣсь, Maman и Катюша только сбиваютъ съ толку. Остаются только Любинька, Очкинъ и я. Да и намъ грозитъ пріѣздъ Князя и папы. Первый разъ въ жизни я бы желала, чтобы папа опоздалъ однимъ днемъ. Но курьеръ уже пріѣхалъ — и ихъ ждутъ завтра. Ты знаешь, что Князь пригласилъ папеньку ѣхать съ нимъ въ Эгеръ (пропуская Теплицъ) изъ Карлсбада. Папа, слава Богу, здоровъ и веселъ, сколько можно судить по письмамъ. Къ пріѣзду Царя вѣроятно всѣ соберутся. Безаки писали изъ Парижа. Четыркинъ взялъ продолженіе отпуска; сломалъ свой перочинный ножикъ въ Брюсселѣ и поскакалъ покупать новый въ Лондонѣ. Писалъ намъ оттуда и уже успѣлъ очутиться въ Парижѣ. Но скоро проситъ отвѣчать ему въ Геную или Неаполь. Je ne sais quel besoin de locomotion le pousse, mais du train dont il va, probablement nous aurons de ses nouvelles datées de Constantinople ou des Pyrénées. Je crois que cela prouve le rétablissement de sa santé, aussi ne crois-je pas être trop égoïste en désirant son retour. Tu ne peux t'imaginer à quel point je suis animal d'habitude. Cet homme me manque

sensiblement. J'aimais tant sa bonne et triste figure au coin de mon feu Je t'assure que son serrement de main et son amitié m'étaient tout aussi indispensables que ma tasse de thé et mon pachitos de chaque jour. La volubilité n'est pas son défaut, je suis aussi très peu causante; cela fait que nous nous convenons parfaitement; et après quelques heures, passées à nous taire en regardant le foyer, nous nous séparions on ne peut plus ravis l'un de l'autre, nous promettant bien de nous revoir. Rien de plus gai que les dernières soirées que nous passâmes ensemble. Lubinka l'a fait déroger à son mutisme ordinaire; il devenait terriblement discuteur et fort prolixe même, surtout si Вѣра s'en mêlait. Софи et moi restions fidèles à notre caractère ordinaire. Elle, – absorbée dans son malheur présent en rêvant au bonheur futur. Moi, par habitude, indifférence ou nonchalance. Ces bonnes veillées ne reviendront pas de si tôt—probablement jamais. M-r Koniar, après bien des embarras, est parvenu enfin à quitter Varsovie avec sa famille. Ses projets pour l'hiver ne sont pas arrêtés, mais il désire rester à l'étranger. C'est, au moins, ce qu' Hippolyte m'a dit hier. Ou s'il revient, ce sera avec une immense pacotille d'enfants grands et petits,—ce qui me privera de la société de Sophie et de Вѣра. Cette dernière a eu le malheur de pêcher je ne sais où, l'idée la plus saugrenue, la plus baroque s'il en fût jamais—c'est d'entrer au couvent et de prendre l'habit. Cette originalité lui sourit et elle veut à toute force la mettre en exécution. Si tu connaissais son caractère changeant, fantasque, impressionnable, cela t'étonnerais pour le moins, autant que moi. Je ne sais si le voyage la calmera, jusqu'à présent toutes nos remontrances restèrent sans effet. C'est un martyre, avec ces caractères exaltés! Ils prennent l'entêtement pour la force de volonté et le désir du moment (motivé par quelque impression désagréable) pour la vocation ou une inspiration d'en haut. Heureusement que Sophie n'est pas de nature à se laisser influencer facilement.

Quelle distraction! Je m'aperçois que ma lettre devient interminable, et je vois qu'au lieu d'une feuille de papier j'en ai pris deux. Tu n'exigera certes pas, que je la transcrive! – mais comment remplir huit pages? Et puis quel embarras je vais te causer, si je t'impose la lecture ou mieux le déchiffrement de tout ce gribouillage. Si tu en réchappes—je te nomme le digne émule du trop fameux Champollion. Avoue pourtant, que mes lettres, par le travail qu'elles donnent, au lieu de plaisir, font l'effet d'une vengeance sur les personnes et les sentiments qui forcent à quitter ma chaise longue et ma paresse. Il faut avoir un grand fond d'amitié et de patience, pour, qu'après avoir lu mes écrits, on tente une seconde épreuve. Aussi crois-je faire acte de charité quand je laisse tant de lettres sans réponses. „Le jeu ne vaut pas la chandelle“ et l'on se dégoûte bien vite de ma correspondance. Ce n'est pas le cas avec toi, car je te crois bien indulgent et puis je te donne carte blanche pour ne pas les lire. Si tu pré-

fère, prends cela comme expiation de quelque grande faute que tu commettra un jour. La lettre lue, tu sera acquitté. J'ai pourtant trouvé mon pareil. Nous avons reçu quelques lettres de Naples; une de M-r Cottin qu'il a été impossible de débrouiller. Nous étions huit personnes à la lire et il a fallu convenir que j'ai trouvé mon maître, car elle reste encore de l'arabe pour nous. Петръ Николаевичъ m'a promis de t'écrire demain; mais comme il me surpasse encore en paresse, probablement il a déjà trouvé trente six raisons pour s'en dispenser. Il t'aime comme par le passé, et quoiqu'il ne l'avoue pas, je crois que ton *amitié* avec Boulgarine le chipote autant soit peu. Il crains que sa place ne soit usurpée et que tu ne le verra qu' à travers le prisme noir présenté par Boulgarine, son ennemi juré. C'est entre nous, que je te parle. De grâce que ni l'un ni l'autre n'en sachent rien. Je voudrais pourtant bien savoir, pourquoi Boulgarine le voit sous un si mauvais jour? Si plusieurs personnes partagent cette opinion, tu as tort de croire qu'il est méconnu à Varsovie. Peut-être ne l'apprécie-t-on pas assez, mais je confesse que les termes choquants dont s'est servi ton *nouvel ami*, clochent même ici. Je voudrais bien te confier plusieurs histoires charmantes, dont j'ai eu vent un de ces jours... mais le moyen de les confier au papier?

Comment va ton latin pendant ces terribles chaleurs? J'admire ton courage—mais parle moi un peu de ta santé. Est-ce que le travail ne l'influence pas? „Bedenke das Ende" et n'entreprends rien sans cela. Ne te laisse pas abattre par les petits sentiments que tu rencontrera sur chemin; savoure les bonnes impressions, évite les mauvaises, et pense toujours à ce but sublime vers lequel tu marches. Si je savais quelque récompense digne de ton oeuvre et de toi, je te la montrerais de loin, comme un fanal, pour guider tes pas, et relever ton courage quand tu croirais plier sous le fardeau... Mais je n'ai rien à t'offrir, rien, que tu n'aie déjà. Enfant, qui doutait de mon amour, ne sais tu donc pas, que ton avenir c'est tout mon bonheur, et ton bonheur—c'est tout mon avenir? Ne soupçonne tu donc pas qu'on puisse abandonner sans regrets toute sa vie au malheur pour racheter une autre vie plus chère? Quelle amitié te resterait fidèle si la mienne venait à te manquer? Oublies-tu donc que je suis plus que ta soeur—je suis ta seule amie, presque ta mère par les sentiments? Cher ange, aie confiance en moi. Dis moi tes chagrins, pour que je te console. De toi à moi—il n'y pas d'amour propre, ce terrible fléau qui passe et détruit tout. Que de bons sentiments meurent—par crainte de raillerie.

P.S. Н. И. и всѣ наши тебя цѣлуютъ. Вѣроятно скоро будемъ опять писать, ибо пріѣздъ папы обновитъ воображенія. Теперь прощай, мой милый другъ, и да благословитъ тебя Богъ на сонъ грядущій. Цѣлую тебя сто разъ.

58.

Varsovie le $^{10}/_{22}$ *septembre 1843.*

Quoique j'ai une rage de dents insoutenable, cher ami, je ne veux pas te priver d'un plaisir; s'en sera, certes, un pour toi que d'apprendre la promotion inespérée de mon mari. Hier à 5 heures de l'après-dîner S. M. l'Empereur est venu ici de Berlin, d'une humeur un peu grise à ce qu'il paraît, car tous les nôtres étaient en désarroi. Mais vers dix heures il reçut la bienheureuse nouvelle de la délivrance de S. A. Марія Александровна et pour bien fêter la joie d'être Grand-père, d'un trait de plume, il fait cinquante généraux d'autant de pauvres colonels. H. Ив. est du nombre; il en est tout radieux. Conçois-tu bien mon étonnement quand après toutes les trames inimaginables pour la réussite de la première revue, je vois arriver une file de voitures, qui revenant de la parade s'arrêtaient à ma porte et foule de monde qui en descendait pour me combler de félicitations et de demonstration de joie la plus vive. J'en était ahurie! et ce n'est qu' après maintes accolades échangées, que je suis parvenue à savoir ce dont il s'agissait. Papa est au anges et ne m'appelle autrement que son Excellence et c'est la seule journée où il a oublié de remettre sur le tapis son éternelle conversation de retourner en Petite Russie. J'en suis charmée aussi, car tout le monde est heureux; mais je le serais doublement si quelque distinction inespérée venait forcer mon père à se départir de son étrange idée de quitter le service. Car autant que je puis en juger, c'est pour tout de bon cette fois-ci. Et, mon egoïsme à part, ces projets me chagrinent beaucoup pour Maman, dont la santé est toujours languissante. Ma tante Bezak est arrivée de Paris plus jolie, plus piquante et plus vaniteuse que jamais. Son mari a été envoyé à Berlin pour les manoeuvres, où il était incessamment en présence de l'Empereur, fêté par les Prussiens et décoré d'une plaque à l'aigle rouge par le Roi. Cela enfle de beaucoup l'orgueil de Madame – mais je ne lui en veux pas, car ce contentement de soi même la rend aimable et prévenante au possible. Ce qui me fait encore le plus grand plaisir c'est la rupture de tout ce monde avec Mad. L. qui avait le talent de s'immiscer dans toutes les affaires et de les embrouiller autant que faire se peut. Comme si, malheureusement, nous n'avions pas assez des nôtres pour arranger les meilleures histoires du monde et servir de l'aqua Tophana toute chaude. Mon indolence me sauve toujours de tous ces concours. Je me tiens à l'écart par ignorance ou paresse; mais souvent tous ces pourparlers et ces chuchoteries interminables, finissaient par m'impatienter au dernier point. J'espére que nous aurions une trève pour longtemps!

Que tu serais heureux, mon bon frère, d'assister à mon genre de vie habituel à présent! C'est un mouvement, un flux et reflux de monde incessant

Madame Olchine et son mari, les Protassoff vinrent élargir le cercle de mes habitués et comme ils sont possédés d'une rage locomotive extraordinaire, ça fait que nous avons chaque jour quelques parties ensemble. Pisareff et sa coterie, les Ouchakoff avec la leur, forment un cercle de connaissance passablement grand sans compter la société de Koniar qui nous manque. Je ne parle pas de ma famille qui serait plus que suffisante pour moi seule—qui suis toujours pour la solitude—mais puisque cela amuse ma cousine et que ça plait à mon mari, je ne demande pas mieux que de m'amuser. Ainsi vogue la galère! Je t'embrasse un million de fois, cher et bon Woldemar. Pardon pour mon indéchiffrable gribouillage. Adieu, adieu encore.

59.

25 октября 1843 года.

Папа сегодня получилъ письмо отъ тебя, другъ мой Воля. Ты видишь, какъ мнѣ досадно, что ты не получаешь писемъ отъ насъ ибо я сейчасъ же сѣла писать тебѣ; хотя впрочемъ рѣшительно не понимаю, отчего бы это могло случиться, потому что я уже два раза писала въ Дерптъ. Воображаю, какъ ты долженъ безпокоиться, судя по тому, сколько я тоскую, когда не получу во время письма твоего. Нельзя ли ускорить, или, лучше сказать, уменьшить разстояніе отъ одного письма до другого. Совсѣмъ не требую, чтобы ты сочинялъ мнѣ длинныя посланія, но не худо было бы, если бы мы чаще получали извѣщенія объ твоемъ здоровьи. Только два слова „я здоровъ“ и natem koniec. Мы, какъ я уже тебѣ говорила, всѣ здоровы—кромѣ Maman, которая все еще ожидаетъ. Любинька писала, что Марья Ивановна больна,—это насъ очень безпокоитъ. Надѣюсь однакоже, что нѣтъ ничего серьезнаго. Ты знаешь, что Ваничка произведенъ, да и здѣсь опять ужасно много производствъ въ генералъ-лейтенанты и полные генералы. Обшество наше немного разстраивается: Писаревъ сегодня уѣзжаетъ въ Москву. Очкинъ завтра хочетъ рѣшительно ѣхать, но еше не знаетъ куда. Мы недавно всѣ вмѣстѣ обѣдали у Ольхиныхъ. Я бы очень желала, если бы нашъ проэктъ перетащить тебя на время въ Варшаву удался. Ты бы узналъ всѣхъ этихъ новыхъ людей, съ которыми я теперь въ довольно тѣсныхъ сношеніяхъ; иначе, право, трудно

говорить о нихъ. Софи Якубовская тебѣ очень кланяется, Вѣра тоже, хотя и мало знаетъ. Они теперь всѣ въ Дрезденѣ—не думаютъ скоро возвратиться; это весьма непріятно, ибо я съ Софи такъ дружна, что, вѣроятно, мы обѣ скучаемъ этой долгой разлукой. Положеніе ея у отца хотя и не совсѣмъ худо, но надо уже подумать о будущемъ, а пока дѣла Коніара въ затруднительномъ положеніи, никто не позаботится объ ней. А между тѣмъ она все больна и томится неизвѣстностью своей участи. Я очень коротко познакомилась съ Ушаковыми; мы часто ѣздимъ верхомъ, а еще чаще проводимъ вечера вмѣстѣ. Съ Любовь Ивановной я рѣдко вижусь, хотя друзья *на политикѣ;* Александръ Павловичъ часто приходитъ играть ко мнѣ въ преферансъ съ Еліашевичемъ и Евецкимъ. Романъ Сергѣевичъ рѣшительно каждый день приходитъ толковать объ Италіи и заливать тоску по Неаполю зелёнымъ чаемъ.

19 ноября.

Вообрази себѣ, mon cher, что сегодня, разбирая бумаги и конверты, чтобы запечатать мое письмо, я нашла этотъ листокъ, давно назначенный тебѣ, который я въ торопяхъ намарала, не кончила и забыла отослать. Ужъ подлинно разсѣянность! Бѣдный другъ, какъ давно ты не получалъ отъ насъ извѣстій. Сколько радостей и горя время унесло съ тѣхъ поръ!

Молю Бога только, чтобы ты былъ здоровъ и доволенъ своимъ теперешнимъ положеніемъ, съ прочимъ право можно справиться. Какъ идутъ твои университетскія науки? что дѣлаетъ латынь? и поклонникъ оной Д. Фробенъ? а его дочки? а женихъ? Видишь, какъ я отстала, и сколько ты долженъ мнѣ писать. Да пожалуйста, mon cher, если можно, пришли мнѣ послѣднее письмо къ тебѣ Петра Николаевича. Я его тебѣ возвращу съ будущею почтой, если только оно въ самомъ дѣлѣ существуетъ, а не вымышленный анекдотъ. Прощай однако, не то я такъ распишусь, что и самъ будешь не радъ. Какъ то подъ конецъ всегда найдется ужасно много вещей разсказывать. До будущаго разу.

60.

Varsovie le $^{18}/_{30}$ *novembre 1843.*

Je t'avais déjà écrit une lettre il y a quinze jours, cher Woldemar, mais cela sous des impressions si tristes, si tristes que j'ai mieux aimé la déchirer que te faire partager mes dispositions splénétiques et brumeuses comme les pluies de novembre. Comme je ne parle quasi jamais de moi, il est assez naturel de vouloir épancher par écrit le trop plein de mon coeur. Et à qui le dirais-je mieux qu'à toi, mon frère bien-aimé. Quand même ces lettres ne devraient pas être lues, je trouve une joie immense à supposer que tu me connais, comme je ne le suis que pour moi et pour Dieu ou pour ma mère, qui certes me voit de là-haut, car je la sens souvent tout près, tout près de moi tantôt douce et tendre comme pour me benir souvent triste et chagrine comme pour me reprocher. Certes alors, tu ne reconnaîtrais plus cette folle et fantasque créature qui se disait hier encore ta soeur. Mais brisons là-dessus, chéri; et pour changer encore je te présenterai la femme froide, raisonnable et archi-positive que je suis maintenant; en y ajoutant le masque aimable et brillant, que je garde pour le monde, où je vais beaucoup cet hiver-ci. Tu trouveras cela très bien, si bon te sembles, mais voilà l'inconvénient: c'est que lancée, comme me voilà, dans le tourbillon du monde—j'ai peu de loisir et moins encore de liberté. Cela t'explique assez pourquoi j'ai tardé si longtemps à te faire part de l'heureuse augmentation de notre famille. Maman est accouchée il y a quinze jours d'un gentil petit bambin qui aura nom Nicolas et nous fera je l'espére un charmant petit frère. Maman se porte un peu mieux mais elle est encore très fatiguée après la fièvre de lait qui la tourmentait quelques jours. Elle est encore alitée, mais nous la voyons chaque jour en primasera ou dans la matinée, pour l'égayer un peu de nos exploits de la veille que je tâche de raconter aussi drôlement que possible. Chaque dimanche il y a bal au château, outre les jours de gala et les réunions du soir. Mercredi des raouts chez les Ocounéff et mardi il y avait bal extraordinaire chez Kruzenstern pour inaugurer son nouveau logement et fêter l'arrivée du jeune Fourmann. Le local est réellement très beau; les vitraux coloriés du cabinet et les statues de marbre blanc sur des piédestaux simulés en fleurs et arbrisseaux naturels étaient d'un effet magique à la lumière! Nous avons dansé jusqu'à trois heures—les autres sont resté jusqu'à cinq. Mais je devais ce jour-là chaperonner, outre Lubinka, m-lle Pisaréff. Cette extrême confiance m'est tombée du ciel pour me faire des ennemis sur la terre. Madame Pisaréff étant partie pour Pétersbourg, avait confiée sa fille,

demoiselle d'honneur, par parenthèse, à m-me Berg. Le malheur voulut que celle-là fut aussi partie avant le commencement des bals. Un beau jour le Général me prie de mener sa fille chez Kruzenstern et chez la P-cesse Gortchakoff. Charmée de lui faire plaisir, j'accepte; plus tard j'apprends qu'il avait refusé la même faveur à la C-sse Simonitch pour le bal d'Ourousoff. Elles sont furieuses contre moi; ce qui ne m'inquiétrais guère, si je ne craignais un peu que cela sera mal vu de la Princesse Maréchale qui est en délicatesse avec Maman Pisaréff. Du reste j'en prends gaiement mon parti. Hier nous avons très agréablement passé la soirée chez les Protasoff, demain nous dînons chez Fraenkel, avec qui je suis très bien pour le moment; dimanche bal au château, puis l'opéra Italien commence. Coupe tous ces engagements par des visites matinales et du monde le soir chez moi, et tu aura une semaine très bien remplie. Oses dire après cela qu'on peut avoir un moment d'ennui et quelques heures de repos! J'ai fait il y a quelque temps la connaissance de m-r Tyss, le même que tu as vu souvent chez les Balougiansky; mais sous un autre jour ici il passe pour un homme d'esprit supérieur et pour orateur éminent. Je lui ai promis d'aller l'entendre au Sénat. Walouéff (l'homme parfait) que je connais très peu encore, semble promettre un sujet d'étude très intéressant... pour qui voudrais l'entreprendre „dla błahej sztuki". Sa femme passe pour avoir de l'esprit et du comme il faut, ce qui est bien mieux encore; elle est née Wiasemsky et répond au surnom de jolie-laide. Une nouveauté encore: le jeune comte Stroganoff aide-de-camp du Prince. Basta. Je vais te dire adieu pour aujourd'hui, cher Woldemar, pour aller dormir. Un baiser au front, et adieu.

Всѣ наши тебя цѣлуютъ. Любинька въ особенности... кланяется. Катюша намѣрена скоро ѣхать въ Дрезденъ, на нѣсколько времени— къ Елисаветѣ Михайловнѣ, которая располагаетъ пробыть тамъ еще два года. Я ей писала. Matthieu гораздо лучше, надѣются на совершенное излѣченіе. Дай Богъ, чтобы это сбылось. Что же Жакъ Форрегеръ теперь? Правда ли, что Марья Яковлевна скончалась. Бабушка писала сюда очень грозное письмо — это меня очень огорчаетъ за нашихъ добрыхъ старичковъ. Прощай, да люби меня немножко; въ досужное время напиши, что съ тобою дѣлается.

61.

Варшава 31 декабря 1843 г.

Гдѣ-то ты проведешь этотъ вечеръ, добрый, славный мой Володя! Эта мысль напомнила мнѣ нашу разлуку, и грустно, грустно стало мнѣ. Когда то судьба доведетъ насъ жить вмѣстѣ... въ какомъ нибудь забытомъ тепленькомъ уголкѣ родной нашей Малороссіи, гдѣ сердца, какъ двери, на распашку. Вѣроятно, никогда. Будемъ жить розно; кончимъ какъ всѣ: не зная другъ друга и издали помня, что мы родные.

3 января 1844 года.

Какъ я рада, что визиты и разныя приготовленія заставили меня прервать начатое письмо; оно было настроено на такую грустную тему, что вѣроятно кончилось бы слезами. А ихъ надо беречь, другъ мой Воля. Итакъ, поздравляю тебя съ новымъ годомъ; посылаю лучшія мои желанія; благословляю тебя на радость и на счастье; да любовь и молитвы мои тихимъ крыломъ своимъ разгоняютъ всегда сѣренькія тучи надъ свѣтлою твоей душою. Пока не будешь имѣть звѣзды лучшей, блестящей, ярко озаряющей туманную даль и такъ радужно животворящей настоящее... пускай мысль о сестрѣ твоей отраднымъ огонькомъ блуждаетъ позади тебя. Онъ свѣтитъ и грѣетъ и, повѣрь, не обманетъ.

Мы получили послѣднее письмо твое, и письмо къ Очкину; я его еще не отослала, потому что слишкомъ объемисто. Думаю, что хорошо сдѣлала. Петръ Николаевичъ писалъ къ намъ изъ Неаполя и Рима,— проситъ отвѣчать въ Вѣну. Стоитъ ли? Самъ онъ думаетъ скоро возвратиться, за границей скучаетъ, все боленъ, и очень оригинально находитъ, что въ Италіи тепло. Отъ нечего дѣлать познакомился съ давнимъ моимъ обожателемъ аббатомъ Dall'ongaro и по дружбѣ прислалъ отъ него письмо. Я такъ была рада, что наша итальянская переписка прекратилась! Теперь начинать снова ужасно скучно. Онъ очень умный человѣкъ, но энтузіастъ до крайности, романтикъ, поэтъ, что еще хуже, ибо издали они всѣ ужасно высоко заносятся въ надзвѣздную высь. Этотъ уже хотѣлъ посадить меня на Юпитера, разумѣется съ собой. Такъ какъ это могло пойти crescendo, то я просила Очкина написать ему, что мы уѣхали изъ Варшавы (неизвѣстно куда) и тѣмъ couper court à tout ce bavardage. Tu penses, que nous étions joliment étonné de cette nouvelle sortie de son fantasque ami. Mais il n'en fait pas d'autres, ce cher Петръ Николаевичъ! Je garde mes sermons pour

son retour; je n'ai pas eu le courage de lui envoyer une mercuriale par écrit pour le désillusionner. Vrai, il s'imagine m'avoir fait le plus grand plaisir avec cette lettre, à moins qu'il n'aît eu l'intention de ridiculiser le petit abbé. Pour en finir avec cette prêtraille, je te dirais que nous étions en visite de cérémonie chez nôtre nouvel archivêque [1]). Le meilleur homme du monde, à ce que je crois. Il m'a reçu à bras ouvert et certainement nous resterons amis, car il m'a engagé à venir le voir aussi souvent que possible et après une soirée passée ensemble il eut la gracieuseté de me demander la permission d'être mon mentor en fait de livres saints et de m'en fournir bon nombre. Cela a beaucoup plu à mon mari. Николай Ивановичъ à été un peu souffrant, mais grâce aux cieux le mal était passager et nous étions quittes pour la peur. Il est redevenu gai et de charmante humeur. Surtout à la soirée de Романъ les facéties n'en finissaient pas. C'était bien commencer l'année. J'ai oublié de dire que nous avons enterré la vieille chez cet excellent Романъ Сергѣевичъ. Tout le monde était au bal d'Ouroussoff; mais nous avons préféré rassembler notre petite famille chez lui et nous rîames aux larmes. Maman y était aussi; elle commence à se remettre après sa dernière maladie. Les deux enfants sont délicieux. Катюша души не слышитъ въ Дашенькѣ. Сегодня мы тамъ обѣдали. Завтра они будутъ у Якубовскихъ, а вечеромъ у Безака большой вечеръ съ танцами Я почти въ ссорѣ съ Любовь Ивановной, хотя и сама хорошо не знаю за что, но получила пригласительную записку. Вчера былъ великолѣпный костюмированный балъ у Князя. Я въ восхищеніи, что костюмъ Любиньки удался, ибо почти весь былъ составленъ моими выдумками. Она ужасно рада, что отмѣчена въ курьеркѣ, да еще on a eu la galanterie прибавить, что ей чудно *былъ къ лицу подобранъ*. Это былъ костюмъ баядерки съ разными варіяціями моего изобрѣтенія. Розовая атласная юбка, шитая внизу серебромъ; сверху розовая креповая, также шитая серебромъ и бусами, но короче; сверху еще короче и легче юбочка tulle illusion, вся въ сереб. и золот. блесткахъ, бѣлая, и такой же корсажъ drappé и стянутъ серебрянымъ кушакомъ; голова убрана была косами, перевитыми бусами, вуаль, шитый сереб. и золот., подъ нимъ съ боку роза, какъ и у кушака. Много браслетовъ, ожерелье изъ бусъ. Quelque chose d'égyptien et d'archiorientaI qui faisait encore plus ressortir le caractère de sa physionomie. Elle était réellement très bien et a, fait de l'effet. En restera-t-elle là?... C'est une question sérieuse et qui me chipote terriblement. Nous avons beaucoup d'adorateurs, encore plus d'admirateurs, mais d'épouseurs—pas le mot. Et tu sais, que mon premier désir

[1]) Преемникомъ Антонія въ Варшавѣ былъ высокопреосвященный Никаноръ переведенный изъ Минска.

est qu'elle trouve à s'établir convenablement, chez moi. L'avenir est dans la grâce de Dieu, et elle mériterait tout à être heureuse. Si le malheur a quelquefois le pouvoir de développer certaines natures; pour elle, il faudrait du bonheur; autrement elle s'étiolera et ce sera une existence manquée. Comme les couleurs et la joie est un supplément à son genre de beauté, le bonheur doit nécessairement être le supplément indispensable de son caractère. Tu sais déjà que Sophie Jakoubowska est à Dresde avec ses parents; comme ma tante Kantakuzène s'est aussi fixée dans la même ville avec Hélène et la femme de notre malheureux Mathieu, j'ai profité de ce rapprochement pour lui écrire et j'ai déjà eu une reponse. Sophie est connue de Елисавета Михайловна; elles se fréquentent et passent très agréablement leur temps. Les Koniar ne pensent guère à revenir si vite; cela me fait de la peine car réellement je suis bien attachée à cette bonne Sophie, et sa douce société me manque. J'ai bien d'autres connaissances, mais qui ne remplacent pas cette intimité. Madame Protassoff née Wasiltchikoff est une charmante personne, pas jolie, mais parfaitement aimable et comme il faut. Je la vois souvent, ainsi que Madame Olchine et Madame Boutourline. Cette dernière nous quitte bientôt pour accompagner son mari au Caucase. La maison Pisaréff nous est d'une grande ressource, surtout pour Lubinka qui est très liée avec la demoiselle. Elles vont très souvent ensemble au spectacle, ce qui m'arrange beaucoup, vu que c'est un grand plaisir pour ma cousine sans être un inconvénient pour ton archiparesseuse amie et soeur Élise d'Ouchakoff. Bonjour.

Два дня уже, какъ Лиза написала это посланіе, но я задержалъ его, за недосугомъ прибавить нѣсколько строкъ. На праздникахъ къ обыкновенной службѣ присоединилась свѣтская, а время между тѣмъ не ждетъ насъ. Отъ всего сердца поздравляю тебя, любезный другъ Вольдемаръ, съ наступившимъ новымъ годомъ; въ моихъ желаніяхъ ты увѣренъ, будущее покуда впереди, а теперь да сопутствуютъ тебѣ успѣхи на избранномъ тобою трудномъ поприщѣ. Папа непреклоненъ и никакъ не поддается нашимъ просьбамъ о дозволеніи тебѣ пріѣхать сюда лѣтомъ. Признаюсь, я противъ этихъ спартанскихъ чувствъ; но дѣлать нечего, воля отца священна. Мы всѣ здоровы; Дашенька премиленькая дѣвочка; что касается до Maman, то она, при всей добротѣ своей, по прежнему любитъ театръ. Говорятъ, что папа будетъ главнымъ директоромъ ком. внутр. дѣлъ; но эти слухи продолжаются съ полъ года. Должностію моею я доволенъ и радъ очень, что Лиза сдѣлалась здоровѣе и веселѣе противу прежняго. Прощай, обнимаю тебя и остаюсь преданный другъ

Н. Ушаковъ.

Merci за память и за поклонъ, добрый, славный Вольдемаръ. Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ и въ числѣ первыхъ желаній ставлю Вашъ пріѣздъ въ Варшаву. Кажется, есть этому препятствіе, но, быть можетъ, все уладится. Я весела и здорова. Вотъ Вамъ повѣсть обо мнѣ [1]).

62.

Le 23 Février 1844 Varsovie.

En réponse à ta dernière lettre, cher Woldemar, je t'avais écrit une longuissime epître; mais j'étais toute indécise si je devais te l'envoyer ou non. Время шло, а я все боялась тебя огорчить и не отсылала письма. Теперь мнѣ ужасно совѣстно, ибо сегодня (3 марта) уже получила второе письмо отъ тебя, мой милый другъ. На всякій случай пошлю тебѣ и прежнее письмо мое, какъ отголосокъ *бывшихъ* мнѣній папы; pour le moment il a changé d'idée et c'est ta lettre pour lui qui a produit l'heureuse conversion. Il est parfaitement convaincu qu'on peut te donner liberté pleine et entière dans ta manière de distribuer ton temps et tes occupations. Toutefois Papa désire que tu sois en état de terminer tes études universitaires dans trois années; voyager une année en Allemagne, en France et en Angleterre, et revenir au plus vite prendre service en Russie. Du reste il est charmé de la manière dont tu lui écris et, comme je viens de te le dire, il est aux anges de ta dernière lettre. S'il m'est permis de donner un tout petit conseil à mon charmant petit philosophe de frère, je lui dirais tout bas de ne pas négliger la langue française, car c'est avec elle seule qu'on réussit de nos jours. D'ailleurs tu sais par expérience combien l'homme le plus aimable, le plus instruit devient gauche et embarrassé, s'il ne sait pas entrer en matière par de jolies phrases et une élocution facile; tandis que pour un sot ignorant le français est un passeport suffisant pour être parfaitement bien reçu dans tous les salons. En un mot c'est l'alpha et l'oméga de toute instruction (mondaine). Mais trève là-dessus, mon cher, cela doit t'ennuyer autant que cela m'embête! Tu dois comprendre qu'on croit agir dans ton intérêt en te faisant digérer des vérités un peu dures--phrase de rigueur après toutes les mercuriales. Je devais la placer ici.

[1]) Приписка Любовь Николаевны Скворцовой, вышедшей потомъ замужъ за Н. Ѳ. Романовича.

4 марта 1844 года.

Вспомни стихи Пушкина:

Не дай намъ Богъ сойтись на балѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шали.
etc. etc. etc.

и забудь пожалуйста все, что я тебѣ говорила въ предыдущихъ строкахъ. Теперь отдохнемъ и поговоримъ de coeur à âme. Прежде всего сообщу тебѣ пріятную новость, что Hélène Кантакузенъ выходитъ замужъ въ Дрезденѣ за графа О'Донель. Это писалъ намъ Александръ Дараганъ, который возвратился съ женою изъ Италіи, и теперь у тетеньки Елисаветы Михайловны. Проситъ насъ достать позволеніе провезти свои вещи черезъ таможню. Николай Ивановичъ ему это сдѣлалъ черезъ Лохтина;—хотя не совсѣмъ пріятно имѣть обязательства съ такими людьми, да нечего дѣлать. Du reste on dit, qu'il vaut mieux, que sa réputation et surtout beaucoup mieux que sa femme, qui, pour le moment, est l'intime amie de madame Bezak. Вообрази, что ихъ соединяетъ общая ненависть ко мнѣ (??), а раздражаетъ ихъ еще болѣе мое непоколебимое равнодушіе ко всѣмъ вымысламъ, кознямъ и аква-тофанамъ этихъ бѣдныхъ женщинъ. Vrai, je les plains du plus profond de mon coeur; il faut être ou bien méchante ou horriblement malheureuse pour avoir tant de fiel et d'aigreur dans l'âme. Ce qui m'impatiente quelquefois, c'est que ce pauvre Ọtchkine s'est fait le bouc émissaire de toutes les saletés qui se débitent chez M-me L. S'il y a une nouvelle calomnie, un joli cancan etc. etc. à faire circuler dans le monde, Madame ne manque jamais de le mettre sur le dos de Петръ Николаевичъ; ce qui lui fait, à l'ombre, des ennemis sans fin et pas un seul ami pour lui présenter le ridicule de sa position: être le jouet d'une femme dépravée, qui, pour le tenir plus fort dans ses lacs, le couvre d'infamies et de bassesses pour le faire mépriser de tout le monde. A ne l'envisager que comme une oeuvre d'art, on se sent envier de pleurer comme devant une Vénus de Médicis brisée,— devant cette belle production de Dieu tellement abâtardi. – Ohimé!— Я думаю, mon cher, что ты долженъ покинуть надежду пріѣхать лѣтомъ въ Варшаву; папа этого не желаетъ, и я уже боюсь возобновлять разговоръ объ этомъ, ибо онъ говоритъ, что все это—мои затѣи, и что уже разъ мы безъ его воли тебя выписали въ Варшаву и тѣмъ очень повредили. Итакъ, прощай надежда; мнѣ это тѣмъ прискорбнѣе, что въ послѣднемъ письмѣ ты пишешь мнѣ, что тебѣ необходимо освѣжиться, выѣхать на нѣсколько времени изъ Дерпта.

Меня ужасно разсмѣшило выраженіе, что ты „повздорилъ съ кобитой". Ты, обыкновенно такой мирный, за что? Жаль, что ты подроб-

нѣе мнѣ не пишешь обо всѣхъ твоихъ vicissitudes, меня бы это очень позабавило (только, ради Бога, не попадись къ Лохтиной). Не знаю, писалъ ли тебѣ Ваничка, что есть надежда продать весьма выгодно землю Н. И. Я уже давно острю на это зубы и дѣлаю самые восхитительные планы. Дай Богъ, чтобы удалось; но молчи объ этомъ, также какъ и объ томъ, что папа намѣренъ въ маѣ мѣсяцѣ проситься въ безсрочный отпускъ и ѣхать въ Малороссію (что будетъ не послѣдняя глупость). Это еще не рѣшено, но если, не внимая ничему, папа рѣшится сдѣлать это, то я также буду проситься въ отпускъ и поѣду съ нимъ къ бабушкѣ. Можетъ быть, отъ того, что я больна все, но съ нѣкоторыхъ поръ у меня непреодолимое желаніе побывать въ нашей благословенной Малороссіи. Все такъ надоѣло! Князь собирается ѣхать въ Петербургъ и, вѣроятно, возьметъ Николая Ивановича, ибо больше некого. Я не сказала тебѣ еще, что Очкинъ боленъ: онъ заболѣлъ еще въ Миланѣ; но какъ непреодолимая сила гнала его въ Варшаву, то изъ теплаго климата онъ поскакалъ черезъ снѣговыя горы въ Вѣну; схватилъ сильный артретизмъ и всетаки продолжалъ летѣть въ Краковъ; тамъ его чуть живого вынули изъ саней. Рейнгардъ и Лохтинъ поѣхали отсюда за нимъ въ Краковъ, и черезъ восемь дней коекакъ довезли въ Варшаву. Здѣсь онъ до сихъ поръ лежитъ въ постели, но Н. И. и Романъ говорили мнѣ, что теперь ему гораздо лучше. Впрочемъ эта болѣзнь зависитъ отъ всякой перемѣны погоды, и посему можно имѣть прекрасную перспективу въ эту дождливую весну.

Не въ сплахъ я, любезный другъ Володя, прибавить еще что нибудь къ письму Лизы. Хорошо ей разглагольствовать на свободѣ, а у меня ежедневныя канцелярскія занятія изсушаютъ послѣднюю искру воображенія, которая еще можетъ оставаться у человѣка въ 40 лѣтъ. Послѣднее письмо твое къ Лизѣ породило у насъ разные толки: Шафарикъ и чешскій языкъ меня встревожили; но къ счастью подоспѣло кстати посланіе къ Рара и мы опять успокоились на твой счетъ. Андрей Яковлевичъ снова начинаетъ заговаривать объ отставкѣ; Maman и Катюша въ тревогѣ, а я думаю, что все это кончится по старому. Съ честолюбіемъ Рара нельзя удалиться въ деревню, и притомъ онъ долго не останется здѣсь безъ мѣста: нужно немного потерпѣть. Мы съ радостью читаемъ всѣ статьи о Дерптѣ, которыми надѣляетъ публику Булгаринъ. Жить тамъ, какъ кажется, недурно, исключая нѣмецкаго однообразія. Да поможетъ тебѣ Богъ перенести все съ постоянствомъ. Я радъ, что одинъ годъ уже кончился,—остается еще три, и тогда мы обнимемъ тебя опять въ Варшавѣ по пути въ Европу; ибо Андр. Яковл. не прочь отъ того, чтобы ты сдѣлалъ заграничное путешествіе. Цѣль вдали прекрасная! Обнимаю тебя, милый другъ, и остаюсь преданный тебѣ искренно Н. Ушаковъ.

63.

Le 15/27 juin 1844.

Il y a des siècles, que je ne t'ai écrit, cher, bon Woldemar! Certes, cela n'a pas d'excuses; mais, que veux tu, elles me viennent en foule au moment de t'écrire, et je pourrais bien t'en citer au moins trente-trois quasi valables, si je ne craignais si fort d'abuser de ta patience et surtout d'épuiser ton indulgence, qui m'est toujours d'un si grand secours. Je t'avouerai pourtant, que la maladie n'est pas le meilleur auxiliaire pour rendre les gens aimables et spirituels. Voilà trois lettres, que reçois de ce bon Романъ. J'ai beau me mettre martel en tête,—impossible de lui trouver une réponse; ne fut-ce que la plus maigre petite pensée de souvenir ou d'amitié, égarée par hasard dans mon cerveau. Rien—toute ma vie d'à présent se résume dans le mot „j'attend"—même la permission de penser et surtout de souffrir. Знаешь ты псаломъ: „Друзья мои,—враги мои" (тогда еще вѣрили въ первое слово). Я хочу переложить его и сказать, что первый врагъ мой—голова моя. Сначала я боролась и старалась покорить ее; теперь я больше берегу себя и только укрощаю ее тѣмъ, что совершенно забываю. Je me laisse aller et cela me réussit jusqu'à présent, je ne me tourmente plus, je mange, je bois, je dors comme tout le monde et ma seule inquiétude est, qu'une émotion quelquonque ne vienne déranger l'ordre de ma chère machine physique et gâter dans une heure le produit de tant de peines. Du reste, je me soumets d'avance à tout ce qui plaira à Dieu de m'envoyer; j'ose croire qu'il daignera jeter un regard clément et miséricordieux sur une faible créature, que la première épreuve a déjà tant épuisée, qu'il lui serait impossible de se roidir contre un nouveau malheur. Si ce n'est pour moi, je voudrais pouvoir espérer pour mon mari la fin heureuse de ma grossesse. Ce serait combler tous ses voeux et le remercier un peu pour tout le bien, qu'il ne cesse de me faire pendant cinq années jours par jours et minutes par minutes. Comme je te le dis c'est un état transitoire que le mien; je ne commencerai à vivre qu'après. Tout ce qui m'arrive à présent je le prend comme un accident de la route plus ou moins rude, que je parcours—heureuse de rencontrer par-ci par là quelques beaux jours de soleil où l'on peut risquer une promenade. Pour cela rien de plus joli que notre logement actuel. Tu le connais par ouï-dire. S'il fait beau, je suis au jardin dès sept heures du matin; H. Ив. monte à cheval et Lubinka dor tout bonnement. Vers dix heures nous nous rassemblons pour déjeuner;—et ce qui fait mes délices à présent et ce qu'autre fois j'avais en horreur c'est le lait caillé très froid avec sucre et canelle. Bah, j'oubliais de te dire, que parmi mes privations il y en a une, qui te fera plaisir, c'est la cigarrette,

ma passion si tenace, complètement abandonnée. Je te dirai un jour mes remarques philosophiques sur ce sujet. Pardon, mon ami, de te parler toujours de moi. C'est du reste le reflet de nos pensées et de nos conversations quotidiennes; elles n'ont pas le mérite d'être parfaitement intéressantes, mais éminemment flatteuses pour l'amour propre de ta très humble servante. Quelques mots sur les autres.

Ты знаешь, что Катюша получила имѣніе, т. е. часть, принадлежащую ей по законамъ, наслѣдства послѣ мужа, который умеръ въ апрѣлѣ. Миша проводилъ ее до Кіева, а самъ оттуда съѣздилъ въ Богодуховку и возвратился теперь въ Варшаву; Катюша же останется въ Кіевѣ до сентября. Дѣла ея, какъ кажется, идутъ хорошо, родственники даютъ ей самую лучшую часть, за которую она получитъ не менѣе 30 тысячъ рублей ассигнаціями, и съ этими деньгами она думаетъ опять возвратиться къ Papa. Богодуховскіе старички, по словамъ Миши, еще довольно бодры. У Александра родилась дочь, а Варюша, кажется, надѣется подарить Николая восьмымъ!!!

Александръ, par parenthèse моя антипатія, былъ въ Богодуховкѣ; дѣдушка надъ нимъ подсмѣивается, что онъ вздумалъ среди Малороссіи вести столичную жизнь фата, т. е. вставать въ 11 часовъ, обѣдать въ 6, а промежутокъ наполнять заботами о бакенбардахъ и т. п. Миша чуть было не женился въ Малороссіи; впрочемъ и не совсѣмъ отложилъ. Разныя исторіи объ этомъ впереди.

Лиза забыла сказать, что въ Малороссіи страшная тоска,—до того, что Миша тремя днями ранѣе пріѣхалъ изъ отпуска.

64.

Varsovie. le 5/17 août 1844.

Nous avons reçu ta charmante lettre datée de Pskoff. Tu peux bien comprendre combien j'étais charmée de savoir que toi aussi, tu as eu une petite part bonheur dans ce bas monde, où l'on est souvent si mal partagé. Et ton existence me parait si triste, si triste quant à présent, qu'il faut envisager comme une spéciale bénédiction d'en haut chaque moment de distraction ou de répit. Pauvre cher frère, te voilà de nouveau penché sur tes livres et tes extraits! Mais n'allons pas nous apitoyer sur ton sort, cher ange. Et puisque tu aimes assez les livres, je te dirai en guise de consolation que j'ai prié Papa de faire acquisition pour toi de Say, Smidt, Férreira et Machiavel qui se vendaient по случаю; de très belles éditions de Paris, mais un peu trop volumineuses pour le transport; je ne sais trop quel moyen

imaginer pour te les faire avoir. Qu'en penses-tu? J'ai envoyé tes deux dernières lettres à Papa par Beklémicheff qui est parti à la suite du Prince. Heureusement mon mari est resté et c'est, je crois, Hilférding qui est chargé de le remplacer à Hommel Quand le chat n'est pas à la maison, les souris dansent sur la table; aussi on s'en donne à coeur joie à Varsovie. Николай Ивановичъ, lui-même, a dérogé. Il a planté là sa chancellerie et ses paperasses et est allé passer une journée à Schymanoff. C'est le rendez-vous de presque toute notre société. Tu sais que Koniar a acheté cette campagne à Jakubowsky et s'est installé là pour tout l'été. Sophie et Wérà sont venues le joindre, et récemment Madame Koniar est arrivée de Dresde avec Marie et Katinka. De sorte que la famille est au grand complet, car Modeste et Valérien sont venu passer leurs vacances à Varsovie. Lubinka est resté là avec M-me Protassoff jusqu'à samedi. Je suis malheureusement forçée de me priver de tous ces plaisirs campagnards; mais nous tâchons de nous ennuyer le moins possible en ville. Par le beau temps on ne s'en trouve pas mal. Mon mari monte beaucoup à cheval; puis nous faisons de longues promenades et l'autre jour encore Голицынъ nous a entraîné à Wierzbno. Александръ Михайловичъ занимаетъ теперь мѣсто Поля „Почтъ-Директоръ“. Миша все какъ то нездоровъ, я его даже какъ то мало вижу. Катюша еще не пріѣхала; вѣроятно, думаетъ возвратиться съ Рара. Елена Кантакузенъ уже вышла замужъ. M-me Koniar ее видѣла до отъѣзда своего изъ Дрездена. Туда пріѣхалъ также Michel Кантакузенъ и, кажется, намѣренъ проводить Елисавету Михайловну въ Богодуховку. Я бы очень желала, чтобы они проложили путь себѣ черезъ Варшаву, чтобы повидаться съ тетенькой; но такъ какъ Катюши еще нѣтъ здѣсь, то врядъ ли можно на это надѣяться. Вчера (т. е. 16-го), мы получили письмо отъ Катюши. Она видѣла папу въ Кіевѣ и потомъ въ Богодуховкѣ. 25 іюля онъ отправился въ Гомель навстрѣчу Князю; и вѣроятно, дней, черезъ восемь будетъ сюда. Бабушка и дѣдушка, слава Богу, здоровы и веселы; но довольно непріятная исторія случилась съ Николаемъ: его отставили отъ должности безъ всякой причины, по словамъ Катюши, т. е. безъ суда. На его мѣсто назначилъ Курба какого то Алексѣева. Все это довольно темно; Миша думаетъ, что Николай долженъ требовать слѣдствія; но иногда это очень опасно и Катюша очень заблуждается, если думаетъ, что изъ Варшавы такъ легко дѣйствовать на Провіантскую Коммиссію въ Кіевѣ. Не понимаю, какъ она не обратилась къ папѣ за совѣтомъ!

18 го августа. Николай Ивановичъ и Романъ Сергѣевичъ уѣхали сегодня опять въ Шимановъ за Любинькой, которая до сей порыгоститъ тамъ и, кажется, очень веселится, судя по всему, что разсказываютъ молодые люди, возвратившіеся оттуда. Въ воскресенье былъ праздникъ и théâtre de seule société и т. п. А у насъ здѣсь страшная скука: погода

ужасная, театры закрыты по случаю траура и наши дамы вообразили, что должны подражать придворнымъ дамамъ и всѣ безъ толку нарядились въ черное. Слава Богу, что я имѣю причину не выѣзжать, а то право можно заразиться глупостью и злостью, если не умереть изъ состраданія къ ихъ пошлости. C'est le climat de Varsovie. Я такъ занята собой, что не имѣю почти времени скучать и заниматься другими. Николай Ивановичъ меня по прежнему балуетъ. За то у меня въ домѣ ужасная кутерьма отъ всѣхъ этихъ нововведеній. Насилу окончили мой кабинетъ, который теперь просто чудо какъ мнѣ нравится. Я боюсь дѣлать планы, но если Богъ дастъ, что все благополучно кончится, прекрасно будетъ жить на свѣтѣ. Подальше бы только отъ людей, а еще дальше отъ друзей.

18 августа.

Письмо Лизы, начатое еще 5-го августа, она продолжала пополнять по временамъ; но за всѣмъ тѣмъ не могла кончить, потому что ей трудно теперь всякое занятіе. Опасаясь оставить тебя надолго, милый другъ, въ неизвѣстности объ насъ, я рѣшился отправить къ тебѣ письмо безъ конца, добавивъ къ нему свою приписку. Лиза въ это время беретъ ванну. Здоровье ея, благодаря Бога, въ утѣшительномъ состояніи; но до развязки осталось, кажется, не менѣе 6-ти недѣль и это самый трудный эпизодъ беременности. Она постилась весь Успенскій постъ, потомъ говѣла, исповѣдывалась и въ самый праздникъ, 15 августа, пріобщилась Св. Таинъ; теперь можно покойнѣе ожидать будущаго.

Я вчера возвратился изъ Шимановa [1]); но Любиньку оставилъ тамъ на нѣсколько дней, по убѣдительной просьбѣ Коніаровъ: ей тамъ весело въ кругу 4-хъ женщинъ почти одного съ нею возраста. Жаль только, что нынѣшнее лѣто совсѣмъ не для деревни: дожди у насъ почти не прекращаются.

Рара еще не возвратился; но ждемъ его дней черезъ 10, а можетъ и ранѣе. Онъ купилъ уже имѣніе у Щербака и съ восхищеніемъ описываетъ деревенскую жизнь. Въ отсутствіи его у насъ сплетни усилились и къ сожалѣнію все это направляютъ на Лизу, которая нѣсколько мѣсяцевъ никуда не выѣзжаетъ и изъ привычныхъ гостей имѣетъ только одного Четыркина. Я вчера разссорился не на шутку съ Maman за то, что она равнодушно выслушиваетъ отъ Любочки разныя исторіи на Лизу и потомъ пріѣзжаетъ разсказывать къ намъ подъ видомъ родственнаго

[1]) Шимановъ—имѣніе Коніаровъ въ Сохачевскомъ уѣздѣ Варшавской губ.

участія, не имѣя духа запретить Любочкѣ подобное злоязычіе. Я и самъ раздѣлался бы съ Любочкой, но мы уже годъ, какъ не видимся, и потому это оставляется до случая. Даша и Коля премиленькія дѣти, но первая очень избалована и капризна. Путешествіе твое на пароходѣ доставило намъ много удовольствія. Теперь, когда Булгарина нѣтъ въ деревнѣ, жду отъ тебя обѣщанныхъ матеріаловъ. Прощай, мой безцѣнный другъ, будь здоровъ и люби по прежнему твоего искренняго брата

Н. Ушаковъ.

P.S. Лиза тебя крѣпко цѣлуетъ.

65.

Варшава, 18 генваря 1845 г.

Ты не повѣришь, добрый другъ мой, какъ грустно мнѣ было читать послѣднее письмо твое; воображеніе бродитъ, сердце не спокойно, умъ также ищетъ пищи... и, не находя ея достаточною въ сухихъ реляціяхъ о римскомъ правѣ, долженъ непремѣнно бросаться вкось и ложно судить о дѣйствительности, которую по неопытности ты представляешь себѣ совершенно иною, чѣмъ она есть въ самомъ дѣлѣ. Не знаю, что ты понимаешь подъ словами: „Мечтательный мой годъ приближается къ концу“; ничего нѣтъ положительнѣе твоихъ теперешнихъ занятій, потому что они приближаютъ тебя все болѣе и болѣе къ предназначенной цѣли, которая, будучи избрана самимъ тобою, не должна была бы быть забытою въ предположеніяхъ о будущемъ, какъ бы непріятны ни казались перекрещивающія ее обстоятельства, вліянія и впечатлѣнія. Послѣдовательность и постоянство необходимы, чтобы привесть въ исполненіе рѣшительныя намѣренія и самые геройскіе поступки, а торжество оправдываетъ все. Подумай только, съ какою гордостью, съ какимъ сознаніемъ своего достоинства ты можешь выступить на судъ мірской, исполнивъ все, предназначенное тобою. Принимая участіе въ общей дѣятельности, какъ высоко ты станешь надъ толпою, вышедши побѣдителемъ въ борьбѣ съ наукою; какую цѣнность принимаетъ твой характеръ, и какое прекрасное право ты будешь имѣть за собою презирать людей, дѣлаясь имъ полезнымъ, уничтожать ихъ своимъ превосходствомъ, и на всѣ ихъ несправедливости, мелочные взгляды и воображаемо непреложныя сужденія отвѣчать имъ не фразами, а цѣлою жизнью. О, сдѣлай, другъ, чтобы вся эта свѣтлая,

прекрасная, блестящая будущность, которую я въ мечтахъ соорудила для тебя,—осуществилась. Какъ счастливъ будетъ папа! Ты не повѣришь, какъ онъ тебя любитъ; съ какимъ восторгомъ говоритъ объ этомъ. Повѣрь, чувства отцовскія выше самолюбія и всякихъ страстей. Если онъ иногда выражается немного круто, то это просто изъ ошибочнаго заключенія строгостью пріобрѣсти все желаемое; при томъ же его безпрестанно мучатъ вопросами о тебѣ. Что, какъ и зачѣмъ? Давеча опять князь спрашивалъ, скоро ли ты будешь магистромъ, и какъ папѣ не стыдно было позволить тебѣ перемѣнить службу. Папа самъ желаетъ ужасно скорѣе тебя видѣть, а между тѣмъ боится это показать, чтобы выдержать характеръ и не видѣть тебя до магистерскаго званія. Ты ему писалъ о желаніи своемъ вступить въ сенатъ, и бѣдный папа ужасно мучится, предполагая, что ты, можетъ быть, не выдержишь экзамена и потому ранѣе рѣшаешься на это. Я увѣрена, что этого, быть не можетъ, и такъ говорила ему; но онъ, кажется, очень боится, ибо говоритъ, что не только два года, но еще четыре употреби на ученье, онъ пришлетъ тебѣ вдвое денегъ, только имѣй дипломъ до вступленія въ какой-нибудь родъ службы. Надѣюсь, mon cher, что подумаешь обо всемъ этомъ до предпринятія чего нибудь рѣшительнаго. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта на это письмо, всетаки въ надеждѣ, что всѣ эти дебаты останутся между нами. Прощай, дружочекъ, не пеняй на сестру, что рѣшается иногда говорить тебѣ открыто свои, можетъ быть, фальшивыя сужденія, и люби попрежнему Лизу, вѣчно обожающую тебя.

66.

Варшава 3/15 *марта 1845 г.*

По календарю должна была бы давно быть весна, а еще все мерзнемъ болѣе и болѣе. Зима стоитъ такъ упорно, что на польскіе праздники можно будетъ кататься на саняхъ. Вещь неслыханная! Надежды нѣтъ на теплую погоду, когда видишь 23 градуса мороза. А я жду съ такимъ нетерпѣніемъ весны, чтобы выпускать свою малютку [1]) на воздухъ. Она становится чрезвычайно мила и, слава Богу, здорова; оспу выдержала прекрасно. Но наступаетъ ужасное время зубовъ и я безпрестанно между страхомъ и надеждою. Все въ рукахъ милости Бо-

[1]) Дочь Ушаковыхъ Марія Николаевна родилась въ срединѣ октября 1844 г.

жіей и потому лучше объ этомъ не говорить. Ахъ! если бы я могла только себя заставить не думать! Ничего не можетъ быть миніатюрнѣе этой славной дѣвочки, кромѣ ея же носика. Прибавь къ этому огромные голубые глаза, съ длинными черными рѣсницами и такими же бровями, и ты имѣешь полное понятіе о нашей Машенькѣ, потому что это первая вещь, которая бросается въ глаза и придаетъ уже теперь какое то странное выраженіе всему этому маленькому существу. Я бы очень желала, чтобы ея черные волосы и голубые глаза сохранили свой цвѣтъ,—это обѣщаетъ быть очень оригинально, даже на ея смугленькомъ личикѣ. Но если бы она сдѣлалась совершенной дурнушкой, то и тогда я осталась бы совершенно счастливой, только бы была здорова. Дѣточки Maman, слава Богу, здравствуютъ и процвѣтаютъ; особенно Дашенька такая хорошенькая, что ей прощаются всѣ ея капризы. Коля уже ходитъ, но немного хомякъ, мало говоритъ, ужасно много ѣстъ и еще болѣе любитъ спать. Катюша опять отправилась въ Малороссію по своему наслѣдству, а папа и Michel собираются побывать тамъ весною. Если бы ты скорѣе могъ кончить свое ученье, и намъ удалось бы когда нибудь всѣмъ собраться тамъ! Желала бы я очень, чтобы это удалось еще при жизни старичковъ, которые насъ выняньчили. Жаль, что Николай Ивановичъ не поѣхалъ въ Петербургъ; онъ бы конечно заѣхалъ къ тебѣ въ Дерптъ, чтобы переговорить насчетъ всего обстоятельнѣе. А то въ письмахъ вы съ папа зашли уже такъ далеко, что, кажется, совсѣмъ перестали понимать другъ друга. Вообще такой способъ передачи мыслей ужасно затруднителенъ и тяжелъ; ибо, когда у насъ уже давно все перемѣнится и уже начинаютъ находить хорошія стороны твоихъ новыхъ предположеній,—получаютъ только что отвѣтъ на давнопрошедшія распоряженія папы, и обратно. Легко можно вообразить, какая изъ этого выходитъ разноголосица. Ты не повѣришь, какъ все это меня тревожитъ; тѣмъ болѣе, что дурныя впечатлѣнія должны въ тебѣ ужасно накопляться за недостаткомъ излія-нія, а особенно, противодѣйствія. Здѣсь отъ безпрестанныхъ разговоровъ pro и contra они замѣтно притупляются, смягчаются,—ласковое письмо отъ тебя, нѣсколько умныхъ строкъ,—и все забыто. Начинаются новые планы, блестящѣе самыхъ блестящихъ... до перваго недоразумѣнія.

Вспыльчивость—самая вѣрная дорога къ раскаянію. Пожалуйста, не принимай все такъ близко къ сердцу, чаще смотри на письма, какъ на первое впечатлѣніе гнѣва, радости или печали. Избирай, какъ китайцы, всегда середину и старайся удержаться въ ней, а главное будь со мною какъ можно откровеннѣе. Насчетъ долговъ будь спокоенъ; напиши аккуратно ко мнѣ и я все заплачу. Надѣюсь, что ты не вздумаешь церемониться. Впрочемъ, pour mettre ta délicatesse à ouvert я

(хотя и почитаю все мое – твое) дамъ тебѣ это въ долгъ, который ты отдашь, если не мнѣ, то Машѣ. Вотъ уже основа связи между вами. Прощай, дружочекъ, сто разъ цѣлую тебя и прошу помнить, что умываю себѣ руки отъ всѣхъ вашихъ démêlés съ папой, ибо не знаю другихъ узъ кромѣ дружбы и любви.

Мнѣ нечего прибавить тебѣ, любезный другъ Володя. Я не могу перемѣнить мнѣнія моего о томъ, что ученый аттестатъ необходимъ для гражданской службы и недавно писалъ къ тебѣ это во всей подробности. Не сердись, если мы не сходимся въ сужденіяхъ о твоей будущности. Чѣмъ бы ты ни былъ, ты останешься всегда близкимъ моему сердцу; все остальное только рамки. Цѣлую тебя отъ всей души и остаюсь преданный братъ

Н. Ушаковъ.

67.

Варшава $^{16}/_{28}$ *марта 1845 г.*

Недавно писала я къ тебѣ, другъ мой, еще не получила отвѣта,— и уже тороплюсь опять. Это можетъ удивить тебя, ибо не совсѣмъ въ моихъ привычкахъ; но съ тѣхъ поръ такъ много произошло перемѣнъ интересныхъ для тебя, что я хватаюсь за случай доставить тебѣ малѣйшее удовольствіе и даже безъ сожалѣнія стряхиваю свою обычную лѣнь.

Начинаю съ того, что папа дастъ тебѣ полную свободу дѣйствій и мыслей, будучи увѣренъ, что ты всегда оправдаешь его довѣренность, не уронишь своего имени и не надѣлаешь ему непріятностей. Онъ дѣлаетъ съ своей стороны всевозможныя уступки, не ожидая никакого вознагражденія; но нельзя же требовать, чтобы онъ отказался отъ самаго завѣтнаго желанія, именно: видѣть тебя съ какимъ нибудь аттестатомъ, магистра, кандидата или даже дѣйствительнаго студента. Прежде мы думали, что это тебѣ совершенно невозможно; но послѣднее письмо опровергло всѣ догадки не въ твою пользу и увѣрило, что это въ твоей власти. Стало быть очень естественно надѣяться, что мы скоро тебя увидимъ, ибо это было единственное препятствіе къ нашему соединенію. Не знаю, такъ ли я поняла твое желаніе свободы,—но, кажется, что ты подъ этимъ понимаешь „позволеніе пріѣхать въ Варшаву“. Изъ сегоднешняго письма папы ты увидишь, что онъ уже теперь гораздо болѣе склоненъ къ этому, и я надѣюсь, что къ каникуламъ мы

будемъ имѣть его совершенное согласіе. Только пожалуйста не предпринимай ничего, не написавши *мнѣ* объ этомъ. Теперь приступимъ къ новостямъ и выведеннымъ мною оттуда надеждамъ и планамъ для тебя. Генералъ-губернаторъ Писаревъ уволенъ въ безсрочный отпускъ. Должность его раздѣлена на двѣ части; Окуневъ сдѣланъ просто ген.-губ. города, а папѣ оставлена лучшая часть именно: Директора Коммиссіи или, какъ у насъ говорятъ, министра Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго съ приличнымъ содержаніемъ. На мѣсто Фурмана, министромъ финансовъ сдѣланъ Муравскій, а товарищемъ его Очкинъ, произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ тридцатью тысячами содержанія. П. Ф. Еліяшевичъ получилъ ленту, другихъ ты не знаешь.

Изъ этого сейчасъ представилась мнѣ прекрасная возможность для тебя начать службу въ Варшавѣ и тѣмъ окончить курсъ юриспруденціи, узнавая права польскія. То-то мы бы весело зажили! Я еще не говорила моихъ мыслей папѣ; но, надѣюсь, онъ согласится съ ними и оправдаетъ мои предположенія. Послѣ перваго разговора буду писать къ тебѣ и спрошу твое мнѣніе. Пока прощай, да хранитъ тебя Господь Богъ. Онъ никогда не оставляетъ надѣющихся на Его благость.

Élise Ouchakoff.

63.

Varsovie le 16 Juin 1845.

J'ai passé quelques jours à la campagne, cher Woldemar, et c'était une bien douce surprise pour moi que de recevoir ta lettre au moment de mon retour à Varsovie. Tu ne saurais imaginer quelle bienfaisante influence produit sur moi ton souvenir; c'est un baume universel pour toutes mes blessures; une digue à tous les tumultueux instincts qui s'agitent parfois dans mon coeur et en même temps une égide contre les mauvaises inspirations du dehors. Dans mes jours d'ironie et d'indignation, c'est un calmant, dans d'autres jours, plus tristes, c'est un espoir et bien souvent dans mes heures d'atonie ou d'inaction morale, cela devenait mon stimulant. Cette constante et chaleureuse amitié est bien naturelle, car tout sentiment pur, noble et bon, doit être immuable, comme Dieu dont il dérive; mais ce qui m'étonne un peu moi-même c'est que ce soit le seul, que jamais le poison du doute n'a attaqué,—même dans les plus noirs moments de ma misanthropie et de ma défiance. Peut-être l'un s'explique par l'autre et vice versa. Je ne veux pas l'analyser; je suis heureuse de le sentir encore. Car, de tous les

sentiments exaltés, de tous les rêves passionnés pour la vertu, la gloire etc. c'est le seul qui ne m'a pas fait faute, le seul, où je n'ai pas encore eu de déception. Aussi j'y tiens comme à tout ce qu'il y a de bon sur cette terre et dans les cieux.

Je voudrais bien que ma petite Marie te ressemble, pour l'aimer de la même manière passionnée et maternelle que tu m'inspires toujours. Elle devient adorable, ce cher enfant! H. И. en devient père et sa tendresse pour moi va crescendo à ce qu'il m'assure. Ce ricochet est bien consolant, car je vieilli terriblement depuis quelque temps, et ne demande pas mieux qu'il ferme les yeux là-dessus.

Il est heureux que je n'eu pas le temps de continuer hier cette malencontreuse epître. Du train dont j'y allais, avec mon radotage de vieille femme, il est probable que tu n'aurais rien su de ce qui nous arrive ici. Or donc, pour rattraper le temps perdu, je te dirais bien vite que ta lettre était le prélude d'agréables surprises que me réservait le sort, juste au moment que j'y pensais le moins. D'abord, mon billet est sorti dans la dernière série: ce qui me permet de rêver à la douce perspective de gagner le gros lot 1,200,000. Il n'en sera rien certainement, mais c'est toujours une marotte qui amuse. Puis l'arrivée de Петръ Михайловичъ qui a dîné hier chez nous et repart le même soir pour Mindzierżicy. Alexandre Bagovoutte est venu aussi me voir avec sa femme. Ils arrivent tout droit de l'Italie et ne restent ici que quinze jours, pour repartir après dans leur cantonnement, qui se trouve... je ne sais trop où. Катюша m'écrit de Petite-Russie, qu'elle ennuie à la mort à présent que Елисавета Михайловна est allé à Кіевъ reprendre la petite Sophie K. [1]) de l'institut. Michel Krasnokoutsky l'accompagne et a, je crois, l'intention d'emmener son frère cadet à l'université de Dorpatte. Романъ Сергѣевичъ est allé aux eaux. Papa est aussi absent pour quelques jours. Il accompagne Ouvaroff aux examens de l'institut, à Poulawy. Michel Daragane te dis mille choses aimables; il a un très rude régime, prenant les eaux factices à Varsovie, ce qui ne nous empêche pas de nous voir. Maman te salue; elle se porte bien et devint plus remuante que jamais, soumise au despotisme de M-elle Maron et de sa propre volonté, ce qui devint un grand empêchement à nos rapports, malgré son invariable bonté. Une amitié qui me manquera beaucoup c'est à coup sûr celle de toute la famille Koniar, qui se disperse terriblement. Lubinka est allée pour quelque temps tenir compagnie à ces dames à leur campagne à Chymanoff, d'où j'arrive moi-même. M-me Véra Woulff est partie pour Pétersbourg et je t'engage bien à lui rendre

---

[1]) Софія Николаевна Краснокутская была потомъ замужемъ за бессарабскимъ помѣщикомъ Георгіемъ Матѳеевичемъ Крупенскимъ.

visite. Charmante personne s'il en fut, elle pourra encore te donner les plus fraîches nouvelles sur notre compte et surtout te parler de nos châteaux en Espagne pour te marier à Marie Koniar. Je reçois à l'instant un petit mot de Lubinka, qui te salue; j'ai envie aussi faire oeuvre pie en finissant mon bredouillement pour te rendre à tes amis, parmi lesquels M-r Danzass me fait rêver et rêver si souvent, qu'en bon frère tu dois te réjouir de me savoir à Varsovie et lui à Pétersbourg. Modéres toutefois tes transports amicales, ça ne gâtera rien. Bonjour, amico; aime bien ta soeur.

P.S. Не знаю, прочтешь ли ты, любезный другъ Володя, эти іероглифы. Гораздо лучше, если половина изъ нихъ останутся для тебя тайною, потому что я разобралъ тутъ какой то плачъ Іереміи, чего въ самомъ дѣлѣ рѣшительно нѣтъ. Обнимаю тебя.

Если захочешь отыскать Вѣру Вульфъ, то она живетъ на Гагаринской улицѣ, въ домѣ инженера полковника Бальца, на 3-мъ этажѣ.

Женщина очень пріятная.

69.

Варшава 7/19 *августа 1845 г.*

Вообрази, mon cher, уже августъ! Прощай солнышко и вольность, не успѣли оглянуться, а вотъ зима глядитъ въ окно. Холодъ такой, что нельзя выйти, безпрестанный дождь и темнота съ шести часовъ. Жмемся, и съискоса посматриваемъ на каминъ, который еще не топится ради воображаемаго лѣта. Романъ Сергѣевичъ для большей иллюзіи купается, дрогнетъ и посылаетъ за мороженнымъ, надѣвъ теплое пальто. Николай Ивановичъ все собирается пить воды; но, я думаю, это останется только въ проектѣ, потому что у него теперь куча дѣлъ. Горчаковъ уѣхалъ за границу, Денъ въ деревню, Погодинъ выходитъ въ отставку и даже князь собирается въ Елисаветградъ и Гомель. Какъ видишь, онъ работаетъ за четверыхъ и выигрываетъ только разстройство здоровья. Очень утѣшительно! Папа тоже изъ кожи лѣзетъ съ своимъ министерствомъ, поблѣднѣлъ, похудѣлъ, но неутомимъ. Кажется, что съ заботами и дѣятельность его возрастаетъ; жаль право смотрѣть на нихъ. Пока всего чувствительнѣе перемѣна образа жизни: нѣтъ назначеннаго часу для обѣда. По вторникамъ и пятницамъ совѣтъ иногда кончается въ 5—6 часовъ; эти дни онъ у насъ обѣдаетъ въ мундирѣ, какъ есть, съ трехугольной шляпой и портфелемъ. Домъ, гдѣ они бу-

дутъ жить, еще не окончен и посему Maman съ дѣтьми еще живетъ на Новомъ Свѣтѣ и бѣдный папочка послѣ засѣданія скачетъ туда изъ Мостовскаго Палаца обѣдать, во всей формѣ; оттуда летитъ къ себѣ, поспитъ и снова скачетъ въ Бельведеръ на партію виста князя, а изрѣдка изъ Бельведера вмѣстѣ ѣдутъ въ театръ. Княгиня принимаетъ также всякій вечеръ въ Бельведерѣ. Всѣ наперерывъ стремятся faire leur cour, но я пользуюсь *извѣстной* слабостью здоровья и только по необходимости являюсь. Терпѣть не могу всякой репрезентаціи! И у насъ теперь сдѣлали совершенный дворъ. Кучу условій, приличій, необходимостей сами себѣ навязали, неизвѣстно, по какой причинѣ и къ какому концу. Теперь пришелъ сюда третій корпусъ и явилось множество новыхъ людей, дѣлающихъ визиты. Занятіе весьма похвальное, можетъ быть, даже очень пріятная забава, но не худо было бы узнать, раздѣляютъ ли это самое удовольствіе *долженствующіе* отдавать визиты? Что? Du reste, combien de convenances qui ne nous conviennent guère.

Скажи лучше, что ты подѣлываешь? Скоро ли кончится испытаніе и можно ли будетъ привесть въ исполненіе планъ папы,—на будущее лѣто ѣхать всѣмъ въ Малороссію? Жаль, если за тобой будетъ остановка, а ты знаешь рѣшеніе папы: до полученія какого бы то ни было аттестата мы лишены радости обнять тебя. Постарайся, дружочекъ. Хотя бы для того, чтобы увидѣть это новое переселеніе народовъ, когда мы съ дѣтьми и внучатами отправимся навѣстить добрѣйшихъ старичковъ. Вѣдь Ева Яковлевна приходится Машенькѣ прабабушкой! Я желала бы, чтобы бабушка благословила мою малютку,—она, олицетворенная доброта и святость. Меня ужасно радуетъ, что Маша такая живая. Она дѣлаетъ зубки и уже начинаетъ лепетать кое-что. Папа ее очень любитъ и она забавляетъ насъ донельзя своими прыжками и ужимками, и очень любитъ твой портретъ въ красномъ мундирѣ. Любинька тебѣ кланяется. Она по-прежнему мила, любезна, восхищаетъ всѣхъ, влюбляетъ въ себя многихъ и не встрѣчаетъ одного--необходимаго, что̀ меня, безъ шутокъ, очень тревожитъ, ибо даже въ виду ничего не можетъ быть: vu le genre de vie que ces messieurs ont adopté ici. У насъ по крайней мѣрѣ 25 прекрасныхъ дѣвушекъ и три кавалера, бывающихъ въ обществахъ. Je vous prie de choisir. C'est pourtant drôle: tant d'autels à l'amour et pas un seul à l'Hyménée,—что въ нравственномъ и физическомъ отношеніи одно и тоже. Это какъ въ магнитѣ: что два однозначущіе полюса отталкиваютъ другъ друга, а, напротивъ, разнородные—привлекаютъ. Sur ce, mon cher, addio, pense un peu à nous tous qui t'aimons tant et n'oublie pas de nous écrire de temps à autre. Tout le monde me charge d'un million de baisers, d'amitiés et de salu-

tations pour toi; reçois les de bon coeur puisqu'elles sont données avec sincérité et tâche un peu de ne pas faire avorter nôtre projet de colonisation temporaire en Ukraine. Cela dépendra de toi, chéri, car tu es le pivot, sur lequel tournent tous nos plans de bonheur [1]).

70.

Варшава 12/24 *сентября 1845 г.*

Ты вѣрно думаешь, мой добрый другъ, что здѣсь Володю совершенно забыли; и я, конечно, даю поводъ къ этимъ мыслямъ, оставляя твои письма такъ долго безъ отвѣта. Но ты не повѣришь, какъ часто мы говоримъ о тебѣ; и, живя безпрестанно въ соприкосновеніи съ тобою мыслями, мнѣ кажется, что я давно отвѣчала на твои вопросы и передала всѣ наши нескончаемыя пренія. Каждый вечеръ, послѣ разсужденій, à perte de vue, о тебѣ, о жизни вообще и въ частности, о Дерптѣ, о папѣ, о деньгахъ и о службѣ, мы расходимся — и даемъ съ Ваничкой другъ другу слово приготовить къ завтрему письмо въ Дерптъ и каждое утро встрѣчаемся съ пустыми руками и т. д.

15/27. День шелъ за днемъ и вотъ уже Ваничка уѣхалъ; а мы между тѣмъ получили письмо отъ тебя, безцѣнный другъ мой. Прежде, чѣмъ стану говорить тебѣ о Ваничкѣ и его планахъ и надеждахъ, хочу отвѣчать на твое письмо и обрадовать, можетъ быть, исполненіемъ твоихъ теперешнихъ желаній. Конечно, безъ неизбѣжныхъ „но и если“ жизнь семейная самая счастливая и, угадывая твои мысли, мы довольно хорошо устроили наше временное соединеніе. Въ первыхъ числахъ іюня, то есть во время твоихъ каникулъ, мы ѣдемъ въ Петербургъ черезъ Дерптъ (Н. И. хочетъ показать Машеньку роднымъ), беремъ тебя съ собой, проводимъ тамъ недѣли три и всѣ вмѣстѣ отправляемся въ Малороссію, гдѣ насъ уже будетъ ожидать папа съ семействомъ. Pas mal combiné, не правда ли, если удастся; покамѣстъ вотъ тебѣ готовая канва ко всевозможнымъ узорамъ; есть гдѣ разыграться чувствамъ и воображенію. Кромѣ радости видѣть тебя, мой ангелъ, я еще очень довольна, что увижу Ваничку на мѣстѣ дѣйствій и сама буду въ состояніи разсудить, что для него лучше въ будущемъ. Это покажется немного самонадѣянно; но узнавъ его, я такъ полюбила его, что

---

[1]) Конецъ письма утраченъ.

мнѣ необходимо убѣжденіе въ пріобрѣтеніи для него счастья съ перемѣною службы и положенія, чтобы успокоиться на счетъ будущей судьбы его. Если ты знаешь его предположенія, то, конечно, поймешь меня. Н. Ив. также думаетъ, что все рѣшится въ Петербургѣ; хотя, впрочемъ, мѣсто и здѣсь уже для него приготовлено, если бы необходимость требовала выйти въ отставку. Надѣюсь, что этого не будетъ, хотя по эгоизму я и желала бы имѣть его здѣсь; но трудно жить канцеляристомъ въ Варшавѣ, гдѣ такъ цѣнится мундиръ, а еще труднѣе сохранить независимость поступковъ, будучи племянникомъ директора и сродни министру. Найдутся обязанности потягостнѣе караула и дежурствъ, не говоря уже объ томъ, что мы всѣ здѣсь живемъ, какъ въ стекляномъ фонарѣ. Il faut hurler avec les loups, чтобы не показаться ягненкомъ или орломъ: объ крайности глаза колятъ. Рѣдко человѣкъ можетъ быть судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ; Ваничка менѣе, чѣмъ кто либо другой, ибо онъ теперь въ ненатуральномъ положеніи. Это благородство чувствъ, возвышенность мыслей, готовность жертвовать собой, нѣжность, теплота, воспріимчивость впечатлѣній, говорятъ только о прекрасной его моральной организаціи, доведенной теперь до высшей степени восторженности; но никакъ не ручаются за послѣдовательное счастье бѣднаго семьянина, постоянно трудящагося для обезпеченія семейства въ виду такого хаоса, какъ Варшавская жизнь, съ ея даровыми развлеченіями для одного и такими дорогими для двухъ; всетаки относя къ тому кругу, гдѣ бы необходимо онъ долженъ былъ вертѣться, живя съ родными. Мнѣ скажутъ, что тутъ нужна только твердость характера. Да, только; но будто это малость? И какая твердость не искрошится во всечасномъ бореніи съ такими мелочами, не день, не годъ, а почти всю жизнь. Шутка ли въ 26 лѣтъ закабалить себя на этакую муку? Я вообще противъ раннихъ женитьбъ, съ любовью и безъ любви, богатому и бѣдному, тѣмъ болѣе человѣку мыслящему противъ дурака, или пылкому и флегмѣ. Bah! mais ce qui est fait, est fait. Желаю душевно, чтобы онъ былъ счастливъ и не раскаивался... Если ты отъ меня первой узнаешь объ его намѣреніи, то пожалуйста не говори ничего ему объ этомъ, потому что всѣ Петербургскіе его родные не знаютъ его намѣреній и, вѣроятно, не узнаютъ еще очень долго; такъ что мы успѣемъ еще лично переговорить обо всемъ съ тобой и съ нимъ. До того времени прошу о секретѣ. Пьеръ Дараганъ пріѣзжалъ сюда на три дня, былъ у меня 5 сентября и съ Мишелемъ уѣхалъ въ Малороссію. Ужасно удивилъ меня своими удивленіями и восхищеніями! Они тамъ, кажется, воображаютъ, что я, если не ѣмъ людей, то, по крайней мѣрѣ, хожу на головѣ или бѣснуюсь. Такими большими глазами на меня смотрятъ,—когда я ѣмъ, пью, хожу, говорю и т. п., какъ всѣ люди, и иногда позволяю себѣ быть любез-

нѣе. Смотря на всѣхъ, я и сама начинаю удивляться: неужели я сама могла породить такое странное о себѣ мнѣніе? Божусь, смѣшно. Счастье, что я такъ мало забочусь о томъ, что обо мнѣ думаютъ, а то вѣдь право эти комплименты могутъ не понравиться. Ваничка также сначала все искоса посматривалъ на меня, какъ будто того и ждалъ, что я ему выцарапаю глаза или вцѣплюсь въ волосы. Слава Богу, прошло безъ кровопролитія, мы разстались друзьями и, рѣшивши, что я очень честолюбива и тщеславна, Ваничка сказалъ, что, наконецъ, узналъ меня. Любопытно было бы проникнуть, что именно значитъ узнать кого-нибудь, и въ какомъ видѣ я теперь буду представляться многимъ. Опять какой-нибудь каррикатурой или пародіей на мой собственный характеръ. Пожалуйста, mon cher, если ты будешь имѣть какое-нибудь сомнѣніе насчетъ моей особы, то напиши и требуй объясненія; я право не пожалѣю ни словъ, ни перьевъ, ни чернилъ, и хотя терпѣть не могу говорить о себѣ, тѣмъ болѣе писать—постараюсь для тебя побороть свою лѣнь и даже сдѣлаться вразумительной. Je tiens beaucoup à ce que tu me connaisses et apprécies mes qualités et mes défauts à leur juste valeur, sans leur prêter des proportions hyperboliques. J'espére, mon ami, que voilà une lettre joliment pleine! Et pourtant la moitié de ce que j'avais à te dire y manque. Décidément je m'approprierais ta manière d'écrire, c. à d. quelques lignes chaque jour pour m'éviter le triste labeur de jouer au collier-maillet avec mes pensées et mes souvenirs au moment de prendre la plume. J'ai beau courir après les fuyards—ils m'échappent de tous côtés et c'est à peine que je parviens à rendre deux phrases ensemble, ou bien ils se pressent en telle foule dans mon esprit que je ne sais pas où commencer, et finis par ne rien dire pour n'avoir pu à dire trop. Aujourd'hui par exemple j'oublie de te dire que H. Ив. me charge de te dire tout plein de belles choses. Lui-même ne peut t'écrire étant trop occupé à cause de son départ pour le majorat ce soir. Lubinka te fait mille compliments et le G-l Bézak te salue. Романъ Сергѣевичъ m'a dit qu'il n'y avait pas de place vacante dans les hôpiteaux de Varsovie, mais il pourrait bien s'en trouver une en province. On s'informera et je te dirai prochainement ce qui en est. En attendant ne lui donne pas de faux espoir et patiente une quinzaine de jours. Bonjour, cher ami, pense un peu à ceux qui t'aiment et te chérissent, jusqu'à t'envoyer des lettres aussi volumineuses et aussi indéchiffrables que celle-ci.

71.

Varsovie le $^{3}/_{15}$ *janvier 1846.*

Tu peux aisément te figurer, mon frère chéri, que de voeux accompagnaient le verre de champagne, porté en ton nom la veille du nouvel an. Aussi ne t'en parlerai-je point, car ce serait répéter en de longues phrases notre souhait de tous les jours „pour ton bonheur et notre proche réunion". Chaque année écoulée nous approche de cet heureux moment; mais tu ne nous dis pourtant rien encore de précis. Rappelle toi souvent, cher Woldemar, avec quelle chaleureuse impatience on t'attend ici et tâche que cette année soit la dernière de notre rude épreuve. D'après ta dernière lettre papa a bon éspoir; je ne l'ai pas encore lue et ne puis te dire par conséquent d'où tire t-il cette douce conclusion. Il y a des siècles que tu ne me parles plus de tes études, ce qui fait, que j'ai totalement perdu le fil indicateur de tes progrès dans la vie morale et pratique. Fais un noeud, mon cher, et recommence de plus belle à m'informer de ce que tu fabriques là de bon, pour que je sache à quoi m'en tenir. On a fait courir ici le bruit de la fermeture de l'Université de Dorpatte et de la dispersion de tous les étudiants. J'espére qu'il n'en est rien, autrement tu me l'aurais écrit. Du reste le mois dernier n'était pas heureux en nouvelles: nous avons sû par les on dit la mort terrible de cette bonne Hélène Cantacouzène, qui s'est mariée à Dresde avec O'Donell. Je crains d'y croire et pourtant je n'ose presque plus douter, car la comtesse François Potocka est en correspondance avec sa belle-mère. Ce sera un terrible coup pour notre pauvre tante Елисавета Михайловна! Décidément Dresde porte malheur à ses enfants. Ce pauvre Matthieu! on n'en a plus aucune nouvelle. Je voudrais bien en apprendre quelque chose de consolant; mais je t'avoue, que je n'ose écrire à sa femme. Dieu sait comment Ernestine prendra cette marque d'intérêt? Aujourd'hui encore nous avons reçu une lettre de la Petite Russie, qui annonce la mort de notre tante Елена Яковлевна Хильчевская, et tu ne peux t'imaginer jusqu'à quel point toutes ces lugubres annonces m'attristent et me mettent dans un état d'inquiétude continuelle pour tous ceux, que j'aime. J'avoue que tout cela me donne des idées bien noires et que je me surprend souvent à demander à Dieu comme seule grâce, de mourir avant tous ceux, que j'aime, pour ne pas avoir à pleurer leur mort; car je suis devenue lâche, mais honteusement lâche pour la souffrance.

J'étais sous l'obsession des idées si désolantes l'autre jour, que j'ai mieux aimé cesser de t'écrire, que de te faire partager mes sottes imaginations. Aujourd'hui part le courrier et je m'empresse de te dire, que tout le monde se porte heureusement bien chez nous. Papa et Maman vont à

merveille, les enfants aussi, outre le petit Коля, qui souffre un peu de la dentition.Ma petite Marie commence à parler assez distinctement, marche et s'amuse à ravir. Ваничка nous écrit, qu'il a obtenu de l'Héritier une augmentation d'appointement et par conséquent reste à Pétersbourg sans changer de service en attendant l'heureuse fin de ses projets de mariage. La demoiselle parait être raisonnable et ne se presse pas trop. Ta fiancée par procuration, Marie Coniar, vient de se marier avec W. Castriot-Scanderbeg, descendu très lestement de la diligence de Vienne pour tomber sur les écus du vieux Papa. La connaissance, l'amour et le mariage se firent dans moins de cinq jours. Comment douter après cela de la spontanéité des passions et de l'inflammabilité des coeurs. Les méchantes langues disaient, que cet un noeud d'argent, mais j'affirme le contraire, vu qu'il serait absurde de vendre un si joli nom pour les quatre mille roubles, qui rouleront chaque année des coffres du vieux bonhomme dans la petite bourse du jeune couple. Je donnerai beaucoup pour avoir en ce moment le lorgnon de M-me Gai et voir le fond des consciences. Bonjour, mon ami, que Dieu te garde toujours sous sa sainte protection. H. Ив. te dit mille choses d'amitié, il est toujours très occupé, cela l'empêche souvent de faire ce qu'il desirerait mais jamais d'aimer comme il t'aime. Adieu.

Lise.

72.

Варшава 28 апрѣля 1846 г.

Что дѣлаешь ты теперь, добрый другъ мой Воля? Богъ знаетъ, какъ давно не получали мы отъ тебя извѣстій! Можетъ быть, въ эту самую минуту ты такой же вопросъ дѣлаешь намъ; потому что, въ самомъ дѣлѣ, мы ужасно давно не писали въ Дерптъ. Но ты, вѣроятно, уже знаешь теперь, какая кутерьма была въ Варшавѣ все это время.

Au bout du compte, je crois que c'était une chose aux fantômes; mais tout de même cela nous a fort impressionnés, et les quelques jours d'attentes et d'incertitudes, que nous avons passés dans l'inaction, à suivre le travail laborieux de la montagne accouchante d'un souris, étaient remplis d'angoisse et de folles-frayeurs fort désagréable à ressentir. Nous en reparlerons plus au long lors de notre voyage à St. Pétersbourg; car ce projet tient encore. Je crois même que Lubinka sera notre précurseur avec le frère de mon mari, qui compte partir vers les premiers jours du mois

de Juin,—tandis que Николай Ивановичъ ne sera libre de quitter Varsovie, que vers la fin de Juillet, après le passage de Sa Majesté et le séjour de l'Imperatrice, qu'on nous promet ici. Такъ что нашъ отъѣздъ зависитъ отъ времени пріѣзда августѣйшихъ особъ и пребыванія ихъ въ Варшавѣ. Ты вѣрно понимаешь мое нетерпѣніе, когда вспомнишь, что цѣль моей поѣздки свиданіе съ тобой, мой ангелъ, и желаніе показать тебѣ нашу маленькую Машу, которая, слава Богу, очень поправляется, и если не обѣщаетъ быть очень хорошенькой, то вознаграждаетъ этотъ недостатокъ большой понятливостью и удивительной памятью, хотя мы всѣми силами стараемся препятствовать слишкомъ скорому развитію, чтобы не повредить здоровью. Признаться, я держусь старой поговорки, что „чѣмъ глупѣе дѣти, тѣмъ здоровѣе“, и весьма желаю, чтобы до восьми лѣтъ Маша глупѣла и толстѣла въ волю. Къ тому времени ты, вѣроятно, уже приготовишь какой нибудь курсъ воспитанія по..... методѣ и мы совокупными силами пріймемся снимать, счищать наросшій жиръ съ ума и... сердца, хотѣла я сказать, но вспомнила, что его надо образовывать съ перваго года или *никогда* не дотрогиваться до этого родника всего хорошаго, по вѣрѣ каждаго. Я еще не рѣшила, что лучше. Покамѣстъ читаю Грума, о физическомъ воспитаніи, а Necker de Saussure лежитъ подъ спудомъ, вмѣстѣ съ Rousseau, Guizot et tutti quanti, потому что изъ всѣхъ книгъ о воспитаніи, которыя мнѣ удалось читать, можно извлечь только одну истинную истину, это, что онѣ неудовлетворительны и въ прикладной жизни не исполнимы, (исключая впрочемъ будущей твоей книги о воспитаніи или руководства къ воспитанію дѣтей). Если бы ты только могъ скорѣе распустить крылья и выпорхнуть изъ этого отчаяннаго Дерпта! Скажи, по крайней мѣрѣ, когда ваши вакансіи, чтобы по этому можно было устроить наше свиданіе въ Петербургѣ или Дерптѣ, потому что, если тебѣ нельзя будетъ пріѣхать къ намъ, то я пріѣду навѣстить одна твой уголокъ, такъ какъ я уже себѣ положила во что бы то ни стало увидѣть тебя въ этотъ годъ. Папа приглашаетъ насъ въ Малороссію, куда онъ собирается въ отпускъ на четыре мѣсяца съ Maman и дѣтьми; но еще неизвѣстно, сдѣлается ли это такъ, какъ говорится. Я сомнѣваюсь потому, чтобы его отпустили, что теперь множество дѣлъ въ слѣдственной коммиссіи по случаю Краковской революціи. Пьера Дарагана перевели опять въ Петербургъ и онъ съ большимъ сожалѣніемъ оставилъ Варшаву. Michel здоровъ, служитъ, получаетъ награды и тебѣ кланяется. Катюша еще не возвратилась и, кажется, свыклась со странствующей жизнью въ Кіевскихъ лѣсахъ. Она теперь у Александра Михайловича. Александръ Дараганъ купилъ еще 200 душъ къ 1200, которыя имѣетъ, и живетъ себѣ бариномъ, даже прислалъ Катюшѣ 100 руб. сереб., что ужасно всѣхъ насъ удивило, не менѣе впрочемъ того, что

М. Ив. Ивахненкова записала свое имѣніе Николаю. Такъ что всѣ они имѣютъ что нибудь, а Миша, который всѣхъ ихъ лучше и добрѣе, останется самый бѣдный, если не дослужится чего. Въ нашемъ олигархическомъ быту теперь очень интересныя междоусобныя войны, но я оставлю все это для разговоровъ въ Петербургѣ. Теперь попрощаюсь съ тобой, мой другъ, чтобы дать мѣсто Н. Ив. сказать два слова. Сто разъ цѣлую тебя и благословляю.

Мнѣ остается прибавить очень немногое, любезный другъ Володя! Цѣлую тебя отъ всей души и желаю поскорѣе увидѣться съ тобою, что, кажется, не мечта, если что нибудь свыше не попрепятствуетъ намъ съѣздить въ Петербургъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ твоего экзамена: право, пора оставить университетъ и быть человѣкомъ, а не ученикомъ. Жизнь такъ коротка, а между тѣмъ слишкомъ много надобно имѣть свѣдѣній, чтобы удивить хотя современниковъ. Обрадуй же насъ скорѣе дипломомъ, хотя и безъ него я люблю тебя крѣпко.

Н. У.

73.

Варшава 21 іюня 1846 года.

Папа думаетъ писать къ тебѣ изъ Кіева, милый другъ Воля, и поэтому тебѣ вѣроятно долго прійдется ждать его письма. Чтобы это не задержало твоихъ, вѣроятно сдѣланныхъ уже, распоряженій на лѣто, спѣшу увѣдомить тебя, что въ Малороссію не стоитъ ѣхать на 28 дней, какъ папа это думаетъ сдѣлать, давши слово Князю возвратиться въ Варшаву къ пріѣзду Свѣтлѣйшаго изъ Петербурга и Гомеля. Онъ выѣдетъ около 25, желая попасть на Роменскую ярмарку или въ другой какой сборный пунктъ, чтобы встрѣтиться съ Долгорукимъ, Фундуклеемъ, и переговорить съ ними о желаніи твоемъ служить въ провинціи, если нельзя будетъ сразу получить хорошее мѣсто при Бибиковѣ. Папа разсчитываетъ, что въ два, три года ты сдѣлаешь тамъ свой apprentissage и получишь штабъ-офицерскій чинъ, съ чѣмъ вмѣстѣ можешь получить прекрасное мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ Варшавѣ, чтобы быть ближе къ маіорату (тутъ слѣдуетъ длинное разсужденіе, которое однако же я оставляю для изустнаго изложенія). Тогда бы наконецъ осуществились такъ давно желанныя мечты: жить вмѣстѣ. Но такъ какъ счастья на землѣ не бываетъ, то и это, вѣроятно, только

миражъ, потому что когда ты сюда пріѣдешь, то, вѣроятно, мы будемъ въ Питерѣ или на Кавказѣ. Не теряю однако же надежды до тѣхъ поръ съ тобою увидѣться и о многомъ, многомъ переговорить. Ты знаешь, какъ сильно я люблю тебя и можешь легко вообразить, какъ радуется мое сердце, слыша со всѣхъ сторонъ похвалы тебѣ. Сегодня получили мы письмо отъ Булгарина о твоемъ блестящемъ экзаменѣ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и только ожидаемъ окончанія, (что для тебя, по выраженію Θад. Вен., трынъ-трава), чтобы обнять тебя въ Варшавѣ и показать всѣмъ не только какъ образованнаго человѣка, но человѣка съ характеромъ и волею, что нынѣче феноменъ. Ухъ, какъ разыграется самолюбіе папы! Онъ и теперь чуть съ ума не сходитъ отъ радости. Для меня это вещь ожиданная, и потому изъ всѣхъ этихъ восторговъ доступны только скорое свиданіе и неограниченная любовь къ тебѣ всѣхъ дерптскихъ жителей, объ чемъ мнѣ говорила пріѣхавшая сюда генеральша Беклемишева, видѣвшая тебя въ Гельсингфорсѣ и Ревелѣ, и съ такимъ энтузіазмомъ говорящая о тебѣ, что... если бы она не была пожилая, можно было бы подозрѣвать un tendre penchant — вещь очень естественная въ отношеніи къ тебѣ, но проявленія которой все таки прелестнѣе въ молоденькой и хорошенькой женщинѣ. A propos, mon cher, ты мнѣ уже давно ничего не говорилъ о черныхъ глазкахъ и о *состояніи твоего мозга* въ разсужденіи нашего прекраснаго пола. Много ли ты оставишь неутѣшныхъ, выѣзжая изъ Дерпта? и долго ли самъ будешь горевать? что Marie и маленькая кобитка. Не поѣдешь ли ты опять провесть лѣто на дачѣ у Шёнига, или останешься одинокимъ цѣнителемъ чернослівнаго супа Фробена и должнымъ посѣтителемъ Dom'a? Весьма скучная перспектива; но, конечно, не скучнѣе моей: провесть все лѣто въ опустѣломъ городѣ, и въ утѣшеніе имѣть только воспоминаніе о несбывшихся предположеніяхъ. На общество Maman разсчитывать нельзя, потому что утромъ она занята своими попугаями, обезьянами и собаками, а вечеромъ всегда въ театрѣ; изрѣдка заѣзжаетъ къ намъ вечеромъ; утромъ, хотя я ее вижу часто, но на минутку. Мы же ведемъ совершенно патріархальную жизнь. Рано гуляемъ, завтракаемъ ягоды со сливками и расходимся всякій по своимъ дѣламъ; обѣдаемъ въ четыре и très bourgeoisement ѣдемъ за городъ съ Машей и съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ, возвращаемся на чай въ девять, и тогда уже собираются къ намъ со всѣхъ сторонъ друзья, знакомые и незнакомые играть въ преферансъ, болтать и продлить вечеръ до 12 или часу. Bonne nuit и такъ рѣшительно всякій день. Прежде только измѣнялись дѣйствующія лица, а теперь и этого развлеченія нѣтъ, ибо всѣ на перечетъ.

Θ. В. Булгаринъ пишетъ намъ, что ты, любезный другъ Володя, выдержалъ экзаменъ на славу. Мы всѣ отъ этого въ восхищеніи и тѣмъ

болѣе, что это сократитъ наконецъ нашу разлуку, которая, признаться, должна и тебѣ надоѣсть, не смотря на всѣ германскія прелести Дерпта. Я также радъ тому, что оправдалось мое всегдашнее заключеніе насчетъ экзамена: стоило только захотѣть, чтобы его выдержать. Прекрасно ты выдумалъ начать службу въ провинціи; послѣ мирной жизни неудобно было бы броситься вдругъ въ свѣтскій омутъ. Впрочемъ, Papa сказалъ, что по оставленіи университета ты будешь свободенъ располагать собою; слѣдовательно, мы не отчаиваемся увидѣть тебя скоро въ Варшавѣ. Какъ жаль, что мнѣ не удалось съѣздить теперь въ Петербургъ, но я располагаю проситься опять въ началѣ августа, когда возвратится Князь. Можетъ быть, все, что ни дѣлается, къ лучшему: изрѣченіе мудрое, хотя не всегда вполнѣ утѣшительное... Мы живемъ по старому. Малютка наша восхитительная дѣвочка, по крайней мѣрѣ для насъ. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы ты наконецъ познакомился съ нею.

Поблагодари Булгарина за послѣднее ко мнѣ письмо и скажи, что я непремѣнно буду отвѣчать самъ; но предварительно объясни, что просьбы его, къ сожалѣнію, неудобоисполнительны, о чемъ теперь не имѣю времени распространяться.

Очкинъ уѣхалъ за границу съ *домомъ*. Четыркинъ также на водахъ.

Обнимаю тебя, дружочекъ, и остаюсь съ искреннею любовью твой вѣрный братъ

Н. Ушаковъ.

74.

1846 г.

Quoique c'est assez manvais genre à présent d'écrire sur un papier à vignette, je prends la hardiesse de le faire pour avoir le plaisir de t'envoyer un bouffée de senteur parisienne; car cette feuille arrive en droite ligne de France: M-e Coniar étant à Paris m'en a apporté une douzaine, que je veux partager avec toi, ne fut-ce que salir par mon abominable griffonnage. Tu me pardonnera, n'est-ce pas?—de ne point trop soigner mon écriture avec toi, chéri. C'est déjà bien assez que je suis obligée de le faire en écrivant à Papa qui est, comme tu le sais, très exigent. Malheureusement mes efforts ne répondent point à ma bonne volonté! Je me console vite, grâce à monsieur Goll qui nous a si charitablement indiqué sur quoi rejeter nos fautes. Décidément je n'ai

pas la bosse de la caligraphie! On prétend que c'est réponse à tout. Je suis de l'avis de l'on. Si tu connais un autre ami de l'humanité qui soit assez bon pour se charger du rôle de bouc-émissaire, nomme le moi bien vite pour que je le rend résponsable de ma paresse—cela allégera ma conscience. Car pour m'en défaire... il n'y faut plus songer; tous les moyens employés jusqu'à présent sont reconnus nuls et j'ai bien pour qu'elle se soit passée à l'état de maladie chronique,—partant, incurable. Tu comprends que je ne parle que du travail matériel, physique; car pour ma tête, elle va toujours son train. Si j'étais homme, je me ferais autant philosophe, utopiste, astronome, tout enfin plutôt que praticien; malheureusement s'est le vice versa qu'on exige d'une femme. Ainsi soit-il.

A l'occasion du départ de mon Père j'ai dû écrire quelques lettres en Petite-Russie et envoyer quelques bagatelles pour бабушка et une mantille pour Александра Михайловна en reconnaissance de son bon souvenir. Катюша est pour le moment *dans ses terres*, et je ne sais si Papa aura l'occasion de la voir et de la ramener auprès de nous. Du reste je ne sais si elle même voudra l'accompagner comme elle en avait le projet; avec sa versatilité on ne peut jamais préciser ce qu'elle désire. Александра Михайловна nous écrit qu'elle s'est montée la tête pour Attaky et veut aller passer quelque temps chez la Princesse Kantacouzène. Tu sais que Michel Kantacouzène épouse M-lle Feodoroff fille du général-gouverneur d'Odessa, en l'absence du Prince Woronzoff. Voilà déjà une protection, si tu prends du service par là.

$^{6}/_{18}$ *августа 1846 г.*

Вообрази мое удивленіе, когда я нашла въ портфелѣ это старѣйшее письмо, которое я считала уже давно отправленнымъ въ Дерптъ. Не теряя ни минуты, спѣшу докончить его, чтобы опять не забыть. Между тѣмъ папа уже давно возвратился изъ Малороссіи и я получила тьму благодарностей за письма и посылки. Будучи въ Кіевѣ, папа обѣдалъ у Бибикова и говорилъ о желаніи твоемъ служить при немъ. Онъ съ удовольствіемъ согласился принять тебя въ число своихъ чиновниковъ и обѣщалъ даже сейчасъ дать штатное мѣсто, (разумѣя подъ этимъ мѣсто съ жалованьемъ). Я всегда стараюсь предвидѣть худшее, чтобы быть обрадованной лучшимъ, и потому, mon cher, съ нѣкоторымъ страхомъ говорю объ улыбающихся намъ пріятныхъ планахъ, чтобы они не исчезли, какъ все хорошее на этомъ свѣтѣ. Мы опять собираемся въ Петербургъ въ сентябрѣ. Что мы поѣдемъ, это вѣрно; но какъ мы выберемся изъ Варшавы, и на долго ли, это подлежитъ ужаснымъ случайностямъ. Трудно однако же, чтобы, какъ бы худо это не кончилось, я очень жалѣла, разставаясь съ Варшавой. Хотя, впрочемъ, однако же...

Итакъ въ сентябрѣ мы непремѣнно будемъ въ Петербургѣ; теперь вопросъ, какъ ты попадешь туда, если это будетъ время твоихъ экзаменовъ. Подумай и напиши къ намъ. Я же непремѣнно увѣдомлю тебя въ самый день рѣшенія объ отпускѣ Н. Ив. Прежде этого ты вѣрно или невѣрно будешь имѣть удивительное удовольствіе видѣть Петра Николаевича Очкина въ Дерптѣ. Онъ располагаетъ по дѣламъ ѣхать въ Питеръ и думаетъ заѣхать къ тебѣ. Зная, какъ это тебя обрадуетъ, я бы Богъ знаетъ что дала, чтобы онъ не раздумалъ это сдѣлать.

Впрочемъ, если ты будешь въ Петербургѣ, то и тамъ увидишься съ нимъ. Прощай, мой другъ, я ужасно тороплюсь.

Élise Ушакова.

75.

7/20 ноября 1846 г.

На другой же день по полученіи твоего письма, cher Woldemar, мы выслали тебѣ деньги. Теперь пишу тебѣ съ курьеромъ, чтобы увѣдомить объ этомъ и напомнить, чтобы ты сходилъ на почту освѣдомиться объ нихъ. Да сдѣлай дружбу, не долго проживай въ Петербургѣ, чтобы опять совершенно не истратиться; что непремѣнно случится при тамошней дороговизнѣ и твоей страсти къ подаркамъ. Здѣсь же и экипировка будетъ гораздо дешевле; хотя я надѣюсь, что папа пожертвуетъ на это, но всетаки лучше имѣть при себѣ нѣсколько лишнихъ денегъ для непредвидѣнныхъ расходовъ. О сердечныхъ твоихъ горестяхъ я не буду теперь говорить ни слова; но по пріѣздѣ въ Варшаву постараюсь помочь имъ, или по крайней мѣрѣ утѣшить. Надѣюсь однако же, что ты довольно разсудителенъ, чтобы не пускаться опрометчиво въ серьезное дѣло; все же другое можетъ поправить, если не разумъ, то время. Понятія твои о дружбѣ вѣроятно также измѣнились въ эти три года и потому пожалуйста не жалѣй, что не встрѣтилъ П. Н. въ Петербургѣ. Онъ такъ измѣнился, что ты его не узнаешь; а такъ какъ все непріятное надо какъ можно болѣе стараться удалять отъ себя, если не можешь поправить, то слава Богу, что вы не встрѣчались, ибо разочарованія чувствъ не привыкшему къ этому должны быть ужасно тягостны. Я впрочемъ его еще не видѣла; по пріѣздѣ въ Варшаву онъ поселился совершенно у извѣстной тебѣ особы и никто еще его не встрѣчалъ. Съ глаза на глазъ мы поговоримъ объ этомъ, хотя лучше было бы совершенно забыть его существованіе.

Сейчасъ ѣдетъ курьеръ и я посылаю недоконченное письмо тебѣ, милый другъ. У насъ теперь ужасный трауръ по смерти великой княгини. В. К. Михаилъ Павловичъ здѣсь; но никуда не показывается. Отошли пожалуйста прилагаемое при семъ письмо къ Sophie Tatarinoff. Да сдѣлай дружбу, скорѣе пріѣзжай въ Варшаву.

Прощай, цѣлую тебя сто разъ и прошу напомнить о себѣ Натальѣ Андреевнѣ и всѣмъ cousins и кузинамъ.

76.

Варшава 28 іюня 1847 г.

Насилу собралась съ мыслями, чтобы писать тебѣ, милый другъ. Всѣ эти дни такая хандра напала на душу, что я боялась увеличить твою грусть, изливая на бумагу тоску мою. Теперь, кое-какъ подхрамывая, тащится жизнь наша и, только благодаря доброй мадамъ Энгельгардтъ, иногда раздается смѣхъ въ домѣ; но и та что то пріунынла. Не знаю, изъ дружбы ли къ тебѣ показываетъ она мнѣ такую привязанность, или изъ привязанности ко мнѣ старается увѣрить въ любви къ тебѣ; только она не притворно скучаетъ и вчера сказала, что *теперь* она уже долго не будетъ носить цвѣтовъ. Я ее вижу каждый день и отъ скуки играемъ въ преферансъ съ Фроловымъ. Все это доказываетъ, что мы возвратились благополучно, т. е. привезли въ Варшаву разбитые члены, тяжелыя головы и пустые желудки; въ трактирѣ нечѣмъ было запастись и мы голодали всю дорогу, только въ Петроковѣ подкрѣпились кофеемъ и оставили одного изъ сопутниковъ, Ореста Степановича, и другого боязливаго старичка, который, испугавшись числа 13-ти, чуть не выскочилъ изъ вагона и тѣмъ бы, вѣроятно, оправдалъ повѣрье. Николай Ивановичъ въ полной парадной формѣ ожидалъ насъ на станціи желѣзной дороги и мы отправились ужинать домой. Послѣ театра и иллюминаціи Лазенковской, M-me Энгельгардтъ заѣхала къ намъ. На другой день была у меня Любочка и съ восторгомъ разсказывала о любезностяхъ князя и т. п. интересныхъ вещахъ; вечеромъ были Maman и опять M-me Э. Въ среду я отправилась въ самую ужасную жару къ папѣ. Застала ихъ за обѣдомъ и все время толковали про тебя. Папа уже спрашиваетъ, скоро ли ты возвратишься? Онъ получилъ благопріятныя и полновѣсныя извѣстія изъ Малороссіи; деньги положилъ въ банкъ, какъ всѣ прочіе Малороссійскіе доходы (?), и увѣряетъ, что въ среду или четвергъ рѣшится выѣхать. Все это по-

крыто ужасной неизвѣстностью, также какъ и наша поѣздка въ Петербургъ. Одно только вышло изъ тумана, это рѣшеніе Maman не трогаться съ мѣста, пока будетъ помнить вояжъ въ Ченстоховъ. Вчера они всѣ были у Протасовыхъ; но M-me Энгельгардъ превратилась въ ангела скорбящаго и возвратилась искать утѣшенія къ намъ, привезла мнѣ кучу фруктовъ и прекрасный букетъ. Когда я хотѣла приколоть ей одну изъ гвоздикъ, то она опять отвѣчала мнѣ, qu'elle ne porte plus de fleurs. Je répondis que cela me flatte infiniment dans la personne de mon frère et que je lui écrirai sa réponse; elle fit un long éclat de rire. Je commence réellement à croire, que le rire la sauve quelquefois des positions embarrassantes. Когда мы сѣли играть, то очень трунили надъ ней по случаю написаннаго ею (son frère) на карточномъ столѣ. Кажется, нельзя показывать болѣе самоотверженія! Je m'érige en Mercure galant pour ne point t'ennuyer par ma tristesse. De grâce pour récompense de ma conduite exemplaire, écris moi aussitôt que tu sera sur place bien longuement sur tout ce, qui te concerne, et dis moi aussi qu'avais tu fais de tes covoyageurs. Le pauvre Tchietirkin était très mal en partant et je n'augure pas trop bien de lui. Ты уже, вѣроятно, слышалъ о смерти Окуневой, но не знаешь, что говорятъ, будто Тришатный лишенъ дворянства и переведенъ въ арестантскія роты. Это извѣстіе еще не подтвердилось приказомъ.

Всѣ родные тебя цѣлуютъ и благословляютъ; мы какъ то сверхъ обыкновенія каждый день видимся; въ субботу были у насъ Ольхины прощаться: Н. Александровичъ ѣдетъ въ Петербургъ, а жена въ Бускъ. Вчера обѣдали всѣ у Maman и чуть не перессорилась съ Любочкой pour sa manière impertinente de parler; но, слава Богу, все уладилось и мы разстались друзьями. M-me Julie ужинала у меня и мы протолковали до часу ночи. Машеньку вчера пріобщали. Въ понедѣльникъ собирались всѣ ко мнѣ обѣдать, но не во время пріѣхавшій мужъ M-me Энгельгардтъ разстроилъ это и она даже не пріѣхала вечеромъ къ Безакамъ. Любочка уѣзжаетъ въ четвергъ за границу къ мужу, который очень боленъ и отказался отъ предлагаемаго мѣста на Кавказѣ. Поймешь ли ты, дружокъ, что я пишу тебѣ? Боюсь взять другой листъ бумаги, чтобы не ввести тебя въ издержки на почту. 29-го, Н. Ив. и Романъ хотѣли ѣхать въ Марки поздравить Очкина съ именинами; но Четыркинъ заболѣлъ и отложили поѣздку до четверга. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя сто милліоновъ разъ и благословляю. Ради Бога не забывай увѣдомлять меня о своемъ житьѣ-бытьѣ, а главное о здоровьи.

Нѣжно любящая тебя Lisa.

77.

Варшава 6/18 *іюля 1847 г.*

Сегодня получила я твое второе письмо изъ Праги, милый другъ Воля; первое вѣроятно пропало, потому что папа его не получилъ. Это дало мнѣ мысль нумеровать наши письма. Изъ этого ты можешь видѣть, что я писала уже тебѣ, и въ прошлый понедѣльникъ отослала на почту. Сегодня продолжаю: ты знаешь, что „des deux amis qui se séparent, le malheureux est celui qui reste“. И потому не стану варіировать эту фразу на всѣ тоны плача Іереміи, а скажу просто, что страшная тоска и пустота продолжаютъ царствовать въ домѣ и, кажется, въ воздухѣ, потому что и наши гости заражены ею. Бѣдный Фроловъ долженъ бороться съ новымъ горемъ. Его мать умерла. Всѣ эти извѣстія о смерти наводятъ ужасную хандру и поддерживаютъ грустные разговоры. Тамъ казначей повѣсился, здѣсь полковникъ застрѣлился, тутъ президента убилъ параличъ. Точно моровая язва.

Поговорю лучше о M-me Julie, чтобы развеселить тебя. Она кончаетъ пить воды и не знаетъ еще, чѣмъ рѣшится судьба ея, т. е. поѣдетъ ли она къ мужу, или останется въ Варшавѣ? На дняхъ она у меня обѣдала и провела вечеръ; что впрочемъ каждый день повторяется если Maman не беретъ ея въ театръ. 4-го были имянины папы и мы всѣ у него обѣдали. Онъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и даже безъ нетерпѣнія ожидалъ Николая Ивановича. Послѣ обѣда поѣхали въ Сельцы проститься съ Любовь Ивановной, а кончили вечеръ у меня за преферансомъ.

Вѣрно, ты никакъ не угадаешь, кто на дняхъ былъ у насъ съ визитомъ? І. Тенгоборскій. Его прислали опять курьеромъ, на одинъ только день, и онъ былъ такъ любезенъ, что сейчасъ зашелъ ко мнѣ. Я очень обрадовалась ему и мы долго толковали. Онъ премилый; жаль будетъ, если онъ сдѣлается фатомъ, ибо у всѣхъ этихъ дипломатовъ есть маленькая замашка похвастать своимъ знакомствомъ съ аристократіей. Такъ и онъ разсказывалъ мнѣ, какъ пріятно провелъ время въ Глейхенбергѣ у В. К. Елены Павловны; какъ любезны фрейлины Ея В. Екатерины Михайловны, и прочія княгини, маркизы и графини. Я не очень люблю всѣ эти величія, боюсь ихъ и почти не вѣрю, чтобы можно было быть, какъ дома, въ Императорскомъ салонѣ. Потому всѣ эти разсказы теряютъ свою прелесть для невѣрующаго слушателя, и мнѣ смѣшно, когда думаютъ производить эффектъ громкими именами. Очень желаю, чтобы твой пріятель почувствовалъ во время смѣшную сторону этой манеры и тѣмъ избавился бы отъ одного недо-

статка, который ужасно шокируетъ въ человѣкѣ, имѣющемъ такъ много качествъ. Онъ мнѣ такъ нравится, что я въ утѣшеніе себѣ говорю, что и на солнцѣ есть пятна,—чтобы не разочароваться. Старичокъ былъ очень боленъ двѣ недѣли и мы его не видѣли; Н. Ив. былъ у него съ визитомъ и, кажется, этимъ подвигомъ любезности окончательно запугалъ его; довелъ до рецидива и тотъ глазъ не кажетъ. Вчера встрѣтили его въ саду; всю любезность свою онъ обратилъ на меня, а съ Любинькой не говорилъ. Въ воскресенье по обыкновенію собрались къ папѣ обѣдать. Долго ждали, неизвѣстно кого, папа сердился, наконецъ, кое-какъ усѣлись. Послѣ супу раздается звонокъ—всѣ въ тоскѣ; папа бѣсится. Maman велитъ просить, папа не велитъ—кутерьма страшная... Дверь отворяется и входятъ... кто бы ты думалъ?—В. Голицынъ и—Люцъ. У меня пирогъ остановился въ горлѣ, M-me Julie поперхнулась недоконченнымъ смѣхомъ; всѣ остолбенѣли, а у папы глаза такъ заблестѣли, что, я думала, онъ его выброситъ за окно. Въ страшномъ молчаніи всѣ принялись заѣдать свою конфузію и, вѣроятно, въ душѣ проклинали другъ друга.

Слава Богу, что послѣ обѣда папа заговорилъ съ Голицынымъ, а Люцъ ужъ вѣрно не рискнетъ другой разъ прійти. Maman comme de raison увѣряла, что никого не приглашала; но вѣдь не могли же они безъ зову явиться. Не дохожу до причины и результатовъ, а искренно радуюсь, что этотъ день кончился. Жаль только было прекраснаго туалета M-me Энгельгардтъ, который пропалъ даромъ, потому что каждый былъ такъ занятъ своимъ положеніемъ, что не обращалъ внимания на присутствующихъ. Одинъ только Тромповскій, въ невинности души своей всегда парящій надъ превратностями житейскими и не подозрѣвающій никакихъ треволненій, замѣтилъ сліяніе бѣлыхъ и розовыхъ цвѣтовъ на прекрасномъ тѣлѣ M-me J...., рискнулъ комплиментъ и не радъ былъ; потому что она была не въ духѣ и отдѣлала его порядкомъ и онъ съ поджатымъ хвостомъ отправился искать счастья подальше, думая, вѣроятно, покорностью умилостивить раздраженную богиню. Но несчастья его не прекратились и вечеромъ, играя въ преферансъ, M-me Э. до того мучила его ремизами и мизерами, что заставила его проиграть 60 злот. Прощай, любезный другъ мой, до будущаго понедѣльника. Всѣ тебя цѣлуютъ и благословляютъ. Папа уже имѣетъ отпускъ и ѣдетъ 11-го числа въ Малороссію. Если тебя занимаютъ древности богемскія, то прочитай романъ M-me Zand: Jean Ziska, чтобы придать имъ поэзіи.

78.

Варшава 14 августа н. ст. 1847 г.

Мы получили твое письмо изъ Дрездена и М. Е., кажется, осталась не очень довольна отвѣтомъ, потому что не хочетъ сказать, что именно написано, а увѣряетъ, что ты черезъ чуръ философъ и безъ энергіи. Вѣроятно, она ожидала пламенныхъ увѣреній въ любви, а не морали. Впрочемъ elle ne se tient pas pour battue и хочетъ писать тебѣ еще, конечно, чтобы добиться восторженныхъ чувствъ; а между тѣмъ, она здѣсь разсѣевается, кокетничая съ Фроловымъ, Евецкимъ, (отъ котораго принимаетъ даже подарки), и другими. Это мнѣ не очень нравится, но какъ быть? Не начать же ея воспитанія съизнова; моральнаго, разумѣется, потому что о другомъ я мало забочусь, полагая, что если первое хорошо, то оно необходимо должно отсвѣчивать на второмъ. Не смотря на то, что мы часто видимся, и я ее даже очень люблю, *это* будетъ всегда преградой къ сближенію, и если продолжится, то я буду въ необходимости прекратить частыя сношенія, несмотря на то, что, вѣроятно, буду сожалѣть, потому что для извѣстнаго общества она просто кладъ. Получила недавно письмо изъ Петербурга. Николай Ив. и Люб. благополучно доѣхали, но, кажется, очень скучаютъ; потому что Любинька пишетъ, что городъ совершенно какъ будто вымеръ, и у нихъ такая скука и неудобства, что, не смотря на всю любовь свою къ роднымъ, она непремѣнно возвратится въ Варшаву. Ваничкѣ Богъ далъ дочку Ольгу; Софи сама кормитъ. Отъ папы извѣстій никакихъ нѣтъ до сихъ поръ. У насъ все по прежнему. Только я чаще обѣдаю у Maman и ѣзжу въ театръ, чтобы избавиться отъ домашней суеты. Надѣюсь, что квартиру скоро поправятъ и я съ радостью возвращусь къ моей мирной жизни. Сюда пріѣзжалъ графъ Опперманъ (по особымъ порученіямъ у князя) изъ Петербурга. Я вчера съ нимъ познакомилась. Премилый молодой человѣкъ, и вообрази, ему еще нѣтъ тридцати шести лѣтъ, и онъ уже 13 лѣтъ женатъ. Интересно видѣть его жену. Говорятъ, хорошенькая. Тарновскіе возвратились изъ заграницы и поселились всѣ у Севастьянова.

20 августа.

Я уже было хотѣла разорвать это письмо, чтобы не разсмѣшить тебя измѣнчивостью моихъ сужденій; но разсудила, что лучше если ты будешь знать меня безъ прикрасъ, и откровенно сознаюсь, что не постигаю M-me E. и не рѣшусь уже давать рѣшительное мнѣніе на ея счетъ;

потому что она сегодня разрушаетъ мои вчерашнія понятія, а завтра опрокинетъ совершенно сегоднешнія. Это не можетъ быть вѣтренность, потому что, сколько можно вѣрить, у ней много истиннаго чувства. На дняхъ какъ то вышли сплетни: повтореніе старой исторіи съ Григорьевымъ; одинъ сваливаетъ на другую и vice versa. M-me E. просила меня откровенно сказать, что я думаю, и вѣрю ли я всему... Я очень откровенно объяснила, что я давно ничему не вѣрю и, стало быть, не могу вѣрить ни ему, ни ей. А что впрочемъ я очень рада, что эта исторія случилась во время, чтобы подтвердить мнѣніе мое о людской дружбѣ, и какъ я очень боюсь любить кого нибудь, то даетъ право не любить ея. Она бросилась ко мнѣ на шею со слезами на глазахъ и сказала: не любите меня, но ради Бога позвольте своими поступками разувѣрить васъ и доказать мою привязанность. C'est la seule consolation que j'ai. Oh! si vous saviez comme je suis malheureuse! ne me repoussez pas de grâce, car je ne sais ce que je deviendrai! и т. п. увѣренія съ примѣсью поцѣлуевъ и любви; я совершенно растерялась въ моихъ предположеніяхъ и, правду сказать, была очень тронута. Она, казалось, забыла всю иронію и желчь моихъ словъ и сдѣлалась спокойнѣе. Мы разстались какъ нельзя лучше и сегодня она у меня обѣдала; но была еще очень блѣдна и разстроена. Надѣюсь, что это не притворство. Вѣдь ей нечего же искать во мнѣ! И если она меня любитъ, то это, можетъ быть, и безъ arrière-pensée. Вечеръ мы провели вмѣстѣ, съ прибавленіемъ Фролова, гр. Оппермана и Фитингофа. Можешь вообразить, какъ я была нѣжна, довѣрчива и любезна. Опперманъ такъ перепугался, что боялся идти спать, а Фитингофъ увѣряетъ, что я герой Саламандры въ женскомъ платьѣ. Не смотря на это, мы смѣялись, проспорили безъ картъ до половины второго и разстались съ обѣщаніемъ собраться опять доканчивать споръ. Но я перевернусь Хамелеономъ и буду доказывать противное, изъ риторической прихоти. Мы теперь очень часто бываемъ въ театрѣ и M. E присылаетъ мнѣ каждый разъ чудесный букетъ гвоздикъ. Вчера намъ такъ надоѣлъ Monte-Christo, что мы для разсѣянія выдумали небывалую шалость и остались *послѣдними*, чтобы вызывать Коморовскаго. Вообрази его удивленіе, когда занавѣсъ поднялся и онъ выходитъ: ни живой души нѣтъ въ залѣ и только мы двое, какъ Геркулесовы столбы, стоимъ и ждемъ его появленія, чтобы захлопать. Я до сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить его удивленную физіономію и отчаянный поклонъ. Послѣ этой глупости мы отправились домой ужинать, и прохохотали до часу. Когда я раскаивалась и говорила M. E., что будетъ не совсѣмъ хорошо, если это разнесется, то она отвѣчала, что это съ моейстороны такъ неправдоподобно, что, вѣроятно, всѣ скоро забудутъ. А что про нее уже столько говорятъ, что одной шалостью больше, одной меньше, все рав-

но. Фитингофъ, какъ я уже тебѣ писала, ужасно развязался и даже М. Е., которая въ насмѣшкахъ никого не щадитъ, увѣряетъ, что онъ *притворялся глупымъ*. И въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить, сколько у него здраваго смысла и поэтической морали. Никакими софизмами не собьешь его съ прямой точки зрѣнія и, какъ ты говоришь, натуральныхъ или природныхъ чувствъ. Вскорѣ послѣ нашего безвѣрнаго разговора мы были въ оперѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что я думаю; изъ этого завязался разговоръ и вообрази, что онъ прекрасно, даже высоко понимаетъ музыку. „Я слушаю (гов. онъ) музыку, какъ молитву. Не правда ли, что какая то кора спадываетъ съ сердца, человѣкъ дѣлается добрѣе, мирится съ людьми и расположенъ ко всему прекрасному, теплому, доброму. Одно грустное впечатлѣніе остается, это, что надо возвратиться на землю и нельзя слушать и чувствовать тоже самое всегда, всегда и всегда". Каково? Я право начинаю гордиться своимъ *воспитанникомъ*, какъ Maman его называетъ.

21 августа 1847 г.

Чтобы не увеличивать тяжести письма, пишу къ тебѣ на лоскуткѣ, милый другъ Володя, тѣмъ болѣе, что Лиза сказала уже все, что могло тебя интересовать. Мы окончили благополучно поѣздку и возвратились сюда вмѣстѣ съ Любинькою утромъ 15-го августа. Князь принялъ меня благосклонно; но очень сердитъ на Рара, потому что здѣшніе недоброжелатели успѣли сочинить кучу исторій. Хорошо было бы, если бы Рара вернулся; но мы рѣшительно не знаемъ о его намѣреніяхъ; онъ ничего объ этомъ не пишетъ, а проситъ только объ отсрочкѣ на мѣсяцъ, что ему разрѣшено; однакожъ и этотъ новый срокъ отпуска уже оканчивается. Я нахожу, что Рара сдѣлаетъ дурно, если не возвратится, потому что онъ оставляетъ службу не совсѣмъ безъ непріятностей, а этого вообще должно избѣгать. Всѣ родные наши въ Петербургѣ, благодаря Бога, здоровы и всѣ тебѣ кланяются. У Вани родилась дочь, которую назвали Ольгою; Софи сама кормитъ; мы нѣсколько разъ пили у нихъ чай, а однажды даже обѣдали; хозяйство ихъ въ большомъ порядкѣ; только жаль, что здоровье Вани медленно поправляется и онъ намѣренъ непремѣнно перейти въ другой родъ службы, тѣмъ болѣе, что и денежныя средства ихъ для Петербурга не достаточны. У Натальи Андреевны были мы раза три на дачѣ; она съ восторгомъ читаетъ твои письма и говоритъ, что съ своей стороны пишетъ исправно. Пробывъ 18 дней въ Петербургѣ, я выѣзжалъ оттуда только два раза, именно: былъ въ Петергофѣ у кадетъ и обѣдалъ въ Царскомъ у Липранди. Коля [1]) выходитъ въ Семеновскій полкъ, онъ

[1]) Николай Николаевичъ Скворцовъ.

славно выдержалъ экзаменъ и сталъ по корпусу вторымъ. Вотъ все, что могу сказать тебѣ любопытнаго. По возвращеніи сюда я нашелъ, что Лиза при водахъ очень поправилась, а Маша выросла и сдѣлалась еще забавнѣе. Maman, Коля и Доля здоровы. Отъ всей души желаю тебѣ веселиться и находить поболѣе случаевъ усовершенствовать твое направленіе въ юриспруденціи. Если можно, не заживайся за границею. Право, Россія не хуже другихъ странъ и представляетъ болѣе пищи для науки и наблюденій. Цѣлую тебя.

P.S. Любинька очень тебѣ кланяется.

79.

Варшава 1 сентября н. ст. 1847 г.

Я пишу тебѣ, мой другъ, чтобы отдохнуть немного отъ возбужденныхъ во мнѣ непріятныхъ чувствъ при письмѣ къ папѣ. Написавши три страницы, я такъ устала, какъ будто бы сердилась битыхъ три часа. Не повѣришь, mon cher, какъ меня бѣсятъ всѣ здѣшнія подлости! Право, если ты еще хочешь сохранить свое прекрасное мнѣніе о людяхъ, то не пріѣзжай въ Варшаву, а то ты будешь раздѣлять мое мнѣніе насчетъ этихъ презрѣнныхъ тварей, которыя лижутъ только тѣ руки, которыя къ нимъ протягиваются съ кошелькомъ или дубиной; которыя для своихъ выгодъ не стыдятся пятнать честь, имя и добрую службу другого. По пріѣздѣ своемъ изъ Петербурга Николай Ивановичъ видѣлся съ княземъ и долго говорилъ съ нимъ о папѣ. Онъ очень разсерженъ на него за разныя неправдоподобныя вещи, сдѣланныя будто бы папой, и которыя ему переносятъ съ разными украшеніями подлой зависти. Очень понятно, что истинно умный и честный человѣкъ колетъ глаза подлецамъ, и они желаютъ его столкнуть, чтобы безнаказаннѣе совершать всѣ свои гадости; но что непонятнѣе, это вѣра, съ которой принимаются эти навѣты человѣкомъ, знающимъ лично и такъ долго отсутствующаго. Конечно, всего лучше въ такихъ случаяхъ повторять съ Фроловымъ слова Спасителя: „не вѣдятъ бо что творятъ“, и простить. Но прощеніе, какъ ни выгодно у Бога, дурное правило на нашей грязной землѣ, гдѣ люди, пользуясь безнаказанностью, все болѣе и болѣе топчутъ прощающаго, такъ что вѣдь и вылѣзть то будетъ трудно. Я вѣрю въ Евангеліе, какъ истинная христіанка, но въ подобномъ случаѣ придерживаюсь закона Мойсеева, который говоритъ: „зубъ за зубъ“ и пр. Такимъ только образомъ можно жить съ людьми или

совсѣмъ съ ними не знаться: что опять, какъ свобода, желаніе миѳологическое. Не знаю, что рѣшитъ папа; но такъ какъ le droit du plus fort est toujours le meilleur, то вѣрнѣе было бы опять сдѣлаться le plus fort и олицетворить на время Monte-Christo. До этой минуты мы еще въ совершенной неизвѣстности. Не получаемъ никакихъ писемъ и не знаемъ даже, получаетъ ли онъ наши. Посему я и не посылаю къ нему твоего письма, а подожду *вѣрной* оказіи.

Вчера получили твой дипломъ изъ Дерпта на имя Николая Ивановича. Что съ нимъ дѣлать? оставить ли здѣсь или переслать въ Парижъ? Писемъ при немъ никакихъ не было. Николай Ивановичъ очень поздоровѣлъ въ Петербургѣ и повеселѣлъ, возвратившись. Они были нѣсколько разъ у Натальи Андреевны, которая тебя просто обожаетъ. Платками она была довольна (11 р. сереб.), а теперь проситъ прислать матеріи на шубу черной, какъ у Любиньки, и такой же платокъ. Все это я ей сдѣлаю, а если это превыситъ твой долгъ, то мы уже потомъ сочтемся, только ты самъ не покупай ничего. Во первыхъ, потому, чтобы не купить вдвойнѣ, а, во вторыхъ, чтобы не тратить понапрасну денегъ, которыхъ у тебя и такъ мало для заграницы. Отъ Костиньки [1]) она совсѣмъ не въ такомъ восхищеніи, какъ ты наговорилъ. Говорятъ, что она очень хорошенькая, но и насчетъ кокетства отдаютъ ей справедливость, что равной найти трудно. Итакъ, mon cher, ты можешь утѣшиться, что она не исчахнетъ отъ грусти по тебѣ и очень скоро найдетъ если не утѣшителя, то утѣшеніе въ сознаніи своей красоты и въ шумѣ баловъ. Странно, что всѣ скромные люди влюбляются въ кокетокъ и наоборотъ! Видно, разнородныя части скорѣе сходятся, чѣмъ однородныя, во всемъ, видно, la loi des contrastes.

Жизнь наша пошла прежней колеей; M-me Энгельгардтъ по прежнему кокетничаетъ и болѣе прежняго занята своею красотой и своими долгами. Фроловъ спорится или методически повторяетъ свои вѣчныя тирады изъ Св. Писанія. Марья Васильевна такая же добрая и молчаливая, ея мужъ по прежнему много глагольствуетъ и разстраиваетъ всѣмъ слуховые нервы своимъ крикомъ. Тромповскій по прежнему бѣсится, проигрывая. M-r Фитингофъ, не кончивъ воспитанія, уѣхалъ съ княземъ Горчаковымъ въ Малороссію. Любинька привезла изъ Петербурга кучу нотъ и заразилась отъ Леночки и Жоржа страстью къ музыкѣ. Всего смѣшнѣе, что эта эпидемія распространилась и на меня. Брянчу цѣлый день на фортепіанахъ, и теперь, пока порывъ не остылъ, хотимъ съ Любинькой играть въ четыре руки. Романъ въ отчаяніи, что его Каролинку украли изъ сада Ома. Я продолжаю пить воды; гово-

[1]) Констанція Фробенъ.

рятъ, что онѣ мнѣ приносятъ большую пользу. Встаю въ семь часовъ и ложусь въ 10 или одинадцать, а гостей оставляю расправляться какъ знаютъ съ Н. Ив. и Любинькой. Вчера пріѣхалъ Беръ и меня очень занимаетъ ихъ встрѣча съ M-me E. Maman бѣдная ужасно перемѣнилась отъ вѣчнаго безпокойства и тревогъ; но въ театръ ѣздитъ по прежнему. Прощай, мой другъ, до будущей почты.

Élise d'Ouchakoff.

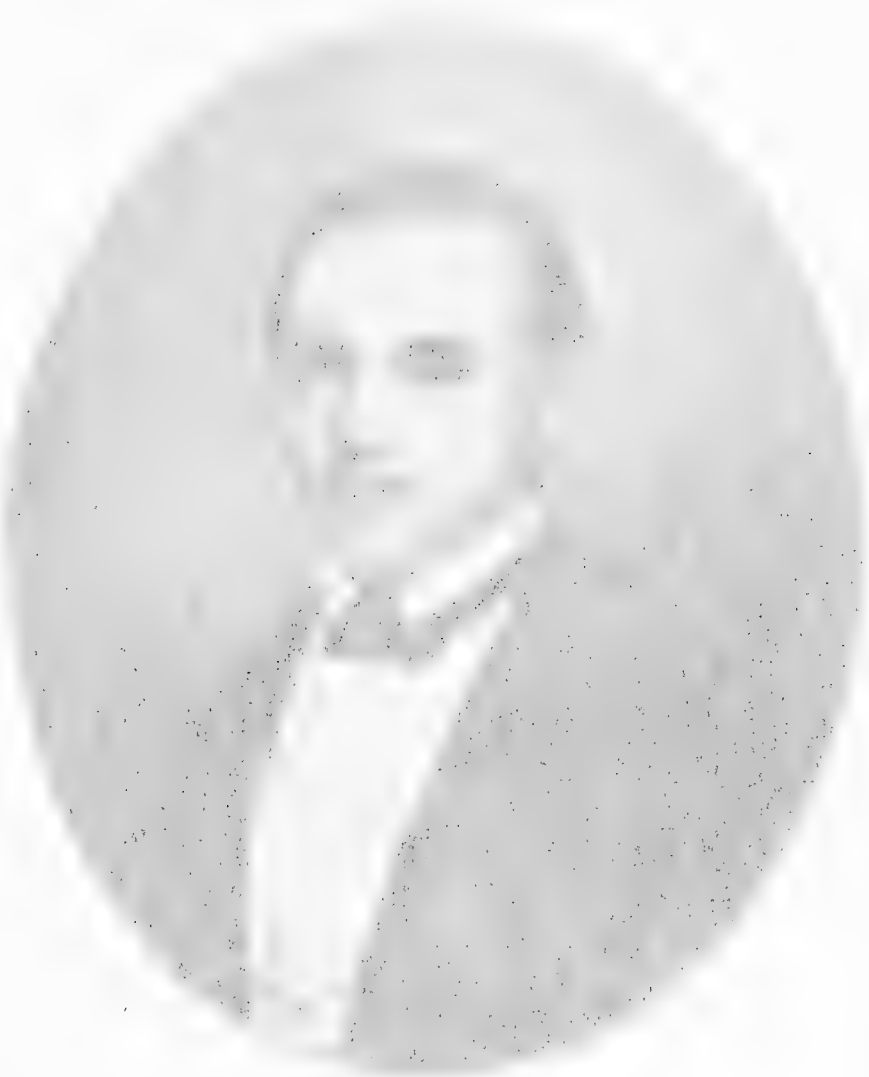
80.

Варшава 20 сентября 1847 г.

Ты уже, вѣроятно, получилъ два письма мои, адресованныя poste-restante à Paris, мой милый другъ Волинька. Я еще не имѣю отвѣта на второе, а первое твое письмо изъ Парижа мы получили. Слава Богу, что ты не скучаешь и нашелъ хорошаго знакомаго Пикабеля, который, будучи уже давно въ Парижѣ, вѣрно познакомитъ тебя со всѣми достопримѣчательностями города и общества. Князь Бебутовъ только три дня оттуда и я право не понимаю, какъ вы не встрѣтились, потому что онъ тоже былъ въ знаменитую эпоху процесса Тесте и убійства Пролежа; посѣщалъ гулянья, театры и даже былъ на балѣ въ Château Rouge съ Козачковскимъ и Энгельгардтомъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ объѣздилъ почти всю Европу, не забывая Брюсселя и Лондона. Изъ Италіи привезъ мнѣ множество коралловыхъ брелоковъ и между прочимъ премиленькую трубочку и сигарочницу для Николая Ивановича. Онъ обѣщалъ мнѣ тоже дать прочесть свои записки о вояжахъ и впечатлѣніяхъ, сдѣланныхъ на него достопримѣчательностями всѣхъ странъ, которыя онъ видѣлъ. Ты его знаешь, а потому не стану говорить, въ какомъ родѣ они для меня интересны. Объ Чистилинѣ и другихъ вояжерахъ еще нѣтъ никакихъ извѣстій. Michel съ Софи возвратились и привезли мнѣ твой портретъ [1]), за который сто разъ благодарю. Онъ очень, очень тебя напоминаетъ, по крайней мѣрѣ, всѣ это находятъ, хотя Миша и говоритъ, что при тебѣ онъ нисколько не похожъ. При этомъ случаѣ M-me Эп. просила меня дать ей твой старый портретъ карандашемъ. Я почти обѣщала; но какъ съ тѣхъ поръ мы почти разошлись и она болѣе не упоминала объ этомъ, то, я думаю, онъ останется у меня. Надо тебѣ сказать, что

---

[1]) Фотографія съ этого портрета въ краскахъ приложена къ книгѣ.



Владимиръ Андреевичъ

Стороженко.

Портретъ 1840-хъ г.г.

она здѣсь надѣлала большихъ тревогъ своимъ непозволительнымъ кокетствомъ, и неумѣстными насмѣшками переполошила все мое общество. Такъ, что я даже просила ее, черезъ Maman, избавить меня отъ частыхъ посѣщеній; но она, кажется, не хочетъ знать, пріятно ли это мнѣ или нѣтъ, и все еще является, не смотря на мой холодный пріемъ, и говоритъ, que cela lui est indifférent, elle viendra toujours. Ужъ видно манера ея не совсѣмъ хороша, потому что даже M-me Ольхина, не смотря на всю свою доброту и снисходительность, просила меня не связываться съ ней „puisque, vraiment, c'est une femme si mal élevée qu'elle nous compromet et que c'est presqu'une honte d'être avec elle". Не говорю уже объ Марьѣ Васильевнѣ и Любочкѣ, которыя просто ея не терпятъ. Я, собственно, противъ нея ничего не имѣю, кромѣ исторіи ея съ Трошелемъ, которою, впрочемъ, она только себя скомпрометировала. А ты знаешь, что въ Варшавѣ надо только дать поводъ на волосокъ, чтобы сочинили исторію въ корабельный канатъ. Это дошло до Князя, который говорилъ объ этомъ Роману, не какъ объ одной M-me Эн., но вообще о неприличномъ поведеніи всѣхъ находящихся въ ложѣ Maman. Это меня такъ взбѣсило, что я, предупредивши однако же M-me Э., перестала съ ними ѣздить въ театръ. Она, на мѣсто того, чтобы замять всю эту исторію, разсказывала ее встрѣчному и поперечному, увѣряя, что на зло всѣмъ она начнетъ брать у него уроки пѣнія, и просила Эвецкаго сдѣлать ей дагеротипъ Трошеля. Конечно, все это ужаснѣйшій вздоръ и глупѣйшая бравада; но тѣмъ не менѣе досадно быть замѣшанной въ подобныя исторіи, служить параваномъ и слыть за друга героини. Я думала сначала, что это все останется en famille; но представь мое удивленіе, когда Любочка на второй день своего пріѣзда изъ заграницы разсказала мнѣ кучу подробностей, сообщенныхъ ей Лохтиной, которыхъ я даже и не подозрѣвала. Какъ это случилось, не постигаю. Лохтина все лѣто жила въ Маркахъ, а изъ нашихъ знакомыхъ, никто туда не ѣздитъ. Теперь M-me Эн. занимается, между прочимъ, сведеніемъ съ ума Фролова. Вчера, напримѣръ, они пріѣзжаютъ вечеромъ къ Maman; и несчастный Фроловъ, который тамъ никогда не бываетъ, тащится тоже за нею. Maman еще теперь не пришла въ себя отъ удивленія, что провела вечеръ en trois съ ними. Мы ожидаемъ папу всякій день. Ваничка писалъ мнѣ изъ Петербурга, что Дмитрій съ женой поѣхали въ Малороссію; онъ тебѣ очень кланяется. На бѣднаго Романа сочиняютъ здѣсь ужасныя исторіи: будто онъ увезъ Каролинку, воспитываетъ гдѣ-то по секрету и даже думаетъ жениться потомъ; пока, вѣроятно, довольствуется платоническою любовью. Comme de raison, все это сущій вздоръ; но если имъ весело болтать, пускай забавляются. Я такъ думаю, что онъ въ такомъ страхѣ отъ холеры, что если была когда нибудь мысль любви, то она, вѣроятно, ушла въ пят-

ки. Говорятъ, безъ шутокъ, что холера очень сильна въ Харьковѣ и движется къ Кіеву. Слава Богу, что у насъ еще ничего не слышно, хотя всѣ находятся въ самомъ непріятномъ ожиданіи. Князь еще не возвратился изъ Винницы. Государя тоже ожидаютъ къ 19 или 25 ст. ст. А между тѣмъ князь Горчаковъ встревожилъ всѣ женскія головы, разославъ повѣстку, что ожидаютъ Е. В. Наслѣдницу и Княгиню Альтенбургскую, которымъ, вѣроятно, надо будетъ представляться; такъ, чтобы у всѣхъ дамъ русскіе костюмы были готовы. Я, какъ ты вѣрно догадался, и не думаю объ этомъ, скажусь больной. Княгиня Варшавская думала всю зиму прожить въ Петербургѣ, но теперь говорятъ, что возвратится въ Варшаву веселить общество своими вечерами. Желаю очень, чтобы Любочкѣ не вздумалось подражать. Александру Павловичу воды мало помогли, онъ очень похудѣлъ; но онъ такъ мнителенъ, что его всѣ увѣряютъ въ противномъ, чтобы не испугать. Говорятъ, у нихъ въ семействѣ не переживаютъ извѣстныхъ лѣтъ, и братъ его подъ вліяніемъ этой мысли, въ самомъ дѣлѣ, умеръ въ предполагаемое время; боятся, чтобы и А. П. не поддался этой idée fixe. Онъ отказался отъ преферанса, обѣдовъ, вечеровъ, и все сидитъ дома и продолжаетъ діэту и лѣченіе. Любочка очень похорошѣла за границей и навезла кучу вещей для туалета. Мы большіе друзья теперь, только не знаю, на долго ли?...

Жизнь наша идетъ прежнимъ однообразнымъ образомъ. По вечерамъ я опять дома и принимаю желающихъ поскучать или поиграть въ преферансъ, который по прежнему меня раззоряетъ. Фитингофъ возвратился и часто бываетъ у меня, но по старому zurückhaltend и, не смотря на всѣ мои насмѣшки, не подвигается впередъ. Все, что мы выиграли, это побѣду надъ его неслыханной застѣнчивостью. Онъ теперь, если не много говоритъ, то очень много играетъ. Такъ, что даже разъ надоѣлъ Машѣ и она по секрету разсказывала всѣмъ, что офицеръ совсѣмъ не умѣетъ играть. Николай Ивановичъ восхищается ея умомъ и подобными выходками. Твой портретъ она сейчасъ узнала и начала цѣловать. Слава Богу, что она здорова, о другомъ и не прошу Бога, да ничего и не желаю. Очкина мы какъ то встрѣтили въ театрѣ, въ подозрительнаго цвѣта сюртукѣ, à la propriétaire, съ усами и небритой бородой. M-me Эн. писали, qu'il faut qu'il ait beaucoup d'esprit pour se faire pardonner sa *laideur?* Съ тѣхъ его никто не видѣлъ и даже не знаютъ, въ городѣ ли онъ. Беръ по прежнему бѣснуется, хлопочетъ и болтаетъ за десятерыхъ. Незнаю только, что онъ будетъ дѣлать на балахъ? Докторъ Энохъ сказалъ, что у него чахотка и если будетъ танцовать, то черезъ два года умретъ. Не думаю, чтобы это его остановило. Насчетъ тщеславія онъ изъ породы древнихъ римлянъ, которые, умирая, только заботились, какъ бы граціознѣе драпироваться въ тогу.

A part cela онъ предобрый и прелюбезный малый, и мы съ нимъ большіе пріятели... когда не бранимся. Общество наше увеличилось гр. Оппермановъ, съ которымъ я очень сошлась и вижу часто. Недавно прислалъ онъ мнѣ чудеснѣйшій букетъ и виды Парижа, съ описаніемъ всѣхъ зданій, садовъ и окрестностей, около 400 картинокъ. Это очень много интересу прибавитъ къ чтенію твоихъ писемъ. Только бы ихъ почаще получать и поподробнѣе!

24. Папа только что возвратился изъ Малороссіи; онъ видѣлъ Князя въ Кіевѣ, прожилъ съ нимъ около семи дней и они разстались болѣе друзьями, чѣмъ когда нибудь. Князь встрѣтилъ его гомерическимъ смѣхомъ и просилъ перестать всѣ свои глупости. Папа говорилъ, что *все это* не вздоръ; но, что онъ не можетъ служить, потерявъ довѣренность Его Свѣтлости и проч. Пошли объясненія, и кончилось тѣмъ, что папа опять остается служить. Папа видѣлъ въ Кіевѣ Государя, Клейнмихеля, Кокошкина, Бибикова и пр.; всѣ съ нимъ какъ нельзя болѣе любезны. Остается только рѣшить, какъ поставить себя здѣсь, и что взять девизомъ: „мщеніе или прощеніе?“ Оба хуже. A propos, скажи пожалуйста, получилъ ли ты *второе* мое письмо въ Парижъ? Я довольно неосторожно высказала въ немъ свои мнѣнія о людяхъ вообще и о Варшавскихъ властяхъ въ особенности, такъ, что мнѣ бы не совсѣмъ пріятно было, еслибъ...—понимаешь?... Папа въ восхищеніи отъ Малороссіи. Красавицы тамъ не переводятся. Теперь въ большой модѣ Закревская; она получила большое наслѣдство и кутитъ напропалую. Барятинскій, Кокошкинъ и проч. знаменитости были у него въ Чевельчѣ. Потомъ онъ ѣздилъ говѣть въ Мосевку, къ Волховской, и прожилъ тамъ недѣлю. Видѣлъ Степу [1]), который, наконецъ, получилъ чинъ и просится назадъ въ Варшаву. Катюша [2]) живетъ въ Богодуховкѣ и хочетъ возвратиться сюда съ Мишей. Но какъ сей послѣдній издержалъ всѣ деньги на заграничную поѣздку, то и отложилъ намѣреніе ѣхать въ Малороссію до будущаго года. Катюша продала свое имѣніе за 4500 руб. сереб. и отдала деньги папѣ, намѣреваясь жить съ нами и употреблять проценты на туалетъ и пр. Николай [3]) ужасно потолстѣлъ, говоритъ папа; Варюша не измѣнилась. Александрина [4]) немного поправилась и живетъ въ Кіевѣ. Анна Евгеньевна [5]) тоже тамъ. Ужасно груститъ еще по Александрѣ и утѣшается только своей дочечкой, которая очень умна. Софи Краснокутская живетъ, или жила у нея. Теперь ее опять отправляютъ въ Атаки; она, кажется, очень рано развилась и все влюбляется, такъ что для развлеченія ее заставляютъ перемѣнять мѣсто

[1]) Ограновича, [2]) Искра, [3]) Дараганъ, [4]) Максимовичъ, [5]) Дараганъ, по 2-му мужу Фролова.

жительства. Папа подробно не разсказывалъ этихъ исторій, такъ, что я не могу тебѣ сообщить болѣе, чѣмъ сама знаю. Сказалъ только, что влюбилась, хотѣла бѣжать и по совѣту Катюши ее отправили въ Кіевъ къ Аннетъ Дараганъ. Пожалуйста, не проговорись Мишелю, пусть это будетъ между нами. Евва Яковлевна хотя здорова, но очень уже слаба, а бѣдный дѣдушка уже не можетъ ходить, ослѣпъ и все лежитъ въ постели. Грустно! Мнѣ бы ужасно хотѣлось увидѣть ихъ еще хоть разъ въ живыхъ, чтобы поклониться, какъ первой, чистѣйшей и счастливѣйшей привязанности моей въ жизни.

Вчера, будучи у Maman, встрѣтила M-me Энг. и она меня ужасно озадачила своимъ объясненіемъ. Начиная съ того, что „она не знаетъ, что она сдѣлала и за что я сержусь на нее, но во всякомъ случаѣ проситъ меня простить ее и не сердиться, потому что она не въ состояніи этого переносить, потому что она меня любитъ болѣе всего на свѣтѣ и потому что она въ состояніи жертвовать всѣмъ, чтобы возвратитьсебѣ мое расположеніе“ и пр. Этакая мука! Ненавижу исторій, объясненій, любви, сплетней и романовъ... и всегда имѣю несчастье замѣшаться во что нибудь подобное. Рѣшительно нигдѣ не бываю, почти никого не принимаю, чтобы только жить спокойно! Нѣтъ, найдется всегда какая нибудь кобита или мусье, которые прицѣпятся ко мнѣ, чтобы мучить. Никакъ не могутъ понять, что я старуха и что всѣ тревожныя ощущенія, которыя по молодости ихъ занимаютъ и нравятся, какъ сознаніе жизни, меня утомляютъ, наводятъ хандру и разстраиваютъ нервы, заставляя думать, говорить и шевелиться. Отъ одной лѣни я помирилась, признала ее добрѣйшей женщиной и просила перестать кутерьмиться.

26 сентября.

Папа, Maman, Четыркинъ и M-me Энгельгардтъ у насъ сегодня обѣдали и всѣ просили непремѣнно тебѣ кланяться и расцѣловать. Вечеромъ Любинька была у Ольхиныхъ, а я оставалась дома доигрывать партію преферанса. Папа хочетъ непремѣнно уговорить Мишеля ѣхать въ Малороссію, для свиданія съ родными, говоря, что Михаилъ Петровичъ обѣщалъ возвратить издержки. Не знаю, чѣмъ это рѣшится.

$^{15}/_{27}$ *сентября.*

Лиза столько написала тебѣ, любезный другъ Володя, что мнѣ рѣшительно почти ничего не остается прибавить, кромѣ опасеній, что лихорадка посѣтитъ меня снова, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія. Сегодня и вчера я чувствую и чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, холодъ во всемъ тѣлѣ и проч., можетъ быть, все это отъ дурной погоды—отъ перехода осени къ зимѣ. Завтра, если не будетъ лучше, приму лѣкарство.

Мои предположенія на счетъ Рара сбылись; онъ возвратился и, кажется, съ возобновленнымъ къ нему расположеніемъ вполнѣ. Такимъ людямъ, какъ онъ, нельзя не служить. Безпокоитъ меня теперь положеніе Вани; онъ хочетъ переходить въ жандармы и я попробую подать объ этомъ записку гр. Орлову. Спасибо за перстень; я ожидаю, что онъ отдѣланъ прекрасно; что касается до увеличенія платы, то это неважное дѣло. Очень радъ, что заграничная жизнь начинаетъ тебя тяготить. Право, дома лучше. Прощай, обнимаю тебя искренно.

P.S. Мы ожидаемъ смотровъ въ концѣ этого мѣсяца.

81.

Варшава $^{15}/_{27}$ *октября 1847 г.*

Между прочими большими недостатками я обладаю въ высшей степени даромъ неумѣстнаго растягиванія писемъ. Это даетъ поводъ переписывать и укорочивать необъятное количество изорванныхъ посланій; что со мною и въ этотъ разъ случилось. Я написала къ тебѣ въ прошлое воскресенье восемь страницъ, которыя, если бы взяться должнымъ образомъ окончить, то превратились бы въ полновѣсную тетрадь. Слава Богу, что вовремя вспомнила, что даже и мое маранье на почтѣ стоитъ вѣсъ золота, и рѣшилась ихъ оставить у себя, какъ памятникъ довольно интересныхъ происшествій, которыя сообщу тебѣ во всей подробности при свиданіи. А теперь скажу только вкратцѣ, давая полный просторъ твоему воображенію въ изысканіи началъ, завязокъ, развязокъ и окончательныхъ результатовъ.

Прежде всего однако же, чтобы не забыть, скажу тебѣ, что мы вчера получили письмо твое отъ 19 сент. и перстень Н. Ив. черезъ Гальперта или Коніаровъ, что одно и тоже; перстень очень понравился Н. Ив. и даже заслужилъ аппробацію Очкина и Романа, которымъ былъ показываемъ въ тотъ же день у папы, на обѣдѣ для Туркула. Папѣ онъ такъ понравился, что, кажется, возродилъ желаніе имѣть подобный же; но это еще не рѣшено. Теперь къ дѣлу; только повѣрь, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ сохранить послѣдовательность и удовлетворительную ясность въ послѣдующемъ разсказѣ. Начну съ того, что послѣ одного воскреснаго обѣда у насъ Н. Ив. поспорилъ съ Maman, и такъ какъ онъ уже былъ въ ударѣ, то досталось и М-ше Е. за ея исторію съ Трошелѣмъ. Maman, можетъ быть, и ничего; но M-me Julie мстительна, и на мѣсто того, чтобы вступиться сейчасъ же за себя и Maman, если считала долгомъ обидѣться, она промолчала; но потомъ такъ сбила съ толку Maman, что та не хотѣла было къ намъ ѣздить, прежде

чѣмъ бы Н. Ив. не пріѣхалъ къ ней извиниться. Ты знаешь упорство Н. Ив., если онъ считаетъ себя правымъ? Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если бы Любовь Ивановна не вмѣшалась. Надо ей отдать справедливость (не вдаваясь въ объясненіе причинъ, заставившихъ ее дѣйствовать такъ, а не иначе), что elle a accepté la chose en femme éminemment spirituelle et aimable. Несмотря на всѣ пересказы Энг. и старанія ея насъ всѣхъ поссорить, Любочка первая пріѣхала ко мнѣ и объяснилась. Изъ чего воспослѣдовали разныя открытія, и обоюдное желаніе мира заставило насъ сдѣлать разныя мелкія уступки, чтобы потушить дѣло. Ко всеобщему удовольствію вся эта исторія кончилась только слезами и изгнаніемъ М-me Энг. изъ нашего дома; но такъ какъ Maman рѣдко даетъ себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, то, вѣроятно, она и сама тебѣ не скажетъ причины, по которой она сдѣлалась такой жаркой заступницей М-me Энг. и вмѣсто тебѣ извѣстной непріязни возродилась дружба à la vie и à la mort. Онѣ не разстаются, обѣдаютъ вмѣстѣ, играютъ цѣлый вечеръ въ вистъ, или ѣдутъ въ театръ. Въ досужее время, Maman, какъ сама увѣряетъ, напутствуетъ Енг. на путь истины, съ котораго сія послѣдняя имѣетъ сильное желаніе совратиться. Вѣроятно, послѣ одного изъ подобныхъ нравоученій, у М-me Е. явилось желаніе послушать другого рода наставленія отъ М-me Лохтинъ и она отправилась туда знакомиться (?). Пріѣздъ Государя развлекъ немного наши досужіе для сплетней умы, и всѣ занялись маневрами, парадами и представленіями. Встрѣча невѣсты была помпезная; отъ самой желѣзной дороги разставлены были войска и Государь съ Наслѣдникомъ и Кон. Ник. самъ экскортировалъ шагомъ карету Цесаревны. Потомъ слѣдовали обѣды, театры даромъ въ Лазенкахъ и проч. На третій день было представленіе дамъ Наслѣдницѣ и пр. Альтенбургской. Я была въ ихъ числѣ съ Любовь Ивановной. Maman сказалась больной. Папа былъ на обѣдѣ и имѣлъ счастье говорить съ Наслѣдникомъ. Онъ изволилъ спросить о тебѣ: гдѣ ты и что дѣлаешь?—„Лѣчится въ Германіи“.—„Что онъ думаетъ дѣлать по возвращеніи, и не лучше ли опять вступить въ военную службу?“—Папа отвѣчалъ, что проведенныя въ отставкѣ четыре года, хотя и очень были полезны для науки, но, въ случаѣ вступленія опять въ военную службу, будутъ тобою почти потеряны для карьеры. Его Высочество изволилъ сказать, что это ничего не значитъ и что всего лучше военная служба .... Разговоръ приблизительно былъ такого содержанія; папа вѣрно самъ тебѣ будетъ писать объ этомъ; но вообрази теперь впечатлѣніе, какое онъ сдѣлалъ на папу, и его ужасную перплексію: что начать, какъ поступить, что тебѣ писать и что обѣщать за тебя? Просто мука! Я и сама не знаю, чѣмъ порѣшили; кажется, ожидаютъ, чтобы ты это узналъ черезъ меня и высказалъ свое мнѣніе вообще о томъ, что думаешь дѣлать по возвра-

щеніи изъ-за границы, и въ особенности о вступленіи на военную службу. Папа еще сегодня вечеромъ говорилъ, что предоставляетъ выборъ тебѣ. Всѣ треволненія не кончились этимъ и ты легко представишь себѣ, какой хаосъ дѣлается въ моей головѣ, когда узнаешь, что во время всей этой суматохи представился еще женихъ для Любиньки. Нѣкто Романовичъ, малороссійскій помѣщикъ, служащій маіоромъ въ желтыхъ уланахъ; лѣтъ 38, недуренъ собой и имѣющій 250 душъ въ Монастырищѣ [1])—подлѣ имѣнія Александра Дарагана [2]). Они познакомились у Севастьяновыхъ въ самыхъ грустныхъ для насъ обстоятельствахъ, т. е. во время болѣзни моей крестницы Любиньки, которая скоро послѣ этого и умерла, что не мало меня огорчило, какъ изъ любви къ бѣдной Марьѣ Васильевнѣ, такъ и еще больше даже по грустному воспоминанію объ нашей ужасной и незабвенной потерѣ.

Страшно подумать, что дѣлаетъ изъ насъ время и какъ непрочны всѣ наши радости и печали. Вседневная жизнь своимъ тяжелымъ камнемъ топчетъ безъ милосердія все, выходящее изъ тѣсныхъ рамъ ея вращенія; человѣкъ изъ эгоизма уживается въ настоящемъ, черствѣетъ и даже боится оглянуться назадъ, чтобы какая нибудь раздавленная радость или затоптанная горесть не дали знать о себѣ и хотя воспоминаніемъ не расшевелили уснувшаго сердца и не нарушили привычнаго комфорта души и тѣла.

Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно!... Прошло нѣсколько дней и всѣ забыли бѣднаго ангела. Романовичъ сталъ ходить къ намъ и рѣшился, послѣ предварительнаго объясненія съ Любинькой, просить нашего согласія. Объ немъ всѣ отзываются съ весьма хорошей стороны; онъ самъ поступилъ такъ благородно и безынтересно, рѣшившись искать руки Любиньки, не зная ея состоянія, связей и проч., что Н. Ив. сказалъ ему, что хотя формальнаго слова ему не можетъ дать безъ согласія Марьи Ивановны, но что онъ можетъ надѣяться получить отвѣтъ черезъ шесть недѣль, а покамѣстъ воспользоваться случаемъ и ближе познакомиться съ Любинькой. Она, кажется, тоже не прочь. И мы всѣ теперь въ ожиданіи благословенія и согласія Петербургскихъ родныхъ. До тѣхъ поръ это дѣло останется не рѣшеннымъ. Романовичъ уѣхалъ въ деревню ожидать отвѣта и, можетъ быть, приготовляться къ свадьбѣ, въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, а Любинька начала ужасно хандрить; неизвѣстно, отъ чего? Я думаю, что это просто усталость послѣ всѣхъ треволненій. Надѣюсь, что это пройдетъ. Ты знаешь, какого она рѣшительнаго характера; стало быть, ее инфлюансировать невозможно, принуждать—тѣмъ болѣе... такъ что рѣ-

---

[1]) Нѣжинскаго уѣзда Черниговской губ. [2]) Конотопскаго уѣзда той-же губ.

шеніе этого дѣла совершенно отъ нея самой зависитъ. Я сказала ей все, что могла pour и contre насчетъ сердца и чувствъ, Николай Ивановичъ говорилъ насчетъ разсудка, положенія и лѣтъ. Можно соединить это, хорошо. Не можно, Богъ съ нимъ. Воля въ ея рукахъ. Здѣсь еще никто объ этомъ не знаетъ. Когда получимъ письма изъ Петербурга, то объявимъ Maman и Безакамъ. Если все случится благополучно, то онъ хочетъ ѣхать въ Петербургъ познакомиться съ Марьей Ивановной. Любинька тоже хочетъ ѣхать туда. Все это еще только планы, а если будетъ что нибудь вѣрное, то обстоятельно напишу тебѣ. Мнѣ очень пріятно, что Романовичъ такъ скоро сошелся съ нами. Этому много способствовало его личное знакомство со всей Малороссіей. Анну Евгеньевну онъ знаетъ, Софи Краснокутскую и Michel'я—тоже; всѣхъ Тарновскихъ, Ограновичей, Галагановъ и Закревскихъ, Волховскихъ и Барятинскихъ; рѣшительно вся Малороссія ему знакома. Папѣ онъ очень понравился, а M-me Енг. хотя и подсмѣивается, но мы не слышимъ. Недавно были у меня вечеромъ Симоничевы, Протасовы и Ольхины—порядочная скука; играли въ лото. Мнѣ было очень весело, потому что я все была занята мыслью: какое счастье, что этимъ вечеромъ я опять отдѣлаюсь отъ нихъ на годъ. Вообще всѣ эти конфекты и ужины представлялись мнѣ пирожками, которые бросали Церберу, чтобы онъ не кусался. Мирная наша жизнь нарушалась вечерами или лучше вседневными пріемами Княгини и слѣдующими одинъ за другимъ вечерами для лото.

Сегодня мы должны ѣхать къ M-me Зассъ; но Н. Ив. и Любинька рѣшительно отказались. Я служу за всѣхъ. Мишель Дараганъ рѣдко у насъ бываетъ; онъ все не такъ здоровъ; Софи тоже хвораетъ, такъ что разъ вечеромъ она должна была уѣхать отъ насъ по причинѣ нестерпимой боли въ боку. Во время пребыванія здѣсь Императора, я имъ уступила свой билетъ въ ложу и Софи парадировала на моемъ мѣстѣ. Чистилинъ тебѣ кланяется, онъ тоже все боленъ. Ольхинъ возвратился изъ Петербурга съ матерью и по этому случаю далъ намъ вечеръ у себя. Александра Павловича Безака перевели въ Свиту Государя и этотъ мундиръ ему очень идетъ. Объ другихъ наградахъ еще не слышно. Michel ожидаетъ подполковничьяго чина; но врядъ ли ему удастся получить его. Вчера, 17-го, мы были весь день у Maman и играли въ loto. Завтра ѣдемъ на вечеръ къ Люб. Ив. Ужасно веселимся, какъ видишь. Прощай, мой другъ, пиши подробнѣе, что ты дѣлаешь, съ какими людьми знаешься, и не забывай любящей тебя Лизы.

Благодарю тебя, любезный другъ Вольдемаръ, за перстень; я получилъ его исправно и онъ мнѣ очень понравился своею изысканною простотою. Лиза сообщаетъ тебѣ важную новость насчетъ Любиньки:

дѣло, кажется, не дурное, а за будущее ручаться никому нельзя. По матеріальной части Любинька имѣетъ перспективу быть порядочной Малороссійской помѣщицей, а по части сердечной найдетъ конечно утѣшеніе въ безкорыстной любви и хорошихъ качествахъ человѣка, который ищетъ ея руки. Около двухъ недѣль, какъ здѣсь окончились всѣ смотровыя тревоги. Удачи большой не было, а слѣдовательно и награды будутъ скудны. Поздравь Рара съ Бѣлымъ Орломъ. Я радъ только одному, что успѣлъ выпросить у гр. Орлова согласіе на переводъ Ванички въ жандармы; онъ взялъ у меня объ этомъ записку; но не знаю, что будетъ далѣе. Обнимаю тебя.

Н. У.

82.

25 ноября ст. ст. 1847 г.

Прежде чѣмъ отвѣчать тебѣ, я все дожидала, чтобы Чистилинъ далъ мнѣ адресъ М-me Огаревой, съ которой я хотѣла тебя заочно познакомить въ Парижѣ. Это одна изъ его близкихъ пріятельницъ, умнѣйшая женщина, какъ онъ говоритъ, безъ предразсудковъ и знакомая со всѣми почти пишущими знаменитостями. Я думаю, этого только тебѣ и нужно, чтобы познакомиться съ парижскимъ обществомъ и имѣть point d'appui. Я ея не знаю; но полагаю во многихъ отношеніяхъ выгоднымъ для тебя знакомствомъ, и постараюсь непремѣнно доставить тебѣ ея адресъ, который Чистилинъ опять забылъ принесть, но обѣщалъ прислать. Напиши только, какъ долго ты еще намѣренъ пробыть въ Парижѣ. Tout bien considéré, я думаю вѣрнѣе совсѣмъ остаться тамъ, если удобства ученья въ Парижѣ такія же, какъ въ германскихъ университетахъ, съ мыслью о которыхъ у меня всегда соединены скука и туманная философія. Недавно возвратился изъ Парижа какой-то князь Багратіонъ (братъ адъютанта Лейхтенбергскаго), который восхищаетъ здѣсь всѣхъ своими танцами. Онъ, кажется, испилъ до дна всю чашу Парижскихъ наслажденій, не исключая conciergerie, въ которой просидѣлъ нѣсколько дней. Не смотря на всеобщій восторгъ, онъ внушаетъ мнѣ непреодолимое отвращеніе, потому что развратъ такъ и прóсачивается во всѣхъ его манерахъ. Не смотря на это, его находятъ премилымъ молодымъ человѣкомъ и приглашаютъ вездѣ за неимѣніемъ другихъ. Всѣ наши танцоры разъѣхались и Княгиня въ отчаяніи, что балъ 6 декабря не удастся. Симоничъ назначенъ адъю-

тантомъ къ князю Воронцову. Фрейгангъ тоже ѣдетъ на Кавказъ. Беръ уѣхалъ на зимніе квартиры въ Красноставъ, Фитингофъ въ Лифляндію. Оппермань собирается въ Петербургъ на свадьбу брата его жены Волкова, который женится на сестрѣ знаменитой Вѣры Нелидовой и уже сдѣланъ флигель-адъютантомъ. M-me Энгельгардтъ уѣхала наконецъ въ Кѣльцы и передъ отъѣздомъ успѣла разочаровать даже Фролова своими сплетнями и кокетствомъ. Maman она такъ возстановила противъ Лохтиной и Очкина, что та не можетъ даже слышать ихъ названія, чтобы не выходить изъ себя; и хотѣла поссориться съ Любочкой за то, что она ихъ принимаетъ. Но вся эта перестрѣлка разсѣялась дымомъ. Гораздо серіознѣе то, что Н. Ив. не ладитъ съ Аллахомъ, и мы уже собираемся, если не совсѣмъ оставить службу, то ѣхать на шесть мѣсяцевъ за границу. Н. Ив. въ самомъ дѣлѣ необходимо лѣчиться, потому что эта собачья жизнь и разныя непріятности эгрируютъ его характеръ и ужасно разстраиваютъ здоровье. Безакъ все хвораетъ, и къ разстройству нервовъ присоединяетъ такую мнительность, что болѣзнь его можетъ сдѣлаться неизлѣчимой. Папа, слава Богу, здоровъ и веселъ. Катюша возвратилась изъ Малороссіи и поселилась у Maman. Говорятъ, что Антонина Дараганъ всѣхъ обворожила въ Малороссіи. Не знаю, подобное ли впечатлѣніе произведетъ тамъ Софи, которая собирается туда зимой съ Michel'емъ. А бѣдный Мишель Кантакузенъ опять лишился жены; она умерла въ родахъ. Папѣ пишутъ изъ Щербаковки, что тамъ была холера; но, слава Богу, не сильная, такъ, что все кончилось только страхомъ, и смертности не было. Въ Кіевѣ она свирѣпствовала довольно долго; университетъ и всѣ присутственныя мѣста были закрыты. Фундуклей умеръ,—и она начинаетъ утихать. У насъ, слава Богу, еще ничего не слышно; нѣкоторые радуются этому; и я, признаться, раздѣляю мнѣніе другихъ, т. е. что если она непремѣнно должна сдѣлать свой кругъ, то лучше бы было подвергнуться этому испытанію зимой, чѣмъ весной, когда всѣ вредныя испаренія и безъ того уже зарождаютъ всевозможныя болѣзни и тѣмъ будутъ способствовать къ распространенію холеры. Молодой Денъ пріѣхалъ изъ Петербурга и говоритъ, что тамъ очень мало случаевъ смертныхъ. Дворъ переѣхалъ въ городъ; стало быть, нѣтъ карантина, какъ насъ увѣряли. Ваничка пишетъ, что Софи ихъ ужасно напугала своей болѣзнью; но, слава Богу, кончилось все благополучно и тамъ всѣ здоровы, кромѣ Леночки, которая все больна, то лихорадкой, то чѣмъ другимъ. Мы получили согласіе изъ Петербурга; можешь легко представить, въ какомъ тамъ всѣ восторгѣ, особенно Леночка, которая думаетъ, что, если одна сестра *положительно* выйдетъ замужъ, то другой очень позволительно предаваться всей сладости *мечтательной* любви. Я не могу обвинять ее; но, признаться, очень, очень жалѣю. Теперь

остается только ждать отвѣта отъ Романовича[1]) на наше увѣдомленіе о согласіи родныхъ и болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній насчетъ мѣста, времени и т. п. До тѣхъ поръ мы еще ничего не приготовляемъ. Maman и Любочка въ ужаснѣйшей претензіи, что имъ не объявляютъ о свадьбѣ Любиньки, *когда всѣ говорятъ уже объ этомъ*. Но мы, право, не можемъ ничего сказать вѣрнаго, когда еще сами не знаемъ положительно, будетъ ли изъ этого свадьба или нѣтъ. Посылаю тебѣ письмо отъ Натальи Андреевны; она, кажется, очень довольна моими покупками и только тоскуетъ, что давно не получала отъ тебя писемъ. Н. И. хотѣлъ приписать тебѣ, но, кажется, я его не дождусь, и потому оставляю его желаніе неисполненнымъ до будущаго раза, и сама кончаю письмо пресмѣшнымъ анекдотомъ, который останется между нами. Гурьевъ, котораго ты, кажется, видѣлъ въ Варшавѣ, купилъ у Maman коляску за 10 тысячъ злот.; но денегъ не далъ, а оставилъ вексель, обѣщая непремѣнно заплатить къ сроку. Когда пришелъ желанный срокъ, то денегъ не только не видѣли, но оказалось, что и коляску онъ давно уже перепродалъ мастеру за 6 тысячъ. Абрамовичъ вступился въ это дѣло; но еще безъ пользы. Maman, кажется, останется при богатыхъ надеждахъ; папа не знаетъ объ этомъ. Прощай, mon cher, цѣлую тебя за себя и за всѣхъ нашихъ. Будь здоровъ и не забывай любящей тебя сестры.

83.

Варшава 25 декабря 1847 г.

Пишу тебѣ, милый Волинька, въ самый день Рождества, чтобы хотя немного разсѣять грустныя мысли, которыя обыкновенно осаждаютъ меня во всѣ праздничные дни и сегодня въ особенности. Какъ то все не удается; разумѣется, радостное, потому что скука, препятствія и болѣзни непрошенныя—сами лѣзутъ. Такъ и съ нами случилось. Любинькины дѣла еще тянутся недоконченными, какъ наша столбовая дорога въ Малороссію. Надѣюсь, что кончится благополучно, т. е., ко всеобщему удовольствію и спокойствію. Я въ этомъ случаѣ фаталистка по опыту, и думаю и вѣрю, что чему быть, того не миновать; а чему

[1]) Николай Ѳедоровичъ Романовичъ, помѣщикъ м. Монастырища Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, женился въ слѣдующемъ 1848 году на Любовь Николаевнѣ Скворцовой.

не быть, того не натянешь. Впрочемъ, не всѣ, кажется, раздѣляютъ ma profession de foi и вѣрятъ; всѣ эти *но* и *если* нашего воображенія, вѣроятно, наводятъ порядочную тоску на всѣхъ насъ и въ особенности на Любиньку, которая, хотя и не признается, и даже рѣдко говоритъ объ этомъ, но такъ постоянно не въ духѣ, что я à part moi должна же пріискать какую нибудь причину, чтобы извинить ее, и самой не сердиться и не безпокоиться угождать, какъ это обыкновенно со мной бываетъ, когда я вижу недовольное лицо у себя въ домѣ. По мнѣ лучше разбраниться, расплакаться, даже побиться, чѣмъ постоянное состояніе de mauvaise humeur—необъяснимое и непоколебимое. Cela me glace à tel point que de décidée je devint timide et indécise dans mes actions les plus insignifiantes. C'est comme si vous aviez toujours un reproche tacite devant vous. On n'a le coeur à rien. И даже боишься предложить какое нибудь развлеченіе, чтобы не навлечь бѣды. Я ужъ рѣшилась не примѣчать, и оставить все идти своимъ чередомъ, какъ будто это такъ и быть должно; но, признаться, не смотря на mon air de bravoure je suis terriblement genée au fond du coeur. Я уже говорила Н. Ив. объ этомъ; но знаешь, онъ такъ занятъ, что рѣдко бываетъ съ нами и мало обращаетъ вниманія на это. Но тѣмъ не менѣе совѣтовалъ ей поговорить съ докторомъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ она больна. Не повѣришь, какъ всѣ эти сдержанныя чувства сжимаютъ мнѣ душу. Иной разъ хотѣлось бы ей броситься на шею и спросить, что ей не нравится или мучитъ; но она какъ то отталкиваетъ всякія такія изліянія; притомъ, можетъ, и у меня слишкомъ много самолюбія; я раза два предложила куда нибудь выѣхать или поговорить о чемъ нибудь... не удалось, я и назадъ. Но, можетъ быть, все это пройдетъ, какъ говоритъ Андреевъ, перемелется, мука будетъ. Je laisse tout à la grâce de Dieu, тѣмъ болѣе, что это, можетъ быть, капризъ, а меня гораздо болѣе безпокоитъ расположеніе папы. Онъ все чаще и чаще груститъ о своей утраченной жизни. Сегодня, право, онъ такъ страшно раскрывалъ намъ свое одинокое положеніе (имѣя семью), непонятую жизнь, это вѣчное стараніе достичь чего нибудь прекраснаго и судьба,—спотыкаясь на завистниковъ или льстецовъ, дойти до того, что даже деньгами нельзя купить ни одной радости. Все дѣлалось какъ то не во время или неумѣстно. Бѣдный, бѣдный папа! – онъ даже плакалъ. Не могу тебѣ сказать, что дѣлалось со мной, когда я увидѣла эти слезы. Какъ бы я желала отдать всю жизнь мою, чтобы не видать ихъ. Какъ многихъ я ненавидѣла въ эту минуту. Богъ знаетъ, Воличка, а я думаю, что вѣрнѣе не говорить тебѣ обо всемъ, что я думаю. Дай Богъ, чтобы ты всегда остался такимъ добрымъ, какъ до сихъ поръ былъ, и чтобы Ангелъ хранитель твой берегъ тебя отъ мыслей, которыя мнѣ иногда приходятъ. Право, не надо думать, чтобы не ожесточаться все болѣе

и болѣе, или не отчаяваться. Но, къ счастью, есть одно довольно пріятное чувство, которое мѣшаетъ этому, т. е. презрѣніе. Это открытіе облегчило очень мою науку жить на свѣтѣ. Потому что съ этой точки зрѣнія я смотрю на индивидуума, какъ на куклу, и забавляюсь ею, пока хочу. Чего желать, чего ожидать, за что сердиться, чѣмъ огорчаться? Вѣдь это кукла. А какъ только ей угодно перестать быть куклой, то ее выбросить за окно. Долго развивать эту теорію; но, право, она хороша. Я даже начинаю проводить ее въ практику: одинъ полетѣлъ за окно; можетъ быть, разбился; но какъ жалѣть куклу? Понимаешь, какъ это покойно, и какъ мало даромъ издерживаешь чувствъ и мыслей.

Вчера, послѣ всѣхъ впечатлѣній, я была въ дурномъ расположеніи духа и очень рада, что обыкновенные наши вечерніе посѣтители явились, и прервали не во время начатое письмо. Мы потолковали, сѣли въ преферансъ, поужинали и разошлись очень довольные другъ другомъ. Сегодня я опять была у папы. Онъ очень благодарилъ меня за нѣжность и любовь къ нему и говорилъ, что такія минуты заставляютъ его забывать многое, многое; слава Богу, что онъ веселѣе. Вечеромъ пріѣхали дѣти Севастьяновыхъ къ Машѣ на елку и очень забавляли насъ. У Безаковъ скарлатинъ, и мы прервали всѣ сношенія. Н. Ив. все еще хвораетъ, и сидитъ дома. Лихорадочное расположеніе, ревматизмъ въ спинѣ; но ничего опаснаго. Высшія дѣла благополучно кончились. Еще просьба не подана, но намъ изустно позволено ѣхать на четыре мѣсяца за границу съ содержаніемъ. Какъ ты можешь вообразить, я весьма довольна, что Н. Ив. отдохнетъ, поправится и не потеряетъ мѣста, которое, что не говори, а лучше потому только, что оно есть, чѣмъ всевозможныя мѣста, которыя мы только имѣемъ въ воображеніи и, вѣроятно, никогда бы не увидѣли, если бы поссорились съ..... Папа тоже ѣдетъ въ Карлсбадъ и мы всѣ будемъ вмѣстѣ, хотя нѣсколько недѣль; потомъ Н. Ив. совѣтуютъ морскія ванны въ Montpellier; но это еще не рѣшено, потому что я все говорю, что, собираясь въ дальній путь, надо хорошенько щупать карманъ, въ которомъ, хотя другіе и очень щедро считаютъ, но мы какъ то не досчитываемся. А между прочимъ, вѣроятно, это извѣстіе заставитъ трезвонить всю Варшаву, начиная съ нашихъ. Прежде я бы этого ужасалась, а теперь, благодаря моей теоріи въ оцѣнкѣ людей, совершенно покойна и даже рада, что эта зависть ихъ же бѣситъ и заставляетъ болѣть.

Вся Варшава разъѣхалась, такъ что невозможно даже дать бала; несмотря на это, насъ сзываютъ на новый годъ; что будетъ, неизвѣстно. Говорятъ, Карлъ Ивановичъ очень боленъ. Въ Костромской губерніи рѣзня; губернатора отдали подъ военный судъ; авось всѣ эти новости пройдутъ незамѣтно. Надѣюсь очень на свое маранье, а то по-

падешься. Здѣсь всѣ только и толкуютъ про Шницлера и Тургенева. Читалъ ли ты? Если достанешь въ Парижѣ, то привези сюда. Княгиня ѣдетъ 8 числа въ Петербургъ, Князь, неизвѣстно. Онъ очень ласкаетъ папу и хорошъ съ мужемъ. Фроловъ произведенъ въ генералы, но не оставленъ въ свитѣ. Бѣдный Мишель въ ужасной бѣдѣ; его beau père смѣщенъ съ должности и боятся, чтобы не попалъ подъ судъ. Онъ самъ хлопочетъ объ перемѣнѣ мѣста, чтобы куда нибудь упрятаться отъ стыда и избавиться отъ всей этой родни. Катюша въ совершенномъ отчаяніи, а бѣдная Софи, притомъ беременная, совсѣмъ больна. Ужъ мы всѣ хлопочемъ объ смягченіи его участи; если даже и удастся спасти отъ суда, то онъ долженъ будетъ заплатить большой начетъ. А денегъ готовыхъ, какъ ты знаешь, ни у кого нѣтъ—тѣмъ болѣе тамъ. Просто бѣдствіе.

Романъ болѣе чѣмъ когда влюбленъ въ свою Каролинку и рѣшительно никуда не показывается. Я боюсь и спросить его объ этомъ, и яко бы то не замѣчаю, что онъ совсѣмъ отсталъ отъ насъ. Очкинъ совсѣмъ пропалъ и даже Лохтиной не видно. Козачковскій и Чистилинъ бываютъ у насъ по прежнему, да впрочемъ я мало и забочусь о другихъ; лишь бы была партія преферанса для Н. Ив., пока онъ не выѣзжаетъ, да изрѣдка мнѣ.... Я совершенно довольна. Севастьяновы, Фроловъ, Оппермань—рѣшительно каждый вечеръ у насъ. Да изрѣдка забѣжитъ кто изъ молодежи или Ольхины надумаются, да пріѣдутъ. Завтра просили насъ къ себѣ; всетаки веселѣе, чѣмъ вечера нашихъ генеральшъ. Беръ возвратился изъ Красностава; но ему бѣдному все неудачи съ адъютантскимъ мѣстомъ. Надѣюсь, mon cher, что конецъ моего письма разсѣетъ грустное впечатлѣніе начала, тѣмъ болѣе, что и я теперь гораздо хладнокровнѣе смотрю на все это. Любинька,—ничего. Тебѣ кланяется. Николай Ив. цѣлуетъ. Папа, вѣроятно, самъ будетъ писать тебѣ и благодарить за послѣднее письмо, которое привело его въ восторгъ. Дѣти всѣ, слава Богу, здоровы; теперь играютъ у меня. Такъ, что жить очень сносно; особенно, при моемъ убѣжденіи, что l'absence du malheur est déjà un grand bonheur pour lequel il faut chaque jour remercier Dieu à deux genoux. Прощай, мой другъ, люби меня. Будь здоровъ или лучше vice versa.

Lisa.

84.

Варшава 26 января ст. ст. 1848 г.

Я такъ долго не отвѣчала тебѣ, милый другъ, потому что съ самаго новаго года все была очень больна; и теперь еще не совсѣмъ здорова—и сижу дома, когда всѣ веселятся и танцуютъ у Любовь Ивановны на вечерѣ, который вечеръ дается въ честь Любиньки. Она невѣста, и мы только ожидаемъ пріѣзда Романовича, чтобы сыграть свадьбу. Онъ писалъ изъ Малороссіи, что пріѣдетъ въ концѣ января или въ первыхъ числахъ февраля; такъ, что мы ужасно торопимся съ приданнымъ; и такъ какъ я еще не могу выѣзжать, то купцы съ товарами не выходятъ изъ дому и такіе хлопоты, что, право, не знаешь, à quel saint se vouer. Къ тому же Н. Ив. долженъ сдавать маіоратъ въ другія руки, потому что прежній управляющій нажилъ себѣ шестьдесятъ тысячъ, купилъ имѣніе и отказывается заниматься маіоратомъ. Воображаешь, сколько треволненій разомъ! Графъ Оппермань поѣхалъ въ Петербургъ и увезъ съ собой большія наши надежды: такъ какъ Любинька имѣетъ всего 2 тысячи серебра на все приданное, то мы рѣшили общимъ совѣтомъ обратиться къ Императрицѣ (на авось), которая обыкновенно протежируетъ смолянокъ, и, можетъ быть, не откажется помочь Любинькѣ. Оппермань хорошо знакомъ съ Гофманомъ и надѣется черезъ него передать просьбу Ея Величеству. Что будетъ, то будетъ, а мы стараемся обойтись наличными, а 7 тысячъ, которыя приходятся Любинькѣ отъ продажи дома, оставляемъ на черный день въ петербургскомъ банкѣ. Дай Богъ, чтобы это все устроилось къ лучшему! Я, скрѣпя сердце, радуюсь,—потому что разлука съ ней очень меня огорчаетъ и сдѣлаетъ большой переворотъ въ нашей жизни. Очень рада впрочемъ, что поѣздка наша заграницу разсѣетъ насъ и пріучитъ къ новой жизни; иначе, я право не понимаю своей залы и себя безъ Любиньки. Я уже тебѣ писала, что все наше вседневное общество разсыпалось, одинъ Беръ еще держится; но и тотъ не сегодня, завтра уѣдетъ, и въ цѣлой Варшавѣ нельзя будетъ найти партію преферанса. Между прочимъ, онъ просилъ меня тебѣ очень, очень кланяться, и ужасно жалѣетъ, что вамъ не придется болѣе свидѣться. C'est un charmant garçon; il a eu le malheur d'être gâté par les femmes et ça lui donne un petit air fat et impertinent, qui deplait au premier abord; mais si l'on connait mieux, je t'assure que c'est un diamant mal taillé; un coeur d'or, beaucoup d'étoffe, de fond, de moyens, un désir immense de s'instruire et puis un amour-propre démesuré, ce qui à mon avis est déjà une bien grande qualité, car elle pousse l'homme à toujours vouloir ressortir de la

foule; l'essentiel est de le diriger bien; chose bien difficile certainement, mais pas tout à fait impossible, si l'on a beaucoup d'esprit c. à. d. de raison, une bonne éducation et de l'énergie ou assez de force de volonté pour se diriger soi-même sans jamais s'écarter de la ligne droite malgré l'entrainement des mauvais exemples et surtout l'attrait d'une superiorité facilemeut ou faussement acquise. Chose bien à craindre pour Behr qui ne se ment que dans la société douteuse des petites villes, où il est si facile d'obtenir le suffrage. N'ayant donc pas de stimulant il se rouillera et c'est bien dommage Car je te le répéte encore, on a tort de juger à la surface. C'est un des plus grands amis de Lubinka, après Fitinghoff s'entend; et depuis qu'elle est promise, il lui apporte de charmants bouquets; c'est pour te faire entendre qu'au mois de Janvier nous avons déjà des lilas et des muguets et que le pauvre Muguet n'est pas une fiction d'Eugène Sue, mais bien un être réel qui se charge chaque jour de fournir d'adorables fleurs à notre jeune Freiherrin. Si le pauvre garçon savait que je dis quelque bien de lui, voilà pour le coup qu'il serait etonné, car je lui fais régulièrement chaque jour la guerre pour son amour-propre, son air vainqueur et sa fatuité. Mais il y a un petit coin de sympathie entre nous, c'est, lorsqu'il me parle de sa soeur qu'il adore, et comme moi-même j'ai de part le monde un petit frère qui m'inspire les mêmes sentiments, nous nous entendons parfaitement sur ce sujet. Je soupçonne aussi qu'il profite un peu de ce talon d'Achille, car chaque fois qu'il désire faire la paix ou me flatter beaucoup, il me parle de toi, sûr alors que toute mauvaise humeur disparait. Après avoir parlé du bien il faut se dégourdir la langue et dire autant de mal que possible. Quoique pour la nouvelle que je vais te dire il faudrait choisir et créer des mots impossibles, tant la chose est mirobolante ébouriffante etc. etc. Романъ Сергѣевичъ... не падай въ обморокъ... онъ не умеръ, а хуже, женился! Да женился вчера въ замковой церкви на Каролинкѣ; той самой, которую мы ѣздили смотрѣть къ Ому. Каково? Я просто съ облаковъ упала, когда Яспискій объявилъ мнѣ, что онъ приходитъ отъ państwa młodych. Отъ какихъ? Pani Четыркинова сама къ нему вышла, дала поцѣловать ручку, водила по всѣмъ комнатамъ и разсказывала планы своей жизни. Уроки продолжаются по прежнему, только нанимается гувернантка француженка, вѣроятно, для облегченія разговоровъ, т. е. переводчица, ибо Каролинка кромѣ польскаго и нѣмецкаго языковъ ни на какомъ не понимаетъ и не говоритъ, а Романъ ни того, ни другого не знаетъ; такъ что ихъ медовый мѣсяцъ будетъ заключаться въ изученіи французской азбуки. Представляю себѣ, какъ Романъ долженъ быть занимателенъ съ указкой и вѣчными болѣзнями. Мы его еще не видѣли послѣ этой глупости. Хорошъ долженъ быть. Козачковскій увѣряетъ, что онъ имѣлъ такую трагическую физіономію

на другой день свадьбы, что тотъ боялся его поздравить. Неужели Очкина ожидаетъ такая же жалкая участь?

Все это было бы смѣшно,
Если бы не было такъ грустно.

И потому перейдемъ къ нашимъ. Ваничкѣ уже дали мѣсто. Жоржу обѣщали, и то добре. Michel и Софи отправились на дняхъ въ Малороссію. Коля былъ очень боленъ; но, слава Богу, прошло. Maman тоже хворала, но не долго. Теперь всѣ здоровы, слава Богу, кромѣ меня. Дай Господи, чтобы это прошло къ пріѣзду жениха; а то просто мука, когда столько хлопотъ и недоконченныхъ дѣлъ на шеѣ, и сидишь, какъ прикованная въ четырехъ стѣнахъ. Не говорю уже объ удовольствіяхъ, которыя обыкновенно кажутся самыми заманчивыми тогда, какъ невозможно ими пользоваться. Здѣсь была преглупая исторія (впрочемъ у насъ вѣдь всегда дѣлаютъ исторію изъ ничего) по случаю пикника. Поляки вздумали сложиться по 200 злот. и покутить сами. Кто то вразумилъ ихъ, что это невозможно безъ приглашенія властей. Они пригласили властей даромъ. Власти объявили, что надо пригласить русскихъ. Рѣшались долго; такъ что почти никто изъ русскихъ не поѣхалъ. Молодежь обидѣлась, что ихъ не просили участвовать: даромъ не хотѣли ѣхать; дамы не поѣхали, потому что молодежи русской не было. Enfin кутерьма вышла страшная. Можетъ быть, это такъ бы и прошло; но на наше несчастье русскіе затѣяли пикникъ (прежде или послѣ, не знаю) и Горчаковъ съ Абрамовичемъ подняли ужасный гвалтъ. Бѣднаго Андреева замѣшали туда, какъ распорядителя, а Любочку просто объявили бунтовщицей, будто бы въ пику полякамъ волнующей умы. Не знаю, что изъ этого выйдетъ? Вѣроятно, пикникъ запретятъ. Впрочемъ, еслибъ и не запрещали, то послѣ такихъ исторій всѣ люди откажутся. Смѣхъ! Денисьеву, объ которомъ ты такъ хлопочешь, вымарали наконецъ штрафъ изъ формуляра. Множество еще другихъ наградъ вышло; но ты, какъ мирный студентъ, мало вѣроятно этимъ интересуешься. Я же поневолѣ безпрестанно объ этомъ толкую, потому что не повѣришь, сколько это намъ дѣлаетъ непріятностей. Какъ будто бы Николай Ив. самъ раздаетъ награды! Всѣ претендуютъ; а кто не смѣетъ самъ прямо адресоваться къ Н. Ив., то черезъ десятыя руки жалуется мнѣ. Я уже рада, что не выѣзжаю и не вижу этихъ несносныхъ физіономій! На мѣстѣ Николая Ивановича я бы всѣми силами старалась избавиться отъ этой должности. Это невозможно выдержать. Пока подписываются представленія, нѣсколько исторій съ Княземъ, а когда выйдутъ, такъ раздѣлывайся со всѣмъ этимъ народомъ; безъ исторій нельзя. Il reste entre le marteau et l'enclume, не тотъ, такъ

другой пришибетъ. Сегодня получили письмо отъ Александрины. Старички наши, слава Богу, еще держатся. Гриша Краснокутскій пріѣзжалъ въ Кіевъ закупить разныя вещи на контрактахъ для приданаго сестры. Онъ, говорятъ, очень исправился нравственно, а наружностью совершенный красавецъ. Софи 30 числа выходитъ замужъ за Крупенскаго, сына бывшаго губернатора Кишинева. Онъ очень молодъ и нигдѣ еще не служитъ. Un mariage d'amour. Я уже тебѣ писала, что вторая жена бѣднаго Michel Кантакузена умерла. Анна Евгеньевна въ Кіевѣ и, кажется, не ладитъ съ Александриной. Michel ихъ всѣхъ еще застанетъ тамъ и черезъ 28 дней привезетъ намъ свѣжія извѣстія. Вѣроятно, тамъ какая нибудь бѣда, потому что Саша въ каждомъ письмѣ проситъ его торопиться пріѣхать. Понравится ли тамъ Софи? Она беременна и даже уѣхала совершенно больная. Катюша corps et âme за Maman, что очень не нравится всѣмъ намъ, потому что Maman и безъ того думаетъ уже, что все невозможное—возможно ей. Любочка почти туда не ѣздитъ и перенесла всю любовь и всѣ свои ласки на мою голову; во время всей моей болѣзни по два раза въ день ѣздила и осыпала меня всевозможными угожденіями. Quand elle veut être aimable, personne ne sait l'être mieux. Рара, слава Богу, здоровъ; вчера еще былъ у насъ и въ восхищеніи, что Любинька сдѣлается малороссійской помѣщицей. Прощай, дружочекъ, цѣлую тебя, напиши, куда адресовать слѣдующія письма.

Всѣ наши тебѣ кланяются и цѣлуютъ.

85.

Варшава 9 мая 1848 года.

Легко можешь представить себѣ, мой ангелъ Волинька, какая пустота и скука осадили нашъ домъ послѣ твоего отъѣзда; особенно нескончаемыя утра!.. право, не знаю, что съ ними дѣлать. Вечеромъ у насъ по прежнему бываетъ кто нибудь, и время, хотя хромая, но проходитъ. Въ среду были у насъ опять Софи и Michel, а въ четвергъ Maman и проч. затѣяли лото. Я, признаться, была очень довольна этому молчаливому занятію, потому что чувствовала себя совсѣмъ нездоровою и не въ состояніи была бы говорить. Все меня какъ-то бѣситъ; ужъ нѣтъ твоего миротворнаго и укрощающаго вліянія. Бутурлинъ до полусмерти надоѣдаетъ своей любезностью и куртизанствомъ. Чистилинъ—вялъ. Фроловъ—тяжелъ. М. В. черезъ-чуръ плаксива. Ея благовѣрный разстраиваетъ нервы своимъ неумолкающимъ глаголомъ. Каждый, наконецъ, имѣетъ свою дурную сторону, а я больше другихъ, ибо не могу переносить ни ихъ, ни себя. Съ Данзасомъ чуть было мы

не поссорились за кошелекъ. Преглупо, что я тогда ему не дала. Теперь это невозможно, потому что мы уже оба очень заупрямились. Вообще, онъ какой-то странный. Или, можетъ быть, я никакъ не могу съ нимъ въ тактъ попасть? На другой день отъѣзда онъ зашелъ утромъ ко мнѣ—и былъ ужасно désorienté. Вѣроятно, въ его систему не входило застать меня такой, какъ я была. Потомъ пропадалъ до субботы, когда я его встрѣтила или, скорѣе, поймала въ саду. Мы оба были не въ духѣ—вѣроятно, передъ грозой. Онъ очень удивился, что я его спросила: зачѣмъ такъ давно не былъ у насъ? „Давно?—я былъ занятъ, потомъ дождь, и то и другое помѣшало". Я вижу, что плохо; разговоръ не клеится; и такъ какъ онъ шелъ домой, просила не перемѣнять направленія, ибо я и сама имѣю дѣло совсѣмъ въ другой сторонѣ. Мы разстались. Грусть и скука мнѣ были страшныя; не доходя Желѣзной Брамы, сѣла я отдохнуть и задумалась. Подымаю голову—передо мной твой молчаливый пріятель. Il me prend, je crois, comme *sujet* pour ses expériences psychologiques. Совсѣмъ какой то дикій человѣкъ! Жаль, что не могу тебѣ со всѣми подробностями передать нашего разговора. Преоригинальный. Точно въ жмурки играетъ. Хотѣлъ прійти сегодня къ папѣ обѣдать, не пришелъ. Ужъ я всѣми силами его защищаю; но между нами сказать: его трудно сдѣлать ручнымъ. Папа говорилъ Князю объ Ганкѣ; послали это неоффиціальнымъ образомъ въ Петербургъ, съ вопросомъ: что отвѣчать? Папа, слава Богу, здоровъ и былъ очень de bonne humeur сегодня; просилъ меня заѣзжать къ нему вечеромъ, потолковать; спрашивалъ меня, не говорилъ ли ты мнѣ объ какихъ то запискахъ Головиной. Хотѣлъ мнѣ ихъ прочитать. Очень скучаетъ за тобой по вечерамъ. Maman въ ужасной дружбѣ съ Любочкой; все ѣздятъ вмѣстѣ играть въ лото. Марья Васильевна не кончила еще исторіи съ гувернанткой. Катюша тоскуетъ и ѣздитъ въ театръ. Николай Ивановичъ тебя обнимаетъ и всѣ наши цѣлуютъ. Опперманъ кланяется, Фитингофъ тоже. Вообще жизнь идетъ по прежнему и, вѣроятно, всѣмъ очень странно, что мнѣ такъ скучно. Да, объ войнѣ говорятъ больше прежняго; хотя Николай Ивановичъ еще непоколебимъ въ своемъ мнѣніи, не смотря на то, что въ Парижѣ опять ужасная рѣзня. Народъ разогналъ свое собраніе и даже бѣдному Ламартину досталось. Что будетъ, еще неизвѣстно. Вѣроятно, мало хорошаго. Очкина хотятъ сдѣлать министромъ финансовъ. Согласится ли онъ? Андреевъ недавно обѣдалъ у Романа, и разсказываетъ презабавный анекдотъ: будто жена его все плачетъ, даже за обѣдомъ; Романъ нагибается къ Андр. на ухо и спрашиваетъ по секрету: какъ онъ думаетъ, объ чемъ бы это она плакала? Вообрази удивленіе послѣдняго. Онъ отвѣчалъ, что казалось бы Роману лучше всего это знать. Въ искупленіе пріятнаго времени, проведеннаго съ тобой, мой ангелъ, я принимаюсь

заглаживать прежніе грѣхи. Уже два дня пишу запоздалые отвѣты на письма. А потомъ собираюсь дѣлать визиты. Во вторникъ думаемъ цѣлой бандой нагрянуть къ Ольхинымъ. Но прежде уговорюсь, когда видѣться съ Данзасомъ. А то вѣдь онъ безъ вѣсти пропадетъ и мы можемъ годъ не видѣться. Прощай, мой другъ. Цѣлую тебя сто разъ и благословляю съ истинно материнскою горячностью.

Élise Ouchakoff.

P.S. Письмо къ Перетцу отослала; онъ былъ вчера въ городѣ, но не зашелъ ко мнѣ. Сдѣлалъ дурное впечатлѣніе на Hippolyte.

86.

Варшава 13 іюля ст. ст. 1848 г.

Вчера получила я твое письмо, милый другъ мой Волинька, и благодарила Бога, что ты здоровъ и невредимъ добрался до Петербурга, потому что до этого времени мы были всѣ въ ужасномъ безпокойствѣ насчетъ тебя, и я право не знаю, что будетъ со мной, если холера не прекратится у васъ. Прежде, я все боялась, чтобы ты не остался въ Москвѣ. А теперь сожалѣю, что ты не переждалъ тамъ этого времени; вся моя надежда на благость Божію и на любовь твою ко мнѣ. Ты будешь беречься и часто писать ко мнѣ—иначе я умру съ тоски, прежде чѣмъ холера ко мнѣ дойдетъ. Любинька пишетъ, что и у нихъ небезопасно. Anette тоже писала ко мнѣ, сейчасъ послѣ твоего отъѣзда. Она, кажется, въ восторгѣ и въ томъ же смыслѣ писала къ папѣ, такъ что у насъ очень объ этомъ поговариваютъ. Слава Богу, что тебѣ тамъ было весело; постарайся и теперь поддержать себя въ этомъ расположеніи и не забивайся въ такую даль. Данзасъ увѣряетъ, что на Вознесенскомъ проспектѣ души живой не увидишь и очень сокрушается, что, вѣроятно, не скоро познакомишься съ Фроловымъ и его причтомъ московскихъ ученыхъ. Самъ онъ здѣсь, какъ въ чистилищѣ; никакъ не можетъ еще уладиться. Скучаетъ ужасно, и, кажется, намѣренъ обзавестись. Идеи у него насчетъ этого какъ то сбивчивы и странны; видно, что не приходилось объ этомъ думать въ Петербургѣ, а видя, что у насъ всѣ такъ живутъ, онъ хочетъ попробовать этого послѣдняго средства развлечь и расшевелить себя; не по влеченію (это не входитъ въ его систему), а такъ, comme pis-aller. Мы было очень сдружились; но потомъ какая-то кошка пробѣжала, и опять раздвинулись на сто ша-

говъ. Я стараюсь быть какъ можно ровнѣе въ моемъ обращеніи съ нимъ; но, несмотря на всѣ усилія, не могу отвыкнуть отъ безтолковой живости характера и первыхъ впечатлѣній. При первыхъ извѣстіяхъ о холерѣ, не получая писемъ отъ тебя, я ужасно хандрила и даже была больна. Данзасъ старался разными средствами разсѣять меня и между прочимъ накупилъ кучу книгъ и утромъ прислалъ мнѣ. Долго будетъ разсказывать причины, по которымъ я не хотѣла взять ихъ. Можетъ быть, и по глупости; но, я отослала ихъ. Не прошло пяти минутъ, какъ онъ самъ явился; разумѣется, взбѣшеннымъ. Послѣдовало объясненіе, и пр. и пр.; разумѣется, мы другъ друга не поняли, какъ это всегда бываетъ, когда оба досадуютъ и не хотятъ говорить прямо. У меня уже и безъ того кучи его книгъ: Chimie, Космосъ, Lettres de C-te Segure etc. Очень натурально, что я не хотѣла вводить его въ новыя издержки и еще для какихъ то глупѣйшихъ романовъ. Такъ ли онъ это понялъ, или (что вѣроятнѣе) иначе, только ужасно обидѣлся и объявилъ мнѣ, что онъ *распинаться ни для кого не намѣренъ*, и привязался къ несчастному выраженію „мнѣ очень жаль“; вертѣлъ, вертѣлъ его во всѣ стороны, такъ что въ самомъ дѣлѣ надоѣлъ мнѣ до крайности, и заставилъ меня сердиться и не жалѣть о сдѣланной мной глупости. „Что-жъ Вы наконецъ хотите?“ – „Я хочу Вамъ сказать, что это весьма неделикатно, и что если вы имѣли намѣреніе меня оскорбить, то совершенно достигли своей цѣли“. При этомъ мы разстались, какъ ты можешь вообразить, далеко не друзьями; онъ даже не хотѣлъ сѣсть. Вечеромъ онъ поѣхалъ верхомъ, и къ счастью или несчастью ушибся и слегъ въ постель. Говорю „къ счастью“, потому что это дало мнѣ приличный случай возобновить мирныя сношенія. Переписка регулярно продолжалась до его выздоровленія. Потомъ онъ пришелъ ко мнѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Помину нѣтъ о прошедшемъ; но, вѣроятно, пройдетъ еще долгое время, пока я успѣю привести наши отношенія въ ихъ первобытную ясность. Не повѣришь, какъ мнѣ жаль будетъ, если я потеряю дружбу этого человѣка. Онъ мнѣ просто необходимъ и боюсь подумать, что я опять останусь одна (понимаешь въ какомъ отношеніи)· У насъ попрежнему вечеромъ много народа; но я всегда съ большимъ удовольствіемъ ожидала утра, чтобы на свободѣ потолковать съ Д. Онъ какъ-то на лету схватывалъ мои мысли, толковалъ ихъ; часто бранилъ, но иногда и хвалилъ. Показывалъ даже une lettre confidentielle, которое онъ писалъ къ Фролову...

Но niema co robić, что было, то сплыло; а что будетъ, я тебѣ напишу. Только, ради Бога, присылай мнѣ бюллетени о своемъ здоровьи, а то je n'ai pas le courage de t'écrire toutes ces folies, quand je songe qu'à ce moment même tu cours quelque danger. Fais moi le plaisir d'aller chez le comte Oppermann, il m'écrit chaque samedi et sera tout heureux

de pouvoir me donner de tes nouvelles. Баранцевъ скоро ѣдетъ въ Петербургъ; онъ мой большой пріятель и можетъ быть тебѣ полезнымъ и пріятнымъ знакомствомъ во всѣхъ отношеніяхъ. C'est un homme d'esprit, de coeur et d'un charmant naturel—choses, qui se rencontrent rarement ensemble.

Сейчасъ пріѣхалъ сюда меньшій братъ Гриши Саранчи и привезъ мнѣ письмо отъ Натальи Андреевны. Кажется, я ничего не могу сдѣлать для него, потому что никого не вижу изъ артиллеристовъ. Постараюсь познакомить его съ Michel Дараганомъ, можетъ быть, тотъ рекомендуетъ его своимъ сослуживцамъ. Ты вѣдь знаешь, что такое знакомство съ нами? Для такого мальчика оно болѣе тягостно, чѣмъ лестно. Въ пятницу буду отвѣчать сама Натальѣ Андреевнѣ, а теперь кланяйся ей и объясни, что все зависящее отъ насъ для службы собственно мы сдѣлаемъ, чтобы удовлетворить ея просьбѣ; но, какъ она понимаетъ, руководить и знакомить его – это вещь почти невозможная, хотя я буду стараться сдѣлать все, что слѣдуетъ pour le lancer.

Софи Дараганъ еще не родила; но уже никуда не выѣзжаетъ въ ожиданіи критической минуты. Michel здоровъ. Я у нихъ недавно пила чай. Съ Maman и Катюшей вижусь почти каждый день, съ папой—рѣже. Они, слава Богу, всѣ здоровы и веселы. Маша моя дѣлается чудесной; француженкой довольна. Хлопоты только ужасные съ поварами. Уже четвертаго мѣняемъ; и этотъ вѣрно не послѣдній, потому что Николай Ивановичъ никакъ не можетъ привыкнуть къ польскому столу, а полякъ не можетъ готовить на русскій вкусъ; вещь очень натуральная, но тѣмъ не менѣе ужасно досадная. Николай Ивановичъ самъ будетъ писать тебѣ обо всѣхъ своихъ бѣдахъ, и я думаю оставить ему мѣста побольше. Прощай, мой ангелъ, до пятницы. Благословляющая тебя Лиза.

Спасибо тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ, что ты поспѣшилъ увѣдомить насъ о себѣ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, а то Лиза по обыкновенію начинала крѣпко безпокоиться неизвѣстностью. Впрочемъ, ты, кажется, поступилъ съ быстротою молніи и гораздо лучше было бы остаться въ Малороссіи еще недѣльки двѣ, чтобы разминуться съ холерою, отъ которой всѣ убѣгаютъ, а ты одинъ полетѣлъ къ ней на встрѣчу; да сохранитъ тебя Всевышній посреди этого ужаснаго опустошенія, о которомъ возвѣщаютъ намъ газеты. Пожалуйста, будь остороженъ и не пренебрегай ничѣмъ ни насчетъ пищи, ни насчетъ простуды. Береженнаго Богъ бережетъ. Мы покуда живемъ еще подъ благостію Провидѣнія; но холера приближается и къ намъ съ двухъ сторонъ, изъ Литвы и Волыни. Кажется, сомнѣваться нельзя, что она заглянетъ въ Варшаву.

Мы ждемъ отъ тебя подробностей о Малороссіи. Письма Любиньки заинтересовали насъ на этотъ счетъ еще болѣе. Надѣюсь, что ты опишешь сестрѣ всѣ подробности. Для меня всего важнѣе знать, какъ живетъ Любинька и что именно папа называетъ *Тѣнью* [1]; не есть-ли это миѳъ на самомъ дѣлѣ? Всѣ письма изъ Малороссіи гласятъ, что ты заслужилъ тамъ самыя единодушныя похвалы мужескаго и женскаго пола; но папа занятъ только однимъ тѣмъ, что сказала Анна Евген., хотя мы имѣемъ и отъ нея самое удовлетворительное засвидѣтельствованіе о тебѣ.

Ну, любезный дружочекъ, какъ ты думаешь теперь о безуміи французовъ и нѣмцевъ? Не правъ-ли я былъ въ моемъ гнѣвѣ? Ихъ бѣшеныя глупости оттолкнули на два вѣка назадъ всѣ успѣхи просвѣщенія, всѣ труды и усилія человѣчества на поприщѣ образованности. Парижу готовится участь великаго Новгорода, т. е. опустошенія и развалины: кровопролитія и раздоры ни къ чему не ведутъ другому. Республика благоразумна и тѣмъ не возможна. Она десять разъ можетъ еще выдержать борьбу; но всетаки падетъ и уступитъ мѣсто монархіи конституціонной. Теперь каждый боится сознаться въ этомъ. Но истина видна изъ за пустыхъ рѣчей. Честолюбіе частныхъ людей имѣетъ предѣлъ въ монархіи; въ республикѣ оно ненасытимо, ибо каждый надѣется играть первую роль и не щадитъ для этого никакихъ средствъ. По моему, нѣмцы еще глупѣе и въ словахъ, и въ дѣлахъ: вотъ слѣдствіе туманной философіи.

Сейчасъ явилась ко мнѣ Машенька и продолжать письма нѣтъ никакой возможности. Прибавлю только одно, что мы всѣ, благодаря Бога, здоровы и дружески тебя обнимаемъ. Маша сдѣлала необыкновенные успѣхи во французскомъ языкѣ и отъ того стала еще забавнѣе. Она очень помнитъ дядю Володю и все просится ѣхать въ Малороссію къ Любинькѣ. Поклонись отъ насъ роднымъ и скажи, что мы три недѣли не имѣемъ отъ нихъ извѣстій, что крайне насъ тревожитъ. Нат. Андр. также передай нашъ поклонъ.

Невозможность продолжать письмо дѣлается ежеминутно сильнѣе, потому что вмѣстѣ съ Машею явилась въ комнату куча собакъ и кошекъ, которыхъ она сама каждый день кормитъ. Можешь представить, какой шумъ и бѣготня.

Прощай и вѣрь искренней братской любви преданнаго

Н. Ушакова.

---

[1]) Тѣнью Андрей Яковлевичъ въ шутку назвалъ вновь основанный хуторъ въ степи, пріобрѣтенной отъ М. М. Щербака, близъ с. Городища Пирятинскаго уѣзда, лишенный еще по кратковременности существованія всякой древесной растительности.

87.

Варшава 18 іюля 1848 года.

Папа сегодня далъ мнѣ свое письмо, чтобы вѣрнѣе переслать тебѣ деньги, любезный Вольдемаръ. Не повѣришь, въ какомъ онъ былъ восхищеніи отъ твоего письма; и кажется, любовь его къ Малороссіи помножилась на всю твою любовь. Въ этомъ смыслѣ писалъ онъ и Анеттѣ, которая увѣдомляла насъ о твоемъ тамъ пребываніи, и о прекрасныхъ впечатлѣніяхъ, сдѣланныхъ на нее твоимъ чудеснымъ характеромъ и манерою.

Я уже тебѣ писала, что множество воздушныхъ замковъ на канвѣ. Данзасъ на своей системѣ утилитарности желаетъ, чтобы всякія восхищенія выражались не иначе, какъ звонкой монетой; но ты знаешь, что папа уже никакъ больше не дастъ, чѣмъ сколько назначилъ, безъ особеннаго къ тому повода. Мы сегодня обѣдали всѣ у Maman по случаю воскресенья и прошедшихъ ея имянинъ [1]). Народа было куча—что впрочемъ не всегда меня располагаетъ къ веселости, и если бы мнѣ не пришлось сидѣть между Баранцевымъ и А. Л., я бы, вѣроятно, ужасно сердилась, ибо предвижу, что нашъ мирный оазисъ наводнится разнородными людьми, которыхъ, ужъ если необходимо встрѣчать, то, конечно, лучше по воскресеньямъ въ Бельведерѣ. За одну муку. Любовь Ивановна не раздѣляетъ моего мнѣнія, и также находитъ очень страннымъ, что послѣдовательная игра въ лото, въ продолженіе 8 часовъ, коробитъ меня и наводитъ желаніе возвратиться домой; физіономія Данзаса наводитъ тоже на нее какое то весьма непріязненное впечатлѣніе; вообще у ней очень много оригинальныхъ идей! Слава Богу, что ты научилъ меня имъ не поддаваться, а Данзасъ поддерживаетъ во мнѣ самостоятельность, доказывая, что разсужденія мои весьма здравы и умъ необыкновенно великъ (вѣроятно, сравнительно). Онъ затѣялъ теперь какіе-то обѣды по субботамъ, гдѣ они pour la digestion читаютъ военныя книги и разсуждаютъ о боевыхъ порядкахъ. Онъ очень похудѣлъ; но и не думаетъ мириться съ Варшавой. J'espére que c'est aimable? Зная, какъ ты интересуешься А. Л., я безпрестанно пишу тебѣ объ немъ. Это въ благодарность за то, что ты не забылъ нашего добраго графа. Онъ сейчасъ же послѣ твоего ухода написалъ мнѣ объ этомъ; и уже хлопочетъ, какъ бы тебѣ быть полезнымъ и гдѣ бы тебя пристроить. Ради Бога, mon cher, не лѣнись и пиши подробно,

[1]) Память св. Іуліи празднуется 16 іюля.

что съ тобой дѣлается и здоровъ ли ты. Насчетъ Саранчи скажи Н. Анд., что Баранцевъ просилъ объ немъ Касторскаго и М. Безака. Онъ у меня раза три обѣдалъ; теперь поѣхалъ въ лагерь и я не знаю, отпускаютъ ли ихъ оттуда. Если увидишь графа О., то скажи, что я очень занята и не могла сама ему писать; а что Баранцевъ никакъ не можетъ подождать его въ Варшавѣ, ибо завтра же ѣдетъ въ Модлинъ, а оттуда въ Брестъ, Динабургъ и проч., такъ что не будетъ въ Петербургѣ ранѣе 12 августа. Не думаю, чтобы они могли увидѣться, хотя бы очень этого желала. Познакомился ли ты съ Фроловымъ, видѣлъ ли Рылѣева, Дмитрія и проч.?.. Прощай, mon cher, тороплюсь кончить, чтобъ не обременить письма, которое мы адресуемъ на имя Марьи Ивановны. Возврати ей деньги почтовыя за этотъ пакетъ, и скажи, что папа покроетъ издержку. Еще разъ прощай, цѣлую тебя сто милліоновъ разъ и еще разъ прошу—не забывай писать мнѣ о своемъ здоровьи. У насъ все благополучно, кромѣ хлопотъ съ людьми, которые не прекращаются.

Считаю излишнимъ поздравлять тебя съ имянинами, потому что мыслями, чувствами, всѣмъ бытіемъ моимъ доказываю, что каждый день для меня такіе же имянины, въ чемъ ты, конечно, не сомнѣваешься.

P.S. Изъ за канцелярскаго стола обнимаю тебя, милый другъ Вольдемаръ.

88.

Варшава 26 іюля (7 августа) 1848 г.

Здравствуй, дружочекъ мой Волинька! Здоровъ ли ты? и какъ хранитъ тебя Господь? Въ субботу получила письмо отъ Оппермана, очень успокоительное. Слава Богу, холера прекращается въ Петербургѣ, и уже можно дышать свободнѣе съ этой стороны; за то въ Черниговѣ, Нѣжинѣ и Прилукахъ, она свирѣпствуетъ ужасно. Любинька пишетъ, что они всѣ заперлись по домамъ, даже въ садъ не выходятъ. Бабушка тоже говоритъ, что она появилась въ Богодуховкѣ, и я очень опасаюсь за нее, потому что, какъ ты знаешь, бабушка сама всѣхъ лѣчитъ и хотя, говорятъ, болѣзнь не заразительная, но можетъ легко сдѣлаться отъ безпокойствъ и излишнихъ тревогъ; а съ тѣхъ поръ вѣдь, какъ дѣдушка боленъ, вся деревня и весь домъ на ея рукахъ. Надежда вся на милость Божію,—надо учиться у Евы Яковлевны, какъ покоряться Его святой волѣ и благословлять даже испытанія, посланныя свыше. Я, право, никакъ безъ слезъ не могу читать ея писемъ. Припоминаю дѣт-

ство наше, и снова какъ-то „вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко!“ Теперь она очень будетъ обрадована вѣстью объ разрѣшеніи Софи. Мишѣ Богъ далъ дочку Лизу 24-го [1]) и меня уже просили крестить. Обязанность для меня весьма тяжелая—не вѣрю я въ свою звѣзду; но Michel, несмотря на все, этого желаетъ и я должна согласиться. Софи очень, очень мучилась и, несмотря на все, упорствуетъ сама кормить. Я еще не видѣла ребенка, и Софи тоже еще такъ слаба, что никого къ ней не пускаютъ; но Michel говоритъ, что теперь лучше, а то были минуты, когда опасались за жизнь обоихъ. Завтра собираемся съ Катюшей къ нимъ. Напишу, что узнаю. Бѣдный Данзасъ имѣлъ несчастье потерять тетку, жену Глуховскаго дяди; и какъ онъ ни умѣетъ владѣть собой, это извѣстіе его сильно огорчило. Мнѣ только не нравится то, что онъ какъ бы хвастается этимъ умѣньемъ скрывать въ себѣ и горе и радость. Я признаться боюсь, и не люблю скрытныхъ людей, хотя и сама очень недовѣрчива. Мы съ нимъ опять очень хороши; кромѣ несчастнаго этого происшествія съ книжками, объ которомъ я тебѣ писала. Онъ вывелъ изъ этого какія то дикія идеи, отъ которыхъ не хочетъ отступать, и мы безпрестанно спотыкаемся, когда говоримъ объ отношеніяхъ пріязни и проч. Не смотря на всѣ мои доказательства дружбы и расположенія, онъ выдумалъ какую-то антипатію, которую будто бы я не могу преодолѣть, не смотря на всю мою свѣтскость и ужасную любезность, и которой (антипатіи) я будто бы давала ему доказательства. Когда? какъ? и чѣмъ?—не хочетъ сказать. Предикій! просто сочиняетъ на меня анекдоты. Впрочемъ, онъ просилъ меня не писать тебѣ всего этого, говоря, что за тысячу верстъ и по письму нельзя понять, въ чемъ дѣло, и понапрасно буду тебя тревожить. Я половины и не пишу; но „антипатія“ показалась мнѣ столь оригинальною, что право я не могла лишить себя удовольствія посмѣяться съ тобой его безтолковости. Не могу сказать, чтобы я сама его очень ясно понимала; почти убѣждена, что ты судилъ его превратно. Онъ же тебя хорошо знаетъ и очень, очень любитъ; боится только нерѣшительности твоего характера и силы внѣшнихъ впечатлѣній. Но какъ это еще слѣды молодости и обстоятельствъ, то очень извинительная вещь при столькихъ хорошихъ качествахъ. Что до меня, такъ я рѣшительно всѣмъ довольна, если ты здоровъ и веселъ. Пользуйся жизнью, будь счастливъ; а такое счастье, право, не портитъ людей. Что пользы состариться прежде времени, какъ Данзасъ, и заставить себя даже впечатлѣнія принимать по системѣ, т. е. даже и хорошія отвергать, если они

---

[1]) Елисавета Михайловна Дараганъ была замужемъ за Львомъ Павловичемъ Томарою, нынѣ сенаторомъ. Умерла осенью 1868 г. послѣ кратковременнаго супружества, оставивъ единственнаго сына, Михаила Львовича.

встрѣтятся въ среду, а не въ четвергъ, какъ назначено? Ужъ эти мнѣ системы, методы и привычки!—ненавижу ихъ; жаль только, что ненависть моя безплодная [1]).

Н. Ив. тебя цѣлуетъ; онъ теперь уже спитъ послѣ прогулки, на которую его вытащилъ Илья Степановичъ, въ 1-мъ часу ночи, для разсѣянія отъ хандры. Спи и ты спокойно, мой ангелъ, авось, Богъ дастъ, все поправится, и мы поѣдемъ къ Любинькѣ.

89.

Варшава 2 августа ст. ст. 1848 г.

Здравствуй, другъ мой Волинька! Что-то вы подѣлываете въ Петербургѣ? У насъ всѣ sur le qui vive; ожидаютъ холеры, запасаются мятными каплями, набрюшниками и бѣлой водкой. Всѣхъ тошнитъ уже отъ воображенія, и мы попиваемъ хересъ, да по-прежнему толкуемъ о политическихъ дѣлахъ Европы. Вчера, какъ обыкновенно, обѣдали всѣ у папы. Данзаса не было; онъ совсѣмъ разстроилъ себя верховой ѣздой по лагерямъ, жалуется на желудокъ и не можетъ надѣть мундира. Это не помѣшало ему однако-же провести у меня вечеръ въ субботу. Мы были одни, и долго, долго толковали о тебѣ. Какой онъ добрый, какъ тебя любитъ и какъ я благодарна тебѣ за знакомство съ нимъ! Послѣ долгихъ преній рѣшено, что тебѣ необходимо служить въ столицѣ, чтобы не облѣниться и не опошлѣть; и если можно, во 2-мъ отдѣленіи, какъ болѣе сообразномъ съ твоими познаніями и вкусомъ къ мирной жизни, гдѣ карьера дѣлается сама собою, безъ усиленной дѣятельности, натяжекъ и крючковатыхъ положеній чиновника по особымъ порученіямъ. Въ провинціи особенно эта грязь чувствительнѣе и прилипчивѣе; получишь отвращеніе, если самъ не замараешься; а главное, будешь лишенъ возможности удовлетворять потребностямъ умственнаго развитія, и, видя всѣхъ счастливыми въ этомъ сжатомъ кругу вращенія и вѣчномъ застоѣ мыслей, самъ успокоишься, заснешь и потеряешь даже способность желать пищи уму и воображенію. Я не говорю „сердцу“ только изъ уваженія къ твоимъ личнымъ убѣжденіямъ насчетъ животворности сердецъ малороссійскихъ, хотя думаю, что не должно развивать одно на счетъ другого, и почти невозможно, чтобы сердце подвигалось впередъ, когда рычагъ, двигающій его, оста-

[1]) Конецъ письма на добавочномъ листкѣ утраченъ.

новленъ тиною вседневныхъ дрязгъ, а масло засорено сплетнями. Чѣмъ шире мысль, тѣмъ глубже чувство; чѣмъ пылче, утонченнѣе воображеніе, тѣмъ нѣжнѣе и разнообразнѣе проявленіе чувства. Чтобы жить полною жизнью, необходимо развитіе всѣхъ способностей человѣка и возможность удовлетворенія ихъ въ одинаковой мѣрѣ. Basta! j'aurai, certes, une indigestion d'esprit pour cette longue tirade sur lapsychologie philosophique, si je n'ai déjà une indigestion d'estomac à cause du souper d'hier et des quelques verres de champagne qui me portait à la tête, comme tu vois.

Представь, что вчера, послѣ обѣда у Maman и миролюбивой партіи въ лото, мы всѣ разъѣхались по домамъ, чтобы одѣться и ѣхать къ княгинѣ, но Бутурлинъ объявилъ, что она не принимаетъ, и мы расположились еще мирнѣе пить чай; но не тутъ-то было! Пріѣхалъ Ушаковъ съ Софи Гагеманъ и уговорили насъ ѣхать къ Доминику ужинать. Тамъ ожидало уже насъ большое общество и мы, зажегши всѣ люстры, прокутили до часу. Сегодня чуть свѣтъ прибѣжала Катюша, въ перепугѣ, узнать, что съ нами случилось? Ибо папа былъ въ Бельведерѣ и, не видѣвши меня, предполагалъ холерный случай или Богъ знаетъ какую бѣду. Все объяснилось и меня побранили за неосторожность. Александра Михайловна [1]) пишетъ, что въ Малороссіи холера свирѣпствуетъ ужасно. Закревская пишетъ тоже. Вѣрно ты уже знаешь, что ея братьевъ и де-Бальмена оправдали и дали прогонныя деньги на возвратный путь. А Селецкій, надѣлавшій всю эту кутерьму, самъ попался подъ слѣдствіе за разныя продѣлки въ Мосевкѣ. Слава Богу, всѣ родные наши, деревенскіе и варшавскіе, здоровы. Софи [2]) встала съ постели и принимаетъ, Michel началъ по прежнему ходить въ управленіе; а Николай Ивановичъ служитъ, какъ каторжникъ. Въ четвергъ, стоя, пообѣдалъ и возвратился въ два часа ночи домой. Просто бѣдствіе et pas moyen d'en sortir! У бѣднаго Фролова мать умерла, кажется. Видѣлъ-ли ты его послѣ этого несчастья? Что дѣлаетъ Jean Рылѣевъ? А. Л. объ нихъ заботится, какъ объ родныхъ своихъ братьяхъ. Пожалуйста, не лѣнись писать. Что дѣлается у Марьи Ивановны? [3]) И рѣшается-ли она отправить Леночку въ Монастырище, какъ этого желаетъ и надѣется Любинька? Прощай, дружочекъ мой, цѣлую тебя и осѣняю крестомъ святымъ.

Лиза.

---

[1]) Максимовичъ, [2]) Дараганъ, [3]) Скворцовой.

P. S. Вчера не успѣла послать тебѣ письма; папа занемогъ и мы всѣ переполошились. Слава Богу, это ничего, маленькая простуда. Вечеромъ мы перетащили къ нему всѣхъ нашихъ партнеровъ, и папа игралъ въ преферансъ до часу ночи. Цѣлую тебя!

90.

Варшава 8 августа 1848 г.

Прежде всего, другъ мой, надо успокоить тебя насчетъ здоровья папы. Это была маленькая простуда, и хотя онъ еще не выѣзжаетъ, но уже совсѣмъ здоровъ. Мы у него бываемъ каждый вечеръ; я—до девяти часовъ, потому что Maman не показывается, а Н. Ив., Ясинскій и Ушаковъ остаются играть въ преферансъ. Это немного разстраиваетъ наши вечернія сходбища и начинаетъ тяготить нашихъ обычныхъ посѣтителей, которые не знаютъ куда подѣваться, когда я не принимаю. Вчера однако-же, видя свѣтъ въ залѣ, ко мнѣ сошлись нѣсколько добрыхъ знакомыхъ и мы проболтали до часу ночи, не видя, какъ шло время, —такъ всѣ рады были другъ друга встрѣтить послѣ семидневной разлуки. Признаюсь, j'étais très flattée de leur joie en me revoyant. Но я отдаляюсь отъ предмета, который желала бы привести въ ясность посредствомъ этого письма; именно: что значитъ странное твое выраженіе, или совѣтъ, не затѣвать свѣтскую игру книгами, букетами и кошельками? Особы, къ которымъ относятся эти слова, слишкомъ серьезны, чтобы шутить (?), и потому, конечно, я дурно поняла смыслъ твоихъ словъ, или отдаленіе и переписка затмили прямой смыслъ моихъ и твоихъ рѣчей, какъ это обыкновенно бываетъ въ подробномъ изложеніи фактовъ, безъ комментаріевъ, которые по лѣни упускаются, а предоставляются произволу и впечатлѣнію читающаго. Неужели Д. правъ, говоря, что не слѣдуетъ писать безъ разбору всякую всячину? Это почти моя привычка. Терпѣть не могу думать и составлять что называется письмо, забывая, что разстояніе, какъ увеличительное конкивное стекло,—уродуетъ самую натуральную вещь. Ради Бога успокойся и не дѣлай никакихъ заключеній безъ вѣрныхъ данныхъ. Все, что ты можешь дѣлать, это радоваться нашей дружбѣ, какъ я обрадовалась, что ты сошелся, или пріобрѣлъ дружбу Н. Г. Мы здѣсь такъ часто говоримъ объ немъ, что я совершенно понимаю твое engouement, ибо, конечно, знаю, цѣню и люблю его столько же, какъ и ты. Хотя, вѣроятно, мы никогда не увидимся, et ce sera une amitié perdue pour moi, но я убѣждена, что мы

бы сошлись, даже безъ теперешней благодарности съ моей стороны, а просто потому, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ денегъ и мыльныхъ репутацій онъ выбралъ „Космосъ“ для перевода. Не говорю собственно о трудѣ, т. е. книгѣ, которой не читала, да и не буду, вѣроятно, никогда читать, а постигаю объемъ и широту разнородныхъ мыслей, которыя должны были переходить черезъ его мозгъ прежде и послѣ рѣшимости заняться такого рода твореніемъ. (Н. Ив. тутъ сидитъ, болтаетъ и рѣшительно путаетъ мнѣ мысли и мѣшаетъ писать). Нѣтъ, рѣшительно не даютъ писать! Прискакалъ Бутурлинъ изъ замка, Илья Степанычъ изъ-за Библіи, и такъ спорятъ, что рѣшительно невозможно себя понимать;—а ихъ еще невозможнѣе: Москву, Новгородъ, Кавеньяка и прогрессъ, Варяговъ и женщинъ такъ перепутали, что не могутъ выкарабкаться изъ этого хаоса. Жаль, что нѣтъ А. Л.! То-то бы сердился. Гдѣ послѣдовательность, логика, а особенно результатъ, безъ котораго онъ никакъ не можетъ успокоиться? Престранный, никакъ не можетъ привыкнуть къ Варшавѣ, ея жителямъ и разговорамъ! Стоитъ только прочитать начало Цыганъ Пушкина: „Цыганы шумною толпой по Бессарабіи кочуютъ“... здѣсь тоже. Прощай, mon cher, будь здоровъ и люби меня: вотъ одно мое желаніе. Слѣдую твоему примѣру беззаботна и весела, какъ обыкновенно лѣтомъ, когда ни общество, ни люди, ни балы, ничто меня не тяготитъ и не притѣсняетъ; хотя домашнихъ хлопотъ съ людьми—бездна. Mais c'est la moindre des choses, si l'esprit est indépendant et les actions libres. У насъ, слава Богу, всѣ здоровы и тебя цѣлуютъ. До будущей почты.

P. S. Узнай, пожалуйста, получилъ-ли Фроловъ письмо Данзаса, посланное черезъ фельдъегеря на имя Дмитрія Дарагана. Оно не могло пропасть.

Michel et Sophie se portent bien, leur petite Lise prospére. Саранчу видѣла, въ четвергъ обѣдалъ у насъ. Кланяйся Гришѣ и, если увидишь, графу. Познакомься съ Баранцевымъ; онъ долженъ быть уже въ Петербургѣ.

Pardon, mon cher, за столь безпутное посланіе.

91.

Варшава 15 августа 1848 г.

Наконецъ, ты устроился! Поздравляю и радуюсь вмѣстѣ съ тобою, что первый шагъ сдѣланъ. Une fois en marche, rien n'empêche d'avancer et j'espére bien que tu n'useras pas beaucoup de plumes pour être secretaire.

Но теперь главное обратить на себя вниманіе начальства и collègues. Такъ какъ еще дѣлами это невозможно, то постарайся внушить уваженіе или собственно импонировать одеждой. Говорятъ, это вещь необходимая: надо быть франтомъ, или вѣкъ остаться столоначальникомъ. И посему, mon cher, совѣтую тебѣ не скупиться на перчатки и сшить себѣ вицъ-мундиръ у самаго лучшаго портного. Откажи себѣ въ обѣдѣ; но никогда — въ принадлежностяхъ d'une toilette élégante. Старайся позабыть les allures nonchalantes d'étudiants en vacances и перелей себя, если возможно, въ форму англичанина. Pour le comme il faut, ils sont irréprochables. Если можно, посовѣтуйся съ Фроловымъ; онъ долго жилъ за границей и, конечно, прекрасно одѣвается, et toi, tu pèches un peu par ce côté là. Оставь на этотъ случай философію въ сторонѣ, а пойми, что одежда для молодого человѣка-чиновника тоже, что хорошенькое личико для женщины: une lettre de recommandation. Пока ты жилъ только между родными и друзьями, это была вещь излишняя, и потому я рѣдко упоминала объ ней; но теперь, когда tu fais ton entrée dans le monde и будешь тереться между людьми совершенно чужими и слѣдственно мало снисходительными, это вещь необходимая. Но, кажется, довольно объ этомъ; отъ одного разговора ты уже, вѣроятно, сдѣлаешься parfait gentleman.

Знаешь, mon cher, что я рѣшительно перемѣняю дни моихъ писемъ къ тебѣ. До сихъ поръ всегда какъ-то приходилось писать въ воскресенье. Думала, что будетъ забавнѣе писать подъ первымъ впечатлѣніемъ нашихъ еженедѣльныхъ сборищъ у Maman, но вижу, что я формально глупѣю отъ лото: хуже баварскаго пива густитъ и пѣнитъ мысли. Только и видишь, какъ нумера скачутъ передъ глазами, и безпрестанно споръ за амбо и терно раздается въ ушахъ. Сегодня они отъ самаго обѣда до 12 часовъ ночи играютъ. Я не выдержала, и сижу одна дома съ головной болью и courbature во всемъ тѣлѣ. Н. Ив. ушелъ къ Александру Ив. Ушакову на преферансъ; и меня туда звали, ибо онъ было заболѣлъ холерой и теперь въ качествѣ выздоравливающаго принимаетъ дамъ и разсѣевается, какъ можетъ, перетащивъ къ себѣ всю нашу банду. Cela me fait rire, quand je pense, comme nous nous prêtons les uns aux autres. Одинъ Бутурлинъ, какъ не играющій, въ подобныхъ случаяхъ отправляется въ замокъ, se faire apprécier.

Помнишь нашъ разговоръ насчетъ пріемныхъ дней? Вѣдь, кажется, выйдетъ на мое: что въ понедѣльникъ и четвергъ такая толпа наберется, что не станетъ стульевъ. Теперь-же съѣхались все такіе разнородные люди: Багговутъ съ женой, Мельниковъ, Денъ, Кузнецовъ и проч., что я, кажется, скоро закрою лавку. Бѣдный Данзасъ какъ-то въ разсѣянности попалъ въ одинъ изъ такихъ деньковъ; но тотчасъ же и бѣжалъ, сотряхая прахъ съ ногъ своихъ. Слава Богу еще, что опасеніе

холеры позволяетъ мнѣ избавиться отъ всякихъ издержекъ угощенія Съ этими journées fixes та бѣда, что хозяинъ не смѣетъ отъ нихъ отказаться, а гости воображаютъ манкировать, если не пріѣдутъ; какъ-бы я желала ихъ разувѣрить. Къ тому же несчастная страсть Maman къ лото привлекаетъ туда разныхъ лотистокъ, желающихъ, кажется, сдѣлать и у меня un point de réunions. Достаточно уже и тамъ ихъ видѣть ! Меня всегда бѣситъ, что Maman назоветъ кучу народа и ни одного человѣка, съ кѣмъ бы папа могъ переговорить. Если Данзасъ или Н. Ив. манкируютъ, то ему хоть прощай. Теперь, кажется, ожидаютъ Высочайшаго пріѣзда и бѣдный А. Л. ужасно служитъ; только на перепутьи отъ Горчакова заѣдетъ ко мнѣ въ мундирѣ и опять спѣшитъ въ лагерь и по дѣламъ. Онъ очень похудѣлъ и жалуется на нездоровье. Какъ жаль, что Н. Г. Фроловъ не вещь, а человѣкъ! Я бы его на свой счетъ выписала изъ Петербурга для развлеченія Данзаса. Онъ за нимъ ужасно скучаетъ и не можетъ привыкнуть къ нашей жизни. Да и ты самъ, любезный Вольдемаръ, будешь скоро лишенъ удовольствія его видѣть. Фроловъ ѣдетъ въ Москву и вашъ кружокъ совсѣмъ разсѣется. Но, можетъ быть, служба займетъ тебя и лишеніе друзей не будетъ такъ чувствительно, хотя трудно будетъ замѣнить Фролова. Онъ могъ бы имѣть благодѣтельное вліяніе на твое моральное образованіе и удовлетворялъ бы потребностямъ ума и сердца. На кого попадешь ты теперь и съ кѣмъ сдружишься? Н. Ив. хочетъ самъ писать. Прощай, мой ангелъ, пиши ко мнѣ и люби по прежнему.

Élise Ouchakoff.

Поздравляю тебя, любезный другъ, со вступленіемъ въ службу. Выборъ хотя прозаическій, но не дуренъ. Дай Богъ, чтобы твои способности и знанія были скорѣе замѣчены. Впрочемъ, я помню твое обѣщаніе, и если война, то милости просимъ къ намъ. Но кажется, это воздушные замки. Папа доволенъ поступленіемъ твоимъ въ Сенатъ. Прощай, обнимаю тебя тысячу разъ.

Н. Уш.

92.

Варшава 20 августа 1848 г.

Кажется, сама судьба покровительствуетъ моимъ намѣреніямъ не терять привычки часто писать къ тебѣ, милый братъ мой; посылаетъ такія нежданныя обстоятельства, что мысли сами собою ложатся подъ

перо, обрадовавшись позволенію выйти на просторъ и избавиться отъ хаоса, въ которомъ обрѣтались до сей вожделѣнной минуты.

Право, еслибъ ты могъ заглянуть въ мою голову, то конечно испугался бы кутерьмы, тамъ происходящей. Объ сердцѣ и чувствахъ ужъ не говорю: да и гдѣ тутъ слушать это бѣдное сердце, когда умъ заваленъ матеріальными хлопотами. Покупка экипажей, продажа мебели, перемѣна бонны... и проч. и проч. Издали тебѣ можетъ показаться любопытнымъ, какъ все неизвѣстное; но вблизи, право, не забавно, и еще непріятнѣе, чѣмъ настоящее. Николай Ивановичъ выходитъ въ отставку! Отпуски запрещены, и мы отправляемся *на годъ въ деревню.* (Очень интересно знать: въ какую?). Кромѣ этого первоначальнаго рѣшенія, еще ничего не рѣшено. Чуть ли эта неизвѣстность не хуже самаго худого. Какъ пріймetъ это Князь? Что съ нами будетъ, и будетъ ли отставка?—все это вопросы безъ отвѣта. Не смотря на поспѣшность Н. Ив., я рѣшительно объявляю всѣмъ и каждому, что ничего не начинаю безъ отставки или позволенія въ карманѣ. Тогда подумаемъ и рѣшимъ, что дѣлать и куда ѣхать. Н. Ив. ухватился за приглашеніе Любиньки навѣстить ихъ, но вѣдь маленькая разница: пріѣхать погостить недѣлю, или цѣлой гурьбой нахлынуть на цѣлый годъ! Вѣроятно, остановимся на Чевельчѣ. По моему, это вѣрнѣе и гораздо деликатнѣе. Но вещи, вещи? книги? Madonne! Страхъ подумать, какъ и куда тащиться съ такимъ домомъ.

22-е. У Maman сдѣлалась лихорадка и прислали за мною, чтобы разсѣять ее игрой въ лото. Папа тоже не такъ здоровъ, сидитъ дома, нудится и вечеромъ играетъ въ преферансъ съ Н. Ив. и Ясинскимъ. Въ промежуткахъ все толкуютъ объ предположенной отставкѣ. Конечно, не шутка вдругъ спуститься съ 30 тысячъ на 9 маіоратскихъ и треть пенсіона! Но я не прихотлива, и надѣюсь съ помощью Божіей уладиться. Только бы Н. Ив. не жалѣлъ потомъ, что упустилъ это мѣсто, если придется года два, три отыскивать другое. Съ другой стороны, если въ самомъ дѣлѣ случится какое несчастье, то я бы себѣ не могла простить, что уговорила Н. Ив. остаться здѣсь. A te dire vrai je suis dans une terrible perplexité. Ce n'est pas que la pauvreté m'effraye: j'ame peu les sorties, les promenades et en général cette insipide et tourmentante vie du grand-monde; donc, je pourrai fort bien m'arranger avec un petit logement au second et mes promenades quotidiennes au jardin. Les courses pédestres aiguisent l'appetit et facilitent la digestion,—j'irais diner chez papa. Quant-aux soirées, nous les consacrerons à finir „L'Histoire", que mon mari peut porter lui-même à St.-Pétersbourg, comme une lettre de recommandation pour chercher une place. Ainsi la vie d'hiver est arrangée. Car pour rien dans le monde je ne risquerai d'aller en Petite-Russie avec Marie pour cinq mois et sans médecin. D'ailleurs les équipages, la

poste et le transport des effets et des gens nous prendraient plus d'argent que toute une année de petite vie Varsovienne, où j'ai tout sous la main. Quant-au faux amour-propre, à la vanité,—je n'en ai pas un brin. Du reste je serais trop occupée pour m'inquiéter des pourparlers. Si j'ai quelques amis, probablement je les garderai; si je n'en ai pas, ja m'en consolerais facilement; ayant toujours sû faire la part de l'habit et prisant peu l'espèce humaine en général, je suis très indulgente pour les lâchetés,—et n'en aimerais que d'avantage les personnes assez courageuses pour se compromettre avec les déchus. Et puis quels progrès je ferai dans la science de la vie et des hommes! Ну, право, лучше Фролова буду опредѣлять людей! A propos de H. Г., я изумлена была вѣрностью его характеро-описаній! Жаль, что съ нимъ незнакома, а то просила бы опредѣлить Данзаса. Какъ хочешь, а онъ престранный, и совсѣмъ не похожъ на то, что ты мнѣ объ немъ говорилъ. Или, можетъ быть, его Варшавская жизнь немного сбиваетъ? Впрочемъ, мы пріятели; и вообще онъ, какъ говорятъ, идетъ въ гору. Я даже намѣрена искать его протекціи на будущее время. Знаешь ли ты уже, какъ онъ на прошедшихъ маневрахъ писалъ на колѣнкѣ замѣчанія фельдмаршала, стоя между нимъ и кн. Горчаковымъ, въ виду всей арміи Презабавно и преэффектно! Желала бы очень разсмѣшить тебя, мой ангелъ, чтобы заставить забыть непріятное впечатлѣніе „отставки и 9-ти тысячъ“, да какъ-то нѣтъ ничего веселаго. Всѣ хлопочутъ, всѣ бѣлѣютъ отъ страха холеры и только говорятъ объ томъ, что можно, и чего нельзя ѣсть. Слава Богу, моя Машуточка здорова, и я спокойна и счастлива. Софи и Мишель тебѣ кланяются; онъ сегодня былъ у меня и comme de raison предолго толковалъ о предстоящей перемѣнѣ. Катюша все охаетъ и ахаетъ, отъ удивленія, тоски, восторга и жалости. Сегодня ужасно утѣшила ее, сказавши, что буду во всемъ совѣтоваться съ ней, т. е., что и гдѣ дешево закупать. Любинька [1]) пишетъ, что у нихъ холера прекратилась. Жаль, что она не сблизится съ Анной Евгеньевной! Вѣрю очень, что въ деревнѣ лучше всего сидѣть дома и не вдаваться въ знакомства съ помѣщицами; но, но,.... очень много но. Любочка [2]) по прежнему ѣздитъ въ замокъ и совѣтуетъ каждому дѣлать тоже. Какъ обыкновенно, ея совѣты слушаютъ и имъ не слѣдуютъ. Недавно она перессорилась съ М. В. и ко мнѣ пріѣхала мириться. Вотъ была, какъ говоритъ Достоевскій, катавасія. П. И. здоровъ; но какъ-то скучаетъ отъ всей этой суматохи. Читаю ему для развлеченія Paul de Cock'a, послѣ обѣда, а вечеромъ мы у папы или у насъ кто нибудь. Можетъ быть, онъ скоро возвратится и захочетъ писать тебѣ. Остав-

[1]) Романовичъ, [2]) Безакъ.

ляю ему мѣсто. Прощай, мой дружокъ, цѣлую тебя сто милліоновъ разъ и даже не имѣю духу пожурить за то, что два понедѣльника прошли безъ писемъ: уваженіе къ чиновнику отымаетъ смѣлость. Понимаю впрочемъ, что, прописавъ все утро, мало охоты еще писать вечеромъ. Будь здоровъ и люби меня по прежнему.

Благословляющая тебя Лиза.

Сестра напугала тебя, любезный другъ Вольдемаръ, своими неопредѣленными объясненіями. Дѣло очень простое: ты знаешь мое непріятное положеніе; чтобы избавиться отъ него, я положилъ просить другой должности, съ состояніемъ по артиллеріи, или ѣхать въ отпускъ на 6 мѣсяцевъ, а, наконецъ, если и то и другое не удастся, то взять совсѣмъ отставку, ибо отставки теперь разрѣшены. Какъ будетъ и что будетъ, еще не знаю. Трудно жить на половинѣ содержанія; но я выйду не для того, чтобы сидѣть, сложа руки, а буду трудиться и искать новой должности, покуда же стану писать прилежно и, можетъ, заработаю въ годъ хотя тысячу рублей. Я неприхотливъ, Лиза обѣщаетъ тоже; слѣдовательно намъ немного нужно.

Прощай; когда все объяснится, напишу подробнѣе, а теперь некогда. Обнимаю тебя искренно.

Н. У.

93.

Варшава 12 сентября 1848 г.

Съ какою радостью протягиваю тебѣ руку, другъ мой Волинька. Я было не на шутку заболѣла и слегла въ постель 6 сентября. Слава Богу, теперь гораздо лучше, и я право съ большой радостью возвращаюсь къ здоровью и жизни. Что ни говори, а какъ подумаешь, что смерть беретъ за одну руку, то съ радостью хватаешься другою за жизнь,—какъ ни бѣдна она радостями. Я часто бывала очень больна, но никогда ничто не дѣлало на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ эта трехъ-дневная, можетъ быть, пустая простуда! Молю только Бога, чтобы поддержалъ меня въ этомъ прекрасномъ расположеніи,—и буду благословлять холеру, способствовавшую этому сильному перелому въ моей жизни. Какъ пошло и глупо жила я послѣдніе три года! Возвращаюсь къ прежней жизни, прежнимъ мыслямъ и влеченіямъ.

Окончательно убѣждаюсь, что это лучшее средство научиться жить хорошо,—и еще болѣе, хорошо умереть. Стезя хорошая, потому что она ведетъ къ хорошей цѣли,—надо будетъ только бодро вступить въ борьбу съ собою и трудиться надъ расчищеніемъ дороги отъ кучи сора, т. е. мистицизма, романтизма и пр. и пр., которые всегда мѣшали мнѣ прямо глядѣть на практическую жизнь, и окончательно затмили путь мой; такъ что я рѣшилась безбожно заглушить въ себѣ все духовное (почитая это несчастьемъ, аномаліей), и жить только внѣшнею жизнью, отрицая внутренняго человѣка. Сознавая въ себѣ много хорошаго, я не замѣчала дурного; самолюбіе не позволяло мнѣ допустить мысль, что не свѣтъ подлъ, но я, я сама причиной многимъ бѣдамъ въ моей жизни. Я забыла, что между двумя крайностями: быть несчастной или оскотиниться—есть еще такая прекрасная середина: развить себя, - въ прямомъ значеніи; дать равную пищу всѣмъ своимъ способностямъ, направляя ихъ къ хорошему, т. е. къ истинѣ, посредствомъ которой понимаешь, соединяешься съ Творцомъ ея. Все это еще не совсѣмъ ясно въ головѣ моей; но полагаю, что это прямая дѣятельность человѣка, тѣмъ болѣе женщины—матери. При такомъ взглядѣ на жизнь дѣйствительное несчастье теряетъ половину своего ужаса, а воображаемое исчезаетъ совершенно. И такъ займусь сначала перевоспитаніемъ себя самой и тѣмъ приговлюсь къ воспитанію моего ангела Маши. Надѣюсь на милость Божію и на свое собственное мужество. Благослови меня, мой другъ.

Что сказать тебѣ, мой милый братъ, чтобы разсѣять немного? Да, сестра Maman, Надежда Ивановна, съ дочерью [1]) нагрянули вдругъ къ намъ въ Варшаву. Зачѣмъ, какъ, почему, незнаю еще. Сегодня только въ четыре часа пріѣхали, а въ семь отправились въ театръ, съ Maman и Катюшей. Это извѣстіе я имѣю черезъ Николая Ивановича, который былъ у папы и узналъ тамъ сію радостную новость. Папа смѣется, что Maman, вѣроятно, очень рада этому посѣщенію, ибо они остановились у нея (?). Слава Богу, папѣ гораздо лучше и онъ немного повеселѣлъ, какъ говоритъ Н. Ив. Я еще слаба и не смѣю выѣхать, поэтому уже нѣсколько дней его не видѣла; Доличка бѣдная тоже была нездорова, но прошло. Признаюсь, что всѣ эти болѣзни наводятъ на меня тоску. Бутурлинъ—въ постели. Оппермань тоже заболѣлъ на ученьи и теперь лежитъ. У Данзаса была лихорадка; впрочемъ онъ, кажется, на зло все дѣлаетъ. То въ ротъ ничего не беретъ, кромѣ конфектъ и сигаръ,—то ѣстъ грибы и другія гадости, когда всѣ

[1]) Надежда Ивановна Нечай имѣла единственную дочь, бывшую въ замужествѣ за Бедрягой.

и вся на діэтѣ. Потомъ удивляется, что худѣетъ. Я ужъ бранилась съ нимъ за это, и въ наказаніе заставила при себѣ съѣсть нѣсколько тартинокъ. Une espèce de maladie qu'il a? „Тоска“ и „все равно“, вотъ всегдашніе и неизмѣнные его два отвѣта.

Онъ такой чудесный человѣкъ! Я его каждый день болѣе и болѣе учусь цѣнить, болѣе и болѣе къ нему привязываюсь. Кажется, мы tacitement приводимъ въ исполненіе методу Jacotot, обоюднаго обученія. Только, кажется, я одна подвигаюсь, а онъ стоитъ на мѣстѣ, завернувшись въ непроницаемый плащъ своего равнодушія—ко всему и всѣмъ. Со мной онъ очень, очень разговорчивъ; но стоитъ явиться третьему лицу—онъ или уходитъ, или молчитъ, молчитъ до того, что бѣситъ. Я бы ужасно желала узнать подробнѣе его прошедшую жизнь! Онъ часто говоритъ о прожитомъ горѣ, борьбѣ и пр., но все это безъ фактовъ, безъ именъ; такъ что оставляетъ только туманное впечатлѣніе о какихъ то еще туманнѣе несчастьяхъ. Трудно впрочемъ и вообразить что нибудь *ужаснѣе* теперешняго его *ужаснаго* оцѣпенѣнія! А между тѣмъ онъ все ищетъ и желаетъ спокойствія. Не повѣришь, какъ бы я желала дать ему немного моего довольства и спокойнаго веселья. Вчера я думала его развлечь и начала читать одну изъ любимыхъ моихъ книгъ. Онъ послушалъ, потомъ закрылъ книгу и сказалъ, что это дѣлаетъ ему лихорадку. Только я тебѣ пишу разныя глупости! Пожалуйста, оставь все это между нами—я не перемѣню привычки быть съ тобой откровенной, а иногда боюсь. Онъ какимъ то Святымъ Духомъ чувствуетъ, когда я пишу что нибудь объ немъ, и всегда говоритъ: „Охота же Вамъ писать и заниматься моей особой; Вы ничего не поможете, а сбиваете съ толку другихъ“. Впрочемъ, скажу причину, почему часто говорю съ тобою объ немъ: 1) потому что ты его знаешь, любишь и, стало быть, интересуешься имъ, 2) отъ того, что всетаки не теряю надежды вылѣчить его мономанію воображать себя окаменѣлостью, 3) что мнѣ въ самомъ дѣлѣ ужасно жаль его. Онъ точно дикій между образованными людьми, или вѣрнѣе образованный человѣкъ между дикарями. Напиши ему, онъ этому будетъ очень, очень радъ. Любовь Оппермана къ тебѣ заставила его сблизиться съ Данзасомъ. Cela doit être un homme charmant, puisque Woldemar l'aime, говоритъ онъ мнѣ. Добрый графъ, какъ я люблю его за эти слова. Мы часто, очень часто говоримъ о тебѣ. Одно мнѣ въ графѣ не нравится: это подарки. Ну, ненавижу принимать ихъ! А какъ отказать? Въ мои имянины привезъ изъ Петербурга чудеснѣйшій кипсекъ Le Diadème, въ локоть длиною. Что будешь дѣлать? Еще другая тоска! Баранцевъ прислалъ мнѣ китайскія туфли и премилое письмо. Пожалуйста, отошли къ нему мое благодарственное письмо, и нельзя не замѣтить, что одному письму я была бы гораздо больше рада, чѣмъ съ приложеніемъ „вещественнаго

знака дружбы". Le plus brave homme du monde au reste; un coeur d'or— даже при дворѣ не испортился. Познакомился ли ты съ нимъ? M-me Энгельгардтъ очень больна, въ Кѣльцахъ еще. Одни думаютъ, что она беременна, другіе говорятъ, что это холера. Бѣдная женщина! Недавно потеряла дочь маленькую; денегъ ни гроша; мужъ уѣхалъ; ну, что она начнетъ? Коссовская уѣхала давно въ деревню и еще не возвращалась. У насъ говорятъ, что Е. В. Государь не будетъ въ Варшавѣ, правда ли? Благодарю тебя, mon ange, за два письма, отъ .... августа и 6 сентября. Вообще, я какъ то была очень счастлива въ свои имянины. *Отъ всѣхъ рѣшительно* получила письма въ этотъ день. (Случай или prévision?). И всѣ здоровы и счастливы. Вечеромъ мы немного кутнули, и было очень весело. Это первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ праздную 5 сентября. Будь и ты, мой ангелъ, веселъ и здоровъ, и вѣрь въ неизмѣнную любовь твоей сестры. Н. Ив. цѣлуетъ; Опперманъ тоже, всѣ прочіе тоже.

Лиза.

P.S. Цѣлую тебя, милый другъ Володинька, нужно прибавить что нибудь больше, но только не имѣю времени.

94.

Варшава 18 сентября 1848 г.

Сегодня получила письмо твое отъ 12-го; mercі, что не заставляешь долго ждать извѣстій о себѣ. Теперь ты, вѣроятно, уже получилъ послѣднее мое письмо и знаешь причину принужденнаго молчанія. Слава Богу, холера у насъ утихаетъ; но все еще тащитъ за собою хвостъ, какъ выражается Романъ Сергѣевичъ. Я его сегодня утромъ застала у папы и признаться испугалась его перемѣнѣ,—такъ онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ и постарѣлъ послѣ своей продолжительной болѣзни. Вчерашній день мы обѣдали всѣ у Любовь Ивановны [1]) по случаю имянинъ; а вечеромъ была дома и скучаю по Любинькѣ, которая тоже была имянинница, и, вѣроятно, тосковала по насъ въ деревнѣ, или еще болѣе тосковала по малороссійскомъ балѣ у Волжиныхъ, куда была приглашена еще за мѣсяцъ до 17-го. Кстати о Малороссіи: хочешь образчикъ тамошнихъ сплетней? Александрина [2]) пишетъ, что Анна Михайловна же-

[1]) Безакъ, [2]) Максимовичъ.

лаетъ ужасно выдать за тебя свою дочь Лизу и для этого даже выѣзжали къ тебѣ навстрѣчу изъ деревни въ Петербургъ; что будто бы очень огорчаетъ Анну Евгеньевну, которая имѣетъ такое самое намѣреніе въ разсужденіе своей дочери. Каково? Они, кажется, забываютъ, что обѣ малютки тебѣ родныя по крови. Мы съ Катюшей очень смѣялись о недальновидности кумушекъ, и благословляли счастливое невѣдѣніе страны, гдѣ самое невозможное кажется возможнымъ. У Maman и теперь гостятъ экземпляры тамошнихъ нравовъ во всей своей первородной наивности. Признаюсь, что послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора и общенія съ рѣченной сестрицей Надеждой Ивановной и ея дочкой вся прелесть Украинской природы не скоро въ состояніи будетъ успокоить раздраженныхъ нервовъ, разбитой головы и засоренныхъ глазъ отъ маханья табачнымъ носовымъ платкомъ. У меня до сихъ поръ идутъ слезы и дребезжитъ въ ушахъ отъ взвизгиванія. Катюша и Maman похудѣли даже отъ усерднаго сидѣнья, слушанья, кричанья и угощенья. А какъ пришла модистка, жиды и проч., да начался споръ о платьяхъ!—у меня такъ закружилась голова, что я пѣшкомъ домой, легла въ постель и принялась пить мяту,—насилу отошло.

19-е. Сегодня, по обыкновенію, обѣдали у папы; онъ, слава Богу, здоровъ и всѣ прочіе тоже. Послѣ обѣда по прежнему лото. Н. Ив. обѣдалъ у Князя и вечеромъ приглашенъ къ Ушакову. Я пользуюсь случаемъ потолковать съ тобой. Катюша проситъ тебя объяснить, что значитъ именно слово „искажено“ о Пьерѣ, и видѣлъ ли ты самъ его, или говоришь по словамъ Annette; ей Катюша ни полъ слова не вѣритъ. Софи и Мишель [1]) переѣхали на новую квартиру; она была имянинница 17, и я ей подарила coiffure. Завтра большой парадъ и разводъ всѣмъ войскамъ (ихъ распускаютъ 22-го) и всѣ наши дамы собираются ко мнѣ на балконъ смотрѣть воинство. Какъ это, т. е. распущеніе арміи, соединить съ возобновленіемъ запрещенія подавать въ отставку и въ отпуски? Опять начинаютъ говорить о войнѣ, и намъ обрѣзываютъ крылья летѣть въ Малороссію. На зиму, слава Богу; но къ веснѣ, надѣюсь, можно будетъ встрепенуться.

Прощай, мой ангелъ, будь здоровъ и веселъ. Можетъ быть, встрѣтишь Софи Якубовскую и Вѣру,—онѣ поскакали въ Петербургъ. Видѣлся-ли съ Коніаръ? Пиши подробнѣе, чтобы я могла приблизительно знать твою жизнь и людей, съ которыми ты видишься. Читаю теперь Éducation des mères de famille, Aimé-Martin, для развлеченія употребляю нѣмецкіе романы.

Прощай, цѣлую тебя сто разъ и благословляю.

---

[1]) Дараганы.

P. S. Бываешь-ли ты у° гр. Оппермана?

Всѣ наши тебя цѣлуютъ и обнимаютъ; Машенька уже поетъ малороссійскія пѣсни, „Ah! vraiment! c'est charmant!“—и дѣлаетъ книксы. Доля все не можетъ справиться со своимъ желудкомъ; но весела и игрива по прежнему.

95.

Варшава, 29 сентября 1848 г.

Ну, mon cher mari! Научилъ ты меня добру съ твоими jours fixes. Понедѣльники и четверги сдѣлались теперь совершенно днями толкучаго рынка. Такая толпа, что своихъ не разберешь. Кажется, всѣ скучнѣйшіе обитатели Варшавы, которыхъ существованія я даже и не подозрѣвала прежде, всплываютъ наверхъ, чтобъ меня мучить. И каждый или каждая изъ нихъ, не довольствуясь своей одной особой,—считаетъ долгомъ тащить за собой цѣлую банду *своихъ*. Что я изъ этого выиграла? Прежніе вседневные мои посѣтители, избѣгая этихъ сборищъ, и основываясь на фразѣ „mais je viens pour *Vous* voir“, приходятъ попрежнему во всякое время, а я мучусь два раза въ недѣлю, разливая чай 30 неизвѣстнымъ особамъ, которыхъ я не только не желала-бы видѣть у себя, но избѣгаю даже на улицѣ. Но какъ не принять, когда весь городъ знаетъ, что я дома, и когда наши habitués (чтобъ оправдать свои частые визиты) всѣмъ отвѣчали, „que c'est très agréable chez Madame“. Такъ какъ у насъ всѣ скучаютъ и всѣ недовольны, то каждый ищетъ развлеченія, и думаетъ непремѣнно найдти его у меня: хоть въ удовлетворенномъ любопытствѣ. Какъ не посмотрѣть, что дѣлается у Mad. Ou., которая никогда никого не принимаетъ и которая давно обречена общимъ голосомъ варшавскихъ кумушекъ для банки съ спиртомъ, въ украшеніе какого-нибудь музеума. И въ самомъ дѣлѣ странно, что другіе такъ много дѣлаютъ для общества, чтобы привлечь его къ себѣ,—и никто не бываетъ. Я же пренебрегаю визитами, не ѣзжу на ихъ вечера, у себя, кромѣ чашки чаю, ничего рѣшительно не даю—и не могу избавиться отъ людей. Совѣтую тебѣ поразсудить объ этомъ, написать мнѣ для сообщенія заключенія M-me Багговутъ и Ольхиной, которыя все меня спрашиваютъ, quel secret j'ai pour attirer toujours tant de monde auprès de moi. Сегодня въ саду одна дама такъ мнѣ надоѣла своими вопросами подобнаго рода, что я ей прямо отвѣчала: „C'est puisque je n'exige pas les hommages, que tous les hommes d'esprit,

me font la cour, faites en autant et Vous serez fort courtisée". Надѣюсь, что другой разъ не спроситъ. Возвращаясь къ вечерамъ, скажу тебѣ что мы порѣшили въ будущій понедѣльникъ похоронить фантазію назначенія пріемныхъ дней и вмѣстѣ отпраздновать пріѣздъ Надежды Ивановны. Такъ какъ у насъ уже не стаетъ стульевъ, то я предлагаю фортепіано, какъ самое приличное сидѣнье для любящихъ показывать себя; дадимъ ужинъ на славу и потомъ дайте мнѣ święty pokój; засяду опять съ своими, какъ они называютъ, обожателями—въ томъ числѣ и добрѣйшая Марья Васильевна. Между прочимъ, разскажу тебѣ презабавный анекдотъ изъ petites misères de la vie humaine. Я какъ то была нездорова въ четвергъ и рѣшилась никого не принимать. Всѣ наши дамы были у меня и, зная мое намѣреніе, согласились собраться у Maman. Вечеромъ мы премирно сидимъ за чаемъ, т. е. обыкновенная партія: Н. Ив., Фроловъ, Мельниковъ, Ушаковъ, да Бутурлинъ и Оппермань. Вдругъ человѣкъ докладываетъ: „Г-жа Тихановская и Г-нъ Лазаревъ". Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, машутъ руками и кричатъ: „не принимать, не принимать"... Въ это время... о ужасъ! Я вижу изъ дверей залы два чепца, подвигающіеся впередъ. Представь себѣ мое отчаяніе! Тѣмъ болѣе, что всѣ эти господа, стоявшіе спиною, оборотились, увидѣли свою неловкость и съ разными восклицаніями разбѣжались по другимъ комнатамъ. Я осталась одна на полѣ чести поддерживать репутацію любезности и успокоивать раздраженное самолюбіе почтенныхъ дамъ. Да со мной еще была Софи Гагеманъ и мы не смѣли взглянуть другъ на друга, чтобы не расхохотаться. Софи увѣряетъ, что всю жизнь будетъ помнить эту злосчастную сцену. Признаться, первая минута была вовсе не изъ пріятныхъ.

Папы здоровье хотя не совсѣмъ хорошо, но, слава Богу, и не дурно. Эти два дня я его не видѣла, потому что моя Машурочка была не такъ здорова, а ужъ я тогда не смѣю ни на минуту оставить ея комнату. Такая душка! Слава Богу Милосердному, прошло. Она по прежнему стала весела и съ удовольствіемъ смотритъ со мною картинки въ „Jardin de Plantes, II vol." Это и меня занимаетъ, потому что вся зоологія, ботаника и натуральная исторія прекрасно изложены, съ множествомъ картинъ и иллюстрированныхъ птицъ, бабочекъ и червяковъ. Маша непримѣтно учится распознавать ихъ, и сама радуется, что узнаетъ свои раковинки. Николай Ив. играетъ теперь въ преферансъ; онъ, слава Богу, здоровъ, но болѣе обыкновеннаго занятъ. Кажется, всякая новая революція въ Вѣнѣ или Берлинѣ должна окончательно отзываться на немъ. Maman хлопочетъ; Катюша тоскуетъ, что ее вытѣснили изъ театра; Надежда Ив. обижается каждымъ вопросомъ Любовь Ивановны, называетъ меня гордой и увѣряетъ, что неизвѣстно съ чего всѣ мнѣ покоряются и даже папа меня слушаетъ, какъ оракула (?).

Вообще кутерьма страшная, къ которой, впрочемъ, я не причастна. Папа говорилъ мнѣ, что послалъ тебѣ болѣе денегъ въ извиненіе за передержку. Данзасъ уѣхалъ на 8 дней въ Ковно осматривать конвой и караулы. Саранча отправился на зимнія квартиры въ Пултускъ. У насъ болѣе обыкновеннаго говорятъ о войнѣ; спорятъ и кричатъ такъ, какъ будто бы Вѣна ихъ слышала и, испугавшись, прекратила бы свои революціи. Не вступитъ ли Мишель Кр. въ военную службу? Если будетъ война,—то это очень способствуетъ къ возбужденію дѣятельности. Не смотря на твое удивленіе генію и добродѣтелямъ Анны Михайловны, не желаю встрѣчаться съ нею. Что-то думаетъ объ ней Фроловъ? Впрочемъ, она такъ умна, что, какъ выражается папа, задуритъ всякаго. Кланяйся отъ меня Натальѣ Андреевнѣ и роднымъ. Что ничего не пишешь объ женѣ Дмитрія? Michel'я и Софи давно не видѣла, ибо не могу отыскать, гдѣ они поселились.Тебя всѣ цѣлуютъ и обнимаютъ. Adieu, mon ange.

P. S. Le calme c'est la béatitude. Одно есть; другое, надѣюсь, будетъ. Аппетитъ у меня большой; но дѣятельность физическая мало развивается. За то моральная въ полномъ разгарѣ,—это дѣлаетъ, что я весьма пріятно провожу время, и такъ какъ всѣ мои усилія стремятся къ одной цѣли, то не жалѣю о проходящихъ часахъ, ибо каждый изъ нихъ приноситъ съ собой камень для постройки моего зданія. Жаль только, что я такъ изолирована, что должна жить двойственною жизнью; это немного останавливаетъ.

96.

Варшава 9 октября 1848 г.

Недавно была я обрадована письмомъ отъ бабушки. Она, слава Богу, здорова и Михаилъ Петровичъ тоже. Цѣлуютъ и благословляютъ тебя обое; не нахвалятся, говоря о тебѣ, и только жалѣютъ, что ты еще не писалъ имъ изъ Петербурга. Пожалуйста, милый другъ, если найдешь свободную минуту, сдѣлай имъ это утѣшеніе. Они такіе славные! Они лишились теперь и послѣдняго развлеченія; бѣдная Каролина Ѳедоровна умерла отъ холеры и теперь никто не будетъ болѣе укорочать ихъ длинные вечера своими шутками и разсказами. На Варвиньку, право, надежды мало. Она такая загнанная, такая убитая своимъ положеніемъ при поведеніи Николая, что трудно и требовать чего нибудь веселаго отъ этой мертвой души. Нашу Софи Дараганъ я на-дняхъ видѣла; она все не такъ здорова: кормленіе и заботы съ маленькой Лизой ее

утомляютъ. Всѣ другіе члены нашего семейства благоденствуютъ и кутерьмятся по прежнему. Надежда Ивановна съ Анютой все еще гостятъ здѣсь и даже мы начинаемъ привыкать къ нимъ. Катюша каждый день заходитъ ко мнѣ изливать свою тоску и хлопоты объ обѣдѣ, ужинѣ и завтракахъ. Любовь Ивановна мечтаетъ объ какомъ-то мѣстѣ для мужа въ Петербургѣ. Добрый гр. Оппермань очень часто бываетъ у насъ. Ему опять, кажется, предстоитъ вояжъ въ Питеръ, по случаю смерти сестры и семейныхъ дѣлъ. Зайди къ графинѣ. Она теперь въ огорченіи и вѣрно нуждается въ помощи мужского разсудка и знанія дѣлъ. Данзаса вижу довольно часто. Онъ все хандритъ; но, кажется, это неизлѣчимая его болѣзнь, потому что если ничто не тревожитъ его въ настоящемъ за себя самого, то онъ тоскуетъ о будущемъ, о братѣ или о комъ нибудъ изъ васъ. Если я получу письмо отъ тебя, то право, если возможно, А. Л. больше меня этому радуется, и мы съ большимъ интересомъ начинаемъ старые разговоры и сужденія о васъ всѣхъ. Постарайся сблизиться съ его братомъ Николаемъ и развлекай его. Димитрій [1]) пишетъ, что онъ все сидитъ дома и хандритъ. Какъ вы не устроите семейно-дружескихъ сборищъ у Антуанеты Ивановны, которая, какъ говорятъ, такъ умна и любезна?— Скажи, пожалуйста, что дѣлаетъ Hélène? Марья Ивановна пишетъ, что она по-прежнему больна. Любинька хотѣла ее перетащить въ Малороссію, но не знаю, удастся-ли имъ эту зиму поѣхать въ Петербургъ. А другого случая, кажется, не предвидится. Фитингофъ у насъ бываетъ регулярно два раза въ недѣлю; но такая рыба, что я давно отказалась отъ разговоровъ съ нимъ. Фроловъ, Александръ Ивановичъ, [2]) Бутурлинъ—вседневные гости. Толкуютъ о войнѣ, о Вѣнѣ, о Елачичѣ [3]) и проч. При семъ Д. надѣваетъ обыкновенно очки, протерши сперва стекла, чтобъ лучше видѣть физіономіи. Этотъ жестъ ужасно тѣшитъ Оппермана и какъ-то заставляетъ заикаться Сер. Петровича. Тутъ слѣдуютъ разные эпизоды изъ вседневной жизни, очень смѣшные, весьма оригинальные, которые сдѣлаются пустыми и длинными, если ихъ описывать. Дѣло въ томъ, что я очень спокойна духомъ; пишу, читаю, занимаюсь утромъ, и очень рада позабавиться вечеромъ. Ничто меня не бѣситъ; а многое интересуетъ. Самостоятельность—великая вещь; и я опять обращаюсь къ прежней вѣрѣ, что сами обстоятельства подчиняются твердой и опредѣленной волѣ. А если ихъ и нельзя подчинить, то свѣтлый и спокойный взглядъ издали видитъ ихъ угловатости, избѣгаетъ ихъ, или сталкивается тамъ, гдѣ выдавшаяся сторона не ушибетъ.

[1]) Дараганъ, [2]) Ушаковъ, [3]) Хорватскій банъ, поддерживавшій Вѣнское правительство противъ возставшихъ венгерцевъ.

Не знаю, что дальше будетъ; а теперь какъ-то все удается ладить. Къ Княгинѣ совсѣмъ не ѣзжу; да и со всѣми дальними знакомствами ромпировала. Признаться, это была не маловажная причина сплина и разныхъ мукъ. Николай Ивановичъ здоровъ, de bonne humeur; утромъ трудится, ссорится съ.... и очень радъ вечернему преферансу и возможности разсказать свои бѣды кому нибудь изъ вышеупомянутыхъ людей. Тишина, миръ и спокойствіе. Маша чудесно поетъ малороссійскія пѣсни и фантазируетъ цѣлый день.

Прощай, дружокъ, дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ. Всѣ наши тебя цѣлуютъ. Оппермань очень кланяется. Какой онъ славный человѣкъ!

Да, пожалуйста, mon cher, если ты не затерялъ моего письма отъ 12-го сентября, т. е. перваго по болѣзни, то пришли мнѣ обратно первый листокъ; это мнѣ необходимо для одной справки: я что-то перепутала письма.

97.

Варшава 16 октября 1848 года.

Представь себѣ мою разсѣянность: сажусь писать обычное мое воскресное посланіе къ тебѣ и нахожу запечатанное письмо, которое я полагала давнымъ давно отправленнымъ. Такъ какъ наша жизнь довольно однообразна, то я бы могла послать тебѣ старое письмо, и ты бы, вѣроятно, ничего не потерялъ; но случилась весьма интересная новость и я спѣшу увѣдомить тебя объ ней: Безакъ назначенъ на мѣсто Долгорукаго состоять при В. К. и они скоро всѣ переселяются въ Петербургъ. Это обстоятельство, можетъ быть, разстроитъ немного твои самостоятельные планы; но, какъ хочешь, а необходимо будетъ являться туда съ почтеніемъ разъ или два въ недѣлю; потомъ привыкнешь и, можетъ быть, найдешь, что Л. Ив. совсѣмъ не такъ сварлива, какъ объ ней многіе думаютъ. Притомъ же она намѣрена познакомиться съ женой Дмитрія и у васъ будетъ свой кружокъ, а вмѣстѣ и point de contact съ другими людьми, которые будутъ туда приходить; можно будетъ сдѣлать выборъ и для société intime. По отъѣздѣ Данзаса и Фролова вашъ кружокъ сдѣлался такъ малъ и одностороненъ, что не худо будетъ пополнить. Авось уладятся Вѣнскія дѣла, позволятъ отпуски, отставки—тогда ожидай насъ въ Петербургъ. За радость быть съ тобой я готова переносить вашъ нестерпимый климатъ и разстаться съ разными привычками си-

баритской Варшавской жизни. Это мѣра любви моей къ тебѣ. Ты знаешь, какъ необходима теплота моему уму; столько же привычка къ людямъ и вещамъ дѣлается необходимою для моего сердца; даже дурное, обратившись въ привычку, становится лишеніемъ, если его замѣнить новымъ, непривычнымъ добромъ. Такова странность моей натуры. Теперь это было бы особенно ощутительно, ибо я, какъ уже тебѣ писала, окончательно установила жизнь свою и всякая мысль о перемѣнѣ меня пугаетъ своею новизной. Съ другой стороны опять меня безпокоитъ положеніе Николая Ивановича. Рѣшительно нѣтъ никакой возможности жить въ такой кутерьмѣ! Безпрестанно сердиться и писать, писать и сердиться: это хоть кого съума сведетъ. Акцептируемъ это, какъ переходное положеніе, и стараемся по возможности развлекать себя, чѣмъ можемъ. Погода у насъ стоитъ чудесная! Александръ Ивановичъ любитель загородныхъ прогулокъ, и мы всеобщими усиліями таскаемъ Н. И. по огрудкамъ и преферансамъ. Но опять передвиженіе войскъ; Алекс. Ив. идетъ съ корпуснымъ штабомъ въ Плоцкъ, со страхомъ оглядываюсь кругомъ: кого бы выбрать въ двигатели Н. Ив.? Данзасъ чудесный человѣкъ, но еще лѣнивѣе меня и мужа. Фроловъ тоже кутерьмится подъ предсѣдательствомъ Н. Ив. Къ Бутурлину пріѣхала жена; да притомъ же онъ прескучный съ своими convenances, парадами и аристократическими затѣями. Остаются только графъ Опперманъ, Севастьяновъ и мелкій причтъ людей, подвергающійся моему вліянію, но не способныхъ инфлюансировать другихъ. Co to będzie! Co to będzie!

А всетаки надо прожить какъ нибудь зиму. Странное положеніе умовъ теперь у насъ. Всѣ какъ будто ждутъ чего-то и никто на дѣлѣ не устраивается. Сегодня еще спорила объ этомъ съ Данзасомъ; вотъ не уладится человѣкъ! Вѣдь это, право, малодушіе, n'est ce pas? А право иногда мнѣ такъ жаль его, что не могу даже браниться. Вѣкъ хандритъ, угрюмъ, ничто его не занимаетъ. Какъ же ты говорилъ, что онъ любитъ службу? Ужъ, кажется, нигдѣ объ ней такъ много не говорятъ и не думаютъ, какъ здѣсь.

Прощай, дружочекъ; будь счастливъ только и я ничего не буду просить у Господа. Цѣлую тебя сто разъ и благословляю.

Élise Ouchakoff.

98.

Варшава 27 октября 1848 г.

Мы такъ бѣсновались всю эту недѣлю, cher Woldemar, что я насилу могла улучить нѣсколько минутъ, чтобы написать тебѣ нѣсколько строкъ,—хотя думала и говорила о тебѣ очень много, потому что знаю, какъ ты любишь загородныя parties de plaisirs и въ особенности послѣобѣденный кейфъ у камина, въ мягкомъ креслѣ, съ цыгаркою во рту и горячимъ кофе или стаканомъ жжонки на столѣ. Всѣ эти наслажденія испытали мы вполнѣ. Но признаюсь: какъ ни хороши устрицы, трюфли и разные suprêmes, заливаемые шампанскимъ и Wein Fraumilch,—какъ ни заманчивъ пѣвучій инструментъ Рейчика и веселая толпа пріятелей, освѣщаемая голубымъ пламенемъ рома,—все это производитъ какое-то раздражающее дѣйствіе на новичка, и утомляетъ донельзя разстроенные нервы женщинъ...

5 ноября.—Какъ видишь, даже лишаетъ возможности продолжать начатое письмо. Безпрестанная кутерьма разрушила мои мирныя привычки; а родственныя связи мѣшали какъ-то дѣйствовать самостоятельно Притомъ же въ началѣ было довольно весело; а потомъ трудно было отстать. Провожали Александра Ивановича [1])—и затѣвали пиръ въ огрудкахъ и у Мари. Потомъ уѣзжала Надежда Ивановна [2]) съ Анютой,—другого рода увеселенія должны были знаменовать и это разставанье. Теперь уѣхалъ Александръ Павловичъ [3]); – тутъ артиллеристы показали свою преданность, и пошли вечера съ лото, шампанское и проч. Предстоитъ еще прощанье съ Любовь Иван. [4]) и, право, я вдвойнѣ жалѣю и сокрушаюсь объ этомъ отъѣздѣ, ибо, кромѣ печали о предстоящей разлукѣ, я должна буду испить всю чашу наслажденій, присутствуя, comme membre de la famille, на всѣхъ прощальныхъ вечерахъ, обѣдахъ и причудливыхъ затѣяхъ нашихъ чопорныхъ генеральшъ. Заманчивая перспектива! Но сколько новой прелести получатъ тогда—мой скромный уголокъ, каминъ и книги, вѣрные друзья. Какъ оживится разговоръ за чайнымъ столомъ! Какъ хочешь, а надо иногда покутерьмиться, чтобы цѣнить всѣ радости семейной жизни и покоя.

Теперь же у насъ становится зима; запорошилъ снѣгъ, показались сани, звонъ колокольчиковъ напоминаетъ ѣзду на балы и разныя зимнія бѣдствія. Вѣтеръ свиститъ въ трубахъ печей, рветъ форточки и тушитъ свѣчи, а я, забившись въ пате, жмусь къ огоньку и радуюсь,

---

[1]) Ушакова, [2]) Нечай, [3]) Безакъ, [4]) Безакъ.

что сижу дома, вспоминая съ содраганіемъ, что въ это время, бывало, хоть плачь, а поѣзжай на балъ, и съ страшнымъ ожиданіемъ зубной боли и лихорадки скачи полунагая и любезничай до разсвѣта. Брръ! —какъ не хорошо! Насилу то Николай Ив. убѣдился, что все это престрашный вздоръ. Ничего не выиграешь, а потратишься на бальные наряды и на докторовъ. Теперь живемъ мирнехонько: утромъ заняты, обѣдаемъ съ друзьми, толкуемъ,—поджидая вечерняго преферанса и обычныхъ посѣтителей. Расходимся довольные собой и другими. Спокойно засыпаю, мечтая о тебѣ, о Любинькѣ, о будущемъ спокойномъ днѣ,—когда меня разбудятъ лепетъ Машеньки и ея ласки. Эта тишина, однообразіе и общее спокойствіе благодѣтельно дѣйствуютъ на мои нервы. Боюсь всѣхъ бурныхъ ощущеній, избѣгаю даже раздражающихъ впечатлѣній, чтобы не выйдти изъ этого *добраго усыпленія*, гдѣ такъ привольно развивается умъ, покоится сердце и ничто не тревожитъ, не вызываетъ дурныхъ склонностей человѣка.

15 ноября. Кончу-ли когда нибудь это письмо или нѣтъ? На всякій случай продолжаю. Сегодня вечеромъ мы собирались съ Марьей Васильевной къ Софи Дараганъ провести вечеръ. Третьяго дня она была у меня и мы рѣшили чаще видѣться, если возможно. Квартира у нихъ прехорошенькая, и очень не далеко отъ насъ.—7 ноября, Maman крестила съ фельдмаршаломъ у Четыркина. Сына назвали Михаиломъ; Madame не являлась, зато принимала почти всѣхъ въ постелѣ. Былъ пышный завтракъ для всѣхъ властей мужского пола. Изъ дамъ одна Юлья Ивановна. Это надѣлало много шуму и всполошило всѣхъ надзирательницъ общественной нравственности. Пріѣздъ Добрскаго, однакоже, нейтрализировалъ вниманіе и любопытство. Патріотизмъ разгорѣлся въ высшей степени; все, что дышетъ, кинулось въ театръ, даже моя бонна. Кассиръ сдѣлалъ себѣ состояніе, перепродавая билеты. Я было тоже сунулась; но гдѣ тамъ! Развѣ на пятое представленіе достанутъ ложу. Счастливымъ случаемъ попала однако же въ ложу Maman, на Lucrèce Borgia. Толпа была такая, что кинутое яблоко осталось бы на плечахъ; а изліянія энтузіазма доходили до такого діопазона, что Абрамовичъ считалъ необходимымъ два раза подыматься во весь ростъ въ своей ложѣ,—что, вѣроятно, означаетъ: молчать. Добрскій мало измѣнился послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Италіи. Поетъ довольно хорошо, жесты очень граціозны и въ особенности привлекаетъ своимъ ореоломъ несчастной любви и пр. Между здѣшними нѣкоторымъ онъ кажется чудомъ и я рѣшилась еще послушать его завтра въ „Нормѣ“. Если понравится и не очень будетъ дѣйствовать на нервы, то возобновлю поѣздки въ театръ. Впрочемъ, съ непривычки у меня сдѣлалась хандра послѣ „Люкреціи“ и потому я не хотѣла тебѣ писать въ такомъ дурномъ расположеніи, чтобы не разрушить хорошей славы, пріобрѣ-

тенной послѣдними моими письмами къ тебѣ. Даже не была у Севастьяновыхъ и недѣлю не видѣла Данзаса и графа. Послѣдній собирается опять въ Петербургъ, и ты скоро съ нимъ увидишься; я поручила ему непремѣнно затащить тебя къ Безакамъ. Признаться, очень опасаюсь лѣни и жалобъ на тебя изъ Петербурга. Слава Богу, что ты тамъ хорошо устроился; надѣюсь, будетъ еще лучше. Получила письмо отъ Баранцева, очень, очень любезное; буду отвѣчать ему съ графомъ и пришлю вамъ обоимъ кошельки моей работы. Кланяйся ему, если увидишь, но ничего не говори; ибо это еще не рѣшено. У насъ все благополучно. Политика наводнила всѣ гостинные, а я сама читаю Débats и пріобрѣла портретъ Кавеньяка; Елачича обѣщанъ Фроловымъ. Для чтенія рекомендую тебѣ Jérôme Paturot „A la recherche de la meilleure des républiques“. Самое своевременное изданіе. Да узнай пожалуйста, сколько будетъ стоить иллюстрированное изданіе этого сочиненія, которое уже объявлено во французскихъ журналахъ, когда оно выйдетъ все, и можно ли выписать par livraisons. Прощай, цѣлую тебя сто разъ и благословляю на предстоящемъ поприщѣ.

Élise d'Ouchakoff.

99.

Варшава 25 ноября 1848 г.

Во вторникъ мы получили письмо твое отъ 17-го, милый другъ мой Волинька. Очень благодарю за доставленныя свѣдѣнія о новомъ пѣвучемъ знакомствѣ; надѣюсь на продолженіе и хорошій результатъ. Я же не писала тебѣ нѣсколько времени по случаю неожиданнаго урагана, который въ лицѣ твоего бунтующаго друга совершенно закутерьмилъ мирныхъ жителей нашей колоніи и, кажется, надолго засыпалъ соромъ стезю дружбы, ведущую къ моему сердцу. Пусть это будетъ еще энигмой для тебя. Пріѣдетъ графъ, и лично все объяснитъ. Скажу только въ успокоеніе тебя, что снаружи все уже пришло въ прежній порядокъ; что же касается до внутренняго, то къ счастью туда никто не заглядываетъ, да и желающему даже трудно было бы отыскать причину всей этой исторіи, потому что самъ дѣйствующій, кажется, не совершенно отдалъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Я приписываю это вспыльчивости, излишнему самолюбію, а, можетъ быть, поискавъ, нашла бы еще другую причину... Но какъ у меня ни времени, ни охоты нѣтъ заняться этими изысканіями, то я предпочитаю оставаться въ

слѣдующемъ положеніи: какъ можно подальше отъ бурныхъ взрывовъ и глубокихъ ощущеній, въ предписанномъ районѣ свѣтской любезности и оффиціальной дружбы. Оно вѣрнѣе, да и безопаснѣе для моей нервной натуры. Ni trop chaud, ni trop froid, ce que l'on nomme tiède, est juste l'atmosphère qu'il me faut à présent. Надѣюсь, что ты будешь такъ благоразумень, что не напишешь ничего Фролову; да и Данзасу не подавай вида, что о чемъ нибудь къ тебѣ писала,—даже послѣ разговора съ графомъ. Повѣрь, это къ лучшему. Письмо твое къ А. Л., я читала, и просто въ восхищеніи отъ весело-философическаго тона всего содержанія. Жаль, что нельзя было показать папѣ,—онъ бы порадовался твоему счастью и далъ бы вѣрно вдвое противъ положеннаго оклада, чтобы чаще читать такія милыя и умныя строки. Вообще онъ тебя все болѣе и болѣе учится цѣнить, любитъ же по прежнему—т. е. безмѣрно, какъ мы всѣ; но ты знаешь, какъ различны бываютъ формы и выраженія любви: у него свой складъ; трудно измѣнить. 24 ноября мы всѣ были у Maman. Былъ вечеръ для Катюши и вмѣстѣ для Любовь Ивановны. Не совсѣмъ можетъ быть ловко, что мое сожалѣніе и дружба съ Л. И. не выражаются тоже вечеромъ, какъ общепринятой формой къ подобному роду изъявленій. Но что же дѣлать? Любочка не хочетъ встрѣчаться съ Марьей Васильевной, а я никакъ не могу, да и не хочу слѣдовать прочимъ, и исключать ее изъ нашего общества. Л. надуется, да и уѣдетъ; а съ М. В. я хочу остаться въ тѣхъ же дружескихъ сношеніяхъ, какъ и до этой исторіи. M-me Enguelhardt пріѣхала въ Варшаву; Фроловъ заботится о ея помѣщеніи и другихъ матеріальныхъ нуждахъ. Изъ насъ ея никто еще не видѣлъ. Если тебя занимаютъ свадьбы, то у насъ ихъ теперь куча: Евецкій женится на M-lle Труссовъ; Гизетти на Оленькѣ Васильевой, что живетъ у Ольхиной, и пр. Madame Бутурлина по прежнему дружна со мной; но такъ какъ С. П. требуетъ, чтобы она непремѣнно сдѣлалась свѣтской дамой, то, я думаю, мы не часто будемъ видѣться; хотя теперь она очень охотно посѣщаетъ меня, и тоскуетъ, что должна жить несвойственной ей жизнью. Жаль мнѣ Марью Сергѣевну; но нельзя же всѣмъ жить такъ, какъ я себя устроила. Благо тѣмъ, кого это не тяготитъ, и кто возможетъ хлопотать весь вѣкъ свой, чтобы имѣть утѣшеніе на старость считать пятокъ князей и графовъ своими яко бы друзьями. Je n'ambitionne pas d'aussi pompeux souvenirs, а довольствуюсь настоящимъ количествомъ преданныхъ мнѣ индивидуальностей, мало заботясь о томъ, князья они, дворяне или просто мѣщане. Читаю много, преимущественно газетъ. Каково оправданіе Кавеньяка? Папа занятъ Словаками и Русинами, даже написалъ какіе-то стихи на ихъ нарѣчіи. Если возможно будетъ достать, то пришлю тебѣ; мнѣ очень понравился куплетъ о тѣняхъ запорожскихъ и крячущихъ воронахъ. Удивляюсь умственной дѣятель-

ности папы и неисчерпаемой его энергіи. Теперь такое интересное время, что приходится очень часто жалѣть объ нашей разлукѣ. Недавно Катюша подарила мнѣ драгоцѣннѣйшую вещь: это письмо покойницы маменьки нашей въ первый годъ ея замужества, и приписку папы. Ты бы не повѣрилъ, что это онъ писалъ къ Катюшѣ!—21 ноября были имянины Машеньки и у насъ собрались дѣти Maman, Севастьяновыхъ, Бутурлиныхъ и Ржанова. Рѣзвились до девяти часовъ, и я право иногда боюсь развитія Маши въ сравненіи съ прочими дѣтьми. Сегодня дѣлали ея портретъ; если удастся, то велю срисовать и пришлю къ вамъ.

Прощай, мой дружочекъ, оставайся веселымъ и довольнымъ, и вѣрь въ неизмѣнную дружбу обожающей тебя сестры Лизы.

Н. Ив. и всѣ наши тебя цѣлуютъ. Здоровы.

100.

Варшава 9/21 *декабря 1848 года.*

Не писала тебѣ съ графомъ, милый мой Володя, потому что увѣрена совершенно, какъ пріятно будетъ тебѣ встрѣтиться съ нимъ, и услышать изустный разсказъ всего, что съ нами дѣлается; письмо мое мѣшало бы только его повѣствованію, а теперь оно вѣроятно будетъ принято съ радостью, какъ продолженіе и дополненіе разсказовъ графа. Онъ былъ обычный гость нашъ и принималъ участіе въ разныхъ отношеніяхъ вседневной нашей жизни. Въ понедѣльникъ мы не видѣлись, ибо въ эти торжественные дни я никогда не принимаю; а графъ долженъ былъ уѣхать въ три часа. Въ это время случилось очень интересное происшествіе, т. е. встрѣча Данзаса съ М-me Энгельгардтъ. Они вмѣстѣ обѣдали. Maman говоритъ, что она совсѣмъ его переродила, расшевелила и вывела изъ всегдашняго *нудного* состоянія. Не знаю, какъ отзовется объ этомъ свиданіи А. Л.? Мнѣ не случилось еще говорить съ нимъ, хотя и видѣла его въ тотъ же вечеръ. Но признаюсь, толпа людей производитъ на меня какое то одурительное вліяніе и безпрестанная забота о любезности поневолѣ дѣлаетъ нестерпимо глупою. При томъ же разнородное общество наводитъ хандру, а избѣжать этого невозможно въ нашемъ Варшавскомъ таборѣ. Итакъ Ольхины, Дараганы, Бутурлинъ, Лазаревы, Нейманъ и пр. никогда не видѣвшись, обречены были судьбою провести вмѣстѣ у насъ вечеръ. Сла-

ва Богу, что выдумали лото и карты для спасенія хозяйки дома. Вечеръ прошелъ довольно забавно, а сладости, вина и ужинъ окончательно сдружили несвойственные элементы. Вѣроятно, однако же, что счастливѣе всѣхъ была я—по прошествіи сего пиршества. Къ счастью, что Николинъ день пришелся въ понедѣльникъ, такъ, что всѣ почти съѣхались безъ приглашенія и поневолѣ должны были довольствоваться тѣми, кого здѣсь нашли,—каждый, думая про себя, что это неожиданность. Марьѣ Сергѣевнѣ такъ понравилась безцеремонность подобныхъ наѣздовъ, что она хочетъ установить и у себя пріемные дни. Конечно не сказала бы этого, если бы злой случай привелъ ее вчера къ Ольхинымъ. Такая была скука, что меня начала бить лихорадка, а у Н. И. разболѣлись зубы. Ни души знакомой, кромѣ пріѣхавшаго съ нами про запасъ Фролова, да хозяекъ дома, обязанныхъ къ любезничанью съ неизвѣстными людьми. Женихъ сидѣлъ съ невѣстой. Мужчины играли, а я зѣвала.

$^{11}/_{23}$. Вчера по обыкновенію собрались опять къ намъ любители преферанса. Н. Ив. съ своими игралъ, а мы болтали и смѣялись неистощимымъ анекдотамъ Бутурлина,—не смотря на строгій видъ Данзаса при каждомъ выраженіи несовременныхъ идей Серг. Петр.—Попозже пришелъ Фитингофъ изъ театра и объявилъ важную новость для Варшавскаго общества: Marie Симоничъ объявлена невѣстой Ивановскаго и принимаетъ поздравленія. Сообщи это Любовь Ивановнѣ, и кланяйся ей отъ меня. Надѣюсь, mon cher, что ты на время отложишь свою лѣнь въ сторону и побываешь у нея. Постарайся познакомить ее съ женой Дмитрія и пожалуйста пиши мнѣ обо всемъ этомъ. Michel и Софи тебѣ очень кланяются; всѣ родные цѣлуютъ. Слава Богу, всѣ здоровы и веселы по возможности.

Передай мою записку графу. Цѣлую тебя сто разъ и благословляю отъ души.

Élise Ouchakoff.

P.S. Не встрѣчалъ ли ты Коніаровъ въ Петербургѣ? Свадьба Переца и Кати, говорятъ, tombé dans l'abîme.

101.

Варшава $^{5}/_{17}$ *января 1849 г.*

Здравствуй, дружочекъ мой Волинька! Поздравляю тебя съ прошедшими праздниками и новымъ годомъ. На елку посылаю тебѣ кошелекъ и 5 полуимперіаловъ, на которые ты можешь весело прожить

денька два, вспоминая обо мнѣ. Все не было случая послать раньше, а теперь возвращается племянникъ Бебутова, и я думаю, вѣрнѣе всѣхъ доставитъ тебѣ мою посылочку, ибо вы, кажется, сослуживцы. Праздники наши прошли довольно скучно; Николай Ивановичъ былъ боленъ, и никуда не выѣзжалъ. Подъ новый годъ собрались у насъ, гадали, играли, лили олово (и тебѣ пророчатъ кучу денегъ; я нарочно сохранила оловянный слитокъ подъ стекломъ), въ двѣнадцать часовъ поужинали и встрѣтили довольно дружно новый годъ, съ бокаломъ въ рукахъ; пошли всевозможные тосты; головы зашумѣли, языки развязались, сердцу стало веселѣе и мы протолковали еще до двухъ часовъ, согласившись на другой день обѣдать у насъ. Папа, Maman, Катюша, Данзасъ, Севастьяновъ и проч. необходимые члены семейства собрались въ $^1/_2$ третьяго; обѣдали, играли въ лото, необходимый десертъ Maman, пили чай и разошлись въ $^1/_2$ 9. Я съ мужемъ остались дома; всѣ прочіе поѣхали къ Свѣтлѣйшему на балъ. Въ воскресенье обѣдали у Maman; Н. Ив. не такъ здоровъ; все не можетъ отдѣлаться отъ своей лихорадки. Пройдетъ недѣли двѣ, три, и пароксизмъ опять возвращается. Марья Васильевна въ ужасной дружбѣ съ Данзасомъ; отъ Maman пріѣхала ко мнѣ и провела вечеръ въ разговорѣ. А. Л. смѣшилъ насъ своими оригинальными сужденіями и замѣчаніями насчетъ вчерашняго бала. Папа его очень полюбилъ, и я увѣряю, что ты нарочно для папы его выписалъ изъ Петербурга. Съ Очкинымъ А. Л., кажется не сойдется, не смотря на возобновленные визиты и обоюдную предупредительность. Четыркинъ былъ у насъ на праздникахъ и все разсказывалъ про своего сына. Презабавный! Кстати о забавахъ; ты знаешь, что женитьба теперь — повальная болѣзнь у насъ. Вѣроятно, 23-хъградусный морозъ, сжимая верхнюю оболочку, до невѣроятной степени раскаляетъ внутреннія чувства, изощряетъ воображеніе и магнитомъ разсчета сталкиваетъ самые разнородные элементы. Фитингофъ женится на M-lle Денъ, и презабавно разыгрываетъ роль осчастливленнаго любовника. Я просто захохотала, когда онъ пришелъ объявить мнѣ свою якобы радость. „Comment cela vous étonne?“ — „Mais oui, un peu; vous vous êtes décidé si vite!“ — „Oh, non, c'est un amour qui dure depuis bien longtemps“ — „Ne pourrait on pas préciser l'époque; car, voyez-vous, le temps est une chose tres élastique“. Такъ и хотѣлось прибавить: „il y a six mois vous étiez amoureux de L.; puis il y a huit jours encore vous étiez épris de M-me S. H.; et maintenant vous êtes amoreux fou de votre promise. Donc, tout calcul fait, Votre „depuis longtemps“ compte sept jours“. Подумала и рѣшила, что чуть ли это не вѣрнѣе; когда безъ чувствъ можно такъ мирно и хорошо прожить, зачѣмъ тратить всю молодость свою и силу жизни, стараясь упрочить счастье на такомъ хрупкомъ и непрочномъ основаніи, какъ человѣческое сердце. Къ слову, объ сердцѣ; я

думаю, что ты не совсѣмъ хорошо сдѣлалъ, что поддался искушенію увидѣть Костиньку. Богъ знаетъ, что опять можетъ зашевелиться въ глубинѣ души твоей! Можетъ быть, года усыпленія, разсѣянія и раскаянія пропадутъ незамѣтными въ этой новой бурѣ воображенія и взволнованнаго любопытства чувствъ. Желаю, чтобы только обошлось воспоминаніемъ и грустною побѣдою надъ самимъ собою. Въ каждомъ случаѣ, это была необдуманность, которой постарайся избѣгать, чтобъ оградить себя отъ раскаянія и ложныхъ сужденій, а ее—отъ взрыва дурныхъ страстей, порожденныхъ оскорбленнымъ самолюбіемъ и разбитыми надеждами. Остальное уладитъ время, этотъ непремѣнный докторъ всѣхъ душевныхъ недуговъ, гасильщикъ внутреннихъ пожаровъ и миритель человѣческаго рода, à force de fatigues. Ты ничего не писалъ о болѣзни Lola; на дняхъ получила отъ графа самое отчаянное письмо. Легко повѣришь, какъ это меня потревожило, зная привязанность мою къ добрѣйшему Опперману; я понимаю сердцемъ матери ужасное его положеніе. Сдѣлай дружбу, ходи къ нему почаще, утѣшь его и напиши мнѣ, можно ли еще надѣяться или въ самомъ дѣлѣ маленькій сынокъ его обреченъ смерти, а бѣдный графъ на вѣчное несчастье. Да помилуетъ его Господь Богъ, и отвратитъ этотъ ударъ отъ самаго достойнѣйшаго изъ людей. Можетъ быть, доктора не понимаютъ его болѣзни: здѣсь думаютъ, что припадки могутъ происходить отъ глистовъ или какихъ нибудь пансіонскихъ шалостей. Ради Бога, мой другъ, скажи объ этомъ Марьѣ Ивановнѣ: можетъ быть, она, съ своею опытностью въ дѣтскихъ болѣзняхъ, что нибудь присовѣтуетъ. Какъ странно устроила жизнь свѣтскія приличія! Сейчасъ, предавшись нѣжному чувству дружбы, грустила вмѣстѣ съ графомъ объ его несчастномъ положеніи и совсѣмъ забыла, что у насъ пріемный день. Раздаются звонки, меня зовутъ въ залъ—и я, проклиная незванныхъ посѣтителей, принимаю самую любезную физіономію и вхожу въ обязанность хозяйки дома, обрадованной до чрезвычайности милымъ вниманіемъ своихъ знакомыхъ. Какъ нарочно, была толпа разныхъ любезныхъ дамъ, пріѣхавшихъ поздравить насъ съ новымъ годомъ, и, по обыкновенію, не заставшіе насъ дома, вздумали осчастливить насъ своимъ вечернимъ посѣщеніемъ и сговорились пріѣхать вмѣстѣ—запросто пить чай. Каждая изъ вышерѣченныхъ госпожъ имѣетъ своего господина, господинъ—кузена, кузенъ—пріятеля и т. д. такъ что *запросто* набралось человѣкъ 12 совсѣмъ чужихъ людей,—прибавь къ этому числу неизмѣнныхъ партнеровъ Н. Ив. и моихъ habitués, и ты удивишься, что стѣны моихъ комнатъ не хотѣли разступиться для принятія столь почетнаго общества. Я сама удивлялась этому и для удостовѣренія себя въ неучтивости стѣнъ и еще горшей скупости креселъ, не хотящихъ вмѣщать болѣе одной особы, велѣла зажечь лишнюю лам-

пу, чтобы пристыдить эти безчувственныя вещи, не исполняющія моего желанія, когда тутъ же такъ много добрыхъ людей тѣснятся въ кругъ нашъ мимо моего желанія! Къ довершенію бѣды, случилась какая-то отсталая матрона, впрочемъ весьма почтенная, которая ничего не знаетъ, кромѣ виста. Ну, найди же теперь игроковъ для виста? Сама должна была сѣсть и принудила кого-то изъ друзей раздѣлить мою участь! По крайней мѣрѣ не даромъ будетъ называться другомъ—даже жертвы приноситъ. Прійдется намъ собираться по секрету—какъ франмасоны, чтобы поиграть въ преферансъ и поболтать нараспашку. Уже назначено одно засѣданіе у Марьи Васильевны. Въ среду въ 7 часовъ обыкновенно ѣзжу къ папѣ, и оттуда къ ней. Папа, слава Богу, здоровъ; у Maman теперь дѣти Энгельгардтовой живутъ; мать ихъ ожидаетъ родовъ или fausse couche, что-то въ этомъ родѣ; не разберу хорошенько; тамъ все какіе-то мистеры, совершенно радклифовскій замокъ! Maman опять въ ужасной дружбѣ съ Юльей Петровной и чуть не ссорится съ Фроловымъ изъ за нее. Коля и Доля учатъ русскія басни. Я думаю, что графу Опперману некогда будетъ теперь заняться покупкою дѣтскихъ книгъ, объ которыхъ мы его просили. Пожалуйста, возьми это на себя (у графа есть на это мои деньги) и потрудись вмѣсто назначенныхъ 2 баночекъ духовъ *bouquet de l'Impératrice*, купить какихъ нибудь другихъ: miel d'Angleterre, violette ambrée, muguet или что нибудь въ этомъ родѣ. Если возможно, пришли мнѣ Élixir для зубовъ съ фельдегеромъ. На все это есть записки и деньги у графа. Онъ всегда такъ добръ, что исполняетъ всѣ мои порученія; но въ эту минуту я думаю одолжить его, снявъ съ плечъ такую обузу. Прощай, мой другъ, нѣжно цѣлую тебя и прошу еще разъ, не лѣнись мнѣ писать. За что ты поссорился съ Антониной? Познакомилась ли она съ Лизочкой? и почему ты ничего не пишешь объ Пьерѣ?

Élise Ouchakoff.

Письмо это посылаю тебѣ съ Стефановичемъ, который сейчасъ же ѣдетъ въ Петербургъ. Кланяйся отъ насъ Марьѣ Ивановнѣ и всѣмъ роднымъ. Сто разъ цѣлую тебя. Маша пришла сказать, что и она тебя очень цѣлуетъ и любитъ.

102.

Варшава 23 января 1849 г.

Ты не повѣришь, милый Волинька, какъ мнѣ тягостно твое долгое молчаніе! Хотя бы строчку написалъ, что ты здоровъ и веселъ; я больше рѣшительно ничего не желаю; а то писемъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ теперешнемъ положеніи это тѣмъ болѣе имѣетъ на меня вліянія, что разнаго рода огорченія наводятъ хандру и скуку. Потеря матушки была мнѣ очень чувствительна, столько по уваженію, которое я къ ней всегда имѣла, сколько еще по впечатлѣнію, какое это несчастье произвело на Николая Ивановича. Онъ бѣдный все еще боленъ; тутъ трауръ, панихиды, переписка съ сестрой и разные по этому случаю разговоры еще болѣе разстраиваютъ нервы и омрачаютъ вседневный взглядъ на вещи. Слава Богу, что ему уже позволено выѣзжать. Всетаки канцелярскія занятія берутъ свое, и если не развлекаютъ, то поневолѣ одуряютъ человѣка. Притомъ же ходьба на воздухѣ освѣжаетъ голову, а необходимость говорить о постороннемъ съ встрѣчающимися людьми наводитъ на постороннія мысли. Ты знаешь, что мы никуда не выѣзжаемъ уже нѣсколько времени; теперь почти никого и у себя не принимаемъ, т. е. кромѣ родныхъ и Марьи Васильевны. Съ Данзасомъ какъ-то не ладится. Онъ мало разговорчивъ и какъ-то остороженъ, Н. Ив. тоже не говорливъ и трудно сходится,—хотя очень любитъ А. Л. и желалъ-бы даже, чтобы онъ у насъ былъ свой. Это почти невозможно; Данзасъ не приходится ни къ кому изъ людей, которые у насъ бываютъ, а мы опять не можемъ же изгнать старыхъ знакомыхъ для того, чтобы набирать новыхъ подстать Д. Да гдѣ и взять таковыхъ? Преферансъ обуялъ всѣхъ и каждаго. Вы не играете? Для васъ нѣтъ ни людей, ни общества, ни разговора. Всѣ двуногіе на балахъ, а инвалиды за картами; трудно рѣшить, долго-ли можетъ продлиться этотъ родъ существованія; вѣроятно, навсегда; ибо ты весьма справедливо замѣчаешь, что въ славянскомъ элементѣ преобладающая наклонность къ усыпленію заставляетъ скорѣе подчиняться самому дурному, но уже принятому, чѣмъ болѣе свойственному, но не освященному привычкой. Проснуться и выдумывать гораздо труднѣе, чѣмъ покоряться и засыпать. Очень жаль, если этотъ приговоръ нашему обществу распространится и на нашъ вѣкъ.

25. Надо было написать отвѣтъ графу Опперману по его дѣлу, и я не успѣла послать тебѣ этого письма съ фельдъ-егеремъ. Между тѣмъ все опять ждала извѣстій отъ тебя; но ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Данзасъ прислалъ мнѣ сказать, что получилъ письмо изъ Петербурга

и хорошія вѣсти о твоемъ здоровьи и счастливомъ пребываніи: это меня успокаиваетъ. Веселѣе какъ-то смотришь на свѣтъ. Здоровье мое портится отъ внутреннихъ треволненій и нервы опять не на шутку разстраиваются. Біенія сердца испугали меня и я рѣшилась покориться доктору въ угоду Н. Ив., ибо сама мало вѣрю въ искусство медиковъ, и опасаюсь ихъ микстуръ хуже самой болѣзни. Согласна брать ванны и всевозможныя наружныя средства; но никакъ не намѣрена предоставлять внутренній свой организмъ на всегда неудачные опыты надъ нервными болѣзнями. Меня всегда смѣшатъ рутинныя наставленія Ясинскаго: больше ѣсть, спать, ходить и развлекаться. Будто найдется человѣкъ, который бы не хотѣлъ этого дѣлать, если-бы у него были: аппетитъ, сонъ, прекрасная погода и куча удовольствій? Да и что значитъ развлеченіе? И отъ чего мнѣ развлекаться, когда у меня нѣтъ, слава Богу, никакого горя? Никогда жизнь моя не шла такъ мирно и хорошо, какъ теперь. Н. Ив. попрежнему, если не больше, боготворитъ меня, заключаетъ все свое счастье въ моемъ веселомъ лицѣ и ласкахъ Машеньки. Если-бъ не такое горе постигло его, то, я думаю, онъ почти былъ-бы радъ тому, что у насъ никто не бываетъ, и большую часть дня мы проводимъ вдвоемъ или втроемъ съ Машей. Я работаю, онъ читаетъ въ слухъ, или онъ куритъ, а я читаю газеты; толкуемъ, забавляемся съ Машей и не помнимъ, что есть еще совсѣмъ другая жизнь, которою живутъ всѣ окружающіе насъ. Она мнѣ впрочемъ была всегда такъ тягостна, что я уже счастлива тѣмъ, что могла отъ нея избавиться. Стало быть, разсѣяніе въ смыслѣ общемъ—не есть онымъ для меня. Маскарады, балы, визиты и вся эта кутерьма мнѣ нетерпимы. Тѣсный кругъ друзей могъ-бы меня удовлетворить и вѣра въ ихъ привязанность оживотворить; но такъ какъ друзья невозможны, а пора безсознательной вѣры прошла, то слѣдуетъ успокоиться на этотъ счетъ. Притомъ же Н. Ив. совсѣмъ иначе все это понимаетъ и весьма доволенъ тѣмъ, что есть, т. е. моей бѣдной особой. Да скучно говорить обо всемъ этомъ. Погода у насъ стоитъ хорошая, санная; я каждый день катаюсь съ Машей. Вчера съ Фроловымъ ѣздила на рысакѣ въ Лазенки. Сегодня мы съ Maman и Катюшей (Н Ив. не выѣзжаетъ) обѣдали у Мишеля. Софи премиленькая; обкормила насъ блинами и была очень весела. Michel въ восторгѣ. Жаль ужасно, что дѣло Подберезскаго все еще никакъ не можемъ уладить. Опять слѣдствіе, опасеніе идти подъ судъ и пр. Это насъ всѣхъ очень огорчаетъ и естественно, что ужасно тревожитъ Michel'я и Софи. Maman хочетъ сама ѣхать просить Князя. Удастся-ли, не знаю. Евецкій такъ еще ошеломленъ своей женитьбой, что не можетъ заняться этимъ дѣломъ. На Еліяшевича плоха надежда.—Видишь-ли ты Любочку? Что она дѣлаетъ въ Петербургѣ? Къ намъ ничего не пишетъ. Скажи ей, что свадьба Симоничевой

съ Ивановскимъ разстроилась. Н. Ив. хочетъ написать тебѣ нѣсколько строкъ. Прощай, люби меня и пиши.

Élise Ouchak.

P.S. Пожалуйста не безпокойся о моей болѣзни: это просто affaiblissement, которое, вѣроятно, скоро пройдетъ отъ желѣзныхъ и солодовыхъ ваннъ. Забыла тебѣ сказать, что мы назначили по средамъ сходиться у папы, en prima sera. Въ воскресенье невозможно поговорить съ толкомъ.

На этомъ маленькомъ мѣстечкѣ я могу сказать только, милый другъ Вольдемаръ, что люблю тебя всегда одинаково и съ родственнымъ участіемъ перечитываю твои письма къ сестрѣ. Она правду говоритъ, что я ее боготворю, если только можно такъ выразиться. 10-ть лѣтъ супружества ни на волосъ не охладили моихъ чувствъ: они всѣ сосредоточены въ ней и въ Машѣ. Благодарю тебя, что ты не оставилъ нашихъ въ горести, продолжай подкрѣплять ихъ совѣтами. Обнимаю и цѣлую тебя сердечно.

Н. Уш.

103.

Варшава 15 февраля 1849 г.

Благодарю, сто разъ благодарю тебя, милый мой Волинька, за два письма, которые мы получили почти одно за другимъ. Не отвѣчала еще на первое, и право весьма рада, что лишила себя этого удовольствія. Разныя извѣстія изъ Петербурга какъ то дурно меня инфлюансировали и подъ этими впечатлѣніями я находила, или старалась найти подтвержденія ихъ въ неуловимыхъ строкахъ письма твоего. Признаюсь, мы боялись, чтобы ты не заснулъ, вращаясь въ кругу чиновниковъ и наслаждаясь ихъ пошлыми и притупляющими всякое стремленіе удовольствіями. Убѣждена, что разъ пробужденную дѣятельность души и ума невозможно заглушить или оставить безъ удовлетворенія; но тоже по опыту знаю всю тяжелую, сжимающую власть привычки и laisser-aller, которой непримѣтно поддаешься, живя въ средѣ людей, не возбуждающихъ энергіи, и беззаботно тратящихъ время,—безъ сознанія настоящаго, безъ мысли о будущемъ и даже не предвидя сожалѣній о прошедшемъ. Конечно, этого нельзя страшиться для тебя въ отношеніи умственномъ: о сердцѣ трудно говорить такъ утвердительно, пока оно еще такъ бьется всей силой молодости и желаніемъ земнаго счастья.

Подъ старость многіе, вѣроятно, сожалѣли, что слишкомъ строго понимали значеніе разсудка; а, можетъ, еще большее число людей жалѣли, что не покорялись его велѣніямъ, а шли за увлеченіемъ сердца и воображенія. C'est une question qui est, et sera toujours indissoluble; потому что въ собственномъ своемъ дѣлѣ человѣкъ не можетъ быть судьею, а посторонній, хладнокровный зритель ничего не въ состояніи рѣшить въ борьбѣ внутренняго человѣка. Законъ предвидитъ всѣ случаи, основываясь на томъ, что какъ бы разнообразны они ни были, всетаки найдутся похожіе,—и можно приблизительно рѣшить дѣло; но какъ предположить, чтобы человѣкъ, т. е. цѣлый внутренній міръ, былъ похожъ одинъ на другого; когда не только характеръ, объемъ мозга, но даже цвѣтъ кожи имѣютъ вліяніе на это чудное созданіе и вверхъ дномъ переворачиваютъ всѣ ваши законы приблизительной логики и шаткой опытности. Тутъ только можетъ руководить инстинктъ, и тотъ заблуждается, если хочешь совѣтовать человѣку, котораго любишь.

Признаюсь, меня сильно мучитъ твое безвыходное въ этомъ отношеніи положеніе. Никакъ не могу хладнокровно судить объ этомъ и говорить о любви, какъ объ зубной боли: „да, я знаю, это очень больно; но пройдетъ“. Совершенно понимаю, что вечеръ, проведенный тобой у Мейкова, можетъ разстроить человѣка на недѣлю; пока-то опять влѣзешь въ свои складки! Да и потомъ какъ долго третъ по всѣмъ швамъ; такъ, кажется, и напоминаетъ, какъ дурно тутъ сидѣть; а вонъ тамъ было бы гораздо лучше, такъ нельзя. И начинается новая борьба. Совсѣмъ скверно. Ужъ если не знаешь, что дѣлать въ такія минуты, право совѣтую тебѣ зайти къ Кавелину или подобному мосье. Тамъ, вѣроятно, мало соблазновъ сердцу и еще менѣе напоминаній, а больше крѣпнетъ воля и мужается духъ. Ты, кажется, совсѣмъ отсталъ отъ своихъ ученыхъ друзей и насчетъ этого-то я и хотѣла писать тебѣ; да заговорилась о совсѣмъ другомъ. Впрочемъ, весьма натурально, что меня болѣе занимаетъ состояніе твоего внутренняго міра, чѣмъ наружныя сношенія съ людьми, мало мнѣ извѣстными. Нахожу чудеснымъ твою выдумку—писать каждый день понемногу, что съ тобой случается и гдѣ ты бываешь. Сдѣлай дружбу, продолжай: мнѣ такъ пріятно было читать твое послѣднее разночисленное письмо; такъ весело было мыслію слѣдить за каждымъ твоимъ шагомъ и впечатлѣніемъ отъ 6 до 15 февраля. Какъ будто я съ тобою.

18 февраля. Въ эту минуту болѣе, чѣмъ когда нибудь, сожалѣю, что мы не вмѣстѣ. Сколько разнородныхъ обстоятельствъ случилось въ эти три дня! Съ какою бы радостью я ждала вечера, чтобы все это поразсказать тебѣ. Къ несчастью, вечеръ этотъ не приходитъ,—а переписка хуже разсудка замораживаетъ всякое откровеніе. И то, я думаю, ты мало понимаешь мои письма, если всегда берешь ихъ въ точномъ

значеніи словъ и не подозрѣваешь иносказательнаго смысла. Впрочемъ трудно и сыскать его, если не слѣдишь за ежедневной жизнью человѣка. Теперь постъ, всѣ удовольствія пресѣчены; Н. Ив. началъ говѣть и мы почти никого не видимъ, кромѣ родныхъ, М. В. и Фролова. Въ среду была у папы и встрѣтила тамъ Данзаса. Онъ очень похудѣлъ и сдѣлался молчаливѣе прежняго,—что очень огорчаетъ людей любящихъ.

Если можно будетъ отыскать еще одинъ экземпляръ Aimé Martin, Éducation, то постарайся пріобрѣсти его для меня. Кланяйся графу.

104.

Варшава 8 марта 1849 г.

Только что вздумала писать тебѣ, милый Володя, и побранить немного за лѣность, какъ получила письмо твое отъ 27 февраля весьма удовлетворительнаго формата и такого же содержанія. Такъ обрадовалась, что декорація въ головѣ моей перемѣнилась быстрѣе театральной. Вмѣсто дремучаго лѣса, сѣрыхъ тучъ и плаксивыхъ вѣтровъ—вдругъ сдѣлалось чудесное майское утро, и съ мыслью о тебѣ, мнѣ стало такъ весело и легко на сердцѣ, какъ будто никогда и не было никакого горя. Только мысль, что ты какъ бы сдерживаешься немного, писавши ко мнѣ, навела и а меня подозрѣніе недобраго—просто смутила. Сдѣлай дружбу, объясни аккуратнѣе, въ чемъ заключаются „матеріальныя затрудненія“, которыя тебя сжимаютъ? Въ два присѣста собирался растолковать мнѣ это, и ничего не объяснилъ. Ник. Ив. увѣряетъ, что ты экцентрически употребилъ свое время и деньги съ Annette—т. е. попросту прокутился, и отяжелѣлъ. Если правда, то я могу еще тебя снабдить нѣсколькими золотыми. Пока ихъ станетъ, я душою рада дѣлиться съ тобою, а если не хватитъ, то постараюсь достать, лишь бы ты только не безпокоился и былъ веселъ. Впрочемъ, не думай, чтобы я чѣмъ нибудь стѣсняла себя для этого. Я всегда откровенно съ тобой говорю, постарайся же и ты отбросить церемонность съ ея форменными фразами,—и скажи безъ обиняковъ, что тамъ тебя смущаетъ и не нужны ли деньги. Если Н. Ив. правъ, то потрудись спросить у гр. Оппер., сколько тебѣ нужно денегъ *„на покупки для меня“*, а я ему здѣсь отдамъ ихъ. Кланяйся графу отъ меня и скажи, что мы крайне удивлены долгимъ отсутствіемъ его брата. Недѣли двѣ, какъ уже пи-

шутъ, что онъ отправляется изъ Петербурга, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Да и писемъ отъ графа мы давно не получали; каково его глазамъ? Ты ничего не пишешь о графинѣ. Какого рода это женщина и чего можно ожидать отъ ея прибытія въ Варшаву? У насъ предполагаются большія перемѣны; но такъ какъ до этого времени еще много пройдетъ дней, то послѣ напишу тебѣ, на что рѣшиться. Пока Катюша ѣдетъ съ Блюменфельдомъ въ Малороссію на шесть недѣль; въ будущую субботу отправляются. Рара, слава Богу, здоровъ; но, кажется, не обойдется безъ Карльсбада этимъ лѣтомъ, — такъ что не успѣетъ самъ заглянуть въ Малороссію. Дѣтей лѣтомъ отправляютъ въ Бускъ. Мнѣ совѣтуютъ Эмскія воды; но я ни за что не рѣшусь ѣхать одна по Германіи. Думаю просто съ Марьей Васильевной нанять дачу въ Прушковѣ и тамъ продолжать питье Маріенбадской воды и солодовыя ванны; и дешевле и безопаснѣе. Деревенскій воздухъ и для Маши будетъ полезнѣе всякаго вояжа. Теперь мы совсѣмъ не выѣзжаемъ по случаю лѣченья и траура. Постимъ два раза въ недѣлю и собираюсь говѣть на пятой. Помолись за меня; и помоги Господь тебѣ самому исполнить спокойно этотъ долгъ христіанина. — Совѣтую тебѣ на дняхъ съѣздить въ Царское Село; тамъ ты узнаешь всѣ возможныя подробности о Данзасѣ. Его близкій пріятель Веймарнъ отпущенъ на 28 дней къ матери, которая живетъ въ Царскомъ. Если до тѣхъ поръ успѣешь найти Aimé-Martin, то перешли съ Веймарномъ или Ольхинымъ, который тоже ускакалъ въ Петербургъ. Мы съ Д. по прежнему въ самыхъ любезныхъ отношеніяхъ. На дняхъ узнала я отъ него, что 300 экземпляровъ „Космоса“ разошлись по Россіи! Душевно радуюсь за Фролова и за русскихъ. По средамъ всегда вмѣстѣ бываемъ у папы, и разъ встрѣтили тамъ другого пріятеля Александра Логгиновича—Мѣнькова. Въ виду присутствія Мацѣевскаго разговоръ былъ самый археологическій, но всетаки интересный, какъ все, что ни говоритъ папа. Завтра Michel и Sophie [1]) звали къ себѣ. Они очень мило живутъ; Софи похорошѣла и освоилась со мной. M-me Энгельгардтъ совершенной невидимкой пребываетъ въ Варшавѣ; съ Maman въ дружбѣ, съ Фроловымъ въ ссорѣ. Видно Л. Ив. очень скучно, что и она заводитъ „своихъ“; этого здѣсь не бывало. Вмѣстѣ съ тобой буду ожидать, что изъ этого произойдетъ и будешь ли ты наконецъ свой у нихъ въ домѣ. Не думаю; но какъ знать, чего не знаешь! Она писала мнѣ разъ изъ Петербурга и, кажется, еще не обжилась и не сдѣлала большого знакомства. Говорятъ, хочетъ представляться ко двору! Впрочемъ, эти свѣдѣнія мы имѣемъ черезъ десятыя руки отъ Лохтиной,—вѣроятно, по дорогѣ весьма изуродованы на-

[1]) Дараганы.

шими colporteuses de nouvelles. Кстати объ этой во всѣхъ отношеніяхъ пріятной дамѣ. На дняхъ былъ у насъ вечеромъ Очкинъ. Я его не только не видѣла, но даже не встрѣчала на улицѣ болѣе полутора года, и, признаюсь, такъ удивилась, что даже не была удивлена. Къ счастью случился Козачковскій и еще человѣка три знакомыхъ, такъ что вечеръ прошелъ благополучно и даже весьма пріятно, благодаря французской революціи. Разсматривали Paturos и очень смѣялись карикатурнымъ изображеніямъ маленькихъ-великихъ людей демократически-соціалистической республики. Замѣть, что иллюстрированный Paturos уже у меня и радуйся, что одними книжными хлопотами у тебя меньше. Теперь читаю, кромѣ Ламартина, Physiologie humaine et médecine dans leurs rapports avec la religion, Devay. Разумѣется, выбираю только статьи, относящіяся къ моему предмету, т. е. къ разъясненію идей морально-физіологическихъ, къ составленію *убѣжденій*, для послѣдовательнаго воспитанія Маши и къ приведенію въ одно цѣлое разнородныхъ познаній моихъ по этому предмету. Болѣе и болѣе убѣждаюсь, что метода Aimé-Martin самая лучшая, какъ *руководство* въ воспитаніи (toute part faite aux idées inacceptables): сначала развивать физику съ религіозной моралью, потомъ прививать науки и пр., т. е. дѣлать совершенно противное тому, что у насъ обыкновенно дѣлаютъ. Это не такъ легко, какъ многіе полагаютъ, и я теперь понимаю Декарта, говорившаго, что кто хочетъ достичь истины въ убѣжденіяхъ, долженъ забыть все, что прежде зналъ, и начать учиться съ азбуки. Такъ у насъ все изуродовано, что прежнія понятія, хотя и безтолковыя, но всосанныя съ молокомъ, мѣшаютъ только пріобрѣтенію новыхъ, разсудительныхъ и сознательныхъ. Да и впрямь гораздо легче повторять со всѣми: tenez vous droite, parlez français, чѣмъ объяснить ребенку причину, по которой это говоришь.

12 марта.

Не удалось кончить письмо въ тотъ вечеръ; къ намъ пріѣхали Софи, Michel, Данзасъ и Севастьяновы. Протолковали до часу, и разошлись съ обѣщаніемъ собраться у Марьи Васильевны. Въ среду пріѣхалъ сюда графъ Оппермань, совершенно больной; не выходитъ изъ квартиры, а тамъ едва движется на костыляхъ. Н. Ив. былъ у него въ четвергъ и очень обрадовалъ графа извѣстіемъ, что его назначаютъ комендантомъ въ Замостье. Не завидная участь; но всетаки лучше, чѣмъ таскаться съ семействомъ по военнымъ постоямъ. Благодарю тебя за покупку книгъ дѣтямъ. Они въ восхищеніи отъ картинокъ. За другія покупки буду благодарить графа. Вдругъ получила два длинныя письма отъ него. Графъ пишетъ, что Любочка хочетъ ѣхать на лѣто въ Гельсингфорсъ, и, кажется, очень доволенъ, что жена его познакомится тамъ ближе съ Любовь Ивановной. Неужели онѣ сошлись? Повторяю, меня

очень занимаетъ личность графини,—одолжи описаніемъ, хотя приблизительно похожимъ.—Весьма рада, что Annette удалилась изъ Петербурга; къ несчастью, кажется, не надолго, если правда, что ее дѣлаютъ директоршей Павловскаго института. Впрочемъ, я рада для Пьера, если это мѣсто доставитъ воспитаніе его дѣтямъ и маленькое успокоеніе на старости лѣтъ. Каково она ладитъ съ Дмитріемъ и Антониной? Послѣднее время они были въ разладѣ. Да и не мудрено, если обѣ женщины хотятъ премировать. Здѣсь разсказываютъ ужасное происшествіе съ Малашевыми. Неужели справедливо? Славу Богу, что у насъ не слышно никакихъ происшествій. Прощай, mon cher, пиши подробнѣе и откровеннѣе о твоемъ житьѣ-бытьѣ и, если понадобится что изъ Варшавы, обращайся прямо ко мнѣ. Цѣлую тебя несчетно разъ и прошу убѣдиться, что твое счастье дороже мнѣ своего собственнаго. Главное береги здоровье, остальное все само собой прійдетъ.

105.

Варшава 9/21 *апрѣля 1849 г.*

Христосъ Воскресе!

Милый мой Волинька! Желаю отъ души, чтобы прекрасный и свѣтлый этотъ праздникъ нашелъ тебя въ такомъ же прекрасномъ и свѣтломъ расположеніи духа, какъ и меня. Не знаю, воспоминанія ли дѣтства такъ умиляютъ сердце, или болѣе сознательное чувство руководитъ умомъ,—только никогда не случалось, чтобы это время проходило незамѣтно во внутренней жизни моей. Съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ созерцаемъ божественную поэму жизни, страданій и смерти Спасителя. Черствая кора эгоизма и проч., облегающая сердце, таетъ, и снова зажигается, залитый желчью, свѣтильникъ вѣры, благости, надеждъ. Все лучшее пробуждается въ растроганной душѣ. Адъ попранъ; злоба забыта. Христосъ Воскресе!—и человѣкъ вмѣстѣ съ нимъ воскресаетъ, обновленный, къ новой жизни. Если бы возможно было жить всегда подъ такимъ впечатлѣніемъ, какъ бы легко жилось! Но не стану продолжать, чтобы не навести тебя и самоё себя на какія нибудь черезчуръ грустныя размышленія о непостоянствѣ рода человѣческаго. Помолюсь лучше Творцу, чтобы Онъ, дозволивши мнѣ разъ постигнуть идеалъ добродѣтели, возможной на этой землѣ, далъ бы мнѣ и твердость необходимую для достиженія этого совершенства. Аминь.

11/23. Хорошо, что не продолжала; жаль было бы омрачить эту страницу печальными мыслями,—а жизнь всетаки беретъ свое и какъ ни желаетъ душа поддержаться въ высотѣ, страданія людей тянутъ ее къ долу, напоминая о земномъ. Не есть-ли это, впрочемъ, лучшее доказательство совершенства природы человѣка. Чувство состраданія уже рѣзко отдѣляетъ его отъ животныхъ и инстинктивно приближаетъ его къ источнику безвозмездныхъ добродѣтелей. Жаль только, что это сочувствіе остается безплоднымъ. Всемогущество отказано человѣку, чтобы смирить его гордость и заставить всегда обращаться только къ одному Всемогущему. А какъ бы хорошо было иногда доставить радость и счастье цѣлому семейству—однимъ своимъ желаніемъ. Вчера заѣхала къ M-me Boutourline. Ея меньшая дочь отчаянно больна; служили молебенъ, хотѣли причащать Святыхъ Тайнъ. Сегодня, говорятъ, немного лучше. Сейчасъ заѣду опять удостовѣриться въ этомъ. Ты знаешь, что о Рождествѣ умерла у нихъ Варенька; это было бы ужасно, если-бъ она лишилась и этой маленькой. Слава Богу, все идетъ хорошо и доктора надѣются.

13/25. У насъ за то, въ военномъ и политическомъ мірѣ, ужасная кутерьма. 3-й корпусъ двигается въ Краковъ и занимаетъ всю галиційскую границу. Фроловъ въ хлопотахъ; Madame Багговутъ, какъ всегда, въ экстазахъ. Данзасъ радуется предположеніямъ войны, способной расшевелить его. Н. Ив. пишетъ и бѣсится. Я смирно жду у моря погоды. Madame Энгельгардтъ сплетничаетъ болѣе прежняго; но уже никто ей не внемлетъ,—что крайне ее огорчаетъ. Катюша еще не пріѣхала; дѣти часто бываютъ у меня; папа здоровъ; Maman продолжаетъ питать несчастную страсть къ лото и такую же наклонность къ самымъ запутаннымъ объясненіямъ своихъ поступковъ. Слава Богу однако-же, все благополучно. Ждемъ графа Оппермана и извѣстій изъ Петербурга; здоровье Леночки, кажется, очень ненадежно. Если ты припомнишь себѣ нашъ разговоръ въ Варшавѣ, то объяснишь себѣ причину неизлѣчимости ея болѣзни. Многіе, качая головой, скажутъ: мечта; но есть мечты, которыя олицетворяются смертью. Съ воображеніемъ и сердцемъ шутить очень вредно. Благодаря Бога, Любинька пристроена и хорошо пристроена. Участь ея меня всегда тяготила. Пишетъ, что совершенно счастлива и желаетъ только быть матерью, чтобы совершенно пополнить жизнь свою. У Ивана Николаевича была сильная оспа; теперь однако-же совсѣмъ прошла, и онъ думаетъ опять пуститься въ путь, кончать свою командировку. Читала письма твои къ папѣ и къ А. Л. (своихъ никому не показываю). Первымъ очень довольна; вторымъ не совсѣмъ: я бы очень желала знать, что ты поддерживаешь знакомства, завѣщанныя тебѣ Фроловымъ; а ты пишешь Данзасу, что совершенно разстался съ Кавелинымъ,—а Языкова и Боткина даже не встрѣчаешь.

Это очень тревожитъ и огорчаетъ А. Л. за твою будущность. Очень раціонально, если въ самомъ дѣлѣ это люди, могущіе поддерживать и погонять развитіе человѣка. Побѣдя свою робость и рѣшившись разъ возобновить эти отношенія, не покидай ихъ. Особенно Кавелинъ мнѣ очень нравится — не какъ ученый, но какъ высокоблагородный и просвѣщенный человѣкъ. Входъ въ его домъ облегчитъ тебѣ многое въ послѣдствіи, и заставитъ поневолѣ сталкиваться съ людьми, которые тамъ бываютъ. Вотъ тебѣ и мораль; впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь, какъ лучше и удобнѣе въ финансовомъ и нравственномъ отношеніи; только пожалуйста не забывай, что первая моя радость получить отъ тебя письмо, какого бы содержанія оно ни было. Главное—вѣсточку о здоровьи. Сейчасъ получили здѣсь извѣстіе, что Винклеръ умеръ отъ холеры. Неужели она еще продолжаетъ царствовать въ Петербургѣ? Ради всего святого берегись, и не мучь меня молчаніемъ. Спѣшу кончить письмо. У насъ новости безпрестанно смѣняются одна другою, такъ что, поджидая ихъ, рискую никогда не кончить начатаго письма. Самая важная, comme de raison, это походъ въ Галицію. Только объ этомъ и говорятъ. Кажется, въ воскресенье выступаютъ. Фроловъ поручитъ мнѣ Оленьку. Главная квартира 2-го корпуса будетъ въ Варшавѣ; Александръ Ивановичъ Ушаковъ уже пріѣхалъ. Прощай, цѣлую тебя сто разъ. Мы только что отъ папы. Тамъ всѣ здоровы и тебя цѣлуютъ. А. Л. обнимаетъ. Н. Ив. опять уѣхалъ къ Князю. Суматоха страшная; одинъ Мацѣевскій, какъ преданіе древняго міра, стоитъ невозмутимъ. Еще разъ прощай; кланяйся нашимъ и не лѣнись писать.

Лиза.

P. S. Анна Евгеньевна сердилась на Любиньку за неотданный визитъ; теперь, кажется, все уладилось, ибо Любинька была у нихъ. Анна Евгеньевна выписываетъ серебро и четырехмѣстную карету изъ Варшавы черезъ Michel'я. Софи здорова и часто бываетъ у меня. Лѣченіе мое идетъ успѣшно; устанавливается хорошая погода, и мы съ М. В. каждый день гуляемъ въ Саксонскомъ саду, до переселенія въ Прушковъ. Данзасъ, кажется, установился; но можно ли на это разсчитывать съ его бурливымъ характеромъ? Очкинъ былъ очень боленъ; теперь выздоравливаетъ, но еще не выходитъ изъ комнаты. Энгельгардтъ ѣдетъ въ Петербургъ. Что дѣлаетъ Любочка?

106.

Варшава 4/16 мая 1849 г.

Въ прошлое воскресенье пріѣхалъ графъ Оппермань и привезъ мнѣ письмо твое, милый Вольдемаръ, съ извѣстіемъ о назначеніи въ секретари. Можешь представить, какъ мы обрадовались! Дай Богъ, чтобы и вся будущая служба твоя шла такъ же быстро и удачно, какъ это обѣщающее начало. Насчетъ щедрости папы не могу сообщить тебѣ еще ничего положительнаго. Послѣ покупки Новаковъ, за которые, какъ тебѣ извѣстно, онъ заплатилъ 40369 руб. сереб. со включеніемъ и нашего небольшого капитала, папа остался долженъ Ф.—8000 р. сереб., которые долженъ отдать въ эти три мѣсяца. Въ такихъ обстоятельствахъ трудно надѣяться на произвольную щедрость,—а еще труднѣе вынуждать ее намеками въ теперешнемъ положеніи и при знаніи дѣла. Позже, постараюсь устроить къ обоюдному удовлетворенію. Теперь же, какъ ты знаешь, всѣ умы въ горячкѣ, а кошельки въ чахоткѣ. Война, кажется, неизбѣжна. Приготовленія страшныя. Три корпуса уже двинулись къ границѣ; нѣкоторыя дивизіи уже перешагнули границу. Зассъ съ отрядомъ на Карпатскихъ горахъ; Панютинъ подъ Вѣной. Беръ у него адъютантомъ. Когда тронется главная квартира, еще неизвѣстно; не менѣе того всѣ готовятся къ бою: хлопочутъ о покупкѣ лошадей, вьюковъ и дорожныхъ снарядовъ. Легко повѣришь, какъ эта кутерьма, смѣшанная съ неизвѣстностью, затрудняетъ въ распоряженіи собою. О дачѣ и думать нельзя; одной жить страшно. Присосѣжусь какъ нибудь къ папѣ или найму лишнюю половину у Севастьяновыхъ. Во всякомъ случаѣ теперешнюю свою квартиру за собой не оставлю. Всѣхъ лошадей беретъ Н. Ив., двухъ человѣкъ тоже. Такъ, что на остающееся мнѣ будетъ достаточно четырехъ комнатъ. Всѣ эти предположенія однако же еще въ хаосѣ. Съ Н. Ив. нѣтъ возможности поговорить. Онъ только на четверть часа заходитъ въ пять или шесть часовъ пообѣдать; остальное время дня я его не вижу. Въ половинѣ одиннадцатаго вечеромъ забѣжитъ напиться чаю и въ двѣнадцать опять ѣдетъ въ замокъ, чтобы поспѣть съ докладомъ къ 2-мъ, 3-мъ часамъ ночи. Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ Императора. Тогда, вѣроятно, все порѣшится. Признаюсь, что все это наводитъ на меня какой-то страхъ, и болѣзненное безпокойство. Дай Богъ, чтобы ты только былъ здоровъ; что-то давно нѣтъ никакихъ писемъ изъ Петербурга,—и я всего опасаюсь. У насъ, слава Всевышнему, всѣ здоровы, только Maman немного простудилась и кашляетъ. Папа de bonne humeur; Маша хорошѣетъ; дѣти здоровы. Софи живетъ гдѣ-то на дачѣ со своими. Michel'я сто лѣтъ

не видѣла. Данзасъ уѣхалъ въ Ковно. Каково здоровье Леночки? Бѣдной Марьѣ Ивановнѣ столько горестей и безпокойствъ принесъ этотъ годъ, что я даже опасаюсь за ея здоровье. Слава Богу, что Любинька счастлива и здорова. Отъ Ванички тоже имѣемъ благопріятныя вѣсти. Сдѣлай дружбу только, ты не лѣнись писать, а то я совсѣмъ измучусь. Катюша еще не возвратилась. Читала вчера письмо Блюменфельда; очень удовлетворительно. И если въ самомъ дѣлѣ Новаки достанутся намъ, то я буду весьма довольна. Въ теперешнее время не худо имѣть хотя маленькій уголокъ для склада мебели въ Россіи. Прощай, дружочекъ мой, кажется, всеобщая торопливость и меня заразила. Такая путаница въ головѣ, что не свяжу двухъ мыслей. Даже читать не могу, хотя интересныхъ книгъ весьма много. Къ слову: если найдешь гдѣ нибудь Hygiène de famille, Devay, то постарайся переслать ее мнѣ черезъ Всев. Ал. Севастьянова, который назначенъ къ Викинскому и ѣдетъ сюда. Цѣлую тебя тысячу разъ.

Élise Ушакова.

P.S. Н. Ив. и всѣ наши тебя цѣлуютъ и поздравляютъ съ секретарствомъ. Погода у насъ прекрасная; я много гуляю, но никуда не выѣзжаю. По случаю простуды Maman, loto болѣе прежняго въ употребленіи, недостаетъ только Люб. Ив., чтобы всѣхъ насъ развеселять.

107.

Варшава $^{15}/_{27}$ *мая 1849 года.*

Благодарю тебя, мой милый Воличка, за послѣднее письмо; это было большое утѣшеніе въ теперешнемъ нашемъ положеніи, когда внутреннія безпокойства и наружныя тревоги такъ сильно волнуютъ сердце, омрачаютъ умъ и страшатъ воображеніе. Каждодневный отъѣздъ котораго нибудь изъ членовъ нашего маленькаго кружка наводятъ неодолимую грусть и безпрестанно напоминаютъ минуту разлуки съ мужемъ, и страшная картина одиночества уже теперь приводитъ меня въ отчаяніе. Какъ могъ ты думать, чтобы я согласилась быть ходатаемъ по твоей просьбѣ о вступленіи въ дѣйствующую армію, не понимаю. Даже постигнуть не могу, какъ эта странная мысль могла прійти въ твою голову и особенно въ сердце. Неужели вѣра въ любовь мою? Впрочемъ ты не ошибся; я въ самомъ дѣлѣ просила Николая Ивановича взять тебя въ помощники, и совѣтовалась съ другими насчетъ

этого. Но увы! (для меня, слава Богу!) всѣ друзья твои рѣшительно противъ этого. Н. Ив. говоритъ, что ты гораздо болѣе потеряешь, чѣмъ выиграешь, въ этомъ перемѣщеніи, ибо все такъ неопредѣлительно, что неизвѣстно, идутъ ли на шесть недѣль, на шесть мѣсяцевъ или на шесть лѣтъ. Нельзя же на авось бросать твою теперешнюю службу. Если бы возможно было сдѣлать это въ видѣ отпуска или командировки, чтобы теперешнее мѣсто осталось за тобою, — то можно было бы рѣшиться. Но такъ какъ это невозможно, а перейти навсегда чиновникомъ къ Н. Ив. въ канцелярію и служить въ Варшавѣ не выгодно, то всѣ рѣшили, чтобы предать забвенію эту героическую вспышку. А. Л. еще здѣсь; я передала ему твое письмо и говорила съ нимъ о твоемъ планѣ: онъ просто сердится за эту выходку и рѣшительно объявилъ, что будетъ всѣми силами препятствовать моей слабости исполнять твои капризы, говоря, что невозможно жертвовать столькими годами трудовъ и приготовленій къ юридической службѣ для невѣрнаго результата этой войны, что ты самъ будешь жалѣть, если бы это случилось, и что разъ, что ты рѣшился служить въ Сенатѣ и такъ хорошо пошелъ, надо упорствовать въ рѣшеніи и не бросаться во всѣ стороны, если хочешь чего нибудь достигнуть. Насчетъ же хода дѣлъ на западѣ и желанія ближе увидѣть и узнать все это ты ужасно ошибаешься, ибо по газетамъ въ Петербургѣ это гораздо удобнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ балаганѣ на Карпатскихъ горахъ, гдѣ ничего не увидишь и не узнаешь, кромѣ четырехъ стѣнъ сарая, пяти человѣкъ сидящихъ въ немъ чиновниковъ и нѣсколькихъ бумагъ, которыя тебѣ дадутъ переписывать. Несовсѣмъ завлекательно, но довольно справедливо, если подумаешь, какая куча войска идетъ въ Венгрію и какъ трудно предположить, чтобы Ф. и кто нибудь изъ главной квартиры были въ дѣлѣ.—Сейчасъ, т. е. въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, забѣжалъ Н. Ив. напиться чаю. Цѣлуетъ тебя и проситъ сказать, что съ половины девятаго до шести часовъ онъ былъ въ канцеляріи, съ шести до сей минуты въ комитетѣ, у Горчакова и пр., теперь же ѣдетъ къ Ф. съ докладомъ и пробудетъ вѣроятно, какъ обыкновенно, до трехъ. Суди же самъ, какая работа и какая суета. Довольствуйся, что издали только слышишь объ этомъ, и не желай попасть въ дѣйствующія лица. Надѣюсь, что послѣ всего того, что я тебѣ сказала, мысли твои измѣнятся и ты будешь благословлять судьбу, толкнувшую тебя въ сенатъ и даже съ наслажденіемъ станешь вкушать страхъ, наводимый на тебя приготовленіемъ къ докладу.

Насчетъ Ив. Н. Рылѣева просятъ тебя узнать навѣрное его желаніе. То, что ты просишь для него, вещь очень возможная и удобоисполнимая, только напиши: согласны ли его мысли съ твоими? Графъ Оппермань проситъ тебя навѣщать его жену. Онъ самъ уѣхалъ въ

Лембергъ и даже далѣе, съ какимъ то порученіемъ. Болѣзнь Леночки меня очень тревожитъ; неужели нѣтъ надежды? Ради Бога, попроси Марью Ивановну, чтобы только не писали объ этомъ Любинькѣ. Она теперь беременна и такое извѣстіе можетъ ее очень разстроить. Она, бѣдная, и то уже ужасно безпокоится, что не получаетъ такъ долго писемъ изъ Петербурга.—Насчетъ себя, ничего не могу сказать утѣшительнаго и особенно опредѣлительнаго. Вращаюсь въ такомъ же хаосѣ, какъ всѣ и все здѣсь. Съ Н. Ив. нѣтъ возможности сказать двухъ словъ. Повторяю пословицу Хмельницкаго и жду, что будетъ. Если устроюсь и на что нибудь рѣшусь, то напишу.

Папа, Maman и всѣ наши здоровы. Цѣлуютъ тебя. Послѣ твоего письма еще не видѣла папы. Да впрочемъ теперь и никого не видишь: столкнешься гдѣ нибудь на улицѣ, перекинешь два, три слова, да и врозь. Часы обѣдовъ, чаевъ и т. п. сборищъ такъ перепутались, что всѣ ходятъ, какъ въ туманѣ, и ищутъ другъ друга на гуляньяхъ, гдѣ никогда не встрѣчаются. Изъ всего нашего общества остались только Севастьяновъ, Данзасъ и Вороновъ. Бебутовъ завтра уходитъ съ полкомъ. Окуневъ остается на мѣстѣ князя Горчакова; Денъ временно заступитъ фельдмаршала; Абрамовичъ ѣдетъ въ походъ; Рудзевичъ, Толстой, тоже. Симоничъ желалъ, но ему, кажется, отказали. Если ты слѣдишь по картѣ всѣ наши движенія, то я буду сообщать тебѣ все, что только *возможно*. Императоръ гостилъ у насъ; всѣ въ восторгѣ и въ двойномъ восторгѣ. О дамахъ нашихъ и говорить нечего. Онѣ, кажется, цѣлый день не сходятъ съ площадки передъ Лазенковскимъ дворцомъ. Мнѣ не удалось еще тамъ быть; но я имѣла счастье встрѣтить Государя, гуляя въ коляскѣ по парку съ Машей. Madame Deslille въ восторгѣ, что онъ намъ поклонился и улыбнулся. Три раза меня спрашивала, n'est-ce pas qu'Il a souris? Машурка моя ужасно загорѣла; но, слава Господу, здорова. Хорошѣетъ и развивается съ каждымъ днемъ. Дача намъ не удалась; теперь же такъ много расходовъ, что и думать нельзя о лѣтнемъ помѣщеніи. Не знаю даже, удержу ли и эту квартиру за собой? Въ каждомъ разѣ остаюсь вѣрной моему Саксонскому саду. Теперь это для меня большой рессурсъ, ибо лошади исключительно кормятся для ѣзды въ Лазенки. Н. Ив. раза четыре въ день катается туда.

Прощай, мой другъ, цѣлую тебя сто разъ, люби меня по прежнему и вѣрь въ неизмѣнную дружбу твоей сестры

Лизы.

P.S. Говорятъ, Е. В. В. Князь Михаилъ Павловичъ пріѣдетъ въ Варшаву. Будетъ ли А. П. Безакъ съ нимъ? Кланяйся Любовь Ивановнѣ.

Скажи, что у насъ такая кутерьма, что не только писать, ѣсть некогда. Какъ только что нибудь рѣшится, такъ или иначе, я ей напишу. Натальѣ Андреевнѣ, Маркѣ Ивановнѣ и пр. мой искренній поклонъ. Еще разъ прощай.

108.

Варшава 31 мая 1849 года.

Ужъ вѣрно ты и вообразить не можешь, милый мой Володя, сколько страховъ и бѣдъ перетерпѣла я со времени отправленія послѣдняго моего письма! Благодаря Бога, все теперь идетъ къ лучшему, и я спѣшу сообщить тебѣ мою радость. Въ этой ужасной торопливости, которая сбиваетъ здѣсь всѣхъ съ толку и заражаетъ даже самыхъ благоразумныхъ людей, Николай Ивановичъ наскоро купилъ какихъ-то двухъ верховыхъ лошадей. Въ прошлое воскресенье назначено было отправленіе оныхъ съ послѣдними обозами. Въ пять часовъ, послѣ обѣда у папы, Н. Ив. пошелъ на конюшню посмотрѣть, все ли готово, и засталъ кучера, пробующаго новое англійское сѣдло на новой же лошади. Онъ вздумалъ сѣсть верхомъ, чтобы испытать лошадь... и не успѣли люди отойти, какъ конь началъ брыкаться, становиться на дыбы и такъ бѣсноваться, что Н. Ив. упалъ черезъ голову—на мостовую, и лошадь еще не удовлетворенная лягнула его раза два въ лѣвую сторону груди. Представь себѣ мой ужасъ, когда мужа принесли бездыханнаго домой, съ разорваннымъ мундиромъ, поломанной шпагой и измятыми эполетами. Собрали докторовъ,—пустили три фунта крови; поставили 32 пьявки, уложили въ постель. Добрый Ясинскій провелъ съ хирургомъ ночь у насъ. Три дня были мы между отчаяніемъ и надеждою. На колѣняхъ благодарю Всевышняго, чтоспа съ намъ жизнь его. Звѣзда, кажется, амортировала ударъ копыта; она совсѣмъ исковеркана, а мы на память этого чудотворнаго исцѣленія хотимъ сдѣлать изъ нея образъ, который Н. Ив. будетъ носить на груди. Теперь, слава Богу, Н. Ив. всталъ съ постели; начинаетъ кушать, послѣ четырехдневнаго голоду,—и хотя еще рука въ перевязкѣ, грудь болитъ, и онъ очень слабъ послѣ банокъ, пьявокъ и пусканія крови, но по крайней мѣрѣ ничего не сломано и доктора ручаются за совершенное выздоровленіе. Кромѣ Ясинскаго, Коханскаго, Боголюбова, Четыркина, еще былъ у насъ и Карассъ, нынѣшній Государевъ докторъ, который подробно осматривалъ Н. Ив. и ручается, что ни сердце, ни легкія не повреж-

дены. Это несчастное происшествіе отсрочило, какъ ты, вѣроятно, и полагаешь, поѣздку Н. Ив. въ Дуклю. Пока исправляетъ его должность Евецкій; но черезъ четыре недѣли Н. Ив. думаетъ самъ ѣхать въ походъ, если до тѣхъ поръ совершенно оправится. Фельдмаршалъ, говорятъ, поѣдетъ 2 іюня. Горчаковъ и Данзасъ уѣхали вчера. Адъютанты уже всѣ отправлены. Императоръ самъ хочетъ быть въ Дуклѣ 4-го, а 6 или 7 начнутся военныя дѣйствія. Папа бѣдный такъ потревожился, что самъ заболѣлъ. Теперь здоровъ; но, кажется, опасается холеры, которая здѣсь опять сильно дѣйствуетъ. Человѣкъ 40 заболѣвшихъ въ одинъ день. Прощай, мой ангелъ, будь здоровъ и не безпокойся о насъ. Повторяю, что все идетъ хорошо, а нѣсколько дней спокойствія совсѣмъ поправятъ мое здоровье, разстроенное усталостью и безсонницею. Цѣлую и благословляю тебя.

Лиза.

P.S. О Блюменфельдѣ нѣтъ никакихъ извѣстій. Папа начинаетъ сожалѣть, что поручилъ такую сумму денегъ мальчишкѣ. Николай Ивановичъ обнимаетъ тебя.

Все здѣсь приняло образъ войны, любезный другъ Вольдемаръ. Не только войска наши на границѣ Венгріи, но и главная квартира выступила туда же. Со мною между тѣмъ случилось непріятное приключеніе: я упалъ съ новой казачьей лошади; но, благодареніе Богу, все окончилось благополучно. Перелому нѣтъ; только сильно ушиблены грудь и лѣвое плечо. Рукой не могу еще владѣть; но черезъ недѣлю надѣюсь сѣсть на коня. Обнимаю тебя дружески и цѣлую тысячу разъ.

Н. Ушаковъ.

109.

Варшава $^{9}/_{21}$ *іюня 1849 года.*

Дай Богъ, милый Володя, чтобы это письмо застало тебя въ спокойномъ и здоровомъ расположеніи духа! Намъ, кажется, не суждено въ этомъ году быть счастливыми. Одно бѣдствіе смѣняетъ другое, et du train dont cela va, неизвѣстно, чѣмъ кончатся всѣ эти испытанія судьбы.

Я уже писала тебѣ о несчастномъ приключеніи съ Николаемъ Ивановичемъ. Благодаря Бога, нѣтъ послѣдствій; онъ поправляется, вчера выѣхалъ въ статскомъ сюртукѣ посидѣть на чистомъ воздухѣ

въ саду у папы. Сегодня надѣлъ уже военный сюртукъ, но безъ эполетъ, потому что еще сильно ломитъ плечо и рука подвязана. Если выздоровленіе такъ пойдетъ, то дней черезъ десять Н. Ив. думаетъ ѣхать въ главную квартиру, которая 5-го двинулась изъ Змигрода въ Шмельно и далѣе. Послѣднее письмо получили мы отъ Ивана Ивановича. Императоръ присутствовалъ на молебствіи, благословилъ войска и хотѣлъ провожать ихъ одинъ переходъ. Въ тотъ же день получили извѣстіе о маленькой стычкѣ нашихъ съ венгерцами. Казацкій полкъ вышелъ побѣдителемъ, взялъ 26 человѣкъ венгерцевъ, и Императоръ лично благодарилъ полковаго командира, надѣлъ ему Георгіевскій крестъ и два раза поцѣловалъ. Если холера и лихорадка не попрепятствуютъ арміи, то, конечно, все должно благополучно и скоро кончиться. Признаюсь, что пока Н. Ив. еще здѣсь, меня не такъ безпокоятъ всѣ здѣшніе разсказы,—и эгоизмъ поневолѣ беретъ верхъ надъ филантропіей. Тѣмъ болѣе, что есть ближайшая причина безпокойствъ, которая насъ всѣхъ съ ума сводитъ. Представь, что Блюменфельдъ не возвращается и ничего не пишетъ. Между тѣмъ здѣсь говорятъ, что онъ проигрался въ Кременчугѣ и бѣжалъ въ Одессу. Катюша, по своей обычной вѣтренности, пишетъ сюда самое безпокойное письмо и не можетъ найти простого способа успокоить себя и насъ, пославши къ Наденькѣ [1]) или въ Полтаву развѣдать о случившемся. Папа въ такой тревогѣ, что не знаетъ, на что рѣшиться; собирается самъ ѣхать въ Кіевъ. Между тѣмъ эта ажитація имѣетъ самое пагубное вліяніе на его здоровье. Право, я бы уже пожертвовала своими 10000 руб., чтобы только онъ былъ опять веселъ и здоровъ. Надежда на Новаки совсѣмъ развязывала намъ руки. Теперь опять, и болѣе прежняго, Н. Ив. будетъ стѣсненъ въ своихъ планахъ о будущемъ. Служить онъ рѣшительно здѣсь не остается Остается маленькій вопросъ, куда дѣться (безъ денегъ и безъ имѣнія) въ продолженіе отставки и пріисканія мѣста? Ну, да объ этомъ поговоримъ по окончаніи войны и узнавъ что нибудь рѣшительное насчетъ Блюменфельда. Все, что я тебѣ пишу, одни лишь толки и предположенія. Въ Варшавѣ пустота страшная; въ десять часовъ уже весь городъ спитъ. Холодъ - хуже осенняго, притомъ вѣтеръ и дождь непрерывные; холера продолжается. Вообще, куда ни посмотришь, все скверно,—кромѣ однако же моей Маши, которая, слава Богу, здорова, играетъ, хорошѣетъ и цѣлуетъ своего дядю Володю. Прощай, дружочекъ, будь здоровъ и счастливъ, сколько это возможно въ этомъ мірѣ.

Лиза Ушакова.

---

[1]) Нечай.

P.S. Жаль мнѣ ужасно бѣдную Марью Ивановну. Сколько горя ей выпало на долю! Хотя для Леночки, я думаю, лучше тамъ, чѣмъ здѣсь. Боюсь, чтобы это извѣстіе не имѣло худого вліянія на мою Любиньку; надѣюсь однако же на милость Божію и во всемъ покоряюсь Ему.

Мое здоровье, благодаря Бога, поправляется; я порываюсь скорѣе ѣхать къ арміи; но доктора не пускаютъ прежде 18 іюня. Цѣлую и обнимаю тебя, милый другъ. Поклонись нашимъ. Я писалъ къ сестрѣ вчера; но отъ нея давно нѣтъ писемъ и это меня безпокоитъ.

110.

Варшава 14 іюля 1849 года.

Не пеняй на меня, мой ангелъ Воличка, если теперь стала рѣже писать къ тебѣ. Рѣшительно нѣтъ времени, и отъ непривычки такъ много писать рука устаетъ до крайности. Ты увидишь изъ письма къ Марьѣ Ивановнѣ (которое здѣсь прилагаю, съ просьбою доставить), какъ давно собиралась отвѣчать на твое письмо, но все не удавалось. Николай Ивановичъ просилъ писать ему по крайней мѣрѣ черезъ день и я вполнѣ исполняю его желаніе. Тутъ какъ нарочно посыпались письма со всѣхъ мѣстъ, такъ что (съ обыкновенно залежалыми) отвѣчать пришлось вдругъ на 12 или 15 писемъ. Просто мука. Особенно эти письма par divers хуже всякаго институтскаго сочиненія! За то съ какой радостью всегда сажусь писать къ тебѣ; душой и сердцемъ отдыхаю. Тутъ ужъ все безъ затѣй, все на распашку. Хотя знаю впередъ, что въ этой безтолочи многое найдется, за что ты мысленно бранишь меня; но право камень съ плечъ, когда скажу даже и какую нибудь глупую нелѣпость. И теперь сѣла съ намѣреніемъ поздравить тебя съ завтрашнимъ днемъ ангела, а болтаю Богъ знаетъ что. Да вѣдь ты знаешь, что для меня каждый день такой же праздникъ, каждый день я одинаково благодарю Бога, что имѣю такого брата, и каждый день прошу Его сохранить тебя для моего счастья. Увѣрена, что хотя рѣже, но ты вѣроятно дѣлаешь тоже; по крайней мѣрѣ стараюсь увѣрить себя въ этомъ, ибо была бы слишкомъ несчастлива, если бы не вѣрила даже и тебѣ. Но это въ сторону. У насъ все по возможности благополучно; кромѣ умовъ, которые также перепутались, какъ и венгерскіе начальники. „Суета суетъ, и вѣчная суета“—долженъ быть девизъ Варшавы. Теперь же, когда у насъ совершенное царство жен-

щинъ, то кутерьмѣ и толкамъ нѣсть конца. Какъ ни избѣгаю этихъ сходбищъ, но все же иногда случится попасть въ этотъ хаосъ. Смѣшнѣе всего—это ихъ разсужденія о войнѣ. Кто въ лѣсъ, кто по дрова; врутъ напропалую, и такъ перепутали имена людей и городовъ, что порядочный человѣкъ никакъ не разобралъ бы, гдѣ война, съ кѣмъ и кто воюетъ. Жаль, что нѣтъ Данзаса; онъ бы вѣрно застрѣлился изъ отчаянія. Но, слава Богу, на войнѣ онъ избѣжитъ этого трагическаго конца. Графъ Оппермань мнѣ пишетъ, что Данзасъ все спитъ, и бережетъ свои силы pour une action d'éclat. Вѣроятно, не скоро дождется этого случая, потому что главная квартира еще не была въ дѣйствіи, да Богъ дастъ и не будетъ. Ты знаешь изъ газетъ, какія уже были дѣла. Гусарскій Ольги Николаевны полкъ два раза отличился въ авангардныхъ стычкахъ. Скажи Марьѣ Ивановнѣ, что Митя Малышевъ произведенъ въ штабсъ-капитаны вмѣстѣ съ своимъ полковникомъ Лисенко, который теперь генералъ. Michel былъ въ дѣлѣ подъ Вайценомъ, но, слава Богу, благополучно возвратился съ боя. Отъ Николая Ивановича имѣю каждый день письма; онъ и братъ его здоровы и живутъ вмѣстѣ. Ив. Ив. исправляетъ временно должность дежурнаго генерала вмѣсто Заблоцкаго, который отправленъ съ вагенбургомъ въ Пештъ устраивать госпитали. Николай Ивановичъ такъ обремененъ бумагами, что не знаетъ, что и дѣлать. Кромѣ своихъ обыкновенныхъ занятій, на него возложена обязанность писать реляціи Государю Императору, вести военный журналъ и кучи разной другой переписки въ кабинетѣ фельдмаршала. Ей Богу, я ужасно боюсь за его здоровье; послѣ своей послѣдней болѣзни онъ и такъ ужъ изнуренъ. Что изъ этого всего выйдетъ? Страхъ подумать; но онъ не унываетъ и даже очень весело пишетъ. Il a des natures qui ne vivent que pour travail. Онъ изъ этого числа. 4-го іюля двадцать два часа не сходили съ лошади, преслѣдуя Гёргея! Какъ жаль, что тебя здѣсь нѣтъ.

Извини пожалуйста за разговоры; я такъ заболталась, что совсѣмъ забыла, что пишу письмо, а не говорю съ тобою. Хорошо, что во время вспомнила и разорвала слѣдующій за симъ листъ. Повторяю: какъ жаль, что ты теперь не со мною! За симъ прощай; ужасно устала и даромъ!

Цѣлую тебя и желаю всѣхъ благъ міра; даже и тѣ, которыя бы мнѣ были назначены, уступаю на твою долю. Наши всѣ, слава Богу, здоровы.

111.

Варшава 28 іюля 1849 года.

Только что отправила письма къ тебѣ, добрый мой Воличка, какъ получила отъ тебя письмо съ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ Александра Павловича. Баранцевъ въ тотъ же день пришелъ ко мнѣ, и сказалъ, что А. П. заболѣлъ лихорадкою. Вечеромъ мы съ Maman отправились къ нему. Застали его на кушеткѣ, въ халатѣ. Онъ очень обрадовался нашему визиту, мы долго толковали и обоюдно остались довольны. На другой день вечеромъ пришелъ онъ самъ ко мнѣ. Неожиданно собрались папа, Maman, Севастьянова и пр., пренія продолжались за полночь; дамы разъѣхались, а мы еще болѣе спорили о настоящемъ времени. И я осталась бы очень довольна своимъ вечеромъ, если бы получила письмо отъ Николая Ивановича. Но письма не было и это меня ужасно безпокоило; тѣмъ болѣе, что я узнала отъ гр. Ржевусскаго, что Радзивиллъ пріѣхалъ отъ фельдмаршала съ донесеніемъ о побѣдѣ нашихъ въ Н. Караоли, противъ Гёргея. Лидерсъ тоже одержалъ побѣду въ Трансильваніи. Бемъ разбитъ, захватили даже его коляску со всѣми бумагами и пр. Р. читалъ письма Кошута къ Бему у Орлова. C'est très intéressant. Вообще теперь всякая малость дѣлается такъ занимательна, что завлекаетъ самыхъ равнодушныхъ. Жаль только, что нѣтъ писемъ отъ Н. Ив.! C'est une préoccupation incessante и съ моимъ неспокойнымъ воображеніемъ просто мука. Дай Богъ, чтобы онъ только не заболѣлъ тамъ отъ всѣхъ этихъ тревожныхъ занятій. Будь я спокойна на его счетъ, можно было бы жить. Но эта мысль отравляетъ каждую минуту радости. On n'a le coeur à rien. Хотѣла было ѣхать въ Бельведеръ увидѣть всѣхъ здѣшнихъ знаменитостей, да такая хандра, что отложила на позже. Между тѣмъ Lamoricière уже пріѣхалъ сюда съ женою; M-me Багговутъ заѣзжала ко мнѣ изъ Лазенокъ и описывала ихъ. Какъ всѣ знаменитости, они возбуждали всеобщее любопытство, но мало кого удовлетворили. Между прочимъ вчера видѣла и Волкова, который просилъ позволенія представить мнѣ своего товарища, который сильно желаетъ со мною познакомиться. Какъ бы ты думалъ, кто?—Дубельтъ. Наконецъ то я увижу твою première passion.

3 августа. Когда въ одинъ присѣстъ не кончишь письма, то потомъ долго не удается. Такъ случилось и теперь. Впрочемъ къ лучшему; ибо сообщаю тебѣ неожиданную новость: Лидерсъ разбилъ Бема на голову. Гёргей сложилъ оружіе и война кончилась. Вотъ по крайней мѣрѣ, что объявлено сейчасъ въ Лазенкахъ. Молодой Паскевичъ пріѣхалъ изъ арміи съ этими извѣстіями. Ему сейчасъ надѣли полков-

ничьи эполеты, и гр. Орловъ послалъ Тихановскаго сообщить дежурному генералу; тотъ по дорогѣ заѣхалъ ко мнѣ... и ты воображаешь мою радость. Черезъ двѣ недѣли фельдмаршалъ будетъ здѣсь; стало быть, Н. Ив. тоже. Maman получила получила паспортъ и во вторникъ думаетъ ѣхать въ Зальцбруннъ. Съ Дубельтомъ я познакомилась въ Бельведерѣ; потомъ онъ былъ у меня. Тебя по прежнему любитъ и съ восторгомъ говоритъ о вашей дружбѣ. Pardon за комплиментъ; но ты ужасно старъ противъ него. Другой разъ скажу болѣе, теперь же только и мыслей, только и радости, что о предстоящемъ мирѣ.

Всѣ и все въ Лазенкахъ. Не любя этихъ гвалтовныхъ демонстрацій, я осталась дома. Всѣ помѣшались на будущихъ балахъ, театрахъ и т. д.—я мечтала о Новакахъ и отставкѣ, о которой Н. Ив. въ каждомъ письмѣ говоритъ мнѣ. Не рано ли? Впрочемъ, что будетъ, то будетъ; не противорѣчу.

Вел. Кн. Наслѣдникъ ѣдетъ въ Вѣну, Ржевусскій въ Москву. Данзасъ представленъ къ Владиміру съ бантомъ. Беръ получилъ три знака отличія. Куприяновъ потерялъ ногу подъ Дебречиномъ. Наши всѣ здоровы, цѣлуютъ тебя.

Прощай, твоя Лиза.

Кланяйся Марьѣ Иван. и Натальѣ Андр. Письмо Рылѣева послала давно Д.

112.

Варшава 24 августа 1849 года.

Письма твои, cher Woldemar, получила я во время самой ужасной кутерьмы, и посему никакъ не могу послѣдовательно отвѣчать на нихъ. Чтобы не забыть, скажу, во первыхъ, о Веймарнѣ: корпусъ Ридигера остается занимать Галицію,—это уже извѣстно; насчетъ же поручика Веймарна надо списаться съ И. В. Фроловымъ, потому что изъ нашихъ никто и не подозрѣваетъ его существованія и тѣмъ болѣе его теперешняго нахожденія. Когда соберу свѣдѣнія, то сообщу ихъ такимъ образомъ, какъ ты этого желаешь. 12 августа Maman уѣхала на воды въ Эмсъ; она послѣднюю зиму была все нездорова, жаловалась на зубную боль и къ веснѣ начала кашлять кровью. Это обстоятельство сильно потревожило насъ и папа рѣшился отпустить ее одну за границу. Дѣти всѣ здоровы и остались съ Катюшей при папѣ. На другой день отъѣзда Maman я переѣхала жить въ Мостовскій палацъ, пока будутъ

перекрашивать и передѣлывать нашу квартиру. 19-го пріѣхалъ Michel Дараганъ, курьеромъ изъ арміи, съ письмомъ отъ Николая Ивановича, который очень сожалѣлъ, что не можетъ быть ранѣе 5 сентября. Представь же наше удивленіе, когда 20-го вечеромъ присылаютъ за мной изъ дому съ объявленіемъ, что Н. Ив. уже дома и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ насъ! Онъ совсѣмъ неожиданно былъ назначенъ сопутствовать Князю Варшавскому и долженъ былъ оставить людей, лошадей и весь свой багажъ въ Гроссъ-Вардейнѣ, чтобы немедленно исполнить желаніе Юпитера. Ты легко вообразишь, какъ рады мы были свидѣться; но приготовленная встрѣча для побѣдоноснаго вождя не состоялась по случаю болѣзни Вел. Кн. Михаила Павловича. Эта болѣзнь покрыла чернымъ флеромъ всѣ здѣшнія радости, и блистательныя надежды покрылись мракомъ унынія и тревожныхъ бдѣній. Всѣ приближенные Вел. Князя его обожаютъ и просто плачутъ, говоря о его страданіяхъ. Дай Богъ, чтобы онъ выздоровѣлъ! Николай Ивановичъ рѣшительно хочетъ проситься въ отставку или по крайней мѣрѣ въ долговременный отпускъ; я совершенно согласна съ нимъ, что такъ жить невозможно. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ возвратился, я его видѣла не болѣе шести часовъ. То и дѣло, что колеситъ по всей Варшавѣ изъ канцеляріи въ Лазенки и vice versa. Дома куча писарей составляютъ наградные списки, и суета такая, какъ будто не возвратились, а собираются въ походъ. Сколько разныхъ людей видѣла я въ это время! Сколько новой грязи накопилось къ старымъ дрязгамъ. Нѣтъ, mon cher, рѣшительно собираюсь въ деревню, чтобы опять какъ нибудь возбудить въ душѣ вѣру во что нибудь хорошее и надежду на будущую генерацію. Наша не стоитъ мѣднаго гроша; такъ прокоптѣла отъ сальныхъ свѣчей, что и Прометеевъ огонь не очиститъ ея. Поневолѣ дѣлаешься эгоисткой и обращаешь все къ себѣ или отъ себя. Очень удобно; мало огорченій и множество удовольствій,—хотя отрицательныхъ. Не доискиваясь дна, я беру только поверхность, если она мнѣ нравится, или полезна. Такъ сегодня я очень пріятно провела утро въ обществѣ А. Голицына, Бутурлина и В. А. Жуковскаго, который проѣзжаетъ чрезъ Варшаву и очень любезенъ съ Н. Ив. Было время, когда я его считала геніемъ; теперь энтузіазмъ мой очень умѣрился ко всѣмъ вообще знаменитостямъ; но оставляя въ сторонѣ „дно“, я ловлю *моментъ* присутствія и нахожу большое удовольствіе въ этомъ моментѣ, хотя онъ почти всегда разнствуетъ съ прошедшимъ и будущимъ. Спорили горячо; интересъ общій дѣлается теперь почти частнымъ, ибо каждый дѣйствовалъ или думалъ, что дѣйствуетъ, и надѣется еще дѣйствовать. Du choc des opinions jaillit la vérité, сказалъ французъ, не подозрѣвая, что есть у насъ словечко „чинопочитаніе“, которое, прибавленное къ свѣтской учтивости, такъ смазываетъ chocs (толчки), que rien ne jaillit,

кромѣ однако же удовольствія для слушателя. Но, кажется, зубная боль и грязное искательство этихъ господъ насчетъ наградъ навѣяли на меня философію и я передаю тебѣ *свои* мысли, когда слѣдовало бы гораздо болѣе заниматься *твоими*, или ужъ по крайней мѣрѣ говорить о людяхъ, тебя интересующихъ. Начнемъ съ людей, это легче, чѣмъ разборъ твоей нѣмецкой фразы о первой любви; при томъ же я совсѣмъ не въ любовномъ расположеніи т. е. не въ разсудительно-совѣтливомъ. Скажу пожалуй, что чуть ли жизнь сердца не самая лучшая,—хотя и иллюзорная. Тутъ по крайней мѣрѣ есть настоящее (т. е. présent) наслажденіе, а въ жизни свѣтской, умственной, матеріальной, политической, служебной и пр. и пр. настоящее, ускользая, пропадаетъ; будущее обманчиво и отдаленно, а прошедшее остается, какъ упрекъ, что тратилъ жизнь на глупости и не пользовался ею. Карьеру можно еще поправить, а молодость, любовь и красоту ничѣмъ не воротишь. Преглупо все это.

Вчера вечеромъ пріѣхалъ графъ Оппермань и былъ у меня. Черезъ нѣсколько дней, вѣроятно, и вся главная квартира возвратится. Начнутся претензіи насчетъ полученныхъ и неполученныхъ наградъ! Какая мука.

26-го. Варшава рѣшительно сдѣлалась почтовой станціей, а наша квартира заѣзднымъ домомъ или походной канцеляріей. Писаря снуютъ, перья скрипятъ, колокольчикъ то и дѣло звонитъ, извѣщая о новомъ посѣтителѣ. Цѣлый день ничего не дѣлаешь, а минуты свободной не найдешь.

Сейчасъ былъ папа съ дѣтьми. Извѣстія изъ Малороссіи безпокойныя; такъ и хочется скакать въ Новаки, чтобы удостовѣриться въ справедливости словъ Гришки. Такая досада, что Н. Ив. по извѣстной тебѣ честности и совѣстливой деликатности не съумѣлъ себѣ устроить аренду или какія-нибудь деньги. Ну что мы будемъ дѣлать тамъ съ Анненской лентой? Безтолковый. А я, можетъ быть, еще безтолковѣе, что сержусь за это, зная его характеръ. Но вспомни, что вѣдь такого случая никогда не будетъ. Ну, да что и говорить!—Приходилъ Баранцевъ; В. Князь все въ одномъ положеніи. Какъ жаль! Безакъ тоже заболѣлъ; заѣду завтра къ нему. Теперь прощай, мой ангелъ; уже давно за полночь, и я Николая Ивановича не дождусь. Цѣлую тебя сто разъ и иду спать. Будь здоровъ, веселъ и, сколько возможно, счастливъ.

Adieu, твоя Лиза.

Евочка[1]) здорова, была мѣсяцъ въ пансіонѣ, но неудачно шла; ее взяли и нанимаютъ учителей дома. А. Пав.[2]) обѣщалъ похлопотать объ институтѣ; просьба написана; но болѣзнь М. П. задержала все дѣло.

113.

Варшава 24 сентября 1849 г.

Все это время была я въ такомъ скверномъ настроеніи духа, милый мой Воличька, что рѣшительно не въ состояніи была написать тебѣ нужныхъ двухъ строкъ, тѣмъ болѣе, толково отвѣчать на нѣкоторые изъ твоихъ вопросовъ. Хотя и теперь не совсѣмъ уложилась въ надлежащую форму, да какъ то совѣстно оставлять такъ долго безъ отвѣта твое письмо. Ахъ, если бы можно было поговорить съ тобой нараспашку! Половина тоски отлегла бы отъ сердца. А то мочи нѣтъ, какъ скверно. Ужъ еслибъ Богъ далъ намъ какъ нибудь выбраться изъ Варшавы! Но отпусковъ все еще нѣтъ, и мы въ самомъ нерѣшительномъ положеніи. Неужели прійдется зимой выбираться въ Малороссію?

Вотъ мои планы (что ты объ нихъ скажешь?). Николай Ивановичъ, взявши отпускъ или отставку, ѣдетъ въ Новаки, обозрѣваетъ домъ и пишетъ мнѣ, что должно туда переслать изъ мебели, tapisserie и нашихъ вещей; я дѣлаю все это, и пока онѣ прійдутъ въ Новаки и домъ приметъ видъ жилья, а не сарая, ѣду съ Машей въ Петербургъ. Нанимаю у Натальи Андреевны тѣ три комнатки, которыя тебѣ хотѣли дать, и живу тамъ до извѣщенія отъ Н. Ив., что комнаты обклеены и окна вставлены; тогда вмѣстѣ съ тобой ѣду въ Новаки къ Н. Ив. и поселяюсь тамъ. Если же этотъ планъ, который мнѣ очень улыбается, неудобоисполнимъ, то прійдется время всей этой тревоги пробыть у Любиньки. Это мнѣ менѣе нравится, хотя я буду и ближе къ Новакамъ, но жить на чужой счетъ, даже и у Любиньки, мнѣ не по нутру, а оставаться въ Варшавѣ, т. е. у Maman, я не хочу. Все это въ томъ предположеніи, что Новаковскій домъ необитаемъ. Если же Н. Ив. напишетъ, что тамъ жить можно, то мы прямо туда переселяемся и будемъ ожидать въ двухъ комнатахъ, чтобы варшавская мебель пришла и наполнила собою прочія комнаты. Вотъ тебѣ приблизительный отвѣтъ на первый твой вопросъ. Пойдемъ далѣе. Евочку взяли изъ пан-

---

[1]) Максимовичъ, [2]) Безакъ.

сіона потому, что тамъ дурно учили, т. е. не обращали вниманія на нее въ особенности, а, какъ во всѣхъ общественныхъ заведеніяхъ, старались, чтобы всѣ дѣвочки шли разомъ и постепенно, начиная съ азбуки. Такъ какъ Евочка довольно хорошо уже была приготовлена дома, то она должна была ожидать, пока другія дойдутъ до нея, и не продолжала своихъ успѣховъ. Теперь у нея учителя: французъ и нѣмецъ. Она очень хорошенькій и милый ребенокъ. Я думаю изъ страха, чтобы она не разбаловалась такъ, какъ Доля, Катерина Михайловна уже черезъ-чуръ строго ее держитъ. Это было бы не дурно, если бы дитя могло понять причину излишней взыскательности къ ней и безумнаго снисхожденія къ Долѣ; —причину, которую очень запутанно толкуетъ Катюша, и я рѣшительно отвергаю, ибо никакъ не могу взять въ толкъ, отчего въ одномъ дитяти слѣдуетъ развивать зависть, капризы, тщеславіе и прочіе пріятные недостатки, а въ другомъ укрощать ихъ. Идея справедливости первая раждается въ ребенкѣ, и потому очень естественно, что Евочка ничего не постигаетъ изъ толкованій тети и огорчается, что ея тетя не любитъ такъ, какъ Долю. Когда я жила тамъ, то она мнѣ разсказывала всѣ свои маленькія горести и ужасно меня полюбила. Теперь я рѣже ихъ всѣхъ вижу и не знаю хорошо, что тамъ дѣлается. Впрочемъ, Доля—премилепькая и предобрая, и если бы ее хорошо повели, то вышла бы прекрасная дѣвочка,—время впереди.

26-го. Кажется, я написала тебѣ ужаснѣйшія глупости; но рѣшительно не имѣю способности переиначить письмо, и уже столько разъ бросала начатыя письма, что если это разорву, то никогда не соберусь начать другое, и ты останешься безъ отвѣта. Акцептируй мою теперешнюю глупость, какъ я акцептирую свою хандру, т. е. надѣйся, что это пройдетъ само собою. Я продолжаю. На деньги рѣшительно не надѣйся. Всѣ мои доводы и убѣжденія остались безъ успѣха. Вчера рушилась и послѣдняя искра надежды. Мы нарочно съ Любовь Ивановной сговорились поддерживать другъ друга. Я весьма вспыльчива въ сердечныхъ дѣлахъ и признаюсь рада, когда кто нибудь хладнокровный и посторонній говоритъ объ нихъ, а я только поддерживаю въ рѣшительныя минуты. Все краснорѣчіе Л. Ив. пропало даромъ. Папа и слышать не хочетъ о единовременномъ пособіи. Онъ мало надѣется на твою распорядительность и думаетъ, что гораздо лучше посылать помѣсячную сумму разомъ за шесть или восемь мѣсяцевъ. Л. Ив. тебѣ, вѣроятно, сама передастъ нашъ разговоръ. У меня это не первый и, конечно, не послѣдній, хотя теперь я и не очень налегаю, ибо самъ папа въ критическихъ обстоятельствахъ: у него много долгу, съ котораго онъ долженъ платить проценты; при томъ же поѣздка Maman за границу обойдется гораздо дороже, чѣмъ предполагали. Мнѣ это очень непріятно; тѣмъ болѣе, что бѣдный папа старается всѣми силами скры-

вать свое огорченіе и досаду насчетъ разныхъ вещей. Все это очень скверно, и въ безпрестанномъ ожиданіи чего нибудь еще худшаго я такъ разстроила свои нервы, что боюсь даже и говорить, чтобы не бѣситься или не плакать отъ раздраженія. Ахъ, еслибъ ужъ выбраться какъ нибудь отсюда!

Посылаю тебѣ Кошутовскую ассигнацію изъ Венгріи. Досадно, что нельзя также удобно переслать и венгерское вино; у насъ его много. Видѣлся ли ты съ Дубельтомъ? Онъ спрашивалъ меня, гдѣ ты живешь, и хотѣлъ быть у тебя. Поддерживай съ нимъ дружбу—онъ премилый мальчикъ и тебя любитъ.

114.

Варшава 25 октября 1849 г.

Ужъ вѣрно ты не ожидаешь, cher Woldemar, какого оригинальнаго содержанія будетъ анекдотъ, который я сейчасъ сообщу тебѣ. Только прежде позволь немного побранить тебя за непозволительную лѣнь. Какъ послѣ такого длиннѣйшаго письма, какое я тебѣ послала, ты еще не думаешь отвѣчать мнѣ? Mais je laisse cela à ta conscience, а между тѣмъ не упускаю благопріятной минуты заботиться о твоихъ дѣлахъ. Вчера папа получилъ твое письмо; я тамъ обѣдала и мы опять прочли его, съ комментаріями; папа въ восхищеніи отъ мыслей и слога, но le fond lui échappe и онъ намѣренъ безъ вниманія пропустить намекъ „о женитьбѣ“, хотя готовитъ сюрпризъ насчетъ другого намека. Слѣдуетъ quiproquo въ видѣ анекдота. Софи Коніаръ, бывшая Якубовская, встрѣтилась со мною въ саду. Пошли разспросы и разговоры, такъ что мы очень неожиданно очутились у Шёниговъ, Сердобиныхъ, Фробеновъ et toute la kyrielle. Узнала я, между прочимъ, что Annette Шёнигъ, премилая и преобразованная дѣвушка, влюблена въ тебя по уши и очень желала бы возбудить тоже чувство. Защищая свои мнѣнія о женитьбѣ въ разговорѣ съ папою, и желая доказать примѣрами возможность соединенія разныхъ и разнородныхъ сферъ, я какъ то коснулась Коніаровъ и, все приближаясь къ Костинькѣ, заговорила о Шёнигахъ. Вообрази мое удивленіе, когда папа остановилъ меня и сталъ разсказывать свою давнюю пріязнь съ отцомъ и матерью, и какъ бы это было хорошо, чтобы ты женился на одной изъ дочерей. Онъ такъ завлекся, что уже посылалъ тебѣ свое благословеніе. И если бы я не остановила его словами: „это только примѣръ“, то, конечно, ты бы уже

получилъ разрѣшеніе на бракъ и всѣ прелести онаго съ А. Ш. Папа, кажется, въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что дѣло идетъ о ней. А вѣдь, кажется, тебѣ она тоже нравилась. Говорятъ, она въ самомъ дѣлѣ очень comme il faut, а К.,—напротивъ, est très commune; это для меня хуже всего,—да я думаю и для тебя тоже. Ты такъ образовался въ это время, что какая нибудь нѣмочка въ родѣ Madame Четыркинъ и т. п. не можетъ долго плѣнять тебя. При томъ же кокетка... Да это просто мука!

Нельзя ли сообщить „къ свѣдѣнію“, какого класса докторъ Фр. Папа рѣшительно не признаетъ ниже 5 и 6-го классовъ. Доктора, портные, учителя и сапожники какъ то смѣшиваются въ его головѣ. Онъ такъ убѣжденъ, что ты совершенно раздѣляешь его мысли, что еще вчера замѣтилъ мнѣ, читая твое письмо,—что ты очень думаешь о своемъ семействѣ и никогда не выберешь себѣ невѣсту, не подходящую къ намъ всѣмъ. Между прочимъ у насъ все идетъ довольно хорошо; Maman ожидаемъ 27; она и не думала ѣздить въ Парижъ, какъ здѣсь говорили. Будь, пожалуйста, остороженъ съ Люб. Ив.; она прекрасная женщина, но вѣрнѣе подальше отъ изліяній, лично касающихся до тебя. Она любитъ болтать. Добрѣйшій Баранцевъ посланъ осматривать 4-й корпусъ и завернулъ къ намъ. Опперманъ выздоровѣлъ, ждетъ жену и тебѣ кланяется.

Всѣ наши тебя цѣлуютъ; Madame Бартоломей съ дочерью пріѣхали сюда провести зиму, но я ея еще не видѣла; мы визитами обмѣнялись втунѣ.

115.

$^{11}/_{23}$ *ноября 1849 г.*

По обыкновенной моей разсѣянности забыла отослать на почту свое письмо во время; теперь пошлю разомъ два. Между тѣмъ папа уже отвѣчалъ тебѣ, и, какъ мнѣ кажется, довольно удовлетворительно. Онъ думаетъ дать тебѣ въ совершенное управленіе маіоратъ съ тѣмъ, чтобы ты выплачивалъ извѣстную часть ему (т. е. если ты женишься), а все прочее, съ пріобрѣтеніями, оставляетъ себѣ и своему семейству. Мы уже всѣ свыклись съ идеею о твоей женитьбѣ; вопросъ только нерѣшенный остался: на комъ? Съ твоими прилагательными можно выбирать. За К., кромѣ чувства, и то смутнаго, ничего нѣтъ. Религія, состояніе, воспитаніе, родство, все не согласно. Кромѣ А. Ш. мнѣ пришла въ голову А. Медемъ. Въ какихъ отношеніяхъ ты съ этимъ

семействомъ? Но такъ какъ время еще терпитъ, то я надѣюсь увидѣться съ тобою до окончанія и даже начатія какого нибудь дѣла. Mercі за предложенную квартиру. Не придется намъ ею воспользоваться. Отпусковъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Мы рѣшаемся по необходимости сидѣть въ Варшавѣ всю зиму, а весной ѣхать вмѣстѣ съ папой въ Малороссію. Тогда Н. Ив. будетъ устраиваться въ Новакахъ, а я съ Машей буду въ Чевельчѣ съ родными. Здоровье Maman не поправляется. Доктора говорятъ, что у ней скиръ въ груди, который можетъ превратиться въ ракъ. Ей этого не говорятъ еще; но надо будетъ рѣшиться сдѣлать ужасную операцію, на которую Maman никогда не согласится. Ея безпечность приводитъ меня въ унынiе, тѣмъ болѣе, что и Гейдельбергскій докторъ предупредилъ Maman о неминуемой погибели, если на закрытой теперь glande покажется краснота; тогда уже и операцію сдѣлать будетъ невозможно. Ясинскій говоритъ, что если бы Maman знала, какая у нея болѣзнь, то, вѣроятно, потеряла бы охоту выѣзжать и заботиться о нарядахъ. Въ минуту, когда она харкаетъ кровью и когда до слезъ колетъ грудь, она и намѣревается лѣчиться серьезно, но только что акцессъ пройдетъ, она ѣдетъ кататься или въ театръ. Привычка беретъ верхъ надъ всѣми опасенiями. Прочiе члены нашего семейства всѣ, слава Богу, здоровы; я рѣшительно никуда не выѣзжаю и весьма мирно провожу время. Много читаю и приготовляюсь къ деревенской жизни и воспитанiю Маши безъ гувернантки. Купи и перешли мнѣ: *Библейскую Исторiю Архимандрита Филарета* (посвященную Императору Александру I). Черезъ штабъ Александра Павловича это можно будетъ сдѣлать. Деньги на покупки книгъ, которыя я тебѣ буду поручать, пришлю съ Баранцевымъ или Вороновымъ. Еще пришли мнѣ Élixir для зубовъ Типлира, черезъ Очкина, который теперь въ Петербургѣ. Кланяйся отъ меня всѣмъ петербургскимъ роднымъ.

Бываешь ли ты у Безаковъ и что дѣлаютъ они въ новомъ своемъ положенiи? Папа недоволенъ очень, что Данзасъ у него не былъ съ пріѣзда изъ Венгрiи. Вообще эта выдумка Ал. Лог. весьма оригинальна, но не совершенно пріятна, пока всѣ не привыкнутъ къ этому и не перестанутъ другъ у друга спрашивать причины его отсутствiя и, не находя отвѣта, сочинять и предполагать небылицы. Конечно, я болѣе всего въ этомъ теряю, но что же дѣлать? Впрочемъ это не впервые, что человѣкъ привязывается ко мнѣ, жалѣетъ о множествѣ незаслуженныхъ враговъ, становится защитникомъ и вдругъ переходитъ самъ умножить число ихъ, если не словами, то однимъ присутствiемъ своимъ посреди ихъ. C'est une fatalité; мнѣ не судьба быть любимой безъ ревности, цѣнимой безъ зависти и пр.... Пріѣхала Madame Бутурлина; прощай, cher ami, до слѣдующей почты.

Твоя Лиза.

P. S. Сейчасъ только узнала, что наконецъ рѣшились взять у Н. Ив. наградное отдѣленіе и даютъ оное бывшему плацъ-маіору Строганову. (?) Сообщи эту новость Безаку.

116.

Варшава 19 ноября 1849 года.

Дай Богъ, чтобы это письмо застало тебя въ мирномъ расположеніи; папа далъ мнѣ отвѣтъ свой на твое послѣднее письмо; ему очень трудно самому писать такъ много, особенно когда внутреннее чувство погоняетъ и безъ того дрожащую отъ волненія руку. Сколько тревогъ надѣлалъ ты намъ своими послѣдними письмами, милый Володя! Право, когда мы свидѣлись всѣ съ такими разстроенными лицами, то какъ-то не радостно было говорить о твоей женитьбѣ; слова счастья выражали горесть и смятеніе..., всѣ чувства совсѣмъ иначе проявлялись противъ того, какъ бы слѣдовало въ подобную минуту. Мнѣ такъ сдавило грудь, какъ будто передъ грозою или какимъ нибудь бѣдствіемъ. И въ правду не было ли бы это бѣдствіемъ, если бы пришлось намъ жить долго такъ, какъ мы прожили эту минуту. Нѣтъ, Богъ съ ней, съ этой Костинькой и со всѣми ея прелестями, если должно выкупить ихъ такими жертвами. Неужели мы соберемся всѣ на житье въ Малороссію и тебя не будетъ съ нами? Неужели можетъ случиться, что твою жену не будутъ признавать родною въ нашемъ семействѣ? И не будетъ семейныхъ радостей у насъ, а всѣ какъ-то будутъ скрываться другъ отъ друга; въ тихомолку и въ одиночку вкушать малѣйшее удовольствіе.

Да, это такая пытка, что и счастья въ будущей жизни не желаю при такихъ условіяхъ. Счастьемъ надо гордиться, радоваться открыто; и чтобы всѣ мною любимые раздѣляли мою радость. Представь себѣ, каково мнѣ будетъ жить, если я всегда должна буду находиться между тобою и папой съ Н. Ив., которые не могутъ въ самомъ дѣлѣ находить хорошимъ неравный и преждевременный бракъ. Но вѣдь это еще не сдѣлано; и ты, конечно, хладнокровно обсудишь свое и наше положеніе, прежде чѣмъ рѣшиться на что нибудь положительное. Мнѣ совершенно непонятны твои теперешнія мысли, послѣ того, что мы такъ часто говорили и писали другъ другу. Именно: что ты теперь стараешься найти счастье тамъ, гдѣ прежде даже не имѣлъ ручательства въ обоюдной любви. Если ты не видѣлся съ Костинькой (стало быть, не имѣешь увѣренности въ ея привязанности), то какъ же ты можешь думать опять о женитьбѣ на ней, когда прежде это одно сомнѣніе

тебя такъ тревожило и останавливало въ планахъ о будущемъ. Ежели, какъ ты намѣренъ, возобновишь знакомство съ нею, то это одно уже будетъ доказательствомъ, что всѣ препятствія между вами уничтожились; а ты надѣешься имѣть право опять отстать, если „существенность не будетъ отвѣчать твоимъ мечтаніямъ“. Развѣ это возможно? И какъ ты можешь надѣяться, чтобы К. сколько нибудь могла отвѣчать твоимъ мыслямъ о супругѣ, т. е. какъ не о любовницѣ, но лучшемъ другѣ цѣлой жизни. Понятія ваши не могутъ быть одинаковы. Столько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; она въ своемъ тихомъ семейномъ кругу осталась ребенкомъ, даже весьма красивой, милой и кокетливой дѣвочкой; а ты,—сколько не пережилъ съ тѣхъ поръ, чего не испыталъ? Она не можетъ понимать ни общества, ни его ужасныхъ законовъ, ни даже семейнаго быта другого круга людей, а главное—уничтожающаго самолюбіе сознанія своей бѣдности и ничтожества въ сравненіи и безпрестанномъ столкновеніи съ людьми, выше ея поставленными случаемъ. Какой надо характеръ, чтобы переносить всю эту мелочную войну съ достоинствомъ, не говоря уже о безпрестанныхъ, можетъ быть, невольныхъ оскорбленіяхъ чувству? Папа говорилъ тебѣ о покойной матушкѣ нашей: долго ли она жила?—а съ какимъ чуднымъ была характеромъ и боролась съ одной только бѣдностью. А вамъ, кромѣ бѣдности, придется на долю несмѣтное количество моральныхъ огорченій... и надо, заглушая самыя нѣжныя природныя чувства, жить только эгоистическоя любовью; да есть ли и она? и долго ли продлится? Все это ты и самъ себѣ не разрѣшилъ. Я думаю—отложить мечты покамѣсть въ сторону, разсматривать только существенность и никакъ не начинать ничего до нашего свиданія. Болѣе всего боюсь вспыльчивости; ради Бога смотри на вещи, какъ онѣ суть. Не раздражай себя понапрасну. Вѣрь, что папа самъ желаетъ твоего же счастья и никакъ не говоритъ изъ какихъ нибудь тщеславныхъ видовъ; но, истинно любя тебя, боится, чтобы ты не жалѣлъ потомъ всю жизнь необдуманно сдѣланнаго. Подождать еще можно; поправить же не въ силахъ человѣческихъ. Я признаюсь, не ожидала, чтобы папа принялъ все это дѣло такъ. Николаій Ивановичъ гораздо болѣе былъ удивленъ и огорченъ этимъ; онъ самъ хотѣлъ писать тебѣ по сему случаю. Мнѣ именно нравится въ папѣ, что онъ принялъ это серьезно, и говоритъ съ тобой, какъ съ разсудительнымъ человѣкомъ. Представляетъ себя въ примѣръ, чтобы вывесть заключеніе, какъ тягостно подобное положеніе и какъ надо стараться отвратить отъ себя такую бѣду. У тебя же характеръ гораздо мягче и ты еще не пробовалъ своихъ силъ въ борьбѣ съ судьбой. Какъ подумаю обо всемъ этомъ, мнѣ страшно за тебя; и мнѣ не вѣрится, чтобы К. стоила такихъ хлопотъ. Ты совсѣмъ не отвѣчаешь мнѣ на письма мои; это заставляетъ меня думать, что ты одержимъ какой-то idée-fixe:

жениться на К.,—не давая ни мнѣ, ни себѣ отчета, почему это могло бы быть хорошо. Если бы ты взвѣсилъ pour и contre этого вопроса, то, конечно, поколебался бы въ начинаніяхъ. Конечно, съ твоей любящей душой и нѣжнымъ, женскимъ сердцемъ необходимо быть любимымъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы К. любила тебя, и была равнодушна къ перемѣнѣ положенія, которое ты ей доставишь женитьбой. Если же она именно очарована послѣднимъ, то что произойдетъ, если вмѣсто мечтательныхъ grandeurs и богатствъ она только тебя низведетъ на участь бѣднаго Gelehrter. Думалъ ли ты объ этомъ? Или твоя деликатность не допускаетъ и мысли о подобномъ разсчетѣ, впрочемъ, весьма вѣроятнымъ? Признаюсь, всѣ эти размышленія все болѣе и болѣе наводятъ на меня грусть, и нѣтъ почти утѣшительныхъ мыслей, противодѣйствующихъ этому впечатлѣнію. Все твержу себѣ: „любовь, мирная, тихая, беззаботная жизнь“ и пр. Но какъ подумаю, то это одни только заученныя слова. Ибо любовь еще въ сомнѣніи; миръ и тишина не могутъ водвориться тамъ, гдѣ нѣтъ самодовольствія и гдѣ необходимо должны будутъ отдаваться безпокойства и шумъ внѣшнихъ обстоятельствъ (въ особахъ папы и прочихъ родныхъ). Наконецъ, заботы явятся съ умноженіемъ семейства, а слѣдственно расходовъ. Michel имѣетъ 12 т. и всевозможные поддержки... и не можетъ концы съ концами свести. А ты въ Петербургѣ хочешь жить на 6 т.? Спроси Безака, онъ человѣкъ разсчетливый и разсудительный, что онъ тебѣ на это скажетъ. Ты, конечно, убѣжденъ, что я желаю твоего счастья болѣе, чѣмъ своего собственнаго; но что же дѣлать противъ дѣйствительной невозможности благоденствія при твоихъ условіяхъ? Я было сама хотѣла ѣхать въ Петербургъ, чтобы переговорить съ тобой, но это не можетъ состояться. Можетъ быть, Ник. Ив. поѣдетъ въ Петербургъ съ Княземъ, то съ нимъ потолкуешь; а лучше всего пріѣзжай къ намъ въ Малороссію въ мартѣ или въ апрѣлѣ—тамъ лучше всего можно будетъ говорить объ этомъ. Прощай, мой ангелъ, сдѣлай дружбу, скорѣе отвѣчай мнѣ, а то я право не жива, ожидая писемъ. Несмотря на все, останусь вѣчно любящая тебя сестра.

117.

Варшава 7 декабря 1849 г.

Не знаю, право, какъ выразиться мнѣ, чтобы сказать тебѣ впечатлѣніе, произведенное твоимъ письмомъ, милый Володя. Мы получили его въ самый день имянинъ Николая Ивановича и приняли за самый

лучшій подарокъ,—какъ залогъ всеобщаго успокоенія; но, признаюсь, мнѣ грустна была эта радость. Видя счастливыми папу, Н. Ив. и всѣхъ прочихъ,—тяжело было вспомнить, сколько, можетъ быть, стоило оно тебѣ. Стараюсь поддержать въ себѣ мысль, что все къ лучшему, и что, конечно, есть какое нибудь вознагражденіе, если не въ этомъ, то въ другомъ мірѣ, за каждую побѣду надъ самимъ собой; жертва личной страсти выгодамъ общимъ въ большинствѣ случаевъ уже сама въ себѣ имѣетъ цѣну, какъ доказательство силъ душевныхъ, не эгоистическихъ. Надѣюсь, что мы не будемъ раскаиваться въ этомъ. Борьба съ самимъ собою всегда благотворна. Результатъ оной дѣлается мѣриломъ достоинства моральнаго человѣка. Ты вышелъ побѣдителемъ и, конечно, остался доволенъ собой. Счастье прійдетъ позже, а если и не придетъ, то, слава Богу, ты достоинъ счастья: это сознаніе утѣшительно. Какъ знать, что ожидаетъ насъ впереди, и что готовитъ тебѣ Провидѣнье?...

Я не теряю надежды видѣть тебя въ Малороссіи; тогда обстоятельнѣе поговоримъ обо всемъ. Плановъ я не дѣлаю, ибо никогда не удаются; je me laisse aller au sort и, право, лучше. Мы теперь чаще обыкновеннаго бываемъ вмѣстѣ. Папа пріѣзжаетъ два раза въ недѣлю къ намъ играть. Н. Ив. и пр. ѣздятъ тоже два раза въ недѣлю къ папѣ составлять партію. Я очень рада, что такъ устроила, а то бѣдный папа ужасно скучалъ послѣднее время, особенно послѣ того, какъ я у него жила двѣ недѣли. Теперь онъ опять веселъ, и ужасно обрадовался твоему письму,—которое я ему не читала, а разсказала. Il est d'une délicatesse extraordinaire pour moi. Et cela me flatte beaucoup d'avoir conquis une si bonne position dans la famille.

Доказательства и результаты ты увидишь впослѣдствіи; наши дѣла тоже идутъ очень хорошо съ властями. Книгу и полосканье я получила; съ Вороновымъ пришлю тебѣ 8 клюнкеровъ: 3 на мои издержки, а остальные на Heilige Abend для тебя. Гдѣ то ты проведешь этотъ день? У насъ еще ничего не рѣшено.

Княжна Варшавская сговорена за князя Лобанова-Ростовскаго и по сему случаю ожидаютъ разныхъ празднествъ; такъ какъ я къ нимъ непричастна, то и не думаю объ нихъ. Была не такъ здорова и еще не успѣла поздравить Князя и Княгиню. Вообще у насъ такая тишина и монотонія, что просто другимъ завидно. Графъ Опперманъ ѣдетъ въ январѣ въ Петербургъ и тебѣ разскажетъ это. Онъ у насъ ежедневный гость. Недавно тоже былъ Баранцевъ; но онъ въ такихъ хлопотахъ, что мнѣ совѣстно было поручить ему съѣздить къ тебѣ. Видѣла тоже Липранди довольно часто, и молодого Панютина, Семеновскаго полка; онъ говорилъ о всѣхъ нашихъ знакомыхъ и родныхъ. Данзась по прежнему бываетъ только у Севастьяновыхъ; я съ нимъ разъ встрѣтилась. Наше общество все тоже и тоже.

Андреевъ недавно пріѣхалъ изъ Монастырища и очарованъ Любинькинымъ образомъ жизни.

Всѣ тебя любятъ и кланяются; Н. Ив. обнимаетъ; онъ еще не кончилъ съ своими наградами, и очень занятъ. Дай Богъ, чтобы состоялась его поѣздка въ Петербургъ. Что дѣлаетъ Любовь Ивановна? Мы отъ нея совсѣмъ не получаемъ извѣстій. Кланяйся имъ, особенно Александру Павловичу, котораго особенно люблю и уважаю.

118.

21 генваря 1850 года.

Мы всѣ въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ насчетъ тебя, милый другъ мой Володя. Завтра мѣсяцъ, какъ мы получили послѣднее письмо твое, и съ тѣхъ поръ ни строчки. Не боленъ ли ты? не случилось ли какой бѣды? Мнѣ страшно даже подумать, что бы это значило. Папа вчера опять заѣзжалъ ко мнѣ узнать, нѣтъ ли какихъ извѣстій о тебѣ; но ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Даже всѣ наши петербургскіе знакомые и родные ничего не пишутъ. Ради Бога, mon cher, не томи насъ такъ долго этимъ непонятнымъ молчаніемъ, а то я совсѣмъ истоскуюсь. Надѣюсь, ты имѣешь часто свѣдѣнія обо мнѣ. Одно письмо я послала тебѣ съ Гизетти, другое недавно съ ген. Беватомъ. Получилъ ли ты мой подарокъ? и пришелся ли по вкусу тебѣ халатъ? У насъ, благодаря Бога, все благополучно, зима страшнѣйшая; но, слава Богу, всѣ здоровы. Катерина Михайловна писала Безаку насчетъ Евочки [1]) и выслала всѣ требуемыя бумаги. Не понимаю хорошенько, къ чему поведетъ это институтское воспитаніе для бѣдной дѣвочки. Развѣ что только на нѣсколько лѣтъ избавятся отъ хлопотъ съ нею! Но послѣ что будетъ?—неизвѣстно. Въ іюлѣ мѣсяцѣ должна быть выпущена изъ Кіевскаго института Евочкина сестра, Лиза [2]). Уже теперь думаемъ, куда бы ее пристроить: каждый боится институтскаго воспитанія, а у отца ей не можетъ быть очень хорошо. Состоянія нѣтъ, помѣщикъ тамошній не женится на бѣлоручкѣ, а другого выхода нѣтъ. Софи Дараганъ хотѣла было ее взять къ себѣ; но семейство ихъ увеличивается, а съ ихъ средствами трудно

---

[1]) Ева Николаевна Максимовичъ была впослѣдствіи женою г. Должикова, служившаго преподавателемъ и директоромъ гимназіи въ Кіевскомъ Учебномъ Округѣ. [2]) Елисавета Николаевна Максимовичъ была замужемъ за помѣщикомъ Марковскимъ.

перебиваться и троимъ. Я боюсь и подумать, что надо будетъ ѣздить по баламъ и отыскивать жениха. А какъ убѣдить 16-лѣтнюю институтку, что балы не рай и что всѣ ухаживанья графовъ и князей кончаются на нулѣ. Если Богъ дастъ, буду жить въ деревнѣ или въ Петербургѣ, то конечно съ радостью возьму къ себѣ даже двухъ кузинъ. Но въ Варшавѣ ни за два милліона. Мнѣ и самой уже дорого стоило, чтобы вырваться изъ этого противоестественнаго положенія. Наконецъ, достигла того, что живу почти одна по своимъ вкусамъ и склонностямъ, не заботясь о другихъ; и намѣрена оставаться въ этомъ положеніи, пока не выберусь изъ Варшавы. Маша моя растетъ на радость, такая душка; знаетъ азбуку, читаетъ по складамъ,—но я ей запрещаю. Рано еще. Теперь она все дѣлаетъ планы о деревенской жизни и заранѣе радуется звѣрямъ и птицамъ, которыхъ тамъ будетъ имѣть живыми. Дай только Господи, чтобы все это сбылось. Н. Ив. уже подалъ въ отпускъ на четыре мѣсяца къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Еслибъ возможно было, чтобы и ты къ этому времени получилъ отпускъ,—то мы чудесно провели бы лѣто. Но я заболталась о будущихъ радостяхъ, а дѣйствительность все не измѣняется, и я въ ужасномъ безпокойствѣ насчетъ твоего здоровья. Ради Бога, мой ангелъ, напиши хоть строчку и пожалуйста будь аккуратнѣе насчетъ писемъ. Много ли труда стоитъ взять листъ бумаги и написать: я здоровъ и люблю васъ. Прощай, цѣлую тебя, и молю Бога, чтобы ты былъ здоровъ и веселъ.

Твоя Лиза.

Лиза очень безпокоится, не получая давно извѣстій отъ тебя, другъ мой Вольдемаръ. Я утѣшаю ее тѣмъ, что праздничныя веселія могли отвлечь тебя нѣсколько; но въ самомъ дѣлѣ нельзя не призадуматься. Поторопись увѣдомить о твоемъ здоровьи. Мы всѣ обстоимъ благополучно. Я подалъ въ отпускъ на 4 мѣсяца къ Кавказскимъ водамъ и въ Одессу, съ цѣлью побывать также въ Малороссіи для принятія Новаковъ. Какъ бы хорошо было, если бы ты могъ съѣхаться тамъ съ нами. Просьба моя не произвела дурныхъ впечатлѣній; ее приняли за дѣло обыкновенное. Дай Богъ, чтобы никакія событія не помѣшали воспользоваться отдыхомъ. Прощай, обнимаю тебя и цѣлую за Машу. Поклонись роднымъ. Я къ нимъ писалъ послѣ новаго года.

Н. У.

119.

Одесса 13 іюля 1850 года.

Я было уже написала тебѣ изъ Новаковъ; но вдругъ заболѣла и, не успѣвъ кончить письма, уѣхала лѣчиться въ Одессу. Вотъ, милый Володя, причина моего долгаго молчанія; надѣюсь, что ты не безпокоишься, и мирно ожидаешь дополненія *историческихъ* свѣдѣній насчетъ моего послѣдняго письма. Къ счастью оныхъ нѣтъ; все кончилось удивительно миролюбиво и благополучно. Передъ отъѣздомъ изъ Малороссіи проживали мы дней пять въ Чевельчѣ; папа, благодаря Богу, совершенно здоровъ и веселъ. Maman въ четыре глаза смотритъ, чтобы угодить ему.

Мы теперь уже шесть дней, какъ живемъ въ Одессѣ, и все еще не совсѣмъ устроились. Какая разница съ заграничными приморскими городами! Здѣсь нѣтъ никакихъ удобствъ и никакого устройства. Пріѣзжаешь на шесть недѣль, а надо обзаводиться, какъ на цѣлую жизнь. Не знаю, какъ въ трактирахъ. Мы не могли тамъ найти ни одного свободнаго номера и должны были нанять квартиру за городомъ, т. е. четыре стѣны, въ которыя необходимо было ставить мебель, купить посуду, нанять кухарку и пр. и пр. Такіе были хлопоты, что мы не разъ жалѣли, что забрались въ такую трущобу. Но дѣлать было нечего... Благодаря рекомендаціи Ивана Петровича Невѣровскаго, мы нашли здѣсь самый радушный пріемъ въ домѣ сестры его, Татьяны Петровны Гофманъ и всего ея семейства. Безъ нихъ мы пропали бы или на другой же день возвратились бы въ Новаки. A propos, поздравь меня Малороссійской помѣщицей! Новаки уже совершенно наши; папа такъ добръ, что даетъ и маленькое хозяйство на первое обзаведеніе. Меня очень занимаетъ устройство этого имѣньица. Н. Ив. говоритъ, что надо много денегъ на приведеніе его въ порядокъ. Я беру на свое попеченіе садъ; онъ и теперь чудесный, хотя въ очень дикомъ состояніи. Цѣлый мѣсяцъ мы странствовали, какъ цыгане, по всей Малороссіи: были у Любиньки, у бабушки, даже заѣхали къ Ник. Михайловичу въ Кременчугъ. Теперь намѣрены отдыхать; но, кажется, суета насъ преслѣдуетъ. Николай Ивановичъ пьетъ теперь Маріенбадскую воду; послѣ двухнедѣльнаго курса начнетъ купаться въ морѣ. Я уже нѣсколько дней купаюсь, и очень довольна этимъ. Одно нестерпимо—это жара; даже за городомъ дышать невозможно. Впрочемъ, время идетъ скоро и весело, благодаря Гофману, который имѣетъ свою ложу въ Итальянскій спектакль; мы часто бываемъ въ оперѣ, а это не малое удовольствіе. Сверхъ того здѣсь еще есть теперь русскій театръ, гдѣ

я уже была два раза; но, признаюсь, je ne goûte pas trop ce plaisir; вѣрно съ непривычки, ибо прочіе всѣ въ восхищеніи отъ Щепкина, Живокини, Самойловыхъ и пр. Билеты продаются на расхватъ.

Обнимаю тебя, мой милый другъ Вольдемаръ. За грѣхи мы попали, кажется, въ Одессу, гдѣ все такъ неудобно для лѣченія и гдѣ дороговизна теперь не меньше Петербургской, съ тою разницею, что удобствъ для жизни гораздо менѣе. Одна отрада—купанье въ морѣ, но мнѣ еще не позволяютъ купаться, а сначала посовѣтовали пить Маріенбадскую воду, что я и дѣлаю съ большимъ усердіемъ, въ надеждѣ скоро окунуться въ морскія волны. Впрочемъ я доволенъ уже и тѣмъ, что купанье, кажется, весьма хорошо дѣйствуетъ на Лизу и она почти пристрастилась къ морю.

Хотѣлъ бы еще наполнить чѣмъ нибудь листокъ, но жара нестерпимая, такъ что трудно даже очинить перо, которое превратилось въ совершенную помѣху. Мы здѣсь останемся до 1-го сентября, а потомъ поѣдемъ въ Варшаву чрезъ Малороссію, пробудемъ нѣсколько дней въ Новакахъ, погостимъ немного въ Чевельчѣ, а потомъ къ имянинамъ Любиньки, т. е. къ 17 сентября, надѣемся быть въ Монастырищѣ. Новаки очень разстроены, но, съ Божіею помощію, какъ нибудь поправимся; только нужно положить много денегъ, особенно на домъ, который почти обрушивается.

Прощай, мой милый другъ. Цѣлую тебя отъ всего сердца за себя и за Машу и остаюсь твой преданный братъ

Н. Ушаковъ.

P.S. Если увидишься съ сестрою Мар. Ив., то скажи, что мы всѣхъ ихъ обнимаемъ и будемъ писать особо.

120.

Одесса 29 августа 1850 г.

Мы получили предпослѣднее письмо твое, милый Володя, передъ самымъ выѣздомъ нашимъ на южный берегъ Крыма; поэтому не успѣли отвѣчать тебѣ. Вчера мы возвратились, и Александръ Антоновичъ еще на пароходѣ пришелъ встрѣтить насъ и несказанно обрадовалъ, вручивъ мнѣ послѣднее письмо твое. Тысячу разъ благодарю тебя, мой ангелъ, за аккуратность въ перепискѣ, къ которой я не очень привыкла.

Теперь вина съ моей стороны. Но ты не повѣришь, какъ мнѣ тягостно было каждое напоминаніе о прежнемъ и съ какимъ страхомъ избѣгала я даже вида бумаги и пера, чтобы не заставить себя думать и писать о быломъ-настоящемъ. Теперь столько новыхъ лицъ и предметовъ перебѣжали мнѣ дорогу, что, я думаю, годы времени прошли съ тѣхъ поръ, какъ я оставила Варшаву и родныхъ. Слава Богу, кажется, и тамъ мирительный потокъ времени сгладилъ всѣ шероховатости и жизнь пошла тихо, волнуясь своей обычной волной, какъ соленое море прежде и послѣ крушительной бури, поглотившей корабль. Страшное сравненіе это невольно выразило тебѣ ужасныя мысли, тяготѣющія еще надо мною, послѣ нашего морского путешествія изъ Севастополя въ Одессу. До сихъ поръ еще мнѣ грезится эта темная ночь съ своимъ порывистымъ вѣтромъ и мелкимъ дождемъ, ноги трясутся на твердой землѣ, какъ на палубѣ, и въ голову лѣзутъ всѣ прежніе страхи погибели. Я думаю трудно вообразить, когда не былъ свидѣтелемъ, ту всеобщую панику, которая вспыхнула, когда въ 11 часовъ утра, на мѣсто того, чтобы быть у береговъ Одессы, мы очутились въ полномъ морѣ, не зная, куда плывемъ и что съ нами будетъ. Каждый дѣлаетъ свои предположенія и повѣряетъ другому опасенія... Вдругъ раздается трескъ—какъ будто взрывъ, другой, третій... У насъ замерла душа, лица вытянулись, поблѣднѣли, шопотъ разговоровъ затихъ и каждый, притая дыханіе, ждетъ чего то ужаснаго. Вспомнить не могу этого мгновенія! Слава Богу Всемогущему, мы остались только при ожиданіи. Машину охолодили, дорогу нашли, хотя Константинопольскую; послѣ 6 часовъ неизвѣстности и безпокойства мы увидѣли наконецъ берегъ. Но я до сихъ поръ еще не совсѣмъ пришла въ себя, хотя и принимала рвотное, чтобы избавиться отъ накопившейся желчи. Не смотря на всѣ красоты природы, которыя мы видѣли, я съ радостью буду говорить объ нихъ только въ Новакахъ и, конечно, надолго излѣчусь отъ страсти къ перемѣнѣ мѣстъ. Въ будущемъ году, если Богъ дозволитъ, ожидаю тебя въ Новаки; до того времени надѣюсь тамъ устроиться. Съ Крымскаго берега пришлютъ мнѣ множество сортовъ дерева и я съ восторгомъ думаю, какъ все это будетъ садиться, приниматься, и мой садъ похорошѣетъ. Онъ и теперь уже очень красивъ въ своей гористой дикости; но если прудъ обсадится плакучими ивами, а заборъ и пасѣки покроются вьющимися растеніями, то это будетъ диво. Папа намъ далъ овецъ, коровъ и пр. на первое обзаведеніе. Романовичъ будетъ хлопотать о постройкахъ, а Григорій покамѣстъ завѣдываетъ хозяйствомъ. Если бъ было гдѣ жить, я бы и эту зиму пробыла въ Новакахъ; но домъ передѣлываютъ, и это невозможно. Для совершеннаго моего счастья недоставало бы только, чтобы ты женился въ Малороссіи и жилъ подлѣ насъ. Это впрочемъ вещь возможная, если твои предположенія насчетъ

К. не могутъ исполниться; невѣстъ у насъ куча—недостаетъ только жениховъ. Я приглашала Форрегера въ нашу колонію. Чудесно было бы подъ старость жить всѣмъ семействомъ въ родномъ краѣ. Николай Ивановичъ очень полюбилъ Малороссію, а Маша только и бредитъ, что о привольѣ деревенской жизни. Слава Богу, они всѣ здоровы. Магіе была съ нами въ Крыму и всюду. Меня очень удивило, что Безаки еще въ Петербургѣ; развѣ Л. Ив. не ѣздила въ Остенде? Кланяйся имъ очень отъ меня. Я рѣшительно ни къ кому не пишу, чтобы не затрагивать извѣстнаго тебѣ предмета; когда немного начнутъ забывать эту исторію, я опять примусь за переписку. Вмѣстѣ съ тобой желаю, чтобы самъ папа успокоился; но мало на это надѣюсь. Что онъ не говори, а деревенская жизнь ему не подъ стать. Боюсь ужасно, чтобы онъ не поѣхалъ въ Петербургъ этой зимой; тамъ окончательно его собьютъ съ толку—толкованія извѣстныхъ лицъ. Онъ все еще убѣжденъ, что это было не иное что, какъ интрига людей, желающихъ занять его мѣсто; и что, такъ какъ въ его политической жизни ничего не могли найти, чтобы придраться, выкопали семейныя дѣла на сцену и, исковеркавши ихъ, сдѣлали поводомъ къ удаленію отъ службы. Разъ допустивши подобное предположеніе, очень логически думаешь и желаешь оправдаться передъ высшимъ начальствомъ въ несправедливости низшаго. Это-то недоразумѣніе и дѣлаетъ всю бѣду; но найди способъ выпутаться изъ одной бѣды, чтобы не впасть въ другую горшую. Слушающій да разумѣетъ. Постараюсь тебѣ написать изъ Чевельчи, что тамъ рѣшатъ, если удастся что нибудь выжать изъ необозримаго лабиринта и неисчерпаемаго источника разговоровъ, догадокъ, предположеній, обвиненій, рѣшеній, перемѣнъ и нескончаемыхъ преній насчетъ одного и того же разно понятнаго предмета.

Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя сто разъ и благословляю.

Élise Ушакова.

30 августа.

Лиза написала много, но забыла сказать, что мы выѣзжаемъ завтра вечеромъ. Я очень радъ воротиться восвояси, ибо наскучила крайне кочевая жизнь, которая и не дешево стоитъ. Что касается до страха на морѣ, то Лиза по обыкновенію удесятерила его. Крымъ меня не очаровалъ: я видѣлъ многое лучше; но объ этомъ распространяться некогда, ибо мы укладываемся. Обнимаю тебя тысячу разъ и радъ, что ты получилъ деньги.

Твой другъ Н. У.

121.

Варшава 16 октября 1850 года.

Послѣ всѣхъ прелестей деревенской жизни суждено мнѣ было узнать и всѣ ужасы тамошней жизни, когда заболѣла Marie и самый близкій докторъ оказался за 75 верстъ. Благодаря милосердію Божію, ей стало лучше и мы въ страшныхъ попыхахъ собрались въ путь 26 сентября, просрочивъ 4 дня по данному Н. Ив. отпуску. Пріѣхали въ Варшаву вечеромъ 4 октября, послѣ самой томительной дороги. Грязь и снѣгъ преслѣдовали насъ всюду, гдѣ мы избѣгали непріятныхъ остановокъ по случаю Высочайшаго проѣзда въ Варшаву. Казалось, все и вся стремилось на юбилей, который Государь Императоръ открылъ 5-го числа и подробности празднованія коего ты, вѣроятно, знаешь уже давно изъ газетъ. Я не представлялась и не участвовала во всѣхъ этихъ пиршествахъ, ибо весьма кстати заболѣла послѣ дорожныхъ хлопотъ и неудачъ. При томъ же воспоминаніе отставки папы и еще теперешнихъ толковъ объ оной не совершенно располагало меня къ радости, какъ ты легко можешь себѣ представить; особенно въ Варшавѣ, гдѣ дружбу каждаго человѣка, кажется, мѣряютъ по числу сказанныхъ имъ непріятностей. Я до того взволнована, растерзана, напугана этимъ страшнымъ сплетеніемъ именъ, денегъ, лицъ и вещей, что сама боюсь видѣть чужое лицо и слышать новое: Вы знаете, что... и проч. Признаюсь тебѣ, что это положеніе почти невыносимо. И я со страхомъ думаю, что скоро всѣ наши Высокіе Гости разъѣдутся, и надо будетъ мнѣ опять выѣзжать и опять слышать тѣ же милыя фразы, подвергаться тѣмъ же вопросамъ и сочинять тѣ же отвѣты, болѣе или менѣе правдоподобные. Если ты помнишь этого несчастнаго спартанца, котораго мы такъ жалѣли въ дѣтствѣ, глядя на его веселенькое личико, когда чужая лисица грызетъ ему сердце, то, конечно, физіономія моя походитъ на его, когда я ѣзжу дѣлать визиты. Самолюбіе поддерживаетъ меня et je fais bonne mine au mauvais jeu. Надѣюсь однако же, что это не долго продлится и что, наконецъ, забудутъ и папу, и Ю. Ив. Чтобы дать тебѣ однако же маленькое понятіе о здѣшнихъ сочинителяхъ, разсудившихъ за благо придумать какую нибудь трагическую развязку, скажу тебѣ, что говорятъ: Ю. Ив. яко-бы заперли въ Кіевѣ въ монастырь; но, какъ Бибиковъ ни смотрѣлъ за этимъ, она ушла и проч. Куча небылицъ подобнаго рода. Когда я возвратилась въ Варшаву, то никто не могъ повѣрить, что у насъ все въ мирѣ и тишинѣ. „Да какъ же это?“ спрашивали меня со всѣхъ сторонъ, „а мы слышали то и то“.—„Не знаю, право, что вы слышали, а я вамъ говорю, что я

10 дней, какъ оттуда, и вотъ какъ есть тамъ дѣла".—Страшное разочарованіе; никто не хочетъ разстаться съ такъ романтически придуманной драмой. Но такъ какъ каждое зло имѣетъ свою хорошую сторону, то и эти грубо сколоченныя басни имѣютъ то утѣшительное, что заставляютъ сомнѣваться и въ другихъ, болѣе правдоподобныхъ, и тѣмъ болѣе оскорбительныхъ слухахъ. По пріѣздѣ нашемъ въ Варшаву застали мы письмо твое отъ 26 сентября. Цѣлую тебя за этотъ милый сюрпризъ. Насчетъ нашихъ не безпокойся; всѣ тамъ въ вожделѣнномъ здравіи и благоденствіи; одного опасаюсь, чтобы Ю. Ив. не прибрала къ рукамъ довольно шаткой въ этомъ отношеніи воли папы и не поставила бы опять все на свой ладъ. Папа такъ добръ, что не можетъ видѣть себя окруженнымъ пасмурными лицами, а тѣмъ болѣе несчастными и больными. А Ю. Ив. при каждомъ удобномъ случаѣ жалуется на свою болѣзнь и при малѣйшемъ словѣ не по ней начинаетъ плакать. Во избѣжаніе этихъ сценъ папа готовъ сказать, что онъ во всемъ и всегда виноватъ, только не плачь и будь здорова. Я даже совсѣмъ не удивлюсь, если она убѣдитъ его ѣхать заграницу,—вещь, которую теперь нельзя и затрогивать—такъ онъ сердится. Въ Петербургѣ папа все таки располагаетъ ѣхать при первыхъ деньгахъ; не знаю, скоро ли удастся этотъ вояжъ. Ты, кажется, собираешься даже зимою прикатить къ намъ въ Варшаву. Признаюсь, какъ бы ни счастлива была этимъ свиданіемъ, но думаю, что если два отпуска невозможно имѣть въ одинъ годъ, то лучше пріѣзжай сюда весной и потомъ уже изъ Варшавы мы вмѣстѣ поѣдемъ навѣстить папу. Ему бы, бѣдному, было очень грустно, если бы онъ узналъ, что ты былъ въ Варшавѣ и не побывалъ въ Малороссіи, а зимой ѣхать въ Малороссію все равно, что странствовать по Сибири. Такъ какъ Н. Ив. не можетъ взять отпуска будущимъ лѣтомъ, то мнѣ было бы очень весело проѣхать съ тобою въ Малороссію. Увидимъ Новаки и что тамъ будетъ сдѣлано за этотъ годъ. Эта одна надежда заставляетъ меня переносить всю скуку Варшавской жизни. Но если ты не пріѣдешь, то врядъ ли я рѣшусь ѣхать одна въ Чевельчу; хотя на прощаньи дала почти слово папѣ пріѣхать пожить. Онъ теперь очень одинокъ и, конечно, скучаетъ за мной и за отрадой потолковать на распашку обо всемъ. Послѣднее прощанье наше сдѣлало сильное на меня впечатлѣніе. Я, кажется, всѣ свои слезы выплакала въ молодости и посему, вѣроятно, теперь не плачу. За то папа бѣдный расчувствовался до слезъ; не говорю уже о Юл. Ив., которая просто рыдала. Я нарочно посылаю тебѣ отрывокъ письма ея, чтобы дать идею, какъ она понимаетъ свое положеніе и свою виновность. Насчетъ эмеритальной пенсіи, кажется, нечего намъ тревожиться: Ник. Ив. ѣздилъ къ Туркулу и Лебрену, и они рѣшительно увѣрили его, что она подписана и

скоро выйдетъ на старомъ основаніи, т. е. гораздо выгоднѣе теперь придуманныхъ нововведеній.

Цѣлую тебя, мой ангелъ, и здѣсь же прощусь съ тобой, чтобы уступить мѣсто Н. Ив., который хотѣлъ приписать тебѣ нѣсколько словъ. Кланяйся Люб. Ив. и Алекс. Павл. Какъ я жалѣю, что его здѣсь не было съ Государемъ!

Любящая тебя Лиза Ушакова.

Здравствуй, милый другъ Вольдемаръ! Вотъ уже около двухъ недѣль, какъ мы на мѣстѣ, въ Варшавѣ, послѣ 4-хъ-мѣсячнаго путешествія, сопровождавшагося разными приключеніями, неудобствами и даже болѣзнію Маши; но объ этомъ Богъ дастъ поговоримъ когда-нибудь при свиданіи. Теперь мы въ прежней колеѣ, но недостаетъ здѣсь только Рара, и пустота эта для насъ замѣтна послѣ долговременной привычки жить вмѣстѣ. У насъ въ Новакахъ большое неустройство. Мы поручили Н. Ѳ. Романовичу поставить это имѣніе въ другой видъ, за 10 проц. въ его пользу. Года черезъ три, если все удастся, можно будетъ отправиться туда на совершенный покой, о чемъ я очень подумываю, ибо, кажется, моему честолюбію насталъ предѣлъ: мысль эту когда нибудь разовьемъ въ дружеской бесѣдѣ, а теперь прощай покуда. Обнимаетъ и цѣлуетъ тебя преданный братъ

Н. Ушаковъ.

122.

Варшава 1 декабря 1850 г.

Вчера получила я письмо твое отъ 28 ноября, милый другъ Володя. Мнѣ очень жаль, что заставила тебя безпокоиться своимъ молчаніемъ; теперь ты, вѣроятно, уже получилъ мое письмо и знаешь. что мы тоже, глядя на другихъ, завертѣлись въ суетливой и безтолковой Варшавской дѣятельности безъ дѣла. Такъ какъ я было отъ этого отвыкла, то и заболѣла. Сильная боль въ поясницѣ не давала мнѣ нѣсколько дней покоя. Ни спать, ни ѣсть, ни ходить не могла. Думала было артретизмъ наслѣдственный; но, благодаря Богу, послѣ піявокъ и скляночки скудамори сдѣлалось лучше,—однако же еще не могу выѣхать. Сижу до полночи. Играю въ преферансъ и пишу запоздалыя письма. Вотъ между прочимъ письмо къ Любовь Ивановнѣ; сдѣлай

дружбу, передай. Посылаю тебѣ расписку о высылкѣ вещей изъ конторы Теплица. Какъ только будетъ сдѣлано, напишу. Ты очень счастливъ, что получаешь извѣстія отъ папы; кромѣ перваго письма отъ 25 октября, мы ничего не имѣемъ, кромѣ безпокойствъ. Дѣла его здѣсь не подвигаются; жалованье задерживаютъ безъ всякаго права; я просила уже сама Викинскаго объ ускореніи разсчетовъ; но какъ начали собирать свѣдѣнія и проч., да составлять, да переписывать, да сноситься съ контролемъ, да... и проч. и проч. Н. Ив. дажего ворилъ фельдмаршалу объ этомъ. Такъ что же?

15 декабря.

Были польскіе праздники и другія дѣла; не успѣла кончить начатое письмо. Между тѣмъ получила письмо отъ папы. У нихъ все благополучно. Юлія Ивановна скучаетъ; папа хозяйничаетъ и жалуется на акцизъ и на задержку жалованья. Понимаю, что это стѣсняетъ его денежныя обстоятельства; но какъ уже тебѣ говорила, помочь рѣшительно невозможно. Вчера вечеромъ нарочно ѣздила въ замокъ, надѣясь имѣть случай сказать фельдмаршалу объ этомъ; но не удалось. Вообще, кажется, избѣгаютъ говорить со мной о папѣ и его дѣлахъ, т. е. дѣлахъ Ю. Ив. Оно бы и лучше, если бы папа могъ понять это несносное положеніе; но, считая *себя* несправедливо обиженнымъ, онъ ничего не хочетъ знать про другихъ и, слѣдственно, входить въ положеніе людей, которыхъ онъ заставляетъ хлопотать за себя и выслушивать не совсѣмъ пріятныя вещи. Ужъ какъ бы я была рада, если бы это все окончательно устроилось! Къ несчастью дѣла идутъ не такъ скоро, какъ слова, и надо пользоваться покамѣстъ увѣреніями, что конецъ будетъ благополучный. Я очень рада, что ты приблизительно спокоенъ и доволенъ своею участью. Жаль, что вмѣсто англійскаго языка ты не занялся французскимъ. Чѣмъ выше будешь идти по службѣ, тѣмъ необходимѣе онъ будетъ тебѣ. Ты самъ знаешь, сколько папа, Н. Ив и пр. теряли незнаніемъ этого проводника ко всевозможнымъ цѣлямъ. Я еще болѣе убѣдилась въ этомъ при наблюденіи за ходомъ дѣлъ во время послѣдней венгерской войны. Не говоря уже объ обществѣ, гдѣ безъ французскаго языка также невозможно обойтись, какъ безъ фрака и сюртука. Къ слову объ обществѣ: вообрази, что Очкинъ бываетъ теперь вездѣ. И какъ я удивилась, встрѣтивши его у Князя запросто. Насъ было только четыре дамы и шесть мужчинъ, сидѣвшихъ за однимъ столикомъ. Но тебя, вѣроятно, все это очень мало интересуетъ. Сегодня была у меня Софи съ Лизенькой; какая она чудесная дѣвочка! Миша еще лучше: двѣ капли воды похожъ на Петра Михайловича Дарагана. Моя Marie съ ними въ большой дружбѣ и вчера

почти цѣлый день тамъ оставалась. Еще не начинаю ее послѣдовательно учить; ей такъ скоро все надоѣдаетъ, что я въ видѣ большой награды обѣщаю ей уроки послѣ Новаго года. Прощай, мой другъ. Цѣлую тебя и благословляю. Н. Ив. здоровъ, но все возится съ своими бумагами. Жаль, что не сказалъ мнѣ, какое впечатлѣніе сдѣлала на тебя К. въ театрѣ.

Твоя Лиза Ушакова.

Лиза всегда оставляетъ мнѣ такъ мало мѣста, что приходится писать развѣ на конвертѣ, прибавлять же листокъ боюсь, чтобы не заговориться безъ конца. Впрочемъ, я намѣренъ скоро обременить тебя одною справкою и тогда уже напишу непремѣнно особое посланіе, а теперь пріими мой искренній поцѣлуй и вѣрь сердечной дружбѣ преданнаго брата

Н. Ушакова.

123.

Варшава 17 апрѣля 1851 г.

Несмотря на всегдашнее желаніе мое писать къ тебѣ чаще, — пишу рѣдко; какъ это случается, ужъ и сама не знаю. Вѣроятно отъ того, что и ты рѣдко мнѣ пишешь, милый Воля; а между тѣмъ другіе мои корреспонденты поаккуратнѣе тебя, такъ, что каждую недѣлю найдется два, три устарѣлыя письма, на которыя надо состряпать отвѣтъ. О тебѣ я имѣла послѣднія извѣстія черезъ Очкина et compagnie. Любовь Ивановна тоже писала о тебѣ; жаль, что ты совсѣмъ туда не ходишь. Желала бы я знать: что ты именно намѣренъ дѣлать лѣтомъ и какъ употребишь 28-ми-дневный отпускъ? Папа пишетъ, что ты хочешь ѣхать въ Лондонъ, Любинька говоритъ, что посѣтишь Монастырище, я надѣюсь — видѣть тебя въ Варшавѣ... Что изъ этого исполнится? Напиши пожалуйста обстоятельнѣе. У насъ совершенная уже весна; все зеленѣетъ и цвѣтетъ; отъ 15 до 20 град. тепла, и гроза бываетъ, какъ лѣтомъ. Чудо, что за климатъ! Пыли еще нѣтъ, и въ садахъ блаженство: гіацинтовъ цѣлыя поля у Ульриха и Ома. Wyborna kawa, szparagi i kurczęta притягиваютъ толпу праздношатающихся гастрономовъ въ огрудки. Общество (особенно варшавское) весной дѣлаетъ такое же пріятное ощущеніе, какъ мухи лѣтомъ. Блаженъ, стократъ блаженъ, кто можетъ избавиться отъ обоихъ!

Л. Ив. Безакъ пишетъ мнѣ, что они будутъ сюда въ концѣ апрѣля, такъ что я уже не успѣю отвѣчать ей въ Петербургъ. Повидайся съ нею до ея отъѣзда и благодари очень за милое письмо. Анна Михайловна, кажется, совершенно тобой завладѣла. Можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ очень достойная особа, но къ несчастью ей было суждено первой разочаровать меня. Потомъ случалось мнѣ часто встрѣчать подобныхъ ей особъ, но тогда я уже была обстрѣлена, и мы остались въ найлучшихъ отношеніяхъ. Съ ея же личностью связано самое непріятное для меня время и начало моей ужасной, мучительной недовѣрчивости. Я не въ состояніи побѣдить этого впечатлѣнія и не могу повѣрить, чтобы женщина, которая могла такъ, по привычкѣ, de gaieté de coeur хитрить съ добрымъ и молодымъ созданіемъ, любившимъ ее до энтузіазма, чтобы эта женщина была бы искренна когда нибудь и съ кѣмъ нибудь въ мірѣ. Это впрочемъ нисколько не помѣшаетъ намъ быть на самой хорошей ногѣ, если судьба, въ насмѣшку, заставитъ насъ жить вмѣстѣ.

Если видишь добрѣйшую Наталью Андреевну и Марью Ивановну, то кланяйся имъ отъ меня. Прощай, мой другъ; будь здоровъ и счастливъ.

Любящая тебя Лиза Ушакова.

Н. Ив. обнимаетъ тебя; Маша цѣлуетъ дядю отъ души. Michel'ю Богъ далъ еще дочку, Соню; я раза три была у нихъ на праздникахъ; Sophie еще не оправилась. Предположенная свадьба Баси разстроилась. Блюменфельдъ говорилъ, что въ Чевельчѣ все очень благополучно; но я всетаки буду очень рада, если моя поѣздка въ Малороссію не состоится.

124.

Варшава 24 мая 1851 г.

Думала получить отъ тебя положительныя свѣдѣнія о планахъ на это лѣто, но ошиблась. Кажется, всѣ условились держать меня что называется „le bec dans l'eau“. Надѣялась по крайней мѣрѣ, что съ папой рѣшительно уговорились и ты тоже списался; ничуть не бывало. Вчера получаю письмо: „можетъ быть, ты съ братомъ пріѣдешь этимъ лѣтомъ въ Чевельчу“? Это презабавно: переписываться 6 мѣсяцевъ,... чтобы кончить тѣмъ же вопросительнымъ знакомъ, который стоялъ въ декабрѣ!

Я рѣшительно не двигаюсь изъ Варшавы, пока не узнаю, что ты думаешь дѣлать; въ Чевельчу также *рѣшительно* не ѣду. Если бы удалось съѣздить въ Остенде на шесть недѣль, то была бы очень рада; но и этотъ вояжъ зависитъ отъ тебя. Всего было бы лучше, если бы возможно было, чтобы ты проводилъ меня туда. Подумай объ этомъ и скажи, что нужно сдѣлать, дабы привести въ исполненіе этотъ планъ. Ты побывалъ бы въ Варшавѣ, отвезъ бы меня въ Остенде и прямо оттуда возвратился бы въ Петербургъ. За паспортъ твой я заплачу, ибо у меня 1000 р. с., а жизнь тамъ и вояжъ мнѣ, Машѣ и горничной обойдется только въ пять тысячъ злотыхъ. Если же это предположеніе не удобоисполнимо, то я начну пить воды здѣсь, а поѣду въ Остенде въ концѣ іюля, уже послѣ свиданія съ тобою. Сдѣлай только дружбу, милый Володя, увѣдоми меня положительно, когда ты намѣренъ сюда пріѣхать, чтобы я могла распорядиться насчетъ твоего помѣщенія и пр. и пр. Блюменфельдъ былъ сейчасъ у меня и говорилъ, что папа ему пишетъ, что онъ ожидаетъ тебя и насъ въ Чевельчу. Развѣ ты опять перемѣнилъ свои намѣренія и получилъ отпускъ на большее время?

У насъ была страшная суматоха по случаю Высочайшаго пріѣзда; но теперь всѣ успокаиваются понемногу и разъѣзжаются. Безаки пробыли здѣсь болѣе двухъ недѣль. Теперь Вороновъ пріѣхалъ, но тебя никто не видѣлъ и ничего не могли мнѣ разсказать. Въ надеждѣ на скорое свиданіе съ тобой я не очень объ этомъ жалѣла; но если ты не пріѣдешь, то я, право, прійду въ отчаяніе. А я и такъ не совсѣмъ здорова и очень похудѣла. Маша, слава Богу, здорова, весела и учится по маленьку. Николай Ивановичъ по прежнему бредитъ объ отставкѣ и деревенской жизни. Рѣшится все это, вѣроятно, въ августѣ или сентябрѣ. Поправка Новаковскаго дома подвигается,—но и стоитъ! Сѣно продали; табакъ начали садить; водку курятъ, но не продаютъ. Акцизъ подорвалъ эту статью; а какъ другого хозяйства еще у насъ нѣтъ, то и нельзя надѣяться на доходы. Прощай, мой милый добрый другъ, цѣлую тебя и каждую минуту жду тебя.

Любящая тебя Лиза Ушакова.

Николай Ивановичъ тебя цѣлуетъ и ожидастъ съ нетерпѣніемъ, Маша всѣмъ разсказываетъ, что дядя будетъ учить ее по англійски.

125.

Діэппъ 7/19 *сентября 1851 г.*

Я получила два твоихъ письма черезъ Н. Ив., но, право, не знала, куда адресовать отвѣты и посему не писала до сихъ поръ; Diépre имѣетъ сношенія съ Одессой; и я рѣшилась по указаніямъ Н. Ив. писать прямо въ Херсонъ, черезъ Одессу, а не посылать уже письма въ Варшаву, куда я безпрестанно посылаю пакеты: то папѣ, то Любинькѣ, то самому Н. Ив. и проч. А за границей, ты знаешь, какъ время дорого; располагаешь ѣхать на мѣсяцъ, остаешься три; думаешь ничего не видѣть и ничего не покупать, а мысль, что это, можетъ быть, первый и послѣдній разъ, что удалось посѣтить Францію, заставляетъ забывать усталость и учетверяетъ силы. Не могу сказать, чтобы эта кутерьма мнѣ очень нравилась; но не могу и не сознаться, что въ нѣкоторомъ отношеніи разсѣяніе и эта цыгански-безтолковая жизнь имѣютъ свою хорошую сторону, изолируя человѣка отъ его обычной *дѣйствительной* жизни, заставляя умъ его вращаться около новыхъ, какъ бы не своихъ предметовъ, и успокаиваютъ сердце, разгибая прежнія складки и загибая безпрестанно новыя, но не глубокія, не тяжелыя. Начало было тяжелое; въ Эмсѣ я скучала ужасно, даже жалѣла Варшаву и привычный кругъ друзей и недруговъ; но скоро ванны, ходьба и воды возстановили усталую природу и я съ радостью приняла дружбу и внимательность окружающихъ меня людей. И кто не помирится съ жизнью въ этихъ чудныхъ горахъ, гдѣ все твердитъ о могуществѣ и благости Творца вселенной; людей почти не видишь, такъ они малы, а зелень, музыка, цвѣты, луна и солнце имѣютъ свой вѣчно юный, всегда понятный языкъ. Мы познакомились и даже сблизились съ однимъ бельгійцемъ, женатымъ, немолодымъ, но безконечно добрымъ, который полюбилъ меня по сходству съ дочерью своей, qui faisait l'impossible pour m'amuser; черезъ него сошлись мы тоже, между прочими, съ М-г....., французомъ. Послѣдній проводилъ насъ въ Брюссель и доставилъ благополучно въ Парижъ, гдѣ былъ нашимъ cicerone въ продолженіе двухъ дней, что мы тамъ оставались проѣздомъ въ Діэппъ. Въ Діэппѣ жизнь самая пріятная; мѣстоположеніе красивое, какъ почти во всей Нормандіи; загородныхъ прогулокъ пропасть. Мы уже осмотрѣли Camp de lézards, la vallée d'Arques, знаменитую Генрихомъ IV, и даже провели цѣлый день въ Руанѣ, чтобъ осмотрѣть достопримѣчательности. Это немного освѣжаетъ исторію въ головѣ; и, признаюсь, Іоанна д'Аркъ со своей эпохой очень поэтизируетъ этотъ старый городъ. Но теперь мало кто думаетъ объ этомъ,—такъ новыя идеи, политика и выборъ Президента

кутерьмятъ умы. Французы, кажется, попали въ безвыходную колею; усталые, разочарованные, они кружатся, какъ бѣлка въ колесѣ. Забавно на нихъ смотрѣть, но мало кто согласился бы попасть въ ихъ положеніе. Морскія ванны меня очень укрѣпили; я скоро кончаю курсъ и возвращусь въ Парижъ, гдѣ располагаю прожить по крайней мѣрѣ десять дней. Постараюсь достать хорошую бонну для Маши и запастись книгами на зиму. Въ Варшавѣ такая тоска! Ужъ теперь Любочка надѣлала какихъ-то сплетней Н. Ивановичу; слава Богу, что напала на человѣка, который ее хорошо знаетъ и мало чему вѣритъ безъ доказательствъ; но согласись, что это ужасная скука быть вѣчно подъ присмотромъ и страхомъ пересудовъ, сплетней и зависти. А спрашивается: какъ уберечься отъ этого? Ужъ я нарочно забралась въ Діэппъ, чтобъ избавиться отъ Лох. et compagnie, которые всѣ собрались въ Остенде и Богъ знаетъ что другъ на друга сочиняютъ; но и тутъ не убереглась: встрѣтилась съ Безаками въ Брюсселѣ, и достаточно. Да Богъ съ ними! Скажи пожалуйста, не случалось ли тебѣ встрѣтить въ Дерптѣ, или видѣть гдѣ нибудь Николая Кантакузена (le fils du prince Georges). Онъ теперь лѣчится въ Парижѣ и мы съ нимъ познакомились на желѣзныхъ дорогахъ. П a l'air d'un très bon garçon и въ слѣдствіе разныхъ обоюдныхъ одолженій мы очень сблизились. Сначала меня очень пугали его странности и изнуренный видъ; я думала, что онъ ужъ на дорогѣ Matthieu и бѣднаго Аристида, который окончательно съума сошелъ; но къ счастью парижскіе доктора, разсѣяніе и можетъ даже моя помощь—возстановили равновѣсіе въ его измученной природѣ; онъ видимо сталъ поправляться и веселѣть. Мнѣ очень будетъ жаль, если все это лѣченіе пропадетъ даромъ!

Если ты будешь въ Одессѣ, какъ думаешь, то познакомься съ семействомъ Гофмана. Папа ничего мнѣ не пишетъ насчетъ своихъ проектовъ; и объ Юльѣ Ивановнѣ я уже не слыхала болѣе пяти мѣсяцевъ. Жаль, что не удастся мнѣ увидѣть Лизы Дараганъ, которую ты такъ хвалишь. На комъ опять собираются тебя женить? Лишь бы только не на Julie Тарновской. Тамъ пожалуй и ее находятъ хорошей партіей, потому что дядя даетъ приданное.

Прощай, мой другъ; цѣлую тебя тысячу разъ и опять благодарю за письма; напишу еще разъ изъ за границы, чтобы ты зналъ, что я здорова и по прежнему люблю тебя. Интереснаго столько, что надо писать много и часто, или ничего не писать. До свиданья будущаго года? Очень утѣшительно.

Твоя Лиза Ушакова.

126.

Варшава 30 октября 1851 г.

Ты не ошибся, милый братъ; письмо твое отъ 4 октября дѣйствительно застало уже меня въ Варшавѣ, куда я возвратилась 25 октября послѣ 4-хъ-мѣсячнаго путешествія. Почти мѣсяцъ прожили мы въ Парижѣ, а прочее время странствовали по Германіи и Франціи. Дѣятельно и суетливо провела я это время; за то бюро, каминъ, пате и книги вдвое показались мнѣ милѣе дома. Николай Ивановичъ не перестаетъ меня баловать и приготовилъ мнѣ кучу сюрпризовъ, которые меня очень обрадовали.

27 ноября.

Я думала, что это письмо давно уже отправлено; сегодня собираюсь писать тебѣ другое и, представь, нахожу этотъ начатый лоскутокъ. Извини мою разсѣянность; но сначала визиты, пріемы и разныя свѣтскія бѣдствія, сопряженныя съ возвратомъ, не давали мнѣ минуты спокойной, а потомъ я заболѣла, и несносное безпокойство желудка и нервовъ нагоняли такую хандру, что я рѣшительно ни за что не могла приняться. Благодаря Бога и съ помощью моего добраго Яссинскаго, я опять здорова и вчера уже пробовала выѣзжать. Погода у насъ отчаянная: снѣгъ и дождь, дождь и снѣгъ, а для перемѣны вѣтеръ. Только и утѣшенія, что спустить сторы да затопить каминъ. Теперь читаю новыя сочиненія l'abbé Chassay—да вечеромъ прохожу съ Машей Библію, да кое-что изъ закона Божія. Ей уже семь лѣтъ и пора исповѣдываться. Съ M-le Julie она тоже успѣваетъ: читаетъ очень хорошо и память у ней прекрасная. Въ каллиграфіи пойдетъ, кажется, по маменькѣ: все еще сидитъ на штрихахъ. Впрочемъ, занимается она всего $2^1/_2$ часа въ день. Главное здоровье, а потомъ наука. Съ тѣхъ поръ, какъ не писала тебѣ, все получаю непріятныя извѣстія объ родныхъ. Смерть достойной нашей Натальи Андреевны очень меня огорчила. Слава Богу, что нашлись добрыя люди, которыя постарались обезпечить участь бѣдныхъ кузинъ. Какъ я жалѣла, что тебя тамъ не было, чтобы облегчить имъ немного эти горестныя минуты. Бабушка тоже была очень больна; Michel даже ѣздилъ въ Малороссію; но, слава Богу, бѣда миновала; за то Maman съ самомъ жалкомъ положеніи. Michel говоритъ, что грудь ея такъ распухла, что даже сквозь одежду видны надувшіяся жилы. Ракъ, кажется, неминуемъ; а она не хочетъ и думать объ лѣченіи или операціи. Я писала ей и папѣ; не знаю, пособятъ ли что мои слова и увѣщанія. Если она согласится

ѣхать въ Кіевъ, а лѣтомъ заграницу, то я хочу взять дѣтей къ себѣ. Пожалуйста, если ты будешь прежде меня въ Малороссіи, напиши аккуратно, какъ ты найдешь Maman и что она думаетъ дѣлать. Мнѣ очень жаль ее! Говорятъ, она все плачетъ, и этой безнадежной горестью убиваетъ себя. Я бы очень желала быть тамъ, чтобы утѣшить ее и представить ей жизнь съ болѣе серьезной стороны. Тогда бы, кажется, всѣ эти семейныя и свѣтскія огорченія исчезли бы, при мысли о вѣчной жизни за гробомъ; а переходное наше существованіе показалось бы только средствомъ примиренія съ Богомъ. Мы такъ привыкли измельчать наши чувства, мысли, жизнь,—что главная цѣль бытія исчезаетъ въ милліонахъ маленькихъ цѣлей существованія, и отъ того эти сильные, но проходящіе порывы отчаянія, восторга и пр. Если бы мы пріучали себя всегда связывать частное съ общимъ и общее съ частностями, то одно нейтрализировалось бы другимъ и было бы болѣе выдержки —и слѣд. счастья, т. е. спокойствія и мира на землѣ.

Я очень рада, что мысль жениться не устрашаетъ тебя болѣе; дай Богъ, чтобы ты нашелъ достойную тебя. Признаюсь, мысль папы мнѣ не нравится: и я не рѣшилась бы никому предложить 500 душъ въ замѣнъ его души и сердца. Это также одна изъ маленькихъ цѣлей, которая дѣлаетъ затмѣніе на большой цѣли. Я никакъ не привыкну брать жизнь съ одной матеріальной ея стороны, т. е. какъ обыкновенно выражаются: разсудительной. Напротивъ, нахожу не разсудительнымъ разлагать то, что Богъ такъ неразрывно соединилъ, т. е. духъ и тѣло. Слѣдственно и пр. и пр... Надѣюсь, что тебѣ удастся побывать въ Варшавѣ этой зимой и потому оставляю конецъ разсужденій до изустнаго разговора. Охъ, какъ бы я желала тебя увидѣть!

Марья Ивановна писала намъ, что ты теперь въ Одессѣ и думаешь въ январѣ возвратиться въ Петербургъ. Правда-ли это? У насъ теперь всѣ заняты новѣйшими происшествіями во Франціи. А въ блаженной Малороссіи только и разговора, что объ акцизѣ и винокурняхъ. Н. Ѳедоровичъ пишетъ, что домъ нашъ принимаетъ очень порядочный видъ и лѣтомъ можно будетъ пріѣхать пожить въ немъ. Если бы тебѣ удалось пріѣхать въ Новаки! Мы бы чудесно провели лѣто; я совсѣмъ пропиталась помѣщичьимъ духомъ, и надѣюсь, что хозяйственная дѣятельность болѣе мнѣ будетъ по вкусу, чѣмъ безрезультатная жизнь свѣтской дамы. Прощай, мой дорогой другъ; Н. Ив. хотѣлъ писать тебѣ и я уступаю ему перо и бумагу.

Нѣжно любящая сестра Élise.

Не я виноватъ, любезный другъ Вольдемаръ, что ты такъ долго не имѣлъ отъ насъ извѣстій. Мнѣ и на мысль не приходило, чтобы

Лиза могла задержать до сихъ поръ письмо, начатое ею за мѣсяцъ предъ симъ. Воображаю, какъ ты безпокоился.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я опять съ моимъ маленькимъ семействомъ. Лиза возвратилась сюда съ лучшимъ здоровьемъ, нежели поѣхала за границу; но потомъ, чрезъ недѣлю, начала опять чувствовать нервическіе припадки и желодочныя спазмы, которые, благодаря Бога, теперь успокоились. Ей предписана строгая діэта и запрещены продолжительныя сидѣнія по ночамъ, какъ это бывало прежде. Образъ жизни нашей совершенно измѣнился: завтракаемъ въ часъ, обѣдаемъ въ 5-ть часовъ и укладываемъ спать сестру твою въ 11-ть часовъ. Полезны были бы ей движенія на воздухѣ; но у насъ теперь грязь и погода отвратительная. Маша, благодаря Бога, здорова, выросла и пополнѣла немного отъ вояжа. Съ нею прибыла изъ Парижа новая гувернантка, которая кромѣ французскаго языка учитъ и по англійски и преподаетъ начальныя понятія объ исторіи, географіи, грамматикѣ и ариѳметикѣ. M-le Julie Mathorel очень хорошо приготовлена для званія гувернантки и имѣетъ даже на это дипломъ. У Маши прекрасная память и успѣхи въ такое короткое время замѣчательные, тѣмъ болѣе, что она выучивается съ разсужденіями, а не просто на изусть. Два часа въ день немного для такой рѣзвой дѣвочки. За то остальное время она въ безпрерывномъ движеніи. Ужъ какъ было бы хорошо, еслибъ ты пріѣхалъ взглянуть на насъ. Я полагаю, что лѣтомъ лучше выбрать время, когда ты могъ бы вмѣстѣ съ нами отправиться въ Малороссію и провести въ Новакахъ и Чевельчѣ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. Подумай объ этомъ серьезнѣе.

Дошли ли до тебя парижскія новости? Во Франціи важный переворотъ: президентъ ниспровергъ національное собраніе, которое хотѣло арестовать его самого. Человѣкъ 200 народныхъ представителей задержано и между прочими: Кавеньякъ, Ламорисьеръ, Бедо, Тьеръ, Берье и другія знаменитости; изъ нихъ нѣкоторые посажены въ Венсенъ, а часть отправлена въ Гамъ, гдѣ когда то содержался Людовикъ Наполеонъ. На сторонѣ президента войско, котораго въ Парижѣ собралось до 100 тыс. Разумѣется, не обошлось безъ баррикадъ со стороны противниковъ, особенно красныхъ. Но высшая сила взяла верхъ; въ народѣ и въ войскахъ много убитыхъ и раненыхъ; по послѣднимъ свѣдѣніямъ, порядокъ возстановленъ, президентъ удержался и Франція признала эти распоряженія дѣльными. Составляется новый государственный совѣтъ и предложено оставить Людовика Наполеона президентомъ на 10-ть лѣтъ. Чѣмъ все это кончится? Но между тѣмъ конституція и свобода печатанія разрушены, остановленъ выпускъ 19 газетъ. Кто бы могъ ожидать такого обдуманнаго плана и такой рѣшительности отъ президента? Онъ избралъ для этого 2 декабря, т. е. день Аустерлиц-

каго сраженія и коронаціи Наполеона. Тутъ явное подражаніе 18 брюмера, слѣдовательно справедливо, что ничто не ново подъ луною.

Прощай, обнимаю тебя отъ всего сердца и желаю поскорѣе возвратиться въ Петербургъ, если тебѣ это пріятно.

Преданный братъ Н. Ушаковъ.

127.

Варшава 1/13 *января 1852 г.*

Поздравляю тебя, мой ангелъ, съ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобы онъ благополучно протекъ для насъ и какъ нибудь устроилъ обстоятельства, чтобы вѣчно-ожидаемое свиданіе съ тобою не было миѳомъ, о которомъ продолжаютъ еще говорить, но никто уже въ него не вѣритъ. Вчера получила я письмо твое отъ 9 декабря и тысячу разъ благодарю. Лучшаго подарка не могъ ты мнѣ сдѣлать. Какъ я рада, что Constance выходитъ замужъ! Желаю ей всевозможнаго счастья и благодарю судьбу, что мы наконецъ выпутались изъ этой тягостной сѣти прошедшаго. Мнѣ какъ-то легче думать о будущемъ, когда я знаю, что и ты можешь располагать имъ безъ укоризнъ. Зная твои нѣсколько утрированныя мысли насчетъ честности, я не хотѣла говорить тебѣ о желаніи моемъ видѣть тебя женатымъ и осѣдлымъ; какъ ни разсуждай, а жизнь холостяка не совсѣмъ нормальная: природа и религія, необходимость и законъ такъ сталкиваются, что невозможно быть совершенно довольнымъ собой; а безъ внутренняго сознанія въ правотѣ своей жизни и пользѣ своихъ стремленій и трудовъ трудно найти радость и достоинство въ чемъ либо. Говорятъ, страшно жениться, потому что такъ много супружествъ несчастливыхъ; да развѣ много холостяковъ счастливыхъ? А если обѣ стороны имѣютъ свои черныя пятна, то уже вѣрнѣе выбирать женитьбу, чѣмъ болтаться недоконченнымъ весь вѣкъ безъ цѣли и опоры въ моральномъ и матеріальномъ смыслѣ.

9 января. Никакъ не удается мнѣ въ одинъ присѣстъ написать къ тебѣ письмо, мой добрый Воля. Праздничная суматоха немного сбила меня съ толку. Тутъ получила я кучу писемъ и просьбъ. Въ Малороссіи кто-то выходитъ замужъ и я, кажется, считаюсь всеобщимъ коммиссіонеромъ по части приданнаго. Пошла кутерьма съ чепчиками и мантильками. Только что устроила, получила подобное же порученіе отъ Maman. Вчера отослала ящикъ. Папа намѣренъ ѣхать въ Петербургъ; здоровье Ю. Ив. не поправляется; ждутъ только моего появленія въ

Малороссію, чтобы поручить мнѣ дѣтей, послѣ чего Maman, вѣроятно, поѣдетъ за границу лѣчиться Michel и Sophie тебѣ очень кланяются; на дняхъ былъ у нихъ артиллерійскій балъ; препышный! Я оставалась только до одинадцати часовъ; но Н. Ив. возвратился въ 1/2 4-го, а любители танцевъ, вѣроятно, встрѣтили и утро тамъ же. Карнавальное время для меня самое несносное; хотя я совсѣмъ не танцую и выѣзжаю только въ robe montante, по службѣ; но и тутъ не могу убѣдить людей, что лучше всего меня оставить въ покоѣ. Выдумали какіе-то tableaux vivants; прислали ко мнѣ депутацію изъ какихъ-то членовъ чего-то просить, чтобы и я тоже парадировала въ большомъ театрѣ. Не верхъ ли это безтолковости? А отказъ всегда влечетъ за собой непріятности Такая скука. Прежде по крайней мѣрѣ было два-три дома, гдѣ можно было пріятно проводить время; теперь всякій лѣзетъ въ знать. Бѣднаго Оппермана также вткнули туда. Ихъ субботы превратились въ аристократическіе рауты, и наши сюртуки и цыгарки перестаютъ туда ходить. Запросто нигдѣ не принимаютъ; всѣ сѣтуютъ на это, всѣ скучаютъ, проклинаютъ и, боясь ссоры, надѣваютъ мундиры и корсеты, чтобы тащиться по ужасной дорогѣ и зѣвать подъ вѣеромъ, de pair avec les princes. Какъ я счастлива, что избавила себя отъ этой муки и осталась при прежнихъ своихъ привычкахъ.

Насчетъ французскихъ дѣлъ у насъ уже успокоились; войны не ждутъ.

14 января. Получила второе твое письмо; и право стало очень совѣстно, что опять такъ затянула свою корреспонденцію. Но случились коекакія дѣла и безпокойства; а я никакъ не могу устроиться, какъ прочіе люди,—одна забота поглощаетъ у меня всѣ другія мысли. Другія письма пишу наскоро; а съ тобой всегда хочется поговорить пространнѣе, и время проходитъ въ торопливомъ ожиданіи удобной и спокойной минуты. Очень рада, что тебѣ удалось побывать въ Одессѣ; видѣлъ ли ты А. Форрегера? Съ Гофманомъ мы стали рѣже видѣться. Онъ, кажется, не совсѣмъ доволенъ своей службой, и *человѣкъ* не устоялъ противъ *чиновника*. Мать его недавно писала ко мнѣ, прося уговорить Н. Ив. назначить Виктора чинов. по особымъ порученіямъ. Гдѣ? У насъ нѣтъ чин. п. о. п. ниже 9 класса, а онъ еще въ 12-мъ. Я не отвѣчала, да и не знаю, какъ на это отвѣчать. Жаль, что я прежде тебѣ объ этомъ не написала. Будучи въ Одессѣ, ты объяснилъ бы имъ, какая нелѣпость думать, что Н. Ив. можетъ опредѣлять кого нибудь „безъ права“ на чужія мѣста. И. Н. Скворцовъ переведенъ изъ Каменца въ Ковно, и будетъ ѣхать черезъ Варшаву въ концѣ этого мѣсяца. Получила письмо отъ Николая Кантакузена изъ Парижа. Бѣдный мальчикъ окончательно погибаетъ тамъ: одинъ, какъ палецъ, безъ гроша, и теперь еще въ постелѣ. Не понимаю, что думаютъ его родные? Tout mon être se révolte contre la

possibilité de pareils gens. Я такъ избалована Н. Ив., что не могу вѣрить въ скверныхъ родныхъ.

Н. Ив. обнимаетъ тебя; онъ, слава Богу, здоровъ, но занятъ по прежнему. Маша растетъ, хорошѣетъ и учится. Ей уже семь лѣтъ и я приготовляю ее къ первой исповѣди. Гувернанткой я довольна. Hedwige вижу часто и приглашаю ѣхать съ собой въ Новаки. Данзасъ совершенно доволенъ службой и судьбой. Папа намъ ничего не пишетъ о векселѣ и деньгахъ. Это немного стѣсняетъ Н. Ив.; но какъ тутъ быть? Лишь бы это не заставило насъ самихъ надѣлать долговъ,—это ужъ будетъ совсѣмъ скверно. Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ и никогда не впутывался ни въ какія денежныя дѣла. Прощай, мой другъ, люби по прежнему искренно преданную тебѣ Лизу.

Маша проситъ тебя поцѣловать. Прощай.

128.

Варшава 12 марта 1852 г.

Вчера получили мы письмо твое отъ 5 марта, мой чудесный Володя! Какъ я рада, что ты наконецъ въ Петербургѣ и успѣлъ повидаться со всѣми нашими. Вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ изъ Петербурга, получили мы и письмо отъ Maman изъ Чевельчи. Она въ восхищеніи отъ твоего съ ней обращенія, и прежнія опасенія и непріязнь превратились въ обожаніе и пылкія молитвы о твоемъ счастьи. Благодарю тебя, мой другъ: она теперь больна и я очень опасалась этой встрѣчи. Такъ же ли хорошо удастся твое сближеніе съ папой? Очень бы желала, чтобы проектъ женитьбы и камеръ-юнкерство заставили папу отдать тебѣ маіоратъ. Тогда бы ты окончательно устроился и могъ бы жить по собственному произволу. Мы теперь часто говоримъ объ этомъ и я только ожидаю твоего пріѣзда сюда, чтобы представить на твое усмотрѣніе свои планы. Когда мы можемъ ожидать тебя? Maman, съ радости, кажется, все перепутала. Пишетъ, что ты будешь сюда въ мартѣ и повезешь меня въ Малороссію, а потомъ всѣ поѣдемъ въ Одессу?? Я немного хладнокровнѣе думаю объ этомъ и жду только мая, чтобы подняться. Далѣе не думаю; toute mon ambition c'est la campagne. Н. Ив. имѣетъ свои проекты и планы; что изъ этого всего выйдетъ, неизвѣстно. Да и къ чему заботиться обо всемъ этомъ, когда на дворѣ весна, а впереди деревенскій воздухъ, свобода и здоровье. Ахъ!

здоровье и здоровье! Неужели я всегда буду больна? Право ни къ чему охоты нѣтъ, когда безпрестанно болѣешь.

Но безплодно объ этомъ говорить; нервы мои иногда разстроены и потому очень естественно, что я чаще думаю о смерти, чѣмъ о жизни. Maman между прочимъ пишетъ, что у нихъ появился какой-то Кантакузенъ, который очень веселитъ ихъ. Проситъ выслать ей чепчиковъ и платьевъ на балъ и театръ, который онъ собирается дать. Это меня очень успокаиваетъ насчетъ положенія ея здоровья и кошелька.

Меня не удивило извѣстіе о свадьбѣ Annette [1]) и Фролова[2]); я давно это предсказывала. Но воображаю, какъ поразитъ эта новость Малороссію и нашего общаго знакомца Данзаса. Какъ нашелъ ты Анну Михайловну и Лизу, о которыхъ такъ безпокоился? Мы по перепискѣ устраиваемъ Новаки; Николай Ѳедоровичъ думаетъ, что въ іюнѣ домъ будетъ оконченъ; еслибы удалось купить у Томары его имѣніе, то это бы очень округлило наше помѣстье. Любинька пишетъ, что Н. Ѳ. хочетъ вступить въ службу. Это вверхъ дномъ переворачиваетъ мою утопію о деревенской дѣятельности. Неужели необходимо *пожить* только въ деревнѣ, чтобы убѣдиться, что умъ и дѣятельность человѣка только тогда могутъ приносить пользу, когда они запряжены въ чужую волю? Понятія мои какъ-то всегда идутъ наперекоръ мнѣніямъ другихъ и до личнаго испытанія я никакъ не откажусь отъ своихъ убѣжденій. Объ этомъ мы переговоримъ; предчувствую, что ты будешь на моей сторонѣ, потому что, сколько можно судить по письмамъ, ты давно уже вышелъ изъ общей рутины, а живешь своимъ взглядомъ на жизнь.

Прощай, мой другъ, напиши, куда тебѣ адресовать письма?

Нѣжно любящая тебя сестра Лиза.

Слава Богу, милый другъ Вольдемаръ, что ты наконецъ возвратился изъ своей продолжительной откомандировки и, кажется, успѣшно, потому что ожидаешь награды. Душевно желаю, чтобы все исполнилась по твоимъ видамъ, и главное, чтобы тебѣ отдали маіоратъ. Не понимаю, отчего папа медлитъ; ибо хозяйство Хенцинское приходитъ болѣе и болѣе въ безпорядокъ подъ чужимъ надзоромъ. Мы собираемся весною въ Малороссію; но какъ бы хорошо было, если

---

[1]) Анны Егеніевны Дараганъ, урожденной Кромида. [2]) Фроловъ — извѣстный географъ, переводчикъ „Космоса“ Александра фонъ-Гумбольдта, издатель журнала „Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій“.

бы ты прежде сюда пріѣхалъ. Ты знаешь, какъ въ Варшавѣ пріятно начало весны. Обнимаю тебя дружески и прошу засвидѣтельствовать мое искреннее высокопочитаніе папѣ, если онъ еще не выѣхалъ. Писать будемъ къ нему въ Малороссію.

Н. У.

129.

Варшава 6 апрѣля 1852 г.

Сейчасъ получили мы письмо твое изъ Петербурга, добрый мой Воличка; жаль мнѣ, очень жаль, что не удалось мнѣ похристосоваться съ тобой на праздникахъ. Ну, да, можетъ быть, это къ лучшему; если удастся тебѣ пріѣхать къ намъ въ Малороссію, потолкуемъ на распашку. А, можетъ быть, я и успѣю какъ нибудь устроить передачу тебѣ маіората. Онъ идетъ теперь очень плохо; папа, какъ всегда, убѣжденъ въ непреложности своихъ выборовъ и безошибочности распоряженій; но скажи, кто болѣе и чаще его бывалъ обманутъ? Самолюбіе—большая помѣха въ жизни, оно даже мѣшаетъ пользоваться уроками опыта. Что дѣлать!—il faut accepter les gens comme ils sont и дѣйствовать уже по этому принципу. И я намѣрена отложить въ сторону всегдашній свой пуританизмъ и перейти на сторону іезуитскаго правила: le but excuse les moyens. Успокаиваю свою совѣсть тѣмъ, что не моя вина, если вынуждаютъ пользоваться чужими слабостями и ежеминутно доказываютъ, что прямой путь - самый дурной. За себя я мало хлопотала въ жизни; этимъ, кажется, купила право хлопотать за людей, которыхъ люблю больше себя. Папа, кажется, думаетъ, что маіоратомъ удержитъ на тебя моральное вліяніе; но такъ какъ онаго никогда не было, то довольно странно заблуждаться до такой степени, чтобы приписывать матеріальнымъ средствамъ силу нравственнаго закона и до сихъ поръ еще воображать, что 8-лѣтній мальчикъ и 30-лѣтній человѣкъ одно и тоже.

8-го. Вчера были у насъ гости и я не успѣла докончить начатаго письма. Сегодня я хладнокровнѣе смотрю на вещи и понимаю, что папѣ невозможно иначе думать и поступать. Разъ допустивши эту, какъ бы сказать, естественность, перестаешь огорчаться, оскорбляться и революціонироваться, а, какъ всякую неизмѣнную вещь, укладываешь въ сторонку и стараешься, въ жизни, обходить, какъ можно дальше.

Устроясь такимъ образомъ съ этимъ дурнымъ элементомъ, можно очень конфортабельно ужиться съ другими. А хорошаго въ немъ больше, чѣмъ дурного. Умѣй только взяться.

Ты совѣтуешь намъ прикупить имѣніе Томары; это, конечно, очень было бы выгодно, особенно для моихъ личныхъ плановъ; но сей господинъ пользуется своимъ положеніемъ и запросилъ такую сумму, что рѣшительно невозможно съ нимъ сойтись, пока онъ не поубавитъ своихъ требованій. И то Николай Ивановичъ долженъ будетъ занять, чтобы сколотить 15 т. сер., которые предлагаетъ теперь Томарѣ за 81 душу и 700 десятинъ земли.

О людяхъ Н. Ив. самъ будетъ писать тебѣ. Маша никакъ не можетъ помириться съ мыслью, что ты не пріѣхалъ на праздники. Пишетъ тебѣ нѣсколько строкъ. Она очень понятлива и способна; но также и очень своевольна. Это меня сокрушаетъ; сокрушаетъ тѣмъ болѣе, что не могу не сознаться, что мы же причиною этому. Н. Ив. не хочетъ вѣрить послѣднему. Дай Богъ, чтобы твои служебныя надежды сбылись! А тамъ—пріѣзжай къ намъ. Любинька намъ пишетъ, что Гриша Краснокутскій продаетъ свое имѣніе и покупаетъ другое въ нашихъ странахъ. Жена его переѣзжаетъ на лѣто въ Монастырище. Прощай, мой добрый другъ; будь здоровъ и не забывай любящую тебя сестру

Е. Ушакову.

Какъ жаль, любезный другъ Вольдемаръ, что обстоятельства не позволили тебѣ ускорить пріѣздъ въ Варшаву, а мы ждали тебя съ такимъ нетерпѣніемъ. Теперь Богъ знаетъ, когда увидимся; ибо Лиза ѣдетъ въ Новаки въ исходѣ мая, а я едва ли успѣю быть тамъ ранѣе 10 іюля; слѣдовательно трудно, чтобы мы встрѣтились гдѣ нибудь въ одно время.

Взаимно поздравляю тебя съ праздникомъ и по христіанскому обычаю цѣлую три раза съ привѣтствіемъ: Христосъ воскресъ! Пріятно видѣть, что служба начинаетъ улыбаться тебѣ. Дай Богъ, чтобы всѣ твои надежды сбылись непремѣнно. Камеръ-юнкерство дѣло не первостепенное; но нужно же утѣшить отцовскую слабость.

О людяхъ Новаковскихъ, которымъ ты даешь паспорты въ Петербургѣ, я давно уже думалъ; но прежде всего напиши намъ имена ихъ и чѣмъ они занимаются. Мы согласны, чтобы они выкупились на волю. Пусть сами назначатъ плату; но я думаю за мужчину нельзя взять менѣе 600 руб. сер., т. е. цѣну рекрутской квитанціи. На одного изъ нихъ, Игнатія Говаснаго, посылаю свидѣтельство за № 4653, изъ котораго ты увидишь, что мы предполагаемъ отдать его въ рекруты, если онъ добровольно не возвратится въ Новаки, или не

выкупится. Въ случаѣ надобности я пришлю тебѣ и довѣренность Лизы для отдачи Говаснаго въ рекруты; но сначала надобно попробовать тѣ средства, о которыхъ сказано выше. Пожалуйста, займись посерьезнѣе этимъ дѣломъ и увѣдомь обстоятельнѣе. Прощай и люби по прежнему твоего искренняго брата и друга

Н. Ушакова.

130.

Новаки 18 іюля 1852 года.

Какъ жаль, милый Володя, что ты не могъ пріѣхать этимъ лѣтомъ въ Малороссію! У насъ прекрасно. Суета по случаю отъѣздовъ и переѣздовъ прекратилась, и мы поселились на мѣсяцъ въ Новакахъ. Домикъ чудесный! Мало по малу стараюсь привести его въ порядокъ; это меня очень занимаетъ. Папа и Юлія Ивановна уѣхали изъ Чевельчи 30 іюня; а 2-го іюля Елисавета Михайловна Кантакузенъ уѣхала изъ Богодуховки; Катерина Михайловна вообразила, что она должна опять жертвовать собою для счастья сестры и оставила нашихъ, чтобы совсѣмъ переселиться въ Бессарабію. Въ первую минуту это меня очень сконфузило, какъ говорятъ нѣмцы. Но дѣлать было нечего; я забрала дѣтей, Albin, нѣмку и двухъ горничныхъ, и переселилась въ Новаки. Господь Богъ хранитъ насъ; а насчетъ человѣческой помощи мы здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, ассекурированы. Въ Лубнахъ семь докторовъ и двѣ аптеки. Хозяйство мое еще хромаетъ, но это заставляетъ меня болѣе прежняго входить въ оное; вообще иногда недурно быть въ необходимости все дѣлать и за все отвѣчать; это развиваетъ не тронутыя еще струны ума, изобрѣтательности и самостоятельности. Я даже думаю, что это полезно и для здоровья; мнѣ столько должно думать о другихъ и за другихъ, что поневолѣ иногда забываю себя. Никогда не приходилось столько кутерьмы на мою голову: точно содержательница пансіона. Любинька и Н. Ѳедоровичъ прожили у меня дней пять; но вотъ уже 12 дней какъ они уѣхали et nous sommes laissés à nos propres ressources. Я затѣяла гимнастическія упражненія, какія видѣла въ Діеппѣ, и удачно. Есть лошади, ослы, сѣдла. Для разсѣянія ѣздимъ иногда въ Лубны, гуртомъ, покупать провизію или травки. Дѣти учатся хорошо; почти всегда вмѣстѣ. M-le Julia, моя гувернантка, учитъ всѣхъ по англійски, Fraülein Karoline учитъ Машу музыкѣ и нѣмецкому языку, Julie Floriani по русски, а Albin по фран-

пузски. Фруктовъ мало; но по деревенскому обычаю и у меня варятъ варенья: 10 фунтовъ вишенъ и банки три малины уже готовы. Жаль, что ты не будешь ихъ кушать! Книгами мы очень запаслись; а Н. И. все еще не можетъ успокоиться и безпрестанно шлетъ ящики изъ Варшавы. Это приводитъ меня въ нѣкоторую десперацію, ибо пересылки гораздо дороже стоятъ пересылаемыхъ вещей; но каждый человѣкъ только *опытомъ* можетъ убѣдиться въ ложности своихъ понятій. Если еще нѣсколько барометровъ, термометровъ, компасовъ и другихъ причудливыхъ выдумокъ поломаются, то есть надежда, что и Н. Ив. удостовѣрится, что Лубны не Варшава, и что каждый приказчикъ будетъ знать, когда собирать хлѣба и когда людямъ надо идти на работы, безъ всѣхъ этихъ перебитыхъ машинъ. Еще не имѣю писемъ отъ Maman; вѣроятно, уѣхала за границу; мало предвижу пользы отъ этой торопливой и необдуманной поѣздки. Ну, да это не мое дѣло; папа, вѣроятно, возвратится сюда съ Н. Ив. и Мишей Дараганомъ около 27—30 іюля. Тогда начнется новая жизнь и новые планы; уговариваютъ меня ѣхать на зиму въ Одессу (?). Если Н. Ив. согласится и здоровье мое позволитъ, то я предпочитаю остаться въ Новакахъ. Тутъ пропасть дѣла, а мнѣ этого и надо. Хотѣла устроить пріютъ; но на повѣрку оказалось, что госпиталь здѣсь гораздо необходимѣе, и потому собранные мною 140 руб. сер. опредѣляю на устройство *самаго деревенскаго* госпиталя, хоть на 10 кроватей. Отправлю мальчика учиться въ Лубны, а пока найму тамъ фельдшера, который будетъ жить въ госпиталѣ; кромѣ того докторъ будетъ ѣздить изъ Лубенъ надзирать за всѣмъ. Надо непремѣнно отучить народъ отъ этихъ „шептуновъ, вѣдуновъ и заклинателей“! Они намъ перепортили нѣсколько прекрасныхъ людей. Дай Богъ, чтобы проектъ мой былъ утвержденъ, и удался. Тогда подумаю и о пріютѣ. Хочу непремѣнно попробовать жизни патріархальной. Я такъ изнурена и такъ уставши, что одна мысль о жизни Варшавской, и вообще городской, пугаетъ меня. Скажи однако жъ, что ты дѣлаешь? Правда ли всѣ эти Малороссійскіе слухи о твоей безнадежной любви къ Лизѣ или къ самой Annette Дараганъ. Вотъ бы удружили! Послѣднее предположеніе такъ меня разсмѣшило, что я даже не могу сердиться за первое, которое, довольно удачно, здѣсь называютъ спекуляціей Анны Мих. Преоригинально! Но я надѣюсь однако же, что не эта фарса заставляетъ тебя оставаться въ Петербургѣ и предпочитать пятый этажъ какой-то Исакіевской улицы всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Я поняла бы даже, что Annett'ѣ былъ бы очень выгоденъ такой вздыхатель; но, предполагая въ ней сердце матери, никакъ не могу понять, къ чему она думаетъ довести эту дѣтскую дружбу. (Если, допустимъ, она существуетъ). Вообще, je tombe des nues и брожу, какъ въ туманѣ, при всѣхъ этихъ

разговорахъ, которыми наводнена вся Малороссія. Толки и сплетни антипатичны для моей лѣни. Прошу тебя серьезно сказать мнѣ, въ чемъ дѣло; я тебѣ вѣрю, какъ вѣрила прежде; и надѣюсь, что ты оградишь мое самолюбіе и мою привязанность отъ безтолковыхъ толчковъ общаго мнѣнія. Первое—очень живуче; послѣдняя, хотя и утратила, что ты называешь, свою дѣтскую мечтательность, однако же очень дорожитъ предметами, къ которымъ она относится, и посему всякое посягательство на счастье и будущность оныхъ тревожитъ и пугаетъ ее.

Въ видѣ замѣчанія однако же скажу тебѣ, что всегда вѣрнѣе оставлять свою интимную жизнь при себѣ, а не пускать ее на всѣ четыре вѣтра. Извини пожалуйста за эту мораль; но ты, кажется, все еще придерживаешься camaraderie, а я очень много разъ поплатилась за вѣру въ нее.

Прощай, дай руку мнѣ и забудь нѣсколько крутыя выраженія моего письма, чтобы только помнить безпредѣльную мою любовь и преданность тебѣ. Скажи мнѣ свой адресъ; ко мнѣ адресуй прямо въ г. Лубны. Тамъ уже знаютъ и исправно присылаютъ всѣ письма. Всѣ наши тебя цѣлуютъ; бабушка по прежнему благословляетъ. Она теперь одна съ Вар. Мих. и дѣтьми.

131.

Варшава, октябрь 1852 года.

Здравствуй, милый мой Володя! Что ты дѣлаешь и помнишь ли меня? Изъ Новаковъ не было времени писать; трудно повѣрить,—но право мнѣ въ городѣ гораздо болѣе досуга, чѣмъ было въ деревнѣ, хотя я и визиты еще не всѣ сдѣлала; но жизнь или суета здѣсь начинается гораздо позже, а такъ какъ я привыкла вставать рано, то до часу у меня четыре часа совершенно свободныхъ. Потомъ начинаются пріемы и выѣзды до половина пятаго, а тамъ опять покой до девяти,—урочный часъ для чайныхъ гостей. Ихъ покамѣстъ у меня нѣтъ; пользуясь общимъ мнѣніемъ, что мы не устроились съ дороги, я по-деревенски отправляюсь спать въ десятомъ часу и съ прискорбіемъ думаю, что надо же будетъ когда нибудь устроиться, т. е. не раздѣваться, а одѣваться въ это время, чтобы ѣхать на вечеръ или принять у себя. Прощайте опять здоровье и покой! Никто не хочетъ вѣрить, что мнѣ было пріятно въ деревнѣ и я не скучала. А это такъ понятно: для нервныхъ и всегда усталыхъ организацій лучшее лѣкарство однообра-

зіе и, если можно такъ выразиться, дѣятельный покой. Здѣсь вѣчный приливъ и отливъ людей, чувствъ и впечатлѣній, одуряющихъ голову, а нѣтъ физической дѣятельности, уравновѣшивающей этотъ моральный притокъ. Pour tout potage безцѣльная прогулка въ Саксонскомъ саду, гдѣ желтые листья по колѣни, а съ деревьевъ капаетъ тающій снѣгъ; къ этимъ удовольствіямъ присоединили теперь еще страшную пыль отъ кирпича и песку, изъ коихъ строятъ бассейнъ на главной аллеѣ для долженствующихъ явиться лѣтомъ каскадовъ и фонтановъ. Разговоръ о холерѣ, слава Богу, прекращается вмѣстѣ съ діетой. Ожидаютъ свадьбы Ѳ. И. Паскевича съ Воронцовой-Дашковой. Всѣхъ знакомыхъ своихъ застали по мѣстамъ одинаково скучающихъ и одинаково недовольныхъ и играющихъ. Фроловъ въ большой милости. Онъ говоритъ тише, кланяется ниже, лжетъ больше и приправляетъ все это славянскими изрѣченіями. О другихъ не говорю; la vieillesse est un habit bien lourd à porter; les yeux du coeur se ferment et les yeux de l'esprit acquièrent una lucidité peu consolante. Ольхинъ мнѣ говорилъ, что тебя произвели, т. е. назначили уже оберъ-секретаремъ; отъ души желала бы, чтобы это была правда. Юлія Ивановна теперь въ Парижѣ; чѣмъ кончится ея лѣченье? Писала къ намъ, что рана уже открылась, а она совершенно одна тамъ. Страшно подумать, что надо будетъ перенести, если рѣшиться на операцію! Папа очень безпокоится и grâce à nos postes сидитъ безъ извѣстій. Проектъ ѣхать въ Одессу упалъ въ воду. Деньги надо беречь на непредвидѣнный случай. Останется ли Maman зимовать за границей или вернется въ Чевельчу?—положительно ничего, по обыкновенію, не пишетъ.

Маша вообразила, что ей необходимо тебѣ писать; ей уже восемь лѣтъ; молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ ее намъ здоровой. Она очень выросла въ деревнѣ, похудѣла и поблѣднѣла; учится прекрасно; за все берется, но по живости выдержки нѣтъ. L'exemple est tout pour les enfants; и посему при Долѣ и Колѣ легко было съ ней ладить; но теперь она одна и я очень боюсь, чтобы не скучала въ безъурочное время. Если возможно будетъ отыскать ей какую нибудь англичаночку или нѣмочку, я бы съ радостію взяла ее къ себѣ. Н. Ив. давно этого желаетъ; но, признаюсь, меня очень останавливала une question de conscience: что потомъ съ ней дѣлать? Для гувернантки она будетъ мало воспитана,—для горничной много, а для барышни—надо приданное. Какъ рѣшиться?—не знаю. Не могу не жалѣть деревни; тамъ столько практической жизни, что всѣ эти вопросы и въ голову не приходятъ, ибо ненужны.

Хотѣла было завести пріютъ; но справедливо говорятъ, что лучшій пріютъ—табакъ. Притомъ же до моральнаго образованія, которое всегда кажется подозрительнымъ простому народу,—мы старались по-

заботиться о его физическомъ благоденствіи. Устраивается госпиталь; фельдшеръ, и, по субботамъ, докторъ. Я сама тамъ упражнялась въ медицинѣ довольно успѣшно. Священникъ въ Новакахъ прекрасный, хотя и молодой;—живетъ съ народомъ и вѣрнѣе другихъ знаетъ его потребности и желанія.

Но я надѣюсь, что ты самъ когда нибудь пріѣдешь къ намъ и увидишь, въ чемъ дѣло.

Прощай, мой другъ, будь веселъ и здоровъ; если можешь, пиши къ намъ чаще. Цѣлую тебя отъ души.

Лиза Ушакова.

132.

20 октября 1852 г.

Я было написала тебѣ длиннѣйшее письмо; но какъ-то не успѣла сейчасъ же отослать. Тутъ почти вдругъ получила два твоихъ письма: одно еще изъ Лубенъ, другое прямо изъ Петербурга. Это перебило мои мысли; да оно и вѣрнѣе—первыя впечатлѣнія оставлять при себѣ. Michel'я [1]) мы ждемъ съ нетерпѣніемъ; но какъ жаль, что онъ такъ боленъ! Гриша, [2]) говорятъ, тоже все хвораетъ, особенно послѣ своей безтолковой женитьбы. Ты мнѣ пишешь, чтобы я разспросила Michel'я объ отношеніяхъ твоихъ къ Аннѣ Михайловнѣ, и въ утѣшеніе, кажется, присоединяешь, что восхищаешься Лизой, *какъ и всѣ;* но это то безъисходное восхищеніе меня и огорчаетъ. Ну, да мало ли что меня огорчаетъ! Надо будетъ у папы научиться снисхожденію; авось покойнѣе будетъ жить на свѣтѣ. Правда, что его надо будетъ ужасное количество, чтобы заглушить не только чувства, но и вѣчно живучее самолюбіе. Ю. Ив. и его даже не щадитъ.

Извини пожалуйста, если иногда сочится желчь въ моемъ перѣ; грустно на сердцѣ; можетъ быть, нервы разстроены и мнѣ грезятся такая пустота и такой холодъ вокругъ меня.

Какъ жаль, что твое оберъ-секретарство кануло въ воду! Неужели Херсонскій годъ такъ и пропадетъ безъ возмездія и безъ поощренія.

Н. Ив., вѣроятно, будетъ писать тебѣ о покупкѣ Томаринскаго

---

[1]) Краснокутскаго. [2]) Краснокутскій, Григорій Николаевичъ, братъ Михайла Николаевича.

имѣнія. Какъ то мы изъ этого выйдемъ? Въ Варшаву много новыхъ семействъ пріѣхало, такъ что мои визиты возвысились опять до 52-хъ. Въ воскресенье была съ поклономъ въ замкѣ. На обѣдѣ и вечера еще не выѣзжаю. M-lle Julie не совсѣмъ здорова, такъ что съ Машей дольше занимаюсь. Начинаю учить музыкѣ. Если хорошо подготовить, то съ учителемъ успѣшнѣе пойдетъ. Дай только Богъ, чтобъ она была здорова!

Прощай, милый Володя; сегодня какъ-то не пишется; все въ голову идутъ такіе предметы, которыхъ не хочется трогать; а говорить изъ пустого въ порожнее... стоитъ ли? Чтеніемъ еще не занималась; кромѣ грамматикъ да руководствъ на всѣхъ языкахъ ничего не вижу, да и то нестройно. Мнѣ здѣсь очень недостаетъ Любиньки; бывало поговорю съ ней, и хотя изъ этого мало результата, а все легче станетъ. Michel'я Дарагана вижу рѣдко; Софи еще рѣже. Ю. Ив. дѣлаетъ даже мои отношенія къ папѣ очень затруднительными. Я должна радоваться, что не увижусь съ нимъ почти цѣлый годъ. А мнѣ ужасно жаль его! Не думай впрочемъ обо всемъ этомъ. Спи спокойно; да хранитъ тебя Господь.

Élise Ouchakoff.

Благодарю тебя, любезный другъ Вольдемаръ, за два письма, но не понимаю, отчего ты не получилъ нашего увѣдомленія, посланнаго отсюда тотчасъ по пріѣздѣ; оно по неизвѣстности о теперешней твоей квартирѣ адресовано въ 1-й Департ. Пр. Сената. Похлопочи, чтобы не пропало, потому что тамъ много подробностей, которыя повторять скучно; да скажи ради Бога, гдѣ ты теперь живешь?

Ждемъ Краснокутскаго и постараемся принять его по родственному; но помѣстить у себя не можемъ по невыгодному расположенію нашей квартиры: это крайне досадно.

Слышно въ Варшавѣ, что холера добралась и до Петербурга. По бывшимъ здѣсь опытамъ осторожность въ пищѣ и прочемъ самое лучшее противу ея лѣкарство. Надѣюсь, милый другъ, что ты не пренебрежешь этимъ средствомъ. Объ Maman печальные слухи, т. е. о ея образѣ жизни за границею. Чѣмъ все это кончится? Прощай, милый Вольдемаръ, обнимаю тебя отъ души и остаюсь преданный братъ

Н. Ушаковъ.

Кланяйся роднымъ и скажи, что я буду писать къ нимъ сегодня или завтра. Ты вѣрно уже знаешь, что Ив. Ник.[1]) Богъ далъ разомъ двухъ дочерей.

---

[1]) Скворцову.

Mon cher oncle,

Nous avons été en Petite Russie où nous nous sommes très-bien amusés. Novaki et Cheveltcha me plaisent beaucoup. Il n'y a qu'une semaine que nous sommes à Varsovie. Je voudrais bien que vous y fussiez avec nous.

Adieu, mon cher oncle, je vous embrasse de tout mon coeur.

Votre affectionnée nièce.

Marie Ouchakoff.

133.

17/29 *ноября 1852 года.*

У насъ теперь такая суета, что право мнѣ не было времени отвѣчать тебѣ на послѣднее письмо, милый Володя. Теперь даже—у насъ гости, и я пользуюсь тѣмъ, что преферансъ безъ меня составился, и пишу тебѣ на скорую руку. Получивши письмо Блюменфельда, Maman сейчасъ же возвратилась изъ Парижа. Живетъ у насъ уже болѣе недѣли, и я даже не знаю, можно ли ей будетъ скоро выбраться въ Малороссію. Она очень больна, хотя по безпечности мало думаетъ о своей болѣзни. Рана въ груди открылась; но кромѣ этого уже четыре мѣсяца не перестаютъ pertes de sang. Доктора полагаютъ, что одна болѣзнь отвлечетъ другую, но послѣдняя очень изнурительная и можетъ привлечь cancer въ другую часть тѣла. Перспектива, какъ видишь, ужасная. Michel настаиваетъ, чтобы лѣтомъ быть ближе къ водамъ и заграничному лѣченью; но Ю. Ив. не рѣшается. Что скажетъ на это папа? Я берусь написать ему объ этой необходимости; но признаюсь откровенно, что часто чувство сожалѣнія, привязанности и страха за нее борется съ инстинктомъ самосохраненія. Хотя весьма вѣроятно, что всѣ слухи объ ней были ложны или по крайней мѣрѣ преувеличены, но съ ея неразсудительностью далеко ли до бѣды?—все равно въ какомъ бы они родѣ ни были. А я такъ устала! Напишу тебѣ, что у насъ порѣшатъ. Теперь безпрестанно доктора, гости, преферансъ, обѣды и кутерьма. Объ Michel'ѣ Краснокутскомъ ни слуху, ни духу. Между тѣмъ пріѣхалъ сюда А. А. Дараганъ, молодой мальчикъ, опредѣляться въ полкъ. Братъ его женился на какой-то гувернанткѣ въ Крапивной. Что за исторію пишетъ намъ папа? Ты собираешься въ Италію? Дай Богъ, чтобъ это удалось.

Варшава 20 ноября 1852 г.

Изъ письма Лизы ты видишь, любезный другъ Вольдемаръ, что у насъ порядочная суматоха по случаю пріѣзда Юл. Ив. Она хотѣла пробыть здѣсь четыре дня, но теперь мы даже сами не знаемъ, когда она отправится. Правда, съ ея здоровьемъ не кстати бы ѣхать далеко въ такое позднее время; но съ другой стороны ея безпечность невообразима: до сихъ поръ не хочетъ согласиться, что ей надобно купить шубу и закрытый экипажъ, на что Рара уже далъ согласіе. О болѣзни своей она также весьма мало заботится и просиживаетъ за преферансомъ до 2-хъ часовъ ночи. Оставаться здѣсь на зиму не хочетъ, потому что желаетъ видѣть дѣтей и Андр. Як. Въ этомъ одномъ она права. Еслибъ можно было предвидѣть, что отъѣздъ задержится такъ долго, то было бы время списаться съ Андр. Яков. и онъ, вѣроятно, самъ пріѣхалъ бы сюда съ дѣтьми, вмѣсто поѣздки въ Одессу. Вотъ отъ такихъ то безпорядковъ и неискренности гибнетъ много семейнаго счастья, а люди между тѣмъ чаще всего обвиняютъ судьбу!

Мы пользуемся до сихъ поръ весьма порядочною осенью; но изъ Монастырища намъ пишутъ, что тамъ морозы доходили уже до 12-ти градусовъ и была санная дорога. На прошлой недѣлѣ здѣсь совершилась свадьба молодого кн. Варшавскаго съ гр. Воронцовой. Съ тѣхъ поръ продолжаются увеселенія, дозволяемыя трауромъ. Сама гр. Воронцова, мать, въ качествѣ истинной львицы танцуетъ за себя и за дочь; но сегодня она, кажется, отправляется въ Петербургъ, а молодые ѣдутъ туда же на дняхъ.

Напиши пожалуйста, что дѣлаютъ наши люди. Игнатія надобно отправить въ деревню зимою. Изъ женщинъ я согласенъ отпустить худшую на волю за 30 р. сер., а лучшую, Марью, кажется, нельзя освободить за ту же цѣну. Потребуй ихъ къ себѣ и напиши, какія нужны тебѣ бумаги отъ насъ, чтобы дѣйствовать рѣшительно.

Цѣлую тебя братски, желаю совершеннаго здоровья и остаюсь вѣрный твой другъ Н. Ушаковъ.

P. S. Цѣлуетъ тебя также Maman, а Маша обнимаетъ. Кланяйся отъ насъ роднымъ. Къ Жоржу и къ Петѣ [1]) я писалъ недавно.

---

[1]) Георгію и Петру Николаевичамъ Скворцовымъ.

134.

Варшава, 16 января 1853 г.

Ты, конечно, не сомнѣваешься, милый братъ мой, въ любви моей къ тебѣ и въ желаніи всего лучшаго на свѣтѣ; посему я часто пропускаю урочные случаи къ пожеланіямъ и увѣреніямъ. Если ты цѣнишь поздравленія, то извини, что совсѣмъ забыла праздники и новый годъ. Это время для меня было совсѣмъ не праздничное. Вчера пріѣхалъ папа изъ Чевельчи; дѣтей оставилъ на попеченіи доктора и гувернантокъ; дороги—ужасны; но, слава Богу, папа выдержалъ хорошо, веселъ и дѣятеленъ по прежнему.

Разговоровъ много; но ничего еще не опредѣлено. Ю. Ив. хочетъ ѣхать обратно въ Малороссію. Здоровье ея, конечно, этого не позволитъ; но опять пустить ее *одну* за границу—почти невозможно. Увидимъ, что рѣшатъ доктора и папа. Они живутъ пока надъ нами, на квартирѣ Блюменфельда, который перешелъ внизъ. Суета, какъ ты можешь вообразить, ужасная; всѣ болѣе живутъ на лѣстницахъ, чѣмъ въ своихъ комнатахъ; отъ сквозныхъ вѣтровъ у меня сдѣлался флюсъ. Даже этотъ безпорядокъ старалась я привесть въ правильный; но съ пріѣздомъ папы затруднительно. Каждый имѣетъ свои привычные часы обѣдовъ, отдыховъ и выходовъ.

Ты намъ совсѣмъ не пишешь; Марья Ивановна говоритъ, что тебя не было въ городѣ. Любовь Ивановна тоже тебя не видитъ, и говоритъ, что изрѣдка встрѣчаетъ только въ обществѣ, и то, какъ чужого. Это несовсѣмъ пріятно папѣ и другимъ; тѣмъ болѣе, что, говорятъ, всѣ твои дѣйствія подлежатъ вліянію Анны Михайл. Ковалевскій писалъ къ папѣ; дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось жалѣть, что такъ отсталъ отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Что дѣлается съ Michel'емъ Краснокутскимъ? Какъ рѣшилъ ты насчетъ службы, видѣлся ли съ Брадке и узналъ ли, отъ чего послѣ столькихъ обѣщаній такія неудачи? Все это вопросы, на которые нѣтъ у меня отвѣтовъ. Прощай, мой другъ, цѣлую тебя отъ души. Всѣ наши тебѣ кланяются. Н. Ив. хочетъ самъ къ тебѣ писать.

Нѣжно любящая тебя сестра Лиза.

Вмѣстѣ съ искреннимъ, хотя позднимъ привѣтствіемъ въ новомъ году, обнимаю тебя, любезный братъ. Всѣ новости сообщила тебѣ Лиза, я только добавлю, что мы пеняемъ иногда на недостатокъ въ тебѣ дѣятельности. Не грѣшно ли до сихъ поръ не отвѣчать насчетъ нашихъ людей, которые въ Петербургѣ. Увѣдомъ, примешь ли ты на

себя отправленіе Игнатія и женщинъ въ деревню, и вообще въ какомъ они теперь положеніи.

Душевно преданный тебѣ другъ Н. Ушаковъ.

P. S. Увѣдомь, когда предполагаютъ печатать Сводъ Законовъ, вмѣсто изданія 1842 года. Мнѣ нужно выписать для деревни. По служенію въ Сенатѣ тебѣ легко объ этомъ справиться. Напиши также и о цѣнѣ.

135.

Варшава $^{6}/_{18}$ *апрѣля 1853 года.*

Вчера получили мы твое письмо; папа проситъ немедленно отвѣчать. Происшествіе съ полячкомъ намъ вовсе неизвѣстно и потому намекъ на оное насъ очень потревожилъ; тѣмъ болѣе, что онъ слѣдуетъ непосредственно за выраженіемъ: надежды на Варшаву плохи. Сдѣлай дружбу, напиши, есть ли тутъ какая нибудь связь? Папа безпокоится; Maman вдвое; и въ этой довольно мучительной неизвѣстности они должны выѣхать изъ Варшавы. Надѣюсь, что здѣсь нѣтъ личности, по крайней мѣрѣ такъ утѣшаю папу. Онъ думаетъ выѣхать во вторникъ; Юлья Ивановна ѣдетъ послѣ него за границу. Деньги имъ теперь очень нужны; посему папа вышлетъ тебѣ только 300 р., а 1000 р. пришлетъ изъ Малороссіи, ибо не хочетъ брать векселя у Френкеля и платить проценты, когда въ Чевельчѣ его ожидаетъ трехъ-мѣсячная эмеритура. Другіе 300 р. онъ думаетъ прислать тебѣ въ свое время, предполагая, что ты изворотишься и этими деньгами, а, можетъ быть, и ничего не предполагая—такъ мнѣ только сказалъ.

Мнѣ очень жаль, что ты поторопился измѣнить прежній планъ свой, а главное, написать объ этомъ папѣ. Entre nous soit dit, гораздо вѣрнѣе первый; я не ѣду въ Новаки. Причинъ много. Написать могу только то, что Н. Ив. думаетъ выйти въ отставку и въ будущемъ году навсегда поселиться въ Малороссіи; стало быть, Новаки не уйдутъ отъ меня; а поѣздка туда дороже обходится, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ жизни за границей. Ѣду въ Дрезденъ; по долгомъ размышленіи это нахожу самымъ лучшимъ. Авось удастся въ *Шандау* устроить желудокъ и укрѣпить нервы; но, навѣрно, эта поѣздка будетъ благодѣтельна для Маши; учителя—подъ рукой, а, можетъ быть, отыщу и гувернантку, которая перестала искать мужа и не будетъ бояться деревни. Насчетъ

пользы самопожертвованія идеи мои немного измѣнились. Contenter tout le monde est impossible; le meilleur parti c'est de se contenter soi-même en tâchant de ne pas trop mé contenter les autres. Une chose faite est de nécessité trouvée partaite. Ce n'est pas un conseil que je te donne, mais je t'avoue que je ne trouve rien d'attrayant à parader chez Tarnovsky ou n'importe chez quel autre rustaud en uniforme de chambellan, d'autant plus que ces messieurs seront tout aussi édifiés en voyant ton portrait, où tu tâchera comme de raison, à prodiguer autant de clinquant que possible. Сидѣть же безмолвнымъ слушателемъ—подчасъ довольно нудно. Вѣрнѣе пріѣхать ко мнѣ въ Шандау, въ Саксонскую Швейцарію; пожить немного по нѣмецки и для разсѣянія поѣхать на свиданіе съ Michel'емъ Краснокутскимъ. C'est mon opinion personnelle; qu'elle ne t'influence pas du tout.

Дѣлай какъ тебѣ кажется выгоднѣе или пріятнѣе. Впрочемъ, возвращаясь, ты можешь гдѣ нибудь сыскать Maman и провожать ее въ Одессу, гдѣ положено общее соединеніе, т. е. Maman, Papa и дѣтей. Michel К. теперь въ Дрезденѣ; я получила оттуда письмо, и послала оба твои; дорога его, кажется, изнуряетъ; дай Богъ, чтобы хорошая погода и другой климатъ возстановили его. Нѣчто о докторѣ: прежде чѣмъ писать къ тебѣ, папа поручилъ отысканіе онаго барону Беру. Отвѣтъ отъ перваго пришелъ вчера: согласіе. Теперь у папы два доктора. Вотъ письмо, по которому ты отыщешь въ Петербургѣ этого доктора; разговорись съ нимъ; извинись, если твой докторъ прійметь тоже предложеніе,—въ противномъ случаѣ покончи съ этимъ. Напиши намъ, что будетъ сдѣлано, и выпутай, какъ знаешь, папу изъ бѣды. Самое вѣрное объяснить правду, чтобы бѣднаго барона не скомпрометировать; письмо, какъ ты увидишь, написано къ нему;—глупое недоразумѣніе.

Прощай, мой другъ; подумай о моемъ совѣтѣ и не очень жертвуй собой--право ни къ чему не поведетъ; Н. Ив. найдетъ, что это очень глупо сбивать тебя съ толку; но вѣдь умъ и глупость мѣряются относительно. Всѣ наши тебѣ кланяются; слава Богу, здоровы и все въ порядкѣ. Да не пиши ужъ пожалуйста къ папѣ обо всемъ этомъ. Если устроится такъ, какъ я этого хочу, то я сама ему напишу; а если нѣтъ, то это будетъ въ родѣ исторіи съ полячкомъ, которая только даромъ напугала, и переполошила всѣхъ.

Цѣлую тебя отъ души. Ел. Ушакова.

136.

Варшава 21 апрѣля 1853 года.

Я было написала тебѣ предлинное письмо; но, мой добрый Володя, мы такъ долго не видѣлись, что, кажется, благоразумнѣе будетъ оставить его въ портфелѣ. Однако же мнѣ почти необходимо было бы съ тобой видѣться, не только для радости свиданія, но и для совѣта; ибо, какъ ни пріучили меня быть вездѣ и всегда одной, бываютъ случаи, гдѣ необходимо благоразуміе другого. Посему, если возможно тебѣ пріѣхать въ Варшаву, то это даже будетъ лучше; такъ какъ причина къ поѣздкѣ не одно только здоровье, то я могу подождать тебя до 15-го или 20 мая. Если же тебѣ нельзя будетъ пріѣхать, то уѣду 10-го, чтобы въ самомъ дѣлѣ не терять молочнаго лѣченія, лучшаго въ маѣ.

Извини, пожалуйста, если я потревожила тебя въ твоей мирной жизни.

Вчера получила письмо отъ Ю. Ив.; она въ Дрезденѣ съ Краснокутскими; располагаетъ ѣхать въ Брюссель и Женеву, т. е. вѣроятно, какъ случится. Вчера былъ у насъ Г. Д. Саранча; сегодня будетъ обѣдать съ братомъ.

О папѣ не имѣемъ еще никакихъ извѣстій.

Прощай, мой добрый братъ, и вѣрь, что, не смотря на всевозможныя препятствія, я искренно люблю тебя.

Е. Ушакова.

Н. Ив. тебя цѣлуетъ и очень желаетъ, чтобы ты пріѣхалъ.

137.

Варшава 7 мая 1853 года.

Мнѣ очень жаль, что обстоятельства не позволяютъ тебѣ пріѣхать къ намъ въ Варшаву; тѣмъ болѣе, что на будущее свиданіе очень разсчитывать невозможно: Н. Ив. могутъ не сегодня, завтра, дать дивизію... да и вообще какъ знать, что и какъ будетъ за шесть мѣсяцевъ впередъ? Можетъ даже быть, что здоровье мое такъ исправится, что и прежній характеръ возвратится. Теперь я сдѣлалась такъ нерѣшительна, боязлива, впечатлительна и раздражительна, что рѣшительно

теряю всякую возможность опредѣлить, что должно, что можно дѣлать... знаю, что необходимъ переломъ. Да благословитъ Господь мои намѣренія! Если они согласны съ Его святой волей и истиной, то Онъ же мнѣ дастъ силы на успѣхъ и выдержку. Жить на авось—невозможно. Если бы ставкою не было воспитаніе ребенка, то уступчивостью, конечно, можно уладить много; но, милліонъ „но“... результатомъ выходитъ, что я ѣду въ Дрезденъ на неопредѣленное время; современемъ Н. Ив. самъ убѣдится, что во всѣхъ отношеніяхъ эта мѣра была самая разсудительная, ибо необходимая. Я въ этомъ убѣждена; но не повѣришь, съ какимъ страхомъ и тоскою я ѣду туда! Не говорю уже о разнородныхъ чувствахъ, тревожащихъ меня; самая эта свобода дѣйствій и мыслей такъ пугаетъ меня, что я готова обратиться къ худшему, но знакомому, чѣмъ отыскивать лучшее въ незнакомомъ, не испытанномъ кругѣ. А привычки! Что за ужасная, порабощающая вещь! Завидую всѣмъ, кто не думаетъ, не разсуждаетъ... Какъ имъ легко живется!

Меня въ жаръ бросаетъ, какъ вспомню про Maman! Вообрази: наняла здѣсь какую-то гувернантку—отправили въ Малороссію. Оказывается, что она не умѣетъ даже писать (доказательствомъ—письмо, которое она написала сюда къ Блюменфельду и которое къ несчастью я читала). Папа и не подозрѣваетъ этого; я, конечно, ему объ этомъ не напишу (по разнымъ причинамъ), но что будетъ съ дѣтьми? Папа писалъ изъ Чевельчи; въ восторгѣ отъ цвѣта грушъ и яблонь, отъ генія Коли и отъ Малороссійскаго воздуха Прислалъ деньги Maman и 300 р. тебѣ, кажется; еще не получили. Вѣроятно, на обмундировку вышлетъ прямо изъ Пирятина. Пресчастливый у него характеръ. Il arrange très mal les autres, mais il s'arrange parfaitement lui-même. Какъ ужъ это онъ устраиваетъ, не понимаю. Мнѣ его иногда ужасно жаль! Дай Богъ, чтобы веселость его всегда продолжалась и здоровье не измѣняло ему.

Прощай, мой добрый другъ; цѣлую тебя тысячу разъ и надѣюсь, что ни время, ни разлука не разъединятъ нашей дружбы и любви. Въ часъ молитвы вспомни обо мнѣ.

Élise Ouchakoff.

Я еще не благодарилъ тебя, любезный другъ Вольдемаръ, за поздравленіе меня съ производствомъ и не сказалъ тебѣ, что мы крайне обрадовались также твоему камеръ-юнкерству. По милости Божіей, эти два важныя дѣла устроились сами собою. Папа, отправляя къ намъ письмо изъ Щербаковки отъ 26 апрѣля, еще ничего не зналъ. Онъ будетъ очень радъ твоему придворному званію и навѣрно вышлетъ обѣщанныя деньги. Перемѣна чина представляетъ мнѣ будущность начальника пѣхотной дивизіи; такъ по крайней мѣрѣ мнѣ объявлено фор-

мально. Я не прочь отъ этого, и уже началъ теперь же ближе знакомиться съ фронтовою частію, отъ которой впрочемъ никогда не отставалъ. Надѣюсь, что Богъ поможетъ мнѣ быть и здѣсь не послѣднимъ. Если же не буду годенъ, то 1 сентября 1854 года выйду въ отставку, по выслуженіи полнаго генералъ-лейтенантскаго пенсіона; но ужъ напрашиваться куда нибудь, или отказываться отъ чего не стану; ибо всю службу мою поступалъ такъ. Какъ жаль, что наше свиданіе не состоялось, но, можетъ быть, я встрѣчусь съ тобою въ Малороссіи, гдѣ мнѣ нужно быть въ іюнѣ или въ іюлѣ, хотя на самое короткое время. Лизу полагаю оставить въ Дрезденѣ, пока совершенно не объяснится мое назначеніе. Можетъ быть, виды и спокойствіе излѣчатъ ея чрезвычайную раздражительность, происходящую отъ нервовъ. Цѣлую тебя искренно и остаюсь всегда другъ твой

Н. Ушаковъ.

138.

Дрезденъ 7 ноября н. ст. 1853 г.

Я было уже написала предлинное письмо, мой добрый Володя; но разныя обстоятельства помѣшали отправить. Теперь оно ужъ устарѣло, а, какъ ты видишь, время не заставляетъ себя ждать и ежедневно приноситъ новыя происшествія и непредвидѣнныя обстановки. Н. Ив. уже, кажется, увѣдомилъ тебя о наступающемъ переломѣ въ его политической жизни. Домашняя при этомъ остается въ сторонѣ, и, какъ видишь, даже слѣды нашего Варшавскаго существованія пропадаютъ съ мебелью и всѣми пожитками, расходящимися по рукамъ. On a beau prévoir,—on s'étonne et s'attriste toujours un peu, quand le fait prévu arrive. Quel heureux instinct m'a poussé justement à Dresde! Теперь это очень кстати пришлось. Что бы я начала въ Новакахъ съ заботами о воспитаніи Маши съ одной стороны и непріятностями въ Чевельчѣ съ другой. Le tout doublé par les angoisses sur le sort de mon mari et les inquiétudes sur ma propre santé. Тутъ, хотя я одна, да все же въ цивилизованной странѣ, гдѣ самая дальняя разлука скрадывается еженедѣльными письмами. Впрочемъ, ужъ и не такъ скучно, какъ говорятъ! Да я и не прихотлива; гдѣ для другихъ невыносимое однообразіе, мнѣ только вдоволь спокойствія и жизни. Театръ прекрасный; музыка всюду; гуляній вдоволь и умные медики. Чего же болѣе? Маша ходитъ въ пансіонъ; я поневолѣ хлопочу объ матерьяльныхъ

удобствахъ, и пріобрѣла опытности въ эти четыре мѣсяца болѣе, чѣмъ въ прошедшія четырнадцать лѣтъ. Для успокоенія ума и нервовъ, нѣтъ лучшаго города, какъ Дрезденъ. Краснокутскіе пишутъ мнѣ изъ Ниццы и очень приглашаютъ зимовать съ ними; но это не входитъ въ мои планы и взгляды на утилитарную сторону жизни; я ихъ очень люблю; а кто любитъ, тотъ надѣется и живетъ, спустя рукава; и ожидаетъ отъ другихъ того, что должно искать въ самомъ себѣ. Одиночество и чужбина, какъ горькій полынь, очень укрѣпляютъ желудокъ и волю. Въ переписки я не вдаюсь, а посему мало знаю, что въ кругу нашего семейства дѣлается; оно и покойнѣе, ибо пособить, научить, измѣнить я не могу,—а даромъ огорчаться не желаю. Достаточно. Ты, кажется, недоволенъ письмами папы и его отзывами объ Аннѣ Михайловнѣ; но кто же виноватъ, какъ не ты самъ, разсказавши болѣе, нежели слѣдовало, объ своей интимной жизни. Очень естественно, что папа, съ его характеромъ и взглядами, иначе на это смотритъ, чѣмъ ты, съ твоимъ. Я не позволю себѣ разбирать перваго; но желала бы очень, чтобы ты самъ себѣ порѣшилъ задачу счастья и жизни, не понукаемый чужими о томъ мнѣніями. Для этого главное испытать, можешь ли ты жить отдѣльно самостоятельно въ матеріальномъ и моральномъ отношеніяхъ. Если да, то слѣдуй своей личной неиспорченной природѣ и вѣрь, что если поступки твои согласны съ закономъ правды Божіей, то и здѣсь еще тебя поймутъ и оцѣнятъ. Если нѣтъ, то сними съ себя бремя отвѣтственности и дѣлай, какъ хотятъ другіе; но, ради Бога, выйди наконецъ изъ этой разслабляющей нерѣшительности насчетъ себя и другихъ. Ты, слава Богу, здоровъ, свободенъ—можешь, кажется, устроиться и выбирать будущность по собственному произволу. Для патріархальной жизни состоянія не нужно большого, а принимать бракъ за необходимое зло и его дѣлать—не только глупо, но и безрелигіозно и безчестно, потому что у насъ еще, слава Богу, не дошло до такого цинизма, чтобы сговариваться вдвоемъ на необходимое зло; слѣдственно, кто нибудь да будетъ обманутъ,—а обманывать, сколько мнѣ помнится, и въ ручномъ катехизисѣ запрещено. Вѣроятно, папа забылъ это; а ты замѣчаешь такую безсмыслицу.

Прощай, mon cher, помни, куда тебѣ адресовать письмо; эта неизвѣстность стѣсняетъ очень мое желаніе иногда писать тебѣ. Я живу въ Innere Ramgische Gasse № 1. Да благословитъ тебя Богъ на все лучшее и сохранитъ тебя здоровымъ. Marie проситъ напомнить о себѣ.

Toute à toi

Lise d'Ouchakoff.

139.

Дрезденъ 28 ноября н. ст. 1853 г.

Я только что собиралась писать тебѣ, милый Володя, по случаю письма Мейера къ М. Краснокутскому, какъ мнѣ принесли письмо твое отъ 10 ноября. Очень благодарю тебя за память и мысль обо мнѣ, но никакъ не желаю присоединиться къ вашему Петербургскому переселенію. Нѣсколько разъ уже писала тебѣ, какъ довольна и счастлива настоящимъ своимъ бытомъ и какъ мнѣ было скверно въ такъ называемомъ родномъ и дружескомъ кружкѣ. Хотя я очень отстала отъ свѣта и вашихъ мыслей, но не полагаю до того заблуждаться, чтобы думать, что всѣ люди вдругъ перемѣнились, pour me faire une niche. Если же все осталось по прежнему, то позволь ужъ и мнѣ остаться при своихъ мнѣніяхъ, а особенно при своемъ родѣ жизни. Я не люблю жить по прописямъ; но если справедливо, что счастье любящихъ заключается въ счастьи любимыхъ, то будемъ ужъ придерживаться этого афоризма. Я совершенно счастлива тѣмъ, что ты и папа довольны, здоровы и веселы; позвольте же и мнѣ надѣяться, что вы будете тоже совершенно счастливы, убѣдившись наконецъ, что я не могу быть блаженнѣе, какъ въ настоящую минуту. Мечтательности здѣсь никакой нѣтъ, какъ полагаетъ папа, и какъ, можетъ быть, про себя думаешь ты. Я больна, серьезно больна; малѣйшая тревога, огорченіе, испугъ, или тому подобныя моральныя ощущенія, грозятъ мнѣ неминуемой гибелью. И даже помочь мнѣ никто не будетъ въ силахъ; организмъ мой изнуренъ и разстроенъ до нельзя; поправиться могу я только совершеннымъ спокойствіемъ, по словамъ доктора. Естественно, что я ищу этого спокойствія всѣми человѣческими силами. Затворничество суслика, какъ выражается папа, мнѣ необходимѣе воздуха, потому что этимъ однимъ я ограждаю себя отъ нервныхъ припадковъ, вечерней лихорадки, біенія сердца и разстройства желудка. Сколько люблю Бога, я не преувеличиваю; даже въ эту минуту, когда я довольно взволнованно говорю съ тобою, у меня жаръ, и истерика crampe dans la gorge,—которая меня всегда допекаетъ, когда я немного émue. Послѣ этого тебѣ, можетъ быть, понятнѣе будетъ, какъ мнѣ страшно перемѣнять, хотя нѣсколько, le status quo, въ которомъ я приблизительно живу. Притомъ же я никому не мѣшаю. Благодарю Создателя за возможность жить въ мирѣ съ собою и со всѣми другими за стѣною Его Свѣтлаго Покрова и ничего лучшаго не желаю (кромѣ здоровья, разумѣется). Мари теперь не такъ здорова; простудила шею и должна сидѣть въ заперти; а когда она здорова, то она имѣетъ однолѣтнихъ подругъ,

развлеченія и все, чтобы могла имѣть въ Петербургѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ. Надѣюсь, Господь сохранитъ мнѣ ее, молю Его объ этомъ ежечасно; а что отъ меня зависитъ, дѣлаю, чтобы образовать ея умъ и сердце. Въ Германіи, землѣ архираціональной и практической, это легче, чѣмъ было въ средѣ Варшавскихъ вліяній общественной, пустой и тщеславной, жизни. Маша умѣетъ вязать чулки для бѣдныхъ и не гнушается кухней, какъ я бывало. Одна бѣда: это мои нервные страхи за ея здоровье и совершенная для меня невозможность имѣть сцены; двѣ причины, препятствующія энергическимъ мѣрамъ въ должныхъ случаяхъ.

Прилагаемое письмо и счетъ потрудись доставить М. Н. Краснокутскому: Мейеръ меня уже годъ преслѣдуетъ этимъ посланіемъ; и извинись передъ Michel'емъ за необходимость безпокоить его, можетъ быть, совершенно напрасно.

Прощай, mon cher, будь здоровъ и не забывай совершенно твоей сестры. Послѣднее письмо отъ Н. Ив. было отъ 3 ноября. Послѣ Государева посѣщенія онъ получилъ 5000 руб., но всего лучше, что онъ здоровъ.

Лиза Ушакова.

140.

Дрезденъ 7 декабря н. ст. 1853 г.

Судить разсудкомъ желанія и влеченія сердца трудно, даже и въ совершенно посторонемъ дѣлѣ; а что же сказать тогда, когда тотъ и другія въ разбродѣ отъ разнородныхъ ощущеній при мысли о счастьѣ собственномъ или счастьѣ особы, болѣе всѣхъ нами любимой,—что все равно. Я очень устала, больна, и совсѣмъ забыла, что есть еще люди, которые могутъ думать объ чемъ нибудь, кромѣ спокойствія и доктора. Твое письмо застало меня совсѣмъ въ расплохъ!

15-го. Кажется, я за собой всюду влеку ненавистную мнѣ суету и кутерьму. Въ этотъ разъ можетъ оно и къ лучшему; ибо съ горяча неизвѣстно, что бы вылилось на бумагу, а теперь я мирно и спокойно могу отвѣчать тебѣ. Жаль мнѣ, очень жаль, что жизнь такъ дико для тебя сложилась. Я думаю, ты немного заблуждаешься, предполагая, что препятствій только со стороны отца можно ожидать. Ихъ милліоны, которыхъ ты теперь и не видишь! Одна борьба съ предразсудками, законами, синодомъ, свѣтомъ, семействомъ и самимъ собой,—чего стоитъ? Предположимъ невозможное, что все удастся одолѣть тебѣ;—ру-

чаешься ли ты за нее? Неужели то чувство, которое ты описываешь въ ней къ тебѣ, будетъ ей все замѣнять и вознаграждать, охранять ее и подстрекать, да еще и ждать? Помилуй, неужели ты въ самомъ дѣлѣ серьезно обо всемъ этомъ подумалъ? И не облекъ ли ты въ возможную дѣйствительность мечты и желанія собственно свои?—C'est une affaire du reste qu'il est tout à fait impossible de traiter par correspondance, et encore si décousue que la notre. Mon opinion personnelle sur le mariage t'est connue; mais ce que j'ignore complétement c'est la portée de ton caractère actuel. Ainsi tout jugement que je pourrais porter, tout conseil que je voudrais donner, serait téméraire et sans application. Je me bornenerai donc à t'assurer que tout ce que tu pourra entreprendre en vue de ton propre contentement sera d'avance respecté et béni par moi. Le peu d'influence que je puis avoir dans la famille t'est acquis d'avance. Dispose de moi comme tu l'entendra mieux. Mon plus grand bonheur sera la conviction de t'avoir été bonne à quelque chose

Послѣднія происшествія насъ немного разъединили съ папой, но я возобновлю переписку. Даже Юліи Ивановнѣ отвѣчала на ея послѣднее письмо изъ Варшавы. Но такъ какъ всякая хитрость, притворство и ложь для меня невыносимы, то мнѣ необходимо было отдохнуть и успокоиться, прежде чѣмъ возстановлять сношенія, изъ которыхъ искренность и уваженіе навсегда, вѣроятно, изгнаны будутъ. Les relations de société en famille sont insoutenables pour moi. Безпрестанно спотыкаешься и выходитъ страшный хаосъ. Боже мой! какъ страшно и тяжело вспомнить, что я была и какъ думала въ двадцать лѣтъ и что со мной сдѣлалось въ тридцать пять! Если бы по крайней мѣрѣ моя опытность кому нибудь да пригодилась! Да, мой другъ, семейство вещь священная; она въ моральномъ и матеріальномъ отношеніяхъ тоже самое, что религія въ духовно-божественномъ. Очень неблагоразуменъ тотъ, кто на пескѣ кладетъ фундаментъ этого храма; „подуютъ вѣтры, снесутъ домъ тотъ, и что тогда останется?“—„Мерзость и запустѣніе на мѣстѣ святѣ“, сказалъ бы Фроловъ; но онъ тоже въ Турціи, какъ и мой бѣдный Николай Ивановичъ. Я, впрочемъ, еще не получала писемъ изъ Бухареста, а получила три съ дороги. Новаковское самое пріятное; тамъ все идетъ хорошо и многое улучшается. Ник. Ив. въ восхищеніи и только бредитъ, какъ бы тамъ пожить. Если, Богъ дастъ, война кончится благополучно, мы, вѣроятно, лѣтомъ туда поѣдемъ. Пріѣзжай и ты; вотъ бы было прекрасно!

На этой прекрасной мысли останавливаюсь. Да сохранитъ тебя Господь Богъ, и вразумитъ, какъ лучше поступить для своего и нашего благополучія. Я сравнительно здорова; шпигуютъ меня желѣзомъ и бифштексомъ, но совсѣмъ удовлетворительно. Сошлась здѣсь съ Икскюлями и, благодаря маленькой баронессѣ, не совсѣмъ одна въ Дрез-

денѣ. Притомъ же, какъ пришлось немного самой о себѣ и о своихъ хлопотать, то Богъ знаетъ, какая куча дѣла въ домѣ. Такъ спина болитъ, что рѣшительно не могу писать. Кончаю стоя. Прощай. Люби и не забывай твоей Лизы.

141.

Дрезденъ 31 января н. ст. 1854 г.

Не смотря на то, что я почти никого здѣсь не вижу и, казалось бы, много имѣю свободнаго времени, часы такъ скоро идутъ въ дневныхъ занятіяхъ, а вечеромъ всегда набирается такая куча запоздалыхъ писемъ, что я едва успѣваю водить перомъ, не говоря уже объ мысляхъ,—которыя всегда у меня въ разбродѣ. Притомъ же, здоровье мое хотя и поправляется, но еще очень часто бываютъ angoisses, во время которыхъ я не въ состояніи ничѣмъ заняться,—тѣмъ болѣе письмами; не сѣтуй же на меня, мой добрый Вольдемаръ, что такъ рѣдко пишу тебѣ; у тебя у самого такъ много личныхъ заботъ, что грустно было бы и нераціонально прибавлять къ нимъ и мою долю хандры. Но не думай, милый другъ, чтобы мысль о тебѣ когда нибудь могла на минуту огорчать меня; увѣрена, что если бы мы были вмѣстѣ, то давно бы дѣло, которое тебя занимаетъ, приняло бы какой нибудь положительный оборотъ. Безнадежность и покорность приличны, по необходимости только женщинамъ. По моему одна смерть необорима по своей непреложности и таинственной связи съ Подателемъ жизни. Все другое зависитъ отъ человѣка и его убѣжденій, которыя одни могутъ быть препятствіями или двигателями его дѣйствій. Главный вѣдь интересъ въ жизни—это мое я въ отношеніи къ Богу и, обратно, въ отношеніи къ людямъ вообще. Одно опредѣляетъ другое. Нерѣшительность нашихъ дѣйствій проистекаетъ всегда отъ постороннихъ причинъ, затмевающихъ этотъ двойной взглядъ вверхъ и внизъ. Но всегда вверхъ сначала; согласись, что если у меня есть вѣрное убѣжденіе, что отношенія мои съ Богомъ не нарушены, то меня очень мало будетъ интересовать, что скажетъ M-me X. или M-r N. о моемъ дѣйствіи. Подъ X. и N. я ставлю все человѣчество. Какъ и чѣмъ опредѣлить эту вѣрность убѣжденія, я не знаю. Сама руковожусь съ грѣхомъ пополамъ, слѣдовательно, другому ужъ никакъ не могу помочь въ отыскиваніи правды. Законы моральный, гражданскій, религіозный и условный еще такъ у насъ спутаны, что одинъ мѣшаетъ, если не противорѣчитъ другому. Думаю однако же, что бездѣйствіе всегда вредно, ибо его слѣдствіе

томительное ожиданіе, stagnation, мѣшающее развитію силъ душевныхъ и замедляющее процессъ физическаго и нравственнаго нормальнаго развитія. Многіе уживаются въ этомъ переходномъ положеніи и мирятся съ своею безполезностью. Но не скажу, чтобы это было хорошо; и желала бы всѣми силами не допустить тебя до этой счастливой апатіи. Вотъ ужъ неожиданно вылилась у меня эта длинная диссертація. Твое слово „ожиданія“ вѣроятно взбудоражило мою голову. Хотя, правду сказать, оно для меня не имѣетъ никакого осязаемаго значенія. Развѣ обстоятельства могутъ что нибудь измѣнить въ родственномъ вопросѣ? Кромѣ онаго, я ничего не вижу невозможнаго въ союзѣ съ Л. Д. Если есть какія нибудь средства устранить или перескочить его, и ты увѣренъ, что она любитъ тебя, а не твое будущее положеніе, то слѣдовало бы ихъ отыскать и подвигаться впередъ,— хотя для будущаго. Если ихъ нѣтъ, то самое благоразумное —совершенно отстать, а никакъ не изнурять свою энергію въ мелкихъ спорахъ съ самимъ собою и другими. Потому что въ первомъ, какъ во второмъ случаѣ, утроенный ея запасъ малъ будетъ, чтобы благополучно выйти изъ бѣдъ. Да благословитъ тебя Богъ и поможетъ. Мои искреннія желанія и молитвы будутъ сопутствовать тебѣ на этомъ терновомъ пути къ счастью. Въ обоихъ случаяхъ однако же осторожность не мѣшаетъ. Michel Дараганъ прекрасный человѣкъ, но онъ слишкомъ зависимъ, чтобы быть самостоятельнымъ и неуклончивымъ. Преданность его къ Безакамъ, какъ и всѣ людскія преданности, имѣетъ свое начало—и будетъ имѣть свой конецъ. Л. Ив. тоже превосходная женщина, но для своего самосохраненія вѣрнѣе быть съ ней только на комплиментахъ. Данзасъ одинъ могъ бы тебѣ помочь: у него характеръ твердый, взглядъ на жизнь вѣрный, хотя и немного крутой, и одна черта, которой я почти не встрѣчала,—безъинтересное сужденіе въ чужихъ дѣлахъ. По крайней мѣрѣ, когда я его знала, онъ былъ таковъ, и мало стѣснялся вліяніями и положеніями лицъ, а болѣе обращалъ вниманія на факты и характеръ. Но что съ нимъ? и гдѣ онъ теперь? Боже мой, какъ давно я его не вспоминала! Хорошъ ли ты по прежнему съ нимъ? И какъ онъ мнѣ теперь пришелъ въ голову? Вотъ подлинно диво. Какъ часто онъ меня бранилъ. Я его однако же очень уважаю и люблю. Но я ужъ черезъ чуръ записалась; поздно; а мнѣ строжайше запрещено бдѣніе. Дурно сплю, когда голова полна мыслей; а мысли между тѣмъ только и приходятъ ко мнѣ въ полночь. Завтра утромъ я вѣрно съ удивленіемъ прочту это письмо, и если не порву, то пришлю тебѣ. Прощай, мой добрый другъ; будь здоровъ и веселъ, да люби сестру. Она очень мало кого любитъ и еще менѣе желаетъ, чтобы ее любили; но ты исключеніе. Получила письмо изъ Монастырища; тамъ, благодаря Бога, все благополучно. Изъ Чевельчи не имѣю никакихъ свѣдѣній

Пришли, если имѣешь, адресъ папы; я перешлю черезъ Ив. Ив. ему письмо. Отъ Николая Ивановича имѣю часто письма изъ Бухареста. Безпокойства и неизвѣстность этой войны одна изъ большихъ для меня мукъ! Объ Калафатѣ нѣтъ еще никакихъ свѣдѣній; и онъ туда поѣхалъ, неизвѣстно зачѣмъ? Энтузіазмъ молодежи, кажется, и его заразилъ; я имѣю теперь очень мало спартанскаго и предпочитала бы для него самый старый халатъ всѣмъ возможнымъ кровавымъ лаврамъ. Mais le patriotisme! la religion!! motus! Еще разъ прощай, обнимаю тебя отъ души и поздравляю тебя со всѣми праздниками, прошедшими и будущими. Безъ этого поздравленія вѣдь письмо не письмо. По крайней мѣрѣ ко мнѣ всѣ письма начинаются этимъ интереснымъ возгласомъ. А я тутъ въ такой глуши, что безъ русскаго календаря даже не знаю, когда какой день. Маша здорова, тебя цѣлуетъ, учится хорошо, но—разныя „но“; впрочемъ она очень поправилась въ моральномъ отношеніи, т. е. какъ для ребенка, въ характерѣ; за то мои убѣжденія о воспитаніи очень пошатнулись—и, склоняя голову предъ стариною, я не разъ брала въ руки розгу—къ ужасу Н. И. и всѣхъ порядочныхъ людей, со мною включительно.

Adieu.

142.

Дрезденъ 28 апрѣля 1854 года.

Послѣднее письмо твое, мой добрый Володя, получила я въ Берлинѣ, куда ѣздила говѣть и встрѣтить Свѣтлое Христово Воскресенье. Суеты было много, издержекъ и поѣздокъ тоже; такъ что я совершенно счастлива, что опять могу мирно сидѣть въ своемъ уголку. Слава Богу однакоже, погода и здоровье мнѣ благопріятствовали; нашла въ Берлинѣ преобразованнаго человѣка въ нашемъ русскомъ священникѣ. Даже пила у него чай и познакомилась съ его семействомъ. Жена и дѣти премиленькія. Еще встрѣтила тамъ М-г Семенова, который сдѣлался нашимъ кавалеромъ на все время пребыванія моего въ Берлинѣ. Его братъ, вѣроятно, небезъизвѣстенъ тебѣ; онъ служитъ въ Сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, кажется. Этотъ же Семеновъ, съ которымъ я познакомилась, живетъ ученымъ; знакомъ съ Гумбольдтомъ и другими знаменитостями Германіи и приготовляется къ ученому путешествію во внутренность Азіи, для геологическихъ и прочихъ открытій. Я была очень рада такой находкѣ и мы пріятно дѣлали вмѣстѣ необходимыя поѣздки въ Постдамъ, Sans-Souci и т. д. Возвратившись

въ Дрезденъ, нашла много писемъ; неизвѣстно, когда успѣю отвѣтить на всѣ! Отъ Краснокутскихъ однакоже не было письма; поэтому думаю, что они уже въ дорогѣ. Я сама думаю скоро оставить Дрезденъ и переѣхать въ Шандау—продолжать желѣзныя ванны и пирмонскую воду. Благодѣтельная судьба послала мнѣ прекрасную гувернантку, такъ что я не оставлю Машу въ пансіонѣ, а мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ въ Шандау. M-me Schmidt уже не молодая женщина, была воспитательницей въ Англіи лѣтъ пятнадцать, а слѣдственно знаетъ англійскій языкъ, какъ свой родной; гдѣ она выучилась по французски—неизвѣстно, но говоритъ и знаетъ грамматически; къ этому играетъ, рисуетъ, поетъ и дѣлаетъ разные плумъ-кекъ. Вообще имѣетъ такъ много неоспоримыхъ достоинствъ, что я побаиваюсь не быть бы бѣдѣ. Докторъ мой спрашивалъ на-дняхъ у меня, какимъ счастливымъ инстинктомъ я именно ее выбрала изъ пятидесяти приходившихъ опредѣляться. И ужасно смѣялся, что я людямъ, какъ лошадямъ, смотрю въ зубы. Въ самомъ дѣлѣ ея прекрасные зубы рѣшили вопросъ. Avec des dents pareilles elle ne doit pas connaître les meaux d'estomac, et toutes ses suites morales et physiques. Всѣ другія ея качества открылись въ послѣдствіи; и до сихъ поръ она для меня столько же полезна, какъ и для Маши. Насчетъ рисованья, я должна разъяснить твои идеи; правда, я занимаюсь живописью, но въ утилитарномъ отношеніи; во первыхъ, по приказанію доктора; во вторыхъ, для Новаковской церкви. Слѣдственно, собственно о живописи здѣсь и не можетъ быть рѣчи. Я хотѣла только знать, есть ли у насъ какое нибудь условное обязательное правило для церковныхъ картинъ, или можно употребить копіи и изъ здѣшнихъ галлерейныхъ изображеній святыхъ, мадоннъ и І. Христа.

Иванъ Ивановичъ, кажется, такъ занятъ сравненіями освященныхъ и не освященныхъ радостей супружества, что совершенно забылъ о моихъ дѣлахъ. Дабы не тревожить его изученій, я и перестала къ нему адресоваться о паспортѣ, и, слѣдуя твоей мысли, просрочу,—а потомъ заплачу. Объ деньгахъ уже дѣло Николая Ивановича позаботиться, когда они будутъ нужны.

Прощай, мой другъ, будь здоровъ и веселъ; съ этимъ такъ хорошо живется! Я надѣюсь, что Германія столько же, сколько и я, желаетъ нейтралитета. Въ Берлинѣ меня очень успокоили; и я благодарю Бога, что удастся еще долѣе прожить въ Саксоніи; во всю жизнь мнѣ еще не было такъ хорошо и спокойно.

Да хранитъ тебя Всевышній.

Élise Ouchakoff.

143.

Шандау 28 сентября н. ст. 1854 года.

Ты, вѣроятно, уже знаешь черезъ Краснокутскихъ, что я получила твое письмо изъ Чевельчи, милый Володя; и, конечно, много другихъ подробностей о мнѣ сообщили тебѣ они же, если ты засталъ ихъ уже въ Москвѣ, на что они надѣялись. Послѣ ихъ отъѣзда мнѣ какъ-то совсѣмъ неловко; что ни говори, а родное всетаки странно притягиваетъ сердце; какъ будто сулитъ и дружбу, и опору. Они же всѣ такіе добрые! Между чужими впрочемъ мнѣ тоже не очень худо; на деревенской свободѣ, здѣсь, я очень сблизилась съ семействомъ гр. Linden, Виртембергскаго посла при Прусскомъ дворѣ. Благодаря имъ и еще другимъ здѣшнимъ знакомымъ, я очень пріятно провела свои имянины, день особенно непріятный мнѣ. Меня фетировали, одарили и обласкали чрезвычайно. Червь сомнѣнія и подозрѣній не могъ отравить утѣшительной мысли, что если меня полюбили, то это не за положеніе, интересъ или по тягостному долгу, а искренно, по влеченію сердца. Машу они тоже очень балуютъ и ласкаютъ; мнѣ очень грустно думать, что мы скоро разстанемся и, вѣроятно, навсегда. Да не вся ли сердечная жизнь наша составляется изъ „здравствуй“ и „прощай“? Какъ то ты провелъ лѣто въ Малороссіи? Изъ письма твоего мало можно заключить, „Папа очень доволенъ мной“—спрашивается: чѣмъ бы онъ могъ быть недоволенъ? „Юлія Ивановна предупредительна и ласкова“—странно было бы очень, еслибы она таковою не была. Вообще взгляды твои довольно оригинальны; но я хотѣла бы однако же знать, что ты лично вывезъ оттуда. Съ сокрушеннымъ сердцемъ должна признаться, что меня отвлекаетъ отъ Малороссіи именно Чевельча, съ ея непонятными положеніями, туманными отношеніями, которыя еще болѣе затуманятся моимъ присутствіемъ, и всѣмъ страннымъ своимъ хаосомъ *être* и *paraître*, который тамъ получилъ права гражданства, и коего я никакъ не могу вмѣстить въ свою безтолковую голову. Тутъ я еще болѣе отстала отъ всѣхъ старосвѣтскихъ причудъ и смутныхъ таинствъ, гдѣ и прежде часто попадалась въ бѣду. И дико мнѣ самой думать, что въ этомъ захолустьи, гдѣ всѣ пророчили мнѣ, что я умру отъ тоски и скуки, я нахожусь совершенно счастливой, довольной и покойной. Или я прихожусь клиномъ ко всему свѣту (т. е. къ тому, въ которомъ я до сихъ поръ вращалась) или онъ ко мнѣ выдается только углами, не могу рѣшить; но ясно вижу, что мы не можемъ ужиться другъ съ другомъ на прежнихъ условіяхъ. Посему заключаю, что такъ какъ упомянутый свѣтъ очень мало теряетъ во мнѣ, а я ужасно много теряю въ немъ

то я переношу свою теперешнюю личность цѣликомъ въ Новаки и живу, какъ мнѣ заблагоразсудится. Другіе же имѣютъ тоже право поступать по усмотрѣнію. Внутренняя моя жизнь такъ гармонируетъ съ наружной, что я сама часто удивляюсь, какъ много человѣкъ можетъ пріобрѣсть въ такой атмосферѣ. Даже характеръ мой измѣнился; такая мягкость, bienveillance и простота оказываются, что мнѣ дивны мои прежнія причуды и mauvaises humeurs. Матеріальная жизнь сама собой улаживается; все идетъ мирно, тихо, монотонно, и я, точно послѣ пожара, или наводненія, начинаю выглядывать въ окошко и, озираясь съ самодовольнымъ видомъ, спрашиваю себя, точно ли былъ когда нибудь такой хаосъ въ головѣ моей, что я направду одурѣла. Ежедневно благодарю Создателя за дарованное мнѣ внутреннее спокойствіе и слезно прошу одной милости—продлить это состояніе души моей, гдѣ бы я ни была и чтобы со мною ни случилось. Какъ жаль, что ты не могъ пріѣхать погостить ко мнѣ! Здѣсь между прочимъ сдружилась я очень съ дочерью гр. Linden, Paulo'й; она очень схожа со мной въ характерѣ и направленіяхъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты ее увидѣлъ. Какъ твои дѣла и что ты намѣренъ дѣлать? Пиши пожалуйста толкомъ; изъ demi-mots я ничего не понимаю. Я написала тебѣ цѣлую исповѣдь; надѣюсь и на твою откровенность; а то, не видѣвшись годами, да писавши по долгу, мы такъ разъединимся другъ съ другомъ, что при первомъ свиданьи начнемъ съ Monsieur и Madame. До сей злосчастной минуты цѣлую тебя, какъ нѣжно любящая тебя сестра

Élise Ouchakoff.

144.

Дрезденъ 3 января н. ст. 1855 г.

Не поздравляю тебя съ новымъ годомъ, потому что и сама еще его не праздновала; но, какъ всегда и вездѣ, желаю тебѣ всего лучшаго, особенно здоровья. Получила вчера письмо твое, мой добрый Воля; mercі за довѣренность; но я и прежде совершенно ясно понимала отношенія ваши и старалась всегда забывать ихъ, чтобы не имѣть права жалѣть тебя. Утѣшалась часто мыслью, что ты наконецъ окрѣпъ, и будешь въ силахъ разорвать отношенія, которыя и теперь „нарушаютъ твой покой“, а въ будущемъ сулятъ только разочарованіе и большія огорченія для сердца и самолюбія. Конечно, есть много фибръ сердца, которыхъ движенія я не могла испытать, ибо отъ природы не имѣю дара

увлекаться, а болѣе руковожусь разсудкомъ, вѣрою и много, даже очень много самолюбіемъ. Очень естественно, что положенія, гдѣ топчется въ грязь одна и глохнетъ другой,—мнѣ мало понятны. Дружба... Надо имѣть 18-ть лѣтъ, чтобы вообразить какую-то троичную дружбу. Со временъ апостольскихъ (которые, по наитію Св. Духа, были безстрастно дружны и единодушно шли къ извѣстной цѣли) примѣровъ такихъ не было, посему и оный примѣръ почитается чудомъ и доказательствомъ сверхъ-естественной благодати. Естественнымъ же образомъ мы пользуемся привязанностью другого, не возвращая ему таковой же только по сознательному или безсознательному эгоизму. Имѣя впереди или позади себя любовь, очень выгодно приготовляться къ ней или вспоминать ее дружбой. Но быть субъектомъ этихъ опытовъ и повтореній, предвидя будущее или знавъ прошедшее, не думаю, чтобы могло быть весьма пріятно. Однако же, если ты довольствуешься этимъ и почитаешь настоящую „борьбу“ за удовольствіе, искупающее будущія огорченія и одиночество подъ старость, то кто же можетъ осудить тебя? Всякій старается избрать для себя среду лучшую и болѣе гармонирующую міръ внѣшній съ внутреннимъ. Совѣтовать, учить, даже приказывать можно только до извѣстныхъ лѣтъ. За этой чертою каждый индивидуумъ долженъ быть самъ отвѣтственнымъ передъ самимъ собою. Autrement il n'y aurait pas de jeu au libre-arbitre, или по инстинкту, или по необходимости должны были бы неотмѣнно клониться всѣ въ одну сторону безъ надежды на какую нибудь правду и возмездіе. Только выборомъ рѣшаемся предстать на судъ и оправдываемъ эту надежду какъ въ этой жизни, такъ и въ будущей. Если Богъ предоставилъ намъ свободу дѣйствій, то и подавно людямъ можно было бы ее за нами оставить.

Не упусти изъ виду пожалуйста этотъ главнѣйшій столбъ къ поддержанію храма мира, который ты сооружаешь. Le respect pour l'opinion d'autrui fait seul respecter la votre. Безъ этого принципа, какъ его ни подстраивай съ одной стороны, онъ непремѣнно будетъ валиться съ другой. Судьбѣ ты приписываешь очень много власти; я также иногда покоряюсь этому предразсудку, но только по лѣни и отъ усталости. Раціонально же ее признать невозможно; всѣ наши бѣдствія происходятъ отъ нашихъ собственныхъ глупостей и безразсудной покорности глупостямъ другихъ. Говорю, разумѣется, объ устройствѣ жизни. Нельзя же сердиться на себя за невѣжество, доброту и пр.; слѣдственно, негодуешь на другихъ, что пользовались этимъ безчестно, то-есть, обманомъ; или по своему же собственному невѣжеству безправно руководились личнымъ интересомъ, не признавая природы другого. Это не ново; всегда такъ дѣлалось и будетъ дѣлаться на свѣтѣ. Ты думаешь, что я впала въ крайность, и ожесточилась противъ рода человѣческаго; это несправедливо; развившись очень поздно, я начала судить ретро-

пективно. Обзоръ былъ неутѣшителенъ. Жила потомъ въ военномъ обществѣ, гдѣ лучшій генералъ съ его женой немного повыше стоятъ въ моральномъ и умственномъ образованіи любого деньщика и прачки. Не смѣя еще судить другихъ, я осудила себя; и въ этомъ ужасномъ осужденіи прожила лѣтъ двѣнадцать. Наконецъ, волею Божіею, попала въ Дрезденъ, и подсмѣиваюсь надъ своимъ прежнимъ простодушіемъ; люблю встрѣчающихся мнѣ добрыхъ людей, но не ищу ихъ; un chat échaudé craint l'eau froide. Стараюсь забыть прошедшее и не думаю о будущемъ. Но когда вспоминаю объ нихъ, то естественно, что не съ благодарностью. Отдаю однако же полную справедливость каждому встрѣчавшемуся порядочному человѣку. Не моя вина, если ихъ было такъ мало. Кажется, ты безсознательно раздѣляешь тоже мнѣніе, когда говоришь, что Н. Ив. не отдавали справедливости по такимъ то и такимъ то причинамъ. Этихъ то причинъ я и не терплю, ибо отъ нихъ много терпѣла. И теперь одинаково не могутъ отдать ему справедливости, потому что не въ состояніи понять его; но хвалятъ безъ толку, какъ прежде бранили. Благодаря своему религіозному чувству, онъ мало терпитъ отъ этихъ повѣтрій. Меня они было совсѣмъ сбили съ толку. Теперь надо, чтобы я очень, очень и очень уважала личность человѣка, чтобы обратить вниманіе на его мнѣніе въ томъ отношеніи, чтобы оно подѣйствовало на мое собственное. Да и имѣть мнѣніе очень трудно; для этого надо сперва образоваться, пережевать мнѣнія другихъ и опытомъ подписать свое; а болтовня, которую мы обыкновенно называемъ мнѣніемъ, это вѣтряная мельница, зависящая не отъ себя, а отъ своего гонителя. Ищущій, просящій, нуждающійся человѣкъ не можетъ имѣть мнѣнія, ибо онъ вѣчно останется тѣмъ, изъ чего хочетъ выйти. Въ Россіи мнѣній нѣтъ и быть не можетъ. А мнѣнія людей, съ которыми живешь, въ рукахъ упрямаго. Ты миролюбивъ, какъ было и прежде,—слѣдственно, будешь подъ лапой; я сдѣлалась упряма и положу ее на другихъ безъ всякаго шума. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ ни первый, ни второй не признаются въ томъ, что дѣлаютъ, то всѣ будутъ жить въ мирѣ и согласіи, обманывая себя фактомъ, но не противорѣча разсужденіями. Мѣшаетъ совѣсть немножко, слово „обманъ“, но при стараніи и изученіи языка можно найти другое, однозначущее, но успокоительное. Много надо мнѣ еще учиться, чтобы жить какъ всѣ! До того времени, сдѣлай дружбу, не говори мнѣ никогда о дѣлаемыхъ тобой заключеніяхъ и выводахъ о моемъ характерѣ и взглядѣ; они рѣдко удачны и меня нетерпѣливятъ и лишаютъ сна. Письменно очень трудно объясняться; при свиданіи мы, вѣроятно, поймемъ другъ друга, а въ потемкахъ это совершенно невозможно. Притомъ же я и сама рада немного забыть себя и всѣхъ другихъ; это одно средство не попасть опять на ту дорогу въ сумасшедшій домъ,

отъ которой меня избавилъ Господь при помощи здѣшнихъ медиковъ. Было очень скверно; благодаря Бога, я приблизительно здорова, если войну хлорозы съ желѣзными каплями можно назвать здоровьемъ. Живу въ полномъ блаженствѣ; положительно никого не вижу, кромѣ доктора, учителей и тому подобныхъ поденщиковъ, которыхъ весьма уважаю за пользу. Рисую, занимаюсь Машей, шью вечеромъ, играю и немного читаю; погода прекрасная, мы много бываемъ на воздухѣ; ложимся въ 9—10 часовъ, встаемъ въ семь утра. Каждый вечеръ благодарю Бога за проведенный день и каждое утро прошу еще подобныхъ. Вся моя забота ограничить расходы, чтобы не стѣснить Николая Ивановича. Его генералъ-лейтенантскій титулъ, прописанный въ паспортѣ, иногда стѣсняетъ меня, въ практической жизни; но иногда выгоденъ въ разныхъ отношеніяхъ при моемъ совершенномъ равнодушіи къ лицамъ и уваженіи къ дѣлу. О политикѣ знаю по наслышкѣ; ваши дамы занимаются ею отъ нечего дѣлать; съ ихъ ли разумомъ пособить громаднымъ интересамъ, которые стоятъ теперь на картѣ? А безъ пользы читать газеты,—ужъ лучше штопать чулки. Кстати о чтеніи. Читалъ ли ты когда нибудь „La philosophie américaine, par Cramerson“,—маленькая, но довольно оригинальная книжка. Если случится, замѣть „De la confiance en soi-même“. Давно уже читала; но помнится, что было хорошо и даже мнѣ принесло личную пользу. Теперь перечитываю „Auguste Nicolas“, да разныхъ нѣмецкихъ авторовъ и проповѣдниковъ, которыхъ мнѣ прислала гр. Линденъ. Переписки много, такъ что свободная минута обращается сейчасъ на это дѣло. Теперь прощай, мой добрый братъ; не пеняй за многомаранье, какъ часто сѣтуешь на лѣность мою; письмо прилагаю; жаль, очень жаль, что человѣкъ столь часто жертвуетъ лучшими своими чувствами такъ не впопадъ! Заключеній и сужденій никакихъ не дѣлаю; но прошу по искренней дружбѣ, если считаешь возможнымъ, переходи служить въ Москву. Это безвыходное положеніе право тягостно; въ ежедневномъ измѣненіи ощущеній и впечатлѣній ты не примѣчаешь хода времени, а каждый день у дѣвушки грозитъ развязкой и, слѣдственно, неотразимымъ бѣдствіемъ. Я предпочитаю предупреждать судьбу, чѣмъ ей покоряться. Ты дѣлай, какъ знаешь. Во всякомъ случаѣ вполнѣ разсчитывай на мою дружбу.

Любящая сестра Лиза Ушакова.

145.

Новаки 16 апрѣля 1857 года [1]).

Христосъ воскресе, мой дорогой Володя! Дай Богъ, чтобы этотъ прекрасный возгласъ засталъ васъ всѣхъ въ счастьи, здоровьи и веселью. Мы все еще празднуемъ Святую, ибо гости постоянно посѣщаютъ насъ, такъ что я даже въ торопяхъ тебѣ пишу, чтобы опять не пропустить почты. Очень и очень благодарю тебя за чудесную картину Благовѣщенія; она довольно въ моемъ вкусѣ, спокойна и не ярка; что совершенно противуположно здѣшнимъ понятіямъ о живописи и искусствѣ вообще. Рисунокъ Евангелистовъ тоже очень чистъ и благороденъ; не знаю только, подойдетъ ли ихъ форма къ рисунку Царскихъ вратъ, предполагаемыхъ для нашей церкви. Тамъ все медальоны. Я напишу тебѣ, какъ я окончательно рѣшусь; пока это только одни соображенія и планы. Теперь гоститъ у насъ Любинька со всѣмъ семействомъ, а на Святой гостили Кондзеровскіе, тоже съ массой дѣтей и домочадцевъ. Николай Ивановичъ, вѣроятно, подробно будетъ все это описывать. Я буду тебѣ писать, когда опять останусь одна и буду менѣе уставши; цѣлую тебя отъ души; Маша очень благодаритъ за книгу; будетъ тоже писать, когда водворятся спокойствіе и регулярность. Теперь всѣ и вся тебѣ кланяются и по прежнему любятъ. Поздравь отъ меня Вареньку и скажи, что я съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего переселенія въ Малороссію, чтобы больше сблизиться съ нею.

Любящая тебя Лиза.

Христосъ воскресе, любезный другъ и братъ! Поздравляю тебя, Вареньку и Марью Давидовну съ праздниками и прошу похристосоваться съ ними за насъ. Дай Богъ, чтобы это письмо нашло васъ въ полномъ созвѣздіи благополучія.

Мы встрѣтили Пасху смиренно, но съ пріятностями, которыя удвоились теперь съ пріѣздомъ къ намъ Любиньки съ дѣтьми. Николаій Ѳедоровичъ, остававшійся по дѣламъ въ Нѣжинѣ, пріѣдетъ завтра. Они останутся у насъ до 21 числа, а потомъ, въ началѣ мая, мы сами собираемся къ нимъ.

Здѣсь весна началась съ Благовѣщенія, но настоящее тепло еще не установилось, хотя зелени много и деревья покрыты отчасти листь-

[1]) Письма Елисаветы Андреевны къ брату за 1855 и 1856 г.г. не сохранились въ семейномъ архивѣ.

ями, а отчасти множествомъ первоначальнаго цвѣта, особенно фруктовыя; что-то Богъ дастъ далѣе, но покуда дожди перепадаютъ почти ежедневно. Въ поляхъ уже порядочный кормъ для скота, а у насъ въ саду фіалки повсемѣстно. Для дѣтей есть также другія забавы и между прочимъ круглыя качели. Чрезъ нѣсколько дней ожидаемъ Андр. Яковл. въ Чевельчу, но онъ по прежнему ничего къ намъ не пишетъ.

Благодарю очень за книгу: *Міръ Божій*. Общая идея хороша и изложеніе дѣльное; я успѣлъ прочитать едва нѣсколько страницъ и остался доволенъ; но боюсь однако же, чтобы отъ смѣшенія такого множества разнородныхъ предметовъ не вышелъ къ концу книги винигретъ, который не переваривается каждымъ желудкомъ. Маша сама поблагодаритъ тебя въ слѣдующемъ письмѣ; она замѣтно выросла послѣ свиданія съ тобою.

Преданный и любящій братъ Н. Ушаковъ.

P. S. Мих. Мих. Дарагану и Софи нашъ поклонъ. Къ сестрѣ Маріи Иван. пишу теперь же.

146.

Кіевъ 7 февраля 1858 г.

Что подѣлываешь ты, мой добрый Володя? Ужъ цѣлая вѣчность, какъ нѣтъ никакихъ извѣстій о тебѣ. Харьковъ, кажется, дальше Петербурга, потому что съ сѣвера мы какъ-то чаще имѣли письма отъ тебя. Или ужъ ты настолько сдѣлался чиновникомъ и погрузился въ свою семейную жизнь, что не признаешь никакихъ другихъ влеченій? Право, мнѣ это совсѣмъ не по сердцу. Хорошо еще, что я сегодня de bonne humeur, а то рѣшительно побранилась бы съ тобой за такое упорное молчаніе. Ты, вѣроятно, оправдаешься тѣмъ, что и я не очень словоохотлива; но это не оправданіе.

Съ самаго Новаго года до субботы на масляной я была нездорова; возилась съ спазмами и съ нервами до невозможности. Совсѣмъ было приходила въ отчаяніе,—такой ужасъ напалъ! Слава Богу, отошло немного; и первая мысль была успокоить Николая Ивановича и написать тебѣ. Какъ вы провели мясоѣдъ и веселились ли на масляной? Для меня первая недѣля поста превратилась въ масляницу, потому что я чувствую себя здоровѣе и веселюсь по своему. Часто вижусь съ Софи и Michel'емъ; чѣмъ болѣе ихъ вижу, тѣмъ болѣе цѣню и люблю ихъ.

Даже спокойствіе и медлительность Софи благодѣтельно дѣйствуютъ на мою вѣчную ажитацію. Я, кажется, писала тебѣ, что Софи начала брать уроки рисованья и мы постоянно вмѣстѣ рисуемъ. По вечерамъ работаемъ, а M-lle Hefty читаетъ въ слухъ. У папы меня тоже очень балуютъ, и я очень рада тамъ бывать, когда здорова. Но когда больна, то нѣтъ никакой возможности выдержать тамошнюю постоянную и безвыходную суету. Въ обществѣ я совершенно не бываю; нѣкоторыя дамы были такъ добры, что пріѣхали ко мнѣ познакомиться; я отдала имъ визиты и, вѣроятно, мы на этомъ и покончимъ. Машенька была съ Софи въ концертѣ Неруды и въ дѣтскомъ театрѣ у M-me Гессе. Она, слава Богу, здорова и растетъ. Стараніями Михайла Михайловича продана моя табакерка, и я постараюсь взять Машѣ учителя русскаго языка; Николай Ивановичъ очень на это налегаетъ, а у меня не было средствъ исполнить его желаніе до сей минуты. Любинька не пріѣхала въ Кіевъ на контракты, какъ прежде располагала. Н. Ив. пишетъ, что Н. Ѳед. занемогъ, и мужъ мой поѣхалъ въ Монастырище. Я въ большомъ безпокойствѣ, ибо съ тѣхъ поръ нѣтъ никакихъ извѣстій. Не знаешь ли ты чего утѣшительнаго? Между тѣмъ сюда пріѣхалъ Блюменфельдъ съ женой; если-бъ былъ телеграфъ, можно было бы во время увѣдомить тебя объ этомъ, и ты могъ бы лично переговорить съ нимъ въ Кіевѣ, не ѣздивши въ Варшаву. Онъ мнѣ очень отчетливо изложилъ всѣ твои дѣла по маіорату и ждетъ только твоего согласія, чтобы покончить миролюбиво процессъ по винокуренному аппарату. Если это дѣло будетъ окончено, то тебѣ надо будетъ только черезъ два года ѣхать въ маіоратъ, чтобы выгоднѣе его переарендовать. А до того времени все будетъ идти, какъ прежде шло, до исторіи съ ксендзомъ и мѣдникомъ.

9 февраля. Почта идетъ только во вторникъ и посему тѣмъ, кто хочетъ ждать, предоставлено очень много свободнаго времени. Это очень предусмотрительно: можно надуматься, что писать, и даже самой успѣть съѣздить въ Харьковъ за отвѣтомъ. Michel Краснокутскій пишетъ М. М. Д., что ты представленъ уже къ новому мѣсту. Правда ли это? Я сегодня была у Софи и встрѣтила тамъ Михаила Николаевича Дарагана; онъ оставилъ свое Полтавское мѣсто; пріѣхалъ было сюда искать другого; но не нашелъ, и ѣдетъ въ Петербургъ отыскивать счастья. Варвара Михайловна переѣзжаетъ на жительство въ Кіевъ. Они купили имѣніе въ Херсонской губерніи, которымъ очень довольны. Поцѣлуй за меня Вареньку и Андрюшу; кланяйся Марьѣ Давидовнѣ. Неужели вы не будете лѣтомъ въ Кручѣ? А мы съ Софи условились пожить вмѣстѣ въ Новакахъ, а оттуда она будетъ ѣздить въ Богодуховку распоряжаться устройствомъ дома и сада. Меня это очень тѣ-

шитъ. Но прощай, мой другъ, врядъ-ли ты разберешь мое письмо! Отвѣчай только скорѣе, чтобы я могла по прежнему вѣрить въ твою дружбу.

Лиза.

Marie цѣлуетъ тебя и Вареньку. M-lle Шульцъ вамъ очень кланяется.

147.

Новаки 1 іюня 1858 г.

Николай Ивановичъ сію минуту ѣдетъ; пишу тебѣ нѣсколько строкъ, которыя онъ тебѣ перешлетъ изъ Полтавы, чтобы скорѣе и вѣрнѣе дошли въ Харьковъ. Такая досада! Вчера написала тебѣ пространное письмо, хочу приписать число и запечатать, и въ торопяхъ, вмѣсто песочницы проливаю цѣлую чернильницу. Но дѣло въ томъ, что присутствіе твое совершенно необходимо здѣсь; пожалуйста пріѣзжай хотя на одинъ день. Папа очень боленъ [1]); мы всѣ въ ужасномъ разстройствѣ. Какъ нарочно, Н. Ив. долженъ отлучиться въ Полтаву на выборы. У папы три доктора: Волкъ, Герасименко и Занитовскій; хотятъ послать еще за какимъ-то Фишеромъ. Но врядъ ли они всѣ здѣсь что нибудь понимаютъ въ его болѣзни. Онъ бѣдный очень слабъ, почти ходить не можетъ. Говорятъ, лѣвое легкое парализовано; ноги пухнутъ и аппетиту совершенно нѣтъ. Распроси кого нибудь изъ Харьковскихъ докторовъ, что это значитъ. Боли никакой не чувствуетъ; но доктора такой страхъ дѣлаютъ, что и сказать холодно. Сдѣлай дружбу, пріѣзжай. Я въ ужасномъ безпокойствѣ и съ отъѣздомъ Н. Ив. ни одной головы толковой у насъ не будетъ. Я ѣду завтра въ Чевельчу на нѣсколько дней, съ Машей. Бѣдная Maman совсѣмъ съ ногъ сбилась; мы это время тоже жили больше въ каретѣ, на большой дорогѣ. Софи часто навѣщаетъ папу, и я даже въ четвергъ не ѣздила, потому что сама была не такъ здорова, а Maman написала, что какъ будто ему лучше было. Вчера возвратился Н. Ив. изъ Чевельчи и привезъ худыя вѣсти. Пожалуйста не медли; папа такъ радъ будетъ тебя видѣть! Тѣмъ болѣе, что не было отвѣта на письмо къ тебѣ Н. Ив. и всѣ были очень удивлены твоимъ молчаніемъ.

---

[1]) Андрей Яковлевичъ скончался черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, 4-го іюля, въ г. Кіевѣ, куда его перевезли изъ Чевельчи для совѣта съ тамошними профессорами.

До свиданія, дай Богъ, чтобы у васъ все было благополучно. Благословляю Андрюшу и цѣлую Вареньку.

148.

Новаки 21 октября 1858 г.

Благодарю, что наконецъ вспомнилъ объ насъ! Я думала, что ты уже совершенно не будешь писать, а станешь опять мечтать о близкомъ родственномъ кружкѣ и о свиданьи. Благо, что это только мечты; въ дѣйствительности же родственный кружокъ подъ часъ бываетъ очень не заманчивъ. Я и сама было чуть не поддалась твоимъ Флоріановскимъ иллюзіямъ. Къ 6-му [1]) собрались къ намъ всѣ родные, и за обѣдомъ, когда пили шампанское за здоровье Маши, я такъ разгорячилась, что принялась плакать отъ умиленія и отъ знаковъ любви ко мнѣ. Признаюсь, даже вспомнила о тебѣ и очень пожалѣла, что тебя не было съ нами, хотя пришлось бы краснѣть за мои всегдашнія сужденія о кое-чемъ. Судьба однако же позволила мнѣ это самообвиненіе на одинъ день. Начались толки, сплетни, обижанья и тому подобныя глупости, которыя чуть было всѣхъ не перессорили. Смѣшнѣе всего было то, что Николай Ѳедоровичъ первый забилъ тревогу, взбудоражилъ Любиньку и пошла страшная кутерьма. Всѣ ходили, какъ угорѣлые, и спрашивали другъ друга: въ чемъ дѣло? Оказалось, что никто ничего не знаетъ, и обоюдными извиненіями замаслили кашу, но всѣ остались неудовлетворенными и раздраженными. Оригинальнѣе всего, что Н. Ѳед., предъявившій какія то претензіи за свою Машу, угомонился и даже письменно извинился, а Софи и Maman, которыя никакого не имѣли къ этому отношенія, успѣли, возвращаясь домой, перессориться на жизнь и смерть. Maman даже пишетъ, что будетъ въ невозможности пріѣзжать въ Новаки, потому что тамъ будетъ такая особа, которая.... и проч. Вотъ тебѣ и родственный кружокъ!

Я нарочно описала тебѣ эти исторіи, чтобы фактами доказать мою раціональность въ давно изложенныхъ тебѣ мысляхъ, по поводу приглашенія въ Петербургъ. Тогда онѣ тебя такъ поразили, что я считала необходимостью доказать справедливость моихъ мнѣній, которыя большею частью основаны на опытѣ и размышленіяхъ. Кромѣ этой ку-

[1]) 6-е октября—день рожденія дочери Ушаковыхъ, Маріи Николаевны; на этотъ разъ ей исполнилось четырнадцать лѣтъ.

терьмы, все у насъ, слава Богу, благополучно; рисованье мое идетъ успѣшно; снѣгъ выпалъ и каминъ не угасаетъ. Николай Ивановичъ не поѣхалъ въ Полтаву. У насъ былъ Гинцъ проѣздомъ. Комитетъ отложенъ до 1-го ноября. Не найдешь ли ты въ хваленомъ вашемъ Харьковѣ „L'oiseau“ и „L'insecte“, 2 тома, Michelet; да, можетъ быть, еще что нибудь выберешь для Маши. Извѣстное общество пропаганды издаетъ Bibliothèque chrétienne; тамъ попадаются прехорошенькіе полуроманы. Я читала изъ оныхъ: Fabiola и Weite, weite Welt—очень занимательные, и Marie читаетъ ихъ съ восторгомъ. Можетъ быть, еще что нибудь попадется въ этомъ родѣ. Ты меня весьма обяжешь, выславъ мнѣ, что найдешь. Деньги возвратитъ тебѣ Н. Ив. изъ Полтавы. Слава Богу, что ты хорошо устроился, что Варенька и Андрюша здоровы; дай Богъ вамъ и впредь счастья и здоровья. Не забывайте меня. Насчетъ дома подумаю, когда буду имѣть деньги, на которыя ты совѣтуешь купить оный. Прощай, будь увѣренъ въ искренней моей дружбѣ, не смотря на boutades.

Цѣлую Вареньку и сынка; всѣ наши дѣлаютъ тоже.

Élise Ouchakoff.

Письма къ Владимиру Андреевичу Николая Ивановича Ушакова.

1.

Варшава 5 января 1851 г.

Благодарю тебя, любезный братъ и другъ Вольдемаръ, за то, что по первому моему намеку ты вызвался тотчасъ быть самымъ ревностнымъ исполнителемъ моихъ порученій. Но дѣло идетъ покуда не о землѣ; объ ней я писалъ предварительно Жоржу [1]) и по полученіи отъ него отвѣта увижу, что нужно сдѣлать. Во всякомъ случаѣ предложеніе г на Фрезе есть находка и я непремѣнно воспользуюсь имъ, ибо въ другихъ губерніяхъ отводятъ земли еще неудобнѣе Саратовскихъ. Покуда я хлопочу о нашей родословной, о которой вообще наши добрые предки мало заботились, да и не имѣли къ тому достаточныхъ средствъ. Теперь дѣло другое: въ послѣднихъ годахъ правительство издало общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ, хотя еще далеко неполный, но удовлетворительный для многихъ справокъ. Въ частяхъ 1, 8 и 9 этого Гербовника помѣщены четыре фамиліи Ушаковыхъ съ изображеніемъ 4-хъ различныхъ гербовъ, похожихъ впрочемъ одинъ на другой въ главныхъ основаніяхъ. Предстоитъ вопросъ: къ которой изъ этихъ 4-хъ фамилій принадлежу я, съ братомъ и сестрою?

По прилагаемой у сего копіи съ весьма стариннаго рукописнаго документа видно, что мы со всею вѣроятностію должны считаться потомками Касожскаго князя Редеги или Редеди. Въ документѣ этомъ, у котораго къ сожалѣнію не отыскалось начала, помѣщенъ Немиръ Юрьевичъ, бывшій воеводой въ 7085 и 7086 годахъ въ одномъ изъ Лифляндскихъ городовъ. То же самое лицо находимъ и въ 8-й части Гербовника, при описаніи рода Ушаковыхъ, потомства Касожскаго князя

[1]) Георгію Николаевичу Скворцову.

[illegible] Ивановича Ушакова.

Варшава 5 января 1851 г.

[illegible] что [illegible] самымъ ревност- [illegible] моихъ порученій. Но дѣло идетъ покуда не о [illegible] писалъ предварительно Жоржу [1]) и по полученіи отъ [illegible] увижу что нужно сдѣлать. Во всякомъ случаѣ предложе- [illegible] есть находка и я непремѣнно воспользуюсь имъ, ибо [illegible] губерніяхъ отводятъ земли еще неудобнѣе Саратовскихъ. [illegible] хлопочу о нашей родословной, о которой вообще наши [illegible] забывались, [illegible] и не имѣли къ тому достаточныхъ [illegible] Теперь дѣло другое: въ послѣднихъ [illegible] правительство [illegible] Гербовникъ дворянскихъ [illegible] [illegible] для [illegible] справокъ. Въ частяхъ [illegible] фамиліи Ушаковыхъ съ изо- [illegible] похожихъ впрочемъ одинъ [illegible] вопросъ: къ которой [illegible] братомъ и сестрою?

[illegible] весьма стариннаго рукописнаго [illegible] должны считаться потом- [illegible] Редеди. Въ документѣ [illegible] начала, [illegible] годахъ въ одномъ изъ [illegible] находимъ и въ 8-й части Гер- [illegible] потомства Кавказскаго [illegible]

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ УШАКОВЪ.

СКОНЧАЛСЯ ВЪ 1830 Г.

Редеги. За симъ безъ всякой претензіи на княжеское титло, которое навсегда уже потеряно, я желалъ бы только удостовѣриться, какой изъ 4-хъ гербовъ мы должны себѣ усвоить по всей справедливости и съ какими именно линіями мы состоимъ въ родственныхъ старинныхъ отношеніяхъ? Вотъ археологическая задача, которую разрѣшить ты имѣешь средство по служенію въ Сенатѣ и, можетъ быть, по знакомству твоему съ кѣмъ либо изъ чиновниковъ герольдіи. Пожалуйста, любезный Вольдемаръ, пріими на себя этотъ трудъ, достойный твоей любознательности. Ты меня крайне обяжешь твоими разысканіями. Гербовникъ, вѣроятно, есть у васъ въ Сенатѣ. Посылаемой копіи съ стариннаго документа возвращать мнѣ не нужно, ибо у меня остались оригиналъ и другая копія.

Къ подробностямъ, сообщаемымъ тебѣ сестрою, я ничего не имѣю прибавить, кромѣ подтвержденія, что мои служебныя обстоятельства дѣйствительно скользки, по причинамъ, вовсе отъ меня независящимъ. Когда нибудь, при свиданіи, объяснимся объ этомъ понятнѣе. Я такъ люблю спокойствіе, что ни за что не желалъ бы выходить изъ рамокъ, указанныхъ мнѣ судьбою. Но иногда встрѣчаются такіе случаи неожиданные, что они ниспровергаютъ всѣ домашніе разсчеты. Молю Бога избавить меня отъ всякихъ крайностей, послѣ 20 ти-лѣтней службы здѣсь.

Я съ восторгомъ думаю, что ты подаришь насъ въ этомъ году свиданіемъ; гдѣ бы оно ни совершилось, мы одинаково будемъ этому рады. Лиза тебѣ пишетъ насчетъ эмеритуры Андр. Яков.; проволочки неизбѣжныя, но, кажется, формальность будетъ скоро кончена.

Я съ восторгомъ думаю, что ты подаришь насъ въ этомъ году свиданіемъ; гдѣ бы оно не совершилось, мы одинаково будемъ этому рады. Лиза тебѣ пишетъ насчетъ эмеритуры Андр. Яков.; проволочки случились неизбѣжныя, но, кажется, формальность будетъ скоро кончена.

Поздравляю тебя съ наступившимъ новымъ годомъ. Дай Богъ тебѣ всѣхъ радостей, успѣховъ и здоровья. Поклонись отъ насъ всему семейству нашему и Натал. Андреевнѣ. Къ сестрѣ буду писать сегодня или завтра.

Новости заграничныя спокойны; но ты вѣрно объ этомъ знаешь изъ газетъ.

Обнимаю тебя сердечно и остаюсь съ чувствомъ искренней дружбы твой преданный братъ

Н. Ушаковъ.

2.

Варшава 27 августа 1851 г.

Я писалъ къ тебѣ очень недавно, милый другъ Вольдемаръ; но вчера получилъ письмо твое къ Лизѣ отъ 12 августа и, видя, что ты крѣпко безпокоишься о насъ, спѣшу увѣрить тебя, что въ нашемъ маленькомъ семействѣ, благодаря Бога, покуда все благополучно.

Лиза, какъ ты вѣроятно уже знаешь, находится заграницею съ $^{3}/_{15}$ іюля. Послѣднее письмо отъ нея я имѣю отъ $^{16}/_{28}$ августа изъ Эмса; она писала наканунѣ выѣзда оттуда въ Діеппъ для морскихъ купаній. Пребываніемъ въ Эмсѣ Лиза осталась очень довольна и говоритъ, что тамошнія воды сдѣлали ей пользу. Дай Богъ, чтобы это была совершенная правда и чтобы море еще болѣе укрѣпило ее. Діеппъ она предпочла, потому что въ Остенде квартиры чрезвычайно дороги и притомъ много посѣтителей изъ Варшавскаго общества, которыхъ она всегда избѣгаетъ, особенно Лохт. Что касается до пользы здоровью, то въ Діеппѣ купанье никакъ не хуже. Отдохнуть послѣ Эмса она располагала въ Брюсселѣ, и въ Парижъ поѣдетъ уже по окончаніи цѣлаго курса. Завтра будетъ ровно 8 недѣль, какъ я горюю одинъ, и это несносное одиночество продлится еще по крайней мѣрѣ 4 недѣли, ибо ожидаю моихъ не прежде 1 октября. Сестра, вѣроятно, сама тебѣ напишетъ; я даже послалъ ей твой адресъ.

Пріятно слышать, что ты продолжаешь быть доволенъ своею командировкою [1]), сойдясь съ такимъ добрымъ и любезнымъ начальникомъ. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ несноснѣе будетъ становиться провинціальная жизнь. Молю Бога, чтобы твое здоровье выдержало всѣ оттѣнки южнаго климата, къ которому ты, кажется, вовсе не привыкъ. Воздерживайся, мой другъ, отъ большаго употребленія фруктовъ и принимай мѣры противу простуды; это самое главное въ томъ краю. Отъ папы имѣемъ послѣднее увѣдомленіе отъ 10 августа. Онъ пишетъ, что Щербаковка уже заложена. Не понимаю, какъ можно не извернуться доходами, получая при томъ 6 т. р. сер. эмеритуры! Письмо его писано уже по возвращеніи изъ Роменъ; но ничего не сказано, продана ли шерсть съ выгодою, а между тѣмъ Рара купилъ для завода двухъ весьма дорогихъ жеребцовъ. Какъ бы хорошо было, еслибъ ты увидѣлся съ нимъ въ Одессѣ.

Ты знаешь уже, что я пользовался здѣсь искусственною Маріенбадскою водою. Завтра курсъ мой кончается, но не могу сказать еще,

---

[1]) Разумѣется поѣздка въ Херсонъ съ сенаторомъ фонъ-Брадке для ревизіи губерніи.

успѣшно ли было лѣченіе. Безъ Лизы и Маши тоска мѣшаетъ здоровью. Когда нибудь и ты узнаешь, какъ трудна такая разлука. Пожалуйста пиши къ намъ чаще. Ты видишь, что въ отсутствіе Лизы я очень исправенъ на отвѣты. Письма твои подлинниками пересылаются къ женѣ. Она такъ тебя любитъ, что жаль было бы не доставить ей этого удовольствія. Прощай, милый другъ мой, обнимаю тебя искренно и остаюсь преданнымъ братомъ.

Н. Ушаковъ.

P.S. Дочь Анны Мих. еще не проѣзжала чрезъ Варшаву. Какъ жаль, если Лиза съ нею не познакомится. Очкинъ еще въ Остенде. Безаковъ ожидаемъ чрезъ два дня.

3.

Варшава 1 ноября 1853 г.

Я уже описалъ тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ, все, что случилось со мною въ послѣднее время; съ тѣхъ поръ нѣтъ никакой перемѣны: по прежнему ожидаю приказанія объ отъѣздѣ на Дунай, гдѣ, по слухамъ, военная драма начала разыгрываться въ большихъ размѣрахъ. Попаду ли я на эту сцену и въ какую роль, покуда покрыто мракомъ.

Посылаю тебѣ письмо отъ Лизы, только что полученное. Я переписываюсь съ нею каждую недѣлю. Краснокутскіе [1]) приглашаютъ ее въ Ниццу; но, по моему, ѣхать туда была бы большая глупость. Во-первыхъ, у насъ нѣтъ лишнихъ денегъ, во-вторыхъ, ученіе Маши разстроилось бы и, въ третьихъ, частые переѣзды пріучаютъ ребенка къ неизбѣжнымъ безпорядкамъ и къ праздности. Лиза и сама такого же мнѣнія. Климатъ въ Дрезденѣ также не дуренъ, а все остальное лучше, чѣмъ въ Ниццѣ.

Ты, вѣроятно, уже знаешь, что Рара ѣздилъ въ Одессу и помѣстилъ тамъ Долю и Колю. Старость его въ одиночествѣ достойна всякаго соболѣзнованія. Объ Юл. Ив. нѣтъ никакихъ слуховъ. Не худо бы, если бы ты чаще писалъ къ отцу.

[1]) Михаилъ Николаевичъ и Екатерина Павловна.

Прощай, любезный другъ, обнимаю тебя отъ всего сердца и остаюсь преданный братъ твой.

Н. Ушаковъ.

P.S. При свиданіи съ родными скажи, что я здоровъ и цѣлую ихъ всѣхъ.

4.

Г. Букарестъ 30 ноября 1853 г.

При отъѣздѣ моемъ изъ Варшавы я не успѣлъ написать къ тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ; я выѣхалъ такъ сказать въ попыхахъ, едва имѣя время распорядиться моимъ хозяйствомъ, устроеннымъ въ продолженіе слишкомъ 20-ти лѣтъ. Многое распродано за безцѣнокъ, а лучшая часть назначена къ отправленію въ деревню.

Съ тѣхъ поръ я странствую въ продолженіе 3-хъ недѣль; поѣхалъ на Бобруйскъ, былъ въ Малороссіи, провелъ два дня у Любиньки [1]) и два въ Новакахъ, распорядился наскоро въ имѣніи и вотъ вчера едва дотащился сюда, измученный дорогою. Здѣшнимъ начальствомъ я принятъ очень хорошо и завтра вступаю уже во всѣ свои обязанности. Хотя отчасти онѣ мнѣ давно знакомы, но всетаки обуза великая и дай Богъ выйти съ честію и вынести при томъ изъ этихъ трудовъ неразстроенное здоровье, дабы можно было потомъ посвятить остатокъ жизни для новой пользы собственному семейству. О немъ, съ выѣзда изъ Варшавы, не имѣю никакого извѣстія.

Забылъ сказать, что Рара я не засталъ въ Малороссіи; онъ былъ тогда въ Одессѣ, для устройства дѣтей. Крайне досадно, что такъ случилось. Подобная неудача повторилась для меня и въ Атакахъ, гдѣ мнѣ весьма хотѣлось познакомиться съ Елисаветой Михайловной [2]). Хозяева уѣхали на тотъ разъ къ Крупенскимъ.

Письмо твое о Мишѣ Дараганѣ получилъ и буду стараться сдѣлать для него все, что могу. Анна Михайловна [3]) сама писала мнѣ о сынѣ [4]); я съ нимъ видѣлся еще вчера; онъ прикомандированъ къ одному изъ уланскихъ полковъ 4-го пѣхотнаго корпуса, но объяснилъ мнѣ, что желалъ бы остаться при главной квартирѣ. По вступленіи въ долж-

---

[1]) Романовичъ, [2]) княгиней Кантакузенъ, [3]) Дараганъ, жена Петра Михайловича, [4]) Михаилъ Петровичъ.

ность займусь его судьбою, а между тѣмъ просилъ, чтобы онъ зашелъ ко мнѣ вечеромъ потолковать за стаканомъ чая вообще объ его дѣлахъ,—и сообщу ему нѣсколько необходимыхъ дружескихъ совѣтовъ; въ здѣшнемъ разнообразномъ обществѣ и въ походномъ быту полезно имѣть хотя частичку практическихъ свѣдѣній для руководства, а Миша такъ молодъ и такъ незнакомъ еще съ тѣмъ, что было внѣ Петербурга! Объясни Аннѣ Михайловнѣ мою готовность выполнить ея просьбу добросовѣстно и попроси извиненія, что я самъ не пишу къ ней; теперь рѣшительно некогда; да я еще ничего и не сдѣлалъ, а писать однѣ фразы скучно.

Твоя мысль быть прокуроромъ въ Полтавѣ—недурна. Рара будетъ очень радъ, когда ты сблизишься съ нимъ. Необходимо подумать о будущности, а будущность Петербургскаго жителя самая неопредѣлительная, т. е. молодого человѣка.

Прощай, милый Вольдемаръ, и будь увѣренъ, что крѣпко тебя любитъ преданный братъ.

Н. Ушаковъ.

P.S. Къ роднымъ въ Петербургъ пишу теперь же.

5.

Лагерь на Инкерманѣ 3 августа 1855 г.

Спасибо тебѣ, любезный другъ и братъ, за письмо отъ 4-го іюля. Очень радъ, что ты перемѣнилъ службу съ успѣхомъ и съ выгодою. Надѣюсь, что Рара также будетъ доволенъ. Я хотѣлъ написать къ Николаю Карловичу[1]), но рѣшительно некогда; прошу поклониться ему отъ меня и припомнить все старое.

Удивляюсь, отчего Лиза къ тебѣ не пишетъ; да впрочемъ и я получаю отъ нея не чаще, какъ въ мѣсяцъ одно письмо. Она и Маша, благодаря Бога, здоровы и живутъ въ Лошвицѣ близъ Дрездена, обезпечиваемыя отъ меня, по мѣрѣ силъ моихъ. Я совершенно стосковался безъ нихъ. Шутка ли:—почти два года самой тягостной разлуки.

Въ настоящее время мы, такъ сказать, на берегу трагической развязки, которая наконецъ сдѣлалась уже неизбѣжною. Никто не можетъ

---

[1]) Краббе.

предвидѣть исхода, но въ самомъ скоромъ времени телеграфъ принесетъ вѣсть о томъ, что было назначено Святымъ Провидѣніемъ; безъ Его же воли всякая человѣческая мудрость—ничто.

Я долженъ приготовить еще нѣсколько писемъ, а потому спѣшу обнять тебя. Надѣюсь и увѣренъ, что если и случится со мною что либо, ты никогда и нигдѣ не оставишь Лизу и Машу своимъ горячимъ участіемъ и возможнымъ въ семъ мірѣ утѣшеніемъ. Эти слова вырываются у меня не отъ малодушія, а отъ того, что въ такія важныя эпохи каждый изъ насъ долженъ быть готовъ на все.

Искренній другъ и братъ

Н. Ушаковъ.

P.S. Къ сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ буду писать особо.

Свѣтопечать С. В. Кульженко, Кіевъ.

Анна Михайловна

Стороженко.

† 1821 г.

Сто-

ІЪ.

фантеріи
оторыми
Ѳедоро-
я о домѣ
овлевича
овкѣ 6-го

Цараганъ
славѣ въ
-старшій
мъ повѣ-
аго было
пленіемъ
, убитый
иномъ, и
о флота,
рабрость,
Маріанна
гь, Софія
и млад-
5-го пѣ-
я зналъ
а, П. И.

Дараганы—родня Анны Михайловны Стороженковой, урожденной Дараганъ.

Въ неизданныхъ запискахъ покойнаго генерала отъ инфантеріи Дмитрія Ивановича Дарагана, за разрѣшеніе воспользоваться которыми приносимъ искреннюю благодарность племяннику его Іосифу Ѳедоровичу Дарагану, мы нашли слѣдующія драгоцѣнныя свѣдѣнія о домѣ Дараганов, изъ коего происходила первая жена Андрея Яковлевича Стороженка, Анна Михайловна, скончавшаяся въ с. Богодуховкѣ 6-го апрѣля 1821 года [1]).

Для меня достовѣрно, что дѣдъ мой Петръ Ивановичъ Дараганъ былъ Переяславскимъ повѣтовымъ судьею въ городѣ Переяславѣ въ царствованіе Екатерины II. У него были два сына: Михаилъ—старшій и Иванъ—младшій, мой отецъ. Въ тоже время Золотоношскимъ повѣтовымъ судьею былъ Петръ Ивановичъ Невѣровскій, у котораго было три сына: Дмитрій (герой 12 года, знаменитый своимъ отступленіемъ отъ Краснаго, подъ напоромъ всей кавалеріи Мюрата), Павелъ, убитый въ 1812 году въ одномъ изъ сраженій, кажется, подъ Бородиномъ, и младшій, Иванъ, храбрый морякъ знаменитаго Черноморскаго флота, награжденный орденомъ Св. Георгія въ чинѣ мичмана за храбрость, оказанную при взятіи Анапы въ 1801 году; и пять дочерей: Маріанна въ замужествѣ за помѣщикомъ Кодинцемъ, Пелагея—моя мать, Софія въ замужествѣ за Боярскимъ, Надежда, по мужу Пелипенко, и младшая Татьяна за Гофманомъ, впослѣдствіи штабъ-докторомъ 5-го пѣхотнаго корпуса. Дѣда моего, Петра Ивановича Невѣровскаго, я зналъ по портрету, сохранившемуся въ нашемъ семействѣ, а дѣда, П. И. Дарагана, только по наслышкѣ.

---

[1]) См. Фамильнаго Архива, т. I, стр. 257—259.

Я упомянулъ нѣсколько подробнѣе о семействѣ Невѣровскаго, изъ котораго происходила моя мать, потому что участіе, принимаемое всѣми его членами въ моемъ младенчествѣ и въ моей юности, всегда останется дорого моему сердцу и незабвенно въ моей памяти.

Отецъ мой, родившійся въ 1767 году, января 7 дня, учился и воспитывался въ Петербургѣ въ сухопутномъ Шляхетскомъ Кадетскомъ Корпусѣ (впослѣдствіи I-й Кадетскій Корпусъ). Должно полагать, что отецъ мой поступилъ туда вскорѣ по основаніи корпуса, очень малолѣтнимъ. Полагаю такъ по тому, что директоромъ корпуса въ то время былъ принцъ Ангальтъ. Императрица удостоивала учрежденное Минихомъ военно-учебное заведеніе для доставленія арміи образованныхъ офицеровъ особеннаго вниманія и принцъ Ангальтъ съумѣлъ оправдать довѣріе къ нему Императрицы. Хотя въ корпусѣ главными предметами были математика и военныя науки, но и прочіе общеобразовательные предметы, и въ особенности иностранные языки, преподавались очень хорошо и полно. Изъ Шляхетскаго Корпуса выходили вполнѣ образованные офицеры, съ желаніемъ дальнѣйшаго образованія, что и составляло самую отличительную черту воспитанія, получавшагося юношами въ томъ корпусѣ. Это я знаю изъ разсказовъ моего покойнаго отца. Онъ былъ лучшимъ воспитанникомъ и по выходѣ изъ корпуса былъ опредѣленъ въ артиллерію. Онъ отлично зналъ математику и французскій и нѣмецкій языки, на которыхъ говорилъ и писалъ правильно и свободно. Артиллерійскій мундиръ того времени, очень изящный, краснаго сукна съ черными бархатными отворотами и такимъ же воротникомъ, шитымъ золотомъ, возвышалъ еще болѣе красивую и безъ того наружность отца моего, въ то время, когда, по выпускѣ изъ корпуса, онъ спѣшилъ къ родителямъ обрадовать ихъ своими успѣхами. Но, увы! отданный въ корпусъ малолѣтнимъ и остававшійся въ корпусѣ очень продолжительное время, онъ совершенно позабылъ свою родину, а полученное имъ образованіе отъединило его еще болѣе отъ среды, въ которой онъ родился. Семья и сосѣди показались ему людьми крайне смѣшными. Бабушка моя Прасковія Ивановна жила очень долго и я хорошо ее помню, какъ она лакомила меня варенъемъ, когда насъ дѣтей отецъ привозилъ къ ней по воскресеньямъ. (Она жила у старшаго сына, Михаила Петровича, въ селеніи Богодуховкѣ). Это была прелестная старушка, высокаго роста, красивая даже въ старости, но совершенно простая женщина, безъ всякаго образованія. Она одѣвалась даже по старинному и голову повязывала платкомъ, положительно отвергая чепчикъ. По ней я могу представить себѣ всю среду, въ какую попалъ мой отецъ, пріѣхавши прямо изъ Петербурга, этого единственнаго тогда центра, гдѣ сходилась вся интеллигенція тогдашней Россіи, видѣвшая самоё великую Императрицу и блескъ ея двора, спектакли,

балы и вообще всю обстановку возраставшей столицы. Къ тому же молодость бываетъ всегда самоувѣрена, и потому понятно, что отецъ мой, блестящій, красивый, образованный молодой офицеръ, не могъ не отнестись саркастически къ такимъ оригиналамъ, съ какихъ Гоголь списывалъ типы Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны въ своихъ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“, и какихъ я еще видѣлъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ лицѣ г. Кондратьева и его супруги, коснѣвшихъ въ небольшомъ своемъ имѣніи на р. Альтѣ подъ самымъ Переяславомъ; въ имѣніи его находится каплица надъ могилой убитыхъ князей Глѣба и Бориса, куда ежегодно бываетъ крестный ходъ изъ Переяславскаго монастыря, гдѣ покоятся мощи св. Макарія. Этотъ крестный ходъ и представилъ мнѣ случай навѣстить г. Кондратьева, моего крестнаго отца, и лично оцѣнить этого невѣжественнаго самодура, впрочемъ весьма добраго и также подчиненнаго своей супругѣ, какъ Афанасій Ивановичъ былъ подчиненъ Пульхеріи Ивановнѣ. Покойный отецъ мой самъ разсказывалъ мнѣ свои первыя впечатлѣнія по возвращеніи изъ корпуса на родину. Естественно, что ни его собственное семейство, ни тогдашніе помѣщики, ни сама Малороссія не представляли для него ничего привлекательнаго, а съ другой стороны и тамошнее дворянство и даже семья не могли полюбить моего отца. Они оказались другъ другу чужими. Отецъ мой поторопился возвратиться на службу и даже тогда, когда послѣ смерти моего дѣда, ему досталось значительное имѣніе, въ Переяславскомъ уѣздѣ с. Вьюнищи и въ Золотоношскомъ с. Чернобаи, отецъ мой не рѣшился оставить службу и поручилъ управленіе своими имѣніями старшему своему брату Михаилу Петровичу. Отцу моему предстояла блестящая карьера. Онъ быстро подвигался по службѣ. При восшествіи на престолъ императора Павла онъ былъ уже полковникомъ и командовалъ батареей, расположенной въ г. Ригѣ, гдѣ и познакомился съ семействомъ адмирала Мусина-Пушкина, на дочери котораго Елисаветѣ былъ женатъ впослѣдствіи дядя Дмитрій Петровичъ Невѣровскій. Этимъ я хочу сказать, что отецъ мой былъ принятъ въ Ригѣ въ лучшихъ домахъ, а знаніе нѣмецкаго языка открывало ему двери и въ салоны остзейскихъ дворянъ. Все, казалось, ему улыбалось, но онъ имѣлъ несчастье поссориться со своимъ бригаднымъ начальникомъ, а во времена Павла это грозило большимъ несчастьемъ, можетъ быть, разжалованіемъ со ссылкою въ Сибирь. Отецъ мой испугался, вышелъ въ отставку и поселился въ своихъ имѣніяхъ. Это было въ 1799 году. Въ то время въ 25 верстахъ отъ селенія Чернобаевъ (Золотоношскаго уѣзда) въ небольшомъ хуторѣ Павловщинѣ жили дѣти Петра Ивановича Невѣровскаго. Старика и его жены уже не было на свѣтѣ. Изъ сыновей его Дмитрій находился на службѣ и командовалъ бригадой, расположенной въ Мо-

сквѣ, Павелъ служилъ въ гвардіи въ Л.-Гренадерскомъ полку, а на хуторѣ пріютились дочери: Софія Петровна Боярская, уже разъѣхавшаяся съ мужемъ, и дѣвицы: Пелагея Петровна, Надежда Петровна и Татьяна Петровна—подъ покровительствомъ младшаго брата Ивана Петровича, котораго старшіе братья, чтобы не потерять своей служебной карьеры, уговорили выйти въ отставку, управлять имѣніемъ и содержать трехъ сестеръ. Старшая, Маріанна, была уже замужемъ за Кодинцемъ и жила въ Рокитахъ, въ 40 верстахъ отъ Павловщины, въ Хорольскомъ повѣтѣ, какъ тогда называли уѣздъ. Поселившись въ своихъ имѣніяхъ, отецъ мой познакомился съ семействомъ Невѣровскихъ и скоро сошелся и подружился съ добрымъ, веселымъ, гостепріимнымъ, образованнымъ отставнымъ морякомъ Иваномъ Петровичемъ, грудь котораго украшалъ Георгіевскій крестъ, весьма рѣдкій въ тогдашнее время. Въ этомъ семействѣ отецъ мой и нашелъ свою суженую. Онъ плѣнился красотою Пелагеи Петровны и сдѣлалъ ей предложеніе, которое было принято благосклонно. Бракъ ихъ совершился 1806 года 29 іюля. Я не помню моей матери. Она умерла, когда мнѣ было всего два года, отъ родовъ двойней: сына Василія и дочери Авдотьи, которые также умерли въ дѣтствѣ. По разсказамъ отца, дяди и тетокъ, я знаю, что она была настоящая красавица. Обликъ ея рисуется въ моемъ умѣ, какъ въ туманѣ, когда припоминаю, какъ тетя Софія Петровна на меня маленькаго надѣвала свой чепчикъ и подставляла мнѣ зеркало, чтобы я посмотрѣлъ, говорила мнѣ она, на свою маму, послѣ чего она заключала меня въ свои объятья, цѣловала и утирала навернувшіяся слезы. Изъ всѣхъ дѣтей я болѣе другихъ и поразительно, какъ мнѣ передавали, былъ похожъ на покойную мать. Продѣлка съ чепчикомъ повторялась и въ присутствіи отца и прочихъ членовъ семейства и тогда всѣ награждали меня поцѣлуями. Такое сходство съ покойной матерью было, можетъ быть, причиною, что отецъ любилъ и баловалъ меня болѣе другихъ дѣтей. Что же касается до духовныхъ качествъ моей родительницы, то я узналъ ихъ изъ писемъ, сохранившихся у меня, которыя мать моя писала къ отцу въ Петербургъ, куда онъ ѣздилъ и гдѣ долго проживалъ по тяжебнымъ дѣламъ въ Сенатѣ. Я храню эти письма, какъ святыню. Они свидѣтельствуютъ о ея свѣтломъ умѣ, о ея любящемъ сердцѣ, о ея безграничной преданности отцу и дѣтямъ, о ея заботѣ о нашемъ воспитаніи и о ея разумныхъ распоряженіяхъ по имѣнію. Она была ангеломъ хранителемъ нашей семьи. Не стало этого ангела и семья расползлась. Отецъ впалъ въ ипохондрію, припадки которой возобновлялись періодически въ продолженіе всей остальной его жизни. Это, вѣроятно, и было причиной, что насъ дѣтей разобрали къ себѣ тетки. Мать моя скончалась въ 1816 году, марта 2-го дня. По смерти матери моей, отецъ жилъ еще очень

долго. Онъ скончался въ своемъ имѣніи Чернобаяхъ 1845 года 15 сентября на 78 году. Я былъ уже тогда капитаномъ и полковымъ адъютантомъ Л.-Гв. Семеновскаго полка. Другіе братья также были на службѣ, сестра Настенька замужемъ въ Екатеринославской губерніи и бѣдный больной старикъ скончался на рукахъ прислуги. Не смотря на то, что въ мое время отпуски въ корпусѣ и гвардіи были затруднительны, я пользовался ими довольно часто и подолгу проживалъ у отца, но, увы! всякій разъ я находилъ его одержимымъ ипохондріей и всѣ мои съ нимъ свиданія оставили во мнѣ только одни грустныя, самыя тяжелыя воспоминанія. Насъ, его дѣтей, было: пять братьевъ и три сестры. Старшая Парасковья была отдана въ Смольный монастырь въ Петербургѣ, гдѣ и умерла. Настасья, нынѣ покойная, воспитывалась въ Екатерининскомъ Институтѣ въ Петербургѣ и была три раза замужемъ: по первому мужу Невѣровская (за двоюроднымъ братомъ дяди Ивана Петровича), по второму Савицкая, по третьему Максимовичъ (за троюроднымъ своимъ племянникомъ по его матери) и Авдотья, умершая ребенкомъ. Старшій братъ Петръ (нынѣ здравствующій помѣщикъ Херсонской губерніи Елисаветградскаго уѣзда), Михаилъ умершій, я Дмитрій, пишущій эти строки, Ѳедоръ, тоже умершій, и Василій, умершій ребенкомъ. Меня по смерти матери взяла къ себѣ тетка Маріанна Петровна Кодинецъ. Пребыванія моего у ней въ Рокитахъ я совершенно не помню. Да оно, кажется, было и не продолжительно, такъ какъ Маріанна Петровна вскорѣ умерла, и меня перевезли въ Павловщину къ Софіи Петровнѣ, гдѣ находился уже братъ Ѳедоръ. Изъ разсказовъ двоюродныхъ братьевъ моихъ Ѳедора и Дмитрія Ѳедоровичей Кодинцевыхъ (они были лѣтъ на 10—15 старѣе меня), съ которыми до конца ихъ жизни я былъ связанъ тѣснѣйшею дружбою и пользовался ихъ ко мнѣ любовью и покровительствомъ, я знаю, что тетка Маріанна Петровна любила меня страшно, до обожанія, и соотвѣтственно тому баловала. Я былъ властителемъ въ домѣ тетки; „чего пожелаетъ маленькій Митя, такъ тому и быть“, разсказывали мнѣ впослѣдствіи братья Кодинцы,—эти Касторъ и Поллуксъ XIX столѣтія! Какіе это были прекрасные люди, эти Кодинцы! Умные, чуткіе, благородные, возвышенной и гуманной натуры, и вмѣстѣ съ тѣмъ скромные, деликатные до застѣнчивости. Уважая въ людяхъ человѣческое достоинство, они смотрѣли на своихъ крестьянъ, какъ на младшихъ своихъ братьевъ, и властью своею, даваемою крѣпостнымъ правомъ, они пользовались только въ видахъ благосостоянія этихъ братьевъ, но обращались съ ними, какъ съ людьми свободными. Еще въ сороковыхъ годахъ они составили свое духовное завѣщаніе, которое было утверждено Высочайшею властью. Этимъ завѣщаніемъ ихъ крѣпостные обращались въ вольныхъ хлѣбопашцевъ и вся господская земля предоставлялась въ

ихъ владѣніе. Такъ какъ они оба умерли въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, то ихъ крестьяне стали свободными двумя годами ранѣе отмѣны крѣпостного права въ Россіи; но были совершенно обезпечены землею. Оба они учились въ Харьковскомъ Университетѣ, но старшій Ѳедоръ, не кончивъ курса, поступилъ въ военную службу и служилъ въ конной артиллеріи. Онъ былъ знатокъ и любитель лошадей. По причинѣ смерти отца своего онъ рано вышелъ въ отставку, чтобы управлять имѣніемъ, и поселился въ Рокитахъ, гдѣ и умеръ. Дядя Иванъ Петровичъ, почти ровесникъ Ѳедора Ѳедоровича, такихъ же превосходныхъ качествъ души, какъ и этотъ послѣдній, сталъ искреннимъ, любимѣйшимъ его другомъ, и они до самой смерти не разставались, утѣшаясь своею дружбою, взаимно помагая въ житейскихъ нуждахъ и посѣщая въ извѣстные дни семейныхъ и церковныхъ праздниковъ Рокиты и Павловщину по-очередно. Младшій Дмитрій Ѳедоровичъ, по окончаніи курса въ Университетѣ, поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и впослѣдствіи занималъ важныя дипломатическія должности и исполнялъ различныя дипломатическія порученія. Подъ конецъ своей службы онъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ, при нашемъ посольствѣ въ Персіи, и оттуда доставилъ своему брату двухъ великолѣпныхъ персидскихъ жеребцовъ, которые упрочили славу коннаго завода въ Рокитахъ и сдѣлали его весьма доходной статьей. Оставивъ эту послѣднюю должность, Дмитрій Ѳедоровичъ состоялъ при министерствѣ и жилъ въ Петербургѣ, почему, по выпускѣ моемъ изъ Пажескаго корпуса, я имѣлъ возможность видѣться съ нимъ почти ежедневно. Онъ же крестилъ мою первую дочь, Надежду. Въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ онъ вышелъ въ отставку и жилъ съ своимъ братомъ въ Рокитахъ, нераздѣльномъ ихъ имѣніи, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Эти строки о Кодинцахъ начертались невольно, какъ дань сердца незабвеннымъ друзьямъ, нравственный и физическій обликъ которыхъ постоянно живетъ въ моей благодарной душѣ. Съ грустью смотрю я на ихъ портреты и каждый разъ возникаетъ во мнѣ тяжелое чувство сожалѣнія объ ихъ ранней утратѣ. Первые годы моего дѣтства, до 6-ти лѣтняго возраста, совершенно исчезли изъ моей памяти. Не знаю, какъ и когда старшій братъ Петръ попалъ для ученія къ нѣмцу Христіану Ивановичу Мутту въ имѣніе Васютинцы Золотоношскаго уѣзда, принадлежащее Елисаветѣ Богдановнѣ фонъ-Фокъ. Мужъ Елисаветы Богдановны былъ въ царствованіе Екатерины Великой Кіевскимъ оберъ-комендантомъ, но жилъ въ городѣ Переяславѣ, который былъ тогда крѣпостью. Впослѣдствіи старикъ фонъ-Фокъ управлялъ имѣніемъ графа Разумовскаго и проживалъ съ семействомъ въ г. Рѣчицѣ Минской губерніи, а братъ Петръ попалъ въ Смоленскій кадетскій корпусъ, который былъ переведенъ потомъ въ Кострому. Не знаю, когда отвезли

сестру Настеньку въ Петербургъ въ Екатериненскій институтъ, а брата Михаила въ Москву, гдѣ помѣстили въ частномъ пансіонѣ Куртнера, до поступленія въ Московскій кадетскій корпусъ. Изъ этой эпохи врѣзалось въ моей памяти одно прискорбное обстоятельство, которое могло стоить мнѣ жизни. Всѣ мы дѣти были еще дома и жили съ отцомъ во Вьюнищахъ. Въ отсутствіе отца мы стали играть въ прятки; пришла очередь спрятать меня, а Петръ долженъ былъ отыскивать. Когда онъ ушелъ въ другую комнату, Настенька, Михаилъ и Ѳедоръ, пошептавшись вмѣстѣ, положили меня въ весьма небольшой пустой сундукъ заперли на ключъ и подсунули сундукъ подъ кровать. Петръ долго, искалъ меня и не могъ найти. Сестра и другіе братья радовались своей выдумкѣ и хлопали въ ладоши, а мнѣ въ сундукѣ становилось жутко, я начиналъ задыхаться, но не могъ пошевелить ни руками, ни ногами,— такъ тѣсенъ былъ сундукъ. Появленіе няни спасло меня. „Гдѣ же Митя“?— спросила она. Дѣти молчали. Она стала бранить ихъ и требовать объясненія; и вотъ Ѳедя указалъ на сундукъ. Няня отняла у нихъ ключъ и высвободила меня изъ плѣна. Меня вытащили изъ сундука блѣднаго, напуганнаго, самъ я не могъ подняться, и когда няня взяла меня на руки, у меня полились слезы ручьями отъ радости за освобожденіе. Такъ кончилось мое заточеніе, но впечатлѣніе, имъ произведенное, было такъ сильно, что до сихъ поръ я съ отвращеніемъ вхожу въ подвалы, гроты и даже, когда уже взрослымъ человѣкомъ, съ дядей Иваномъ Петровичемъ, мы пошли въ Кіевскія пещеры поклониться святымъ угодникамъ, пещеры эти произвели на мои нервы такое удручающее впечатлѣніе, что съ первыхъ шаговъ я почувствовалъ себя дурно и не могъ слѣдовать далѣе. И теперь еще мысль о возможности быть погребеннымъ заживо постоянно приходитъ мнѣ на умъ и производитъ самое непріятное чувство. Пребываніе наше во Вьюнищахъ, когда старшіе дѣти были уже развезены, какъ я сказалъ выше, и при отцѣ остались я и Ѳедоръ,— и дальнѣйшіе мои дѣтскіе годы я помню очень хорошо. Отецъ въ заботѣ объ обученіи насъ грамотѣ вздумалъ помѣстить насъ въ уѣздное Переяславское училище. Директоръ училища былъ хорошій пріятель отца. Фамиліи его не помню. Училище состояло изъ двухъ классовъ, имѣло двухъ учителей, у которыхъ (они жили оба въ одной квартирѣ) и помѣстили насъ пансіонерами, такъ какъ Вьюнищи были въ 7 верстахъ отъ Переяслава. Квартира эта была въ одной связи съ классами. Фамилія одного изъ учителей, высокаго роста, плечистаго, съ длинными бѣлокурыми волосами, была Тарасовъ;— этотъ былъ страшилищемъ училища, потому что любилъ драться и нещадно билъ учениковъ; другой худенькій, небольшого роста, добрѣе Тарасова; но оба преисправно предавались пьянству. Наши товарищи по училищу были все дѣти мѣщанъ и крестьянъ, а изъ дворянъ только мы двое, я и

братъ Ѳедя. За шалости или незнаніе урока Тарасовъ билъ учениковъ линейкой по ладонямъ и по концамъ пальцевъ, для чего рука подставлялась учителю со сложенными вмѣстѣ пальцами. Такому же наказанію подвергались и мы съ Ѳедей, въ случаѣ малѣйшей запинки при отвѣтѣ заданнаго урока. Тарасовъ думалъ, вѣроятно, прославиться нелицепріятельствомъ. Школяры смѣялись надъ нами, когда намъ отпускали порцію линеекъ, мстя намъ этимъ за наше чистое въ сравненіи съ ихъ одёжей платье, которому они завидовали. Жутко намъ было въ училищѣ, но мы не жаловались отцу на такое съ нами обращеніе, чтобы не огорчить его. При насъ былъ человѣкъ, старикъ Кононъ, и ему передавали мы всѣ наши горести. Онъ былъ преданный намъ дядька и любилъ насъ. Все наше развлеченіе во время жизни въ уѣздномъ училищѣ состояло въ томъ, что мы выходили на дворъ училища и садились подъ комору (галлерея амбара) по обѣимъ сторонамъ Конона, который разсказывалъ намъ сказки. Передъ дворомъ училища, черезъ улицу, находится церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Съ галлереи коморы церковь была очень хороша видна и Кононъ разсказывалъ намъ о чудесахъ, творимыхъ святымъ угодникомъ Макаріемъ, и о его житіи. Кононъ сообщилъ намъ между прочимъ, что мощи угодника первоначально покоились въ Духовскомъ монастырѣ, находящемся за городомъ, но когда Переяславъ разстроился, сдѣлался большимъ городомъ и воздвигся соборъ, новый монастырь, то жители пожелали перенести мощи въ этотъ соборъ, гдѣ устроили для угодника богатѣйшую раку. Но этимъ угоднику не угодили. Не смотря на то, что мощи перенесли послѣ многихъ молебствій и съ большою торжественностью, угоднику не понравилось новое помѣщеніе, и онъ на слѣдующую ночь перебрался опять въ Духовскій монастырь и легъ въ прежнюю раку. Такъ его переносили три раза и три раза онъ уходилъ къ себѣ въ Духовскій монастырь. Жители и духовенство встревожились, чаяли какого нибудь бѣдствія, видѣли въ этомъ явную нелюбовь угодника къ городу, иные предсказывали, что вѣрно соборъ скоро сгоритъ, но не хотѣли отказаться отъ перенесенія мощей. Оно и понятно. Купечеству и домовладѣльцамъ было очень выгодно имѣть въ центрѣ города мощи угодника, на поклоненіе которому изо всей Полтавской губерніи и даже изъ дальнихъ странъ стекались многочисленные паломники. По этому духовенство наложило постъ, сочинило просительную къ св. угоднику молитву, пѣли молебны, устраивали крестные ходы и въ четвертый разъ перенесли мощи въ соборъ, гдѣ они и теперь покоятся. Св. угодникъ соблаговолилъ склониться на просьбы жителей. Я до сихъ поръ помню, съ какимъ благоговѣніемъ и страхомъ разсказывалъ намъ Кононъ это событіе, набожно крестясь и вздыхая, какъ бы боясь отвѣтственности предъ угодникомъ за обнаруженіе его секрета; наше дѣт-

ское воображеніе было также благоговѣйно настроено и глаза наши впивались въ губы разсказчика, чтобы не проронить ни одного слова.

По субботамъ и наканунѣ праздничныхъ дней за нами отецъ присылалъ экипажъ, и мы часто въ сопровожденіи директора училища уѣзжали домой во Вьюнища. Директоръ, маленькій, худенькій старичекъ, имѣлъ очень нѣжное сердце. Одна изъ такихъ поѣздокъ сильно врѣзалась въ моей памяти, представляется мнѣ такъ ясно, какъ бы это было вчера. Расчувствовавшійся старичекъ подъ вліяніемъ освѣщенной полною луною живописной окрестности старческимъ разбитымъ голосомъ запѣлъ:

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ,
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ...

и сталъ цѣловать насъ. Въ уѣздномъ училищѣ мы оставались недолго; сколько именно, не знаю. Отецъ взялъ насъ оттуда послѣ того, какъ разъяренный Тарасовъ, въ совершенно пьяномъ видѣ, не знаю ужъ, за что, сталъ однажды вечеромъ таскать меня и Ѳедю за волосы и бить жгутомъ, свитымъ изъ полотенца. Это было если не въ 1819, то не позже 1820 года.

Въ 1867 году, спустя 47 лѣтъ, я ѣздилъ на родину, чтобы навѣстить дядю Ивана Петровича и представить ему мою вторую дочь, и на возвратномъ пути мнѣ привелось ночевать въ Переяславѣ. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи взглянуть на тотъ домъ, гдѣ я ребенкомъ вкусилъ первые плоды цивилизаціи. Не спрашивая ни у кого, гдѣ уѣздное училище, я пошелъ прямо къ церкви Покрова. И что-жъ? Чрезъ улицу противъ церкви стоялъ тотъ же одноэтажный, снаружи оштукатуренный домъ, надъ воротами котораго, какъ и въ мое время, красовалась на бѣлой доскѣ черная надпись: „Уѣздное училище“. Я взошелъ на дворъ, тамъ все было по прежнему, и только комора была перестроена (при ней не было галлереи) и я не могъ найти того мѣста, гдѣ бывало я и Ѳедя сидѣли съ Конономъ. Вотъ какъ медленно двигалась въ провинціи русская жизнь! Неужели и во внутреннемъ управленіи училищемъ не произошло прогресса и тамъ по прежнему орудуютъ Тарасовы?—подумалось мнѣ и стало грустно.

Вскорѣ послѣ того, какъ отецъ взялъ насъ изъ училища, мы поселились въ Чернобаяхъ, гдѣ былъ домъ о 5 комнатахъ, убогій въ сравненіи съ барскимъ домомъ во Вьюницахъ, куда мы уже не ѣздили до отправленія самого меня въ Петербургъ. Я уже былъ тогда закорпусный пажъ. Послѣ смерти дяди моего Дмитрія Петровича Невѣ-

ровскаго, умершаго отъ раны, полученной имъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, императоръ Александръ I приказалъ спросить вдову Дмитрія Петровича, Елисавету Алексѣевну, чѣмъ можетъ онъ облегчить ея горе о потерянномъ мужѣ. Тетка просила принять въ Пажескій Корпусъ меня, ея крестника, и императоръ Александръ I пожаловалъ меня пажемъ своего двора. Такимъ образомъ я очутился съ придворнымъ званіемъ вскорѣ послѣ рожденія. Когда мнѣ исполнилось 7 лѣтъ, отецъ пожелалъ сшить мнѣ пажескій мундиръ. Не зная нашей формы, домашній портной сшилъ мнѣ мундиръ по образцу мундира армейскаго пѣхотнаго офицера, съ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами, и такой мундиръ сошелъ за пажескій. Я былъ въ восторгѣ, радовался ему такъ, какъ теперь радуется мой внукъ, малютка Тося, моей генеральской тужуркѣ и моимъ звѣздамъ, которыя я на него надѣваю для забавы. Но мундиръ мой причинялъ мнѣ и огорченія. Въ 7-ми верстахъ отъ Чернобаевъ находилось огромное селеніе, можно сказать мѣстечко, Богодуховка, принадлежавшее разнымъ помѣщикамъ и козакамъ. Тамъ жилъ въ своемъ имѣніи родной братъ отца, Михаилъ Петровичъ, съ женой, незабвенной по своей добротѣ и уму Еввой Яковлевной, урожденной фонъ-Фокъ, дочерью Елисаветы Богдановны, проживавшей въ своемъ имѣніи Васютинцы. Изъ многочисленныхъ дѣтей ихъ, при нихъ жили въ то время дочь Александра (впослѣдствіи Максимовичъ) и два младшихъ сына, Дмитрій и Михаилъ, подъ руководствомъ того же Христіана Ивановича Мутта, который въ Васютинцахъ училъ Евву Яковлевну фонъ-Фокъ. Это былъ въ то время уморительный старикъ по своей наружности. Въ старомъ изношенномъ рыжемъ парикѣ, онъ вѣчно являлся въ свѣтло-коричневомъ долгополомъ фракѣ и такихъ же панталонахъ. Колѣни его длинныхъ ногъ были вогнуты во внутрь, отъ чего онъ ходилъ на подобіе журавля. Лицо сморщенное, безъ зубовъ, глаза безъ рѣсницъ,—все вмѣстѣ представляло весьма смѣшную фигуру, но таково было умѣніе его держать себя, что мы дѣти относились къ нему почтительно и очень любили ходить къ нему въ комнату, во флигелѣ, которой стѣны съ верху до низу были увѣшаны маленькими гравюрами. Христіанъ Ивановичъ Муттъ имѣлъ страсть вырѣзывать изъ книгъ гравюры, вставлять ихъ въ деревянныя рамки и вѣшать по стѣнамъ. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ мы съ отцомъ ѣздили къ дядѣ, въ Богодуховку; меня одѣвали, конечно, въ мундиръ и тамъ то эти мои двоюродные братцы, мои сверстники, насмѣхались надъ моимъ мундиромъ и часто приводили меня въ слезы. Домъ дяди Михаила Петровича считался какимъ то аристократическимъ домомъ среди Золотоношскихъ помѣщиковъ. Евва Яковлевна прекрасно говорила по нѣмецки и по французски и присутствіе въ домѣ учителя нѣмца наводило на серьезные разговоры

на этихъ языкахъ, въ которыхъ могъ принимать участіе только мой отецъ. Сестра Еввы Яковлевны, Елисавета, была замужемъ за генераломъ Багговутомъ, отличившимся въ отечественной войнѣ 1812 года, старшая дочь Дарагановъ, также Елисавета, была замужемъ за княземъ Кантакузеномъ, старшій сынъ Петръ Михайловичъ, красавецъ своего времени, былъ камерпажемъ при Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и любимцемъ Великаго Князя Николая Павловича[1]), начавши службу по выпускѣ изъ корпуса въ Лейбъ-Гвардіи Конно-Піонерномъ эскадронѣ, сформированномъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ. Второй, Александръ, находился въ Пажескомъ Корпусѣ. Въ домѣ царствовалъ нѣмецкій порядокъ и строгое благочиніе. Сосѣдніе помѣщики и даже родные, посѣщая Михаила Петровича, относились къ нему недружелюбно, но въ домѣ его вели себя сдержанно, какъ-то церемонно. Помню, какъ однажды отецъ, ѣхавши въ Богодуховку поздравить Евву Яковлевну съ днемъ ея рожденія и желая вѣроятно польстить ей, заставилъ насъ, меня и брата Ѳедю, вытвердить на память поздравленіе по нѣмецки: „Ich habe die Ehre Sie mit Ihrem Namenstag zu gratuliren“. Въ продолженіе всей дороги мы твердили эту фразу, но когда пришлось сказать ее Еввѣ Яковлевнѣ, мы спутались и договорили съ помощью ея самой. Тѣмъ не менѣе были мы награждены поцѣлуями этой добрѣйшей женщины, которая одна изъ всей богодуховской семьи Дарагановъ пользовалась всеобщею любовью. Старикъ Михаилъ Петровичъ былъ насмѣшливаго нрава, саркастически обращался съ родными и знакомыми и имѣлъ репутацію скопидома и деспота. Вліяніе отца отражалось на дѣтяхъ, моихъ двоюродныхъ братьяхъ, и они относились къ намъ съ нѣкотораго рода покровительствомъ, какъ къ небогатымъ роднымъ. Богодуховка не пользовалась нашей симпатіей, кромѣ добрѣйшей Еввы Яковлевны и прелестной блондинки Александры Михайловны, которая особенно была къ намъ ласкова,—и мы не любили туда ѣздить.

Всѣ радости моего дѣтства были въ Павловщинѣ. Тамъ жилъ дядя Иванъ Петровичъ Невѣровскій съ сестрой своей Софіей Петровной, у которой была въ то время уже взрослая дочь Марья Ивановна, обезображенная оспой, некрасивая, болѣзненная, но добрѣйшая душа въ мірѣ. Эти чудесные люди любили меня безъ мѣры; можно сказать, и при

---

[1]) Въ семидесятыхъ годахъ Петръ Михайловичъ напечаталъ въ „Русской Старинѣ“ „Записки камеръ-пажа“, въ которыхъ мастерскимъ перомъ описалъ бракосочетаніе Великаго Князя Николая Павловича съ Прусскою принцессою, ихъ жизнь въ Павловскѣ и торжества, происходившія въ Москвѣ по случаю рожденія тамъ Императора Александра II. Записки эти очень понравились Царю и нарасхватъ читались въ Петербургѣ.

жизни отца дядя заступалъ мнѣ его мѣсто, и тетка Софія Петровна была для меня второю матерью. Вѣроятно по причинѣ возвращавшихся къ отцу припадковъ меланхоліи, я и братъ Ѳедя часто и подолгу жили въ Павловщинѣ; сказать вѣрнѣе, съ 1820 по 1825 годъ мы жили въ Павловщинѣ, и только рѣдко отецъ увозилъ насъ съ собой въ Чернобаи и тогда самъ училъ насъ. Я помню большую черную доску, стоявшую въ залѣ для ариѳметическихъ упражненій. Когда меня отвозили въ корпусъ, я хорошо читалъ и писалъ по русски, по французски и по нѣмецки, и зналъ твердо ариѳметику до именованныхъ чиселъ включительно. Отецъ мой былъ просвѣщенный и очень начитанный человѣкъ. Онъ былъ знакомъ съ твореніями Руссо, Вольтера, всѣхъ энциклопедистовъ XVIII столѣтія и былъ послѣдователемъ Канта, но со всѣмъ тѣмъ онъ не имѣлъ на меня и на брата Ѳедю нравственнаго вліянія. Зачатки всего, что сохранилось во мнѣ въ теченіе жизни хорошаго, честнаго, справедливаго, нравственнаго, зачатки глубокой вѣры и горячей любви къ родинѣ были положены въ мое сердце дядей и теткой. Не нравоученіями или взысканіями они воспитывали насъ, а собственнымъ примѣромъ. Съ свѣтлымъ здравымъ умомъ оба они соединяли высокія качества души. Глубоко вѣрующіе, они были вполнѣ религіозные люди. Исполненные любви къ ближнему по слову евангельскому, они покоряли себѣ сердца людей своею привѣтливостью, готовностью услужить каждому, безъ всякихъ разсчетовъ, просто по добротѣ души, а веселый нравъ и гостепріимство привлекали къ нимъ всѣхъ окрестныхъ жителей, какъ дворянъ, такъ и крестьянъ. Они пользовались полнымъ довѣріемъ обоихъ сословій. Всѣ прибѣгали къ дядѣ Ивану Петровичу за совѣтомъ въ дѣлахъ затруднительныхъ или для разбора возникшихъ ссоръ и недоумѣній и всегда, убѣжденные, подчинялись его рѣшенію. Онъ былъ настоящимъ мировымъ судьею для окрестныхъ жителей. Щедрость же ихъ обоихъ особенно относительно своихъ крестьянъ переходила даже границы: она доходила до стѣсненія собственныхъ потребностей. Дядя сверхъ того былъ очень образованный человѣкъ по тогдашнему времени. Служа въ Черноморскомъ флотѣ, онъ съ юныхъ лѣтъ жилъ среди образованныхъ людей, много видѣлъ, много зналъ о томъ, что тогда творилось въ Россіи. Севастополь былъ для него второю родиною, гдѣ онъ сохранилъ много друзей и короткихъ знакомыхъ, а, живя до отставки своей часто въ Одессѣ, онъ зналъ людей, принадлежавшихъ къ „Южному обществу спасенія Россіи“, которые, конечно, стояли по своему образованію выше массы провинціальныхъ дворянъ. Дядя выписывалъ газету и читалъ почти все, что печаталось на русскомъ языкѣ. Занимаясь своимъ хозяйствомъ, онъ слѣдилъ за литературой, за движеніемъ русской мысли. Воспоминанія мои о незабвенныхъ, памятныхъ, дорогихъ моему сердцу дядѣ Иванѣ Петро-

вичѣ и теткѣ Софіи Петровнѣ не ограничиваются однимъ моимъ дѣтствомъ. Они жили долго и скончались въ началѣ семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія, такъ, что я имѣлъ счастье поручить ихъ попеченію во время похода моего съ полкомъ въ Крымъ жену и старшую дочь, а позже представить и вторую дочь, Марусю. Но говоря здѣсь о нихъ во время моего дѣтства, я хотѣлъ изобразить ту среду спокойствія, мира и любви, въ которой мы росли съ Ѳедей.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ слава отечественной войны еще сіяла полнымъ блескомъ и престижъ русскихъ побѣдъ возвышалъ еще каждаго русскаго человѣка. Эпизоды этой войны еще жили въ памяти народной. Императора Александра I боготворили, а сподвижниковъ войны 1812 года считали героями и ставили въ примѣръ юношамъ и дѣтямъ. За неимѣніемъ еще писанной исторіи этой войны, разсказывали устно великія дѣла нашихъ генераловъ, превозносили мужество, самоотверженность и выносливость русскихъ войскъ. Невѣровскій, Дмитрій Петровичъ, подвигомъ своимъ подъ Краснымъ и раннею смертью въ сраженіи подъ Лейпцигомъ прославилъ имя Невѣровскихъ и дядя Иванъ Петровичъ, гордясь своимъ братомъ, былъ глубоко преданъ Царю и Россіи, но онъ еще болѣе любилъ свою родину, маленькую Малороссію. Онъ зналъ хорошо ея исторію и намъ дѣтямъ разсказывалъ о подвигахъ козачества и его гетмановъ. Разсказы его плѣняли мое воображеніе и возбуждали энтузіазмъ къ былой козацкой вольности, а своеобразность быта малороссіянъ, ихъ нравовъ и обычаевъ—привязывала меня къ народу. Въ домѣ дяди сохранялись всѣ народные праздничные обычаи. Наканунѣ Рождества сперва дивки, а потомъ парубки приходили колядовать, и ихъ пѣсни плѣняли мое молодое сердце. На новый годъ старики приходили поздравлять насъ, посыпали зерномъ, приговаривая: „Роды, Боже, пшеныцю и всяку пашныцю“. Все это меня восхищало. Малороссіяне отъ природы одарены музыкальными способностями и пріятнымъ голосомъ. Дядя очень любилъ малороссійскія пѣсни и не мѣшалъ намъ, когда бывало мы съ Ѳедей забирались въ дѣвичью и упрашивали горничныхъ спѣть намъ что нибудь. Бывало тѣ заупрямятся, мы пожалуемся тетѣ, и она заставляла ихъ пѣть. Войдемъ бывало въ дѣвичью и спросимъ: „Чомъ вы не спиваете“?—„Та ей Богу, сударыня, не вміемо“.—„Отъ чортъ зна що; хиба я не чула, якъ вы спиваете? Диты просятъ; ну чомъ не спивать“?—и раздастся: „Не ходы, Грыцю, на вычерныци“, или: „Ой пидъ гаемъ-гаемъ, гаемъ зелененькимъ“.... и душа моя бывало волнуется! При насъ тогда былъ дядькой молодой лакей Яшка. Когда отецъ бралъ насъ съ собой въ Чернобаи, Яшка водилъ насъ смотрѣть свадебное веселье у крестьянъ. Не знаю, какъ теперь, но тогда молодые, послѣ вѣнчанія въ церкви, расходились каждый въ свою семью и бракъ не считался совершен-

нымъ, пока не справлено веселье. Оно справлялось въ слѣдующее воскресенье послѣ вѣнчанія, происходило съ большою обрядностью и всегда въ домѣ молодой. Собираются туда избранные старосты, подстаросты, дружки молодой, свѣтилки (должность состояла въ томъ, чтобы держать обнаженную шпагу, на эфесѣ которой укрѣпляется зажженная свѣча, обернутая въ душистую траву мяту или другую), дружки молодого. Молодой пріѣзжаетъ съ почетнымъ поѣздомъ, его встрѣчаютъ старосты молодой, съ благословеніемъ вводятъ въ хату и сажаютъ рядомъ съ молодой въ углу подъ образами за столъ, на которомъ стоитъ каравай, разныя водки и разложены шишки. Подлѣ него садятся его дружки, подлѣ молодой ея дружки, и начинаютъ пѣть свадебныя пѣсни. Затѣмъ всякій актъ угощенія производится непремѣнно съ возгласа: „старосты, паны пидстаросты, благословить то-то сдѣлать“! (молодымъ обѣдать, либо молодымъ выйти изъ хаты, коровай подѣлить и такъ далѣе). На дворѣ въ это время гуляютъ, танцуютъ и идетъ угощеніе всѣхъ, кто бы ни пришелъ на веселье. Послѣ вечери (ужина) старшій староста возглашалъ: „старосты, паны пидстаросты, благословить молодыхъ спать положыть“! При этихъ словахъ всѣ дивчата и парубки кланялись „молодымъ“ и удалялись изъ хаты. Оставались одни старики и старухи, да женатые люди. Яшка уводилъ и насъ, къ моему сожалѣнію. Дѣтское любопытство возбуждалось таинственностью.

— Постой, Яшка,—просилъ я шепотомъ.

— Неможно, идить домой.

— Отъ чего неможно?—настаивалъ я.

— Такъ не можно, не пристойно.

— Что жъ они тамъ будутъ дѣлать?—любопытствовалъ я.

— Такъ, ничего, идить, идить,—торопилъ Яшка.

Но тотъ же Яшка, въ виду, вѣроятно, собственнаго интереса, водилъ насъ иногда на вечерныци и я рано узналъ, „якъ хлопци жартуютъ съ дивчатами“. Это обстоятельство рано развило во мнѣ чувственность, что впослѣдствіи отразилось въ жизни дурными послѣдствіями. Вообще въ дѣтствѣ моемъ я имѣлъ близкія сношенія съ нашими крестьянами. Избы ихъ стояли по обѣимъ сторонамъ сада и стоило перескочить черезъ небольшой ровъ, чтобы очутиться въ хатѣ крестьянина. Кормилица моя была изъ Чернобаевъ и я любилъ мою „мамку“; она имѣла право на наше посѣщеніе и мы ходили къ ней часто. Въ этомъ отношеніи намъ была предоставлена свобода. Мы собирали мальчишекъ и дѣвочекъ для игры и обходились съ ними ласково. За то и крестьяне платили намъ тѣмъ же. Когда мы приходили къ нимъ въ хату, они, казалось, были этому рады и подчивали насъ галушками, паляницами и молокомъ. Въ особенности мы любили ѣздить на косовицу во время обѣда или ужина косарей. Тамъ пѣлись славныя пѣсни,

тамъ подносили намъ на деревянной шпилькѣ громадную галушку, имѣвшую для насъ особую прелесть. Ни одно блюдо за нашимъ столомъ не казалось мнѣ такимъ вкуснымъ! Все это взятое вмѣстѣ: разсказы дяди про запорожцевъ, прелесть малороссійскихъ пѣсенъ и близкія отношенія къ крестьянамъ расположили мое сердце къ народу. Съ самаго дѣтства были посѣяны въ душѣ моей сѣмена демократизма. Въ этомъ періодѣ моего дѣтства былъ у насъ и гувернеръ, но очень короткое время. Не помню его фамиліи и не знаю, откуда его достали. Помню, что онъ былъ пожилой человѣкъ и очень лѣнивый. Въ концѣ сада у насъ былъ прудъ, довольно большой, но съ тинистымъ дномъ и съ мутной водой. Намъ было запрещено въ немъ купаться. Однажды (это было лѣтомъ) отецъ куда то уѣхалъ, поручивъ гувернеру вечеромъ привезти насъ въ Павловщину. Послѣ обѣда гувернеръ залегъ спать, а я съ Ѳедей и въ сопровожденіи Яшки побѣжали въ садъ. Было очень жарко и намъ захотѣлось выкупаться въ прудѣ, но Яшка зналъ запрещеніе и не пустилъ насъ безъ дозволенія гувернера. Я вызвался испросить это позволеніе. Найдя гувернера спящимъ, я разбудилъ его, конечно, разсердилъ его и не получилъ позволенія купаться. А купаться хотѣлось. Возвратясь къ ожидавшимъ меня брату и Яшкѣ, я обманулъ ихъ, сказалъ, что гувернеръ позволилъ купаться, но съ тѣмъ, чтобы не мочить головы. Я сообразилъ, что по мокрымъ волосамъ гувернеръ могъ бы узнать, что мы купались. Хитрость моя вполнѣ удалась. Мы благополучно искупались, гувернеръ не узналъ. Вечеромъ мы поѣхали въ Павловщину, но уже дорогой у насъ у обоихъ обнаружилась какая то сыпь. Увидавъ это, тетя Софія Петровна немедленно уложила насъ въ постель. Пошли разспросы, и Яшка донесъ, что мы купались въ прудѣ. Обманъ мой обнаружился, я получилъ головомойку, а гувернеръ за несмотрѣніе былъ уволенъ.

Въ числѣ сосѣдей дяди Ивана Петровича были весьма богатые помѣщики: графъ Василій Петровичъ Завадовскій, сынъ знаменитаго сановника Екатерины Великой, и Бѣлухи-Кохановскіе, племянники дяди. Первому принадлежалъ Драбовъ, богатое имѣніе въ 7 верстахъ отъ Павловщины, съ роскошнымъ двухъ-этажнымъ домомъ, прекраснымъ садомъ и великолѣпнымъ паркомъ. Графъ Василій Петровичъ не жилъ въ деревнѣ, служа въ Лейбъ-Гусарахъ, и я до пріѣзда въ Петербургъ его не зналъ, но мы часто ѣздили съ дядей и теткой въ Драбовъ къ обѣднѣ и послѣ заходили въ домъ и гуляли въ саду. Бѣлухи же Кохановскіе жили постоянно въ своемъ имѣніи, селѣ Вознесенскомъ, въ 15 верстахъ отъ Павловщины, и считались друзьями моего дяди. Фигуры ихъ ясно сохранились въ моей памяти. Андрей Дмитріевичъ, старичекъ низенькаго роста, въ рыжемъ парикѣ, и племянникъ его Дмитрій Петровичъ, высокій, статный, еще красивый старикъ, вете-

ранъ суворовскихъ временъ, служившій подъ начальствомъ Суворова. Мы дѣти очень любили этого послѣдняго за то, что онъ былъ всегда съ нами ласковъ, привѣтливъ и внимателенъ, и не любили перваго, всегда угрюмаго и непривѣтливаго. Какъ люди богатые, они много принимали гостей и давали праздничные обѣды и балы. У Андрея Дмитріевича было много дѣтей, изъ которыхъ старшій сынъ Михаилъ Андреевичъ, кажется, еще живъ и проживаетъ въ Полтавѣ. У Дмитрія Петровича (онъ былъ вдовецъ тогда) была одна дочь, Ульяна Дмитріевна, очень некрасивая, но кроткая, умная, симпатичная дѣвушка, которая вышла замужъ за Алексѣя Васильевича Капниста, поэта, въ то время пользовавшагося извѣстностью. Въ 1823 или 24 году Дмитрій Петровичъ строилъ въ Вознесенскѣ церковь и для написанія образовъ выписалъ изъ Москвы живописца, который брался писать и портреты. Дядя Иванъ Петровичъ уговорилъ отца моего заказать этому художнику наши портреты. Для этого меня съ Ѳедей возили ежедневно въ Вознесенскъ (въ 10 верстахъ отъ Чернобаевъ). Мы оба нарисованы на одномъ полотнѣ, въ какихъ то фрачкахъ, съ книгами въ рукахъ. Портреты эти теперь у меня въ Дмитровскомъ и напоминаютъ мнѣ веселыя наши поѣздки въ Вознесенскъ, гдѣ славный старикъ Дмитрій Петровичъ и милая его дочь привѣтствовали насъ лаской, баловали лакомствами и, какъ это было лѣтомъ, позволяли намъ наслаждаться волошскими орѣхами изъ ихъ сада, которыми мы наполняли наши карманы. Дядя Иванъ Петровичъ былъ также въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ княземъ Репнинымъ и въ особенности съ дочерью его Варварой Николаевной. Князь жилъ тогда въ своемъ имѣніи Яготинѣ, отдыхая отъ славной своей государственной службы. Изъ числа другихъ знакомыхъ и родныхъ, посѣщавшихъ въ то время Павловщину, помню хорошо тещу дяди Марью Алексѣевну, по второму мужу Санковскую. Большого роста, красивая еще въ старости, Марья Алексѣевна была, какъ выражаются французы: „belle femme“. Совершенно необразованная, простая женщина, она обладала обширнымъ умомъ и рѣшительнымъ характеромъ. Она всегда говорила по малороссійски, одѣвалась совершенно просто и не могла выносить чепчика. Бывало, надѣнетъ для гостей и черезъ четверть часа сброситъ. Дядя станетъ, бывало, уговаривать ее: „ну право, матушка, такъ простоволосой нельзя“. —„Ей Богу не могу, братецъ“, отвѣчаетъ она, смѣясь; „голова болыть, щожъ мылый робыть“.—Вообще она не любила стѣснять себя для кого бы то ни было. На диванѣ сидѣла всегда съ поджатыми ногами и смѣшила всѣхъ своими остротами, будучи сама очень веселаго нрава. Но въ дѣлахъ серьезныхъ выказывала много логики, сразу обнимала предметъ и судила здраво. Дядя, тетка очень любили ее, оказывали ей особое уваженіе и съ любовью ухаживали за ней. Мужъ ея, Андрей

Андреевичъ, былъ совершеннѣйшая противоположность: маленькій, худенькій, онъ казался подлѣ нея лилипутомъ. Весельчакъ и болтунъ, онъ старался поминутно острить, но дѣлами своими не умѣлъ распоряжаться и потому состоялъ подъ начальствомъ жены своей. Она называла его „Андрюша“, но говорила ему „вы“. Бывало, когда онъ разболтается, Марья Алексѣевна прикрикнетъ на него: „Та годи вже вамъ, Андрюша, отъ таку мени голову натуркалы, що ажъ заболила, годи вже вамъ“—и Андрюша перестанетъ. У нихъ были двѣ маленькихъ дочери, которыхъ они всегда привозили въ Павловщину,—Марья и Софія Андреевны, прелестныя дѣвочки, и я влюбился до страсти въ Марью Андреевну. Дядя умно и съ тактомъ поднялъ на смѣхъ мою младенческую любовь. Но предметомъ особаго уваженія и попеченія была невѣстка дяди, вдова Дмитрія Петровича. Она жила постоянно въ Москвѣ со своею матерью, но очень часто пріѣзжала въ Павловщину, которая собственно ей принадлежала. Но она такъ любила дядю и всѣхъ сестеръ своего мужа, что отдала Павловщину въ полное владѣніе Ивана Петровича. Это была женщина самаго добраго, мягкаго сердца, прекрасно воспитана, говорила на иностранныхъ языкахъ, но не обладала большимъ умомъ. Пріѣздъ ея въ Павловщину всегда былъ радостнымъ событіемъ. Ее окружали и почетомъ, и любовью. Я былъ ея крестникъ и въ качествѣ крестнаго сына пользовался особенною ея любовью. Старушка долго жила и я имѣлъ счастье видѣть ее, будучи офицеромъ, когда пріѣзжалъ въ Павловщину, гдѣ она тогда гостила, болѣзненная, едва оправившаяся отъ нервнаго разстройства. Она много разсказывала мнѣ о покойномъ дядѣ Дмитріи Петровичѣ, о его добротѣ, о его гостепріимствѣ, о томъ, какъ его любили подчиненные, и какъ покойный мужъ ея формировалъ въ Москвѣ въ 1811-мъ году дивизію, съ которой онъ совершилъ свое геройское отступленіе отъ Краснаго, атакуемый всею кавалеріею Мюрата. Вспоминая время сформированія дивизіи, она жаловалась на то, что хлѣбосольство дяди Дмитрія Петровича ставило ее часто въ очень затруднительное положеніе.

„Представь себѣ“—говорила мнѣ Елисавета Алексѣевна, „пойдетъ бывало твой дядя по утру смотрѣть полки, возвратится почти къ самому обѣду, да и скажетъ мнѣ: „А знаешь, Лиза, я пригласилъ къ обѣду гостей; человѣкъ 12 будетъ“. Это онъ своихъ офицеровъ приглашалъ, кѣмъ былъ доволенъ. Я бывало разсержусь, бѣгаю, хлопочу, а онъ стоитъ и хохочетъ. Ему ничего, а каково хозяйкѣ“?

— „Да какъ же справлялись, тетушка“?

— „У меня все такъ уже было приготовлено, заранѣе припасена была провизія, кое-что и подготовлено на всякій случай. И поваръ былъ расторопный, изъ деньщиковъ“.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1825 года скончался императоръ Александръ I въ Таганрогѣ. Вѣсть о его кончинѣ быстро достигла Малороссіи, и я помню, какъ вдругъ помѣщики стали часто посѣщать другъ друга, всѣ такіе печальные, серьезные. „Что съ нами будетъ? Кто будетъ у насъ Царемъ?“—спрашивали они другъ друга и эти вопросы, поразившіе дѣтское воображеніе, остались навсегда въ моей памяти. Стало ходить по рукамъ французское письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, начинавшееся этими словами: „Notre ange est au ciel et moi je végéte encore sur la terre“. Отецъ передавалъ его по-русски въ Павловщинѣ и всѣ присутствовавшіе плакали. Дамы одѣли черныя платья. Это меня очень занимало. Не понимая всей важности событія, и мы дѣти, глядя на старшихъ, присмирѣли. Всѣ говорили шепотомъ и ходили на цыпочкахъ. Пріѣзжалъ въ Павловщину Дмитрій Петровичъ Бѣлуха и они о чемъ то долго совѣщались съ дядей Иваномъ Петровичемъ и моимъ отцемъ, и вскорѣ послѣ этого отецъ увезъ насъ въ Чернобаи готовить въ дальнюю дорогу. Впослѣдствіи я узналъ, что на этихъ совѣщаніяхъ было рѣшено воспользоваться перемѣною царствованія для опредѣленія насъ въ казенныя учебныя заведенія: меня въ Пажескій, брата Ѳеди въ Московскій кадетскій корпусъ, такъ какъ съ восшествіемъ на престолъ новаго Императора всегда дѣлались новыя милости. Дядя Иванъ Петровичъ взялся отвезти Ѳедю въ Москву, а меня въ Петербургъ, чтобы выхлопотать тамъ мое помѣщеніе въ корпусъ, а сестру Настеньку, выпускаемую въ тотъ годъ изъ Екатерининскаго института, взять и привести къ отцу. Отъѣздъ въ Петербургъ былъ назначенъ послѣ новаго года. Положено было, что отецъ пріѣдетъ съ нами, дѣтьми, встрѣчать новый 1826 годъ въ Павловщину и затѣмъ дядя выѣдетъ въ Петербургъ. Была холодная зима и стояла хорошая санная дорога. На третій день праздника Рождества Христова мы выѣхали изъ Чернобаевъ въ огромной, помѣстительной кибиткѣ. Пріѣздъ въ Павловщину былъ всегда для насъ дѣтей праздникомъ и, какъ при степной открытой мѣстности Павловщинскій домъ былъ видѣнъ изъ далека, то, подъѣзжая, всегда съ братомъ старались мы другъ передъ другомъ первымъ его увидѣть. На этотъ разъ, сколько мы ни высовывались изъ кибитки, мы не видѣли дома, хотя день былъ ясный и солнце еще не заходило. Въ нетерпѣніи нашемъ мы обращались къ сидѣвшему на козлахъ лакею съ вопросомъ: „А что, не видно ли уже Павловщины“? На этотъ вопросъ Яшка отвѣчалъ: „Дому не видно, а садъ видно; тамъ щось курытся“. Эти слова встревожили отца, чуялось что то недоброе и онъ приказалъ ѣхать скорѣе. Кибитка наша остановилась среди двора и, выйдя изъ нея, мы увидѣли дымящіяся еще развалины Павловщинскаго дома и дядю Ивана Петровича, окруженнаго крестьянами, которымъ

онъ отдавалъ какія то приказанія. Тутъ объяснилось, что дядя съ теткой Софіей Петровной и племянницей Марьей Ивановной на второй день праздника уѣхали въ гости къ Дмитрію Петровичу Бѣлухѣ и остались тамъ ночевать. Въ Золотоношскомъ уѣздѣ по безлѣсью печи топятся соломой; дома помѣщичьи строились такъ, что печныя устья выходили въ корридоръ, куда и вносилась солома. Истопникъ дѣлалъ изъ нея небольшія вязанки и накладывалъ въ печи, и по мѣрѣ топки подбрасывалъ вязанки въ печь. Истопникомъ въ Павловщинѣ былъ бывшій камердинеръ покойнаго дяди Дмитрія Петровича, старикъ Илья, жившій на покоѣ и на всемъ содержаніи Ивана Петровича, и ему, какъ человѣку вѣрному и преданному, была поручена должность истопника. Къ несчастью этотъ Илья придерживался чарочки. По случаю праздника онъ не удержался и въ отсутствіи господъ напился пьянъ, и пьяный пошелъ топить печи, солому придвинулъ близко къ печамъ, сквозной вѣтерокъ потянулъ пламя изъ печи и вся солома въ корридорѣ мгновенно вспыхнула. Въ самомъ непродолжительномъ времени весь деревянный сухой домъ былъ объятъ пламенемъ, такъ что ничего не могли спасти; мебель, гардеробъ, посуда, хрусталь, серебро, все, что было добра въ домѣ, все погибло. Илья самъ едва успѣлъ выскочить. Разсказывая это отцу, дядя прибавилъ: „Меня теперь безпокоитъ, чтобъ Илья чего надъ собой не сдѣлалъ. Онъ, какъ сумасшедшій; я приставилъ къ нему караулъ“. Кромѣ сгорѣвшаго дома, въ Павловщинѣ былъ такъ называемый флигель, старый домъ отца Ивана Петровича, Петра Ивановича. Въ этомъ флигелѣ отводили помѣщеніе многочисленнымъ гостямъ дяди, когда кто пріѣзжалъ на нѣсколько дней. Теперь пришлось жить самимъ. Во флигелѣ было четыре комнаты и кое какая мебель, такъ что дядя не остался, какъ говорится, безъ крыши, но затѣмъ ничего болѣе. Изъ платья и бѣлья у нихъ осталось только то, что на нихъ было. Дядя узналъ о постигшемъ его несчастьи у Бѣлухи и, оставивъ тамъ Софію Петровну съ дочерью, пріѣхалъ въ Павловщину незадолго до нашего пріѣзда. Спустя часъ послѣ нашего пріѣзда, дядя и мы отправились уже въ Вознесенскъ къ Бѣлухѣ. Тамъ встрѣчали мы новый годъ и тамъ намъ было очень весело. Мы, дѣти, были съ тетей Софіей Петровной, которая также была рада тому, что мы при ней. Дядя и тетя, эти истинно вѣрующіе люди, отнеслись къ постигшему ихъ несчастью съ христіанскою покорностью, тѣмъ болѣе, что оно доставило имъ доказательства уваженія и любви, которыми они пользовались среди всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Всѣ явились съ предложеніями услугъ и приношеній, и первымъ былъ самъ хозяинъ Дмитрій Петровичъ. Вскорѣ послѣ новаго года, мы всѣ возвратились въ Павловщину, помѣстились во флигелѣ и стали приготовляться къ отъѣзду въ Петербургъ. Не помню, какого мѣсяца и числа мы вы-

ѣхали, но помню раздирающую сцену прощанія съ отцомъ и теткой Что мы дѣти плакали, это естественно, но отецъ рыдалъ, какъ ребенокъ, по очередно обнимая насъ и не выпуская изъ своихъ объятій. „Съ вами улетаетъ послѣдняя моя радость“, повторялъ онъ. Эти слова глубоко запали въ мою душу. Отъ объятій отца мы переходили въ объятья тетки, которая также цѣловала насъ, крестила и плакала. Эта сцена продолжалась такъ долго, что дядя Иванъ Петровичъ, самъ съ заплаканными глазами, счелъ необходимымъ прекратить ее, приказавъ намъ садиться въ поданную къ крыльцу кибитку. Мы однакожъ не скоро выбрались изъ Малороссіи. Дядя любилъ заѣзжать къ помѣщикамъ и не знаю, въ какомъ городѣ мы взяли почтовыхъ лошадей, но помню, что мы нѣсколько разъ ночевали у знакомыхъ. Во время путешествія нашего до Москвы, не помню, гдѣ, мы обогнали печальный поѣздъ съ тѣломъ императора Александра I, которое на ночлегъ ставилось въ приходской церкви какой то деревни. Дядя выходилъ изъ экипажа поклониться гробу“.

Письма Еввы Яковлевны Дараганъ къ внуку, Владимиру Андреевичу Стороженку.

1.

Богодуховка 20 февраля 1832 г.

Благодарю тебя, любезный другъ Володенька, за письмо твое; спѣшу утѣшить тебя отвѣтомъ своимъ, ибо могу судить по чувствамъ моимъ, какую радость принесетъ тебѣ вѣсточка о друзьяхъ твоихъ Богодуховскихъ. Благословляю Творца Милосердаго, сохранившаго тебя здоровымъ, веселюсь, зная тебя добрымъ, послушнымъ мальчикомъ; увѣрена, что прилагать будешь стараніе, прилежать въ наукахъ и отличаться всегда похвальнымъ, безпорочнымъ поведеніемъ, въ чемъ да поможетъ тебѣ Всеблагій!

Ты принесешь намъ старикамъ радость и добрѣйшимъ, нѣжнымъ своимъ родителямъ сдѣлаешь большое удовольствіе.

У насъ на прошедшей недѣлѣ была свадьба, другъ мой; тетенька твоя Екатерина Михайловна, вышла замужъ [1]) и уже уѣхала съ мужемъ въ деревню недалеко отъ г. Кіева [2]). Сообщаю тебѣ, ангелъ мой, новость сію, зная, что ты вѣрно порадуешься счастью тетеньки твоей, которую ты такъ любилъ. Всѣ прочіе родные твои были собраны у насъ, и мы весело провели время. Желаю тебѣ, душенька Володичка, наслаждаться вполнѣ будущимъ лѣтомъ; гуляй и веселись, другъ мой, послѣ трудовъ и занятій. Какъ пріятно прогуляться по славному городу, гдѣ ты живешь! Желала бы и я увидѣть Петербургъ, но предоставляю себѣ удовольствіе слышать отъ тебя разсказы о немъ, когда удостоитъ Богъ дожить до того времени, какъ будешь выпущенъ за отличіе по наукамъ и поведенію въ гвардію офицеромъ. Восхищаюсь,

[1]) За Василія Яковлевича Искру. [2]) Въ с. Злодѣевку Радомысльскаго уѣзда.

воображая сію лестную будущность. Господь да сохранитъ и благословитъ тебя, ангелъ мой; я съ чувствами нѣжнѣйшей горячности прижимаю тебя въ мысляхъ къ вѣрному сердцу, поручаю тебя Покрову Всеблагому. Молись Ему и учись, душенька, уклоняйся отъ дурныхъ примѣровъ и будешь счастливъ въ чистой совѣсти. Съ тобою Богъ, люби всегда вѣрную, благословляющую тебя бабушку

Е. Дараганъ.

Дѣдушка тебя обнимаетъ и благословляетъ, всѣ родные цѣлуютъ.

2.

1833 г.

Не могу выразить тебѣ, другъ любезный Володя, сколько радости принесло мнѣ дорогое письмо твое. Благодарю тебя за сіе доказательство твоей привязанности ко мнѣ; не сомнѣвалась, душечка Володя, чтобы ты совершенно о насъ не помнилъ,—но теперь, имѣя обѣщаніе твое писать чаще, я довольнѣе, покойнѣе. Привыкла любить васъ, мои дорогія дѣточки, какъ собственно своихъ, отрадою считаю читать ваши письма, кои неопровержимымъ доказательствомъ служатъ памяти и привязанности вашей. Утѣшительна для меня мысль, что ты, дорогой мой Володя, часто бываешь съ родными твоими. Добрѣйшая моя Анюта тебя ласкаетъ; Богъ воздастъ ей за сіе. Надѣюсь еще въ сей жизни увидѣть тебя и сестру твою. Дай Боже! Ты пріѣдешь въ Богодуховку и не найдешь никакихъ перемѣнъ, все также, какъ было во время твоего дѣтства. Мы постоянны и въ чувствахъ и въ привычкахъ нашихъ. Христіанъ Ивановичъ [1]) здоровъ, конечно постарѣлъ, но бодръ еще, тебя благодаритъ за вниманіе и память о немъ. Дѣдушка тебя цѣлуетъ и благословляетъ. Я же отъ всей души обнимаю тебя въ мысляхъ, поручаю тебя Покрову Христа Спасителя, на вѣки вѣрная, молящаяся за тебя

Е. Дараганъ.

---

[1]) Мутъ—см. выше, стр. 686.

3.

Богодуховка 22 апрѣля 1840 года.

Благословляю, обнимаю въ мысляхъ моего сердечнаго добраго друга Володю за нѣжное письмо, которымъ утѣшилъ, порадовалъ меня; благодарю съ признательнымъ сердцемъ за превосходныя картинки, присланныя тобою. Спальня моя теперь украшена ширмами, каковыхъ въ цѣлой Малороссіи нѣтъ; рѣдкая вещь кстати рѣдкому событію. Мы праздновали золотую свадьбу нашу, и между многими подарками и ширмы получили; на нихъ и твой вкладъ, дорогой Володичка. Я съ восхищеніемъ на нихъ смотрю, разсматривая и отыскивая картинки, отъ тебя полученныя. Много, много тебя благодарю за память и вниманіе твое.

Благодарю тебя, душечка моя, за извѣстіе о сестрѣ моей Христинѣ [1]). Если увидишь ее, привѣтствуй отъ меня. Каково поживаетъ, что дѣлаетъ? Ничего о ней не знаю, давно не писала. Также и добрѣйшей Наталіи Андр. мой сердечный поклонъ изъяви. Изъ Варшавы ко мнѣ пишутъ только Катюша и Миша; радуюсь, что ты полюбилъ его: онъ точно славный, благородный человѣкъ, преданъ роднымъ съ полнымъ чувствъ сердцемъ, очень доволенъ своею службою, трудится и за то представленъ начальникомъ къ прибавкѣ жалованья. Катя также хвалится родственнымъ вниманіемъ и дружбой родителей твоихъ, и Лизочка наша ее любитъ; они трое часто проводили вмѣстѣ вечера одни въ домѣ Лизочки, и почитаютъ ихъ самыми пріятными для себя; впрочемъ ты вѣрно лучше меня знаешь всѣ подробности Варшавской жизни намъ близкихъ, любезныхъ сердцу особъ. О нашемъ мирномъ уединенномъ уголкѣ ничего не имѣю тебѣ сказать интереснаго. Мы остались совершенно одни; Варенька [2]) съ дѣтками насъ не покидаетъ. Краснокутскій своихъ сиротокъ взялъ съ тѣмъ, что переселяется въ Кіевъ, гдѣ Соня [3]) будетъ учиться французскому и русскому. Гувернантка ея знаетъ только по-нѣмецки, а сіе недостаточно для воспитанія. Николай мой [4]) давно отправился въ Житомиръ; къ 15-му мая дивизія вступаетъ въ Кіевъ,—тогда и Варенька поѣдетъ къ мужу на нѣсколько времени, и мы останемся только съ малютками-внуками. Весенній воздухъ оживилъ нѣсколько силы наши, но вѣтеръ съ сѣвера дуетъ и

---

[1]) Полетика, мать извѣстныхъ горныхъ инженеровъ Василія и Ивана Аполлоновичей Полетикъ. [2]) Варвара Михайловна, жена Николая Михайловича Дарагана. [3]) Софія Николаевна, впослѣдствіи по мужу Крупенская. [4]) Николай Михайловичъ Дараганъ.

мало еще гуляемъ. Радуетъ насъ дождикъ, перепадывая и оживляя поля, а будетъ, какъ Творцу вселенныя угодно будетъ. Молимся, да благословитъ насъ урожаемъ! Поручаю тебѣ, душечка Володя, расцѣловать за меня Pierre, Annette, Alexandre и дѣточекъ всѣхъ. По будущей почтѣ имъ напишу, когда здоровье позволитъ; теперь не успѣю, много писала отвѣтовъ на поздравительныя письма. Докторъ нашъ добрѣйшій еще здѣсь, но, кажется, скоро оставитъ насъ и возвратится въ Варшаву; намъ его очень жаль: истинно рѣдкихъ чувствъ и правилъ молодой человѣкъ.

Прощай, ангелъ мой Володя, обнимаю, цѣлую тебя и за дѣдушку съ сердечною любовію въ мысляхъ. Въ часокъ свободный отъ службы и развлеченій столичныхъ присядь съ перомъ къ бумагѣ и утѣшь, порадуй нѣсколькими строками приверженную, благословляющую тебя бабушку

Е. Дараганъ.

4.

Богодуховка 23 сентября 1840 года.

Письмо твое отъ 4-го с. м. неизъяснимо утѣшило меня, дорогой, милый мой Владимиръ; съ признательнымъ сердцемъ спѣшу благодарить тебя сими строками за нѣжную любовь твою и память о насъ старикахъ. Силы наши тѣлесныя слабѣютъ, другъ милый, но чувства никакъ не перемѣняются. Люблю тебя, дитя моего сердца, люблю всѣхъ милыхъ мнѣ болѣе всего земного; каждое вниманіе отъ васъ цѣню и чувствую глубоко и съ признательностію, испрашиваю, умоляю у Всевышняго благословеніе тебѣ, мой дражайшій Володичка. Прошедшій годъ такъ богатъ былъ радостями для меня, что наслаждаюсь ими въ воспоминаніи, приношу благодарность Всеблагому за счастіе жить и наслаждаться прошедшею радостію. Благодарю, другъ сердца, за извѣщеніе твое о родныхъ моихъ. Добрѣйшей Наталіи Андреевнѣ кланяйся отъ меня и добрую сестру Христину Яковлевну поздравь съ сыновьями-офицерами [1]); да порадуютъ они ее привязанностію своею къ матери; обнимаю ее съ дѣтьми ея. Я такъ удалена отъ всѣхъ родныхъ, что грустна бываетъ часто неизвѣстность о нихъ. Прошедшій годъ тяжелъ былъ для многихъ, и мы довольно убытковъ понесли; теперь благодаримъ Всеблагаго, нуждаться пропитаніемъ не

[1]) Братья Полетики окончили Горный Корпусъ, изъ котораго прежде выпускали на службу съ военными чинами.

будутъ наши крестьяне: яроваго хлѣба довольно и сѣна изобильно, также огородной овощи достаточно. Дѣдушка, слава Богу, здоровъ, хлопоталъ и проѣзжался по полямъ, развлеченій довольно было; теперь настаетъ время, когда уже вечера длинны; безъ бостона скучаетъ: глаза слабы, ничѣмъ другимъ заняться не можетъ, а партіи нѣтъ. Добрѣйшій докторъ теперь имѣетъ очень трудно-больную и занятъ ею уже болѣе трехъ недѣль, не оставляетъ ея; дай, Боже, ему удачу вылѣчить—тогда репутацію сдѣлаетъ себѣ. Рара твой не совѣтуетъ ему оставлять Малороссію, пишетъ, что въ будущую весну пріѣдетъ самъ сюда. Лиза [1]) моя дорогая также обѣщаетъ на лѣто къ намъ переѣхать. Она теперь въ Атакахъ зиму проведетъ; Елена ее оставила, уѣхала съ сестрой и отцемъ въ Аѳины искать счастія,—найдетъ-ли, время укажетъ. Александрина [2]) съ семействомъ здорова, ожидаетъ прибавленія семьи; даруй Господь благополучно; тоскую о ней – она такая слабенькая. Вотъ, дражайшій мой Володя, отвѣтила на всѣ твои вопросы; благодарю за участіе и родственное вниманіе. Напиши же и мнѣ, душечка, о моихъ дѣтяхъ отрадную вѣсточку; давно ничего о нихъ не вѣдаю; послѣднее письмо Александра было отъ 10-го августа. Pierre былъ въ отсутствіи къ своимъ въ Гельсингфорсъ,—какъ нашелъ жену и дѣтей, возвратились-ли они всѣ здоровы и благополучны? Вотъ что стремится узнать материнское сердце, но никто не отзовется. Терпѣніе и упованіе на милосердіе Всесвятаго укрѣпляетъ и ободряетъ въ неизвѣстности. Авось послѣзавтра почта принесетъ и мнѣ письмецо отъ нихъ! Варшавскіе также загулялись, молчатъ. Николай при генералѣ; отпустятъ ли на зиму, неизвѣстно. Жена его и дѣтки съ нами; только и развлеченія намъ старикамъ. Желаю тебѣ, ангелъ мой, терпѣнія разбирать мое маранье и охоты утѣшить, порадовать меня опять письмецомъ. Обнимаю, цѣлую тебя съ матернею горячностью въ мысляхъ, поручаю тебя Покрову и Десницѣ Вышняго. На вѣки неизмѣнно приверженная тебѣ душою и сердцемъ, благословляю тебя.

Е. Дараганъ.

Дѣдушка тебя обнимаетъ и благословляетъ. Варенька съ дѣтками тебя цѣлуютъ.

Сейчасъ получила извѣщеніе, что Богъ даровалъ дочь Александринѣ нашей и я намѣрена путешествовать въ Прохоровку [3]) навѣстить моихъ любезныхъ тамъ.

---

[1]) Княгиня Елисавета Михайловна Кантакузенъ. [2]) Александра Михайловна Максимовичъ. [3]) Селеніе Золотоношскаго уѣзда, имѣніе Максимовичей.

5.

Богодуховка 28 января 1841 года.

Поздравляю тебя съ наступившимъ новымъ годомъ, дорогой Володя, молю Всещедраго Отца Небеснаго, да благословитъ тебя всѣми радостями міра сего и да осѣняетъ тебя сила Христа Спасителя въ добродѣтеляхъ, составляющихъ истинное счастіе смертнаго! Ты, ангелъ мой Володичка, не могъ сдѣлать мнѣ лучшаго, пріятнѣйшаго подарка, какъ письмомъ своимъ; я почитаю его доказательствомъ твоихъ чувствъ ко мнѣ. Ты меня извѣстилъ о каждомъ мнѣ любезномъ и родномъ сердцу; благодарю тебя, другъ безцѣнный, за сіе вниманіе: оно отрадно мнѣ; любя тебя неизъяснимо, увѣрена, что и ты тѣхъ любишь, о которыхъ не забылъ извѣстить меня. Давно, очень давно ничего не знала о братѣ и сестрѣ моей; ты, сердечный мой, утѣшилъ, успокоилъ меня, извѣстилъ, что здоровы и помнятъ меня; поклонись имъ отъ насъ, скажи, что сердце и мысли мои часто съ ними,—увѣрена свидѣться съ ними въ вѣчности! Со мной теперь моя несчастная нуждающаяся сестра; обѣ мы цѣлуемъ нашихъ родныхъ по крови и чувствамъ и напоминаемъ о себѣ, желая имъ счастія и благоденствія! О болѣзни старика Кантакузена и Лиза моя мнѣ писала; сильно безпокоится. Жизнь и смерть въ волѣ Создателя нашего; да будетъ назначеніе Его намъ священно! Что бы мнѣ тебѣ сообщить интереснаго, пріятнаго, душечка Володя? Мы живемъ по прежнему тихо и уединенно, скорбимъ, что на дняхъ отпускаемъ нашего добраго Николая въ путь далекій; грустно намъ съ нимъ разставаться, да и онъ грустенъ, оставляя насъ стариковъ и семью свою. Утѣшаетъ себя увѣренностью, что Богъ вездѣ съ нимъ и съ нами; удостоитъ еще свидѣться на сей землѣ. Добрѣйшій нашъ докторъ также уѣзжаетъ въ Варшаву скоро; прискорбно лишиться такого благороднаго человѣка; онъ насъ полюбилъ, и мы его, какъ истинно родного. Сашка наша [1]) съ семействомъ здорова и благополучна, навѣщаетъ насъ, и къ масляной ожидаемъ ее сюда. Вотъ, милый другъ, все, что могу тебѣ сказать о нашемъ тихомъ уголкѣ. Самое скучное время года уже удостоплъ Всеблагій провесть; теперь мечтаю о веснѣ и лѣтѣ, которое обѣщаетъ мнѣ радость обнять мою дорогую Annette и безподобныхъ внучатъ нашихъ. Будетъ, какъ Святому Провидѣнію угодно! Обнимаю тебя, другъ сердца, за себя и дѣдушку; оба мы тебя благословляемъ и молимся за добраго, рѣдкаго

[1]) Максимовичъ.

внука нашего; да услышаны будутъ молитвы недостойной меня, и да будешь блаженствовать на землѣ! Прощай, ангелъ мой, будь здоровъ, будь доволенъ и люби свою старую, тебя неизъяснимо любящую, благословляющую бабушку. Е. Дараганъ.

Nicolas тебя обнимаетъ дружески. Радуется свиданью со всѣми вами.

6.

Богодуховка 7 апрѣля 1842 года.

Виновата, душечка, дорогой мой Володя, что такъ давно тебѣ не писала, и не благодарила за подарокъ твой, привезенный мнѣ Яковомъ. Прости старости и немощи моей, другъ мой; желаніе было каждый разъ, что писала въ Петербургъ, но, написавъ письмо, утомлюсь, и все проходила почта за почтой. Увѣряю тебя, ангелъ милый, что люблю тебя, какъ нельзя больше, цѣню вниманіе твое всѣми преданными и благодарными чувствами,—въ этомъ свидѣтель Богъ Сердцевѣдецъ! Каждый разъ, что беру чистый платокъ, вспоминаю тебя, мой ангелъ; и благодарю мысленно за пріятный ароматъ, которымъ наслаждаюсь по ласкѣ и вниманію твоему. Да благословитъ тебя Творецъ Небесный за каждую ласку твою стократъ. Когда то судитъ намъ Богъ свидѣться? Желала бы еще разъ въ семъ мірѣ обнять тебя, дитя моего сердца. Рара твой обѣщаетъ навѣдаться въ свое здѣшнее имѣніе; рады будемъ его увидѣть. Тебѣ, я полагаю, сообщили, какую непріятность имѣлъ Michel мой; бѣдняжечка теперь безъ вещей и безъ человѣка. Я слыхала, что и ты своего негодяя прогналъ; это неблагодарный народъ: чѣмъ лучше имъ, тѣмъ они хуже; никакого усердія къ господамъ. Бѣда, кто не сроденъ съ ними поступать строго и взыскательно за всякую малость.

Интереснаго для тебя отсюда ничего не имѣю сообщить. Все также тихо, уединенно проводимъ время. Скоро должны разстаться съ нашимъ Nicolas; грустно ему оставлять насъ, старенькихъ и слабыхъ, и намъ тяжко не видѣть его среди насъ,—но нечего дѣлать, должно покориться обстоятельствамъ, пока Богъ дастъ лучше! Желаю тебѣ приближающійся праздникъ Воскресенія Христова провести весело и благополучно, обнимаю тебя съ нѣжнѣйшею любовію, также и дѣдушка. Поручаю тебя Покрову Всемилосердаго Творца. Навсегда вѣрная, благословляющая тебя

Е. Дараганъ.

7.

D. 2-ten Juny 1848.

Gott segne Dich, mein theurestes Kind, für deine liebevolle Theilnahme zu uns alten; wir befinden uns nach dem alten; mein braver Nicolas besuchte uns bald nach deiner Abreise, das heist Freitag, gegen Abend, und heute Abend reist er auch schon wieder fort. Einen Brief an Dir von Наталія Андреевна lege ich Dir hierbey. Mein Sohn Pierre gedachte am 25-ten v. m. aufs Land zu ziehen; dieses schreibt Анна Михайловна, die auch wieder in Petersburg augekommen ist. Lebe wohl, mein theurestes, bestes Kind; ich, wie dein Grossvater, umarmen Dich und erflehen Dir den reichsten Segnen und Wohlergehen; mit zärtlichen mutterlichen Liebe drücke ich Dich an meine Brust aufs ewig deine Dich segnende Grossmutter E. Daragan.

Alle unsrigen umarmen Dich herzlich.

Къ моей звѣздочкѣ.

(Стихотвореніе А. Я. Стороженка).

Блестяща звѣздочка, какъ мило свѣтишь ты
На синемъ небѣ Украины,
Когда роса кропитъ душистые цвѣты
И мракъ нисходитъ на равнины!

* * *

Гляжу восторженный въ безбрежну синеву,
Тамъ звѣздочку мою встрѣчаю,
Бужу прошедшее, грядущее зову,—
Духъ жизни чувствомъ обновляю.

* * *

Надежда черпаетъ тотъ свѣтъ въ лучахъ ея,
Коимъ живится неземное,
И небо синее, родное,
Манитъ подъ сѣнь свою усталаго меня.

1848.

1859 ГОДА МАРТА 21-го. АТТЕСТАТЪ О СЛУЖБѢ ВЛАДИМІРА АНДРЕЕВИЧА СТОРОЖЕНКА.

По Указу Его Императорскаго Величества данъ сей изъ Правленія Императорскаго Харьковскаго Университета, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ казенной печати, бывшему Инспектору Студентовъ Императорскаго Харьковскаго Университета, Камеръ-Юнкеру Двора Его Императорскаго Величества, Коллежскому Совѣтнику Владиміру Андрееву сыну Стороженко въ томъ, что онъ, какъ изъ формулярнаго о службѣ его списка видно: 1) тридцати девяти лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, жалованья получалъ въ годъ 714 р. 80 к., разъѣздныхъ 228 р. 57 к., всего 943 р. 37 к. 2) Происходитъ изъ дворянъ; 3) у родителей Полтавской губерніи въ Золотоношскомъ и Пирятинскомъ уѣздахъ 600 душъ крестьянъ и Высочайше пожалованный маіоратъ въ Польшѣ, у жены родовое Полтавской губерніи Пирятинскаго уѣзда 300 душъ крестьянъ, благопріобрѣтеннаго не имѣетъ. 4) Въ службу вступилъ изъ Камеръ-Пажей Двора Его Императорскаго Величества Прапорщикомъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскій полкъ, имѣя отъ роду тогда восемнадцать лѣтъ, тысяча восемьсотъ тридцать восьмаго года Августа девятаго дня. Прибылъ въ полкъ 1838 г. Сентября 4. Произведенъ въ Подпоручики 1840 года Декабря 6. Произведенъ въ Поручики 1842 года Декабря 6. За смотры, парады, маневры и ученье удостоился, въ числѣ прочихъ, получить Монаршія благоволенія, объявленныя въ Высочайшихъ приказахъ: 1838 г. Октября 15 и 27, Ноября 21, Декабря 20; 1839 года Февраля 18 и 24, Мая 9, Іюня 12, 13 и 14, Іюля 15, 27, 30 и 31, Августа 27; 1840 года Февраля 12, Марта 5, Мая 4, Іюля 3, 17, 25, 28, Сентября 8, 21, Ноября 21, Декабря 14; 1841 года Февраля 18, Апрѣля 14, 29, Іюня 17, 27, Іюля 9 и 25, Августа 2, 7; 1842 года Генваря 9, Апрѣля 29, Мая 6, 12 и Ноября 21. Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ по военному вѣдомству въ 6 день Февраля 1843 года, по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы уволенъ 1843 года Февраля 6 дня. Съ разрѣшенія Начальства, съ 6 Марта 1843 г. по Октябрь 1846 года слушалъ въ Дерптскомъ Университетѣ лекціи по Юридической части, подвергся въ Юридиче-

скомъ Факультетѣ испытанію во всѣхъ къ Юридическому курсу принадлежащихъ предметахъ и выдержалъ оное весьма хорошо, такъ, что его слѣдовало-бы удостоить ученою степенью Кандидата правъ, еслибъ по существующимъ постановленіямъ Университета это было допущено; а потому онъ пользуется, на основаніи Свод. Зак. (изд. 1842 года) т. 3 Уст. о служб. гражд. ст. 86, правомъ при вступленіи въ гражданскую службу быть причисленнымъ къ 1-му разряду Гражданскихъ Чиновниковъ, въ чемъ и выданъ ему Совѣтомъ Университета 7 Іюля 1847 года за № 832 аттестатъ. Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся въ 3 день Октября 1848 года по Гражданскому вѣдомству, опредѣленъ на службу въ 1-й Департаментъ Правительствующаго Сената Младшимъ Помощникомъ Секретаря, съ переименованіемъ въ Титулярные Совѣтники 1848 г. Октября 3 дня. Ордеромъ Г. Оберъ-Прокурора 20 Апрѣля 1849 года за № 1578 поручено исправлять должность Секретаря 1-го Департамента Правительствующаго Сената. Опредѣленъ Старшимъ Помощникомъ Секретаря 1849 года Іюля 7. Опредѣленъ Секретаремъ 1850 года Марта 15. За участіе въ производствѣ торговъ на питейные съ 1851 по 1855 годъ откупа, Всемилостивѣйше пожаловано въ награду 500 рублей серебр. 1850 года Іюля 28. Г. Министромъ Юстиціи былъ командированъ къ Г. Сенатору Тайному Совѣтнику фонъ-Брадке, назначенному по Высочайшему повелѣнію на ревизію Херсонской губерніи, въ качествѣ старшаго чиновника, 1851 года въ Іюнѣ. По окончаніи означенной ревизіи вновь допущенъ къ занятіямъ по должности Секретаря 1-го Департамента Правительствующаго Сената 1852 года Мая 1-го. По ордеру г. Оберъ-Прокурора исправлялъ должность Оберъ-Секретаря 1-го Департамента Правительствующаго Сената со 2 Мая по 16 Сентября 1852 года. Высочайшимъ приказомъ 4 Марта 1853 года № 44 произведенъ за выслугу лѣтъ въ Коллежскіе Ассесоры, со старшинствомъ съ 1852 г. Августа 3. Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Придворной Конторѣ Всемилостивѣйше пожалованъ въ званіе Камеръ-Юнкера Двора Его Императорскаго Величества 1853 г. Апрѣля 19. По ордеру Г. Оберъ-Прокурора исправлялъ должность Оберъ-Секретаря съ 8 Іюля по 5 Августа и съ 30 Ноября по 14 Декабря 1853 года. Высочайшимъ приказомъ, 22 Іюня 1855 года по Морскому вѣдомству о чинахъ Гражданскихъ отданнымъ, перемѣщенъ въ Инспекторскій Департаментъ Морскаго Министерства исправляющимъ должность Начальника Отдѣленія 1855 года Іюня 22. Высочайшимъ приказомъ, 30 Августа 1855 года по Морскому вѣдомству о чинахъ Гражданскихъ отданнымъ, произведенъ, за отличіе по службѣ, въ Надворные Совѣтники, со старшинствомъ съ 1854 года Августа 30. Высочайшимъ приказомъ, 26 Августа 1856 г. по Морскому вѣдомству о чинахъ Гражданскихъ отданнымъ, произведенъ за отличіе по службѣ въ

Коллежскіе Совѣтники, съ утвержденіемъ въ должности Начальника Отдѣленія 1856 года Августа 26. Высочайшимъ приказомъ по Гражданскому вѣдомству 3 августа 1857 года № 151 переведенъ въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ назначеніемъ Инспекторомъ Студентовъ Харьковскаго Университета 1857 года Августа 3. Приказомъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія 1-го Генваря 1859 года № 1 уволенъ отъ должности Инспектора Студентовъ и вовсе отъ службы по прошенію 1859 г. Генваря 1-го дня. 5) Въ походахъ, штрафахъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ. 6) Къ продолженію службы аттестовался всегда способнымъ и достойнымъ. 7) Въ отпускахъ былъ: въ 1839 году на 4 мѣсяца, въ 1841 на 4 мѣсяца, въ 1852 году на 5 дней, въ 1854 году на 3 мѣсяца, изъ оныхъ являлся въ срокъ; въ 1858 году съ Іюня мѣсяца на 28 дней; затѣмъ отпускъ сей Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія отсроченъ до 4 мѣсяцевъ и явился къ мѣсту службы 1-го октября 1858 года. 8) Въ отставкѣ былъ безъ награжденія чиномъ съ 6 февраля 1843 года по 3 Октября 1848. 9) Женатъ на дочери помѣщика Полтавской Губерніи Варварѣ Ананьевнѣ Александровичъ, и 10) Во все время служенія въ Университетѣ онъ, Стороженко, не подвергался ни одному изъ случаевъ, которые-бы лишали его права на полученіе знака отличія безпорочной службы. Харьковъ, Марта 21 дня 1859 года. Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ П. Зиновьевъ. Секретарь Правленія Харьковскаго Университета Титулярный Совѣтникъ Яковъ Гоняховскій.

(М. П.)

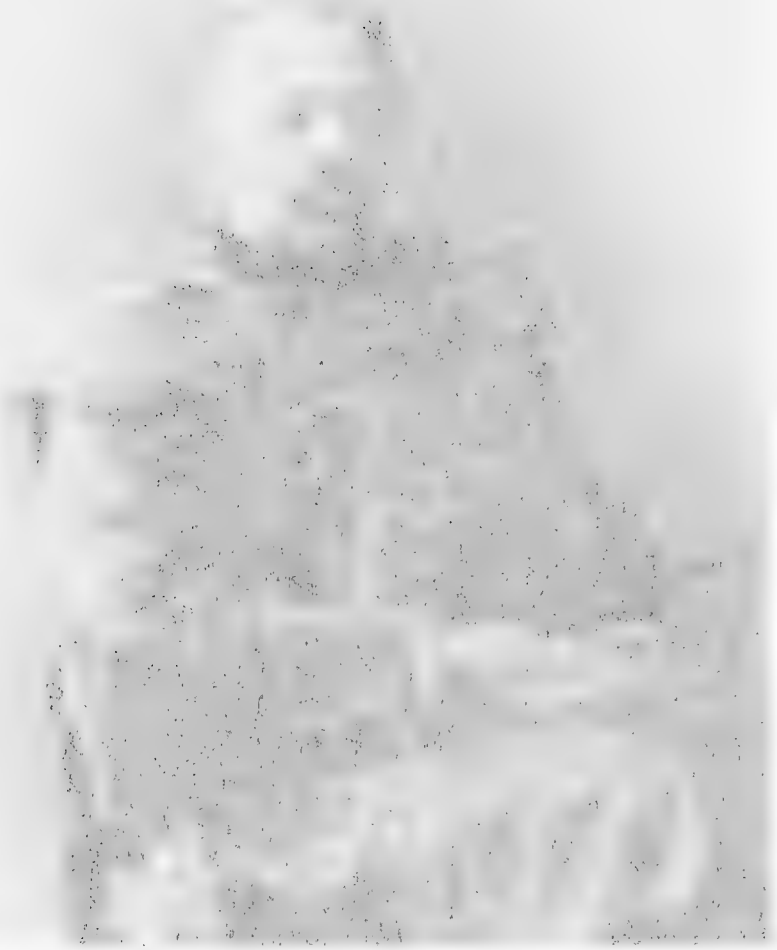
АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

СТОРОЖЕНКО,

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ.

РОДИЛСЯ 23 ОКТЯБРЯ 1850 ГОДА.

иколаевичъ
ндреевича
ицкимъ съ
ь отставку
была Ека-
Григорье-
й въ 1854
нукъ ихъ
скончался
ько. Отъ
Николае-
вской во-
откуда и
ъ прохо-
бригадой
г. въ со-
міра 3-ей
1906 г.
ллеріи, а
вной ар-
нова Те-
ана Вла-
уюся 23
ихъ кру-



Александръ Николаевичъ Стороженко.

(Къ портрету).

Генералъ-маіоръ (съ 15 марта 1904 г.) Александръ Николаевичъ Стороженко происходитъ по прямой линіи отъ Григорія Андреевича Стороженка (Родословника № 13), бывшаго сотникомъ Иваницкимъ съ 7 мая 1770 г. по 30 августа 1781 г., а затѣмъ вышедшаго въ отставку премьеръ-маіоромъ въ 1786 г. Женою Григорія Андреевича была Екатерина Григорьевна, урожденная Бороздна. Сынъ ихъ Павелъ Григорьевичъ (Родословника № 19), родившійся въ 1781 г. и умершій въ 1854 году, былъ женатъ на Ульянѣ Петровнѣ Милорадовичъ. Внукъ ихъ Николай Павловичъ (Родословника № 30) родился въ 1818 г., скончался въ 1892 г. и состоялъ въ бракѣ съ Даріей Яковлевной Манько. Отъ этой четы явился на свѣтъ 23 октября 1850 года Александръ Николаевичъ. Образованіе свое онъ получилъ въ Петровской Полтавской военной гимназіи и въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, откуда и выпущенъ въ офицеры 21 іюля 1870 г. Службу свою онъ проходилъ въ 12, 5 и 9 артиллерійскихъ бригадахъ; съ 12-й бригадой принималъ участіе въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. въ составѣ Рущукскаго отряда. Имѣетъ всѣ ордена до св. Владиміра 3-ей степени включительно. Съ 31 іюля 1903 г. по 23 апрѣля 1906 г. занималъ должность завѣдывающаго ремонтною частью артиллеріи, а въ настоящее время состоитъ командиромъ Кавказской резервной артиллерійской бригады. Женатъ на вдовѣ полковника Доронова Терезіи Константиновнѣ, урожденной Балласъ. Имѣетъ дѣтей: сына Владиміра, родившагося 15 іюля 1894 г., и дочь Дарью, родившуюся 23 февраля 1898 г. Александръ Николаевичъ извѣстенъ въ военныхъ кругахъ, какъ выдающійся знатокъ лошади и коневодства.

Дополненія

къ 1-му тому Фамильнаго Архива.

Къ стр. 298 № XCII. Въ неизданныхъ „Запискахъ“ Дмитрія Ивановича Дарагана поступленіе Владимира Андреевича Стороженка въ Пажескій корпусъ описывается такимъ образомъ:

„Въ 1830 г. поступилъ въ Пажескій Корпусъ совершенно для меня неожиданно мой двоюродный племянникъ Володя Стороженко, тотъ самый, котораго въ дѣтствѣ моемъ я зналъ еще почти ребенкомъ въ Малороссіи, въ Богодуховкѣ. Когда его привели къ намъ въ дортуары въ какомъ-то гимназическомъ сюртучкѣ, пажи приняли его за моего брата и звали меня: „Дараганъ, Дараганъ! ступай скорѣе, привели твоего брата“,—такъ онъ былъ похожъ на меня. Я несказанно обрадовался Володѣ и принялъ его подъ свое покровительство, какъ нѣкогда двоюродный братъ мой Александръ Михайловичъ принялъ меня въ 1826 г. Отецъ Володи, Андрей Яковлевичъ Стороженко, былъ въ свое время очень извѣстенъ, въ особенности въ бытность его министромъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Варшавѣ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ. Онъ былъ женатъ первымъ бракомъ на родной сестрѣ Петра Михайловича Дарагана, а мнѣ двоюродной, отъ которой имѣлъ двухъ дѣтей: Володю и дочь Лизу, впослѣдствіи замужемъ за Ушаковымъ. Вотъ этотъ-то Володя, по ходатайству гр. Витта, начальника южныхъ военныхъ поселеній, у котораго служилъ Андрей Яковлевичъ, и былъ помѣщенъ въ корпусъ и привезенъ въ Петербургъ въ то время, когда онъ оставилъ службу при гр. Виттѣ и находился не у дѣлъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ Андрей Яковлевичъ нанялъ квартиру на Фурштатской и, разумѣется, что я, какъ близкій родственникъ, часто по субботамъ вмѣстѣ съ Володей ходилъ къ нему „со двора“ (это оригинальное выраженіе, существовавшее въ Пажескомъ Корпусѣ, обозначало отпускъ воспитанника изъ заведенія). Андрей Яковлевичъ былъ чрезвычайно умный, ловкій, практическій человѣкъ, и самый пріятный собесѣдникъ по своему веселому нраву, остротѣ ума и широтѣ образова-

нія—по тогдашнему времени. Онъ былъ пріятель Н. И. Греча, Ѳ. В. Булгарина и многихъ малороссійскихъ ученыхъ и литераторовъ. Находясь тогда не у дѣлъ, т. е. свободнымъ отъ всякихъ служебныхъ занятій, и высматривая себѣ новое удобное мѣстечко, онъ на досугѣ занимался писаніемъ статей".

Къ стр. 357—360. Въ настоящее время о Петрѣ Штейнкеллерѣ и его промышленной дѣятельности написаны двѣ монографіи, изданныя въ одной книгѣ подъ заглавіемъ: „Piotr Steinkeller. Dwie monografie przez Henryka Radziszewskiego i Jana Kindelskiego. Nakładem czcicieli pamięci Steinkellera". Warszawa 1905. Къ книгѣ приложенъ прекрасный портретъ Штейнкеллера.

Къ стр. 403—409. Сужденія Андрея Яковлевича о дѣлѣ Польскаго Банка совпадаютъ во многомъ съ мнѣніями новѣйшаго польскаго экономиста, г. Киндельскаго, затронувшаго этотъ вопросъ въ монографіи о Штейнкеллерѣ: „Istniała w tych czasach jakaś solidarność i poczucie potrzeby wzajemnej pomocy przemysłowców względem siebie, Banku i odwrotnie. Było to jakieś bractwo, skupiające się pod sztandarem Banku w celach obrony, w celach pracy, mającej na celu wydźwignięcie kraju z grożącej mu ruiny. Wszyscy znali tę powolność władz Bankowych, które chętnie biegły ze skuteczną pomocą, narażając się na straty częstokroć. Tak też było i w danym razie. Bank, celowo wciągnięty przez Steinkellera w ryzyko strat, bronił się przed niemi. Zachęcany przezeń, widząc ofiarność przemysłowca jak również niewątpliwe korzyści dla kraju z jego projektów, ustępował. Lecz nie był on instytucyą samodzielną. Czynności jego podlegały kontroli wyższych władz Królewstwa, które powodowały się pobudkami zupełnie odmiennej natury od tych, jakiemi on się rządził. To też aby mieć możność usprawiedliwienia się przed niemi, pozostawiał w dokumentach ślady tak swego oporu, jak też i wrzekomego postępu Steinkellera w celu złożenia nań jeżeli nie całej to przynajmniej części winy. Podobny stosunek stwierdza właśnie pożyczka złp. 300 tys. na walcownię w Londynie. Pomimo jednak pogróżek, jakie zawierał list sekretny, Bank nie pozbawiał Steinkellera swego zaufania, owszem do samego końca utrzymał z nim jaknajściślejsze stosunki.

Oto są w głównych zarysach czynniki, które stanowią podłoże wypadków tu omawianych.

Do tego jeszcze dodać należy, iż pobłażliwość władz Bankowych, nakazana przez dawne tradycye, które Bank do końca swego istnienia zachował, stawiały je w rozterce wobec nowych prądów. Co dawniej było cnotą i zasługą—teraz stawało się surowo karanem przestępstwem. To też gołębia ta dobroć zaprowadziła ówczesne władze bankowe na ławę oskarżonych. Proces długo się ciągnął, a następstwem było skazanie prezesa Lubowidzkiego, wice-prezesa Łubieńskiego za nadużycie władzy na przymusowe opuszczenie kraju i osiedlenie w Kurskiej guberni. Lubowidzkiemu na pokrycie strat odebrano emeryturę, Łubieńskiemu zaś zajęto na własność rządu olbrzymie dobra Lubartów, Irena i inne". (Str. 224—225).

Къ стр. 423—429. Генералъ-маіоръ Василій Абрамовичъ Докудовскій разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ", будто бы сдѣланная на этихъ страницахъ характеристика князя Паскевича причинила ея автору много огорченій, такъ какъ, прочитанная по неосторожности пріятелямъ, стала она извѣстна и самому князю. „Ссоры и раздоры у фельдмаршала съ женою продолжаются на прежнемъ основаніи и по тѣмъ же причинамъ"—говоритъ Докудовскій подъ 1847-мъ годомъ; „первый не перестаетъ волочиться, а послѣдняя ревновать. Старикъ крѣпко уже отяжелѣлъ, какъ самъ сознался, бѣгаетъ отъ дѣлъ, какъ отъ чумы, и часъ отъ часу становится болѣе и болѣе раздражительнымъ и нестерпимымъ. Недавно, по донесенію главнаго своего агента, пьянаго гр. Грабовскаго, о какомъ-то небываломъ заговорѣ на его свѣтлѣйшую жизнь, онъ всею тяжестію гнѣва обрушился на любимца своего оберъ-полиціймейстера генералъ-маіора Абрамовича, такъ что послѣдній долженъ былъ подать въ отставку; но гнѣвъ прошелъ, неудовольствіе исчезло и Абрамовичъ взялъ обратно свое прошеніе. За всѣмъ тѣмъ фельдмаршалъ, по увѣренію многихъ, имѣетъ доброе, голубиное сердце, о коемъ самъ говоритъ, что оно врагъ его. Вотъ хоть бы, напримѣръ, исторія съ Стороженкомъ, за которую другой уничтожилъ бы его, а кончилась ничѣмъ. Этотъ дерзкій (?) сановникъ сочинилъ какую то записку о нѣкоторыхъ нашихъ фельдмаршалахъ, умѣ ихъ, военныхъ способностяхъ и проч., и унизилъ, оскорбилъ въ ней фельдмаршала Паскевича. Разумѣется, это доведено было до его свѣдѣнія, потому что Стороженко имѣлъ наглость (?) читать ее нѣкоторымъ лицамъ и Паскевичъ разбѣсился и буквально разругалъ (?) автора такими словами, что Стороженко, не смотря на закаленную свою безчувственность (?) ко всякаго рода униженіямъ, оскорбился и подалъ въ отставку. Но спустя нѣкоторое время, послѣ переговоровъ и объясненій, между ними

водворились миръ и согласіе, а Стороженко, въ воздаяніе имъ претерпѣннаго, получилъ орденъ Бѣлаго Орла, лишившись однако же предсѣдательства въ слѣдственной коммиссіи надъ политическими преступниками, съ 1832 года здѣсь существующей, и то по интригамъ и проискамъ директора канцеляріи дѣйств. стат. сов. Еліашевича, врага Стороженку; на мѣсто же его назначенъ жандармскій новопроизведенный генералъ-маіоръ Іолшинъ. Правду сказать, назначеніе неудачное. Стороженко былъ человѣкомъ опытнымъ для разысканій по политическимъ дѣламъ и имѣлъ вѣрный, острый глазъ, а въ добавокъ и не жестокосердъ. Напротивъ того, Іолшинъ лишенъ всякой опытности, мелоченъ, интриганъ, картежный игрокъ и для своихъ видовъ готовъ предать пыткѣ роднаго отца. Непонятно, какимъ образомъ онъ втерся въ милость къ Паскевичу до такой степени, что въ самое короткое время онъ получилъ аренду, 2.500 руб. сер. единовременно, а потомъ предсѣдательскія кресла съ столовыми по 12 тыс. злотыхъ въ годъ. Увы! Одинъ ли этотъ примѣръ въ Варшавѣ! Найдется ихъ множество; умъ и способности считаются ничѣмъ, а интриги, происки, покровительство окружающихъ— всѣмъ! Какъ не вспомнить здѣсь о генералъ-интендантѣ Тихановскомъ. Самъ фельдмаршалъ говоритъ, что Тихановскій—далеко не генералъ-интендантъ, особенно для военнаго времени, но онъ въ дальнемъ родствѣ съ дежурнымъ генераломъ, который и опредѣлилъ его генералъ-интендантомъ, и поддерживаетъ его, имѣя въ томъ свои виды. А кому неизвѣстенъ кредитъ его превосходительства у фельдмаршала!“ (См. Труды Рязанской ученой архивной комиссіи за 1902 годъ, т. XVII, вып. 2, стр. 72—73). Кстати будетъ отмѣтить здѣсь общій низменный тонъ „Записокъ“ Докудовскаго и частую неумѣстность употребляемыхъ имъ выраженій.

Къ стр. 503. Мы упустили изъ виду упомянуть о грамотѣ князя Іереміи Вишневецкаго Каневскому монастырю отъ 3-го октября 1646 г., въ которой впервые встрѣчается имя Каневскаго войта *Ильи Стороженка.* Она напечатана въ русскомъ переводѣ съ польскаго въ Собраніи сочиненій М. А. Максимовича, т. II, К. 1877, стр. 314, и начинается такъ:

„Іеремія Михаилъ Корыбутъ, князь на Вишневцѣ и Лубнахъ, земель Русскихъ воевода, староста Каневскій.

Чиню вѣдомымъ, кому о томъ знать надлежало бы нынѣ и впредь: что отцовъ монастыря Каневскаго я оставляю при всѣхъ владѣніяхъ, какія они содержали при прежнихъ нашихъ антецессорахъ. Во-первыхъ,

хуторъ, на Студенцѣ лежащій, данный нѣкогда отъ Иліи Стороженка, войта Каневскаго“... и. т. д.

Къ стр. 512. Исправляемъ конецъ Родословника по новѣйшимъ свѣдѣніямъ:

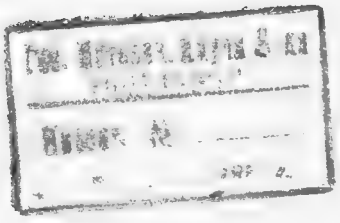
— **Марія Николаевна**, нынѣ по мужу Митрофанова.

47. **Владимиръ Александровичъ**, род. 15 іюля 1894 г. . . . . 41.

— **Дарія Александровна**, род. 23 февраля 1898 г. . . . . 41.

51. **Владимиръ Николаевичъ**, род. 15 октября 1902 г. . . . . 44.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Воспоминаніе объ Андреѣ Яковлевичѣ Стороженкѣ Н. И. Ушакова . . . . . 1—9.

Переписка Андрея Яковлевича съ Владимиромъ Андреевичемъ (1832—1858) . . . . . 10—408.

Письма къ брату Елисаветы Андреевны Стороженко, по мужу Ушаковой, (1834—1858) . . . . . 409—669.

Письма къ Владимиру Андреевичу Николая Ивановича Ушакова . . . . . 670—676.

Дараганы—родня Анны Михайловны Стороженковой, урожденной Дараганъ . . . . . 677—696.

Письма Еввы Яковлевны Дараганъ къ внуку, Владимиру Андреевичу Стороженку . . . . . 697—704.

Стихотвореніе А. Я. Стороженка: „Къ моей звѣздочкѣ“ . . . 705.

Аттестатъ о службѣ Владимира Андреевича Стороженка . 706—708.

Александръ Николаевичъ Стороженко. (Къ портрету) . . . . 709.

Дополненія къ 1-му тому Фамильнаго Архива . . . . . 710—714.

Списокъ портретовъ.

Стр.

1) Владимиръ Андреевичъ Стороженко прапорщикомъ л.-гв. Семеновскаго полка въ 1838 г. . . . . 48.
2) Андрей Яковлевичъ Стороженко. Портретъ 1841 г. . . . 68.
3) Яковъ Александровичъ Стороженко . . . . . 404.
4) Елисавета Андреевна Ушакова, урожденная Стороженко 409.
5) Владимиръ Андреевичъ Стороженко. Портретъ 1847 г. . 526.
6) Николай Ивановичъ Ушаковъ . . . . . 670.
7) Анна Михайловна Стороженко . . . . . 677.
8) Александръ Николаевичъ Стороженко . . . . . 709.